

ЧЕРНАЯ
КНИГА

ЧЕРНАЯ КНИГА

Под редакцией
ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА,
ИЛЬИ ЭРЕНБУРГА

COR
PVS

ЧЕРНАЯ КНИГА

Чёрная книга

о злодейском,
повсеместном
убийстве евреев
немецко-фашистскими
захватчиками
во временно-оккупированных
районах Советского союза
и в Гитлеровских
лагерях принудительного
на территории Польши
во время войны
1941-1945 гг.

ЧЕРНАЯ КНИГА

О ЗЛОДЕЙСКОМ ПОВСЕМЕСТНОМ
УБИЙСТВЕ ЕВРЕЕВ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ
ЗАХВАТЧИКАМИ ВО ВРЕМЕННО
ОККУПИРОВАННЫХ РАЙОНАХ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
И В ГИТЛЕРОВСКИХ ЛАГЕРЯХ
УНИЧТОЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ
ПОЛЬШИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ
1941-1945 ГГ.

Под редакцией
Василия Гроссмана,
Ильи Эренбурга

издательство **АСТ** Москва

Настоящее издание увидело свет благодаря множеству неравнодушных людей, посчитавших, что «Черная книга» должна быть доступна всем и что ее цена не может стать препятствием для читателя, которому важно знать историю своей страны. Средства на публикацию были собраны на сайте PLANETA.RU лишь за три месяца 2014 года.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-49

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Ч-49 Черная книга: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг. / Под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. — М.: АСТ: CORPUS, 2015. — 768 с.

ISBN 978-5-17-085233-8

В 1947 году в Москве должна была выйти книга, подготовленная известнейшими советскими литераторами и журналистами (Мargarитой Алигер, Вениамином Кавериним, Рувимом Фраерманом, Виктором Шкловским и другими) под руководством Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. По замыслу Эренбурга, в этот сборник должны были войти «рассказы спасшихся евреев, свидетелей зверств, немецкие приказы, дневники и показания палачей, записки и дневники укрывшихся. Не акты, не протоколы, а живые рассказы должны показать глубину трагедии». Увы, по политическим причинам публикацию запретили, а многих из тех, кто работал над «Черной книгой», репрессировали.

Почти семьдесят лет спустя в нашей стране наконец выходит этот уникальный сборник. «Мы дали целый ряд человеческих судеб... Это крик человеческой души», — так отзывался Василий Гроссман о страшной и величественной «Черной книге».

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-085233-8

- © В. С. Гроссман, наследники: Екатерина Короткова и Федор Губер
- © И. И. Эренбург, наследники: Фаина Палеева, Александр Козинцев
- © И. Альтман, послесловие, примечания, 2015
- © И. Лемпертас, примечания, 2015
- © Государственный архив Российской Федерации, вставки в текст, фотоматериалы, 2015
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
- © ООО «Издательство АСТ», 2015
- Издательство CORPUS ®

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление к вильнюсскому изданию «Черной книги» (1993). Ирина Эренбург	7
От редакции «Черной книги»	10
Предисловие. Василий Гроссман	12

УКРАИНА

27

БЕЛОРУССИЯ

155

РСФСР

279

ЛИТВА

317

ЛАТВИЯ

465

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ЕДИНЫ

513

ЛАГЕРЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

541

ПАЛАЧИ

681

«Это крик человеческой души». К истории «Черной книги». Илья Альтман	707
От издательства	718
Об авторах	721
Иллюстрации	728
Благодарности	729
Именной указатель	734
Географический указатель	752

ВСТУПЛЕНИЕ

к вильнюсскому изданию “Черной книги” (1993)

История “Черной книги” похожа на историю нашей страны. В ней тоже еще много невыясненных фактов или, как теперь принято говорить, темных пятен. Я расспросила людей, которые принимали в ней участие, прочитала публикации, благо, они сейчас стали у нас появляться, изучала разные архивы, и мне удалось отчасти восстановить запутанную эпопею “Черной книги”.

Во время войны фронтовики присылали Илье Эренбургу огромное количество документов, найденных на освобожденных от оккупантов территориях, рассказывали в своих письмах то, что увидели или услышали. Эренбург решил собрать присланные дневники, предсмертные письма, свидетельские показания, относящиеся к истреблению гитлеровцами евреев, и издать “Черную книгу”. Вместе с писателем В. Гроссманом они взялись за эту работу: нужно было отобрать самый яркий материал, сократить его, объяснить непонятные места. Гроссман и Эренбург привлекли к этой работе ряд писателей и журналистов. Образовалась Литературная комиссия при Еврейском [антифашистском] комитете.

Уже в 1943 году И. Эренбург пишет одному из своих читателей: “Я работаю над “Черной книгой””.

В начале 1944 года в журнале “Знамя” под заголовком “Народоубийцы” появилось несколько отрывков будущей книги. Сборник был завершен, и началась борьба за его издание. В этом же году Эренбург выступает на совещании Литературной комиссии. Судя по стенограмме, он говорил: “Мне было сказано — сделайте книгу, и, если она будет хорошей, она будет напечатана. Так я не понимаю, что значит ‘будет хорошей’, — это не тот роман, содержание которого неизвестно...”

В 1945 году Литературная комиссия прекращает свое существование¹: издание “Черной книги” поручается непосредственно Еврейскому [антифашистскому] комитету, который возглавлял тогда С. Лозовский².

1 Литературная комиссия, которую весной 1945 г. возглавил В. С. Гроссман, не была ликвидирована. Именно она под контролем ЕАК и Совинформбюро готовила к изданию “Черную книгу”. Рабочий аппарат комиссии включал ответственного секретаря — писательницу Р. А. Ковнатор, референта-переводчика М. А. Шамбадала и секретаря Е. М. Богомолец. — *Илья Альтман* (далее — *И. А.*).

2 Председателем ЕАК с февраля 1942 г. и до своей гибели был Соломон Михайлович Михозелс (Вовси, 1890–1948) — народный артист СССР, актер, худрук и главный режиссер Московского государственного еврейского театра. Соломон Абрамович Лозовский (1878–1952) — в годы войны — замнаркома иностранных дел СССР и замдиректора Совинформбюро, курировавшего деятельность Антифашистских комитетов, в том числе ЕАК (по делу которого Лозовский был арестован и казнен 12 августа 1952 г.). — *И. А.*

Эренбург рассылает письма всем членам бывшей Литературной комиссии. Выражая благодарность за помощь, он приписывает: "Я глубоко уверен, что проделанная Вами работа не пропадет для истории".

5 апреля 1945 года¹ Лозовский пишет Эренбургу, что следует издать две книги — одна будет содержать только документы, вторая — подготовленная Гроссманом и Эренбургом.

26 февраля 1946 года новой подготовительной комиссией при Еврейском комитете было вынесено заключение: "Оба переданные на рассмотрения варианта 'Черной книги' не представляют окончательно отредактированных материалов. Комиссия считает, что в представленных очерках излишне много рассказывается о гнусной деятельности предателей родины".

Тем не менее в том же году в Румынии выходит первая часть "Черной книги"², а в Москве Стронгин, редактор издательства еврейской литературы "Дер Эмес", сообщает Гроссману, что он ему посылает оригинал "Черной книги", [подготовленный] для набора. Действительно, финансовый отчет И. Фефера, члена президиума Еврейского антифашистского комитета СССР, подтверждает, что "Черная книга" на русском языке выходит в Москве в издательстве "Дер Эмес" и "находится в производстве".

В 1947 году Эренбург передает в Еврейский музей Вильнюса на временное хранение и для использования два альбома, состоящие из 413 страниц, содержащих материалы "Черной книги"³.

"20 ноября 1948 года, когда закрыли Еврейский антифашистский комитет, рассыпали набор 'Черной книги', забрали гранки и рукопись", — пишет Эренбург в книге "Люди, годы, жизнь". Тогда же из Вильнюса вернули Эренбургу папки с документами.

В 1960 году Исторический музей Вильнюса попросил дать ему на время собранный Эренбургом материал об истреблении фашистами еврейского населения. Через год Эренбург потребовал его вернуть. "Он нужен мне для работы", — писал он музею. Папки возвратили.

В 1965 году в своих письмах Эренбург сообщает: "Ведутся переговоры с АПН об издании 'Черной книги'". Но из этого ничего не вышло.

Рукопись попала в Иерусалим, и только в 1980 году израильское издательство "Гарбут" выпустило "Черную книгу" на русском языке, однако, как сказано в предисловии, некоторых материалов в Израиле не оказалось.

В 1970 году, разбирая архив отца, я обнаружила папки "Черной книги". Зная, что ими интересовался КГБ, я их отдала на хранение разным людям, а в начале восьмидесятых годов переправила в Иерусалим, в "Яд ва-

1 Письмо датировано 5 марта 1945 г. — И. А.

2 Книга вышла в Бухаресте под названием: ILYA EHRENBURG, VASILII GROSSMAN, LEW OZEROW, VLADIMIR LIDIN *Cartea Neagra*. Vol. I. Editura Institutului Roman de Documentare. Книга включала предисловие Василия Гроссмана, разделы "Украина" и "Белоруссия" (с изъятиями нескольких очерков в каждом, включая "Немецко-румынские зверства в Кишиневе"), а также "РСФСР" (издан полностью) и 17 фотоиллюстраций. Дата издания в книге не указана, но, поскольку Гроссман в предисловии ссылается на приговор Нюрнбергского трибунала от 1 октября 1946 г., можно предположить, что книга вышла не ранее 1947 г. — И. А.

3 Переговоры о передаче альбомов начались в конце 1946 года. Документы получены в Вильнюсе 8 декабря. См. фонд И. Г. Эренбурга в "Яд ва-Шем" (АЯВ), Р.21.1/1, л. 2.

Шем” — Институт памяти жертв нацизма и героев Сопротивления, — зная, что их там сохраняют¹.

В январе этого года² один мой знакомый передал мне верстку рассыпанной в 1947 году “Черной книги”, которую некогда подарил ему Гроссман. На ней чьей-то рукой написано: “По исправлению в печать. 14.VI.47” и неразборчивая подпись. По чудом уцелевшей верстке и набрана эта книга.

В своих мемуарах Эренбург писал: “Много сил, времени, сердца я отдал работе над ‘Черной книгой’... Я мечтал издать ‘Черную книгу’”.

Прошло больше сорока пяти лет, и эта мечта сбылась.

Ирина Эренбург

1 Ф. Р. 21.1/8. — И. А.

2 Не позднее 1991 г. — И. А.

“Черная книга” рассказывает о массовом, повсеместном убийстве советских граждан-евреев, организованном и осуществленном немецко-фашистскими властями на территории временно оккупированных районов России, Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы и Эстонии¹.

В некоторых случаях изложение касается судьбы евреев — советских граждан, вывезенных в лагеря уничтожения на территории Польши: Освенцим, Трешлинка, Собибор. Редакция сочла нужным включить в книгу описание этих лагерей, хотя они находились не на территории советских районов, а на территории Польши.

Обреченные на смерть оказали в ряде мест яростное вооруженное сопротивление, причем довольно часто поводом к заранее подготовленным общим восстаниям явилось стремление сорвать вывоз эшелонов в Трешлинский лагерь и другие лагеря уничтожения. По совершенно аналогичным причинам возникло восстание в Варшавском гетто — здесь также поводом к общему, заранее подготовленному восстанию послужил вывоз варшавских евреев в Трешлинку². Поэтому редакция в данном случае также нарушила принцип, ограничивающий описание событий только оккупированной советской территорией, и поместила в книгу очерк о восстании в Варшавском гетто, ибо это восстание ярко характеризует аналогичные события, происшедшие на оккупированной немцами советской территории. Общим вдохновляющим стимулом к восстанию явилась великая Сталинградская победа. Весть о ней, как молния надежды, осветила мрак лагерей и гетто.

Все материалы, вошедшие в “Черную книгу”, следует разбить на три категории.

Первая — письма, дневники, застенографированные рассказы и показания свидетелей, очевидцев, спасшихся от гибели жертв фашистской расправы. Ряд писем принадлежит перу людей, казненных немцами. Письма эти были переданы в редакцию родственниками и знакомыми погибших.

Вторая категория материалов — очерки советских писателей. Очерки написаны на основе показаний, писем, дневников, стенографированных рассказов. Эти материалы были представлены писателям редакцией. Все

- 1 Один из очерков рассказывает о судьбе евреев Кишинева. В книге также представлены свидетельства о судьбе евреев Молдавии, депортированных в Транснистрию (территорию между Бугом и Днестром, находившуюся под контролем румын с 30 августа 1941 г. до середины марта 1944 г.). — *И. А.*
- 2 Истинные причины восстания в Варшавском гетто раскрываются в позднейших работах Б. Марка, И. Кермиша, И. Гутмана и других историков. — *Илья Лемпертас (далее — И. Л.).*

изложенное в очерках находится в соответствии с названными материалами. В некоторых случаях писатели лично беседовали со свидетелями, осматривали места массовых казней, территории гетто и лагерей уничтожения, присутствовали при вскрытии братских могил, при составлении официальных актов и прочем.

Третья категория материалов представлена редакции Государственной чрезвычайной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов¹. Эти материалы состоят из показаний, данных официальному следствию непосредственными исполнителями и организаторами убийств, а также из показаний свидетелей.

Подготавливая к печати "Черную книгу", редакция ставила перед собой следующие цели.

"Черная книга" должна стать памятником над бесчисленными братскими могилами советских людей, замученных и убитых немецкими фашистами.

"Черная книга", документ обвинения фашистских злодеев, рассказывает о самом кровавом преступлении немецко-фашистского государства. Эта книга должна вызвать ненависть и отвращение к звериной идеологии фашизма, должна служить великой жизнеутверждающей идее равенства народов и мира между народами.

["Черная книга" должна явиться материалом для обвинения фашистских злодеев — организаторов и участников убийств миллионов женщин, стариков и детей².]

- 1 Точное ее название: Государственная чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. — *И. А.*
- 2 В квадратных скобках — дополнения верстки "Черной книги" (1947) по иерусалимскому изданию (1980).

I

За годы своего владычества германский фашизм обратил в пустыни целые края и области, разрушил столицы многих европейских государств и сотни городов, сжег десятки тысяч сел и деревень. За годы своего владычества германский фашизм погубил миллионы человеческих жизней. Если окинуть мысленным взором те государства Европы, где господствовали гитлеровцы, и ознакомиться с совершенными там жестокими злодеяниями, если измерить всю огромность разрушений общечеловеческих культурных ценностей, может показаться, что все происшедшее есть акт безумия, следствие умопомрачения. Может показаться, что стихийные силы, силы хаоса, подобные никем не управляемому урагану, царили в эти годы над Европой. Такая мысль невольно приходит в голову. Столь бесчеловечны преступления, настолько бессмысленны и огромны разрушения. Кажется, разум человеческий непричастен к этому, не может быть причастным по самой природе своей. Но, однако, это не так. Смерч, прошедший по Европе, не возник стихийно. Смерч имел своих организаторов. Невиданные человечеством жестокости подкреплялись пространными рассуждениями сторонников расовой теории и теории жизненного пространства германского народа. Эти теории проповедовались и разрабатывались лидерами германского фашизма — Гитлером, Герингом, Розенбергом, Штрейхером, Геббельсом и многими другими. Для обоснования расовой теории были написаны сотни книг, созданы исследовательские институты, организованы кафедры. История новых и древних времен, право, законы экономического развития, история философии и история культуры, религиозные верования, этические, моральные представления человечества были пересмотрены сторонниками расизма. Народы мира теперь знают, что такое расовая теория и теория “жизненного пространства” германского народа, что такое фашистское право, этика, каковы все прочие элементы идеологии фашизма. Обо всем этом свидетельствуют развалины Европы и бесчисленные братские могилы.

Принципы, разработанные нацистскими теоретиками, нашли свое осуществление в германском законодательстве, в деятельности рейхсфюрера СС Гимmlера, его заместителя Кальтенбруннера, наместников оккупированных государств Розенберга, Коха, Франка, Зейс-Инкварта, сотен, тысяч, десятков тысяч чиновников гестапо, офицеров войск СС, руководителей СА, СД¹,

1 СС (*Schutzstaffeln*) — охранные отряды НСДАП. С 1929 г. СС возглавлял Генрих Гимmlер, создавший в рамках СС службу безопасности (*Sicherheitsdienst; SD*) и Службу безопасно-

жандармерии, полицейских батальонов и полков, комендатур, бесчисленных бригаденфюреров, оберштурмбанфюреров, ротенфюреров, обер- и унтершарфюреров, зондерфюреров и прочих.

Массовые убийства, угон в рабство миллионов людей имели свой график, свои нормы, распределялись по срокам квартального и месячного выполнения. Переброски миллионов обреченных на смерть либо на рабство людей требовали соответствующего планирования железнодорожных перевозок. В строительстве газовых камер и крематориев для сожжения трупов участвовали химики, теплотехники, инженеры и техники-строители; эти сооружения проектировались, проекты подвергались обсуждению и утверждались. Техника массовых убийств была разработана по отдельным операциям как обычный производственный процесс. Драгоценности и деньги убитых поступали в государственные фонды; мебель, вещи, одежда, обувь подвергались сортировке, концентрировались на складах, а затем распределялись. Сельскохозяйственные, военные, мыловаренные предприятия получали по соответствующим заявкам и распределяли женские волосы, жир и дробленые кости убитых. Нет, то не был смерч, промчавшийся по Европе. То была теория и практика расизма. То был замысел и его осуществление. То была идея и воплощение идеи. То был чертеж и здание, построенное по этому чертежу.

Лишь упорная, кровопролитная, потребовавшая огромных жертв борьба свободолюбивых народов мира, в первую очередь советского народа, разрушила здание, построенное немецкими фашистами, уничтожила плаху народов, воздвигнутую Гитлером в центре Европы.

Гитлер, его генеральный штаб, его фельдмаршалы и советники считали своими главными, смертельными врагами Красную Армию и советское государство. Гитлер, готовя молниеносный, вероломный удар по Советскому Союзу, мобилизовал военные силы Германии и ее сателлитов, чтобы внезапно нападения и превосходством сил подавить сопротивление Красной Армии.

В смертельном напряжении тяжелой борьбы Красная Армия проявила невиданные миром самоотверженность и мужество. Германской военной технике Красная Армия противопоставила военную технику, созданную молодой советской индустрией. Черным идеям расизма советский народ и его Красная Армия противопоставили идеи советского гуманизма, в которых воспитаны ее бойцы, офицеры и генералы. Тупой стратегии немецко-фашистского командования Красная Армия противопоставила дальновидную, исполненную глубокого понимания движущих сил борьбы, замечательную сталинскую стратегию.

На полях сражений над силами мрака и реакции восторжествовали великие идеи прогресса, демократии, национального равенства и дружбы на-

сти рейхсфюрера СС. На оккупированных территориях СССР отделения СД объединялись с отделениями полиции безопасности под руководством командиров полиции безопасности и СД. Они подчинялись командующим полиции безопасности и СД, которыми руководил шеф полиции безопасности и СД в Берлине. СС и СД приняли самое активное участие в уничтожении евреев. Помимо участия в акциях уничтожения, служащие СД занимались организацией гетто и концлагерей. СД вело розыск и ликвидацию евреев. Международный военный трибунал признал СД и СС преступными организациями. — И. А.

родов, носителем которых был и будет советский народ. Советские люди непримиримо будут бороться со всеми попытками реакционеров и империалистов возродить идеологию и практику фашизма. В этой борьбе их поддержат все честные демократические силы мира.

II

С первых дней своего прихода к власти, да и в период борьбы за власть, нацисты объявили евреев главной причиной всех зол, постигших человечество.

Сторонниками расовой теории были мобилизованы все средства: ложь, бессмысленные дикие наветы, давно изжитые средневековые предрассудки, провокационные доводы изуверской псевдонауки, — словом, весь тот арсенал, которым извечно пользуются реакционеры, мракобесы и политические бандиты, желающие скрыть от народа истинные цели и подлинные причины затеянной ими злодейской игры. Почему реакция во все времена выступала под знаком антисемитизма? Потому, что реакция никогда не выступает в защиту подлинных интересов широких народных масс; потому, что реакция всегда борется за интересы отдельных, привилегированных групп, выступает против интересов народа, против объективных законов развития общества, против правды. В такой борьбе, естественно, нельзя апеллировать к рассудку общества, к чувству справедливости, к законам гуманности, демократии. В такой борьбе, естественно, приходится апеллировать к предрассудкам, лгать, потакать низким инстинктам, обманывать, заниматься самой необузданной демагогией. Поэтому германский фашизм, собираясь ввергнуть в братоубийственную бойню народы Европы, прибег к разжиганию расовой ненависти, к возрождению антисемитских бредней и предрассудков, к обману масс. Это делалось для того, чтобы затемнить сознание народных масс Германии, укрепить их в заблуждении мнимого превосходства над остальными народами мира, прививать им чувства жестокости, высокомерия, презрения к человечеству. Это делалось для того, чтобы расколоть, подорвать идею братства трудящихся всего мира.

Демагогический принцип расового раскола, расовой ненависти, расового превосходства, расовых привилегий был принят Гитлером за основу партийной и государственной политики нацизма. Вершиной расовой пирамиды была объявлена германская раса — “раса господ”. Затем следовали англосаксонские расы, признанные неполноценными, еще ниже оценивались романские. В основании пирамиды находились славяне — “раса рабов”. Евреев фашисты противопоставили всем народам, населяющим землю. Фашизм вменил евреям в вину совершенно фантастические преступления: стремление к мировому могуществу, к закабалению всех народов мира. Фашисты объявили себя защитниками человечества от евреев. Расовые различия, различия крови были объявлены решающими элементами всего исторического процесса. История, с точки зрения гитлеризма, — это история борьбы рас, законы истории приводят к торжеству высшей расы над низшими, к уничтожению и исчезновению низших рас.

Здесь следует напомнить слова Сталина, которые были написаны им на запрос Еврейского телеграфного агентства в Америке:

Национальный и расовый шовинизм есть пережиток человеконенавистнических нравов, свойственных периоду каннибализма. Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма. Антисемитизм выгоден эксплуататорам, как громоотвод, выводящий капитализм из-под удара трудящихся. Антисемитизм опасен для трудящихся, как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути и приводящая их в джунгли. Поэтому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма. В СССР строгойше преследуется антисемитизм как явление глубоко враждебное советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью.

Эти слова были написаны товарищем Сталиным 12 января 1931 года¹, в ту пору, когда немецкие фашисты, готовясь к захвату власти, изо всех сил раздували кадило расовой ненависти. История показала, на чьей стороне правда. Фашисты всегда стремились выделить отношение к евреям в особый раздел своей расовой программы. Всюду и везде, при наступлении на трудящихся, при расправе с интеллигенцией, при расправе с прогрессивными течениями в науке, литературе, искусстве, при погромах, учиняемых в научных учреждениях и университетах, при пересмотре школьных программ фашисты прежде всего подымали шум по поводу евреев. Евреи объявлялись универсальным источником зла везде и всюду — в профсоюзах, в государственных учреждениях, в заводских цехах, в редакциях журналов и газет, в торговле, в философии, в музыке, в адвокатских обществах, в медицинской науке, в железнодорожном транспорте и так далее.

Под флагом борьбы с евреями фашизм громил, уничтожал, выжигал дух сопротивления, дух протеста. На оккупированных немецко-фашистскими войсками территориях постоянно проводилось противопоставление евреев другим национальностям. Для чего это делалось? Расправы эти должны были создать ощущение того, что немецкий фашизм главной целью своей террористической деятельности ставит уничтожение евреев и якобы выводит из-под удара остальные народы.

Фашизм хотел величайшей в истории провокацией скрыть от народов мира свое подлинное лицо. Фашизм хотел зачеркнуть в людском сознании великое понятие “человек”.

В свое время, в 1935 году, Союз национал-социалистических юристов предложил вычеркнуть из германского гражданского кодекса понятие “человек”, заменив его другим понятием, ибо понятие “человек”, по мнению немецко-фашистских юристов, “затушевывает и искажает различия между соплеменником, имперским гражданином, иностранцем, евреем и так далее”.

Но фашизму не удалось зачеркнуть понятие “человек”.

¹ Впервые опубликовано в газете “Правда” № 329 от 30 ноября 1936 г. — И. А.

Последовательность действий немецко-фашистского правительства не оставляет и тени сомнения в том, что убийство миллионов людей постепенно, шаг за шагом, подготавливалось Гитлером и его кликой. 15 сентября 1935 года в Нюрнберге был опубликован за подписью имперского канцлера Гитлера и имперского министра внутренних дел Фрика закон об имперском гражданстве. Второй пункт этого закона гласит: “Имперским гражданином является только тот подданный немецкой или немецкородственной крови, который своим поведением доказывает, что желает и способен верно служить германскому народу и империи”. Этим законом лишались немецкого гражданства немецкие евреи, иностранцы и одновременно все немцы, враждебные гитлеровскому режиму.

В пункте 4 гитлеровской программы говорилось: “Гражданином государства может быть только тот, в чьих жилах течет немецкая кровь. Поэтому евреи не могут принадлежать к немецкому народу”.

Одновременно с законом о германском гражданстве 15 сентября 1935 года был опубликован закон об охране немецкой крови и немецкой чести. Закон этот был издан за подписями канцлера Гитлера, министра внутренних дел Фрика, министра юстиции Гюртнера и заместителя фюрера — Гесса, министра без портфеля. Параграф 1 закона запрещал браки между евреями и германскими подданными немецкой и немецкородственной крови. В параграфе 5 значилось: “Нарушающий запрещение, изложенное в параграфе 1, наказывается каторгой”. В другом параграфе объявлялось: “Евреям запрещено вывешивать имперский и национальный флаг, равно как пользоваться имперскими цветами”.

Далее, как из рога изобилия, посыпались законы, обязательные постановления, разъяснения. Пресса и юридическая печать запестрели такими определениями, как “полный еврей”, “еврей-метис”, “3/4 еврея”, “1/2 еврея”, “1/4 еврея”, “чистокровный немец”, “немецкородственная кровь”. В обязательном постановлении от 14 ноября 1935 года объявлялось лишение евреев права голоса, запрещение евреям занимать публичные должности. После 31 декабря 1935 года все евреи — служащие государственных учреждений объявлялись вышедшими в отставку. У лиц, рожденных от смешанных браков, производилось исчисление процента еврейской крови по восходящей линии предков. Браки предков подвергались исследованию с 1800 года. Подробно обследовались деды, прадеды, прапрадеды лиц, желающих вступить в брак. Последовали новые трудовые запрещения. Евреям-врачам запрещалось лечить “арийцев”. На евреев — работников науки, литературы и искусства обрушились запрещения работать в университетах, печатать книги, читать лекции, выставлять картины, давать концерты.

Это был начальный период законодательных и административных ограничений, период изоляции евреев, изгнания их из всех областей общественной жизни, науки, промышленности.

Но одновременно с этим гитлеровское правительство и нацистская партия все чаще и чаще организовывали и провоцировали открытые акты насилия — погромы, избиения, разграбления магазинов и квартир, убийства. Погромы, волна за волной, прокатились по Германии. Их организаторами

и исполнителями были гестаповцы, штурмовики, активисты нацистской партии.

Одновременно, под прикрытием черного тумана расовой ненависти, демагогических воплей о защите крови, государства и немецкой чести, были разгромлены и уничтожены силы сопротивления немецкого народа, все демократические организации. Десятки тысяч передовых борцов, прогрессивных деятелей были заключены в концентрационные лагеря, казнены по обвинению в государственной измене. Процесс фашизации профсоюзов, государственных и частных учреждений, фашизации науки, искусства, высшей и средней школы, всех без изъятия областей общественной жизни шел параллельно с погромной, антисемитской деятельностью германского правительства.

Никогда, пожалуй, в истории связь реакции с антисемитизмом не выступала так выпукло и конкретно, никогда, пожалуй, не было с такой ясностью видно, что антисемитская кампания поднята для прикрытия общего наступления на права и свободы трудящихся классов Германии.

Второй период нацистской политики по отношению к евреям совпал с началом мировой войны, с вторжением немцев в Польшу, Францию, Норвегию, Бельгию и ряд других европейских стран. Германский империализм перешел к открытому осуществлению своих агрессивных планов. В этот период раскрылись в конкретной форме понятие “жизненного пространства”, понятие “полноценной германской расы”, понятие “расы господ”. Речь шла о мировой гегемонии Германии, о власти германского империализма над всеми народами мира.

Началось наступление на свободу народов. Народы мира должны были убедиться, что германский фашизм полон решимости применить любые террористические средства и не остановиться перед любыми насилиями для осуществления своих целей.

Эта решимость была продемонстрирована.

Немецкий топор был занесен над народами Европы. Верные своей тактике фашисты, готовя втихомолку кровавую расправу с поработенными народами, громогласно объявили жесточайший террор против евреев. Началась новая, невиданных масштабов, провокация. Если первый период преследования евреев напоминал увеличенную во много крат антисемитскую деятельность черносотенцев в царской России, в тяжелые для народа времена реакции, то вновь наступивший этап превзошел самую мрачную пору Средневековья. На территории восточных областей были устроены гетто. В гетто были согнаны миллионы евреев, населявших Польшу. В эти польские гетто немцы начали свозить евреев из Германии, Австрии, Чехословакии. Еврейское население маленьких городков и местечек концентрировалось в больших гетто. В одном Варшавском гетто жило свыше полумиллиона людей. В Лодзинском — около двухсот пятидесяти тысяч¹. Десятки тысяч людей насчитывались в Радомском, Люблинском, Ченстоховском гетто. Вокруг гетто воздвигались каменные стены, в стены было вмазано битое бутылочное стекло; стены были опутаны колючей проволокой, в не-

¹ Из 204800 евреев Лодзинского гетто выжили 7–10 тысяч. См.: *Холокост на территории СССР*. Энциклопедия / Под ред. И. А. Альтмана. 2-е испр. и доп. изд. М.: РОССПЭН, 2011 (далее — *Энциклопедия...*). С. 340. — И. А.

которых местах через проволоку был пропущен ток высокого напряжения. У ворот гетто стояла эсэсовская охрана с пулеметами. Все евреи, жившие в гетто, должны были носить опознавательные знаки — шестиконечную звезду, пришитую к одежде на груди и на спине.

Жизнь миллионов людей потекла в условиях невиданных лишений. Ужасны были страдания от голода и холода. Но не менее ужасны были моральные муки людей, обреченных на полное бесправие, исключенных из общественной и производственной жизни, клейменых каторжным клеймом, поставленных вне всяких законов. Первая же зима в гетто принесла эпидемии, массовые случаи голодной смерти. В ту пору пессимистами считались люди, думавшие, что гетто будут существовать долгое время. Большинство полагало, что гетто — временная, “чрезвычайная мера”, связанная с войной.

Но самые мрачные пессимисты не разгадали действительных замыслов гитлеровцев.

Концентрация людей в гетто лишь предшествовала поголовному истреблению еврейского населения. Это было звено в цепи продуманных мероприятий, еще одна ступень, приближающая миллионы людей к лобному месту. Фашистские оккупанты вновь, уже на захваченных территориях, повторили примененные внутри Германии приемы. Под гром юдофобских барабанов, под шумиху человеконенавистнической клеветы, в ядовитом тумане бессмысленных антисемитских наветов они быстро, методично расправлялись с сотнями тысяч польских интеллигентов и демократических деятелей. Они кричали о расправе с евреями, но одновременно заковали в кандалы народы Польши и Чехословакии. Они печатали в книгах и газетах описания и фотографии Варшавского гетто и незаметно, под шумок, добивали поляков и чехов.

А в это время в тиши берлинских кабинетов подробно и детально разрабатывались планы последнего, заключительного этапа расправы, намечались пункты строительства лагерей уничтожения и фабрик смерти, утверждалась методика массовых убийств, организовывались Гиммлером и Эйхманом айнзацгруппы и команды СД, рассматривались проекты газовых камер и крематориев.

22 июня 1941 года немецко-фашистские войска вторглись в Страну Советов.

Это было высшее усилие фашистской Германии в ее борьбе за мировое господство. Гитлер объявил, что война будет молниеносной, что к концу 1941 года СССР перестанет существовать. Сопrotивление Англии и Америки после разгрома Советского Союза казалось немыслимым. Фашисты полагали, что “блицкриг” вступил в решающую фазу. Никогда расовая пропаганда фашистов не достигала такого масштаба, как в эту пору. Заранее подробнейшим образом инструктированные, вооруженные до зубов эсэсовские банды, айнзацкоманды, айнзацгруппы, отряды СД ждали приказа убивать. В июне 1941 года Гитлер дал этот приказ. Началась невиданная человечеством кровавая расправа над миллионами советских граждан, и в первую очередь над коммунистами, военными комиссарами и евреями.

Эта расправа была звеном в общей цепи террористических мероприятий, которыми немецкие фашисты хотели парализовать волю к сопротивлению свободолюбивого советского народа. Невиданной жестокостью фа-

шисты хотели ошеломить советских людей. Полились потоки крови. Фашисты расправлялись с сотнями и тысячами русских, белорусов, украинцев.

Тайный приказ Гитлера, отданный перед вторжением в Советский Союз, разрешал любые расправы над населением советских сел и городов. Военные суды, соответственно этому приказу, получили инструкции не рассматривать жалоб украинского, русского, белорусского населения на беззакония, чинимые солдатами и офицерами немецкой армии. Грабежи, поджоги, убийства, издевательства, насилия, производимые немцами на советской земле, не считались преступлениями — они творились с разрешения и благословения Гитлера, его фельдмаршалов и генералов. Запылали сотни и тысячи сел и деревень. Целые районы были обращены в “зону пустыни”. В междуречье между Десной и Днепром немцы сровняли с землей почти все деревни. Просторные районы Смоленщины, Орловской области были превращены в необитаемые пустыри. Население этих районов сознательно обрекалось германскими властями на величайшие страдания, на вымирание от голода и зимней стужи. Миллионы людей, потерявших кров, жили в лесах, в землянках, в брошенных блиндажах. Беспрецедентны по жестокости были методы хозяйничанья немцев в селах и городах — труд стал каторгой, проклятием, нависшим над крестьянством: немецкие надсмотрщики, полицейские, сельскохозяйственные фюреры плетью и палками выгоняли на работу крестьян, обрушивали на их головы десятки жесточайших репрессий за малейшие нарушения каторжного режима труда.

Цветущие промышленные районы были опустошены, прекрасные города разрушались; обреченные на голодную смерть горожане хлынули в деревни в поисках пищи. Но и деревни были почти начисто ограблены. В Германию день и ночь шли эшелоны, груженные награбленным зерном, заводским оборудованием, предметами обихода, историческими ценностями, произведениями искусства. Бесконечно жестоки были условия, созданные для пленных красноармейцев; в лагерях гибли от голода и эпидемий тысячи людей, периодически организовывались массовые казни безоружных пленников; при таких расправах — под Вязьмой, в Минске, в районе Холма — гибли сотни тысяч людей.

Всю эту палаческую работу гитлеровцы рассматривали как предварительную подготовку к освоению “восточного пространства”. Уничтожение в ряде мест гражданского населения — русских, белорусов, украинцев — являлось лишь первым шагом к реализации намеченной Гитлером программы сплошного истребления славянских народов. По отношению к евреям фашизм осуществлял свои кровавые замыслы сразу же, повсеместно. Истреблению подвергалось все еврейское население, застигнутое немецкими оккупантами. На казнь выводились все без изъятия. Детей, не умеющих еще ходить, парализованных и больных, дряхлых стариков, не могущих самостоятельно передвигаться, несли к месту казни на простынях, подвозили на грузовиках и на подводах.

Казнь совершалась единообразно в местах, отдаленных друг от друга сотнями, а иногда и тысячами километров. Такое полное единообразие свидетельствовало о заранее разработанной тайной инструкции. Этой инструкции придерживались палачи. Форма и глубина ямы, порядок конвоирования к месту казни, объяснения, которые давались немцами людям, ве-

домым на казнь, часто до последних минут не знаящим своей судьбы, все это было одинаково в тысячах случаев.

Заключение в гетто, тотчас же организованных немцами в оккупированных районах Советского Союза, было кратковременным. Оно непосредственно предшествовало убийству. Гетто было лишь местом сбора приговоренных к смерти. Из гетто удобней было вести на казнь, в гетто легче контролировались все слои населения, в гетто производилось отделение способных к сопротивлению от беспомощных детей и стариков. Лишь в западных районах оккупированной части Советского Союза, в городах Минске, Каунасе, Вильнюсе, Шауляй и других, были устроены гетто, просуществовавшие год-два, в отдельных случаях три. В восточных районах оккупированной части Советского Союза убийство, как правило, совершалось вскоре после того, как в занятый город прибывали немецкие гражданские власти, гестапо, айнзацкоманды СД, жандармерия, полицейские полки и батальоны. Обычно от занятия города до совершения массовой казни проходило около двух — двух с половиной месяцев. Срок этот складывался из нескольких элементов. Прежде всего, восемь-десять дней проходило пока, вслед войскам, не появлялись гестаповцы. Гиены Гимmlера предпочитали не подвергаться опасностям в районах, где военный успех не был прочно закреплен. Затем некоторое время требовалось для развертывания работы гестапо, полиции, комендатуры. Тотчас же после организации карательной и сыскной сети объявлялось о переселении евреев в гетто. Переселение это занимало два-три дня, иногда неделю. Одновременно с переселением немцы тайно вели энергичную подготовку к убийству, выбирали и подготавливали место казни. Иногда братской могилой служили противотанковые рвы, иногда естественные яры, овраги. Но в большинстве случаев производилось отрытие могил. Эти могилы формой и размерами напоминали глубокие траншеи полного профиля. Работу эту производили крестьяне, согнанные из окрестных деревень, военнопленные красноармейцы либо сами же евреи, которых пригоняли на эту работу из гетто. Никому из работавших не приходила в голову мысль об истинном назначении этих рвов; люди предполагали, что дело связано с обычными для военного времени работами. После окончания подготовки задержка в проведении казни происходила обычно лишь в связи с одной причиной: эсэсовские и полицейские полки, айнзацкоманды СД не справлялись с огромным количеством массовых убийств, ибо одновременно обречены были на смерть миллионы детей, женщин, мужчин, стариков.

В некоторых случаях массовые убийства производились в еще более короткие сроки. Достаточно вспомнить Киев, где беспрецедентное по жестокости убийство многих десятков тысяч людей последовало через девять дней после захвата Киева немецкими бандами.

Можно с полной уверенностью сказать, что за всю историю человеческого рода не было совершено преступления, подобного этому. Это было невиданное миром слияние садистского разгула убийц-уголовников с продуманными мероприятиями государственного масштаба. Население оккупированных районов было ошеломлено чудовищностью преступлений. Часто сами жертвы до последней минуты не верили, что их ведут на казнь, настолько чудовищным, нелепым казалось внезапное убийство миллионов невинных.

В “Черной книге” публикуется рассказ немецкого офицера, свидетельствующего о том, как Гиммлер лично проверял, соблюдается ли заранее запланированный темп убийства, и обрушился с угрозами на представителя СС, выполнявшего массовые убийства евреев с некоторым отставанием от плана.

Немцы старались до последней минуты держать обреченных в неведении ждущей их судьбы. Существовала единая, строго продуманная система обмана. Среди обреченных распространялись слухи, что их концентрируют либо для обмена на немецких военнопленных, либо для вывоза на сельскохозяйственные работы, либо для последующей переброски в лагеря, в западные районы оккупированных областей. Часто за день или за два до массовой казни немцы приступали к строительству бань либо других мест общественного пользования в гетто, дабы усыпить всякие подозрения. Людям, которых выводили на казнь, предлагалось запастись теплыми вещами, двухнедельным запасом пищи, хотя им оставалось жить несколько часов. Обреченных на смерть строили в колонны и сообщали фальшивый маршрут следования: им предстоит пройти пешком до ближайшей железнодорожной станции и там сесть в поезд. Когда колонна людей с теплыми вещами и продуктами питания выходила на шоссе, неожиданно менялось направление движения и люди оказывались в лесу, перед вырытыми могилами.

Если обреченных везли на казнь поездом, то они до последней минуты не знали, куда их везут; их уверяли, что поезд доставит их к месту новой работы — в сельском хозяйстве либо на фабрике.

В Треблинском лагере уничтожения был построен фальшивый вокзал с кассами, расписанием поездов и прочим, чтобы высадившиеся из эшелона не могли сразу ориентироваться и понять, что их привезли в глухой тупик. В некоторых случаях людей заставляли перед смертью писать письма родным, это усыпляло беспокойство и подозрения.

Логика такой системы обмана совершенно ясна. Гитлеровцы опасались сопротивления и восстаний.

В восточных районах оккупированных советских областей, где убийства осуществлялись сразу же после прихода оккупантов, такая система обмана гитлеровцам часто удавалась. Люди настолько были далеки от мысли, что все они обречены на казнь, чудовищная расправа заставляла их настолько внезапно, врасплох, что они не успевали организовать сопротивление палачам. Так было в Киеве, Днепропетровске, Мариуполе и в целом ряде городов и местечек на левобережье Украины. На руку гитлеровцам было и то, что боеспособное еврейское население к моменту прихода оккупантов находилось в рядах Красной Армии, а трудоспособные в большинстве эвакуировались с заводами, фабриками, советскими учреждениями. Таким образом, под удар палачей попадали наиболее беспомощные, слабые, неорганизованные: старики, больные, инвалиды, несовершеннолетние либо люди, обремененные большими семьями, состоявшими из нетрудоспособных и больных. Над ними-то, беспомощными и безоружными, и творили свое ужасное палаческое дело вооруженные автоматическим оружием моторизованные полки СС, полицейские полки, команды гестапо, штурмовые и охранные отряды. Ужасающе было несоответствие между силой вооруженных всеми видами военной техники палачей и слабостью

жертв, между силой фашистской орды, заранее разработавшей во всех деталях план убийства, и неподготовленностью тех, кого внезапно с детьми и стариками поставили на край братской могилы.

Но и в этих безнадежных условиях обреченные пытались бороться, сопротивляться, осуществляли акты мести; женщины, защищая детей, бросались на вооруженных эсэсовцев, вступали с ними в борьбу и гибли под ударами штыков, падали, пронзенные пулями. В западных районах, где гетто существовали не дни и недели, а многие месяцы, иногда и годы, борьба евреев с оккупантами принимала организованный характер, приобретала большой размах. Во многих городах создавались подпольные боевые организации. Так было в городах Минске, Вильнюсе, Белостоке, Каунасе и в ряде других. Подпольщики в гетто налаживали связи с организациями Сопротивления за пределами гетто, создавали боевые и диверсионные группы. С величайшими трудностями подпольщики доставляли в гетто винтовки, пистолеты, гранаты, пулеметы. В некоторых случаях внутри гетто налаживалось производство оружия и взрывчатых веществ. Подпольщики гетто принимали участие в диверсиях на заводах и на железных дорогах, организовывали взрывы, поджоги, выводили из строя предприятия, обслуживавшие германскую армию. Во многих случаях подпольщики гетто налаживали контакт с партизанскими отрядами, переправляли туда боевиков, оружие и медикаменты.

Внутри гетто подпольщики устраивали тайные радиостанции, принимали сводки Совинформбюро, выпускали нелегальные листовки, газеты, воззвания, готовили боеспособную часть населения к восстаниям. Евреи, сумевшие уйти из гетто, вливались в партизанские отряды; имеются многочисленные свидетельства об их совместных действиях с партизанами в Белоруссии, Литве, во многих районах Украины, в брянских и смоленских лесах.

Организация подполья в столь нечеловеческих условиях, добыча оружия, налаживание боевых связей требовали огромных усилий, большого времени, опыта, умения.

Борьба с оккупантами в стенах гетто носила самый разнообразный характер.

[Первичной формой протеста можно считать идейную борьбу. Немецко-фашистские власти лишили евреев, запертых в гетто, всех человеческих прав, приравнивали их к животным, обрекли на условия, в которых не мог бы существовать ни домашний скот, ни лесные звери.

Идейным протестом против такого низведения людей на уровень зоологического существования являлась культурная жизнь гетто. В гетто устраивались подпольные лекции, театральные представления, организовывались школы, где учились умиравшие от голода дети. Все это утверждало высокое человеческое достоинство, духовное право угнетенных и униженных оставаться до последнего дыхания своего людьми. В "Черной книге" ряд страниц посвящен описанию подпольной культурной жизни Виленского гетто. Может прийти мысль, что бессмысленно было организовывать школы и лекции для обреченных на смерть. Мысль эта неверна.

Духовная, умственная жизнь, поддерживаемая в этих нечеловеческих условиях культурными людьми, являлась как бы фундаментом, предпосылкой для организации боевого партизанского сопротивления.]

Первичной ступенью сопротивления являлись многочисленные формы саботажа немецких распоряжений, сокрытие и уничтожение ценностей, подлежащих сдаче, сокрытие квалифицированными рабочими своей специальности, могущей быть полезной оккупантам, вредительство на предприятиях — порча станков, оборудования, сырья, продукции.

Примеры такого первичного сопротивления многочисленны. В одном лишь Минском гетто можно назвать буквально тысячи случаев, когда люди, работавшие под наведенными на них дулами фашистских автоматов и винтовок, в обстановке невиданного террора, бесстрашно и упорно, каждодневно и каждодчасно портили и уничтожали оборудование и продукцию на предприятиях. Эта форма сопротивления иногда носила стихийный характер, возникала неорганизованно в результате охватившей широкие массы узников гетто жажды борьбы с немецкими захватчиками.

Естественно, там, где саботажем и диверсиями руководила подпольная организация Сопротивления, эффект и масштаб диверсий необычайно возрастали. Узникам гетто удавалось организовывать поджоги складов, выводить из строя энергетическое хозяйство предприятий, во время погрузочных работ на железных дорогах приводить в негодность моторы танков, механизмы пушек и проч.

Следующей, высшей ступенью являлась подготовка к вооруженной борьбе и, наконец, вооруженное сопротивление, восстание. Подготовка шла различными путями — распространение подпольных листовок и воззваний, вербовка членов боевых отрядов, боевое обучение, изготовление внутри гетто взрывчатых веществ и снаряжение ими ручных гранат, бомб, мин, доставка из-за ограды гетто пистолетов, автоматов, пулеметов, минометов. Вооруженная борьба выражалась в двух формах. Первая форма борьбы: уход в партизаны вооруженных одиночек и организованных групп. Эта форма борьбы практиковалась в Минском, Каунасском и многих других гетто. Сотни людей шли в партизаны. Размах партизанской борьбы был весьма велик. Подпольщики одновременно ухитрялись оказывать постоянную помощь партизанам не только живой, боевой силой, но и медикаментами, одеждой, оружием. Вторая форма борьбы: восстание внутри самого гетто. Обычно эти восстания совпадали с периодом подготовки и осуществления фашистами массовых казней, “акций”.

В “Черной книге” приводятся рассказы о восстаниях в различных гетто и лагерях: Белостокском, Варшавском, Треблинском, Собиборском и других. Описания эти, конечно, не могут дать полной картины вооруженной борьбы. Случаи восстаний исчисляются десятками. Течение и продолжительность восстаний были различны, начиная от однодневной ожесточенной борьбы при помощи ручных гранат и револьверов, как это было в Луцке, и кончая сражениями в районе Кременца, где прорвавшиеся в горы евреи держались много дней. Одним из самых больших и величественных восстаний является восстание в Варшавском гетто. Это восстание превратилось в сорокадневное грандиозное сражение евреев с танковыми, артиллерийскими, пехотными и авиационными частями немцев. Исход всех восстаний в гетто в большинстве случаев одинаков. Восстания кончались гибелью героев. Трагический исход восстаний, заранее известный бойцам, лишь подчеркивает величие борьбы.

К исходу 1943 года немецко-фашистские власти почти целиком закончили повсеместное, поголовное убийство еврейского населения восточных районов оккупированных областей, а к началу 1944 года уже довершалось истребление евреев в западных районах.

Одновременно [с убийствами евреев] немецко-фашистские власти, оставаясь верными своему обычному методу, осуществляли величайшие злодеяния и насилия над русским, украинским, белорусским населением оккупированных советских земель. Были убиты и замучены сотни тысяч военнопленных. Сотни тысяч крестьян, рабочих, интеллигентов, заподозренных в участии в партизанском движении либо в симпатиях к партизанам, подверглись величайшим мукам, пыткам, а затем казни. Появился термин “партизанская деревня”. Таких деревень было много сотен; немцы сжигали их дотла. Четыре миллиона человек, угнанных в рабство, пережили величайшие унижения и страдания, голод, многие из них подвергались побоям и пыткам. Так на этом последнем этапе своего существования германский фашизм снова и снова пытался использовать погромную деятельность для прикрытия террористических мероприятий против народов, населяющих оккупированные районы.

Один из разделов “Черной книги” приводит ряд свидетельств того, как русские, белорусы, украинцы, литовцы оказывали братскую поддержку евреям в самые тяжелые времена разгула расового террора. Разум народа разгадал, для чего затеяли фашисты эту чудовищную, кровавую провокацию. Чистое сердце народа содрогнулось, когда полились реки невинной крови. Старухи-крестьянки и молодые колхозники, рабочие, учителя, врачи, профессора, священники, часто рискуя собственной жизнью и жизнью своих близких (укрывательство евреев приравнивалось оккупантами к укрывательству активных партизан), делали все возможное для спасения обреченных людей. Сотни еврейских детей были спасены русскими, белорусами, украинцами, объявлявшими этих детей своими, укрывавшими их в течение долгих месяцев, а иногда и нескольких лет. Среди черных туч расового безумия, среди ядовитого тумана человеконенавистничества сверкали вечные неугасимые звезды разума, добра, гуманизма. Они вещали гибель страшному царству тьмы, вещали близкий рассвет; фашисты были бессильны погасить, утопить в морях крови силы добра и разума, жившие в душе народа. Лишь моральное отребье, моральные низы общества, подонки человечества, уголовники и садисты вняли преступному погромному зову гитлеровских пропагандистов.

Ныне силы тьмы сокрушены. Армии свободолюбивых народов разгромили черные полчища Гитлера. Беспрецедентный подвиг Красной Армии, прошедшей от Волги до Эльбы, в тяжелых кровавых боях нанесшей смертельное поражение немецко-фашистским войскам, штурмом овладевшей столицей мирового мракобесия и мировой реакции Берлином, на веки веков будет записан на золотых скрижалях человечества. Пока будут существовать люди на земле, не забудется этот подвиг.

Победа над германским фашизмом не есть только военная победа. Это победа сил прогресса над силами реакции. Это победа демократии и человечности, победа идей равенства народов. Поражение фашистской Германии в войне — это не только военное поражение фашизма. Это поражение

идей расового терроризма. Это поражение идеи мирового господства “расы господ” над народами мира.

Пришел день суда, день возмездия.

Перед судом народов в Нюрнберге предстали те, кто планировал, организовал и осуществил преступления против человечества.

Суд развернул перед глазами мира бесконечный свиток чудовищных преступлений. Суд показал, что смерч, бушевавший над Европой, имел своих организаторов, что убийство миллионов было хладнокровно задумано, хладнокровно подготовлено, хладнокровно осуществлено. Суд приговорил к смерти главных организаторов чудовищных преступлений. Этот приговор суда скреплен волей человечества.

Миллионы невинно убитых, чей прах зарыт в землю либо развеян по полям и дорогам, верили в пришествие часа возмездия. В свои последние минуты, стоя на краю братской могилы, переступая порог газовой камеры, приближаясь к костру, обреченные обращали к палачам слова проклятия, напоминали им о неминуемом возмездии.

И возмездие пришло. Торжество справедливости после страшных лет гитлеровского владычества дает нам право с надеждой и верой смотреть в будущее.

Пусть вечно живет в сердце человечества ненависть к страшным идеям расизма. Пусть навечно сохранится память о страданиях и мучительной смерти миллионов убитых детей, женщин, стариков. Пусть святая память замученных будет грозным стражем добра, пусть пепел сожженных стучит в сердца живущих, призывая к братству людей и народов.

ВАС. ГРОССМАН

УКРАИНА

Немецкие войска вступили в Киев 19 сентября 1941 года.

В тот же день в час дня на Бессарабке немцы врываются в магазины и грабили¹. Дворники не выпускали жителей из дворов. Тут же на Бессарабке было задержано несколько евреев. Их избили до крови и увезли на большом грузовике. Неся Эльгорт вернулась с Бессарабки домой (Саксаганского, дом 40) и застала всю свою огромную семью в сборе. Старуха бабка Дина Шмулевна обвела взглядом всех своих детей и, как бы желая сделать их недоступными для врагов, сказала:

— Боже мой, куда мы все денемся?

21 сентября глава семьи Берл Герцович с сестрой Неси — Розой пошли на Сталинку провести свою квартиру. К вечеру Роза вернулась и рассказала, что отца немцы забрали, куда — неизвестно. Неся решила утром пойти на розыски отца.

Она не знала, куда идти. Вместе с сыном Илюшей она пошла к коменданту. Он спросил об одном — к какой национальности она принадлежит. Узнав, что она еврейка, он выгнал ее вон из помещения.

На улице Ленина она видела, как немцы били по ногам мужчин-евреев, заставляя их танцевать. Затем немцы заставили избитых ими людей грузить на машину тяжелые ящики. Люди падали под непосильной ношей. Немцы били их резиновыми дубинками.

22 сентября киевлян разбудил взрыв страшной силы. Со стороны Крещатики тянуло дымом и гарью².

Людей, находившихся в это время на прилегающих к Крещатику улицах, немцы гнали в огонь. Мимо дома на улице Саксаганского, где стояла Неся Эльгорт, пробежал немец. Он взглянул на нее и, показав рукой на шею и — потом в сторону взрывов, прокричал:

— Партизан, юде, капут!

В этот же день на стенах домов появилась расклеенная немцами газета на украинском языке. В ней было сказано, что евреи, коммунисты, комиссары и партизаны будут уничтожены. За каждого выданного партизана или коммуниста была обещана сумма в 200 рублей. Такие газеты висели на Красноармейской и на других улицах города.

Жизнь в Киеве становилась все нестерпимей. Немцы врываются в дома, хватали людей, увозили их куда-то, и люди эти уже больше не возвраща-

1 Курсивом обозначены дополнения верстки “Черной книги” (1947) на основе документов из Государственного архива Российской Федерации.

2 Взрывы домов на Крещатике, где размещались штабы оккупантов и жили немецкие офицеры, произошли 24 сентября. См.: Круглов А. И. *Энциклопедия Холокоста*. Киев, 2000. С. 82. — И. А.

лись. Семья Эльгорт перешла из квартиры в подвал. На долю Неси выпало доставать пищу — у нее не еврейская внешность. Так в подвале прожила семья Эльгорт несколько дней. Дворник Павло Давидченко, знавший о местопребывании семьи, говорил Несе, когда она шла по воду:

— Чего вы там прячетесь, все равно вас будут выселять из Киева.

Между тем он в содружестве с немцами очищал квартиры доверенного ему дома.

Однажды, отправившись на поиски своей свекрови Гитл Эльгорт, ушедшей проведать свою квартиру на Жиланской улице, Несе встретила неожиданно своего отца. Вид его напугал ее. Оказалось, что он с группой евреев, среди которых находился и раввин, был схвачен немцами и брошен в сырой погреб, там над ними издевались. Несколько человек были замучены там, а он, отец Неси, и раввин чудом спаслись. Слезы катились по исхудалым щекам старика.

22 сентября на улицах города, у водонапорных колонок и в садах происходило массовое избиение евреев.

Многие жители Киева, особенно Подола и Слободки, видели, как на второй и третий день немецкого хозяйничанья по Днепру плавали раздутые трупы замученных стариков и детей. В пятницу 26 и субботу 27 сентября евреи, ушедшие в синагогу, не вернулись домой. Киевлянка Евгения Литоценко свидетельствует, что ее соседи старик Шнейдер, Розенблат с женой из синагоги домой не вернулись. Она видела их трупы на Днепре. То же подтверждает гр. Т. Михасева. Синагоги были оцеплены немецкими автоматчиками и полицией. В нескольких местах у Киева днепровскими волнами к берегу прибило мешочки с молитвенными принадлежностями.

Увидев брютета, гестаповцы и агенты украинской полиции требовали предъявления паспорта. Евреев избивали, уводили в полицию или гестапо. Ночью их расстреливали.

На пятый день прихода немцев в Киев В. Либерман, пользуясь тем, что домовая книга была сожжена и был назначен новый управдом, решил выдать себя за караима и переменить свою фамилию — Либерман на Либерманов.

24 сентября он вышел из дому и, пройдя по улице Короленко, свернул на площадь Толстого. К нему подошел мужчина высокого роста в кепи и черном пальто. Он приказал ему остановиться и потребовал паспорт. Либерман отказался показать паспорт незнакомцу. У него паспорта при себе не было: он спрятал его дома. “Я агент украинской политической полиции¹, предъявите ваш паспорт, — сказал раздраженно мужчина. — Я подозреваю, что вы — жид”. Либерман ответил ему: “Я караим по национальности², мой паспорт украден”. Агент полиции приказал ему следовать за собой.

Либерман, проходя по Крещатику, видел, как по улице, часто останавливаясь, ехала машина с огромным рупором и кто-то громовым голосом выкрикивал: “Сообщайте в гестапо и полицию о местопребывании коммунистов, партизан и жидов. Сообщайте!”

Агент полиции привел Либермана в кинотеатр, находившийся на Крещатике, неподалеку от Прорезной улицы. Один гестаповец — высокий жили-

1 Украинская полиция называлась вспомогательной, а не политической. — И. А.

2 Караимы (тюркоязычный народ, исповедующий иудаизм) за некоторым исключением не подвергались репрессиям на оккупированных нацистами территориях. — И. А.

стый солдат — грубо ударил его по спине и втолкнул в фойе театра. Либерман прошел через фойе в зал. В зале сидело свыше трехсот евреев. Большинство из них были седобородые старики. Все они сидели в глубоком молчании. Либерман подсел к одному молодому еврею, и он шепотом сказал ему: “Нас отправят работать на Сырец и там ночью расстреляют”.

Подойдя к разбитому окну фойе театра, Либерман смотрел на людей, проходивших по Крещатику, с тайной надеждой увидеть жену. Случайно заметил он проходившего мимо кинотеатра жильца дома, в котором проживал, и позвал его. Он быстро подошел к окну. Не объясняя причины своего ареста, Либерман просил его передать жене о том, что он задержан и находится в театре.

Вскоре, крадучись, к окну подошла жена Либермана — Валентина Березлева. Пользуясь тем, что в фойе никого не было, Либерман ей сказал: “Валя, я выдаю себя за караима. Возьми подписи у Михайлова, Гончаренко, Пасичного, удостоверяющие, что я караим по национальности. Гестаповцы готовят кровавую расправу над евреями”.

Березлева подошла к гестаповцам и горячо просила освободить мужа, говоря, что она, Валентина Березлева, русская, а он, муж ее, — караим. Один из гестаповцев, не выслушав женщину до конца, изо всей силы толкнул ее. Она упала со ступенек театра и сильно ударилась головой о тротуар. Она пошла домой.

Либерман чувствовал, что каждый прошедший час приближает его и евреев, находившихся в кинотеатре, к смерти. Но случай спас его и их всех. В два часа дня 24 сентября вблизи театра раздался взрыв огромной силы. Либерман выглянул через разбитое окно. По Крещатику бежали обезумевшие, испуганные люди. Мимо пробежала окровавленная женщина, мужчина без руки. Желтые густые клубы дыма стлались по Крещатику. Вслед за первым взрывом раздался второй. Прошло минут 20–30. Гестаповцы с криком “Фойер” (пожар) оставили свой пост у входа в театр и скрылись. Евреи, увидя, что гестаповцы выбежали из театра, разошлись по домам.

Придя домой, Либерман узнал, что жена сожгла его паспорт, все документы, статьи и фотокарточки его родителей. Друзья Либермана — А. К. Михайлов, Д. Л. Пасичный, Ф. И. Гончаренко¹ дали свои подписи, удостоверяющие, что он по национальности караим.

Либерман решил не показываться во дворе и на улице. Жена его замаскировала вход в маленькую кухню, и он целыми днями сидел там, как узник, видя из узкого окна клочок голубого неба.

По вечерам небо окрашивалось багровым отсветом гигантского пожара. Подожженный Крещатик пылал в продолжение шести суток.

27–28 сентября 1941 года, через неделю после прихода немцев в Киев, на стенах городских домов появилось объявление, напечатанное четким шрифтом на украинском и русском языках, на грубой синей бумаге:

Жиды г. Киева и окрестностей! В понедельник 29 сентября к 7 часам утра вам надлежит явиться с вещами, деньгами, документами, ценностями и теплой

¹ Дмитрий Лукич Пасечный (1918–1995) в 1992 г. был удостоен израильского почетного звания “Праведник народов мира”, Феодосия Ильинична Гончаренко (позднее спасшая с дочерьми Раису Динер) — в 1997 г. — И. А.

одеждой на Дорогожицкую улицу, возле еврейского кладбища. За невяку — смертная казнь. За укрывательство жидов — смертная казнь¹.

Подписи под этим страшным приказом, обрекшим на смерть семьдесят тысяч человек, не было.

До 29 сентября продолжались бесчинства гестаповцев на улицах и в домах.

Семидесятипятилетний Герш Абович Гринберг (ул. Володарского, 22), глава большой семьи, насчитывавшей много инженеров, врачей, фармацевтов, педагогов, литераторов, 28 сентября был задержан немцами на Галицком базаре. Его ограбили, раздели и зверски замучили. Жена Гринберга, старуха Теля Осиповна, так и не дождалась его. Она весь день пекла, варила, укладывала вещи, готовясь в дорогу. Через сутки, 29 сентября, она погибла в Бабьем Яру.

Инженера И. Л. Эдельмана, брата известного пианиста, профессора Киевской консерватории А. Л. Эдельмана, немцы схватили на Жилианской улице. Они бросили его вниз головой в бочку, стоявшую возле водосточной трубы.

Б. А. Либман рассказывает об одной еврейской семье, скрывавшейся несколько дней в подвале. Мать с двумя детьми решила уйти в село. Пьяные немцы остановили их на Галицком базаре и учинили над ними жестокую расправу. Они отрубили на глазах у матери голову одному из детей, затем умертвили второго ребенка. Потерявшая рассудок женщина прижала к себе мертвых детей. Гитлеровцы, насладившись вдоволь этим зрелищем, убили и ее. Отец, спешивший к месту гибели своей семьи, был также убит.

За два дня до событий в Бабьем Яру старый музыкант Ефим Борисович Пикус пошел к немецкому коменданту узнать, как быть с его больной невесткой Л. Гр. Пикус: она не была в силах выйти на улицу. Старик домой не вернулся. Через двое суток погибли его сын и невестка.

Многие киевляне знали юриста Циперовича, очень образованного человека, жившего на Пушкинской улице, дом 41. Его с женой расстреляли.

Пианистку Беллу Зиновьевну Гринберг немцы погнали на кладбище вместе с ее двоюродной сестрой Розалией Наумовной Капустиной. Они не вернулись оттуда.

Молодой литератор Марк Чудновский не мог своевременно эвакуироваться из Киева: он был болен. Жена его, русская женщина, не пускала мужа одного на Лукьяновку; она понимала, что ждет его там. “Мы были вместе в дни радости, и теперь я тебя не оставлю”, — сказала она. Они пошли на Лукьяновку вдвоем и погибли вместе.

Профессор Киевской консерватории С. У. Сатановский с семьей был расстрелян фашистами.

¹ Текст двух тысяч объявлений на русском, украинском и немецком языках, расклеенных утром 28 сентября, гласил: “Все жида города Киева и окрестностей должны явиться в понедельник 29 сентября 1941 года к 8 часам утра на угол Мельниковои и Доктериевскои улиц (возле кладбища). Взять с собой документы, деньги и ценные вещи, а также теплую одежду, белье и пр. Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян. Кто из граждан прикинет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян”. Угрозы расстрела за укрывательство евреев приказ не содержал. См.: Левитас И. М. *Бабий Яр. Трагедия, история, память*. Киев, 2011. С. 10. — И. А.

В доме № 36 по улице Саксаганского жил математик и шахматист Анатолий Сандомирский. Он в течение нескольких лет был болен энцефалитом, лежал прикованный к постели. Немцы вынесли его на улицу; на улице он и погиб.

Из дома № 27 по той же улице Саксаганского эсэсовцы выволокли старую парализованную женщину Софью Голдовскую и убили ее. Она была матерью десяти детей.

Старая женщина Сарра Максимовна Эвенсон в дореволюционные времена была организатором политических кружков, пропагандистом, редактировала газету "Вольны" в Житомире. Перу ее принадлежало много статей (под псевдонимом С. Максимов). Она была первой переводчицей Фейхтвангера и ряда других писателей нового времени на русский язык. Она отлично владела западноевропейскими языками и находилась в переписке с видными деятелями культуры и искусства.

Преклонный возраст и болезнь не позволили С. М. Эвенсон своевременно эвакуироваться из Киева. Последние два года она не выходила из дому. Эту женщину, у которой были уже правнуки, гитлеровцы выбросили из окна третьего этажа. Старуха Хана Ицковна Каганова, мать военврача, и Медникова, мать нескольких воинов, были по доносу домовладельца Гонтковского (Тарасовская, 12) зверски замучены немцами. Регина Лазаревна Магат (Горького, дом 10), мать профессора медицины и биологии, погибшего на фронте, была убита немцами. Известный юрист Илья Львович Бабат погиб от немецкой пули вместе с двумя внуками — Полиной и Мальвиной. Стариков, не имевших возможности передвигаться, немцы и дворники-полицай выносили из квартир и клали на тротуары и мостовые. Старики умирали от холода, голода и безучастия окружающих.

Композитор и дирижер Хаим Ямпольский много лет работал в Радиокomitee и оркестре Киевского цирка. Ямпольский — автор оригинальных произведений, главным образом на еврейские и украинские темы, популярны его переработки еврейских народных песен. Он шурин всемирно известного скрипача Мирона Полякина, первый учитель Полякина и первый человек, приобщивший его к музыке. Дети Хаима Ямпольского — музыканты: Вера, Владимир и Елена — пианисты, Герц — скрипач. За старым человеком немцы явились в Радиокomitee. Прямо с репетиции увели его, и больше Ямпольский не возвращался.

Белла Александровна Либман (работает ныне в Киеве секретарем-машинисткой) пишет о погибших — отце своем, зяте и других родственниках:

Жители двора, где мы прожили столько лет, рассказывают, что папа великолепно понимал, зачем собирают евреев, этих вечных мучеников. Он очень плакал, передают, что самые черствые люди не могли спокойно смотреть на него. Ушел он на кладбище с несколькими старыми жителями двора, на глазах которых я выросла.

Я знаю двор по улице Володарского, дом 6, в котором погибло четырнадцать еврейских семейств, в числе которых и моя тетька Софья Шутая с мужем. Осталась в живых русская женщина старуха-няня, выходившая детей тети, ныне воинов Красной Армии. Няня провожала тетю и дядю на кладбище.

В эти же дни погиб, вместе со своей сестрой и племянницей, пользовавшийся европейской известностью профессор бактериологии Моисей Григорьевич Беньяш.

Но все это было лишь подготовкой к массовому убийству. На рассвете 29 сентября киевские евреи с разных концов города медленно двигались по улицам в сторону еврейского кладбища, на Лукьяновку. Многие из них думали, что предстоит переезд в провинциальные города. *Некоторые понимали, что Бабий Яр — это смерть. Поэтому в этот день было так много самоубийств.*

Семьи пекли хлеб на дороге, шили походные вещевые мешки, нанимали подводы, двуколки. Поддерживая друг друга, шли старики и старухи. Матери несли младенцев на руках, везли их в колясочках. Шли люди с мешками, свертками, чемоданами, ящиками. Дети плелись рядом с родителями. Молодежь с собой ничего не брала, а пожилые люди старались взять из дому побольше. Старух, тяжело вздыхающих и бледных, вели под руку внуки. Парализованных и больных родственники несли на носилках, на одеялах, на простынях.

Толпы непрерывным потоком шли по Львовской улице, а на тротуарах стояли немецкие патрули. *Такое множество людей с раннего утра до самой ночи двигалось по мостовой, что трудно было перейти с одной стороны Львовской улицы на другую.* Это шествие смерти продолжалось три дня и три ночи¹. Город притих. На Львовскую улицу, как потоки в реку, вливались толпы с Павловской, Дмитриевской, с улицы Володарского, Некрасовской. За Львовской улицей начинается улица Мельника, а дальше — пустынная дорога, голые холмы, овраги с крутыми склонами — Бабий Яр. По мере приближения к Бабьему Яру нарастал ропот, смешиваясь со стонами и рыданиями.

Под открытым небом была развернута канцелярия, стояли письменные столы. Толпа, ожидавшая у заставы, организованной немцами в конце улицы, не видела этих столов. От толпы каждый раз отделяли по 30–40 человек и вели под конвоем “регистрировать”. У людей отбирали документы и ценности. Документы тут же бросали на землю: свидетели говорят, что площадь покрылась толстым слоем брошенных бумаг, порванных паспортов и профсоюзных билетов. Затем немцы заставляли людей раздеваться догола, всех без исключения — и девушек, и женщин, и детей, и стариков; одежду их собирали, аккуратно складывали. У голых людей — мужчин и женщин — срывали с пальцев кольца. Потом палачи ставили обреченных группами на край глубокого оврага и в упор расстреливали их. Тела падали с обрыва. Маленьких детей стлкали в Яр живыми. Многие, подходя к месту казни, теряли рассудок. *Многие, кого еще не успели погнать, вскоре узнали, что происходит в Бабьем Яру, и готовились к этому. Старики одевались в черное и собирались в домах для молитвы и потом шли на Львовскую улицу.*

Но все же множество киевлян до последней минуты расправы не знали, что делали немцы в Бабьем Яру.

¹ В немецких отчетах расстрел 33771 еврея датирован 29–30 сентября. Расстрелы скрывавшихся продолжались и в начале октября. Всего в Бабьем Яру было убито не менее 40 тысяч евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 405. — И. А.

Одни говорили — трудовая мобилизация, а другие — переселение, третьи заявляли, что немецкое командование договорилось с советской комиссией и предстоит обмен: еврейская семья на одного военнопленного немца.

Молодая русская женщина, жена командира-еврея, сражавшегося в Красной Армии, Тамара Михасева тоже пошла в Бабий Яр, рассчитывая выдать себя за еврейку: ее тоже обменяют и она на советской земле найдет мужа.

Тамара очутилась за изгородью. Сначала она стала в очередь на сдачу вещей, затем в очередь к регистраторам.

Рядом с ней стояли высокая старуха в шляпе, молодая женщина, мальчик и рослый, плечистый мужчина.

Мужчина взял мальчика на руки.

Михасева подошла к ним, спросила:

— Мы еще в этом месяце будем обменены?

Мужчина посмотрел на нее.

— А вы разве еврейка?

— Муж у меня еврей.

Мужчина посмотрел на нее внимательно и сказал:

— Вам следует уйти отсюда, подождите немного, мы уйдем вместе.

Он поднял ребенка, поцеловал его в глаза, простился с женой и тещей. Что-то резкое и повелительное сказал он по-немецки, и патрульный отодвинул доску.

Этот мужчина был обрусевшим немцем, он проводил в Бабий Яр свою жену, сына и мать жены.

Михасева вышла вслед за ним. Со стороны Бабьего Яра слышались лай многих десятков служебных собак, треск автоматов и крики казнимых.

Навстречу двигалась толпа. Вся мостовая была запружена людьми. Гремели радиопупоры: танцевальными мелодиями заглушались крики. На Овручской мужчина, приведший в Бабий Яр свою жену, сына и мать жены, остановился, указал на медленно, торжественно, молча, философски движущуюся толпу и сказал: “Вам жить. Мне — немцу — жить. А их ведут на расстрел”.

Приводим рассказы чудом спасшихся. Неся Эльгорт, проживавшая по улице Саксаганского, дом 40, шла к обрыву, прижимая к голому телу дрожащего сына Илюшу. Все близкие и родные ее затерялись в толпе. С сыном на руках она подошла к самому краю обрыва. В полубеспамятстве она услышала стрельбу, предсмертные крики и упала. Но пули миновали ее. На ней лежали горячие, окровавленные тела. Вокруг грудой, друг на друге, лежали сотни и тысячи убитых. Старики — на детях, детские тельца — на мертвых матерях.

“Мне сейчас трудно осознать, каким образом я выбралась из этого оврага смерти, — вспоминает Неся Эльгорт, — но я выползла, очевидно, инстинкт самосохранения гнал меня. Вечером я очутилась на Подоле, возле меня был мой сын Илюша. Поистине, не могу понять, каким чудом спасся сын. Он как бы сросся со мной и не отрывался от меня ни на секунду. Русская женщина, Мария Григорьевна, фамилии ее я не помню, жительница Подола, приютила меня на одну ночь и утром помогла мне пройти на улицу Саксаганского”.

Вот другой рассказ женщины, спасшейся из Бабьего Яра.
Елена Ефимовна Боромянская-Кныш с ребенком пришла к Бабьему Яру, когда было уже совершенно темно.

По дороге к нам присоединили еще человек сто пятьдесят, даже больше. Никогда не забуду одну девочку лет пятнадцати — Сарру. Трудно описать красоту этой девочки. Мать рвала волосы на себе, кричала душераздирающим голосом: “Убейте нас вместе”. Мать убили прикладом, с девочкой не торопились, пять или шесть немцев раздели ее догола, что было дальше — не знаю, не видела.

С нас сняли верхнюю одежду, забрали все вещи и, отведя вперед метров на пятьдесят, забрали документы, деньги, кольца, серьги. У одного старика начали вырывать золотые зубы. Он сопротивлялся. Тогда немец схватил его за бороду и бросил на землю, клочья бороды остались в руках у немца. Кровь залила старика. Мой ребенок при виде этого заплакал.

— Не веди меня туда, мама, нас убьют, видишь — дедушку убивают.

— Доченька, не кричи, если ты будешь кричать, мы не сможем убежать, и нас убьют, — упрашивала я ребенка.

Она была терпеливым ребенком — шла молча и вся дрожала. Ей было тогда четыре года. Всех раздевали догола. Но так как на мне было старенькое белье, меня оставили в белье.

Около 12 часов ночи раздалась немецкая команда, чтобы мы строились. Я не ждала следующей команды, а тотчас бросила в ров девочку и сама упала на нее. Секунду спустя на меня стали падать трупы. Затем стало тихо. Прошло минут пятнадцать — привели другую партию. Снова раздалась выстрелы, и в яму снова стали падать окровавленные, умирающие и мертвые люди.

Я почувствовала, что моя дочь уже не шевелится. Я привалилась к ней, прикрыла ее своим телом и, сжав руки в кулаки, положила их ребенку под подбородок, чтобы девочка не задохнулась. Моя дочка зашевелилась. Я старалась приподняться, чтобы ее не задавить. Вокруг было очень много крови. Расстрел шел с девяти часов утра. Трупы лежали надо мной и подо мной.

Слышу, кто-то ходит по трупам и ругается по-немецки. Немецкий солдат штыком проверял, не остались ли живые. И вышло так, что немец стоял на мне, и поэтому меня миновал удар штыком.

Когда он ушел, я подняла голову. Вдали слышен был шум. Это немцы ругались из-за вещей — шел дележ.

Я высвободилась, поднялась, взяла на руки дочь — она была без сознания. Я пошла яром. Отойдя на километр, почувствовала — дочь едва дышит. Воды нигде не было. Я смочила ей рот своей слюной. Прошла еще километр, стала собирать росу с травы и увлажнять ею ребенка рот. Понемногу девочка стала приходить в себя.

Я отдохнула и пошла дальше. Переползая по ярам, я дошла до поселка Бабий Яр. Вошла во двор кирпичного завода, забралась в подвал. Четверо суток просидела я там без еды, без одежды.

И я и ребенок стали опухать. Что творилось кругом — я не знала. Где-то строчили пулеметы. На пятые сутки ночью я забралась на чердак одного дома, нашла там сильно поношенную вязаную юбку и две старые блузки. Одну блузку надела на ребенка вместо платья. Я пошла к своей знакомой Литощенко. Она обмерла, увидев меня. Она дала мне юбку, платье и спрятала меня и ре-

бенка. Я больше недели была у нее под замком. Она дала мне немного денег, и я пошла к другой знакомой — Фене Плюйко, также оказавшей мне большую помощь. Муж ее погиб на фронте. У нее на квартире я была месяц. Ее соседи меня не знали. Когда они спрашивали, кто я, Феня говорила: “Сестра мужа из села”. После этого я переселилась к Шкуропадской. У нее я находилась две недели. Но на Подоле меня все знали, и днем выходить из дома я не могла.

Дмитрий Пасичный, спрятавшись за памятником на еврейском кладбище, видел, как немцы расстреливали евреев. Он не мог долго наблюдать это. На обратном пути домой возле университета Пасичный увидел толпу. Долговязый немец приглашал людей войти в здание библиотеки. Пасичный вошел в здание. На полу лежали окровавленные еврей и еврейка. По большому животу еврейки можно было определить, что она беременна. На широком столе, стоявшем посередине комнаты, лежала куча золотых монет и бумажных денег. По углам комнаты стояли красные знамена. Высокий немец подошел к лежавшей на полу еврейке, сильно ударил ее сапогом по животу и на ломаном русском языке закричал: “Вот они, жида и коммунисты, грабят народ. Видите, сколько у них денег”. Эта грубая провокация гестаповцев вызвала чувство презрения у Пасичного, и он быстро вышел из здания библиотеки.

Жена Пасичного, Полина, и ее мать Евгения Абрамовна Шевелева — еврейки. Он спрятал их в шкафу и, желая их спасти, распространил в доме слухи, что они ушли на кладбище. В продолжение месяца Пасичный скрывал свою жену и ее мать. Затем ему удалось перевести их на Львовскую улицу к своим приятелям, где они, прожив несколько месяцев, перешли в домик Покровской церкви на Подоле. Священник этой церкви Глаголев, сын священника, выступавшего в свое время экспертом на процессе Бейлиса, дал возможность жене Пасичного Полине и ее матери Евгении Абрамовне проживать в церковном доме до августа 1942 года, то есть до того момента, когда Пасичный решил увезти их в Каменец-Подольск. Священник Глаголев спас еще ряд евреев, обратившихся к нему за помощью¹.

Киевские евреи были уничтожены немцами. Но ценные еврейские книги из крупных библиотек Киева были аккуратно запакованы и вывезены немцами, чтобы через посредство агентов в нейтральных странах продать их в Америку и таким образом получить валюту. Так был разрешен немцами “еврейский вопрос” в Киеве.

Немцы и полицейские после убийств в Бабьем Яру рыскали в поисках новых жертв. Сотни евреев, которым удалось избежать расстрела в Бабьем Яру, погибли в своих квартирах, в водах Днепра, в оврагах Печерска и Демиевки, были застрелены на улицах города. Немцы подвергали сомнению и тщательному исследованию документы всех людей, похожих на евреев. Заподозренных расстреливали по первому доносу. Немцы рыскали не только по квартирам, они проникали в подземелья, пещеры, взрывали

¹ В 1992 году о. Алексей Александрович Глаголев (1901–1972), его жена Татьяна (1905–1981), дети Магдалина Пальян (Глаголева, 1926–2010), Мария (1928–2010) и Николай (1928–2000) были удостоены звания “Праведник народов мира”. Далее см. очерк об А. Глаголеве. — И. А.

полы, подозрительно замурованные стены, чердаки, дымоходы. *Они хотели выкурить самый дух еврейства, а вместе с тем смыть все следы своих преступлений.*

Несколько ушедших из Бабьего Яра киевских евреев сохранены судьбой, чтобы человечество услышало из их уст свидетельство жертв, правду очевидцев.

Когда спустя два года Красная Армия подошла к Днепру, из Берлина пришел приказ уничтожить трупы, зарытые в Бабьем Яру.

Владимир Давыдов — заключенный Сырецкого лагеря — рассказывает о том, как осенью 1943 года немцы, предчувствуя, что им придется оставить Киев, спешили скрыть следы массовых казней в Бабьем Яру. 18 августа 1943 года немцы отобрали из Сырецкого лагеря триста заключенных и заковали в ножные кандалы. Все в лагере поняли, что предстоит какая-то особо важная работа. Эту группу заключенных сопровождали только офицеры и унтер-офицеры СС. Заключенных вывели из лагеря и перевели в темные бункеры-землянки, окруженные проволокой. Возле бункеров на высоких вышках стояли пулеметы, днем и ночью дежурили немцы. 19 августа заключенных вывели из бункеров и повели под усиленной охраной в Бабий Яр. Там им выдали лопаты. Тогда люди поняли, что им предстоит страшная работа: выкапывать тела людей, расстрелянных немцами в конце сентября 1941 года.

Когда заключенные вскрыли верхний пласт земли, они увидели десятки тысяч трупов. Заключенный Гаевский, увидя груды трупов, сошел с ума. Трупы от долгого лежания под землей срослись, и их приходилось отделять друг от друга баграми. С четырех часов утра до поздней ночи Владимир Давыдов и его товарищи работали в Бабьем Яру. Немцы заставили заключенных сжигать останки. На штабели дров клали две тысячи трупов, затем обливали их нефтью. Гигантские костры горели днем и ночью. Было предано огню свыше семидесяти тысяч тел.

Кости, оставшиеся после сожжения трупов, гитлеровцы заставляли толочь большими трамбовками, смешивать их с песком и разбрасывать в окрестных местах. Шеф гестапо Гиммлер приехал из Берлина инспектировать качество этой страшной работы¹. 28 сентября 1943 года, когда работа подходила к концу, немцы приказали заключенным вновь разжечь печи. Заключенные поняли, что теперь готовится расправа над ними самими. Немцы хотели убить, а затем сжечь в печах последних живых свидетелей. Давыдов в кармане пальто одной мертвой женщины нашел ножницы. Этими ржавыми ножницами он расковал свои кандалы. То же сделали остальные заключенные. На рассвете 29 сентября 1943 года, ровно через два года после массового убийства киевских евреев, Давыдов и его товарищи выбежали из своих землянок и кинулись к кладбищенской стене. Ошеломленные внезапным побегом эсэсовцы не успели сразу открыть огонь из пулеметов. Они убили 280 человек. Но Владимир Давыдов и еще 11 человек успели взобраться на стену и благополучно бежать. Их приютили жители киевских предместьев². Затем Давыдов сумел уехать из Киева и жил в селе Варовичи.

1 Этот факт документально не подтвержден. — И. А.

2 Почти все выжившие были евреями-военнопленными. См.: *Бабий Яр: человек, власть, история*. Кн. 1. Киев, 2004. С. 185. — И. А.

[Не все трупы были сожжены, не все кости перемолоты, — слишком много их было, — и каждый, кто придет в Бабий Яр, даже теперь еще увидит осколки черепов, кости, вперемешку с углями, найдет ботинок со сгнившей человеческой ступней, туфли, галоши, тряпки, платки, детские игрушки, увидит чугунные решетки, выломанные из кладбищенской ограды. Эти решетки служили колосниками печей, на которых складывались для сожжения тела убитых в страшные сентябрьские дни 1941 года.]

**Статья написана на основании
документальных материалов и показаний киевлян.**

Подготовил к печати ЛЕВ ОЗЕРОВ

В Бердичеве до войны жило тридцать тысяч евреев¹ — половина всего населения города. В юго-западных областях — бывшей черте еврейской оседлости — в большом количестве местечек и городов евреи составляли не меньше 60 % к общему населению — больше, чем в Бердичеве. Но почему-то именно Бердичев считался наиболее еврейским городом на Украине. До революции антисемиты и черносотенцы называли его “еврейской столицей”. Немецкие фашисты, изучавшие перед массовым убийством евреев вопрос о расселении евреев на Украине, особенно отмечали Бердичев.

Еврейское население жило дружно с русским и украинским населением города и окрестных сел. За все время существования города в нем не было никаких национальных эксцессов.

Еврейское население работало на заводах: на одном из крупнейших в Советском Союзе кожевенном заводе имени Ильича, на машиностроительном заводе “Прогресс”, на Бердичевском сахарном заводе, в десятках и сотнях кожевенных, портняжных, сапожных, шапочных, металлообрабатывающих предприятий, на картонажных фабриках и в мастерских. Еще до революции бердичевские мастера мягких туфель — “чувяков” — пользовались большой славой, их продукция шла в Ташкент, Самарканд и другие города Средней Азии. Также широко известны были мастера модельной обуви и специалисты по производству цветной бумаги. Тысячи бердичевских евреев работали каменщиками, печниками, плотниками, ювелирами, часовщиками, оптиками, пекарями, парикмахерами, носильщиками, стекольщиками, монтерами, слесарями, водопроводчиками, грузчиками.

В городе имелась многочисленная еврейская интеллигенция: десятки опытных старых врачей — терапевтов, хирургов, специалистов по детским болезням, акушеров, стоматологов; были бактериологи, химики, провизоры, инженеры, техники, бухгалтеры, преподаватели многочисленных техникумов, средних школ, были учительницы иностранных языков, учителя и учительницы музыки, воспитательницы, работавшие в детских яслях, садах, на детских площадках.

Немцы появились в Бердичеве неожиданно: к городу прорвались германские танковые войска. Только треть еврейского населения успела эвакуироваться. Немцы вошли в город в понедельник 7 июля 1941 года в семь часов вечера. Солдаты кричали с машин: “Юде капут!”, махали руками и смеялись; они знали, что в городе осталась большая часть еврейского населения.

1 В 1939 г. в Бердичеве проживало 23266 евреев (37,52 % населения). — И. А.

Трудно воспроизвести душевное состояние двадцати тысяч людей, внезапно объявленных вне закона и лишенных каких бы то ни было человеческих прав; даже страшные законы, установленные немцами по отношению к жителям оккупированных областей, казались евреям недостижимым благом.

Прежде всего на еврейское население была наложена контрибуция. Военный комендант потребовал представить в течение трех дней пятнадцать пар хромовых сапог, шесть персидских ковров и сто тысяч рублей (судя по незначительности этой контрибуции, она явилась актом личного грабежа со стороны военного коменданта). При встрече с немцем евреи обязаны были снимать шапку. Не выполнявших это требование подвергали избиению, заставляли ползать на животе по тротуару, собирать руками мусор, нечистоты с мостовой; старикам отрезали бороды. Столяр Герш Гитерман, бежавший на шестой день оккупации из Бердичева и сумевший перебраться через линию фронта, рассказывает о первых преступлениях немцев по отношению к евреям. Немецкие солдаты выгнали из квартир группу жителей Глинок, Большой Житомирской, Малой Житомирской и Штейновской улиц. Все эти улицы прилегают к Житомирскому шоссе, на котором расположен кожевенный завод. Людей привели в дубильный цех завода и заставили прыгать в огромные ямы, полные едкого дубильного экстракта. Сопrotивлявшихся пристреливали и тела их также кидали в ямы. Немцы, участвовавшие в этой экзекуции, считали ее “шуточной”: они, дескать, дубили еврейскую шкуру. Такая же “шуточная” экзекуция была проделана в Старом городе — часть Бердичева, расположенная между Житомирским шоссе и рекой Гнилопать. Немцы приказали старикам одеться в талес и тфилин и устроить в Старой синагоге богослужение: “молить бога простить грехи, совершенные против немцев”. Дверь синагоги заперли и здание подожгли. Третью “шуточную” экзекуцию немцы произвели возле мельницы. Они схватили несколько десятков женщин, приказали им раздеться и объявили несчастным, что тем, кто переплывет на тот берег, будет дарована жизнь. Река возле мельницы, запруженная каменной плотиной (“треблей”), — очень широка. Большинство женщин утонуло, не достигнув противоположного берега. А тех, кто переплыл на западный берег, заставили тотчас же плыть обратно. Немцы развлекались — они наблюдали, как утопавшие, теряя силы, идут ко дну, они забавлялись этим зрелищем до тех пор, пока не утонули все женщины до единой.

Примером такой же немецкой “шутки” может служить история гибели старика Арона Мизора, по профессии резника, жившего на Белопольской улице.

Немецкий офицер ограбил квартиру Мизора и приказал солдатам унести отобранные им вещи, сам же с двумя солдатами остался развлечься — он нашел нож резника, предназначенный для домашней птицы, и таким образом узнал о профессии Мизора.

— Я хочу посмотреть твою работу, — сказал он и велел солдатам привести трех маленьких детей соседки. — Режь их! — приказал офицер.

Мизор думал, что офицер шутит. Но тот ударил старика кулаком по лицу и повторил:

— Режь!

Жена и невестка стали молить и плакать, тогда офицер сказал:

— Тебе придется зарезать не только детей, но и этих двух женщин.

Мизор упал без сознания на пол.

Офицер взял нож и ударил им старика по лицу. Невестка Мизора Лия Басихес выбежала на улицу, моля встречных спасти стариков. Когда люди вошли в квартиру Мизора, то увидели мертвые тела резника и его старухи-жены в луже крови, — офицер сам показал, как надо действовать ножом.

Население думало, что издевательства и убийства в первые дни происходили не по приказу, и пыталось обращаться с жалобами к немецкому начальству, пыталось просить помощи против самочинных расправ.

Сознание тысяч людей не могло примириться со страшным фактом, что само гитлеровское государство стимулирует, одобряет все эти чудовищные расправы. Нечеловеческая истина, что евреи поставлены вне закона, что пытки, насилия, убийства, поджоги — все это естественно в применении к евреям, не укладывалось в сознании людей. Они приходили в городское управление, к военному коменданту. Представители немецкой власти с бранью и насмешками прогоняли жалобщиков.

Ужас навис над городом. Ужас вошел в каждый дом, он стоял над кроватями спящих, он вставал с солнцем, он ходил ночью по улицам. Тысячи старушечьих и детских сердец замирали, когда в ночи слышался грохот солдатских сапог, громкая немецкая речь. Ужасны были и облачные темные ночи, и ночи полной луны, ужасным стало раннее утро, и светлый полдень, и тихий вечер в родном городе. Так продолжалось пятьдесят дней.

26 августа немецкие власти начали подготовку общей “акции”. По городу были расклеены объявления, предлагавшие всем евреям переселиться в гетто, организуемое в районе Яток — городского базара. Переселявшимся запрещалось брать с собой мебель. Ятки — это самый старый район города, с немощеными улицами, с вечно не просыхающими лужами. Там стоят ветхие хибарки, одноэтажные домики, старые — из осыпающегося кирпича — постройки, во дворах — бурьян, мусор, кучи хлама, навоза.

Три дня продолжалось переселение. Люди, нагруженные узлами, чемоданами, медленно двигались с Белопольской, Махновской, Училищной, Греческой, Пушкинской улиц, с Большой и Малой Юридыки, с Семёновской, Даниловской улиц. Подростки и дети поддерживали дряхлых стариков и больных. Парализованных, безногих несли на одеялах и носилках. Встречный поток двигался из Загребельного района города, находящегося по ту сторону реки Гнилопяти.

В маленьких хибарках сгрудилось по многу десятков людей — матери с грудными детьми, лежащие больные, слепые старики. Клетушки-комнаты были завалены домашними вещами, перинами, подушками, посудой.

Были объявлены законы гетто. Людям запрещалось под страхом сурового наказания выходить за пределы гетто. Покупать продукты на базаре можно было лишь после шести часов вечера, то есть тогда, когда базар пустел и никаких продуктов уже не было.

Никто из переселенных в гетто, однако, не думал, что это переселение является лишь первым шагом к заранее разработанному во всех деталях убийству двадцати тысяч евреев, оставшихся в Бердичеве.

Бердичевский житель, бухгалтер Николай Васильевич Немоловский, посещал в гетто семью своего друга инженера Нужного, работавшего до вой-

ны на заводе “Прогресс”. Немоловский рассказывает, что жена Нужного много плакала и волновалась по поводу того, что сын ее, десятилетний Гаррик, не может продолжать с осени занятия в школе.

Протоиерей бердичевского собора отец Николай и старик священник Гурин все время поддерживали связь с врачами Вурваргом, Барабаном, женщиной-врачом Бланк и другими представителями еврейской интеллигенции. *Они пытались выдать им христианские метрические свидетельства или крестить их.* Немецкие власти объявили архиерею в Житомире, что малейшая попытка спасти евреев будет караться самыми суровыми наказаниями, вплоть до смертной казни.

Бердичевские старики-врачи, как рассказывают священники, жили все время надеждами на возвращение Красной Армии. Одно время их утешала весть, якобы слышанная кем-то по радио, что немецкому правительству передана нота с требованиями прекратить бесчинства в отношении евреев.

Но в это время пленных, пригнанных немцами с Лысой Горы на поле вблизи аэродрома, там, где кончается Бродская улица и начинается мощеная дорога, ведущая в деревню Романовку, заставили копать пять глубоких рвов.

4 сентября, спустя неделю после организации гетто, немцы и предатели-полицейские предложили полутора тысячам молодых людей отправиться на сельскохозяйственные работы. Молодежь собрала узелки с продуктами, хлеб и, простившись с родными, отправилась в путь. В этот же день все они были расстреляны между Лысой Горой и деревней Хажино¹. Палачи умело подготовили казнь, настолько тонко, что никто из обреченных до самых последних минут не подозревал о готовящемся убийстве. Им подробно объясняли, где они будут работать, как их разобьют на группы, когда и где им выдадут лопаты и прочие орудия труда. Им даже намекнули, что по окончании работ каждому будет разрешено взять немного картошки для стариков, оставшихся в гетто.

И те, кто остался в гетто, так и не узнали в недолгие оставшиеся им дни жизни судьбу, постигшую молодых людей.

— Где ваш сын? — спрашивали у того или другого старика.

— Пошел копать картошку, — был обычный ответ.

Этот расстрел молодежи был первым звеном в цепи заранее продуманных мероприятий по убийству бердичевских евреев. Из гетто были изъяты почти все способные к сопротивлению молодые люди.

В Ятках остались главным образом старики, старухи, женщины, школьники, школьницы, младенцы. Так немцы обеспечивали себе полную безнаказанность при проведении общей массовой казни.

Подготовка к “акции” закончилась. Ямы в конце Бродской улицы выкопаны. Немецкий комендант познакомил председателя городского управления Редера (обрусевшего немца, военнопленного Первой мировой войны) и начальника полиции — предателя Королюка — с планом операции. Эти лица — Редер и Королюк — принимали активное участие в организации и осуществлении казни. 14 сентября в Бердичев прибыли части эсэсовского полка и была мобилизована городская полиция². В ночь с 14 на 15 сентя-

¹ Погибли 1303 человека. См.: *Энциклопедия...* С. 77. — И. А.

² Расстрел произведен немецким 45-м резервным полицейским батальоном при участии “штабной роты” Еккельна и украинской полиции. См.: *Энциклопедия...* С. 77. — И. А.

бря район гетто оцепили войска. В четыре часа утра, по сигналу, эсэсовцы и полицейские начали врывать в квартиры, подымать людей, выгонять их на базарную площадь. Многих из тех, кто не мог идти — дряхлых стариков и калек, — палачи убивали тут же, в домах. Страшные вопли женщин, плач детей разбудили весь город. На самых отдаленных улицах люди просыпались, со страхом вслушиваясь в стоны тысяч людей, слившиеся в один потрясающий душу звук.

Вскоре базарная площадь заполнилась. На небольшом холмике стояли Редер и Королюк, окруженные охраной. К ним партиями подводили людей, и они отбирали из каждой партии двух-трех человек известных специалистов. Отобранных отводили в сторону, на ту часть площади, которая прилежала к Большой Житомирской улице.

Обреченных строили в колонны и под усиленной охраной эсэсовцев гнали через Старый город по Бродской улице, по направлению к аэродрому. Прежде чем построить людей в колонны, эсэсовцы и полицейские требовали, чтобы обреченные клали на землю драгоценности и документы.

Земля в том месте, где стояли Редер и Королюк, стала белой от удостоверений, паспортов, справок, профсоюзных билетов.

Отобраны были четыреста человек — среди них старики-врачи: Вурварг, Барабан, Либерман, женщина-врач Бланк, знаменитые в городе ремесленники и мастера [в их числе электро- и радиомонтер Эпельфельд, фотограф Нужный, сапожник Мильмейстер, старик-каменщик Пекелис со своими сыновьями-каменщиками, Михелем и Вульфом], известные своим мастерством портные, сапожники, слесаря, несколько парикмахеров. Отобранным специалистам разрешили взять с собой семьи. Многие из них не смогли отыскать потерявшихся в огромной толпе жен и детей. По свидетельству очевидцев, здесь происходили потрясающие сцены: люди, стараясь перекрыть обезумевшую толпу, выкрикивали имена своих жен и детей, а сотни обреченных матерей протягивали к ним своих сыновей и дочерей, молили признать их своими и этим спасти от смерти.

— Вам все равно не найти в такой толпе своих! — кричали женщины.

Одновременно с пешими колоннами по Бродской улице двигались грузовики: в них везли немощных стариков, малых детей, всех тех, кто не мог пройти пешком четыре километра, отделяющие Ятки от места казни. Картина этого движения тысячных толп женщин, детей, старух, стариков была столь ужасна, что и поныне очевидцы, рассказывая и вспоминая, бледнеют и плачут. Жена священника Гурина, живущая в доме, расположенном на той самой улице, по которой гнали на казнь, увидев эти тысячи женщин и детей, взывавших о помощи, узнав среди них десятки своих знакомых, помешалась и в течение нескольких месяцев находилась в состоянии душевного потрясения.

Но одновременно находились темные, преступные люди, извлекавшие материальные выгоды из великого несчастья, жадные до наживы, готовые обогатиться за счет жертв немцев. Полицейские, члены их семей, любовницы немецких солдат, прочие темные люди бросались в опустевшие квартиры грабить. На глазах живых мертвецов тащили они платья, подушки, перины; некоторые проходили сквозь оцепление и снимали платки, вязаные, шерстяные кофточка с женщин и девушек, ждущих казни. А в это время голова колонны подошла к аэродрому.

Полупьяные эсэсовцы подвели первую партию в сорок человек к краю ямы. Раздались первые автоматные очереди. Место казни было устроено в 50–60 метрах от дороги, по которой проводили обреченных. Тысячи глаз видели, как падают убитые старики и дети. Затем новые партии гнали к аэродромным ангарам, там ожидали они своей очереди.

От аэродромных ангаров вели группами по сорок человек. Надо было пройти около трехсот метров по неровному кочковатому полю. Пока эсэсовцы убивали одну партию, вторая, уже сняв верхнюю одежду, ожидала очереди в нескольких десятках метров от ям, а третью партию выводили в это время из-за ангаров.

Хотя подавляющее большинство убитых в этот день людей были немощные старики, дети, женщины с младенцами на руках, эсэсовцы, однако, боялись их сопротивления. Убийство было организовано таким образом, что на самом месте казни было больше палачей с автоматами, чем безоружных жертв.

Весь день длилось это чудовищное избиение невинных и беспомощных, весь день лилась кровь. Ямы были полны крови, глинистая почва не впитывала ее, кровь выступала за края, огромными лужами стояла на земле, текла ручейками, скапливалась в низменных местах. Раненые, падая в ямы, гибли не от выстрелов эсэсовцев, а захлебывались, тонули в крови, наполнявшей ямы. Сапоги палачей промокли от крови, жертвы подходили к могиле по крови. Весь день безумные крики убиваемых стояли в воздухе, крестьяне окрестных хуторов бежали из своих домов, чтобы не слышать воплей, которых не может выдержать человеческое сердце. Весь день люди, бесконечной колонной проходившие мимо места казни, видели своих матерей, сестер, детей уже стоящими на краю ямы, к которой судьба сулила им подойти через час или два. И весь день воздух оглашали слова прощания.

— Прощайте! Прощайте, скоро мы встретимся! — кричали с шоссе.

— Прощайте! — отвечали те, что стояли над ямой.

Страшные вопли оглашали воздух; выкрикивались родные имена, раздавались последние напутствия.

Старики громко молились, не теряя веру в бога даже в эти часы, отмеченные властью дьявола.

В этот день, 15 сентября 1941 года, на поле вблизи бердичевского аэродрома были убиты двенадцать тысяч человек. Подавляющее большинство убитых — это женщины, девушки, дети, старики и старухи¹.

Все пять ям были полны до края — пришлось наваливать холмы земли, чтобы прикрыть тела. Земля шевелилась, судорожно дышала. Ночью многие из недобитых выползли из-под могильных холмов. Свежий воздух проник через разворошенную землю в верхние слои лежавших и придал силы тем, кто был только ранен, в ком сердце еще продолжало биться, вернул сознание лежавшим в беспамятстве. Они расползлись по полю, инстинктивно стараясь отползти подальше от ям; большинство из них, теряя силы, истекая кровью, умирали тут же на поле, в нескольких десятках саженей от места казни.

1 Среди них — мать Василия Гроссмана, Екатерина Савельевна. — И. А.

Крестьяне, ехавшие на рассвете из Романовки в город, увидели все поле, усеянное трупами. Утром немцы и полиция убрали тела, добили тех, кто еще дышал, и вновь закопали их.

Трижды за короткое время земля на могилах раскрывалась, вздымаемая давлением изнутри, и кровавая жидкость выступала через края ям, разливалась по полю. Трижды сгоняли немцы крестьян, заставляли их наваливать новые холмы на огромные могилы.

Есть сведения о двух детях, стоявших на краю этих могил и чудом спасшихся.

Один из них — десятилетний сын инженера Нужного, Гарик. Отец его, мать и младшая шестилетняя сестра были казнены. Когда Гарик вместе с матерью и сестренкой подошел к краю ямы, мать, желая спасти сына, закричала:

— Этот мальчик русский, он сын моей соседки!

Голоса других обреченных поддержали ее.

Эсэсовец оттолкнул мальчика. До темноты он пролежал в кустах у дороги, а затем пошел в город на Белопольскую улицу, в дом, где прожил свою маленькую жизнь.

Он вошел в квартиру Николая Васильевича Немоловского, товарища отца, и, едва увидев знакомые лица, упал в припадке, захлебываясь слезами.

Он рассказал, как были убиты его отец, мать, сестра, как мать и незнакомые люди, из которых уже ни одного нет в живых, спасли его. Всю ночь рыдал он, вскакивая с постели, порывался вернуться к месту казни.

Десять дней скрывали его Немоловские. На десятый день Немоловский узнал, что среди четырехсот ремесленников и мастеров-специалистов оставлен в живых брат инженера Нужного. Он пошел в фотографию, где работал Нужный, и сообщил, что племянник его жив.

Нужный ночью пришел повидаться с мальчиком. Когда Немоловский описывал пишущему эти строки встречу Нужного, потерявшего всю свою семью, с племянником, — он разрыдался и сказал:

— Это нельзя рассказать.

Через несколько дней Нужный пришел за племянником и забрал его к себе. Судьба их обоих трагична — при следующем расстреле были казнены дядя и племянник.

Вторым ушедшим от места расстрела был десятилетний Хаим Ройтман. На его глазах были убиты отец, мать и младший братик Боря. Когда немец поднял автомат, Хаим, стоя на краю ямы, сказал ему: “Смотрите, часики!” — и указал на блестящее неподалеку стеклышко. Немец наклонился, чтобы поднять часы, мальчик бросился бежать. Пули немецкого автомата продырявили ему картузик, но мальчик не был ранен — он бежал до тех пор, пока не упал без памяти. Его спас, спрятал и усыновил Герасим Прокофьевич Остапчук. Таким образом, он, пожалуй, единственный из тех, кто приведен был на расстрел 15 сентября 1941 года, но остался в живых до прихода Красной Армии.

После этого массового расстрела евреи, бежавшие из города в деревни, и жители окрестных местечек, где происходило в это время поголовное избиение еврейского населения, пришли спасаться в опустевшее гетто. Кто-то убедил их, что здесь, на специально отведенных для евреев улицах,

они избегают смерти. Но вскоре снова пришли туда немцы и полицейские, и начались новые кровавые бесчинства.

Маленьким детям разбивали головы о камни мостовой, женщинам отрезали груди. Свидетелем этого избиения был пятнадцатилетний Лева Мильмейстер; он бежал от места расстрела, раненный в ногу немецкой пулей.

В конце октября 1941 года начались облавы на тех, кто тайно проживал в запретных для евреев районах города. В этих облавах участвовали не только немцы и полицейские, им помогали доносчики-черносотенцы. К 3 ноября в древний монастырь монашеского ордена босых кармелитов, стоящий над обрывистым берегом реки и окруженный высокой и толстой крепостной стеной, были согнаны две тысячи человек. Сюда же были приведены те четверста специалистов со своими семьями, которых Редер и Королук отобрали во время расстрела 15 сентября 1941 года. 3 ноября согнанным в монастырь людям было предложено сложить на пол, в специально очерченный круг, имеющиеся при себе драгоценности и деньги. Немецкий офицер объявил, что утаивших ценности не расстреляют, — они будут заживо закопаны в землю.

После этого стали выводить партиями по сто пятьдесят человек на расстрел. Людей строили парами и грузили на машины. Сперва были выведены мужчины, около восьмисот человек, затем женщины и дети. Некоторые заключенные в монастырь, после страшных избиений, мучений, голода и жажды, после четырех месяцев немецкого палачества, после потери близких, были настолько душевно убиты, что шли на смерть, как на избавление. Люди становились в смертный черед, не стараясь на лишний час или два отсрочить миг смерти.

Какой-то человек, пробившись к выходу, кричал:

— Евреи, пустите меня вперед, пять минут — и готово, чего же бояться?

В этот день были расстреляны две тысячи человек, среди них доктор Вурварг, Барабан, зубной врач Бланк, доктор Либерман, семья зубного врача Рубинштейна. Этот расстрел был произведен за городом в районе совхоза Сакулино.

При новом расстреле снова были отобраны уже у самых ям сто пятьдесят лучших ремесленников-специалистов.

Их поселили в лагере на Лысой Горе. Постепенно в этот лагерь были собраны лучшие специалисты, приведенные из других районов. Всего в лагере осталось около пятисот человек¹.

27 апреля 1942 года были расстреляны зарегистрированные и жившие в городе еврейки, находившиеся в браке с русскими, а также дети, рожденные от смешанных браков. Их оказалось около семидесяти.

Лагерь на Лысой Горе существовал до июня 1942 года. 15 июня, на рассвете, последних ремесленников и членов их семей, еще находившихся в лагере, немцы расстреляли из пулеметов, а лагерь закрыли². И опять, у места казни, немцы и полицейские отобрали шестьдесят человек лучших из лучших специалистов — портных, сапожников, монтеров, каменщиков, заключили их в тюрьму и заставили работать на личные нужды сотрудников СД и украинской полиции.

1 В июне 1942 г. в лагере оказалось более тысячи евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 77. — И. А.

2 Расстрел произведен 16 июля 1942 г. См.: *Энциклопедия...* С. 77. — И. А.

Судьба этих последних шестидесяти евреев, оставшихся в живых, была решена несколько позже. Они были расстреляны немцами во время первого наступления Красной Армии на Житомир. При этом расстреле погиб известный всему городу старик монтер Эпельфельд. Так, действуя по разработанному плану, гитлеровцы казнили двадцатитысячное еврейское население Бердичева — от дряхлых стариков до новорожденных младенцев.

Пережили оккупацию лишь десять-пятнадцать человек из двадцати тысяч¹. Среди спасшихся — упомянутые выше пятнадцатилетний Лева Мильмейстер, десятилетний Хаим Ройтман, братья Вульф и Михель Пекелис, сыновья бердичевского каменщика и печника².

В заключение приведем несколько строк из красноармейской газеты “За честь Родины”, напечатанных 13 января 1944 года.

Одной из первых ворвалась в Бердичев рота гвардии старшего лейтенанта Башкатова. В этой роте служил рядовым Исаак Шпеер, уроженец Бердичева. Он убил трех немцев-автоматчиков, пока дошел до Белопольской улицы. Красноармеец с замиранием сердца оглядывался вокруг. Перед ним лежали развалины с детства знакомой улицы. Вышли на улицу Шевченко. Вот и родительский дом. Целы стены, цела крыша и ставни. Здесь Шпеер узнал от соседей, что немцы убили его отца, мать, сестру, маленьких Борю и Дору.

На Лысой Горе еще держались немцы. Утром бойцы по льду перешли через Гнилопять, пошли на штурм Лысой Горы. В первых рядах шел Исаак Шпеер. Он дополз до немецкого пулемета и гранатами убил двух пулеметчиков. Осколком мины Шпееру раздробило ногу, но он остался в строю. Шпеер застрелил еще одного немца и умер, пронзенный разрывной пулей, на Лысой Горе, где немцы убили его мать. Рядовой Исаак Шпеер похоронен в родном городе на Белопольской улице.

4 декабря 1944 г.

Автор — ВАС. ГРОССМАН

- 1 Всего в городе погибло около 17 тысяч евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 77. — И. А.
- 2 Подробности о спасении братьев Пекелис приведены в сборнике Ильи Эренбурга “Народоубийцы” (т. II, с. 129): “Их семью знали в городе — они были известные печники: отец и пять сыновей. Строили дома в Бердичеве, заводы в Киеве, работали на строительстве Московского метро. Михлу и Вульфу удалось убежать из гетто. Они клали окрестным крестьянам добротные красивые печи, за которыми и укрывались. Как-то братьям удалось выкопать яму под одним из немецких учреждений по улице Свердлова. Там они просидели 145 дней. Кормил их русский инженер Евгений Осипович. Позднее братья ушли в леса, нашли партизан и участвовали в освобождении Бердичева”. — И. А.

Тот, кто проходил по высокой насыпи железной дороги возле города Тальное, мог увидеть на отлогом пригорке, в стороне от города одинокое здание боен. Здесь завершилась трагедия города Тальное — убийство немцами многих тысяч неповинных людей. Тальное, город Киевской области¹, больше чем наполовину населяли евреи²; от всего этого еврейского населения остался в живых один человек, мясник на городских бойнях Юлин.

19 сентября 1941 года немецкий комендант города Тальное издал приказ о регистрации проживающих в городе евреев. Когда евреи собрались на площади перед зданием комендатуры, им было объявлено, что несколькими партиями они будут отправлены в Умань. Старики, не способные к работе, были отделены и отведены в кинотеатр и клуб: день спустя они все были расстреляны.

За лесом Кульбида, в нескольких километрах от города, есть село Белашки. Здесь, возле села Белашки, выведенные из Тального евреи были остановлены, и вся партия — свыше тысячи человек — расстреляна из пулеметов.

Мария Федоровна Розенфельд — ныне заведующая учетом и заместитель секретаря райкома комсомола в Тальном — была замужем за евреем; сама она — украинка, ее девичья фамилия — Москаленко. Русских и украинских женщин, которые были замужем за евреями и у которых были дети, немцы согнали в один дом, в три квартиры, где, кроме женщин с детьми, оказались еще старики. Около ста человек, согнанных в несколько маленьких комнат, ожидали часа своей гибели.

17 апреля 1942 года в пять часов, на рассвете, все находившиеся в доме были выведены во двор³. У матерей, мужья которых были евреи, начали отнимать детей. Мальчику Москаленко-Розенфельд было пять лет, девочке — три года. Но для матерей немцы придумали казнь более изощренную, чем прямое убийство. Детей навалом, как поленья, кидали в грузовую машину. Потом их увезли. Возле городских боен, на том страшном и проклятом месте, которое можно увидеть с высокой насыпи железной дороги, все дети были расстреляны. Матерей оставили жить: они были уже душевно убиты, и немцы были уверены, что они никогда не воскреснут.

1 Ныне Черкасской обл. — И. А.

2 В 1939 г. в городе проживало 1855 евреев (15,6 % населения). Более тысячи евреев из Тального были казнены у села Белашки во второй половине августа 1941 г. См.: *Энциклопедия...* С. 965. — И. А.

3 В этот день было убито 150 человек. — И. А.

Фотограф Погорецкий, русский, был женат на еврейке, его сын был расстрелян вместе с матерью, отца оставили жить. В селе Глибочке партизанами был убит староста. День спустя немцы полностью уничтожили два еврейских семейства: семейство Сигаловских и семейство Херсонских. Возле здания комендатуры долго качалось тело повешенной еврейской женщины Ратушной: на ее шее была привешена пустая бутылка — одному из немцев, которому Ратушная обязана была поставлять молоко, оно показалось недостаточно густым. Эсэсовцы убивали еврейских детей так: эсэсовец поднимал ребенка за волосы одной рукой, другой рукой стрелял ему в ухо из пистолета. Мальчика с лишаяем на голове эсэсовец попытался поднять за ухо. Когда это не удалось и мальчик упал, немец содрал с него штанишки и каблуком раздавил придатки. “Теперь размножайся”, — сказал он под смех других немецких солдат.

Автор — ВЛАДИМИР ЛИДИН

Каменец-Подольская область

В Ярмолинцах евреи сопротивлялись два дня. Оружие было заранее приготовлено; его принесли вместе с домашними вещами. Было это в Военном городке. Первого полицейского, который туда проник, чтобы отобрать партию обреченных, евреи убили, труп выбросили в окно. Завязалась перестрелка, были убиты еще несколько полицейских. На следующий день прибыли грузовики с полицейскими из соседних районов. Только к вечеру, когда у евреев иссякли боеприпасы, осаждавшие проникли в городок. Убийство продолжалось три дня. При сопротивлении были убиты шестнадцать полицейских, среди них начальник полиции, и пять немцев.

В других зданиях Военного городка наблюдались случаи самоубийства. Отец выбросил из окна двух детей, а потом кинулся вниз вместе с женой. Одна девушка, стоя в окне, кричала: “Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Сталин!”

[Сообщение техника-лейтенанта
Евсея Израилевича Ланцмана¹]

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

1 В фонде Эренбурга в “Яд ва-Шем” хранятся письма с фронта Е.И. Ланцмана, в которых уточняются обстоятельства сопротивления. Там же хранится первый вариант очерка под названием “Сопротивление” с указанием автора сообщения. В первом абзаце говорилось: “В Остроге евреи встретили немецких палачей автоматными очередями. В Проскурове перестрелка продолжалась несколько часов. Евреи убили трех эсэсовцев и пятерых полицейских. Некоторым молодым людям удалось уйти в лес” (АЯВ, Р.21.1/122). Под этим же названием — “Сопротивление” — очерк опубликован в сборнике “Народоубийцы” (т. II, с. 128–129). — И. А.

КАК ПОГИБЛА ЖЕНЩИНА—ВРАЧ ЛАНГМАН¹

Сорочинцы

В Сорочинцах проживала врач-гинеколог Любовь Михайловна Лангман. Она пользовалась любовью населения, и крестьянки долго скрывали ее от немцев. С ней пряталась ее дочь одиннадцати лет.

Когда Лангман находилась в селе Михайлики, к ней пришла повитуха и рассказала, что у жены старосты трудные роды. Лангман объяснила повитухе, что нужно делать, но положение роженицы с каждым часом ухудшалось. Верная своему долгу, Лангман направилась в избу старосты, спасла мать и ребенка. После этого староста сообщил немцам, что в его хате находится еврейка. Немцы повели женщину и девочку на расстрел. Сначала Лангман просила: “Ребенка не убивайте”, но потом прижала дочь к себе и сказала: “Стреляйте! Не хочу, чтобы она жила с вами”. Мать и дочь были убиты.

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

¹ В авторском варианте статья называлась “Долг (Сорочицы)” (АЯВ, Р.21.1/240). Машинописный вариант очерка см.: ГА РФ, ф. 8114, оп. 1, д. 944, л. 152 с пометой красным карандашом “Эренбург”. — И. А.

Винницкая область

В маленьком городе Винницкой области Хмельнике до войны жили десять тысяч евреев; это составляло большую часть населения¹. Евреи здесь жили издавна, из поколения в поколение; дружба и любовь связывали их с украинцами и русскими.

За годы советской власти городок рос и развивался — и в экономическом и в культурном отношении.

В Хмельнике были текстильная, меховая, мебельная фабрики, механический, кирпичный заводы, два сахарных завода, много артелей. Наряду с украинцами и русскими на предприятиях успешно работали евреи — рабочие, техники, инженеры.

Евреев-стахановцев, изобретателей, добросовестных тружеников, знал и уважал весь город.

В городе были кино, театр, три полные средние школы, две семилетки, большая, прекрасно организованная больница. [Вся эта разумная жизнь точно рухнула в пропасть 22 июня 1941 года. Почти никто из евреев не успел эвакуироваться, велико было их душевное смятение и горе, когда немцы приблизились к родному городу.]

Благодатны июльские дни на Украине: природа здесь щедро делится с человеком своим богатством и своей красотой. Но точно и природа понимала, какие страшные дни наступили на земле. 18 июля 1941 года был необычайный в этих краях ураган; лил крупный, холодный осенний дождь.

В город ворвались немцы.

Уже с 21 июля 1941 года все евреи — мужчины, женщины и дети от пяти лет — обязаны были носить на левой руке белые повязки в пятнадцать сантиметров шириной, с вышитой голубой шестиконечной звездой.

Первый приказ гласил, что евреи не имеют права ничего покупать на рынке, кроме картошки и гороха. Но вскоре другой приказ разъяснял, что еврей, пойманный на рынке, получает от двадцати пяти до пятидесяти плетей. Так еврейское население обречено было на голод.

Специальный приказ категорически запрещал крестьянам вступать в какие бы то ни было деловые, торговые или личные отношения с евреями. Крестьянин, заходивший в дом к еврею, получал от двадцати пяти до пятидесяти плетей; приговоры неукоснительно приводились в исполнение.

Начался повальный грабёж еврейского населения: в двадцать четыре часа евреи должны были сдать велосипеды, швейные машины, патефоны.

¹ В 1939 г. в Хмельнике проживало 4793 еврея (63,8 % населения). Осенью 1939 г. здесь поселилось немало евреев-беженцев из Польши. См.: *Энциклопедия...* С. 1033. — И. А.

Еще более мародерский характер носило категорическое предписание о полной сдаче тарелок, ложек, вилок, мыла. Грабили не только “организованным” порядком — полицейские врываются в дома, высаживали окна и двери и забирали все, что им заблагорассудится, а что не могли унести, уничтожали.

Немцы и полицейские заходили в каждый дом и выгоняли евреев на работу. [Их посылали восстанавливать взорванные мосты, мыть полы, копать огороды.] Некоторые работы носили издевательский характер: евреев заставляли наполнять водой дырявые баки. “Работа” была бестолковой и безрезультатной, а евреи получали пинки и удары.

12 августа 1941 года в городе появилось гестапо.

Однажды вечером три еврейских мальчика сидели около дома на скамейке. Среди них был Муся Горбонос. Это был тихий, хороший мальчик, отличник, ученик восьмого класса. К ребятам подошел полицейский. Обращаясь к Мусе, он попросил закурить. Мальчик сказал, что он не курит. Немец пристально посмотрел на мальчика и застрелил его. Муся Горбонос был первой жертвой. Ужас и страх охватили население.

Евреи получили приказ регистрироваться. В первый же день из толпы отобрали триста шестьдесят пять мужчин и двух женщин.

В Хмельнике, в центре города, на бульваре стоял памятник Ленину. Это было любимое место гулянья молодежи.

Именно это место немцы избрали для публичного издеательства над советскими людьми.

Отобранных триста шестьдесят семь евреев загнали на бульвар. Побоями, ударами прикладов их заставили взяться за руки, танцевать и петь “Интернационал”. Старикам отрезали бороды, а молодых заставили есть волосы.

После этого всех отправили в здание районного союза потребительских обществ. Здесь евреев загнали в склад стекла, где их заставили босиком плясать по битому стеклу и по специально приготовленным доскам, утыканным гвоздями. Так страшно и подло издевались палачи над людьми перед казнью. В шесть часов вечера измученных людей погнали за город. Там на Улановской дороге уже были заготовлены ямы. Палачи заставили евреев раздеться догола и вновь танцевать.

Перед смертью некоторые обреченные кричали: “Да здравствует Сталин! Все равно он выиграет войну. Пусть сгинет Гитлер!”

В этот день гестаповцы и их пособники убили триста шестьдесят семь евреев¹ и сорок украинцев — членов партии.

С образованием Литинского гебитскомиссариата гонения против евреев приняли еще более планомерный характер.

Прежде всего был издан приказ, по которому все евреи, живущие на центральных улицах, должны были в трехдневный срок переехать на окраины.

25 декабря последовало распоряжение всем жителям сдать теплые вещи для германской армии.

Немцы поймали десять женщин и одного мужчину, привели их в полицию, раздели догола и бросили в карцер. Сюда, с девяти утра до шести ве-

1 12 августа 1941 г. было казнено 229 евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 1033. — И. А.

чера, то и дело заходили полицейские и избивали несчастных. После этого измученные жертвы были выброшены на мороз.

“Сбор” для германской армии продолжался.

Но это все еще были только предвестники того всеобщего истребления, которое ожидало еврейское население. На больного Абрамовича донесли, что у него якобы есть оружие. Больного выволокли из дома; на центральной улице устроили виселицу. Перед смертью ему приказали сказать последнее слово.

Еле живой от побоев, тяжело больной, старый человек нашел в себе силы сказать ясным, чистым голосом:

— Пусть фашисты и их обер-бандит Гитлер будут сметены с лица земли.

В пятницу 2 января 1942 года на своей желтой машине приехал литинский гебитскомиссар Вицерман.

Он вызвал к себе еврейского старосту и наложил новую большую контрибуцию.

Кроме того, он распорядился, чтобы евреи немедленно переехали из нового города в старый, предназначенный для гетто.

Категорический приказ гласил: все русские и украинцы должны нарисовать крест на дверях; кто впустит в дом еврея — будет жестоко наказан.

Прошло несколько дней. И разразилась “акция”.

Глубокие сугробы, ветер, вьюга, пронизывающий мороз. Люди боялись выйти из своих домишек, точно предчувствуя ужас и горе, которые несет им наступающий день.

В пять часов утра улицы были окружены гестаповцами, их помощниками, литинскими и сельскими полицейскими под руководством гебитскомиссара Вицермана.

Вскоре началась кровавая расправа. Сонных людей стаскивали с кроватей, не разрешая даже одеться. Стариков и больных пристреливали на месте.

Мороз доходил до тридцати градусов, но всех безжалостно выгоняли на улицу. Люди шли босые, кто в одном ботинке, кто в калошах на босу ногу, кто завернувшись в одеяло, а кто и в одной рубашке. Многие пытались бежать, но их тут же настигала пуля.

Уцелевший А. Бейдер рассказывает¹:

В шесть часов утра я услышал стрельбу. Когда я открыл дверь, полицейский с оружием в руках закричал: “А ну, выходи!” Меня погнали к следующему дому. Сколько я ни умолял разрешить идти вместе с моей семьей, чтобы жене легче было вести детей на смерть, ничего, кроме ударов прикладами, я не получил. Силой я был оторван от жены и троих любимых детей в этот самый страшный час жизни. Из колонны мне удалось бежать. Крики, стон и плач потрясли воздух. Детей погоняла немка, жена председателя управы. Она гнала их, приговаривая: “Тише, детки, тише”.

Когда на площадь согнали толпу, гебитскомиссар приказал огласить список специалистов, которым позволено жить. Остальных погнали в сосновый лес, за три километра от города. Там уже были приготовлены ямы. По дороге гестаповцы безжалостно издевались над людьми и избивали их.

¹ См.: ГА РФ, ф. 8114, оп. 1, д. 944, лл. 1–25. — И. А.

Двух девушек, сестер Лернер, гестаповец подгонял уколами кинжала в спину. Ребенок четырех лет — Шайм — отца у него не было, а мать немцы убили, — как взрослый шел в колонне, вместе со всеми, к яме.

У ямы людей поставили в ряд, побоями и угрозами заставили их раздеться и раздеть детей. Стоял лютый мороз. Дети кричали: “Мама, зачем ты меня раздеваешь, на улице так холодно...”

Каждые пятнадцать-двадцать минут подводы с одеждой убитых отправлялись на склад.

В этот день, 9 января 1942 года, было убито 6800 человек¹.

16 января вновь было убито 1240 человек. Жестокость гестаповцев и полицейских не имела предела. Мать доктора Абрамсона, глухая старая женщина шестидесяти лет, не слышала приказа и не сразу вышла из подвала, где она ютилась. Гестаповец схватил ее за седые волосы и саблей отрубил голову.

Так, с седой головой в руке, он стоял перед людьми.

Некоторым жертвам удалось спрятаться в подвалах, на чердаках у крестьян; многие блуждали в поле, без пристанища. Немало людей замерзло; их нашли лишь весной, когда таял снег.

Среди тех, которым удалось спрятаться и спастись, были дети Гольдман. Они несколько часов пролежали под кроватью. Наконец старший мальчик, двенадцати лет, сказал, что пойдет посмотреть — где отец. В это время в комнату вошел полицейский. Ударил мальчика кинжалом, мальчик успел только крикнуть “ой” и умер.

Когда стемнело, девочка взяла братишку пяти лет и убежала к знакомым в Слободку. Уцелела от первоначальных “акций” небольшая часть евреев, живших на Еврейской улице. Начальник немецкой жандармерии выделил еврейского старосту Эльзона и приказал ему, чтобы все евреи пришли в полицию за документами. Евреев, мол, больше трогать не будут. Если же поймают незарегистрированного еврея, то будут расстреляны староста и еще три еврея с Еврейской улицы. Люди получили голубые документы, которые нужно было каждый день, в восемь часов утра, отмечать в полиции. [Обещания, естественно, не имели никакого реального значения: дикий произвол и издевательства в отношении евреев не прекращались. 25 января 1942 года гестаповец увидел хмельникского раввина Шапиро. Он выволок его из убежища и начал избивать, требуя золото. Наконец, он вытащил его на улицу и вонзил ему нож в горло. Тело Шапиро лежало несколько дней: немцы не разрешали его хоронить. 5 февраля у еврейского старосты потребовали двадцать четыре женщины для очистки стадиона от снега. Девушки, явившиеся на работу, начали очищать снег лопатами. Полицейскому это не понравилось, он сказал, что заставит женщин работать по способу, который ему больше нравится.

Вскоре он приказал женщинам плясать в глубоком снегу, а затем лечь на живот и ползти по снегу. Когда несчастные женщины легли в снег, полицейские начали их избивать своими подкованными сапогами.

В течение последующих месяцев евреи все время чувствовали занесенный над ними дамоклов меч.]

¹ Погибло 5800 человек. См.: *Энциклопедия...* С. 1033. — И. А.

В пятницу 12 июня в пять часов утра приехавшие накануне в город венгерские солдаты окружили Еврейскую улицу и стали гнать людей в полицию, якобы для перерегистрации. Возле здания полиции мужчин отделили от женщин и детей. Мужчин увели, а женщин, детей, стариков посадили на машины и повезли в лес.

Был ясный солнечный день. Малыши, которые ничего не понимали, бегали около ямы, играли, рвали цветы.

В эту кровавую пятницу было убито 360 человек. [Немецко-венгерские бандиты разрывали детей на части и бросали их в яму.]

В начале 1943 года немцы решили окончательно ликвидировать гетто.

3 марта в семь часов утра полицейский Шур приказал охране не пропускать евреев через мосты. Людей выгнали на улицы, дома окружили полицейские с оружием и топорами в руках.

Подъехали машины. Тех, кто хоть сколько-нибудь замешкался, избивали прикладами и топорами.

В этот день погибли еще тысяча триста человек. На Еврейскую улицу было страшно взглянуть: она была вся залита кровью, засыпана перьями, разбитой посудой, сломанной мебелью — следы бессмысленного и гнусного уничтожения человеческой жизни и трудов человеческих рук. После этой резни осталось сто двадцать семь мужчин и восемь женщин, предназначенных для работы в артелях и на заводах.

Этих специалистов отвели в школу, где устроили лагерь. Лагерь тщательно охранялся днем и ночью, окна были затянuty колючей проволокой. Но, несмотря на сильную охрану, из лагеря в течение двух недель убежало шестьдесят семь человек. [Некоторые убежали на румынскую территорию, то есть на территорию, временно переданную немцами румынам.]

Несколько человек убежали в партизанский отряд. В рядах народных мстителей самоотверженно сражались и евреи Хмельника. В прошлом активный работник хмельникских общественных организаций Вайсман до октября 1943 года прятался в деревне Куриловка. Он раздобыл оружие, собрал и объединил вокруг себя одиннадцать надежных и стойких товарищей, готовых с ним идти в огонь и воду. 25 октября Вайсман ушел в лес. С ним и его группой ушла и еврейская девушка из Литина — Калихман.

В партизанском отряде имени Хрущева Вайсман получил первое боевое задание: спускаться под откос воинские поезда на Жмеринском участке пути.

Вайсман спустил под откос три воинских эшелона противника. Вскоре Вайсман и его группа получили новое оперативное задание: обеспечить отряд продовольствием. Надо было проявить много находчивости и смелости.

Вайсман, действующий буквально под носом у немцев, был неуловим. В партизанском отряде имени Ленина сражались и другие еврейские жители Хмельника — Изя Резник и Лева Кнелойз.

[Немецкие бандиты издевались, физически уничтожали еврейское население. Но они были не властны над честью и душой народа.]

В отряде Меньшикова сражались еврейские женщины Сима Мазовская и Рахиль Портнова. Они мстили врагу за все страдания и несчастья страны, своего народа и родного города.

В Хмельнике продолжалась расправа над небольшой группкой уцелевших евреев, влачивших тяжкую жизнь в лагере. В субботу 26 июня, чуть свет, прибыли гестаповцы. Всех выгнали на улицу. Четырнадцать человек отделили, а остальных погрузили на машину. Люди знали, что их везут на смерть — они безмолвно прощались друг с другом. В лесу уже были вырыты ямы.

С места казни убежали тринадцать человек; четверым удалось спрятаться, остальные были расстреляны при побеге. [В этот день было убито пятьдесят человек.]

Четыре человека, которые убежали от расстрела, пришли ночью в деревню. Крестьяне накормили их, дали им одежду, спрятали. За разговор с евреем, не говоря уже об активной помощи, крестьянам угрожала смерть. И все же были люди, которые пренебрегали опасностью. [Они презирали людоедские немецкие приказы и по-братски помогали евреям.] А. Бейдер, вторично спасшийся при “акции” 3 марта, рассказывает:

Я и мой брат с 3 марта по 23 июня 1943 года прятались в деревне Куриловка, где мы родились. Украинцы Иван Цисар, Емельян Шавчук, Трофим Орел, Нина Кирницкая, Сергей Брацюк, Виктор Безволюк, Марко Сиченко, презирая опасность, спасли нашу жизнь и готовы были разделить нашу судьбу. Крестьяне часто ходили в город и приносили разные вести. 15 апреля пришла Ярина Цисар и рассказала, что наш дядя находится в лагере. Мы очень обрадовались и решили обязательно его спасти. 20 июня Марко Сиченко пошел в Хмельник, выкрал дядю из лагеря, когда его вместе с другими вели на работу, и привел его к нам. [Мы решили пойти к партизанам.]

Найти партизан и соединиться с ними беглецам, однако, не удалось.]

После долгих мытарств беглецы попали в Жмеринку, находившуюся в зоне румынской оккупации. Здесь они жили в гетто и работали на самых тяжелых работах. Работать приходилось все время ночью.

16 марта 1944 года румыны ушли из Жмеринки и туда пришли немцы. На другой же день был издан приказ о том, что все еврейское население от шестнадцати до шестидесяти лет должно пройти перерегистрацию. Все, кто пришел перерегистрироваться, были перебиты. [Начинался немецкий кровавый “новый порядок”.] Гетто охватило волнение и ужас; все понимали, что близок конец.

Но на этот раз явилось настоящее спасение. Красная Армия подошла к Жмеринке. 20 марта немецкие власти удрали из города.

А. Бейдер рассказывает:

21 марта мы услышали голоса наших братьев. Когда красноармейцы увидели колючую проволоку вокруг гетто, они спросили: “Что это?” Им ответили: “Гетто”. — “Что это за гетто?” — спросили они. Тогда им объяснили, что здесь живут евреи. Немедленно колючая проволока была сорвана.

[В городе еще шли бои. Евреи, освобожденные из своей темницы, сразу же включились в борьбу.]

Вместе с воинами Красной Армии они освободили железнодорожную станцию, на которой укрепились немцы. Фрицы удрали. Евреи помогали

выносить раненых красноармейцев из огня. Доктор Малкин и еврейские сестры стали на свой пост, они не уходили из госпиталя.

Стрельба прекратилась. Жмеринка была очищена от захватчиков. В городе стало по-праздничному. Все наперебой приглашали к себе красноармейцев. Измученные, исстрадавшиеся люди с любовью глядели на своих избавителей.]

Командир полка по рассказу А. Бейдера “сделал доклад и говорил слова, которых евреи не слышали два года и девять месяцев”. Это были слова о нерушимой дружбе народов, о равенстве и братстве народов — великом законе советской жизни.

Сообщение А. И. Беккера¹

Подготовила к печати Р. КОВНАТОР

¹ Абрам Иосипович Беккер (ГА РФ, ф. 8114, оп. 1, д. 945, л. 44) писал Илье Эренбургу на идише и упоминал о судьбе не только евреев, но и цыган. — И. А.

Ярышев — небольшое местечко¹. Здесь был еврейский колхоз. Были ремесленные артели. Была десятилетка. Жили тихо и счастливо.

15 июля 1941 года в Ярышев ворвались немцы и румыны. В первый день они расстреляли двадцать пять человек. Но самое страшное началось потом, когда водили евреев на работу, приказывали ложиться, вставать, снова ложиться. Кто не сразу ложился — убивали на месте. Шесть месяцев спустя евреев загнали в гетто. Холод, голод, слезы. 21 августа 1942 года в Ярышев приехал карательный отряд. Собрали евреев, сказали: “Соберите все ценное — вас отправят на работу”. Повели по Жуковской дороге, будто к поезду. Есть там разветвление — налево дорога на кладбище. Скомандовали: “Налево!” Тогда учительница математики Гитя Яковлевна Талейснин обратилась к обреченным с речью: “Есть наши братья на фронте. Они вернутся. Есть советская власть. Она бессмертна. Есть Сталин. Он этого не забудет”.

Ее убили вместе с шестилетним сыном Левой. Потом убили и других, свыше пятисот человек. Восемь человек чудом спаслись. Никогда они не забудут последних слов Гити Яковлевны.

Сообщение О. Яхота и М. Брехмана²

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

- 1 В 1939 г. в Ярышеве Винницкой области проживало 509 евреев (17,7 % населения). В первые дни войны здесь оказалось более ста беженцев-евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 1137. — И. А.
- 2 См.: АЯВ, Р.21.1/31. — И. А.

В Цыбулеве Винницкой области проживало около трехсот еврейских семей. Зима 1941/42 года была суровой. Немцы гнали раздетых женщин и больных стариков на работу. Однажды они отобрали около ста детей, увели их в поле. Через некоторое время полицейские вернулись, объявили матерям: “Пойдите, подберите ваших щенят”. Матери с криком бросились в поле. В яру они увидели трупы детей.

Весной 1942 года¹ всех евреев убили. Их вывозили за село, раздевали и расстреливали. Детей сажали в клетки, везли на телегах. Малышей зарывали живыми.

Тамара Аркадьевна Розанова спрятала в погребе еврея. Немцы подошли к ее дому. Розанова спаслась случайно.

Надя Розанова рассказывает:

Дусю Капитовскую везли на казнь с ребенком. Муж Дуси — офицер, он на фронте. Ребенку было восемь месяцев. Дуся бросила сына через головы немцев прохжим и крикнула: “Дорогие, сына спасите! Пусть хоть он живет!”

Ребенок упал на дорогу. Подошел немец. Поднял младенца за ножку и ударил его головой о борт автомашины.

Студентке Люсе Сапожниковой было девятнадцать лет. [Все восхищались ее красотой.] Когда Люсю подвели к месту казни, [раздели перед расстрелом, даже немцы смутились — так она была красива.] Она закричала: “Стреляйте, палачи! Но знайте, что Сталин придет!” С этими словами она погибла.

[Сообщение Т. Старцева²]

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

¹ 21 августа 1942 г. было казнено, по данным ЧГК, 595 евреев, по немецким документам — 212 евреев. В середине октября 1942 г. казнено еще около 400 евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 1137. — И. А.

² В основу очерка положена статья “Людоеды” фронтового журналиста Т. Старцева из газеты “Знамя Родины”, присланная Эренбургу автором (АЯВ, Р.21.1/199). Инициал Старцева восстановлен по воспоминаниям писателя “Люди, годы, жизнь”: тот указан среди корреспондентов, приславших материалы для “Черной книги”. — И. А.

Я расспрашивал соседей, уцелевших чудом, и узнал всю правду.

Моих родных долго мучили. Гетто устроили возле базара, отгородили высокой стеной из колючей проволоки. Люди там голодали.

20 августа 1942 года всех погнали за станцию. Идти пришлось четыре километра, гнали прикладами детей и дряхлых стариков, приказали всем раздеться.

Я видел ключья одежды и белья.

Немцы экономили пули, клали людей в четыре ряда, а потом стреляли, засыпали живых. Маленьких детей, перед тем как бросить их в яму, разрывали на куски. Так они убили и мою крохотную Нюсеньку. Других детей, и среди них мою девочку¹, столкнули в яму и засыпали землей.

Два месяца спустя мою жену Маню в числе других увезли в село Якушинцы. В Якушинцах был концлагерь. Там над ними издевались, а потом всех убили².

Две могилы рядом. В них полторы тысячи человек. Взрослые, старики, дети³.

Мне осталось одно: месть.

Из письма Героя Советского Союза мл. лейтенанта Кравцова⁴.

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ.

- 1 В оригинале письма — Адусю. — *Ирина Эренбург*.
- 2 Узники (около трехсот человек) ремонтировали шоссе Винница — Литин. Их казнили осенью 1942 г. См.: *Энциклопедия...* С. 1130. — *И. А.*
- 3 Далее опущено: "Нет больше наших" (ГА РФ, ф. 8114, оп. 1, д. 941, л. 5). — *И. А.*
- 4 О трагедии в Ялтушково Илье Эренбургу сообщил муж сестры Ефима Кравцова, преподаватель военного училища Михаил Удлер, переславший писателю письма и семейное фото (АЯВ, Р.21.1/208, лл. 1-6; Р.21.1/218, лл. 1-2). По этим документам установлено имя автора письма. Ефим Егорович Кравцов (1910-1984) — украинец, старший радиотелеграфист 384-го артиллерийского полка 193-й стрелковой дивизии 65-й армии Центрального фронта, старшина. Звание ГСС присвоено 30 октября 1943 г. В 1944 г. окончил курсы младших лейтенантов. После войны жил и умер в Киеве. — *И. А.*

Брайлов¹

Лет семь назад в теплый весенний день я выехал к родителям. Был я в служебной командировке в городе Кировограде, завершил все свои дела, и, когда уже собрался возвращаться в Москву, мне пришла в голову мысль заехать на несколько часов домой, повидаться с родными, посмотреть любимые, родные места.

На следующий день я уже обедал дома. Неожиданный приезд очень обрадовал стариков. Вся родня, соседи и знакомые пришли навестить меня. Мать хлопотливо бегала по дому, долго возилась на кухне, готовя для меня кисло-сладкое мясо; она говорила, что в детстве я очень любил это блюдо. По правде сказать, я успел это забыть.

Меня допытывали, как я живу, что слышно на белом свете вообще и в Москве в частности, видел ли я кого-нибудь из земляков. Во время беседы пришел почтальон, принес два письма: одно было от меня самого — я писал, что нахожусь на Украине в командировке и еще не знаю, успею ли заехать, другое письмо было из Америки. На большом конверте было напечатано наименование отправителя: “Комитет Браиловского землячества в Соединенных Штатах Америки”.

В просторном письме, подписанном президентом и генеральным секретарем комитета, сообщалось, что на расширенном заседании были заслушаны письма и отчеты с родины, что решено приветствовать земляков, поздравить их с наступающей пасхой и послать в Браилов из фонда комитета тысячу долларов. Двести долларов выдать раввину Давиду Либерману, на сто долларов купить подарок одной девушке к ее свадьбе. Остальные деньги мой отец уполномочивался распределить к пасхе между сиротами и беднейшими людьми, с тем, чтобы каждый мог как следует отпраздновать пасху.

Признаюсь, мне показалось немного забавным это письмо. Я подумал: авторы его уехали лет сорок назад из Браилова, живут в далекой Америке, озабочены своими делами, и, однако, у них хватает времени съезжаться из разных городов на ежегодные конференции и в шумном Нью-Йорке проявлять такой наивный интерес ко всем деталям жизни и быта маленького местечка. Но я ловил себя на мысли, что я сам мчался сюда за несколько сот километров, ехал тремя поездами, и все для того, чтобы побыть несколько часов в родных краях.

¹ В 1931 г. в Браилове, центре еврейского сельсовета, проживал 2401 человек. Браилов оккупирован 17 июля 1941 г. В 1941–1942 гг. здесь было казнено около 1800 евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 103. — И. А.

Во время войны я не раз вспоминал письмо из Америки. Почти три года я не получал писем из Браилова; в родном городе были немцы. Но часто-часто думал я о маленьком местечке в Винницкой области, где провел детские годы, думал об отце, матери, сестре, которые остались там. На каком бы фронте за время войны я ни был — в лесах Северо-Запада, на сталинградских улицах, в донецких степях, — мыслями я был на родине. Я думал о том дне, когда вернусь домой, широко распахну знакомые двери и скажу:

— Есть там живые? Выходите встречать...

23 марта 1944 года в предвечерний час я увидел издали Браилов. Мне было очень тяжело ходить — сказывалось недавнее ранение, — правая нога опухла, и я еле вытаскивал ее из липкого чернозема. И вот наконец дорожный столб с табличкой, и на нем только одно-единственное слово: “Браилов”, дорогое сочетание букв, с которым связано столько воспоминаний.

Триста километров пришлось мне одолеть, пока я добрался сюда с другого участка фронта. Автомашина застряла в грязи, и последние десятки километров я пробирался пешком. Я знал, что по реке Буг шла граница между германским генерал-губернаторством и румынским губернаторством Транснистрия, что в Транснистрии сохранилось несколько гетто¹. Но у Винницы эта граница шла где-то западнее Буга. Где же находился Браилов — в германском генерал-губернаторстве или в Транснистрии? Мне никто не мог на это ответить. Осталось пройти всего несколько сот метров до местечка — там я узнаю все достоверно.

Но уже через несколько минут на другом придорожном столбе мне бросилась в глаза табличка. По-немецки и по-украински было написано: “Город без жидов”².

Все стало сразу ясно.

Я окликнул шустрого паренька, выглянувшего из хаты, велел ему взять топор и срубить столб с этой надписью.

— Разве можно это сделать, дядя?

— Не только можно, но обязательно нужно срубить, — сказал я. — Помимо всего, надпись не соответствует действительности. Видишь, я пришел в Браилов, значит, уже один еврей там будет.

Не раз входил я в только что освобожденный город. Мне хорошо знакомо чувство радостного волнения, когда вступаешь в город, отбитый у врага и возвращенный Родине. Но никогда, казалось, нервы мне так не изменяли, как в этот раз. Здесь я знал историю чуть ли не каждого дома. Вот дом Якова Владимира, не раз я бывал в этом доме, готовился здесь к зачетам, веселился. Сейчас дом безлюден и мрачен. Вот в этом доме жил Айзик Кулик, мой школьный друг, впоследствии ленинградский инженер-железнодорожник. Заглядываю в окно — на полу валяются полусгнившие обломки мебели: видно, давно здесь не бывали люди. В следующем доме жил часовщик Шахно Шапиро — ни живой души. По ту сторону улицы проживал портной Шнейко Прилуцкий — картина та же.

1 В румынской зоне оккупации уцелели узники нескольких десятков гетто. Весной 1942 г. оккупационные власти прекратили уничтожение евреев на территории Транснистрии. — И. А.
2 В верстке исправлено: “Город без евреев”. — И. Л.

Вместе с Красной Армией я прошел путь от Волги до Карпат, на моих глазах разрушен был Сталинград, я видел развалины Ржева и Великих Лук, пепелища Полтавы и Кременчуга. Меня трудно теперь удивить видом руин. Но то, что я встретил в родном местечке, меня потрясло. От Миргорода до Днепра, на протяжении ста километров пути, немцы сожгли все леса. Летом 1943 года там нельзя было встретить ни одной уцелевшей хаты; гитлеровцы создавали “зону пустыни”. Но между обломками сгоревших украинских хат откуда-то из-под земли неизменно пробивался мирный дымок. В опустевшем солдатском блиндаже люди устраивали себе очаг, бегали детишки, у глиняной печки готовился обед. И верилось, здесь будет жизнь. Пусть сгорели все хаты и сараи, пусть разбиты в щепки пчелиные улья и колхозные амбары. Но там остались люди. И это — лучшая гарантия, что жизнь возвратится.

А здесь я хожу по местечку, совершенно уцелевшему, во многих домах сохранились даже все стекла в окнах, но не встречаю ни одного живого человека. Мои шаги одиноко раздаются в этой пустыне. Надо было знать нравы городов и местечек нашего юга; главная улица здесь всегда являлась и местом встреч, и аллеей для гулянья. А теперь — я на ней единственный прохожий. Только одичавшие кошки изредка перебегают пустую улицу.

Иду дальше, и мне страшно повернуть голову направо — там должен стоять дом, в котором я родился, где жили самые близкие для меня люди. Вот и дом — внешне он почти цел. Я подхожу к окнам и рассматриваю стены, сохранившие следы крови, свалывшийся пух на полу, и мне не о чем уже расспрашивать. Да и кого спросить? По соседству жил Иосиф Суконник, дальше работал шапочник Груцкий, вот квартиры Лернера, Гольдмана, Лумера, Харнака — нигде никаких следов жизни.

Полчаса я ходил по некогда шумному местечку в полном одиночестве. Стало темнеть, и я ушел ночевать в соседнее село. Крестьянка, которая приютила меня, рассказала вкратце историю гибели Браилова. Я расспрашивал о судьбе знакомых семейств, называл фамилии, имена.

— А откуда вы их всех знаете? Вы что, раньше приезжали в Браилов? — спросила она меня.

— Да, приезжал, и не раз приезжал. Вот был у вас фельдшер Гехман. Не знали такого?

— Как же было не знать его? Кто же его не знал?

— Где он сейчас?

— Убит.

— А про жену его не слыхали?

— Зарезали.

— Ну, а дочка у фельдшера была, студентка?

— Там, где все...

Больше я уже не мог спрашивать. Крестьянка долго всматривалась в меня, потом тихо сказала:

— Вы, конечно, извините меня, но скажите — вы не фельдшера нашего сын?

— Да, моя фамилия Гехман.

— Как вы на отца своего покойного похожи!

Не знаю, каким образом, но о моем приезде узнало скоро все село. В хату, где я остановился, пришло много людей. Многих я знал, многие помнили

меня. Всю ночь напролет мы говорили о войне, о людях на войне, о нашей грядущей победе.

Утром я еще раз пошел в местечко. Вдруг меня кто-то окликнул по-еврейски:

— Товарищ Гехман!

Ко мне бежали пять человек — трое мужчин, одна женщина, одна девочка-подросток. Они бросились наперебой меня обнимать, целовать, и вдруг все навзрыд расплакались, тесно прижимаясь ко мне. Для них я был не только знакомый, земляк, но родной и близкий человек. Наши родители, братья, сестры — зарыты в одной общей страшной яме.

Портного Абрама Цигельмана я узнал сразу: с его старшей дочерью Соной я учился в одном классе начальной школы и потом бывал частым гостем в их доме. Второго мужчину я никак не мог вспомнить. Он это понял, горько покачал головой и спросил меня:

— Не узнаете меня, Гехман? Да, трудно узнать. Фамилия моя — Бас, Моисей. Бас, парикмахер. Сколько раз вы брились у меня?

Я никогда не думал, что за три года человек может так измениться. Стоял он с согнутой спиной, с потупленным взором. Передо мной был человек, потерявший опору в жизни, уверенность в своих силах, в своем праве существовать на земле.

— Вы смотрите на мои лохмотья? Да, когда-то я считался щеголем, а за последние полтора года ни разу не сменил белья.

Это были чуть ли не единственные жители Браилова, оставшиеся в живых.

Мы перебрали по пальцам все местечко и установили, что удалось спастись только двадцати одному человеку.

...Мой отец на протяжении нескольких лет описывал [“Браиловскому комитету в США”] все дела и события, происходившие в Браилове. Моего отца немцы расстреляли. Он уже никогда ничего не напишет, и я, сын его, взял на себя добровольный труд описать, как погибло местечко Браилов. Я здесь ничего не выдумал и не добавил — рассказываю так, как мне это поведали очевидцы.

Немцы вступили в Браилов 17 июля 1941 года. Случилось так, что значительная часть населения Браилова не эвакуировалась и осталась на месте. Я часто задавал себе вопрос: почему многие не тронулись с места, не ушли подальше от коричневой чумы? Почему мои родные не выехали на восток? Оказалось много причин — в частности, моя мать была серьезно больна, а отец и сестра не хотели оставить ее одну, больную, беззащитную, и решили разделить ее судьбу.

В день вступления немцев в Браилов погибли около пятнадцати человек — Иосиф Суконник, Илья Пальтин, Исаак Копзон и другие. Проходящие немецкие солдаты проверяли исправность своего оружия на людях и, походя, между прочим извели пятнадцать жизней. [Местечко насторожилось, все сразу поняли, что над ними нависла грозная туча.]

Вскоре приехал немецкий комендант, появилась полиция, и в Браилове был установлен “новый порядок”. В условиях еврейского местечка “новый

порядок” выглядел примерно так: все евреи должны были носить на спине и на груди по большой шестиконечной звезде (“щит Давида”). Никто не имел права выходить за пределы местечка, общаться с украинским населением соседних сел. Хотя испокон веков в самом центре Браилова существовал базар, ни один еврей не мог появляться на нем под страхом получить немецкую пулю. Только на десять минут в сутки по свистку полицейского евреи могли выбегать на базар. Немецкому коменданту Крафту очень нравилось это зрелище. На третьей или четвертой минуте полицейский давал свисток отбоя, и все, побросав свои покупки, спешно убегали с базара. Затем объявлялось, что сигнал был ошибочный, и все повторялось сызнова. Комендант Крафт забавлялся.

Ежедневно свыше тысячи жителей Браилова выходили по нарядам коменданта на тяжелую работу. Но не было дня, чтобы все возвращались обратно домой: то проезжавшие немецкие солдаты начинали “охотиться”, то полицейские приканчивали уставших и замученных людей. Раз в месяц население Браилова получало “казак” от ортскомендатуры с предупреждением, что если предметы, перечисленные в “казаке”, не будут доставлены в комендатуру к указанному сроку, то все будут расстреляны.

Я видел один из этих “казак” — ноябрьский. В длинном списке значилось: десять золотых дамских часов... двенадцать золотых браслетов... концертный рояль для офицерского клуба... две автомашины... три тонны бензина...

Ноябрьский и последовавший за ним декабрьский “казак” были выполнены. До сих пор не понимаю, каким образом община, зажатая запретами выхода за пределы местечка, могла во время войны достать автомашины и бензин. Председателя общины Иосифа Кулика и его помощников нет в живых, и спросить об этом некого. Хана Кулик, девушка-студентка, единственная уцелевшая из этой семьи, рассказывает, что отец никому не говорил, как ему удавалось добывать вещи для выполнения немецких “казак”.

— Не расспрашивай, Хана, — сказал он ей однажды. — Достаточно будет, если я один сойду с ума. Зачем еще тебе голову ломать?

В морозную февральскую ночь Браилов был оцеплен полицейскими и гестаповцами, и перед рассветом началась резня. Это была, по выражению одного полицейского, которого я допрашивал, “первая акция”. Каждый полицейский получил указание обойти две-три еврейские квартиры, выгнать всех на площадь к месту сбора, а если кто не сможет или не захочет пойти, — приканчивать того на месте, но делать это бесшумно, при помощи штыка, приклада и кинжала.

В шесть часов утра мой отец был разбужен ударами прикладов в дверь. В комнату ввалилось двое полицейских.

— Быстро на площадь! Все!

— Моя жена больна, она не может подняться.

— Это уже нам знать, что делать с здоровыми и что с больными.

Действуя прикладами, они выгнали отца на улицу. Сестра Роза начала быстро одеваться. В это время она увидела, что один из полицейских замахнулся кинжалом на мать. Она бросилась на выручку, но ее ударили прикладом по голове и босую, в одном легком платье, выгнали на мороз. Она

упала. Отец поднял Розу, помог ей дойти к месту сбора — на Торговую площадь, напротив костела.

Сюда стогнали жителей Браилова. Но не всех. Многих, как и мою мать, убили дома. Семью Бакалейника полицейский выстроил у дома и выиграл пари у другого полицейского: расстрелял их всех одной очередью из автомата.

После полуторачасовой проверки списков полицейские объявили, что триста человек, главным образом портные, сапожники, скорняки и их семьи, остаются для обслуживания германской армии, — остальные будут расстреляны. Под сильным конвоем процессия тронулась в путь. Вышло так, что впереди колонны шел мой отец с сестрой, за ними Оскар Шмарьян, шестнадцатилетний парень, наш родственник из Киева, который приехал на каникулы в Браилов. У аптеки колонна остановилась: начальник полиции вспомнил, что он забыл Иосифа Шварца, проживавшего вне местечка, недалеко от православного кладбища.

Послали за ним полицейского. Через несколько минут пришел Шварц с женой, и теперь они оказались во главе печальной процессии.

Все шли молча, сосредоточенно, последним взглядом прощаясь с родными местами, с жизнью. И вдруг над колонной раздалась песня. Звонкий девичий голос запел о стране родной, о ее широких просторах, о ее лесах, морях и реках, о том, как в ней вольно дышится человеку. То запела моя сестра Роза.

Я переспросил нескольких очевидцев, несколько раз проверял этот факт со всей тщательностью и придирчивостью. Все было именно так, как здесь написано. Сестра моя никогда не считалась певуньей. Она пробыла в это страшное утро около двух часов на сильном морозе босая и почти раздетая, ноги ее к этому времени были уже отморожены. Почему она запела? Откуда у нее взялись силы для этого последнего подвига?

Полицейский приказал замолчать, но песня не умолкла. Раздались два выстрела. Отец поднял мертвое тело единственной дочери и полтора километра своего последнего пути пронес на руках драгоценную и святую для него ношу к месту своей казни.

Когда колонна подошла к вырытой яме, первой группе приказали раздеться догола, сложить одежду в общую кучу и лечь на дно ямы. Мой отец бережно положил тело сестры в яму и стал раздеваться. Со стороны села подъехало около десятка крестьянских саней для транспортировки одежды расстрелянных в склады полиции. В это время у ямы произошла заминка: молодая девушка Лиза Перкель отказалась раздеться, требуя, чтобы ее расстреляли в одежде. Ее били прикладами, кололи штыками, но ничего не смогли с ней сделать. Она вцепилась в горло одному гестаповцу, и, когда тот пытался оттолкнуть ее от себя, девушка зубами вгрызлась в его руку. Гестаповец закричал, к нему бросились на выручку другие палачи. Их было много — все были вооружены до зубов, но девушка не сдавалась, не уступала врагу.

Каратели повалили Лизу Перкель на землю, пытаясь содрать с нее платье. Ей удалось освободить на мгновение ногу, и она со всей силы ударила в лицо одного гестаповца. Комендант Крафт решил сам навести “порядок”: он подошел поближе, отдавая на ходу распоряжения. Девушка под-

нялась на ноги, изо рта у нее лилась кровь, платье было изодрано в клочья. Спокойно встретила она взгляд подошедшего коменданта и плюнула ему в лицо.

Раздался залп. Лиза Перкель погибла стоя, встретив смерть в борьбе. Что могла сделать юная, безоружная девушка с толпой палачей? Но немцам не удалось сломить ее волю! [Последнее свое желание она осуществила — немцы не смогли заставить ее повиноваться. Убить ее они могли — у них было оружие, — но сокрушить ее волю, достоинство и честь было немцам не под силу.]

Мой отец решил воспользоваться тем, что внимание коменданта, гестаповцев и полицейских было отвлечено, и, увидев знакомую колхозницу, которую он когда-то лечил, шепнул ей:

— Горпина, спрячьте мальчика, — и толкнул Оскара Шмарьяна в кучу одежды. Крестьянка быстро накинула на него чье-то пальто и вместе с одеждой положила его в сани. Так мальчик пролежал минут пятнадцать, затем обоз тронулся в путь. Крестьянка прятала Шмарьяна несколько дней, одела его, и тот скоро примкнул к партизанскому отряду. Он жив и сейчас. От него я и узнал, как погибла моя семья, — Оскар Шмарьян видел отца моего в последнюю минуту. Последнее, что мог сделать отец, он сделал. Он сохранил для народа, борющегося с фашизмом, еще одного мстителя, молодого и непримиримого.

Когда уже было казнено около двухсот человек, подошла очередь председателя общины Иосифа Кулика. Полицейские и гестаповцы о чем-то между собой посоветовались, и затем начальник полиции сказал:

— Кулик, можете с семьей отправиться в местечко, будете по-прежнему председателем общины.

Жена Кулика взяла свой платок из горы одежды и дрожащими руками начала поспешно закутываться. Ей показалось, что каким-то чудом у самой могилы неожиданно пришло спасение.

— Бася, брось платок, — сказал ей муж тихо и вместе с тем строго. Обращаясь к полицейскому, он ответил:

— Когда вы расстреливаете две тысячи моих земляков, мне, председателю общины, нечего делать на этом свете.

— Так вы не хотите спасти свою жизнь?

— Я народом избран председателем общины и останусь там, где будет большинство.

— Последний раз, Кулик, вас спрашивают: пойдете вы в местечко?

— Только в том случае, если вы оставите евреев в живых.

Иосифа Кулика, последнего председателя еврейской общины Браилова, отца четырех сыновей-инженеров, ныне воинов Красной Армии, расстреляли вместе с женой.

К месту казни подошел с семьей портной Яков Владимир. Полицейские порылись в списке и долго говорили между собой.

— Владимир, вам же было сказано остаться в местечке. У нас нет других дамских портных.

— Я останусь, если оставите со мной всю мою семью.

— Мы вам их и оставляем.

— А моя дочь Соня? А внуки?

— Нет, это уже не ваша семья. У нее есть муж в Ленинграде.

— Это моя родная дочь, плоть от моей плоти, я без нее не останусь.

Пять минут шло препирательство Якова Владимира с полицейским. Им нужен был этот высококвалифицированный портной — одежды было уже награблено много, полицейские хотели перешить ее для своих жен и любовниц. [Но жажда крови была сильнее даже ненасытной тяги к наживе.] Яков Владимир был расстрелян вместе с женой, детьми и внуками.

“Акция” приближалась к концу. И вдруг к месту казни прибежал восьмидесятилетний старик Хаим Арн со свитком Торы в руках. Утром полицейские не нашли его дома — он просидел до полудня в погребке. Когда он вышел на улицу, она была безлюдна.

— Где все люди? — спросил он прошедшего мимо сына врача Яницкого.

— Как где? Их сейчас расстреливают за мельницейй.

— Так я один остался! Нет, один я не останусь.

И, схватив свиток Торы, он побежал. [Единственное, о чем он просил полицейского, — позволить ему лечь в яму вместе с Торой.] Так его и расстреляли в обнимку с Торой, старого местечкового балагулу Хаима Арна¹.

Всего в этот день было расстреляно свыше двух тысяч человек. Произошло это 12 февраля 1942 года... [на 26-й день месяца Шват (5702 год по еврейскому летоисчислению).]

Яму не засыпали. Ждали возвращения конвоя из соседнего местечка Межиров с тамошними евреями. У ямы остались дежурить двое полицейских. На следующее утро из ямы выползла окровавленная женщина. Двадцать часов она лежала под трупами, но, несмотря на то, что была сильно ранена, нашла в себе силы выбраться и отползти. Это была невестка Чесельницкого — женщина-врач, приехавшая за день до войны из Киева в Браилово погостить. Она умоляла полицейских дать ей возможность добраться до местечка, но те ее бросили в могилу и затем расстреляли.

...Трое суток, по утверждению местных жителей, ямы колыхались, от туда неслись стоны и хрипы.

Кроме трехсот человек оставленных в Браилове гестаповцами, из погребов и тайников к вечеру вышли еще человек двести. Для них было отведено гетто. Только в голове изверга могли родиться “законы”, которые были утверждены для этого гетто: мертвых из гетто не выносить, [а глубоко зарыв в землю, заровнять место.] В случае рождения ребенка — расстреливается вся семья. Если в доме будет найдено хоть несколько граммов масла, мяса, хоть одно куриное яйцо — вся семья подлежит расстрелу.

Через полтора месяца состоялась вторая “акция”. На этот раз из пятнадцати портных было оставлено пять, из восемнадцати сапожников — шесть и так далее. Кто мог — бежал из Браилова. Река Ров, протекающая через местечко, служила границей с Транснистрией, и через нее перебрались около трехсот человек. Большинство из них нашли убежище в Жмеринском гетто. В апреле были расстреляны последние евреи Браилова. Через месяц румынская жандармерия Жмеринки выдала германской поли-

1 12 февраля 1942 г. погибло 800 человек. См.: *Энциклопедия...* С. 103. — И. А.

ции двести семьдесят браиловчан, их погнали в Браилов и там расстреляли у той же гранитной кручи¹.

...В июне 1942 года у въезда в Браилов немцы повесили плакат: “Город без жидов”².

Мне пора было уезжать.

— У меня к вам большая просьба, — обратился ко мне портной Абрам Цигельман. — Вы дружили с моими детьми и хорошо знали мою семью, вам я могу открыть свое сердце. Знаете, мне страшно жить на свете. Сейчас мне уже шестьдесят лет. Я остался на старости совсем одиноким — без семьи, без друзей, без родных. Жить не для кого. Но у меня кипит злость в душе. Неужели Браилов, откуда вышло двадцать пять врачей, двадцать инженеров, бог знает сколько юристов, художников, журналистов, командиров, неужели Браилов превратился в пустыню? Но вот вы уезжаете. А я не хочу, чтобы Браилов был без евреев, я останусь здесь. Пусть в первое время даже один. Единственное, о чем я вас прошу, помогите вернуть мою швейную машину, я ее узнал в доме бежавшего полицейского. Можете не беспокоиться, портной Цигельман сумеет заработать себе на жизнь. А в свободные часы я буду сидеть там, на мельнице, у ямы. Там похоронено все, что у меня было, там ведь и все ваши.

Через несколько часов швейная машина была водворена в дом Цигельмана. Когда я уезжал, я слышал ее порывистый стук. Единственный портной Браилова приступил к работе.

Автор — ЕФИМ ГЕХМАН³

1 Из Жмеринки было возвращено 286 евреев Браилова. См.: *Энциклопедия...* С. 315. — И. А.

2 В верстке — “Город без евреев”. — И. Л.

3 Рукопись очерка с правкой автора — в ГА РФ (д. 960, лл. 201–223). — И. А.

24 октября 1941 года в Харьков вступили немцы². Трудно передать охвативший меня ужас. Ведь только безвыходное положение заставило меня [еврейку] остаться в Харькове.

Фашисты показали себя уже в первый день. На площадях качались повешенные. На следующий день немцы начали грабить³. В квартире нельзя было сидеть — то и дело раздавался стук в двери: “Открывай!”, [и очередная банда врывается в комнату]. Они брали все — продукты, носильные вещи. Потом начали хватать заложников. Гостиница “Интернационал” была переполнена несчастными жертвами. Стекла там были выбиты, в комнатах ни лечь, ни сесть. При допросе арестованных избивали. Их держали дней десять, потом полумертвых расстреливали.

Однажды народ собрался на площади перед зданием обкома — там было радио. Я шла мимо за водой. Вдруг мы видим, как с самого верхнего балкона спускают на веревке молодого человека. Мы сначала не поняли, в чем дело. [Думали, это какое-то представление.] Раздался раздирающий душу крик: “Спасите!” Несчастный повис на балконе. Народ в ужасе разошелся по домам.

...Это было утром после тяжелого сна. Как будто я во сне предчувствовала будущее: из нашего дома потребовали десять евреев на работу. Я в их число не попала. После работы эти люди были отправлены в “Интернационал” как заложники. Я стала ждать, когда придет мой черед.

15 декабря потребовали в заложники всех евреев нашего дома. Я решила не дать себя в руки злодеям и покончить жизнь самоубийством. Яда у меня не было, но я нашла лезвие для бритвы. Раз десять я резала руку, но по неопытности не могла добраться до вены. От потери крови я лишилась сознания. Очнувшись я от стука в дверь. Мне сообщили, что сегодня, 15 декабря 1941 года, все евреи обязаны покинуть город и направиться в бараки за Тракторным заводом — это в двенадцати километрах от Харькова. У меня текла кровь из раны, я плохо соображала. Я направилась на Голгофу.

Трудно описать эту картину — пятнадцать тысяч, а может быть, больше, шли по Старо-Московской улице к Тракторному. Многие тащили вещи.

1 В ГА РФ (ф. 8114, оп. 1, д. 944, лл. 146–153) с правой синими чернилами и пометой на одной странице синим карандашом “И. Эренбург”. В д. 941 (лл. 16–25) хранится первоначальный машинописный экземпляр очерка (без подписи) под названием “Страницы из Данте (Харьков)”. — И. А.

2 В 1939 г. в городе проживало 130250 евреев (15,64 % населения). Всего в Харькове погибло около 12 тысяч евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 1027–1028. — И. А.

3 В машинописном экземпляре — без указания на немцев (д. 941, л. 16). — И. А.

Были больные, даже парализованные, их несли на руках. Путь от Старо-Московской до Тракторного был усеян трупами детей, стариков, больных.

К ночи мы дошли до нашего нового местожительства. Я вошла в барак. Вместо окон были большие просветы без стекол, двери не закрывались. Сидеть было не на чем. Дул ледяной ветер. Я ослабела от потери крови и, ничего не помня, свалилась на землю. Очнулась я от крика: кричали женщина и ребенок. Народ все прибывал, было очень тесно, и в темноте кто-то упал на женщину с грудным ребенком. Крошка вскрикнула. Мать, видя, что дитя больше не шевелится, стала кричать: “Спасите! Это все, что у меня осталось, — мужа и сына повесили”. Но что можно было сделать? Свет зажигать запретили. Крошка погибла.

Я попала в плохой барак. Нас было пятьдесят человек. Счастливицы купили кровати, на каждой помещалось пять-шесть человек. Морозы стояли очень сильные. Я спала на полу, руки и ноги коченели.

Меня ожидало новое испытание. У меня есть сестра. Она давно, тридцать лет тому назад крестилась, и в документе у нее значилось “русская”. Я лежу на полу и вспоминаю прошлое. Вдруг кто-то меня толкнул, я оглянулась и вижу мою единственную дорогую сестру. Четыре дня она провела в бараке со мной. Нашлись добрые люди, они помогли ей убежать. [У нее был “русский” паспорт, и] ей было легче помочь, чем мне. Чтобы не вызвать общего внимания, мы с ней не простились. Я только посмотрела на нее, хотела взглядом передать все.

Рана на руке не закрывалась. Я страдала от холода и голода. Немцы пускали нас на базар или за водой, если мы им давали за это вещи. Иногда немцы убивали. Я видела, как шел мальчик. Немец его подзывает: “Эй, жиденок!” Когда мальчик подошел, немец швырнул его в яму и придавил ногой, потом выстрелил. До приказа об общем расстреле каждый день они убивали человек пятьдесят. Однажды они объявили: “Если ночью будет слышен детский плач, расстреляем всех”. А как можно было требовать от малюток, чтобы они не кричали? Перепеленать их нельзя было, они лежали мокрые на морозе, молоко у матерей перегорело от всех переживаний, кормить было нечем.

Мне удалось перейти в другой барак, № 9. Этому бараку предстояло пойти на расстрел последним.

Немцы хотели нас вывезти на казнь обманом. На третью неделю они объявили: “Желающие уехать на работу в Полтаву, Лубны, Ромны, выйдите вперед”. Меня, как иголкой, кольнуло в сердце. Записалось восемьсот человек. Я видела, как их сажали в машины, вещи не позволили взять с собой.

Вскоре мы услышали выстрелы. На следующий день уже не спрашивали, кто хочет ехать; хватали женщин, отрывали от них детей и швыряли в фугоны. Мужчин гнали пешком.

Набравшись сил, я пошла в соседний барак. Это был ад: мертвые люди, посуда, пух из подушек, одежда, продукты, кал — все было перемешано. В одном углу на кровати лежала мертвая женщина, опустив руки, а маленький ребенок сосал ее мертвый палец. В другом углу лежал мертвый старик.

Не помню, как я добежала до своего барака. Мне тогда очень хотелось жить. Я завидовала собаке, кошке — они имели право на жизнь, их никто не преследовал, а я, только за то, что я еврейка, должна умереть.

Каждый день мы с раннего утра сидели и ждали смерти. Однажды нам дали передышку. Из Салтова доносились оружейные выстрелы. Обреченные думали, что это подходят наши войска. Они говорили: “Нас спасут”. Обнимали друг друга, плакали. Должно быть, у меня крепкие нервы, если я все это выдержала.

Наконец, наступил предпоследний день. Вечером привезли молодую беременную женщину и поместили ее в наш барак. На следующий день начались роды. От ее крика я не могла уснуть. В ту ночь я решила бежать.

Рано утром я собралась, положила в карман пальто простыню, чтобы перевязывать рану, и отправилась в путь. На каждом шагу стояли гестаповцы с ружьями. Что делать? Куда идти? Долго думать не приходилось, дорога была каждая секунда. В это время офицер позвал солдат, чтобы разобрать еврейские вещи, сложенные на машине. Я легла на землю и ползком добралась до яра. Немцы вернулись назад. Я заползла в снег и покрылась простыней. Так я пролежала на сильном морозе до утра. Как только начало светать, я ползком добралась до противоположной стороны яра. С трудом поднялась вверх. Был жуткий мороз, и патрулей возле яра не было. С замиранием сердца я шла через поселок. [Я боялась каждого взгляда.]

Куда идти? Ведь все побоятся приютить меня — за это грозит смерть. Моими самыми близкими друзьями была семья Кирилла Арсеньевича Редько. Они, рискуя своей жизнью, укрывали евреев. На них был донос, и они чуть не погибли. Я об этом знала и не хотела их подвести. [Я пошла к своим приятелям, которые жили у меня до прихода немцев. Они мне говорили, что в случае чего помогут мне спрятаться, но теперь они безжалостно выгнали меня, хотя я и говорила, что поздно и меня могут схватить.]

Куда идти? Скоро ночь. Из города я не успею выбраться. Я нашла уборную, состоявшую из трех отделений. Там я просидела три дня и три ночи. Трудно описать все муки. Стояли очень сильные морозы, ветер насквозь меня пронизывал. Я окоченела. У меня не было ни крохи хлеба, ни капли воды. Каждую минуту меня могли найти. На четвертые сутки я начала замерзать.

Вдруг мне сделалось тепло. Я слышу, как говорю: “Воды! Капельку воды”. Не знаю, как я дотянула до утра. Через силу я поднялась с грязного пола и вышла. Я пошла к Кириллу Арсеньевичу. Что ни шаг, я падала. Хорошо, что они жили близко от того места, где я пряталась. Они меня тепло приняли. Я у них побыла три дня, немного отдохнула душой — в этом доме я снова почувствовала себя человеком. Они мне дали продукты и с болью в сердце простились со мной.

Ноги меня больше не держали — это были колоды. Я пошла по направлению к Люботину. Жутко идти, не зная куда. Кто меня приютит? Кому я нужна? А паспорт?

Кое-как я добрела до Коротича. Я решила найти место, где меня никто не заметит, и там замерзнуть. Но перед этим хотела еще раз попытаться счастья в крайней хате. Здесь-то мне и повезло. Меня оставили ночевать. Наутро поднялась сильная метель, и хозяйка сжалилась, оставила меня в доме. Я прожила у них три недели. В хату часто приходили немцы, искали партизан. Чудом меня не нашли.

Пришлось уйти из этого дома, но идти я не могла, мои ноги представляли собой обугленную массу, из которой сочился гной. Старуха, когда я ухо-

дила, сказала: “Погоди”. Она меня отвела к врачу в хату-лабораторию. Осмотрев меня, доктор сказал: “Ваши ноги погибли”. Это было равносильно смертному приговору — что делать в моем положении без ног? Я хочу рассказать о докторе; к сожалению, не знаю его фамилии, а звали его Петро. Он отослал меня в Люботинскую больницу, приходил делать мне перевязки. Это был советский человек. Он догадывался, кто я. Когда сестра, записывая мою фамилию, ему что-то шепнула, он ей ответил: “Нас это не касается, наше дело оказать этой женщине помощь”.

И вот я оказалась в Люботинской больнице. Я лежала на мягкой постели, никто меня не гнал. Два раза в день меня кормили, хоть это была бурда, но все-таки теплая. Так я пролежала с 7 февраля по 2 июля 1942 года. [Меня приняли в больницу, не посмотрев мой паспорт. А паспорт все время находился при мне, я его спрятала между матрасами.]

Страшно вспомнить, как отнимали пальцы на обеих ногах, потом пилили кости. С месяц у меня был жар сорок градусов. Я могла лежать только на спине, не засыпала от боли. Мне хотелось одного — умереть в больнице. Ведь вот — выпишут, а куда я пойду? Я завидовала каждой умирающей. Я тогда поняла, какое счастье умереть естественной смертью.

Когда привозили больных из Харькова, я пряталась с головой под одеяло, выглядывала одним глазом — вдруг знакомое лицо? Персонал прекрасно ко мне относился, помогали, как могли. Врач-хирург тоже проявил большое участие.

Однажды привезли из Харькова больную, она была при смерти и вскоре скончалась. Ей было тридцать восемь лет. Меня все время преследовала мысль, что ее паспорт может меня спасти. Я получила этот паспорт.

Выйдя из больницы, я прожила две недели у больничной сестры. Потом я двинулась в путь. Я решила попытаться разыскать мою сестру. Я догадывалась, куда она уехала. [Теперь я могла идти во все стороны — у меня был “русский” паспорт.] Но нелегко был путь — раны на ногах еще не зажили, а идти пришлось пешком, да еще голодной. Дойдя до Мерчика, я почувствовала, что дальше не могу идти — слишком ослабела. Я хотела сесть в поезд, но немец спросил, есть ли у меня пропуск. Он меня выкинул из вагона; полицейский посоветовал мне просить пропуск у коменданта, но комендант оказался зверем; даже не выслушав меня, он закричал: “К черту! Пошла вон!”

Я просидела у станции до вечера, потом пошла в дом, где жили железнодорожники; там я встретила добрую женщину, — она меня накормила и оставила до утра. Она мне помогла раздобыть пропуск.

Я не могла себе представить такое счастье — неужели я скоро увижу мою единственную, мою дорогую сестру? А вдруг эти звери ее убили? Поезд шел из Харькова. Я забилась в угол — боялась, что меня кто-нибудь узнает. В два часа дня я приехала в местечко Смородино. Я поплелась по улицам и вдруг поняла, что не найду сестру — ведь я не могу расспрашивать, это вызовет подозрение.

Одна женщина увидела мой растерянный вид. Она спросила: “Что с вами?” Я ответила, что устала и голодна. Она меня привела к себе. Передо мной поставили еду, хлеб. Мне было стыдно — я набросилась на все. Я сказала: “Вы меня простите, я один раз поем, а потом больше не буду”. Я про-

жила там полтора месяца, готовила, убирала. Эта женщина сыграла большую роль в моей судьбе: оказалось, что она знает мою сестру.

Как передать нашу встречу? Мне хотелось броситься к сестре, обнимать, целовать — ведь мы считали друг друга погибшими, но разговор был холодным; мы делали вид, что едва знакомы. Нужно было много выдержки.

Год и три месяца я прожила в Смородино. Была и кухаркой, и нянькой, и нищенкой, ютилась по разным углам.

Видела я, как немецкие варвары гнали в рабство молодежь. Их сразу после осмотра запирали в особое помещение, не давали проститься с семьями. Родные бежали вслед, а разбойники в них стреляли. Было много случаев, когда подростки калечили себя, чтобы не ехать в Германию, или кончали жизнь самоубийством. Страшная картина была, когда уходили поезда. На вокзале стоял стон. Несчастные дети кричали: “Куда вы нас везете, душегубы?” Родных к вагонам не подпускали.

Фронт приблизился. Две недели мы просидели в подвале. В наш дом попало два снаряда. Наконец-то вошли в Смородино наши. Сколько у меня было счастья в душе! Наши!

Я снова в родном Харькове. Я могу свободно ходить по улицам, смотреть всем в глаза... [Мне кажется, что после всего пережитого я еще больше полюбила нашу родину. Это страна, где у каждого человека есть право на жизнь.]

Харьков, ноябрь 1943 г.

Сообщение Марии Марковны Сокол
Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

ПЕТР ЧЕПУРЕНКО — СВИДЕТЕЛЬ ПИРЯТИНСКОГО УБИЙСТВА¹

77

6 апреля 1942 года, на второй день Пасхи, в городе Пирятине Полтавской области немцы убили тысячу шестьсот евреев — стариков, женщин, детей, которые не могли уйти на восток².

Евреев вывели на Гребенковскую дорогу, довели до Пироговской Левады в трех километрах от города. Там были приготовлены вместительные ямы. Евреев раздели. Немцы и полицейские тут же поделили вещи. Обреченных загоняли в яму по пять человек и расстреливали из автоматов.

Триста жителей Пирятин были пригнаны немцами на Пироговскую Леваду, чтобы засыпали ямы. Среди них был Петр Лаврентьевич Чепуренко. Он рассказывает:

Я видел, как они убивали. В пять часов дня скомандовали: “Засыпать ямы”. А из ям раздавались крики, стоны. Под землей люди еще шевелились. Вдруг я вижу — из-под земли подымается мой сосед Рудерман. Он был ездовым на фабрике. Его глаза были налиты кровью. Он кричал: “Добей меня!” Сзади тоже кто-то крикнул. Это был столяр Сима. Его ранили, но не убили. Немцы и полицейские начали их добивать. У моих ног лежала убитая женщина. Из-под ее тела выполз мальчик лет пяти и отчаянно закричал: “Маменька!” Больше я ничего не видел — я упал без сознания.

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

- 1 В архиве Эренбурге очерк называется “Пирятин”, указано отчество свидетеля — Лаврентьевич (АЯВ, Р.21.1/122). Планировалось, что этим очерком откроется подраздел “В городах, местечках и селах Украины” (д. 942, л. 3). — И. А.
- 2 В Пирятине, где до войны проживало 1747 евреев (12,7 % населения), в тот день было казнено 1530 человек. См.: *Энциклопедия...* С. 752. — И. А.

ГИБЕЛЬ ЕВРЕЕВ-КОЛХОЗНИКОВ В ЗЕЛЕНОПОЛЕ

Старая еврейская колония — Зеленополь. Здесь вырос и окреп богатый колхоз “Эмес”¹. Перед войной в “Эмесе” жили и евреи, и русские, и украинцы². Жили весело, зажиточно, любо было смотреть на эту счастливую дружную семью.

И вот в Зеленополь ворвались немцы. Из еврейского населения многие эвакуировались. Осталось несколько семей и старики, не желавшие расставаться с землей, на которой они выросли. Старики остались самые дряхлые. Калманович Идл, Козловский Гирше-Лейб с женой, Камсорюк Шлейма с женой и другие.

Как только немцы вошли в колонию, они решили “очистить воздух и землю” от евреев. Но убить — это мало. По их замыслам, обреченные на смерть должны пройти кольцо пыток. Калманович Идл — старый, верующий еврей, всеми уважаемый. Немцы разостлали талес и приказали старику кататься на нем, встать перед разбойниками на колени. Он отказался это сделать. Тогда они сбрили его седую бороду. Это показалось им недостаточным. Они бритвой сдирали ему кожу с лица, отрезали щеки, уши. Несмотря на ужасные пытки, Калманович ни разу не попросил немцев сжалиться над ним.

Камсорюк Шлейма был инвалид труда, честный работник. Негодяи его нещадно мучили. Они буквально резали его на куски.

Остальные оставшиеся в живых долгое время скитались в стужу, в мороз и непогоду. Их всех постигла такая же участь.

Семья Ханы Патурской зверски была уничтожена. Старшую дочь Рахиль, девушку шестнадцати лет, опозорили, а потом расстреляли. Двух детей и старую мать расстреляли. Меньшую дочь Таню они повесили на глазах у матери.

Всего было замучено семьдесят четыре еврея и четырнадцать военнопленных. По району очень много погибло — ведь это национальный еврейский район.

[22 сентября 1944 г.

Сообщение А. Е. Ходос³]

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

- 1 На идише — “Правда”.
- 2 В 1931 г. здесь было 1259 жителей. В начале 1942 г. погибли 74 еврея. См.: Круглов А. И. *Катастрофа украинского еврейства. 1941–1944 гг. Энциклопедический справочник*. Харьков: Каравелла, 2001. С. 125. — И. А.
- 3 Авторство установлено по архиву Эренбурга (АЯВ, Р.21.1/1-36). Машинописный текст очерка имеет и указание на автора сообщения, и датировку (ГА РФ, д. 950, лл. 265–267). — И. А.

Письма супругов Индикт¹

I

Я родился в 1895 году. До войны жил в Днепропетровске², работал в артели промкооперации. [С приближением немцев мне поручили вывезти оборудование артели, и я погрузил его в вагон. Но вагон не прицепили, и я остался вместе с оборудованием.]

24 августа 1941 года в город вошли немцы³. Я не выходил на улицу, так как евреев хватали. [Моя жена русская, она могла ходить по городу, она мне и рассказала про все.]

26 августа я решил пойти на предприятие, где работал. Там я встретил уборщицу; она мне сообщила, что утром во дворе изнасиловали еврейскую девушку семнадцати лет, а потом убили. [Она сказала: “Если хотите, можете посмотреть”.] Я ушел и больше не выходил из дому.

25 сентября появился приказ коменданта города: евреи должны уплатить тридцать миллионов рублей контрибуции. Деньги будет собирать еврейская община. Жена хотела пойти в общину, но я ей сказал: “Не нужно. Внесем мы деньги или не внесем, все равно — они уничтожат нас”.

Жена нашла мне работу на другом конце города. Моя фамилия Индикт, но теперь я стал — Индиктенко.

12 октября хозяин мне сказал: “Уходи”. Я ушел с женой. Была ночь, мы слышали страшные крики. Утром 13 октября еще было темно, когда постучали: “Выходите”. Полицейские удивились, что моя жена не значится в списке. Я ответил, что она русская. Я знал, что меня ведут на расстрел. Повели меня к универмагу, там уже было много евреев.

Первая партия была в полторы — две тысячи человек. Я попал во вторую партию. Не доходя до еврейского кладбища, мы услышали стрельбу и вопли. Мы решили бежать. Многих при этом застрелили⁴. Мне удалось убежать.

Два дня я бродил в степи, потом отчаялся и вернулся домой. Пришел ночью, постучал в окно. Месяц я просидел на чердаке. Затем мы решили, что мне нужно уйти из дома, так как хозяин что-то подозревал.

1 Свидетельства семьи Индикт (и следующие два письма) Илье Эренбургу передала жительница Днепропетровска Евгения Кабиновская. — И. А.

2 В 1939 г. в городе проживало 89529 евреев (17,9 % населения). См.: *Энциклопедия...* С. 272. — И. А.

3 Немцы заняли Днепропетровск 25 августа. — И. Л.

4 В тот день погибло от 10 до 12 тысяч евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 272. — И. А.

Жена достала мне трудовую книжку, где я мог изменить фамилию и национальность. Потом она нашла для меня паспорт на имя Ступки, 1905 года рождения. Мой возраст казался иногда подозрительным.

Три месяца я проработал в одном месте; потом хозяин сказал, чтобы я ушел. За это время жена разыскала одинокий домик на краю города. Полов там не было, но она сделала пол, под кроватью три доски приподнимались. Я мог поместиться под полом. Чтобы никто не поселился во второй комнате, мы превратили ее в сарай, держали там кур, кошку и собаку.

Несколько слов напишу о собаке, так как и она участвовала в спасении моей жизни. Ее звали Альма, она была очень злая. Никто не решался войти в дом, пока не привяжут собаку. Тем временем я успевал залезать под пол.

Рядом с нами жил полицейский. Зная, что его соседка — одинокая женщина, он, выпив, приходил к жене, приставал, ругался. Я сидел в яме и должен был слушать, как он говорил жене: “Ты б..., что ты из себя строишь честную женщину? Долго ли ты будешь меня водить за нос?”

Однажды жена не вытерпела и говорит: “Иди ты к такой-то матери!” Он ее назвал в ответ “жидовской мордой” и ушел. Я вылез из ямы и начал смеяться, — *во-первых*, я никогда не слышал, чтобы моя жена так ругалась, *во-вторых*, я считал, что это наш последний вечер, потому что полицией приведет других, но этого не случилось. Жена считает, что этого не случилось потому, что она сильно молилась богу.

Я прожил в яме два с половиной года. Последние месяцы мои нервы не выдерживали. Много раз жена предлагала мне вместе отравиться, но я ее отговаривал, и наши пришли.

31 июля 1944 г.

[Михаил Петрович] Индикт

II

Меня зовут Надежда Ивановна Индикт. Когда пришли немцы, мне было 34 года, но в связи с создавшейся обстановкой я выглядела жутко, не умывалась, ходила в изодранной одежде и с минуты на минуту ждала смерти.

Когда я жила с мужем в хатенке, пришел сосед-полицейский, говорит: “Слушай, мне сказали, что твой муж — жид, и сын у тебя жид, и он скрывается в Одессе”. Я его схватила за рукав и кричу, как в истерике: “Идем в гестапо”, и тащу его. Он тогда сказал: “Отвяжись, зараза” и ушел.

Когда наши летчики налетели на Днепропетровск, я молила бога, чтобы бомба упала нам на голову.

Я часто уходила далеко за продуктами, а муж оставался в яме.

Однажды зимой, во время сильных морозов, я пошла в село. Ночевать никто не пускает без особого разрешения. Наконец пустили, я сильно замерзла, залезла на печь и там угорела. Выбралась я из хаты и чувствую, что мне плохо, идти не могу, а идти необходимо, я не имею права умереть,

я стала молиться: “Боже, спаси меня ради Миши! Что с ним? Как он меня ждет!” В это время подъехала подвода и подобрала меня.

Что мне оставалось делать? Только плакать и плакать. В Каменском я увидела объявление, что если русские будут прятать евреев, всех расстреляют, до грудного ребенка. Я шла, и в голове было одно: жив ли еще Миша? Я думала, он мне обрадуется, а он только руками щупал мое лицо и глядел на меня, как сумасшедший, а по лицу его текли слезы. Оказалось, я обморозила лицо.

Я никогда не выходила на улицу без того, чтобы не было у меня кошелки с продуктами и денег: искала евреев. А чтобы достать деньги, я продавала вещи на базаре и нанималась на работу.

Иду раз по улице вместе с соседкой Варей. Я ей доверяла. Вижу — идет молодой человек и осматривается. Я говорю Варе: “Постойте, кажется, это еврей” — и подошла к нему. Он спрашивает, где комендатура. Я по акценту поняла, что он еврей. Он рассказал: сам он из Крыма, добрался сюда, а на вокзале ему говорят — нужен пропуск комендатуры. Я стала просить, чтобы он не ходил, потому что евреев расстреливают, дала ему сто рублей и умолила пробираться окольными путями. Он меня послушался. А я пошла домой и плакала: “Боже, за что люди страдают?”

Мужу тяжело было — весь день меня нет, дом заперт на замок, а он слушает каждый шорох Я и форточки не открывала, так что свежего воздуха не было. Но мне еще тяжелее было: я ходила по городу и все видела. Ходила я к тете — это на Проспекте, дом 84, — там стояла немецкая часть. Приводили евреев на работу. Мы с тетей их тихонько кормили, совали хлеб, сало, помидоры. Немецкий офицер был очень жестокий, подобных нет на свете. Что только ни делали немцы с евреями! Запрягали их в большой фургон, и они должны были тащить. Наливали похлебку в корыто, чтобы евреи на четвереньках лакали еду.

Я ходила во все лагеря. Один раз немец в меня стрелял, три пули пролетели над головой. Стоял лагерь возле тюрьмы — я увидела много подвод, спрашиваю: откуда гонят? Говорят, издалека. Были только мужчины, а их семьи уже расстреляли. Я им дала еду. Немцы заметили. Я сказала, что торгую табаком, потому что у меня дети маленькие. Немец меня ударил, я убежала. Прихожу домой, рассказываю мужу про людское горе.

Был среди пленных евреев мальчик лет пятнадцати. Мать его давно умерла, отец был на фронте. Он с сестричкой жил у бабушки: бабушка у него была русская. Пришли немцы, кто-то донес, и мальчика забрали. Когда шли на работу, мальчик увидел на тротуаре старуху, бросился к ней: “Бабуся!” Они его стали бить, а бабуся упала без чувств.

На Херсонской жила старушка с дочерью и двумя внучатами. Я им помогала. Раз эта старушка стала меня благодарить и плачет. Я ее поцеловала. Это увидели [и начали кричать.] Мне пришлось убежать; домой я не решилась идти и до поздней ночи просидела на кладбище. Я раньше боялась покойников, а теперь, сидя на кладбище, говорила: “Я ничего плохого не делаю, и вы, покойники, мне не сделаете ничего”. [Дома муж говорит: “Ты себя погубишь, а поцелуями ты им не поможешь”, но я ему сказала, что мои поцелуи дороже денег, потому что от этих людей все отказались, как от прокаженных.]

Носила я еду одной семье — там старик был, дочь и две внучки.

Я достала мужу паспорт, но нужна была фотография. Нашла одного человека на окраине города; он сказал, что мастер на все руки. Я ему сказала,

что ко мне приезжают колхозники, им нужны фотографии для немецких справок с печатью. Мы договорились, что я буду приводить людей, а он будет брать за три фото пятьсот граммов сала, двести из них мне. Поглядела и, когда никого не было, повела мужа к фотографу. Он его сфотографировал, потом я принесла сало, а двести граммов обратно взяла.

Мой муж стал учиться граверному делу. Он сделал печать для прописки, и, кому нужно было, мы ее ставили. Я все ходила и искала евреев.

Много раз гестапо на нашей улице делало обыски. Я через окно надевала дверной замок, а сама молилась богу. Когда гестаповцы доходили до соседей, им говорили: “Там одинокая женщина, она работает”, и они уходили.

Я говорила мужу: “Давай мы умрем спокойно. Я не могу жить и видеть все это”. Муж отвечал, что мы все переживем и будем жить с нашими. Он читал немецкие газеты, и я обязательно должна была покупать ему газету. Если я не доставала, он укоризненно на меня глядел: “Не принесла?”

Я ему говорила, что ничего в них нет интересного, одна ложь. Но он так научился читать, что каждое слово у него получалось совершенно иначе. Он говорил мне: “Увидишь, в следующем номере будет написано, что укорачивают фронт и такой-то город оставили”. И действительно, так получилось. Он мне говорил: “Все равно наши будут здесь”.

Я узнала, что одному немцу требуется уборщица, и нанялась. Этот немец имел химическую фабрику. У него оказались и бланки, и печать. Я все это достала. И пишущая машинка была немецкая, но мне трудно было писать, и я испортила много бланков, потом написала наконец, поставила печати. После этого я ушла с работы.

Я должна была явиться в полицию для заполнения анкеты и приложения печати к прописке. Первый вопрос, который мне задали, был — национальность моего мужа. Я ответила: “Болгарин, румынский подданный”. Полицейский мне сказал: “Такого быть не может, я сам болгарин”. Тогда я сказала: “Значит, вы плохо знаете историю своего народа. Болгария граничит с Турцией, и когда турки избивали болгар, как бьют сейчас евреев, то болгары бежали в Румынию и так приняли румынское подданство”. Полицейский сказал мне: “Спасибо за прочитанную лекцию” и поставил печать.

Началось наступление наших. Мы готовились уйти под землю. Выкопали подземелье от подвала до водопроводного колодца.

Муж должен был там сидеть, а я ему носила кушать. В последние дни муж начал заговариваться, твердил только одно слово, пока не терял сознание: “Переживем, переживем”.

Всего не опишешь. Это большое горе мы пережили, и мы дождались прихода наших войск.

2 августа 1944 г.

Е. Индикт

Подготовил к печати Г. МУНБЛИТ

Рассказ А. М. Бурцевой

Мне не удалось эвакуироваться из Днепропетровска до прихода немцев, потому что у меня в это время была опасно больна дочь. Вместе со мной остались моя мать, отец и брат — мальчик тринадцати лет. Они не захотели уехать без меня.

Когда в город вошли немцы, они сразу же приказали, чтобы все евреи надели на рукава белые повязки с шестиконечной звездой. Некоторые сопротивлялись, не хотели носить повязку, и я сама видела, как немецкий бандит убил на улице молодую девушку за то, что она отказалась надеть повязку.

Потом на евреев наложили контрибуцию в тридцать миллионов рублей. Начались издевательства и грабежи. Однажды эсэсовцы ворвались в нашу квартиру и увели моих отца и мать в полицию. Там их избили и, отобрав все ценные вещи, выпустили. Мать и отец после этого боялись показаться на улице.

Так, в страхе за свою жизнь и за жизнь детей, мы прожили до 13 октября 1941 года.

К этому времени мой муж (я замужем за русским) разыскал комнату, где нас никто не знал и куда он собирался нас перевезти. Но мы не успели осуществить этот план. В шесть часов утра к нам постучали и сказали, чтобы мы с вещами пришли к универмагу на улице Маркса, где якобы собирают всех евреев для того, чтобы заставить их уплатить контрибуцию.

Когда мы пришли к магазину, огромное четырехэтажное здание было уже переполнено людьми. Особенно много было стариков и женщин с детьми. У входа у всех отобрали вещи. Так как я была без вещей, меня в магазин не пустили, и я осталась на улице в толпе, в которой было несколько тысяч человек. Через некоторое время тех, что были в магазине, тоже вывели на улицу. Я нашла мать и брата. Отца мы потеряли, и больше я его никогда не видела. Нас построили в колонну по шесть человек и в сопровождении вооруженных жандармов куда-то повели. Мать стала убеждать меня, чтобы я передала мою девочку кому-нибудь из знакомых на улице с тем, чтобы как-нибудь переправить ее к моему мужу. Я стала вглядываться в лица людей, шедших навстречу, и вскоре увидела нашего соседа, который искал в колонне свою жену (еврейку) и ребенка. Я отдала ему Леночку и вскоре увидела, что мой муж идет рядом с колонной и ведет Леночку за руку. Через несколько минут около меня оказался знакомый мужа (я шла с краю колонны, и ему удалось подойти ко мне) и стал убеждать меня незаметно снять

повязку и убежать. Он сказал, что нас ведут на убой. Но я не хотела оставлять своих и продолжала идти в колонне. Тогда моя мать, которая слышала наш разговор, начала умолять меня, чтобы я бежала. “Нам ты все равно не сможешь, — говорила она, — а ради Леночки ты должна это сделать”.

Тут мимо нас проехала машина, в которой везли стариков и детей. И вдруг один из сидевших в машине вскочил на ноги и бритвой перерезал себе горло. Немец толкнул его в кузов, чтобы его никто не увидел, и машина проехала дальше.

На Юрьевской улице я сняла повязку, незаметно выскользнула из колонны и пошла по адресу, который дал мне знакомый мужа.

Здесь я прожила недели две, и мой муж только изредка мог придти ко мне, так как мы боялись, чтобы его не проследили. Потом он перевез меня домой, и два месяца я безвыходно просидела в комнате, прячась в шкаф всякий раз, как слышала шаги на лестнице. Но заболела Леночка, и мне пришлось выходить, чтобы доставать ей еду. Меня спасло то, что внешне я не похожа на еврейку, а соседи у нас были хорошие люди и всем, чем могли, помогали нам.

Так в постоянном страхе, каждый день ожидая смерти, я прожила два года. Сказалась эта жизнь и на ребенке. Достаточно мне было где-нибудь задержаться, как Леночка начинала биться в истерике с криком: “Мою мамочку убили!” По временам казалось, что мы всего этого не перенесем.

Судьба всех остальных, с которыми я шла в колонне, ужасна. Их всех расстреляли в противотанковом рву за городом. Та же участь постигла и моих родных.

Рассказ Е. А. Ревенской

К великому моему горю, я не успела вместе с родственниками уехать из Днепропетровска в 1941 году. В тот день, когда в город вошли немцы, я находилась в квартире племянника. В тот же вечер туда явилось несколько немцев и мажар, которые заявили, что им дано право все забрать в еврейских квартирах. *Привел их предатель Абалаков, живший в том же доме. Он умер в 1942 году.*

Несколькими днями позднее была произведена перепись евреев, живших в Днепропетровске, и нас стали выгонять на работы, которые нельзя назвать иначе, чем каторжными. Тех, кто не в силах был работать, немцы избивали до смерти.

Потом настал роковой день, в который всем евреям было приказано собраться у магазина “Люкс”, взяв с собой вещи и еду на три дня.

В этот день погода была совсем осенняя. Шел дождь вперемежку со снегом, ветер валил с ног.

Когда мы подошли к зданию магазина, я увидела, что оно оцеплено полицией. Я решила, что лучше отравлюсь, чем дамся живой в руки немцев.

Я вернулась домой, и там мой сосед П. И. Кравченко посоветовал мне уйти из города и дал письмо к своей приятельнице, которая жила в селе Краснополье, в восьми километрах от Днепропетровска. В Краснополье

я пробыла два дня, а потом должна была бежать и оттуда, потому что немцы не досчитались восьмисот евреев и стали искать их в окрестных деревнях.

Когда я вернулась в город, я узнала, что всех евреев, пришедших в тот день к магазину, расстреляли. Идти мне было некуда, домой возвращаться нельзя, и я долго бродила по закоулкам, пытаюсь что-нибудь придумать. Но что тут можно было придумать?

И я решила умереть. Мне удалось достать бутылочку нашатырного спирта, я пошла в городской сад и, сев на скамейку, выпила ее всю залпом.

Очевидно, я стонала, потому что ко мне подошли какие-то немцы. Они прежде всего спросили меня — не еврейка ли я. Говорить я уже не могла и только отрицательно покачала головой. И тогда они отправили меня в больницу. В больнице я пробыла один день. Наутро ко мне подошла сестра и сказала, что предстоит обход немецких врачей и чтобы я поскорей уходила.

И вот я опять очутилась на улице, и опять мне некуда было идти. Целые сутки я ничего не ела, потому что горло у меня было обожжено и в больнице мне есть ничего не дали.

Бродя по улицам, я столкнулась с группой людей, оказавшихся красноармейцами, бежавшими из плена. Они собирались идти в свои деревни и позволили мне к ним присоединиться.

И я пошла, сначала с ними, а потом одна, и, пройдя триста километров, пришла в Николаев, где прожила когда-то девятнадцать лет.

Здесь знакомые спрятали меня, потом достали мне фальшивый паспорт, — словом, сделали все, чтобы спасти мне жизнь.

За все это время я столько перенесла и видела столько горя, что нужно было бы много писать. И разве можно передать на бумаге, что я испытывала, когда видела, например, как двое гестаповцев гнали по снегу молодую женщину в одной сорочке с маленьким ребенком на руках или как в Николаеве швырнули в машину и увезли на расстрел четырех лучших врачей города.

Мне сейчас пятьдесят два года, я прожила трудную жизнь, была свидетельницей двух войн, но от того, что пришлось испытать и увидеть в фашистском аду, у меня до сих пор стынет кровь в жилах.

Рассказ Б. Я. Тартаковской

Немцы вошли в Днепропетровск 24 августа 1941 года¹. И с первого же дня их прихода начались истязания, грабежи и убийства. Евреи, носившие на рукаве белую повязку с шестиконечной звездой (нам приказали носить ее под угрозой расстрела), не смели брать воду из водопроводной колонки, боялись выходить на улицу даже за хлебом.

Вскоре всем евреям приказано было собраться у магазина “Люкс”. Мне сказали, что это делается для организации гетто. Собрав немного вещей,

¹ 25 августа. — И. Л.

я с двумя детьми тоже пошла к магазину. Здесь нас построили в колонну и куда-то повели. На все вопросы, куда нас ведут, немцы отвечали: “В лагерь”. Когда прошли еврейское кладбище и вышли на пустырь у железной дороги, слышались выстрелы. Тогда мы поняли, зачем нас сюда привели. Но на этот раз очередь до нас не дошла, потому что на дворе стало темнеть. Толпу в несколько тысяч человек согнали к какому-то забору и оцепили со всех сторон. Было холодно, и люди стояли плечо к плечу в ледяной грязи, здесь же лежали больные и умирающие. Мой младший мальчик сидел у меня на спине, а старший (ему было тогда три года) стоял, уткнувшись лицом в мои колени. Так мы провели длинную осеннюю ночь.

Когда рассвело, на пустыре появились немецкие солдаты с патронными ящиками в руках. Они показывали нам эти ящики и хохотали. Потом нас стали гнать к ямам, которые были в конце пустыря. Толпа шарахнулась в сторону, слабые падали под ноги обезумевшим от ужаса людям, слышались крики, выстрелы, детский плач. Немцы подтаскивали к ямам задавленных в толпе стариков и детей и закапывали их вместе с расстрелянными. Я упала на колени и обняла своих детей, мне казалось, что я схожу с ума от ужаса.

В этот момент ко мне подошел какой-то человек и сказал, что он выведет меня с детьми из толпы. Как ему это удалось, я до сих пор не понимаю, но через некоторое время мы уже оказались с ним на кладбище у дороги. Тут мы увидели подводу, на которой ехал молодой крестьянин. Мы его ни о чем не просили, но он сам предложил довезти меня с детьми до города. Я попрощалась со своим спасителем, и мы поехали.

Дома я застала мужа в слезах. Ему сказали, что нас увели не в лагерь, а на расстрел. Мой муж — украинец, и мы надеялись, что ему удастся помочь мне и детям бежать.

На следующее утро мы все вышли из города и пошли в Сумы, где у мужа были родные. Шли мы без денег и без документов, и дорога отняла у нас полтора месяца. В Сумах некоторое время меня не трогали. Потом мы узнали, что на меня донесли. Мы снова бежали и долгое время скитались по селам и деревням.

Можно ли описать нашу радость, когда в одной деревне мы встретились с передовым отрядом Красной Армии.

Теперь мой муж в армии, а я работаю в госпитале. Мне двадцать семь лет, но я совсем старуха. Я живу только для детей и еще для того, чтобы увидеть, как будут наказаны гитлеровские звери. Нет, не звери, потому что звери не грызут лежащих и потому что недостойны названия зверей те, кто бросал в могилы живых детей.

Подготовил к печати Г. МУНБЛИТ

Екатеринополъ

Это письмо сохрани¹. Это все, что осталось от нашего любимого Екатеринополя: мое письмо, развалины, могилы земляков и девочка Соня. Там, где мы с тобой росли, учились, любили, — трава, а близкие в земле.

Нет больше Екатеринополя — его уничтожили немцы. Осталась только девочка Соня.

Когда я приехал в наше местечко — это было 9 мая 1944 года, — я не нашел своего дома. Голое место. Я ходил среди развалин, искал людей, но никого не нашел, все расстреляны. Никто меня не встретил, никто не подал руки, никто не поздравил с победой.

Потом я встретил Соню Диамант. Ей теперь пятнадцать лет. Чудом она спаслась, немцы трижды ее вели на казнь. Она мне рассказала о трагедии Екатеринополя.

Приехали эсэсовцы, начались обыски, грабежи, погромы. Всех евреев загнали в особые лагеря. В Звенигородке был лагерь для негодных к труду. Там заперли стариков, больных, женщин с грудными детьми и детей до четырнадцати лет.

Кто мог работать, попал в лагерь возле станции.

6 сентября 1941 года в Екатеринополе расстреляли первую партию: коммунистов, колхозный актив, много евреев.

Всех, кто был в Звенигородском лагере, убили в апреле 1942 года. Убили восьмидесятилетнюю Хану Лернер за то, что она слишком стара, и младенца Мани Фининберг — ему был месяц от роду — за то, что он слишком молод.

В лагере у станции долго мучили, заставляли работать по восемнадцать-двадцать часов в сутки, издевались. Девушек насиловали. Стариков пороли розгами. Наконец, осенью 1942 года расстреляли всех — из Екатеринополя, Шполы, Звенигородки, — две тысячи человек.

Ты помнишь старого парикмахера Азриила Прицмана? Ему было семьдесят лет. Он крикнул перед смертью: “Стреляйте в меня! Мои сыны отомстят”. Его пятеро сыновей на фронте. А бондарь Голиков! Восемьдесят лет ему было, немцы его ранили, он приподнялся, окровавленный, и закричал: “Гады, стреляйте еще! Одной пулей меня не возьмете!” Двадцать восемь родственников Голикова на фронте — сыновья, внуки, зятья, племянники.

¹ Письмо адресовано земляку Грановского Ионе Марковичу Родинову, который переслал письмо Эренбургу (АЯВ, Р.21.2/73). Журналист И. Родинов после войны жил в Риге, в 60-х годах занимался сбором информации о Холокосте в СССР, публиковал статьи на эту тему в советской и зарубежной печати. — И. А.

Первый наш колхозник, старый Мендель Ингер, гордо встретил врага. Это было в первый день, когда пришли немцы. Менделю было семьдесят лет. Он не хотел с ними разговаривать. Его сразу расстреляли.

Я был у могилы, и я как будто видел родных, земляков; они мне говорили из-под земли: “Мсти!” Я обещал, что отомщу. Дважды в жизни я присягал на верность своему народу: когда мне вручили мою грозную боевую машину, и второй раз — у могилы Екатеринополя.

[15 мая 1944 г.

Абрам Грановский¹]

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

1 Дата письма и имя корреспондента, а также первоначальное название очерка (“Екатеринополь”) установлены по материалам Эренбурга (АЯВ, Р.21.1/72). В машинописном варианте очерк назывался “Гибель семьи офицера Грановского (Екатеринополь)”; дата опущена (ГА РФ, ф. 8114, оп. 1, д. 944, лл. 42–43). — И. А.

Мариуполь

8 октября. Немцы в городе². Дома — все, кроме Фани, которая на заводе. Она утром пошла на работу. Жива ли она? А если жива, как доберется сюда, ведь трамваи не ходят. Бася у Гани, которая больна брюшным тифом. В шесть часов вечера Фаня пришла с завода пешком; на заводе немцы с двух часов дня, а рабочие и служащие завода сидели в бомбоубежище. Директор завода пытался организовать отряд, раздавали оружие, но, кажется, ничего не вышло. Говорят, что секретаря Молотовского райсовета Гарбера немцы убили в кабинете председателя райсовета. Председатель горсовета Ушкац успел уйти.

9 октября. Дома абсолютно нечего есть. Пекарни в городе разрушены, нет света, воды. Работает пекарня в порту, но хлеб только для немецкой армии. Немцы расклеили вчера объявление, обязывающее всех евреев носить отличительный знак — белую шестиконечную звезду на левой стороне груди, без этого выходить из дому строго воспрещается. Евреям нельзя переселяться из квартиры в квартиру, Фаня с работницей Таней все же переносят свои вещи с заводской квартиры к маме.

12 октября. По приказу еврейское население должно избрать правление общины в количестве тридцати человек. Община отвечает жизнью за “хорошее поведение еврейского населения”, так гласит приказ. Глава общины — доктор Эрбер. Кроме Файна, никого из членов общины я не знаю.

Еврейское население должно регистрироваться в пунктах общины. Каждый пункт объединяет несколько улиц. Наш пункт на улице Пушкина, дом 64. Этим пунктом ведают Боц — бухгалтер, юрист Зегельман и Томшинский. Фаня должна специально идти на завод регистрироваться. Председатель заводского пункта общины — доктор Белопольский. Спиваков — член общины. Массовых репрессий пока нет; наш сосед Траевский говорит, что еще не прибыл отряд гестапо, потом будет иначе.

13 октября. Ночью у нас были немцы. В девять часов вечера началась зенитная стрельба. Мы все были одеты. Владя спал, папа вышел на двор посмотреть, есть ли кто-нибудь в бомбоубежище, и наткнулся на трех немцев. Они были во дворе, искали евреев. Появление папы разрешило вопрос —

1 Сарра Глейх до войны работала чертежницей, последние годы жизни прожила в Москве. Восстановила свой дневник после перехода линии фронта. Дневник упоминается в мемуарах Ильи Эренбурга и хранится в его архиве в “Яд ва-Шем” (АЯВ, Р.21.1/63). — И. А.

2 В 1939 г. в Мариуполе проживало 10444 еврея (4,67 % населения). Около 9 тысяч погибли. См.: *Энциклопедия...* С. 567–568. — И. А.

папа привел их в квартиру. Тыча в лицо наганом, спрашивали, где масло и сахар, потом стали ломать дверцы шифоньерки, хотя шифоньерка была открыта; забрали все у Баси, она была у Гани — Бася там день и ночь. Потом перешли к нашим вещам. Мы остались буквально в чем стояли; двое грабили без передышки, взяли все, вплоть до мясорубки.

Увязав все в скатерть, ушли. В доме все разбросано, раскидано, разбито. Решили не убирать — если придут еще, пусть видят сразу, что у нас уже им делать нечего. Утром узнали, что в городе повальные грабежи. Грабеж продолжался и днем. Забирают все — подушки, одеяла, продукты, одежду. Ходят группами в три-четыре человека. Их слышно издалека — сапоги гремят.

После ухода немцев мама плакала; она говорила: “Нас не считают за людей, мы погибли”.

14 октября. Ночью опять приходили мародеры. Таня, работница Фани, спасла остатки вещей, выдав их за свои. Немцы ушли ни с чем. Зашли к Шварцам, забрали одеяла и подушки.

Гестапо уже в городе.

Общине дан приказ — собрать за два часа с еврейского населения два килограмма горького перца, две с половиной тысячи коробок черной мази, семьдесят килограммов сахара. Ходят по домам и собирают; все дают, что у кого есть; ведь община отвечает за “хорошее поведение еврейского населения”.

На пунктах общины зарегистрировано девять тысяч евреев. Остальное еврейское население ушло из города или спряталось.

17 октября. Сегодня объявили, что завтра утром все зарегистрировавшиеся должны явиться на пункты и принести все ценности.

18 октября. Сегодня утром пошли на пункт — я, мама, папа, Бася. Сдали три серебряные столовые ложки и кольцо. После сдачи нас не выпускали со двора. Когда все население района сдало ценности, нам объявили, что в течение двух часов мы должны оставить город. Нас всех поселят в ближайшем колхозе — идти будем пешком. Велено взять на четыре дня продуктов и теплые вещи. Через два часа собраться всем с вещами. Для стариков и женщин с детьми будут машины.

Еврейка, у которой муж русский или украинец, может оставаться в городе в том случае, если муж с ней. Если муж в армии или вообще по какой-либо причине отсутствует, жена и дети должны оставить город. Если русская замужем за евреем, ей предоставлено право выбирать — или оставаться, или идти с мужем. Дети могут оставаться с ней.

Рояновы пришли просить Фаню отдать им внука. Папа настаивал, чтобы Фаня с Владей шла к Рояновым. Фаня категорически отказалась, плакала и просила, чтобы папа ее не гнал к Рояновым; она говорила: “Все равно я без вас руки на себя наложу, я жить все равно не буду, я пойду с вами”. Владю не отдала, решила взять его с собой.

Таня, работница Фани, шла все за нами следом, просила Владю отдать Рояновым, обещала следить за ним. Фаня и слушать не хотела.

На улице простояли до вечера. На ночь всех согнали в здание; нам досталось место в подвале. Темно, холодно и грязно.

19 октября. Объявили, что завтра с утра пойдем дальше, а сегодня — воскресенье и гестапо отдыхает. Пришли Таня, Федя Белоусов, Ульяна, принесли передачу, съестное. Вчера в суматохе Фаня оставила на столе часы. Тане дали запасной ключ от квартиры, ведь ключи все сдавали вчера на пункте.

Гестапо наклеило на всех еврейских квартирах специально отпечатанные бумажки: запрещен вход всем посторонним, поэтому нужно проникнуть в квартиру тайно.

Знакомые и друзья приносят всем передачу; многие получили разрешение взять из дому еще вещи; народ все прибывает и прибывает.

Полиция разрешила общине организовать приготовление горячей пищи.

Разрешили приобрести лошадей и подводы. Распоряжение: на всех мешках и узлах ясно написать на русском и немецком языках фамилию; один из членов семьи поедет с вещами, остальные пойдут пешком.

Владе здесь надоело, он просится домой. Папа, Шварц, отчим Нюси Карпиловой сложились и купили лошадь и линейку. Выходить за ворота нам не разрешают; покупку сделал Федя Белоусов. Нюсе удалось проскользнуть за ворота, и она вернулась обратно расстроенная: считает, что мы не должны были сюда идти, много народа осталось в городе; говорит, что даже встречала их на улице.

Завтра в семь часов утра мы должны оставить наше последнее пристанище в городе.

20 октября. Всю ночь шел дождь, утро хмурое, серое, но не холодное.

Община в полном составе выехала в семь часов утра, затем потянулись машины со стариками, машины с женщинами, с детьми. Идти нужно девять-десять километров, дорога ужасная. Судя по тому, как немцы обращаются с теми, кто пришел с нами проститься и принес передачу, будущее не сулит ничего хорошего. Немцы избивают всех проходящих дубинками и оттоняют от здания. Стал вопрос о том, чтобы мама, папа и Фаня с Владей сели в машину.

Мама и папа уехали в девять часов утра, Фаня с Владей задержались — поедут следующей машиной. У машины распорядители: В. Осовец и Рейзинс. Во дворе все меньше и меньше людей, остаются только те, кто, по разъяснению немцев, будет следовать с вещами. К нам подошли Шмуклер, Вайнер, Р. и Л. Колдобские; я высказала опасение за жизнь стариков, так как носят нехорошие слухи: говорят, что машины идут под откос. Кто-то высказал предположение, что нас увезут за город и там уничтожат.

Вайнер выглядит ужасно: оказывается, его только вчера выпустили из гестапо. Несколько немцев вошло во двор и дубинками стали выгонять на улицу; из здания слышны крики избиваемых; я и Бася вышли. Фаня с Владей были у машины. В. Осовец помог ей сесть, и она уехала. Мы шли пешком, дорога ужасная; после дождя размыло, идти невозможно, трудно поднять ногу, если остановишься — получаешь удар дубинкой. Избивают, не разбирая возраста.

И. Райхельсон шел со мной рядом, потом куда-то исчез. Здесь же возле нас шли Шмерок, Ф. Гуревич с отцом, Л. Полунова. Было часа два, когда мы

подошли к Агробазе имени Петровского. Людей здесь много. Я кинулась искать Фаню и стариков. Фаня меня окликнула. Стариков она искала до моего прихода и не нашла: они, наверное, уже в сараях, куда уводят партиями по сорок-пятьдесят человек.

Владя голоден — хорошо, что я захватила с собой в кармане пальто яблоки и сухари. Владу это хватит на день; больше у нас все равно ничего нет, но взять съестное с собой нельзя было, немцы при выходе все отбирали, даже продукты.

Дошла очередь и до нас, и вся картина ужаса бессмысленной, до дико-го бессмысленной [и безропотной] смерти предстала перед нашими глазами, когда мы направились за сарай. Здесь уже где-то лежат трупы папы и мамы. Отправив их машиной, я сократила им жизнь на несколько часов. Нас гнали к траншеям, которые были вырыты для обороны города. В этих траншеях нашли себе смерть девять тысяч человек еврейского населения; больше ни для чего они не понадобились. Нам велели раздеться до сорочки; потом искали деньги и документы, гнали по краю траншеи, но края уже не было — на расстоянии в полкилометра траншеи были наполнены людьми, умирающими от ран и просящими еще об одной пуле, если одной было мало для смерти. Мы шли по телам. В каждой седой женщине, мне казалось, я узнаю маму. Я бросалась к трупам, за мной Бася, но удары дубинок возвращали нас на место. Один раз мне показалось, что старик с обнаженным мозгом — это папа, но подойти поближе не удалось. Мы начали прощаться, успели все поцеловаться. Вспомнили Дору. Фаня не верила, что это конец: “Неужели я уже никогда не увижу солнца и света”, — говорила она. Лицо у нее сине-серое, а Владя все спрашивал: “Мы будем купаться? Зачем мы разделись? Идем домой, мама, здесь нехорошо”. Фаня взяла его на руки; ему было трудно идти по скользкой глине; Бася не переставала ломать руки и шептать: “Владя, Владя, тебя-то за что? Никто даже не узнает, что с нами сделали”. Фаня обернулась и ответила: “С ним я умираю спокойно, знаю, что не оставляю сироту”. Это были последние слова Фани. Больше я не могла выдержать, я схватилась за голову и начала кричать каким-то диким криком, мне кажется, что Фаня еще успела обернуться и сказать: “Тише, Сарра, тише”, — и на этом все обрывается.

Когда я пришла в себя, были уже сумерки. Трупы, лежащие на мне, вздрагивали; это немцы, уходя, стреляли на всякий случай, чтобы раненые ночью не смогли уйти, так я поняла из разговора немцев. Они опасались, что есть много недобитых — они не ошиблись, таких было очень много. Они были заживо погребены, потому что помощь никто им не мог оказать, а они стонали и молили о помощи. Где-то под трупами плакали дети. Большинство из них, особенно малыши, которых матери несли на руках (а стреляли нам в спину), падали, прикрытые телами матерей, и были засыпаны и погребены под трупами заживо.

Я начала выбираться из-под трупов; я сорвала ногти с пальцев ноги (но узнала об этом тогда, когда попала к Рояновым — 24 октября), выбралась наверх и оглянулась — раненые копошились, стонали, пытались встать и снова падали. Я стала звать Фаню в надежде, что она меня услышит, рядом мужчина велел мне замолчать; это был Гродзинский — у него убили мать, он боялся, что я своими криками привлеку внимание нем-

цев. Небольшая группа людей, которые сообразили, что делать, и прыгнули в траншею при первых залпах, оказались невредимыми — Вера Кульман, Шмаевский, Циля (фамилии Циля я не помню). Все время они просили меня замолчать, я умоляла всех уходящих помочь мне разыскать Фаню. Гродзинский, который был ранен в ноги и не мог двигаться, советовал уйти. Я пыталась ему помочь, но одна не была в состоянии. Через два шага он упал и отказался идти дальше, посоветовал мне догонять ушедших. Я села и прислушивалась. Какой-то старческий голос напевал: “Лайте нахт, лайте нахт”¹, и в этом слове, повторяющемся без конца, было столько ужаса. Откуда-то из глубины кто-то кричал: “Не убивай меня...” Случайно я нагнала В. Кульман; она отбилась в темноте от группы людей, с которой ушла, и вот мы вдвоем, голые, в одних сорочках, окровавленные с ног до головы, начали искать пристанища на ночь и пошли на лай собаки, постучали в одну хату — никто не откликнулся, потом в другую [нас прогнали, постучали в третью] — нам дали какие-то тряпки прикрыться и посоветовали уйти в степь, что мы и сделали. Добрались в потемках до стога сена и просидели до рассвета, утром вернулись к хутору — это оказался хутор имени Шевченко. Он находился недалеко от траншей, только с другой стороны, — до конца дня к нам доносились крики женщин и детей.

23 октября. Вот уже двое суток как мы в степи, дороги не знаем. Сегодня случайно, переходя от стога к стогу, В. Кульман обнаружила группу мужчин, среди которых оказался Шмаевский. Они, голые и окровавленные, все время сидят здесь. Решили идти днем к Заводу имени Ильича, потому что ночью дороги не можем найти. По дороге к заводу встретили группу парней: один посоветовал оставаться в степи до вечера и ушел, второй предупредил, чтобы скорее уходили, потому что его товарищ нас обманул своим советом: он приведет сюда немцев. Мы поторопились уйти. Утром 24 октября постучалась к Рояновым. Меня впустили. Узнав о смерти всех, ужаснулись. Они меня накормили и уложили.

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

1 Светлая ночь (идиш).

I

Вблизи Одессы раскинулась широкая равнина. Только изредка вздымается невысокий холм, зеленеет искусственно выращенный лесок — и снова простирается черноморская степь между морем, лиманами и рекой Бугом.

Все здесь открыто взору. Трудно в этих местах укрыться человеку, за которым охотится смерть в образе румынского или немецкого карателя.

Пролетая на самолете, можно увидеть сверху разбросанные хутора, совхозы, села, местечки: Дальники, Сортировочная, Сухие Балки. А дальше, уже ближе к Бугу, — Березовку, Акмечетку, Доманевку, Богдановку².

Эти имена звучали некогда мирно и не внушали никому страха, а теперь их нельзя произносить спокойно: каждое из них связано с убийством, мучительством, пытками.

Здесь были лагеря смерти, здесь пытали, разрывали на части, разбивали детские головы, заживо сжигали людей, обезумевших от страданий, от ужаса, от непереносимой муки.

Из сотен тысяч выжило всего несколько десятков. От них мы и узнали подробности зверской расправы.

Во всех устных и письменных рассказах уцелевших очевидцев, в их письмах и воспоминаниях мы встречаемся с одним и тем же утверждением, что изобразить пережитое им не под силу.

“Надо обладать кистью художника, чтобы описать картину ужаса, который творился в Доманевке, — рассказывает одесская женщина Елизавета Пикармер. — Здесь погибали лучшие люди науки и труда. Сумасшедший бред этих людей, выражение их лиц, их глаз потрясли даже самых сильных духом. Однажды тут на навозе, рядом с трупами, рожала двадцатилетняя Маня Ткач. К вечеру эта женщина скончалась”.

В. Я. Рабинович, технический редактор одесского издательства, пишет: “Много-много можно написать, но я не писатель, и нет у меня сил физических. Ибо я пишу и вижу это вновь перед своими глазами. Нет той бумаги и пера, чтобы все описать в подробностях. Нет и не будет человека, кото-

1 Авторское название очерка — “Равнина смерти” (ГА РФ, д. 950, лл. 1–30 с подписью-автографом автора). — И. А.

2 Акмечетка — один из румынских “лагерей уничтожения” на берегу Южного Буга (в Транснистрии). Около 4 тысяч заключенных погибли там от голода и болезней. Доманевка — румынский лагерь на берегу Южного Буга. В январе и феврале 1942 г. там погибло 18 тысяч евреев, большей частью из Одессы и Одесского района. Богдановка — румынский лагерь в Транснистрии, на берегу Южного Буга. С 21 по 31 декабря 1941 г. там были убиты 54 тысячи евреев. См.: *Уничтожение...* С. 164–166. — И. Л.

рый нарисовал бы картину нечеловеческих страданий, перенесенных нами, советскими людьми”.

Но они не могут молчать, они пишут, и к тому, что они поведали, ничего не нужно прибавлять.

Старый одесский врач Израиль Борисович Адесман диктовал воспоминания о пережитом своей жене, тоже врачу — Рахили Иосифовне Гольденталь.

Лев Рожецкий, ученик 7-го класса 47-й школы Одессы, в очерках описал быт лагерей смерти, от Одессы до Богдановки.

Трагические даты Одессы: 16 октября 1941 года — в этот день Одессу заняли румынские войска; 17 октября 1941 года — день, когда румынские власти объявили регистрацию еврейского населения; 24 октября — день отправки евреев в гетто, в местечко Слободка; то было преддверием к лагерям уничтожения, расположенным на равнине смерти, за городом. Изгнание туда евреев наступило несколько позднее.

Ночь на 17 октября была страшна для евреев, которые не успели или не могли эвакуироваться. Страшна для стариков и старух — они не в состоянии были уйти, для матерей, чьи дети ходить еще не умели, для беременных женщин, для больных, прикованных к постели.

Это была страшная ночь для разбитого параличом профессора математики Фудима. Его стащили с кровати на улицу и повесили. Профессор Я. С. Рабинович, невропатолог, выбросился из окна, но, к несчастью, остался жив. “Он получил тяжелые увечья, он еще дышал и находился в сознании. У его разбитого тела стояла вооруженная охрана. Ему плевали в лицо, в него кидали камнями”.

Заняв Одессу¹, фашисты в первую очередь начали уничтожать врачей. Это была ненависть профессиональных убийц к тем, чье призвание — продлить жизнь людей, избавлять их от страданий.

В первые же дни были убиты шестьдесят один врач с семьями.

В смертном списке — фамилии врачей, известные с детства каждому одесситу: Рабинович, Рубинштейн, Варшавский, Чацкий, Поляков, Бродский. Доктор Адесман спасся только благодаря тому, что был зачислен консультантом больницы в гетто, в Слободке. Но до этого ему пришлось пройти через все издевательства и пытки, связанные с регистрацией, а потом — испытать все ужасы Доманевки, одного из самых страшных лагерей смерти на черноморской равнине.

17 октября 1941 года, на другой день после занятия Одессы румынами, началась регистрация евреев.

Регистрационных пунктов было несколько. Оттуда часть людей вели на виселицы или к могильным рвам, часть отправляли в тюрьму. Меньшинству было разрешено вернуться в свои разграбленные квартиры: это была отсрочка смерти, не более.

“Тот пункт, куда погнали меня и мою жену, — рассказывает доктор Адесман, — помещался в темном и холодном здании школы. Нас там собрали

¹ В 1939 г. в городе проживало 200962 еврея. Передовые отряды оккупантов вошли в город 16 октября 1941 г. В Одессе оставалось более 80 тысяч евреев, включая беженцев. См.: *Энциклопедия...* С. 672–677. — И. А.

свыше пятисот человек. Сидеть было негде. Мы провели ночь стоя, тесно прижатые друг к другу. Мы изнемогали от усталости, голода, жажды и неизвестности. Всю ночь слышался плач детей и стоны взрослых.

Утром из нескольких групп, подобных нашей, был составлен эшелон в три-четыре тысячи человек. Всех погнали в тюрьму. Тут были и глубокие старики, и калеки на костылях, и женщины с грудными детьми. В тюрьме многие умерли от истощения и побоев.

Многие покончили жизнь самоубийством¹.

23 октября 1941 года партизаны взорвали здание румынского штаба, где погибло несколько десятков румынских солдат и офицеров¹. В ответ на это оккупанты залили город еврейской кровью.

На стенах было развешено объявление, что за каждого погибшего офицера подлежат повешению триста русских или пятьсот евреев. Но в действительности эта “расценка” была превышена в десятки и сотни раз.

23 октября 1941 года из тюрьмы было выведено десять тысяч евреев. За городом их всех уложили из пулеметов. 25 октября снова было выведено за город несколько тысяч евреев и заперты в амбаре; амбар, в котором они находились, был взорван динамитом².

Технический редактор В.Я. Рабинович, который летом отправлялся с детьми в Аркадию (как чудовищно звучало при немецко-румынском хозяйничаньи это идиллическое название), описывает город в первые дни оккупации:

23 и 24 октября, куда ни кинешь глазом, кругом виселицы. Их тысячи. У ног повешенных лежат замученные, растерзанные и расстрелянные. Наш город представлял страшное зрелище: город повешенных Долго нас вели по улицам, напоказ. А немцы и румыны разъясняли: “Все эти евреи, вот эти старики, старухи, женщины, дети — виновники войны. Это они напали на Германию. И теперь их за это надо уничтожить”. Ведут и постреливают. Падают убитые, ползут раненые. А вот и Новоаркадийская дорога к морю (к знаменитым курортам). Тут глубокая яма. Приказ: “Раздеваться догола! Быстро, быстро!” Крики. Прощание. Многие рвут на себе одежду, и их колют за это штыками. Убийцам нужны вещи.

Румыны и немцы пробуют силу штыка на крошечных детях. Мать дает ребенку грудь, а румынский солдат сумел штыком забрать его от матери и с размаха бросить в яму мертвых.

Другие два очевидца, Большова и Слипченко, тоже рассказывают, [как евреев в городе становилось все меньше и меньше. Каждый день по улицам шли этапы оборванных людей. Адская машина уничтожения работала безотказно.]

- 1 Взрыв в военной комендатуре (в бывшем здании НКВД) был устроен 22 октября. См. *Энциклопедия...* С. 672. — И. А.
- 2 Немецкие войска оккупировали Одессу 16 октября 1941 г. На следующий день, 17 октября, были расстреляны 3–4 тысячи мужчин-евреев. 22 октября была взорвана комендатура, погибли 66 немецких и румынских офицеров и солдат. В течение трех следующих дней румынские военные расстреляли около 35 тысяч евреев. См.: Арад И. *Холокауст*. Иерусалим, 1990. С. 69. — И. Л.

Вот идет в толпе человек небольшого роста, голова глубоко втянута в плечи. Высокий выпуклый лоб, вдумчивые глаза. Кто он? Варвар, убийца, преступник? Нет, это крупный ученый, невропатолог, доктор Бланк, [настолько отдавший себя науке, больным, клинике, что пренебрег приближающейся опасностью.] Он до конца выполнил свой долг врача — не оставил больных. Рядом с доктором Бланком идет другой врач, с повязкой Красного Креста на рукаве. Это немолодой, грузный человек, страдающий одышкой, с больным сердцем. Постепенно он отстает, но тут румынский жандарм бьет его палкой по голове. Из последних сил врач ускоряет шаги, но скоро падает. Его бьют палкой по глазам. “Убейте”, — раздается его вопль. И две пули пробивают ему голову. Вот еще один: худой высокий старик с ясными и умными глазами. Русские женщины, глядя ему вслед, вытирают слезы. Какая мать не знает его? Это доктор Петрушкин, старый врач по детским болезням.

Не было такой клеветы, такой нелепицы, которой оккупанты не возводили бы на евреев.

Анна Маргулис, бывшая стенографистка на Судостроительном заводе имени Марти, пожилая женщина, рассказывает:

29 октября 1941 года мой умирающий отец пытался зажечь лампу. Зажженная им спичка выпала из его слабой руки, и загорелось одеяло. Я все погасила в одну секунду. В тот же вечер сосед-румын донес полиции, что я хотела поджечь дом. Утром я была арестована и брошена в тюрьму, где было еще тридцать женщин. При допросе меня начали избивать дубинками, прикладами, резиновым шлангом. Я потеряла сознание.

Ночью, когда крутом была беспросветная тьма, к нам ворвалась толпа румынских солдат. Бросив на сырой пол свои шинели, они начали насиловать девушек. Мы, старые женщины (мне пятьдесят четыре года), сидели и плакали. Многие девушки сошли с ума.

Но все это было только преддверием к ужасам городского гетто, а само гетто — к равнине смерти.

“Евреи, погибшие в первые дни оккупации, были наиболее счастливыми из своих собратьев”. Эта фраза одного из одесских евреев не требует пояснений.

В гетто на Слободку¹ должны были явиться все: роженицы, парализованные и калеки, инфекционные больные и умалишенные. Одни шли сами, других вели их близкие, третьих несли на руках. Лишь немногие имели счастье умереть на своей постели. В первый же день, проведенный на Слободке, люди поняли, что “жизни” в гетто не может быть. Помещений не хватало. Люди толпились на улицах. Больные стонали и валились прямо в снег. Фашисты топтали упавших лошадей. Раздавался плач замерзающих детей. Крики ужаса, мольбы о пощаде.

Уже к вечеру этого первого дня на улицах Слободки валялись трупы замерзших. Раздавались вопли людей, изгоняемых из Одессы в лагерь смерти. Сло-

¹ Переселение в гетто началось в ночь на 12 января 1942 г. Гетто существовало до июня 1942 г. См.: *Энциклопедия...* С. 675. — И. А.

бодка превратилась в гигантскую ловушку: скрыться было некуда. Везде румынская жандармерия и полицейские.

Здесь, в больнице гетто, состоял консультантом доктор Адесман. Больница была скопищем умирающих. При высылке евреев из Одессы всех, не успевших умереть, перевели в больницу водников и там уничтожали. Сам доктор Адесман был отправлен отсюда с последним эшелонем 11 февраля 1942 года. Он вспоминает:

На станции Сортировочная произошла посадка в товарные вагоны, доставившие нас в Березовку. Отсюда нас погнали дальше пешком. В темную холодную ночь, по дороге, покрытой то глубоким снегом, то льдом, тащились мы с котомками за плечами двадцать пять километров. Краткие остановки стоили дорого: мы отдавали за них жандармам свои последние вещи. В Доманевку мы прибыли нищими.

Здесь им были отведены полуразрушенные дома без окон и дверей, сарай, коровники и свинарники.

Болезни стали косить людей: дизентерия, тиф, гангрена, чесотка, фурункулез. Сыпнотифозные валялись в сараях без присмотра, в бреду, в агонии. Но никто уже не обращал внимания на трупы.

В других воспоминаниях читаем:

На станции Сортировочная начинается посадка. В вагон впахивается столько людей, что можно только стоять без движения, плотно прижавшись друг к другу. Вагон снаружи наглухо закрывают тяжелым засовом, и люди остаются в совершенной темноте. Но постепенно начинаешь различать в полумраке испуганные, расширенные от ужаса глаза, заплаканные лица детей и женщин. Поезд тронулся. И лица озаряются надеждой. Старые женщины восклицают: «Да поможет нам бог!» Люди начинают надеяться, что действительно их везут туда, где им дадут возможность жить и работать. Поезд движется медленно. Куда он идет? Каждый толчок, каждая остановка вызывает ужас. А вдруг пустят состав под откос? Или подожгут его? Единственная надежда — пожалеют поезд. Но куда он все-таки идет? Люди все больше коченеют от холода, застывают без движения. Дети плачут, просят пить, есть. Сначала ребята, а потом и взрослые начинают отправлять тут же свои естественные потребности. Внезапно раздаются стоны, мольбы о помощи. Это женщина корчится в тяжелых родовых муках, но помочь ей никто не может. Наконец раздается скрип засова и оставшихся в живых выгоняют из вагона. Теперь они идут пешком, погоняемые дубинками жандармов, рассыпающих удары по обессиленным и уже замерзающим людям. А те мечтают только об одном: дойти до гетто. Остановиться, не двигаться больше. Но пока они падают, падают.

Дороги густо усеяны трупами, напоминая недавнее побоище, с той только разницей, что на поле лежат не трупы воинов, а жалкие тельца младенцев и скрюченные тела стариков.

Весь план изгнания евреев из Одессы был составлен именно с таким расчетом, чтобы как можно больше людей погибло так называемой естествен-

ной смертью. Партию, направленную в Березовский район, три дня водили по степи, в пургу, в снег, несмотря на то, что села, предназначенные для гетто, находились в 18 километрах от станции.

В докладной записке юриста И. М. Леензона, побывавшего в Одессе в мае 1944 года, сказано, что “количество истребленных евреев в городе Одессе составляет около ста тысяч человек”¹.

II

Лев Рожецкий², ученик 7-го класса 47-й одесской школы, сочинял очерки, песни и стихи, в большинстве случаев в уме, но кое-что записывал на клочках бумаги, на дощечке, на фанере.

Конечно, это грозило мне смертью, но я написал две антифашистские песни: “Раскинулось небо высоко” и “Нина” (памяти женщины, сошедшей с ума). Иногда мне удавалось читать свои стихи товарищам по несчастью. Как мне было отраднo, когда сквозь стоны и слезы люди пели мои песни, читали стихи.

Рожецкий рассказывает, как его избили до полусмерти за то, что нашли у него стихи Пушкина. “Хотели убить, но не убили”.

Юноша, почти мальчик — он побывал во многих лагерях смерти и подробно описал их. По его очеркам мы ясно представляем себе весь этот ад — цепь лагерей от Черного моря до Буга: Сортировочная, Березовка, Сиротское, Доманевка и Богдановка. “Я хочу, — пишет Рожецкий, — чтобы с особенной ясностью запечатлелась каждая буква этих названий. Эти названия нельзя забыть. Здесь были лагеря смерти. Здесь уничтожались фашистами невинные люди только за то, что они евреи”.

Число убитых в Доманевке евреев дошло до 15 тысяч, в Богдановке было убито 54 тысячи евреев. Акт об этом составлен 27 марта 1944 года представителями Красной Армии, властей и населения.

“11 января 1942 года, — пишет Лева Рожецкий, — маму, меня и маленького брата Анатолия, только что вставшего после тифа, выгнали на Слободку. В три часа ночи нас повели.

Был жестокий мороз, снег по колено. Много стариков и детей погибло еще в самом городе, на окраине его, на Пересыпи, под завывание пурги. Немцы хохотали и снимали нас фотоаппаратом. Кто мог — дошел до станции Сортировочная. На пути дамба была взорвана. [Образовалась целая река.] Вымокшие люди замерзали.

На станции Сортировочная стоит состав. Никогда не забуду картины: по всему перрону валялись подушки, одеяла, пальто, валенки, кастрюли и другие вещи.

¹ Современные исследователи считают, что погибло не менее 80 тысяч евреев. — И. А.

² Лев Самойлович (Самуилович) Рожецкий (Рожецкий, 1927–2006). До войны жил в Одессе. Отец расстрелян в 1938 г. После войны окончил филфак Одесского университета, преподавал в школе, писал стихи. Автор книг “Позднее эхо” и “Крути по воде”. В середине 90-х гг. уехал в Израиль. — И. А.

Замерзающие старики не могут подняться и стонут тихо и жалобно. Матери теряют детей, дети — матерей, крики, вопли, выстрелы. Мать заламывает руки, рвет на себе волосы: 'Доченька, где ты?' Ребенок мечется по перрону, кричит: 'Мама'.

В Березовке со скрипом растворяются двери вагона, и нас ослепляет зарево огня, пламя костров. Я вижу, как, объятые пламенем, мечутся люди. Резкий запах бензина. Это жгут живых людей.

Это душегубство совершалось у станции Березовка.

Внезапно — сильный толчок, и поезд медленно движется дальше, все дальше от костров. Нас погнали умирать в другое место”.

О Доманевке Рожецкий говорит, что она занимает среди лагерей смерти “почетное место”. Он описывает ее подробно.

Доманевка — кровавое черное слово. Доманевка — центр смертей и убийств. Сюда пригоняли на смерть тысячные партии. Этапы следовали один за другим непрерывно. Из Одессы нас вышло три тысячи человек, а в Доманевку дошла маленькая кучка. Доманевка — районный центр, небольшое местечко. Вокруг тянутся холмистые поля. Вот лесок, красивый небольшой лесок. На кустарниках, на ветках до сих пор висят лохмотья, клочки одежды. Здесь под каждым деревом могила. Видны скелеты людей.

На окраине Доманевки находились две полуразрушенные конюшни под названием “Горки”. Даже в Доманевском гетто это было страшное место.

В воспоминаниях Рожецкого читаем:

Из барачных не выпускали, грязь по колено, тут же скапливались нечистоты. Трупы лежали, как в морге. Тиф. Дизентерия. Гангрена. Смерть.

Из трупов постепенно образовались такие горы, что страшно было смотреть. Лежат в разнообразных позах старики, женщины. Мертвая мать сжимала в объятиях мертвого ребенка. Ветер шевелил седые бороды стариков.

Сейчас я думаю: как я тогда не сошел с ума? Днем и ночью сюда со всех сторон сбегались собаки. Доманевские псы разжирели, как бараны. Днем и ночью они пожирали человеческое мясо, грызли человеческие кости. Смерд стоял невыносимый”. [Один из полицейских, лаская пса, говорил: “Ну, что, Полкан, наелся жидами?”]

В двадцати пяти километрах от Доманевки, на берегу Буга, расположена Богдановка. Аллеи прекрасного парка ведут здесь ко рву, где нашли могилу десятки тысяч человек.

Смертников раздевали донага, потом подводили к яме и ставили на колени, лицом к Бугу. Стреляли только разрывными пулями, прямо в затылок. Трупы сбрасывали вниз. [На глазах мужа убивали жену. Потом убивали его самого.]

Свиносовхоз “Ставки” стоял, по выражению Рожецкого, “как остров в степной пустыне”. Те, которые уцелели в “Горках”, нашли свою гибель в “Ставках”.

Здесь загоняли людей в свиные закуты. И держали в этих грязных клетках до тех пор, пока милосердная смерть не избавляла их от страданий.

Лагерь был окружен канавой. Того, кто осмеливался переходить ее, расстреливали на месте. За водой разрешали ходить по десять человек. Однажды, увидев,

что порядок нарушен, полицейский выстрелил в одиннадцатого. Это была девушка. “Ой, маменька, убили”, — закричала она. Полицейский подошел и прикончил штыком.

Тех, кому удалось выжить, посылали на самые тяжелые мучительные работы. Помню, как мы подъезжали к баракам. Я вел лошадь под уздцы, мама толкала телегу сзади. Мы брали трупы за ноги и за руки, взваливали их на телегу и, наполнив ее до краев, везли свой груз к яме и сбрасывали вниз.

Елизавета Пикармер рассказывает:

Я со своей соседкой по дому и ее ребенком очутились у ямы первыми, несмотря на то, что в толпе мы стояли сотыми. Но в последнюю минуту появился румынский верховой с бумажкой в руках и подскочил к конвоирам. И пленных повели дальше, на новые муки. На другой день всех нас бросили в реку. Отдав нашим мучителям последние вещи, мы купили себе право выйти из воды. Многие умерли потом от воспаления легких.

В Доманевке фашисты раздирали надвое детей, били их головой о камни. У женщин отрезали груди. Заживо закапывали целые семьи или сжигали на кострах.

Старику Фурману и восемнадцатилетней девушке Соне Кац было предложено танцевать, и за это им было обещано продлить жизнь. Но их жизнь длилась недолго: через два часа их повесили.

Обреченные на смерть люди двигались, как автоматы, теряли рассудок, бредили, галлюцинировали.

Коменданты села Гуляевки — Лупеску и Санду — еженощно посылали своих денщиков в лагерь смерти за красивыми девушками. Утром они с особым наслаждением наблюдали их предсмертные муки.

Сыпнотифозные валялись без присмотра. “Смерть косила людей сотнями, и трудно было отличить живого от мертвого и здорового от больного”.

Таня Рекочинская писала брату в действующую армию:

Меня с моими двумя детьми в лютую, морозную зиму выгнали из квартиры и отправили этапом за 180 километров от Одессы, к Бугу. Девочка, грудной ребенок — в дороге умерла. Мальчика, вместе с другими детьми этапа, расстреляли. Мне досталась участь пережить все это.

И этих ужасов было все еще недостаточно. В бредовое существование лагеря смерти, в безмолвие, нарушаемое стонами и хрипами умирающих, врывается тревожный крик: “Село оцеплено. Приехали румыны и немцы-колонисты из села Картакаева с пулеметами”.

Появляются полицейские верхом на лошадях и сгоняют всех евреев в один сарай, а оттуда к смертным окопам. Некоторые решают умереть гордо, не унижая себя мольбой о пощаде, не показывая палачам страха смерти. Другие хотят умереть сами. Бегут и бросаются в лиман. Мужчины успокаивают женщин, женщины — детей. Кое-кто из самых маленьких смеется. И этот детский смех кажется страшным в обстановке ожидания кровавого побоища.

— Мамочка, куда это нас ведут? — раздается звонкий голосок шестилетней девочки.

— Это нас детка, переводят на другую квартиру, — успокаивает ее мать.

Да, “квартира” эта будет глубокая и сырая. И никогда из окон этой “квартиры” не увидит ее дочка ни солнца, ни голубого неба.

Но вот и окопы. Вся процедура человекоубийства производится с немецкой аккуратностью и точностью. Немцы и румыны, как хирурги перед операцией, надевают белые халаты и засучивают рукава. Смертников выстраивают у окопов, раздев их сначала догола. Люди стоят перед своими мучителями трепещущие, нагие и ждут смерти.

На детей не тратят свинца. Им разбивают головки о столбы и деревья, кидают живыми в костры. Матерей убивают не сразу, давая раньше истечь кровью их бедным сердцам при виде смерти малюток.

Особой жестокостью отличалась одна немка-колонистка, раскулаченная жительница села Картакаева: “Она как бы пьянела от собственной жестокости и с дикими криками разбивала детские головки прикладом с такой силой, что мозги разбрызгивались на большое расстояние”.

[Летом 1942 года у обитателей Доманевки был такой страшный вид, что в день, когда ждали приезда губернатора Транснистрии, всем евреям велено было покинуть местечко, удалиться за его пределы на 5–6 километров и вернуться только к вечеру.]

Прежде чем уничтожить людей в лагерях смерти, их грабили. Солдаты и полицейские брали деньги за все — за глоток супа, за час жизни, за каждый вздох и каждый шаг. В марте 1942 года Елизавета Пикармер заболела сыпным тифом и в числе прочих заболевших была отправлена на сыпнотифозную свалку. Шестерых, которые были не в силах идти, расстреляли. “Я, — рассказывает Пикармер, — тоже упала в грязь. Но за двадцать марок полицией помог мне встать и взобраться на горку”.

7 мая 1943 года был издан приказ: всех оставшихся в живых отправить на сельскохозяйственные работы. “Здесь положение несколько улучшилось, так как мы получили возможность ежедневно после работы купаться в реке Буг и один раз в неделю вываривать свои лохмотья. Из конопли мы себе связали юбки, кофты и туфли”.

Но эта близость к реке Бугу, так радовавшая людей летом 1943 года, принесла им новые ужасы.

23 марта 1944 года переправился через Буг карательный отряд эсэсовцев, и нас, евреев, обрекли на расстрел. Ждать спасения было неоткуда. Всюду на пути мы встречали этапы, которые гнали по направлению к Тирасполю. От голода и холода у всех опухли руки и лица. Дальше продолжать путь не было сил, и мы молили учинить над нами расстрел на месте. Женщин и детей посадили на машины и увезли в неизвестном направлении. Оставили только двадцать человек (в том числе и меня) с немецким унтер-офицером, и мы продолжали путь. Двое суток мы ничего не ели, дрожали от холода. Мы теряли рассудок.

Но близилось освобождение. 1 апреля здесь была уже Красная Армия.

На степной равнине Одесской области, в стороне от железнодорожной станции Колосовка, есть село Градовка¹.

Летом 1944 года там, проездом, был подполковник Шабанов. Он увидел на окраине села три варницы, печи для обжига известняка, заросшие бурьяном и чертополохом. В шахтах печей Шабанов различил обугленные кости: предплечья, лопатки, позвонки. Под ногами хрустели мелкие обломки черепов. Земля была густо усыпана ими, как морской берег — ракушками.

Это было все, что осталось от сожженных людей.

Убийцам не понадобились здесь сложные, специально оборудованные кремационные печи с особой вихревой тягой системы “Циклон”: для своего кровавого дела они обошлись нехитрыми варницами.

Главными палачами этого района были немцы-колонисты. Их здесь было много: русские названия деревень и сел перемежались с названиями немецкими: Мюнхен, Раштадт и так далее. Вместе с названиями немецкие колонисты перенесли на русскую землю кровавую жестокость, [свойственную этим “арийцам”].

Эти люди обагрили кровью невинных землю, их приютившую. Как на праздник съезжались они к степным варницам. Они грабили с наслаждением. Убивали со сладострастием. В Градовке обреченных на казнь долго не держали. Здесь был в ходу “конвейерный” способ. Людей сжигали с учетом емкости той или иной варницы. Каждая “закладка” требовала примерно трех суток. Пока горела одна печь, казнь происходила у другой.

Перед варницами людей раздевали донага, выстраивали у края шахты и расстреливали в упор из автоматов; стреляли главным образом в голову. Осколки черепных костей разлетались в стороны, их не убирали. Трупы падали в печные шахты.

Когда шахта наполнялась до краев, трупы обливали керосином. Пучки соломы заранее были разложены по углам. Жир, вытапливаясь из трупов, усиливал горение. Вся округа была затянута дымом, отравлена смрадом горящего человеческого мяса.

Вещи убитых увозились на железнодорожную станцию, где происходила сортировка и погрузка награбленного в вагоны. Все производилось со знанием дела, методично. [В Германии и Румынии были, вероятно, довольно присланными вещами. Единственный досадный их недостаток заключается в том, что они пропитались запахом гари.]

В трех варницах было сожжено около семи тысяч человек². В Раштадте и Сухой Балке число погибших дошло до двадцати тысяч.

Подполковник Шабанов так заканчивает свое сообщение:

Я много видел за войну, но не могу передать того, что я пережил при посещении варниц. Но если я, сторонний и поздний свидетель, испытал все это,

1 До и во время оккупации называлась Мюнхеном. — И. А.

2 В феврале-апреле 1942 г. в Градовке было казнено 3900 евреев. См.: Круглов А. И. *Энциклопедия Холокоста*. Киев, 2000. С. 131. — И. А.

то что же должны были перечувствовать и пережить сами обреченные, прежде чем упасть с разможенной головой в огонь печи? Рассказывают, что одна женщина схватила и увлекла за собой в жерло печи одного из палачей.

[Баржи, груженные еврейскими женщинами и детьми, через полчаса после выхода в открытое море возвращались пустыми, забирали новые партии, снова уходили и снова возвращались. Разминирование минных полей и поиски мин — это тоже было обязанностью интернированных евреев, из которых не спасся ни один. Какие свидетельские показания, какие акты о зверствах, какие протоколы опишут все это? Кто изобразит набитые до отказа эшелоны? Вагоны стояли на путях неподвижно по несколько суток, двери были запломбированы. Трупы выбрасывались в степь и сжигались на кострах. Вся равнина от Черного моря до Буга была освещена пламенем этих костров.]

Смерть от огня, от стужи, от голода, жажды, от истязаний, пыток расстрелы, повешенья... Все виды гибели, весь кровавый арсенал пыток, все виды мучения — все это обрушилось на безоружных, беспомощных стариков, женщин и детей.

IV

Одесса была превращена в застенок, терроризирована, залита кровью. Одесские газеты, издаваемые оккупантами, были наполнены изуверским бредом о “еврейской опасности”, о том, что, по словам фюрера, в новой Европе скелет еврея будет редкостью в музее археологических древностей.

В такой обстановке каждое слово сочувствия, обращенное к евреям, каждый соболезнующий взгляд, каждый глоток воды и корка хлеба, данные еврейскому ребенку, — грозили смертью русским и украинским людям. И все же — и русские, и украинцы — рискуя жизнью, помогали евреям: прятали в подвалах целые семьи, кормили их, одевали, лечили.

“Я только скажу спасибо вам, Шура, и вам, товарищ Чмир, что прятали нас. Вы, наши покровители, ежедневно читали приказы зверей — немцев и румын, — чем вам грозит прятание нас. И все-таки, рискуя жизнью своей, вы это делали. Спасибо вам”, — пишет Рабинович. Он написал незабываемые страницы обвинительного акта о зверствах румынско-немецких оккупантов в его родном городе.

Елизавету Пикармер спасла от смерти знакомая русская женщина. [Пикармер спаслась от смерти только благодаря тому, что в лагере смерти ее случайно увидела русская женщина, отдохавшая в санатории, где Пикармер была сестрой-хозяйкой.]

Украинец Леонид Суворовский, инженер одного из одесских заводов, приобрел широчайшую известность среди еврейского населения Одессы¹. Суворовский не только предостерег своих знакомых евреев, чтобы они не шли на объявленную румынами регистрацию, но поселил многих в сво-

1 Леонид (Леонард) Суворовский в 1996 г. удостоен звания “Праведник народов мира”. — И. А.

ей квартире, превратив ее в штаб, где по ночам изготовлялись фальшивые бумаги и документы для десятков еврейских семейств. С помощью своих русских и украинских друзей Леонид Суворовский укрывал и содержал двадцать две еврейские семьи, для чего продавал папиросы и даже собственное платье. В конце концов Суворовский был арестован немецко-румынскими властями и приговорен военно-полевым судом к семи годам каторги. Но еще накануне ареста Суворовский успел найти прибежище спасенным им еврейским семьям.

Яков Иванович Полищук в самом центре города, в недостроенном доме, с группой лиц, которым он доверял, вырыл обширный подвал, в котором два года скрывалось шестнадцать еврейских семейств. С опасностью для жизни, ночью, Полищук приносил туда продукты. Все шестнадцать семейств были спасены.

Андрей Иванович и Варвара Андреевна Лапины, старики, прятали в своих комнатах еврейских детей. Когда опасность сделалась слишком явной, Лапина отправила детей в надежное место, в деревню. Арестованная, она ни словом не выдала их местонахождения. Варвара Андреевна Лапина была расстреляна.

Константин Спанденко, украинец, портовой рабочий, совершил с товарищами несколько смелых нападений на одесскую тюрьму, где были заключены тысячи евреев. Часть из них удалось переправить к партизанам.

Степная равнина не могла служить защитой партизанам, но земля укрывала их в своих недрах. Зброшенные каменоломни, знаменитые одесские катакомбы были превращены в партизанские гнезда, соединенные между собой подземными ходами.

Румыны и немцы со страхом ощущали у себя под ногами эту полную угрозы почву. Партизаны, выходя из катакомб, производили взрывы зданий, нападали на тюрьмы.

Две сестры Канторович, Елена и Ольга, две еврейские девушки, их брат, его товарищ Скули, работник почтамта (грек), и еще несколько человек образовали сплоченную группу борьбы с оккупантами. Дважды арестованные "по обвинению в еврействе" и дважды вырывавшиеся на волю, сестры Канторович связывались с партизанскими отрядами ближних и дальних катакомб. В подвале своей городской квартиры Елена и Ольга скрывали радиоприемник и пишущую машинку. Сводки Совинформбюро распространялись отсюда по городу непостижимым для оккупантов образом.

Сводки проникали в трамваи, булочные, кино, даже в тюрьму, куда их приносили в печеном хлебе и в складках одежды. В этой смертельно опасной работе, наряду с еврейскими девушками и юношами, плечом к плечу, боролись их русские и украинские товарищи.

Школьнику Льву Рожецкому, прошедшему все круги фашистского ада, видится памятник "над знаменитой богдановской ямой, одной из ям в лагерьх смерти". Этому памятнику жертвам фашизма он посвятил стихи:

*Кто бы ни был ты, остановись,
Приблизься, путник благородный,
К могиле сумрачно-холодной.
На лоне грусти осмотришь.*

*Объятый гневом и волненьем,
Слезою не тумань очей.
Испепеленный прах людей
Почти безмолвным поклоненьем.*

Румынские и немецкие фашисты не жалели сил для того, чтобы превратить советскую Одессу в город Антонеску, столицу пресловутой Транснистрии. Но город не покорился, он жил, и боролся, и победил вместе со всей страной.

Автор — ВЕРА ИЩЕВЕР¹

1 В архиве Ильи Эренбурга (АЯВ, Р.21/12, 30, 252 и т. д.) хранятся письма, стихи и документы многих упомянутых в очерке людей и других корреспондентов из Одессы: И. Адесмана, Л. Слипченко (Козман) и Большой, хранителя коллекции оккупационной прессы и других документов Харитонова, Т. Рекочинской, сестер Канторович, Л. Рожецкого. — И. А.

4 июля первые германо-румынские войсковые части вступили с разных сторон в Северную Буковину; 6 июля они уже были в Черновицах². Одним из первых шагов гитлеровского главного командования было объявление еврейского населения Буковины вне закона. По деревням и местечкам прокатилась неслыханная до того волна погромов. Так, в местечке Гзудак³ было около 470 еврейских семейств; все они были убиты, за исключением трех человек, которым удалось бежать. Во многих деревнях не осталось в живых ни одного еврея. В Черновицах было убито свыше шести тысяч человек⁴.

Румынский крестьянин Корда Никола, работавший во время румынской оккупации на резиновой фабрике “Кадром” в Черновицах, рассказывал, что в его родной деревне Волока не осталось в живых ни одного еврея. В некоторых селах отдельным евреям удалось спастись благодаря соседям, прятавшим их в погребках и на сеновалах.

Когда наконец в Буковину прибыли немногие представители гражданских властей, оставшиеся в провинции в живых евреи были частично перевезены в местечко Сторожинец, частично в Баюканы. Оттуда вскоре их отправили в лагерь, расположенные вблизи этих местечек. Там они оставались несколько дней (в Сторожинце — одиннадцать дней), подвергаясь нечеловеческим издевательствам. Затем лагеря были распущены, а евреи загнаны в гетто.

В Черновицах, где было около шестидесяти тысяч евреев, мужчин и женщин хватало на улицах, извлекали из домов и уводили в полицию, откуда их группами, от пятидесяти до трехсот человек, гнали под конвоем на различные работы. Румынские дамы, постепенно наводнившие город и занявшие еврейские кварталы, приходили в полицию, где им предоставляли по двадцать-тридцать евреев или евреек для уборки квартир от грязи, “оставленной большевиками”. Очень много евреев было передано германской комендатуре, угнавшей их на строительство железнодорожного моста через Прут. Многие погибли в волнах бурной реки, но еще больше погибло от бесчеловечного обращения и истощения. Магазинов в городе не было, одни только хлебные лавки. Но евреям хлеб не продавали.

1 Ныне — Черновцы. — И. А.

2 В Черновцы (в 1940 г. там проживало около 60 тысяч евреев — более 40 % населения) оккупанты вошли 5 июля 1941 г. См.: *Энциклопедия...* С. 1063. — И. А.

3 Такого населенного пункта в Черновицкой области нет. Возможно, имелась ввиду Герца, где было убито 100 евреев. См.: *Круглов А. И. Энциклопедия Холокоста*. Киев, 2000. С. 195. — И. А.

4 Это соответствует данным ЧГК. Современные исследователи полагают, что было убито 2300 евреев. См.: *Круглов А. И. Энциклопедия Холокоста*. Киев, 2000. С. 195. — И. А.

Одним из первых распоряжений румынского Национального банка был приказ об обмене советских денег по определенному паритету. Но у евреев, когда они приходили в разменную лавку, деньги просто-напросто отбирались, а взамен им ничего не выплачивали.

Ежедневно по утрам, когда евреи шли на работу, их встречали полицейские патрули, не обращая внимания на удостоверения с мест работы, жестоко избивали их, тащили в полицию и только оттуда, уже под конвоем, отправляли на работу.

Спустя несколько недель был издан приказ о том, что все евреи обязаны носить на левой стороне груди заплату со “звездой Давида”. Эта звезда фактически ставила евреев вне закона: заметно усилились нападения, так как преступники были уверены в своей безнаказанности. Евреев, захваченных без звезды или носивших ее не на предписанном месте, угоняли в концлагеря... Тогдашний губернатор Буковины генерал Галатеску издал даже специальный приказ, широко распространенный и опубликованный в местной прессе. Генерал требовал, чтобы звезда была крепко пришита за все шесть концов и носилась на положенном месте, так как наблюдалось, что некоторые евреи недостаточно выпячивают звезду и даже время от времени снимают ее.

Нищета среди еврейского населения все возрастала, большинство голодало в буквальном смысле слова, кормясь исключительно подачками сердобольных соседей... Работать евреи должны были безвозмездно. Одни врачи имели право заниматься своим делом, причем на их вывесках должно было быть четко обозначено “еврей”. Лечить неевреев евреям-врачам было строго запрещено. В синагогах нельзя было совершать богослужений, а городская синагога была сожжена, как только германо-румынские войска вошли в город.

Повсюду были расклеены афиши, предостерегавшие против “актов большевистского саботажа”. В качестве репрессивной меры была предпослана угроза расстрела двадцати заложников-евреев и пяти неевреев. Тюрьмы были переполнены... Число людей, взятых в качестве заложников, было весьма значительно, и большинство из них были убиты.

Среди них был черновицкий главный раввин Марк и главный кантор Гурмон. Еще через некоторое время власти учредили так называемый Еврейский комитет с д-ром Нейбургом во главе. В комитет вошли главным образом бывшие сионистские лидеры. Этот комитет должен был играть роль рупора оккупантов в их отношениях с еврейским населением. Единственное, чего добился комитет, это сохранения пяти еврейских организаций (еврейская больница, родильный дом, дом для престарелых, дом для умалишенных и сиротский дом), и то на очень тяжелых условиях.

На основании одного декрета было конфисковано все недвижимое имущество евреев. Евреи-домовладельцы должны были платить квартирную плату за проживание в собственном доме. Любой румын мог занять любую приглянувшуюся ему квартиру еврея, забрав одновременно и всю обстановку в квартире.

Так продолжалось до 10 октября 1941 года, когда Еврейскому комитету было поручено передать устно всем евреям, что они должны перейти в гетто, в район, где до того проживали беднейшие слои еврейского населения. Рано утром 11 октября двинулись толпы народа. У всех на руках и на спи-

нах — узлы с одеждой и постелью. Кое-кто волочил свои вещи на тачках, ручных тележках или детских колясках. Для устрашения населения военные власти выпустили несколько танков, с грохотом катившихся по улицам.

О создании гетто не было опубликовано никаких приказов. Только три дня спустя в бухарестской газете “Курентул” появилась небольшая заметка о том, что это “необходимое мероприятие” было осуществлено “самым гуманным образом”.

Кое-кто из евреев, ссылаясь на отсутствие официального приказа, попытался остаться в своих квартирах. Однако 11 октября, после 18 часов, когда вокруг гетто был уже возведен высокий дощатый забор, жандармы извлекли этих евреев из квартир и угнали под конвоем в гетто. В наказание им ничего не разрешили взять с собой.

Жилищные условия в гетто были невыносимы: в маленьких комнатухах умещали по пять-восемь семейств. Входы в гетто строго охранялись, и никто из евреев не смел покидать гетто.

Спустя два дня явился один из членов Еврейского комитета, сообщивший решение властей о том, что все евреи Буковины, включая и Южную Буковину, выселяются в так называемую Транснистрию, то есть в оккупированный румынами район между Днестром и Бугом. Переселение, как правило, должно было производиться по железной дороге, но поскольку многие районы были лишены железнодорожной сети, а других способов передвижения нет, часть пути пришлось проделать пешком. Каждому переселенцу рекомендовалось поэтому захватить лишь такое количество ручного багажа, сколько он в состоянии нести сам. Для организации “переезда” были назначены так называемые руководители групп, которые должны были наблюдать за приготовлениями к отъезду.

Уже на следующее утро от евреев под угрозой смертной казни потребовали сдачи всех ценных вещей: золота, драгоценностей, иностранной валюты. В этот же день транспорты евреев из других городов проследовали через Черновицы. А еще через день началась отправка черновицких евреев. Длинные колонны физически и душевно разбитых людей, овеянных дыханием смерти, потянулись по улицам города к товарной станции. Репортеры румынских и немецких газет засняли это “событие” и затем воспели в своих газетах “мудрое решение еврейской проблемы” в Буковине.

Первые транспорты ушли 14 октября 1941 года, следующие — 15-го. Вечером 15 октября в помещении Еврейского комитета явился тогдашний бургомистр Черновиц доктор Трайан Поповичи¹, сообщивший, что из Бухареста получено разрешение на оставление нескольких тысяч евреев в Черновицах. По требованию бургомистра были составлены списки еврейского населения по профессиям и возрасту — в результате около семнадцати тысяч евреев остались в городе. Сюда вошли представители разных профессий; кроме того, лица старше шестидесяти лет, женщины с беременностью свыше шести месяцев, матери с грудными детьми, государственные пенсионеры и бывшие офицеры запаса.

Фактически разрешения на дальнейшее пребывание в Черновицах в большинстве случаев продавались за сказочные суммы. Люди, не обла-

1 В 1991 году удостоен звания “Праведник народов мира”. — И. А.

давшие достаточными средствами, не могли получить разрешения даже в том случае, если они по своей профессии или иным условиям подходили по инструкции.

В еврейской больнице, например, сестрами работали женщины из Бессарабии с большим стажем — от десяти до двадцати лет. К моменту создания гетто больница была переполнена, во всех коридорах и даже в саду были размещены больные.

Тогда в качестве сестер было взято несколько уроженок Черновиц, и даже некоторые “дамы из общества” посвятили себя этой работе, чтобы лично ухаживать за больными родственниками.

Когда встал вопрос о разрешениях, почти все уроженки Черновиц получили соответствующие документы, а бессарабки — коммунистки и, следовательно, недостойны этой милости.

Какова же была судьба остальных евреев Черновиц? Необходимо учесть, что перед румынскими властями стояли задачи восстановления торговли и промышленности в городе. Чтобы привлечь в торговлю румын, был издан декрет, по которому все румыны, возглавляющие в Черновицах торговые заведения, освобождались от военной службы. Эта приманка возымела свое действие. За короткое время в Черновицах открылось очень много магазинов. В основном это были магазины, принадлежавшие до того евреям, которые сейчас лишены были права быть собственниками торговых предприятий. Та же самая картина наблюдалась и в промышленности: все промышленные предприятия, принадлежавшие ранее евреям, были объявлены собственностью государства и тут же по смехотворно низким ценам отданы в аренду румынам. Но румынские новоиспеченные промышленники не в состоянии были справиться со своими новыми задачами без помощи специалистов и квалифицированных рабочих, которых можно было найти лишь среди еврейского населения. Каждый предприниматель-румын получил возможность оставить на месте “своих” евреев.

Лица, получившие разрешение на жительство в Черновицах, могли оставлять и свою семью, то есть несовершеннолетних детей, жену, а в некоторых случаях и родителей. Все остальные евреи были постепенно высланы. Отправка их тянулась до середины ноября, когда она из-за транспортных затруднений была приостановлена. Таким образом, в Черновицах осталось еще около пяти тысяч евреев, не имевших разрешений. Частично это были лица, укрывшиеся и уклонившиеся от переселения, частично инвалиды, неспособные к передвижению.

Обладатели разрешений могли оставить гетто и вернуться в свои полностью разграбленные квартиры. Немедленно была создана контрольная комиссия с целью проверки правильности выдачи разрешений. Эта комиссия заседала в большом зале ратуши под председательством губернатора и при участии представителей гражданских и военных властей, а также сигуранцы (тайная полиция). Комиссия аннулировала и отобрала немало разрешений, оказавшихся будто бы неправильными. Обладатели их были немедленно высланы в Транснистрию. Та же участь постигла и всех тех, кто числился в “черных списках” сигуранцы.

Еще не успела закончиться эта ревизия, как назначена была новая регистрация, через которую должны были пройти и евреи, оставшиеся в Черно-

вицах без официального на то разрешения. Им были впоследствии выданы разрешения другого типа, подписанные, однако, не губернатором, а бургомистром Трайаном Поповичи (почему эти разрешения и носили название — “поповические”). Эта вторая перепись установила, что в Черновицах — около двадцати одной тысячи евреев, из них — около шестнадцати тысяч с так называемыми разрешениями Галотеску и примерно пять тысяч — с поповическими разрешениями. Ликвидация гетто в Черновицах отнюдь не была актом благоволения, а лишь результатом распоряжения санитарного управления с целью предупреждения эпидемий.

На протяжении двух с половиной лет одна ревизия следовала за другой, сопровождаясь каждый раз новыми гонениями и преследованиями. Каждому еврею полагалось иметь множество всяких справок и удостоверений. В Бухаресте был создан специальный департамент по еврейским делам, начальник которого был наделен властью министра. Не надо забывать, что все эти документы продавались за огромные деньги; бесконечные прошения должны были снабжаться печатями, и все только для того, чтобы выколачивать все больше и больше денег. Помимо всего, за каждый документ взимались еще “экстратаксы”.

Но, за исключением врачей, никто не имел права на самостоятельную работу. Много сотен евреев были вынуждены работать задаром в разных военных и гражданских учреждениях, часто им приходилось даже приплачивать, чтобы добиться мало-мальски человеческого обращения со стороны начальства.

Для лиц, занятых в торговле и промышленности, были установлены следующие правила: возбранялось брать на работу еврея без специального разрешения биржи труда. Для получения такого разрешения приходилось выполнять массу формальностей и, между прочим, доказать, что данный еврей “незаменим” и что предприниматель не в состоянии найти для данной работы румына; после всего этого разрешение нуждалось еще в подписи сигуранцы. Каждый еврей — рабочий или служащий — обязан был иметь дублера, которого этот еврей должен был в кратчайший срок обучить, чтобы подготовить таким образом себе замену. Все евреи призывного возраста (19–55 лет) должны были вносить военный налог в размере от двух до двенадцати тысяч лей. Мужчины, не работавшие на предприятиях, отправлялись на работу в глубь страны, причем кормиться и одеваться они должны были за собственный счет.

Таково было положение евреев до июня 1942 года. К этому времени генерал-губернатор Маринеску добился отставки бургомистра Поповичи. Сразу же был издан приказ о том, чтобы выслать в Транснистрию всех обладателей разрешений, подписанных Поповичи. Одновременно подверглись высылке и те, у кого были отняты разрешения на работу, а также инвалиды, не попавшие в рабочие батальоны. Всего в июне 1942 года было выслано около шести тысяч евреев.

В том же году в Черновицы прибыла небольшая партия евреев — беженцев из Польши — шестьдесят-восемьдесят человек. Хотя польские граждане находились сначала под защитой Чили, а потом Швейцарии, Маринеску выдал этих польских евреев немцам, которые немедленно отправили их обратно в Польшу. Даже полицейский чиновник, сопровождавший несчастных

к польской границе, говорил, что никогда в жизни ему не приходилось видеть такого жестокого обращения с людьми. И случись ему еще раз получить такое задание, — заявил он, — он предпочитает покончить с собой.

Таким образом, к августу 1942 года в Черновицах оставалось около шестнадцати тысяч евреев. Вместе с тем беспрерывно росло количество ограничений для евреев. Так, евреям было запрещено ходить по улицам в недозволенные часы, то есть от часу дня до десяти часов следующего утра. Рабочим были выданы специальные пропуска, которые, однако, давали им только право ходить на работу и обратно. Евреи не имели права выходить за пределы городской черты. В апреле 1942 года была создана еврейская религиозная община, в обязанности которой входило также выполнение распоряжений властей.

В функции общины входила, между прочим, мобилизация евреев для рабочих батальонов. Многочисленные денежные контрибуции, возлагавшиеся на евреев, также должны были взиматься через общину. Весной 1943 года в Черновицы был назначен новый генерал-губернатор — Драгалина. Этот Драгалина числится в первом десятке преступников в списках виновников войны, опубликованных советским правительством. Его вступление в должность черновицкого губернатора совпадает с тем временем, когда уже всем было ясно, что Германия проиграла войну и близится час расплаты для виновников войны. Драгалина воздержался поэтому от того, чтобы еще более ухудшить режим, установленный для евреев. Во время инспекторской поездки по концентрационным лагерям он даже выпустил из лагерей часть евреев, попавших туда из-за отказа носить желтую звезду. В январе 1944 года он приказал наконец снять желтые повязки.

Когда в марте 1944 года фронт вплотную приблизился к Буковине, евреи стали опасаться, что немцы уничтожат город и жителей, как они это сделали во всех других украинских городах. Драгалина обещал эвакуировать евреев; на самом же деле он выдал очень немного пропусков, распределив их главным образом среди служащих общины. Когда, однако, 24 марта Красная Армия форсировала Днестр, несколько сот еврейских семейств успели воспользоваться паникой, бежать из города. В тот же день управление городом перешло в руки немцев. 26 марта передовые части Красной Армии вошли в предместья Черновиц, и после трехдневного боя, происходившего вне города, немцы отступили, не успев причинить населению ущерб... Разрушения в городе были не очень значительны. Немцы подожгли две фабрики, телефонную станцию, здание полиции и два жилых дома в центре города. За день до отступления они подожгли также резиденцию архиепископа — провокационный акт, долженствовавший вызвать эксцессы против евреев. Но сторож здания сумел локализовать пожар и обнаружил преступников.

В период немецко-румынской оккупации в Черновицах существовала нелегальная коммунистическая организация, в нее входило около восьми-десяти человек: евреи, поляки, украинцы.

Сообщение Е. Гросберга
Подготовил к печати Л. ГОЛЬДБЕРГ

Черновицы

Мы жили в Черновицах. 6 июля пришли враги. Мы не смогли эвакуироваться: муж работал в военном автогараже, ребенок заболел.

Евреев согнали в гетто и стали отсылать в Транснистрию.

Мы попали в первую очередь.

Ночью пришли румынские жандармы. Мы знали, что нас ждет смерть, а трехлетний ребенок безмятежно спал. Я его разбудила, дала ему игрушку — медвежонка — и сказала, что мы едем в гости к его двоюродному братику.

Нас повезли в Тульчинский уезд на каменоломню. Там мы пробыли десять дней почти без еды — варили борщ из травы. Вместе с нами отправили умалишенных из больницы; [их не кормили, и] они душили друг друга. Потом нас перевели в Четвертиновку, так как на каменоломню прибыла новая партия евреев из Черновиц.

Всех разместили в селах Тульчинского уезда — в конюшнях и свинарниках. Били, издевались. В середине августа 1941 года прибыли две машины с немецкими офицерами, вызвали всех и спросили — хотим ли мы работать. Они сказали, что возьмут нас на работу и будут хорошо кормить.

18 августа прислали грузовики; приехали две легковые машины с немецким начальством из Винницы. Стариков, больных, матерей с грудными детьми и многодетных отделили, работоспособных и матерей с одним или двумя детьми погнало пешком.

Мы перешли через реку Буг. Так разделили навеки людей — многие мужья остались без жен, дети — без родителей. Нам повезло: мы оказались вместе — я, муж и Шура. Мы прибыли в Немиров. Там был лагерь для местных евреев — их было человек двести-триста, все молодые и здоровые (остальные были уже убиты). Нас привезли к ним во двор; мы просидели ночь, а на рассвете показались немировские евреи, в лохмотьях, с ранами на босых ногах. Когда они увидели наших детей, они стали кричать и плакать. Матери вспоминали своих замученных малюток. Мы с трудом верили их рассказам. Один рассказал, что убили его жену и трех детей, другой — что у него убили родителей, братьев и сестер, третий — что замучили его беременную жену.

К утру возле лагеря собрались украинцы. Мой ребенок выделялся золотыми волосами и голубенькими глазенками. Он всем понравился, и одна украинка сказала мне: “Вас все равно убьют, жалко ребенка, отдайте его мне”. Но я не могла отдать Шуру.

¹ С 1960 г. жила в Израиле. Александр Фрадис закончил Технион в Хайфе и работал инженером. — И. А.

В три часа дня нас перевели в здание старой синагоги, полное перьев от разорванных подушек. Всюду валялись кофточки, детские туфельки, старая посуда, но больше всего было перьев. Оказалось, что в эту синагогу немцы согнали немировских евреев и оттуда повели их на казнь. Хорошие вещи забрали, а старые остались. В подушках искали золото и поэтому разорвали их. Нас окружили колючей проволокой и заперли. Приезжали полицмейстер Гениг и его помощник “Крошка”.

Вечером пригнали к нам стариков, больных и детей, [которых румыны отказались оставить на их стороне.] Это было страшное зрелище.

20 августа утром устроили перепись: отобрали работоспособных человек двести, оставалось еще сто стариков и больных, шестьдесят детей. Полицмейстер Гениг, улыбаясь, сказал: “Еще один нескромный вопрос — кто из женщин в положении?” Назвалась Блау, женщина на восьмом месяце, мать пятилетнего ребенка. Он ее записал, потом всем приказал собираться, идти без детей на работу. Оставались только матери с грудными детьми. Я решила: пусть застрелят, а Шуру я не оставлю. Ко мне подошла молодая женщина, в слезах и сказала: “У меня ребенок десяти месяцев, я боюсь остаться, чтобы меня не застрелили”. Я ей предложила, чтобы она оставила ребенка мне.

[Я осталась в лагере. Другие уходили работать на шоссе и возвращались, когда уже смеркалось.]

Запрещалась всякая связь с населением. Выдавали раз в день гороховую похлебку без соли и без жиров и сто граммов хлеба. Дети умирали от голода. К счастью, некоторые украинки бросали детям немного фруктов и хлеба. Я, как единственная смыслящая в медицине, [(по образованию я провизор)] была назначена врачом лагеря и имела возможность иногда ходить в аптеку и украдкой приносить детям немного еды. Это была капля в море. Люди работали как рабы, не могли даже помыться; чуть что — палка. Стражники напивались и ночью избивали всех. Немецкое начальство забирало все пригодные вещи. [6 сентября адъютант полицмейстера проверял нас. Он подозвал меня, чтобы помочь ему разобрать имена. Шура заплакал, я ему рукой показала, что нельзя стоять рядом со мной. Немец заметил и сказал: “Пусть ребенок подойдет к своей мамочке”.]

Эсэсовцы тщательно осматривали ряды идущих на работу, извлекали всех детей и почти всех старых людей. Шесть матерей пошли на смерть со своими детьми, они хотели облегчить детям последние минуты. Сарра Кац из Черновиц (муж ее был на фронте) пошла на смерть с шестью мальчиками. Вайнер пошла с больной девочкой. Лернер, молодая женщина из Липкан молила палачей, чтобы ей разрешили умереть с ее двенадцатилетней дочкой, красавицей Тамарой.

Однажды, когда рабочие шли на работу, им встретились машины со стариками и детьми из лагерей Чуков и Вороновица. Рабочие видели издали, как машины останавливались, как стреляли немцы. Потом рассказывали, что палачи заставляли обреченных раздеваться догола, грудных детей бросали живыми в могилы. Матерей заставляли смотреть, как убивали их детей.

В лагере в Чукове находился наш приятель из Единец — адвокат Давид Лернер с матерью, женой и шестилетней девочкой, [а также родителями

жены — Аксельрод]. Когда в сентябре убивали детей, им удалось спрятать девочку в мешок. Девочка была умная, тихая, и она была спасена. В течение трех недель отец носил девочку с собой на работу, и ребенок все время жил в мешке. Через три недели наш зверь “Крошка” приехал в лагерь забирать хорошие вещи. Он подошел к мешку и ударил по нему ногой — девочка вскрикнула и была раскрыта. Дикая злоба овладела палачом; он бил отца, бил ребенка и забрал у них все вещи, оставив семью почти без одежды. Все-таки девочку он не убил, она осталась в лагере и всю зиму прожила в мучительном страхе, ожидая каждый день смерти. [5 февраля] при второй “акции” девочка была взята вместе с бабушкой. Безумный страх смерти овладел ребенком. Она так кричала всю дорогу на санях, что детское сердечко не выдержало и разорвалось. Бабушка принесла ребенка к роковой яме уже мертвым. Мать, узнав об этом, сошла с ума; ее расстреляли, вскоре убили отца. Так погибла эта семья.

13 сентября в два часа дня подъехала машина: полицмейстер Гениг, “Крошка” и его помощник, которого звали “Вилли”. Они объявили, что 14 сентября все дети и нетрудоспособные будут направлены в другой лагерь, чтобы не “мешать нам работать”. Они составили списки больных, стариков и детей. Остальных осматривали, как лошадей. Кто не бодро шел или чем-либо не понравился — попадал в черный список. Мы поняли все. Муж схватил Шуру, зажал ему рот и перелез через проволоку.

Ночь с 13 на 14 сентября. Большое двухэтажное здание синагоги. Света не было. У некоторых нашлись огарки, зажгли их. Каждая мать держит на руках ребенка и прощается с ним. Все понимают, что это — смерть, но не хотят верить. Старый раввин из Польши читает молитву [“О детях”], старики и старухи ему помогают. Раздирающие душу крики, вопли, некоторые дети постарше стараются утешать родителей. Картина такая страшная, что наши грубые сторожа — и те молчат.

14 сентября людей подняли до рассвета, погнали на работу, чтобы они не мешали. Я тоже пошла. Я не знала, что с мужем и ребенком — живы ли они или попали в лапы убийц. Некоторые матери пошли на работу с детьми, некоторые старухи принарядились и тоже пошли на работу, пытаюсь уйти от смерти.

[Когда вечером мы вернулись в лагерь, было тихо и пусто, как на кладбище. Вскоре приехал полицмейстер и вызвал меня. Он спросил, где я была и где теперь мой ребенок. Я ответила, что была на работе, а где мой ребенок — это он знает лучше меня. Он ничего не сказал, уехал.]

Ночью вернулся муж. Он оставил ребенка у одной украинки, Анны Рудой, и та обещала найти ему пристанище. Мы успели кинуть ей все наши вещи через ограду, и ребенок был на время обеспечен. На другой день явился “Крошка”, обыскал погреб, чердак — повсюду искал моего мальчика. “Твоего блондинчика не было на машине, — сказал он мне. — Я хорошо знаю твоего мальчика”. Он его заметил, когда была переключка. Шуру не нашли.

Анна Рудая передала моего ребенка Поле Медвецкой, которой я навеки обязана. Шесть месяцев она его берегла, как зеницу ока... Он называл ее мамой и очень любил.

21 сентября нас перевели в село Бугаков. Там был другой немецкий комендант, но он подчинялся немировским властям: Генигу, “Крошке” и “Вил-

ли”. Меня назначили медицинским работником по обслуживанию трех еврейских лагерей: Бугаков, Заруденцы и Березовка. Трудно рассказать, что испытывали люди в этих лагерях. Немцы мне говорили: “Лечи их кнутом”. Немногие старые люди, ускользнувшие от расстрела, не выдержали тяжелой работы и свалились. Их палками гнали на работу. Старика Аксельрода в субботу палками погнали на работу. В воскресенье он умер. У старой Брун-вассер была закупорка вен на обеих ногах. Ее тащили за волосы, сбросили вниз с лестницы, два дня спустя она умерла. Вскоре умерли все старые. Заболели молодые. Когда пришла зима, мы спали на морозной земле. Ели впроголодь. Начались эпидемии. Теплых вещей не было, а стояли сильные морозы. Били. Больше всех над нами издевался старший надсмотрщик Майндл, особенно он терзал моего мужа, которого называл “проклятым инженером”.

Ребенка я все время не видела и с ума сходила при мысли, что немцы, может быть, его нашли. В начале января мне удалось тайно пробраться к нему. Когда я подошла к калитке, сердце так билось, будто выскочить хотело. Я оглядывалась, не видит ли кто меня. Дверь открыла Медвецкая и крикнула: “Шура, посмотри, кто пришел”. Но Шура меня не признал, был тихий и грустный, прятался за Полю. Только когда я взяла его на руки и сняла с себя платки, он начал все вспоминать. Медвецкая мне рассказала, что он не выходит из комнаты, даже двора не видел. Его научили, что он племянник из Киева и зовут его Александр Бакаленко. Когда входили чужие, он прятался. Когда я уходила, Шурик дал мне яблоко: “Для папы”. Он спросил меня — правда ли, что всех детей убили, и называл своих товарищей по именам. Я горячо поблагодарила Медвецкую и ушла.

Я ходила из лагеря в лагерь, старалась, как могла, облегчить страдания больных. А больных становилось все больше. [Больных и босых — последняя пара ботинок или туфель сносились... Утром больные не могли встать.] У меня начальство требовало список больных, я не давала, зная, что это означает верную смерть. [Многие понимали, что нам не уйти от смерти. Единственная была надежда, что придет Красная Армия, хотя мы были уверены, что в последнюю минуту нас немцы убьют.]

2 февраля поздно вечером меня отозвал в сторону полицейский и сказал: “Докторша, смотрите, чтобы завтра все, кто держится на ногах, вышли на работу”. Я поняла, что дело серьезное, и предупредила больных, но они не поверили. Мой муж был болен, он остался, остались почти все больные. В 12 часов дня подъехала вереница саней и много полицейских во главе с немцем Майндлом. Приехал также “Вилли” из Немирова. Я слышала, как Майндл сказал: “Больных и босых”. Я спряталась, чтобы меня не заставили указать больных. Началось нечто ужасное: за волосы полуголых людей вытаскивали на снег. Забрали всех, кому было больше сорока — сорока пяти лет, а также всех, у кого не было одежды или обуви. Во дворе делили на две группы: тех, кто еще может работать, и на смертников. Рядом со мной стояла моя подруга, [Гринберг, из Бухареста], красивая женщина тридцати лет, хорошо одетая, но в рваных туфлях. Ее заметили и потащили к смертникам, а вслед и меня, потому что на мне тоже были старые фланелевые туфли. Она говорила: “Я здорова”, ей отвечали: “У тебя нет обуви”.

Я подумала о Шурике, и это придало мне силы. Мой муж стоял в группе трудоспособных. В последнюю минуту, когда нас повели к саням, мне уда-

лось перебежать в эту группу и спрятаться. Моя подруга тоже попыталась перебежать, ее заметили и сильно избили. Молодая девушка восемнадцати лет умоляла, чтобы ей разрешили пойти на смерть с матерью. Ей разрешили. А когда она уже сидела в санях, она испугалась и захотела вернуться, но ей не дали. Одна женщина приняла яд и давала дочери, но та отказалась. Один парень пытался убежать, его застрелили. Через час смертников увезли, а остальных погнали в лагерь. [В 10 часов вечера, когда вернулись здоровые с работы, они увидели, что нет матери, сестер и отца.]

Нас перевели в Заруденцы — там расстреляли две трети лагеря¹, и освобонилось место.

Я пришла сюда 1 февраля проверить больных — и моим глазам представилась страшная картина. Люди, покрытые лохмотьями, босые, с телами, истерзанными чесоткой и разнообразными язвами, которых в обычное время никогда и не встретишь, — сидели на полу, на каких-то тряпках, и серьезно, озабоченно били вшей. Они были так заняты своей работой, что даже не обратили внимания на мой приход. И вдруг движение, крики, люди вскакивают, глаза блестят, некоторые плачут. В чем дело? Привезли хлеб и, о счастье, дают по целой буханке хлеба на каждого человека! Это что-то небывалое, новое, вероятно, спасение близко, думают несчастные. Оказалось, что аккуратные немцы, зная, что 5-го состоится “акция” и несколько дней нельзя будет точно знать количество необходимого хлеба, так как заранее неизвестно, сколько людей останется, — решили выдать “авансом” по целому хлебу.

Об этом расчете мы узнали уже после того, как сами очутились в Заруденском лагере смерти.

По дороге снова отобрали всех, кто плохо шел, и посадили на сани. Смертников собрали в Чукове — из Немирова, Березовки, Заруденец, Бугакова. Там их продержали двое суток голыми, без еды и без воды, а потом убили².

На работе мастер Дер рассказывал нам, что он присутствовал при казни (они ее называли *die Aktion*) и что это вовсе не так страшно, как мы думаем. Потом мы узнали, что мастер Дер и Майндл хотя и числились служащими фирмы “Штер”, были эсэсовцами.

Суровый зимний рассвет, еще темно, а нас уже нагайками выгоняют на работу. Наспех несчастные завязывают мешочки с соломой вокруг порванных ботинок, чтобы не отморозить ноги. Надевают старые одеяла на голову, обвязываются веревками. Нас несколько раз тщательно пересчитывают и выгоняют на дорогу. Тяжело поднимаются измученные люди; израненные ноги, обмотанные намочшими тряпками и соломой, еле волочатся по глубокому снегу, а снег все сыплет, сыплет без конца. Нас гонят около пяти километров. Дойдя до места работы, мы облегченно вздыхаем, берем лопаты и начинаем чистить снег. Вдруг волнение: “Черный едет”

1 В 1942–1943 гг. здесь находился еврейский рабочий лагерь. В августе 1942 г. в лагерь поместили большую группу буковинских евреев из румынской зоны оккупации, а также из лагеря Печера. 3 февраля 1943 г. две трети заключенных были расстреляны, другие отвезены в лагерь Чуков и расстреляны там. Остальные погибли к концу 1943 г. Всего в лагере погибло 280 (по другим данным 1080) человек. См.: *Энциклопедия...* С. 327. — И. А.

2 Было казнено около 700 узников. См.: *Энциклопедия...* С. 327. — И. А.

[(Майндл).] В глазах всех страх, неистово движутся лопаты, каждый старается сделаться меньше, незаметнее, чтобы не обратить на себя внимание. “Оставляйте работу, — кричит он, — вы должны в восьми километрах отсюда очистить дорогу”.

Белая безбрежная степь, глубокий снег, вьюга кружит хлопья снега, так что почти ничего не видать; на санях сидит черный высокий немец [и с пеной у рта, с длинным кнутом в руке, гонит двести несчастных человеческих теней.] Ноги становятся все тяжелее, сердце как будто хочет выскочить из груди, кажется, мы не выдержим этого дикого марша. [Но инстинкт жизни силен, мы боремся и приходим к назначенному месту. Сани останавливаются, и] злобный, насмешливый взор останавливается на измученных людях.

[Я ходила с другими на работу: счищали снег.]

8 февраля ко мне подошла незнакомая женщина и сказала: “Я сестра Поли Медвецкой. Заберите Шуру, на нее донесли, и она его спрятала у дальней родственницы”. Она сказала, что в Немирове прятали несколько еврейских детей, но их нашли и 5 февраля всех убили в Чукове. Остался только Шура.

Что мне было делать? Когда я работала доктором в лагерях, я иногда заходила к крестьянкам и лечила их. Делала я это с большой опаской, так как Майндл сказал мне: “Если я узнаю, что ты зашла в украинский дом, я тебя застрелю на месте”. Но в этих деревнях не было врача, и я не могла отказать, когда меня просили зайти к больному. Рядом с нашим лагерем жила семья Кирилла Баранчука. Я часто туда заходила, потому что у Кирилла болел отец. Баранчук мне как-то сказал, что таких людей, как мы, он бы у себя на груди спрятал и перенес бы через Буг. О нем я и вспомнила. Я попросила сестру Поли Медвецкой пойти к Баранчуку и сказать, что я его на коленях прошу поехать в Немиров, взять к себе на несколько дней мальчика, а там что-нибудь придумаем.

Кирилл спас Шурика — привез его из Немирова, завернув в свою шубу. Там жена его и дети — Настя и Нина — окружили мальчика теплом и любовью. Они приходили на шоссе и рассказывали, что мальчик жив и помнит о нас.

Мы решили убежать — надо было спасти Шурика.

26 февраля в два часа ночи муж сказал: “Поднимайся”. Мы выждали, когда полицейский зашел греться, и перелезли через проволоку. Мы пошли к Кириллу Баранчуку. Он нас хорошо принял, а ведь это грозило ему смертью. Мы пробыли там четыре дня, пришли в себя, и 2 марта Кирилл Баранчук вместе со своим дядей, Онисием Замерзлым, отвезли нас в Перепелицы, к Бугу. Село было полно немецких пограничников, никто из крестьян не решился нас впустить. Мы знали, что терять нам нечего, и в три часа ночи мы пошли наугад через Буг. Муж с ребенком на руках шел впереди. Была темная ночь. Лед начал таять, я попала по колено в воду, но не вскрикнула. Шурик заметил это, но и он молчал. Наконец, мы очутились на том берегу.

Крестьяне нас впустили в хату; мы отогрелись, отдохнули, потом нам дали крестьянскую одежду. Мы пошли пешком к Могилеву-Подольскому, выдавая себя за киевских беженцев. 10 марта мы пришли в Могилев [и там

попали в гетто.] Было еще много издевательств и мучений, но мы дождались того дня, когда пришла Красная Армия. Мы можем свободно жить... Но на всю жизнь останутся страшные раны: от рук немцев погибли мои родители, два молодых брата, старший с женой и двумя детьми, младший — талантливый музыкант. Погибли мать и сестра мужа.

Сердце мое как камень — мне кажется, если бы его резали, кровь не текла бы.

Подготовили к печати
Р. КОВНАТОР [и И. ЭРЕНБУРГ]¹

¹ Письмо адресовано Илье Эренбургу (АЯВ, Р.21.1/137). Машинописный вариант очерка см.: ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 944, лл. 154–166. — И. А.

Немцы вошли во Львов утром 1 июля 1941 года¹.

[Немцы маршируют, поют и сеют ужас. Никто не выходит из дома.]

На каждом углу — немецкий патруль. Гитлеровец показывает собравшейся вокруг него толпе городских подонков — как будут вешать. Он кричит непрерывно: “Юден капут”. *Всем это очень нравится, все кругом смеются.*

Началась облава на евреев. Местные фашисты, в сопровождении гестаповцев, стали вытаскивать евреев из квартир и отводить их в львовские тюрьмы и в казармы².

У входа на сборный пункт срывали одежду, забирали ценные вещи и деньги. Фашисты избивали людей до крови и всячески издевались над ними. [Их заставляли лизать языком пол, куриным пером чистить окна.

Евреев строили в ряд и заставляли бить друг друга. Когда эсэсовцам казалось, что удары слишком слабы, они вытаскивали намеченную жертву из рядов и показывали, как надо бить насмерть. Остальных, при смехе палачей, заставляли бить друг друга по щекам. Потом расстреливали.]

При первой акции, названной “кровавым вторником”, было убито пять тысяч евреев³.

Не успели еще несчастные люди опомниться от нее, а уже в четверг⁴, 5 июля, стали забирать мужчин и женщин якобы на работы. Их собирали на площади, рядом с Полчинской улицей, откуда после двухдневных пыток всех повели на расстрел. Некоторым мужчинам удалось бежать. Из квартир эсэсовцы забирали все, что им нравилось, и грузили вещи на машины.

Первые погромы и грабежи производили регулярные войска⁵.

За ними появились гестаповцы и штаб чиновников — аппарат немецкой администрации.

- 1 Город, в котором накануне войны (с учетом беженцев) проживало 160 тысяч евреев (около 40 % населения), был оккупирован 30 июня 1941 г. Львовское гетто было самым крупным на оккупированной территории СССР. Здесь погибло более 155 тысяч евреев. См.: *Энциклопедия... С. 545–550. — И. А.*
- 2 При отступлении советских войск в тюрьме НКВД были казнены заключенные. В их убийстве обвинили евреев, это послужило поводом для погрома, продолжавшегося до 7 июля. См.: *Энциклопедия... С. 549. — И. А.*
- 3 Этот погром (с 30 июня до 3 июля 1941 г.) получил название “Тюремная акция”. Число жертв, по разным источникам, составило от 2 до 4 тысяч человек. См.: Йонес Элиаху *Евреи Львова в годы Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства, 1939–1944*. М., 1999. С. 206. — И. А.
- 4 В пятницу. — И. А.
- 5 На самом деле — местное население с участием вступивших вместе с немцами во Львов украинских националистов. — И. А.

Генерал-лейтенант Фридерик Кацман¹, главный палач евреев Западной Украины, издал 15 июля 1941 года приказ, в котором говорилось:

ІЗІ
Истребление
евреев в Львове

1. Все евреи с двенадцатилетнего возраста должны носить белую повязку с вышитой на ней шестиконечной звездой. Появление на улице без повязки карается смертью.
2. Евреи под угрозой смертной казни не имеют права менять местожительство без разрешения немецкого отдела по еврейским делам.

Фридерик Кацман был начальником отдела по еврейским делам по всей Западной Украине. Он назначил своих заместителей: в Тернополе² — Лекса и Крюгера — в Станиславе. В каждом городе и местечке он имел своих подчиненных, которые организовывали концентрационные лагеря и систематически истребляли евреев.

В Львове, на Полчинской улице, помещалось гестапо с майором Энгельсом во главе.

Палачи стремились к тому, чтобы разобщить еврейские массы, разделить их на группы, убить даже самую мысль о возможности организованного сопротивления. Они создавали видимость безопасности для тех, кого хотели использовать, отвлекая тем самым их внимание от истинного положения дел.

[Среди евреев было много слесарей, механиков, искусных мастеров, которые были необходимы для нужд немецкой промышленности. Немцы пользовались их трудом на военных предприятиях и заводах. Среди евреев было, наконец, много здоровых и рослых людей, которых немцы заставляли работать в концлагерях на черных работах.]

В первую очередь немцы убивали стариков, детей, женщин и людей больных, непригодных к труду. Их уничтожали во время погромов, бросали в тюрьмы, вывозили в “леса смерти”.

[Еврейский рабочий был очень выгодным: в преобладающих случаях он не только не получал платы за свой труд, но еще доплачивал, чтобы получить “Арbeitsкарте” и тем хоть ненадолго отдалить смерть или избавиться от лагеря, где его тоже поджидала смерть.]

Если во время облавы еврей не мог показать эсэсовцам удостоверение о работе, его убивали.

С декабря 1941 года каждый работающий еврей должен был носить повязку с вышитой на ней буквой А (“арbeitsюде”) и номером удостоверения с работы. Кто не имел повязки, выданной Arbeitsamt³, того убивали во время ликвидационных облав.

Неработающие подделывали удостоверения о работе и вышивали повязки наподобие тех, которые выдавались Arbeitsamt.

Находились, однако, шпионы, которые доносили об этом чиновникам Arbeitsamt. Тогда были аннулированы прежние удостоверения и вместо

1 Фридерик (“Фриц”) Кацман — группенфюрер СС, с 1941 г. руководитель СС и полиции “дистрикта Галиция” (Западная Украина). До 1943 г. организовал уничтожение более 434 тысяч евреев и депортацию в концлагеря более 20 тысяч. — *И. Л.*

2 Так до 1944 г. назывался Тернополь. — *И. Л.*

3 Бюро труда (*нем.*).

них выданы “мельдекарте”¹. Таким путем немцы добились точного контроля над всеми “арbeitsjuden” и “нихтсарbeitsjuden”.

Еврей-рабочий не получал платы за труд. Сто граммов хлеба в день, какие полагались ему, он тоже не всегда получал.

С ноября 1941 года евреи, работавшие в немецких фирмах, должны были носить, кроме повязки, еще белую заплату с вышитой на ней буквой *W* (вермахт) или *R* (ристунг), [которая означала, что данный еврей работает непосредственно для военной промышленности.]

Территорию гетто немцы отгородили высоким забором.

12 ноября у ворот появилось множество вооруженных гестаповцев. Они задерживали каждого выходящего на работу. У кого не было заплаты с буквой *R* или *W*, тот шел на казнь. В результате двухдневного контроля у ворот в ноябре погибло двенадцать тысяч человек².

В декабре гетто закрыли. У ворот были построены две сторожевые будки, в которых стояли охранники-гестаповцы. Выйти из гетто можно было только по утрам, группами. Уже в конце декабря 1941 года немцы стали переводить рабочих на казарменное положение. Каждому предприятию выделили бараки. Таким образом отделили работающих от неработающих. Первым отвели дома на улицах Замарстыновской, Локетка, Кушевича и Кресовой, а вторым в Клепарове.

Немцы через свою агентуру распространяли провокационные слухи об организации гетто для “нихтсарbeitsjuden” (неработающих), и это несколько успокаивало несчастных измученных людей, вселяло в их сердца слабую надежду.

Но всякие надежды рассеялись после трагических событий в Клепарове.

В ночь с 4 на 5 января 1942 года³ на улицах гетто началась стрельба. Это был сигнал к новой “акции”.

Утром 5 января началась “январская резня”. Работающих угнали на работу, а за остальными начали охотиться.

В ноябрьскую “ликвидационную кампанию” евреев вывозили в Бельжец⁴ и там убивали. Но многие евреи выламывали доски в вагонах и бежали; немцы так и не поймали их. Чтобы избежать повторения этого, немцы стали проводить январскую “кампанию” несколько иначе. Они убивали на месте либо вывозили евреев на Пяскову Гуру. Дома, в которых при обыске никого не находили, немцы сжигали. И люди, укрывшиеся в тайных убежищах — в подвалах, на чердаках, в печах, погибали в огне.

Разнузданные представители “высшей расы” не пропустили во время этой “кампании” ни одной женщины. Они насильовали и убивали женщин или бросали их в горящие дома.

Весь Клепаров был опустошен, остались лишь улицы, на которых были казармы.

1 Регистрационное удостоверение (нем.).

2 Во время так называемой “акции под мостом” погибло 5 тысяч узников. См.: Йонес Элиаху *Евреи Львова...* М., 1999. С. 206. — *И. А.*

3 Вероятно, 1943 г.: 5–7 января погибло около 10 тысяч евреев. См.: Йонес Элиаху *Евреи Львова...* М., 1999. С. 206. — *И. А.*

4 Бельжец — один из крупнейших лагерей уничтожения на территории Польши. С февраля 1942 г. до 30 июня 1943 г. там погибло около 600 тысяч евреев. — *И. Л.*

Теперь на нескольких улочках осталось в живых около двадцати тысяч евреев, которым предстояло перед смертью испытать самые разнообразные мучения.

Около сторожевых будок стояли шуповцы¹ и начальники гетто. Они проверяли, не подделаны ли заплата *R* и *W*. Это легко можно было определить.

Многие сами вышивали себе эти буквы, чтобы иметь возможность вместе с группой работающих выбираться ежедневно из гетто в “арийский район”. Оставаясь в гетто, они рисковали жизнью, так как немцы ежедневно обыскивали казармы и всякого пойманного отправляли в тюрьму. Буквы, выданные немецкими предприятиями, были вышиты на машине специальной стежкой, и с совершенной точностью подделать их никто не мог. Специалистом по вылавливанию людей с фальшивыми *R* и *W* был шарфюрер Зиллер, который в награду за умелую поимку евреев был переведен в Яновский лагерь.

...Тюрьма. Низкие, темные камеры без нар и лавок. Сырость, запах гнили; маленькие, зарешеченные окна, сквозь которые не прорваться свету. Тюрьма находится на улице Лонцкого. Она окружена со всех сторон эсэсовцами и сворой немецких солдат, которые стаскивают с каждого вновь прибывшего обувь и одежду.

В камере разговаривать друг с другом не разрешается. Арестованным пища не полагалось. Зачем кормить? Немцы расчетливы и скупы. Больных в тюрьме убивали и по ночам вывозили на кладбище.

Сам господин Энгельс часто посещал тюрьму. Для того чтобы развлекать этого бандита, евреев выводили на двор. Он издевался над ними, избивал до крови. Он любил поиграть с жертвой — пообещает жизнь и свободу, а заметив на лице арестованного искру надежды, смеясь, убивает его пулей из револьвера.

Когда тюрьма переполнялась, гитлеровцы производили “чистку” или “вывозку”. Арестованных грузили в машины и партиями вывозили на Пяскову Гуру, где их расстреливали.

Впрочем, тюрьма всегда была полна. Один вышел на улицу без повязки — в тюрьму! У другого повязка оказалась слишком узкой, кто-нибудь не поклонился немцу — тоже в тюрьму! Забирали в тюрьму и без всякого повода. Ворвутся эсэсовцы в квартиру и арестуют кого-либо из семьи. “За что?” — спрашивает жертва. — “Не знаешь? Потому что ты еврей. Все равно — раньше или позже ты должен погибнуть”.

Начальник Энгельс не прибегал к массовым погромам. Он устраивал в тюрьме “чистки”. Он убил таким образом много тысяч стариков, детей, мужчин и женщин.

Осенью 1941 года вышло распоряжение генерал-губернатора Франка о принудительной работе евреев в концлагерях на территории Западной Украины. Уже в начале 1942 года Львовский, Тарнопольский и Станиславский округа были покрыты сетью концлагерей.

1 Шупо — немецкая полиция порядка. — И. Л.

Самым страшным был лагерь в Львове по Яновской улице, названный сокращенно “Яновский”. Туда согнали несколько тысяч евреев со всей Западной Украины, которые должны были выровнять гористую местность, чтобы подготовить территорию, предназначенную для нового лагеря. В лагере голодные люди, изнуренные побоями, работали до изнеможения. Они спали под открытым небом, на земле, пока не построили бараки.

Работы продолжались всю осень и зиму. Люди гибли от голода и холода. На место погибших сгоняли новые толпы еврейских рабочих.

По утрам, до начала работ, происходили проверки, так называемые апель¹. Собирались все рабочие группы со “старостами групп” — “оберюде”. “Оберюде” докладывал дежурному эсэсовцу о наличии людей в своей группе. После доклада начиналась “утренняя гимнастика”, которую проводили эсэсовцы. После прыжков разного рода и повторяемых нескончаемое количество раз приказов: “Ауф, нидер”², — вылавливали больных и слабых Их выводили за проволоку, где расстреливали очередь из автомата; мертвых укладывали в ряды. Живые походным маршем отправлялись на работу. В дороге вылавливали тех, кто хромал. Их тоже убивали. К работе допускались только сильные и здоровые.

После того как территория лагеря была подготовлена, ее вымостили надгробными памятниками, взятыми с еврейского кладбища.

Даже мертвых [евреев] фашисты не оставляли в покое. Во многих городах и местечках Западной Украины надгробные памятники употребляли для мощения дорог. Когда были закончены работы по выравниванию территории, лагерь оцепили колючей проволокой. Охрану несла фашистская полиция.

Из главного входа один путь вел в лагерь, где были расположены бараки и кухня, а другой на “площадь смерти”, откуда людей уводили в горы, на расстрел. Вокруг лагеря были построены будки для стражников — одноэтажные и двухэтажные; с высоты стражники могли наблюдать за лагерем, так что бегство было почти невозможно.

[Вид лагеря очень мрачный: будки стражников, печальные бараки, молча бредущие люди и невыносимо приторный трупный запах.]

Вокруг пустынного обширного двора, служившего местом утренних переключек, расположено было около двадцати бараков для лагерников. В каждом бараке — нары в несколько ярусов, на которых валялось небольшое количество грязной соломы. За бараками находилась кухня, где два раза в день варили жидкую бурду, а по утрам выдавали два ломтика черствого эрзац-хлеба.

“Новички” спали на голой земле.

В лагере действовали эсэсовские бандиты — заслуженные ученики мастеров из Дахау и Маутхаузена³.

1 Переключка (нем.).

2 Встать! Лечь! (нем.)

3 Дахау — концентрационный лагерь в Германии, недалеко от Мюнхена. Один из первых концлагерей СС, ставший моделью для остальных концлагерей. Существовал с марта 1933 г. до конца апреля 1945 г. Количество уничтоженных в Дахау — не менее 40 тысяч человек, 80-90 % которых — евреи. Маутхаузен — концлагерь в Австрии. Процент смертности заключенных в Маутхаузене был самым высоким из всех концлагерей. С апреля 1938 г. до мая 1945 г. там погибло около 123 тысяч человек. — И. Л.

Быстро окончив Яновский “университет”, вчерашние ученики начальника лагеря Гебауэра разъезжались в разные стороны Западной Украины и начинали самостоятельную “деятельность”.

Во Львов привозили неопытных эсэсовцев; здесь их обучали искусству убивать и пытаться свои жертвы. Когда начальство приходило к заключению, что молодые эсэсовцы уже достаточно подготовлены, их отправляли на кровавую работу в провинциальные лагеря. И, наоборот, если кто-либо в провинции приобретал славу утонченного палача и знатока своего “дела”, его переводили в Яновский концлагерь. Здесь его с почтением встречали менее “талантливые” коллеги. Обычно палачи соревновались друг с другом, совершенствуя средства и способы пыток.

Ученики Гимmlера, под непосредственным руководством Кацмана, устраивали сверх обычной программы особый род пыток, к которым можно отнести “бега” и “доски”. Чаще всего это проводилось в воскресенье.

“Бега” состояли в том, что надо было бежать триста-четырееста метров мимо эсэсовцев, которые подставляли бегущим ноги. Если бегущий спотыкался, его тут же выводили за проволоку и убивали. [А таких было много, потому что лагерники еле таскали опухшие от голода, истерзанные ноги.]

Пытка под названием “доски” заключалась в следующем. Замученные тяжким ежедневным трудом евреи должны были по воскресеньям переносить с места на место бревна, заготовленные для строительства барачков. Каждый должен был бегом перетаскать по сто пятьдесят килограммов на своих плечах. Кто не выдерживал тяжести и падал, того настигала пуля эсэсовца. Страшны бывали пьяные оргии, устраиваемые немцами. Они врвались в первый попавшийся барак, вытаскивали его обитателей и истязали. В дни оргий эсэсовцы не расстреливали. Они пробивали лагерникам головы пиками или разбивали молотами, душили или распинали на крестах, вбивая гвозди в живое тело.

Каждый эсэсовец имел свою страсть. Гебауэр душил жертву в бочке между двумя досками, другой вешал за ноги, третий стрелял несчастному в затылок. Двадцатитрехлетний эсэсовец Шейнбах придумывал все новые способы. Однажды, в воскресенье, он привязал человека к столбу и бил его резиновой дубинкой. Когда тот терял сознание от ударов и опускал голову, Шейнбах приводил его в чувство, подавал ему воду и еду, чтобы через минуту снова пытать свою жертву; все заключенные принуждены были глядеть на мучения своего товарища — их специально для этого согнали в круг. Вина несчастного заключалась в том, что он оправлялся за бараком. Он нарушил порядок в лагере. [Это заметил стражник. В воскресенье его судили. Его привязали к столбу — он мучился целый день. Кровь брызгала у него изо рта и носа.] К вечеру Шейнбах устал. Он приказал всем разойтись, а около умирающего поставил караул. Утром глазам представилась страшная картина: окровавленный столб с ключьями человеческого тела.

Когда управление лагерем перешло к шарфюреру Вильгаузу¹, убийства приняли массовый характер.

¹ Густав Вильгауз — оберштурмфюрер СС, начальник Яновского лагеря после Ф. Гебауэра (июнь 1942 г. — конец июля 1943 г.). — *И. Л.*

Время от времени заключенных проверяли. Больных и истощенных расстреливали из автоматов.

[Евреи из гетто различными путями искали спасения. Скрывались у знакомых поляков и украинцев, убегали под вымышленными фамилиями, пробирались на соединение с партизанами.]

Заключенные в лагерях не носили белой повязки. Им давался номер и пришивалась желтая заплатка на спине и на груди. Тела их были прикрыты лохмотьями.

Заключенный в лагере жил за колючей проволокой. Он не мог вырваться оттуда и был настолько психически подавлен, что ему трудно было думать о сопротивлении.

Благодаря жертвенной, героической работе еврейских поэтов — С. Фридмана и А. Лауна — на территории лагеря были созданы партизанские группы. Удалось даже добыть оружие. К несчастью, немцы напали на след организации и расстреляли в одном бараке всех заключенных. С тех пор немцы показывались в лагере реже и всегда вооруженные. Когда адвоката Мандля вели на смерть, он в последнюю минуту крикнул: “Да здравствует Советский Союз, да здравствует свобода!” Возглас этот прозвучал по всему лагерю [и оказал большое влияние. Люди точно очнулись от тяжелого сна, и даже те, кого убийцы считали своими покорными жертвами, поняли, что пассивность только на руку немцам.]

Среди лагерников началась вербовка молодежи для борьбы против немцев. Один молодой львовский мясник бросился на гестаповца и задушил его. В лагере на Чвартакове молодой поляк застрелил начальника лагеря. Такие случаи происходили все чаще.

Евреев, предназначенных “к ликвидации”, приводили на сборный пункт Яновского лагеря. У входа немец с карандашом в руках педантически считал и записывал обреченных. Молодых мужчин оставляли в лагере, остальных вывозили на железнодорожную станцию, где грузили их в пригородные вагоны. [Все понимали, что это значит.] В лагере разыгрывались трагические сцены. Люди плакали. Потерявшие рассудок танцевали, громко смеялись. Непрерывно рыдали голодные дети.

Один из главных палачей Яновского лагеря, “музыкант” Рокита¹, вышел однажды на балкон своей квартиры, помещавшейся при лагере. Ему помещали спать после обеда. Он спокойно и долго стрелял из автомата в толпу.

Много евреев под видом “переселенцев” вывозили из Львова и уничтожали их.

Августовское солнце немилосердно жгло. Люди задыхались от жажды, умоляли дать им воды, но палачи, несущие охрану, оставались жестоки и неумолимы. Поезда отходили ночью. У людей отнимали всю одежду. Многие в пути выламывали доски из вагона и выскакивали из поезда. Голые, они бежали по полям. Немецкая охрана, находившаяся обычно в последнем вагоне, стреляла в них залпами.

Железнодорожное полотно от Львова до Равы-Русской было покрыто трупами евреев.

1 Помощник начальника лагеря, оберштурмфюрер СС Рихард Рокита до войны играл в ночных кабаках. — И. Л.

Через Раву-Русскую проезжали все новые поезда с евреями — брюссельскими, парижскими и амстердамскими. К ним присоединялись транспорты из Тарнополя, Коломыи, Самбора, Бржежан и других городов Западной Украины.

[В пятнадцати километрах от Равы-Русской и Бельжеца евреев, которых они везли под видом “переселенцев”, выводили из вагонов;] Бельжец — страшное место истребления евреев. Немцы окружали его глубокой тайной.

Но железнодорожники, которые везли поезда с обреченными жертвами, рассказывали своим близким правду о том, как истреблялись евреи в Бельжеце.

Евреев вводили в огромный зал, вмещавший до тысячи человек. В стенах зала немцы провели электрические провода. Они были без изоляции. Такие же провода были проведены и в полу. Как только зал наполнялся голыми людьми, немцы пускали по проводам сильный электрический ток. Это был гигантский электрический стул, какого, казалось, не могла придумать никакая преступная фантазия¹.

В другом месте, в том же Бельжецком лагере, находилась огромная мыловаренная фабрика. Немцы отбирали более полных людей, убивали их и варили из них мыло².

Артур [Израилевич] Розенштраух — банковский служащий из Львова, со слов которого мы рассказываем, держал “еврейское мыло” в своих руках.

Молодчики из гестапо не отрицали существования подобного “производства”. Когда они хотели припугнуть еврея, то говорили ему: “Из тебя сделают мыло”.

В начале февраля 1943 года управление гетто перешло к эссовцу Гржимеку — фолксдойче из Познани. Высокий, откормленный, всегда с автоматом, — он был страшен.

Гржимек любил чистоту. По его приказу появились надписи на заборе гетто: “Работа! Чистота! Дисциплина! Должен быть порядок”.

По гетто он разъезжал на лошади, окруженный свитой. Во время проверки он выбивал стекла в домах, стрелял в людей.

При Гржимеке выход на работу стал поистине адским мучением.

Иногда он заставлял евреев проходить через ворота с заплатами *W* и *R* в руках, чтобы он мог проверить их подлинность; в другой раз надо было держать высоко над головой удостоверение о работе.

Гржимек издал приказ — всем постричь волосы. У ворот стоял парикмахер, выстригавший у каждого проходившего клочок волос посередине головы.

При выходе на работу у ворот гетто оркестр играл военные марши. Под эту музыку надо было стройно маршировать. Кому это не удавалось, тот становился жертвой резиновой дубинки Гржимека.

В гетто в каждом флигеле были сторож и уборщица. Улицы были чисто выметены, дома выбелены, за этим следил сам Гржимек. Но в этих выбеленных домах в страшной тесноте валялись распухшие от голода, обреченные на смерть, полуживые люди.

¹ На самом деле в Бельжеце, как в Треблинке и Собиборе, убийства производились в газовых камерах выхлопными газами. — *И. Л.*

² Эти сведения недостоверны. — *И. А.*

В гетто вспыхнул тиф. Почти все население гетто перенесло эту болезнь. [В гетто была больница. Но все знали, что это — место смерти. Многие умерли, а оставшиеся стали калеками.] Больных не лечили, а время от времени вывозили на Пяскову Гуру на расстрел.

Близкие люди прятали больного в убежище, где он находился в холоде, нередко без пищи.

Предприятие вычеркивало больного из списка работающих и передавало его фамилию в гестапо. Специальная комиссия, состоявшая из эсэсовцев, обыскивала квартиры, чтобы разыскать больного. Разыскиванием больных прославился тяжелый, как медведь, эсэсовец Хейниш. Потерявших сознание он пристреливал на месте, выздоравливающих отправлял в тюрьму.

Честные поляки и украинцы глубоко возмущались этим невиданным преступлением, поголовным истреблением ни в чем не повинных людей. Необходимо было каким-нибудь образом воздействовать на местное население. Этим занялась пресса: немецкая газета “Лембергер дойче цайтунг”, “Газета львовска” и “Львовские висти”.

Ежедневно в этих омерзительных листках появлялись юдофобские заметки и статьи о том, что “немецкий гений демонстрирует свою неприимимость к низшей расе” (евреям) и что “немецкой рукой историческая справедливость карает проклятых жидов”.

Эти статьи имели одну цель: возбудить ненависть поляков и украинцев к еврейскому населению.

Кацман опубликовал извещение, в котором говорилось, что за укрытие евреев грозит смертная казнь.

Немецкие газеты повели “разъяснительную кампанию”. Они писали, что ликвидация евреев проводится немцами в интересах арийских народов. “Евреи давно готовятся к господству над миром”. [Чтобы аргументировать эту глупую мысль, подтасовали цитаты из Библии и Талмуда.]

Немцы писали, что евреев “ликвидируют” в ответ на погромы, которые они устраивали против немецкого населения в Быдгоще, Познани и других городах. [Но на эту глупую провокацию никто не поддавался.]

В условиях жесточайшего террора и чудовищных насилий еврейское население пыталось всеми доступными средствами спастись от гибели. Многие уходили из Львова и под чужой фамилией проживали в Варшаве, Кракове, Ченстохове и других городах Западной Польши. Другие, также под чужими фамилиями, переселялись в “арийский” район Львова, [где жили и работали под видом поляков и украинцев.] Об этом вскоре узнало гестапо; [немцы решили покончить с “фальшивыми арийцами”.] Немцы наводнили Львов тайными агентами. Их вертелось великое множество на улицах, на почте, на железнодорожных станциях. Они хищно вглядывались в каждого человека, подозреваемого в еврейском происхождении. Свою жертву они отводили в “Крипо” (Криминалполицией), где чиновники быстро выясняли, еврей ли данное лицо, а женщин мучили до тех пор, пока они сами не признавались в том, что они еврейки. Немцы щедро награждали агентов, [вылавливавших “фальшивых арийцев”.] Но случалось, что и евреи награждали агентов пулями. К молодому еврею, у которого были фальшивые [“арийские”] документы, подошел на площади Стрелецкого тайный агент, требуя показать документы. Очевидно, агент узнал в нем еврея. Тот, дол-

го не раздумывая, вынул вместо документа револьвер, убил агента и убежал. В Львове на шумела история Лины Гаус, ученицы еврейской гимназии. Лина проживала на улице Яховича как полька. Она переменяла фамилию и работала в немецкой фирме. Один тайный агент заподозрил ее. Он пошел к ней на дом, чтобы проверить ее документы.

Его нашли мертвым, с полотенцем на шее. Немцы расклеили объявление об убийстве, совершенном еврейкой, приложили ее фотографию и обещали большую сумму тому, кто ее поймает. Но все было напрасно — Лина Гаус исчезла.

Случалось, евреи, зная хорошо французский язык, передевались в форму военнопленных французов и жили вместе с ними в концлагерях.

Немало евреев пряталось у поляков и украинцев. Как ни старались немцы растлить души людей смертным страхом, казнями, предательством и алчностью, находились смелые, честные люди, способные на подвиг. Польская интеллигенция спасла много еврейских детей от смерти. [По известным причинам они, однако, могли взять к себе главным образом девочек.]

Некоторые польские священники¹ брали еврейских девочек, прятали их в костелы и спасали детей от смерти. Не один из этих благородных людей заплатил собственной жизнью за спасение еврейских детей...

После поражения немцев под Сталинградом в Львовском гетто организовался комитет для вооруженной борьбы с немцами. В комитет этот, среди других, вошли еврейские поэты Я. Шудрих и С. Фридман.

Организация связалась с польским комитетом и начала издавать подпольную газету, передававшуюся из рук в руки. На собранные комитетом средства были куплены револьверы; некоторым, работавшим в немецких военных организациях, удалось выкрасть оружие. Вскоре началось тайное военное обучение. Делегаты комитета пробрались в Броды, чтобы связаться с волыньскими партизанами. Среди них была и женщина-врач Лина Гольдберг, которая с энтузиазмом приступила к организации партизанского движения во Львове. Приток оружия в гетто не прерывался. Люди, возвращаясь с работы, приносили его вместе с продуктами. Однажды, во время обыска у ворот, эсэсовцы нашли у одного юноши оружие. Его расстреляли на месте. С этого дня начались частые обыски в казармах. На улице Локетка был обнаружен склад оружия. Немцы искали организаторов, но найти их не смогли.

Группами и в одиночку люди стали убегать из гетто.

Комитет изыскивал всякие способы, чтобы перебросить людей в Броды, центр вооруженного сопротивления.

За большие деньги, с величайшей предосторожностью были наняты три машины. Первые три транспорта бойцов гетто удалось благополучно отправить. Они стали успешно и дерзко партизанить. Среди этой группы — много молодежи, хорошо знавшей дороги и тропинки края.

¹ Наибольшее число еврейских детей спасли: митрополит, глава Греко-католической церкви Украины Андрий Шептицкий (1865–1944) и его брат архимандрит Климентий, удостоенный в 2008 г. звания “Праведник народов мира”. См.: *Энциклопедия...* С. 1092. — И. А.

Партизаны с успехом нападали на немецкие усадьбы и добывали продовольствие. Они устраивали засады и отнимали у немецких солдат оружие.

Они не были одиноки в своей борьбе. Волынские партизаны прислали своих представителей, снабдив их взрывчаткой — толом и динамитом — для диверсионных действий.

Бродские партизаны напали однажды на немецкий пост, около Брод на самой границе между генерал-губернаторством и “остгепитом”. Стражник был убит, захвачены были автоматы и гранаты. Партизаны стали грозой для немцев во всем районе.

Немецкие жандармы делали все возможное, чтобы обнаружить местопребывание отряда. Но партизанский штаб оставался неуловимым. Он успешно переходил с места на место.

Когда до сведения комитета дошло, что близится окончательная ликвидация гетто, было решено уйти в леса и продолжать борьбу. Вместе с группой в семнадцать человек должен был уехать поэт Я. Шудрих.

Отъезд был назначен на 8 мая 1943 года, в шесть часов утра. Но утром машину, которая везла эту группу партизан, на улице Зыбликевича окружили эсэсовцы. Партизаны увидели, что попали в ловушку, и решили дорого продать свою жизнь. Началась перестрелка, во время которой было тяжело ранено несколько эсэсовцев. Прибывший на подмогу немцам новый эсэсовский отряд разоружил партизан. Они погибли все до единого. На рассвете 9 мая бродский лес был окружен батальоном немецкой пехоты.

Борьба с превосходящими силами немцев продолжалась три дня. Вырваться из окружения удалось лишь немногим партизанам, пробравшимся в Люблинские леса, чтобы там продолжать борьбу. Остальные погибли геройской смертью, с оружием в руках. Живыми в руки немцам никто не сдался.

Чувствуя свой близкий конец, немцы стали торопиться с убийством евреев.

Исчезало одно гетто за другим: Перемышль, Самбор, Рудки, Бржежаны, Тарнополь, Яворов, Жулкев, Пржемысляны, Ярычув.

Во Львове перед ликвидацией гетто вдруг наступило затишье. Гржимек редко показывался на улицах. [У ворот нет стражи. Немцы устраивают в гетто футбольные матчи, концерты.] Эсэсовцы не нападали на еврейские квартиры. Однако все понимали, что это затишье перед бурей. 25 апреля немцы вывезли на Пяскову Гуру, на казнь, последние четыре тысячи заключенных Яновского лагеря.

1 июля 1943 года, в три часа ночи, эсэсовцы вошли в гетто, чтобы закончить свою кровавую работу, начатую в 1941 году. Это была окончательная ликвидация. [Забирали всех, даже работающих на немецких предприятиях.] Удостоверения с печатью СС, заплаты W и R были аннулированы.

“Кампанией” по ликвидации руководили Кацман, Энгельс, Ленард Вильгауз, Ингуарт и Шейнбах. Отряды СС и фашистской полиции весь день обыскивали дома, бросали гранаты в погреба, где скрывались люди. На третий день в гетто въехали пожарные машины. Евреев начали заживо сжигать. Были сожжены улицы Локетка, Кресова, Шарановича. Спрятавшиеся в убежище люди задыхались от дыма и выбегали из пламени в последнюю

минуту. Гестаповцы не стреляли, они старались поймать жертву живьем и вновь бросить ее в огонь.

Первые дни кое-кто пытался сопротивляться. Те, у кого было оружие, начали беспорядочную стрельбу. Были убиты два полицейских и ранены несколько эсэсовцев. Это привело палачей в еще большую ярость. Они убивали женщин и детей, сбрасывая их с балконов домов, мужчинам отрубали топорами головы. Улицы гетто были полны трупов.

Небо над гетто стало черным от дыма пожаров, и к нему долго и безответно возносился страшный крик убиваемых детей.

Мы рассказали правду. Это преступление фашистов не может быть скрыто от человечества, хотя убийцы и старались всеми силами не оставлять свидетелей в живых.

Свидетели остались. Это Нафтали Нахт — юноша из Львова, бежавший к партизанам. Это Леопольд Шор — тоже беглец из Львова. Это Лихтер Ури, спасшийся от палачей у партизан в Золочевских лесах. Это Артур Розенштраух — банковский служащий из Львова. Это Лиля Герц, тринадцать дней просидевшая в замурованном убежище в гетто.

Это преступление не может быть забыто и прощено человечеством.

Сообщение Л. Герц, Нафтали Нахта

Подготовили к печати Р. ФРАЕРМАН [и Р. КОВНАТОР]

Рассказ Лили Герц (Львов)

Мы сидим в убежище. На улицах гетто происходят убийства, слышны выстрелы немцев и крики убиваемых ими людей.

Убежище на чердаке. Оно состоит из двух частей, разделенных кирпичной перегородкой. Вход хорошо замаскирован.

Нас сорок человек, душно. Воды мало.

Ночью немцы отдыхают, поэтому тихо до утра.

Около пяти часов начинают доходить звуки, словно кто-то раскачал колокол. Сначала тихие, просящие, одинокие звуки, а потом страшный крик, уносящийся куда-то вверх и заглушающий выстрелы. Это кричат те, кого убивают.

В убежище никто не шевельнется. Крохотный ребенок Розенбергов тихо стонет. Наконец он расплакался, и все во власти маленького крикуна — он может выдать нас. Мы отдаем матери сахар, у кого-то оказалась бутылка с молоком, — лишь бы младенец успокоился.

Ночью, когда все утихло, мы вышли из убежища. Двери в квартирах открыты. Мы ложимся на разбросанную постель, чтобы поспать несколько часов после мучительного дня.

Но скоро снова слышны выстрелы. Мы быстро уходим в убежище; там тесно.

Все ближе слышны шаги полицейских. Они искали нас, но найти не могли. Обозленные неудачей, но уверенные, что в доме кто-то есть, они орали: “Выходите вон! Глупые люди! Мы будем стрелять!”

Ребенок заплакал. Мы замерли. Значит, конец. Они нас найдут. Что делать? Мы не выйдем. Пусть стреляют.

— Открывайте! Быстрее! [Проклятые жида!]

Кто-то нажал на входную дверцу.]

Немцы не входят. Они боятся.

Ребенок кричит изо всех сил. Я прощаюсь с мужем.

Немцы взобрались на крышу и разбирают ее, чтобы оттуда стрелять. Вот уже затрещали балки над нашими головами. Все в панике бросаются к выходу.

Я пытаюсь спрятаться. На чердаке никого нет. Влезаю под матрац в углу. Может быть, они уйдут. Но чья-то рука тащит меня за пальто.

Мы очутились в маленьком коридоре. Прислонившись к стенке, напротив меня стоит мой дорогой муж. Он бледен, ничего не говорит. Я подхожу к нему, и мы опять прощаемся.

Нас считают — раз, два, три, восемь... [тридцать пять.]

Вдруг поднимается суматоха. Кто-то бежит по лестнице. Иська заслоняет меня собой и вталкивает в открытую дверь чужой квартиры.

— Если сможешь, спасайся! — говорит он тихо и исчезает.

Я бегу через кухню в комнату. Все разбросано. Я влезая под гору наваленных подушек и перин и лежу неподвижно. Ничего не слышу и ничего не чувствую. Тело мое одеревенело, только сердце стучит. Я задыхаюсь. Во рту пересохло. Жду. Знаю, что они заметят исчезновение человека и придут.

Боже, что это? Как близко раздался выстрел. Должно быть, в кухне.

— Даже напиться нельзя, — говорит кто-то по-немецки.

Он открывает шкаф. Ищет водку. А потом входит в комнату. Смотрит, оглядывается по сторонам. Я задерживаю дыхание. Только бы поскорее! Пусть бы он выстрелил, только бы скорее. Глотаю слюну. Он нагнулся, в руках какие-то бумажки — это деньги. Нога моя торчит из-под перины, я не успела ее убрать. Он споткнется, и я погибла.

Нет! Он уходит. В самом деле, уходит. Еще минута большого напряжения. Я прислушиваюсь к быстро удаляющимся по лестнице шагам. Наконец, полная тишина. Я вылезаю, однако не время отдыхать. Надо хорошенько спрятаться. Встаю. В этой комнате есть еще кто-то. Это Броня, сестра Иськи.

— Каким чудом ты оказалась здесь?

— Иська втокнул меня сюда в последний момент.

У нас нет времени для разговоров. Мы вбегаем обратно на чердак. За кирпичной перегородкой есть еще люди, которых не нашли. Это хозяйева дома. Мы стучимся к ним.

— Впустите нас! Скорее, потому что немцы могут опять появиться!

В убежище осталось шестнадцать человек. Женщины, девушки, мужчины и трехлетний мальчик Дзюня. Мы не разговариваем. Июньское солнце немилосердно печет через крышу.

Наступила желанная ночь. Мы выползаем из убежища, набираем в бутылки воды, чтобы сделать запас на следующий день.

На чердаке засыпаем мертвым сном. Уже солнце светит в щели, а мы все спим.

Нас тревожно будит Люся:

— Вставайте! Скорее в убежище! Приехали какие-то пожарные машины.

Мы опять залезаем в нашу нору. Слышны взрывы. Это немцы гранатами выгоняют людей из убежищ. За взрывами слышатся стоны и крики. Слышны возгласы немцев:

— Леонард, гляди, я уложил ее одним выстрелом, а она ведь далеко стояла!

— Э-э-х! — кричит другой немец, — ну-ка, выпорхните, птички! Т-а-ак! А теперь мы вас поджарим на огне, [проклятые жидаы!]

— Только не бросайте в огонь! Стреляйте! О, боже! — кричит высоким голосом женщина.

Сквозь щели в крыше проникает тонкая струйка дыма. От нее щиплет в горле, пересохшем от жары и страха.

Маленький Дзюня заткнул ручками рот. Он знает, что нельзя разговаривать. С лица его падают крупные капли пота.

— Может, лучше выйти. Не лучше ли погибнуть от пули, чем сгореть заживо? — говорю я.

— Мы не выйдем, — говорит Броня. — Наш дом немцы не подожгут, потому что рядом немецкая больница.

— Они сожгут нас живьем. Откройте! — просит Лида.

— Поджигать! — слышим мы голос немца на крыше.

— Накачивай бензин, — кричит пожарный.

Раздается зловещий звук, и жидкость, выпущенная из кишки, ударяется о крышу. Она просачивается сквозь щели и капает на наши разгоряченные головы. И странно — она освежает.

“Это не бензин, а вода”, — объясняем мы друг другу жестами. Они хотели нас запугать. Они думали, что услышав приказ — “поджигать”, — мы выйдем.

Только бы не нашли нас те, что стоят на крыше! Но они продолжают лить воду, и шум воды заглушает наше дыхание.

— Вода, стоп! — кричит пожарный.

Очевидно, они охраняют наш дом от пожара, чтобы огонь не перекинулся на больницу.

Голоса удаляются.

Слышно только, как гроыхает раскаленная от огня жесь, гудит пламя и кричат перед смертью люди.

Ночью мы выходим из убежища, чтобы сквозь отверстие в крыше поглядеть на пылающую улицу Локетка.

Откуда-то с конца улицы доносится голос умирающего мальчика:

— Прошу вас, еще одну пулю! Я в-а-а-с прошу, еще одну пу-у-лю!

К утру крики сжигаемых людей утихли. Наше убежище превратилось в настоящий ад. Голод и жажда мучают, немилосердно кусают вши. Мы по-теем и задыхаемся.

Дзюня все время просит сахара и воды. Он колотит мать и дергает меня за волосы. Мы разговариваем шепотом. Кто-то вполголоса причитает. Шепотом раздаются жалобы и стелания тех, кто оплакивает своих погибших детей.

— Если бы я могла своими руками задушить хоть одного из этих палачей, какой роскошью показалась бы мне смерть. А я сижу здесь беззащитная и жду, — говорит Лида.

Наступает вечер. Я первый раз спускаюсь вниз. У меня кружится голова. Мы не ели уже несколько дней. Надо найти белье, переодеться, вши не дают покоя. Я бесшумно крадусь в свою квартиру, чтобы не услышал немецкий патруль.

В темноте нахожу баночку с сахаром и беру ее для Дзюни. На веревке висит что-то белое. Белье! Я жадно хватаю его и снова иду на чердак.

Белье вырывают у меня из рук. Мы сменяем его тут же.

— Господи, неужели человек может так хорошо себя чувствовать! — восклицает при этом одна женщина. — Ты не боишься, сходи еще раз! Если бы ты нашла еще еду, вот была бы радость!

Я снова спускаюсь вниз и вхожу в другую квартиру, падаю на труп убитой женщины. Под руку попало что-то мягкое, холодное. Я поспешно иду назад без хлеба. Есть больше не хочется.

Стою в коридорчике, ведущем на балкон. Слышны выстрелы. Это гитлеровские стражники стреляют в тех, кто пытается бежать...

Кто-то подглядел нас ночью, потому что на седьмой день под утро мы услышали рядом с собой немецкую речь.

— Здесь наверное есть евреи. Надо тщательно проверить.

— Кто с ними будет шутки шутить! Гранаты! — приказывает немец.

Раздается взрыв, один, другой. Одна граната взрывается на чердаке. От сотрясения поднимается пыль и садится нам на лица.

Мы сохраняем спокойствие. Нас не испугаешь гранатами. Нас уже ничем не испугаешь. Мальчик Дзюня, наш маленький герой, помогает нам. Он успокаивает других.

— Мама, если я буду тихо сидеть, ты мне дашь сахар?

— Все дам.

— Мама, мы всех гестаповцев убьем, когда выйдем отсюда?

— Да, только сиди смирно.

— Или будем их сжигать. Хорошо.

— Так нельзя говорить. Сиди спокойно.

— А почему они жгут... так и нам нужно!

— Что с ним делать, — спрашивает мать в отчаянии. — Разболтался.

А в это время гетто продолжает гореть. Мы слышим на улице голос человека, которого убивают немцы. Он перед смертью просит у своих убийц воды. Какой странный человек!

С нашим маленьким Дзюней творится что-то невообразимое. Он много говорит и плачет. Снова обыскивают наш дом, обстукивают потолок, пол и стены.

— Расскажи мне сказку! Слышишь? А то я буду кричать, — говорит маленький Дзюня.

— Дорогой, пойми, как только утихнет, я расскажу тебе замечательную сказку.

— А я хочу сейчас. Слышишь? Или я буду кричать!

Над нами вдруг раздается стук. Все замирают от ужаса.

Я начинаю шепотом рассказывать сказку, растягивая каждое слово. Я стараюсь как можно дольше удержать внимание мальчика.

— Знаешь, Дзюня, — говорю я, — когда мы выйдем из убежища, придет папа, он купит тебе лошадку.

Дзюня отвечает мне, также растягивая слова:

— Все ты врешь, папа не придет, его убили гестаповцы.

— Дзюня, дерни меня за волосы, — прошу я.

Он рвет мои волосы. Но это ненадолго его развлекает.

Лицо у него горит. Он все время пьет воду. Мы даже обтираем его водой. Но все напрасно. Он вертится, вскрикивает при каждом звуке, доносящемся снаружи.

Мы в полном изнеможении от страха, голода и жажды.

— Надо его отравить, — говорит кто-то. — Он не вынесет этих мучений. Он погубит и себя и нас.

Мать кинулась к ребенку. Нет! Она не позволит! Если бы яду хватило и для нее, тогда бы она сделала это. Но яду только для одного и тот принадлежит Лиде.

К вечеру в наш дом входят немцы. Они разговаривают громко, как обычно.

Вдруг Дзюня встает и смотрит по сторонам безумными глазами:

— Теперь, — говорит он, — я буду так громко кричать, что они придут!

Мы зажимаем ему рот. Мать умоляет, целует его и плачет. Ничего не помогает. Он кусает ей руки, колотит ногами в живот.

Как велики были наши страдания, если даже маленький мальчик сошел с ума!

Он умер, и ночью мать выносит тельце бедного Дзюни и закапывает его в погреб.

На тринадцатый день, в воскресенье, в гетто наступила тишина. По улицам снуют немецкая охрана, но выстрелы раздаются редко. Мы решаем убежать этой ночью.

Ночь благоприятствует нам. Она без звезд, без луны, без огней. Мы прислушиваемся, нет ли поблизости стражников. Но кругом тишина, прерываемая только отдельными выстрелами.

— Мы идем на верную смерть, — говорит Лида.

— Лучше умереть от пули, чем здесь от грязи, голода и страха, — говорит Броня, которая все время поддерживала в нас мужество.

Мы разделяемся на две группы. Одна идет вправо, мы — влево. Мне кажется, что я была погребена все эти дни, а теперь вышла из могилы. Напротив — улица Локетка. Чтобы туда добраться, надо сделать несколько шагов. Но мы не в состоянии двигаться. Броня заставляет нас силой. Идем гуськом, держась за стены домов. В некоторых местах еще горят костры, которыми освещают гетто, чтобы отпугивать беглецов.

Львов спит. Окна квартир занавешены шторами. Из какого-то дома выходят пьяные мужчины. Они громко поют. Мы втискиваемся в ворота, чтобы они нас не заметили. Они проходят мимо. Недалеко домик знакомой мне польской женщины. Она, наверное, нам поможет. Стучу в окно.

— Кто тут? — спрашивает.

— Это я, Лиля — откройте, прошу вас! — говорю я тихо.

Хозяйка принимает нас. Она варит кофе и яйца и подает нам все это на стол.

— Я вас спрячу в сенном сарае, потому что есть приказ — под угрозой смертной казни не впускать евреев в квартиры, — говорит она.

Нам и в сарае будет очень хорошо, лишь бы нас не нашли.

Мы сидим, спрятавшись в сене, и разговариваем шепотом.

Около десяти часов вечера я иду к хозяйке. Хочу узнать, нет ли сведений об Иське. Прокрадываюсь к заднему окошку и тихонько стучу в стекло. Отсюда меня не видно, в этом уголке я могу поговорить с хозяйкой.

Во двор вдруг въезжают немцы на мотоциклах.

Очевидно, кто-то донес, — мелькнула у меня мысль.

Я не ошиблась. Один из них подходит прямо к сараю и вытаскивает оттуда Броню.

— Я вас умоляю, пустите меня, мне всего девятнадцать лет. На что вам моя жизнь?

— Молчи ты! Проклятая тварь!

Я вижу это из моего уголка. Броня стоит бледная, выпрямившись.

— А где та, другая? — спрашивают немцы.

— Она ушла еще утром. Я не знаю, где она.

— Мы ее найдем!

Они толкают Броню прикладами, и она идет, шатаясь. Я спаслась еще раз.

МОЙ ТОВАРИЩ ПАРТИЗАН ЯКОВ БАРЕР

137

Письмо Бориса Хандроса

Я родился в 1924 году. Когда мне было четырнадцать лет, стал комсомольцем. Писал стихи. В 1941 году кончил десятилетку. Пошел добровольцем на войну. При обороне Киева был ранен в ногу. Меня спрятала старушка, вылечила. Фронт был далеко. Я вернулся в Приднестровье. Вместе с сельской учительницей Тамарой Бурык организовал подпольную группу. Мы пережили тяжелое лето 1942 года. Я снова воевал с немцами.

С Яковом Барером я встретился в начале 1944 года. Это был крепкий, хорошо сложенный юноша. Он прекрасно говорил по-немецки. Он вошел в наш отряд и мужественно сражался. 17 марта 1944 года я был тяжело ранен в грудь — прострелено легкое. Яков меня вынес из-под пуль.

Яков жил в Львове. Он был меховщиком. С 1939 года он смог учиться, готовился поступить в университет. Но пришли немцы. Как все евреи Львова, Яков был обречен.

Немцы взяли его на работу. Вернувшись вечером, он не застал ни бабушки, ни тринадцатилетнего брата — их увезли в Бельжец, на “фабрику смерти”. Там убивали евреев из Львова, из Польши, из Франции. Вскоре туда повезли и Якова. Он выпрыгнул из поезда.

Осенью 1942 года Яков попал в концлагерь близ Львова. Комендант этого лагеря никогда не посылал евреев на расстрел. Он подходил к обреченному, говорил о намеченных улучшениях, о гуманности фюрера и, когда человек начинал верить в спасение, комендант его душил. Его прозвали “душителем”. Он построил стеклянную клетку на вышке. В клетку сажали еврея: он умирал у всех на виду. “Душитель” заставлял евреев рыть котлованы, потом снова засыпать их землей. Однажды евреи копали землю у самой границы лагеря. Яков спрятался: колонна ушла в барак. Раздался окрик часового. Тогда Яков вскочил и убил немца лопатой. Он снял его форму, проверил удостоверение на имя Макса Валлера. После этого Яков направился в барак, где находились его младший брат и восемь друзей из Львова. Он заговорил чужим голосом, даже брат его не узнал. “Собирайтесь!” — скомандовал он. Все молча собрались в последний путь. Часовой у ворот не удивился: каждую ночь выводили евреев на расстрел. Часовой пошутил: “Что, брат, очищаешь воздух?”

Это была первая удача Якова Барера.

Яков решил пробиться на восток. Они дошли до товарной станции. Яков заметил в одном из вагонов ящики с книгами для Днепропетровска. За ящиками спрятались девять евреев, а Яков, в форме эсэсовца, сторожил груз.

Расстались в Днепропетровске. Яков остался с братом. Они долго странствовали. Якову пришлось сбросить форму: жандармы ловили дезертиров.

В сентябре 1943 года они добрались до Первомайска. Там Яков подружился с бывшим учителем Миколайчиком. Яков достал радиоприемник; они слушали советские сводки и передавали другим. СД заинтересовалось Яковом. Он ушел, но немцы убили его маленького брата.

Я видел фотоснимки и документы убитых им немцев. Яков не любил рассказывать о своих боевых делах — ему тяжело было вспоминать гибель родных и друзей.

Мы расстались с ним в госпитале. Он ушел на запад с Красной Армией. Он жил одним: увидеть советский Львов...

22 июля 1944 г.¹

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

1 Письмо датировано 24 июля 1944 г. (АЯВ, Р.21.1/99). — И. А.

В ПЕНЯЦКИХ ЛЕСАХ (ПИСЬМО РАЗВЕДЧИКА)

139

Львовская область

В Пеняцких лесах были расположены два села. Одно в четырех километрах от другого. В селе Гуте Пеняцкой было сто двадцать дворов, теперь не осталось ни одного. В этом селе жило восемьсот восемьдесят человек, поляков и евреев, — их нет в живых. Немцы окружили село, облили дома и сараи бензином и сожгли село вместе с населением. В селе Гуте Верхобужской из ста двадцати дворов уцелело два. Из жителей Гуты Верхобужской не спасся никто. Неподалеку от этих сел я, Перлин Матвей Григорьевич, разведчик Красной Армии, случайно наткнулся в лесу на две землянки, где жили восемьдесят евреев. Здесь были семидесятипятилетние старухи, и молодые парни, и девушки, и дети — самому меньшему было три года.

Я был первым представителем Красной Армии, которого они увидели после почти трехлетней жизни под страхом ежедневной смерти, и все они старались поближе протиснуться ко мне, пожать руку, сказать теплое слово. Эти люди прожили в лесных норах шестнадцать месяцев, скрываясь от преследования. Их было больше, но осталось восемьдесят. Из сорока тысяч евреев Бродского и Золочевского районов, по их словам, осталось в живых не больше двухсот человек. Как они выжили? Их поддерживали жители окружающих сел, но никто не знал, где именно они скрываются. Уходя из “своего” леса или приходя “домой”, они засыпали свои следы снегом через специально сделанное сито. У них было оружие — несколько винтовок и пистолетов. И они не пропускали случай уменьшить число фашистских зверей.

Все три года они говорили только шепотом. Громко разговаривать не разрешалось даже в землянке. Лишь с моим приходом они запели, засмеялись, заговорили во весь голос.

Меня особенно взволновало то страстное нетерпение, та твердость веры, с которыми эти люди ждали нас — Красную Армию. Этим были проникнуты их песни и стихи, их разговоры и даже сны. Трехлетняя Зоя не знает, что такое дом, а лошадь она впервые увидела, когда я приехал к ним. Но когда ее спрашивают, кто должен прийти, она отвечает: “Должен прийти к нам батько Сталин, и тогда мы пойдем домой”.

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

НЕМЦЫ В РАДЗИВИЛЛОВЕ (КРАСНОАРМЕЙСКЕ) ¹

Прекрасное осеннее утро. Все евреи Радзивиллова (Красноармейска) прячутся по домам. Из угла, где притаилась моя семья, слышен тревожный шепот.

“Едут, едут, что делать?”

Во двор въезжает повозка с немцами, один спрыгивает и стучит в дверь. В квартире паника. Старая бабушка идет открывать дверь.

“Почему ты заставила нас ждать?” — кричит немец, и нагайка обрушивается на плечи бабушки. Она падает без чувств. Мама и тетка подбегают к ней с водой, а немец приступает к обыску — ищет мужчин. Видя, что дело плохо, отец сам выходит. Немец бьет его нагайкой и с криком: “Вшивый мужик, марш во двор”, — толкает ногой к выходу.

В двери торчал гвоздь, отец в кровь оцарапал лицо. Мама хотела подбежать, но немец грубо ее оттолкнул, вышел на улицу с отцом, и они уехали.

Невозможно описать день, который мы пережили. В квартире была мертвая тишина. Начало уже темнеть, когда раздался стук; я не выдержала и громко заплакала. Мама отворила и с криком отшатнулась. В дверях стоял папа, но в каком виде! — босой, без пиджака, весь в крови.

Молча вошел он и сел на стул. Моя двоюродная сестренка закричала:

— Дядя, а где сапоги?

— Будут другие, кошечка, — ответил папа.

Немецкие бандиты забрали у него пиджак и сапоги, брюки были разорваны нагайкой, и даже лицо не дали отмыть от крови. Целый день он носил камни для постройки бараков, и наутро ему опять приказали вернуться на работу.

Такова была наша первая встреча с немцами.

Но мы не знали, что это только начало наших страданий.

Папа работал, ничего не получая за труд. Мама ходила по знакомым крестьянам и продавала вещи — надо было как-то жить.

В город приехали немецкие власти — ландвирт и жандармерия, появилась полиция. С каждым днем они все больше издевались над населением, грабили и забирали что попало.

В июле приехали эсэсовцы, с эмблемой смерти на мундире. Ночью они забрали евреев — шесть женщин и восемнадцать мужчин. День евреи просидели под арестом, вечером их куда-то отвезли на машине. На другой день

¹ Ныне Радзивилв Ровенской области Украины. В мае-октябре 1942 г. здесь было казнено более 1400 евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 834. — И. А.

женщина, рядом с которой жили четыре шуцмана, услышала их разговор: “Надо отмыть руки от еврейской крови”.

Мы долго не могли поверить, что они убиты, но вскоре узнали, что их действительно вывезли в Бродский лес, заставили копать ямы, а потом расстреляли и зарыли в этих ямах.

Вскоре после этого приехал к нам в город дубенский гебитскомиссар, взял тридцать заложников и приказал евреям через два часа доставить ему сто тысяч марок, иначе заложники будут убиты.

Люди метались, как безумные, отдавали за бесценно дорогие вещи, чтобы собрать эту сумму. Получив деньги, гебитскомиссар уехал довольный, но через четыре дня вернулся с новыми приказами: сдать все серебро и золото, никель и шубы и не показываться на улице без повязки с шестиконечной звездой. Нас заставили носить два лоскута — один на груди, другой на спине.

Приказы были выполнены, но двух заложников так и не выпустили. И немцам все было мало.

Заставили нас носить желтые латы, пришитые к одежде, одну на груди, другую на плечах. Бывало идешь по улице с этими латами, и каждый малейший пацан кричит: “Юда, юда” — и имеет право ударить или бросить камень в тебя, ибо ты не считаешься человеком. А немцы пузатые стоят и смеются.

В марте 1942 года последовал новый приказ: шуцманам забрать по селам подводы и вывезти из еврейских домов постели, посуду и продукты.

Мы отнесли свои вещи на хранение знакомым крестьянам — Анне Мороз из села Богаевка, Лене Мостенчук и Губской из села Бараны.

Этот грабёж казался нам ужасным, но мы тогда еще не знали, что теперь они отнимают у нас вещи, а потом будут отнимать самую жизнь.

В конце апреля радзивиловский ландвирт получил от гебитскомиссара новый приказ — две улицы освободить от “арийцев” и разместить там всех евреев. Одна улица была для рабочих (“фаховцев”), которым выдали так называемые арbeitsкарты, вторая была для “безработных”. Улицы обнесли проволокой в три метра высоты, и назывались они “гетто”.

Пять тысяч человек с большим трудом разместились на двух малых улочках. В каждое помещение набилось по три-четыре семьи.

“Безработные” уже чувствовали, что приближается гроза, и метались, стараясь получить “арbeitsкарту” и перебраться на другую сторону.

24 мая гетто должно было быть закрыто. Моему отцу с трудом удалось получить для нас “арbeitsкарты”. Ему помог украинский бурмистр, работавший когда-то с ним в конторе лесной промышленности. Но мы не переставали волноваться и ждать.

В ночь на 2 июня все местные власти, вместе с приехавшими гестаповцами, пьянствовали в немецкой столовой, а в четыре часа утра гетто было окружено. *Рабочую сторону окружили всего шесть милиционеров украинских, а ту сторону — человек сто тридцать разных сортов бандитов, немцев, шуцманов и приезжих.*

В шесть часов утра прибыло начальство — ландвирт и жандармерия. Пьяные, они ввалились в гетто и нагайками стали сгонять народ на площадь. Плач и вопли детей, дикие крики бандитов — это было ужасно. Мне

удалось спрятаться у соседки, и я в окно все видела. Но площади были дети, девушки, старухи. Я увидела свою подругу; она прислонилась к матери и горько плакала. Детей немцы поднимали на штыки, а пьяная милиция со своим бурмистром стояли и качались со смеху. Старших детей били до потери сознания. Многие женщины сошли с ума, они кричали, пели, дико смеялись, некоторые начали душить собственных детей. Это невозможно было вынести. Моя подруга подбежала к проволоке, думая перебраться через нее, но раздался выстрел, и она упала мертвой.

Это был первый выстрел. Немцы согнали весь народ и стали выводить из гетто. Пытавшиеся бежать были убиты. Людей гнали по улице за город, их крики и стоны слышал весь город. Толпу погнали к трем ямам, которые заранее выкопали пленные, не знавшие, для чего их заставляли копать. Всем пригнанным велели раздеться, в одну из ям столкнули двоих, заставили лечь и выпустили в них две пули. На трупы велели лечь следующим и стреляли, пока не наполнили все три ямы. Подъехали машины, забрали одежду и отвезли ее в опустевшее гетто.

Все эти подробности мы узнали от девушки, которой удалось бежать — одной из трех тысяч. Выстрелы и крики мы сами слышали до двух часов дня.

По нашей улице бродили сироты убитых, рыдали люди, у которых погибли близкие. По ночам мы не спали, ожидая, что и нас постигнет такая же участь.

Однажды ночью мать меня будит. Паника. Все одеты. Гетто окружено. Врываються немцы с криком: “Вылезайте, проклятые евреи”.

Можно себе представить, что мы чувствовали. Но оказалось, что немцы приехали за рабочими, чтобы погрузить шесть вагонов картошки. Наших мужчин погнали нагайками, как скот. Целую ночь мы плакали, думая, что они не вернуться. Но утром они пришли — измученные, избитые, все в крови. Это была ложная тревога, но мы ведь жили в непрерывном ожидании гибели.

В августе прошел слух, что пленных опять заставляют копать ямы. Теперь народ уже не стал дожидаться, когда погонят на смерть, — люди разбежались по селам. Многие бросились в Сестратин, где евреи работали на торфяных разработках. Там хоть лес близко и можно убежать, не то что в этом проклятом гетто. Мы с мамой тоже бежали в Сестратин, хотя работать на торфе было очень тяжело. Отец оставался дома. Потом мы узнали, что новая серия убийств действительно была назначена на август, но изверги ее отложили, потому что оставалось еще восемь хранилищ картошки для погрузки в Германию.

Увидев, что все более или менее спокойно, люди начали возвращаться. Но в конце сентября приехал из Дубно мой бывший учитель Шлезингер, который подтвердил, что пленные копают ямы.

Представитель ландвирта приезжал еще раз и предупредил, что им расстреляны шестьдесят человек бежавших и всех, кто убежит, постигнет та же участь.

В ночь на 3 ноября гетто окружили, кругом стояли машины и мотоциклы, и в восемь часов утра должна была начаться вторая страшная серия убийств. Что делалось у нас дома! Женщины плакали, молились богу. Отец взял меня на руки, ласкал, целовал и тоже горячо молился. В час ночи

кто-то тихо постучал в окно. Мы вздрогнули. Папа открыл дверь, вошли два украинских хлопца — Володя Семенчук и Коля Вовк, наши старые друзья. В последнюю минуту, не щадя своей жизни, они пришли нас спасать.

Мы вышли, взяв только кошелки. Несмотря на наши слезы и просьбы, бабушка не захотела пойти с нами. Мы же все поползли за нашими спасителями, не смея даже головы поднять. В одном месте проволока была заранее перерезана, и мы поодиночке выползли. Мы ползли целых полтора километра, пока не оказались за городом. Там мы поднялись.

“Пойдем в Броды”, — сказал Коля. Броды — городок в восьми километрах от Красноармейска; там евреи еще жили в гетто.

Вдруг, как из земли, вырос человек. Он подошел к дяде и сказал: “Яда, ты что, не узнаешь меня?”

Оказалось, что это Миша Доманский из села Немировки, самый близкий дядин друг. Он предложил у него переночевать. До Немировки было еще три километра. Мы разделились на две группы. Мы с Колей и моими родичами пошли вперед. Не прошли мы и километра, как подъехал велосипедист и мы услышали окрик: “Стой!” Коля кинулся в сторону, мы продолжали идти. Человек выстрелил, пуля пролетела над моей головой, я крикнула. Это был знакомый шуцман; отец дал ему сто марок, карманные часы и обручальное кольцо. Не сказав ни слова, очень довольный, он сел на велосипед и уехал. К нам подбежал Коля, и мы благополучно дошли до села.

Миша завел нас к себе и устроил в хлеву на соломе. Наши спасители попрощались и ушли. Но мы всю ночь не спали, мы знали, что в эти минуты ведут на смерть тысячи невинных людей.

Семья у Миши была большая: отец, мать, жена с мальчиком, сестра, младший брат. Утром Миша вместе с отцом принес нам завтрак и сказал: “Люди, вам некуда идти. Оставайтесь у нас; что бог даст, то и будет; что у нас самих есть, тем и поделимся с вами”.

Мы заплакали, дядя поблагодарил, и мы остались. Доманские устроили нам убежище в соломе. Миша ездил в город и рассказал, что евреев там уже нет, только машины возвращаются с одеждой.

Так началась наша новая жизнь в убежище. Наш золотой Миша старался всячески улучшить нашу жизнь, доставал даже газеты. Правда, они нас не веселили, — тогда немцы стояли под Сталинградом, но Миша убеждал нас, что скоро мы освободимся от немецких извергов.

Началась зима, у нас не было ничего теплого. Миша принес нам свою перину, подушку и одеяло, мужчинам дал свое белье. Он заботился о нас, как родной.

Так мы просидели восемь месяцев. Это, как мы после почувствовали, называлась еще счастливая жизнь, пока Миша был с нами. В это время уже начали показываться бандеровцы, и в эти бандеровцы и поступил наш Коля. Не знаю, почему он хотел нас теперь погубить так же, как раньше спасать. Миша об этом узнал, а он приходил к Мише и заставлял его нас выдать. Но не такой был Миша, он нас перевел на другое место, а ему показал тот пустой схрон и сказал: “Я уже их давно выгнал”, — лишь тогда Коля отстал от него и перестал нас искать, ибо был уверен, что там нас нет. Мы были уж второй раз спасены. Но тут случилось новое несчастье. В ночь на 27 сентября 43 г. пришли бандеровцы к Мише с Колей и сказали:

“Ты коммунист, маешь видкупыты свои грехи, або с нами идешь, або куля в лоб, готовься на завтра”. И они ушли. Он выбежал к нам, плакал как маленький ребенок, прощался с нами, целовался со всеми и сказал: “Люды я певен шо иду на смерть. Поки я був с вами, вы бы дочекали наших вызволителей, теперь я видхожу то еже ничего не знаю”¹. Еще раз расцеловался с дядей и ушел. Мы долго не могли прийти в себя. Плохое предчувствие нам всем шептало на ухо. Моя двоюродная сестренка громко плакала, она все тоже прекрасно понимала, хоть ей всего пять лет было. И действительно, со дня его ухода мы лишь почувствовали, что значит схрон. Правда, старший хозяин, его отец, начал так же заботиться, как Миша. Но на дворе уже делалось прямо бандеровское гнездо. В стодоле над нашей головой бандеровцы ночевали. Мы по ночам не спали, но держали балки, чтобы солома не завалилась и чтобы они не упали. Потом сожгли дом Мишкиной тещи, и она и сын перешли к нам, то есть к нашей хозяйке жить. Еще хуже она крутилась по двору, везде высматривала, и мы боялись, чтобы она нас не нашла, ибо ее сын был тоже большим бандеровцем. Наша хозяйка, Мишкина мать, из-за нее нам кушать выносить не могла, и мы уж начали чувствовать голод тоже. А про Мишку все известий не было.

В ноябре месяце вспыхнула вдруг в нашем селе перестрелка между немцами и бандеровцами. Двенадцать немцев было убитых, а бандеровцев никто. Немцы забрали своих убитых и уехали.

В ту же ночь жители выехали в другие села, спасаясь от мести немцев.

В три часа ночи приехали две немецкие машины, и немцы начали поджигать дома на окраине села. Наш дом был девятым. Мы ждали своей очереди, но нам еще не суждено было погибнуть — немцы остановились на восьмом доме и уехали. Третий раз мы были спасены.

Село пустовало два дня, потом жители начали съезжаться. Увидев, что ее дом цел и мы живы, наша хозяйка на радость выдала свою дочку Надю замуж за нашего друга Володю Семенчука, который давно ее об этом просил.

Надя была красивая восемнадцатилетняя девушка, Володе шел только двадцать третий год. Они сообщили нам, что Новоград-Волынский уже освобожден Красной Армией. Это была большая радость.

В убежище мы просидели с 3 ноября 1942 года до 8 февраля 1944 года. Уже Дубно был освобожден, когда однажды ночью к нам приехали власовцы с немцами. Они перевели хозяйскую корову из сарая в хлев, а в сарай поставили двенадцать лошадей, стали набирать солому и чуть нас не открыли.

Мы должны были уйти, иначе, найдя нас, они убили бы и наших хозяев, благородных, честных людей. 8 февраля я ушла первая. Меня взяла к себе наша хозяйка. Я хорошо говорю по-русски и не похожа на еврейку, жила у нее открыто, как племянница из Житомира, под чужой фамилией, по чужим, поддельным документам.

Мать и тетя тоже открыто пошли в село Левятин, отец и дядя — в село Богаевка, а сестренка — к дочке нашей хозяйки. Я помогала в домашней работе, но смотреть на свет не могла и ходила, как слепая. Не шутка — полтора года просидеть в тесной темной берлоге.

1 Люди, я уверен, что иду на смерть; пока я был с вами, вы бы дождались наших освободителей, теперь я ухожу, так что ничего не знаю (укр.).

Я узнала, что за восемь дней до прихода Красной Армии немцы вывезли из Богаевки всех мужчин, а дядю и отца убили. Столько мучений они вынесли и накануне освобождения погибли страшной смертью.

За четыре дня до прихода Красной Армии в Красноармейск я получила письмо от мамы из Сестратина. Она сообщила, что жива, и просила беречь себя. Радость моя была неописуема, но она была не долгой. Через два дня я узнала, что и маму и тетю убили. Остались только мы, их несчастные дети, — сестренка и я.

Мы дождались той чудесной, счастливой минуты, когда дорогая Красная Армия нас освободила. *Теперь моя задача самой воспитать мою сестренку. У меня есть вещи у этих же крестьянок, как Лена Мостеньчук, Ана Мороз и Вубская. Я обратилась к ним, чтобы они мне их вернули, но все напрасно. Они не хотят, несмотря на мои просьбы и слезы, чтобы они вошли в наше положение и вернули вещи, так тяжело заработанные нашими родителями. Власть красноармейская тоже относится к этому хладнокровно. Теперь учебный год, но не только я, но и моя сестренка не учится, ибо нет возможности. Я должна думать, как заработать кусок хлеба, а не про школу. Мы без одежды, хоть зима приближается, а нашими вещами пользуются другие, которых война ничуть не задела, и они остались с семьями своими, не так, как мы.*

Про Мишу все известий нет, а наш первый спаситель Володя находится сейчас в Красной Армии.

[1944]

Сообщение Люси Гехман¹

Подготовила к печати МАРИЯ ШКАПСКАЯ²

- 1 Недатированные (ранее 15.12.1944) рукописные воспоминания Люси Ароновны Гехман хранятся в архиве Эренбурга (АЯВ, Р.21/61). — И. А.
- 2 Рукописный текст свидетельства Л. А. Гехман носил название "У немцев" (ГА РФ, ф. 8114, оп. 1, д. 941, лл. 73-77). — И. А.

Изяслав¹

Здравствуй, дядя Миша!²

Пишу из родного города Изяславля, которого вы бы совсем не узнали. *От нашего местечка осталась жалкая половина. Но зачем он совсем остался? Лучше бы его не было, не было бы всего, лучше бы я на свет не родился! Теперь я уже не тот Сюнька, которого вы знали. Я сам не знаю, кто я теперь. Все кажется сном, кошмарным сном. В Изяславле я и Фельдман Кива, наш сосед, — больше никого не осталось из восьми тысяч человек³. Нет моей дорогой мамы, папы, нет милого брата Зямы, Изы, Сарры, Боруха... Все милые, дорогие люди, как тяжело вам пришлось!.. Я не могу прийти в себя, не могу писать. Если бы я начал рассказывать, что я пережил, — не знаю, поняли бы вы это. Я три раза удирал из концентрационного лагеря, не раз видел смерть в глаза, шагая в рядах партизан. Лишь пуля фрица вывела меня из строя. Но я уже здоров — нога зажила, и я буду искать врага, чтобы отомстить за все. Я хотел бы повидаться с вами хотя бы на пять минут. Не знаю, удастся ли... Пока сижу еще дома, хотя от этого дома остались одни развалины, но называется "дом". Получил письмо от Тани. Очень обрадовался, что есть еще близкие.*

Жду ответа на мое письмо. Милые, дорогие, как бы поскорей увидеться? Дядя Миша, помни, что это наш злейший враг — фашистский людоед. Какой ужасной смертью погибли все наши!!! Бей его до конца, режь по кускам! Никогда не попадайся к нему в руки. Письмо вышло бессвязное, как бессвязна и [никчемна] моя жизнь. Но все-таки я еще жив... для мщенья. До свиданья, дядя Миша. До скорой, желанной встречи! Привет всем, всем, всем! Я как будто бы вернулся с того света.

Теперь начинаю новую жизнь — жизнь сироты. Как? Я сам не знаю, как. Пишите почаще, ожидаю ответа. Почему не пишут дядя Шлойме, Иосиф с Гитей и другие? С приветом ваш племянник Сюня Дереш.

Мой адрес тот же. В общем, я получу, как ни напишете, потому что, кроме меня, здесь никого нет.

14/IV 1944 г.

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

1 Город в Хмельницкой области. — И. Л.

2 Письмо адресовано на фронт М. И. Айзенбергу, который переслал его И. Г. Эренбургу ("Прочитайте это письмо: это крик ужаса нашего народа") с просьбой вернуть оригинал, что писатель и сделал. Первоначальное название очерка — "Изяславль" (АЯВ, 21.1/19). — И. А.

3 В 1939 г. в городе проживало 3208 евреев (27,69 % населения). Погибло более 3 тысяч. См.: *Энциклопедия...* С. 346. — И. А.

В 1941 году, когда немцы заняли Украину, в местечке Калиновка Винницкой области² они погнали всех евреев на работу. Они нас мучили и били нагайками. Они нам давали листья с деревьев и траву. Трех евреев запрягли в повозку — они должны были тащить на себе немцев. У них не было сил, их убили. В 1942 году нас загнали в гетто. Мы не могли оттуда выйти. Там многие умерли с голоду. Потом выгнали на стадион. Молодых убили, а стариков и детей погнали в лес. Там нас окружили цепью, кричали “юде”, начали убивать. Детей кидали в яму. Я убежал. За мной погнался немец. Я влез на дерево, он меня не заметил. Я видел, как убивали всех евреев, и три дня шумела кровь в земле. Мне было тогда десять лет, а теперь мне двенадцать.

Нюня Довторович

В 1941 году, когда началась война, они пришли в Могилев-Подольский и погнали всех евреев в лагерь Печера Тульчинского района³. Они издевались над нами, и моих родителей они застрелили. Нас погнали на работу. Девочки добывали торф руками. Мы работали с четырех часов утра до поздней ночи. Однажды мы услышали: они говорили, что кончится летний сезон и всех “юдов” убьют. Мы убежали куда глаза глядят. За нами гнались и многих убили. Меня спас один украинец — он взял меня к себе и спрятал. Его сосед рассказал немцам, что “во дворе жидовка”. Немец пришел, чтобы меня застрелить, но украинец с ним начал драться, а я убежала и попала на румынскую территорию.

Роза Линдвор, 15 лет

Я родилась в маленьком местечке Вагила на Серете. Мне теперь пятнадцать лет. Я еще не видала хорошего. У нас забрали все и погнали в лагерь Единцы.

¹ В сборнике “Народоубийцы” (т. II, с. 88) этот материал озаглавлен “Письма сирот, проживающих в городе Ботошаны (Румыния)”. — И. А.

² В пос. Калиновка в 1939 г. проживало 979 евреев (19,5 % населения). В гетто, куда были согнаны евреи из близлежащих населенных пунктов, погибло около полутора тысяч человек. См.: *Энциклопедия...* С. 377. — И. А.

³ Печера (Печора) — один из самых страшных лагерей в Транснистрии. Здесь от голода и болезней погибло от 2,5 до 4 тысяч человек. См.: *Энциклопедия...* С. 743–744. — И. А.

Я страдала и перед глазами видела смерть. Потом нас погнали в светлую Украину, и была она для нас темной. Там в один день умерли мои любимые родители. Нас осталось пятеро сирот. Далеко от смерти я не была. Что потеряли, больше не вернется.

Эня Валцер

Подготовил к печати ИЛЛЯ ЭРЕНБУРГ

НЕМЕЦКО-РУМЫНСКИЕ ЗВЕРСТВА В КИШИНЕВЕ

149

Молдавия

18 июля 1941 года Кишинев был оккупирован немецко-румынскими ордами¹. Военные власти прежде всего пытались выяснить — много ли евреев и коммунистов осталось в городе.

Через несколько дней приказом коменданта города полковника Тудосе было организовано гетто. В гетто входили — Старый базар, Старо-Армянская улица, часть Армянской улицы (ниже Харламовской), вся Иринпольская, Кодинарская улица и ряд улиц, прилегающих к этому району. Гетто было обнесено колючей проволокой. Были устроены всего два-три выхода, около которых расположилась стража.

21 июля солдаты, вооруженные винтовками, оцепили Ильинский базар, площадь, прилегающую к базару, Прункуловскую и Павловскую улицы, а также ряд других улиц, населенных евреями. Солдаты входили в каждый двор и выгоняли оттуда всех евреев без исключения — больных, стариков, калек, слепых, парализованных, женщин и детей. Всю эту толпу гнали на Дровяную площадь по Ильинской улице и там ее фотографировали в присутствии нескольких видных немецких офицеров.

Через несколько дней после образования гетто полковник Тудосе приказал собрать юношей и девушек — сорок четыре человека². Это был цвет молодежи кишиневской интеллигенции. Всех их вывезли на грузовиках за город. Офицер приказал выделить из этой толпы десять человек. Их отвели в сторону. После этого офицер обратился ко всем доставленным с краткой речью:

Вы все коммунисты, ибо вы бессарабцы и евреи. Вы ждали с нетерпением прихода советской власти и теперь ждете от нее спасения. Но напрасно. Вы издевались над румынскими офицерами и над румынской армией, когда мы оставили Бессарабию. Теперь настал момент, когда вы за все ответите. Вас никто и ничто не спасет.

Офицер приказал расстреливать обреченных группами по десять человек. Полковник Тудосе присутствовал при этой казни.

Прошло немного времени — и комендант гетто приказал вывезти на дорожные работы большую группу людей из гетто. Здесь были: М. Н. Ярославский, адвокаты Е. П. Гробдрук и В. Н. Цельник и другие. Их повезли в Гидяч,

Кишинев, где накануне войны проживало около 60 тысяч евреев, был захвачен вечером 16 июля. В гетто оказалось более 11,5 тысячи человек. См.: *Энциклопедия...* С. 418–420. — И. А. 1 августа было собрано 450 человек, 411 из них расстреляли. См.: *Энциклопедия...* С. 420. — И. А.

где находятся каменоломни. По дороге над ними всячески издевались, подталкивали прикладами, бросали в них окурки, плевали им в лицо. Несчастные пробовали протестовать, но конвоиры их жестоко избили. У многих оказались поломанными ребра, руки, кровь лилась с них ручьями.

Измученных, голодных и раненых людей доставили обратно в гетто. На следующий день их всех вновь вывели за город и там до единого расстреляли. В группе было свыше трехсот человек.

В гетто евреи обязаны были носить особые знаки. Знаки были разноцветными и менялись почти ежедневно. Разобраться в том, какого цвета знаки надо носить в тот или другой день, было очень трудно, но за малейшую ошибку или упущение людей жестоко наказывали, то есть попросту избивали до полусмерти.

Бани в гетто не было, и люди неделями не мылись. От систематического недоедания, антигигиенических условий многие в гетто заболели. Распространились эпидемии: сыпной и брюшной тиф, дизентерия. В гетто была сильная смертность, ежедневно умирало не менее тридцати человек.

Еврейская община, во главе которой стоял популярный кишиневский общественный деятель Г. С. Ландау¹, решила открыть больницу. Но едва больница была кое-как оборудована, по приказу коменданта гетто из нее забрали буквально все койки, белье, медикаменты. Забрали “для нужд армии”. С больными совершенно не церемонились: сбрасывали с коек, срывали с них больничную одежду.

Община открыла вторую больницу. Директором ее был назначен доктор Горенбух, терапевтом — доктор Г. Шафир, хирургом — С. И. Мичник-Ландау — жена председателя общины, и интерном — женщина-врач Берман.

Население гетто было фактически обречено на голод.

Комендант гетто запретил до 11 часов утра продавать продукты евреям, а после этого часа продуктов уже нельзя было достать. Но нашлись такие крестьянки, которые, пренебрегая опасностями, приносили обреченным пищу. Вера Платоновна Климова с большим риском для жизни проносила в гетто продукты. Эта простая, благородная женщина очень много помогала жителям гетто.

Ранними утрами в гетто являлись румыны и немцы и забирали мужчин, женщин и детей на домашние работы. Работодатели не только не платили за работу, но и не кормили своих слуг. Комендант отмечал непокорных и непослушных и при первом удобном случае справлялся с ними — “провинившиеся” исчезали навсегда.

В 8 часов вечера жизнь в гетто совершенно замирала. Никто из узников не имел права, под страхом расстрела на месте, выйти из своего жилища.

Офицеры и солдаты, вдребезги пьяные, врываются по ночам в квартиры, наглым образом распоряжались там, насиловали девушек на глазах у родителей, забирали вещи и исчезали.

В сентябре 1941 года неожиданно последовал приказ генерала Антонеску о том, что евреи, находящиеся в гетто, подлежат постепенному переселению.

1 Известный адвокат. Отказавшись представлять списки для депортации, он вместе с женой принял яд. См.: *Энциклопедия...* С. 420. — И. А.

лению за Буг¹. Около станции Вистерниген на Рышкановке была устроена “таможня”, через которую должны были пройти все предназначенные для отправки за Буг. Все проходившие через “таможню” раздевались догола; одежда и все, что было при них, забиралось. Несчастные отправлялись в дорогу, но до Буга они не доходили. Многие из них обрели вечный покой в Оргеевском лесу, где были перебиты и расстреляны, а остальных утопили в реке Реут.

Такие кровавые дела при переводе евреев в лагерь совершались довольно часто.

Немецко-румынские власти развлекались еще и тем, что запрягали слабых и изможденных людей в телегу и заставляли перевозить на себе важных чиновников и их домочадцев. Несчастные не выдерживали этих пыток.

Некоторым из заключенных в гетто удалось убежать в город и скрываться у своих знакомых не евреев. Власти поспешили донести Антонеску о таких случаях. Тогда Антонеску издал приказ, в силу которого христианин подлежит вместе с евреем, которого он у себя укрывает, расстрелу на месте. Немедленно после издания этого приказа в городе начались повальные обыски; положение становилось все более напряженным.

Одной из заключенных в гетто — И. Ф. Лудмер, интеллигентной женщины, служившей при советской власти в финансовых органах, удалось с большим риском для жизни бежать из гетто 23 октября 1941 года. Она отправилась на улицу Тимирязева к своей знакомой Софии Константиновне Кристи.

Приказ Антонеску был широко известен в городе, тем не менее С. К. Кристи решила, чего бы то ни стоило, спасти Лудмер. В продолжение семи месяцев Лудмер скрывалась у Кристи, не выходя по целым дням из дому. Кристи отдала Лудмер свой документ, и таким образом Лудмер официально превратилась в Кристи. Честность и душевное бескорыстие Кристи спасли жизнь еврейской женщины.

Председатель общины в гетто Г. С. Ландау заботился о снабжении содержащихся в гетто евреев продовольствием и о равномерном распределении между заключенными продуктов и денежной помощи. Продукты и деньги получались из Бухареста, где заботу об обитателях Кишиневского гетто приняла на себя тамошняя еврейская община во главе с доктором В. Фильдерманом. Для получения помощи из Бухареста туда был послан кишиневский адвокат А. Шапиро. Делалось это, конечно, тайно. Шапиро переодевался в солдатскую форму, его осторожно выводили из гетто, и в сопровождении конвоя он выезжал в Бухарест. Офицер, позволявший солдатам конвоировать Шапиро, брал за это большие деньги. Сопровождавшие Шапиро конвоиры ходили за ним по пятам и не спускали с него глаз, чтобы он не сбежал. Бухарестские общинные деятели снабжали посланца всем, чем могли, и тот выезжал обратно в Кишинев. Но у бухарестской общины возможности были ограниченные. По приказанию Антонеску еврейское население Румынии было обложено непосильным налогом. Все евреи должны были работать на общественных работах, за которые, конечно, не платили. Нужда все возрастала.

1 Депортация началась 8 октября 1941 г. См.: *Энциклопедия...* С. 420. — И. А.

В конце 1941 года, по распоряжению Антонеску, Кишиневское гетто было упразднено. Все находившиеся в гетто евреи должны были быть угнаны в лагеря на Украину.

Была глубокая осень. Стояли сильные холода. Но новый комендант гетто капитан Параскивеску выполнял этот приказ со всей неумолимой жестокостью. Параскивеску открыто хвастал, что он лично истребил четыре тысячи евреев. Солдаты буквально неистовствовали. Они безжалостно выбрасывали больных из постелей, женщин поднимали после родов, больных с температурой сорок градусов бросали в повозки, детей отбирали от родителей.

Председатель и члены общины апеллировали к военным властям и умоляли изменить способы эвакуации, но все было напрасно. По дороге исчезли тысяча двести человек. Они были убиты.

Одной из угнанных в Балту, Гане Кипервассер, удалось возвратиться в Кишинев. Она рассказала обитателям гетто, которых еще не успели отправить в Балту, что все дороги за Днестром усеяны трупами евреев.

В гетто погибли директриса женской гимназии А. С. Гольденберг, талантливый поэт Я. В. Окснер (литературный псевдоним Жак Нуар), журналист Е. Г. Бабад, женщина-врач Л. С. Бабич, доктор М. А. Талмазский со своей женой, брат его, студент П. А. Талмазский, сестра, студентка Р. А. Талмазская, родители его А. И. и Р. П. Талмазские, доктор-рентгенолог С. Э. Вассерман с женой и дочерью и все братья доктора, оставшиеся в Кишиневе, доктор Г. Шафир с женой и ребенком, доктор Г. С. Юрковский, семьи адвокатов Г. Ф. и Л. Ф. Зискис с детьми, доктор Гельман с женой, художник Н. М. Хесс, адвокаты Е. П. Гробдрук и В. Н. Цельник, А. Шапиро с женой и дочерью, издатель конспектов по русской литературе П. И. Гринфельд с женой и братом, семья Г. М. Крессера, бюро которой по переводам с иностранных языков на русский пользовалось в Кишиневе огромной популярностью (уцелела только одна Е. Г. Крессер, машинистка), А. И. Коропатоницкий, старый врач И. А. Гиснфинер, брат его В. А. Гиснфинер с семьей, журналист С. Е. Путерман с двумя сестрами, зубные врачи Н. О. Штейнберг-Рабинович с сыном, Л. и С. Вайнштейны (муж и жена), И. Я. Тетельман с семьей, Гальперин с семьей, старый зубной врач Г. А. Левин с женой, С. Г. Маламуд, канторы А. И. Червинский и Х. Циприс, В. Н. Вайсман с женой и сыновьями, Ю. Н. Вайсман с женой и сыновьями, вдова Р. А. Левина с детьми, преподаватель С. Гамза с женой и детьми, Л. Горенштейн с женой, фармацевт М. Розенблат, известный в Кишиневе скульптор и филантроп М. Г. Гриншпун, кооператор В. Г. Соломонов с дочерью, инженер А. М. Шварцман, доверенный Кишиневского городского общественного банка Г. К. Линденбаум с женой и много, много других.

По свидетельству доктора С. И. Мичник-Ландау, гестаповцы через два-три дня после своего водворения в Кишинев расправились с большой группой интеллигенции. Они схватили адвоката Арона Ройтмана, Клеймана, доктора Краминского, адвоката Пинчевского, доктора Коримского, доктора Мильгрома, Мичехина, Кауфмана, Маркова, Ланда, Бланка, Эфруси, адвоката Ю. М. Слуцкого и Риркельмана. Всех их доставили в сигуранцу, где продержали несколько часов, а затем выпустили и приказали бежать. Но едва только они побежали, раздались выстрелы. Все были убиты.

Многие кишиневские интеллигенты не выдержали всех физических и нравственных потрясений. Не видя возможности активно бороться со всеми ужасами и с произволом, на которые их обрекала жизнь в гетто, они покончили жизнь самоубийством. Среди них были: председатель общины Г. С. Ландау, женщина-врач Гифейсман, доктор В. Б. Патин с женой, доктор Зингер с женой, тоже врач, женщина-врач С. Я. Флексор-Хазан-Эрлих с мужем-агрономом, врачи Б. Р. Абрамова-Войнова и Софья Исааковна Гринфельд, ряд других.

По данным, установленным городской комиссией, производившей расследование о злодеяниях румынско-немецких фашистских банд в Кишиневе, в рабство было угнано 9299 советских граждан, расстреляно на еврейском кладбище 879 человек, на Страшенском шоссе — 70–350, на Прункуловской улице — 2015, на Садовой улице — 519. В гетто убито 15 тысяч советских граждан.

Городская комиссия по расследованию фашистских зверств в Кишиневе составила список немецко-румынских варваров и их сообщников, виновных в совершенных злодеяниях и зверствах:

1. Антонеску Ион — маршал и главнокомандующий войсками фашистской Румынии, организатор массовых расстрелов и уничтожения советских граждан и военнопленных.
2. Алексиян — профессор, губернатор, организатор массовых расстрелов.
3. Думитреску Петр — генерал, командующий фашистской армией.
4. Чуперка Н. — корпусный генерал, комендант ВО.
5. Райка-Горя — подполковник, военный следователь, прокурор.
6. Кирулеску Эмиль — капитан, юрист, военный прокурор.
7. Арборе И. — бригадный генерал, начальник штаба.
8. Тудосе — директор тюрьмы, руководил расстрелами советских граждан, истязанием и закапыванием в землю живых людей.
9. Погоца Федор — подполковник, председатель военного трибунала.
10. Козма Ион — майор, юрист, военный прокурор.
11. Радога — капитан, прокурор.
12. Ладеско — майор, помощник председателя военного трибунала (выносили смертные приговоры, истязали и расстреливали советских граждан).
13. Попеску Лука — капитан, комиссар, начальник полиции четвертого участка города Кишинева, руководил арестами советских граждан и применял пытки.
14. Луческу — директор тюрьмы, руководил арестами и истязаниями советских граждан.
15. Барбалиц — старший надзиратель тюрьмы, применял пытки, издевался над заключенными.
16. Мунтян — майор, руководил расстрелами советских граждан и издевался над заключенными.
17. Думитреску — подполковник, комендант гетто, руководил зверствами, истязаниями заключенных и расстрелами советских граждан.
18. Дардан К. Н. — генеральный прокурор, руководил массовыми расстрелами советских граждан и особенно еврейского населения; Дардан — коренной бессарабец, долгое время состоял прокурором Кишиневского трибунала.
19. Юнка — генеральный прокурор — повинен в том же, в чем повинен Дардан.

20. Катульчан — субкомиссар, организатор пыток и издевательств.
21. Покно — прокурор, руководил расстрелами советских граждан.
22. Параскивеску — капитан жандармерии, применял пытки к арестованным.
23. Маринеску — военный прокурор.
24. Василеску — прокурор.
25. Миневич — начальник тюрьмы.
26. Гольцев Иван — комиссар сигуранцы¹.
27. Морарну — комиссар сигуранцы.
28. Думитреску — комиссар полиции.
29. Ионеску — комиссар полиции.
30. Стойко — комиссар полиции.
31. Бородин — прокурор сигуранцы.
32. Иоган Федор — подполковник, председатель суда.
33. Погольцан — капитан, прокурор.
34. Бейу — прокурор.
35. Константинеску — секретарь военного трибунала.
36. Мазило Иван — начальник военной тюрьмы.

Всем им предъявлено обвинение в том, что они руководили пытками, истязаниями и расстрелами ни в чем не повинных советских граждан и советских военнопленных.

Автор — Л. БАЗАРОВ

1 Тайная политическая полиция Румынии, аналог германского гестапо. — И. Л.

БЕЛОРУССИЯ

28 июня 1941 года на улицах Минска стоял гул немецких танков. Около семидесяти пяти тысяч евреев (вместе с детьми), не успев уехать, остались в Минске¹.

Первый приказ предлагал под угрозой расстрела всем мужчинам в возрасте от пятнадцати до сорока пяти лет явиться на регистрационный пункт. 7 июля 1941 года немцы врываются в квартиры, хватали первых попавшихся мужчин-евреев, сажали в машины и увозили. На следующий день появился второй приказ, извещавший, что за связь с большевиками в городе Минске и области расстреляно сто евреев.

С появлением немцев в городе начались бесчинства: грабежи, насилия, расстрелы без всяких причин. Особым издевательствам подвергались евреи.

Дом № 21 по улице Мясникова был густо заселен, в нем жили более трехсот человек. 2 июля 1941 года утром дом был окружен. Жителей (взрослых, стариков и даже детей) вывели на двор, не объясняя причины, и приказали им стать лицом к стене. Конвой в количестве сорока человек держал их так шесть часов. В это время в квартирах (под видом изъятия оружия) забирали одежду, белье, одеяла, обувь, посуду и все продукты. Награбленное погрузили на две большие грузовые машины и вывезли. Только тогда, когда все было окончено, людей отпустили. С изумлением смотрели они на свои разгромленные квартиры.

Ночью громилы группами, по четыре-пять человек, вернулись в квартиры к Грайвер, Рапопорт, Клеонским и предложили сдать оставшиеся вещи. «Здесь остались серебряные ложки. Где костюм? Куда девался шелк?» — кричали бандиты.

На той же улице Мясникова помещалось большое здание школы — окна школы выходили на двор жилого дома. Из них видна была внутренняя часть жилых помещений. Немцы расположились в школе и объектом своих забав и развлечений избрали жителей этого дома. На протяжении суток они стреляли из окон, целясь в зеркала, мебель и людей.

На сборный пункт, согласно приказу, потянулись сотни и тысячи мужчин. Всех отправляли в лагерь «Дрозды». Там издевательствам и насилиям подвергались советские люди, белорусы, русские и евреи.

Через некоторое время русских мужчин отпустили, а евреев оставили в лагере. Оставшихся разделили на две группы: на людей, занимавшихся

¹ Накануне войны в Минске проживало не менее 85 тысяч евреев, около 55 тысяч оказалось в гетто. Позднее к ним присоединилось несколько десятков тысяч евреев из Германии. См.: *Энциклопедия...* С. 591–602. — И. А.

умственным трудом, и на людей физического труда. Первую группу погрузили в грузовые машины, вывезли из лагеря и расстреляли из пулеметов. Всего было расстреляно больше трех тысяч человек. Погибли такие выдающиеся люди, как инженеры-доценты Политехнического института, кандидаты технических наук Айзенберг и Притыкин, доктор математических наук Приклад и многие другие.

Вторую группу, в основном рабочих различных специальностей, под усиленным конвоем вывели из лагеря в город и водворили в тюрьму. Когда их водили по улицам, женщины и дети выбегали из домов, стараясь опознать родных и знакомых. Конвой тут же на месте расстреливал встречающих. По Коммунальной улице вели колонны людей. Четырнадцатилетняя дочка Зыскина выбежала из дому, она остановилась у ворот в надежде увидеть отца. Раздался выстрел, и девочка упала мертвой.

Вот что рассказывает партизан товарищ Гричаник о днях, проведенных мужским населением Минска в лагере “Дрозды”.

Когда мы колонной отошли от города на километр, нас остановили и сказали: у кого есть ножи, часики, бритвы — уложить в шапки и отдать. Так народ и сделал. Конечно, кто не терялся, часики и бритвы прятал. Очень многие закапывали вещи в землю, но немцам не отдавали. Немцы выворачивали карманы, вынимали вещи из шапок, проверяли кошельки. На поле кругом стояли часовые. Партия за партией на поле прибывал народ. Ночью на чистом поле стало холодно, но люди лежали друг возле друга и так грелись. Так прошла первая ночь на поле. Наступил день. Народу было очень много, а кушать не дают. Люди просят воды, но и воды не дают. Как только народ подходит просить, немцы стреляют. Так кончился второй день. Наступила вторая ночь. Люди лежат голодные, холодные. Кто одет, а кто в летних рубашках. Наступил день. Народ прибывает. Вот показался немец с ведром и начал раздавать воду. Народ окружил его и чуть не повалил. Опять эти гады стреляют в народ. Третий день. Люди голодные. И вот уже двенадцать часов дня. Теплая, хорошая погода. Вдруг явился с переводчиком офицер и объявляет, что с десяти часов до четырех часов дня будут пускать в лагерь родных с продовольственной передачей. Издалека видны женщины с корзинками, дети с бутылками воды, но их к народу не сразу пустили. Всех задержали и проверили, что они несут. Стало шумно. Каждый старается пройти к женщинам и детям. Народу стало немного веселей. Кому принесли кушать, ел с аппетитом, а кому не принесли, с теми делились. На поле стало еще больше шуму; просят детей, чтобы принесли воды. Дети приносят, и народ пьет с наслаждением. Но тут слышим крики женщин. Народ спрашивает — что вы плачете? Тут же сразу был ответ: наших мужей и детей уже нет здесь, их убили.

Кончился день. Прогнали женщин и детей. Наступает четвертая ночь. Народ лежит на поле. Слышны шаги, крики немцев, выстрелы из винтовок. Вдруг народ увидел: ведут пленных красноармейцев. Но их к гражданским не пускают. Наступило утро четвертого дня. Красноармейцы хотят подойти к гражданским, но их при первой попытке расстреливают. И так за день убили больше десяти человек. Приходят опять женщины, приносят есть, пить. Так кончается четвертый день. Начинается пятая ночь. Как только стало темно, со всех сторон начали бежать красноармейцы к вольным. Немцы стреляют, но они

на это не обращают внимания. Перебегут и сразу ложатся. Гражданские дают им хлеб, воду, соль. Так народ находится вместе с бойцами целую ночь, почти до утра. Затем пленные красноармейцы опять перебегают, немцы стреляют в них. Начинается пятый день. Погода не особенно ясная. А народ все ведут, военных и гражданских. И вдруг подводят большую колонну. Как-то не по-нашему одеты люди. С мешками, торбами. Заводим с ними разговор. Они рассказывают, что пришли с запада, удирали от наступающих немцев. Они говорят, что очень многие погибли по дороге. Вот опять приходят женщины, приносят пищу. Некоторые приносят плащи. И вдруг дождь. Холодно, мокро. Народ лежит. И так прошел день. Начинается шестая ночь. Темно. Красноармейцы перебегают к вольным. Немцы стреляют в народ. Вдруг снова крики. Оказывается, у одного разрезали мешок, там были сухари, и голодный народ отведал их. Под этот шум и выстрелы человек пятьдесят начали отползать от народа, а затем побежали. Но тут немцы заметили их и начали стрелять из винтовок. Было очень темно. Немцы убили только троих, остальные ушли. И так прошла шестая ночь.

Настал седьмой день. Утром дождь. [Женщин и детей видим издали. Все идут сюда поближе. Народ ждет с нетерпением. Вот уже десять часов, но в лагерь никого не пускают, всех задерживают. Вот издали ведут колонну людей, одетых в гражданскую одежду, но очень плохую, а некоторые босые. И когда они были возле женщин, желавших пройти к своим родным, чтобы отдать еду, послышались крики. Они напали на женщин и детей, вырывали у них корзинки. Немцы погнали женщин обратно, а этих людей пустили в лагерь к гражданским. Только тут народ определил, что это за люди. Это были люди, которых советская власть отправляла на исправительные работы. Потом] издали видно было — двигается отряд гестаповцев на мотоциклах, велосипедах, на машинах и пешие. Они приблизились к народу. Тут же слышны крики: “Становись по четыре в шеренгу”. Пошли в ход резиновые дубинки. Построили раньше военнопленных, а затем остальных и повели далеко в поле. Отвели еще на два километра. По дороге лежали раненые; они кричали, стонали, но немцы никому не позволяли выйти из колонны, чтобы помочь им. И поместили всех около реки Свислочь. Военных в одну сторону, гражданских в другую. Так кончился день.

Наступает восьмая ночь. Народ лежит. Предупредили, чтобы не поднимались, стрелять будут. Часто стреляли из пулемета. И вот мы услышали крики людей: “Убили”. Оказывается, люди поднимались по своим надобностям, а в них стреляли. Вот лежит один человек. Пуля попала ему в поясницу и вышла из живота, вырвала кишки. Он еще жив и просит людей записать его адрес и написать его жене и детям, как он погиб. И вот подходит немец и смеется, спрашивает: “Кто ему распорол живот ножом?” Так кончилась восьмая ночь.

Девятый день. Народ воды не просит — ее в речке хватает. Стоит немец возле речки и дает набирать воду по очереди. Слышно, подъезжает машина, и переводчик кричит в рупор, называет некоторые фамилии: врачей, поваров, специалистов хлебозавода, электриков, водопроводчиков. Предложил им идти к машине и говорит, что он их отпустит домой, с условием — пусть явятся на работу. Появилась другая машина. На машине немцы, киноаппарат. И они начинают бросать сухари военнопленным, и те начинают хватать руками сухари. Их фотографируют. Но вдруг послышались очереди из автомата. На этой машине ехал офицер, и когда бросали сухари, красноармейцы начали их хватать рука-

ми, а он стрелял по рукам. Вот он слезает с машины, осматривает руки, у кого попала пуля в мякоть, того ставят в одну сторону, кому в кость попало, того ставят в другую сторону. Кого ранило в мякоть, он перевязывал, а кого в кость, пристреливал при всех людях. Дал красноармейцам лопаты и велел закопать убитых.

Наступает десятая ночь. Очень темно. Военнопленные опять перебегают к гражданским. И под этот шум и выстрелы переходят через речку многие военнопленные — человек триста — на другой берег. Там сразу лесок. И вдруг из леса выстрел. И тут с трех сторон осветили фарами народ и речку и начали стрелять из пулеметов. Над головами народа летели пули. Народ прижался плотнее к земле. Кто лежал на горках, пополз ниже, но уже почти все успели перейти речку и были в леску. Только двое были убиты в речке, они не успели уйти. Перестали стрелять, выключили фары. Военнопленные перебежали на свои места. Кончилась ночь.

Начинается одиннадцатый день. Погода неважная. Приехали офицеры. Будут говорить. Часовые наводят порядок. На другой стороне речки сидит немецкий часовой и моет ноги в речке. Вдруг слышен гул самолета и несколько взрывов. Часовой хватается сапоги и бежит в лес. Офицеры садятся в машину и уезжают, ничего не сказав. Народ видел, как часовой схватил сапоги и побежал, и народ смеется. Пришли опять женщины. Принесли еду, белье, а некоторые — одежду потеплее. Кончился день.

Двенадцатая ночь. Военнопленные перебегают к вольным. Вольные дают им есть. Очень многие бойцы переодеваются в гражданскую одежду и остаются с нами. Так кончилась ночь.

Тринадцатый день. Вот уже десять часов, но женщин не пускают. Вдруг приезжает машина, и объявляют, чтобы поляки отошли в левую сторону, русские в правую, для евреев же было подготовлено место возле речки. Оно огорожено веревками. И вот народы начинают отделяться.

Всюду стоят немцы с резиновыми дубинками, немцы гонят евреев к веревкам, бьют резиновыми дубинками. Кто сопротивляется, бьют до смерти, расстреливают. Вот вдруг объявляют из машины, что будут отпускать домой. В первую очередь поляков и русских, а насчет евреев не говорят. Начинают отпускать поляков домой. На этом кончается день.

Четырнадцатая ночь. Темно и холодно. Перебегают пленные к вольным. Немцы стреляют. Вдруг на другой стороне речки слышим непрерывную стрельбу. Спрашиваем у военнопленных. Они говорят: “Немцы расстреливают политруков и командиров”. Стреляли почти целую ночь.

Пятнадцатый день. Утром дождь. Женщины опять собираются. Стража проверяет, что они несут. Они несут еду. Часть продовольствия забирают, а потом пускают женщин в лагерь и показывают, куда нести. Вот группа женщин ищет своих и не находит их. Эти люди были вчера убиты. Женщины уходят и плачут. Стало тепло. Возле речки стоит немец, но воды набирать никому не дает. Каждого, кто подходит, он толкает в речку в одежде и говорит, чтобы три раза нырнул, а затем можно брать воду. Народ подходит. Он приказывает прыгать, издевается над людьми. Поляков становится все меньше в лагере. Так кончился день.

Начинается шестнадцатая ночь. Темно, дождь. Красноармейцы опять перебегают к вольным, вольные кормят их, многие переодеваются в гражданскую одежду.

И так кончилась ночь. Дождь льет беспрерывно.

Семнадцатый день. К 10 часам утра приехала машина с переводчиком и объявляет, что все евреи — инженеры, врачи, техники, бухгалтеры, учителя, вся интеллигенция — должны записаться. Из лагеря их освободят и отправят на работу. Вот началась запись. Их было три тысячи. Потом народ узнал, что эту интеллигенцию расстреляли. Пришли женщины, принесли еду. Начал лить большой дождь. Народ мокнет. Некоторые бредутся. Вот становится группа женщин, а трое мужчин, чисто выбритых, залезают в середину этой группы и надевают женскую одежду, большие платки, и их берут старухи под руку, они берут корзинки, в корзинках горшки, и идут к выходу. Часовой не обращает внимания. Народ смотрит на них с напряжением. Они проходят, и все свободно вздыхают. В этот день ушли из лагеря около двадцати человек. Вот уже всю интеллигенцию переписали, построили и увели от рабочих. Переписали и рабочих. Становится темно. Кроме евреев и военнопленных на поле никого нет. Вдруг выстрел. Оказывается, часовой узнал мужчину, одетого в женскую одежду, и расстрелял его. Вот и начинается. Немцы с палками бегут к евреям. Ищут бритвы, забирают чашки, плащи, хорошие сапоги. Народ толкается и под шумок бросает в речку бритвы и все ценное. На этом кончается день.

Восемнадцатая ночь. Темно. Дождь. Красноармейцы перебегают к вольным, но теперь уже не переодеваются, ибо остались для горькой судьбы только они и евреи на поле. Евреи дают им кушать. Они лежат и греются с нами; темно, но слышен гул машин. Красноармейцы перебегают на свои места. Машины подъезжают к интеллигентам, их сажают в машины и увозят, говорят — на работу. Теперь мы знаем эту работу. После отхода машин проходит минут двадцать, и слышатся пулеметные очереди, и через пятнадцать минут приезжают опять эти же самые машины и увозят людей. Так увезли всех интеллигентов. Рассветает. Явился офицер и выбрал двести рабочих. Их он пешком отправил на “работу” и объявил: “Отсюда всех евреев завтра поведут в другое место. Там будет тепло и никакой дождь лить не будет. Вас поведут через город. Смотрите же, передайте сегодня своим женам, родным, знакомым, что завтра вас будут вести через весь город. Если хоть кто-нибудь подойдет к вам, и он и вы будете расстреляны”. Вот уже начинают выводить военнопленных. Приходят женщины. Приносят еду. Многие плачут: родных, мужей, детей здесь уже нет. Им передали, что завтра нас поведут через город, но чтобы они не подходили, ибо будут расстреляны. Они уходят, плачут. Кончился последний день в “Дроздах”. Девятнадцатая ночь. Уводят из лагеря военнопленных. Светят фары машин. Красноармейцев возили всю ночь. На поле никого уже нет. Только евреи. Утром появился отряд гестаповцев, все в красных шелковых галстуках. Построили в ряды и повели простой еврейский народ. Всю дорогу до тюрьмы стояли часовые. Вот подводят народ к воротам тюрьмы. Гестаповцы открывают ворота, и весь народ входит во двор. Ворота закрывают.

Несколько дней рабочие пробыли в тюрьме, после чего часть из них была выпущена и направлена на работу, а часть погружена в машины, вывезена за город и расстреляна.

По приказу немецких властей все еврейское население обязано было зарегистрироваться в специально созданном Еврейском комитете (юденрат).

Приказ предупреждал, что незарегистрированным евреям при переселении будет отказано в квартирах. При регистрации записывались имя, фамилия, возраст и адрес.

Еврейский комитет был создан следующим образом: работники гестапо поймали на улицах города десять мужчин, завели их в дом правительства и заявили, что они представляют собой Еврейский комитет и обязаны выполнять все распоряжения немецких властей. За малейшую провинность — расстрел.

Председателем комитета назначили Илью Мушкина — бывшего заместителя директора Минпромторга.

К 15 июля 1941 года регистрация евреев была закончена. К этому же времени под страхом расстрела евреям приказали пришить желтые латы строго определенного размера на грудь и на спину (диаметр — десять сантиметров). Было издано распоряжение, запрещавшее евреям ходить по центральным улицам. По остальным улицам разрешалось ходить лишь по мостовой. Запрещалось здороваться с знакомыми неевреями. Затем был издан приказ немецких властей о создании гетто.

Кроме того, на евреев наложили контрибуцию: золотом, серебром, советскими денежными знаками и облигациями некоторых займов.

Из старых насиженных мест потянулись толпы евреев, они оставляли свои квартиры, мебель, вещи, забирая с собой только самое необходимое. Транспорта никакого у них не было, и вещи переносили на плечах. Квартирная площадь предоставлялась из расчета полтора квадратных метра на человека, не считая детей.

Переселение не обошлось без издевательств: для гетто был отведен строго очерченный район, но как только люди вселялись в квартиру, сейчас же издавался новый приказ, исключавший одни улицы и включавший другие.

В продолжение двух недель, с 15 июля до 31 июля 1941 года, евреи мытарствовали, перекочевывали с места на место. К 1 августа 1941 года было закончено переселение евреев. При смешанных браках дети следовали за отцом: если отец был евреем, дети уходили с ним в гетто, мать оставалась в городе. Если отец не был евреем, дети жили с ним в городе, мать-еврейка должна была уйти в гетто. Известен случай, когда профессор [Афонский], русский, женатый на еврейке, выкупил у немецкого командования жену из гетто. Ей разрешено было жить с мужем и дочерью в городе (вне гетто) при условии стерилизации. Соответствующая операция была произведена под наблюдением немцев профессором Клуновым. Случай этот является исключительным. У профессора был значительный запас золотых монет, которые он вместе с деньгами, вырученными от распродажи всего своего имущества, целиком передал немцам в счет выкупа.

В гетто вошли улицы: Хлебная, Немигский переулок, часть Республиканской, часть улицы Островского, Юбилейная площадь, часть Обувной, Шорной, Коллекторной, 2-й Опанский переулок, Фруктовая, Техническая, Танковая, Крымская и некоторые другие. Эти улицы были изолированы от центра города, торговых и промышленных предприятий. Но зато кладбище было включено в территорию гетто.

Гетто было окружено колючей проволокой в пять рядов. Выход за проволоку карался расстрелом. Общение с русским населением каралось рас-

стрелом. Торговля, покупка продуктов запрещались евреям под страхом расстрела. [Расстрел стал спутником жизни евреев.]

Семья рабочего Черно состояла из шести человек: двух взрослых и четырех маленьких детей. Жена Черно — Анна — не в состоянии была видеть страдания голодных детей и пошла за ограду просить у своих друзей помощи. На обратном пути ее остановили полицейские, забрали все, что у нее было, завели в тюрьму и там расстреляли. Такая же участь постигла Розалию Таубкину, которая перешла за проволоку для встречи со своими русскими родственниками.

Как только гетто окружили проволокой, начались грабежи и насилия. Каждый час — днем и ночью — к гетто подъезжали на машинах и подходили пешком немцы, заходили в еврейские квартиры и чувствовали себя там неограниченными хозяевами: грабили и забирали из квартир все, что им нравилось. Грабежи сопровождалась избиениями, издевательствами и, нередко, убийствами.

Немцы ночью нападали на еврейские дома и убивали жителей. Убийства совершались особо жестоким способом: выкалывали глаза, вырезали языки, уши, ломали черепа. Особенно страдали районы улиц Шевченко, Зеленой, Заславской, Санитарной, Шорной и Коллекторной. Евреи защищали свои квартиры, делали двойные двери, железные засовы, не впускали, когда стучались в дом бандиты, устраивали дежурство, самооборону, но сила оружия брала верх, двери и окна взламывались, и бандиты врываются в дома.

В квартиру, где жила женщина-врач Эсфирь Марголина, ворвались немцы, избили всех, двух человек убили. Марголину тяжело ранили: в нее всадили четыре пули. Над семьей Каплан, по Заславскому переулку, долго издевались: отцу выкололи глаза, дочери отрезали уши, другим членам семьи проломали черепа, а потом всех расстреляли.

На Широкой улице был организован лагерь, где на тяжелых, изнурительных работах находились русские военнопленные и евреи. Евреев заставляли перевозить песок и глину с одного места на другое и обратно, копать землю без лопат. Рабочим выдавали двести граммов хлеба и один раз в день мутную водичку, именуемую супом.

Комендантом лагеря и одновременно хозяином над гетто был назначен белогвардеец Городецкий, грабитель, насильник, убийца.

Из Минска не успел эвакуироваться один из крупнейших специалистов БССР, доктор медицинских наук профессор Ситерман¹. Как только Городецкому и гестапо стало известно его местопребывание, начались издевательства над профессором. Городецкий врывается к нему в квартиру, забирает все, что хотел, избивал старика. К профессору Ситерману приезжали гестаповцы, забирали его с собой, заставляли работать на черных, тяжелых работах — производить руками уборку выгребных ям и уборных. В августе 1941 года Ситермана поставили в уборной с лопатой в руках и так сфотографировали. Его однажды заставили стать на четвереньки посреди площади в гетто, положили на спину футбольный мяч и сфотографировали. Че-

1 Лазарь Яковлевич Ситерман (1894–1941), врач-терапевт. Его сына, двенадцатилетнего Якова, спасла няня. — И. А.

рез несколько дней за ним приехали на легковой машине и увезли, родным сказали — “на консилиум”. Больше профессора никто не видел.

В гетто все мужчины состояли на учете в отделе труда Еврейского комитета. В дальнейшем этот отдел получил название “биржи труда”. Отсюда посылали на тяжелые работы в военные части и в лагерь на Широкой.

14 августа разнесся слух по гетто: ловят мужчин. И действительно, часть гетто была окружена, многие мужчины погружены в машины и увезены. Гестапо объяснило, что вывозит людей для работы на военных объектах. То, что гестапо называло “работой”, на всех других языках означало смерть.

26 августа 1941 года в пять часов утра к гетто стремительно стали подъезжать легковые машины. В течение пяти минут гетто было окружено легковыми машинами, из которых выходили сотрудники гестапо. Они врываются в еврейские квартиры с криком: “Меннер!” (Мужчины!) Всех мужчин они выгнали на Юбилейную площадь, избили их, а потом увезли.

31 августа 1941 года повторилась облава. Гетто опять было окружено машинами. Забирали на этот раз не только мужчин, но и некоторых женщин. Одновременно производился грабеж еврейских квартир.

Изъятые во время этих трех облав люди были отправлены в тюрьму и там расстреляны (всего около пяти тысяч человек)¹.

Немцы старались создать паническое настроение среди евреев, сковать их мысли и действия, вселить в сознание людей, что для них все потеряно, что нет выхода. Но с августа 1941 года начинается соби́рание сил для организованного отпора врагу. Коммунисты, оставшиеся в Минске, договариваются созвать в конце августа партийное совещание. По улице Островского в доме №54 собралась группа коммунистов. Среди них был работник СНК БССР Вайнгауз², работники Белостокской текстильной фабрики Шнитман, Хаймович, Фельдман, работник Союза советских писателей Смоляр³.

Совещание постановило создать подпольную партийную организацию. [Она ставила перед собой на первое время следующие задачи:

1. Разбить паническое настроение евреев;
2. Наладить систематический выпуск листовок;
3. Наладить контакт с коммунистами русского района;
4. Установить связь с партизанскими отрядами;
5. Установить радиоприемник.

Первые шаги партийной организации увенчались успехом. Немцы издали приказ о сдаче всех ценностей, золота, серебра и драгоценностей, а подпольная партийная организация постановила: ценности переправить в партизанские отряды. И действительно, часть этих ценностей была переправлена.]

1 Эта цифра несколько завышена. См.: *Энциклопедия...* С. 594. — *И. А.*

2 Натан Григорьевич Вайнгауз (1905–1941). Руководитель одной из первых групп подполья Минского гетто. Расстрелян в 1941 г. — *И. А.*

3 Гирш Давидович Смоляр (1905–1993) — еврейский журналист, писатель. До июня 1941 г. работал в Белостокском отделении Союза писателей БССР. Один из руководителей подполья Минского гетто (кличка “Скромный”), автор воспоминаний “Мстители гетто” (вышла в Москве на идише и на русском в 1947 г.). В 1947–1968 гг. — на партийной работе в Польше, позднее переехал в Израиль. См.: *Энциклопедия...* С. 919–920. — *И. А.*

Подпольная партийная группа приступила к систематическому выпуску листовок.

Листовки читались с захватывающим интересом, передавались из рук в руки. Люди, встречаясь, вместо приветствия, спрашивали: “Какие сегодня новости?” Слово “наес” (новости) только и слышно было кругом. Еврейские подпольщики издавали листовки по материалам последних московских радиопередач, которые принимались по тайному радиоприемнику. Листовки переписывались и передавались из дома в дом. Редактором листовок был назначен Вайнгауз.

В сентябре 1941 года был убит один из руководителей подпольной партийной группы в гетто — Киркаешто¹. Вместо него в состав партийного руководства был введен инструктор Кагановичского районного комитета партии города Минска Миша Гебелев².

Ему поручили установить связь с коммунистами за оградой гетто. Был поставлен вопрос о созыве совместной партийной конференции.

Для того чтобы спасти русских коммунистов от немецкой тюрьмы, Гебелев ходил в город и, рискуя жизнью, находил квартиры и там скрывал товарищей. Некоторых из них он скрывал в “малинах” гетто. Вблизи гетто за оградой были созданы резервные квартиры, где проводили работу коммунисты “русского района” и коммунисты гетто.

В сентябре была налажена связь с партизанским отрядом, который оперировал на востоке. Пришли проводники, и туда была направлена первая группа людей из гетто — двадцать человек, в основном коммунисты и люди военно подготовленные: Шнитман, Хаймович, Гордон, Леня Окунь и другие.

Подпольная партийная группа постановила: организовать систематическую помощь партизанским отрядам теплой одеждой, вещами, мылом, солью.

Подпольная группа рассматривала Еврейский комитет (юденрат) как орган оккупантской политики, но все же нашла нужным связаться с теми элементами внутри юденрата, которые готовы были оказать помощь партизанскому движению и отправке еврейских семейств в отряды. В первую очередь была налажена связь с председателем юденрата Мушкиным, а потом к работе для помощи партизанскому движению были привлечены заведующий производственным сектором юденрата Рудицер и Серебрянский. Они передавали руководителям партийной группы для партизанских отрядов вещи: обувь, белье, теплую одежду, пишущие машинки, канцелярские принадлежности, мыло, медикаменты, деньги, а иногда даже продукты питания и соль.

Фашистские палачи рыскали по гетто, не оставляя в покое еврейские квартиры; несмотря на это, еврейские женщины, даже старушки, помогали партизанам, шили им белье, маскировочные халаты, вязали носки. Поздней ночью они залезали в погреба, работая при свете лучин. Мастерские гетто, — ими заведовал Гольдин, — работали в основном на партизан.

1 Яков Киркаешто — уроженец Одессы. До войны работал завотделом пропаганды Белостокского горкома партии. Руководил одной из первых подпольных групп в гетто, отвечал за “налаживание нелегального партийного аппарата”. Погиб в 1941 г. — И. А.

2 Михаил Львович Гебелев (1905–1942) был членом городского подпольного комитета (кличка “Бесстрашный Герман”). В 2005 г. его именем была названа улица в Минске. См.: *Энциклопедия... С. 201–202.* — И. А.

В это время коммунисты гетто и коммунисты “русского района” решили созвать совместное совещание для создания единой партийной организации в Минске.

Близилась 24-я годовщина Октябрьской революции.

6 ноября разнесся слух, что в день Октябрьской революции в Минском гетто будет погром. В гетто приехал Городецкий, он отобрал нужных ему рабочих-специалистов с их семьями и отдал распоряжение вывести их на время погрома в лагеря на Широкой. Туда же были вывезены некоторые работники юденрата.

Вот краткое описание этого лагеря, данное тов. Гричаником.

Лагерь на Широкой улице. Домой оттуда не пускают. В лагере находятся военнопленные; туда немцы посылают главным образом русских, белорусов, поляков, которые провинились перед немецкой властью. Всем там пришивают красные латы. Там же в лагере немцы сделали начальником какого-то “западника”. Он не разбирается, бьет всех — и евреев, и русских. В лагере за каждую мелочь расстреливают.

Многие болеют, часто туда привозят новых людей. В лагере на Широкой улице люди быстро выходят из строя.

Не спали евреи в ту тревожную ночь, ждали утра. Только стало светать, в гетто въехали большие черные закрытые машины. Сотрудники гестапо были вооружены нагайками, револьверами, ручными пулеметами. 7 ноября 1941 года немцы учинили расправу не только над евреями. По всему Минску появились виселицы: на улицах, в скверах, на базарах, на окраинах города. В этот день были повешены по всему городу около ста человек с надписями на фанерных дощечках: “партизан”, “за связь с партизанами”, “коммунист” и т. п. Но, конечно, самый страшный удар пришелся по гетто. Людям велели надеть самую лучшую одежду и так же по-праздничному одеть детей, даже грудных детей велели взять с собой. Построили всех по четыре и под конвоем повели к Ново-Красной улице. Возле скверика стояла машина и фотографировала одну из колонн. Начал строчить пулемет, и вся колонна была перебита. К Ново-Мясницкой подъезжали машины, грузили людей. На работе уведенные из гетто рабочие еще утром узнали, что начался погром. В двадцать часов дня рабочие вымолили справки для своих семей и побежали в гетто. Очень многие никого из родных дома уже не нашли. Видно было, что взяли их только что, прямо с кроватей. Рабочие кинулись к машинам. Некоторые, не нашедшие своих близких, спрашивали, могут ли они ехать с этими машинами — может быть, они найдут своих близких.

Офицер ответил, что тех, которых увезли, в живых уже нет. “Если хотите ехать, — сказал он, — можете, но вернетесь ли вы обратно, я не знаю”. Многие рабочие, под видом своих семей, спасали женщин, девушек, детей, знакомых и незнакомых.

Целый день курсировали машины. Около двенадцати-тринадцати тысяч евреев было вывезено в этот день в Тучинку¹. Два дня их держали там. Стон и крики детей, томившихся без воды, разносились далеко в окрестностях.

1 Деревня неподалеку от Минска, где были расстреляны около 25 тысяч евреев. — И. Л.

На третий день застрочили пулеметы. Из забранных на расстрел тысяч вернулись два-три человека.

Вернулся в гетто мальчик лет десяти. Он рассказал:

В казармы привезли людей на машинах, было очень много женщин и детей, их туда привезли в семь часов вечера. Держали их там почти три дня. Есть и пить не давали. Некоторые за эти три дня умерли: маленькие дети, старики, старухи. И вот, когда нас вывезли оттуда, я был с маминой сестрой. За нашей машиной других не было. Тетя подняла брезент машины и сказала: “Прыгай, сынок, может, останешься жив”.

Я и прыгнул на ходу, немного полежал и пришел сюда.

Вот другой рассказ — рассказ женщины, которая была уже выведена в поле на расстрел. Она пришла в гетто раздетая, опухшая, вся в крови, раненная в руку. Она видела большие, длинные рвы, на подходе к ним стояли немцы и полицейские и заставляли людей раздеваться. Маленьких детей, как только их спускали с машин, полицейские забирали у родителей и переламывали спинной хребет о колено. Грудных подбрасывали в воздух и стреляли в них либо ловили на штыки, а затем бросали в рвы. Раздетых выстраивали возле ямы и расстреливали из пулеметов. Тех, которые не хотели раздеваться, убивали одетыми, и если на них была хорошая одежда, их раздевали уже мертвыми. Раздетую женщину поставили у ямы, ее ранили в руку, она упала, на нее падали трупы. Ночью стало тихо, перестали стрелять, и она выползла из ямы, пришла в гетто.

Этим погромом была охвачена часть улиц: Островского, Республиканская, Шевченко, Немига, Хлебная и другие.

К вечеру 7 ноября погром стал затихать.

После этого погрома немцы стали создавать “район специалистов”. Всех рабочих, имеющих квалификацию, немцы называли “специалистами”.

Биржа попросила у немецких предпринимателей списки еврейских рабочих. Предприниматели подали списки, и биржа начала выдавать особые карточки специалистам.

Чернорабочим карточек не выдавали. Всем неспециалистам приказали немедленно выбраться в другой район. Началось новое переселение. Все понимали, что значит это переселение. Женщины стали искать специалистов, молодые девушки выходили за старых мужчин. Многие осужденные немцами на смерть — те, кто не получал карточки “специалиста”, — лишились рассудка.

Когда закончилось переселение неспециалистов, немцы стали выдавать адресные дощечки к дверям. На двери вешалась дощечка, где было указано: кто живет в этой квартире, где кто работает и кто на чьем иждивении состоит. Когда все это было сделано, немцы приказали, чтобы каждый жилец — рабочий-специалист — получил номер своего дома в юденрате, пришел его на груди под желтой латкой и на спине. Номер этот был написан на белом холсте, проштемпелеванном печатью.

Немцы предупредили, что если кто-нибудь из жильцов какого-либо дома нарушит правила ношения номеров, все жители дома, значащиеся под этим номером, будут расстреляны. [Вернулись “специалисты” из лагеря на Широкой и работники юденрата 8 ноября 1941 года.]

Часть улиц: Немиги, Островского и другие отошли в “русский район”. Уменьшилась территория гетто. В гетто потекла голодная, тяжелая жизнь, но и эта жизнь для многих вскоре оборвалась.

В Минск стали прибывать тысячами немецкие евреи. Одеты они были странно — в плащи с капюшоном, кто в розовые, кто в синие, кто в небесного цвета, все это из “рыбьей” кожи, а на правой стороне груди у них были пришиты шестиконечные звезды. Говорили они только по-немецки. Пришли гестаповцы, выгнали людей с Республиканской, Обувной, Сухой, Опанской улиц и поместили там пришельцев. Провели колючую проволоку, поставили столбы и окружили этот район.

Народ подходил к колючей проволоке, где были размещены немецкие евреи. Пришельцы охотно вступали в разговоры. Оказалось, то были евреи из Гамбурга, Берлина, Франкфурта. За время существования Минского гетто их прибыло около девятнадцати тысяч человек¹. У них забрали все их имущество и объявили, что их повезут в Америку, а они попали в Минск, в гетто, за проволоку. Они просили хлеба: они думали, что русские евреи могут ходить свободно, куда хотят, и покупать свободно пищу. Гестаповцы нашли для немецких евреев “работу”. Каждую ночь, приезжая в гетто, они убивали человек семьдесят-восемьдесят немецких евреев. Немцы заставляли их вывозить трупы на кладбище в детских колясках. Там уже всегда были подготовлены ямы, каждая человек на триста. Когда яму наполняли трупами, ее засыпали.

20 ноября 1941 года. Утро еще не наступило, а немцы и полицейские уже ходили по улицам гетто: Замковой, Подзамковой, Зеленой, Санитарной и другим. Опять выгоняли людей из квартир, строили в колонны и гнали в Тучинку, к могилам. У могил была заготовлена известь, живых людей бросали в ямы. Там их расстреливали и сжигали.

Среди людей, схваченных 20 ноября, были хорошие специалисты, в которых немцы нуждались.

На место сбора выехал офицер, но взятых из гетто там уже не было. Офицер узнал, куда их повели, и поехал за город, на поле, где их уничтожали. Там оказалось, что почти все его рабочие убиты, но он узнал несколько человек и договорился, чтобы их не убили. Один из них — хороший специалист, скорняк, фамилия его Альперович, другой — парикмахер Левин, который брил офицеров. У парикмахера на поле находились жена и дочка. “Хозяин” уничтожения отпустил только парикмахера и Альперовича и, издеваясь, разрешил парикмахеру взять с собой либо жену, либо дочь. Левин выбрал дочь. Офицер сказал, чтобы они никому не рассказывали о том, что видели. Их привели на фабрику, они были белее бумаги и не могли говорить. Альперович долго болел после этого.

20 ноября погибло пять тысяч евреев². Люди стали забираться в специально приспособленные погреба, ямы, замаскированные комнаты получившие название “малин”; но и эти “малины” не спасали: слишком неожиданны были налеты гитлеровцев. Немцы этот погром 20 ноября объяснили

1 С ноября 1941 года по октябрь 1942 г. в Минск были депортированы более 35 тысяч евреев из Германии. Некоторых из них поместили в гетто, остальные были сразу доставлены в Малый Тростенец, в 10 км от Минска, и там убиты. См.: *Уничтожение...* С. 20. — *И. Л.*

2 20 ноября 1941 г. в Тучинке погибли 7 тысяч евреев. См.: *Уничтожение...* С. 13. — *И. Л.*

тем, что 7 ноября “план не был выполнен”, то есть было уничтожено меньшее количество евреев, чем потребовали власти.

Погромы и гибель некоторых руководителей подполья не остановили движения Сопротивления. Во время погрома 20 ноября 1941 года погиб Вайнгауз; вместо него в подпольный центр был введен бывший секретарь по пропаганде Сталинского районного комитета партии города Минска Пруслин¹ (Брускинд). В конце ноября коммунисты созвали общегородскую партийную конференцию. Руководил этой конференцией “Славек”². Представителем партийной группы гетто был выделен Гебелев. С этого момента начинается систематическая отправка людей в партизанские отряды. [Общая партийная конференция постановила: партийную организацию строить по принципу десятков. Во главе каждой десятки стоит секретарь. Десятки образовывались исключительно на основании личного знакомства и рекомендации. Все секретари десятков были связаны с уполномоченным зоны. Всего было четыре зоны, и гетто являлось одной из зон. Партконференция создала подпольный партийный комитет. Секретарем был избран “Славек”.

Уполномоченным ЦК партии по гетто был секретарь партгруппы гетто Смоляр, живший в гетто под фамилией Смоляревича, парткуличка “Скромный”. Штаб-квартирой была кочегарка еврейской больницы, где работал Смоляр. Сюда приходили коммунисты, обсуждали и решали самые важные вопросы.

Во главе десятков стояли: Наум Фельдман³, Зяма Окунь, Надя Шуссер, Майзельс, Рубеник и др. Для связи с коммунистами русского района выделили Эмму Родову. Перед десятками были поставлены следующие задачи:

1. Наметка кандидатур и отправка в партизанские отряды коммунистов и людей военно подготовленных;
2. Сбор оружия;
3. Материальная помощь теплой одеждой партизанским отрядам;
4. Сбор и отправка в отряды медикаментов;
5. Создание фонда помощи нуждающимся коммунистам.

Зима была тяжелой для жителей гетто: все они страдали от голода и холода. Евреи, работавшие в русском районе, имели возможность общаться с русским населением и потому не так остро чувствовали нужду, но те евреи, что работали за проволокой, нуждались и голодали.

Благодаря связи с некоторыми членами юденрата много людей удалось расставить в городе таким образом, чтобы использовать их работу на немецких предприятиях для борьбы с оккупантами.

Группы молодежи отправлялись на предприятия, связанные с производством оружия и боеприпасов, чтобы иметь возможность их выносить. Жен-

1 Матвей Менделевич Пруслин (1904–1942), один из руководителей подполья гетто. Погиб в апреле 1942 г. — И. А.

2 Исая Петрович Казинец (1905–1942), руководитель городского подполья Минска, единственный еврей-подпольщик, удостоенный звания Героя Советского Союза (посмертно, 1965). См.: *Энциклопедия...* С. 372–373. — И. А.

3 Наум Лейбович Фельдман (1900–?), уроженец м. Журавичи Гомельской области. Член ВКП(б). До войны — военнотружаший. Руководитель подпольной группы. В апреле 1942 г. стал одним из организаторов и комиссаром партизанского отряда им. Буденного бригады им. Сталина Барановичской области. — И. А.

щины работали там, где была возможность получать белье и теплую одежду, чтобы переотправить их в партизанские отряды. Регулярно производилась отправка боеприпасов и одежды в партизанские отряды. Отправка чаще всего производилась из квартиры Опенгейма по Республиканской улице, дом №16, места сборов были на базарах. В результате перехода отрядов с места на место в феврале месяце 1942 года была утрачена связь с некоторыми партизанскими отрядами. Имелись сведения, что в Дукорском направлении действует отряд Ничипоровича. Группа людей, среди них — врач Марголин, Скобло, один из первых стахановцев БССР, и другие, — пошли искать этот отряд. Группа была вооружена четырьмя винтовками и четырьмя гранатами.

Этот поход не увенчался успехом. Люди попали в окружение гестапо, часть людей — среди них Скобло — погибли, остальные вернулись в гетто с отмороженными руками, ногами и долго лежали в больнице.]

Параллельно шли поиски и закупка оружия. Этим ведал Наум Фельдман. По заданию партийного комитета были намечены пути для вывоза из гетто людей, которые не могут влиться в партизанские отряды. В гетто на первых порах ошибочно считали, что достаточно вывести людей из-за проволоки — и безопасность их обеспечена.

Подпольный партийный комитет гетто искал пути, куда направить женщин, стариков, детей. Для этой цели была выделена Нина Лисс, которая пошла в Западную Белоруссию искать деревни и хутора, расположенные далеко от железных и шоссейных дорог.

В феврале 1942 года немцы арестовали Мушкина — председателя юденрата. Тяжела была его роль: с одной стороны, он вел борьбу с оккупантами, материально помогая партизанским отрядам, а с другой — обязан был сохранять видимость нормальных взаимоотношений с немецкими властями, видимость выполнения всех директив и распоряжений. Свою работу он вынужден был скрывать даже и от некоторых членов юденрата, таких как Розенблат и Эпштейн.

Нашелся провокатор, который предал Мушкина.

Долго пытали и мучили Мушкина в тюрьме, но Мушкин не выдал своих товарищей. Молча переносил он страдания. Только через месяц после ареста и пыток Мушкина вывезли из тюрьмы и при попытке к бегству из машины застрелили.

Шла зима 1942 года. Голод, холод и болезни несла она с собой. Трудно назвать жизнью это жалкое существование людей. Плач детей, стоны больных наполняли дома. Люди питались отбросами из немецких кухонь. Распространенным блюдом еврейского населения стала картофельная шелуха, из которой хозяйки умудрялись печь оладьи и запеканки.

Появились болезни: фурункулез, дистрофия, цинга, сыпной и брюшной тифы. Болезни приходилось скрывать от властей, хотя немцы ежедневно требовали сводки поступления больных в больницы. Немцы боялись инфекционных заболеваний; евреи знали, что как только немецким властям станет известно о тифе, неминуем погром. Немцы так и не узнали о заболеваниях в гетто. Тем не менее погром с новой ужасающей силой обрушился на евреев.

2 марта 1942 года утром к гетто стали подъезжать легковые машины с гестаповцами, среди них находился оберштурмфюрер Шмидт, совершенно

пьяный. Это было плохим предзнаменованием. Евреи заволновались. Однако рабочие колонны, как обычно, отправились на работу. Прибывшие гестаповцы пошли на квартиру заведующего биржей труда и принялись кутить. В водке, в дорогих винах недостатка не было. Все это было доставлено в гетто на грузовой машине. Все приехавшие не уместились в квартире, и часть из них осталась на улице и на площади. К ним был вызван полицеймайстер 5-го участка Рихтер, в ведении которого находилось гетто. Тут же на улице гестаповцы пьянствовали и обжирались, после чего они приступили к “работе”. С нагайками, с револьверами они врывались в дома и сгоняли людей во двор обойной фабрики на Шпалерной улице. Толпа народа — женщины, дети, старики — стояла и ждала своей смерти. В двух домах по Технической улице палачи не нашли жильцов — они спрятались в “малинах”. Немцы подошли эти дома, сожгли людей живьем. Наутро на пепелище стали возвращаться рабочие колонны, их встречали у ворот гетто сотрудники гестапо. Этим рабочим, вместе с толпой, ожидавшей смерти во дворе обойной фабрики, направили к железной дороге, погрузили в вагоны и отправили по дороге, ведущей на Дзержинск. Там все были расстреляны. Многие пытались бежать, но пули убийц их настигали. Так были убиты еще пять тысяч человек.

Гестаповцы окружили колонну рабочих из тюрьмы во главе с их бригадиром Левиным.

Левин, в прошлом художник и детский писатель, писал под псевдонимом Бер Сарин.

Левин потребовал освобождения всей колонны, мотивируя тем, что его колонна состоит из одних специалистов. Его одного освободили, но Левин настаивал на освобождении всех. Его избили прикладами и погнали прочь. В руках у Левина была жестяная крышка, с которой он набросился на немцев. Тут же на улице Левина расстреляли.

Вечером, когда кровавая работа подходила к концу, оберштурмфюрер Шмидт, окруженный немцами и полицейскими, с длинным кнутом в руках, совершенно пьяный, на чистом русском языке кричал: “Сегодня, как никогда, удачно, прекрасно, удачно, удачно”. Полицейский за хорошую организацию погрома и помощь гестапо получил награду и был повышен по службе.

Как и при первых погромах, были уничтожены детский и инвалидный дома [и часть работников юденрата.]

Страшную картину представляла собой колонна детей всех возрастов, от самых маленьких до тринадцати-четырнадцати лет, во главе с заведующим детским домом. Дети кричали: “За что? Наши придут и отомстят за нашу кровь, за кровь наших отцов и матерей”. Нагайки опускались на головы детей. Дети с кровоподтеками, с вздувшимися от побоев лицами, оборванные, шли дальше. Если ребенок отставал, его пристреливали. Вся улица была усеяна трупами ребят.

Работница детского дома Амстердам покончила с собой, вскрыв вену.

Население гетто уменьшилось. Немцы произвели снова переселение, — перебрасывали евреев из одной квартиры в другую, из одного района в другой. Уменьшилась территория гетто, сжималось кольцо вокруг него.

Погромы, которые устраивало гестапо, не остановили работы коммунистов. В гетто не прекращался уход евреев в партизанские отряды, с каждым днем к партизанам уходило все больше и больше людей. Об этом узнало

гестапо и кровавым террором отвечало на каждый уход евреев в партизанские отряды.

В том случае, когда гестапо находило след человека, связанного с подпольной партийной организацией, нес ответственность не только он один, но все жители дома, где он жил, или вся рабочая колонна. Ночью окружали дом со всех сторон, выводили людей и расстреливали их.

В конце марта 1942 года началась волна ночных погромов. Жители гетто с ужасом прислушивались к тому, как строчил ночью пулемет, как раздавались стоны и крики расстреливаемых. По ночам слышали топот людей, убегающих от пуль.

Ночные погромы произошли 31 марта, 3 апреля, 15 апреля, 23 апреля. В одном из этих погромов — 31 марта 1942 года — погибла Нина Лисс, которая только за день до того, выполнив задание в Западной Белоруссии, вернулась в Минск.

Нашелся предатель, который передал в гестапо списки работников подпольного партийного комитета, с указанием их адресов. Нина жила на Коллекторной улице, дом 18. Когда бандиты ночью окружили дом, они стучали и кричали: “Нинка, открой”.

Гестапо требовало выдачи Гебелева, Смоляра, Фельдмана, Окуня, предупреждая, что иначе будут расстреляны все работники юденрата. [Вновь назначенный председатель юденрата Иоффе знал, что немцы осуществят эту угрозу. Но выполнить требование гестапо Иоффе отказался.]

Гебелев, конспирируясь, носил три фамилии, поэтому гестаповцы были сбиты с толку. Фельдманов в гетто было много. Трех Фельдманов гестапо отправило в тюрьму, откуда они уже не вернулись. Окуня через некоторое время арестовали.

Смоляр (Столяревич), возглавлявший подпольную партийную организацию гетто, был неуловим. Гестаповцы настойчиво требовали выдачи его. Председатель юденрата Иоффе пошел на хитрость: он заполнил чистый бланк паспорта на Столяревича Ефима, измазал его в крови и пошел в гестапо, сказав, что этот паспорт найден в одном из домов, где произошел ночной погром, и извлечен из одежды трупа. Гестаповцы удовлетворились, считая, что Столяревич погиб.

Столяревич, Гебелев и Фельдман жили и продолжали вести борьбу с врагом.

Фельдман занимался снабжением оружием. Группы людей, отправляемые в отряды, вооружались винтовками, наганями, гранатами. Помимо добычи вооружения, усилия подпольщиков были направлены на то, чтобы раздобыть типографию и отправить ее в отряды. Две типографии удалось отправить в отряды, а третью передали в распоряжение городского комитета партии.

Большую роль при отправке типографии в партизанские отряды сыграл связной, пионер Вилик Рубежин. Мальчик этот потерял родителей, война застала его в пионерском лагере под Минском. Три раза, с огромным риском, вез он через весь город санки с шрифтом, прикрытые сверху тряпьем.

Он же провел к партизанам партию евреев в тридцать человек. Впоследствии Вилик сам ушел в лес к партизанам, участвовал во многих диверсиях, засадах. Он был награжден в отряде орденом Красной Звезды.

[Ночные погромы гестаповцы объясняли борьбой с партизанским движением. Такие же “акции” происходили и в русском районе.] В городскую партийную организацию пробрался враг и выдал некоторых членов подпольного партийного комитета.

Гебелев привел десять коммунистов из “русского района” и скрывал их в “малинах” гетто по еврейским паспортам.

Особо жестоким был внезапный и краткий погром 23 апреля 1942 года. Убийцы окружили дома по Обувной, Сухой, Шорной и Коллекторной улицам. Погром начался в 17 часов и закончился в 23 часа. Погибло до пятисот человек.

Другой ночной погром, поражающий своей жестокостью, солдаты и полиция учинили в мае 1942 года. По Завальной улице они окружили два четырехэтажных, густо заселенных дома, подожгли эти дома со всех сторон и сожгли в них живьем людей. Сгорело несколько сот человек.

Менялись немецкие громилы, одни уходили, другие приходили, и каждый из них, под видом наведения порядка в гетто, занимался истреблением евреев.

Незадолго до своего ухода из гетто Рихтер решил проверить выполнение приказа об обязательном выходе евреев на работу. Он остановил на улице первых трех встречных, завел их на биржу и приказал полицейским раздеть несчастных, избил их до полусмерти, а одного из них вывел на площадь, привязал к столбу и застрелил. На груди убитого повесили картон с надписью: “Так будут поступать с каждым, кто посмеет не выходить на работу”.

На смену Рихтеру пришел его преемник — Гапенбах. Он издал приказ, превращавший гетто в лагерь. Все дома гетто были перенумерованы, и жители гетто помимо желтых лат стали носить еще номера своих домов. За нарушение этого приказа Гапенбах собственноручно расстрелял сотни евреев. Но расстрелы в гетто производились и без всяких поводов и причин. В мае привезли из лагеря “Тростенец” трех рабочих. Они себя плохо чувствовали и попросились на прием к врачу. Гапенбах отвез их на кладбище и расстрелял. Аналогичных случаев было много.

Работа на фабрике “Октябрь” считалась самой выгодной. Там, кроме двухсот граммов хлеба, давали кружку горячей воды, а на обед жидкий суп.

В мае 1942 года с фабрики уволили тринадцать женщин. Они решили наутро пойти с колонной на фабрику, узнать — за что их уволили. Им не позволили говорить с шефом и повели в тюрьму. Две недели их мучили и томили в тюрьме, а потом под усиленным конвоем повели в гетто на площадь против юденрата. Жителей выгнали из домов на площадь, а затем этих тринадцать несчастных расстреляли разрывными пулями. Два дня лежали убитые на площади, — немцы не разрешали их хоронить.

В апреле 1942 года гестаповцы приказали всем евреям каждое воскресенье являться на “апель” на площадь, к зданию юденрата, ровно к десяти часам утра.

Без плеток и избиения прикладами эти выходы на площадь не обходились. Люди находились в напряжении, не зная, что их ждет на площади. Каждое воскресенье на сборах Рихтер, Гапенбах, Фихтель, Менчель и другие произносили речи, убеждали евреев не уходить из гетто в партизанские отряды, говорили, что погромов больше не будет. Каждое воскресенье повто-

ряли одни и те же речи, после чего евреев заставляли исполнять концертные номера: петь, играть, некоторых фотографировали.

В одно из воскресений полицейские пошли проверять по домам выход евреев на “аппель”. Они нашли в квартирах четырнадцать мужчин. Их привели на площадь, показали всем и объявили, что их отведут в тюрьму, откуда они уже больше не вернуться. Так это и было: их расстреляли. “Аппели” продолжались до 28 июня 1942 года. В июне, в одно из воскресений, после “аппеля”, группа евреев стояла у водоклонки на Танковой улице. По 2-му Опанскому переулку проходил полицейский с женщиной. Подошли к проволоке, увидели очередь за водой, и полицейский, обращаясь к своей даме, сказал: “Посмотри, какой я меткий стрелок”, — и выстрелил из винтовки в толпу. У колонки осталась лежать шестнадцатилетняя девушка Эсфирь. Через час она скончалась. Такие случаи не были единичны.

[Из партизанских отрядов, в связи с арестом Минского партийного комитета, перестали приходиться проводники, связь временно была потеряна. Партийный комитет гетто, обсудив положение, решил создать свою базу для вывоза людей в отряды. Для этой цели были выделены двадцать человек во главе с товарищем Лapidусом. Отправляли людей грузовиком, но так как всех людей, намеченных к отправке, на одной машине нельзя было поместить, условились отвезти машиной первую группу в двадцать человек за сорок пять километров от города и вернуть машину на пятнадцатый километр, куда к этому времени выйдет вторая группа. В составе второй группы были Фельдман, Тумин, Лифшиц и другие. Машину в условленном месте они не нашли. Первая партия людей добралась благополучно, вторая же попала под обстрел гестаповцев и предателей. Часть людей, среди них Фельдман и Тумин, вернулись в гетто, остальные погибли.]

В конце апреля 1942 года [оставшиеся коммунисты гетто решают восстановить городскую партийную организацию.] В одном из домов по Торговой улице было созвано партийное совещание. После совещания была восстановлена партийная организация, но не по принципу десятков, а по принципу территориально-производственному. Партийная организация гетто была выделена в отдельный райком. [В это время прибыла директива ЦК партии большевиков о массовом вывозе людей в партизанские отряды.]

При помощи подпольного партийного комитета гетто был создан отряд (в районе Слуцка). В этот отряд направлялись евреи гетто. Систематически производились отправки военнопленных, работавших в лагере по Широкой, на войлочной фабрике и на других предприятиях.

При отправке военнопленных в отряды, у проволоки, был арестован Миша Гебелев, весь отдавший себя служению народу, не знавший в борьбе страха и усталости.

Одновременно с отправкой военнопленных в отряды проводились диверсии на предприятиях: на мясокомбинате, на войлочной фабрике, на спиртзаводе. Еврей-кузнец, работавший на спиртзаводе, систематически отравлял спирт, предназначенный для отправки германским войскам на фронт.

Партийный комитет гетто направил Наума Фельдмана, одного из первых участников подпольной партийной организации гетто, устраивать партизанские базы в западном направлении. Тяжел был путь Фельдмана.

Двое суток на девятом километре от города ждал Фельдман проводника, который должен был провести его с группой до места.

Наконец, Фельдман нашел отряд Скачкова; этот отряд только формировался. Однако Фельдман решил сам организовать отряд. Он послал связных в подпольный партийный комитет гетто, откуда прислали новых товарищей. Группа была уже вооружена ручными пулеметами, винтовками, наганами и пистолетами. В конце мая другой отряд забрал часть людей, имевших оружие при себе. Оставшиеся в отряде занялись изысканием оружия. На помощь опять пришел партийный комитет гетто. Связь отряда с партийным комитетом гетто не прекращалась. В июне 1942 года был прислан командир отряда — военнопленный из лагеря по Широкой, которому был организован побег, — Семен Григорьевич Ганзенко. Отряд назвался именем товарища Буденного. Фельдман работал в отряде парторгом. Отряд вошел в бригаду имени Сталина и стал одним из ее боевых подразделений. Впоследствии Ганзенко был назначен комбригом, а Фельдман комиссаром одного из отрядов бригады.

Все эти уходы из гетто были сопряжены с колоссальными трудностями. Гетто стерегли ночью и днем. Всюду были устроены засады.

26 июля 1942 года гестапо издало приказ: все евреи, помимо желтых ленток и номеров домов, обязаны с 28 июля 1942 года носить следующие знаки: рабочие — красные, а иждивенцы рабочих и безработные — зеленые. Рабочие должны были получить свои знаки по месту работы, а иждивенцы и безработные — на площади перед юденратом. Никто не предполагал, что этот, казавшийся невинным, приказ подготавливает страшную бойню.

27 июля 1942 года — это самый черный день гетто¹.

Утром, после ухода рабочих колонн, в гетто прибыли гестаповцы и полицейские. Все гетто было окружено плотным кольцом патрулей. Жителей гнали из квартир к площади. Туда стали подъезжать большие закрытые черные машины-душегубки². Во время этого погрома гестаповцы уничтожили и больницу, пощаженную при предыдущих погромах. Больных расстреляли в постелях, среди них погиб композитор орденосец Крошнер. Медперсонал и врачей выстроили отдельной колонной в белых халатах и повели на площадь. Там их погрузили в душегубки и умутили.

Погибли сорок восемь врачей — лучшие специалисты БССР, среди них — профессор Дворжец, доктор медицинских наук, доцент Майзельс, кандидат медицинских наук; погибли старейшие и опытнейшие врачи Хургель, Канторович, Гурвич, Сироткина и многие другие.

Из “малины” немцы вывели двух евреев. Одного из них повалили на землю, положили на него куски оконного стекла, а второго заставили топтать стекло ногами. Видя, что еврей отказывается стать палачом товарища, злодеи сами растоптали стекло, а потом обоих убили.

28-го, 29-го, 30-го и 31 июля до 13 часов длился страшный, неслыханный погром. В короткие паузы, которые устраивали палачи, они пьянствовали и кутили.

1 Погром начался 28 июля. Тогда погибло 9 тысяч узников, включая 3 тысячи евреев, депортированных из Германии. См.: *Энциклопедия...* С. 597. — И. А.

2 Согласно показаниям унтершарфюрера СС Франца Гесса, члена зондеркоманды, было три или четыре душегубки и 20–30 грузовиков для евреев, которых расстреливали в 30 км от Минска. См.: *Уничтожение...* С. 208. — И. Л.

31 июля 1942 года в 13 часов был отдан приказ о прекращении погрома, но разгул фашистов не унимался. Они продолжали бегать по квартирам, разыскивали “малины”, вытаскивали оттуда людей и расстреливали их. В этой чудовищной бойне погибло около двадцати пяти тысяч человек.

Вот как описывает этот погром лично пережившая его от первого до последнего часа Лиля Самойловна Глейзер.

Всю ночь шел дождь, а утром 28 июля он еще более усилился. Природа как бы заранее оплакивала невинную кровь. В это утро, кто смог, ушел с рабочими колоннами на работы. Некоторые, вырвавшись из гетто, скрывались у своих русских знакомых. Прятались в “малинах”.

Попавшие в рабочие колонны думали, что их детей, оставшихся в гетто, не тронут согласно объявленным гарантиям. Утром я спустилась в так называемую “малину”, устроенную особо от других “малин” нашего дома. Она находилась под самой печкой. Вход в нее был так тщательно замаскирован, что и самый опытный сыщик не смог бы его обнаружить.

Через стены подземелья были слышны плач детей и даже приглушенный разговор взрослых. Можно было с уверенностью сказать, исходя из опыта предыдущих погромов, что эти “малины” будут обнаружены, если фашисты займутся поисками.

При погромах прячущихся чаще всего обнаруживали из-за детей.

Дети не могли выдержать многосуточного голодания в невыносимой духоте и тесноте, в полном молчании. Они начинали капризничать и плакать, и это приводило к обнаружению “малин”.

Через стену я слышала, как в нашем доме идет спешная и усиленная подготовка к чему-то необычайному. Повсюду слышна была суетня, скрип дверей, плач, повышенный разговор. Вскоре шум усилился. Было слышно, как полиция выгоняла людей из дома на улицу. Слышны были вопли, люди молили не гнать дряхлых стариков и маленьких детей, но весь этот плач и мольбы о пощаде покрывала разнузданная ругань полиции. Через час все стихло. Наступила тишина. Любопытство заставило меня выбраться из “малины” в комнату. Дом наш, насчитывающий девятьсот жильцов, был безмолвен, точно в нем все вымерло. На улице тоже было тихо и пустынно. Я постояла с минуту, напрягая слух. До меня донесся истерический плач женщины и ее мольбы о пощаде, затем последовал какой-то продолжительный шум и несколько ружейных выстрелов. Я быстро схоронилась в свою нору-спасительницу. Из “малины” было слышно, как шум и выстрелы постепенно становились сильнее. Я поняла, что снова шла полиция, которая делала второй, более тщательный осмотр и с пойманными в домах расправлялась на месте.

Через несколько минут раздались шаги по лестницам нашего дома. Зазвенела посуда, загрели винтовочные выстрелы, послышался резкий и короткий треск ломающихся дверей и хохот полицейских. Так продолжалось несколько минут, а затем шум начал угасать; “бобики”, как обычно называли полицейских, удалились. В доме раздалось еще несколько винтовочных выстрелов, и все смолкло, как бы уйдя в небытие.

Наступила тишина, лишь изредка слышались неясные человеческие выкрики из соседних “малин”. Мое любопытство превзошло страх. Я вновь вышла из “малины”. Вдруг из соседней квартиры до меня донесся шум. Постояв с ми-

нута и прислушавшись, я поняла, что причиной этого шума была сумасшедшая женщина-соседка, лишившаяся рассудка после того, как на ее глазах расстреляли мужа еще в первые дни гетто. Я на цыпочках, крадучись, как кошка, прислушиваясь к малейшим шорохам, подошла к дверям ее квартиры. Слегка приоткрыла дверь и увидела ее; она ходила со спящим ребенком на руках по комнате. По какой-то случайности ее не заметили полицейские. “Видно, суждено ей жить”, — подумала я. Меня она не замечала; ни к кому не обращаясь, она просила есть. При виде этой безумной с младенцем на руках я разрыдалась, и какая-то неизмеримая жалость появилась у меня к этой женщине. Я вспомнила, что у меня в шкафу лежит краюха полудеревянного немецкого хлеба, которым немцы кормили евреев и пленных. Я мигом бросилась к шкафу, принесла хлеб и, показывая его, стала заманивать безумную в свою “малину”, желая спасти ее. Едва мы успели спуститься, как в дверь со стороны улицы постучали и раздалась лающие голоса гитлеровцев: “Ауфмахен!” (Открывайте!) Через несколько мгновений раздалась удары прикладов. Я забралась еще дальше в подzemелье и прижалась к земляной стене, дрожа от страха. Мы слышали, как немцы ворвались в комнату и начали стрельбу в стены, потолок и пол. Это были немцы, специально подобранные для отыскивания “малин”, и отличались они особенным зверством. Гитлеровцы неистово кричали и ругались, по их бесвязной речи и ругани можно было заключить, что они пьяны.

Ребенок безумной, находившийся в моей “малине”, испугавшись стрельбы, сильно заплакал.

Мать зажала ему рот руками, но плач уже донесся до гитлеровцев. Постояв с минуту в безмолвии, они начали взламывать пол над моей “малиной”, безудержно ругаясь.

“Погибли”, — пронеслась мысль в голове. Оторвав доски от пола возле печки, гитлеровцы бросили в это место несколько гранат. Эти взрывы вскрыли соседние “малины”, так как от сотрясения весь земляной настил пола, который служил потолком наших подземелий, рухнул. Началась страшная стрельба по “малинам”. Вопли женщин и детей о пощаде не трогали гитлеровцев. В отверстия подземелий, откуда доносились стоны раненых и вопли о пощаде, они бросили еще несколько гранат. Эти взрывы вновь сотрясли все окружающее и обнаружили мою “малину”. На миг стоны и вопли прекратились. Опять наступила тишина после оглушивших меня разрывов, и вдруг вновь рычание и крик фашистов: “Эраусгейн (Выходи)”, — но в ответ слышались лишь душераздирающие крики раненых. Безрезультатно повторив приказание, немцы спустились в наши подземелья, осветив фонариками сумрак, из которого доносились вопли и стоны умирающих. Я совсем вдавилась в земляную стену подземелья и затаила дыхание, видя лучи фонариков. Меня немцы не обнаружили, так как я находилась за поворотом подземелья. Крикнув еще несколько раз: “Эраусгейн”, — они dokonчили кинжалами умирающих и поднялись наверх.

Охваченные безумием разрушения, гитлеровцы начали бить посуду, ломать мебель и окна. Затем они врвались в другие квартиры нашего дома, и там повторился тот же ужас. Через несколько часов все стихло. Эту тишину изредка нарушали неясные стоны, доносившиеся из соседних “малин”. В темноте, одна среди мертвецов, я ощутила ужас и стала поспешно ползти к двери, вырванной взрывами гранат. Оттуда шел слабый свет и освещал подземелье. У самого выхода из “малины” я наткнулась на распростертую женщину. Это была

безумная, которую я желала спасти. Все ее тело было истерзано осколками гранат, видимо, ее убило мгновенно. Возле лежало мертвое тельце ее ребенка.

Я вползла в комнату. Вся моя комната была завалена обломками посуды и мебели, пол и остатки вещей покрыты густым слоем известки, перьев и пуха из перин и подушек. Окна оказались вышибленными вместе с рамами, а в стенах и потолке зияли отверстия от осколков. У меня закружилась голова. Я закрыла лицо руками и едва не упала на обломки разбитой двери, но жажда жизни вывела меня из обморочного состояния. Придя в себя, я бросилась на чердак нашего дома. С чердака я увидела продолжение погрома в других домах на нашей улице. Слышен был непрерывный, беспорядочный гул разрывов гранат, очередей из автоматов. По всей улице лежали окровавленные трупы женщин и детей. Гитлеровцы тащили из домов всевозможные вещи, узлы, грузили их на повозки и увозили. Но и это еще не был самый погром, а только начало погрома.

В полдень на Юбилейную площадь согнали всех, кто находился в пределах гетто. На площади возвышались огромные празднично украшенные столы, заставленные всевозможными яствами и винами, за этими столами сидели руководители неслышанного в мировой истории побоища.

В центре сидел начальник гетто Рихтер, награжденный Гитлером железным крестом. Рядом с ним сотрудник СС, один из шефов гетто, скуластый офицер Рэде и жирный толстяк — начальник минской полиции майор Бенцке. [Неподалеку от этого дьявольского престола стояла специально построенная трибуна. С этой трибуны фашисты заставили говорить члена Еврейского комитета гетто композитора Иоффе. Обманутый Рихтером Иоффе начал с успокоения возбужденной толпы, говоря, что немцы сегодня лишь проведут регистрацию и обмен лат. Еще не докончил своей успокоительной речи Иоффе, как] со всех сторон на площадь въехали крытые машины-душегубки. [Иоффе стало сразу понятно, что это значит. Иоффе крикнул взволновавшейся толпе, по которой молнией пролетело ужасное слово “душегубки”:

— Товарищи! Меня ввели в заблуждение. Вас будут убивать. Сегодня погром!”]

Обезумевшая толпа бросилась в разные стороны, ища спасения от ужасной смерти. Все смешалось, люди метались, мелькало бесконечное множество шестиконечных желтых звезд. Фашисты, уже окружившие площадь, открыли плотный огонь по беззащитным людям. Но люди, невзирая ни на что, лезли напролом. Началась рукопашная битва беззащитных людей с фашистами, вооруженными до зубов. Многим фашистам пришлось поплатиться, прежде чем они усмирили толпу. Вся площадь была усеяна трупами и залита кровью. К десяткам душегубок немцы установили бесконечные очереди усмиренных огнем женщин и стариков. Детей отделили от взрослых, их с поднятыми руками поставили на колени. Маленькие дети, изнуренные и слабые, начали плакать, у них сразу же уставали и опускались ручонки. За это их тут же прирезывали кинжалами либо переламывали позвоночник, или, подняв над своей головой ребенка, фашист бросал его изо всей силы на булыжную мостовую; после такого удара у ребенка вылетали мозги из раздробленного черепа. Матери, стоявшие в очереди

у душегубок, видя это, тут же сходили с ума и как разъяренные тигрицы бросались на немцев. Их убивали очередями из автоматов. Тех, кто отказывался лезть в душегубки, постигала ужасная смерть. Их тащили к столам, за которыми под звуки гармошек произносились пьяные тосты. Пьяные Гаттенбах, Рихтер, Рэде и другие объявляли приговор: “Отрезать нос и уши, убить кулаками и плетью”, — и так далее. Эти приговоры исполнялись тут же или самими судьями, или же полицейскими, гестаповцами, солдатами гарнизона.

[Народный артист республики Зоров при виде кровавого зрелища с проклятием кинулся на фашистов. Он грыз их зубами, бил руками и ногами; его свалили без сознания и бросили в душегубку.]

Так продолжалось до позднего вечера. Опустела площадь, за праздничным столом заснули организаторы избиения. Погром притих. В поисках ценностей лишь шныряли солдаты минского гарнизона, всегдашние участники расправ в гетто. Все дети до единого, которых поставили с поднятыми вверх ручонками, были убиты на площади. Душегубки больше не возвращались. Они увезли всех, кто не был убит на площади, в Тростенец¹ или в Тучинку.

Ночью оставшимся в живых членам еврейской полиции было приказано очистить площадь от трупов и крови. К утру следующего дня приказ был выполнен. Наступило утро 29 июля. День хмурился, как бы предчувствуя продолжение побоища. Изредка выглядывало затуманенное солнце и сразу же скрывалось в грозовых черных тучах. Гетто было пустынно.

В десять часов утра на Юбилейной площади загудели немецкие машины. Группы солдат минского гарнизона под командованием начальника полиции, немецкого офицера, палача, майора Бенцке, вновь отправились на грабежи и на вскрытие “малин”. Пиршественные столы были убраны с площади, так как собирался дождь, и внесены в помещение комитета. Туда и приводили на расправу обнаруженных в “малинах” стариков, женщин и детей. Много было в этот день раскрыто убежищ.

Ворвавшись в больницу гетто, которая в первый день погрома была не затронута, немцы и полиция уничтожили кинжалами больных и обслуживающий персонал.

1 августа, после четырех дней побоища, на Юбилейную площадь немцы снова вытащили стол, который был уставлен едой и винами. За этим столом сидели все те же главари.

Гестаповцам и полицейским было приказано во что бы то ни стало доставить всех последних обитателей гетто, спрятавшихся в “малинах”.

В этот последний день погрома фашисты перешли все границы человеческих представлений о преступлениях. На глазах сходящих с ума, падающих в обморок матерей пьяные немцы и полицейские насиловали девушек, не стесняясь ни друг друга, ни окружающих, вырезывали им кинжалами половые органы, заставляли живые и мертвые тела принимать самые постыдные позы, отрезали носы, груди, уши.

¹ Тростенец (Малый Тростенец) — деревня (с 1987 г. — часть Минска). Место уничтожения евреев из Минского гетто и европейских стран. Здесь погибло от 201 до 250 тысяч человек, преимущественно евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 987. — И. А.

Матери в бешенстве кидались на фашистов и замертво падали с разможенными головами.

Дряхлых стариков убивали ударами резиновых палок по голове или забивали насмерть кожаными плетями. Весь день не прекращались истерические крики, вопли и проклятия; их не могли заглушить десятки гармошек. В три часа дня все было кончено. Через час рихтеровы помощники уехали из гетто.

После прекращения резни гестапо разослало приказ всем предприятиям, где находились во время четырехдневного погрома рабочие-евреи, о возвращении их в гетто.

Вечером рабочие колонны двинулись в гетто. Все они шли медленно, в полном молчании, потупив взоры в землю. Так они подошли к контрольным воротам гетто. Кто встретит их у ворот?

Обычно навстречу рабочим колоннам, возвращавшимся с каторжных работ, к контрольным воротам стекалось все нетрудоспособное население гетто. Матери, жены, старики, отцы, дети, сестры, братья радовались, вновь видя друг друга живыми после четырнадцатичасовой разлуки. Но в этот раз никто не стоял у ворот.

Лишь из контрольной будки быстро выбежал немецкий часовой и крепко, звонко пристукнув каблуками кованых сапог, отдал честь офицеру, шедшему во главе солдат-конвоиров. Офицер дотронулся до козырька и велел солдату открыть контрольные ворота. Колонны вошли в безмолвное гетто. По всем улицам валялись обломки разбитой мебели, обрывки бумаги, книг, осколки посуды. Выпущенные из подушек и перин перья покрывали мостовые и тротуары, разбитую и поломанную домашнюю утварь.

Из разбитых окон виднелись наполовину высунутые, но каким-то чудом удержавшиеся шкафы, буфеты, столы. И всюду, всюду лежали трупы тех, кого жаждали увидеть пришедшие. Они лежали в огромных лужах крови. Немецкий офицер, который шел впереди колонны, видимо, никогда не видевший такого зрелища, вдруг закричал и в истерическом припадке стал биться на окровавленной мостовой. Колонна дрогнула и остановилась. Женщины впали в истерическое состояние, начали тяжело рыдать; мужчины со стенаниями ломали себе руки и рвали волосы. Видел ли мир от сотворения своего картину ужасней этой?

Обезумевшие люди кинулись в свои квартиры, надеясь в “малинах” найти спасшихся родных. Но “малины”, находившиеся в печах, под полом, между стенами, были разворочены гранатами. Там рабочие нашли останки близких, разорванных взрывами. Но большинство пришедших не нашли даже останков близких людей. Они были увезены в душегубках в Тростенец и Тучинку, свалены в заранее заготовленные рвы, ограбленные и раздетые, удушенные в “машинах смерти”.

Даже ужаснейший погром 2 марта бледнеет перед июльским кровавым побоищем¹.

Из 75 тысяч евреев к 1 августа 1942 года осталось всего лишь 8794 человека.

1 2 марта 1942 г. были убиты 5 тысяч евреев Минска, 28–29 июля — около 10 тысяч человек. Из них 6500 составляли евреи из Минского гетто, в основном старики, женщины, дети, остальные — неработоспособные евреи из Вены, Брюнна, Бремена и Берлина. См.: *Уничтожение...* С. 13, 234. — *И. Л.*

В этом погроме погибли и немецкие евреи — три тысячи немецких евреев были отравлены в машинах-душегубках. Им объявили, чтобы они собирались с вещами якобы на работы. На площади перед ними произнес речь Гаттенбах и оберштурмфюрер, а потом их посадили в душегубки и отравили.

Менялись немецкие палачи, ушел Рихтер, его сменил Гаттенбах, затем Фихтель, Менчель. Каждый такой приход и уход стоил новых человеческих жертв.

В январе 1943 года на улице полиция обнаружила два трупа немцев. Страшными репрессиями ответило гестапо на этот акт. 1 февраля 1943 года днем, в 15 часов, в гетто въехали закрытые машины-душегубки. Из них вышли сотрудники гестапо во главе с кровавым оберштурмфюрером Миллером.

Выгоняли людей из домов, на улице хватали людей и сажали их в машины-душегубки. Четырехсот человек не досчиталось гетто утром следующего дня.

Вскоре в гетто прибыли пятьдесят три еврея из Слуцка. Их привезли как “специалистов”. Они рассказывали об ужасах постепенной ликвидации Слуцкого гетто. В своих рассказах они часто упоминали имя Риббе — сотрудника гестапо, отличившегося невообразимой жестокостью.

В первой половине февраля 1943 года на улицах гетто появились два дотеле неизвестных немца. На их одежде были отличительные знаки гестапо. Они остановили женщину, обыскали ее, найденные восемь марок забрали себе и пошли дальше. Навстречу им попала еще одна женщина с четырехлетним сыном. Немцы спросили ее (один из них говорил по-русски — он оказался переводчиком Михельсоном), почему она не работает? Женщина предъявила справку о болезни, но оба они накинулись на нее, избили и потащили с ребенком на кладбище и там расстреляли. Возвращаясь с кладбища, они встретили мальчика лет пятнадцати, в руках у которого было два полена дров. “Откуда дрова?” — “На работе шеф дал”. И мальчика они повели на кладбище и там расстреляли. Вечером, когда рабочие пришли с работы, слуцкие евреи опознали своего палача. “Это Риббе со своим переводчиком Михельсоном, — сказали они. — Раз он здесь, то, значит, начинается полная ликвидация гетто”.

Это действительно был неоднократно награжденный погромщик гауптшарфюрер гестапо Риббе со своим помощником и переводчиком Михельсоном.

С приходом Риббе евреи не знали ни одной минуты передышки. Помощниками его в кровавой расправе с евреями были Михельсон, вновь назначенный полицеймайстер Бунге и его заместитель фельдфебель Шернер.

С раннего утра до поздней ночи в гетто раздавались выстрелы, на каждом шагу падали убитые. Лицо человека не понравилось Риббе — расстрел, одежда была не такая, какую бы хотел видеть Риббе — расстрел, лата была не так пришта, как этого хотел Риббе, — расстрел.

Улицы опустели, люди боялись выходить из своих квартир, но это не спасало. Риббе и его свора врвались в дома. Нашли булочку немецкой выпечки — расстрел, кусочек масла для больного ребенка — расстрел, географическую карту, книжку для чтения — расстрел.

Еврейские дети, гонимые голодом, пробирались за ограду и там нищенствовали, прося корки хлеба. Обычно они вечером собирались у железнодорожного моста и поджидали рабочие колонны, чтобы с ними вернуться

в гетто. В феврале Риббе учинил облаву на детей, — их изловили в “русском районе”, посадили в грузовые машины, повезли на еврейское кладбище и там расстреляли. Когда детей сажали в машину, они кричали: “Дяденьки, не бейте, мы сами влезем в машину”.

19 февраля Риббе, объезжая предприятия, где работали немецкие евреи, обратил внимание на нескольких молодых, красивых девушек и женщин.

Он выбрал первых красавиц гетто — двенадцать немецких евреек и одну русскую еврейку, Лину Ной. Риббе приказал им явиться к 18 часам на биржу труда.

На биржу явились Риббе с Михельсоном. Жертвы, не зная еще своей участи, ждали его. На улице было шумно, рабочие колонны возвращались домой, многие останавливались и ждали: всех интересовало, зачем Риббе вызвал самых красивых девушек и женщин. Риббе отдал приказ: взять под руку женщин и медленным шагом повести их по Сухой улице. Стон пронесся по гетто: по Сухой — значит на кладбище.

Страшная это была процессия: тринадцать юных, прекрасных женщин медленным шагом шли к воротам кладбища. Одна немецкая еврейка попросила разрешения попрощаться с мужем. Риббе разрешил. Его привели на кладбище и на глазах у жены расстреляли. Звери раздели женщин догола, стали издеваться над ними, а потом Риббе с Михельсоном собственноручно расстреляли их. С Лины Ной Риббе снял лифчик и спрятал его в карман. “На память о красивой еврейке”, — сказал он.

В этот же вечер 19 февраля 1943 года в 23 часа в гетто въехала грузовая машина с сотрудниками гестапо. Захватив с собой Эпштейна — предателя, который им постоянно помогал, — они направились к дому № 48 по Обувной улице. Дом был окружен со всех сторон, людей выводили на улицу и строили по четыре в ряд. Крики детей были так пронзительно громки, что заглушили пулеметные очереди. Всех жильцов этого дома, 140, убили. Лишь две женщины, мужчина и маленький мальчик спаслись в эту ночь. Дом немцы опечатали. 20 февраля 1943 года Риббе вывесил приказ о том, что в доме № 48 хранилось оружие, за что все жители дома расстреляны. Все обязаны сдать оружие, говорилось в приказе; кто боится сам приносить его, может подбросить его тайным образом. Приказ предупреждал, что в случае несдачи оружия массовые расстрелы будут применены и впредь. С омерзением и ужасом читали евреи этот приказ, но ни один человек не сдал оружия, хотя оно каждый день поступало в гетто и переотправлялось в партизанские отряды.

Методично, не спеша, ликвидировал Риббе гетто. Под свой контроль он взял рабочие колонны: каждый вечер он с Михельсоном встречал рабочих и обыскивал их. Если у кого-либо из рабочих Риббе находил несколько картофеля, бутылку молока или жиры, “преступника” отводили на кладбище и расстреливали; продукты отвозились на квартиру к Риббе и Михельсону.

Риббе убеждал, что он преследует лишь тех, кто занимается политической деятельностью и причастен к партизанскому движению. В тех случаях, когда Риббе устанавливал, что из колонны исчезал человек, расстреливали всю колонну. Так были уничтожены колонны рабочих спиртзавода, тюрьмы и многие другие. Евреев, работавших в тюрьме, предупреждали, что они не имеют права разглашать виденного в тюремной ограде. Для того,

чтобы изолировать их, не дать возможности общения даже с евреями гетто, их заставляли жить в бараках при тюрьме.

В мае 1943 года, по приказу начальника тюрьмы Гинтера, всех рабочих-евреев выстроили, раздели догола, погрузили в машину, вывезли за город и расстреляли.

— Слишком много знали, — сказал Гинтер.

После этого он явился к Эпштейну в юденрат, чтобы получить новых рабочих. Новую группу людей отвезли в тюрьму. Через три недели и их расстреляли.

Вскоре Риббе отдал приказ доставить на биржу труда всех детей, не имеющих родителей. Повели ребятишек, оборванных и голодных. Туда попали и некоторые дети, еще имевшие родителей. Детей отвезли на машине в тюрьму, а оттуда на расстрел.

Матери после этого убийства боялись оставлять детей дома и брали их с собой на работу, нередко переноса их в мешках. Однажды немец Шернер подошел к машине, стащил с нее шестилетнего малыша, кинул на каменную мостовую, наступил сапогом на шейку, растоптал сапогами и отбросил мертвого, изуродованного ребенка в сторону.

На следующий день Бунге, встречая рабочие колонны, схватил одиннадцатилетнего мальчугана, повел его на кладбище и там расстрелял. Вернувшись к колоннам, Бунге схватил за руку второго мальчика и повел к кладбищу, но не довел его до кладбища, а тут же на Сухой улице расстрелял. Старики и безработные, по мнению Риббе, тоже обременяли гетто. Безработными считались даже те люди, которые не вышли на работу по уважительным причинам, даже имеющие официальное освобождение от работ на два-три дня.

Сто пятьдесят “безработных” и стариков были вывезены в тюрьму и расстреляны. Гетто таяло, с каждым днем уменьшалось количество оставшихся в живых. Оправдалось предсказание слущких евреев, что Риббе прислан в Минск для ликвидации гетто.

Риббе, проводя свою политику, стремился к тому, чтобы сведения о его злодеяниях не выходили за пределы гетто. Но скрыть этого он не мог.

В люфтваффе работал немецкий офицер — инспектор Шульц. Он договорился с евреями, работающими у него, что вывезет их из гетто. Он посадил тридцать семь евреев в грузовую машину, вооружил их пулеметами, наганами, винтовками, захватил с собой радиоприемник и сам уехал вместе с евреями в партизанский отряд. Случай этот совершенно исключительный, и мы считаем нужным упомянуть о нем¹.

После детей, “безработных” и стариков настала смертная очередь врачей.

В конце апреля 1943 года Риббе отдал приказ представить ему списки врачей. Еще через несколько дней поступило новое распоряжение: всем врачам явиться в юденрат. Оттуда их повели в гестапо.

Риббе обратил внимание Эпштейна на то, что среди врачей есть пожилые люди, как доктор Гехман, инвалид доктор Концевая (она прихрамыва-

¹ Капитан люфтваффе Вилли Шульц влюбился в восемнадцатилетнюю узницу Минского гетто, уроженку Франкфурта Ильзу Штайн, которую вместе с двумя сестрами и 23 подпольщиками вывез к партизанам. Затем Ильза и Вилли были доставлены в Москву, где его арестовали. Больше они никогда не виделись. Ильза жила и умерла в Биробиджане. Эта история легла в основу документального фильма “Еврейка и капитан” (ФРГ, 1994). — И. А.

ла), и просил относиться к ним бережно, провести через город, чтобы они не устали и не отставали.

Всех поразила такая забота изверга, поразила и испугала. Риббе предложил врачам явиться в этот же день к 16 часам на еврейскую биржу. Когда врачи пришли, там их уже ждали Риббе и Михельсон. Быстро разбили врачей на группы. Пожилых — Гехмана, Шмоткину, Концевую, врачей по детским болезням Савчик и Лев, большую часть врачей по внутренним болезням, ушников, зубных врачей — отвели в сторону.

Отобранных врачей повели в бункер (арестантское помещение при бирже труда). Как только стемнело, послали за их семьями. Привели Лев-Млынского (историк, научный работник) с двумя детьми, сына врача Шмоткиной, трех детей врача Савчик, всего около ста человек. К пяти часам утра, до ухода рабочих колонн, пришли Бунге и Шернер с отрядом полицейских и повели колонну в тюрьму; там с них сорвали одежду, избили и умертвили.

Двенадцатилетняя дочь врача Савчик, когда обреченных врачей с семьями вели к тюрьме, кричала: «Ничего, мамочка, смело иди, за нашу кровь отомстят».

На очередь стали детский и инвалидный дома. В конце апреля 1943 года в ясную, лунную ночь, в 23 часа к большому двухэтажному дому, в котором жили дети, инвалиды и обслуживающий их персонал, подъехали две машины: легковая и грузовая. Из легковой машины вышли Риббе с Михельсоном и, подойдя к дому, указали на него сидевшим в грузовике и уехали. Дом стоял на Заславской улице, на самой границе с «русским районом». Полицейские перерезали проволоку и окружили дом. Детей и персонал хватили голыми и бросали в кузов машины. Инвалидов, больных и маленьких детей расстреливали на месте. В течение одного часа все было закончено. Грузовая машина с людьми уехала в тюрьму. Детей этих уже больше никто не видел.

Наутро пришли Бунге и Шернер проверить ночную работу и, обнаружив среди трупов, буквально плававших в огромных лужах крови, несколько тяжело раненных женщин, тут же прикончили их.

Рядом с этим большим каменным зданием стояла маленькая хибарка. В ней помещался изолятор детского дома. В нем было тридцать больных детей. Их стали расстреливать, а когда не хватило патронов, Шернер и Бунге закололи детей кинжалами.

[Оставались больницы.]

В мае в больницу пришел Риббе, — он интересовался состоянием больных и просил показать ему палаты. Через два дня, в ясную теплую погоду, ровно в двенадцать часов жители гетто услышали выстрелы в районе больницы для немецких евреев. Все кинулись туда. На больничном дворе стояла большая черная машина-душегубка. Немецкие евреи рассказали, что Миллер, Риббе, Михельсон и еще четыре человека, одетые в гражданскую одежду, с автоматами, скрытыми под плащами, вошли в больницу и детский дом и расстреливали в упор больных и детей. Завершив убийство в этой больнице, бандиты тотчас же перешли в больницу для русских евреев. Больные выпрыгивали из окон второго этажа, несколько человек спаслось. Все остальные больные были расстреляны.

Персоналу больницы приказали убрать трупы, смыть кровь и навести порядок с тем, чтобы к 16 часам больница была восстановлена и го-

това к приему новых больных. Риббе сказал: “Погромов немецкие власти не устраивают, но нам нужны здоровые, а не больные люди”.

После этих ликвидаций Риббе занялся немецкими евреями. “Чем занимаешься, где работаешь, если работа тебе не по силам, дадим более легкую работу, пошлем в лагерь чистить картошку”, — говорил Риббе немецким евреям.

Нашлись наивные люди, поверившие, что Риббе им действительно предоставит легкий труд. Они просили разрешения взять с собой в лагерь членов семьи. Риббе разрешил: “Я не разлучаю близких людей”.

К двум часам дня он, пообедав с вином и водкой, вышел на двор и приказал своим подручным быть готовым к операции. А пока он решил поразвлечься. Риббе вздумалось послушать концерт. В это время прошел мимо скрипач Варшавский, а затем скрипач Минской филармонии Барац. Он проходил мимо гетто немецких евреев и видел, как собираются люди, он понял, что готовится очередной погром.

Неожиданно его остановили. Напрасно уверял Барац, что он не в состоянии после двух лет перерыва играть. Его заставили. Бледный, со слезами на глазах, играл Барац перед своим палачом. Когда концерт был окончен, Риббе отпустил Бараца и пошел с отрядом в гетто немецких евреев. Через десять минут толпу людей с детьми, с узлами и котомками заперли в бункер. Еще через несколько минут подъехала большая закрытая машина, в нее стали грузить людей, повезли в тюрьму. Стояла гробовая тишина. В тюрьме немецких евреев принимали Рихтер и Менчель, они раздевали обреченных, обливали их водой из насосов, издевались над ними, а потом расстреляли. При этой расправе погибли сто семьдесят пять человек.

Несмотря на террор и каждодневные убийства, люди пытались бороться, вырывались из гетто.

Особенно широкий размах принял уход евреев из гетто в апреле-мае 1943 года, когда были организованы в Пуще отряд им. Пархоменко и национальный отряд, командиром которого был назначен товарищ Зорин. Зорин знал о страданиях евреев в гетто, сам перенес их¹. Зорин систематически присылал проводников и брал к себе в отряд всех: стариков, женщин и детей. Этот отряд насчитывал до пятисот человек. Многие евреи-партизаны стали отличными боевиками, подрывали пути, эшелоны с боеприпасами, живой силой, техникой немецкой армии.

Многие погибли при попытке вырваться из гетто. На “ферфлегунгсамт”² работало четырнадцать евреев: сапожники, портные, кузнецы, маляры, среди них коммунист Ури Рецкий со своим приятелем Ильей Дукорским. Рецкий часто говорил своим товарищам по работе, что жизнь свою он дорого отдаст, не будет жить тот гитлеровец, который поднимет руку на него.

Он сделал финский нож, который всегда носил с собой.

Работали эти рабочие на Долгобродской улице, а обедать (то есть пить жидкий суп) ходили за несколько кварталов, на хлебозавод. *Однажды в обе-*

1 Шалом Зорин (1902–1974), до войны работал столяром. Узник Минского гетто. Командир семейного партизанского отряда (“часть 106”, позднее “часть Зорина”, затем “отряд 106”). С 1971 г. жил в Израиле. См. *Энциклопедия...* С. 337. — И. А.

2 Ферфлегунгсамт (нем.) — продовольственное управление. — И. Л.

денный перерыв встретился Рецкий со своим старым знакомым, бывшим заведующим столовой Белгостроя Савичем. Савич отрекомендовал себя патриотом Советской Родины, сказал, что он связан с партизанскими отрядами и с проводниками. За деньги брался добыть большое количество оружия. Через два дня Рецкий договорился встретиться с Савичем, с тем, чтобы Савич дал окончательный ответ об оружии и проводнике. Продумав предложение Савича, Рецкий решил проверить его: Савич произвел на него плохое впечатление. Предатель Савич опередил Рецкого, через два дня он пришел на “ферфлегунгсамт” со своим шефом Ковалевым (местный немец) и целой бандой сотрудников гестапо. Ковалев быстро вошел в мастерскую. Савич стоял и наблюдал за ним. Остальные бандиты окружили дом. Ковалев приступил к обыску. Рецкий все понял. Он переглянулся с Дукорским.

Дукорский прихлопнул дверь, а Рецкий выхватил нож, стал наносить им удары одному бандиту, который стоял, обливаясь кровью. Подбежали остальные. Рецкого и Дукорского расстреляли на месте, остальных пытались задержать.

Рабочие Быховский и Зильберштейн крикнули товарищам: “Живыми в руки не сдаваться, бежать, не плакать, не просить пощады”. Бежали все. Полицейские никого живым не взяли [люди прыгали через заборы и изгороди. На третьем заборе пуля настигла Мишу Белостокского. Среди рабочих был двенадцатилетний мальчик Бляхер, он бежал, но пуля догнала и его.] Ковалева за борьбу с партизанами наградили орденом Железного креста.

Заведующий жилотделом юденрата Соломон Блюмин всем, чем только мог, оказывал помощь партизанскому движению. Когда партийная организация была разгромлена и проводники, приходившие из отрядов гетто, погибли, связь с партизанами сделалась очень затруднительной. Блюмин решил вывезти из гетто оружие и забрать с собой оставшихся в гетто коммунистов. При помощи своей знакомой, некой Соньки, Блюмин связался с шоферами грузовых машин Ивановым и Кузьминовым. Оба они работали в Минске в жилуправлении. Много раз встречался с ними Блюмин, разрабатывая план выезда из гетто и оформления документов. Блюмин хотел вывезти из гетто оружие и забрать с собой оставшихся в гетто коммунистов. Не желая лишних людей знакомить с шоферами, он сам встречался с ними.

Тяжело было Блюмину уйти из гетто: все его любили и знали там.

Рослый и красивый, он запоминался уже своей внешностью. День выезда был назначен на 8 мая. [Приехали машины в гетто, но не те, на которых должен был уехать Блюмин со своими людьми. Приехали душегубки с гестаповцами, с предателем Ивановым.] В шесть часов утра гестаповцы окружили квартал, где жил Блюмин.

Блюмин показался в дверях, и удары прикладами посыпались на него; он упал оглушенный и окровавленный. Его связали и бросили в машину, туда же загнали его семью и жителей дома.

Три недели пробыл Блюмин в гестапо. Три недели, днем и ночью пытали его, требуя выдачи соучастников, связей, оружия. Молча страдал Блюмин, молча терпел он муки, но ни слова, ни звука не сорвалось с его уст. Когда палачи убедились, что они от него ничего не добьются, они среди белого дня отвезли его на кладбище и расстреляли. Труп бросили в яму. С тру-

дом опознали люди своего Блюмина. Был он высоким, плечистым, а привезли его на кладбище худеньким, беззубым. Украли люди труп Блюмина из общей могилы и похоронили его с почетом.

В июне 1943 года пришли из партизанского отряда проводники с требованием медикаментов и врача. Выбор пал на Анну Исааковну Турецкую. Одно время она работала заведующей детским домом. “Наша Нюта”, “наша мамочка”, говорили о ней с гордостью дети и сотрудники. Красивая женщина, умница, она со всеми находила общий язык, в тяжелые минуты умела утешить, вселить бодрость, зажечь надежду там, где, казалось, не могло быть никакой надежды.

Она была счастлива тем, что служит в тяжелые дни своему народу. Четыре раза Турецкая пыталась выйти со своей группой из гетто, и каждый раз ее постигала неудача.

Наконец, в ночь с 16 на 17 июня 1943 года, в 23 часа группа вырвалась за проволоку. В двух километрах от гетто они столкнулись с Шернером, который с отрядом полицейских проверял посты. Проводника убили, Турецкую ранили в ногу, остальные разбежались. Раненая Турецкая отползла и спряталась в яме. Три часа искали ее бандиты. Ее нашли и повели в 5-й полицейский участок, избili и бросили на каменный пол. Истерзанная, истекая кровью, лежала Турецкая. Сутки мучил ее Шернер, спрашивая и по-русски, и по-немецки: куда шла, с кем, чье задание выполняла? Каждое слово его сопровождалось избиениями, удары сыпались на голову Турецкой, Шернер сапогами топтал ее раненую ногу. С трудом собирая мутившийся рассудок, Анна Исааковна отвечала, что ее состояние не дает ей возможности отвечать на вопросы. Шернер понял, что ничего от нее не добьется. Наутро он втащил Турецкую в машину и повез на еврейское кладбище. Ее на носилках понесли к общей яме. Там заговорила Нюта. На вопрос Шернера: “С кем была?” — она ответила: “Весь мой народ шел со мной. Имен я не знаю, ты убьешь меня, но после смерти моей еще сильнее будут ненавидеть тебя. Посмотри на свои руки, они в крови. Сколько детей ты задушил? Я не боюсь тебя, весь советский народ отомстит за нас. Убивай!” Собрав последние силы, приподнялась Нюта Турецкая и спокойно ждала пули.

Выстрелом из нагана Шернер ее убил. И ее тело похитили евреи из общей могилы и похоронили отдельно, украсив могилу травами и полевыми цветами.

Оставшиеся в живых евреи Минского гетто никогда не забудут своей Нюты.

С июня 1943 года началась ликвидация рабочих колонн. Под видом посылки на работы на радиозавод 2 июня немцы собрали семьдесят женщин, двадцать отправили на завод, а пятьдесят в гестапо. Риббе, окруженный гестаповскими офицерами, предупредил женщин, что их погрузят в машины и повезут за город на работы, где будут хорошо кормить. Подъехали машины, и женщины увидели столь знакомую им душегубку. Поняли женщины, что не на работу их везут, а на смерть.

Многих расстреляли на месте, остальных силой погрузили в машину и умертвили. Только одной из пятидесяти женщин — Гиле Копелевич — удалось спастись. Она спряталась между машинами, стоявшими во дворе.

С этого времени началось систематическое избивание рабочих колонн. Риббе обходил фирмы, где работали евреи, и брал рабочих на учет. Одна за другой после посещения Риббе исчезали колонны.

В начале сентября 1943 года в гетто немецких евреев явился Риббе и отобрал триста самых молодых и здоровых мужчин. Их погрузили в машины и увезли. Через несколько дней то же самое повторилось в гетто русских евреев: подъехали две машины, в них посадили мужчин и увезли в лагерь на Широкую, а через несколько дней их увезли и оттуда.

12 сентября немецким евреям было объявлено, что все они должны быть готовы для выезда в Германию: они готовились, спешно собирали свои пожитки, 14 сентября их погрузили в машины-душегубки и увезли на смерть.

К 1 октября 1943 года в гетто оставалось всего две тысячи евреев.

21 октября 1943 года гетто было снова, в последний раз, окружено гестаповцами. Людей всех до единого опять погрузили в машины и вывезли на смерть. В тех случаях, когда в квартирах никого не находили, дома взрывали гранатами, чтобы находящиеся в “малинах” погибли в развалинах.

21 октября 1943 года — последний день великой трагедии. Не стало Минского гетто. Погибли последние обитатели его. В гетто не осталось живого дыхания человека, одни лишь развалины напоминали о страданиях и страшных муках, выпавших на протяжении двух с половиной лет на долю многих десятков тысяч минских евреев.

Материалы — А. Мачиз¹, [М.] Гричаник²,

Л. Глейзер и П. Шапиро

Подготовил к печати ВАС. ГРОССМАН

- ¹ Анна Семеновна Мачиз (1910–1988), родилась в Минске. До войны — следователь республиканской прокуратуры. Подпольщица и партизанка (отряд № 106, отряд им. 25-летия ВЛКСМ и штаб бригады им. Жукова). Закончила войну в должности замначальника особого отдела партизанской бригады. Вела дневники, изданные в Минске в 2011 г. под названием “Анна Мачиз: свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто 1941–1943 гг.” (сост. Л. Цыринский). — *И. А.*
- ² Михаил Мордухович Гричаник — бывший партизан, после освобождения Минска работал секретарем Кагановичского райсовета города. См.: ГА РФ, ф. 8114, оп. 1, д. 940, л. 66, автограф с указанием фамилии автора. — *И. А.*

ПОДПОЛЬНЫЙ БОЕВОЙ ЦЕНТР В МИНСКОМ ГЕТТО

189

Редакция нашла целесообразным наряду со статьей “Минское гетто” поместить выдержки из книги тов. Г. Смоляра “Мстители гетто”. Автор книги — один из активных работников минского подполья. Статья подробно освещает работу большевиков — подпольщиков в гетто, направленную на то, чтобы перебросить наибольшее количество боеспособных людей, оружия, медикаментов и одежды в партизанские отряды.

В августе 1941 года советские люди, коммунисты, оказавшиеся в Минском гетто, созвали первое совещание, чтобы приступить к организации подпольной работы.

На совещание пришло немного людей. Мы все, собравшиеся здесь, доверяли друг другу, так как были связаны годами совместной работы. Яшу Киркаешто мы знали по Белостоку, Мейера Фельдмана — по долголетней подпольной работе в Западной Белоруссии. С Борисом Хаимовичем мы часто встречались в гетто и знали, что он, как и Евсей Шнитман, человек решительный и готов немедленно приняться за работу. Не пришел на совещание Нотке Вайнгауз. Его положение было особенно затруднительным. Его, бывшего редактора детской газеты “Пионер”, знали все — от мала до велика.

Гестапо усердно разыскивало коммунистов, и Нотке было крайне опасно показываться. Мы с ним встречались в “малине” на Ново-Мясницкой улице, на чердаке, у дымохода. Близкие товарищи снабдили его документом, по которому он значился каменщиком. Его мнение о наших ближайших задачах мы знали, и оно было передано совещанию. На совещание не пришли еще два коммуниста: Хаим Александрович, старый и опытный партийный работник, и писатель Гирш Добин. Оба они в это время были на принудительных работах.

Речи на совещании были немногословны. Для нас было ясно главное: Сталинский призыв 3 июля 1941 года обязывает также и нас, невзирая на страшные условия гетто, приняться за работу и борьбу. Мы были едины в стремлении проложить путь, который дал бы максимальному количеству евреев возможность вырваться из гетто и включиться во всенародную борьбу против немцев.

Мы считали необходимым собрать и воспитать широкий актив преданных людей, готовых бороться с немецкими захватчиками.

Совещание решило создать организационный центр из трех человек: Я. Киркаешто, Н. Вайнгауза и Е. Столяревича¹ (секретарь центра). Каждый

¹ Автор этих строк носил в гетто имя Ефима Столяревича.

получил конкретное задание: Нотке Вайнгауз должен был организовать регулярный прием по радио оперативных сводок для дальнейшего распространения их среди населения; Яша Киркаешто — наладить нелегальный аппарат, квартиры (“малины”), пишущую машинку, связь, а Ефим Столяревич должен организовать партгруппы и установить связь с “русским районом”.

Бороться до последнего дыхания — был наш пароль, а в случае провала — живым в руки врага не сдаваться.

Уходя с совещания, мы все были охвачены мыслью о большой ответственности, которую мы взяли на себя.

Почти в то же время по соседству с нами, на Республиканской, 46¹, собралась другая группа коммунистов. На совещании присутствовали старые, испытанные товарищи, знавшие друг друга по работе в свободном советском Минске. Этот кружок коммунистов группировался вокруг Наума Фельдмана. К нему принадлежали: старый печатник Гецл Опенгейм, сапожник Еселевич, Лена Майзелис, Зяма Окунь, Миша Чипчин, Вольф Лосик и другие. Этот кружок имел связи с большой группой евреев-печатников.

На первом совещании этого кружка было решено создать типографию в гетто и выпускать листовки, печатать оперативные сводки с фронтов, призывы сопротивляться гитлеровским извергам.

Изо дня в день комсомолец Миша Ароцкер, печатник Каплан, Лена Майзелис приносили в гетто полные карманы шрифта и других типографских материалов. Они наладили связь с русским товарищем, которого по соображениям конспирации называли “цветная шапочка” (его настоящее имя — Андрей Иванович Подпрыга — впоследствии он ушел в партизаны), и получали от него все, что необходимо для хорошо оборудованной типографии.

Из двух источников до Минского гетто начало доходить правдивое слово, поднимавшее дух, вселявшее веру и надежду. В печной трубе одного из домов на Татарской улице наш радиотехник Абрам Туник устроил радиоприемник (позднее, уже будучи партизаном, он был тяжело ранен в бою с гитлеровскими бандитами). Антенна была вплетена в веревку, на которой развешивают белье.

Нотке Вайнгауз принимал последние известия с фронтов, военные обзоры и передовые статьи “Правды”. Эти материалы мы быстро распространяли не только в гетто, но и среди белорусского населения. В гетто привыкли к регулярной свежей информации, волновались и тосковали, если по каким-либо причинам ее не было.

Сведения передавались из уст в уста и иногда отражали не только объективное положение, но желания и чаяния комментаторов.

Мы приступили также к организации молодежи. В центр вошли Эмма Родова (бывший член бюро Ворошиловского райкома комсомола), Давид Герцик (кличка “Женька”), семнадцатилетний комсомолец, являвшийся в гетто гостем, так как он жил по подложному паспорту в белорусском районе, и Дора Берсон (бывший секретарь комсомольской организации на швейной фабрике “Октябрь”). Эта тройка энергично принялась за рабо-

ту. На улице Флакса (в гетто) пятнадцатилетний комсомолец Нонка Маркевич устроил радиоприемник, и его группа занялась распространением оперативных сводок советского Информбюро. Печатные материалы распространялись главным образом молодежью, все время поддерживавшей связи с белорусскими и русскими товарищами по школе и комсомолу.

Нашей затаенной и страстной целью было: установить боевую, дружескую связь с белорусским и русским населением, а также найти доступ к партизанам.

К одному из наших комсомольцев в гетто пришел его старый знакомый, ученик белорусской театральной студии. Он пришел из партизанского отряда с просьбой изготовить подложный паспорт для командира. То была первая нить связи. Детский писатель Мойше Левин (литературный псевдоним Бер Сарин) отлично справился с этим заданием, и мы смогли снабдить фальшивым паспортом не только пришедшего товарища, но и наших людей, которым часто приходилось выбираться за ограду гетто.

В начале сентября 1941 года в гетто пришел новый посланец от партизанского отряда. Это был еврейский юноша, носивший кличку “Федя”. (Когда мы встретились с ним уже после освобождения Минска, на параде партизан, нам удалось узнать кое-какие подробности его биографии. Его настоящая фамилия — Шедлецкий. В детстве он остался круглым сиротой и воспитывался в одном из минских детских домов. В июле 1941 года он ушел к партизанам.)

Для нас, томившихся в гетто, было большой радостью увидеть еврейского юношу без желтой заплаты, бодрого, боевого. Мы передали командиру отряда письмо, в котором сообщали, что предоставляем в его распоряжение все свои силы. Мы просили, чтобы он помог вывести из гетто боеспособных людей, которые хотят сражаться в рядах партизан.

Мы дали указание собирать в гетто оружие, медикаменты, готовить сапоги, теплую одежду. Мы хотели быть готовыми по первому требованию командира оказать его отряду необходимую помощь.

Гитлеровские владыки гетто все больше зверели; чаще и упорнее каждому из нас заглядывала в глаза смерть, однако мы были исполнены бодрости. Мы верили, что нам удастся стать в ряды народных мстителей.

В гетто каждый день устраивалась охота на людей. Приезжал из концлагеря на Широкой улице дегенерат Городецкий со своей сворой. Они немедленно начинали рыскать, грабить и убивать. В одну из таких облав попал Яша Киркаешто. Он хотел убежать, но его настигла разрывная пуля. Он упал замертво недалеко от квартиры, в которой происходило наше первое совещание. Никто в гетто, казалось, не знал Яшу, а на его похороны собралось много народа. Тихо, без слов, похоронили мы Яшу. На свежей могиле появилась надпись: “Пал в борьбе”.

Место Яши в руководстве нашей организации занял Михель Гебелев.

После смерти Яши местом наших встреч мы избрали инфекционную больницу в гетто. Еще со времени Первой мировой войны нам было известно, какой страх испытывают немцы перед заразными болезнями. Заведовавший больницей доктор Кулик не раздумывал ни минуты: себя и все, что было в его распоряжении, он поставил на службу нашему общему делу. Другого решения от Кулика мы и не ждали.

Котельная больницы сделалась нашей штаб-квартирой. У ворот всегда вела наблюдение скромная и беззаветно преданная Лиза Рис, ей помогала девятилетняя дочурка Рита, которая тоже “умела молчать”.

В ряде пунктов, как в самом гетто, так и вне его, мы имели прочные связи.

В мастерской немецкой полиции мы имели трех доверенных товарищей: Гирша Добина, Авраама Гельмана и Заскина. С их помощью мы заранее узнавали о злодейских актах, которые готовили немцы против жителей гетто, а также против партизан.

...Утром 7 ноября, в день Великой Октябрьской годовщины, гетто было оцеплено гестаповцами и полицейскими, которые стали грузить людей в большие черные автомашины.

В этот день было вывезено из гетто на казнь двенадцать тысяч евреев.

Медленнее обычного наступали вечерние сумерки. В гетто было тихо, как если бы не двенадцать, а все восемьдесят тысяч евреев были вырезаны в этот день. Кругом — никаких признаков жизни, ни огонька, ни шороха.

Но в Минском гетто жили советские люди, они надеялись и верили в победу.

Давид Герцик сообщил нам: на квартире, вне черты гетто (на Абутковской улице), будет ждать русский товарищ, который хочет поговорить о делах, интересующих всех нас.

Сняв с себя желтые заплаты и переодевшись, мы вдвоем с Давидом (“Женькой”) выбрались за ограду гетто.

На минуту нам показалось, что это — товарищеская встреча в доброе старое время. Приветливо и дружелюбно смотрел на нас молодой человек, лет тридцати, назвавший себя Славком. Он был в штатском, но все же было видно, что военную форму он снял совсем недавно.

Молодая женщина в красном берете, сидевшая в комнате, внимательно прислушивалась к нашей беседе. Она заметила, как мы истощены. Через несколько дней она переслала нам в гетто немного продуктов.

В беседе участвовал еще один молодой человек, интересовавшийся главным образом работой нашей молодежи.

Сердечная теплота и братский интерес к нашей жизни глубоко трогали.

Я сказал Славку, что мы хотим вывести наших братьев и сестер из гетто, мы хотим включиться во всенародную борьбу против ненавистного врага. У нас есть прекрасные люди, мы можем раздобыть оружие. Славек выслушал нас молча.

— Мы еще встретимся! — сказал он на прощанье. — “Женька” вас известит.

Дружески пожав друг другу руки, мы расстались.

19 ноября 1941 года были убиты еще пять тысяч евреев. Среди них — наш общий любимец Нотке Вайнгауз. В разграбленных квартирах разрушенного квартала погибли наши радиоприемники.

Неужели нам суждено погибнуть прежде, чем удастся осуществить то, что стало мечтой всей нашей жизни?

Мотя Пруслин, бывший заведующий отделом пропаганды Сталинского райкома партии, которого мы ввели в наш центр на место Нотке, пришел из местечка Узды. Он рассказал нам, между прочим, о молодом человеке,

еврее, который у могилы, на месте массовой казни, набросился на злоде-ев. Многие обреченные, воспользовавшись суматохой, разбежались и таким образом спаслись.

В гетто был брошен призыв:

— Вооружайтесь!

После резни 20 ноября начался невероятный спрос на револьверы, гранаты, патроны, даже на винтовки. За оружие платили деньгами, часами, костюмами. Каменщик Михл Рудинский потратил все свои сбережения и за двенадцать тысяч рублей приобрел винтовку.

Прошло немного времени, и Давид Герцик принес записочку. “По адресу, который будет указан устно, и с паролем, который вам передадут, пришлите вашего делегата на совещание. Славек”.

Мы уполномочили Гебелева, старого минского партийного работника, пойти на это совещание.

С совещания Гебелев вернулся сияющий. Исчезло его мрачное настроение, он стал подвижнее и веселее. На совещании он встретил старых товарищей. Совещание решило создать нелегальную городскую организацию, широкую сеть групп (“десятки”) по всему городу, включая и гетто, и выделить руководящий центр. На тот случай, если бы оказалось, что в городе уже существует такой центр, совещание решило назвать вновь созданный орган “резервным комитетом”. Совещание решило установить связь с партизанскими отрядами, организовать подпольную редакцию и типографию.

Первые три “десятка” в гетто возглавили члены нашей организационной группы.

В одно ноябрьское утро мы расставили усиленную охрану в районе еврейского кладбища. Сквозь заблаговременно перерезанную проволоку в гетто вошел Герцик — “Женька”, а за ним — с желтыми латками на груди и на плечах — Славек. В комнате доктора Кулика состоялось первое совещание организационного центра гетто с представителем общегородского комитета. Мы рассказали о положении в гетто. Времени мало; нужно спасти все, что можно.

Мы определили свои ближайшие задачи: 1) отобрать наиболее боеспособных и морально устойчивых людей и под личную ответственность секретарей “десятков” подготовить их к уходу в ряды партизан; 2) энергично собирать одежду и оружие с таким расчетом, чтобы не меньше половины тех, которые будут посланы в отряды, были снабжены, по крайней мере, личным оружием (револьверами); 3) создать фонд медикаментов и подготовить медицинских работников (в первую очередь военных врачей) для отправки в отряды; 4) ввиду ужасающей нужды, царящей в гетто, создать фонд материальной помощи.

Мы обсудили вопрос о своем отношении к юденрату. Мы согласились с мнением Славека, что необходимо выявить честную, советскую прослойку юденрата, установить с ней связь и использовать ее для нашей работы. Это даст возможность заблаговременно предупреждать еврейское население об опасности и ослабить действие террористических мероприятий немцев. Из контрибуционных сумм и со всех немецких “заказов”, выполняемых в гетто (такие “заказы” поступали ежедневно: на кожевенные товары, на мануфактуру, на меховые изделия и т. д.), большая часть должна переда-

ваться в распоряжение городского комитета для нужд партизанского движения. Мы также взяли на себя оборудование общегородской типографии.

Сознание, что мы больше не одни, что на помощь к нам пришли белорусские товарищи, укрепляло наши силы. Мы теперь были уверены, что устоим в неравной борьбе!

Невзирая на дикий террор, живая нить дружбы между евреями и белорусами не обрывалась.

Из белорусских дворов, расположенных рядом с гетто, выбегали люди и, пользуясь моментом, когда полицейские не могли их видеть, поспешно обменивались несколькими дружескими словами со знакомыми евреями или перебрасывали через колючую проволоку продукты.

Возле ограды гетто по Зеленой улице шагает крестьянин. Как только появляется еврей, он его спрашивает: “Пожалуйста, сходите, узнайте, как там семья Янкеля Слоуща, живы ли они?” Ему сообщают: вся семья погибла. Но крестьянин не уходит. Он подзывает проходящих мимо женщин и детей и говорит: “Погодите минуточку, сейчас приду”. Вскоре он приносит мешок картошки, затем мешок капусты и свеклы и, перебрасывая их через ограду, говорит: “Ешьте на здоровье! Держитесь! Авось, мы его переживем”.

Со стороны Шорной — Абутковой улиц к ограде гетто подъезжает Николай Романович Щасный из Ратомки (возле Минска). Он привозит продукты для ратомского врача — Доры Альперович и для своих земляков — Плискина, Кац, Богданова. Однажды он даже перелез через ограду, чтобы передать особо ценный подарок из рук в руки: он привез Доре Альперович револьвер. Николай Романович Щасный спас шестьдесят еврейских ребят.

Учителя белорусской школы в колхозе “Красный маяк”, Минского района, гитлеровцы заперли в концлагерь на Широкой улице.

Учитель стал в лагере шофером.

На машине, которую он вел, учитель стал вывозить евреев из лагеря.

Так он спас Леву Бейлина, будущего партизана Буденновского отряда, и многих других.

Квартиру Марии Адамовны Ясинской на улице Берсона (недалеко от гестапо) евреи называли “филиалом гетто”. Когда осужденному к смертной казни Исроэлю Голанду удалось бежать из концлагеря на Широкой улице, он скрывался у Марии Адамовны. Когда нашей связной Кларе Железняк надо было прописаться по подложному паспорту, это было проделано в квартире Ясинской. Когда Михелю Гебелеву приходилось оставаться в городе, он ночевал у Марии Адамовны. Впоследствии эта бесстрашная, благородная женщина, вместе с группой евреев, ушла в партизанский отряд.

Многие белорусские женщины жили в гетто, носили желтые заплата и переносили все горести, не желая расставаться со своими родственниками-евреями.

Без братской помощи белорусского населения ни один еврей не остался бы в живых. А в живых остались тысячи!

Наша организация в гетто, вместе с комсомольскими группами и беспартийными товарищами, насчитывала уже на первых порах около трехсот человек. Это были боеспособные, преданные и бесстрашные люди, крепко связанные с широкой массой населения гетто.

Руководители организации разделили между собой работу. Гебелев занимался преимущественно налаживанием связей вне гетто. Мотя Пруслин — организацией пропагандистской работы. Ефим Столяревич руководил “десятками” и отправкой людей в партизанские отряды. На обязанности Наума Фельдмана лежала материальная помощь уходящим в отряды и особо нуждающимся в гетто. Зяма Окунь занялся организацией подпольной типографии.

В исключительно тяжелых условиях гетто успех работы во многом зависел от хорошо налаженной связи. С этой целью мы организовали специальную женскую группу. Все нити были сосредоточены в руках Эммы Родовой. Эта двадцатилетняя девушка, до войны не имевшая никакого представления о подпольной работе, проявила талант и способности прирожденного конспиратора. Она понимала язык приказов и кратких рапортов об исполнении. Переспрашивать Эмму и проверять, поняла ли она приказание, значило оскорбить ее. В таких случаях она, бывало, только взглянет исподлобья и уйдет, иной раз даже не попрощавшись. Исключительно скромная и нетребовательная, когда дело касалось удовлетворения ее личных нужд, она неизменно отвергала всякое предложение о материальной помощи, а мы знали, что Эмма голодает, что она обходится горстью картофельной шелухи в день.

Совсем иная была Нина Лисс. Она не понимала, что такое конспирация. Неисчерпаемая энергия бурлила в этой молодой женщине с небесно-голубыми глазами. Стоило ей приняться за какое-нибудь дело, как вокруг нее становилось невероятно шумно, и все невольно узнавали, чем она занята. Нина не знала, что такое страх и уныние. Ей приходилось заботиться и о старухе-матери, тяжело раненной бандитской пулей в одну из страшных ночей, и о пятилетней дочурке. Нине мы поручали работу вне гетто, а иногда и за городом. Мы ее, как и всех наших связных, снабдили подложным паспортом; лицом она походила на крестьянку и могла свободно передвигаться вне гетто.

Нашим “дипломатическим курьером” была спокойная и деловитая Хся Биндлер. В ее функции входило поддержание связи с работниками юденрата, еврейской охраной порядка, мастерскими гетто и т. д.

“Толстая Клара” (фамилия автору неизвестна) занималась преимущественно хозяйственными вопросами. Часто ей приходилось переносить на себе “запретные” вещи (белые маскировочные халаты, двупалые варежки, патроны и т. п.), и тогда она становилась еще толще, чем на самом деле.

Специальная женская группа находилась в распоряжении Михеля Гебелева для связи с “русским районом”. К этой группе принадлежали: удивительно смелая девушка Аня, Клара Железняк-Горелик, Берта Либо и Слава Гебелева. От этих женщин требовалась особенная способность маскировки, так как нередко им приходилось по несколько раз в день выходить за ограду, попадаться на глаза полицейским.

Хорошо налаженная связь помогала нам вести работу в условиях непрестанного террора.

Все наши “десятки” энергично занимались отбором людей для партизанских отрядов. Ежедневно происходила проверка оружия и медикаментов, добытых “десятками”.

Миркин устроил несколько человек из своего “десятка” на работу в одно немецкое учреждение, из которого они ежедневно приносили полные кар-

маны ружейных патронов. “Десяток” тов. Кагана оказался полностью вооруженным огнестрельным оружием. Люди из “десятки” Наума Брустина имели пятнадцать гранат. Много инициативы проявил молодой журналист Иосиф Миндель, который создал специальный “арсенал” в районе еврейского кладбища.

Рос фонд боеприпасов и в “десятке” Наума Фельдмана. Из немецкого лагеря в Красном Урочище люди его “десятки” выносили оружие, которое они покупали у гитлеровцев и тайком доставляли в хорошо законспирированный склад на Республиканской улице. Товарищи из “десятки” Рольбина в самом гетто на Зеленой улице вырыли из земли шесть винтовок и несколько сот патронов. Они установили непосредственную связь с группой белорусских товарищей на Переспе. Они ежедневно направляли туда свою связистку Лилю Копелевич.

Много инициативы проявила наша молодежь. Комсомольской группе Валика Житльзейфа удалось добыть тридцать винтовок и большое количество патронов. Группа Нонки Маркевича (в нее входили Саня Каплинский, Шолом Грингауз, Яша Лapidус и другие) вышла из гетто и при содействии белорусских школьных товарищей — Вити Рудовича и Коли Прищепчика — в районе Могилевского шоссе вырыла из земли спрятанные там пятьсот сорок патронов, пулеметную ленту, двенадцать ружейных затворов, две гранаты и так далее.

Из оружейного склада немецкой полиции портной Авраам Гельман унес новый автомат, а получить автомат в то время было мечтой каждого партизана. Молодые рабочие Шие (впоследствии он, уже будучи партизаном, героически погиб в бою с гитлеровцами) и Лейбл Шафран на торфозаводе под Минском нашли пулемет “максим”. По частям они доставили его в гетто.

Не остался без ответа и другой наш призыв — накапливать медикаменты. На него прежде всего откликнулись медицинские работники: врачи Кулик, Минкин, Зибцикер, Альперович, Керзон, Лифшиц, медсестры и фармацевты Хинюк, Циля Клебанова, Хаютин и др. Они собирали йод, бинты, разные мази — от обморожения, чесотки, насекомых и т. п. Каждый “десяток” в отдельности создал свой фонд медикаментов, похищая их у гитлеровцев и частично собирая среди населения.

К этому же времени мы наладили такую большую работу по заготовке одежды как для наших товарищей, отправлявшихся в партизанские отряды, так и для самих отрядов.

При юденрате существовали мастерские, изготовлявшие по приказу гитлеровских властей обувь, одежду, белье, теплые шапки. В гетто имелся также мыловаренный завод и хлебопекарня.

Когда мы установили непосредственную связь с группой близких нам людей в юденрате, мы стали фактически хозяевами мастерских. Нередко бывали случаи, когда партизаны, переодетые в немецкую форму, подъезжали на грузовиках к мастерским в гетто и вывозили целые транспорты одежды, обуви, мыла и соли. Наряду с этим наши “десятки” организовали добровольные сборы одежды среди населения.

На чердаке больницы под видом одежды, подлежащей дезинфекции, мы собирали полушубки, ватники, теплые брюки, шапки и т. п.

Партизанские отряды постоянно просили помочь им добыть радиоаппаратуру. Этим делом занялся товарищ Сегальчик, работавший радиотехником в немецком генералкомиссариате. Он стал приносить в гетто радиодетали. Товарищи, работавшие на радиозаводе, также ухитрялись, несмотря на строгую охрану, приносить в гетто радиолампы, аккумуляторы, батареи.

Расширилась также и наша пропагандистская работа. С помощью тов. Туника мы в подземелье на улице Шевченко вновь установили радиоприемник.

Студент юридического факультета Хонон Гусинов был назначен радиостом. Он получил в свое распоряжение пишущую машинку и дважды в день стал принимать материалы советского Информбюро. Время от времени Хонону удавалось принимать также передовую “Правды”; мы пересылали ее вместе с другими важными материалами в городской комитет.

Исключительно важным событием не только в жизни гетто, но и для всех советских людей в Минске было получение нами доклада товарища Сталина о 24-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции. Случилось это так. Группу евреев вели на работу. К колонне осторожно подошел крестьянин. Он передал одному нашему товарищу свернутую бумагу и прошептал: “Возьмите. Авось разберетесь. В поле нашел”.

Это был польский перевод доклада товарища Сталина. Мы перевели доклад и широко распространили его. Многие знали доклад наизусть.

В часы мучительной каторжной работы, запертые в клетках гетто, люди, как счастливую весть, передавали друг другу слова товарища Сталина о том, что гитлеровская Германия должна рухнуть под тяжестью совершенных ею преступлений.

Организацией общегородской типографии занялись “десятки” Зямы Окуня и Наума Фельдмана. Очень скоро была организована доставка в гетто шрифта и подсобных типографских материалов. В “малине” у Зямы Окуня с течением времени скопилось столько шрифта, что его могло хватить на несколько типографий. Обо всем этом мы сообщили товарища Славека, и весь материал через “Женьку” (Герцика) переправили из гетто в город. Комитет потребовал от нас квалифицированного работника для типографии. На эту работу мы выделили Мишу Чипчина — бывшего технического директора типографии имени товарища Сталина, крупнейшей минской типографии. Миша Чипчин расстался со своей семьей, с которой ему больше уже не пришлось увидаться, и ушел в подполье. Типография была устроена по соседству с гетто, в “малине” на Островской улице. Она сразу же начала выпускать воззвания к населению и информационные бюллетени о положении на фронтах.

Когда эти материалы приходили напечатанными в гетто, все были уверены, что их сбрасывают советские летчики, прилетающие с “большой земли”:

Кстати, и позднее, когда нам приходилось издавать нелегальные газеты и листовки в партизанских отрядах, окрестное население было уверено, что все эти материалы приходят “сверху”. Люди удивлялись только тому, как Москва превосходно осведомлена о том, что происходит в каждой деревушке...

Одним из крупнейших событий в Минском подполье был выход первого номера нелегальной газеты “Звезда”, бывшей до войны центральным органом ЦК КП(б) Белоруссии. Газета вышла на двух маленьких страничках. Мы получили большую трибуну. Законна была гордость наших товарищей в гетто, принимавших деятельное участие в создании этой газеты.

Много внимания мы уделяли заботе об остро нуждавшихся товарищах. Голод в гетто усиливался с каждым днем. Люди получали 100 г хлеба и несколько ложек эрзац-супа. Ужасающим было положение тысяч евреев, спасшихся от погромов в окрестных местечках. В гетто все чаще встречались люди, опухшие от голода. В Глухом переулке, по пути к кладбищу, постоянно можно было видеть людей, которые везли на саночках или ручных тележках покойников. Таких похорон в гетто бывало пятнадцать-двадцать в день.

Покойников укладывали рядами в одну большую яму.

Больница в гетто была переполнена. Пришлось занять для больных хирургическое отделение. Особую тревогу всего населения гетто вызвала вспыхнувшая эпидемия тифа, так как немцы предупредили: в случае эпидемии все гетто будет ликвидировано. Мы объявили юденрату: тот, кто осмелится сообщить немцам об эпидемии, будет беспощадно уничтожен как враг народа. Одновременно мы созвали группу наиболее надежных врачей и сказали им: в отчетах, которые они обязаны ежедневно передавать оккупантскому городскому управлению, не должно быть ни одного слова об эпидемии тифа. В диагнозе врач должен проставлять: грипп, воспаление легких, дистрофия и тому подобные “легальные” болезни. Все преданные нашему делу врачи с этим согласились, остальные молчали, зная, что мы способны действовать решительно.

Членом юденрата был известный актер, заслуженный артист Белорусской ССР Зоров. Он поддерживал с нами связь и хотел уйти в партизанский отряд. Мы предложили ему устроить столовую, в которой самые нуждающиеся могли бы получать немного горячей пищи и кусок хлеба. Для организации столовой мы выделили Зяму Окуня, Хасю Биндлер и Розенберга в качестве заведующего (впоследствии он, уже будучи партизаном, погиб). Это были верные люди.

Студенты-медики Г. Соломоник и С. Якубович (оба потом ушли к партизанам) энергично взялись за организацию дезинфекционного пункта. Врачи и медицинские сестры самоотверженно работали, стремясь приостановить эпидемию.

Значительная группа наших подпольных работников терпела ужасающую нужду.

Мы обязали всех работающих “специалистов” самообложиться в пользу нуждающихся товарищей. В результате образовался фонд, давший нам возможность оказывать помощь многим товарищам и их семьям. В этом деле выдающуюся помощь оказали гг. Рувим Гейблом, Гириш Добин, Аврам Гельман, Заскин, Нохим Гольдзак, Авром Шляхтович, Рива Норман и другие.

Однажды в больницу лег тяжело больной, назвавшийся Гусаковым. Когда медицинская сестра посмотрела на больного, ей показалось, что он похож на одного из ее близких знакомых. Она тихо окликнула его: “Давид”. Больной вздрогнул и едва слышно попросил: “Молчи”. Это оказался из-

вестный комсомольский работник, бывший член ЦК комсомола Белоруссии, Давид Ратнер. Он рассказал обычную для того времени историю: он попал в окружение, был в плену. Когда его вели через железнодорожный мост в Минск, он напрог последние силы и бежал. Двенадцать суток он ничего не ел. Сейчас он умирал. Мы организовали помощь Ратнеру-Гусакову. Но было уже слишком поздно. Он скончался у нас на глазах.

Деятельную помощь организовали мы также известному в Белоруссии композитору Крошнеру¹. Но и ему не суждено было подняться со смертного одра. Гитлеровцы пристрелили его в больнице.

В одно зимнее утро к нам в гетто явилась группа товарищей — русских и белорусов. Даже слепой мог бы узнать, что это “лесные братья”. Им требовалась неотложная медицинская помощь. Личная комната д-ра Кулика в больнице тотчас была превращена в амбулаторию; здесь была оказана неотложная помощь тем, которые могли держаться на ногах или нуждались в несложных хирургических операциях. Хуже обстояло дело с тяжело ранеными и больными, которых надо было положить в больницу. Однако мы уладили и это дело. Через наших людей в юденрате Эмма Родова получила подписанные бланки документов, имевшие хождение в гетто. Этим товарищам была оказана самая широкая квалифицированная медицинская и материальная помощь. Созданный нами денежный фонд был поэтому крайне необходим.

Развивая многостороннюю подпольную работу в гетто, мы не забывали своей основной задачи: вывести боеспособных людей в лес — в партизанские отряды. Мы добились через городской комитет, чтобы к белорусским группам, которые систематически уходили из города в партизанские отряды, присоединялись группы из гетто. Из гетто еженедельно отправлялись люди, которые на явочном пункте (расположенном на Сторожовском рынке) встречались с проводниками партизанских баз.

Городской комитет связал нас также с подпольной организацией железнодорожников, во главе которой стоял товарищ Кузнецов (впоследствии — комиссар партизанской бригады имени Воронянского). Железнодорожники прятали наших людей на тендерах, на паровозах и довозили их до станций, расположенных вблизи партизанских баз. Так из Минского гетто было переправлено в партизанские отряды свыше пятисот человек. Все уходящие были связаны торжественным обещанием: в отряде показывать пример отваги, мужества, боеспособности; постоянно помнить об оставшихся в гетто и приложить все усилия к быстрейшему выводу наибольшего количества людей в лес, к партизанам, на борьбу.

Тучи над нашей головой сгущались. Был арестован председатель юденрата Мушкин; это было большой утратой для населения гетто.

Почти одновременно мы получили известие, что арестован “Женька” (Давид Герцик). В письме из тюрьмы он сообщил, что в гестапо его жестоко пытали, но он никого не выдал. “Продолжайте работу, дорогие товарищи, и будьте спокойны, — писал этот скромный семнадцатилетний юноша, — враги от меня ничего не узнают”. Его замучили в гестапо.

¹ Михаил Ефимович Крошнер (1900–1942), композитор, автор первого белорусского балета “Соловей”. — И. А.

Гестапо потребовало, чтобы к десяти часам утра 2 марта было собрано пять тысяч евреев якобы для отправки на работу. Гестапо предупредило, что в это число не должны входить те, кто уже работает на немецких предприятиях. На притворно наивный вопрос члена юденрата Дольского, можно ли в эти пять тысяч включить стариков и детей, гестаповцы ответили: “Это безразлично”.

Для нас стало ясно, что речь идет об очередном истреблении населения гетто.

О грозящей опасности мы немедленно предупредили через членов нашей организации население гетто. Начальнику стражи¹ гетто Зяме Серебрянскому мы приказали отобрать наиболее надежных из стражи и поручить им своевременно сигнализировать о приходе погромщиков. Мы рекомендовали в день 2 марта как можно большему числу людей выбраться из гетто — на работу, к знакомым белорусам.

В мастерских юденрата была приготовлена “малина” на сто человек с выходом в город. В развалинах на Мясницкой улице были также приготовлены укрытия.

В кровавый день 2 марта 1942 года после ухода рабочих колонн явились представители гестапо и потребовали “свои” пять тысяч евреев, так как “поезд уже готов к отправлению”. Гестаповские бандиты рассыпались по всему гетто, беспрестанно стреляя из револьверов и автоматов. Они точно коршуны налетели на ребяташек из детского дома и жестоко избили их. Затем они построили специальную детскую колонну во главе с заведующей детдомом Флейшнер и врачом Чернис, которые держали на руках самых маленьких. Так их всех повели на казнь.

Неподалеку от юденрата, на Ратомской, 35, немцы кидали детей живьем в яму и засыпали их песком. Вскоре приехал обер-палач Белоруссии Кубе². Этот садист бросал конфеты детям, которых живыми зарывали в могилу.

Темнело. Возвратившихся рабочих по распоряжению Кубе не впускали в гетто. У ворот на Шорной улице им приказали лечь на снег. Началась страшная экзекуция. Здесь мы потом нашли убитыми комсомольцев Давида Плоткина и Хаю Ботвинник.

Мойше Левин (“Бер Сарин”) работал маляром в Минской тюрьме. Он был старшиной колонны.

Мы решили отправить его в большое партизанское соединение, так как помимо того, что он был писателем и художником, он имел хорошую военную подготовку — был отличным топографом. 2 марта начальник тюрьмы выделил Левина из общей колонны, чтобы спасти его, так как Левин был ему нужен как квалифицированный рабочий. Но Левин заступился за всю колонну и погиб вместе со всеми.

После страшного побоища 2 марта стало ясно: наступают последние сроки.

Отправка в отряды после 2 марта шла еще интенсивней, чем раньше. В бригаду “дяди Васи” была отправлена вооруженная группа товарища Ка-

1 Полиции. — И. А.

2 Вильгельм Кубе (1887–1943) — в 1941–1943 гг. генерал-комиссар (руководитель оккупационной администрации) округа Белоруссия (Белорутения). 2 сентября 1943 г. убит подпольщиками в Минске. — И. А.

гана. Вторую группу во главе с нашими активными работниками — Мотей Пруслиным, Хаимом Александровичем, Мейером Фельдманом, Леной Майзелис, Гиршем Добиным и другими — мы послали со специальным заданием создать новый партизанский отряд. Третью группу во главе с Наумом Фельдманом, Гецелем Опенгеймом и В. Кравчинским мы отправили по другому направлению и, не дожидаясь от них известий, послали им вслед еще одну группу. В пути не обошлось без жертв. От вражеской пули погибли товарищи Сукеник, Ароцкер, Песин, один из первых стахановцев БССР — Гирш Скобло. Он отморозил себе ноги и был лишен возможности передвигаться, а тут нагрянула облава гестаповцев.

Мы послали комсомольцев Соню Левину и Витю Фельдмана в район Старосельского леса, чтобы установить связь с партизанами. По согласованию с городским комитетом мы решили приступить к организации собственных баз для партизан-евреев, чтобы иметь возможность вывести больше людей из гетто.

В лес, расположенный недалеко от Минска, мы послали сорок человек, вооруженных гранатами, винтовками и револьверами. Однако связи с каким-либо партизанским отрядом им установить не удалось, и мы приказали товарищам вернуться в гетто. Некоторые отказались вернуться. Товарищ Миша Юфа, бывший сотрудник Минского политехнического института, отобрал группу вооруженных людей и пустился с ними в путь — искать отряд.

На обратном пути группу преследовали гитлеровцы-велосипедисты. В столкновении с ними погиб журналист Иосиф Миндель, один из наших активистов, доставивших в гетто много оружия.

Однако и этот, и другие провалы не ослабили наших усилий. Каждая группа, отправляемая в лес, проверялась нашим руководством. Сборным пунктом для тех, кто направлялся в отряды, стала столовая юденрата. Каждый вечер, когда колонны возвращались с работы, намеченные к отправке кандидаты собирались в столовой. Мы беседовали с каждым товарищем в отдельности, проверяли оружие и на прощание предупреждали: “Смерть подстерегает вас на каждом шагу; но лучше пасть в борьбе, чем быть задушенным, как крыса, в позорном гетто!”

Группа “метисов”¹ (З. Нарусевич, Д. Баран и др.), не меченные желтыми заплатами, носили белые нарукавные повязки колонновожатых и по нашему заданию изо дня в день сопровождали группы людей, уходивших из гетто в леса. Наша мастерская подложных документов, благодаря рабочим типографии — Каплану, Прессману, Рапопорту и др., — была обеспечена печатями и бланками различных немецких военных учреждений. Каждую уходящую из гетто группу мы могли поэтому снабдить документом, удостоверяющими, что она направляется на заготовку дров либо на рытье торфа за городом.

При отправке людей в отряды большую помощь оказывали наши люди в юденрате. Пекарня обеспечивала уходивших двухдневным хлеб-

¹ Группе молодежи удалось сфабриковать себе документы, свидетельствующие о том, что они не “чистокровные евреи”, а происходят от отца-белоруса и матери-еврейки. Их называли “метисами”, они имели право не носить желтой заплаты и жить вне гетто. — И. Л.

ным пайком. Это было немало для гетто! Мастерские снабжали ватной одеждой, теплыми шапками и валенками. Комсомолка Сима Шварц организовала большую группу женщин, которые шили белье, ремонтировали одежду, вязали двупалые варежки, носки и пр. Другая группа, организованная Рохл Кублиной и Цилей Ботвинник, собирала теплое белье, чинила одежду и т. п. Тесная каморка работницы Иды Алер была превращена в тайную швейную мастерскую, в которой шили маскировочные халаты. Молодые девушки собирали по домам простыни. Никто не спрашивал, зачем и для кого это нужно, но все давали охотно со словами благословения на устах.

Торг у ограды гетто (ежедневно кончавшийся расстрелами) принимал все более широкие размеры. Покупали оружие — “новый советский паспорт”, как называли его в гетто. Люди отдавали последнее, все, что у них осталось, за револьвер, гранату, за несколько ружейных патронов.

На одно из заседаний подпольного центра в гетто мы вызвали Исроэля Лapidуса и поручили ему отобрать людей, вывести их из гетто в лес и организовать новую базу массовой переправки из гетто.

Михель Гебелев установил связь с надежным человеком, работавшим в отделе просвещения немецкого городского управления. Он обещал устроить еврейских детей в белорусские детские дома¹.

Для этой цели были организованы две женские группы: одна в гетто — для переправки детей, другая — вне гетто, из белорусских женщин, для приема наших детей и передачи их в условленное место.

Каждое утро, еще до того, как колонны уходили на работу, у границы гетто стояли наготове Рива Норман, Геня Пастернак, Гиша Сукеник и другие. Они терпеливо ждали сигнала. Там, за границей гетто, жила белорусская семья Вороновых. Они все самоотверженно боролись против немцев. Отец работал в нелегальной типографии, сын занимался пересылкой людей и оружия в партизанские отряды. Жена сына носила передачу арестованным товарищам и прятала людей, которым грозила опасность. Каждое утро она стояла на посту и подавала еврейским товарищам сигналы: спокойно ли на улице, можно ли переправлять детей. У нее в доме собирались белорусские товарищи — Мария Ивановская, Татьяна Герасименко, Леля Ревинская (это женщина в красном берете, которую мы видели в день нашей первой встречи со Славком) и другие.

Устройством детей занимались также Ася Пруслина, Лена Гинзбург, Геня Султан. Уже в первые несколько недель им удалось вывести из Минского гетто свыше семидесяти еврейских детей.

Вскоре после кровавой “акции” 2 марта в городе начались массовые аресты. К нам явились несколько белорусских товарищей из подпольной организации с просьбой, чтобы мы их временно спрятали в гетто. Мы располагали несколькими надежными “малинами”, испытанными при различных облавах и во время резни 2 марта. От одного из товарищей, которого мы

¹ Речь идет о Василии Семеновиче Орлове (1890–1955). Он закончил Минский институт народного хозяйства, защитил диссертацию. Во время оккупации Минска работал инспектором-методистом детских учреждений в отделе детских учреждений городского комиссариата. После освобождения Минска был арестован, освобожден по ходатайству бывших узников гетто. В 2004 г. удостоен почетного звания “Праведник народов мира”. — И. А.

спрятали в погребе под квартирой известного скульптора Бразера, мы узнали: арестованы почти все члены подпольного военного совета. Мы получили от Славка очень тревожную записку: враг добрался до нашей организации, провалился почти весь военный совет — человек тридцать. Провалились люди, пришедшие в город по поручению партизанских отрядов. Славек решил покинуть город, уйти в отряд и оттуда поддерживать с нами связь. “Продолжайте свою работу, дорогие товарищи из гетто, — заканчивал Славек свое письмо. — А если погибнем, Красная Армия за нас отомстит!”

Много времени спустя мы узнали, что Славек вместе с Ревинской направился на квартиру, где ждал его связной из партизанского отряда, но по дороге их обоих арестовали агенты гестапо.

Вскоре мы получили новое известие: гестаповцы оцепили квартиру Вольфа Лосика. Это был для нас новый страшный удар. Лосик все время занимался доставкой оружия в гетто. Он руководил группой товарищей, работавших на немецком военном складе в Красном Урочище. За несколько часов до прибытия гестаповцев на квартиру Лосика был доставлен транспорт гранат. Мы немедленно предупредили всех товарищей, занимавшихся доставкой оружия и связанных с Лосиком. Нам удалось даже вырвать из вражеских рук жену и детей Лосика. Гестаповцы искали, рыскали, перевернули все вверх дном, но ничего не нашли. Оказалось, что гранаты до того были уже запрятаны в надежной “малине”, и гитлеровцам не удалось их обнаружить.

Гестаповцы оцепили квартиру Нонки Маркевича (по Зеленой ул.): они нашли там несколько сот ружейных патронов и радиоприемник. Со связанными на спине руками гестаповцы вели Маркевича, его мать и десятилетнего братишку Хаима. Страшные удары сыпались на голову пятнадцатилетнего комсомольца.

Когда Маркевича привели к юденрату, он громко крикнул: “Меня вы убьете, но останутся мои товарищи, — они отомстят!”

31 марта 1942 года, в одиннадцать часов ночи гетто проснулось от пулеметной стрельбы.

Утром мы увидели знакомую ужасную картину: стража гетто, немецкие евреи и случайные прохожие переносили тела убитых на еврейское кладбище.

Оказалось, что ночью гестаповцы оцепили двор по Коллекторной, 18, где жила Нина Лисс. С криком: “Нинка, открой!” — гестаповцы начали взламывать плотно заколоченную дверь. Жители дома были выведены во двор в одном белье.

После диких издевательств над обреченными гестаповцы всех перестреляли. Спаслась только наша связная “Толстая Клара”. Она спряталась среди убитых (впоследствии она погибла по пути в партизанский отряд).

От Г. Рудицера мы узнали, что в ту же ночь гестаповцы пришли к Тульскому и к З. Серебрянскому, арестовали их и вместе с ними пошли по гетто разыскивать Михеля Гебелева, Зяму Окуня, Ефима Столяревича и Наума Фельдмана.

Во время краткого свидания с Гебелевым и Зямой Окунем мы решили: все разыскиваемые должны немедленно скрыться.

Михель Гебелев и Наум Фельдман укрылись в испытанной “малине” на Замковой улице. Туда же пытался пробраться и Зяма Окунь, но по дороге попал в руки гестапо. Ефима Столяревича, с помощью д-ра Кулика, на носилках перенесли в больницу и положили в отделение для заразных больных. Ночью 2 апреля страшная экзекуция произошла на Коллекторной ул. в доме 20, где жил секретарь “десятка” Наум Брустин. Он погиб вместе со всеми жильцами дома, среди которых многие должны были через день уйти в партизанские отряды. Затем наступили страшные ночи на Крымской ул., на Танковой, Абутковой, Ратомской и др.

7 мая 1942 года на площадях и скверах Минска были построены виселицы. На них покачивались тела руководителей Минского подпольного военного совета. Был казнен горячий патриот советской Родины, друг населения Минского гетто товарищ Славек. Были казнены наши товарищи — Екельчик (член городского комитета), Зяма Окунь, Зяма Серебрянский.

Через некоторое время на квартире по Торговой улице собрались товарищи, чтобы обсудить вопрос о возобновлении боевой деятельности. На совещание пришли работники прежнего городского комитета, уцелевшие после расстрелов. Как выяснилось на этом совещании, связи с партизанскими отрядами были потеряны. Надо было начинать сызнова, но начинать так, чтобы не повторять прежних ошибок, повлекших за собой провал и аресты. Мы предложили три основных мероприятия: 1) вся боевая работа по созданию новых партизанских отрядов и связь с существующими должна быть сосредоточена в руках комитета; 2) перестраивается организационная структура — вместо “десятков” создаются группы на предприятиях и фабриках; 3) район гетто должен быть признан самостоятельной организационной единицей ввиду особых условий, в которых находится еврейское население. Мы рассчитывали продолжать свою работу по организации баз для вывода из гетто боеспособных людей.

Работа развернулась усиленным темпом. Хотя Михель Гебелев считался работником района гетто, он фактически стал одним из руководителей общегородской организации. Он не знал покоя и пренебрегал опасностью, которая поджидала его на каждом шагу. Он организовал отправку советских военнопленных в партизанские отряды. Женщины в гетто собирали одежду, необходимую для переодевания военнопленных. Наше “паспортное бюро” снабжало их “безукоризненными” документами. Работа разрасталась с каждым днем, вместе с ней возрастала неосторожность. И снова это привело к чувствительному удару.

На Замковой ул., в хорошо замаскированном подземелье, находилась штаб-квартира наших комсомольцев. Руководил комсомольцами неутомимый, но малоопытный Валик Житльзейф. Юноши заготавливали оружие, продовольствие и все необходимое для отправки в партизанский лес. Но гестапо напало на след комсомольцев, и “малина” была оцеплена. Гестаповцы предложили нашим юным товарищам (их было двенадцать человек) сдать. Начался бой. Все двенадцать человек были вооружены гранатами, кроме того в подземелье было четыре винтовки, два ящика патронов, два радиоприемника и немного продовольствия. Неравный бой длился долго. Никто из комсомольцев не сдался, и все, за исключением одного, погибли. Остался в живых, хотя и с семью ранениями, Зяма, который как раз

в то время пришел связным из отряда Лapidуса¹, чтобы забрать всю группу в лес. Мы его положили в больницу.

Там его вылечили. Затем он был отослан в отряд Фельдмана, но по дороге погиб.

Почти в это же время гестаповцы накрыли наш радиоприемник. Не заходя в подzemелье, они забросали гранатами весь дом. На боевом посту погиб преданный делу, дисциплинированный и отважный Хонон Гусинов. Так мы вторично потеряли возможность широко и систематически информировать население гетто о событиях на фронтах и о жизни на “Большой земле”.

Наряду с работой по регулярной отправке людей в отряды перед нами во весь рост встал вопрос об организации борьбы на месте — о диверсионной работе на фабриках и предприятиях.

На так называемой “еврейской бирже труда” мы имели своих людей — Мирру Стронгину и Розу Альтман. С их помощью нам удавалось посылать наших товарищей работать на те предприятия, где мы предполагали организовать диверсии.

Лена Майзелис, Надя Шуссер, Фаня Гурвич, Соня Тейшова, Фаня Чипчин, Эстер Кривошеина, Дора Берсон, Лена Певзнер, Геня Юдовина, Сарра Юдовина работали на бывшем заводе “Большевик”. Наши товарищи занимались систематической порчей материала — главным образом кожаного. Ежедневно они выносили из завода теплое белье, рукавицы, чулки — все, что было необходимо партизанам.

Независимо от этой женской группы на этом же заводе работала мужская группа под руководством Давида Лернера. Эта группа мужчин занималась более “грубой” работой: они вынесли с завода и передали партизанам несколько полевых телефонов со всем оборудованием; сыпали песок и молотое стекло в машины; портили целые партии готовой продукции, подлежащей отправке на фронт. Наша лаборатория в гетто снабжала их специальной жидкостью, разъедавшей кожу и мануфактуру.

Несколько диверсионных групп было нами организовано на бывшей фабрике “Октябрь”. К этим группам принадлежали сапожники Зильберштейн, Шапиро, Нотерман, Н. Луфт, портные Миша Гричаник, Р. Сукеник, маляр Иосиф Тишльман со своим шестнадцатилетним сыном, С. Пейсахович и др. Перед этими группами мы поставили задачу; как можно дольше затягивать сроки исполнения заказов, портить сырье и готовые материалы. Помимо того, все они выносили сапоги, подошву, мундиры, которыми снабжали товарищей, уходивших в лес.

Благодаря диверсионной работе наших людей электрооборудование фабрики систематически портилось. В этой работе принимала деятельное участие группа белорусских товарищей во главе с секретарем подпольного Сталинского райкома тов. “Николаем” (Герасименко). На той же фабрике работала группа под руководством Хаима Гравеца, которая систематически выносила оружие.

¹ Израиль Абрамович Лapidус. До войны — секретарь Руденского райкома партии, командир одного из первых еврейских партизанских отрядов, впоследствии — Второй Минской бригады им. Кутузова. — И. А.

Специальная группа работала в немецкой системе полевой связи. Руководил этой группой Рувим Гейблум (впоследствии, уже будучи партизаном, погиб в бою). С его помощью мы получили точно разработанные планы сетей связи на линиях Барановичи — Минск — Смоленск и Вильно — Минск — Смоленск. Эта группа передала нам также ряд важных материалов, касавшихся немецкой системы минирования в Минске. Эти материалы мы, в свою очередь, передали городскому комитету, который признал их в высшей степени ценными.

Одновременно мы усилили работу по освобождению советских военнопленных. Помимо одежды и документов, мы снабжали их связями и явками.

Во время подготовки к отправке большой группы военнопленных в партизанский отряд им. Буденного в лапы врага попал Михель Гебелев. Это был жестокий удар не только для нас, работавших в гетто, но и для всей городской подпольной организации.

После мартовского провала Гебелев был одним из главных организаторов подпольной работы в Минске. Михель Гебелев работал без устали. Среда бела дня, когда улицы кишмя кишели гитлеровскими ищейками, и после полуночи, когда каждый шорох отдавался эхом в полумертвом городе, Гебелев пробирался из гетто в город и обратно.

Полиция задержала Михеля на границе гетто.

Погиб один из самых героических сынов Минского гетто. Всю свою жизнь без остатка он отдал борьбе за освобождение родной земли от гитлеровского ярма, за освобождение своих братьев и сестер.

Но борьба продолжалась, еще более упорная и настойчивая. Тысячи людей вырвались из смертных тисков Минского гетто, дисциплинированно встали в ряды партизан и сражались в великой армии народных мстителей. Мы выслали связных из гетто с заданием найти еще более широкие возможности для отправки евреев в партизанские отряды. Приказом штаба партизанского отряда им. Фрунзе (в Койдановских лесах Минской области) группы евреев, прибывшие из Минского гетто, организовали два новых отряда — им. Дзержинского и им. Сергея Лазо. В эти отряды пошел поток людей из гетто.

Люди из Минского гетто не только чувствовали — они знали наверное: приближается день окончательной расправы гитлеровцев с еврейским населением. Уход из гетто в леса принимал с каждым днем все более массовый характер. Уходили женщины и дети, уходили старики, часто без проводников, не зная дороги, в партизанские леса.

В лесу, около деревни Вертники (недалеко от места расположения отряда им. Буденного), собралось около пятисот евреев. При помощи командования отряда им. Буденного часть людей была вооружена. Они стали основой еврейского партизанского отряда им. Пархоменко. Остальные, под командованием минского рабочего Шолома Зорина, отправились в Налибокскую пуцу, где создавался еврейский отряд № 106.

На помощь оставшимся в гетто пришло также командование отряда им. Кутузова (командир тов. Голицев). Связные этого отряда неоднократно приходили в гетто и выводили оттуда людей.

Когда партизанские связные, в последние дни октября 1943 года, приблизились к району гетто, они по дороге узнали, что на этот раз им придет-

ся вернуться в отряд с невыполненным заданием: не было больше Минского гетто. Последние евреи были истреблены фашистами.

На эту весть партизаны — выходцы из гетто — ответили боевой клятвой: еще больше усилить борьбу против гитлеровских людоедов, за полное освобождение Советской земли от фашистской нечисти.

207

Подпольный
боевой центр
в Минском гетто

Автор — Г. СМОЛЯР

В воскресенье 16 июля¹ 1944 года в Минске был митинг по поводу освобождения города и грандиозный парад партизан, в котором принимал участие еврейский партизанский отряд под командой минского плотника Шолома Зорина.

В этом отряде было свыше шестисот пятидесяти человек, бежавших в разное время из гетто Минского, Борисовского, Любаньского и Червенского. Сто пятьдесят из них — мужчины и девушки — участвовали в боевых операциях. Остальные — женщины, дети и старики — жили в партизанском тылу, работали в сапожных, швейных и других мастерских для обслуживания партизан всего района.

В первых рядах отряда шли три молодые девушки в мужских брюках и сапогах, в немецких куртках и с немецкими автоматами.

Вот что рассказали они о себе.

Двадцатилетняя Соня Кац из Минска вместе со своими родителями была выслена в гетто. Отца ее расстреляли в первые же дни. 11 августа 1941 года в гетто прибежал мальчик из местечка Койданова и рассказал, что все евреи местечка расстреляны и брошены в ямы, причем многих зарыли живыми. Часа три шевелилась могильная земля, потому что погребенные пытались вылезти из могил. Среди них была Сонина сестра Геня с тремя девочками — Галей, Симой и Бертой. Узнав о гибели дочери и внучек, Сонина мать тут же скончалась. Соня осталась одна. Во время массового избиения евреев в Минске в ноябрьские дни 1941 года Соне, вместе с двадцатью другими девушками, удалось спрятаться в погребе разрушенного дома на Зеленой улице и потом бежать из города.

По дороге они наткнулись на немецкую засаду, и только семь из них добрались до партизан. Соня была среди спасшихся.

На ее счету три взорванных моста, два пущенных под откос эшелона и десятки убитых немцев.

“Я не могу жить иначе, — говорит Соня. — Я теперь иду в Красную Армию. Я не могу жить, не отомстив палачам”.

Отца Эммы Шепсенвол немцы расстреляли в первые дни, — она осталась с матерью и маленькими братом и сестрой. Когда Эмма пошла на рынок — сменять вещи на хлеб, — ее поймали и привели в полицию. Перед зданием выстроились в две шеренги, лицом друг к другу, шестьдесят пьяных полицейских. Эмму провели через строй, избили плетьюми. У дверей она упала. Ее сочли мертвой, а ночью она очнулась и добралась до дому. Во время вто-

¹ Минск был освобожден 3 июля 1944 г. — И. Л.

рого погрома, в 1942 году, Эмма была у подруги, в соседнем с гетто районе, и поэтому осталась жива, но мать ее, брата и сестру убили. Эмма решила бежать. Ей удалось добраться до деревни Старое Село, в десяти километрах от Минска, где она нашла партизан. Они направили ее в еврейский отряд.

Аня Каплан во время первого погрома в ноябре 1941 года спряталась на чердаке полуразрушенного дома. Она слышала, как внизу бушевали, ломая мебель, пьяные эсэсовцы. Отца ее расстреляли. Не ожидая следующего погрома, она убежала из гетто к партизанам вместе с матерью и двумя сестричками. В отряде она все время была разведчицей.

Сообщение Семена Банка¹

Подготовил к печати ВАС. ГРОССМАН

¹ В рукописном оригинале сообщения (ГА РФ, ф. 8114, оп. 1, д. 941, лл. 65–69) указано, что автор — корреспондент ТАСС. Карандашные пометки свидетельствуют, что материал отдан на обработку М. А. Шкапской, а в конце указано, что очерк отредактирован Василием Гроссманом (л. 70). — И. А.

[Мне уже под семьдесят]. К нашему местечку Плещеницы (Минской области)¹ немцы подошли 27 июня 1941 года. При первых выстрелах мы, старики, ушли в рощу в пяти километрах от местечка и вернулись, когда кончился бой.

Местечко было наполовину сожжено, но мой домишко уцелел. Мы с женой тихонько пробрались к себе, плотно закрыли наружную дверь, закрепили окна; издали еще доносились выстрелы. Ужас охватил нас, когда их не стало слышно: мы были уже по другую сторону фронта.

Приехавший в Плещеницы временный немецкий комендант опубликовал приказ, в котором говорилось, что евреи должны подчиняться особым правилам: жить обособленно в гетто, носить на груди и на спине желтые опознавательные знаки — это было обязательно даже для детей. Ходить по тротуару евреям запрещалось. Население не только не имело права торговать с евреями, но даже вступать с ними в беседу, здороваться или отвечать на приветствия. Все тяжелые работы должны были выполняться евреями без оплаты.

В первые же дни было убито несколько человек, [евреев и христиан], которые при советской власти занимали ответственные должности.

Через несколько дней мы узнали, что в местечке Зембин, километрах в двух от нас, евреев заставили вырыть большую яму. Когда она была готова, всех евреев Зембина выгнали на базар якобы для регистрации, погнали к яме и там расстреляли. Некоторые из брошенных в яму еще дышали. Детей вообще не расстреливали, а бросали в яму живыми. Когда яму засыпали, земля еще долго поднималась и колыхалась над недобитыми людьми. Так рассказывали те, кого заставили засыпать яму².

Только десяти евреям удалось бежать. Один из них через две недели пришел к нам.

Нам казалось невыносимым такое злодеяние. Хотелось думать, что это случайность. Может быть, в Зембине обнаружили убитых немцев и потому так страшно расправились с евреями. Известно, что за одного убитого немца вырезали целые местечки и деревни.

Но мы напрасно утешали себя. Расправа повторилась и в местечке Логойск, в двадцати пяти километрах от нас, потом еще в нескольких местах. Особенно много перебили евреев в городе Борисове, в местечках Смолевичи, Городок и других.

Тут мы поняли, что события в Зембине не случайность, что это выполняется бандитский наказ Гитлера. В это время нас уже переселили в гетто. Под гетто отвели пятьдесят домов и расселили в них около тысячи человек.

1 В 1939 г. здесь проживало 827 евреев (22,5 % населения). См.: *Энциклопедия...* С. 752. — И. А.
2 18 августа 1941 г. в Зембине казнили более 700 евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 331. — И. А.

Мы понимали, что этим переездом дело не ограничится и нам предстоит испытать до дна горькую чашу.

Однажды, видим, собираются десятки полицейских, из деревень нагнали массу порожних телег. Нескольким семьям удалось бежать в местечко Долгиново, Вилейской области, в сорока километрах от нас, где пока еще не было поголовного избиения евреев. Но к вечеру гетто оцепили, бежать было невозможно.

На другой день с утра полицейские обходили еврейские дома и выгоняли всех в поле. Тех, кто шел медленно, подгоняли нагайкой. В поле отобрали несколько ремесленников — сапожников, портных, кузнецов, — а также стариков и вернули их в местечко. В эту группу попали и мы с женой, но всю нашу семью из восьми человек — дочерей и внучек — посадили на телеги и увезли. Мы не смогли даже попрощаться, обнять их в последний раз. Подводчики рассказывали после, что они завезли несчастных в лес под Борисовом, километрах в пятидесяти от нас, где их ожидали немецкие душегубы. Возчиков с лошадьми отослали обратно. С тех пор мы никогда и ничего больше о своих не слышали.

Как описать наше состояние по возвращении домой? В местечке царил гробовая тишина. Жена металась по пустым комнатам, точно думая найти кого-то из своих детей. Книги, карты, музыкальные инструменты — все было на старых местах, но детей не было. Она стала рвать на себе волосы, упала без чувств.

Прошло недели три. Миновал праздник “суекс” (кущей). Я возвращался домой с работы с четырьмя евреями. Возле местечка нас предупредили: “Немедленно бегите в лес, гестапо забирает оставшихся евреев”.

Я хотел бежать домой, чтобы спасти жену или погибнуть вместе с ней. Спутники меня не пустили и увлекли за собой в лес. Немцы стреляли в нас, но не попали. Я не мог поспеть за молодыми, сел на опушке и просидел под холодным дождем до темноты. Ночью я пробрался к себе. Я надеялся, что жена спряталась где-нибудь возле дома и ждет меня. Но я никого не нашел, и хата была заперта на чужой, не наш замок. Надеяться было не на что. Я залез под стог сена, чтобы согреться и обдумать, что делать дальше; оставаться до утра, чтобы попасть к немцам в лапы, я не хотел. Я хотел жить, чтобы видеть своими глазами, как будет отомщена кровь невинных. Я решил отправиться в Долгиново. Шел дождь, у меня не было ничего теплого. Я нашел только большой мешок, накинул его на голову, взял в руки посох странника и, оставив родину и дом, последним из местечка ушел в темную ночь.

Четыре дня пробирался я к Долгинову. Шел лесом и полями, ночуя в стогах сена у крестьян, которые кормили меня и плакали над моей и своей судьбой.

В Долгинове встретился я с родственником. Мы залились слезами. У него было свое горе. Дней за пять до моего прихода у них побывал карательный отряд. После его ухода несколько бандитов вернулись с заявлением, что у них пропала нагайка и что, если через десять минут она не найдется, они зарежут несколько евреев. Нагайки не нашли, и убийцы тут же расстреляли пятерых молодых рабочих, возвращавшихся домой.

Один из них был зятем моего родственника. Молоденькая дочь его, оставшаяся с двухмесячным ребенком, оплакивала мужа.

В Долгинове я провел зиму. Здесь пока всееврейского побоища не было, евреи страдали только от насилий, налогов и контрибуций.

После праздника Пурим прошел слух, что и здесь скоро будут массовые убийства. Мы начали готовить себе тайники, чтобы не попасть в лапы убийц. Незадолго до Пасхи приехали машины с гестаповцами. Они тут же на улице стали расстреливать евреев, не разбирая ни старых, ни малых. Мы спрятались на чердаке и через щели в крыше видели это избиение.

Но гестаповцам этого было мало. На другой день они мобилизовали всех полицейских из окрестных деревень и целый день рыскали с ними по домам, сараям и чердакам; скрывавшихся забрасывали гранатами. Всех, кто попал в их руки, раздевали догола, избивали и гнали на убой за пределы местечка. Тех, кто не мог быстро идти, расстреливали на месте. Кровь мучеников брызгала на стены домов.

За городом расстреливали пачками и убитых оставляли не погребенными. Несколько сот человек загнали в сарай, облили керосином и сожгли заживо. В Долгинове было три тысячи евреев.

За два черных дня истребили тысячу восемьсот человек, тысяча двести спаслись. Мы были в их числе.

На третий день убийцы уехали, сказав, что большинство евреев убито, а оставшихся не тронут, пусть только придут в полицию на регистрацию, неявившихся же будут расстреливать.

Явились почти все, через несколько дней их переселили в гетто, в сорок маленьких домишек. Гетто огородили проволокой и дощатым забором. Все это должны были сделать сами евреи. Но мы тут же в гетто стали устраивать тайники. Все понимали, что верить людоедам нельзя. Однажды от нас потребовали, чтобы мы вступили в военный обоз возчиками. Ни у кого не было охоты лезть в пасть зверя. Люди попрятались. Когда мой родственник лез на чердак, его заметили и прострелили ему ногу. На следующий день возобновились убийства. За два дня вырезали еще восемьсот человек, но около четырехсот человек немцы так и не нашли.

В доме, где я жил, многие так устали, что уже не скрывались; люди говорили: “Все равно не спасешься, только измучаешься”.

Но десять человек — и я с ними — спрятались на чердак. Бандиты взломали крышу, несколько раз побывали на чердаке, но нас не нашли. Таким образом, я вторично остался жив.

Уезжая, фашисты опять распорядились о регистрации, обещая явившимся жизнь. Однако никто не торопился, — разве можно верить их собачьему слову? Мы стали готовиться к побегу, и ночью около двухсот человек выломали ограду и ушли в леса Белоруссии. Там мы встретились с нашими друзьями и братьями-партизанами. Они тепло приняли нас, молодых записали в свои отряды, а стариков, больных и детей укрывали и кормили. Для руководства нами были назначены политрук — товарищ Киселев, добрый и образованный человек¹.

1 Николай Яковлевич Киселев (1913–1974) — в начале войны политрук, затем командир партизанского отряда “Мститель” в Белоруссии. Спас жизни 218 еврейских жителей дер. Долгиново, выведя их за линию фронта в августе–октябре 1942 г. В 2006 г. удостоен звания “Праведник народов мира”. В 2008 г. о нем снят документальный фильм “Список Киселева”. В 2014 г. в Москве (на Новом Арбате) открыт сквер, носящий его имя. — И. А.

Лето и осень мы прожили с партизанами в лесу. Когда начались холода, самых слабых из нас, по приказу командира, провели через линию фронта и доставили на нашу дорогую Родину. Для этой цели был выделен особый отряд под руководством того же Киселева.

Поход длился около двух месяцев. Ночью мы шли, днем отдыхали. Что день, то новый лес. В ночь мы проходили до двадцати, а в особо опасных местах и до тридцати километров. Когда добрались до районов, захваченных партизанами, стали передвигаться днем, а ночью отдыхали у крестьян, по три-четыре человека в хате. Они нас кормили. Всего мы прошли пешком около тысячи километров.

Так мы спаслись. И обо всем пережитом я, семидесятилетний старик Шмуэль-Довид Кугель, правдиво свидетельствую перед миром.

Подготовил к печати ВАС. ГРОССМАН

В местечке Горы¹ жило много евреев: рабочие лесозавода, ремесленники, кустари, колхозники “Червонного стяга”: кузнецы, сапожники и портные местечка славились далеко окрест. Кто не знал кузнеца Абрама Альтшулера? Были в Горах десятилетка, библиотека, большой клуб, больница, парк культуры и отдыха.

Летом цвели липы. Осенью в палисадниках краснели георгины.

Пришли немцы. Офицер увидел на мостовой шестилетнего мальчика и застрелил его. Это было прологом.

Рано утром 19 октября 1941 года немцы оцепили местечко. В дом восьмидесятилетнего Эфроса ворвался немец. Старик молился. Немец схватил его за руку: “Иди!” Эфрос ответил: “Не трогай! У меня хватит сил дойти до могилы”. Из соседнего дома немцы вытащили инвалида Гуревича; жена его Мирра плакала. Гуревич говорил: “Мирра, не нужно плакать”. Евреев повели к заводу. Там была вырыта огромная могила. Старуха Рахлев кричала: “Вам не забудут кровь этих крошек! Вы ответите за все”. Ее убили первой. Евреев раздели. “Холодно”, — кричали маленькие дети. Хана Гуревич закричала: “Не дам гадам издеваться над моим ребенком”. Последним убили престарелого Эфроса.

21 марта 1944 года Красная Армия освободила местечко Горы². Вскрыли могилу у завода и увидели страшное зрелище: женщина с ребенком на руках, младенец, охвативший руками шею старухи, видимо, своей бабушки, сотни трупов.

Над раскрытой могилой состоялся митинг воинской части. Офицер Конышев сказал: “Запомните, товарищи, эту могилу! Поклянитесь отомстить немцам за кровь невинных советских людей”. Рядовой Троицкий сказал: “Идя в бой, я буду вечно помнить об этой могиле”. Траурный марш заключил слова этой клятвы.

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

- 1 Районный центр в Могилевской области. В октябре 1941 г. на территории льнозавода казнено 300 евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 235. Об уничтожении евреев местечка Горы рассказывается в кн.: ЭРЕНБУРГ И. *Народоубийцы*. Т. II. М.: “Дер Эмес”, 1945. С. 136–137 — И. А.
- 2 Могилевская область была освобождена в конце июня 1944 г. — И. А.

УБИЙСТВО ЕВРЕЕВ В ГЛУБОКОМ И В ДРУГИХ МЕСТЕЧКАХ¹

215

2 июля 1941 года немцы вошли в местечко Глубокое. Страх и ужас охватили население. [Десятки и десятки лет жили здесь дружно белорусы, евреи, поляки.]

Немецкие власти прежде всего потребовали сдачи хлебных излишков. Каждой семье, независимо от числа ее членов, разрешалось оставить только двадцать килограммов муки либо зерна.

Остальной хлеб в течение нескольких часов надо было снести в магистрат. Печальную картину представляла огромная очередь, в которой было много людей, принесших “излишки” в три-пять килограммов. Немецкие власти жестоко контролировали исполнение этого приказа. У Ошера Гофмана при проверке оказалось муки больше установленного немцами количества. За это “преступление” забрали его с женой, детей и стариков-родителей. Их повели за город заставили выкопать себе могильную яму и всех расстреляли.

Такое же наказание грозило еще некоторым семьям: Ольмеру, Друцу, Канторовичу, Плискину, Понятовскому и другим. У Друца, например, полицейские нашли отруби, которые он не отнес, ибо считал, что они не входят в норму хлеба.

Всех этих людей как преступников арестовали, и только за большую взятку им на этот раз удалось избежать смерти.

С первых же дней немцы начали гонять все еврейское население [(вплоть до детей)] на работы.

[Евреев заставляли делать непосильно тяжелую работу и при этом всячески издевались и мучили их. Были случаи, когда “с работы” приносили людей, избитых до потери сознания. Адвокат Слонимский, Натанзон, Пинтов, Ожинский — были среди этих несчастных жертв. Немецкие надсмотрщики вели себя как властелины с рабами; евреи должны были выполнять самые гнусные их прихоти: петь песни, ходить на четвереньках, подражать животным, танцевать, целовать обувь у немцев и т. д.]

Оккупанты изощрались во всевозможных издевательствах. Так, например, работавших на вокзале в Крулевщине ставили под водокачку и обливали холодной водой.

Очень часто измученных после работы людей заставляли входить одетыми в озеро “искупаться”.

¹ Первоначальное название очерка — “Истребление евреев в Глубоком и в других местечках”. Текст подвергся существенной переработке. В частности, исключены места об антисемитской пропаганде, которую вели нацисты, и о “колоссальной контрибуции”, наложенной на узников. См.: ГА РФ, ф. 8014, оп. 1, д. 946, лл. 90–96. — И. А.

Но все это были еще невинные забавы гитлеровцев.

21 октября 1941 года гебитскомиссар объявил, что в течение получаса все евреи должны переселиться в гетто. [Вещей нельзя было забирать, только некоторую рухлядь, и то с разрешения специально назначенной комиссии из магистрата.]

М. Раяк дает такое описание этого переселения.

Город выглядел, как базар. Все улицы были загромождены рухлядью! Евреи несли свои жалкие вещи в отведенный для них лагерь — гетто. На улицах небывалый шум, крик, толкотня. Полиция со своей стороны “наводила порядок” и била людей прикладами, палками и чем попало.

В гетто жили в страшной тесноте, — несколько семейств ютились в одной комнате. Вся “меблировка” комнаты обычно состояла из столика и скамейки. Спать укладывались семьями на полу.

Сначала евреям было разрешено в течение двух часов производить покупки на базаре, но потом посещение базара было им категорически запрещено. Евреям не разрешалось покупать масло, мясо, яйца, молоко.

Общение с крестьянским населением под страхом смертной казни было запрещено. [Но, несмотря на все эти жестокие ограничения, обрекавшие еврейское население на голод,] эти каннибальские распоряжения, однако, всячески обходились, несмотря на жестокие преследования.

Много крестьян, несмотря на грозившую им опасность, передавали и даже сами вносили продукты в гетто. Были случаи, что крестьянки надевали на рукава “еврейские знаки” и приносили в гетто своим знакомым продукты.

Братья Раяк рассказывают, что крестьянин Щебеко ежедневно тайком доставлял молоко их больной матери¹.

Крестьянин Гришкевич украдкой приносил капусту, картошку и другие овощи для нескольких семейств — для врача Раяк, для портного Шамеса, для Гительсона.

Если такие “преступления” обнаруживались, то виновные платились жизнью. До смерти избивали людей за найденный кусок масла, за щепотку соли. [Эту политику немцы проводили во все время своего хозяйничанья.] Жена Зальмана-Вульфа Рудермана была задержана и страшно избита за то, что пыталась при возвращении с работы внести в гетто два яйца. В начале мая 1943 года был арестован и расстрелян мясник Шолом Ценципер. Контроль обнаружил у него в мешке петуха, которого “преступник” хотел внести в гетто.

Евреям было категорически запрещено есть ягоды.

Трудно поверить, что за несколько съеденных ягод людей преследовали, как за совершение страшного государственного преступления.

Из поколения в поколение портняжила в Глубоком семья Глозмана. Честные труженики, искусные мастера, они пользовались всеобщим уважением и любовью.

1 Братья Гирш и Михл Раяк после войны переехали в Аргентину. В 1956 г. в Тель-Авиве вышла их книга о Глубоком (на иврите). — И. А.

У Зелика Глозмана был десятилетний сын Арон. С надеждой смотрел отец на успехи своего первенца. Из школы он приносил только отличные и хорошие отметки; в играх и в художественной самодеятельности он был всегда первым.

Пришли немцы. И уже спустя несколько дней Арчика Глозмана искали по всему городу. Гестаповец Гайнлейт поднял всех и все на ноги, чтобы обнаружить мальчика, “преступление” которого заключалось в том, что он пронес в платке немного ягод. Мальчик успел убежать от охраны, и сколько труда стоило родителям — при помощи добрых знакомых спрятать его.

Впрочем, впоследствии были убиты и родители, и сын.

[Учитель Давид Плискин работал переводчиком у коменданта Розентрера. Однажды (дело было летом, в конце июня 1943 года) Плискин подошел к кусту малины и сорвал несколько ягод. Из окна соседнего дома это увидел немецкий инженер из “СД”. С пеной на губах он подбежал к Плискину, начал ругать его последними словами и кричать, что евреям кушать ягоды воспрещено. Плискин обещал впредь строго соблюдать это распоряжение немецких властей.

Ему угрожал расстрел, и только принимая во внимание “чистосердечное раскаяние” и то, что за него заступилось начальство, у которого он служил, расстрел ему был заменен денежным штрафом... С него потребовали было 2000 руб., но после долгих препирательств согласились на сумму в 500 руб., которые тут же и были внесены. Когда Плискин вносил штраф в гестапо, он был предупрежден, что при повторении подобного преступления ему не уйти от наказания, согласно новому закону, грозившему евреям за употребление в пищу ягод, плодов, жиров смертной казнь.]

Н. Краут был ранен и затем убит за то, что он пытался пронести в гетто немного соли.

В марте 1943 года жандармерия и полиция искали Залмана Флейшера, обвиняемого в том, что он купил у крестьянина кусок масла.

Предупрежденный заблаговременно о том, что его разыскивают, Флейшер сумел бежать.

Но преступление должно быть наказано, и шеф жандармерии Керн распорядился забрать первых встречных евреев и расправиться с ними. Ответчиками за “грехи” Флейшера оказались Лейве Дрисвяцкий и его восемнадцатилетний сын Хавна, а также Липа Ландау.

Дрисвяцкий был образованный человек — талмудист, математик и лингвист; в Глубоком он был всеми уважаем и любим. Во время “акции” он потерял своего старшего сына Овсея. Гибель сына, способного и образованного юноши, глубоко потрясла отца. Жизнь потеряла для него ценность, он никак не мог прийти в себя.

Липа Ландау был человеком с высшим образованием. Немецкие палачи убили его жену и детей. Сам он спасся чудом: он выполз из ямы из-под груды трупов. Долго он скитался по лесам и полям и, наконец, добрал до Глубокого. Здесь он сдружился с Дрисвяцким.

И вот немцы их схватили, повели в гестапо, мучили всю ночь, а под утро погнали в кровавые Борки — место казни. Так гитлеровский “закон” отомстил за кусок масла, “незаконно” пронесенный Залманом Флейшером.

С декабря 1941 года началось систематическое истребление еврейского населения, обозначаемое немцами кратким страшным словом “акция”.

В раннее декабрьское утро гестаповцы ворвались в дома и без всяких объяснений стащили с постелей несколько десятков человек. Этих людей — по их определению, “ненужный элемент” — они заставили голыми идти в лютый мороз.

“Одна женщина, — пишет М. Раяк, — легла среди улицы со своими детьми, плакала и кричала, что не сдвинется с места. Ее избили до потери сознания. Всех погнали в Борки, где их и расстреляли. Бедных детей бросали в яму живыми и так живыми их и закапывали”.

Борки — сельская местность в полутора километрах от Глубокого. В мирные времена это было место для гуляния и отдыха. Теперь немцы превратили Борки в место массовых казней.

“В Борках, — пишут братья Раяк, — немцы заставляли у открытой могилы молодых танцевать, а старых петь еврейские песни. После такого садистского издевательства они принуждали молодых и здоровых нести на руках в яму бессильных стариков и калек и укладывать их там. Только после этого им следовало ложиться самим, и тогда уже немцы расстреливали всех”.

Так в Борках погибла и семидесятилетняя мать братьев Раяк, так постепенно были уничтожены все жители Глубокого.

Убийствам предшествовали невообразимые истязания: людей кололи ножами, держали голыми на морозе и обливали холодной водой, их избивали палками и прикладами до потери сознания.

С особым сладострастием фашисты пытали женщин и детей.

В Глубоком, как и во многих других местах, гестапо прибегало к обычному своему провокационному методу: разделению на два гетто.

Во второе гетто, говорили немцы, должны попасть “малополезные”, “малоценные” евреи. На самом деле во второе гетто попало много специалистов: сапожники, столяры, портные. Немцы решили использовать второе гетто для денежной “акции”, — от второго гетто можно было откупиться.

Таким образом, евреи, вносившие за себя выкуп, оставались в первом гетто. Люди же, которые не могли внести установленной суммы денег или ценностей, должны были остаться во втором гетто, [хотя среди них были и квалифицированные специалисты].

Перемещение во второе гетто продолжалось около двух недель — от 20 мая до первых чисел июня 1942 года. Каждый день в течение двух недель возили на подводах стариков и старух во второе гетто.

Раяк пишет: “Не поддается описанию это страшное зрелище. Бедные старики рыдали, жалобно спрашивая: ‘Куда и зачем нас везут? За какие грехи нас отделяют от наших детей?’ Красноармейская улица была наполнена стонущими, плачущими стариками, калеками”.

После образования второго гетто фашисты объявили, что все жители первого гетто получают рабочие удостоверения как специалисты и это гарантирует им неприкосновенность.

Палач глубокских евреев Копенвальд официально заверял представителей юденрата своим “честным словом”, что никакой резни евреев больше не будет.

В июле 1942 года гебитскомиссар издал приказ, чтобы все оставшиеся в живых евреи собрались в гетто в Глубоком. При этом гебитскомиссар заверял, что больше евреев убивать не будут, он даже дал пропуска членам юденрата для поездки в леса и деревни, чтобы они отыскивали скрывавшихся там евреев и привезли их в лагерь.

В это время лагерь-гетто в Глубоком стал своеобразным еврейским “центром”; сюда собрались отдельные уцелевшие евреи из сорока двух городов и местечек. Были здесь мужья, потерявшие своих жен, были жены без мужей, были мужья и жены, которые расстались во время резни, не знали друг о друге, а теперь встретились в гетто и спрашивали друг у друга, что стало с их детьми. Были одинокие мальчишки и девочки, потерявшие своих родителей, были грудные дети, которых находили в лесах под кустами и привозили в лагерь. Здесь были евреи из Миор, Друи, Прозорок, Голубич, Зябок, Дисны, Шарковщины, Плисссы. Из всех этих мест собирались усталые, измученные и разбитые люди. Пришли также уцелевшие от резни в Долгинове, Друйске, Браславе, Германовичах, Лужках, Гайдучишках, Воропаеве, Парэфьянове, Загатье, Бильдюгах, Шипах, Шкунтиках, Порплище, Свенцянах, Подбродзи.

Провокация удалась: евреи были собраны в одно место.

[Интересно отметить, что в Глубоком очень ярко были заметны экономическая эффективность и польза, которую “акции” над еврейским населением приносили немцам.]

Целыми днями немцы везли на подводах награбленную одежду, обувь, белье, посуду, швейные, чулочные, заготовочные и шапочные машины, а также предметы домашнего хозяйства. Со свойственными немцам аккуратностью и точностью все эти вещи приводились в порядок и складывались в амбары. Через некоторое время в Глубоком (по улице Карла Маркса) появились магазины готового платья, обуви, галантерейных товаров, магазин фарфоровой и стеклянной посуды, мебельный магазин.

День и ночь работала прачечная, в которой стирались вещи убитых.

Работали в прачечной (и в других “реставрационных” мастерских) евреи.

При разборке и стирке вещей происходили страшные сцены. Люди унавали белье и вещи своих замученных родных. Рафаэл Гитлиц узнал белье и платье своей убитой матери. Маня Фрейдкина должна была отстирать окровавленную рубашку своего мужа Шимона.

Жена учителя Милихмана собственными руками должна была привести в “приличный вид” костюм своего убитого мужа.

[Немецкие торговые дома — “варенхаузы” — далеко не исчерпывали всей коммерческой деятельности.]

По улице Карла Маркса, дом 19, существовало специальное “Бюро гебитскомиссара в Глубоком”. Задачей этого бюро было наблюдение за порядком в мастерских, ведение учета, а также надзор за работающими.

Бюро занималось также приготовлением посылок по заказам немецких учреждений и отдельных лиц для отсылки в Германию.

Постоянными заказчиками этого бюро являлись: Гахман — гебитскомиссар, Геберлинг и Гебель — референты, Керн — шеф жандармерии, офицеры — Гайнлейт, Вильдт, Шпер, Цаннер, Беккер, Копенвальд Зейф, Шульц и многие другие.

Для обеспечения этого огромного потока посылок было налажено специальное производство по изготовлению картонных коробок. В этом производстве были заняты еврейские ребятишки от восьми до двенадцати лет. И горе им, если в их работе обнаруживался хотя бы самый маленький дефект! Их наказывали так же жестоко и неумолимо, как взрослых.

Из Глубокого, Крулевщины, Воропаева уходили десятками вагоны, груженные полотном, кожей, шерстью, обувью, трикотажными изделиями и массой съестных припасов. [Еврейское население было разорено, немцы вытягивали все живые соки из деревни. Хозяйство истощалось, зато наполнялись и пухли немецкие карманы. Помимо массового приобретательства съестных продуктов и вещей широкого потребления, усиленно проводился грабеж металлов.] Немцы организовали специальный склад, куда свозились и сносились металлические вещи: самовары, кастрюли, подсвечники, ступки, медная посуда, ручки от дверей и тому подобное. В Глубоком полиция ходила по домам и контролировала — не остались ли у населения какие-нибудь металлические вещи. Весь награбленный металл вагонами отправляли в Германию.

Немецкие власти утилизировали все: летом и осенью 1942 года из Глубокого десятками тюков в Германию отправлялся “легкий” груз: пух и перья из вспоротых перин и подушек.

Неисчислимы горе и страдания, которые выпали на долю населения Глубокого.

Помимо физических терзаний, гитлеровцы подвергали еврейское население моральным пыткам.

Со страшной жестокостью они надругались не только над живыми, но и над мертвыми.

Немцы заставили самих евреев разбить каменную ограду вокруг кладбища, срубить все деревья и уничтожить памятники.

В ночь с 18 на 19 июня 1942 года была устроена новая “акция”¹. Земля содрогалась от криков женщин, от плача и стога детей. [И вдруг в страшной ночной темноте раздались скорбные звуки предсмертной молитвы “Эль молей рахамим”, которую запели старики.] Чуть только рассвело, людей погнали к месту казни в Борки. Молодая девушка Зельда Гордон бросилась бежать по направлению к озеру, за ней последовали другие.

Пули косили бежавших, и в течение получаса все поле до самых Борок было усеяно трупами. Кровавые муки ожидали каждого, кто отказывался безропотно идти на смерть. Самуил Гордон пытался укрыться в первом гетто (на этот раз “акция” охватила главным образом второе гетто), но его поймали. Его сильно избили, потом зацепили кочергой за шею и так долго волокли по улицам, пока он не скончался.

Оставшиеся в живых после этой “акции” знали, что их дни сочтены.

В страшных условиях гетто, лишённые всех человеческих прав, евреи помогали советским военнопленным. В полутора километрах от Глубокого,

1 Генерал-комиссар Белоруссии Кубе 31 июля 1942 г. докладывал рейхскомиссару Остланда Лозе: “Командование армейской тыловой зоны, превысив свои полномочия, вмешалось в наши приготовления к ликвидации евреев в Глубоком. Без согласования со мной оно ликвидировало 10 тысяч евреев, систематическое устранение которых, безусловно, планировалось и нами”. См.: *Уничтожение...* С. 234. — *И. Л.*

в селе Березвече был расположен лагерь военнопленных. Семья Козлинер приносила им хлеб.

Это заметили немцы. В семье было восемь человек. Их всех расстреляли.

Трудно было уйти из гетто. Охрана сторожила на каждом шагу. Закон круговой поруки, установленный немцами, призван был держать всех в страхе и покорности. Но мысль о борьбе, о мщении, о возмездии жила в сердце народа.

Уже весной 1942 года еврейская молодежь проявляла большую находчивость и изобретательность в добывании оружия. Нельзя не вспомнить первых самоотверженных героев. Рувим Иохельман из Гайдучишек специально устроился на работу в склад жандармерии и, невзирая на риск, уносил со склада оружие и медикаменты. Это продолжалось довольно долго, пока немцы не выследили его. Иохельмана подвергли мучительной смерти.

Яков Фридман “наспециализировался” в добывании оружия в деревнях. Осенью 1942 года он ушел в партизанский отряд “Мститель” и самоотверженно дрался в его рядах до прихода Красной Армии.

Винтовки, гранаты, револьверы покупал зять Моисея Беркона и в довольно значительном количестве переправлял их в партизанские отряды.

На него донесли. Когда немцы пришли за ним, он сопротивлялся отчаянно. Клейнер из Лучая (около Дунилович) [тоже посылал оружие партизанам, а осенью 1942 года ушел из лагеря-гетто. Он] оглушил немца, стоявшего на посту, вырвал у него автомат и ушел в лес.

Летом 1942 года группа молодежи с оружием в руках ушла в лес, примкнула к партизанам. Среди первых партизан из Глубокого наибольшей известностью пользовался Авнер Фейгельман. Этот юноша отличался высокими душевными качествами: умом, хладнокровием, решительностью. Он сражался в бригаде имени Ворошилова. Самоотверженно и мужественно боролись также Исаак Блат (в Чапаевском отряде бригады имени Ворошилова), Боря Шапиро и девушка Хася из Дисны.

Народным мстителем стал Боба Генихович из Плиссы. Немец Копенберг убил его отца. Юноша выследил Копенберга и убил его.

Немецкая фурия, Ида Одицкая, прославилась своими жестокостями. Она принимала участие в массовых убийствах и преследованиях партизан. Гениховичу и нескольким его товарищам удалось заманить ее в лес. Там они учинили над ней скорый, но справедливый суд и повесили ее.

В сентябре 1942 года ушла в партизаны другая вооруженная группа в восемнадцать человек. Здесь были братья Кацович, Залман Мильман, Иохельман, Михаил Фейгаль, Яков Рудерман, Рахмиэль Милькин, Давид Глейзер. Эта группа еще в гетто установила связь с партизанским отрядом “Мститель”, посылала ему оружие.

Через несколько месяцев из гетто к партизанам ушло еще восемнадцать человек. Среди них были Израэль Шпарбер, Моисей и Соня Фейгали, Гирш Гордон, Симон Соловейчик, Гирш Израилев.

Через два дня после ухода этой группы гестаповцы окружили дома, где жили семьи партизан Фейгаля и Милькина, и после страшных истязаний перебили четырнадцать человек.

Сыновья Иоселя Фейгельсона — Залман и Дон — ушли к партизанам. Слухи об их отваге распространились по округе. В июле 1943 года гестапов-

цы зверски расправились с их отцом, теткой Саррой Ромм и ее дочерью Нехамой Ромм.

17 августа 1943 года в Крулевщине, в девятнадцати километрах от Глубокого, у немецких отрядов, усиленных местными жандармами, произошел тяжелый бой с партизанами. В этой схватке были убиты Керн — шеф жандармерии в Глубоком — и еще несколько десятков немцев. Убитых привезли в Глубокое.

Рыть могилы заставили евреев, и надо сказать, что это была единственная работа на оккупантов, которую они выполнили с удовольствием.

Приближался роковой день. Фашисты готовили окончательную ликвидацию гетто. Бесперывно вылавливались все, кто казался хоть сколько-нибудь подозрительным. У Заяца на чердаке нашли радиоприемник; в течение нескольких дней Заяца мучили и пытали, но ничего от него не добились.

Кузнец Шлема Крайнес по просьбе своего старого знакомого крестьянина стал подковывать ему коня. Это заметила охрана; его расстреляли.

Все местечко знало и уважало шестидесятилетнего Мордуха Гуревича. Это был тихий, спокойный, незлобивый человек. Он прожил в Глубоком всю жизнь, окрестные крестьяне любили и уважали его. Однажды, подметая улицу, он поздоровался со своим старым знакомым, крестьянином. Поклон Мордуха увидели, его задержали, отвели в Борки и расстреляли.

Веселую, милую Салю Браун расстреляли за ее дружбу с крестьянским парнем Витей Шарейко.

13 августа 1943 года гетто в Глубоком было ликвидировано¹. [Немецкие газеты сообщали, что уничтожили в Глубоком крупное партизанское гнездо из трех тысяч человек во главе с семидесятилетним раввином...]

Разрушения, гибель, уничтожение приносили немецко-фашистские войска повсюду, где только ни ступала их нога. В местечке Кривичи немцы появились 2 июля 1941 года.

За несколько дней до этого семидесятилетний Зильберглейт, собрав последние силы, добрался до Будслава, где стояла часть Красной Армии, и сообщил о том, что в Кривичах появилась немецкая разведка. Эти данные оказались очень ценными: немцы в Кривичах были уничтожены. Старый Зильберглейт заплатил жизнью за свой патриотический поступок. На него донесли, и он был убит в день прихода гитлеровцев в Кривичи.

Как и повсюду, немцы старались изолировать евреев от всего остального населения.

В Кривичах жители были обязаны ежедневно вывешивать на своих домах флаги, сначала белые, потом бело-черные. Цвета все время менялись. Евреи должны были вывешивать флаги другого цвета, чем остальное население; чтобы их дома можно было отличить [от крестьянских. Еврейские девушки были собраны для того, чтобы убирать и чистить крестьянские дома. “Многим крестьянам, — пишут братья Раяк, — это было очень тяже-

1 Гетто было ликвидировано после восстания 20 августа 1943 г. По данным партизан, было убито и ранено до 100 гитлеровцев. При подавлении восстания немцы применяли танки, артиллерию и авиацию. См.: *Энциклопедия...* С. 322. — *И. А.*

ло, и они хотели бы отказаться от этих услуг. Не могли они примириться с тем, что их соседей, с которыми они все время жили в дружбе, превратили в рабов и заставили на них работать”.

В Кривичах было пять пленных красноармейцев, и евреи, чем только могли, помогали им.]

Местные полицейские ежедневно собирали евреев в полицию, и людей, ранее известных и уважаемых в местечке, без всякой причины секли розгами.

Чуть забрезжит утро, евреев выгоняли на работу. Но мучительней каторжной работы были издевательства, которые им приходилось выносить. Евреев заставляли плясать, бегать, петь “Катюшу”, “Интернационал”; во время работы за малейшую оплошность их нещадно били палками и плетью. Почти ежедневно людей с работы приносили домой искалеченными, часто без сознания.

Еврейские женщины были отправлены на полевые работы. Однажды, в середине августа 1941 года, немцы собрали еврейских девушек, которые работали на огороде у местного ксендза Кроповицкого. После работы их заперли в сарай, и немцы пытались их изнасиловать; девушки разбили окна и бежали. Вслед им летели пули, только немногим удалось спастись.

Еврейское имущество расхищалось, была разбита синагога в Кривичах и варварски разорваны и сожжены на кострах хранившиеся там ценнейшие книги.

[Очередными жертвами полиции должны были стать раввин М. Перец и Мовша Дрейзин.

Гестаповцы вместе с полицейскими пришли на квартиру Дрейзина. Всех находившихся в доме людей они поставили лицом к стене и опрокинули на них шкаф с книгами. Ограбив начисто квартиру, они ушли.

В марте 1942 года приехавшее из Сморгони в Кривичи начальство привезло награбленные вещи и ценности на двадцати подводах. Для разгрузки всего этого добра были призваны евреи.

Стоял холодный мартовский день, под пронзительным ветром евреев продержали несколько часов на улице. Их заставляли во время работы бо-сыми бегать по лужам, ложиться и вставать.]

В апреле 1942 года начались первые “акции”; гитлеровцы расправились с цыганами, убили военнопленных и взялись за еврейское население.

Ужасно погибли жители местечка Долгиново: большинство их было сожжено заживо¹.

Долгиново — местечко, расположенное в пятнадцати километрах от Кривичей. Жители обоих этих местечек были тесно связаны между собою.

[Страшное зрелище представляли немногочисленные уцелевшие долгиновские евреи. Их пригнали в Кривичи менее ста человек. Разутых, раздетых людей заставили ползать на четвереньках, петь советские песни, танцевать.

¹ В Долгиново во время двух “акций” погибло более 2800 евреев. Трупы нацисты сжигали. См.: Энциклопедия... С. 276–277. — И. А.

Вообще издевательства, которым подвергались евреи, трудно представить. Они должны были чистить отхожие места голыми руками и носить нечистоты в мешках на плечах. Надсмотрщики наслаждались страданиями своих жертв.

25 апреля 1942 года на железной дороге в полутора километрах от Кривичей партизаны пустили под откос поезд с бензином, который сгорел. Это было использовано немцами как начало широкой “акции” против евреев.]

28 апреля 1942 года ранним утром первых случайно попавшихся двенадцать евреев схватили и отправили в Смиловичи, где их мучили и, наконец, расстреляли.

В этот же день в Кривичи приехали эсэсовцы и жандармы, плотным кольцом окружили местечко и стали выгонять еврейское население на площадь.

На площади обреченных заставили раздеться догола и затем погнали их на поле.

Здесь стоял большой сарай, который немцы подожгли. Людей загоняли в огонь.

Страшно было зрелище горящих живых детей!

Двенадцатилетняя Сарра Кацович изо всех сил боролась за жизнь. Она выбежала из сарая, охваченного пламенем; полицейские толкали ее обратно в огонь и кричали погибающему ребенку: “Что, красавица, дождалась своих спасителей?”

В огне погибла и Блюма Каплан, да и не перечесть всех жертв.

Гирш Цепелевич был активным работником при советской власти. Калека, он не мог далеко уйти с частями отступающей Красной Армии. Он вынужден был вернуться в Кривичи. Долгие месяцы он скрывался в темном, сыром, тесном погребе.

Он забыл, что такое дневной свет, постель, чистое белье. Скучную пищу ему подавала тайком, ночью сестра его М. Ботвинник. Когда разразилась “акция” 28 апреля 1942 года, Гирш Цепелевич понял, что дальше бороться за жизнь нет смысла.

Немцы вместе с полицейскими рыскали повсюду, вылавливая скрывавшихся в “малинах” евреев. Зная, что часы его жизни сочтены и не желая отдаться живым в руки врага, Гирш Цепелевич выпил яд, который он все время держал при себе.

Долгое время скрывался на чердаке Мойше-Лейб Шуд. При массовой облове его убежище было обнаружено. Шуд повалил пришедшего за ним полицейского и убежал. Он был пойман. Его постигла жестокая смерть: живым его бросили в огонь.

28 апреля погибло сто шестьдесят евреев; такая же судьба ожидала остальных. Из четырехсот двадцати евреев, жителей Кривичей, погибли триста тридцать шесть.

Спаслись только те, которые успели уйти к партизанам. В апреле 1942 года девяносто молодых людей ушли в партизанскую бригаду “Народный мститель”. Они дрались там самоотверженно, мужественно, мстя за кровь своих родных, за поругание народа.

В Слободке, в двух километрах от Кривичей, работали одиннадцать еврейских женщин. Им удалось обмануть немецкую охрану, бежать в лес и примкнуть к партизанам.

В местечке Покут (в четырех километрах от Кривичей) работало пять детей. При ликвидации гетто немцы расправились и с детьми. Только одному мальчику — Гевишу Гитлицу — удалось бежать к партизанам.

Фашисты буквально стерли с лица земли целые еврейские местечки. Так, например, в один день было уничтожено две тысячи человек в Миорах¹, пятьсот человек в Браслане². В Друе были убиты две тысячи двести человек³. Полностью были ликвидированы лагерь-гетто в Плиссе, в Лужках, в Новом Погосте.

Расправа с евреями в местечках была ужасная: людей бросали живыми в огонь. В местечке Шарковщина у людей перед смертью вырезывали языки, выкалывали глаза, вырывали волосы.

Жестокость оккупантов выражалась и в том, что евреев заставляли перед смертью делать не только непосильную, но и совершенно ненужную, бессмысленную работу. Ночью людей будили и заставляли носить воду в дырявых ведрах.

Слабых женщин заставляли переносить с места на место тяжелые камни, большие ящики с песком, а потом оказывалось, что это совершенно не нужно. Цель была одна: мучить людей.

Страшна была участь, которую уготовили фашисты евреям, но и людей, помогавшим евреям, также ожидала казнь. Хочется с чувством благодарности вспомнить честных и самоотверженных людей, которые, спасая евреев, показали силу и чистоту своей души.

В местечке Борсучина Адольф и Мария Станкевич скрывали у себя многих евреев из окружающих местечек.

К жителю местечка Шарковщина Стацевичу устремлялись люди со всех сторон, и он помогал им, чем только мог. Стацевич мученически погиб: немцы его повесили в Глубоком.

Евреи устанавливали связь с партизанами и уходили в партизанские отряды.

Из маленького местечка Ораны ушло в партизаны сорок человек. Партизан Айзик Лев пустил под откос четырнадцать вражеских эшелонов. Он погиб смертью храбрых. Память о нем останется в сердце народа. Отважно и смело действовали и другие партизаны из Оран.

Особенно энергичную деятельность развили еврейские партизаны в Долгинове, где им большую помощь оказал командир отряда “Народный мститель” Иван Матвеевич Тимчук.

Долгиновские партизаны-евреи участвовали во многих важных операциях; в мае 1942 года они уничтожили лесопильный завод, убили пятнадцать немцев, захватили боеприпасы. В ноябре 1942 года они принимали активное участие в уничтожении немецкого гарнизона в Мяделе;

1 2 июня 1942 г. было казнено 678 евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 602–603. — И. А.

2 В начале июня 1942 г. оккупанты казнили 2 тысячи человек. См.: *Энциклопедия...* С. 105. — И. А.

3 11–12 июня 1942 г. погибло более 1300 евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 282. — И. А.

они освободили евреев из гетто и помогли им отправиться за линию фронта.

[Несмотря на усиленный немецкий гарнизон в Глубоком, партизаны вынесли оттуда шрифт для типографии.]

Под руководством Якова Сигальчика долгиновские партизаны уничтожили больше тридцати немцев в деревне Литвичи.

Из материалов братьев М. и Г. Раях

Подготовила к печати Р. КОВНАТОР

РАССКАЗ ИНЖЕНЕРА ПИКМАН ИЗ МОЗЫРЯ¹

227

Я родилась в Мозыре в 1916 году. Работала чертежницей. До войны работала в Минске, была инженером-диспетчером. 25 июня 1941 года я вышла из горящего Минска на Московское шоссе. Оно было забито беженцами. Я прошла около тридцати километров, переночевала, утром снова двинулась в путь. Показались фашистские самолеты, забросали нас бомбами, расстреливали из пулеметов. Жертв было много: старики, женщины, дети. Я спряталась в кустах. Ночью бомбежка прекратилась.

Четыре дня я бродила по лесу без хлеба, без воды. На пятый день я попала в деревню Скураты. Там было много беженцев. Пришли немцы и погнали всех в Минск. Возле города они устроили заставу, задерживали всех мужчин.

Минск нельзя было узнать: повсюду развалины, обгоревшие трупы. На стенах были расклеены приказы: всем мужчинам от шестнадцати до шестидесяти пяти лет немедленно явиться в комендатуру; кто не явится — будет расстрелян.

Мужчин угнали в лагерь. [Сначала он помещался на Староржевском кладбище. Там продержали людей двенадцать суток без еды и без воды. Когда привозили бочку с водой, люди кидались навстречу, а немцы в них стреляли. Потом лагерь перевели к реке Свислочь, но запретили брать из реки воду.] Евреев отделили от всех и сильно избили. Некоторых взяли как мишень для учебной стрельбы. Я видела, как моего сотрудника, техника-инвентаризатора Бернштейна привязали к столбу и стреляли в него.

Несколько дней спустя был вывешен приказ о регистрации всех евреев и о внесении ими “контрибуции”. А 15 июля всех евреев переселили в гетто. Объявили, что евреи должны будут построить каменную стену, отделяющую их от мира. Начали строить стену, но тогда пришел приказ оцепить гетто проволокой. Было объявлено, что еврей или еврейка, взрослый или ребенок, обнаруженный за пределами гетто, подлежит расстрелу. [Кроме того, евреи обязаны были носить на груди и на спине желтые круги.]

¹ Бася Цуриелевна Пикман (Ганелис, 1916–1997) в 1943 г. рассказала свою историю Илье Эренбургу. В машинописном варианте очерк назывался “Рассказ чертежницы Пикман из Мозыря” (ГА РФ, ф. 8014, оп. 1, д. 944, лл. 137–143). В публикуемом тексте отсутствует информация о том, что весь свой путь по дорогам Белоруссии и России Бася прошла с шестнадцатилетней Леной Целуйко (в замужестве — Елена Слижевская), которая неоднократно спасала ее и стала одной из первых белорусок, удостоенных звания “Праведник народов мира” (1990). В письме Эренбургу 17.08.1945 Б. Пикман специально просила писателя рассказать о своей спасительнице. Там же была указана дополнительная информация о самосожжении евреев в Мозыре, которая вошла в текст очерка (д. 960, лл. 286–288). Видимо, о Елене Целуйко Эренбург не написал потому, что ее судьба в тот момент не была известна. — И. А.

В Минске зарегистрировали семьдесят пять тысяч евреев. Разместили на нескольких улицах. В каждой комнатухе ютилось пять семейств. Люди спали стоя. Выгоняли на работу, не кормили, ночью избивали.

В гетто я пробыла три недели. 6 августа я перелезла через проволоку и стала проселками пробираться в Мозырь. Шла я долго — ослабла, наконец 30 августа очутилась в родном городе.

Мой отец, дед и прадед родились в Мозыре. У меня был дядя, гравер-художник Рухомовский. Он жил в Париже. Там на старости лет он написал книгу о своей жизни и с любовью описывал Мозырь¹. Мы были крепко привязаны к своему городу.

Мозырь показался мне брошенным всеми. Немцев в городе не было: они прошли на восток. Я встретила старух, назвалась. Они рассказали, что мои родные успели эвакуироваться. Я пошла в наш дом. Он был разграблен: по квартирам рыскали мародеры. Из еврейского населения в городе остались больные, старики и женщины с детьми.

Меня приютила наша соседка, белоруска, тетя Гаша.

6 сентября, блуждая по безлюдным улицам, я вдруг увидела немецких солдат в маскировочных халатах. Они шли и стреляли в окна. Это был карательный отряд. В тот день были убиты: старик-сапожник Малявский, полька — артистка, приехавшая из Пинска, белорусская семья, проживавшая на улице Пушкина, другая семья, тоже белорусы, жившая на Пятницкой, старик Лахман с женой и много других. Тело старого Лахмана собаки таскали по улице Новостроений.

Тетя Гаша мне сказала: “Уходи. Здесь в доме одна гадюка, она говорит: ‘Вот придут немцы, я скажу, что у тебя еврейка’”. Я ушла к бабушке Голде Бобровской. Ей было семьдесят три года. Она жила на самой окраине города.

9 сентября я пошла на улицу, где жило много евреев. В каждой квартире валялись трупы: старухи, дети, женщина с распоротым животом. Я увидела старика Малкина. Он не мог уйти из Мозыря, у него были парализованы ноги. Он лежал на полу с раздробленной головой.

По переулку шел молодой немец. Он нес на штыке годовалого ребенка. Младенец еще слабо кричал. А немец пел и был так увлечен, что даже не заметил меня.

Я зашла в несколько домов — повсюду трупы, кровь. В одном подвале я нашла живых: там прятались женщины с детьми. Они мне рассказали, что старики ушли во рвы близ улицы Пушкина.

10 сентября с утра я слышала выстрелы: расстреливали. На Ленинской улице я увидела больного старика шапочника Симоновича. Немцы били его прикладами, толкали вперед, а он не мог идти.

Я вернулась к бабушке Голде. Сидела на крыльце и думала, как мне добраться до фронта. Было шесть или семь часов вечера. Вдруг я увидела —

1 Израиль Рухомовский (1960–1934), выдающийся гравер и ювелир. До начала XX века жил в Одессе (на доме по ул. Осипова установлена мемориальная доска), затем в Париже. Выполненная им корона с богатым пластическим украшением в качестве так называемой “Тиары Сайтаферна” была за 260 тысяч франков продана мошенниками Лувру в 1895 году как якобы происходящая из античного золотого клада из Ольвии (с. Парутино Очаковского р-на Николаевской обл. Украины). В 1903 г. в Одессе был издан иллюстрированный критико-биографический очерк “Израиль Рухомовский и его работы”. — И. А.

по улице Новостроений ведут евреев. У некоторых были лопаты, и я сначала подумала, что людей ведут на работу. Их было около двухсот. Впереди шли бородатые, сгорбленные старики, за ними мальчишки двенадцати-пятнадцати лет, потом несколько мужчин, которые вели больных и калек. Один высокий, худой, вел под руки двух дряхлых стариков. Он шел с неприкрытой головой и глядел вверх. Немцы били его прикладами, он ни разу не вскрикнул. Я никогда не забуду его лицо.

Их подвели к отвесному склону горы, заставили вскарабкаться. Старики срывались, падали вниз. Их штыками подталкивали наверх, потом я услышала пулеметную очередь.

Полчаса спустя немцы уже шли с горы. Они пели.

Люди, которые были на горе, рассказывали, что немцы бросали стариков в яму живыми. Некоторые пытались выползти, им отрубали кисти рук.

Когда фашисты шли с расстрела, я видела, как два солдата тащили наверх двух евреев. Немцы торопились, подгоняли стариков прикладами. Как только они взобрались, раздались выстрелы. Солдаты побежали догонять своих, они тоже пели.

Двадцать стариков-евреев плотников, не желая дать себя в руки палачам-карателям, собрались в доме плотника Эли Гофштейна на улице Пушкина, облили дом керосином и сами себя сожгли. Их обгоревшие трупы валялись, и никто их не закапывал¹.

Дом, где я ночевала, находился в ста метрах от рва. Всю ночь я слышала стоны. С тех пор прошло больше двух лет, но каждую ночь я слышу, как кто-то стонет.

На следующее утро тетя Гаша встретила меня словами: “Мы все погибли”. Она сказала, что немцы сгоняют женщин и детей к Припяти, потом сбрасывают в реку, детей поднимают на штыки. Тетя Гаша кричала: “За что детей? Звери! Они всех убьют!”

Я вернулась к Голде Бобровской. Она молилась. Под вечер пришли немцы и полицейские. Они спросили меня: “Где здесь евреи?” Я ответила, что не знаю, потому что нездешняя. В это время они увидели старую Голду. Они набросились на нее, стали бить прикладами. Я выбежала, спряталась в кукурузе. Пришла соседка и сказала: “Сиди здесь. Они тебя ищут”.

Был очень яркий закат. Я ждала, когда они придут.

Но они ушли. Переодевшись, я выбралась из города. Я решила пробраться через фронт. В деревне Козенки я встретила водопроводчика, который пришел из Мозыря. Я его видела в квартире Бобровской. Он рассказал, что старую Голду закололи штыком, ее тело бросили возле кладбища. Там много трупов стариков, старух, детей. Никто их не закапывает. Лежат куски туловищ, головы, руки, ноги. Евреев в городе уже перебили. Теперь каратели разбрелись по селам. Водопроводчик сказал: “Вы еще молодая. Я не знаю, кто вы, но мне вас жаль — уходите”.

В этой деревне жила учительница-еврейка. Ее муж был белорус, я к ней зашла. Это была молодая, очень красивая женщина. У нее было трое детей,

¹ Самосожжение двадцати одного еврея произошло 31 июля 1941 г. Лишь двоим из них было за шестьдесят. Более половины сгоревших были моложе сорока лет. См.: *Энциклопедия...* С. 611. — И. А.

старшему было шесть лет, младший еще не ходил. Я ей предложила уйти со мной. Она ответила: “Куда я пойду с тремя крошками?” Когда я ночевала в следующей деревне, я узнала, что каратели приехали в Козенки, убили учительницу и ее детей.

Много мне еще пришлось увидеть. Я видела гетто в Орше. Оно было еще страшнее Минского. Замерзающие старухи копошились среди трупов. Девушки в кровоподтеках, распухшие от голода, спрашивали: “Когда за нами придут?” — смерть им казалась избавлением. Я видела в Орше лагерь военнопленных. Фашисты там избивали пленных сапогами, прикладами, нагайками. Я видела лагерь в Смоленске. Тени людей должны были закапывать умерших — по триста-четыреста трупов в день. Я видела немцев, которые давили вшей, приговаривая: “Один еврей, два еврея...” В городе Починок меня арестовали. Меня пытали, желая узнать, не еврейка ли я? Я молчала. Меня стегали плетью, выбили мне зубы. В Починоке я видела, как немцы вешали русских. Я видела немцев, которые грабили, убивали и смеялись над горем. Я шла на восток, голодная, разутая. Я собирала в поле колосья, я нищенствовала. Немецкая машина сшибла меня, сломала мне ногу, вскоре я заболела сыпняком и просила врача, чтобы он меня не лечил.

Я добралась до Орла. Я видела партизан, видела борьбу советских людей против захватчиков. И вот 5 августа 1943 года я увидела чудо — красную звезду на шапке красноармейца.

Я не могу забыть Мозыря: лицо старой Голды, истерзанные трупы героев-плотников.

Бася Пикман

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЗРЕНБУРГ

РАССКАЗ ДОКТОРА ОЛЬГИ ГОЛЬДФАЙН

231

Война застала меня в пограничном городке Пружанах, где я работала врачом в больнице. В ночь на 22 июня 1941 года я дежурила. В три часа тридцать минут немцы начали бомбить город

Немцы вошли в город 23 июня и тотчас, соскочив с автомобилей, стали грабить и избивать евреев. Они привезли с собой белогвардейцев, которые говорили по-французски и по-немецки и тут же на улице развернули громкую агитацию. Все мы заперлись в домах.

На третий день немцы потребовали, чтобы мы сдали всю имеющуюся посуду, ножи, ложки, горшки, а еще через два дня потребовали кровати, постельное белье и тому подобное.

Евреи спрятались в погребах, на чердаках, но немцы их всюду находили, били смертным боем и тащили на работы.

10 июля, после того, как прошла армия, в город приехали гестаповцы, и тут началось непередаваемое. Прежде всего, они схватили восемнадцать евреев и расстреляли их в двух километрах от города. О судьбе этих несчастных мы узнали только через десять дней, когда собака принесла руку одного врача с красным крестом на рукаве.

15 июля немцы вывесили на улицах объявление, что евреи должны в течение трех дней избрать еврейский совет — юденрат — из двадцати четырех человек. Если юденрат не сформируется, сто человек будут расстреляны. Никто из евреев не хотел идти в юденрат. Один еврей, посоветовавшись с поляками, решил, что нужно представить список евреев, без их ведома, с тем чтобы их вызвали и поставили перед совершившимся фактом. В этот список включили людей с высшим образованием — адвокатов, врачей, но немцы, поглядев список, сказали, что им нужны ремесленники, а не ученые люди. Спустя неделю немцы создали юденрат по своему выбору.

20 июля в юденрат явились гестаповцы и заявили, что в течение трех дней им должна быть доставлена большая контрибуция: *пять килограммов золота, пятьдесят килограммов серебра и полмиллиона советских рублей*. Через три дня немцы эту контрибуцию забрали, но при этом никакой квитанции юденрату не дали. К нам обратились евреи окружающих местечек с просьбой помочь им выплатить контрибуцию. У них не было драгоценностей и денег. Мы собрали все ценности, какие у нас остались, — броши, кольца, взяли подсвечники и канделябры в синагогах — и таким образом покрыли контрибуцию за местечки Широков, Малеч, Линово.

В пять часов утра немцы собирали евреев-мужчин на работу, вечером многие возвращались искалеченными и избитыми.

10 августа на стенах домов появилось объявление германского главнокомандующего о том, что все евреи оккупированных областей будут вывезены в гетто.

Два месяца мы спали в одежде, держа под головой маленькие узелки, каждую минуту готовые к отъезду.

9 октября стало известно, что в Пружанах организуется «юденштадт», мы останемся на месте и к нам в юденштадт придут жители Белостока. 25 октября нас перевели в гетто. Часть гетто была обнесена проволокой, часть — сплошной стеной.

В течение шести недель к нам прибывали евреи Белостока — три тысячи вдов и две тысячи сирот. За городом немцы организовали контрольную камеру, где беспощадно избивали и грабили вновь прибывающих.

Одновременно к нам в гетто стали прибывать евреи из других городов и местечек Беловеж, Гайновка, Новый Двор, Заблудов, Каменец, Блудень, Малеч, Шерешево, Береза, Слоним и др.

2 января 1942 года немцы потребовали от нас вторую контрибуцию. У нас отобрали шубы, все шерстяные и меховые вещи. Еврейка не имела права сохранить даже меховую пуговицу. Были отобраны все фотоаппараты, ковры, патефоны и пластинки, *кроме пластинок Мендельсона*. Нам представили счет за оборудование гетто, которое мы сами, под палкой, строили, — сперва семьсот пятьдесят тысяч марок и пятьсот тысяч марок по второй контрибуции.

9 января бывшая тогда в городе бургомистром немка Горн объявила, что две тысячи евреев должны немедленно уйти из гетто. Благодаря крупной взятке, данной нами Горн и жандармерии, эти евреи были оставлены в гетто до весны.

В феврале к нам прибыл новый бургомистр Кошман и тут же потребовал третью контрибуцию деньгами и одеждой. Кроме того, был установлен налог — на каждого человека десять марок. За неимущих должен был платить юденрат.

В марте стали прибывать к нам евреи из Ивацевичей, Столбцов и др. Приезжали они в ужасном виде: с отмороженными руками и ногами, — они ведь все были полуголыми. В апреле гетто снова уплотнили. В мае началась вербовка в лагерь, из которых уже ни один человек не вернулся. Зимой мы сметали снег с железнодорожного полотна, от станции Линово до Барановичей, а молодых людей еще тогда взяли в лагерь. Весной и летом мы копали торф, корчевали пни, вырубали лес на стометровой полосе от полотна железной дороги, засыпали ямы песком.

Немцы организовали сапожные, портняжные, мебельные артели.

Немцы вывезли в Германию все железо, разобрали и отправили на Запад имевшуюся в Пружанах узкоколейку.

От холода, голода и побоев за зиму погибло шесть тысяч человек из восемнадцати тысяч жителей гетто.

2 ноября в пять часов утра гестаповцы окружили гетто и сказали, что мы будем эвакуированы, — предупредив, что каждый имеет право взять не более пятидесяти килограммов багажа. К моменту издания этого приказа всех евреев в соседних местечках уже убили, — и мы поняли свою участь. Многие решили умереть и бросились в аптеки за ядом. Сорок семь

человек отравились и умерли. Я тоже решила умереть. У нас был запас морфия, и мы его разделили между собой — по грамму на человека. Я приняла один грамм вовнутрь и один грамм ввела в вену. После этого мы заперлись в квартире и сделали угар. Юденрат об этом узнал и под утро открыл квартиру. Все лежали в беспомощности, а один счастливчик уже умер. Медперсонал ухаживал за нами трое суток, и мы вернулись к жизни. 6 ноября я получила записку от своей знакомой — монахини Чубак. Она просила меня встретиться с ней. Я пошла к проволочным заграждениям и тут увидела ее. Она принесла литр водки постовому, чтобы он разрешил нам поговорить, а мне дала триста марок для подкупа стражи. Я сказала ей, что очень измучена и не хочу бороться за жизнь, лучше уйду из жизни. Когда мы с ней расстались, я решила тут же нагнать постовому, чтобы он меня застрелил. Вначале этот вахмистр был поражен, когда я осмелилась к нему обратиться. Я заговорила с ним: неужели он верит словам Гитлера, что мы биологически не люди, неужели немцам, считающим себя культурными людьми, господствующим народом, не стыдно мучить беззащитных вдов, стариков, детей? “Неужели, — спросила я, — он не знает, в каком положении находится германская армия, — ведь Сталинграда не взять, на Кавказе они окружены, из Египта они бегут, войны им не выиграть”. Я говорила ему, что фюрер сделал всему немецкому народу прививку бешенства, и они, действительно, взбесились, как собаки. “Пойми, вахмистр, — говорила я, — я хочу, чтобы ты выжил, вернулся к себе домой и вспомнил слова этой маленькой еврейки, которая говорит тебе всю правду!”

Вахмистр меня не застрелил.

Тогда я пошла к одному знакомому парикмахеру — Берестицкому. Я знала его как очень решительного человека. Я вызвала его в переулок и сказала: “Я хотела отравиться, яд меня не взял, хотела быть застреленной, но немецкая пуля меня не берет. Выход у меня один: бежать из гетто. Помогите мне в этом”. Берестицкий осторожно приподнял проволоку, я проползла под нею, пересекла улицу и через огороды, через дворы бросилась к монастырю. Скоро я была уже у своей знакомой монахини. Немедленно она меня переодела и спрятала. Мне сделали три убежища: одно в коровьем хлеву, другое — под лестницей, третье — между двумя шкафами. Я сидела взаперти и все время наблюдала в окно, кто к нам идет. Когда я выходила в столовую, двери закрывали на ключ. Все это время у меня страшно болели зубы, я не спала ночами, но к зубному врачу не могла обратиться. Неделя прошла в постоянном страхе. Днем я отсиживалась в комнате, по ночам выходила во двор и слушала, что делается в гетто. Там было темно и страшно. Вокруг гетто горел огонь, были расставлены пулеметы и танкетки, над гетто летали самолеты.

К концу пятой недели пребывания в монастыре ко мне пришел представитель юденрата с письмом от председателя юденрата [и моего мужа.] Мне писали, что немцы интересуются моим здоровьем (немцы считали, что я все еще больна после отравления). Если я не вернусь, из-за меня пострадает гетто.

Я недолго думала: раз гетто угрожает опасность из-за меня — я вернусь. Но я не знала, как войти в гетто. Посланный сказал, что проведет меня под видом работницы комиссара, идущей в гетто искать хорошую шерсть для вязания комиссарского свитера.

Через несколько часов я уже была в гетто. [Дома своего я не нашла — он оказался выгороженным из гетто, и мы с мужем поселились у моей приятельницы, зубного врача Ницберг-Машенмессер.] Я узнала, вернувшись в гетто, что Африка почти вся очищена и немцы заперты в Тунисе. Настроение у всех поднялось.

27 января 1943 года, возвращаясь от больной, я услышала стрельбу в юденрате. Через двадцать минут меня туда вызвали. Я застала двух раненых и одного убитого. Стрелял, как оказалось, шеф гестапо Вильгельм: он ворвался в семь часов вечера в здание юденрата и обвинил юденрат в сговоре с партизанами. Тут же он убил сторожа и ранил двух членов юденрата.

28 января, в пять часов утра, к гетто подошли войска, а в семь часов нам объявили об эвакуации. В восемь часов в город вошло множество подвод для того, чтобы нас увезти. Шеф гестапо Вильгельм распорядился, чтобы осталась только часть подвод, а остальные пришли 29, 30 и 31 января. Первый транспорт двинулся с места уже в десять часов утра, в него попала и я.

За пять часов мы доехали до станции Линово: немцы приказали нам слезть с подвод. Каждого били по голове жгутами до потери сознания. Я получила два сильных удара, и в голове у меня был шум, как в телеграфном столбе. Видя близость смерти, я свои вещи оставила на подводе. Мужа я тут же потеряла.

На вокзале нас продержали три часа, в шесть часов вечера прибыл наш эшелон (холодные теплушки). В семь началась погрузка. На перроне мы шагали по трупам. В вагоны нас бросали, как мешки с картошкой. Немцы вырывали детей у матерей и тут же их убивали.

В последнюю минуту перед пломбировкой поезда я спрыгнула на полотно. Моя латка была закрыта большим платком. Быстро я прошла по какой-то улице, попала на огород и, прижимаясь к заборам, вышла в поле. Дальше я все время шла полем — на дороге ведь были гестаповцы. Мороз, как я потом узнала, был 22 градуса. Много раз я падала в изнеможении.

Когда я вошла в военный городок, меня остановил оклик постового: “Хальт!” Я притворилась белоруской и сказала, что иду из своей деревни в соседнюю — там моя дочка рожает. Часовой разрешил мне идти дальше.

Таким образом я шла до двух часов ночи. Наконец я подошла к городу. Два часа я бродила по окраинам, боясь кого-нибудь встретить. С большой осторожностью я приблизилась к монастырю. Тихонько постучала в окно. Дверь мне открыла старшая монахиня и тут же стала растирать мне руки. Есть я не могла и выпила только несколько стаканов холодной воды. Мой друг — монахиня Чубак — уложила меня на свою кровать, и я заснула.

Утром (это было 29 января) меня разбудил плач. Плакала одна монашка; оказывается, она боялась, что мое возвращение в монастырь погубит монахинь. Чубак ее убеждала, что завтра мы уедем. Но та лишь повторяла: “Доктор Гольдфайн все равно должна умереть, а из-за нее и мы погибнем”. Тогда я вмешалась в разговор и сказала, что если я сумела выпрыгнуть из поезда смерти, то, наверное, сумею уйти из этого дома, не причинив никому неприятностей.

В городе появились объявления, что все сараи, чердаки, подвалы и клозеты должны быть заперты, чтобы евреи туда не забрались; собак нужно

спустить с цепей: если в каком-нибудь доме найдут еврея, то все население будет убито.

Шестнадцатилетняя прислуга монастыря Раня Вевюрская ушла в деревню за двенадцать километров искать для меня подводу. Она вернулась поздно вечером и сказала, что завтра с утра приедет подвода. В десять часов приехала подвода. Я переоделась монашкой и надела черные очки. Сидя на телеге, я упорно смотрела на узелок, который был у меня в руках. Монахиня Чубак пошла пешком вперед. На глазах у гестаповцев я выехала из города. В это время как раз шел третий транспорт евреев. За городом на телегу подседа монахиня Чубак. Навстречу нам попалась знакомая поляка — Калиновская. Она сделала знак Чубак, что я хорошо замаскирована. Меня это испугало, я боялась, как бы она меня не выдала. Спутница меня успокоила, сказала, что Калиновская очень остро переживает бедствия, обрушившиеся на евреев, и, узнав, что меня собираются спасти, специально вышла на дорогу, чтобы убедиться, все ли прошло хорошо.

Мы ехали до пяти часов вечера. Лошадь была измучена, и мы решили переночевать в ближайшей деревне. Моя спутница обратилась к солтысу (старосте) с просьбой указать нам место для ночлега, но он заявил, что все занято: в этой деревне ночуют двадцать немецких жандармов. Мы решили, что лучше нам отсюда уйти, сели на телегу и поехали дальше. Измученная лошадь едва плелась. Въехали мы в дремучий лес — Беловежскую пушу. По дороге мы увидели маленький домик. Моя спутница вошла туда и встретила свою бывшую ученицу. Нас хорошо приняли, мы провели ночь в тепле. С рассветом опять продолжали путь. Наконец приехали в Беловеж и направились в костел. Затем мы поехали в Гайновку, оттуда в Бельск, из Бельска поездом — в Белосток. В вагоне мы узнали, что в первых числах февраля немцы окружили гетто в Белостоке и там идет резня.

В Белостоке мы пошли в центральный монастырь. Я обратилась к настоятельнице монастыря с просьбой скрыть меня, но она испугалась и заставила нас немедленно уйти. Покидая монастырь, я сказала моей спутнице, что больше ни одному человеку мы не должны открывать нашей тайны. Ночью мы оказались на улице и не знали, куда нам деться. Тут моя спутница вспомнила, что она знает адрес брата одной монахини. Его не оказалось дома, но нас охотно приняла его жена. В это время в Белостоке шла резня евреев. Город был наполнен гестаповцами, и все жители боялись, как бы не заподозрили их в том, что они евреи. Билеты на вокзалах не продавались. Мы стали просить начальника станции, чтобы он дал нам, бедным монахиням, вынужденным просить милостыню, билет без пропуска. Он сначала отказал, а потом все же выдал билеты. Я боялась положить драгоценные билеты в карман и все время держала их в руке.

Таким образом 13 февраля мы выехали из Белостока; до станции Лапы ехали поездом, а оттуда подводой поехали в различные костелы — Домброво, Соколы, Мокини и оттуда поездом — до Варшавы. В губернаторстве¹ мы уже не боялись, что нас задержат, здесь паспортов не спрашивали. Из Вар-

¹ Генерал-губернаторство, часть оккупированной Польши. Белосток с 1939 г. входил в состав СССР. Немцы после занятия этой территории создали отдельную административную единицу — “генералбецирк Белосток” (генеральный округ Белосток), куда входила и Гродненская область. — И. Л.

шавы мы поехали в Лович, где жила семья моей спутницы. Там мы пробыли шестнадцать месяцев; никто не знал, что я еврейка. Я работала медицинской сестрой и имела большую практику.

В мае 1944 года мы решили переехать ближе к Бугу, в место, которое находится в двадцати двух километрах от Люблина.

25 июля 1944 года местечко было освобождено Красной Армией, а 29 июля я двинулась на восток и частью пешком, частью автомашиной добралась до своего города Пружаны.

Пружаны были освобождены 16 июля. Из двух тысяч семисот евреев, которые скрывались в лесу, в город вернулись только два десятка парней и девушек, остальные погибли¹. Население очень обрадовалось моему возвращению, и ко мне было буквально паломничество моих друзей, знакомых, пациентов. *Но надо сказать, в Пружанах кое-кто испугался, увидя меня, пришедшую с того света, свидетельницу темных дел некоторых людей.*

Подготовил к печати ВАС. ГРОССМАН

1 Всего в гетто Пружан, куда были переселены также евреи из других городов округа Белосток, погибло около 18 тысяч узников. Более 10 тысяч из них были вывезены в Аушвиц. См.: *Энциклопедия...* С. 821–822. — И. А.

Показания и документальные свидетельства жителей Бреста

[Брест был оккупирован немцами в первые дни войны. Он стал одной из первых жертв].

До войны в Бресте проживало около двадцати шести тысяч евреев¹; среди них инженеры, врачи, техники, адвокаты, лучшие мастера по дереву. Осталось в живых не более пятнадцати человек, чудом спасшихся от расправы.

Вот что рассказывают о первых днях немецкого господства в Бресте эти немногие уцелевшие.

Бакаляш Вера Самуйловна:

В день прихода немцев еврейское население сразу же почувствовало тяжесть немецкой лапы. Начались облавы, угон на принудительные работы; после работы заставляли танцевать, ползать на животе, а тех, кто не слушался, безжалостно били.

Гутман Татьяна Самуйловна:

С первого дня началось для евреев страшное житье. Немцы гнали евреев на работу, мучили безжалостно, грабили и требовали золота, а тех, кто не давал, били, расстреливали [злые, как тигры, они бегали из одного дома в другой].

Зисман Ошер Моисеевич:

В начале июля 1941 года немцы забирали евреев на “работу”, а в действительности они загнали пойманных евреев в Брестскую крепость; держали их там в ужасных условиях, — в июльскую жару людям пять дней не давали ни воды, ни хлеба, — и всех до одного расстреляли. Один еврей, который спасся, рассказал, что когда он выбрался из могилы, там еще оставалось много живых и полуживых людей, так как только первые ряды получали пули. В то время, когда немцы начали засыпать могилы землей и горячей известью, многие были еще живы.

В городе Кобрине Брестской области, пишет тот же Зисман, “немцы подожгли еврейскую больницу и квартиру раввина, и так как местные пожарные получили приказ не тушить огня, то пожары захватили весь город. Немцы бросали евреев живыми в огонь”.

12 июля 1941 года в Бресте была произведена облава на мужчин.

Сестры Мария и Суламифь Кацаф пишут:

¹ По другим данным, в Бресте жило около 21 тысячи евреев. См.: *Уничтожение...* С. 12. — И. Л.

Ночью [с постели их забрали: кому удалось спрятаться, тот еще год пожил.] Забрали пять тысяч мужчин, в их числе — тринадцатилетних мальчиков и семидесятилетних стариков. Была забрана большая часть интеллигенции: врачи, инженеры, адвокаты, среди них наши хорошие друзья: доктор Готбеттер — по детским болезням, доктор Фрухтгартен — по внутренним болезням, доктор Тоненбойм — по внутренним болезням, известные адвокаты Берлянд, Адунский, Белов, инженер Мостовлянский и другие.

Татьяна Самуйловна Гутман пишет:

Они устроили облаву, поймали пять тысяч мужчин, увезли за город и расстреляли. В числе их были врачи, инженеры, адвокаты.

Ошер Моисеевич Зисман пишет:

У моего старика-отца немецкие звери, перед тем как расстрелять его, вырвали седую бороду. У моего брата, зубного врача, немецкие бешеные собаки перед расстрелом выбили все зубы и, когда он упал без сил у могилы, со смехом приказали ему, как зубному врачу, вставить себе зубы.

Для тех евреев, которые еще остались в живых, с первых дней оккупации были созданы невыносимые условия. Всем евреям приказано было надеть желтые повязки с шестиконечной звездой, а через некоторое время эти повязки были заменены желтыми кружками, имеющими десять сантиметров в диаметре. Их надлежало носить на груди и на спине, так что евреев можно было отличить за километр. Ходить по тротуару евреям было запрещено. «Они имели право ходить только по середине улицы», — пишет Т. С. Гутман. А сестры Кацаф вспоминают: «Это произвело огромное впечатление и считалось страшным унижением — мы не знали, какие ужасы еще ожидают нас».

Евреев еще не лишили жизни, но жизнь уже превратили в ад.

Вот что рассказывают сестры Кацаф:

[С первых дней оккупации евреям был запрещен проход на базар, а тех, кому это удавалось, прогоняли оттуда плетьюми и автоматами.

В. С. Бакаляш добавляет:

...запретили проходить на базар, а в окрестных деревнях приказали ничего не продавать евреям. У тех, кому все-таки удавалось что-нибудь купить, все отбирали.]

«С самого начала оккупации начались грабежи, забирали все: постель, белье, посуду и мебель. Ни с чем, понятно, не считались; у нашей невестки, беспомощной беременной женщины, забрали единственную кровать и одеяло. Для некоторых их личные вещи являлись единственным источником существования, но продать их было невозможно, так как у евреев было запрещено что-либо покупать», [— пишут сестры Кацаф.

И все-таки это было каким-то подобием свободы по сравнению с той жизнью, которая ожидала евреев.]

В конце ноября 1941 года фашистские власти выделили несколько улиц в Бресте, переселили туда всех оставшихся в городе евреев и окружили это место колючей проволокой. Так в Бресте возникло гетто¹.

Вера Бакаляш пишет:

У ворот стояла полиция, никого из гетто не выпускали и никого из неевреев не впускали туда. На работу выгоняли группами под охраной полиции; поодиночке ходить по городу евреям было запрещено. Если по пути с работы удавалось что-либо купить, то это отбиралось полицией, которая обыскивала всех возвращающихся, а по карточкам выдавали сто пятьдесят граммов хлеба на человека в день.

“Условия жизни были кошмарные, — пишет Сикорский, — люди в гетто были лишены всякой возможности приобретать какие бы то ни было продукты питания; если у кого и были запасы, то их в скором времени отобрала немецкая полиция, и народ буквально голодал”.

“Из гетто нас гоняли на принудительные работы. Даже подростков заставляли делать самую тяжелую работу. Мне пришлось работать грузчицей, и я то и дело получала пощечины за то, что не в силах была исполнять то, что было приказано”, — пишет Гутман.

“Под угрозой расстрела евреям запрещалось жениться и иметь детей”, — пишет Ошер Моисеевич Зисман.

Так шло существование в гетто, — и покуда несчастные люди влачили его, сотнями погибая от голода, непосильной работы и дьявольски гнусных условий жизни, фашистские владыки солидно и спокойно, тщательно продумывая все детали, без лишней суеты и нервозности подготовляли последний кровавый акт этой трагедии — истребление евреев.

О том, как был задуман этот акт и как велись к нему приготовления, расскажет нам официальный документ, составленный после освобождения Бреста комиссией, в которую вошли представители советской власти, партизан и граждан Брестской области.

АКТ

о зверствах, грабежах, издевательствах
и разрушениях, причиненных немецко-фашистскими
захватчиками в районе Бронная Гора
Березовского района Брестской области

Комиссия в составе: председатель комиссии
Тарасевич Аркадий Иванович; члены комиссии: председатель
Березовского райисполкома Бурый Василий Николаевич,
представитель от партизан Каштелян Иван Павлович,
от граждан Березовского района — товарищ Новик.

¹ “Большое” и “малое” гетто (располагались по обе стороны шоссе Варшава — Москва) были организованы 16 декабря 1941 г. См.: *Энциклопедия...* С. 107. — И. А.

Путем обследования места, где производились массовые пытки и расстрелы советских граждан немецко-фашистскими захватчиками, а также путем опроса ряда граждан по этому делу установлено следующее.

По заранее подготовленным планам немецко-фашистскими захватчиками в районе Бронная Гора в 400 метрах северо-западнее станции Бронная Гора в мае–июне 1942 года немцами начала производиться копка могил на площади 16,800 м².

Для выкопки могил немцы мобилизовали граждан из прилегающих деревень Березовского района: на копке могил использовалось от 600 до 800 человек в день. Для быстрой оканчания работ немцами были применены взрывчатые вещества: тол и т. д.

По окончании копки могил в середине июня 1942 года немцы начали доставлять эшелонами по железной дороге на станцию Бронная Гора советских граждан различных национальностей: русских, белорусов, евреев, поляков, от грудных детей до глубоких стариков.

Вагоны прибывших эшелонов сопровождался специальным конвоем немцев в форме СД и СС. Вагоны прибывали из различных мест Белоруссии: со станций Береза, Брест, Дрогичин, Яново и других. Доставка советских граждан в район Бронная Гора производилась также и пешим порядком.

Вагоны прибывших эшелонов были крайне переполнены, в результате чего среди измученных граждан находились и мертвые. Прибывшие эшелоны подавались на ответвление железной дороги, которое подходило к военным складам, на расстоянии 250 метров от центральной железной дороги станции Бронная Гора. Эшелоны останавливали у заранее подготовленных могил, после чего немцы производили разгрузку вагонов на заранее подготовленной площадке, обнесенной колючей проволокой.

При разгрузке вагонов граждан заставляли раздеваться догола и сбрасывать одежду в кучу. Обреченных по узкому коридору из колючей проволоки отводили к ямам и по лестницам спускали в ямы, заставляли ложиться лицом вниз вплотную друг к другу. После заполнения первого ряда немцы в форме СС и СД производили выстрелы из автоматов. Таким же образом располагали второй и третий ряд до полного заполнения могилы.

Все эти действия сопровождалось душераздирающими криками мужчин, женщин и детей.

После полной разгрузки эшелона и расстрела граждан одежда и вещи последних грузились в вагоны и отправлялись в неизвестном направлении. Подача эшелонов на площадку, где производился расстрел, и отправка обратно производились и строго контролировалась начальником станции Бронная Гора — Хейль и дежурными по станции — Пикэ и Шмидтом. [Все трое по национальности немцы.]

В целях скрытия следов преступлений, совершенных в районе Бронная Гора, немцы расстреляли все гражданское население — более тысячи человек, проживавших на территории бывших военных складов. Всего могил на площадке, где производились массовые расстрелы, имелось восемь: первая могила длиной 63 метра, шириной 6,5 метра; вторая — длиной 36 метров, шириной 6,5 метра; третья — длиной 36 метров, шириной 6 метров; четвертая — длиной 37 метров, шириной 6 метров; пятая — длиной 52 метра, шириной 6 метров; шестая — длиной 24 метра, шириной 6 метров; седьмая — длиной 12 ме-

тров, шириной 6 метров; восьмая — длиной 16 метров, шириной 4,5 метра. Все могилы имеют глубину: 3,5–4 метра.

С июня по ноябрь 1942 года немцами в районе Бронная Гора расстреляно более 30 тысяч мирных советских граждан.

2 октября¹ пришел черед прощаться с жизнью и жителям Брестского гетто. Вот как вспоминают об этом дне уцелевшие (сестры Кацаф):

14 октября 1942 года гетто взволновалось. Вокруг гетто за колючей проволокой что-то происходило. Было шумно, появилось очень много полицейских частей. Что это значит? Но к вечеру полицианты разъехались и люди понемногу успокоились. В шесть часов утра 15-го нас разбудил сосед, сказал, что гетто окружено. Началось! То, что творилось, трудно описать. Некоторые прятались в заранее приготовленные “схроны”, а те, у кого их не было, просто метались, как сумасшедшие по улицам.

“15 октября 1942 года все гетто было окружено войсками СС и СД и в шесть часов утра началась кровавая резня невинного народа. Гитлеровские головорезы врываются в дома, подвалы и тащили всех женщин, стариков, младенцев на улицу, выстраивали и гнали на расстрел”, — пишет товарищ Сикорский.

Но все это время, все эти страшные три года, палачи, изощряясь в пытках и казнях, не имея ни души, ни совести, не зная, что такое чувство жалости, знали, однако, чувство страха. Об этом красноречиво говорит официальный документ, акт комиссии.

Для того, чтобы скрыть следы своих зверских действий, немцы в марте 1944 года в лагерь, который размещался на станции Бронная Гора, пригнали более 100 граждан из различных местностей Брестской области, которым было поручено произвести раскопку могил и сжигание трупов. Трупы сжигались на площадке, где расположены могилы с расстрелянными гражданами. Трупы сжигались днем и ночью на протяжении 15 суток. Для сжигания трупов немцами было разобрано и использовано 48 военных складов и барачков, расположенных поблизости. Для сжигания употреблялась также горючая жидкость, которая горела синим светом. После окончания работы по сжиганию трупов немцами также были расстреляны и сожжены все рабочие в количестве более 100 человек, которые производили раскопку и сжигание.

На поверхности могил и площадки, где производилось сжигание трупов, немцы насадили молодые деревья. На площадках обнаружены остатки неперегоревших костей, приколки от женских волос, детские ботиночки, советские деньги, кость от плечевого сустава и рука ребенка длиной 18 сантиметров.

Уцелело несколько человек: Новис Роман Станиславович, Говин Иван Васильевич, Цетинский Борислав Михайлович, Яцкевич Григорий Григорьевич и другие очевидцы, которые рассказали все, что видели собственными глазами. И они же отвели советскую следственную комиссию в другое страшное место, расположенное неподалеку, на возвышенности возле де-

¹ Вероятно, 15 октября. — И. А.

ревни Смолярка Березовского района, в шести километрах от станции Бронная Гора и в семидесяти метрах от шоссе Московской — Варшава. И вот что там установила комиссия.

Немцы доставляли советских граждан из города Березы и деревень Березовского района к могилам на автомашинах. Пытки, издевательства и расстрел мирных советских граждан в районе деревни Смолярки производились тем же методом, как и массовые расстрелы на Бронной Горе.

Всего обнаружено 5 могил с трупами советских граждан; все могилы одинакового размера, длина которых составляет 10 метров, ширина 4 метра и глубина 2,5 метра.

Массовый расстрел граждан в урочище Смолярки производился в сентябре 1942 года; там было расстреляно, по показаниям очевидцев, более тысячи человек, о чем подтверждают свидетели, очевидцы Генц Иван Иванович, Генц Иван Степанович, Левковец Андрей Иванович, Кутник Иосиф Яковлевич и другие.

Житель Бреста, инженер Кохановский, очевидец брестских событий, свидетельствует:

Во время поголовного расстрела [около] двадцати тысяч евреев расстреляна также основная и самая видная местная интеллигенция. Из лиц, которых я узнал только в течение одного года моего пребывания в городе, расстреляны: доктор Кальварийский — невропатолог, крупный специалист; доктор Иоффе, терапевт; доктор Манзон; доктор Каган; врач Кеблицкий; врач Мечик; адвокат Мечик; врач Ракиф; врач Кисляра; врач Иванова; видный инженер Зеленая; инженер-электрик Березовский; экономист Зильберфарб; инженер Филипчук; техник Голуб; техник Таран; инженер Каминский и много других.

Немцы ненавидели трудовую интеллигенцию. Инженеров принуждали чистить скотные дворы, созывали публику и издевались над работающими: “Инженер, инженер”. Их расстреливали поодиночке и семьями. Был расстрелян ксендз католического костела. [Немцы уничтожали всю культуру, интеллигенцию, религию.] Здоровое физически население уводили в Германию на принудительные работы, а тех, кто оставался в городе, использовали на рытье окопов.

В Бресте Красная Армия нашла опухших от голода, полумертвых, но все-таки живых людей, чудом спасшихся от немецкой смерти: Таню Гутман, Веру Бакаляш, сестер Кацаф и Ошера Зисмана. Как спаслись эти люди?

Таня Гутман так описала нехитрое чудо своего спасения:

Я с сестрой и нашими детьми спряталась под домом, откуда мы видели, как водили евреев на расстрел. Сперва расстреливали в гетто и заставляли раздеваться, чтобы оставалась одежда. Я в своей “спрятанке” ела сырую крупу, муку, бураки, огурцы. Дети высохли от голода. После двух недель я вышла из гетто посмотреть, что делается на свете, набрала хлеба, принесла детям и опять ушла из гетто. Ночевать приходилось под открытым небом, а на дворе были уже морозы. Пять недель я изворачивалась и носила детям еду, а раз, придя в гетто, я детей уже не нашла. И тогда я пошла без цели, не зная куда. Позд-

ним вечером я решила зайти к одной русской семье, которая сжалась надо мной и спрятала меня в сарае. Там я просидела всю зиму, а потом меня укрыли под полом в яме, в которой я находилась до прихода Красной Армии. В тот день я вышла на свободу, и бойцы, которые остановились во дворе, угостили меня обедом, и опять я стала человеком.

“Я с женой и еще двенадцать женщин скрывались в яме под сарайчиком. Несколько женщин из тех, что были с нами, сошли с ума, и так как мы с женой заболели, то, собрав последние силы, мы ушли в другое место, на чердак. И так мы мучились семнадцать месяцев — на чердаках, в погребках, в отхожих местах. Когда наступил счастливый день 28 июля 1944 года, день освобождения нашего города от немецких бандитов, я уже был не в силах двигаться. Опухший от голода и больной, я даже не был в состоянии разговаривать с людьми. Бойцы Красной Армии покормили меня, вызвали советского врача и так спасли мне жизнь”, — рассказывает Ошер Зисман.

“Мужа у меня уже не было. Я с детьми и моя сестра с детьми спустились в погреб, куда был сделан тайный ход из нашей комнаты. Оставшаяся в доме наша старая мать задвинула этот ход шкафом, так что немцы, когда пришли, не обнаружили его и не нашли нас. Они забрали с собою старушку. Так мы просидели до 1 ноября, ели сырые бураки, капусту, сырую крупу и даже муку, смешанную с солью. Я решила послать своего девятилетнего сына в деревню к знакомым. Через двое суток он вернулся домой ни с чем и начал просить меня пойти за хлебом, сказав, что он выведет следом за мной младших детей. Он так плакал и просил меня, что я согласилась. Мы вышли с ним, и мне удалось спрятаться в одной деревне, а мальчик пошел за младшими детьми. Но, вернувшись через несколько дней, он вместо моих детей принес удар грома, — детей задержала полиция. Я трое суток лежала без памяти с высокой температурой, но долго я лежать не могла, пришлось встать и пойти. Несколько ночей я провела за городом в воде, где стояли брошенные танки. В одной деревне я просидела под полом у одного доброго человека до 20 февраля, но однажды ночью мне пришлось удиравать, так как, по чьему-то донесению, пришли делать обыск. Я спряталась под одной церковью, которая стояла недалеко от деревни. Там я просидела почти месяц, имея в запасе буханку хлеба весом в два килограмма. Голод заставил меня выйти. В лесу я упала, потеряв силы. Меня подобрала одна женщина, покормила, дала мне хлеба, но попросила уйти, так как боялась немцев. Она довела меня до леса, где я встретила партизан, и в их отряде я жила до прихода Красной Армии”, — вот “чудо” спасения Веры Бакаляш.

“15 октября 1942 года в шесть часов утра мы завели мать и ребенка сестры в ‘схрон’ к невестке, и так как там больше не было места, то, обеспечив их, мы вышли на улицу, не зная, что с собой делать. В последнюю минуту нам пришлось в голову подняться на чердак нашего дома, и там, в углу, забитом досками, мы, шестнадцать человек, просидели пять недель. Условия трудно себе представить: голод, холод, грязь. Но это я считаю неважным, главное, что мы были свидетелями ужасов, то есть видеть не видели, но слышали, как приводили на соседний двор по семьдесят-сто человек ежедневно, им приказывали раздеваться, расстреливали и закапывали на месте. Рано утром приходили рабочие рыть могилы. Раз слышно было, как ребенок кричал:

‘Мама, скорее бы уже эта пуля, мне холодно’. Это было в ноябре, а нужно было раздеваться догола. Матери раздевали детей, потом сами раздевались. И так у нас за забором, то есть на улице Куйбышева, дом 126, лежит около пяти тысяч человек. В первые три дня евреев вывозили из Бреста на Бронную Гору, было такое движение автомашин и вся эта ‘акция’ проводилась с таким торжеством, как будто справляют большую победу — взятие города или что-нибудь в этом роде. После проведенной ‘акции’ всю ночь были слышны пение и музыка. Так погибло еще семнадцать тысяч брестских евреев, среди них двадцать пять человек из нашей семьи. 20 ноября 1942 года ночью нас нашли несколько украинских полицейских, но не убили, а только ограбили. И нам пришлось пойти куда глаза глядят. Мы были почти раздеты и так мучились два года в погребах, на чердаках, в сараях, в самые сильные морозы оставаясь на улице. Если не замерзли, то это чудо. По полгода мы не раздевались. Не видели вареной пищи. Если бы такая жизнь протянулась еще недели две, мы бы не выдержали. Но Красная Армия освободила нас, и наш родной брат, боец Красной Армии, мстит за нашу семью и за весь Советский Союз”, — пишут сестры Кацаф.

Все время, из всех “схронов”, “спрятанок”, “погребов”, из каждой щелки и ямы были видны картины, одна страшнее другой, разворачивалась кровавая панорама казней, чудовищное зрелище ежедневной смерти.

“Через вентиляцию я видел, как немецкие палачи издевались над своими жертвами перед расстрелом. Под угрозой закапывания живьем заставляли их раздеваться догола. Пуль у немцев не хватало на всех, и они засыпали живых людей землей и горячей известью. Я в погребе заболел дизентерией и не мог уже встать, но видел через вентиляцию, как немцы загоняли молодых девушек в сарай у могил и перед расстрелом насиловали их. Я слышал, как одна девушка звала на помощь и ударила немца по морде, и за это немцы закопали ее живой”, — пишет Ошер Зисман.

“Со всех сторон слышны были крики и плач детей. Людей сажали в машины и увозили в Картуз-Березу. Там были вырыты огромные ямы в глине, детей бросали туда живьем и убивали гранатами, а взрослых закапывали живыми”, — пишет Вера Бакаляш.

Из двадцати шести тысяч брестских евреев уцелело двенадцать или пятнадцать человек¹. Великое чудо заключается в том, что у этих людей, вопреки ежедневной, ежеминутной опасности, вопреки гибели близких, вопреки самым жестоким страданиям души и самым невероятным лишениям тела, хватило жизненной силы, страстного желания жить во имя борьбы и мести.

Вот последние сведения, которые дает нам акт комиссии:

В районе Бронной Горы немцами произведены также разрушения железнодорожных путей и всех станционных и пристанционных сооружений. Здания при отступлении подрывались и сжигались, а железнодорожное полотно разрушалось специальной машиной. В результате действия этой машины ломались шпалы и рельсы. Команда по разрушению железной дороги называлась “Пимашцуг”. Командир бригады был капитан Спорберг, по национальности немец. Ущерб, нанесенный станции Бронная Гора, составляет 1 152 000 руб. Пу-

1 В городе и его окрестностях спаслись 19 евреев. — И. А.

тем опроса свидетелей и по собранным данным по Брестской области комиссия установила, что массовый расстрел советских граждан в районе Бронной Горы и урочища Смолярка Березовского района производился немцами в составе спецкоманды СД и СС под руководством:

1. Начальника Брестского областного бюро полиции майора Родэ (до начала 1944 года);
2. Начальника Брестского областного бюро полиции Бинера (с начала 1944 года до изгнания немцев из Бреста);
3. Начальника 1-го участка полиции города Бреста лейтенанта Гофмана;
4. Начальников 1-го участка полиции города Бреста: мастера Гольтер, мастера Грибера и мастера Боса;
5. Начальника 2-го участка полиции города Бреста лейтенанта Прейзингера (до начала 1944 года);
6. Начальника криминальной полиции СД обершарфюрера Загацкого (немец);
7. Коменданта криминальной полиции Ивановского (поляк);
8. Заместителя начальника СД оберштурмфюрера Цибеля;
9. Начальника жандармов при гебитскомиссариате капитана Дауэрлейн;
10. Сотрудника СД Герика;
11. Начальника жандармерии в городе Картуз-Береза обер-лейтенанта Гардеса;
12. Офицеров СД — Грибера, Ванцмана (принимали непосредственное участие в расстрелах).

(Подписи комиссии.)

Эти имена сохранились в потрясенной памяти очевидцев и стали известны нам. Пусть же встанут они в ряду имен палачей, которые понесут заслуженную и справедливую кару.

Подготовила к печати **МАРГАРИТА АЛИГЕР**

Письмо красноармейца
Киселева

С Вами знакомится солдат Красной Армии, Киселев Залман Иоселевич, житель местечка Лиозно, Витебской области. Мне идет пятый десяток годов, а жизнь моя изломана, и кровавый сапог немца растоптал мои дни. Я учился долго в талмуд-торе — школе для детей бедняков, куда привели меня мои бедные родители. В 1929—1930 годах учился в районном колхозфаке. Читал книги, читал Виктора Гюго, Бальзака, Толстого, Шекспира, Жюль Верна, в условиях труда и жизненных лишений. Теперь начинаю описывать мою жизненную трагедию, где героем являюсь я, автором — война. Я родился в 1900 году в семье извозчика; счастье там было игрой, и лошадь подыхала каждый год. Как я писал, я учился в талмуд-торе и один отставной студент мне давал бесплатные уроки. В 1920 году я поехал с матерью в гости в местечко Бабиновичи, и там мне понравилась девушка, моя троюродная сестра, высокая, полная и довольно красивая лицом. Характер у нее был неплохой, и мне понравилось, что она была из небогатой [семьи] и, зная мое бедное положение, не гнушалась мной. Наверное, я ей тоже понравился. Я получил в приданое корову, и мы справили свадьбу, а к свадьбе я имел сорок рублей, но нас это не смущало, потому что наша любовь была ценнее всего. И я пробился к жизни, ничего меня не смущало с любимым человеком, я работал днем и ночью, и я был счастлив. К 1928 году у меня было две девочки, действительно хорошенькие, и жена моя хорошела, и я считал себя самым счастливым на свете. Я пошел работать в Белмясторг и по вечерам учился и читал книги. 1931 год был тяжелым. Мне пришлось бросить учение и перейти на службу по заготовке продуктов. Меня поддерживали хлебом, хотя в недостаточном количестве; но моя жена терпела вместе со мной. В общем, я считал себя счастливым и жил спокойно, честно, хотя и небогато, и пользовался авторитетом среди соседей. К 1941 году у меня была корова, пара поросят, улья и огород. Жена работала, и я работал. Детей у нас было шесть: пять девочек и один хлопчик. Как известно, началась война, враг напал на нашу родину. 5 июля 1941 года меня направили в армию, а жена осталась в Лиозно — с детьми и с моей матерью, которой было семьдесят пять лет. 12 июля немец захватил Лиозно. Я потерял связь с семьей. А в мае 1942 года я получил письмо от жены из Чкаловской области, город Саракташ. Она посылала мне привет от всех детей. Я обрадовался, и переписка с женой продолжалась больше года. Я видел, что письма жены полны скорби, и вот в июне 1943 года я получаю письмо, что моя жена Фанюся Моисеевна заболела, приезжайте. Мы стояли в Курской дуге, и положение было напряженное. Я не поехал, а две недели спустя получаю письмо, что ваша семья из Саракташа выбыла.

Мне сразу стало понятно, что значит слово “выбыла”, — это как у нас выбывают из строя. Я запросил хозяина квартиры, где жила моя жена, сколько детей с ней было. Хозяева мне ответили, что Фаня была одна, а детей она потеряла, когда переходила линию фронта. Дело было так: в первых числах марта 1942 года, после массовых убийств моих сородичей, моя семья и еще несколько семейств ушли с партизанами. Они дошли до передовых позиций. Жена оставила детей с моей матерью, а сама пошла за хлебом в соседнюю деревню. Там она заночевала, а ночью туда пришли наши части, и она не смогла пройти к детям. Так без любимых детей и жила моя Фаня и не хотела меня огорчать и не писала об этом, унесла в могилу горе, а меня не огорчила. Это был действительно друг жизни. Прошу вас записать вашими словами об этой судьбе.

20 апреля 1944 г.

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

Краснополье,
Могилевская область

Я напишу о краснопольской трагедии. Там погибли тысяча восемьсот евреев и среди них моя семья: красавица дочка, больной сын и жена¹. Из всех евреев Краснополя чудом уцелела одна — Лида Высоцкая, она мне написала про все. Я узнал, что за день до казни, когда уже нельзя было выходить из гетто, моя жена, с позорной биркой на груди, пробралась в город, чтобы раздобыть сушеные яблоки для больного сына. Она хотела продлить его жизнь хотя бы на день, сердце несчастной билось любовью к сыну. 20 октября 1941 года немцы согнали всех и расстреляли. А детей они мучали два месяца, потом убили. Мой сын давно болел, но его спасали доктора. Советская наука спасла его, а эти звери его убили из автомата.

Я муж без жены и отец без детей, и я уже не молод, но я третий год воюю, я мстил и буду мстить. Я сын великой родины, и я — солдат Красной Армии. Я вырастил младшего брата, он теперь воюет — он полковник на 1-м Украинском фронте. Он тоже мстит. Я видел поля, усеянные трупами немцев, но этого мало. Сколько их должно погибнуть за каждого убитого ребенка? Передо мной, в лесу и в землянке, краснопольская трагедия, там погибли дети, и в других городах и деревнях дети всех национальностей, и я клянусь, что буду мстить, пока рука сжимает оружие.

10 марта 1944 г.

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

1 В ходе трех "акций" с августа 1941 г. до осени 1943 г. погибло более 1,5 тысячи евреев. См.: Энциклопедия... С. 476. — И. А.

Маленькая Хинка Врублевич рассказала командиру Красной Армии, своему спасителю, капитану В. Крапивину короткую, но страшную историю. Когда к капитану подвели это странное существо с длинными спутанными волосами, с босыми ногами, в грязных лохмотьях и с цыпками на кистях рук, — капитан Крапивин не сразу определил, что перед ним ребенок, девочка.

Это одичавшее, утратившее всякий человеческий облик существо начало говорить. Рассказ девочки шаг за шагом воссоздал весь путь ее страданий и одиночества. Хинка Врублевич родилась в еврейском местечке Высокий Мазовецк. Там до 1941 года жил ее отец, сапожник. Пришли немцы, и вся жизнь изменилась. [Все несчастье семьи Врублевич заключалось в том, что они евреи.] Первой заботой немцев было создать гетто в местечке. Семья Врублевич: отец тридцати семи лет, мать сорока лет, три брата — семнадцати, десяти и семи лет и она, Хинка, прожили в гетто около года, если полуголодное, под вечным страхом смерти существование можно назвать жизнью. Но и это существование окончилось — всех евреев из близлежащих районов начали свозить в получившие за время оккупации мрачную известность замбровские Красные казармы. Там собирали тысячи и тысячи людей, затем их куда-то увозили, и больше никто не видел обреченных¹. Страх перед Замбровым был так велик, что по дороге вся семья сбежала в лес. Через две недели скитаний по лесам их встретили два поляка — немецкие пособники из Высокого Мазовецка: Высоцкий и Леонард Шикорский. Они забрали и увезли в местечко мать и двух младших братьев. О дальнейшей судьбе несчастных ей известно лишь, что они были направлены в Замбров, Хинка убеждена, что их убили немцы.

Отец, уцелевший старший брат и она ушли глубже в лес, выкопали яму и прожили там целый год, питаясь ягодами и подаянием, собираемым ночами по окрестным деревням. Вскоре отца проследили и убили на глазах маленькой Хинки и ее брата. Дети остались в яме одни. Крутом был лес, болота, глушь. Но через некоторое время к детям присоединился еще один еврей, также скрывавшийся в лесу от немцев. Но он принес новое несчастье. За ним, очевидно, следили, и вскоре снова появились два неизвестных и отобрали у пришельца последние вещи. Они же сообщили немцам о местонахождении ямы. Настал самый страшный для Хинки день. Заслышав приближение немцев, все трое выскочили из ямы и бросились бежать. Вслед застрочил десяток автоматов. Бежавший рядом с девочкой брат был

¹ В Замброве (ныне Подлеское воеводство в Польше) нацисты расстреляли около 2 тысяч евреев. Остальные были помещены в гетто и затем вывезены в лагерь смерти Трешлинка. — И. А.

убит наповал. Третьего обитателя ямы она также больше уже не видела. Ползком она приползла обратно в опустевшее логово. И вот она одна в лесу. Теперь нет ни матери, ни отца, ни братьев, ни сородичей. Одна. Но если жутко в яме, в лесу, то еще страшнее знать, что вокруг тебя убийцы и палачи[-немцы]. И все же одна надежда поддерживала Хинку: немцев прогонят! Это придавало ей силы — и по ночам она по-прежнему ходила в деревню, и сердобольные женщины давали ей украдкой кусок хлеба.

Представьте! Зимняя ночь, завывает вьюга, столетние сосны гнутся под яростным ветром. А по снегу скользит одиноко маленькая полуодетая фигурка. С хлебной коркой в замерзшем кулачке она спешит в свою холодную узкую нору, чтобы не застал рассвет, чтобы просидеть, дрожа от холода, до следующей ночи.

Наши автоматчики нашли ее в яме, в лесу под деревней Голаши, в десяти километрах восточнее Замброва.

Я не знаю, сумел ли я передать эту трагедию так, как я сам ее воспринял. Когда она кончила свой рассказ, мы, фронтовики, выдавшие виды, боялись заглянуть друг другу в глаза. Нам было стыдно перед этим ребенком за то, что еще ходят по земле двуногие гады со свастикой, что не на веревке еще автор “Моей борьбы”, что жив еще проповедник расовой ненависти — Альфред Розенберг.

Так кончает записанный со слов Хинки Врублевич рассказ спасший ее от страшной гибели командир Красной Армии В. Крапивин.

К этому следует добавить, что осиротевшая маленькая Хинка нашла приют и любовь в семье лейтенанта Красной Армии Р. Шульмана.

Подготовила к печати ВАЛЕРИЯ ГЕРАСИМОВА

Воспоминания десятилетней девочки Доры Шифриной записаны старательным почерком школьницы в разлинованной тетрадке. Она пишет:

В доме, где мы жили, на моих глазах расстреляли около двадцати мужчин; увидев это, я схватила маленькую сестричку и брата и полетела к дяде, который жил недалеко от нас. Это произвело на меня ужасное впечатление. Крики и вопли матерей и плач маленьких детей были ужасны. Просто жалость охватывала, когда смотрела на эту картину. Весь дом и все, что мы имели, сгорело. Поселились временно у дяди. Немцы страшно свирепствовали. Очень многих евреев убили, только на нашем и на соседнем дворе они убили семьдесят пять человек. Шестнадцать тысяч забрали будто бы на работу, сказали, чтобы внесли контрибуцию, тогда отпустят, но никого не выпустили, а всех убили и сожгли...

Когда всюду горело и начала гореть синагога, варвары немцы хватили евреев — мужчин, женщин, детей и стариков и бросали их живьем в синагогу.

Не удалось спастись и родителям Доры Шифрин. Они были убиты на ее глазах. Десятилетняя девочка это помнит. Она не забудет этого никогда.

Подготовила к печати ВАЛЕРИЯ ГЕРАСИМОВА

Я родился в 1928 году в местечке Лиозно, Витебской области, и до войны жил там у бабушки и дедушки.

Немцы пришли к нам 16 июля 1941 года. В первый же день они забрали у нас все. Дом сгорел.

Первое объявление, которое я прочел, было о том, что евреи под угрозой смерти должны носить на левой руке повязку с шестиконечной звездой. Для жилья нам была отведена одна улица, где в тридцати-сорока домиках помещалось шестьсот человек.

Осенью 1941 года на эту улицу пришел немец, молодой, в очках, с изображением черепа на рукаве и петлицах. После долгих поисков он забрал шестерых стариков. Среди них был резник Симон, один из самых уважаемых евреев в местечке, два инвалида и душевнобольной Велвеле. Их заперли в сарай, а вечером вывели к реке и заставили на четвереньках ползать в ледяной воде. Их пытали три дня, на четвертый расстреляли.

Около станции Крынки партизаны пустили под откос немецкий эшелон с боеприпасами. Немцы повесили шесть человек из жителей станции и уже повешенных стали расстреливать разрывными пулями. Никогда не забуду, как немецкий офицер взобрался на виселицу, чтобы сфотографировать одного из убитых непременно в профиль. Я видел двух беременных женщин с вспоротыми животами. Рядом лежали трупы малюток. Я видел трупы двадцати пяти евреев из местечка Бабиновичи, которых немцы разбросали на пути от Бабиновичи до Лиозно. Видел грузовик с белорусами, которых везли на расстрел. Я очень много видел для своих пятнадцати лет.

Зимой в любое время дня и ночи в дома гетто врывались полицейские. Они выбивали стекла, избивали евреев палками и плетью, выгоняли их на мороз.

В одном из домов, где была раньше сапожная мастерская, не осталось ни одного стекла, ни одной двери, и в этом доме при сорокаградусном морозе жили сорок человек. Покрытые вшами, они спали на гнилой червивой соломе.

Началась эпидемия тифа. Ежедневно умирало несколько человек, а на их место тотчас пригоняли новые еврейские семьи из Витебска, Минска, Бобруйска и Орши.

24 февраля 1942 года с двух часов дня немцы и полицейские начали на машинах свозить евреев в одно место. Меня не было дома. Когда я вер-

¹ Первоначальное название очерка — “23 февраля 1942 года”. Письмо было адресовано Илье Эренбургу (“Мне сказали, что Вы пишете книгу о злодействе немцев”). Из текста Вс. Иванова было вычеркнуто первое предложение: “По национальности я еврей” (д. 957, л. 31). — И. А.

нулся, всех моих родных уже посадили в машину. Русские товарищи спрятали меня в уборной и заколотили дверь снаружи. Часа через два, когда полицейские перестали рыскать, я вылез из своего убежища. Я видел, как расстреливали евреев, как многие сошли с ума. Мои дедушка и бабушка перед смертью поцеловались. Они были дружные старики и не изменили своей дружбе и любви даже в последние минуты жизни.

После этого я долго лежал в снегу без памяти. У меня нет сил описать, что со мной было. Я даже плакать не мог. Когда стемнело, я пошел к одной знакомой русской, *Федосии Семеновне Дехтеревой*, но я понимал, что долго оставаться у нее не могу. Поэтому я ушел из Люзно и перешел линию фронта.

У меня сейчас никого нет. Но я живу в Советском Союзе, и этим все сказано.

[22.11.1944 г.]

Сообщение Б. Чернякова¹

Подготовил к печати ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

¹ Борис Владимирович Черняков (1928–1996) до войны жил в Люзно с дедушкой и бабушкой (мать умерла, отец был репрессирован). Линию фронта перешел в Смоленской области. Закончил журфак Ленинградского государственного университета. До 1990 г. жил в Ленинграде, работал разметчиком на Кировском заводе, после переехал в Израиль. Публиковал рассказы на еврейские темы в России, Беларуси и Израиле. — И. А.

Село Старые Журавли,
Гомельская область

I

Немцы загнали всех евреев в одно место, заставили работать на немцев. Так они жили два месяца. Потом пришли немцы и стали выгонять евреев. Один немец подошел к сапожнику, а сапожник его стукнул по лбу молотком, и немец упал. Сапожника застрелили. Остальных евреев посадили в машины и увезли убивать. Когда везли, одна женщина соскочила с машины и убежала. Завезли евреев к больнице и там убили.

В. Воробьева, 4-го класса

II

Изверги издевались над евреями, били плеткой. Когда их повезли на расстрел, одна еврейка бросила с машины ребенка. Люди хотели взять, но немцы не дали, потянули к яме и убили. А мать убежала в лес. Она была в лесу до ночи, потом пришла, искала своего мальчика, и немцы ее расстреляли.

Люба Майорова, ученица 3-го класса

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ¹

1 Машинописный вариант см.: ГА РФ, ф. 8114, оп. 1, д. 944, л. 37. — И. А.

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО ЗЛАТЫ ВИШНЯТСКОЙ

255

Это письмо я нашел в местечке Бытень Барановичской области. Оно написано перед казнью Златой Вишнятской и двенадцатилетней Юнитой — мужу и отцу. Около тысячи восьмисот евреев Бытени были убиты немцами.

Майор Владимир Демидов

(Письмо по-еврейски.)

Мистеру Вишнет

Оранж. США

31 июля 1942

Моему Мошкеле и всем моим дорогим!

25 июля у нас произошла ужасная резня, как и во всех других городах. Массовое убийство. Остались триста пятьдесят человек. Восемьсот пятьдесят погибли от рук убийц черной смертью¹. Как щенков бросали в нужники детей, живых бросали в ямы. Много писать не буду. Я думаю, что кто-нибудь случайно уцелеет, он расскажет о наших мучениях и о нашем кровавом конце. Нам пока удалось спастись, но на сколько? Мы каждый день ждем смерти и оплакиваем близких. Твоих, Мошкеле, уже нет. Но я им завидую. Кончаю, невозможно писать и не могу передать наших мучений. Будьте здоровы все. Единственное, что вы можете для нас сделать, — это отомстить нашим убийцам. Мы кричим вам: отомстите! Целую вас крепко, крепко. Прощаюсь со всеми вами перед нашей смертью.

(Приписка по-польски.)

Дорогой отец! Прощаюсь с тобой перед смертью. Нам очень хочется жить, но пропало — не дают! Я так этой смерти боюсь, потому что малых детей бросают живыми в могилы. Прощайте навсегда. Целую тебя крепко, крепко.

Твоя Ю.²

Поцелуй от Г.

1 В деревне Бытень (ныне Брестской области) 25 июля 1942 г., по данным ЧГК, расстреляно 980 человек (395 мужчин, 440 женщин, 145 детей). См.: *Энциклопедия...* С. 123. — И. А.
2 Письмо написано по-польски и подписано буквой J (*Junita*). — И. Л.

Отрывки из писем, полученных
летчиком Ефимом Темчиным

I

Здравствуй, Ефим. Зайдя в Горсовет, я нашел твое письмо с запросом о семье. Сообщаю тебе, как воину, у которого сердце крепкое, что твоих, которые остались здесь, как и моих, в живых нет. О тебе слышал, что ты совершил большие боевые дела. Я всегда знал, что ты будешь таким.

27. IX.1944 г.

Твой товарищ детства Анатолий Потехин

II

Здравствуй, дорогой и одинокий брат мой Ефим! Наконец-то я нашел из всей семьи одного дорогого и близкого мне человека. Но рана в моей душе никогда не заживет. Ты и больше никто, — знаешь, как я любил и уважал нашу семью, как мать часто плакала о нас. А теперь никого уже нет в живых. Ефим, ты не можешь себе представить, как мне жалко мать, отца, Пинхоса, Фрейду, Нехаму и Розу. Я еще никак не могу узнать судьбу Мани.

В последний раз я видел родных в 1941 году 22 июня, в десять часов утра. А ты их не видел еще больше, ты ведь уехал учиться. Я с ними простился и уехал на фронт. 24 июня мы вступили в бой. 26 августа я был тяжело ранен под Черниговом. Восемь месяцев пролежал в госпиталях. Потом опять сам пошел в часть и снова был тяжело ранен. Теперь нахожусь в Литве в нестроевой части. Я все время старался узнать что-нибудь о семье, но безрезультатно. Семья у меня всегда была на уме, вспоминал ее, когда вставал, когда садился кушать, когда ложился спать. Но к тому удару, который я получил, когда пришло письмо о судьбе семьи, я был подготовлен, ибо я видел, что немцы делали с евреями. В Каунасе они расстреляли и сожгли шестьдесят пять тысяч евреев¹. [Я видел после освобождения города, как вытаскивали обгорелые трупы людей.] Ефим, нужно взять себя в руки и быть человеком. Я тебя прошу, возьми себя в руки. Ты сам знаешь, как я любил семью. Когда мы были дома, я, как старший, работал больше всех и помогал семье, потому что я любил семью и особенно мать. Ибо мать —

1 Погибло около 35 тысяч евреев Каунаса. См.: Энциклопедия... С. 391-399. — И. А.

это самое родное и близкое, что есть в твоей жизни. Я так работал, потому что я жалел мать. Ефим, ох, как жалко, что у нас нет ни одной фотокарточки нашей семьи, даже не будет на что посмотреть, чтобы вспомнить ее. Ефим, еще раз буду просить тебя взять себя в руки и быть человеком. Ты не обижайся, что я так тебе пишу, но кроме тебя у меня больше никого нет. Ты для меня большое счастье.

2. X.1944 г.

Твой брат Лейзер

III

(Письмо, приложенное к предыдущему.)

Здравствуй, Лейзер! Отвечаю тебе обо всем происшедшем в Слуцке. Твой отец был назначен мастером на квасильном пункте, как спец. Потом немцы его арестовали и привезли домой для обыска. Он был еле жив. Дома они забрали все, что им понравилось. Спустя четыре-пять дней я услышал, что он убит. Матери не говорил, а она все выходила на улицу, ходила по городу, надеясь как-нибудь увидеть отца. У всех евреев отобрали коров. С малыми детьми твоими стало очень трудно. В начале октября образовалось гетто, куда стали вселять всех евреев. Сперва было одно гетто, потом стало два — полевое, за городом, и городское, где жили евреи, которые работали. В городском жить было немного легче, ходили на работу и потихоньку могли доставать кое-что из продуктов и продавать свои вещи. В полевом было строже, и в город не выпускали. Твои попали в полевое, потому что работать мог один Пинхос, хотя и он был еще очень молод, но у него тогда работы не было. Полевое гетто скоро стали расстреливать; обыкновенно это было по понедельникам и субботам, так машины две-три-четыре вывозили под Безверховичи в лес. Пинхосу удалось сделаться рабочим, и он убежал из первой партии приговоренных к расстрелу. Он был переведен со всей семьей в городское гетто, где и оставался до последнего момента, то есть до 8 февраля 1943 года, когда городское гетто было полностью уничтожено. А полевое было уничтожено в марте 1942 года. При переезде из полевого в городское гетто немцы забрали у них много вещей. Я помогал твоим, они заходили ко мне раз, а то и два в неделю. Но что мог я сделать, я работал учителем и получал 350 руб., а кило сала стоило 500—600 и дошло до 1000—1100. Они продали швейную машину, велосипед, часы. А Мани и сейчас нет. Она, убежав с машины, которая везла ее на расстрел, пришла ко мне с плачем. Я снабдил ее кое-чем, и она ушла в лес.

29. VIII.1944 г.

Твой сосед Сулковский

Дорогой друг Ефим! Я скрывался в городе, но на моих глазах произошло несколько еврейских погромов. Твоего отца немцы расстреляли до погромов. Во время погромов мы несколько раз прятались вместе с Пинхосом. Твоя мать с Маней и со всеми маленькими тоже пряталась с нами. Передать эту трагедию очень трудно. Мне было легче, я был один. В начале 1942 года я ушел в партизаны. Пинхос решил остаться из-за семьи: без него, работающего, их всех расстреляли бы. Я партизанил до июля 1944 года, был заместителем командира отряда.

20. X.1944 г.

Твой Сеня

V

Здравствуй, Ефим! Я только что приехал из Слуцка, где был в отпуску. Слуцк почти весь сожжен, осталось несколько домов на Острове, на Рейчанах и на Володарской улице. Отец был расстрелян в августе 1941 года в Монаховом саду. Перед тем как расстрелять, над ним издевались, переломали ему руки и ноги и в таком виде привезли домой на обыск. Мать, Пинхос, Фрейда, Роза и Нехамма расстреляны в феврале 1943 года в Махортах. Роза, когда ее грузили на машину, хотела убежать, но ее ранили в ноги, девочка упала, ее бросили в машину, она истекала кровью, мать держала ее на руках. Все это рассказали мне очевидцы. В Слуцке было расстреляно больше двадцати тысяч мирных жителей¹. Ефим, страшно смотреть, что сделали немцы со Слуцком, и слышать, что они делали с людьми. Ужас один. А Маня жива! Она в Пинске. Она спрыгнула с машины и убежала, была в партизанах. Я ей написал и посылаю тебе ее адрес.

23. X.1944 г.

Твой брат Лейзер

VI

Здравствуй, дорогой и горячо любимый брат Фима. Сегодня у меня такой праздник, какого еще не было в моей короткой жизни. Я получила письмо от Лейзера и узнала, что вы оба живы!

Когда пришел проклятый немец, мы все жили вместе, даже помогали тете Соне. С нами был папа, но горе было еще впереди. Папа не хотел идти

1 В гетто погибли более 10 тысяч евреев из Слуцка и окрестных населенных пунктов. См.: Энциклопедия... С. 123. — И. А.

работать у немцев, но его заставили, потому что он был единственным специалистом по засолке овощей. Он мало поработал. Узнали, что он работал при советской власти, и арестовали. 26 июля, в субботу, его привели домой. Он был избит. У него были переломаны руки и ноги. Я его видела. Мама просила и молила, ничто не помогло. Нас ограбили, все забрали, отца увели. Мать с ним попрощалась, поцеловались. Его последние слова были: “Воспитывай детей, меня убьют”.

Его расстреляли в Монаховом саду. Это настоящее кладбище, где лежат тысячи людей. Потом у нас началась жизнь хуже нищих. Проклятые придумали гетто. Там было холодно и голодно, очень много людей в одном помещении, в бараках. Оттуда никого не выпускали. Потом начали увозить на расстрелы. Мы семь раз были на краю гибели, но как-то спасались и не попадали в машины. У Симона Стругача случился в гетто паралич, его вынесли в машину на руках. Тогда погибло очень много знакомых. Лейзер пишет, что кроме партизан не уцелел никто. На пасху 1942 года это гетто уничтожили, остались пока только рабочие. Благодаря Пинхосу, нас перевели к ним. Но там не было места. Мама с детьми ночевала в большие морозы в сарае, а то и на улице. Ели картофельные очистки с отрубями. На маму страшно было смотреть, это двигался живой труп. А дети ничего не понимали, все просили есть. И вот в понедельник 6 февраля 1943 года окружают весь район и начинают грузить людей на машины. Пинхоса забрали первым. Потом маму с детьми. Это было в девять часов утра. Меня забрали в час дня. У меня еще теперь стоят в ушах крики сестричек, когда их везли расстреливать. Розу подстрелили. Со мной в машине сидели дети и мужчины, раненные при сопротивлении. Повезли по Бобруйскому шоссе. Машина была крыта брезентом. С нами сидели два немца. Я решила прыгнуть. Лучше умереть на дороге. Машина шла очень быстро. У меня был бритвенный ножик. Я разрезала брезент от окна вниз и выскочила. Очнулась, когда машина уже отъехала. Пошла к Вале Жук, сказала ей: “Спасай”. Они с матерью шесть дней прятали меня в сарае. Потом была у Сулковского, потом ушла в лес и попала, наконец, в партизанский отряд. Не могу все описать, плачу, как маленький ребенок. В отряде была до прихода Красной Армии. Теперь работаю в Пинске бухгалтером Красного Креста. Дорогой брат, прошу тебя, мсти, мсти и мсти!

28. X.1944 г.

Твоя сестра Маня

Подготовил к печати О. САВИЧ

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ

Показания советских граждан

Из протокола опроса свидетеля
Зарецкой Миры Марковны

9 августа 1944 года

Зарецкая: Я три дня тому назад приехала из Смоленска. Живу временно по улице Н. Островского, дом №5, кв. 1.

Вопросы генерал-полковника академика БУРДЕНКО¹.

Бурденко: Где вы проживали до этого?

Зарецкая: Я с 1936 года жила в городе Минске. Работала последнее время в наркомате автомобильного транспорта в отделе кадров и учебных заведений методистом. По специальности я инженер-механик по сельскому хозяйству. Окончила Харьковский институт.

Бурденко: Что вы видели в концлагере? Как содержались военнопленные, и как содержались там гражданские люди?

Зарецкая: В одном бараке жили военнопленные и заключенные. В бараке была большая скученность. Это был не барак, а какой-то сарай. Жили вместе военнопленные и заключенные. Евреи жили на крышах мастерских.

Бурденко: Женщины были помещены отдельно?

Зарецкая: Среди военнопленных и заключенных женщин не было. Среди евреев женщины жили отдельно, только семейные жили вместе.

Бурденко: Что вы знаете о расстрелах и когда они начались?

Зарецкая: Расстрелы начались в лагерях с октября 1943 года. Я видела, как каждый день в закрытых машинах привозили людей из Минска и расстреливали и там же сжигали в ямах. С 23 июня ежедневно приходило очень большое количество автомашин, даже нельзя было посчитать.

Бурденко: Вы видели, как сжигали в крематориях?

Зарецкая: Я сама не видела людей, но дым и огонь видела и слышала стрельбу.

Бурденко: В лагере вам рассказывали, сколько заключенных было сожжено?

Зарецкая: Очень много было сожжено. Я считаю, что, может быть, полмиллиона было. Привозили из деревень семьи тех, что уходили в партизаны.

Бурденко: Немцы разрешали носить передачу заключенным?

¹ Николай Нилович Бурденко (1876—1946) — хирург, организатор здравоохранения, основоположник советской нейрохирургии. С ноября 1942 г. возглавлял ЧГК. — И. А.

Зарецкая: Официально не разрешали, но через полицейских, через охрану за подкуп можно было передать.

Вопрос: Вы видели душегубку?

Зарецкая: Закрытые машины видела, где отравляли газами. Я их видела в мастерских. Они были большие. Можно было поместить сто с лишним человек. Евреи, которые работали в команде СД, должны были очищать эти машины после отравления отработанным газом. Они находили волосы, немного крови. Кровь могла идти из носа во время отравления.

Вопрос: Вам самой не приходилось убирать?

Зарецкая: Нет, мне самой не приходилось.

Вопрос: В самом лагере что вы делали?

Зарецкая: Стирала в лагере для евреев, заключенных и других.

Вопрос: При вас привезли 99 тысяч евреев?

Зарецкая: Это было не при мне. Это было в 1942 году, а я была в 1943 году.

/И. Зарецкая/

Из материалов Чрезвычайной
государственной комиссии,
д. 124, лл. 95–98¹.

¹ ГА РФ, ф. 8114, оп. 1, д. 940, лл. 153–155, копия с правкой. В тексте опущены сведения о том, что свидетельница работала уборщицей в СД, что в первом погроме погибла ее дочь, о взаимоотношениях врачей в концлагере; об украинских и белорусских охранниках. — И. А.

9 августа 1944 года

Вопросы генерал-полковника БУРДЕНКО.

Бурденко: Когда вы начали наблюдать злодеяния немцев?

Ланский: Я сам из города Несвижа Барановичской области. Я был в концлагере с 17.1.42 г., сидел в концлагере Тростенец.

Бурденко: Ходили свободно по лагерю?

Ланский: Ходил.

Бурденко: Когда немцы начали сжигать трупы?

Ланский: Точно числа не могу сказать, месяцев восемь тому назад Я там был временно, находился с 5 января 1943 года.

Бурденко: Разве они сжигали трупы у вас на глазах?

Ланский: Я это сам видел. Я там работал как электротехник, и когда я лазил на столбы, то все это видел.

Бурденко: А вы не видели, что немцы сжигали живых людей?

Ланский: Да, сжигали живых людей.

Бурденко: Где они сжигали живых людей?

Ланский: В лагере. Она зажигали склады, они загоняли людей в склады, а все время они возили людей в газовых машинах.

Бурденко: Когда в последнее время сжигали?

Ланский: 28 июня.

Бурденко: Вы видели последних женщин и детей, сжигаемых живыми?

Ланский: Да. Я видел.

Бурденко: Вы слышали крики, стоны и плач детей, которых вели на сжигание?

Ланский: Да, я сам все слышал и видел.

Бурденко: А вы знаете, что там была печь?

Ланский: Там была яма 9 × 9. Мы сами копали. Это было месяцев восемь тому назад.

Бурденко: Можете ли вы мне описать, как была построена печь?

Ланский: Строить эту печь я сам не строил, но издали видно было, что там положены рельсы железные. Они зажигательными бомбами зажигали и клали туда большие куски дров.

Вопрос: Фамилия того, который расстреливал?

Ланский: Рейдер.

Бурденко: Не можете ли вы сказать мне: в последние дни при освобождении Минска немцы укладывали трупы или клали на бревна живых людей?

Ланский : 29 числа они вели много людей. Водил их известный бандит Климов. Построили барак на 100 м длины, назывался Арцбарак.

Бурденко : А как укладывали на бревна людей?

Ланский : Этих что на бревнах были, я не видел, мы уже удрали. Но перед тем, как удрал, они возили людей в этот барак, и я видел, как кровь лилась через бревна.

Бурденко : А много вас разбежалось из лагеря?

Ланский : Нас четыре человека убежало. Там был я, моя жена, Туманов с женой (он теперь в армии, а жена здесь) и потом семь немецких евреев, которые теперь в Москве.

Бурденко : Скажите, пожалуйста, как обращались немцы с вами, сколько вам давали хлеба, мыла, воды и так далее?

Ланский : Они нам давали 200 г хлеба на день и один раз суп. Мыло и одежду давали от немецких евреев, которых они уничтожали, и мы все получали. Привезли 99 эшелонов, по одной тысяче в эшелоне из Германии, Австрии и Чехословакии.

Бурденко : А где же они?

Ланский : Расстреляны.

Вопрос : Сколько всего в Тростенце сожгли, кроме евреев, вывезенных из Австрии, Германии и Чехословакии?

Ланский : Около 200 тысяч человек. Я не знаю точно, сколько всего там расстреляно до меня, а при нас было расстреляно 299 тысяч человек.

Бурденко : Как немцы обращались с больными? Была ли там медицинская комната?

Ланский : Была, но тяжелых больных они расстреливали.

Бурденко : Были там врачи русские или немцы?

Ланский : Было два врача из немецких евреев.

Бурденко : Они говорили по-русски?

Ланский : Один говорил по-русски.

Бурденко : Завтра или послезавтра снова вызвать Ланского.

/Л. Ланский/

Из материалов Чрезвычайной
государственной комиссии,
д. Г24, лл. Г49-Г53¹.

1 ГА РФ, ф. 8114, оп. 1, д. 940, лл. 156-159. Копия с правкой. — И. А.

Протокол допроса
Касимова Ивана Осиповича

17 июля 1944 года, гор. Минск

Касимов И. О. 1899 года рождения, уроженец города Кропоткин Кубанской области, русский, гражданин СССР, беспартийный, с низшим образованием, по профессии музыкант, работает в театре оперы и балета, проживает в городе Минске, улица Подзамковая, № 28, кв. 2.

Об ответственности за ложные показания по ст. 136 УК БССР предупрежден.

Вопрос: Вы проживали в оккупированном немцами городе Минске?

Ответ: С 1 апреля 1942 года по 3 июля 1944 года я проживал в оккупированном немцами городе Минске.

Вопрос: Что вам известно о зверствах и злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Минске?

Ответ: Проживая в городе Минске, я был свидетелем того, что немецкие оккупанты крайне жестоко обращались с мирными советскими гражданами.

В 1942 году, 25 июля, немцы учинили еврейский погром, который продолжался до 3 августа, то есть 9 дней. Руководил погромщиками начальник минской полиции, майор немец Бенцке, родом из Кенигсберга, блондин, высокого роста.

Непосредственными исполнителями погрома были немецкие солдаты местного гарнизона, работники карательного органа СД а оцепление вокруг гетто состояло из полицейских, по национальности — белорусы. Сколько было убито советских граждан — сказать трудно. Называли цифру 40 тысяч человек. Во всяком случае, после погрома территория гетто сократилась на одну треть.

Погромщики умерщвляли свои жертвы по выбору. Сначала они пристреливали на месте тех евреев, которые не могли двигаться по болезни. Больных, неспособных передвигаться, нетрудоспособных стариков сажали в машины и куда-то увозили убивать.

Детей убивали на месте. Когда территория гетто сократилась и дома стали заселять, то на чердаке находили трупы убитых детей в возрасте до полутора лет. Во время погрома 29 или 30 июля 1942 года, идя по Раковской улице, я увидел, как на двуколке вывозили много трупов на еврейское кладбище. В двуколку были запряжены евреи, человек 12, которых сопровождал полицейский конвой. Это подтверждает сказанное мною выше о том, что немцы убивали евреев непосредственно в гетто.

Поводом к погрому немцы объявили, что в гетто найдена радиостанция и склады оружия, что евреи сносились по радио с Москвой и готовили вооруженное выступление.

Так было спровоцировано немцами это массовое истребление советских граждан. Газеты о погроме молчали.

Очередной погром произошел в августе 1943 года. Полиция в этом погроме уже не участвовала.

Непосредственными убийцами были немецкие железнодорожники и солдаты-зенитчики.

Я сам лично видел, как железнодорожники строем под командой офицеров входили и выходили из гетто.

Во время этого погрома я жил близ гетто через два квартала. Днем и ночью в течение недели слышал сплошную стрельбу, крики и стоны с территории гетто. Трупы убитых на автомашинах сами немцы увозили за город.

Евреи прятались в ямы. Немцы с собакой их обнаруживали и убивали. Это я сам видел.

Часть евреев уже оказывала сопротивление, в отличие от предыдущих погромов. Много эсэсовцев и немцев было убито. Похороны убитых происходили несколько раз. Живых евреев увозили в Тростенец, где и умерщвляли.

Немцы не менее зверски истребляли и русских — советских граждан.

Так, весной 1943 года немцы взяли 50 семейств, население целого квартала около стадиона Динамо, в качестве заложников и всех за городом расстреляли. Дело в том, что в одном из подвалов гостиницы был обнаружен труп убитого немецкого чиновника городского комиссариата. Протокол с моих слов записан верно и мною подписан

/Касимов/

Из материалов Чрезвычайной
государственной комиссии,
д. 124, л. 4, 121-126¹.

¹ Машинописный экземпляр см.: ГА РФ, ф. 8114, оп. 1, д. 940, лл. 160-162, копия с правкой. Опу-
щен абзац о евреях-предателях, показывавших немцам места, где укрывались узники гет-
то. — И. А.

Меня зовут Рива Ефимовна Шиндер-Войсковская. Я родилась в Западной Белоруссии, в местечке Крынки. Мои родители были небогаты, но стремились дать своим детям хорошее образование. Как все жители нашего местечка, они хотели, чтобы дети “вышли в люди” и были избавлены от непрочного, безрадостного существования “людей воздуха”. Я получила поэтому возможность учиться. Я окончила среднюю школу в Гродно, в 1923 году окончила педагогический институт в Варшаве. Много лет я работала педагогом в еврейских школах Брест-Литовска и Лодзи, где я преподавала историю. Я любила свою работу и могу сказать, что и ребята хорошо относились к занятиям. На уроках бывало тихо. Многие мои ученики увлекались предметом и читали книги, не предусмотренные программой. Было очень приятно видеть, как работает и развивается живой, пытливый детский ум. Моя педагогическая деятельность прервалась совершенно неожиданно. В 1932 году меня арестовали за коммунистическую деятельность, а после освобождения из тюрьмы лишили права работать в школе. Долгое время я была безработной, а потом работала шпунтовщицей на текстильной фабрике.

Когда началась Вторая мировая война, я жила в Лодзи. 1 сентября 1939 года вместе с мужем мы вышли из Лодзи и пошли по направлению к Белостоку. Мы дошли до моего родного местечка Крынки (это в сорока километрах от Белостока), там я стала работать директором школы; вскоре мы переехали в Белосток.

Немцы вошли в Белосток 27 июня 1941 года, эвакуироваться почти никто не успел. В Белостоке в 1941 году жило сто тысяч человек, их них примерно половина евреев¹. Немцы сразу начали бесчинствовать; было ясно, что меч смерти занесен над нашим народом. Гитлеровцы хотели в первую очередь истребить мужское еврейское население. Они охотились за мужчинами на улицах, входили в дома и забирали мужчин, не считаясь ни с возрастом, ни с положением, ни со здоровьем. Мужчины выходили на улицу и исчезали. [Вначале мужчин забирали под предлогом отправки на работу. Но эти тысячи мужчин “вывозились” в “неизвестном направлении” и всякий след терялся.]

Особенно яростно и последовательно истребляли немцы еврейскую интеллигенцию.

Гитлеровцы хотели не только физически уничтожить человека, они старались прежде всего убить его достоинство, его боевой дух. Фашистские

1 В 1936 г. в Белостоке жили 42880 евреев (43 % населения). Перед оккупацией в городе оказалось также 8–10 тысяч беженцев. — И. А.

изверги, стараясь унижить человека, придумывали всевозможные моральные пытки. Несомненно главным образом для морального унижения был издан строгий приказ о ношении так называемых лат с желтой звездой. Некоторые склонны думать, что это не имело особого значения. Они говорят: “Ну, пусть желтые звезды, но ведь нас не убивали, не терзали”. Это неправда. Мы испытывали страшное чувство мучительного стыда и позора. Многие неделями не выходили на улицу. Со мной лично произошел такой случай: когда я первый раз со своей “латкой” вышла на улицу, группа немцев переходила дорогу. Они и некоторые присоединившиеся к ним прохожие бросились на меня и начали выкрикивать страшные ругательства. Я прислонилась к стене. От негодования и горя слезы застлали мне глаза, и я не могла произнести ни слова. Вдруг слышу — кто-то положил мне руку на плечо. Я оглянулась — это был пожилой поляк. Он сказал: “Дитя мое, ты не расстраивайся и не обижайся. Пусть будет стыдно тем, кто это сделал”. Он взял меня за руку и повел с собой.

Эта встреча произвела на меня большое впечатление. Я поняла, что еще не все кончено, что есть честные и стойкие люди. Гитлеровцам не удастся разложить и опутать народ своей страшной человеконенавистнической политикой.

Мысли о борьбе не покидали меня с первого же момента. Я понимала, что своей посильной борьбой мы можем помочь нашей родной Красной Армии, только борьбой мы можем спасти свое достоинство и свою честь.

12 июля 1941 года вместе с несколькими тысячами других мужчин забрали и моего мужа¹. Велико было мое горе. Но я видела, что оно частица общенародного горя.

Бороться, мстить немцам — вот единственное желание, которое пронизало мое существо и жгло мою кровь.

Немцы потребовали колоссальную контрибуцию: 1 млн руб., несколько килограммов золота и серебра. Все это надо было доставить в течение двух суток, в противном случае они грозились сжечь еврейский район и уничтожить все еврейское население.

Можно представить, как трудно было выполнить это грабительское распоряжение. Были случаи, когда в еврейскую общину приходили поляки, приносили золотые вещи и говорили: “Возьмите от нас, спасите еврейское население, ваших и наших братьев”. Вообще надо сказать, что в эти тяжелые дни ярко проявилась дружба польского и еврейского народов. Фашистам удалось организовать лишь подонков и натравить их на беззащитных и преследуемых евреев.

Но лучшая часть польской интеллигенции, честные люди народа, чем могли, помогали нам.

Когда была собрана контрибуция, вышло новое распоряжение: все евреи должны перейти в гетто. [На каждого человека, согласно распоряжению, приходилось три метра, но на самом деле эта жилищная “норма” была еще меньше.] В маленьких комнатухах ютилось по два и более семейств. Вещи надо было переносить на себе: немцы запрещали полякам оказывать какую бы то ни было помощь евреям. Конечно, многие с этим не считались

1 5–12 июля 1941 г. в лесу Петраше под Белостоком погибло около 5 тысяч человек. — И. Л.

и давали евреям подводы. Мне тоже поляки дали подводу, и, кроме того, я сама несла большой узел.

Ко мне подошла совершенно незнакомая польская женщина и предложила понести узел; в эти дни было немало случаев, когда немецкие солдаты и местные хулиганы вырывали из рук евреев вещи.

1 августа евреи Белостока были заперты в гетто.

Гетто — это тюрьма; нет, тюрьма это слишком слабое определение. Гетто — это голод это унижительный гнет, это расстрелы, виселицы, массовые убийства.

Люди были во власти полного произвола. Гестаповцы заходили в дома, когда хотели, они забирали все, что им только нравилось. На воротах висело объявление, запрещающее вносить продукты в гетто. За обнаружение любого, хотя бы самого незначительного количества продуктов, грозил расстрел¹.

Стали людей отбирать на работу. Отобранным выдавали справку, в которой указывалось, по каким улицам им разрешается ходить. Тех, кого встречали на запретных улицах, арестовывали и расстреливали.

Евреям разрешалось ходить только по мостовой. Я сама знаю случаи, когда жестоко избивали людей только за то, что они при проезде автомобилей, отстраняясь от машины, ставили ногу на тротуар.

Но все злодеяния немцев не могли уничтожить боевой дух человека, его любовь к свободе. Несмотря на страшный террор, в декабре 1941 года создана была антифашистская организация. Большую роль в ней играли польские товарищи — Тадеуш Якубовский, Нюра Черняковская и некоторые другие. Я была секретарем комитета.

Мне надо было получить возможность выходить из гетто, чтобы поддерживать связь с польскими и белорусскими товарищами. Через одного знакомого мне удалось устроиться уборщицей на фабрике.

Комитет проводил работу в условиях нечеловеческого террора и жесточайших преследований. Гетто неуклонно верило в победу Красной Армии.

Преклонимся перед величием духа этих людей!

В гетто хорошо была налажена радиосвязь: почти ежедневно слушали сводки Совинформбюро и английские сводки.

Внук старухи Брамзон работал радиомехаником в немецком “шлоссе”.

Он принимал сводки на немецком языке, удавалось ему слушать и английские передачи. Вечерами, едва только юноша появлялся, к нему домой приходили не только молодые люди, но и пожилые евреи. И надо было видеть, с каким напряженным вниманием следили все за картой, бог весть как сохранившейся в этом аду, — с какой радостью и восхищением отмечали люди малейшие успехи Красной Армии. Внук Брамзон был далеко не единственным и не главным источником нашей радиоинформации.

У нас был свой радиоинформатор, товарищ Сальман.

В гетто у него погибли жена и сын; всю свою жизнь и силы он отдал борьбе с гитлеровскими людоедами.

1 15 августа 1941 г. евреям было запрещено покупать что-либо в “арийской” части города, 18 августа введена коллективная ответственность еврейской общины за покупку продовольствия за пределами гетто. Одновременно введено строгое распределение продуктов (только работавшим) — сначала 500 граммов хлеба в день, позднее — 300 граммов. — И. Л.

Товарищ Сальман знал несколько языков и стенографию. Это ему очень помогало.

Радио находилось в яме под землей, где едва-едва мог уместиться один человек; писать приходилось стоя на коленях. Зимой, при сильных морозах, это было дьявольски тяжело, но товарищ Сальман ни на день не оставил своего поста.

Надо вспомнить также братьев Кожец (позже партизаны отряда “26 лет Октября”), на квартире у которых долгое время хранился наш радиоаппарат.

Благодаря нашим самоотверженным радиоинформаторам мы вели усиленную пропаганду, почти ежедневно выпуская сводки Совинформбюро и английские радиопередачи.

Мы издали речи товарища Сталина, широко распространили материал о Треблинке, об Освенциме. Через надежных людей мы получили и распространили большой материал о Варшаве.

Техникой нам служили пишущие машинки и гектографы, — с этим дело обстояло неплохо.

В нашей организации состояла одна женщина, инженер-химик Маруся Давидзон. Она работала в химической лаборатории той же фабрики, где я работала уборщицей. Кроме того, я связалась с одним мастером евреем, и с его помощью мне удалось забрать с фабрики гектограф. Я положила его в сумку, а сверху густо прикрыла щепками. Такое “топливо” разрешалось пронести в гетто.

Кроме того, много материалов наши товарищи, работавшие на немецких фабриках, печатали на пишущих машинках.

Душой нашей техники были Фрида Фея, Соня Ружевская, Квета Лякс¹. Позже они все погибли от немецкой руки.

Вся моя семья погибла в ноябре 1942 года. Сначала вывезли моих троюродных сестер с мужьями, потом других родных. Брата сначала оставили, а забрали жену с ребенком, потом через три недели и его вывезли. Я осталась совсем одна.

Жители города Белостока знали, что их ожидает. Ни у кого больше не было иллюзий.

Каждый из нас знал, что сила врага несравнима с нашей, что враг вооружен до зубов, что бороться придется насмерть, но мы твердо решили без боя не отступать.

На квартирах Велвля Мессера, Бера Савицкого и других неоднократно происходили совещания антифашистов, на которых мы обсуждали свои “текущие дела” и задачи.

С ведома и согласия организации наши люди провели много диверсий и актов саботажа на текстильных фабриках, на электростанциях, железной дороге, в железнодорожных мастерских станции Лапы, Старосельцы и других.

Изобретательность наших товарищей в борьбе с немцами была поистине неистощимой.

¹ Лякс Блюма (“Квета”) — коммунистка, член подполья гетто, погибла 6 февраля 1943 г. — И. Л.

Так, Ада Лисаковская¹ пробралась в кухню СС и подбросила яд в котел. 50 гитлеровцев были отравлены.

У нас была налажена связь с партизанами. Связь была установлена через советских военнопленных, которые бежали в лес и организовали партизанскую группу Миши Сибиряка. Однажды он пошел в город на совещание, немцы узнали об этом, окружили дом. Миша Сибиряк выскочил в окно, но его тяжело ранили. Один поляк укрыл его у себя, но позже Миша все-таки попал в лапы гестапо и погиб.

Разведывательная работа нашей антифашистской организации очень много помогла партизанскому движению, а после, через партизанский штаб бригады им. К. Калиновского, мы передавали ценные материалы в штаб Красной Армии. Отличными разведчиками были Аксенович, Лярек, Лейтиш и другие. Чудеса отваги и бесстрашия проявили еврейские девушки — Мариля Ружицкая, Аня Руд, Лиза Чапник, Хайка Гроссман, Хася Белицкая, Броня Винницкая².

С помощью знакомого поляка, который работал в немецком паспортном отделении, они получили паспорта полек. Они жили поэтому вне гетто; все преимущества этого положения они, естественно, использовали в интересах нашего дела.

Мы много помогали партизанам: снабжали их радиоаппаратами, медикаментами, одеждой.

Замечательная страница в истории нашей антифашистской организации и Белостокского гетто — это помощь советским военнопленным. Ее проводил комитет из трех человек: Лейбуш Мандельбит, сапожник из Варшавы, коммунист, служащая Юдита Новогрудская и Беля Кауфман.

Лагерь для военнопленных помещался в Белостоке³; в самом лагере находился комсостав, офицеры, а рядовых вывозили на работу в разные районы. Надо было наладить связь с офицерами. Это сделать было трудно, так как лагерь был обнесен колючей проволокой.

[Военнопленные страшно голодали.]

Один механик по канализации, — я не помню его фамилии, — которому разрешили заходить на территорию лагеря, связался с офицерами. Механик был членом антифашистской организации. Мы ему систематически отдавали собранные продукты и медикаменты.

Как ни голодали в гетто, однако люди по-братски отдавали для советских военнопленных последнее.

На фабрике, где я работала, был один парень, работавший бригадиром у военнопленных. Мы ему приносили пайки, и он их передавал пленным. Однажды он нам сказал, что пленные выбрали старшину, который делит между ними принесенные продукты, и что они непременно хотят знать, кто им все это приносит. Тогда мы, незаметно для стражи, подошли к де-

1 Ада Лисаковская, полька, — участница польского Сопротивления. — *И. Л.*

2 Позднее Х. Гроссман жила в Израиле в кибуце “Эврон”, была депутатом израильского парламента, входила в руководство партии “Мапам”. Х. Белицкая-Бронштейн жила в кибуце “Лававот Хабаша”. Б. Винницкая-Клибански также жила в Израиле, заведовала отделом института “Яд ва-Шем” (Иерусалим).

3 В Белостоке с августа 1941 г. до марта 1943 г. находился лагерь для советских военнопленных — Шталаг 57 (с 1 августа 1942 г. — Шталаг 316). В начале 1942 г. в нем находилось более 11,5 тысячи пленных, в феврале 1943 г. — 1673 человека. — *И. Л.*

ревьям подле лагеря; пленные увидели нас, и это была трогательная сцена: они стали махать нам руками и улыбаться.

[Помощь оказывали польские и еврейские женщины, работавшие на фабрике.]

Охрана убила одну девушку, принимавшую активное участие в работе Комитета помощи военнопленным. Но эта расправа никого не утратила.

Нам удалось помочь одной группе пленных бежать из лагеря. Это были рядовые, которые жили в бараке.

В 1942 году советские самолеты бомбардировали Белосток; многие воспользовались этим и во время бомбежки бежали из лагеря.

Антифашистская организация создала в гетто боевую группу “Самооборона”. Боевиков надо было вооружить. Евреи работали в разных арсеналах в казармах. Презируя опасность, евреи выносили оружие из 10-го, 42-го полков, из арсеналов гестапо. На улицах города гестапо очень часто проводило ревизии у прохожих, особенно у евреев. [Можно себе представить, что значило для еврея пройти с оружием через весь город; но] самое трудное было — внести оружие в гетто. Ведь на воротах гетто висело объявление: “Воспрещается вносить в гетто продукты. За внесение продуктов расстрел”. Внести в гетто несколько килограммов картошки, значило рисковать жизнью. Можно ли себе представить ту меру бесстрашия, которую надо было проявить, чтобы пронести оружие в гетто? И все-таки оружие вносились днем через ворота гетто, а ночью перебрасывалось через забор. Нередко днем проходили через город с оружием Марек Бух и Шмерл Беркнер.

Берестовицкая внесла в гетто 8 пистолетов и много боеприпасов. Натек Гольдштейн и Рувим Левин, которые потом героически погибли в партизанских отрядах, вынесли ночью из арсенала гестапо 24 десятизарядки и 20 винтовок и доставили их в гетто. Сухачевский Ежи (позже командир еврейской партизанской группы “Вперед”) вынес пистолет из Музея трофейного оружия. Мотл Черемощный вынес оттуда же винтовки. Много оружия передал в гетто Муля Ништ, который известен под партизанским именем Володя.

Оружие приносилось также из польских деревень.

Броня Винницкая привозила оружие в чемодане из Гродно. В гетто, под руководством инженера Фарбера, изготовлялись гранаты и взрывчатые материалы.

Обеспечить все гетто огнестрельным оружием было невозможно. Зато многие дома были обеспечены разными отравляющими веществами. Евреи, работавшие на фабрике Миллера, внесли в гетто несколько сот литров серной кислоты.

Этл Бытенская организовала самооборону в некоторых домах по Купеческой улице и снабдила жителей этих домов серной кислотой и топорами.

Приближались самые страшные дни. [Мы знали, что гитлеровские изверги проводили ликвидацию гетто в разных городах. В Белостоке они начали ликвидацию гетто в феврале 1943 года и полностью закончили свое кровавое дело в августе 1943 года.]

Февраль 1943 года — это дни великих побед под Сталинградом.]

4 февраля 1943 года в шесть часов вечера жители Белостокского гетто узнали, что 5 февраля в четыре часа утра начнется “акция”. Когда немцы появ-

вились в гетто, наш товарищ Малмед первым убил гитлеровского бандита. Жену и маленьких дочерей Малмеда расстреляли на его глазах, Малмеда повесили. Труп его в течение семи суток (столько продолжалась эта “акция” в Белостоке) висел на улице Белой, и немцы не разрешали его снять¹. Сотни поляков подходили к забору гетто, чтобы поклониться праху мужественного бойца!

Малмед был не единственный. Каждый дом фашистским убийцам пришлось брать, как крепость. Многие дома они взрывали гранатами или поджигали. Как стало известно позднее, гестапо города Белостока оценило первую “акцию” в Белостокском гетто как “неудачную”.

Вторая “акция” началась 15 августа 1943 года. Она началась внезапно, но это гитлеровцам не помогло. Убийц встретили огнем. Немцы бросили в гетто танки и самолеты. Борьба продолжалась целый месяц².

Вечно в благодарной памяти народа останутся светлые имена участников и руководителей восстания Белостокского гетто. Руководитель восстания Даниэль Мошкович³ и его заместитель Мордехай⁴ посмертно награждены польским правительством высшими наградами.

Хеля Шурек и ее десятилетняя дочь Бира, семьдесят юношей и девушек погибли геройской смертью, до последнего вздоха не выпуская из рук оружия. Велыв Волковыский спас десятки людей и направил их в еврейский партизанский отряд “Вперед”. Он бесстрашно жертвовал своей жизнью, так же как Калмен Берестовицкий, как Хаим Лапчинский, который сражался с топором в руках, Лейбуш Мандельблит сражался, будучи тяжело больным; не уходили с поля боя художник Малер и сотни других.

Каждый, кто видел и знал, в каких страшных условиях жило еврейское население под гитлеровским игом, как героически оно сражалось с немецкими убийцами, поймет, как велик вклад евреев в дело разгрома немецкого фашизма.

Все честные люди в Белостоке преклонились перед героизмом борющихся евреев. Многие поляки давали нам оружие. Врублевский, Владек Мотылевский деятельно помогали евреям вооружаться. [Несколько польских сапожников прятали на своих квартирах активных антифашистских борцов-евреев.] Поляк Михаил Грушевский и его жена, из деревни Конное, спрятали в лесу группу вырвавшихся из гетто евреев. Они заботились о них

- 1 Ицхак Малмед (1903–1943) — рабочий, член подполья. 5 февраля, в первый день “акции”, облил соляной кислотой эсэсовца, немцы открыли огонь, в результате которого убили своего офицера. В ответ на это 6 февраля гестапо расстреляло 100 заложников, в том числе жену и ребенка И. Малмеда. Арестованный через два дня И. Малмед был повешен 8 февраля на ул. Купеческой. “Акция” продолжалась до 12 февраля. — *И. Л.*
- 2 Восстание в Белостокском гетто продолжалось пять дней — с 16 по 20 августа 1943 г. — *И. Л.*
- 3 Даниэль Мошкович (1905–1943) — активный участник коммунистического подполья в довоенной Польше, сержант Войска Польского. Член руководства Сопротивления в Белостокском гетто, заместитель руководителя восстания М. Тененбаума. Погиб в ходе восстания в гетто в августе 1943 г. См.: *Энциклопедия...* С. 823. — *И. А.*
- 4 Мордехай Тененбаум-Тамаров (1916–1943) — командир еврейской боевой организации Белостока. В начале войны — активный деятель подполья Вильнюсского гетто. Весной 1942 г. прибыл в Варшаву, один из организаторов Антифашистского блока и редактор его печатного органа “Дер руф” (“Зов”). В декабре 1942 г. по заданию Варшавской организации прибыл в Белосток для объединения подпольных групп. Один из руководителей восстания в Белостокском гетто, погиб при его подавлении. В 1945 г. посмертно награжден одной из высших наград Польши — орденом “Грюнвальдский крест” III класса. — *И. Л.*

до тех пор, пока те не связались с партизанами. Доктор Доха из деревни Жукевичи и фельдшер Рышард Пилицкий оказывали помощь раненым еврейским партизанам.

Гестаповцы подвергли жестоким наказаниям жителей хутора Кременное, но, несмотря на это, жители хутора не переставали, чем только могли, помогать еврейским партизанам.

Те, кому удалось вырваться из Белостокского гетто, ушли в лес. Немцы начали устраивать облавы. [Одну девушку немцы поймали и расстреляли.] Лесничий Маркевич вышел на большак и предупреждал беглецов не проходить мимо Лесничевки, где была устроена засада. Он прятал евреев, приносил им пищу, пока не пришли партизаны. Лесничего из лесничества “Три столба” вместе с женой и маленькой дочерью немцы зимой раздели и голых пытали в лесу, но они не открыли, где находятся еврейские партизаны.

Я передала только некоторые факты из истории борьбы антифашистов Белостока. Я рассказала очень немного из того, что видела собственными глазами, как участник жизни и борьбы в гетто.

Подготовила к печати Р. КОВНАТОР

Рассказ рабочих г. Белостока
Шимона Амиеля и Залмана Эдельмана

Не забыть нам мрачных дней гетто. Никак не забыть обнесенных колючей проволокой улиц Белостока — Купеческой, Юровецкой, Ченстоховской, Фабричной и многих других, над которыми три года подряд висела смерть. К концу 1943 года улицы гетто опустели, свыше пятидесяти тысяч его жителей погибли в печах и газовых камерах Майданека и Треблинки, в “лагерях уничтожения” около Белостока.

Из последних жителей гетто 16 августа 1943 года немцы отобрали сорок три человека. Среди них были и мы — два рабочих из Белостока.

Всех отобранных поместили в тюрьму. На следующий день нам приказали выковать для себя цепи длиной в два метра и весом в двенадцать килограммов. В тюрьме нас держали до 15 мая 1944 года.

За три месяца до этого злополучного дня нас взяли на особый режим. Каждый день нас куда-нибудь уводили и обставляли всю эту процедуру в виде подготовки к казни. Но страх смерти постепенно угасал. Была потеряна надежда на спасение. Над нами все время глумились, нас избивали. Шлема Гельборт и Абрам Клячко заболели психическим расстройством. Они отказались от пищи (полтора литра жижицы), страдали галлюцинациями и в конце концов дней через десять умерли. Невзирая на то, что эти люди были уже много дней не в своем уме, немцы их избивали и пытали, обвиняя в симуляции. Состояние животного отупения царило среди остальных

Каждый ждал такого же конца.

Спустя три месяца обреченные совершенно потеряли человеческий облик.

Однажды, рано утром, в тюрьму явился заместитель начальника гестапо Махоль. Он велел нас одеть в другую одежду. Наши новые костюмы пестрели белыми латками на коленях и большой белой латкой на спине. На расстоянии 500 м были видны эти пятна. Звон цепей (длиной в два метра) на руках и ногах напоминал нам о том, что всякая попытка к бегству напрасна.

Нас погрузили в “смертную машину” (типа душегубки) и повезли по направлению к Августову. Машина остановилась. Когда мы вылезли из автомобиля, нам было приказано построиться. Мы очутились в окружении пятидесяти жандармов, которые были вооружены автоматами, пистолетами и гранатами.

Махоль обратился к нам с речью; он сказал, что мы должны заняться строительной работой, которой хватит на три года. Ни один из нас не будет расстрелян, если работа будет выполняться добросовестно. Пытаться убежать нет смысла, так как из-за цепей это не удастся, а если бы кому-нибудь чудом удалось бежать, то остальные будут тут же расстреляны. Затем нас

отвели под охраной жандармов поглубже в лес к холму, который мы должны были разрыть¹.

Нам были выданы кирки, лопаты и другие инструменты. Когда мы начали рыть землю, то в 15 сантиметров глубины мы наткнулись на трупы людей. Нам приказали крючками вытаскивать эти трупы, укладывая их рядами на двухметровые штабеля дров. Укладка производилась таким образом: на каждый ряд трупов — ряд поленьев (дрова мы пилили тут же в лесу). Когда высота подготовленного костра достигала трех метров, дрова обливались керосином или бензином, кое-где вперемежку закладывались зажигательные шашки, и все сооружение поджигалось. Уже через час нельзя было подойти близко к костру, так как на расстоянии метра одежда приближавшегося начинала тлеть. Сжигание партии трупов продолжалось 12–18 часов. Затем из золы вытаскивали кости, их измельчали в больших ступах в порошок, зола просеивалась на ситах для обнаружения расплавленных коронок от зубов или других золотых или серебряных вещей, имевшихся на убитых.

Пепел мы зарывали в те же ямы, откуда были извлечены трупы для сжигания.

Гестаповцы приказывали сглаживать холмы над ямами. Засыпанные ямы засаживались деревьями и цветами.

Режим был строгий. Немцы боялись побега кого-нибудь из “бреннеров” и зорко следили за нами. В течение дня гестаповцы несколько раз проверяли, все ли “бреннеры” на месте. Так называли они сжигателей трупов.

Разговаривать нам было запрещено. Нас будили в шесть часов утра и отводили к месту очередных раскопок и сжигания трупов.

Первые три ямы в лесу около Августова содержали в себе 2100 трупов. Эти люди были убиты, в большинстве, выстрелами из автоматов и винтовок. Трупы были в одежде, которая истлела или сгнила. Сами трупы, особенно верхние слои, были в состоянии разложения.

Трупы вытаскивали при помощи крючков, прикрепленных к веревке. Крючок, а иногда и два, забрасывался в яму и зацеплял труп.

Немцы зорко следили за тем, чтобы все содержимое ямы было уничтожено.

С первых же дней мы решили, что должны сделать так, чтобы то, что сейчас происходит, стало впоследствии известно всему миру. Как-то ко мне подошел немец и сказал: “Жить вы все равно не будете, а если вы даже останетесь в живых и кому-нибудь об этом расскажете, то никто вам не поверит”. Эта фраза сильно повлияла на меня, и я решил сделать все возможное, чтобы сохранить следы нашей работы. Я следил за окружающими нас жандармами и ловил момент, когда их внимание было чем-нибудь отвлечено: в это время я крючком вылавливал руку трупа, либо ребро, либо череп и незаметно бросал в яму, засыпая ее песком. То же делали мои товарищи. У нас зародилась вера, что кто-нибудь из нас останется в живых и сумеет вынести на суд все то ужасное, что пришлось видеть.

¹ По приказу Гимmlера с лета 1942 г. до 1944 г. проводилась “Особая операция 1005” (нем. *Sonderaktion 1005*), также называемая “операция 1005” (нем. *Aktion 1005*) и “операция эксгумации” (нем. *Enterungsaktion*): военные пленные, узники лагерей и гетто привлекались для эксгумации трупов и их сожжения, чтобы скрыть следы преступлений на оккупированных территориях. — И. А.

Из-под Августова нас повели по деревням, заселенным в большинстве белорусами. Возле каждой деревни возвышался холм, в котором были зарыты уничтоженные евреи. Не сосчитать этих могил. Мы с утра до поздней ночи сжигали двести-триста трупов и зарывали пепел в ямы. Под Гродно, около Старой крепости, мы сожгли несколько тысяч трупов. Особенно большое количество трупов мы сожгли в 14 километрах от Белостока, в местечках Новошиловка и Скидель¹.

Недалеко от Белостока мы раскопали яму, в которой было 700 женщин. Можно себе представить переживания несчастных перед смертью. Трупы были совершенно голые. У многих жертв были отрезаны груди, которые валялись тут же в яме. [Этот жесточайший акт садизма следует отнести к концу 1943 года.]

Мне рассказывал один из спасшихся — житель местечка Едвабно² Михель Перельштейн, что он был в гетто в тот день, когда отобрали 700 молодых трудоспособных женщин и направили их якобы на вязальную фабрику. Их заставили свернуть в лесок, выкопать ямы, раздеться догола; после страшных издевательств — их расстреляли.

Под Ломжей, в деревне Гелчино, мы раскопали четыре ямы, каждая по пять метров шириной и глубиной в четыре метра. Мне удалось там спрятать несколько ног, один череп и несколько ребер. Немцы нервничали, из их разговоров мы поняли, что Красная Армия близко. Та торопливость, которую проявляли немцы, подсказала нам, что наши дни, может быть, даже часы сочтены. Надзор за нами несколько уменьшился, но все же мечтать о побеге было трудно, так как 60 жандармов, вооруженных до зубов, окружали нас.

Мне навсегда запомнилось это раннее утро. Мы с рассвета раскапывали одну большую яму: мы не успели произвести раскопку, как появился Махоль, который подозвал к себе оберштурмфюрера Лика, штурмфюрера Шульца и, как мы называли его, главбандита Тифензона, — и начал с ними о чем-то совещаться. Мы сразу поняли, что случилось что-то серьезное. Нервный тон Махоля и несколько уловленных слов из разговора подсказали нам, что наш конец близок. Гудайский и Пауль дубинками погнали нас в сторону, приказали нам срочно вырыть яму в четыре метра шириной и два метра глубиной. Для нас ясно стало, что на этот раз роем могилу для самих себя. Каждый из нас стал обдумывать, как бы вырваться из когтей смерти. Поговорить друг с другом, посоветоваться нам не удалось. Малейшее, даже шепотом произнесенное слово, каралось “гуммами” — ударами резиновой палки. Когда яма была готова, нас всех проверили и выстроили около ямы, повернув к ней лицом. Махоль взмахнул перчаткой, и цугвахтмейстер Вахт дал приказ: “В яму”. Я крикнул: “Спасайтесь, бегите, только в разные стороны!” От страшного напряжения нервов все пронзительно закричали и бросились бежать. Раздались очереди автоматов, которые уложили мно-

1 В гетто г. Скиделя (ныне Брестской области) от голода и болезней умерло несколько сотен евреев. Более 2400 узников перевели в Гродно и затем расстреляли либо отправили в лагеря смерти. См.: *Энциклопедия...* С. 906. — И. А.

2 В Едвабно (до 1941 г. относилось к Белостокской области БССР) в июле 1941 г. местные жители в ходе погрома убили несколько сотен своих соседей-евреев. См.: Гросс Януш *Соседи: история уничтожения еврейского городка*. М.: Текст, 2002. — И. А.

гих, но даже раненые старались бежать в гущу леса, находившегося на расстоянии 200 метров от ямы. К вечеру в лесу мы встретились — я и Эдельман. Мы в течение трех суток бродили по лесу, питались кореньями и листьями. Воду пили из луж и боялись выйти из леса. На четвертый день мы пришли к Грабовке, недалеко от Белостока. Мы узнали, что красные утром заняли город. Сердца наши затрепетали великой радостью, мы поняли, что спасены. Из нашей группы осталось в живых десять человек: я, Эдельман, Рабинович, Гершуни, Фельдер, Врубель, Лев Абрам, Шиф и Липец. Спустя одиннадцать дней мы все уже были в Белостоке. Трудно рассказать и передать наши чувства, когда мы очутились на земле, на которую вступила Красная Армия. Но еще сегодня звучит и, наверное, уже всю жизнь будет звучать в наших ушах этот приказ накануне смерти: “Йн ди грубе марш” — “В могилу марш!”

Сообщение майора медицинской службы Нохума Полиновского
Подготовил к печати ВАС. ГРОССМАН

PCΦCP

- - - -

ШАМОВО

Это было в местечке Шамово Рославльского района, Смоленской области. 2 февраля 1942 года комендант Мстиславля лейтенант Краузе объявил полицейским: все евреи, проживающие в Шамове, должны быть уничтожены. Обреченных согнали на площадь перед церковью. Их было около пятисот человек, старики, старухи, женщины с детьми. Несколько девушек пытались убежать, но полицейские их застрелили.

На кладбище отводили по десять человек. Там расстреливали. Среди обреченных были две сестры Симкины. Младшую, Раису, студентку Ленинградского педагогического института, убили одной из первых. Старшая, Фаня, учительница, оставшаяся в живых, рассказывает:

Это было под вечер 1 февраля. Мы с сестрой поцеловались, простились — мы знали, что идем на смерть. У меня был сын Валерик — ему было девять месяцев. Я его хотела оставить дома, авось кто-нибудь возьмет и вырастит, но сестра сказала: “Не нужно. Все равно он погибнет. Пусть хоть с тобой умрет”. Я его завернула в одеяло. Ему было тепло. Сестру повели первой. Мы слышали крики, выстрелы. Затем все стихло. Во второй партии повели нас. Привели на кладбище. Детей подымали за волосы или за воротник, как котят, и стреляли им в голову. Все кладбище кричало. У меня вырвали из рук моего мальчика. Он выкатился на снег. Ему было холодно и больно, он кричал. Затем я упала от удара. Начали стрелять. Я слышала стоны, проклятья, выстрелы, и я поняла, что они били каждый труп, проверяли, кто еще жив. Меня два раза очень крепко ударили, я молчала. Начали снимать вещи с убитых. На мне была плохонькая юбка, они ее сорвали. Краузе подозвал полицейского, что-то сказал. Все ушли. Я потянулась к Валерику. Он был совсем холодный. Я поцеловала его, попрощалась. Некоторые еще стонали, хрипели, но что я могла сделать? Я пошла. Я думала, что меня убьют. Зачем мне жить? Я одна. Правда, у меня муж на фронте. Но кто знает, жив ли он! Я шла всю ночь. Отморозила руки. У меня нет пальцев, но я дошла до партизан. Утром лейтенант Краузе снова послал полицейских на кладбище добить раненых.

Два дня спустя в полицейское управление пришли четыре старых еврея. Они пробовали уйти от смерти, но не нашли пристанища. Шмуילו, семидесяти лет от роду, сказал: “Можете нас убить”. Стариков отвели в сарай, их били железной палкой, а когда они лишались сознания, оттирали снегом. Потом к правой

ноге каждого привязали веревку, перебросили через балку. По команде полицейские поднимали стариков на 2 м над землей и сбрасывали вниз. Наконец, стариков застрелили.

КРАСНЫЙ

Рассказ агронома Софьи Глушкиной

До войны я жила в Минске. 24 июня 1941 года я проводила мужа на фронт. Я вышла из города с ребенком (ему было восемь лет), пошла на восток. Я решила добраться до моей родины — до города Красный, забрать отца и братьев. В Красном меня настигли немцы, они пришли туда 13 июля.

25 июля вывесили объявление — собирали жителей города. На собрании немцы сказали, что все могут въезжать в дома евреев. [Еще немцы заявили, что евреи должны беспрекословно подчиняться всем распоряжениям немецких солдат.]

Начали ходить по квартирам, раздевали, разували, били палками и плетьюми.

8 августа в дом, где я жила, ворвались эсэсовцы. У них были эмблемы с изображением черепа. Они схватили моего брата, Бориса Семеновича Глушкина. Ему было тридцать восемь лет. Они стали его бить, потом выкинули на улицу, издевались, повесили на грудь доску, наконец бросили в подвал. На следующее утро были расклеены объявления: “Все жители города приглашаются на публичную казнь жида”. Моего брата вывели, у него на груди было написано, что сегодня его казнят. Его раздели, привязали к хвосту лошади и поволокли. Он был полумертвый, когда его убили.

На следующую ночь в два часа снова стучат в дверь. Пришел комендант. Он потребовал жену казненного еврея. Она плакала, потрясенная страшной смертью мужа, плакали трое детей. Мы думали, что ее убьют, но немцы поступили гнуснее: ее изнасиловали здесь же на дворе.

27 августа прибыл специальный отряд. Сигнали евреев, объявили, что они должны немедленно принести все добро и сдать немцам, а потом перейти в гетто. Немцы отгородили участок земли колючей проволокой, повесили вывеску: “Гетто. Вход запрещен”. Все евреи, даже дети, должны были носить на груди и на спине шестиконечные звезды из ярко-желтой материи. Каждому было предоставлено право оскорблять и бить человека, у которого такая звезда.

В гетто по ночам устраивали “проверки”, выгоняли на кладбище, насиловали девушек, избивали до потери сознания. Кричали: “Подымите руки, кто думает, что большевики вернутся”, — гоготали и снова били. Так каждую ночь.

Это было в феврале. Ночью ворвались эсэсовцы, стали светить фонариками. Их выбор остановился на восемнадцатилетней девушке Эте Кузнецовой. Ей приказали снять рубашку. Она отказалась. Ее долго били нагайкой. Мать, боясь, что девушку убьют, шептала: “Не противься”. Она разделась; тогда ее поставили на стул, осветили фонариком и начали издеваться. Трудно об этом рассказать.

Счастливыцы убегали в лес. Но что было делать старикам, женщинам с детьми, больным? У меня были товарищи в Красном, с которыми я хотела уйти партизанить. Мы ждали, чтобы потеплело. Но вот 8 апреля 1942 года товарищи сообщили мне, что прибыл отряд карателей. Мы решили попытаться счастья. За полчаса до оцепления я вышла из города. Куда идти? Повсюду полицаи. Нас травят как зайцев. Я добралась до лагеря, где находились военнопленные — я была с ними связана.

Город окружили. Евреев всех загнали на один двор, заставили раздеться. Мой отец пошел первым. Ему было семьдесят четыре года. Он нес на руках своего двухлетнего внука. Жена моего старшего брата, которого немцы убили еще в августе, Евгения Глушкина взяла с собою двух детей — двенадцати лет и семи лет. Третьего, годовалого, она оставила в люльке, она думала, что, может быть, звери пощадят младенца. Но немцы, закончив расстрел, вернулись в гетто, стали подбирать тряпье. Они увидели в люльке Алека¹.

Немец выволок ребенка на улицу и ударил головой о лед. Начальник отряда приказал разрубить тело младенца на куски и дать его собакам.

Я ушла к партизанам. Мне было трудно с ребенком. Но в тяжелых условиях сказались солидарность, товарищество, человеческая заботливость. Большие переходы, частые заставы. Я была связной. Дважды я встретила карателей, но ушла. Мой ребенок был ко всему подготовлен. Я ему говорила: “Если меня поймают, если будут бить или колоть булавками, если я буду плакать или кричать, ты молчи”. Восемилетний мальчик никогда не жаловался. Он был настоящим партизанским питомцем.

Два года мы сражались, и вот пришел день, когда я увидела Красную Армию.

9 ноября 1943 г.

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

¹ В Красном были убиты от 100 до 200 евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 477. — И. А.

В местечке Монастырщина Смоленской области проживало много евреев. Был здесь еврейский колхоз. 8 ноября 1941 года немцы истребили всех евреев, тысячу восемьсот человек. Расстреливали из автоматов, детей закапывали живыми. Когда пойманного впоследствии полицейского Дудина спросили, действительно ли он бросал живых детей в могилу, он ответил: “Не бросал, а клал”.

Были убиты также дети от смешанных браков. Русская по национальности, педагог Любовь Александровна Дубовицкая была замужем за евреем. Ее арестовали и подвергли пыткам. Ее дети — семи лет, четырех лет и годовалый — были убиты. Дубовицкой двадцать семь лет, после пережитого она выглядит старухой.

Монастырщина сожжена, от домов остались печи. Осталась одна печь и от дома, в котором жил служащий районного ЗАГС Исаак Розенберг. Он был женат на русской женщине, уроженке Жирятинского района Орловской области. У Натальи Емельяновны Розенберг было двое маленьких детей. Они уцелели — матери удалось убедить палачей, что это дети от ее первого мужа.

Наталья Емельяновна спрятала мужа в яме под печкой. Там он провел два с лишним года. Он сидел, согнувшись; нельзя было ни лечь, ни встать. Когда он иногда ночью выходил наверх, он не мог выпрямиться. От детей скрывали, что их отец прячется в подполье. Однажды четырехлетняя девочка, заглянув в щель, увидела большие черные глаза. Она закричала в ужасе: “Мама, кто там?” Наталья Емельяновна спокойно ответила: “Я ее давно заметила — это очень большая крыса”.

На обрывках газет, которые издавали немцы, марганцовым раствором Исаак Розенберг вел записи изо дня в день, а также записывал рассказы жены о “новом порядке” в Монастырщине. Часто вода наполняла яму. Кашель душил Розенберга, но он не смел кашлянуть. Он писал и об этом. Дом был хороший, он понравился немцам. Тогда Наталья Емельяновна ночью разобрала крышу. Дом заливало водой, зимой было холодно, зато немцы больше не покушались на дом.

Наталья Емельяновна заболела сыпняком. Ее увезли в больницу. Детей приютила соседка. Исаак Розенберг по ночам вылезал наверх и ел клей на обоях. Так он продержался две недели. А Наталья Емельяновна, лежа в больнице, терзалась: вдруг она в бреду расскажет о муже?

В сентябре 1943 года части Красной Армии подошли вплотную к местечку. Монастырщина — узел дорог, немцы здесь оказали сильное сопротивление. Шли бои. У дома Розенберга стояли немцы с оружием. Наталья Еме-

льяновна взяла детей и, как другие жители Монастырщины, убежала в лес. Она вернулась, когда в местечко ворвались красноармейцы. Она увидела еще дымившуюся золу и печь: дом сгорел. Исаак Розенберг задохнулся от дыма. Он просидел в подполье 26 месяцев и умер за два дня до освобождения Монастырщины советскими частями.

285

Судьба
Исаака
Розенберга

Подготовил к печати **ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ**

2 августа 1942 года на стенах Ростова было расклеено объявление за подписью “еврейского старейшины Лурье”¹ о регистрации евреев. В объявлении говорилось, что евреи могут свободно проживать в городе, так как “германское командование стоит на страже их безопасности”.

Пять дней спустя появилось новое обращение за подписью того же Лурье: “Чтобы обезопасить жизнь евреев от безответственных выступлений обозленных элементов, немецкое командование должно выселить их за город и тем самым облегчить их охрану”. Евреям было предложено собраться в указанных пунктах 11 августа 1942 года, взяв с собой ценности, одежду и ключи от квартир, в которых вещи должны остаться нетронутыми.

В Ростове осталось много евреев, которые не смогли уехать: старики, больные, их близкие, женщины с детьми. Некоторые сразу поняли, что означает приказ немцев. Научный сотрудник сельскохозяйственного института Федор Ческис вскрыл себе вены, истек кровью, но не умер. Жена на ручной тележке возила его по больницам, но напрасно. Немецкий патруль остановил их. Ческиса казнили, жену, по национальности русскую, посадили в тюрьму. На Дону одна женщина бросила в реку трех своих детей и сама бросилась в воду; вытащили ее и одного мальчика, двое детей утонули.

Старики, муж и жена, забаррикадировались в своей квартире. Немцы взломали дверь, раскидали нагроможденную мебель и увели стариков. На углу Буденновского проспекта и Сенной улицы жила женщина — зубной врач — с дочкой и внуком, которому было одиннадцать месяцев. Узнав о немецком приказе, она решила утопиться с дочкой и внуком. Дочь и внук утонули, а бабушку добрые люди спасли. Обезумевшая, она прибежала в больницу, где прежде работала, к врачу Орловой, умоляя впрыснуть ей морфий, так как за ней гонятся. Действительно, те же “добрые люди”, узнав, кого они спасли, позвали немцев. Гестаповцы увели ее из кабинета врача на казнь.

Екатерине Леонтьевне Итиной было восемьдесят два года. Она жила у двух бывших монахинь, которые любили ее и заботились о ней. Она сказала: “Я никуда не пойду. Пусть придут и убьют меня”. Немцы заявили, что если она не пойдет, они заберут и монахинь. Тогда старуха поплелась на пункт.

Пошли на смерть два старейших врача Ростова: доктор Ингал и доктор Тиктин. Женщина-врач Гаркави считалась лучшим специалистом по тубер-

¹ Имеется в виду юденрат. Объявление было подписано: “За еврейский совет старейшин — д-р Лурье”. Внизу объявления по-немецки — зондеркоманда СС 10а. См.: Гинзбург Л. *Бездна*. М., 1967. С. 65. — И. Л.

кулезу. Ее муж, по национальности русский, не захотел расстаться с женой, они вместе пошли на казнь.

На Малом проспекте жил парализованный старик Окунь с женой и внучкой. Девушка не захотела уехать, чтобы не оставлять стариков. Прочитав приказ, старуха Окунь начала раздавать свои вещи соседям. 11 августа она пошла с внучкой на сборный пункт. Парализованный старик остался один. Он спрашивал соседей, скоро ли вернется жена. На другой день за ним приехала машина.

Жители Ростова, проходившие часто по Малому проспекту, знали старушку Марию Абрамовну Гринберг. Она всегда сидела у окна, здоровалась со знакомыми, потчевала детей сладостями. Все ее любили. Дети Марии Абрамовны успели уехать, за исключением одной дочери, доктора Гринберг, которая не захотела бросить престарелую мать. Дочь пошла на пункт. Старушка не могла ходить и осталась дома. Она не понимала, почему дочь ушла на весь день. Старушка просила соседей: “Позвольте мне посидеть у вас, пока за мной придет машина”. Говоря это, она не понимала, зачем придет машина. [Она не понимала, почему соседи ее выпроваживают. Она говорила: “Я вас не узнаю, вы такие хорошие люди и не хотите меня приютить на один вечер...” Вечером ее увезли.]

Вот что рассказывает врач Людмила Назаревская:

11 августа утром я шла по Пушкинской улице мимо сборного пункта. У дома стояли машины. Во дворе толпились люди. Меня увидела старушка Розалия Огуз, учительница музыки. Она полвека тому назад давала уроки моей старшей сестре. Она обрадовалась и сказала: “Люда, вы, наверно, пришли нас проводить. Я прошу вас зайти ко мне на квартиру, я живу с Гончаровой, скажите ей, что нас везут в Военвед. Пусть она принесет мне и сестре продовольствие”. Я пообещала ей сделать все и простилась.

Пройдя несколько шагов, я увидела мать и дочь. Мать была слепая, а дочь глухая. Они меня остановили, спросили, где находится пункт. Рослая девушка, которая шла позади меня, всплеснула руками и закричала: “Боже мой, беднячки, да куда же вам идти надо!..” Она заплакала и повела несчастных к пункту. Я направилась в военвед. По Буденновскому проспекту и дальше через Дон, на Батайск, беспрерывно шли машины. Двое рабочих прошли мимо меня. Один угрюмо сказал: “Трудно их осилить”. Я ходила вокруг военведа — это в пятнадцати километрах от города, но никого не увидела. Возвращаясь через рабочий городок, я села отдохнуть на скамейку и вдруг увидела партию женщин, скромно одетых, и несколько старых мужчин, среди них доктора Тиктина. Я пошла вслед. Впереди и позади шли немецкие солдаты. Впереди шел мужчина в белой рубашке. Он, видимо, наслаждался своей ролью, время от времени поворачивался и махал руками, как будто дирижировал.

За городом дорога шла под железнодорожной насыпью. Здесь меня остановил бандит в белой рубашке. Он подозревал немцев. Мне сказали, что дальше идти нельзя.

Возвращаясь в город, я встретила несколько машин, в которых везли евреев. Юноша, сорвав с головы фуражку, помахал ею бандиту в белой рубашке. Может быть, он хотел проститься с живой душой? Бандит в ответ расхохотался. Мне запомнилось в другой машине лицо женщины; она держала на руках

маленького ребенка. Ее лицо было напряжено и казалось безумным. Машина мчалась, и женщина с ребенком на ухабах подсакивала. Еще я увидела в машине нашу старушку-акушерку Розалию Соломоновну Фишкинд в ее затрапезном пальтишке и белой шапочке. Лицо у нее было грустное, задумчивое, она меня не видела.

Что произошло там, куда немцы не пропустили доктора Назаревскую?

Это мало заселенный район. Пять домиков железнодорожников у переезда, несколько домов к востоку от зоологического сада и Олимпиадовский хутор. Из всех этих домов жители были выселены на два дня. Им приказали под страхом расстрела запереть дома и удалиться. Однако некоторые, опасаясь за свое имущество, спрятались в пристройках в огородах, в щелях. Они видели все.

Накануне казни евреев, 10 августа, немцы на том же месте — у Змиевской балки — убили триста красноармейцев. Красноармейцев подвозили в машинах до переезда. Там их сажали в специальную газовую машину. Из нее вытаскивали мертвых. Тех, которые подавали признаки жизни, пристреливали.

Евреям приказали раздеться. Вещи складывали в стороне. У Змиевской балки расстреливали и тотчас засыпали глиной. Маленьких детей живыми кидали в ямы. Часть евреев убили в газовой машине. Одну партию вели голыми от зоологического сада до балки. С ними была красивая женщина, тоже голая, она вела за руки двух крохотных девочек с бантиками на голове. Несколько девушек шли, взявшись за руки, и что-то пели. Старик подошел к немцу и ударил его по лицу. Немец закричал, потом повалил старика и затоптал его.

Местные жители видели, как в ночь с 11 на 12 августа из ямы вышла голая женщина, сделала несколько шагов и упала замертво.

На следующий день газета “Голос Ростова”, которую выпускали немцы, писала: “Воздух очистился”¹.

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

1 Всего в Ростове-на-Дону, по данным ЧГК, были убиты от 15 до 18 тысяч евреев. По немецким источникам — две тысячи. Организатором казни был “фюрер” зондеркоманды 10а Гейнц Зетцен. Самой “акцией” руководил его подчиненный — гауптштурмфюрер СС Лотар Хеймбах. См.: *История Холокоста на Северном Кавказе и судьбы еврейской интеллигенции в годы Второй мировой войны* / Материалы 7-й международной конференции “Уроки Холокоста и современная Россия” / Сост. И. А. Альтман и Л. А. Терушкин. Под ред. К. М. Фефермана. М.: Центр и Фонд “Холокост”, 2013. — И. А.

1-3. Знаки, пришивавшиеся к одежде евреев.

4-5. Запретительные надписи.

О БЪЯВ

ДЛЯ ЗАНЯТОЙ ОБ

XIII. ПРИМЕТЬ

1. Все евреи и еврейки, которые находятся в занятой русской территории и вальта белую нарукавную ленту в размере 10 сантиметров, нарукавную ленту или лоскуток сукна они должны себе сами и Кланяться со стороны евреев и евреек определенно запреще

XIV. ОПРЕДЕЛЕНИЕ О

еврей есть тот, кто происходит по рассе от не менее трех полне нееврейских прародителей.

- а) если он 22.VI.1941 г, принадлежал еврейской религии
- б) если он во время этого об'явления состоял в браке с евр

XV. ЗАПРЕТ

Немедленно запрещен кошерный убой, т. е. медленное кровопуск

XVI. ЕВР

В каждой общине должно быть представительство евреев и Еврейский совет должен состоять в общинах до 10,000 жителей. Еврейский совет выбирается из евреев общины. На ме Еврейский совет выбирает из своей среды старшину и одну Старшина еврейского совета обязан немедленно заявить сос еврейски совет обязан через старшину или его заместителя упрятное и своевременное выполнение в полном об'еме.

указаниям, в связи с исполнением немецких приказов, все ные указания должны быть даны письменно, по представле ршина, его заместитель и другия члены еврейского совета совоенной власти, немецкой полиции или иных немец

одное переселение евреев немедленно прекращается.

рых общинах евреев совместят в предназначенных для н которые оставили свою общину будут немедленно зад

равным приказам выданные немецкими военными частя нения будут строго наказываться.

П О Л О Ж Е Н И Е

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е
О Т 1. IX. 1941 Г.

Д Л Я Е В Р Е Е В.

лица и которым минуло 10 лет обязаны немедленно носить на правом плече в желтой сионистической звезде или желтый лоскуток сукна такого же размера и цвета, как и описано выше, и нести его до тех пор, пока не обретут.

О П О Н Я Т И И С М Ы С Л А „Е В Р Е Й“.

Еврейскими прародителями. Евреем считается тот, кто происходил по прямой линии от еврейских прародителей. Евреем считается тот, кто происходил по прямой линии от еврейских прародителей.

О Ш Е Р Н А Г О У Б О Я.

При убое скота для производства кошерного мяса.

О Е В Р Е Й С К И М С О В Е Т А М.

В каждой еврейской общине.

В каждой еврейской общине, состоящей из 12, в общинах свыше 10.000 жителей из 24 евреев, исходящих из числа бывших членом еврейского совета выбирают немедленно нового. В каждой еврейской общине выбирают заместителя.

В каждой еврейской общине.

В каждой еврейской общине.

В каждой еврейской общине.

В каждой еврейской общине.

В каждой еврейской общине.

В каждой еврейской общине.

В каждой еврейской общине.

В каждой еврейской общине.

Командующий областью

В гетто:

**7. Эсэсовец ножом срезает бороду
еврея.**

8. У доски объявлений.

9. В больнице гетто.

Треблинский лагерь уничтожения (Польша):
IО. Шлак, образовавшийся при сожжении трупов.
II. Детский ботиночек и соска, обнаруженные
среди вещей убитых.

12. Обреченные копают себе могилу.

13. Тела убитых детей.

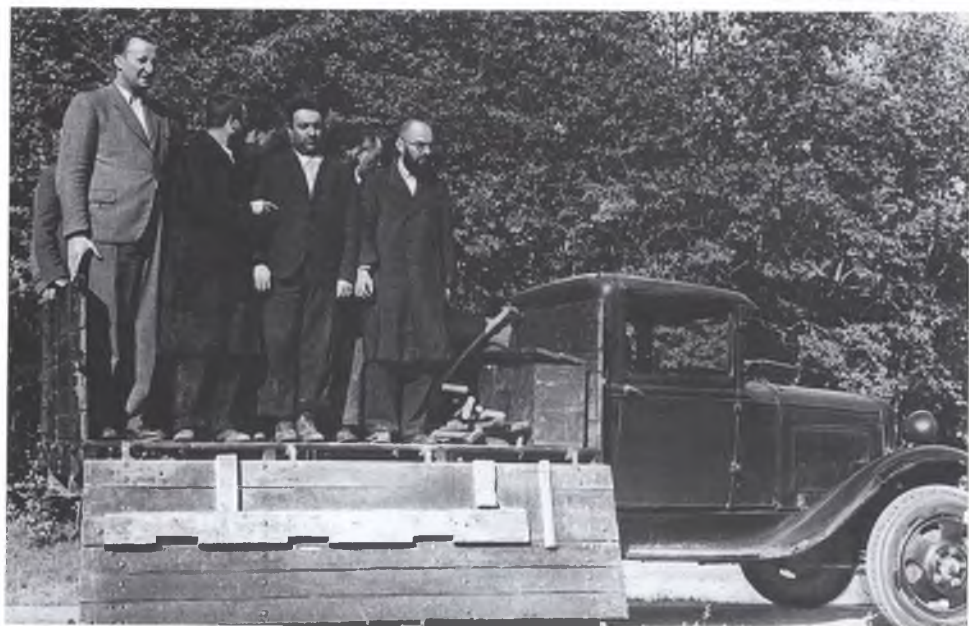
14. Доктор Почтер с женой и дочерью.

Их тела найдены в братской могиле.

Каунас. Форт смерти:
15. Стена, у которой
производились расстрелы.
16. Расстрелянные.

17-21. Подготовка к казни и казнь.
Снимки эсэсовского офицера. Каунас.

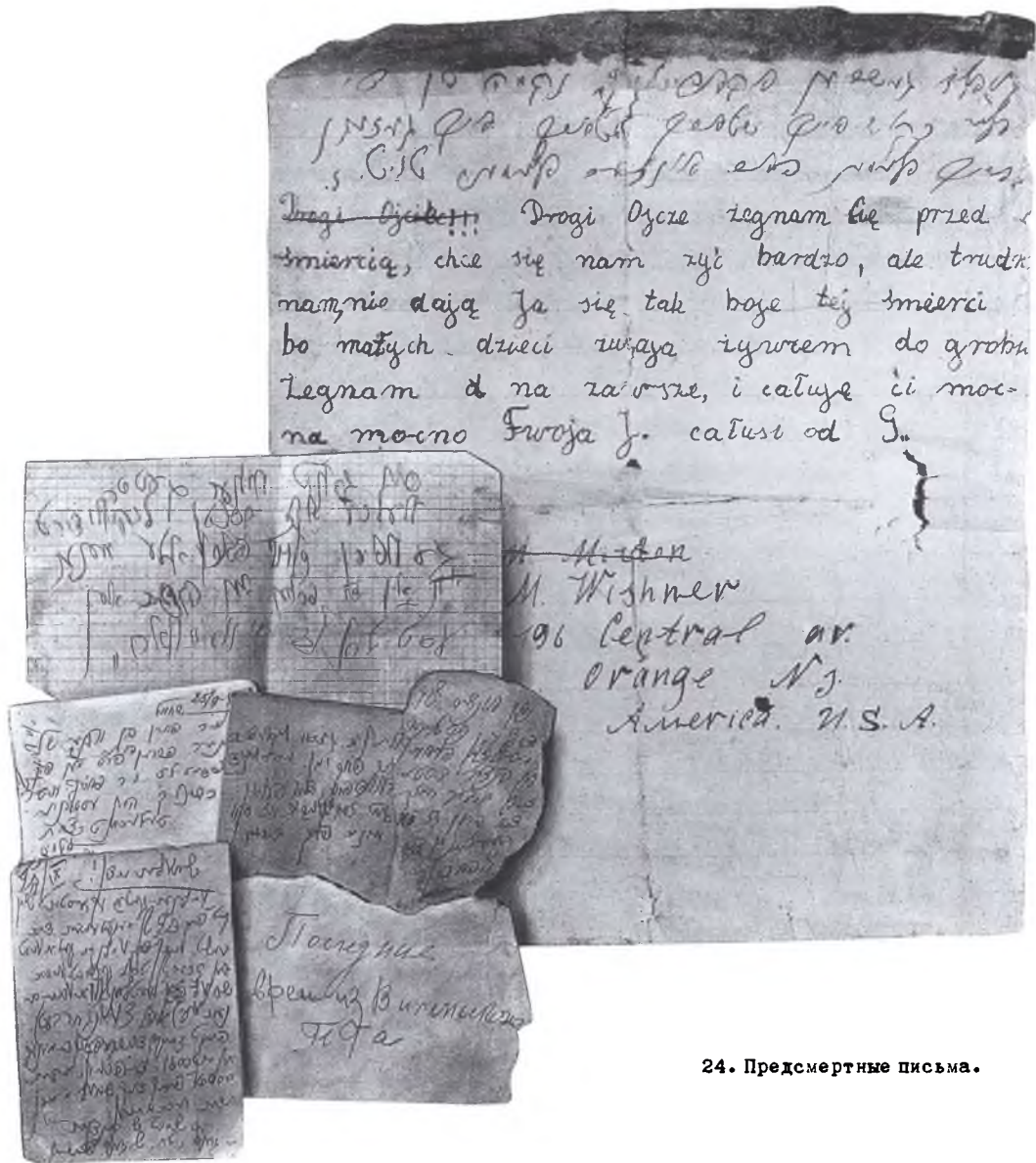

22. Убитый старик-еврей. Крым.

23. Братская могила.

Снимок эсэсовского офицера.

24. Предсмертные письма.

По-еврейски:

“Ухас... Месть... Целуэ вас крепко-крепко... Процауэ со всеми перед нашей смертью... З.”

По-польски: “Дорогой отец, прощауэ перед смертью, очень хочется нам жить, но тяжело нам...

Не даю. Я так борюэ этой смерти, потому что малых детей бросаю живыми в могилу.

Прощауэ навсегда и целуэ тебя крепко-крепко. Твоя И. Поцелуэ от Г.”

На клочках бумаги по-еврейски:

“Со всего Виленского гетто, которое вчера ликвидировано,

24/9 едут все мужья без жен и детей в Эстонию”.

“Вслед за нашим поездом должен быть еще один с нашими женами и детьми... На днях...”

“Виленское гетто ликвидировано. Едем в Эстонию, отдельно от жен...”

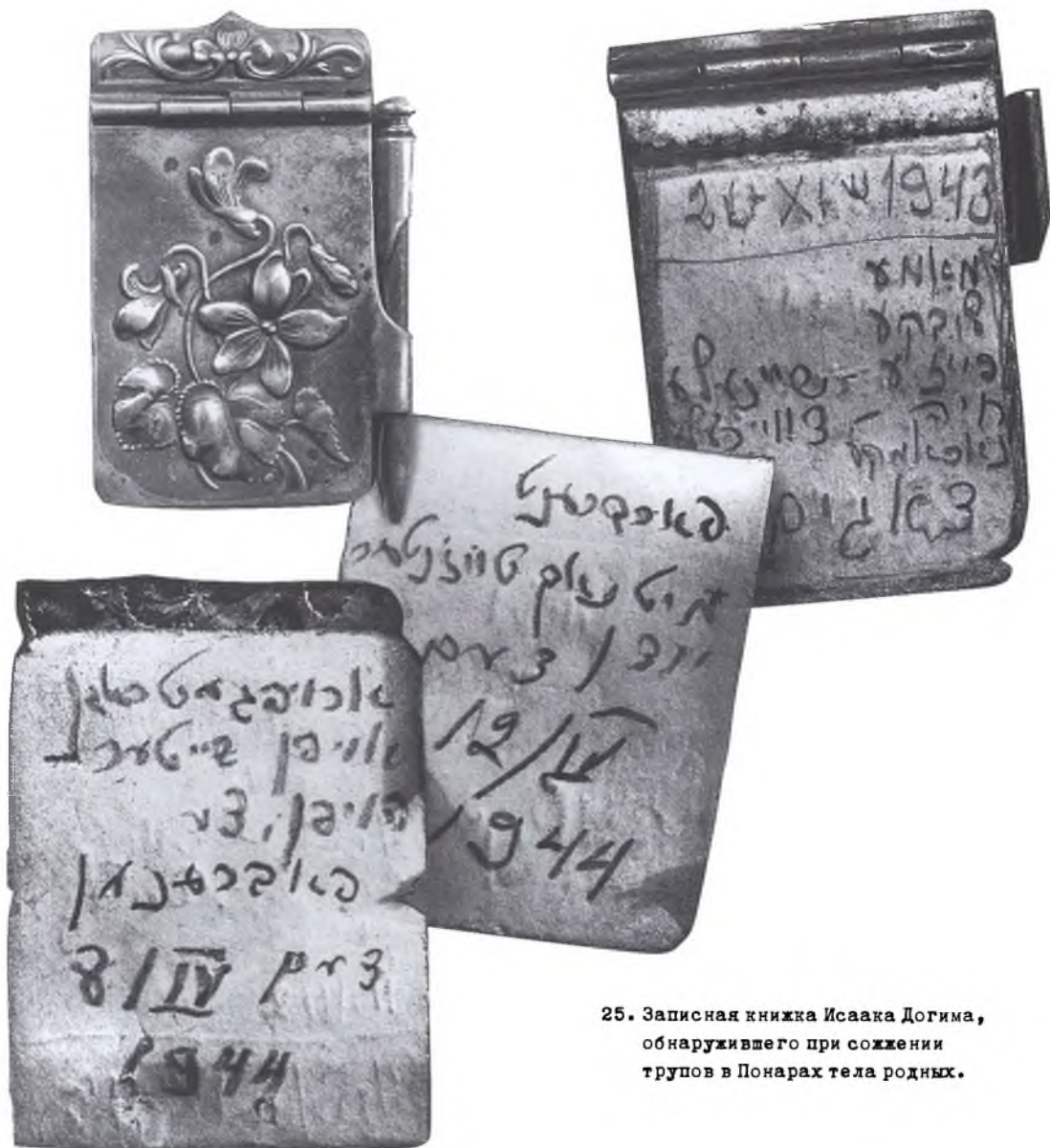
“25/9, Шавли: едем из Вильно... отдельно от жен... Едем дальше... в Эстонию”.

“25/IX. Шавельские евреи! Виленского гетто больше не существует с 23 сентября.

Остатки евреев из Виленского гетто в большей части едут через Шавли

в Эстонию на принудительные работы... Сегодня проехали мужчины — приблизительно

1600 человек. Женщины — примерно 6000 — проедут завтра или послезавтра”.

25. Записная книжка Исаака Догима, обнаружившего при сожнении трупов в Понарах тела родных.

"20. IX. 1943

Мать
 Любка
 Рейзля-Шейндл
 Хая-Двойра
 Нехамка
 Догим"

"Сожжены вместе с тысячами евреев. 12. IV. 1944"

"Возведены на костер для сожжения. 8. IV. 1944"

Партизаны:

26. **Исаак Витенберг**, руководитель
Объединенной партизанской
организации Виленского гетто.
27. **Хаим Елин**, руководитель
организации сопротивления
Каунасского гетто.

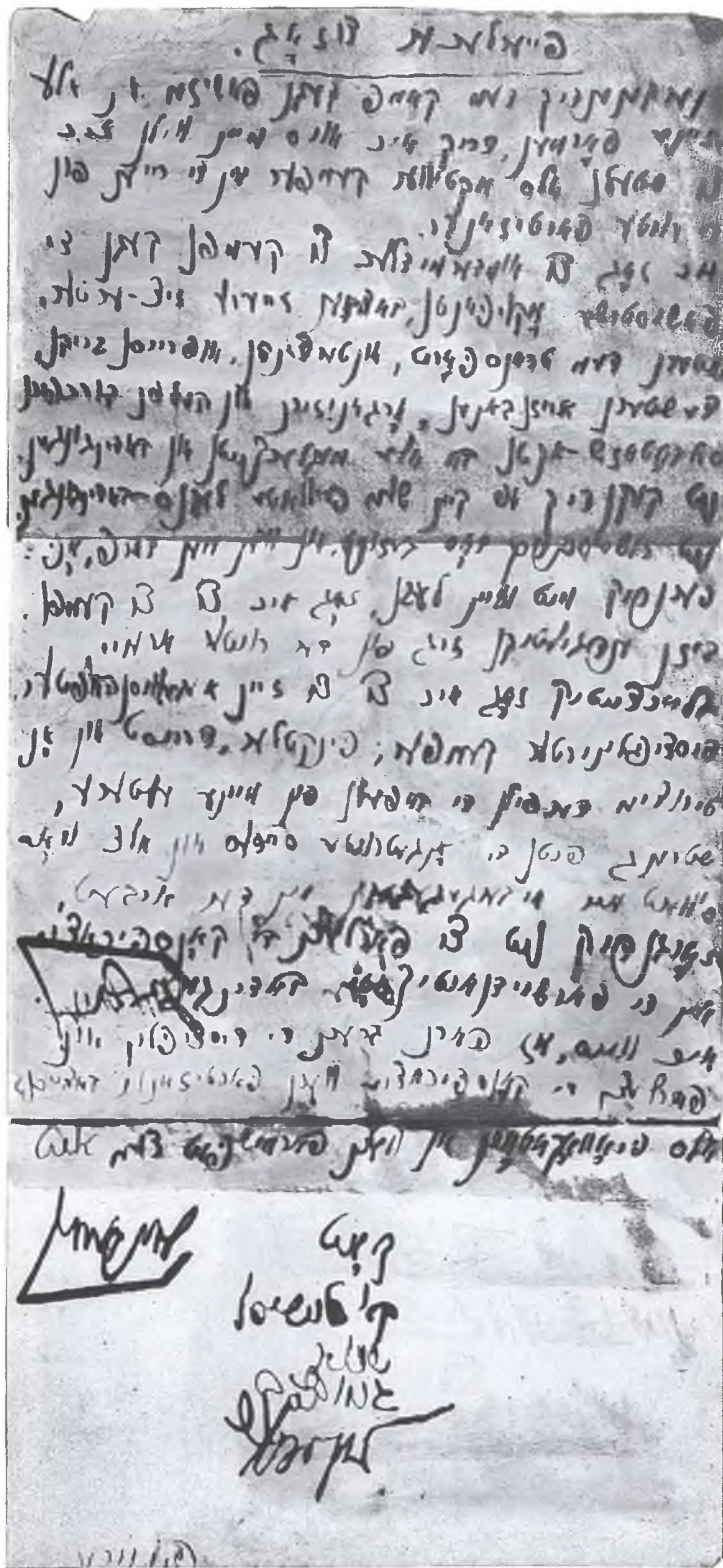

28. Борис Шершневский, секретарь парткома
гетто, позднее политкомиссар
партизанского отряда "Смерть фашизму".

29. Александр Печерский, руководитель
восстания в Собиборском лагере.

**30. Текст клятвы
евреев-партизан.**

“ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Принимая на себя борьбу против фашизма во всех его формах, я выражаю свое желание встать в качестве активного бойца в ряды красных партизан. Я обещаю неустанно бороться против фашистских оккупантов, угрожать местам их поселения, мешать транспорту, поджигать, взрывать мосты, разрушать железнодорожные пути, организовывать и при первой возможности помогать проведению актов саботажа в любых условиях, не глядя ни на какие условия. Не щадя здоровья, а если потребуется, то жертвуя своей жизнью, я обещаю бороться до решительной победы Красной Армии. Одновременно обещаю быть добросовестным, дисциплинированным бойцом, точно, храбро и безоговорочно выполнять приказы своих старших, строго хранить доверенные мне тайны и все, что мне передано по работе, заботиться о нарушении конспирации. Мне известно, что нарушившие дисциплину и конспирацию объявляются провокаторами и присуждаются к смертной казни”.

В городе Морозовске жил врач Илья Кременчужский с женой и двумя дочерьми. Муж одной дочери был на фронте. Она осталась с грудным ребенком. Жена Кременчужского была русской. [Она чудом уцелела.] Вот ее рассказ.

Немцы убили 248 евреев. Но в ту ночь они убили 73. Они приехали к нам вечером, закричали: “Доктор Кременчужский здесь? Собирайтесь с семьей”. Муж сразу все понял. В грузовике он дал порошок с ядом мне и дочерям. Он сказал: “Когда я покажу рукой, то проглотите это”. Один порошок он оставил себе.

Нас привели в камеру. Там было очень тесно. Мы все стояли. Под окнами эссовцы кричали: “Сейчас мы вас прикончим. Погодите”. Дети плакали. С некоторыми женщинами сделалась истерика. Моя младшая дочь хотела проглотить яд, но муж вырвал из ее рук порошок и сказал: “Нет, нельзя, представьте, что будет с другими, если мы сейчас отравимся? Мы должны поддержать их, разделить общую судьбу”. Мой муж не говорил по-еврейски, он всю жизнь прожил на Дону, но здесь он вспомнил два слова: “бридэр идн” — “братья еврей”. Все насторожились. Муж сказал: “Мы должны умереть достойно — без слез, без криков. Мы не доставим этой радости палачам. Я вас умоляю, братья и сестры, молчите”. Настала страшная тишина, даже дети притихли.

[С нами сидел знакомый инженер. Он вдруг начал стучать в дверь, кричать: “Ошибка! Сюда попали русские женщины”. Один немец спросил: “Где?” Им показали на меня и дочерей. Немец вывел меня в коридор: “Завтра разберемся”. Потом они начали убивать.] Гитлеровцы убивали во дворе. Никто не крикнул. Я подумала: “Зачем мне жить?” Но внук. Я хотела спасти внука, и мы убежали. Нас прятал учитель.

Подготовил к печати ИЛЪЯ ЭРЕНБУРГ

В деревне близ Морозовска находились дети — на полевых работах. Слухи об убийстве евреев дошли до деревни. Шестеро еврейских детей, в возрасте от девяти до двенадцати лет, отправились в Морозовск. Узнав, что немцы забрали их родителей, дети пошли в комендатуру. Оттуда их отвели в гестапо.

В камере сидели две русские женщины: заведующая яслями Елена Беленова, сорока семи лет, и Матрена Измайлова. Последняя рассказывает:

Дети плакали. Тогда Беленова начала их успокаивать, говорила, что папа и мама живы, что ничего нет страшного. Она их убаюкивала, ласкала. Они уснули, а в три часа ночи за ними пришли гестаповцы. Дети стали кричать: “Тетя, куда нас ведут?” Беленова спокойно объяснила: “В деревню. Будем там работать”.

В яме около Морозовска найдены трупы Елены Беленовой и шестерых еврейских детей.

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ¹

1 См.: ГА РФ, ф. 8014, оп. 1, д. 944, л. 128. — И. А.

2 мая 1943 года я вернулся в родной город Ставрополь, освобожденный Красной Армией. Немцы убили всю мою семью: старика-отца, мать, брата с женой и детьми и четырех сестер с детьми, среди которых были грудные.

Когда немцы заняли Ставрополь, они учредили “еврейский комитет для ограждения интересов еврейского населения”. Была произведена регистрация евреев.

Неделю спустя немцы предложили всем эвакуированным евреям явиться на привокзальную площадь, взяв с собой пожитки до тридцати килограммов, “для переселения в менее населенные районы”. Всех собравшихся посадили в машины особой конструкции и задушили газами. Вещи отвезли в гестапо.

Через два дня, 14 августа 1942 года, немцы предложили всем местным евреям явиться для получения нарукавных повязок. Все пошли, в том числе и моя семья. Их продержали в гестапо до вечера, а вечером сказали, что утром отпустят по домам. Утром их раздели догола, посадили в газовые машины и отвезли за город².

Офицеры и гестаповцы разбрелись по еврейским квартирам в поисках добычи.

Я хочу сказать о моей матери. У нее были правнуки: она вырастила семерых детей. Последние два года она болела, почти не выходила из дома, готовила у плиты обед. К ней приходили внуки, приносили ей цветы. Она сидела среди них слабая и радостная. Ее видели, когда она шла в гестапо. Она шла сгорбленная, в потертом капоте, прикрыв черной косынкой седые волосы. Каким пустым и страшным должно быть сердце человека, который толкнул ее в могилу!

Мои родные жили мирной жизнью, чинили часы, шили платья, делали заготовки для обуви. Дети ходили в школу, ездили на полевые работы.

Лина, старшая дочь моей сестры, была сильной, красивой девушкой, спортсменкой. В первые дни оккупации к ней приставали немецкие офицеры, и, придя домой, она плакала от обиды, гордая советская девушка. Потом ее убили.

Убили и самого маленького моего племянника. Ему было десять месяцев. Сначала немцы объявили, что явке подлежат дети старше восьми лет, потом предложили собравшимся женщинам принести всех детей “для регистрации”. И убили.

1 В первоначальном варианте очерк назывался “Ставрополь”. Письмо А. Нанкина датировано 8 июня 1943 г. См.: ГА РФ, ф. 8014, оп. 1, д. 944, л. 133. — И. А.

2 В Ставрополе было казнено около 4 тысяч евреев. См.: *Энциклопедия...* С.185. — И. А.

Одну мою племянницу мать не взяла с собой. Девочка пряталась у соседей. Об этом узнали гестаповцы. Целый вечер солдаты с автоматами искали двенадцатилетнюю девочку. Ее не нашли. На следующий день, несмотря на уговоры соседок, она сама пошла в гестапо, сказав: "Хочу к маме". Убили и ее.

[8 июня 1943 г.]

Сообщение А. Нанкина

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

Человеку, который записал свои воспоминания о немцах в Кисловодске, Моисею Самойловичу Эвенсону, сейчас семьдесят девять лет. Он родился в городе Ковно. Почти мальчиком принужден был эмигрировать за границу. Долго работал репортером в Вене. Не окончив философского факультета, на котором он усиленно занимался, Эвенсон вернулся на родину. Был ему тогда двадцать один год.

Он работал у известного библиографа и историка русской литературы С. А. Венгерова; участвовал в создании словаря Брокгауза и Ефрона. В 1892 году он стал работать журналистом; написал ряд небольших статей по философским вопросам, по истории еврейства. Из Петербурга как еврея полиция его выслала в Киев; в Киеве Эвенсон работал в газете "Жизнь и искусство".

[В Киеве он также не имел права жить, и способному литератору, отцу семейства, приходилось часто просиживать дни и ночи в шахматном клубе. Сюда не заходила полиция проверять документы.]

Из Киева Моисею Самойловичу пришлось уехать в Житомир, где он был сотрудником, выпускающим и, по существу, единственным работником газеты "Волянь". В этой газете одно время сотрудничал знаменитый украинский писатель Коцюбинский. Газета "Волянь" была закрыта.

Эвенсон переехал в Киев и снова скитался.

Сын Эвенсона погиб в 1915 году под городом Бучачем в боях с немцами.

Революция 1917 года покончила в России с еврейским бесправием.

Молодая республика вела ожесточенную борьбу с врагами. Немецкие империалисты вторглись на Украину и пытались отнять у украинского народа свободу. В 1919 году от руки врагов погиб средний сын Моисея Самойловича — юрист и шахматист. Эвенсон уехал в Баку. До 1924 года он служил в Наркомвнешторге, потом вышел на пенсию и жил около курорта Кисловодск на маленьком полуостанке Минутка. [Здесь он женился второй раз на русской женщине, она спасла его во время немецкой оккупации. Такова жизнь автора записок.]

Рассказ Эвенсона

Немцы прорвались на северный Кавказ внезапно; Кисловодск жил жизнью глубокого тыла. В городе было много эвакуированных много беженцев.

14 августа 1942 года население узнало, что немцы подходят к Минеральным Водам. Началась эвакуация учреждений и санаториев. Но транспорта

не было. Для того чтобы уехать, надо было иметь пропуск, и люди задерживались из-за оформления бумаг.

Многие пытались уйти пешком к Нальчику, но 9 августа немецкие разведки уже появились на дорогах.

14 августа появились немецкие мотоциклисты. А вслед за ними пришло множество германских машин, с автоматчиками и пулеметчиками. Пришли транспорты пехоты, затем приехали легковые машины с немецким начальством.

На многих санаториях появились аккуратные билетки с надписью: “Занято немецким командованием, вход воспрещен”.

Центр города был занят комендатурой с ее многочисленными отделениями. По городу были расклеены печатные воззвания к населению. [В них говорилось, что германская армия ведет войну только с ГПУ и евреями. Остальное население призывалось сохранять спокойствие и порядок; всем предлагалось явиться на работу. В воззвании объявлялось, что колхозы выпускаются, торговля и ремесло свободны.] Объявлялось, что враждебные акты против оккупационных властей будут караться по законам военного времени. К такого рода актам в первую очередь относились: помощь и поддержка партизанам и недонесение о них властям, распространение неблагоприятных слухов о действиях германской армии и оккупационных властей, а также любое неисполнение приказов комендатуры и гражданских властей.

Через несколько дней в Кисловодске появился в продаже листок, издававшийся в Пятигорске под заглавием “Пятигорское эхо”. Листок на три четверти был заполнен самой гнусной антисемитской агитацией и нелепыми лживыми выпадами против советской власти.

Ко времени оккупации в Кисловодске скопилось довольно много евреев, эвакуированных из Донбасса, Ростова и Крыма.

Одним из первых приказов германского командования бургомистром города был назначен Кочкаров. Бургомистр издал приказ о сдаче оружия, о сдаче имущества санаториев и о регистрации “евреев и лиц еврейского происхождения”.

Старшиной назначенного немцами еврейского комитета был популярный в городе зубной врач Бененсон.

Дня через два появился новый приказ. Евреи должны были нашить себе на грудь шестиконечную белую звезду — шесть сантиметров диаметром.

Так появились на улицах Кисловодска люди, отмеченные печатью смерти.

В городе не было топлива и керосина. Были закрыты бани. Цена на мыло дошла до 400 рублей за кусок. Были открыты школы. Учителям было приказано применять в школе телесное наказание, но они не подчинились этому. Лекарств в городе не стало. Появилась жестокая безработица.

Немцы объявили о принудительном курсе оккупационной марки — 10 рублей за марку.

Население, лишённое всяких средств к существованию, продавало вещи. Появились комиссионные магазины, которые сперва брали 25 %, потом 10 % и даже 5 %. Цены все падали, вещи скупали немцы.

В центральной части города появились немецкие офицеры, солдаты всех родов оружия, украшенные всевозможными значками и нашивками.

Появились дамы в тонких чулках и нарядных туфлях. Все трудоспособные мужчины и женщины должны были работать на оккупантов два дня в месяц, и скоро появилось объявление, что работать надо за несколько месяцев вперед. В аулы карачаевцев потянулись мешочники с вещами. Мука дорожала, вещи дешевели.

В первые дни еврейскому комитету было приказано представить для нужд командования пятьдесят мужских пальто, пятьдесят пальто женских, столько же обуви, столовое белье и так далее. После этого были потребованы часы, драгоценности. Потом было приказано поставить людей на очистку площадей и на земляные работы. Работать обязали голыми руками.

7 сентября появился приказ комендатуры: «В целях заселения некоторых местностей на Украине всем евреям и лицам еврейского происхождения, кроме метисов, приказывается явиться 9 сентября на товарную станцию, имея при себе ключи от своих квартир с прикрепленными бирками, на которых должны быть обозначены адреса и фамилии. Выселяемые могут иметь при себе не более 20 килограммов багажа на каждого».

Многие уже понимали, что это приказ явиться на смерть. Доктор Виленский с женой и врач Бугаевская отравились. Доктор Файнберг с женой и дочерью перерезали себе вены¹.

9 сентября на товарной станции скопилось до двух тысяч евреев. Евреи проходили мимо гестаповцев, которые собирали в корзинку ключи от квартир. В числе вывезенных был старик профессор Баумгольц, писатель Брегман с женой, доктора Чацкин, Меренес, Шварцман, зубной врач Бененсон с семьей. Его тяжело больного сына доставили на носилках. Люди подошли к железнодорожному составу. Гестаповцы потребовали, чтобы вещи и провизия были сданы. Послышались робкие возражения: «Как же с бельем для детей?» Погрузка продолжалась. Пришел автомобиль с девятью маленькими еврейскими девочками, взятыми из детского дома. Испуганные люди взволновались и зароптали.

— Зачем маленьких девочек отправляете? — раздались крики.

Гестаповец ответил по-русски:

— Если их не убить, то они будут потом большевиками.

В час дня поезд тронулся. Охрана расположилась в классном вагоне. Поезд проехал станцию Минеральные Воды, остановился в поле: немцы стали смотреть в бинокль. Нашли, что местность неудобная. Поезд задним ходом вернулся в Минеральные Воды, прошел на запасной путь к стекольному заводу.

— Вылезайте, — сказали немцы.

[Одна женщина, Дебора Резник, ослабевшая от голода и волнения, выпала из задних дверей теплушки в высокий бурьян.]

Люди вылезли. Немцы сказали:

— Сдайте драгоценности.

Люди снимали серьги, кольца, часы и бросали все это в шапки охранников. Прошло еще десять минут. Подошла штабная машина. Последо-

¹ Доктор с женой и дочерью пытались покончить с собой, перерезав вены и приняв морфий, однако немцы отправили их в больницу, вылечили, а затем расстреляли. См.: *Акт о истреблении еврейского населения в Кисловодске* в кн.: *Документы обвиняют*. Вып. II. М., 1945. С. 141. — И. Л.

вал приказ: раздеться до белья. Начался крик, люди метались, охранники погнали толпу к противотанковому рву, который находился в километре от стекольного завода.

Детей тащили за руки, несколько автомобилей кружились по полю, из них стреляли по разбегавшимся.

Расстрел продолжался до вечера. Ночью подвезли машины из Эссентуков.

Из Кисловодска привезли 1800 человек, из Эссентуков — 507 взрослых и 1500 детей, стариков и старух. К утру все были убиты.

[Дебора Резник вышла из травы. Она была почти безумна.

Она бродила по дорогам и случайно осталась жива. Может быть, потому что она не была похожа на еврейку.

Остался жив еще старик Фингерут.]

В Кисловодске немцы сохранили живыми несколько сапожников и портных. Перед отступлением они вызвали их семьи и расстреляли всех.

Кое-кто был спасен. Сотрудница одного ленинградского института Шевелева спасла троих еврейских детей, выдав их за своих племянников¹. Коллектив мединститута помог ей спрятать детей. Врач Глузман с двумя дочерьми — пятнадцати и восьми лет — были спасены. Одна русская женщина, Жовтая, спрятала у себя молодую женщину — еврейку с грудным ребенком.

[Несколько евреев спасались в пещерах.]

Стояла чудесная погода. Появились слухи, что немцы хотят создать в Кисловодске курорт только для немцев. Русское население будет выселено.

4 ноября в Германию был отправлен эшелон с молодежью.

Нужда в городе росла, было тревожно. С величайшей осторожностью говорили о расстрелах, но и без того каждый мог ночью слышать залпы.

В декабре появились глухие слухи о Сталинграде. В Кисловодск поступали партии пленных Советские аэропланы бомбили Пятигорск. Оккупанты притихли и посерели.

Бургомистр Кочкаров был отставлен за большую растрату. Его место занял некто Топчиков. На Рождество вырубали много елок, но веселых елок немцы не справили. Началась эвакуация.

4–5 января 1943 года опять по квартирам искали евреев и коммунистов. Появилось объявление, что распускаемые слухи об эвакуации Кисловодска ложны; за них будут расстреливать.

В первых числах января начались взрывы. Взрывали железнодорожное полотно, товарную станцию. Повторялись обыски. Немцы убежали внезапно 10 января. Это спасло много жизней. Немцы оставили на станции бочки с квашеной капустой, вино, мешки с солью. Вино оказалось отравленным. Соль тоже была отравлена, но хозяйки сразу заметили, что посоленный немецкой солью суп покрывается зеленым налетом, и отравлений было не так много.

10 января в Кисловодске немцев уже не было. Вошли советские войска. Началось откапывание трупов убитых замученных.

1 Варвара Алексеевна Цвиленева (1915–1998) спасла двух детей и племянницу своих коллег — семьи врачей Скобло. Удостоена звания “Праведник народов мира”. — И. А.

В противотанковом рву нашли 6300 зверски расстрелянных советских граждан. В Пятигорске на Машук-горе найдено 300 трупов русских. В Кисловодске, у Кольца-горы нашли еще 1000 трупов¹.

То, что было сделано немцами в Кисловодске, Пятигорске, Ессентуках, сделано ими было спокойно и методически.

Подготовил к печати **ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ**

¹ Согласно "Актам о расстреле гитлеровцами советских граждан у горы Кольцо от 25 января и 7 июля 1943 г.", там были обнаружены 349 трупов расстрелянных. См.: *Документы обвиняют...* С. 147–151. — *И. Л.*

Немцы заняли Ессентуки 11 августа 1942 года. 15 августа был назначен Еврейский комитет, который произвел регистрацию евреев. Было зарегистрировано 307 трудоспособных, а с детьми и стариками — около двух тысяч.

На рассвете евреи должны были являться в комитет. Их посылали на тяжелые работы. Немцы издевались над ними, избивали. Особенное усердие проявлял “ответственный по еврейским делам” лейтенант Пфайфер¹. Этот толстый краснолицый немец приходил в комитет с хлыстом и руководил побоями.

7 сентября по приказу коменданта фон Бека евреям было предложено переселиться в “малонаселенные места”. Все евреи должны были явиться в школу за полотном железной дороги, взяв с собой вещи (не более 30 килограммов): тарелку, ложку и продуктов на три дня. На сборы был предоставлен один день.

Узнав о “выселении” и понимая, что за этим скрывается, покончил с собой доцент Ленинградского университета Герцберг. Профессор Ленинградского педагогического института Ефруси и доцент Мичник приняли яд, но были спасены немецкими врачами, считавшими, что евреев нужно убить по установленному регламенту.

В ту же школу было приказано свезти всех больных, находившихся в больнице.

9 сентября с утра в школу стали собираться евреи. Многих провожали русские, прощались, плакали. Здание оцепили. Ночь обреченные провели в школе. Дети плакали. Часовые пели песни. 10 сентября в шесть часов утра евреев посадили на машины, без вещей. Машины направились к Минеральным Водам.

В километре от стекольного завода находился большой противотанковый ров. Машины останавливались возле рва. Евреев раздевали и сажали в газовые автомобили, где они умирали от удушья. Пытавшихся убежать — расстреливали. Детям мазали губы ядовитой жидкостью. Трупы сваливали в ров слоями. Когда ров заполнялся, его посыпали землей и утрамбовывали машинами.

Среди убитых было много научных работников и врачей: доцент Тингер, доктора Лившиц, Животинская, Гольдшмидт, Козниевич, Лысая, Балабан, юрист Шац, магистр фармации Сокольский.

1 Офицер зондеркоманды СС 12, организатор истребления евреев. Вот его показания, данные в 1968 г. на процессе в Пятигорске (в качестве свидетеля): “1 сентября очищены Минеральные Воды, 2–5 сентября — Ессентуки и Железноводск, 6–8 сентября — Пятигорск, 9 сентября — Кисловодск. Сколько всего было уничтожено, точно сказать не могу. Думаю — тысяч восемь... десять... Может быть — двенадцать”. См.: *Уничтожение...* С. 241–243. Руководил зондеркомандой СС 12 Густав Носке. — *И. Л.*

В Ессентуках работал доктор Айзенберг. В начале войны он был назначен начальником полевого госпиталя.

После освобождения Ессентуков Красной Армией доктор Айзенберг приехал в родной город. Он узнал, что немецкие людоеды убили его жену и десятилетнего сына Сашу. Вместе с представителями Красной Армии и с рабочими стекольного завода доктор Айзенберг установил у рва мемориальную доску.

На этом месте зарыты евреи не только Ессентуков, но также Пятигорска, Кисловодска, Железноводска. Здесь же зарыты трупы 17 железнодорожников и многих русских женщин и детей.

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

РАССКАЗ РЫБОЛОВА ИОСИФА ВАЙНГЕРТНЕРА ИЗ КЕРЧИ

Когда началась эвакуация из Керчи женщин с детьми, моя жена не хотела ехать. Наши рыболовы, наш консервный завод выполняли заказы фронта, и я не мог оставить работу. Оставлять в городе меня одного жена не соглашалась.

— Если случится, — говорила она, — что тебе придется уходить, уйдем вместе.

Когда вошли немцы, по городу был расклеен приказ: все евреи — от стариков до грудных детей — обязаны явиться на регистрацию. Работоспособных отошлют на работы, а дети и старики будут обеспечены хлебом. У кого не будет штампа регистрации, тот подлежит расстрелу.

Я пошел и зарегистрировался вместе с семьей.

На сердце было тяжело. Не нравилось, что на улицах встречается мало керченских жителей, а евреев вовсе почти не видеть.

— Знаешь, — сказала мне жена, — давай поговорим с Василием Карповичем относительно ребенка.

Зашли к Василию Карповичу Клименко, жившему у нас на дворе. Он и Елена Ивановна, пожилые люди, не раз просили заходить к ним.

— В тревожное время лучше, когда люди держатся вместе, — говорили они.

Но мы из дома уходить не хотели и только нашего младшего, Бенчика, отвели к ним. Старший сын наш, Яша, все равно дома не сидел. Школы были закрыты, и он по целым дням где-то бегал со своими товарищами. Однажды утром вошли ко мне в дом двое полицейских и немец. Немец вычитал из бумаги мое имя, имя жены и наших детей.

— Соберите, — говорит он, — наиболее нужные вещи, так как вы отправляетесь на работу в совхоз, а квартира ваша будет занята другими. Возьмите с собой ваших сыновей Якова четырнадцати лет и Бенциона четырех лет. Где они?

— Это ошибка, — отвечаю я. — У нас детей нет.

Но тут же мелькает у меня мысль: а что я буду делать, если сейчас они войдут?..

Немец что-то записал и приказал следовать за ним. Двор точно вымер. Но я чувствую, что из-за окон за нами тайком следят перепуганные соседи.

Привели нас в тюрьму. Она была переполнена. Встретили там всех наших друзей и знакомых. И так как никто не знает, для чего и надолго ли нас взяли, в голову приходят самые страшные мысли. От тесноты и мрачных предчувствий все возбуждены, громко говорят, дети плачут, — с ума можно сойти.

К вечеру пришел начальник тюрьмы.

— Незачем волноваться, граждане! — сказал он сладким голосом. — Выспитесь, отдохнете, а завтра мы отвезем вас в ваши совхозы на работу. Будете получать по два кило хлеба в день.

Народ успокоился. Знакомые начали сговариваться о том, чтобы вместе попасть на грузовики и работать в одном совхозе.

На следующее утро к тюрьме подъехало пять грузовиков. Я, жена и наши друзья никак не могли пробиться к машинам, до того была велика толкотня. Люди хотели как можно скорей выбраться из тюрьмы и очутиться на свободе, в совхозе. Наиболее сильные пробились вперед, а мы все оставались, хотя грузовик курсировал весь день.

Ночью кому-то показалось странным, что грузовик оборачивался в течение двадцати пяти минут. Куда же они могли за такой срок отвозить людей? Эта мысль так ударила по сердцу, что всех нас охватил ужас. Так промучились всю ночь.

Утром снова приехали грузовики, и мы вместе с нашими друзьями наконец-то уселись. Как только мы выехали за город, я почувал недоброе. Я знаю все пригородные дороги — не в совхоз едем мы! И прежде чем я успел что-нибудь сообразить, я увидел противотанковые рвы и возле них гору одежды.

Как раз здесь остановился автомобиль. Мы оказались в окружении солдат с винтовками, направленными на нас. Из ямы, еле присыпанные землей, виднелись еще шевелящиеся руки, ноги. На секунду мы словно оцепенели. Девочка лет четырнадцати-пятнадцати с нашей улицы припала ко мне с плачем: “Я не хочу умирать, дяденька!” Это так потрясло нас всех, что мы словно очнулись. Никогда я эту девочку не забуду. Ее плач живет в моей крови, в мозгу, в сердце.

С нас начали срывать верхнюю одежду и гнать в яму — прямо на расстрелянных. Послышались страшные вопли. Солдаты гнали нас в могилу живьем, чтобы не нужно было потом таскать наши тела. Окружавшее нас кольцо сжималось все больше. Нас оттеснили к самому краю ямы, так что мы в нее свалились. В это мгновение раздались выстрелы, и упавших тут же начали засыпать землей. Я распрощался с женой. В то время как мы стояли, обнявшись, пуля попала в голову жены, и кровь ее хлынула мне в лицо. Я подхватил ее и искал места, куда бы ее положить. Но в эту минуту я был сшиблен с ног, на меня упали другие. Я долго лежал без сознания. Первое ощущение, которое я, очнувшись, испытал, было необычайно. Я не понимал, где нахожусь и что произошло. Меня давила горячая тяжесть. Хотелось вытереть лицо, но я не знал, где моя рука. Вдруг я раскрыл глаза и увидел звезды, светящиеся в великой высоте. Я вспомнил обо всем, собрал все силы и сбросил лежавшую на мне землю. Оттреб также землю, лежавшую поблизости. Хочу найти жену. Но кругом темно. Каждый раз беру в руки чью-то голову, всматриваюсь — не жена ли. Темно! Вожу пальцами по лицу, может быть, удастся на ощупь опознать. Наконец, нашел. Она была мертва. Я выбрался из ямы и пошел, куда глаза глядят. Увидел огонек и зашел в деревенскую избу. Там было трое мужчин и две женщины. Они меня о чем-то спрашивали, но я не знал, что отвечать. Очевидно, они сразу догадались обо всем. Женщины сняли с меня измазанную в крови рубаху, смазали йодом мои раны, надели на меня свежую рубаху, накормили, дали мне фуражку, и я ушел.

На пороге одна из женщин спросила меня:

— А Вальдмана Илью Вениаминовича тоже привезли с вами?

— Да, — сказал я, и женщина, заломив руки, упала.

Я шел по направлению к городу. Не знаю почему, но страха я совершенно не испытывал. Я хотел узнать о детях. На дворе была ночь, будить знакомых мне не хотелось, и я, увидав развалины разрушенного бомбежкой дома, вошел в погреб.

Рано утром я хотел подняться и не мог. Раны кровоточили, меня лихорадило. По обрывкам разговоров, по доносившимся крикам и отчаянным воплям я понял, что в городе происходит большой погром. Как я потом узнал, то, что происходило в городе, значительно превзошло мои представления. Немцы окружили также рабочее предместье и убили около двух тысяч человек¹.

Лежу в погребке и двинуться не могу. Но вот что удивительно: очевидно, кто-то догадывался о том, что в погребке находится живое существо. От времени до времени кто-то опускал в погреб то каравай хлеба, то отварную картошку, то лук, то бутылку воды. Пятнадцать дней я пролежал таким образом. Вдруг мне стало ясно, что я заживо гнию. Тогда я собрал остатки сил и выбрался наружу. Пришел в поликлинику. Когда я вошел в кабинет, доктор спросил:

— Что с вами? Почему такая вонь?

Я показал свои раны.

— Места нет, — сказал он, — деньги и бумаги есть у вас?

— Нет.

— В таком случае я не имею права лечить вас, — сказал врач и тут же шепнул медсестре, чтобы та немедленно подготовила для меня место в палате.

Он лечил меня без денег и без бумаг, продержал две недели и выпустил здоровым.

Ушел я к своим знакомым [русским] и получил у них еду, деньги и жилье.

Тридцать пять лет я имел дело с морем, с ураганами. Не раз буря перевтывала мои лодочки, но меня не побеждала. Сколько раз меня уже пытались поглотить волны! А этот вот презренный фашистский пес хочет погубить меня в два счета. Не дожить ему до этого! На фронте воюют мои братья и братья моей жены, они уже знают о том, что натворили немцы в Керчи.

Начал разыскивать своих детей. Никто не знал, куда девался Яша. Несколько ночей подряд я рылся в ямах. Но можно ли среди стольких трупов, да еще в темноте узнать кого-нибудь? К тому же покойники часто так меняются, что их вообще узнать невозможно. Затем я добрался до партизан. Однако пропавшим своего сына не считаю: он вырос на море. А с Бенчиком все обошлось так, как обещал мне Клименко.

— Что бы ни было с нами, — говорили они, когда я отдавал им ребенка, — Бенчик должен быть спасен.

Через несколько дней после того, как нас отвезли на расстрел, во двор пришли немцы с полицией и потребовали у соседей Бенциона Вайнгертне-

¹ 29 ноября 1941 г. в Багеровом рву под Керчью было казнено около 2500 евреев. После второй оккупации города, в июне-июле 1942 г., погибло около 1500 крымчаков. См.: *Энциклопедия...* С. 402. — И. А.

ра. Немец показывал по бумаге, что ему не хватает из состава семьи рыбака Вайнгертнера четырехлетнего мальчика Бенциона. Пусть ему скажут, где он находится. Соседи уверяли, что ребенок был взят вместе с родителями, хотя все, конечно, знали, что он у Клименко.

На следующий день немец с полицейским пришел еще раз. Он явился неожиданно среди бела дня и застал во дворе много детей.

— Кто вздумает удирать, будет расстрелян на месте! — предупредил немец. Он снова вытащил свой список и стал расспрашивать каждого ребенка в отдельности: имя, отчество, фамилию. Среди ребят был и Бенчик. Он выглядел старше своих лет.

Когда очередь дошла до него, он ответил, что его зовут Николай Васильевич Клименко. Все стоявшие рядом, даже дети, будто воды в рот набрали. Немец перешел к опросу других.

Однако на этом дело не кончилось. Спустя несколько дней немцы пришли прямо к Клименко, чтобы забрать у них недостающего им по счету ребенка. Клименко твердили, что это их мальчик. Они хлопотали, раздобыли бумаги и живых свидетелей, подтвердивших, что ребенок действительно их.

Завязались длительная борьба между немцами и четой Клименко из-за четырехлетнего Бенчика. Между тем Клименко не дремали. Они посоветовались с соседями и приняли решение.

Однажды ночью они, оставив дом на попечение соседей, вместе с Бенчиком потихоньку выбрались из города, и таким образом они с ребенком добрались до степей под Джанкоем, в заброшенный колхоз. Здесь жили родственники Клименко, здесь их знали.

Так они спасли моего Бенчика.

Подготовил к печати Л. КВИТКО

7 ноября 1941 года из Ялты ушел последний советский теплоход. Многие не успели уехать. Над городом стоял черный туман: горели нефтехранилища. 8 ноября немцы вошли в город.

[Евреев морили голодом, издевались над ними. Никто не знал, что с ним будет завтра.]

5 декабря евреи были переселены в гетто, расположенное на окраине Ялты и обнесенное колючей проволокой.

17 декабря немцы вывели из гетто мужчин и повезли по дороге в Никитский сад. У Красной Будки (сторожка массандровских виноградников) машина остановилась. Евреям приказали вырыть на дне оврага две глубокие траншеи. Когда работа была закончена, евреев расстреляли.

Утром 18 декабря всех оставшихся в Ялте евреев — женщин с детьми, глубоких стариков — погрузили на машины. Запретили брать с собой вещи. [Люди совали в карман кусочек хлеба, яблоко.] Возле обрыва машины останавливались. Обреченных раздевали и штыками гнали к обрыву. Детей отбирали у матерей и кидали вниз. Расстреливали из пулеметов.

Был яркий солнечный день. В двадцати метрах плескалось море. Рабочие Массандры и Магарача работали на виноградниках: они видели все.

К вечеру все было кончено, и немцы присыпали тонким слоем земли трупы. В этот день погибли 1500 человек.

Потом палачи пошли в Магарач. В квартире Елизаветы Полтавченко они хвастали, что перебили 1500 человек и что скоро в мире не останется ни одного еврея.

Среди убитых было много врачей. В “Путеводителе по Крыму”, изданном в 1898 году, среди практикующих врачей города Ялты указаны: “Л. М. Друскин — детские болезни. А. С. Гурьян — женщина-врач, акушерство и женские болезни”. Анна Семеновна Гурьян успела выбраться из Ялты, но пала к немцам в Кисловодске, где ее и расстреляли. А доктора Друскина убили в Ялте 18 декабря. В течение пятидесяти лет он лечил детей. Давно успели состариться его бывшие пациенты. У Красной Будки его расстреляли, и на тело доктора по детским болезням бросали трупы маленьких детей.

Зима 1941–1942 годов была суровая и голодная. Бездомные собаки разрывали могилы у Красной Будки, растаскивали трупы. Весной вода, стекавшая с обрыва, смыла землю; обнажились полуистлевшие трупы. Немцы взорвали часть обрыва и завалили могилы.

Однажды немецкие полицейские обнаружили на могиле цветы. Было начато следствие, но немцам не удалось найти “виновников”.

Евпатория

Немцы вошли в Евпаторию 31 октября 1941 года. Гестапо прибыло через три дня. 5 ноября вечером на улице задержали десять евреев, в том числе моего друга доктора Берлинерблау, и всех назначили членами еврейского комитета. 6-го утром появился приказ о регистрации еврейского населения. Приказ был расклеен на улицах. Сверху была нарисована шестиконечная звезда. Всем евреям приказано было носить на спине звезду, сдать все ценности и денежные знаки в комитет. На руках разрешалось оставить лишь двести рублей. Приказ заканчивался: “за невыполнение — расстрел”.

19 ноября вывесили приказ об эвакуации евреев за пределы Крыма. Приказано было собраться в Военном доме, причем разрешалось брать вещи в неограниченном количестве, ключи от квартир надлежало сдать в комитет. Последний срок сбора был назначен на 20 ноября. Утром я вышла на улицу, и моим глазам представилась ужасная картина. Женщины шли с детьми на руках или вели их за ручки и плакали, мужчины несли тюки, на повозках везли больных, парализованных. Молодая женщина вела двух детей, у нее были безумные глаза, она кричала: “Смотри-те, у моих детей такие же ручки и ножки, как и у ваших. Они так же хотят жить”. Все они, после мучений и издевательств, были вскоре уничтожены². Я уцелела благодаря тому, что накануне регистрации мои друзья принесли мне документ, который дала им моя знакомая караимка доктор Нейман, документ ее сестры, убитой бомбой. С этим документом я ушла пешком из Евпатории по направлению Симферополя. В деревне Владимировке одна женщина согласилась приютить меня, так как было темно и нельзя было идти дальше. Только мы улеглись, как подъехала машина. Хозяйка вышла на стук в дверь: “Юде есть?” — спросил немец. Хозяйка ответила отрицательно. Всю ночь гудели машины. Это искали евреев. За ночь погода резко изменилась: выпал снег, поднялась вьюга. Рано утром я вышла и к вечеру добралась до следующей деревни. Мне удалось переночевать там. Ночью сын хозяйки вернулся из Сак и сказал, что накануне в пять часов вечера там расстреляли евреев. Утром я пошла дальше. Вьюга была такая сильная, что три раза меня свалило с ног. Было страшно холодно, одета я была легко. Так шла я три дня. На третий день к вечеру добралась до Симферополя. В Симферополе евреев расстреляли на месяц позже, чем в Евпатории. Здесь евреев грабили и “организованно” и самочинно, врываются в квартиры, избивали и брали, что заблагорассудится, выгоняли из очередей за продуктами. 10 декабря опоздавших граждан (хождение было разре-

¹ Инициалы автора сообщения см.: ГА РФ, ф. 8114, оп. 1, д. 945, л. 44. — И. А.

² Погибло около 700 евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 291. — И. А.

шено до четырех часов вечера) собрали в кино, где они провели ночь, лежа на полу, а евреев привязали друг к другу так, что они всю ночь вынуждены были стоять. Через некоторое время появился приказ об “эвакуации” евреев. В течение трех дней я видела, как люди шли на смерть. К нам зашел старичок из соседнего двора за советом, идти ли ему в лагерь. Он слышал, что этот приказ не касается лиц старше восьмидесяти лет. Наши посоветовали не идти. Мне хотелось обнять этого беспомощного старичка. Через два дня гестаповцы его забрали¹.

7 января я покинула Симферополь и пошла скитаться по деревням. В каждой я узнавала об ужасах и кровавых пытках. Я проходила мимо колодезев и ям, набитых евреями. В колхозе “Политотдел” я узнала о благородном поступке старосты Казиса (он впоследствии был расстрелян немцами как партизан), колхозника Павличенко (партизан), евпаторийской медсестры Рученко и колхозницы Нины Лаврентьевны Ильченко, поочередно прятавших у себя еврея Биренбаума, сапожника из Евпатории.

Рученко устроила Биренбаума на квартире Ильченко. Там была выкопана яма, куда его и прятали во время облав. В июле 1943 года Ильченко пришлось из предосторожности переменить местожительство; она переехала в Евпаторию, сняла домик на окраине и поселилась там с Биренбаумом. Они выкопали яму в сенях, с выходом во двор. В этой яме она прятала еврейского сапожника до освобождения Крыма. В настоящее время Биренбаум находится в рядах Красной Армии.

Узнав, что сын мой, с которым я рассталась еще в Евпатории и который где-то скитался, направился в сторону Фрайдорфского района, я пошла тоже в сторону Фрайдорфа. Я проходила мимо окопов, где были похоронены евреи и другие мирные жители. Валялась окровавленная одежда, обувь, галоши; стоял ужасный смрад. В первой деревушке, куда я попала, происходили похороны. Это хоронили сожженных немцами краснофлотцев-десантников, спрятавшихся в скирде, — их было восемнадцать человек. Во всех колхозах евреев уже расстреляли, только в колхозе “Шаумян” еще были горские евреи. Их расстреляли позже, в 1942 году². Целые дни я проводила в степи, питаюсь мерзлой кукурузой; на ночь добиралась до деревни на ночлег. Я всем говорила, что разыскиваю сестру, бежавшую из Евпатории после десанта. В некоторых деревнях я пыталась остаться, но старосты не соглашались меня принять, так как на паспорте не было отметки о регистрации у немцев. Я шла вперед и знала, что в конце концов в какой-нибудь деревне буду опознана и повешена или брошена в колодезь. Я шла из деревни в деревню, расспрашивая о сыне, но нигде его не обнаружила. Я дошла до такого состояния, что редела, как зверь в степи, и громко звала своего сына. Это давало мне какое-то облегчение. В деревне стали вылавливать скрывавшихся евреев. Каждый раз, когда я узнавала о поимке еврея, я отправлялась в ту деревню, чтобы узнать, не мой ли это сын. Десятки раз я переживала казнь сына. Когда я узнавала, что пойманный успел покончить с собой (таких случаев было много), я радовалась в надежде, что это мой сын. Сей-

1 9–13 декабря было расстреляно около 10600 евреев и 1500 крымчаков Симферополя. См.: *Энциклопедия...* С. 902. — И. А.

2 1 и 3 марта были казнены 15 мужчин и 98 женщин. См.: *Энциклопедия...* С. 233. — И. А.

час я мечтала уже не о спасении сына, а о том, чтобы он успел покончить с собой и не испытал бы мучений от руки немцев. Во Фрайдорфе я от кухарки карательного отряда узнала, что в течение двенадцати дней жандармы свозили сюда евреев, расстреливали их и бросали в колодцы; детям смазывали губы ядом. В деревне Иманша, как мне рассказывал очевидец, детей бросали в колодец живыми, потому что нечем было мазать губы. Некоторые взрослые сошли с ума и сами прыгали в колодец. В течение нескольких дней из колодца доносились стоны и крики. Этот же колхозник показал мне собачку, принадлежавшую еврею из Иманши, которая пять суток лежала у колодца и выла. Из еврейского и татарского Мунуса евреев пригнали в русский Мунус, где имелся колодец. Их выстроили по три человека: стоящие позади должны были бросать в колодец расстрелянных [в первом ряду]. Это мне рассказывала девушка, наблюдавшая картину с чердака.

Один старик отстал, когда их вели к колодцу, и гестаповец убил его прикладом.

Недалеко от Николаевки я на кургане увидела замерзшего старого еврея. Как я узнала, это был счастливец, убежавший от фашистских палачей. В Кори я узнала о трагедии троих маленьких братьев. Три мальчика — восьми, десяти и одиннадцати лет — убежали, когда их родителей гнали к колодцу. Дело было осенью, а глубокой зимой они вернулись назад в деревню Кори. Они пришли, потому что у них не было пристанища. Они вернулись к родному дому. Тут уже жили новые хозяева. Дети долго стояли у своей хаты, ни о чем не просили, даже не плакали. Потом их отвезли во Фрайдорф и там убили.

Однажды, бродя по степи, я нашла пачку листовок: среди них была листовка с новогодней речью товарища Калинина. Из нее я узнала об успехах нашей Красной Армии. Я снова почувствовала себя человеком — ведь обращение “дорогие братья и сестры” относилось и ко мне лично. В этот момент мне показалось, что я вижу, как навстречу мне движется наша могучая Красная Армия, впереди ее — товарищ Сталин. Я спрятала две листовки и, приободренная, пошла дальше. На землю спустился густой туман, и я сбилась с дороги. Остаться в степи на ночь означало замерзнуть или попасть в руки патрулировавших полицейских. Я долго стояла на месте, не зная, куда или. Я приготовила нож, чтобы перерезать себе кровеносные сосуды. Вдруг раздался где-то вдалеке лай собаки, и я пошла по этому направлению. Когда я добралась до деревни, туман несколько рассеялся. Это была деревня Красный Пахарь. Я зашла в хату и попросилась ночевать. Хозяева согласились. Вечером мы разговорились с хозяевами, и они сказали, что согласны меня оставить, я могла бы у них нянчить ребенка, но за это я должна дать им какие-нибудь вещи. Я предложила им часы, и они согласились меня оставить и кормить (если староста разрешит). На следующий день я познакомилась со старостой. Новогребельским Иваном Назаровичем. Он согласился меня оставить, несмотря на то, что я не прошла регистрации у немцев. С первых же слов я почувствовала, что Новогребельский наш человек. Я стала бывать у них. Жена его, Вера Егоровна, оказалась тоже очень симпатичным человеком. От них я узнала, что немцы грабят население, забирают скот, птицу, облагают непосильными налогами, а комманданты избивают людей. Телесное наказание стало обычным явлением.

Я видела женщину, которая в течение месяца лежала на животе после телесного наказания. Немцы стали усиленно отправлять молодежь в Германию.

Однажды я тайком навестила в Евпатории своих друзей, принесших мне в свое время документ, и достала у них морфия. Мое положение в деревне становилось все более и более опасным. В последний мой приход в Евпаторию я узнала от соседки, что сын мой еще в феврале месяце ушел из Крыма с намерением перебраться через линию фронта. С плеч как гора свалилась. Когда я вернулась в деревню и зашла к Новогребельскому, он предложил мне остаться ночевать. В этот вечер он мне открыл тайну: у него было радио. У них существовала организация, куда, кроме старосты, вошел его брат, старый партизан Суслов, работавший счетоводом, жена старосты, теща, шурин, колхозница Оксана Никитич и три человека из другой деревни. Новогребельский стал принимать сводки, поручал мне переводить их [на немецкий язык]. Суслов печатал, другие люди разносили их по деревням. Я была счастлива, что могла выполнять хотя бы маленькую работу: это служило некоторым оправданием моего существования. Я также переводила на русский язык наши листовки, сбрасываемые с воздуха и предназначенные для немцев. Суслов их печатал.

Но такое существование длилось недолго. В последних числах сентября при регистрации паспортов в деревне я была опознана прибывшими из Евпатории регистраторами. Через несколько дней я бежала. Новогребельский дал мне справку, что я состою на бирже. Я присоединилась к уходившим на Украину двум женщинам, эвакуированным в нашу деревню немцами и имевшим паспорта. С большим трудом нам удалось пробраться через Перекоп. Мы добрались до села Рубановка Запорожской области, где я встретила с военнопленным, пробиравшимся из лагеря к линии фронта.

После освобождения судьба послала мне огромную радость. Я узнала, что мой сын пробрался к нашим, учился в Нальчике, был лейтенантом, его видели на Южном фронте в 1943 году. Жив ли он сейчас, не знаю. Я от него никаких сведений не получаю. Но мысль о том, что он вырвался из позорного плена, что он защищает родину, для меня является огромным счастьем.

1944 г.

Подготовил к печати А. ДЕРМАН

Перед войной у нас распевали красивую, бодрую песню о еврейском крестьянстве Джанкоя. Песня заканчивалась веселым припевом: “Джанкой, Джанкой”. Но вот пришел зверь Гитлер и перерезал Джанкою горло.

Григорий Пуревич, механик машинно-тракторной станции, обслуживавшей еврейские колхозы района, жил в Джанкое во время массовых убийств.

Он привел меня к еврейскому лагерю и рассказал:

Здесь на чердаке молочного завода, в самом центре Джанкоя, немцы заперли многие сотни евреев, согнанных сюда из окрестных деревень и из города. Теснота и скученность были здесь невыносимые. Дети изнывали от голода и жажды. Каждое утро мы находили несколько умерших. Со мной было так: за несколько дней до прихода немцев меня пригласил на работу директор Колейской мельницы. Жена моя с детьми осталась в городе, она — русская. Куда же я, шестидесятилетний человек, пушусь в эвакуацию? Как-нибудь переживем тяжелое время. Пошел я к директору мельницы, пробыл там несколько дней, но когда там начались всякого рода разговоры, я не захотел подвергать опасности приютивших меня людей и вернулся в Джанкой.

Прихожу домой и застаю там немцев.

— Ты кто такой? — спрашивают.

— Хозяин! — говорю.

— Пошел вон отсюда!

И меня выкинули. Жены, двух моих дочерей и мальчика не вижу. Они спрятались. Захожу к соседке. — *Что ты тут делаешь? — спрашивает она. — Тебе сейчас здесь не место.*

В чужой разрушенной комнате, неподалеку от моего дома, я провел три дня без воды, без хлеба, без каких бы то ни было сведений о семье. Вскоре немцы уехали, и я занял свою квартиру. Члены моей семьи вышли из укрытия.

Дня через два являются полицаи.

— Ты кто такой?

Показал им старую бумажку из сберкасс, в которой я написал, что я — караим. Они посмотрели и ушли.

Все евреи Джанкоя были уже на чердаке молочного завода. Их гоняли на тяжелые работы — камни таскать. Надзиратель следил, чтобы камни, даже самые тяжелые, таскали в одиночку. Кто падал под тяжестью, того пристреливали на месте.

Пришли, чтобы меня и мою соседку-караимку забрать в гестапо.

— Я мусульманка, — заявила соседка.

— А ты кто? — спросили меня.

— Я тоже мусульманин, — говорю я.

— Чего врешь? — сказала соседка. — Ведь ты жид!

Соседку отпустили, а меня отослали на завод.

Когда я очутился на проклятом чердаке и увидел, что там творится и что стало за две-три недели с самыми здоровыми и крепкими колхозными людьми, я чуть с ума не сошел. В углу суетились несколько человек. Оказалось, что сапожник Кон повесился. Я знал этого молодого, веселого человека. Меня это потрясло, но остальные отнеслись к этому, как к обычному делу. Здесь я встретил всех евреев, которые не эвакуировались из Джанкоя; многих евреев-колхозников из окрестных деревень и не евреев. Крестьян-неевреев здесь держали за то, что они помогали или передавали пищу несчастным.

Среди массы поблекших лиц русские и украинцы ничем не выделялись. Их глаза, как и глаза остальных, выражали горе и гнев. Беда, говорят, всех равняет. Я выпросился на работу — дорогу мостить. Лучше погибнуть на улице, чем на чердаке.

Немцы выхватывали из лагеря группы людей, детей и стариков и гнали их к противотанковому рву, что за городом. Зима, снег, люди голодны и больны, еле плетутся. Гонят. Ребенок лет трех-четырёх отстал. Немец бьет его резиновой дубинкой. Ребенок падает, поднимается и, пробежав несколько шагов, снова падает. И опять резиновая палка ударяет по спине ребенка.

Возле рва их выстроили и начали расстреливать. Дети разбежались в разные стороны. Немцы рассвирепели и стали гнаться за детьми, стреляли в них, ловили и, ухватив за ноги, били об землю.

Мы работали на дороге, возле тракта, идущего из Керчи в Армянск. На дороге было очень много убитых и замученных пленных красноармейцев.

К вечеру нас отводили обратно на чердак. Туда же отвели русского — бухгалтера молочного треста Варда. К нему пришли за его женой-еврейкой и ребенком. Он стал сопротивляться, схватил жандарма за глотку. “И меня берите!” — крикнул он. Вот его и забрали.

Однажды ночью у молодой женщины Кацман начались роды. Тихий плач, прерываемый воплями роженицы, доносился со всех сторон. Ее муж Яков Кацман, молодой комбайнер еврейского колхоза, где-то на фронте, в рядах Красной Армии. Его непрерывно вспоминают. Никогда не думал он, что его молодая жена будет рожать первенца в этой могиле.

На рассвете старший жандарм со своими помощниками пришел контролировать лагерь. Он подошел к роженице, повернул к себе новорожденного, взял у одного из своих помощников винтовку и вонзил штык ребенку в глаз.

В лагере был заведующий “хозяйством” Редченко, человек, который притворялся злым. На самом деле он тайком поддерживал людей, чем только мог. Он ежедневно подбрасывал им хлеб и сухари так ловко, что никто не мог догадаться, когда и как он это делал.

Старостой на чердаке был какой-то еврей. Я даже не хочу произносить его имени. И вот он пошел к немцам и донес на Редченко. Редченко вызвали в гестапо. Бандиты избili его до полусмерти.

Редченко вернулся на чердак с распухшим и окровавленным лицом, так что глаз не видеть было. Он растянул рубаху, и мы увидели, что его тело в ранах. Смотрите, — сказал Редченко, — это ваш староста донес, что я вам помогаю.

Несчастные обитатели чердака возмутились. Горящими от гнева глазами искали старосту, люди поднялись с мест, послышались проклятия, крики: “Где он?”, “Пусть его позовут!”, “Отыскать и привести сюда!” Прошло немного времени, и мерзавец пришел. Все поднялись ему навстречу и подтолкнули его к тому месту, где лежал избитый Радченко.

Сдержав на минутку дыхание, люди вдруг подняли руки, и на плечи предателя посыпались удары. Каждому хотелось принять участие в расправе с подлецом. Ежедневно из нашей среды отбирали несколько десятков человек и гнали их к могильному рву. Ежедневно нам приходилось переносить нечеловеческие муки и унижения. Нас заставляли делать такие вещи, о которых невозможно говорить без отвращения.

Я раздобыл кусок электрического провода и однажды на рассвете повесился. Но услышали мой предсмертный хрип и сняли. За это меня утром избили, сломали мне три ребра. Я не имел права распоряжаться своей жизнью — это право принадлежало немцам.

Однажды приехали грузовики, и их начали набивать людьми с чердака. Все знали, что их везут на смерть. Крупные немецкие части охраняли здание и дорогу к братской могиле¹. В начавшейся суматохе кое-кто из обреченных бросился бежать, куда глаза глядят. Некоторым удалось спастись, в том числе и мне. Я ушел домой, но оставаться там нельзя было. Как раз в это время приехал в Джанкой знакомый парень — колхозник Онищенко — и зашел ко мне. — Идем, — сказал он, — к нам. Я тебя спрячу.

Я пошел с ним и прожил у него шесть месяцев. Затем он привез в деревню и всю мою семью. В этом колхозе вообще прятали и устраивали на работу много евреев. Верная советская рука их здесь защищала.

Приехал сюда из Симферополя пожилой русский человек Сергеенко с женой и тремя детьми. Мы узнали, что двое из детей, мальчики лет шести-семи, — не его, что это еврейские дети. Когда в Симферополе гнали евреев на смерть, жена Сергеенко выхватила из толпы двух мальчиков и привела их домой. Так как оставаться в Симферополе с двумя еврейскими детьми было опасно, вся семья Сергеенко перебралась сюда в деревню. Здесь они получили работу в колхозе.

В этой деревне можно было открыто радоваться, когда над нами появлялись советские самолеты. В этой деревне мы дождались нашего освобождения. Радостный день, когда Красная Армия показалась у нас, останется на всю жизнь в наших сердцах.

Подготовил к печати Л. КВИТКО

¹ 30 декабря 1941 г. были расстреляны 443 еврея. См.: *Энциклопедия...* С. 266. — И. А.

Пятьдесят лет назад в крымский порт Феодосию приехал молодой врач Б. Н. Фиделев. Он избрал своей специальностью детские болезни, но судьба решила иначе. Пароход из Яффы завез в Феодосию чуму, и она утеснилась где-то в тайниках порта. Порт оцепили, и больные, а также люди, соприкасавшиеся с больными, попали в карантин — огороженное высокой стеной место на берегу моря, где с незапамятных времен изолировались заболевшие чумой и холерой. Доктор Фиделев добровольно вошел в этот мрачный городок с его каменными бараками, кладбищем, залитым известью, и лабораторией, бывшей штабом борцов со страшной болезнью. Три месяца прожил Фиделев в карантине, и много людей умерли вокруг него. Но немалому количеству больных спас жизнь умелый и самоотверженный уход молодого врача. Доктор Фиделев стал эпидемиологом, и благодаря его стараниям феодосийский карантин был перестроен и превратился в одну из лучших морских лечебно-наблюдательных станций на Черном и Средиземном морях.

Глубоко веря в целебность крымского морского воздуха и солнечных лучей, Фиделев добился постройки новой городской больницы за чертой города. Большие светлые палаты выходили окнами на море. Возле дома раскинулись цветники и лужайки. С годами возле больничных корпусов выросли высокие акации, тополя, кипарисы.

Война с фашистами застала доктора Фиделева на посту главного врача городской феодосийской больницы. Скоро ее палаты наполнились людьми, ранеными при бомбардировках соседних населенных пунктов. Сама Феодосия тоже стала оглашаться ревом сирен, грохотом зенитной артиллерии и взрывами бомб.

Когда немцы подошли к Перекопу, доктору Фиделеву посоветовали уехать.

“Я никогда не был дезертиром, — ответил он. — А бросать сотни больных на произвол судьбы — значит дезертировать в минуту опасности”.

Ворвавшись в Феодосию, немцы на третий день издали приказ, чтобы все евреи явились в городскую тюрьму для “отправки на север”. Квартиры надо было оставить в нетронутым виде, с собою разрешалось взять смену белья, пальто и пищу на несколько дней.

Пошли в тюрьму и доктор Фиделев с женой. Однако после проверки документов доктору предложили вернуться домой.

Вечером к Фиделеву тайком зашел старый слесарь карантина Чижиков.

— Немцы хотят наладить в карантине работу пароформалиновых камер, — сказал он, — но ничего у них не выходит: чертежей нет, часть оборудования разобрана. Кто-то сказал им про вас. Но я хочу предупредить, что, видимо, камеры они готовят не для дезинфекции... Когда они их про-

бовали, я видел, как они потащили туда Исаака Нудельмана. Потом его, мертвого, бросили в море.

Немцы действительно потребовали от Фиделева, чтобы он наладил работу пароформалиновых камер.

— Дезинфицировать ваших соотечественников перед отправкой, — объяснили ему.

— Нет, — ответил доктор.

Его арестовали вместе с женой и повели по главной улице города. Какой-то румынский солдат сорвал с врача меховую шапку. Осенний ветер трепал белые пушистые волосы старика, и встречные — не было в Феодосии человека, который не знал бы Фиделева, — молча снимали шапки, понимая, куда ведут стариков. Они прошли мимо амбулатории имени доктора Фиделева, здравпункта табачной фабрики, организованного благодаря его усилиям, детских ясель, шефом которых он был.

Арестованных привели не в тюрьму, а посадили в один из подвалов бывшей поликлиники. [Вероятно,] немцы применяли к старому врачу самые жестокие пытки, но Фиделев так и не пошел в карантин помогать немцам. А через несколько дней доктора связали с женою телефонным проводом и бросили в колодец во дворе поликлиники, в который спускали почвенную воду из подвалов. Эта широкая яма наполнилась водой на высоту человеческого роста только после восьми часов работы мотопомпы, качавшей воду. Уборщица поликлиники, жившая в смежном дворе, сквозь щель в заборе видела, как немцы столкнули в яму связанных стариков, и слышала, как, вздыхая и хлюпая, всю ночь качал грязную воду электронасос.

Доктор Фиделев захлебнулся в жидкой грязи, наполнившей яму. Он отдал всю свою жизнь борьбе с врагами людей — болезнями — и не отступил, когда лицом к лицу пришлось столкнуться не только с легочной или бубонной чумой, а с ее новой разновидностью — с “коричневой” чумой¹.

Немцы раздавлены в Крыму и сброшены в море, и вновь в городе работает городская больница имени доктора Фиделева.

Сообщил А. Морозов

Подготовил к печати А. ДЕРМАН

¹ Согласно оперативному рапорту СД и полиции безопасности № 150 (от 2 января 1942 г.), “Симферополь, Евпатория, Алушта, Карасубазар, Керчь и Феодосия, а также остальные населенные пункты Западного Крыма очищены от евреев. С 16 ноября по 15 декабря [1941 г.] расстреляны 17646 евреев, 2604 крымчака, 824 цыгана и 212 коммунистов и партизан. Всего казнен 75881 [человек]”. См.: *Уничтожение...* С. 182. — И. Л.

Детство и юность мои прошли в Джанкое. Его населяли трудолюбивые мастера, и жизнь здесь была богатой, веселой, а любимцем всего города был Наум Животворский — “веселый маляр”.

Животворский был удивительным мастером, неутомимым, жадным к работе. Он писал яркие вывески, мимо которых нельзя было пройти, чтобы не остановиться, рисовал заманчивые афиши для кинотеатра, фантастические декорации для клубных спектаклей и так красиво расписывал легкие колхозные брички и тачанки-тавричанки, как будто готовил их для какой-то грандиозной свадьбы.

Я не видел Животворского мрачным. Может быть, бывали у него в жизни плохие дни, но он говорил: “Горе мое пусть останется при мне, а радостью пусть пользуются люди”. Он любил людей, и люди любили его. По вечерам Животворский выходил гулять на главную, Крымскую улицу со всей своей семьей. Рядом с ним шла его жена, веселая, смуглая красавица. Вокруг шумной гурьбой шли дети: четыре загорелых мальчика и три девочки, красивые, похожие на мать.

Животворский гордился своей семьей и многочисленной родней.

В августе 1941 года я ехал на Перекоп через Джанкой. В центре города немецкая бомба разрушила дом детского сада. Одна стена обвалилась, крышу снесло, а всюду валялись исковерканные детские кровати, крохотные стулья, столики, игрушки. Но на уцелевших стенах внутри дома рукой художника было нарисовано все, чем богат степной Крым. Огромные, полосатые арбузы лежали пестрой грудой у шалаша на бахче, на огородах зрели помидоры, желтели тыквы и лопались полевые стручки, выбрасывая ядра гороха. На боковой стене были нарисованы два моря. На одном было написано, что это Азовское, на другом — Черное. По зеркальной глади плыли рыбацьи шаланды с косыми парусами, неподвижно стояли военные корабли с пушками и дымил громадный трехтрубный пароход с надписью “Украина”. Между морями лежала крымская степь, тоже напоминавшая море. По степи плыли комбайны, похожие на парусные шхуны, и золотая пшеница устремляла навстречу им зрелые свои колосья.

— Должно быть, это очень нравилось детям, — сказал мой спутник. — Кто это сделал?

— Животворский, — ответил я уверенно.

И я не ошибся. Проходивший мимо джанкоец сказал:

— Он рисовал.

Три года после этого я ничего не слышал о Животворском. И вот наконец — письмо:

Дорогой земляк!

Один человек уверял меня, как будто видел своими глазами, что вас убили. А вы живы, и это очень здорово, и я так рад, что передать не могу.

Может, вы уже забыли меня, но скорее всего не забыли. Ведь я, помните, всегда жил около людей, и люди меня запоминали, потому что был я чересчур шумный человек. Но теперь мало осталось от прежнего Животворского. Большое горе постигло меня. Я даже удивляюсь себе, что живу еще, дышу, ем, шучу с товарищами.

В апреле этого года я дрался на Перекопе, форсировал Сиваш и вот дошел до родины — любимого Джанкоя.

Город разрушен. Все горит. Спешу к своему дому. Он цел, невредим, и на ставнях цветы, которые я нарисовал, и на калитке намалеванная мною злая собака. Открываю калитку, вхожу в сад. Чужой мальчик стоит, смотрит на меня, улыбается, а я ничего не вижу: ослеп от волнения и спросить ничего не могу.

И пусто и холодно у меня на душе, как будто заморозило меня всего лютым морозом, и даже слезы замерзли.

Тогда я узнал, дорогой мой земляк, как убили немцы мою жену, моих детей, больную мать, старого отца, сестер моих с малыми детками, всего сорок два человека, о которых я знаю. Судьба остальных мне неизвестна.

И тогда я решил, что не стоит жить, и тут же хотел покончить с собой. Но подумал, что солдату не годится так умирать. И когда снова попал в бой и увидел немцев, умирать мне уже не хотелось. Я бил немцев и кричал, когда шел в атаку: “Суд идет!” Так я прошел до самого конца Крыма — до Херсонесского мыса, и здесь, около Севастополя, убил на берегу немца, спихнул его ногой в море и сказал: “Приговор приведен в исполнение. Пусть трепещут другие! Суд идет! Я еще буду в вашем Берлине!”

Меня наградили орденом, и командир полка велел мне отдыхать в Ялте и потом догнать полк. Но я поехал с полком на новый участок фронта. Теперь мы идем все дальше и дальше на Запад и каждый день творим на поле боя наш праведный суд.

*Ваш земляк Наум Животворский,
в прошлом “веселый маляр”.*

Сообщил Л. Фейгин

Подготовил к печати А. ДЕРМАН

ЛИТВА

— — — —

Первые дни

С первого дня прихода немцев в Вильнюсе началось преследование восьмидесятитысячного еврейского населения.

Фашистская полиция выбросила евреев из всех предприятий, конфисковала товары еврейских торговцев. На стенах домов появились приказы:

Еврейам запрещается разговаривать по телефону.
Евреи не имеют права ездить по железной дороге.
Евреи не могут появляться в общественных учреждениях.
Евреи должны сдать свои радиоприемники.
Все евреи исключаются из университета.

По городу замелькали надписи: "Вход еврейам воспрещается".
В газетах появились погромные, отвратительные статьи о евреях.
4 июля 1941 года был напечатан приказ:

Все евреи, независимо от пола и возраста, должны носить на груди и спине желтую латку.

Это — кусок материи размером 10 × 10 см. Посредине — желтый круг с шестиконечной звездой. Образец выставлен во всех полицейских комиссариатах.

Приказ вводит в силу с 8 июля 1941 года. За невыполнение — суровая кара. Через несколько дней комендант Нейман издал другое постановление. Желтая латка на спине и груди отменялась, взамен вводился знак на рукаве — белая звезда в голубом круге. Через день и этот приказ был отменен, вновь предписывалось носить желтые латки на груди и на спине¹.

Эти многочисленные приказы менялись так часто не случайно. Немцы хотели возможно сильнее унижить, оскорбить, сбить с толку еврейское население и выхватить побольше жертв, ибо люди физически не могли выполнять менявшиеся ежедневно приказы. А за ношение не того знака, какой следовало, виновных тотчас арестовывали.

¹ Первый приказ о ношении желтых звезд был издан военным комендантом города фон Остеном 3 июля 1941 г., 4 июля на его основании был издан приказ литовской администрации. Через несколько дней новый комендант подполковник Ценпфеннинг издал второй приказ — о нарукавной повязке. — И. Л.

Не успела окончиться полоса приказов о желтых латках, как появился новый приказ:

Евреям не имеют права общаться и разговаривать с неевреями.

Евреям не имеют права продавать какие бы то ни было вещи. Движимое и недвижимое имущество евреев отныне переходит в собственность германского государства и остается у прежних владельцев лишь на хранении. Они должны заботиться о полной сохранности этих вещей. Как явствует из п. 1, евреям воспрещается посещение рынков.

За невыполнение приказа — расстрел.

8 июля 1941 года в Вильнюс прибыл Хингст, назначенный гебитскомиссаром (окружным комиссаром) ¹.

Хингст успел проявить себя в первый же день. На Госпитальной и Новородской улицах, где жило много евреев, были устроены чудовищные погромы. Руководили ими профессиональные убийцы — Швайнбергер ² и Вайс ³. Кроме того, новый сатрап наложил на еврейское население огромную контрибуцию.

Последовали новые приказы:

Евреям разрешается ходить по городу лишь до шести часов вечера.

Им запрещается пользоваться тротуаром — они могут двигаться только по мостовой, гуськом, поодиночке.

Улицы Мицкевича, Завальная, Широкая, Слесарная, площади Кафедральная и Вокзальная совершенно закрыты для евреев.

В виленском гестапо существовал особый кабинет, где специально для того приглашенные немецкие “профессора” под руководством штурмфюрера Нойгебауера ⁴ разрабатывали планы наиболее эффективных попыток и массового уничтожения евреев. Профессор Готтарт из Берлинского университета, доверенное лицо самого Гимmlера, составил “кодекс”, где в 500 параграфах излагалась система массового уничтожения людей.

Виленский еврей Камермахер, отбывавший принудительные работы во дворе гестапо, рассказывал мне, находясь в гетто, что ему как-то удалось заглянуть в кодекс Готтарта. Вот несколько параграфов, которые он запомнил:

Просто расстрелять еврея — не значит выполнить приказ Гимmlера. Еврея надо сначала пытаться. Чем дольше подвергать еврея пыткам, тем лучше.

- 1 Ганс Хингст — штурмбанфюрер СА, гебитскомиссар Вильнюса — руководитель оккупационной гражданской администрации. — *И. Л.*
- 2 Хорст Швайнбергер — обершарфюрер СС — шеф зондеркоманды СД (лит. *Ypatingas būrys* — Особый отряд), до 1942 г. руководил расстрелами в Понарах. В январе 1942 г. отозван в Берлин. — *И. Л.*
- 3 Мартин Вайс — гауптшарфюрер СС — шеф всех вильнюсских тюрем. С июня 1942 г. руководил зондеркомандой в Понарах, прозван “хозяином Понар”. В 1943 г. работал в еврейском отделе гестапо. В феврале 1950 г. в Вюрцбурге (ФРГ) приговорен к пожизненному заключению за преступления в Понарах. — *И. Л.*
- 4 Рольф Нойгебауер — оберштурмфюрер СС — начальник гестапо (IV отдела штаба СД и полиции безопасности) в Вильнюсе. С февраля 1942 г. до октября 1943 г. — руководитель СД и полиции безопасности Вильнюса. Позднее переведен в Каунас, в штаб СД Литвы, потом — в Будапешт. — *И. Л.*

Нет прямых указаний на то, что экзекуции должен проводить обязательно немец. Наоборот, желательно, чтобы немец только руководил, самое же истребление должны осуществлять другие.

Процедуру умерщвления надо проводить тайно. Никто не должен о ней знать, чтобы оставшиеся в живых не стремились скрыться.

В том же “кодексе” есть специальный раздел. Смысл его таков: виленские евреи — самые опасные в мире. Если в Вильнюсе уцелеет хотя бы десяток евреев, то это значит, что цель не достигнута. Жалость к врагу — измена государству.

Кроме физического истребления еврейского населения, гестапо поставило себе задачу разрушить его мораль и опозорить на вечные времена еврейскую историю. Для гестапо это было так же важно, как и самое физическое истребление.

Для выполнения приказов и законов, издаваемых особым кабинетом гестапо, была учреждена реферантура по еврейским делам.

Гестаповскому офицеру Швайнбергеру поручили организовать литовско-немецких националистов. Швайнбергер работал энергично. Свой штаб он обосновал на Виленской улице, дом 12, где помещалась организация “Ипатингас бурис”, или, как ее называли проще, “Ипатинга”, что означает — “избранные”¹. Членов этой организации он разделил на два разряда: одни должны были вылавливать евреев, другие — чинить над ними расправу.

«ЛОВЦЫ»

По улицам города стали шнырять “ловцы”². Они должны были обнаружить евреев-мужчин и гнать их на работу. Однако не работа сама по себе интересовала новых властителей. Это было лишь предусмотрительно и коварно задуманное средство заманить еврейское население в лапы смерти.

На первых порах работающие получали удостоверения, предъявители которых не задерживались.

Скоре еврейское население оказалось разделенным на работающих и на скрывающихся в “малинах”. Обнаружив скрывавшегося еврея, “ловцы”, приказав ему захватить полотенце и мыло, отводили его в Лукишкскую тюрьму, где орудовал Швайнбергер.

Работа велась по определенной системе. В “Ипатинге” была заведена картотека, в которую были внесены имя, фамилия, адрес и год рождения водворенного в тюрьму, а также имя “ловца”. На оборотной стороне карточки секретарь Норвайша ставил красным карандашом букву L или P; бук-

1 “Ипатингас бурис” (лит. Особый отряд) — зондеркоманда СД в Вильнюсе, подчиненная айнцаггруппе А, позднее вильнюсской СД. В отряде было от 40 до 150 человек. В первый год оккупации командовал отрядом ст. лейтенант литовской армии Юозас Шидлаускас, после него — лейтенант Балис Норвайша, потом командиры часто менялись. Шефом, фактическим руководителем зондеркоманды, был один из сотрудников гестапо. — И. Л.

2 По-еврейски они назывались “хапунес”. — И. Л.

ва *L* означала, что жертва находится в Лукишской тюрьме, *P* — что выловленный уже отправлен в Понары, лагерь уничтожения. За каждого выловленного еврея, обреченного на смерть, “ловец” получал 10 марок.

“Ловцы” оказались мастерами своего дела. Мало того, что они хватали людей и обрекали их на смерть, — они еще издевались над ними.

В канун Судного дня (Йом Кипур) они принесли осужденным мандолины и заставили их играть по дороге в тюрьму. Во втором гетто¹ произошёл такой случай. Во время очередного налета еврей Гершон Шмуклер спрятался за шкаф. Однако “ловец” его обнаружил и потащил во двор. У еврея были три золотые десятирублевки, и он попытался откупиться. Вначале “ловец” и слышать не хотел, но потом смягчился. Когда же золото перешло ему в карман, “ловец” заявил:

— Мало, не отпускаю.

У Шмуклера денег больше не было.

Тогда “ловец” вышиб Шмуклеру золотые зубы и, забрав их, ушел.

В ночь “желтых билетов”, 24 октября 1941 года², “ловцы”, рыская по гетто с собаками-ищейками, обнаружили “малину”. Топорами они сорвали доски и проникли внутрь. Там на соломе лежали стонущая женщина и только что родившийся ребенок, у которого еще не была перерезана пуповина. Женщина умоляла:

— Не троньте меня. Ведь вы же люди, ведь и у вас есть дети...

Мольбы не подействовали. Ребенка оторвали от пуповины, вместе с матерью швырнули на грузовик и увезли в Понары.

В Лукишской тюрьме

Куда деваются выловленные — никто не знал. Их отвозили “записываться на работу” в Лукишскую тюрьму. Многие сами шли регистрироваться, предпочитая это жизни под вечным страхом попасться к “ловцу”. “Лучше, — рассуждали они, — самая тяжкая работа, чем прятаться в яме и умирать медленной смертью”. Но именно в тюрьме-то и умирали.

31 августа 1941 года Швайнбергер со своими адъютантами Вайсом и Герингом³ и со специальным стрелковым батальоном из “Ипатинги” оцепили старинные еврейские кварталы — Еврейскую улицу, улицу Страшна, Мясницкую, Стекольную, улицу Гаона, Доминиканский переулок и Немецкую улицу — и загнали в Лукишскую тюрьму около десяти тысяч

1 Немцы организовали два гетто, разделявшиеся Немецкой улицей. Первое, с главной улицей Рудницкой, они называли “Фахарбайтер гетто”, второе, с главной улицей Еврейской, было предназначено для стариков и неработоспособных. На первых порах разницы между этими гетто никто не замечал.

2 Первая “акция желтых ‘шайнов’”. Немцы выдали 3 тысячи документов (“шайнов”) для ремесленников. В каждый “шайн” можно было записать жену и двоих детей. Таким образом, в Вильнюсском гетто должно было остаться менее 12 тысяч человек (не все ремесленники имели семьи). 25–27 октября 1941 г. в Понарах расстреляны 3781 еврей, не получивший желтый “шайн”. См.: Корчак Р. *Пламя под пеплом*. Библиотека Алия, 1977. С. 47–51. — *И. Л.*

3 Август Геринг — эсэсовец из еврейского отдела гестапо, немец из Литвы (г. Кибартай). Был шефом зондеркоманды с января до июня 1942 г. В 1950 г. был судим на одном процессе с М. Вайсом и приговорен к пожизненному заключению за преступления в Понарах. — *И. Л.*

евреев¹. Моя жена, имевшая несчастье попасть в тюрьму и счастье освободиться, позже рассказала, что она там видела.

Еще не доходя тюрьмы, на Лукишском рынке, нас встретили построенные в две шеренги полицейские в штатском. Мы должны были пройти сквозь строй и принять от разбойников первое “приветствие”. Я получила удар по голове, от которого сломалась палка. Многие старики и дети до тюрьмы не дошли, а свалились на рынке. Нас заставили тащить их за собой. Дети валялись возле растоптанных матерей.

Наконец, мы в тюрьме. Как только мы очутились за воротами, нам приказали сложить в сторону принесенные узелки и верхнюю одежду. Потом отворили двери и пинками втокнули в большую камеру, битком набитую людьми. Я не могла двинуться, не могла шага ступить.

В следующую ночь явился Швайнбергер с засученными, как у мясника, руками, с нагайкой в руке. Он встал посредине камеры на тело женщины, лежавшей в обмороке, велел всем повернуться лицом к стене и заявил: “Кто повернет голову, того замучаю до смерти!”

Не устаивая избиваемых взглядом, он хлестал своею нагайкой и приказывал: “Встать! Сесть! Встать! Сесть!”

Однажды после такого издевательства молодая женщина повесилась на пеленках своего ребенка.

И опять приходил Швайнбергер. Люди молились и взывали: “Шма Исроэль!” Смерти ждали, как единственной избавительницы. И тосковали по ней не меньше, а может быть, больше, чем осужденные на смерть тоскуют по жизни. Но легкой смерти Швайнбергер не сулил.

Он продержал нас больше недели. Каждую ночь он приходил и повторял экзекуцию. Кто не вставал или не садился мгновенно по команде, был исполосован золоченым кинжалом Швайнбергера. На шестой день охранники баграми вытащили из камер задушенных и замученных. Их тащили по длинным, залитым кровью коридорам и швыряли в уборную.

За выход из камеры по естественным надобностям охранники взымали плату. В дальнейшем стали брать только золотом — цена достигла 10 рублей золотом. Не давали даром и воды. За каждый глоток расплачивались часами, кольцами. Я заметила зажатых в угол артистов Хаша и Кадиша — они не то плакали, не то напевали что-то печальное.

Несколько евреев, случайно избежавших тюрьмы, озабоченные судьбой своих ближайших родственников, попавших в лапы Швайнбергеру, попытались подкупить немцев.

Обер-лейтенант с Бурбишских фортов Вагнер за очень крупную взятку согласился освободить из тюрьмы восемь евреев. С разрешения Швайнбергера (с которым он поделился взяткой) он обошел камеры и назвал восемь имен.

¹ Это — так называемая большая провокация. Евреи были обвинены в том, что они ранили немецкого солдата. С территории, предназначенной под гетто, все евреи были арестованы и расстреляны 2 сентября — 3700 человек (согласно рапорту айнзацкоманды 3). 6 сентября в пустых домах были организованы два гетто: большое (около 29 тысяч человек) и малое (11 тысяч). Расстрелы продолжались: 12 сентября убито 3334 человека; 17 сентября — 1271 человек; 4 октября (арестованные во время акции “Йом Кипур” 1 октября) — 1983 человека. — И. Л.

Когда он выкликнул имя Гольдберг — женщины с Кальварийской улицы, дом 60, которая лежала уже заколотая кинжалом Швайнбергера, — я случайно, в отчаянии, отозвалась: “Я”. Обер-лейтенант крикнул: “Живее! Вон!” Швайнбергер лично довел нас до ворот и объявил, что мы свободны. Он сказал: — Внимание. Мне все известно. Если вы скажете хоть одно слово про то, что здесь видели, то вы позавидуете вашим братьям!

При этом он указал на тюрьму, откуда доносились звуки, как из бойни. Выходя за ворота, одна женщина зацепилась платком за пуговицу шинели Швайнбергера. Палач остановил ее и крикнул: “Цюрюк!” (“Назад!”) Пуговица стояла ей жизни.

Швайнбергер

Он — “красавец”, этот немецкий офицер. До 1939 года он был в Берлине жандармом. Затем окончил гитлеровскую партийную школу в Нюрнберге. Он высок, элегантен, у него нежная, как у девушки, кожа. Разговаривая, он не глядит в глаза, а смотрит искоса, снизу вверх. Евреи, работавшие во дворе гестапо на постройке гаража, рассказывают про Швайнбергера удивительные вещи. Например, он приказал называть себя “отцом” — это доставляет ему удовольствие. Швайнбергер крайне чувствителен. Услышав однажды, как одна еврейская женщина пела за работой, он подарил ей золотую брошь, только что снятую с убитой:

— Ваш голос довел меня до слез, — сказал он.

С Швайнбергером мне довелось встретиться трижды. Первый раз это было в ночь “великой провокации” — 31 августа 1941 года. Его свистящая нагайка подняла меня с постели: немедленно на заклание!

В другой раз встреча произошла несколько дней спустя после водворения в гетто. Кто-то донес ему, что в доме № 4 по Рудницкой скрывается “чужой” еврей. А это он запрещал. Я и был этим “чужим”; опасаясь ночевать там, где я был прописан, отправился ночевать к родителям жены.

Швайнбергер с револьвером в руке ворвался в их квартиру. Я кинулся на кухню и захлопнул за собой дверь. Потолок был стеклянный; я вскочил на стол, вышиб головой стекло и выбрался наверх. Швайнбергер взломал дверь и открыл по мне стрельбу. Я еще успел взглянуть сверху на его лоснящуюся морду и убежал по крышам.

В третий раз я видел Швайнбергера в день Рош-гашена (Новый год) 1941 года. Вместе со своими сподвижниками — Вайсом и Герингом — он явился в гетто на проверку; ему все время казалось, что евреев осталось еще слишком много, и он потребовал, чтобы выдали больных и стариков. Не дождавшись исполнения приказа, он вызвал из гестапо “черного ворона” — так называли автомобиль, доставлявший обреченных на Понары, — и сам принялся отбирать жертвы. С большим риском я перебежал на другую сторону улицы, напротив еврейской больницы, спрятался за стену и оттуда наблюдал за Швайнбергером.

Он стоял неподвижно, как каменное изваяние, на груди его красовался орден в виде меча. Его адъютанты — Вайс и Геринг — стояли по сторо-

нам и выслушивали короткие приказания. С чердаков и трупп вытаскивали евреев — старых, больных, умирающих — за ноги и за руки и швыряли в машины. Швайнбергер на них глядел. Его каменные веки были опущены. И только изредка его взгляд с холодным презрением скользил по жертве.

Я видел, как тащили родителей моих друзей. Вот мать Бенциона Михтома, художника из писательской группы “Молодое Вильно”¹. А вот редактор газеты “Вечерний курьер”, писатель А. И. Гродзенский. Его тащили под руки два “ловца”. За ним сзади волочились его деревянные ноги — протезы. Возле самой машины они окончательно отвалились. Тут Швайнбергер впервые поднял голову и приказал Герингу бросить в кузов и протезы.

Понары

Понары — дачное место под Вильнюсом, на седьмом километре по Гродненскому шоссе. Справа извиляется Вилия в холмистых берегах. Местность славится своей живописностью. Она воспета Адамом Мицкевичем. Рассказывают, что Наполеон сказал, что на руках перенес бы Понары во Францию.

Немцы облюбовали это место: справа дорога, по которой удобно подвозить жертвы, слева — железнодорожная линия Вильно — Варшава, от нее до Понар — четверть километра. Отсюда немцы проложили рельсы к большой яме.

Когда “фабрика смерти” была готова и слово “Понары” вызывало ужас у населения, немцы отпечатали план города, где Понары даже не отмечены. Место обозначено зеленой краской: “Леса”. Понар как бы не существовало на свете.

Три рассказа спасшихся от смерти

РАССКАЗ МОТЛА ГДУДА

Это было в июле 1941 года. Так как все евреи — мужчины от шестнадцати до шестидесяти лет — обязаны были работать на немцев, а иначе их забирали “ловцы”, то вместе с отцом мы отправились работать на аэродром в Порубанек, получив удостоверения, запрещавшие нас задерживать.

Однажды, когда мы с товарищем возвращались с работы, нас на улице Бокшто нагнал таксомотор; три офицера остановили нас и приказали вой-

¹ “Юнг Вильне” (идиш — Молодая Вильна) — еврейская литературно-художественная группа, представленная 11 октября 1929 г. в газете “Вильнер тог” статьей “Молодая Вильна шагает в идишскую литературу”. Членами группы были Х. Граде, А. Суцкевер, Ш. Качергинский, Г. Глик, Р. Суцкевер, Б. Михтом, Ш. Эфрон и другие. — И. Л.

ти в машину. По пути они захватили еще шестерых евреев и всех отвезли в Бернардинский сад. Там я застал уже около пятисот евреев. Нас продержали всю ночь под усиленной охраной полиции. Изможденный от дневного зноя и тяжелой работы в Порубанеке, я задремал. Когда я открыл глаза, солнце уже взошло. Впереди стоял “черный ворон”, то есть грузовик с маленькими решетчатыми окошечками. Сзади отворилась дверь, немецкий офицер, с черепом на фуражке, спустил железную лесенку и приказал по одиночке входить в кузов. Когда в машину набралось тридцать пять евреев, офицер поднял руку, тридцать шестого, стоящего уже на ступеньках, он толкнул, запер нас снаружи, а сам уселся в кабину рядом с шофером, и машина тронулась.

Снаружи и внутри автомобиль выкрашен в черный цвет; скамеек нет, имеются лишь места для шести стражников. Разговаривать запретили. За малейшее движение стражники били нас и кололи штыками. Проехав минут десять, “ворон” остановился, офицер отпер дверь. Стражники соскочили и отошли в сторону: им запрещено входить на территорию лагеря. Я увидел забор из колючей проволоки и деревянные ворота; на них большой плакат из фанеры: “Внимание! Опасно для жизни! Минировано!”

Стражники удалились, нас повезли дальше, оставив дверцу машины незапертой.

Автомобиль вторично остановился. К дверям подошел Швайнбергер; на кого он указывал, тот должен был сойти.

Меня вызвали седьмым. Через открытую дверь авто я видел, как расстреливают моих знакомых. В канаве, ведущей к огромной могиле, приказано было раздеваться. Швайнбергер вводил нагого в яму и стрелял из револьвера в затылок.

Подошла моя очередь. Голый, я подошел к яме и услышал крики живых еще людей. Раздался выстрел. Мне казалось, что я умер. Очевидно, я упал за секунду до выстрела, и таким образом пуля меня миновала. Я слышал, как Швайнбергер разговаривает с окружающими его солдатами. Несколько минут спустя я почувствовал на себе тяжесть агонизирующего тела и ощутил на губах чью-то кровь. В эту минуту я потерял сознание. Когда я очнулся, солнце стояло уже высоко. Я его видел сквозь кровь, застилавшую мне глаза. Стрельба притихла. Дуновение ветра меня освежило. Но тут послышалось щелканье пулемета. Это стражники на всякий случай прострочили могилу. Я был легко ранен.

Стрельба снова прекратилась. Палачи — кто в военных мундирах, кто в штатском — уселись у края могилы и принялись пить водку. Опьянев, они разошлись, оставив на холме караул.

Наконец, все успокоилось. Голый, я выбрался из могилы и пополз по траве к кустарникам, пока не добрался до проволочного ограждения. Вдалеке я увидел “ворона”, прибывшего с новой партией обреченных.

Незнакомый поляк впустил меня в дом, перевязал рану, дал одежду. Я переночевал, напился молока и на рассвете ушел в город.

Когда я рассказал обо всем пережитом в Понарах, родной отец отказывался верить.

Во время “акции” 24 октября 1941 года к нам ворвались немцы и приказали следовать за ними. Я спросила, брать ли что-нибудь с собой; разбойники ответили: если есть золото, оно может пригодиться на новом месте.

Вместе со всеми обитателями дома нашу семью — родителей, сестер и детей — загнали в Лукишкскую тюрьму. Нас заставили раздеться до белья. Платье тут же отобрали. Нас избивали железными палками. На рассвете явился Вайс и приказал одеться. Ему сказали, что стражники отобрали платье. Он закричал:

— Кто посмел? Как вам теперь идти на работу! Придется возить в машинах...

Детей и мужчин отделили. Раздетых нас погрузили в машину и куда-то повезли. В грузовике Вайс заявил:

— Знайте, я ваш отец. Я везу вас на фабрику работать. Какая работа — скоро узнаете.

Он достал из кармана коробочку и каждому дал по конфете. Многие поверили Вайсу, перестали плакать, заговорили о новой работе. Иные даже заулыбались. Что касается меня, то я не поверила ни одному слову. Я знала, что это — мой последний путь. Должна, однако, признаться, что конфетку я взяла. Я думала: если она отравлена, тем лучше — не буду мучиться; если нет — пососу хоть сладкого напоследок. Когда мы прибыли в Понары, нас кнутами загнали в канаву.

— Вот здесь вы будете работать! — расхохотался Вайс.

Он приказал скинуть рубахи и дожидаться своей очереди. Тем, кто не расслышал или отказался выполнить приказание, Вайс пригрозил за непослушание выколоть глаза. И тут же над одной женщиной привел свою угрозу в исполнение.

В канаве находилось около двухсот женщин. Детей было мало: их отделили в тюрьме. Но некоторые каким-то образом скрыли своих детей, и теперь они прижимались к матерям.

Вначале все рыдали и причитали, но постепенно затихли. Шагах в двухстах происходила экзекуция. Я своими глазами видела, как убили моего отца. Его сначала оглушили ломом, потом расстреляли. Окровавленный, он упал на груды трупов.

Около меня лежала моя сестра. Ее двухлетний сынишка Мойшеле всхлипывал у нее на груди. Когда стрельба немного стихла, я вдруг услышала, что сестра что-то напевает. Она укачивала ребенка под звуки известной народной песни:

*Люли, люли, деточка!
Люли, люли, пташечка,
Потеряла я любовь, —
Горе мое горькое...*

Одна женщина достала кусок хлеба и принялась есть. Другие последовали ее примеру. Наша очередь подошла к концу дня. Десятками нас вели к огромной могиле, метров тридцать-сорок длиной. Чем ближе к могиле,

тем глубже канава, а там, где они смыкаются, глубина канавы доходила до семи метров.

Наш десяток был последним. Явился Вайс и приказал построиться. Он принес какое-то покрывало, разорвал его на десять кусков и велел завязать глаза. Я была первой в ряду. За мной — мать и сестра.

— Руки на бедра! — скомандовал Вайс и повел нас вперед. Я ступала по неостывшим еще трупам.

Вдруг раздалась команда: “Огонь!” Позади меня сестра воскликнула:

— Боже!

Я почувствовала, как она упала. Я упала возле сестры и потеряла сознание.

На рассвете я пришла в себя. Сверху на мне лежали мертвецы, облитые известкой. Я узнала сестру. Мойшеле словно дремал у нее на груди. Выбравшись из-под тяжелой груды тел, я вошла в канаву в поисках какой-нибудь одежды, нашла там сорочку, надела, накинула какое-то старое пальто и, за неимением другого убежища, пошла в гетто. Там я целый месяц пролежала в больнице.

РАССКАЗ СОЛОМОНА ГАРБЕЛЯ

6 апреля 1943 года, на другой день после казни четырех тысяч евреев, которых везли якобы в Ковно и завезли в Понары¹, Вайс на велосипеде явился в гетто и приказал десяти мужчинам-евреям идти хоронить убитых. Мы отправились, Вайс ехал впереди.

Уже в полукилометре от Понар, вблизи железнодорожной линии, стали попадаться трупы: это те, что были убиты при попытке бежать. На воротах, ведущих к месту экзекуции, висела надпись: “Вход даже немецким офицерам строго запрещен!”

Через ворота были проложены рельсы, чтобы поезда с жертвами доставлять прямо к ямам. Чем дальше, тем все более страшные картины открывались перед нами. Трава была красная от крови. Все поле завалено трупами. Деревья забрызганы мозгами. У стволов лежали растерзанные дети, многие разорваны пополам — одна нога здесь, другая — там. Целый холмик детских голов. Повсюду валялись документы, визитные карточки, фотографии, кредитки. В одном месте лежал труп немца с перерезанным горлом: очевидно, его прикончил еврей.

Вайс дал нам водки и сказал:

— Работать добросовестно! Трупы раздеть и аккуратно похоронить. Платье сложить в сторону — мужское отдельно, женское отдельно. Если попадется золото — складывать в ведро. Кто осмелится что-нибудь присвоить, будет расстрелян.

1 В апреле 1943 г., опасаясь партизан, немцы зачистили зону на границе Белоруссии и Литвы. Евреи из Свенцяй (Швенченис), Ошмян, Свири, Эйшишкес, Яшюнай, Тургяляй, Онушкис, Аукштадвариса и др., 4 тысячи человек, были отправлены в Понары (“акция Ковно — Понары”). Увидев, что вместо Каунасского гетто они прибыли в Понары, евреи разбежались, и около 600 человек были убиты тут же, у вагонов. Во время сопротивления евреев были ранены двое членов зондеркоманды. См.: Корчак Р. *Пламя под пеплом*. С. 179–180. — И. Л.

Он повел нас на ближайший бугор и, указывая на отдельные замощенные участки, объяснил:

— Вон там — евреи, доставленные “ловцами” (“ловцы” он произнес по-еврейски и самодовольно улыбнулся). Далее цыгане. Здесь те, которые говорили: “Не дамся!”, то есть поляки. Здесь — литовцы, которые против нас. Это — военнопленные. А там, — указал он вдаль, — земля еще пуста. Но это не надолго. На свете еще слишком много людей!

Среди трупов попадались еще живые люди. Мы не знали, что с ними делать. У многих были при себе талесы¹. У других мы обнаруживали в карманах письма, написанные в арестантских вагонах по дороге на казнь. В одном письме, помню, было: “Евреи, нас везут на расстрел! Отомстите за нас! Флексер из Свенцянь”.

Среди окровавленных узлов, которые мы вносили в вагоны, оказался возвращенный в лохмотья живой ребенок: он спрятался и его не заметили. Бере ле Гольдштейн из Михалишек.

Узнав, что мы евреи, он стал умолять: “Спасите!” Мы его спрятали от Вайса и доставили в гетто.

Мы схоронили около пятисот человек — всех разбросанных по полю, не раздетых, пытавшихся бежать. Остальные лежали в рытвине, их оставалось только залить хлорной известью. Мы были уверены, что отсюда уже не вернемся, что Вайс и нас перестреляет. Но вдруг он подошел к нам пьяный и сказал:

— Вы — единственные, побывавшие в Понарах и возвращающиеся домой. Перед уходом я увидел страшную картину.

Могила, в которой мы похоронили евреев, стала двигаться и подниматься все выше и выше.

Вайс успокоил нас:

— Это тела разбухают и поднимают землю.

Мурер²

Муреру, референту по еврейским делам при гебитскомиссаре Хингсте, всего двадцать четыре года. Его отец “работал” палачом в одной из немецких провинций. Сын “с честью” продолжает традицию отца. Он воспитывался среди гитлеровской молодежи в Нюрнберге, где изучал “еврейский вопрос” теоретически. Он — офицер, состоящий в штате Нойгебауера. Когда профессор Готтарт уехал, Мурер занял его место. Говорят, у Гиммлера разложена на столе большая карта, где каждый пункт, населенный евреями, отмечен флажком. Ежедневно Гиммлер удаляет несколько флажков; это значит, что в данных пунктах евреи подлежат истреблению. Соответствующие приказы рассылаются на места таким вот Мурерам, которые разрабатывают

¹ Молитвенные покрывала. — И. Л.

² Франц Мурер — адъютант гебитскомиссара Хингста, референт по еврейским делам. Организатор гетто. В 1947 г. задержан англичанами как военный преступник, в 1948 г. осужден на 25 лет советским военным трибуналом. В 1949 г. выдан Австрии. В 1963 г. в Граце судим повторно и оправдан. — И. Л.

процедуру уничтожения, поручая работу своим Швайнбергерам и Вайсам, а те выполняют приказы согласно преподанным инструкциям.

4 июля 1941 года, по приказу Мурера, был учрежден первый юденрат. Член юденрата, доктор Яков Выгодский¹, один из почтеннейших людей в старом Вильно, явился к Муреру просить об отмене наиболее чудовищных распоряжений. Мурер холодно выслушал его, дал ему пощечину и сбросил с лестницы.

Мурер любил глумиться над своими жертвами. Внезапно подъезжал он к воротам гетто, подвергал поголовному контролю возвращавшихся с работы евреев и, обнаружив продовольствие, лично отвозил виновного в тюрьму.

Проверив однажды подобным образом партию из двадцати рабочих, Мурер обнаружил у одного килограмм муки. Партия вся целиком была отправлена в Понары, где Мурер лично присутствовал при ее истреблении. При подсчете убитых оказалось, что их не двадцать, а двадцать один человек.

— Доннер веттер! — возмутился Мурер. — Один невинный расстрелян!

Иногда он контролировал желтые заплаты, и, если оказывалось, что, например, уголок отпорот, то уже не выпускал жертвы из рук. Обнаружив у еврея деньги или цветы, он приказывал сечь преступника. Особенно любил он наблюдать порку молодых девушек, восклицая при этом:

— Крепче! Крепче!

В гетто он был частым гостем, у него был свой ключ от ворот. Любил посещать баню по улице Страшуна, дом 6, где, стоя со скрещенными на груди руками, разглядывал моющихся женщин. Однажды он принялся их щупать, приговаривая:

— Слишком вы жирны, я постараюсь, чтобы вы похудели.

Посещая мастерские, он приказывал людям залезать под столы и выть оттуда по-собачьи. В то же время этот садист был так “щедр”, что выделил в гетто пляж для детей.

После провокации, в результате которой были расстреляны четыре тысячи евреев, якобы отправляемых в Каунас и завезенных в Понары⁶, Мурер пригласил еврейского представителя Генса и извинился перед ним в том, что “произошла ошибка”. При этом он добавил, что после войны расширит гетто и присоединит к нему Стефановскую улицу.

Мартин Вайс — преемник Швайнбергера

Когда Швайнбергер выполнил свою миссию в Вильнюсе, его отослали на фронт. По рассказам его любовницы, там он был застрелен своими же товарищами.

Его сменил Мартин Вайс, ставший начальником “Ипатинги” и хозяином Понар.

Хотя Швайнбергер окончил специальную школу, он мог бы многому поучиться у Вайса — простого фельдфебеля.

¹ Яков Выгодский (1857–1941) — врач, общественный деятель, многолетний глава вильнюсской общины, министр по еврейским делам в первом правительстве независимой Литвы, затем — депутат польского сейма. Его называли “отец виленских евреев”. — И. Л.

Вайс любил свою работу. На Понарах, недалеко от могил, он выстроил себе дачу. Особая, черная кровь течет в его жилах!

Родом он из Карлсруэ. По профессии — жестянщик. Ему под сорок, у него двое детей.

Под предлогом, что евреи убили немца, он разгромил Новгородскую улицу. Пятьсот евреев тут же расстрелял, а несколько тысяч увел в Лукишкскую тюрьму. Он приказал им снять с себя пояса, а руки держать на затылке, чтобы лишить их возможности поддерживать сползавшие брюки. Впереди процессии шел раввин Новгородской улицы Сегаль.

6 сентября, в первый день водворения евреев в гетто, Вайс привел за руку девочку, у которой не было желтой заплаты. Девочка, двенадцатилетняя ученица Виленской реальной гимназии, очевидно, предполагала, что Вайс — “добрый немец” — хочет спасти ее от “ловцов”. Она ошиблась. Вайс поставил ее к стенке и расстрелял.

Зельда Эйнгорн, бежавшая из Понар (она скрывалась в кустах и видела, как расстреляли ее семью), передавала мне, как от руки Вайса погибла Церна Моргенштерн, дочь виленского учителя, необыкновенно красивая восемнадцатилетняя девушка.

...Она шла вместе с матерью и маленьким братом. У самой ямы обреченные должны были раздеться. За слушание выкалывали глаза. Особенно настойчиво предлагали раздеваться молодым девушкам. Был вечер, взошла луна. Когда полураздетая Церна приблизилась к яме, подбежал Вайс, взял ее за руку и отвел в сторону. Он хочет ее спасти. Церна вырывалась, она хотела умереть вместе с матерью и братом, которые уже были расстреляны. Вайс ее не отпускал.

— Такая красивая девушка не должна умереть, — твердил он.

Церна рыдала, пыталась убежать, но Вайс крепко держал ее за руку.

— Взгляни, как прекрасен мир! — говорил он, указывая на деревья, облитые лунным сиянием. — А ты молодая девушка. Как ты хороша при луне!

Так бормотал он, словно влюбленный юноша, о красоте земной жизни, а сам в то же время незаметно извлек из заднего кармана револьвер и выстрелил девушке в затылок. Потом расхохотался и потащил агонизирующую к яме.

Вайс делал карьеру. Из простого фельдфебеля он превратился в штурмфюрера. На погонах его появились серебряные нашивки, а на груди орден свастик с мечом.

Он заслужил все эти знаки отличия. Он лично принимал участие во всех экзекуциях и собственноручно уничтожил тысячи людей.

Вайс не брезговал никакими национальностями. Он не делал разницы между людьми, когда речь шла об их умерщвлении. Для коллекции ему не хватало цыган. Тогда он устроил облаву в лесу, забрал цыган вместе с лошадьми и телегами и привез к себе в Понары. Пятьсот польских священников и монахинь он забрал из бенедиктинского монастыря, доставил в Лукишкскую тюрьму и приказал им раздеться. Забрав одежду, он вырядил их в платье с желтыми латками на груди, снятое с только что убитых евреев, отвез на Понары и там убил их как евреев. Об этом рассказал мне еврей Бренайзен, сидевший в то время в тюрьме.

К “заслугам” Вайса надо отнести также и то, что он был организатором немецкого государственного публичного дома на улице Субоч, дом 9, с табличкой на дверях: “Штатским вход строго запрещен”.

“Товар” для своего предприятия Вайс добыл просто: оцепил со своей бандой кафе “Зеленый луч” и всех девушек и женщин, независимо от того, были ли они одни или в сопровождении мужчин, забрал и увез на Субоч. Директором “дома” был назначен некий Лескаукас, имевший жену и пятерых детей.

“Дом” был предназначен исключительно для гестапо и эсэсовцев. В уплату принимались квитанции, которые гестаповец получал вместе с продовольственными карточками. Девушки не имели права переступить за порог “дома”. За хорошее поведение они награждались медалями. Чтобы никто не мог сбежать, у девушек на ногах выжгли особые клейма.

Был в карьере Вайса период, когда звезда его начала меркнуть. Нойгебауер упрекал его в том, что он бессилен ликвидировать гетто, и Вайс сменил Киттель¹. Вайс переехал на улицу Росса, дом 10, в гестаповские сады и здесь занялся выращиванием цветов.

Судьба престарелых

17 июля 1942 года Вайс отобрал в гетто восемьдесят шесть стариков — мужчин и женщин — и отвез их в Поспешки, в пяти километрах от Вильнюса. Туда же Вайс приказал доставить котел и продовольствие для стариков. Обслуживали их медицинские сестры в белых халатах. Вайс был настолько заботлив, что привез два пуда масла.

Пансион в Поспешках стал загадкой для гетто. Никто не мог понять, что это означает. Прошел день, другой, третий. В лесистой местности, при хорошем питании старики стали поправляться. Среди обитателей “пансиона” была девяностолетняя старуха, которую родители крестили в девятилетнем возрасте. Вайс извлек ее из польской богадельни и на закате жизни напомнил ей о ее еврейском происхождении.

Тайна раскрылась лишь на седьмой день: приехал Вайс с иностранными гостями и корреспондентами, стариков сфотографировали. А после этого их отвезли на Понары.

Дегнер

Аэродромом в Порубанеке, где работали несколько сот евреев, заведовал гамбургский немец, фельдфебель Ганс Дегнер. Его сестра Элен служила в гестапо и собственноручно расстреливала людей из автомата. Дегнер был грозой еврейских рабочих. Он так долго провоцировал и мучил людей,

¹ Бруно Киттель — руководитель еврейского отдела гестапо Вильнюса с июня 1943 г. До войны — киноактер и певец. Во время войны занимался “еврейскими делами” во Франции и Риге. Ликвидатор гетто в Риге, Вильнюсе и Каунасе. См.: Корчак Р. *Пламя под пеплом*. С. 201–202. — И. Л.

что те не выдержали и пожаловались на него Муреру, который запретил ему избиения, так как это мешает работе на аэродроме. Дегнер после этого нашел способы еще больше издеваться над своими жертвами.

Когда несколько евреев опоздали однажды на работу, он в наказание и в поучение отобрал из рядов двадцать человек и обратился к ним с речью, в которой сказал: “Надо хорошенько проучить евреев, так как имеют место акты саботажа и невыхода на работу”.

Из отобранных двадцати он десять расстреляет. Но кого именно — зависит от самих евреев. Он скамандует, и все двадцать человек должны пробежать по аэродрому километр. Десятерых, которые добегут первыми, он оставит в живых, отставших расстреляет.

Дегнер сел на велосипед, скамандовал: “Бегом!”, и двадцать человек, сорвавшись с места, ринулись вперегонки. Дегнер ехал рядом, как судья на спортивных состязаниях.

Несчастные бежали, напрягаясь изо всех сил. Тут были и юноши, и пожилые пятидесятилетние люди. Один из бежавших упал — у него произошел разрыв сердца. У самого финиша упал второй. Но Дегнер обманул: добежавших первыми он расстрелял, а отставших “помиловал”.

Поводы для поимки евреев

Сторожившие на каждом шагу агенты, заметив евреев без желтой заплаты на одежде или еврея, покупающего продукты у крестьянина, отводили жертву в полицейский комиссариат. Если там не удавалось откупиться, “преступника” доставляли в гестапо.

Из гестапо доставляли с сопроводительным протоколом, в котором вина задержанного чудовищно преувеличивалась. Так, например, вместо обвинения в покупке хлеба в протоколе значилась покупка оружия, или как это было с моей женой — вместо обвинения в том, что она ходила по улице с недостаточно тщательно пришитой желтой латкой, в протоколе было сказано, что она разбрасывала нелегальную литературу. Тогда уже трудно было ускользнуть из разбойничьих рук. Жертву допрашивал штурмфюрер Майер¹, который пересылал протокол главному начальнику гестапо, оберштурмфюреру Нойгебауеру. А тот красным карандашом пометал: *B. B. (Besondere Behandlung)* — “особое обращение”, то есть смерть.

Противотифозная прививка Вайса

Это было накануне Пасхи. В концлагерь “Кайлис”² приехал Вайс, объявил, что в городе свирепствует эпидемия, и поэтому утром следующего дня ма-

¹ Гаупштурмфюрер СС, руководитель еврейского отдела гестапо Вильнюса. — *И. Л.*

² “Кайлис” — фабрика мехового обмундирования для армии. В октябре 1941 г. по инициативе австрийского еврея Оскара Глика (согласно документам — немца) работавшие там евреи вместе с семьями (800–1000 человек) были переселены из гетто на территорию фабрики.

тери должны одеть потеплее своих ребят и отвести их в клинику на другую улицу, где им будет сделана противотифозная прививка.

Ничего не подозревая, женщины вымыли, приодели, причесали своих детей и в солнечный весенний день отвели их в клинику. Сами они в ожидании ребят собрались за лагерным забором.

Между тем директор клиники доктор Шульц по телефону сообщил Вайсу, что дети доставлены.

Спустя пять минут появился “черный ворон”. Вайс вошел в клинику, стал хватать детей и швырять их в автомобиль. Матери, увидевшие это из-за забора, с воплями и рыданиями кинулись спасать детей, но Вайс приказал своим людям стрелять по ним. Все же некоторым матерям удалось пробиться к машине. Они стремились проникнуть внутрь, и Вайс “сжалился” — разрешил некоторым сопровождать своих детей и вместе погибнуть.

Грузовик ушел, Вайс остался. По списку, который он держал в руках, не хватало еще шестидесяти детей. И он прошел на территорию лагеря добывать новую партию.

Рассказ Фрумы-Ривы Бурштейн из Новогрудка

Когда я услышала, что всех детей надо отослать в клинику, я сразу поняла, что это неспроста. Ведь в “Кайлисе” есть свой доктор и амбулатория, зачем же водить детей в немецкий госпиталь? Я решила выждать, хотя немец Рихтер объявил, что кто не выполнит приказа, будет строго наказан.

Когда поднялись крики в госпитале, я поняла, что изверги затеяли страшное дело. Я схватила троих своих внуков и спрятала их в “малину”. Сама выбежала во двор. Разбойник Вайс с Рихтером носились по двору со списком и кричали, что им не хватает детей. Если их не выдадут сию минуту, полк штурмовиков перестреляет весь лагерь. Однако никто детей не отдавал. Тогда Вайс свистнул, и в лагерь ворвалось множество немцев, дожидавшихся сигнала за воротами. Они рассыпались по домам, взрослых согнали во двор, а сами принялись искать.

Я стояла и думала: а вдруг случится чудо, и моих детей не найдут. Но в это время я услышала их плач. Изверги снесли их вниз и поставили отдельно. Все население лагеря согнали во двор, рассортировали: стариков и детей отдельно, молодых, здоровых — отдельно. Я уже немолодая, меня причислили к старикам.

Улучив минуту, я схватила самого младшего внука (остальных невозможно было спасти) и направилась к толпе молодых, которых не собирались убивать, но Рихтер преградил мне дорогу: “Ты куда?” Я сказала, что только накормлю ребенка и сейчас вернусь.

В январе 1942 г. гестаповцы узнали, что Глик — еврей, и он с женой был расстрелян. В сентябре 1943 г. Вильнюсское гетто было ликвидировано, фабрика превращена в трудовой лагерь, где находилось около 1250 человек. 2–3 июля 1944 г., за десять дней до освобождения города, их расстреляли. — И. Л.

Евреи, которым суждено было остаться в живых, меня заслонили. Мой двухлетний внук за все время не издал ни звука. Вдруг появился грузовик, и немцы стали кидать в него детей и стариков. Я видела, как бросили двух моих внуков. Они кричали: “Бабушка, нам страшно!” Но я ничем не могла им помочь. И за того, который был у меня на руках, я еще не была спокойна. Рихтер, или, как его называли, “голошейка”, запомнил, что я пошла накормить ребенка, и все время меня искал.

Четыре раза в день он приходил искать детей. Я спрятала малютку в корзине в уборной. Там он пробыл дней десять. Потом мы скрылись из лагеря и спрятались в городе у одной знакомой.

Голде Крижевская

Рассказ ее отца Авраама Крижевского

Когда гестаповцы ворвались в лагерь “Кайлис” и стали забирать детей, моя Голде не растерялась. По росту она могла сойти за взрослую и, значит, остаться в лагере. Но Голде не хотела разлучаться с детворой. Она с ними тайком на чердаках устраивала спектакли, распевала песни... Она, бывало, говорит:

— Никуда я от детей не уйду, погибать, так вместе.

Когда детей таскали из погребов и “малин”, отрывали от рыдавших родителей и швыряли в машины, Голде не захотела прятаться. Как ни старались ее удержать и спрятать, она отказывалась. В конце концов Вайс ее заметил и кликнул:

— Ступай-ка сюда!

И вместе с целым классом школьников ее увезли на станцию. Железнодорожник-поляк, сопровождавший детей в последний путь, явился потом в “Кайлис” и спрашивал: кто такая Голде Крижевская? Он рассказал:

— В поезде дети плакали, кричали. Но Голде их успокаивала, утешала. Она уверяла их, что немцы за все дорого заплатят, что близок уже день освобождения.

И почти всю дорогу эшелон следовал под звук народных и революционных песен. Голде дирижировала.

Истребление детей в лагере Г. К. П.¹

Рассказ Сролика Зеликмана

27 марта 1944 года, около шести тридцати утра, во двор лагеря приехал фельдфебель Рихтер и осмотрел все ворота. Потом уехал, но вскоре вернулся, привел солдат и расставил их по местам. Я в это время был в бане, топил

¹ ГКП (хеерескрафтфарпарк, нем. армейский авторемонтный парк) — рабочий лагерь для евреев. После ликвидации Вильнюсского гетто работники ГКП с семьями были переведены в два здания на улице Субачаус, дом 37. В марте 1944 г. там находились 1257 евреев, в том числе 213 детей. Начальник ГКП майор Карл Плагге способствовал спасению 250–300 узников. Посмертно признан “Праведником народов мира”. — И. Л.

печь. Когда сказали, что лагерь оцеплен, у меня сердце оборвалось. Я выбежал из бани. В это время въехала машина с тридцатью-сорока полицейскими в синих мундирах.

Я прошел в дом к матери, там — плач. Мы были уверены, что лагерь ликвидируют, на душе было, как перед смертью. Мы надели на себя сколько могли платья и сговорились при малейшей возможности попытаться бежать. Если повезет в поезде — выпрыгнем. Между тем комнаты наполнились полицейскими и немцами. Детям и женщинам велели собраться в портновскую мастерскую. Вдруг распространился слух, что на этот раз заберут “только” стариков и детей.

Что делать? Как спасти мать? Я отвел ее в баню, уложил в уголок и прикрыл одеялами. О себе я думал, что меня на этот раз не тронут: во-первых, я работаю, а во-вторых, я уже не ребенок.

Вышел я из бани, заглянул в сени, вижу — исчезла лесенка, по которой взбирались на чердак. Спрашиваю: кто там? В ответ слышу голос Пильки Руденской:

— Это мы. Иди прятаться!

Не знаю почему, но на чердак меня не тянуло. Я зашел в слесарную мастерскую (по списку я значился слесарем). Окно слесарной выходит на площадь.

Вот повели пожилых женщин и детей. У всех узелки. Головы опущены. Напротив выстроились полицейские и эсэсовцы. Народ собрался у окон в слесарной, люди хватаются за голову, мечутся по мастерской. Вот, вижу, повели Яброву. Ее сын, стоявший у окна, начинает биться головой об стенку. Проходит час, другой. Обыскав один дом, полицейские принимаются за второй. Вайс ходит по мастерским, ищет — нет ли спрятанных детей.

Сейчас он в столоярной, рядом с нами. Оттуда доносится детский плач: Вайс нашел младенца и тащит его под мышкой. Входя в нашу мастерскую, он передает ребенка своему подручному. Я стою, как парализованный, не знаю, что делать. Вот он — Вайс, с большим топором в руке. Впервые вижу его отвратительную рожу с очками на носу. Он приказывает всем нам перейти в другую комнату, некоторых хватает за ворот и швыряет во двор. Наступает моя очередь. Я тянусь изо всех сил на цыпочках, чтобы казаться выше, но Вайса не обманешь: он указывает на дверь, эсэсовец выбрасывает меня во двор. Пытаюсь бежать, но мне преграждают дорогу, кидаюсь в другую сторону — перехватывают и тут. И вот я у забора в одной толпе с детьми. “Конец, — думаю я, — из этих лап не вырвешься”. Однако пытаю счастье: когда караульный эсэсовец на мгновение отвернулся, снова кидаюсь к воротам, но и на этот раз неудачно: меня настигает какая-то фигура (потом я узнал, что это — Лукошюс, фюрер из “Ипатинги”) и сшибает меня револьверной ручкой. Лежу на земле в полуобмороке. Но злодей не успокаивается, тащит меня за руку в барак и при этом хохочет.

В барак принесли стол, Вайс уселся на него. Начинается сортировка: детей — в барак, женщин отпускают. Если какая-нибудь женщина следует за своим ребенком, ее отрывают силой. Очередь доходит до меня — он указывает на барак. Снова пытаюсь бежать, но меня хватает эсэсовец.

В барак я забрался в уголок. О побеге и думать нечего. Куда бы спрятаться? Вдруг замечаю, что на потолке оторвана доска. Не раздумывая ни секун-

ды, забираюсь через отверстие на чердак. Следом лезут другие. Чердак заполняется. Слышу стук моторов: приехали “черные вороны”.

К вечеру все было кончено. Я слез с чердака и, к радости своей, встречаю мать. Она так и пролежала все время в бане. Ширмейстер¹ Дришер, который все обыскал, ее не заметил.

Сто пятьдесят детей вывезли в этот день из лагеря (среди них двоих детей артиста Бергольского). Гражданка Басс ни за что не отдавала своего ребенка. Сколько Вайс ее ни колотил, ничего не помогло. И “черный ворон” поглотил ее вместе с ребенком.

Другую женщину, Жуковскую, Вайс пристрелил на месте за то, что она назвала его “детоубийцей”.

Шмулик Котляр

Рассказ Зелика Левина

Однажды Вайс приехал в гетто отбирать мужчин для высылки в Эстонию. Шмулик Котляр бегал по домам гетто и разыскивал своего отца. Но вместо отца наткнулся на Вайса.

— Ты тоже поедешь в Эстонию! — крикнул Вайс.

— Господин Вайс! — взмолился Шмулик, — ведь мне всего десять лет!

— Десять лет? — повторил Вайс, разглядывая перепуганного мальчика. Вдруг его внимание привлек какой-то еврей. Шмулик воспользовался моментом и ускользнул.

Сейчас, полгода спустя, когда началась резня детей и “нетрудоспособных элементов”, Вайс снова встретился с мальчиком. Вместе со своим товарищем, Марекком Левиным, Шмулик искал, куда бы спрятаться.

Вайс улыбнулся:

— А-а, вот ты где! Сейчас ты поедешь со мной! И ты тоже! — сказал он, хватая и Марека.

Шмулик стал упрашивать:

— Господин Вайс, ведь мне уже пятнадцать лет!

Вайс расхохотался:

— За несколько месяцев тебе прибавилось пять лет! Нет, ничего не может.

И повел мальчика к черному автомобилю.

Шмулик понял, что терять ему нечего. Он подпрыгнул, обхватил Вайса за шею и стал ногами колотить его в живот. Не отставал и Марек.

Вайс на мгновение растерялся. Однако тотчас опомнился и с помощью подоспевших гестаповцев отбил от мальчиков. В наказание за сопротивление он их в машину не бросил, а тут же, на месте, обоих собственноручно задушил.

1 Интендант (нем.).

Как только женщинам и детям приказали выходить во двор, Лейб сказал мне:

— Самому спрятаться — не фокус, надо и других спасти.

Меня и своего братишку он привел в дровяной сарай, спрятал за двумя кубометрами дров, а сам исчез.

С тревогой я ждала его, но он все не шел. Я уже считала, что моего Лейбля схватили. Однако позднее выяснилось другое.

Во дворе он поднял топор, с которым Вайс гонялся за детьми, собрал десятка два ребят, к ним присоединился кое-кто из родителей, и Лейб всех их привел на чердак. Сначала он попытался пробить топором крышу, чтобы вылезть наружу, но потом заметил на чердаке два огромных чана, куда накачивали воду для бани, — один из них был пустой. Лейб тут же решил, что лучшего убежища не найти. Но как забраться в чан высотой в три метра? Лейб быстро слез вниз, отыскал где-то лестницу и с нею вернулся на чердак. При помощи родителей он разместил всех ребят на дне чана, а лестницу забрал туда же, чтобы ничего не было заметно.

Кто-то донес Вайсу, что на чердак лазили дети. Он тотчас взобрался на чердак, принялся искать, но ничего не нашел. Для очистки совести Вайс стучал палкой по чану, приговаривая:

— Выходите, дети! У меня для вас конфеты приготовлены.

Но даже двухлетние малыши не отзывались.

Судьба вывезенных детей

Железнодорожный машинист Юзеф Ринцевич, который вел поезда с детьми, позже рассказал:

Двести детей из “Кайлиса” и ГКП довели до Кракова и сдали там в немецкий госпиталь. Тут детей рассортировали: у одних брали кровь для переливания немцам, у других немецкие специалисты снимали кожу с лица для использования при косметических операциях раненых и обожженных.

Одежда

Одежду с убитых свозили во двор гестапо, в большие склады, где евреи из гетто должны были ее сортировать. Работой руководил Майер, немец из Вены. Обувь складывалась отдельно, пальто отдельно, также и мелочь, которую находили в карманах.

Отличительные знаки надлежало отпарывать, чтобы в Германии, куда весь этот товар отправлялся, не догадывались о его происхождении. При

этом Майер наказывал, чтобы по одному экземпляру из многочисленных знаков различия оставляли для него: он собирал коллекцию.

А знаки были самые разнообразные: белый четырехугольный с желтым кружком, в центре которого буква *J* (*Jude*), синяя нарукавная повязка с белой шестиконечной звездой, желтая шестиконечная звезда с черным кружком, со словом *Jude*, которую носили чешские евреи, заплаты желтые, одна шестиконечная звезда, латы красные, четырехугольные и так далее. Затем были бляхи с номерами, которые в Вильнюсе носили на шее, помимо латы. Разного рода и цвета документы и удостоверения по одной штуке — все это представлялось Майеру, набожному католику, на сохранение для будущих времен в качестве памятника старой Европы.

Из-за платья гестаповцы нередко ссорились и дрались, хотя каждый из этих разбойников давно успел вволю награть всякого добра. Главный грабитель Вайс имел специального помощника, обязанность которого состояла в том, чтобы обшаривать карманы расстрелянных. Только после этого одежду отправляли в гестапо.

Киттель

Киттель — артист. Он окончил театральную школу в Берлине, а школу разбоя — во Франкфурте. По воскресеньям на виленском радиоузле он исполнял песенки на саксофоне. Киттель — самый молодой из своих коллег и, надо добавить, самый усердный. Ликвидировать Виленское гетто Нойгебауер доверил Киттелю, на Вайса он не положился: Вайс хорош, когда не встречает сопротивления. Зная, что в гетто существует партизанская организация, Нойгебауер остановил свой выбор на Киттеле, слава о котором гремела и в Риге, и в Лодзи, и в Варшаве.

На первый взгляд не верится, что Киттель — палач: постоянно улыбается, ослепительно сверкая зубами, надушен, элегантен, вежлив, воспитан.

Вот стиль его работы. Однажды он вместе с Вайсом приехал в еврейский рабочий лагерь в Безданах, вызвал еврея-парикмахера и попросил себя побрить. Когда парикмахер кончил работу, Киттель предложил ему папиросу и вежливо спросил:

— Огонь?

— Да, — ответил тот.

— Получай! — воскликнул Киттель и выстрелом из револьвера уложил парикмахера на месте.

В то же время выстрел послужил сигналом для Вайса и его орды начать резню.

Когда происходило истребление Виленского гетто, Киттель приказал вынести ему во двор пианино и начал играть. В это время “ловцы” обнаружили “малину” и вывели оттуда еврейского парня. Увидев Киттеля за пианино, он бросился к нему с мольбой о пощаде. Киттель вынул револьвер и, продолжая играть левой рукой, застрелил парня.

Когда гетто было уже ликвидировано, в городе осталось только три концлагеря с тремя тысячами евреев-“специалистов”. Киттель, гуляя однажды

с девицей, заметил на противоположной стороне улицы пожилых мужчину и женщину с ребенком. Заподозрив, что это евреи, Киттель задержал их и отправил в концлагерь на Субоч, где выяснилось, что все они до этого времени скрывались в “малине”. Тогда он приказал соорудить среди двора виселицу и вызвал из гестапо шестьдесят эсэсовцев. Когда все было готово и двор заполнили эсэсовцы, окружившие обреченных Залкиндов — мужа, жену и ребенка, Киттель сказал:

— За то, что вы нарушили мой приказ и прятались в городе, вас сейчас повесят у всех на глазах.

Киттель подошел к виселице, проверил, крепка ли веревка, и началась процедура казни. Первым повесили ребенка. Затем мать. Когда петля затянулась на шее отца, веревка оборвалась.

Киттель приказал сделать новую петлю. Но когда Залкинда вздернули, веревка опять оборвалась.

Киттеля это только забавляло.

— Сто раз оборвешься — сто раз повешу, — сказал он и подал палачу другую веревку.

Когда с Залкиндом было покончено, Киттель выстроил евреев в шеренгу, отсчитал пятьдесят человек и объявил:

— Это будет для вас уроком и предупреждением для тех, кто помышляет о побеге. Если еще раз поймаю в городе еврея — сто человек поплатятся.

Отсчитанные пятьдесят человек тут же были посажены в “черный ворон”. Сорок девятым по счету был Хаим Семятицкий, еврейский поэт, автор книг “Простертые руки” и “Капли росы”.

Над воротами гетто немцы повесили объявление:

Внимание! Еврейский квартал. Опасность заразы. Вход неевреям воспрещен.

Невозможно перечислить все постановления и приказы, которые сыпались на голову жителей гетто. Приведу лишь небольшую часть этого законодательства, и пусть нормальный человек постарается его постигнуть.

Евреям запрещается смотреть в окна, выходящие на улицы за пределами гетто. Эти окна должны быть заклеены или замазаны наглухо.

Евреям запрещается говорить по-немецки.

Евреям запрещается разговаривать о политике.

За разговоры или общение с неевреем — расстрел.

Евреям запрещается носить усы.

Запрещается есть жиры.

Еврейским женщинам запрещается красить волосы и губы.

Запрещается молиться.

Запрещается учиться.

Начиная с шестилетнего возраста, все евреи должны носить желтую звезду как в самом гетто, так и вне его. Звезда должна быть тщательно пришита на левой стороне груди. Перед каждым немцем, появляющимся в гетто, надо снимать головной убор.

Запрещается приносить цветы в гетто.

Женщинам запрещается рожать. Родившая будет лишена жизни вместе с ребенком.

341

Виленское
гетто

Когда гестапо официально уведомило директора больницы гетто доктора Седлиса, что из Берлина прибыл приказ, запрещающий еврейским женщинам рожать, в гетто начался переполох. Как быть с беременными, что делать с новорожденными? Однако и этот каннибальский приказ жители гетто всячески старались обойти. Вновь родившихся младенцев прятали в укромное место, и матери тайком приходили туда кормить их. Когда ребята немного подрастали, их заносили в списки гетто задним числом.

Еврейская женщина отстаивала свое право на материнство. Ребенок был олицетворением жизни, будущего, самого бессмертия народа.

Мирра Бернштейн, известный виленский педагог, ни на один день не расставалась со своими учениками.

Школа, которой она руководила в течение многих лет, была перенесена в разрушенный молитвенный домик. Число учащихся вначале составляло сто тридцать человек. Они были разбиты на группы соответственно возрасту и развитию. Пока одна группа занималась, другая варила пищу, чинила платье. Школьники очень привязались к своим преподавателям, чувствуя, что они им заменяют погибших родителей. Каждое утро перед началом занятий директриса пересчитывала своих воспитанников, и с каждым днем их число неуклонно уменьшалось. Но оставшиеся в живых продолжали учиться.

В октябре 1941 года директриса пригласила меня в школу на спектакль. Полуразрушенный домик стал неузнаваем. Стены увешаны зеленью. На окнах горшки с цветами. Всюду транспаранты с цитатами из еврейских классиков.

Дети — их число уже уменьшилось до сорока — сияли в своих праздничных рубашках. На груди у всех красовались цветочки.

Посреди спектакля на улице послышался шум. Представление продолжалось; только когда пуля пробила стекло, директриса вышла. По улочкам и дворам носились немцы. Они хватали людей и тащили их к автомобилям, которые стояли у ворот.

Директриса вернулась, поднялась на сцену и сказала:

— Дети! Изверги, желающие нас истребить, сейчас в гетто. Не кричите и не разбегайтесь. Тихо и без суеты залезайте под сцену. Первыми забираются самые маленькие, за ними старшие.

Всю ночь директриса дежурила у дверей. Она решила: если немцы ворвутся в школу, она принесет себя в жертву ради всех. Немцы подумают, что больше никого нет, и уйдут.

Но на этот раз они обошли домик. Они уже успели захватить нужное им число людей и уехать из гетто.

Мне когда-то казалось, что приговоренному к смерти нет смысла создавать произведения искусства. Жизнь переубедила меня. Я увидел: дух творчества и созидания никогда не покидает человека.

Через день после убийства моей матери меня пришел проведать и утешить молодой режиссер Вискинд. Он пригласил меня на встречу с еврейскими актерами. У них есть намерение организовать театр.

Я посмотрел на него удивленно:

— В гетто... театр?

— Да, — подтвердил Вискинд, — мы должны делать свое дело, сопротивляться врагу и этим оружием. Мы ни на один миг не должны сдаваться. Создадим свой театр — обрадуем и ободрим гетто.

Я принял предложение стать художественным руководителем проектируемого театра.

С каким словом надо прийти к зрителям, чтобы не осквернить, не нарушить траур всего народа? Какой силой можно покорить жителя гетто, оживить в его сознании героину родной истории, собрать его силы для борьбы во имя жизни, во имя будущего?

Еще в первые дни гестаповского террора многие виленские музыканты зарыли свои инструменты в землю.

Позднее, когда еврейское население уже было загнано в гетто, через канализационные трубы удалось проникнуть в город, выкопать запрятанное и доставить в гетто.

В гетто зазвучал симфонический оркестр под руководством Вольфа Дурмашкина.

Музыканты находились на принудительных работах в городе. Оттуда они перенесли в гетто пианино, которое нашли в пустой еврейской квартире. Оно было разобрано и каждый музыкант тайно принес какую-нибудь часть. В гетто нашелся специалист, который вновь собрал пианино.

Первое выступление оркестра в составе семнадцати человек (оно состоялось 15 марта 1942 года) было в гетто подлинным народным праздником. Была исполнена “Кавказская сюита” Ипполитова-Иванова, “Еврейское поурри” Макса Гейгера и одна часть неоконченной симфонии Франца Шуберта.

Музыка симфонического оркестра была для обитателей гетто тем же, что горный воздух для легочного больного. За такую красоту хотелось бороться.

Существовали в гетто и два хора — они также дали ряд концертов, на которых громко звучала задуманная немцами еврейская песня.

17 февраля 1942 года было создано собрание литераторов и художников Виленского гетто. Присутствовали более ста человек — писатели, музыканты, артисты, художники. Председательствовал З. Калманович¹. Целью объединения было вырвать творческие элементы гетто из всеобщей атмосферы подавленности. Калманович говорил о неизбежности скорой победы Красной Армии, которая принесет свободу еврейскому народу. Во имя этого надо работать, надо крепить дух народа.

Правление собирало произведения погибших товарищей. Оно приступило к составлению хроники о всех писателях, художниках, музыкантах, ученых, которых немцы убили, и готовило литературный альманах творчества гетто.

Узнав по подпольному приемнику о самоубийстве Стефана Цвейга, мы устроили вечер, посвященный его памяти. Музыканты исполнили шопеновский марш, артисты — отрывки из “Иеремии” Стефана Цвейга.

¹ Зелиг Гирш Калманович (1881–1943) — известный еврейский ученый, филолог. Один из создателей и руководителей ИВО — еврейского научного института, руководил им в 1939–1940 гг., главный редактор журнала “ИВО Блетер”. В гетто вел дневник, который сохранился и был напечатан в “ИВО Блетер” в Нью-Йорке в 1951 г. — И. Л.

Устраивались и творческие вечера отдельных писателей гетто, на которых обсуждение произведений нередко затягивалось далеко за полночь. Объединение, наряду с этими вечерами, организовало в театре несколько заседаний, посвященных памяти наших великих писателей — Менделе Мойхер-Сфорима, Переца, Шолом-Алейхема, Бялика.

Еще задолго до войны на улице имени Страшуна помещалась библиотека “Общества распространения просвещения”. Когда евреев загнали в гетто, они нашли библиотеку разгромленной: сотни книг валялись на тротуаре и во дворе.

Эвакуировавшийся из Варшавы библиотекарь Герман Крук взялся прилежно за возрождение библиотеки. 10 сентября 1941 года библиотека стала вновь выдавать книги.

Люди, которые в обычное, нормальное время редко брали книгу в руки, сделали теперь ревностными посетителями библиотеки. Книга стала другом, учителем в скорбной, печальной жизни, которая явилась всеобщим делом.

В подполье, в подземных убежищах, за убогим огарком, при скудном свете, пробивавшемся в щель, обитатели гетто читали книги.

1 октября 1941 года из Виленского гетто поволокли на убой три тысячи человек. А 2 октября библиотека выдала триста девяносто книг. 3 и 4 октября происходила резня во втором гетто, а 5 октября библиотека выдала четыреста двадцать одну книгу. К ноябрю 1941 года число заключенных в гетто уменьшилось на 40 процентов, а количество выдаваемых книг выросло почти на одну треть. По отчетным данным библиотеки, наибольшим спросом пользовались художественная литература и детские книги.

К ноябрю 1942 года, то есть за год с лишним существования гетто, число выданных книг достигло ста тысяч. В честь этой юбилейной цифры библиотека устроила вечер, на котором были выданы книжные премии первому и последнему абоненту.

Немцы систематически истребляли жителей гетто. Жертвами этого фашистского варварского террора пала вся виленская еврейская интеллигенция. Из трехсот деятелей культуры (педагоги, писатели, музыканты, ученые, художники) почти никто не уцелел. Из нескольких тысяч детей, обучавшихся в школах гетто, осталось в живых лишь два-три десятка. Из всех членов литературного объединения уцелело только два человека. Из музыкантов и юристов никого не осталось в живых.

В штабе Альфреда Розенберга

Штаб Розенберга в Вильнюсе (*Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg*) являлся своеобразным дополнением к деятельности гестапо. Его задачей был розыск и уничтожение всех еврейских культурных ценностей. Немцы хотели стереть с лица земли пятивековую культуру евреев Вильнюса.

В январе 1942 года в Вильнюс приехал доктор Полль, директор Франкфуртского музея по изучению народов Востока. Сотрудник погромной га-

зетки “Штюрмер”, он прибыл со специальным заданием в сопровождении целой свиты “ученых”, в том числе доктора Миллера и доктора Вольфа (оба из Берлина). Позднее к ним присоединились Шпоркет и некий Гимпель.

Фашистские “деятели науки” появились в гетто и потребовали выделить им двадцать человек для собирания по городу еврейских культурных ценностей. “Двадцатка” должна будет их рассортировать, упаковать и отправить в Германию.

Доктор Миллер потребовал, чтобы в число двадцати рабочих включили пятерых хорошо знающих еврейский и древнееврейский языки, умеющих разбираться в старинных книгах и рукописях. Я постарался попасть в число этих пяти. Цель у меня была одна: постараться спасти все то, что будет возможно. Что представляют собой немецкие “заботы” о культуре, я уже хорошо знал на основании того, что немцы делали с людьми. Кроме того, в гетто до меня донеслась весть, что в городе топят печи библиотечными книгами.

Я отправился в розенберговский штаб на улице Зигмунда. Первая работа, которую шеф штаба, доктор Миллер возложил на меня, состояла в сожжении богатой медицинской библиотеки Университетской больницы.

Доктор Поль приказал сгруппировать все еврейские книги в особом “гетто”. Сорок тысяч томов из всемирно известной еврейской библиотеки имени Страшуна он приказал перетащить на Университетскую улицу. Туда же свезли и все книги из сотни виленских еврейских молитвенных домов.

Из ста с лишним тысяч книг Поль отослал в Германию около двадцати тысяч в 84 ящиках. Остальные книги, среди которых были исключительно ценные издания, он продал на макулатуру Ново-Вилейской бумажной фабрики, по девятнадцать марок за тонну.

Та же судьба постигла рукописи, гравюры и картины.

Немцы обратили здание Еврейского научного института в казарму. Все архивы, экспонаты, коллекции они выбросили как мусор в подвал. Гиммлеровский консультант доктор Готхарт спешно прибыл в институт в поисках еврейского золота. Увидев в подвале несгораемый шкаф, он приказал вызвать слесаря, чтобы вскрыть его. Когда дверцу взломали, доктор был разочарован: рукописи Шолом-Алейхема и Переца смотрели на него, словно издаваясь. Рассерженный, он их выбросил на пол и стал топтать ногами.

В здание Еврейского института были свезены книги, рукописи, картины и скульптуры из всех еврейских музеев, библиотек и частных домов. Когда сюда доставили из музея произведения М. Антокольского, “доктор” Поль разбил большую часть скульптур о пол. Свинцовые матрицы полного текста Талмуда, которые знаменитая старинная типография Ромма набирала свыше двадцати лет, были по распоряжению доктора проданы на лом по тридцать девять марок за тонну. Шесть ящиков старинных рукописей и редких изданий он отослал в Берлин. Однако его ближайший сотрудник, бывший кожевенный торговец Шпоркет уже на железнодорожной станции выбросил из ящиков этот груз и заменил его битыми поросятами, которыми он спекулировал в Германии.

Через короткое время этот Шпоркет стал заправкой розенберговского штаба. Пятьсот свитков Торы он сдал на кожевенный завод для переработки на стельки. Старинные пергаментные переплеты венецианских

и амстердамских изданий он приказал разодрать в клочья. Мраморные памятники и надгробные камни Зареченского кладбища были по его приказанию отосланы в Германию, чтобы мостить ими улицы.

Розенберговский штаб охотился за еврейским печатным словом с таким же усердием и настойчивостью, с какими гестапо выслеживало укрывающихся евреев. Ректор Виленского университета рассказывал мне, что после того, как розенберговский штаб вывез из библиотеки все книги на еврейском языке или написанные евреями, гестаповские ищейки сновали по всем помещениям и даже взламывали полы — не спрятаны ли там еврейские издания.

Подобно тому как гестапо, наряду с уничтожением всех евреев, истребило также тысячи людей других национальностей, розенберговский штаб не удовольствовался разгромом еврейских библиотек и музеев. Он разгромил и опустошил и другие национальные и культурные учреждения, как, например, польский музей “Товарищество любителей науки”, знаменитое польское издательство “Юзеф Завадский”, польскую библиотеку Томаша Зана, библиотеку евангелической церкви и другие.

За время полуторагодовой работы в розенберговском штабе нашей группе удалось спасти много культурных ценностей, замуровать их в стены, зарыть в подвалы и погреба, в твердой уверенности, что скоро настанет день, когда свободные люди извлекут их из-под спуда на благо народа и всего человечества.

Наиболее ценные рукописи и книги мы прятали под одеждой и уносили в гетто. Как-то я попросил у Шпоркета разрешение прихватить с собой в гетто немного макулатуры, чтобы истопить печь. Шпоркет удовлетворил мою просьбу и написал записку, дабы жандармы в воротах не отняли у меня пакета с бумагой.

В этом пакете “макулатуры” находились письма Толстого к философу Владимиру Соловьеву (я их нашел в снегу у библиотеки имени Страшуна), рукописи Шолом-Алейхема, письма Горького, Романа Роллана, Бялика, редкие издания XV и XVI веков, картина Репина, дневник доктора Герцля, единственная в мире рукопись Виленского гаона, рисунки Марка Шагала и десятки других столь же ценных произведений.

Имея на руках разрешение Шпоркета, “макулатуру” можно было выносить ежедневно. Разумеется, мы могли выносить из здания лишь небольшую часть собранных там богатств. Мы выстроили внизу под зданием цементную “малину” и спрятали там около пяти тысяч наиболее ценных книг на различных языках.

В мае 1943 года в Вильнюс был доставлен Смоленский музей — несколько десятков ящиков, наполненных рукописями и картинами. Три ящика мне и моим товарищам удалось прямо с вокзала отправить в городской архив и спрятать под кипой актов. В этих ящиках, которые я позже вскрыл, находились: дневник слуги Петра I, старинные церковные летописи XV и XVI веков, картины Репина, Левитана и множество других музейных ценностей. Часть этих сокровищ я позже изъясил из архива и зарыл в гетто. Сделал я это потому, что не был уверен, уцелеют ли они в городском архиве. В одном из этих двух мест, решил я, сохранится хоть часть музейных богатств.

В одном из виленских музеев, экспонаты которого мы перевозили в розенберговский штаб, мне попался документ, подписанный знаменитым польским борцом за свободу Тадеушем Костюшко. Это было весной 1943 года, в самый разгул фашистского террора. Документ я подарил одной польке, которая скрывала двадцать евреев. Женщина опустила на колени и поцеловала дорогую польскому сердцу реликвию. На другой день женщина разыскала меня и рассказала: когда она показала подпись Костюшко участникам подпольной организации, в которой она состоит, это произвело действие молнии, ударившей в пороховой погреб. Ее товарищи просили передать, что не только они сами, но даже их дети и внуки будут помнить о драгоценном даре и хранить благодарность в своем сердце.

Среди тех, которые помогали спасать культурные богатства от гитлеровцев, упомяну: З. Калмановича, Р. Крински, а также доцента Виленского университета Марию Абрамович и известного литовского поэта Казиса Боруту.

Наиболее ценные рукописи еврейского классика Переца я передал в марте 1942 года литовской журналистке Шимайте¹. Она неоднократно приходила в немецкое учреждение, где я работал, и уносила заготовленные мною пакеты.

В сохранившемся архиве гетто я нашел ее письмо, присланное учительнице Нине Герштейн на другой день после спектакля в гетто, на котором Шимайте присутствовала. Я привожу отрывок из письма, ярко характеризующий этого прекрасного человека:

Дорогая Нина! Не обижайтесь, что я к Вам так обращаюсь, не будучи с Вами лично знакома. Прекрасный спектакль, на котором я присутствовала, и в особенности инсценировка еврейских народных песен меня очаровали и вдохновили. Да, надо быть народом великих дарований, чтобы создавать среди кошмаров гетто такие произведения искусства.

Вместе с замечательной еврейской молодежью я верю, что в конце концов стена рухнет и во всем мире воцарится братство всех народов.

Мученики гетто

ТИКТИН

Я преподавал литературу в группе юношей и девушек, состоявшей большей частью из учеников средней школы. Мы готовили в гетто литературный вечер.

Залман Тиктин, шестнадцатилетний юноша, потерявший родителей во время первой резни в гетто, был захвачен подготовкой к этому вечеру.

¹ Она Шимайте (1894–1970) — библиотекарь, журналист. Во время оккупации работала в библиотеке Вильнюсского университета, помогала евреям гетто. Создала подпольную организацию помощи, задачей которой было спасение еврейских детей и культурных ценностей. Была арестована гестапо и отправлена в Дахау. После войны — в Париже. В 1966 г. “Яд ва-Шем” признал ее “Праведником народов мира”. — И. Л.

С принудительных работ в Бурбишках, где он перетаскивал снаряды, ему удалось принести в гетто букет цветов. Он их спрятал под рубашкой, чтобы жандармы в воротах не нашли. За попытку пронести цветы в гетто полагаюсь двадцать розог.

Это цветы не простые, они выросли на могиле двух братьев Гордон, разорванных бомбой на складе боеприпасов, где они работали. Взрыв уничтожил весь склад. Обер-лейтенант Вагнер, начальник склада, решил тогда, что это несчастный случай. Но Тиктин знал точно, что взрыв не был случайностью. Один из погибших братьев сказал ему по секрету, что решил взорвать немецкий склад, даже если это будет стоить ему жизни.

Тиктин состоял в партизанской организации. Самый юный среди партизан, он по части добывания оружия был сущим бесенком. Но мало кто знал, что шестнадцатилетний парнишка задумал взорвать здание гестапо. Залман рассказал мне однажды об этом.

Он подробно развил мне свой план. Во дворе гестапо находятся на принудительных работах евреи. Затесаться к ним не составит труда. Он сговорится со своим знакомым, который работает во дворе, и вдвоем они взорвут здание.

Я посоветовал Тиктину ничего не предпринимать самостоятельно. Он состоит в организации и должен подчиняться общей дисциплине: он должен сообщить о своем плане штабу. Тиктин признался, что он уже просил в штабе разрешения взорвать здание, но его предложение отклонили, предупредив, чтобы он на собственный страх и риск ничего не предпринимал. Но юноша пылал. Я чувствовал, что дело добром не кончится. Я убеждал его не горячиться. Нужно быть осторожным при добывании гранат — на карту ставишь жизнь двадцати тысяч человек.

Назавтра после нашего разговора Тиктин отправился как обычно на работу — перетаскивать снаряды. Ждали полковника, который должен был инспектировать склады. Вагнер хотел поразить его своей распорядительностью — он рассредоточил склады по разным местам. Через несколько дней после отъезда полковника обер-лейтенант прикажет евреям перетаскивать все снаряды в старые склады на Бурбишках. Вагнер знает, как втирать очки начальству: его единственная цель — избавиться от фронта.

Уже к вечеру перед возвращением домой Тиктин заметил на рельсах только что прибывший вагон. Раз вагон пригнали сюда, стало быть, в нем есть боеприпасы. Тиктин отделился от своей группы и незаметно прокрался к вагону. Вагон был запломбирован. Тиктин, перекусив зубами пломбу, проник в вагон и увидел — гранат сегодня нет. Одни только капсулы и пулеметные ленты. Что же, и это пригодится. С пустыми руками из вагона он, во всяком случае, не выйдет. Капсулы пригодятся в гетто, их не хватает к гранатам. Нагруженный до отказа, он выбрался из вагона, успел задвинуть дверь и перебрался через ровик, направляясь к опушке леса. Но здесь его заметил часовой. Он открыл огонь, ранил Тиктина, и двенадцать вооруженных охранников накинудись на мальчика.

Залмана бросили в карцер. Тем временем Вагнер дал знать в гестапо, всех еврейских рабочих задержали. Вдруг арестованные увидели, что карцер, в котором сидел Залман, взорвался, а сам Залман выскочил и бросился на немцев. Ошеломив их своей дерзостью, он нырнул в ближайшие ку-

сты, а оттуда ринулся к полотну железной дороги, в направлении оврага. Его белая рубашка на фоне зелени оказалась прекрасной мишенью для преследователей. Но Залман бежал зигзагами и успел пересечь полотно и спуститься в овраг. Там он свалился в траву, сраженный несколькими пулями.

Явился Киттель. Узнав, что Тиктин еще жив, Киттель отвез его в тюремный госпиталь. Каждый день Киттель навещал его, привозил еду, сладости, расспрашивал, для кого именно Тиктин похищал гранаты. Но юноша не прикасался к подаркам и не отвечал ни слова на все расспросы Киттеля. Он лежал, отвернувшись к стене, делая вид, что ничего не слышит. Но однажды, когда Киттель особенно настойчиво приставал к нему, он ответил: “Я их похитил, чтобы расправиться с вами. Вы убили моих родителей”.

ЛЕВИЦКАЯ

Кто не слышал в Вильнюсе про певицу Любу Левицкую? Ее концерты и выступления по радио были праздником для слушателей. Она руководила классом пения Виленской консерватории. Москва приглашала ее на концерты.

Некоторое время я ее не видел в гетто. Она скрывалась у своих знакомых музыкантов неевреев в предместье. Когда начались массовые облавы, Люба переселилась в гетто.

В январе 1942 года мы готовили концерт. Я пригласил Любу выступить с еврейскими народными песнями.

Этот концерт невозможно забыть.

Каждое слово, каждый звук вызывали образы погибших. Все забыли, что в любую минуту нас могут окружить и потащить в рвы Понар. Концерт был устроен, конечно, нелегально, без ведома Мурера. Чудесно исполняла Левицкая народные песни, проникнутые всеисцеляющей надеждой и верой.

Прошел год после этого концерта. Люба должна была петь главную партию в тайно готовящейся к исполнению опере. Люба волновалась: как будет звучать ее голос? Когда-то она холила свое горло, в сырую погоду опасалась выходить на улицу. Теперь при уборке казарм она задыхается от пыли. Во время резни в гетто она неделю пролежала в мусорной яме. При втором погроме в гетто она попала в подвал, где Швайнбергер топтал ее ногами, колот кинжалом. Случайно она тогда спаслась. После этого она долго пролежала в госпитале гетто, все харкала кровью.

Когда в гетто открылось музыкальное училище, Люба стала руководить в нем классом пения.

Был канун спектакля; Люба ждет не дождется, когда окончится рабочий день в казарме. Спектакль — это большая радость, а у Любы сегодня еще одна радость. Знакомая принесла ей из города мешочек гороха для старой матери.

С желтым шестиугольником на груди Люба спешит по мостовой.

На Рудницкой она попала на глаза Муреру, проезжавшему на машине. Он задержал певицу, осмотрел жестянку с номером, висевшую на шее, проверил, прочно ли пришиты края шестиугольника, а затем стал ощупывать

платье. Обнаружив мешочек с горохом, он приказал Любе сесть в машину и отвез ее в Лукишкскую тюрьму.

В тюрьме она пробыла месяц. Каждый день из ее камеры отправляли людей на смерть. Люба знала, что в гетто и на вольной воле ей уж никогда не петь. Ее дни, а может быть и часы, сочтены. Зато теперь она пела в своей камере, пела перед своими сестрами, обреченными на смерть, чтобы облегчить их душевные муки.

Вайс, в ту пору начальник зондеркоманды, сам повез ее в Понары. Вайс правил машиной. Рядом сидела его возлюбленная, тридцатилетняя гестаповка из Гамбурга Элен Дегнер.

Миновав проволочные заграждения, окаймлявшие рвы, Элен остановилась и приказала Любе раздеться догола. Люба не выполнила это сразу. Тогда Дегнер обнажила кинжал и пригрозила своей пленнице, что выколлет ей глаза, если она не разделется немедленно... Люба разделась, двинулась нагая вперед, подошла к могиле. Там лежали залитые известью трупы расстрелянных. Сбоку стояли Вайс и Мурер с моноклем в глазу. Элен Дегнер, бывшая студентка Гамбургского университета, улыбаясь, вскинула автомат и длинной очередью перерезала Любу.

МАТЕМАТИК

Молодой Залкиндсон был хирургом. Он слыл первоклассным специалистом своего дела, но интересовался больше всего математикой.

В больнице гетто он сделал ряд сложных операций. Он лечил и оперировал больных, между тем как на улице резали здоровых.

В гетто Залкиндсон начал писать большое исследование по астрономии. Ходить на принудительные работы он отказался: лучше погибнуть, чем своими же руками помогать убийцам. Он отказался и от скудных граммов хлеба и порций конины и ни разу не регистрировался в управлении гетто. Днем он спал, а по ночам бодрствовал. В часы, когда гетто остывало от накала дневного отчаяния, Залкиндсон писал.

На рассвете он любил играть на скрипке: Залкиндсон был неплохим музыкантом.

Когда начались предсмертные судороги гетто, я стал изыскивать способы, как бы спасти математика. Мой приятель Юлиан Янковский, живший в городе, взялся укрыть в специально оборудованном убежище шесть евреев. План состоял в следующем: у Янковского был друг, служивший в полиции, — свой человек, помогавший партизанам. Жил он совершенно один. В его квартире имелась ванная. Дверь этой комнаты решили забить, оштукатурить, пробить в задней стене выход и поселить здесь шесть человек.

В этот же вечер я отправился к Залкиндсону и познакомился с ним. Изложив свой план, я сказал математику, что он один из шести человек, которых хотят укрыть в этом убежище.

— Я еще никогда в жизни не прятался и не укрывался, — ответил он. — Пока я пишу свой труд, смерть надо мной не властна. А когда он будет окончен, мне незачем больше жить.

Залкиндсон достал из жилетного кармана какой-то смятый комочек бумаги и пояснил:

— Цианистый калий.

Помолчав немного, он добавил:

— Если вы обо мне так заботитесь, то прошу вас: передайте этот труд моему учителю математики, пусть сохранит рукопись у себя.

Я взял у Залкиндсона толстые, исписанные тетради, спрятал их и отнес профессору Рудницкому.

Неделю спустя старый профессор явился во двор Еврейского научного института, где я тогда находился на принудительных работах, вызвал меня и сказал:

— День, когда вы принесли мне работу Залкиндсона, самый радостный в моей жизни. Я горд учеником. Передайте ему, что я его сердечно обнимаю, что после войны, когда мир ознакомится с его работой, ее автора оценят по достоинству.

Земля дрожала в гетто. Смерть стала ежедневной гостьей. Молодежь бежала в леса. Пожилые рыли для себя убежища в подполье. Но стены домов часто рушились, хороня заживо укрывшихся. Однажды Киттель окружил гетто пулеметами.

Молодой Залкиндсон пал одной из его жертв.

Объединенная партизанская организация Виленского гетто (ФПО)¹

ПЕРВОЕ ВОЗЗВАНИЕ

Не дадим вести себя, как овцы на заклание!

Еврейская молодежь, не верь обманщикам. Из 80 тысяч виленских евреев уцелело всего 20 тысяч. На наших глазах увели наших родителей, братьев, сестер. Где сотни людей, захваченных городской полицией якобы для отправки на работу? Где женщины и дети, которых полуголыми увели в страшную ночь первой резни? Куда делись все евреи, уведенные из синагог в день Йом Кипура?

Кого увели из гетто, тот никогда больше не вернется, потому что все дороги из гестапо ведут на Понары, а Понары — это смерть.

Понары — это не лагерь. Там всех расстреливают. Гитлер задумал истребить всех евреев в Европе. На нас пал первый жребий.

Не дадим вести себя, как овцы на заклание! Правда, мы слабы и не можем рассчитывать на помощь извне, но единственный достойный ответ врагу — сопротивление!

Братья! Лучше погибнуть свободными борцами, чем покориться и жить по милости убийц. Будем бороться до последнего вздоха!

1 января 1942 года

Виленское гетто

¹ Организация, созданная 21 января 1942 г., называлась на идише “Фарейнингте партизанер организации”. — И. Л.

Так гласил текст первого воззвания¹. Это была молния, сверкнувшая во тьме гетто. Оно было зачитано на собрании инициативной группы, где было также рассмотрено показание учительницы Т. Кац, которая незадолго до этого спаслась из могилы в Понарах. Раненная несколькими пулями, она ночью выбралась из ямы и полуголая приползла в город.

Окровавленную учительницу, которая была всем хорошо известна как разумная, правдивая женщина, привели сюда для того, чтобы еще больше укрепить у всех жажду мести и волю к борьбе.

В гетто с самого начала стихийно возникали группы вооруженного сопротивления.

21 декабря 1941 года во время массовой резни² имел место первый случай активного сопротивления. На Госпитальной в погребе скрывалось двадцать человек. Полиция, носившаяся с топорами и собаками-ищейками, обнаружила эту “малину” и приказала всем выйти из погреба. Люди отказались подчиниться приказу. Тогда Швайнбергер с бандой полицейских ворвался в погреб. Двое невооруженных юношей, Гаус и Гольдштейн, бросились на бандитов.

После борьбы, которая продолжалась около часа, все двадцать человек героически погибли. За их смерть немцы заплатили несколькими изувеченными и тяжело ранеными полицейскими.

На другой день в гетто на стенах домов были расклеены листовки:

Вечная слава Гаусу и Гольдштейну. Вечная слава павшим!

21 января 1942 года на собрании представителей всех партий на чердаке дома по Рудницкой была заложена основа будущей партизанской организации гетто.

На этом заседании после обсуждения главных организационных вопросов был выбран штаб для руководства борьбой в составе командира Исаака Витенберга (кличка “Леон”), Абы Ковнера (кличка “Ури”)³ и Иосифа Глазмана (кличка “Абрам”)⁴. Позднее в состав штаба было включено еще четыре человека.

Своей основной задачей ФПО — “Объединенная партизанская организация” — наметила подготовку вооруженного сопротивления в гетто с целью защитить жизнь и достоинство уцелевшего еврейского населения, проведение саботажа и диверсий в немецких мастерских и предприятиях, связь с партизанскими отрядами, действовавшими в лесу.

Приступили к заготовке оружия и вербовке бойцов. Бойцом ФПО мог быть каждый хорошо проверенный юноша или девушка.

1 Воззвание было написано Абой Ковнером. — *И. Л.*

2 Так называемая “акция розовых ‘шайнов’”. — *И. Л.*

3 Аба Ковнер (“Ури”) (1918–1987) — один из создателей, позднее — командир ФПО. 23 сентября 1943 г., при ликвидации гетто, вывел вооруженных бойцов ФПО в леса, где возглавил еврейскую партизанскую бригаду. После войны — в Израиле, известный поэт, председатель Союза писателей, лауреат премии Израиля за 1970 г. — *И. Л.*

4 Иосиф Глазман (“Абрам”) (1913–1943) — один из создателей ФПО. До войны — руководитель литовского “Бейтара”. В гетто был заместителем командира еврейской полиции, затем из полиции ушел. Руководил первой группой бойцов ФПО, ушедшей к партизанам, и стал командиром еврейского партизанского отряда “Некомэ” (“Мечь”). Погиб в октябре 1943 г. в бою с карателями. — *И. Л.*

Штаб разработал боевую инструкцию. Организация строится на чисто военных началах: первичной боевой ячейкой является “пятерка” — четыре бойца и командир группы; четыре группы составляют отделение с командиром во главе; вся организация делится на два батальона.

Первыми командирами групп были Эдек Боракс (позднее организатор партизанской дружины в Белостоке, где он и пал в бою)¹ и Исаак Мацкевич (погиб, прорываясь с отрядом бойцов из гетто). Во главе обоих батальонов стояли А. Ковнер и И. Глазман.

Наряду с этими основными боевыми частями были организованы особые группы гранатометчиков, пулеметчиков, диверсантов, минеров, разведчиков. В инструкции указывался порядок сбора всех частей в случае экстренной боевой тревоги, тактика борьбы с гестапо, тактика уличного боя в гетто.

Пароль “Лиза зовет!” (Лиза — имя участницы Сопrotивления, героически погибшей в схватке с немцами) был сигналом всеобщего выступления. Услышав этот сигнал, каждый боец должен был немедленно направиться в намеченный, заранее ему известный пункт, увлекая за собой неорганизованную часть населения. Для опознания бойцов были заготовлены отличительные значки: красные жестяные треугольнички.

ОРУЖИЕ

Зимой 1942 года в виленские леса спустились советские парашютисты. Витенберг связался с ними. Так оформилась коммунистическая и партизанская организация гетто, как часть общелитовского партизанского движения. Первым секретарем коммунистической организации в Вильнюсе был Борис Шерешневский.

Борис Гольдштейн — имя юноши, который доставил в распоряжение партизанской организации гетто первый револьвер.

Это было в конце января 1942 года. Гольдштейна погнали в немецкие военные склады в Бурбишки на принудительные работы. Он шел с колонной, насчитывавшей восемьдесят человек. Под усиленной охраной эсэсовцев Гольдштейн вместе с товарищами перетаскивал снаряды и грузил вагоны. В полдень полагалось полчаса на отдых. Рабочие старались использовать это время: незаметно для стражи они выбирались за колючую проволоку и закупали продовольствие у крестьян в деревне, чтобы тайком доставить его вечером в гетто. Гольдштейн искал другое — оружие и патроны. Он прибегнул к хитрости: обмотав левую руку тряпкой, он два раза подряд ходил с этой перевязкой на работу, чтобы жандармы у ворот гетто и эсэсовцы на Бурбишках к ней привыкли. На третий день Гольдштейн подложил под повязку на своей “опухшей” руке револьвер, похищенный в немецком военном складе.

У ворот гетто в тот вечер обыскивал признанный специалист гестапо, которому евреи дали кличку “мастер”. “Мастер” подскочил к Гольдштейну,

1 Эдек (Элиягу) Боракс (1918–1943) — один из руководителей “Ха-шомер ха-цаир” в Вильнюсском гетто. По заданию организации в конце 1941 г. прибыл в Варшаву. Затем участвовал в создании Еврейской боевой организации в Белостоке. 5 февраля 1943 г. схвачен и отправлен в Трeблинку. Точная дата смерти неизвестна. — И. Л.

принялся его ощупывать, но едва коснулся “опухшей” руки, как тот вскрикнул от боли. Гольдштейна пропустили.

С тех пор не проходило дня, чтобы Гольдштейн не доставлял оружия в гетто. Вот он идет, прихрамывая. Товарищи, волнуясь, ожидают его внутри гетто, близ ворот. Ворота сегодня охраняют штурмовики. Они обыскивают очень тщательно. Гольдштейн стоит девятым в очереди. Из первой партии, которая прошла сквозь строй нагаек, половину арестовали. У одних нашли картофель, у других хлеб. Женщин, у которых обнаруживают съестные припасы, раздевают догола и секут на глазах у всех. Впереди Гольдштейна осталось уже только два человека. Если у него найдут оружие, пострадают сотни людей. Гольдштейн это знает. На его счастье, задержали кого-то с мучным “компрессом”. Гольдштейн воспользовался этой заминкой и быстро проскользнул в ворота.

В арсенале ФПО появилась половина дегтяревского пулемета. На следующий день Гольдштейн принес вторую половину пулемета. В течение короткого времени участники партизанского объединения, ежеминутно рискуя жизнью, добыли в немецких складах пять пулеметов, пятьдесят гранат, тридцать револьверов, несколько винтовок и много патронов.

Доставлять оружие через ворота, которые тщательно охранялись, было очень опасно и для непосредственных участников, и для всего гетто в целом. Приходилось прибегать к различным хитростям, маскировать доставляемое оружие. Его проносили в двойном дне ящика с инструментами, в гробу, который направлялся в гетто за покойником, и так далее.

В мае 1942 года командир отделения, техник Самуил Каплинский, вместе с бойцом ФПО переоделся в прозодежду рабочих канализационной сети и взял на ремонтном складе красные сигналы уличного ограждения, которыми пользуются во время производства подземных работ. Напротив охраняемых ворот гетто они расставили эти сигналы, приостановив уличное движение. Крышка канализационного люка была поднята, и в колодец спустили два ящика с оружием. В ту же ночь несколько наших товарищей проникли в ассенизационные каналы, добрались под землей до колодца и на тачке вывезли оружие.

Гранаты, которые удалось доставить в гетто, не имели зажигательных капсулей. Каплинский сделал в мастерской гетто превосходные капсули, и в сентябре 1943 года гранаты были с успехом применены против немцев.

Иногда удавалось подкупать жандармов у ворот. За десять тысяч рублей они согласились пропустить в гетто картофель и соль для голодающего населения. Вместо соли братья Гордон доставили в гетто мешок пороха. Впоследствии этот порох очень пригодился при первой диверсии. Было изготовлено также восемьсот гранат из электрических лампочек, которые начиняли взрывчатым веществом, тайно доставленным в гетто.

Мужество и находчивость проявил при добычании оружия боец первого батальона И. Пиловский. У знакомого сапожника на Липувке он покупал иногда револьверы. Однажды, обвязав вокруг тела приобретенное оружие, он собирался покинуть квартиру сапожника, как вдруг в нее ворвались гестаповцы, чтобы произвести обыск. Пиловский не растерялся, выставил оконное стекло и скрылся вместе с оружием.

Участникам партизанского объединения приходилось скрывать свою деятельность не только от внешнего мира, но и от самого гетто. Широким массам не следовало знать до поры до времени об этой подпольной работе. Перевозка оружия начиналась только ночью, когда движение в гетто прекращалось.

Арсенал ФПО был размещен в подпольях квартир, в погребах, в выдолбленных бревнах. Револьверы хранились в ведрах с двойным дном. Эти наполненные водой ведра стояли открыто в кухне “народной” столовой на улице Страшуна, дом 12.

В просторных погребах на Кармелитской, дом 3, Немецкой, дом 31 и в библиотеке “Общества для распространения просвещения” на улице Страшуна велась военная подготовка и тренировка бойцов ФПО. Преподавали инструкторы организации, которые заранее тщательно готовились и пополняли свои военные знания.

И. Витенберг, никогда в армии не служивший, стал прекрасным военным специалистом, разбирался в любой системе оружия и читал командирам лекции о тактике боя в условиях гетто.

В ФПО участвовал ряд партизан неевреев.

Ирена Адамович, полька по национальности, хорошо знавшая еврейский язык, в течение ряда месяцев доставляла оружие в Варшавское гетто. В марте 1942 года она провела две недели в Виленском гетто. Она нам помогала всем, чем могла. Наш штаб командировал ее в Каунас и Шауляй для организации там партизанских групп.

Ядзя Дудзец, тоже принадлежавшая к польским демократическим кругам, провела продолжительное время в гетто, изготавливая подложные польские и литовские документы для членов ФПО. В своей квартире за городом она укрывала евреев. Позднее, когда наша организация перебралась в лес, квартира Дудзец стала подпольным явочным пунктом для партизан.

Продолжительное время в гетто жил и участвовал в партизанской организации один русский товарищ, который был известен под кличкой “Ваня”. Он вступил в члены подпольной коммунистической организации и позднее стал связистом между партизанским штабом в лесу и партийным комитетом в городе.

Шестнадцатилетний Янек — виленский житель. Он родился на Ятковой улице, и еврейский язык был для него [почти] родным. Когда началась война, Янек ушел из города, направляясь на восток в советский тыл. Близ Минска его ранило осколком снаряда. Были ранены также и двое его товарищей. Они решили вернуться в Вильно, все втроем водворились в гетто и пришили к одежде желтые шестиконечные звезды.

Во время одного немецкого ночного налета Янека схватили и повели с сотнями других на Понары. По дороге ему удалось бежать. Целый месяц он скрывался в городе, но не переставал грустить о своих друзьях. Живы ли они? Если уцелели, то, наверное, разыскивают его. И Янек вернулся в гетто. Из своих друзей он застал в живых только одного, З. Тиктина. Они поселились вдвоем и стали активными членами партизанского объединения.

Одной из первейших задач ФПО было наладить прием радиопередач из Советского Союза. Надо было знать, что происходит на родине, надо

было следить за положением дел на фронтах. С этой целью мы оборудовали тайный приемник на Кармелитской в доме № 3. Политические новости записывали, перепечатывали и в форме бюллетеня распространяли среди членов организации и населения.

Шла зима 1942 года, зима великого советского наступления. Новости бюллетеня окрыляли партизан, вселяли мужество и веру в победу.

Наряду с устройством радиоприемника была предпринята попытка сделать передатчик, чтобы поведать миру чудовищные злодеяния немецких оккупантов.

БОРЬБА НАЧАЛАСЬ

Летом 1942 года немцы начали наступление на Восточном фронте. На железнодорожной ветке Бурбишки шла погрузка фашистских танков. Инженер Исаак Ратнер сконструировал миниатюрный химический прибор, который, будучи положен в бензиновый резервуар танка, через восемь часов взрывал машину. Четырнадцать немецких танков отправились на фронт с такими сюрпризами.

Гольдштейн, который доставил в гетто первый пулемет, работал теперь на военном складе в Бурбишках; он вывел из строя сто сорок пять зенитных приборов. В девяноста пулеметах, погруженных для отправки на фронт, он снял замки.

Когда немцы приказывали евреям, находившимся на принудительных работах, взрывать негодные снаряды, они незаметно подкладывали в яму и новое немецкое оружие, которое одновременно взрывали.

Весной 1943 года на склад прибыл неопытный немецкий резервист. Он плохо знал устройство гранаты; находившийся поблизости инженер Ратнер спокойно сказал растерявшемуся немцу: “Отбрось гранату в сторону, иначе она у тебя сейчас взорвется в руках”. Ратнер нарочно указал направление, где находился замаскированный склад боеприпасов. Последовал огромный взрыв — погибло около полутора миллионов патронов.

На немецкой военной почте работал Т. Гельперин. Доставляя почту на вокзал, он по дороге сжигал и уничтожал тысячи писем и военных пакетов. Немецкие продовольственные посылки он ухитрялся отправлять в гетто и распределять между голодающими.

Семнадцатилетний юноша Лев Дистель, участник партизанской группы, искусный механик, быстро освоил зенитные пушки, которые собирали на немецком складе. С апреля по июль 1942 года он вывел из строя сорок три зенитные пушки.

В самый разгар немецкого летнего наступления 1942 года, когда через виленский узел ежедневно отправлялись десятки эшелонов, Исаак Мацкевич по подложным документам на имя какого-то татарина поступил на вокзал железнодорожным рабочим. Он старательно отмечал движение военных составов и представлял сводки в партизанский штаб.

Немецкий полковник никак не мог понять, почему целые цистерны бензина вытекают по дороге. Он не знал, что еврейский партизанский штаб направил на эти диверсии девятерых своих товарищей.

На станции Безданы, в сорока километрах от Вильнюса, находился концентрационный лагерь, в котором содержались мужчины и женщины из Виленского гетто. Они все работали на добыче торфа близ железной дороги. Три участника партизанской организации, находившиеся в лагере, разработали план разрушения железнодорожного полотна и обратились в штаб за разрешением осуществить задуманное. Штаб направил к ним в помощь партизана Гирша Левина, и 20 февраля 1942 года свыше ста метров железнодорожного полотна на линии Вильнюс — Игналина были приведены в негодность.

Одним из самых деятельных диверсантов был З. Гольдберг, ранее конструктор виленского еврейского техникума. Он работал в авиационных мастерских аэродрома Порубанек и ухитрился похитить важнейшие части и продырявить бензиновые баки в пятидесяти немецких самолетах, доставленных для ремонта.

В актив ФПО надо вписать два больших пожара, организованных на немецких предприятиях. На меховой фабрике “Кайлис” рабочие, члены ФПО, сговорились со своими польскими и литовскими товарищами и в январе 1942 года подожгли правое крыло здания, где в то время находилось шестьдесят тысяч готовых к отправке на фронт полушубков. Во время пожара погибли все полушубки, и кроме того, огонь, охвативший также вторую половину здания, сильно повредил машины и оборудование фабрики.

В “Бензинувке” рабочий Фридман зашел в будку сторожа, дремавшего во время дежурства. Сторож проснулся, лишь когда огонь уже охватил деревянный домик. Пламя тотчас перебросилось на склад бензина, где взорвалось триста бочек горючего. Так как пожар начался в будке сторожа, то гестапо не догадалось, что здесь была проведена диверсия.

Широкая агитация ФПО среди евреев, находившихся на принудительных работах, привела к массовому саботажу на всех немецких предприятиях.

Каждый обитатель гетто, принадлежал ли он к партизанской организации или нет, считал своим долгом вредить немцам, где только мог.

Кроме систематического добывания оружия в немецких военных складах организация покупала его. Для этого требовались большие денежные средства. Мы поставили задачу собрать за месяц полмиллиона рублей.

Четвертое партизанское отделение, которое возглавлял Мацкевич, прибегло к очень рискованной операции. Бойцы отделения ежедневно забирались в немецкие склады военного обмундирования и с помощью товарищей, которые там работали, выносили тюки немецких шинелей, меховых плащей, белья и отправляли все это добро знакомому крестьянину, который взялся его продать. Мы собрали таким образом сорок тысяч рублей.

Наборщик Исаак Ковальский предложил штабу оригинальный план. Он печатает подложные хлебные карточки, продажа которых даст средства, необходимые для покупки оружия. Предложение было принято, и специальная группа занялась получением продуктов по этим фальшивым карточкам. Хлеб и продукты тайком продавались в гетто, и это дало штабу около ста тысяч рублей.

Давид Видуцкий похитил в немецкой конторе денежный пакет с тридцатью пятью тысячами рублей, которые передал штабу.

Денежные сборы производились также и среди населения гетто. Не спрашивая о назначении сборов, люди жертвовали все, что имели. Многие отдавали драгоценные вещи, часто бывшие последним воспоминанием о близких, замученных немцами. Партизан Роткин передал золотые часики, принадлежавшие его недавно убитой жене, заявив: “Мстить мне дороже всего!” Я сам отдал единственную драгоценность, оставшуюся у меня от замученной гитлеровцами матери, — ее обручальное кольцо, которое она мне подарила за день до казни.

Сбор денежных средств производился с такой энергией, что в кассу организации вместо пятисот тысяч скоро поступил миллион рублей.

ДИВЕРСИЯ

Командир партизанской организации гетто Исаак Витенберг пригласил меня к себе. Мы должны были договориться о помощи моему знакомому советскому офицеру, который скрывался в гетто и искал возможностей связаться с партизанами.

Было уже под вечер. Когда мы окончили наш разговор, в комнату вошел член штаба Аба с оружейным мастером Борухом.

— Послушай, Борух, — обратился к нему командир, — я тебя знаю как преданного, стойкого человека. Знаю также, что ты понимаешь толк в оружии. Все игрушки, которые ты чинил, стреляют превосходно. Теперь нам важно знать одно — взорвет ли поезд мина, которую ты изготовил. Это наша первая диверсия. Мы пошлем лучших товарищей. Они ставят на карту свою жизнь. Неудача повлечет за собой много жертв, а полотно после этого начнут так охранять, что пробраться к нему в другой раз будет невыразимо трудно. Я спрашиваю тебя вторично — вполне ли ты уверен, что мина уничтожит эшелон?

— Да, уверен! — ответил Борух.

Аба добавил:

— Раз Борух так говорит, то и я уверен. Нужно готовить диверсию возможно скорее. Мы получили от разведки сведения, что завтра всю ночь через Ново-Вилейку будут проходить эшелоны с грузом. Такой случай нельзя упустить.

На улице раздавались крики. Мы распахнули окно. Женщины бежали с криками по переулку:

— Дети, наши дети!

Их бессвязные вопли, доносившиеся сюда в мансарду, были понятны: женщины оплакивали своих сыновей. Каждый день их гнали на принудительные работы в Ново-Вилейку. Сегодня они не вернулись в гетто. Мурер, проезжая в машине, перехватил их на дороге и велел обыскать. Обнаружили картофель и литр молока. Мурер приказал отвести всех в тюрьму и обрек их на смерть.

— Значит, мы намечаем Ново-Вилейку, — сказал Витенберг, — а теперь...

— Теперь, — перебил его Борух, — я прошу разрешить мне участвовать в диверсии, хотя бы потому, что я сам изготовил мину и хорошо знаю ее устройство.

В комнату вошла связанная Витка Кемпнер; она поддерживала связь с городской партийной организацией. Высокая, стройная девушка, по-мальчишески остриженная, с веснушками на пухлых щеках. Она передала Витенбергу сводку — новости, принятые тайным приемником в гетто, и обратилась к командиру:

— Я знаю, о чем вы спорите, — с полуслова поняла. Всю ночь глаз не сомкнула. Одним словом: я иду на диверсию — это так же верно, как то, что меня зовут Виткой.

Товарищи рассмеялись. Витенберг был серьезен:

— Хорошо, я согласен. А кого дать тебе в помощь?

Аба решил:

— Мацкевича и Браузе.

Была майская ночь 1942 года. Через тайный проход в ограде Виленского гетто юноша и девушка прокрались в город. Оба без желтых заплат, они шли широким тротуаром. Молодой человек уверенно вел свою спутницу под руку, громко разговаривая на немецком языке, чтобы отвести подозрение прохожих.

Надо было торопиться. Уже девять тридцать, а ходить по улицам разрешается только до десяти. Оба миновали Полоцкую улицу и свернули на тракт — это и было нужное направление.

Теперь они шли боковыми тропинками, чтобы проезжавшие машины их не заметили и не остановили. Они уговорились встретиться с Браузе в одиннадцать тридцать у старого дуба, возле бумажной фабрики. Браузе пришел еще на рассвете с рабочими Виленского гетто — они здесь мостили дорогу и перетаскивали камни. У Браузе хранилась мина. Молча двинулись. Вошли в лесок. Мацкевич пополз с девушкой к рельсам. Браузе остался, чтобы в случае надобности прикрыть их ручной лопаткой. Мацкевич подкопал рельс. Ямку он выложил камнями, которые ему подавала Витка. Так наказал сделать Борух, чтобы мину не вдавило в землю при проходе поезда. Уложив мину, они засыпали ее песком и отошли к Вилейке. Речку перешли вброд и остановились у холмика под вербами.

Тишина. Позади деревьев что-то пытит, надвигается все ближе.

— Поезд!

Теперь уже отчетливо видно, что из глубины леса выползает паровоз, а за ним цепь громыхающих вагонов. Десять, двадцать, тридцать... Немецкие песни доносятся даже сюда. Витке показалось, что паровоз уже миновал мину и она не взорвалась; Витка закрыла глаза, боясь поделиться сомнениями с товарищами. Мацкевич был холоден, уверен. Только зрачки впились в одну точку. Он точно помнит, где именно зарыл мину. Паровоз еще не достиг этого места. Но вот уже близко. Скоро это должно случиться.

Шпалы, люди, железо смешались в воздухе...

Двенадцать вагонов, груженных вооружением и немцами, которые спешили в Полоцк, были разнесены в щепы.

Это сделали трое молодых людей из Виленского гетто при помощи мины, которую изготовил Борух Гольдштейн в тайных подвалах на Кармелитской улице.

Ог крестьян, которых утром погнали убирать трупы, мы узнали, что они насчитали до двухсот убитых немцев. Крестьяне тогда подобрали и припрятали немало разбросанного взрывом оружия — револьверов, автоматов, винтовок.

Полтора года спустя, когда наша партизанская организация вырвалась из гетто и засела в лесу, мы вспомнили про автоматы и оружие, которое виленские крестьяне подобрали после этой диверсии.

Мы собрали у крестьян оружие и немецким же оружием стали бить немцев.

СВЯЗЬ С ДРУГИМИ ГОРОДАМИ

Когда наша партизанская организация несколько укрепилась, было решено послать надежных людей в другие города со значительным еврейским населением, чтобы усилить там движение Сопротивления. В Белостокском гетто томилось около сорока тысяч евреев. В Варшавском гетто — около пяти-сот тысяч. Белосточане не верили в массовые расстрелы в Вильнюсе. Варшавские евреи были уверены, что пятьсот тысяч людей нельзя уничтожить.

В феврале 1942 года нам удалось связаться с Антоном Шмидтом¹, мобилизованным в германскую армию. Он отвез в своей машине в Белосток и Варшаву троих наших товарищей: Боракса, Кемпнер и Энтина. Они поведали в Белостоке и Варшаве правду про чудовищное истребление литовских евреев.

Когда Боракс вернулся в Вильнюс и рассказал, с каким недоверием восприняли в Белостоке и Варшаве его сообщения, штаб решил переубедить наших братьев при помощи фактов. Было напечатано воззвание ко всем евреям, проживавшим в районе немецкой оккупации. Воззвание описывало подробности систематического истребления еврейского населения Литвы и Белоруссии, приводило цифры кровавой статистики Вильнюса, Вилейки, Каунаса и Минска.

Всех евреев, подпавших под немецкое ярмо, постигнет одна и та же судьба. Они обречены, и их не могут спасти какие бы то ни было надежды на хозяйственную выгоду, которую немцы извлекают из бесплатного рабского труда жителей гетто...

Везде, где еврейское население подпало под ярмо Гитлера, появятся Понары!
К оружию! Организуйте сопротивление!

Сестры Сарра и Ружка Зильбер отвезли это воззвание в Белосток. С его содержанием ознакомились различные партийные группировки. Воззвание многим открыло глаза.

При возвращении в Вильнюс сестры попали в лапы гестапо и были замучены в лагере смерти.

После них в Варшаву отправилась молодая учительница Х. Гроссман. Она связалась с представителями ППР (Польска партия роботничка).

¹ Антон Шмидт (1900–1942) — австриец, фельдфебель немецкой армии, оказывал помощь евреям Вильнюса. На своем грузовике возил связанных из гетто в Белосток и Варшаву, в начале 1942 г. вывез большую группу членов молодежной организации “Дрор”, во главе с М. Тенненбаумом, в Белосток. Расстрелян в апреле 1942 г. за помощь евреям. — *И. Л.*

В то же время в Белосток был командирован Э. Боракс. В Белостокское гетто прибыла из Варшавы Х. Гроссман, и вдвоем они приняли участие в создании подпольной “Группы борьбы с немецкой оккупацией”. Позднее им удалось связаться с действовавшим в лесах партизанским отрядом. Гроссман и Боракс принимали активное участие в восстании Белостокского гетто. Боракс пал в сражении, Х. Гроссман — одна из очень немногих — уцелела.

В начале 1942 года гебитскомиссар Виленской области доктор Вульф решил приступить к окончательной ликвидации всех еще уцелевших евреев в уездах. Их всех сконцентрировали в Ошмянах, согнав туда еврейское население местечек всей округи: Солл, Михалишки, Свир и других.

Чтобы успокоить собранных в Ошмянах евреев, представители гестапо выдали им всем рабочие удостоверения.

Когда мы узнали об этом, нам стало ясно: все собранные в Ошмянском гетто будут истреблены. Наша организация направила туда партизанку Лизу Магун с целью наладить отправку людей в лес.

Ошмянское гетто было окружено со всех сторон полицией. Однако Лиза все же пробралась в гетто и стала убеждать заключенных, что их ждет неминуемая гибель, что рабочие удостоверения немцы раздадут только с целью усыпить внимание обреченных и что единственное спасение — бежать к партизанам. Ей удалось организовать несколько вооруженных групп, которые пробрались в леса.

По возвращении в Вильнюс Лиза продолжала выполнять задания нашей организации. Однажды ей пришлось явиться в полицейский комиссариат, чтобы зарегистрировать подложные документы. Агенты гестапо узнали ее и арестовали.

В подвалах гестапо Лизу пытали, жгли раскаленным железом, но не добились никаких показаний. Из тюрьмы ей удалось прислать нам записку: “Я хорошо знаю, что меня ждет. Однако не могу примириться с мыслью, что меня поведут в Понары. Я спокойна. Шлю привет всем товарищам. Что слышно в Белостоке? Будьте мужественны! Лиза”.

В память героини ее друзья добыли револьвер, который поступил в склад оружия нашей организации. Чтобы отметить месячную дату со дня ее гибели, партизан Гольдштейн похитил у немца автомат и доставил его в арсенал гетто.

Партизанский штаб сделал имя мужественной девушки боевым лозунгом. Сигналом общей боевой тревоги партизан Виленского гетто стал пароль: “Лиза зовет!”

ПОДПОЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ

В штабе партизанской организации возникла мысль создать подпольную типографию.

В феврале 1942 года наш штаб выпустил на гектографе листовку-воззвание к городскому населению. Мы понимали, что истребление евреев является частью общего гитлеровского разбойничьего плана уничтожения народов Европы. Воззвание призывало к активной борьбе.

Не давайте гнать себя, как овцы на убой. Если врагу придется преодолевать сопротивление всех и каждого в отдельности — никогда не осуществить ему своих злодейских планов.

Становитесь в ряды партизан!

Вредите врагу, где только возможно! Устраивайте диверсии!

Разрушайте дороги, транспорт, заводы врага! Не давайте ему покоя!

Смерть оккупантам!

Союз борьбы с немецкими оккупантами

Вильно, февраль 1942 года

Это воззвание было распространено по всем заводам и предприятиям города. Заслуга распространения листовки принадлежала евреям, которых гнали на принудительные работы. Окруженные штыками штурмовиков, ежесекундно рискуя жизнью, они ухитрились расклеить воззвание на многих городских улицах.

Из гетто ежедневно отправляли на принудительные работы много детей десяти-двенадцатилетнего возраста. Многим из них партизанская организация доверяла важные задания. И с какой сознательностью и самоотверженностью детвора выполняла эти задания! Сотни и сотни прокламаций и листовок распространяли по городу маленькие ручки этих шустрых отважных ребят!

Уже после выпуска первого гектографированного возвания наборщик И. Ковальский, участник нашего партизанского объединения, предложил штабу смелый проект устройства подпольной типографии.

Проект был штабом одобрен.

Вот что рассказывает сам Ковальский об осуществлении своего плана:

По заданию нашего штаба я стал работать в немецкой государственной типографии. Большинство рабочих знали меня еще раньше, и благодаря этому мне удалось одолеть все затруднения.

Я тотчас приступил к выполнению задания. С Соней Мадейскер я договорился, что завтра в двенадцать дня, во время обеденного перерыва, меня будет ждать у ворот человек, которому я должен передать все, что сумею добыть в типографии. Мне сообщили приметы этого человека: среднего роста, в очках, в черном пальто с каракулевым воротником, он будет держать в руках польскую газету “Гонец Цодзенны”.

Точно в назначенное время человек действительно явился, взял у меня пакет и ушел. Вечером в гетто Соня сообщила, что пакет доставлен по назначению и что завтра ко мне явятся уже двое товарищей, дабы забрать побольше. Неделю подряд эти двое товарищей аккуратно являлись в условленное время, и я передавал им пачки с шрифтом и необходимыми приспособлениями. Позднее, во избежание подозрения, стал приходить только один, тот, что явился в первый раз. Это был, как я узнал позже, отважный польский коммунист Ян Пшевальский.

Наши свидания продолжались около месяца. За это время на Замковой улице, дом 15, выросла подпольная типография, снабженная всем необходимым — шрифтом, бумагой, краской, печатной рамой. Добывал и выносил я все из типографии следующим образом.

При разборе уже отпечатанных полос газеты “Гонец Цодзенны” я имел доступ ко всем кассам шрифтов, и никто за мной не следил. Разбирая шрифты, я откладывал все, что могло нам пригодиться. Делать это приходилось на глазах у ста пятидесяти человек.

Встречи с Яном происходили в четыре тридцать вечера, перед моим возвращением в гетто. Однажды я договорился с ним, что он явится на следующий день с большим портфелем, в котором мог бы унести раму, валик, гранку и верстатку. Я положил все эти вещи в типографии в угол и должен был возможно скорее убрать их оттуда.

Раму я привязал к поясу, а все остальные предметы упаковал в макулатуру. У выхода из типографии — неожиданность. Сам директор стоит у ворот. Он спрашивает, что я несу с собой. Отвечаю хладнокровно: “Макулатуру для печи, в гетто нечем топить”. Директор не проверяет меня и пропускает на улицу.

Выхожу на улицу. Сердце стучит. Озираюсь — Яна нигде нет.

Тем временем уже становится поздно — евреям разрешено ходить в городе лишь до шести вечера. Я решаю вернуться в типографию и припрятать в укромном месте свой груз, а затем отправиться в гетто. Но не все делается, как хочется. Директор типографии все еще расхаживает по двору. О возвращении нечего и думать. Я поворачиваю и, нагруженный свинцом и железом, направляюсь в гетто.

По дороге катастрофа. Лопнул поясной ремень, и тяжелую раму я удерживаю через карман пальто. Моя единственная надежда — поскорее проскользнуть в гетто...

Оказалось, что Яну нельзя было прийти ко мне, так как за ним целый день по пятам следовал шпик...

Обеспечив нашу городскую типографию всем необходимым, я приступил к организации второй типографии уже в самом гетто...

В обеих типографиях печатались подпольные газеты, плакаты, листовки на литовском, польском и немецком языках. На польском выходила газета “Штандар Вольношчи”, в которой печатались статьи участников нашего объединения. Позже были привлечены и польские литераторы.

БРАТСКАЯ ДРУЖБА

Уже в первые дни страшного террора, когда немецкие приказы предупреждали, что разговор с евреем будет караться самым суровым образом, много евреев нашли убежище в городе у соседей-христиан. В фашистских газетах неустанно предупреждали крестьян: “Если будете продавать продукты евреям, не ждите пощады от властей”. Однако многие крестьяне нарочно проезжали на своих возах по боковым улочкам, чтобы продавать продукты встречным евреям.

Меня самого долго, с риском для собственной жизни, скрывала литовская крестьянка Янова Бартошевич. Эта добрая женщина привязалась ко мне, как к родному сыну.

Однажды Янова мне рассказала: на Соборной площади она видела виселицу. Трое немцев приволокли какого-то старика и публично повесили.

На груди казненного была прикреплена белая дощечка, на которой черными буквами было написано: “За укрывательство евреев”.

— Меня, — сказала старушка, — они не запугают. Плевала я на них и ихние законы. Назло немцам я буду тебя укрывать.

Я заболел. Янова заставила меня из погреба, где я скрывался, подняться наверх, уложила в кровать в задней комнатке и позвала врача. Врачу она выдала меня за своего сына, сбежавшего с немецкой каторги.

В канун нового, 1942 года муж Яновы спустился ко мне в погреб и просил подняться к ним наверх. Он добыл водки, закуски, но не может притронуться к еде, зная, что я томлюсь в погребе.

За накрытым столом сидел гость, родич старика. Он приехал на праздник из литовского села Видукле. На мой вопрос, что слышно у них в селе, крестьянин рассказал следующее.

В селе проживали около двухсот евреев. Много лет они жили в дружбе с литовцами, как братья. Как только нагрянули немцы, всех евреев собрали и заперли в синагоге.

Сельский ксендз Йонас решил спасти детишек этих несчастных людей. Он вывел тридцать ребят из синагоги и спрятал в костеле.

На другой день явился немецкий комиссар Дитрих и пучком соломы поджег синагогу.

Крики и вопли сжигаемых заживо людей невозможно передать. Два крестьянина не выдержали зрелища этих ужасов и сошли с ума. Третий вышел из себя и крикнул немцам: “Вы звери, а не люди”. Его тотчас пристрелили и бросили в огонь.

Дитрих узнал от одного предателя, что ксендз укрыл детей. Ксендз встал на пороге костела, преграждая путь убийцам. “Если вы убьете детей, то я погибну вместе с ними”. Выстрелом в голову его уложили на месте. После этого немцы бросились на детишек и размозжили им головы о стены костела.

Многие поляки и литовцы укрывали у себя дома евреев. Среди этих мужественных людей мы вспомним имена Яновы Бартошевич, Марии Абрамович, Виктории Бжилевской. Дом последней на Погулянке был убежищем для десятков гонимых. Журналистка Шимайте организовала в городе группу для спасения евреев. Мария Федецкая спасла доктора Седлиса с его семьей, доктора Камай с дочерью и десятки других евреев, снабдила их польскими документами и разослала по деревням к знакомым крестьянам. Профессор Стакаускас укрыл и спас шестнадцать евреев, в том числе доктора Либо с его семьей и девятилетнего художника Самека Бака. Профессор Чежевский спас профессора Феселя с женой и ребенком и учительницу Злату Качергинскую.

Согласно немецкому законодательству, супруги должны были разойтись, если один из них был евреем либо имел предков евреев даже в третьем колене. Супруг-еврей должен был уйти в гетто, а нееврей мог остаться в городе. Дети от смешанных браков — если только отец был евреем — считались еврейскими и должны были находиться в гетто.

Доктор медицины Аксен, поляк, был женат на еврейке. Его жену и троих детей гестапо арестовало и загнало в гетто. Доктор ушел к своей жене. В гетто он научился еврейскому языку и разделил с обитателями гетто их судьбу.

В гетто жил также один донской казак, жена которого была еврейкой. Старая Стася, служанка в семье Липковичей, ушла в гетто вместе со своей хозяйкой. Когда немцы убили ее хозяйку, Стася заменила мать осиротевшим детям.

Певца Ружинского вели на расстрел. Случайный прохожий узнал его. Ружинский был когда-то офицером польской армии. Прохожий служил в том же полку. Увидев, что Ружинского ведут на казнь, он стал упрашивать конвоира отпустить его бывшего командира. Конвоир взял золотые часы и дал себя уговорить. Однако он предупредил, что так как здание гестапо находится поблизости и из окна видно место, где производится расстрел, то для отвода глаз он должен выполнить приказ. Он ответит арестованного к яме и выстрелит над его головой. Пусть Ружинский упадет и пролежит в яме до темноты. А вечером он может незаметно выбраться.

Вечером к яме пришел бывший солдат полка, в котором служил Ружинский, и увел “расстрелянного” к себе домой. Ружинский вышел из ямы совершенно седой.

У солдата он прожил около месяца. Когда в этой местности начались облавы, он с трудом пробрался обратно в Вильнюс и вернулся в гетто. Его жена, русская, пришла к нему в гетто. Она нашла желтую звезду и не расставалась с ним.

По дороге Вильнюс — Вилейка, близ железнодорожной станции “Виленская колония”, находится бенедиктинский монастырь, окруженный железной оградой. Из Кракова туда еще до войны перебрались семь монахинь.

В этом монастыре скрывался член партизанского штаба Аба Ковнер после того, как ему удалось вырваться из рук смерти. Настоятельница, или, как ее называли, “матка пшиорися” предоставила ему отдельную келью.

Настоятельница монастыря была в молодости социалисткой. Она кончила университет в Кракове. Из-за какой-то личной трагедии она удалилась в монастырь. Когда Красная Армия оставила Вильнюс, она укрывала в монастырской келье раненого советского бойца и выходила его.

Кроме Ковнера, она предоставила приют в монастыре также и другим деятелям подпольного движения.

Немцы часто устраивали повальные обыски. В критические моменты настоятельница переодевала своих гостей в монашеское облачение.

Настоятельница как-то пришла в гетто и принесла Ковнеру в условленное место четыре гранаты. Они были новой незнакомой конструкции, и она показала Ковнеру, как обращаться с ними.

Однажды настоятельница сказала Ковнеру:

— Я хочу перейти в гетто, чтобы бороться и погибнуть, если придется, вместе с вами. Ваша борьба — великое, святое дело. Вы, марксисты, отвергаете религию, но, по-моему, у вас есть бог, великий бог. Да поможет он вам.

Позднее, когда настоятельница узнала, что в гетто уже создана боевая группа, она явилась к воротам гетто и попыталась проникнуть внутрь. Полиция у ворот, однако, узнала, что она не еврейка, и ей едва удалось уйти от ареста.

В Вильнюсе существовало два больших лагеря для советских военнопленных и семей советских офицеров, в “дешевых домах” на Субоче и в тюрьме на Антоколе. Евреи, работавшие неподалеку, всячески старались помочь заключенным, хотя по немецким правилам за разговор с военнопленными полагался расстрел.

Через несколько месяцев после захвата Вильнюса, насытившись еврейской кровью, немцы приступили к истреблению военнопленных. С ними обращались не лучше, чем с евреями.

Пленных красноармейцев часто пригоняли в немецкие мастерские на принудительные работы. Многие из них пытались бежать. Партизанский штаб выделил специальную группу, которой поручил снабжать беглецов нужными документами и одеждой, показывать дорогу в партизанские отряды.

В “дешевых домах” на Субоче жили ранее около тысячи евреев. За несколько дней до того, как евреев загнали в гетто, немцы окружили оба дома и перебили всех живущих там. Здания недолго пустовали. Их скоро заполнили женами и детьми советских военнослужащих.

Лагерь заключенных строго охранялся. Входить и выходить оттуда было запрещено. Все же оттуда вырывалась, словно голубь, русская песня. Ее сочинили в лагере, и оттуда она проникла в гетто, где ее частенько распевали.

Впервые я услышал эту песенку в январе 1942 года.

Стояли суровые морозы, гитлеровцев тогда гнали от Москвы. Евреи, работавшие у железной дороги, приносили вечером радостные вести: сколько эшелонов “яблоч” — мороженных немцев — прибыло с фронта.

Немцы в Вильнюсе, как и во всей Литве, объявили сбор вещей для германской армии. Каждый житель обязан был принести в немецкий комиссариат теплую одежду, обувь, валенки, тулуп, шубу, одеяло. В воззвании говорилось, что добровольные жертвователи получают удостоверение за подписью обер-комиссара Рентельна¹ о честном выполнении гражданского долга. Гитлеровцы объявили сбор вещей и в гетто. Но даже обещание удостоверения за подписью самого Рентельна не помогло: добровольные пожертвования не поступали. Тогда немцы прибегли к более радикальным мерам. Они задерживали на улицах мужчин и женщин, снимали с них одежду и раздетыми отсылали домой. По городу стали производить повальные обыски — отбирали все, что находили.

Сортировать, упаковывать и перевозить эти вещи заставили евреев из гетто. В их число попал и я.

Однажды на машине, переполненной доверху тулупами и валенками, я услышал русскую песенку от товарища, который ехал со мной. Он рассказал мне, что женщины и дети, заключенные в “дешевые дома”, погибают от голода и стужи.

¹ Теодор Адриан фон Рентельн (1897–1946) — генеральный комиссар, глава гражданской администрации Литвы (1941–1944). Повешен как военный преступник. — *И. Л.*

— А откуда ты это знаешь? — спросил его ехавший с нами рабочий из гетто.

— Откуда я знаю? Я у них побывал недавно. Пробрался через проволочные заграждения и даже переночевал в лагере.

Грузовик остановился на Поплавах близ дезинфекционной камеры. Мы должны были перетащить туда награбленные немцами вещи.

Нам пришла в голову мысль передать часть вещей в “дешевые дома” голодающим ребятам и их матерям.

Я предложил такой план. Из-под проволочных заграждений вокруг лагеря часто выбираются дети и ходят по соседним домам за подаванием. Нужно связаться с этими ребятами. Я подозвал босого мальчугана и тихонько ему сказал: “Проберись завтра вместе с товарищами сюда и жди наш грузовик. Мы вечером проедем мимо и сбросим, что будет возможно”.

Назавтра нас поджидала ватага детворы. Мы сбросили им десяток тулупов, белье, валенки, шарфы, свитеры, обувь и мешок с продуктами. Его мы приобрели по дороге у крестьянина в обмен на каракулевое манто. Немец, сидевший в кабинке с шофером, ничего не заметил. Шофер знал о нашей проделке. Немец и его охрана не ориентировались в виленских улицах, и шофер нарочно кружил по городу, а прибыв на Субоч, замедлил ход, чтобы мы успели сбросить тюки.

Парнишки быстро и ловко подхватили подарки, зарыли их в снег и ночью перенесли в лагерь.

Эту операцию мы повторяли каждый вечер целую неделю. Пленные в лагере ожили.

Мы получили от заключенных письмо. В нем было написано:

Мы этого не забудем. Придет день, и мы расскажем нашей родине, что в 1942 году в Вильнюсе евреи, обращенные в рабство, подвергаемые мучениям, не забыли о своем советском долге. В те дни, когда разговор с неевреями карался смертью, они, рискуя жизнью, спасали от голода и холода других людей — жертв того же варварского фашистского режима.

КАК МЫ ОТПРАЗДНОВАЛИ 1 МАЯ 1943 ГОДА

Мы тайно собрались в кафе на Шавельской, дом 6. Пришли члены подпольной партизанской организации, молодежь и дети. Все были в белых рубашках и блузах, к которым прикололи красные ленточки. Зал был украшен зеленью и цветами. Их принесла в гетто молодежь, ходившая на принудительные работы, принесла тайно, пряча, когда немцы обыскивали их у ворот. Аромат зелени напоминал узникам гетто о свободе.

Праздник открыл один из наших партизан. Он пригласил всех встать, чтобы придать большую торжественность летучему собранию. Он предложил почтить героев восстания Варшавского гетто, которое началось 19 апреля. “В эти дни, — сказал он, — когда мы празднуем 1 мая, наши братья бьются с врагом в окровавленном, пылающем городе. Близок день, когда и нам придется выступить с оружием в руках. Пусть Варшава послужит нам примером, как надо сражаться с фашистами”.

На собрании был прочитан бюллетень подпольного радио гетто, спели революционные песни, скрипач Рабинович сыграл несколько вещей, а я прочел свое стихотворение “К оружию”.

На нашем празднике присутствовала литовская писательница Шимайте. Она пробралась в гетто, чтобы вместе с нами отметить день 1 мая.

После общего праздника небольшая группа товарищей собралась в комнате у Витенберга. Он рассказал нам о положении на фронтах и высказал надежду, что скоро Красная Армия приблизится к Вильнюсу. “Тогда, — сказал он, — мы взорвем границы гетто, поднимем население и, громя немецкий гарнизон, поможем освобождению родного города”.

ИСААК ВИТЕНБЕРГ

Организатором и вдохновителем партизанской организации гетто, ее командиром и вождем был Исаак Витенберг. Он родился в 1907 году в Вильнюсе, в рабочей семье, окончил еврейскую народную школу, а затем обучился специальности заготовщика. Вечерами он много читал, дополняя свое образование. Умственные интересы Витенберга были очень разнообразны.

Еще юношей он стал участником профессионального движения и вступил в польскую коммунистическую партию. В рабочих массах он пользовался большой популярностью. В 1936 году он состоял членом совета виленских профсоюзов.

Витенберг в 1940 году после образования Литовской Советской Республики стал председателем профсоюза кожевников. Когда началась война, Витенберг не успел эвакуироваться из города.

Для Витенберга настали тревожные дни. Его разыскивали как деятеля коммунистической партии. Приказу о принудительных работах он не подчинился и этим поставил себя в еще более опасное положение. Он скрывался в тесных переулочках гетто и был поглощен одной мыслью: подготовкой вооруженного сопротивления немецким оккупантам. Витенберг был смел и умен. Любой вопрос — а при немцах порой возникали очень драматические коллизии — он разрешал спокойно, со свойственным ему хладнокровием.

Заместитель Витенберга как-то сказал мне: “Исаак — один из самых искренних людей, которых я когда-либо встречал. Больше всего меня поражает в нем его умение необыкновенно просто и умно анализировать действительность”.

Витенберг стоял на той точке зрения — и ее полностью разделял весь штаб, — что партизанская организация должна защищать обитателей гетто внутри самого гетто. “Если мы, — доказывал Витенберг, — уйдем из гетто, то тем самым обречем на смерть его население”.

Когда возник вопрос о соединении с партизанским отрядом, действовавшим в лесу, Витенберг заявил:

— Когда станет известно, что немцы намереваются истребить гетто, мы призовем всех к борьбе и прорвемся в лес.

Витенберг разработал план прорыва, который предусматривал одновременно с уходом из города поджог всех немецких военных объектов.

Этот план Витенберга считался оперативной установкой штаба до 16 июля 1943 года.

9 июля 1943 года были арестованы некоторые члены городского комитета партии. На другой день в гетто явился Киттель и потребовал выдачи Витенберга¹. Он узнал, что Витенберг возглавляет отряд в пятьсот вооруженных евреев гетто.

Для доказательства, будто Витенберг нужен только для допроса, Киттель арестовал некоего Авербуха и после допроса тотчас освободил его. «Пусть, — заявил Киттель, — Витенберг тоже явится, мы его допросим и отпустим».

15 июля 1943 года, в час ночи, полиция ворвалась на заседание юденрата, на котором присутствовал Витенберг, арестовала его и заковала в кандалы.

Однако у ворот гетто Витенбергу удалось при содействии нескольких членов ФПО вырваться и бежать. Тут же была объявлена всеобщая мобилизация участников партизанской организации.

На рассвете 16 июля в гетто поступил немецкий ультиматум: Витенберг должен явиться к шести часам вечера, в противном случае из Каунаса будут вызваны самолеты, которые сожгут гетто со всеми его обитателями.

Киттель добавил в своем ультиматуме, что если Витенберг явится в гестапо, он будет после допроса немедленно освобожден.

В гетто началась трагическая распря. Часть жителей требовали дать отпор притязаниям Киттеля и во что бы то ни стало отстоять Витенберга.

Штаб постановил: Витенберг должен явиться, чтобы спасти гетто.

Он распрощался с товарищами, назначил своим преемником члена штаба А. Ковнера и направился к воротам гетто. Киттель уже поджидал у ворот гетто свою жертву, усадил Витенберга в машину и отвез его в гестапо.

Витенберга отдали на расправу Максусу Гросу, специальному следователю гестапо по партизанским делам.

На другой день труп командира валялся во дворе гестапо. Волосы на голове были сожжены, глаза выколоты, а руки, связанные за спиной, перебиты.

Гибель командира отразилась самым пагубным образом на организации. Решение штаба о том, что Витенберг должен добровольно сдать, дабы спасти двадцать тысяч евреев гетто, было роковой ошибкой.

15 июля в ответ на ультиматум Киттеля следовало немедленно выступить с оружием в руках.

«ЛИЗА ЗОВЕТ»

С каждым днем все явственнее чувствовалась надвигающаяся ликвидация гетто. 1 августа 1943 года были сняты с работы все евреи, занятые в ста пяти немецких мастерских и предприятиях. Две тысячи человек направили на аэродром Порубанек и приблизительно столько же на железную дорогу. Когда они явились на новое место работы, их окружил отряд гестапо и стал загонять в заранее приготовленные вагоны. Рабочие пы-

¹ Киттель потребовал ареста И. Витенберга 8 июля, после того как в конце июня были арестованы секретарь горкома Ю. Витас и член комитета В. Казлаускас, который под пытками выдал Витенберга. — *И. Л.*

тались сопротивляться, началась борьба, в которой погибли около трехсот человек. Остальных насильно загнали в вагоны и 5 августа отправили в эстонские концлагеря. По дороге несколько десятков арестованных все же ухитрились бежать: они подпилили доски пола в вагоне и выбросились на ходу.

В гетто прибыл приказ: семьи всех отправленных в Эстонию должны “добровольно” последовать за ними в лагерь. Если кто-нибудь откажется или скроется, будут взяты его соседи. Очередной транспорт евреев был собран и отправлен в Эстонию.

1 сентября 1943 года явился Нойгебауер и объявил: отныне никто не имеет права выходить из гетто, работы будут производиться в пределах самого гетто. А так как шестнадцати тысячам человек на этих работах делать нечего, то шесть тысяч он направит в Вайвари и Ригу. Там требуется рабочая сила. Чтобы усыпить подозрения, Нойгебауер огласил несколько писем, полученных якобы из Вайвари, в которых ранее отправленные описывали хорошие условия работы.

Штаб ФПО тотчас мобилизовал всю организацию. Немедленно сформировали батальоны. Собрали пулеметы, бойцам раздали револьверы и гранаты и стали ждать приказа о выступлении.

Первую баррикаду соорудили на Госпитальной улице, но еще до того, как ее успели достроить, налетели орды полицейских и захватили в плен группу бойцов.

Потерпев неудачу в этой первой попытке, штаб подготовил оборону по улице имени Страшуна, у дома 12, где была выстроена вторая баррикада. Когда немцы приблизились, по ним открыли огонь. Полиция тотчас вызвала подкрепление, и сотни бандитов открыли сильнейший обстрел баррикады и дома. Командир Шейнбойм¹, который вел огонь по немцам из углового окна, упал мертвым на руки своих товарищей. Его заменила партизанка Ружка Корчак.

Встретив ожесточенное сопротивление, немцы подложили динамит и взорвали здание, под развалинами которого погибли около ста человек.

После этого немцы стали взрывать подряд все дома, откуда стреляли. Одновременно гестапо захватило сотни евреев в “малинах” и отправило на огороды по улице Росса, где уже был подготовлен транспорт для отправки в Эстонию.

Ежедневно из гетто уводили людей. Сегодня немцы забирали только мужчин, завтра только женщин. Нойгебауер ни за что не разрешал женщинам уезжать со своими мужьями или близкими. Многие женщины остригли волосы, оделись в мужское платье и только таким способом добились “счастья” уехать в Эстонию.

Многие члены партизанской организации находились в это время в забаррикадированном доме №6 по улице имени Страшуна, в библиоте-

1 Иехиель (Илья) Шейнбойм (1914–1943) — деятель молодежного сионистского движения. Организовал в гетто отдельную боевую организацию — “боевая группа Йехиель”, — которая ставила перед собой задачу формирования партизанских групп для отправки в лес. Первая группа бойцов, ушедшая из гетто в партизаны, была из этой организации. Весной 1943 г. она вошла в ФПО на правах отдельного батальона. См.: Рольникайте М. Я должна рассказать. Вильнюс, 1965. С. 102–103. — И. Л.

ке “Общества распространения просвещения”. Все стояли на постах в полной боевой готовности, ожидая приказа открыть огонь. Но гестаповцы так и не дошли до дома № 6 по улице имени Страшуна. 4 сентября, после того как из гетто за несколько дней было вывезено около восьми тысяч человек, банды гестаповцев получили приказ покинуть гетто.

12 сентября 1943 года вечером мне вместе с еще тридцатью товарищами удалось вырваться из гетто. Я направился по заранее указанному маршруту — встретиться мы должны были у хутора Маркучай. Проводником всех групп была Зельда Трегер. Она жила в городе, ходила по улицам без желтой звезды и указывала нашим бойцам маршрут, следуя которому можно было избегнуть встречи с жандармами. Трегер носилась по городу, как вихрь. Каждые два часа она забегала в гетто и сообщала новости.

В 10 км от города, пересекая железнодорожное полотно, мы выдержали первое столкновение с врагом. Потеряв одного товарища, мы прорвались через немецкую охрану и углубились дальше в лес...

В гетто немногочисленное, еще уцелевшее население забилося в “малины”.

На улицах валялось много трупов, и гестапо дало разрешение похоронить их на кладбище. Наши бойцы воспользовались этим, уложили в гробы пулеметы, вывезли на Зареченское кладбище и закопали в условленном месте.

23 сентября 1943 года в девять часов утра в гетто приехал Киттель и официально объявил, что гетто ликвидируется. До двенадцати дня все должны подготовиться к отъезду в эстонские концлагеря. Выхода не было, и немногочисленные, еще оставшиеся в живых жители гетто стали собираться в дорогу. Последняя группа бойцов ФПО, не успевшая выбраться из города, очутилась в тупике: у них не было ни пулеметов, ни возможности прорвать полицейский кордон. Двести бойцов с небольшим количеством оружия спустились в канализационные трубы, чтобы оттуда уйти за город к Рудницкой пуще — основному центру партизанского движения.

Вход в канализационные трубы был на заводе по Немецкой, дом 31. Под большой изразцовой печью открывался люк прямо в ассенизационный коллектор, о котором никто не знал, кроме нашего штаба. Бойцы спускались туда группами под руководством канализационных рабочих — тоже членов ФПО, которые хорошо знали дорогу. Ползти приходилось на коленях в самой гуще нечистот, держа в зубах оружие и документы. Четыре часа продолжалось это странствие по подземному аду. По особой системе условных сигналов передавались указания о том, свободен ли путь впереди и куда свернуть. Когда приходилось останавливаться, уровень жидкости в трубах поднимался и доходил до шеи. Позднее выяснилось, что это вызывалось остановкой группы людей — они загораживали течение. Одна из групп по дороге заблудилась и не знала, куда ей дальше двигаться. Повернуть назад было трудно, а в некоторых местах даже невозможно, потому что при движении против потока нечистоты заливали бойцов с головой. Люди теряли сознание, сходили с ума, а один даже покончил с собой. При этом надо было соблюдать полную тишину, потому что звуки могли по люкам проникнуть наверх и их могли услышать немцы.

Бойцы добрались наконец по трубам до Игнатъевского переуллка. Здесь в доме № 5, во дворе литовской уголовной полиции, был назначен выход

на поверхность земли. Партизан должны были встретить Соня Мадейскер, проживавшая по подложным документам в городе, и двое литовских полицейских, с которыми мы были связаны. Промокшие, грязные партизаны с трудом выбрались из узкого замаскированного отверстия и направились в погреб, чтобы вымыться. Бойцов попарно выпускали на улицу, приказав направиться в Субоч, на старый хутор. Город был наводнен жандармами и агентами гестапо. По пути у некоторых партизан произошли стычки с полицией, но все-таки все пробились за город, вырыли на кладбище хранившиеся там пулеметы и уже с оружием, как настоящий партизанский отряд, двинулись к Рудницкой пуще.

ПОГИБШИЕ ГЕРОИ

Вместе с последней группой бойцов из гетто выбрались по канализационным трубам два члена штаба — Янкель Каплан и Абрам Хвойник, а также наша разведчица Ася Биг.

На углу Большой и Рудницкой, возле кино “Казино” их задержал немецкий патруль. Жандармы потребовали предъявить документы. В ответ на это партизаны выхватили револьверы и стали стрелять. Возле кино толпилось много немцев и среди них несколько видных чиновников гестапо. Пулей Каплана был убит Макс Грос¹, кровавый палач гестапо, ведавший делами партизан. Вместе с ним погиб крупный чиновник каунасского гестапо. Каплан, Хвойник и Биг успели всадить все свои пули в немцев.

В своей ненасытной жажде мести они пожалели оставить для себя хоть бы по одному патрону. Все трое живыми попали в руки полиции.

Их доставили на огороды гестапо.

Киттель воздвиг там три виселицы: для учителя Янкеля Каплана, адвоката Абрама Хвойника и двадцатилетней студентки Аси Биг.

Киттель собственноручно повесил всех троих: Каплана и Хвойника по бокам, а посередине молодую Биг².

Когда гетто уже было ликвидировано, а партизанская организация обоживалась в лесу, в городе осталась жить по подложным польским документам светлая героиня революционного Вильнюса Соня Мадейскер.

В первые дни оккупации, когда общественная жизнь в городе замерла, а ярость немцев обрушилась с особой силой на евреев, Соня была одной из немногих сохранивших присутствие духа. В гетто она организовала комсомол, связалась с городскими рабочими, стала одним из самых активных работников подпольного городского комитета партии. Одновременно она работала в редакции нелегальной газеты “Штандар Вольношчи”.

После провала членов городского комитета партии Соня начала еще энергичнее работать в подпольной организации. Под ее руководством ушли в лес и влились в ряды литовской партизанской бригады сотни бой-

1 Макс Вальтер Грос служил в отделе гестапо Вильнюса, занимавшимся борьбой с партизанами. По другим данным — не убит, а жил после войны в ФРГ. — *И. Л.*

2 Яков Каплан (1907—1943), Абрам Хвойник (1907—1943) — члены штаба ФПО, Ася Биг (1922—1943) — связанная штаба. 23 сентября их повесили вместе с Гиршем Левиным, часовщиком, на месте сбора евреев гетто, на ул. Субоч. — *И. Л.*

цов ФПО, которым в связи с ликвидацией гетто уже незачем было оставаться в Вильнюсе. Сама Соня выполняла задания и по-прежнему жила в городе.

После закрытия гетто немцы оставили в концлагерях около трех тысяч евреев. В один из этих лагерей “Кайлис” Соня наведывалась каждое воскресенье, организовала там несколько групп партизан, снабдила их оружием и отправила со специальными проводниками в лес.

Вместе с Соней работал Янкаускас Юлиан, бывший директор фабрики “Плакатас”. В своей квартире он укрывал не одного еврея и добыл немало оружия для партизанской организации.

Постепенно Юлиан втянулся в подпольную работу. Он организовал актив из литовских рабочих и перетянул на сторону партизан даже нескольких полицейских. Свою внешность Юлиан изменил, отрастил себе длинную бороду и перебрался на Зареченскую, где в маленькой замаскированной комнатке жила Соня. Оба очень любили жизнь и светлый мир, во имя которого они боролись с немцами.

За несколько месяцев до освобождения Вильнюса Красной Армией многочисленный отряд гестаповцев оцепил Зареченскую улицу, и десятки немцев ринулись к дому № 3, где жили отважные подпольщики.

За их головы гестапо уже давно объявило большую награду.

Они мужественно защищались; убили несколько полицейских.

Но вскоре пал Юлиан, сраженный пулей. Последнюю пулю Соня прибегла для себя; к несчастью, она была только ранена. Гестапо поместило ее в госпиталь, вылечило и попыталось добиться нужных сведений. Когда эти попытки оказались безуспешными, ее отвезли в подвалы гестапо и сдали там в руки заплечных дел мастеров.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ В ЛЕСУ

Бойцы гетто перебрались в лес. Здесь они сконцентрировались на двух базах: у озера Нарочь и в Рудницкой пуще. Отряд “Некомэ” (“Мечь”) у озера Нарочь недолго оставался чисто еврейским: бойцов распределили по другим частям партизанской бригады под командованием полковника Маркова. Нарочь находится довольно далеко от Вильнюса — свыше ста километров. Евреи-партизаны, естественно, тяготели к своему родному городу, и десятки бойцов ушли в литовские отряды, как, например, в отряд “Вильнюс”.

Много виленских евреев отправились также из Нарочи в Рудницкую пущу (в сорока километрах от Вильнюса), где уже тогда воевали четыре еврейских отряда. Они состояли из бывших членов ФПО, прорвавшихся из гетто по трубам канализации. Эти отряды находились под руководством бригадного командира Юргиса (Зиманас).

Два еврейских отряда — “Борьба” и “Смерть фашизму” — тоже слились с литовскими частями. Чисто еврейскими партизанскими отрядами остались только два: “Мститель” и “За победу”. Командиром первого из них был Аба Ковнер.

Самуил Каплинский, бывший инструктор ФПО, стал командиром второго отряда — “За победу”. Он добыл оружие для всего отряда; бойцы отряда любили и уважали своего командира.

В обоих отрядах было свыше двухсот бойцов. Операции разрабатывались одним общим штабом.

Обеспечив себя в первые же три месяца необходимым оружием, оба отряда провели ряд боевых операций. Они организовали три крушения немецких эшелонов. Во время первого было пущено под откос двенадцать вагонов вместе с паровозом. При втором крушении было уничтожено шесть переполненных немцами вагонов. Крушение на железной дороге Вильнюс — Ораны стоило жизни двум сотням гитлеровцам. В Жагарине и близ Даргучей бойцы сожгли три моста. В Олкениках они взорвали немецкий завод и помогли разгромить и уничтожить немецкий гарнизон большого укрепленного села Конюхи.

Когда отряд “Мститель” раздобыл тол и значительное количество пулеметов, началась “рельсовая война”. Партизан Исаак Рудницкий на своем личном счету имел двенадцать взорванных эшелонов на ширококолейных путях и три эшелона на узкоколейных. Вместе с четырьмя товарищами он принял участие во взрыве электростанции в Свенцянах. Его группа привела в штаб четырех пленных гитлеровцев и освободила партизана Семенова, захваченного фашистами.

Витка Кемпнер, героиня первой диверсии в Вильнюсе, в лесу показала, на что она способна. В октябре 1943 года с чемоданом, наполненным взрывчаткой, она за одну ночь прошла пешком сорок километров, пробралась в Вильнюс и взорвала городскую электростанцию с важнейшими трансформаторами. В следующую ночь она проникла в концлагерь “Кайлис”, вывела оттуда шестьдесят заключенных и доставила их на партизанскую базу. В отряде “Мститель” Витка организовала группу разведки. Она лично принимала участие в диверсии близ станции Ораны, вместе с пятью товарищами подожгла завод в Олкениках, произвела взрыв двух паровозов, уничтожила два моста. Особенно она отличилась в бою под Дайнавой, во время которого захватила в плен двух агентов гестапо и сама привела их в штаб.

В ноябре 1943 года Витка Кемпнер получила задание доставить в городской партийный комитет важные документы. По дороге ее задержал немецкий патруль и направил под вооруженной охраной в гестапо. Мужественная девушка не растерялась и, уловив благоприятный момент, бежала.

Другой партизан, Григорий Гуревич, убил из засады двенадцать немцев, которые ехали в двух машинах. Он захватил при этом значительные, по нашим тогдашним масштабам, трофеи: десять автоматов и немецкий пулемет. Пулемет он оставил для себя, изучил его устройство и стал превосходным пулеметчиком. Вместе с Гуревичем сражалась и его мать — тридцатидевятилетняя женщина. Они вдвоем ходили на задания, сидели в засадах. Они совместно истребили восемнадцать немцев. Однажды мать с сыном были окружены многочисленным патрулем. Начался неравный бой. Мать Гриши расстреляла все свои семьдесят пять патронов и успела швырнуть в приближавшихся фашистов пять гранат. Сраженная пулей, она упала возле своего сына. Потрясенный смертью матери, Гриша прыгнул на убийцу и дулом пулемета размозил ему череп. Раненому Грише удалось вырваться из окружения. Он переплыл реку и долго полз по болоту, пока наконец не свалился без чувств. Проходивший мимо пастух заметил его и сообщил партизанам. Гришу подобрали и доставили на базу. Вылечившись, он стал

вновь ходить со своим пулеметом на задания и, мстя за гибель матери, взорвал два немецких эшелона.

Не посрамил в лесу чести нашей организации и ее активный участник Хаим Лазар. В бою с немецким мотоотрядом он лично застрелил троих офицеров. Весь фашистский отряд был перебит и рассеян маленькой группой партизан. 23 апреля 1944 года во время подготовки железнодорожной диверсии у Лазара в руках взорвалась мина и оторвала ему кисть правой руки.

Зельда Трегер восемнадцать раз прорывалась сквозь немецкие кордоны, поддерживая связь партизанского отряда с городской партийной организацией. На базу она никогда не возвращалась с пустыми руками. Трегер проникала в концлагеря и выводила оттуда обреченных людей. Из города она перетаскала к нам десятки винтовок. Четыре раза она попадала в лапы врага — один раз к белополякам, которые подстерегали в окружающих лесах партизан, особенно евреев. Никогда не изменявшее ей хладнокровие помогло ей и на этот раз вырваться из лап смерти и выполнить задание до конца.

Не меньшие заслуги перед партизанским движением имеет Дина Ройзенвальд, одна из лучших связисток и разведчиц нашего отряда.

А Роза (Ружка) Корчак? Эта скромная, тихая девушка всегда вызывалась первой на самые рискованные задания как в гетто, так и в лесу. Как не вспомнить начальника разведки отряда “Мститель” Хонона Магида, который всегда знал о каждом шаге врага? Кто забудет Ньюсю Лубоцкую, Леву Левина, Рувима Рабиновича, Тэвье Гальперина, Борю Шерешневского, Исаака Ковальского? Эти мужественные, стойкие юноши и девушки десятки раз были на волоске от смерти.

Много смелых, чистых, отважных полегли в рудницких и нарочских лесах. Вечная память и слава их светлым именам!

Мы упомянем еще о двух братьях — Дане и Име Лубоцких — сыновьях известного виленского педагога В. Лубоцкого.

Во время боев в гетто Даня попал в плен. Десять дней его пытали в гестапо. Оттуда он попросил родителей прислать ему яду. Я вспоминаю, как старик Лубоцкий, совершенно разбитый, пришел ко мне за советом — как поступить. “Жена, — рассказал он, — за то, чтобы послать сыну яд: пусть он меньше мучится”. Но сам отец не мог решиться на это — отравить собственного сына!

Прошло несколько дней, и Даня появился в гетто. Ему удалось сбежать буквально в последнюю минуту, когда его уже вели на казнь. Но недолго радовались родители. При ликвидации гетто вся семья попала в лапы к Киттелю. Один только Даня смог вырваться и пробиться в лес к партизанам. Там он встретил своего брата Иму, который с отрядом партизан спасся по канализационным трубам.

Даня стал командиром третьей группы отряда “За победу” и выделялся своей исключительной отвагой. Он пылал жаждой мести, буквально не мог усидеть на месте и беспрерывно ходил на задания.

В конце декабря 1943 года Даня, узнав, что в одном из сел появился крупный агент гестапо, отправился с группой партизан на охоту за фашистским зверем. При осаде дома, в котором забаррикадировался немец, Даня был тяжело ранен. Его доставили в лагерь, и там он скончался.

В тот же день после ожесточенного боя вернулся Има. В лагере хоронили его брата. Юноша стоял у могилы, опираясь на винтовку, и горячие слезы капали из его глаз.

Через несколько дней Има отправился с группой партизан уничтожать телеграфную линию противника. Один из столбов оказался заминированным. Раздался взрыв, и Има вместе с горсточкой бойцов был буквально разорван на куски.

Оба брата навеки успокоились в дремучем Рудницком лесу.

Во время ликвидации гетто часть наших бойцов, еще не успевших вооружиться, была схвачена и загнана в концлагерь, а некоторые отправлены в Эстонию. В лагере учитель Лев Опескин и актер Яков Бергольский организовали партизанскую группу, которая добыла оружие и завязала сношения с партизанской базой в лесу.

10 июля 1944 года специальная команда эсэсовцев окружила лагерь и открыла по заключенным евреям огонь из пулеметов. Партизаны начали ответную стрельбу. Благодаря этому неожиданному для немцев сопротивлению более ста заключенным удалось прорвать окружение и убежать в город, где они надеялись спастись — Красная Армия уже была совсем близко.

Опескин и Бергольский пали в этом бою.

Бойцы гетто, позднее партизаны в литовских и белорусских лесах, во время боев за освобождение Вильнюса вместе с передовыми частями Красной Армии ворвались в свой родной город и атаковали забаррикадировавшихся немцев.

ПОСЛЕДНИЙ АКТ ТРАГЕДИИ

Когда число жертв Понар уже перевалило за сто тысяч, из Берлина прибыл приказ: сжечь все трупы убитых. Одновременно была прислана специальная тайная инструкция с подробными указаниями, как организовать сжигание трупов.

Немцы знали, что фронт приближается, чувствовали, что рано или поздно их выгонят из города, и стремились замести следы своих ужасных преступлений.

Рабочую силу для этого страшного дела Вайс отобрал из заключенных виленских тюрем и доставил их в Понары.

Подземелье, куда их загоняли на ночь, было метров двадцать шириной и около четырех метров высоты. Стены выложены камнем — одна плита вплотную прилегала к другой. Внутри несколько отделений — одно для продовольствия, и две узкие длинные камеры с нарами вдоль стен. Сверху эта подземная тюрьма была закрыта тяжелыми бревнами и засыпана камнями и землей. Открытыми немцы оставили только два отверстия, куда можно было спускаться по двум лестницам. Одна предназначалась для заключенных, другая — получше и удобнее — для немецкого начальства, если ему понадобится спуститься вниз.

Всего собралось восемьдесят человек — из них семьдесят евреев, девять русских военнопленных и один молодой поляк из деревни Лешник, который был арестован за то, что укрывал маленькую еврейскую девочку Лиечку.

“Бункер” огородили колючей проволокой, окружили со всех сторон минным полем, которое в свою очередь было оцеплено еще одним проволочным заграждением. Вдоль ограды стояли часовые с автоматами. Ноги всех работавших заковали в цепи.

Всего сожгли 56800 трупов, и это была лишь половина жертв Понара.

Исаак Догим¹, один из немногих спасшихся из этого ада, рассказывает:

Первой была вскрыта массовая могила жертв “ловцов”. Она находилась в 150 м от Гродненского шоссе. Что в ней похоронены жертвы именно этого периода, мы догадались по полотенцам и мылу, которые были у каждого расстрелянного. (Арестованным евреям тогда приказали взять мыло и полотенце, так как они едут якобы на работу.) Все расстрелянные — молодые мужчины с желтой звездой с буквой J посередине. У большинства руки связаны за спиной и завязаны глаза.

Мы насчитали в этой могиле 10 тысяч трупов, среди них около 500 военнопленных; попадались и священники в черных рясах. Трупы были уложены рядами и залиты кровью.

Вторая могила была наполнена жертвами резни 1 сентября 1941 года: мужчины, женщины и дети. Почти у всех мы находили ключи от квартир — люди думали, что они еще вернутся к себе домой. В этой могиле насчитали 9500 трупов.

Третья массовая могила относилась к периоду ликвидации второго гетто, то есть к ноябрю 1941 года.

Здесь стало впервые заметно, что бандиты расстреливали свои жертвы определенным приемом — сзади, в затылок. В этой могиле мы насчитали 10400 трупов. Почти ни на одном детском трупе не было пулевых ранений. Судя по высунутым языкам, детей, видимо, закопали живыми.

В четвертой, самой большой, массовой могиле находилось 24 тысячи трупов. Большинство погибли в период “желтых удостоверений”. В этой могиле были похоронены и неевреи: священники, монахи, поляки, какой-то немец в мундире и много советских военнопленных.

В пятой могиле, недалеко от ворот, лежали 3500 женщин и детей — все голые, с пулями в затылке.

В шестой могиле насчитывалось 5 тысяч трупов, все без одежды.

В отдельной могиле покоились политзаключенные Лукишкской тюрьмы. Их оказалось 51 человек. Я узнал среди них своего шурина Самуила Шаца, которого арестовали в гетто по обвинению в коммунистической пропаганде.

В двух других могилах находились убитые во время “ковенской акции” 5 апреля 1943 года — женщины и дети, все совершенно голые.

В свежих могилах были похоронены погибшие после ликвидации гетто, а также найденные в “малинах”.

За время нашей работы в Понарах неоднократно привозили партии людей для расстрела. Так, однажды доставили 400 евреев из Вайвари, позднее 30–40 поляков и 15 цыган.

Во время этих расстрелов работы прерывались. Нас загоняли в “бункер”, где мы должны были ждать окончания казни.

¹ Догим после войны жил в Израиле. В известном документальном фильме К. Ланцмана “Шоа” он, а также Мотл Зайдель рассказывают о Понарах. — И. Л.

Вопли и стоны казнимых проникали даже сквозь каменные стены нашего под-земелья.

При сжигании трупов я однажды наткнулся на свою семью: жену, мать, трех сестер и двух племянников. Жену я узнал по медальону, который я ей подарил в день свадьбы. Когда труп жены уже горел на костре, я незаметно снял с ее шеи этот медальон. Две маленькие фотографии на внутренней стороне крышки были уничтожены пламенем.

ПОДКОП И ПОБЕГ

С первого же дня, как рабочие очутились в подземном заключении, они поняли, что их судьба предрешена. Бежать невысказано: стерегут каждый шаг, к тому же все закованы в цепи. Подземелье окружено двойной оградой колючей проволоки, а пространство между обоими рядами проволоки заминировано. Выйти из подземелья можно только по узкой дорожке, которую охраняет часовой с автоматом в руках. Вдоль всей ограды расставлены вооруженные эсэсовцы. К тому же в “бункер” каждые полтора-два часа спускается специальный патруль, который проверяет целостность кандалов на заключенных. Для штурмфюрера тут дело идет о его собственной шкуре. Он не может допустить побега, не может допустить, чтобы уцелел хоть один свидетель. Когда восемьдесят заключенных закончат свою работу, штурмфюрер их расстреляет, сам сожжет трупы на костре и уедет в Берлин. Этот день приближается. Обершарфюрера Фидлера он на днях уже пристрелил. Фидлер знал слишком много, да и стал уже не нужен.

Несмотря на все эти непреодолимые, казалось бы, преграды, в подземелье “бункера” нашлись люди, которые не переставали думать о побеге.

Шлейма Голь и Исаак Догим сговорились с советским военнопленным инженером Юлием Фарбером, привлекли еще троих заключенных, и вместе они приступили к рытью туннеля длиной в тридцать — тридцать пять метров. Этот туннель должен был пройти под проволочной оградой и под минированным полем и закончиться на опушке соснового леса.

Работали только по ночам.

Подкоп начали вести из каморки для хранения продовольствия. Там выкопали колодец глубиной в два с половиной метра. На дне колодца начинался самый туннель. Никаких инструментов в подземелье у рабочих не было. Рыть приходилось голыми руками, заостренными палками и даже ложками. Около десяти метров туннеля они вырыли ложками! Вынутую землю рассыпали под нарами, под полом, а к концу работы — между досками, которые перегородивали “бункер”. С каждым днем пол все больше подымался, но, к счастью, подземелье имело несколько метров высоты и этого никто не замечал.

Чтобы туннель не обрушился, по всей его длине пятеро заговорщиков — позже к ним присоединились и другие — расставили подпорки, не раз им грозила опасность быть погребенными заживо, но жажда жизни была так велика, что побеждала все препятствия.

Догиму удалось даже провести в туннель электрический свет. Ток шел от будки немецкого часового, к которой тайно присоединялись при помощи замаскированного провода.

Самым трудным при рытье туннеля было найти правильное направление, чтобы не напасть на рвы с мертвыми телами, жертвами немецких “акций”. Путем разных ухищрений удалось у немца стащить компас. Инженер Фарбер сделал тщательный план и с большой точностью определил, как выйти из бункера, миновав рвы. Важно было, кроме того, устроить выход на поверхность не очень близко от будки часового.

После трех месяцев напряженной работы туннель был готов.

15 апреля 1944 года в четыре часа ночи, после того как патруль, производивший очередную проверку, покинул подземелье, Догим разбудил всех заключенных.

Все были разбиты на десятки, с командирами во главе. Еще за несколько дней до побега заключенные маленькой пилкой перепилили на кандалах кольца; вместо них цепи соединили проволокой. Это делало незаметным произведенную операцию для глаз охраны и давало возможность — в случае надобности — легко освободиться от оков. Теперь этот момент наступил.

Первым спустился в туннель сам Догим. За ним потянулись десятками, с командирами впереди, все остальные. Догим перерезал осветительные провода и стал пробивать выход на поверхность.

Свежий воздух хлынул в туннель. Издали виднелся багровый пламень костра.

Неподалеку от пробитого отверстия патрулировали немецкие часовые. Вначале они ничего не слышали, потому что заключенные шли босиком и ступали очень осторожно. Но неожиданно раздался хруст — кто-то из беглецов наступил на сухие ветки. Часовой почувствовал неладное и открыл огонь. Тотчас в небо взвились ракеты и осветили все кругом.

Беглецы кинулись в лес. Они прыгали через ямы, через проволоку, а вдогонку неслись пули. Многие были убиты, и до партизанского отряда в Рудницкой пуше добрались лишь одиннадцать человек¹.

Автор — А. СУЦКЕВЕР

Перевод с еврейского — М. Шамбадал и Б. Черняк²

-
- 1 Всего из Понар спаслись тринадцать человек: одиннадцать попали к партизанам, а двое сумели перейти линию фронта. — И. Л.
 - 2 Рукописный перевод см.: д. 956, лл. 74–116. В д. 957 (лл. 1–169) хранится перепечатанный текст очерка на листах с колонтитулом “Журнал ‘Октябрь’”, в котором публиковался этот текст А. Суцкевера. Вероятно, этим можно объяснить, что при подготовке верстки 1947 г. в текст Суцкевера правка практически не вносилась. Один из немногочисленных примеров находим в разделе “Подпольная типография” (после первого предложения): “Это было особенно важно в ту пору — в начале 1943 г., когда в городе еще не было организованного антифашистского движения. Польская националистическая организация, выпускавшая листок (заголовок не был перепечатан), непрерывно выступала против Советского Союза и партизанского движения” (д. 957, л. 106). — И. А.

Шауляй (Шавли)

От редакции

Документ, значительная часть которого помещена ниже, представляет собою явление исключительное. Писать дневник в условиях гетто было чрезвычайно трудно и опасно. Каждую минуту тайна автора могла быть открыта немцами, и тогда ему угрожало немедленное уничтожение вместе с заветными тетрадями.

Ерушалми уцелел после всех многочисленных немецких “акций”. Ему удалось сберечь свой дневник.

А. Ерушалми был членом юденрата. Следовательно, он принадлежал к небольшой группе наиболее осведомленных людей в гетто, он знал все, что делается в гетто, и часто заранее узнавал, что готовят немцы.

Едва вступив в город, немцы вводили расистские законы, устраивали еврейские погромы, создавали гетто, обрекали на уничтожение десятки и сотни тысяч людей — от грудных младенцев до глубоких стариков. Но прежде чем уничтожить их, они хотели получить от своих жертв все, что возможно. Они отнимали у них все достояние, все имущество. Они заставляли их непосильно работать. А для удобства грабежа и эксплуатации они создавали иллюзию еврейского самоуправления. Юденрат, назначенный немцами из числа наиболее известных в городе лиц (раввинов, врачей, юристов, ученых), был ответственен за порядок и санитарное состояние в гетто, за раздачу голодного пайка, за выполнение всех законов и распоряжений немецкой власти. Разумеется, отказ от должности члена юденрата грозил немедленной и жестокой смертью. Под постоянной угрозой члены юденрата должны были помогать своим палачам и стать предателями народа. Однако нередко члены юденрата использовали свое положение для борьбы с немецким террором, предупреждали население о готовящихся репрессиях, вступали в контакт с подпольщиками гетто и партизанами.

Когда немцы потребовали, чтобы шауляйский “юденрат” привел пятьдесят евреев гетто на расстрел, члены его единодушно отказались выдать кого бы то ни было, предпочитая погибнуть самим.

¹ Лазарь (Элиэзер) Ерусалимский (Ерушалми) — учитель, автор дневника о Шауляйском гетто, частично вошедшем в “Черную книгу” и изданном в Тель-Авиве на иврите в 1959 г. В 1944–1945 гг. по просьбе Ильи Эренбурга собирал и присылал в Литературную комиссию “Черной книги” свидетельства об истреблении евреев. Затем жил в Израиле. В письме Эренбургу из Вильнюса от 12.02.1945 (подписано “Л. И. Ерусалимский”) он подтверждал готовность “стать сотрудником “Черной книги” и рассказал историю создания своего дневника (его поручил вести юденрат 23.11.1941) и его сохранения. См.: д. 960, лл. 126–128. Машинописный вариант очерка см.: д. 954, лл. 53–74, 75–122. — И. А.

Документ, значительная часть которого помещена ниже, представляет собой явление исключительное, быть может, единственное. В условиях гетто вести дневник, делать более или менее регулярные записи было чрезвычайно трудно. Пишущий прежде всего подвергался огромной опасности: в случае обнаружения его труда были бы уничтожены и сами записи и автор их. Письменных принадлежностей, а часто и света не было, не было никакой изоляции, необходимой не столько для сосредоточения, сколько для предосторожности (в каждом помещении находилось по несколько семей, нары стояли в несколько этажей), не было ни времени, ни сил (они уходили на изнурительную работу и на поиски еды). Лишенные всякого общения с внешним миром, обитатели гетто питались слухами и ложью своих палачей. Дневник при таких условиях грозил превратиться в регистрацию смертей, между тем обреченные хотели хоть на минуту забыть, что смерть грозит им самим. Наконец, невозможно было предположить, что дневник может сохраниться после смерти его автора: обречены были все, постоянно производились обыски, гетто в конце концов взрывались, и если бы автор нашел укромное место, чтобы вовремя спрятать свои записи, тайну этого места он унес бы с собой в могилу.

Вот почему мы обычно имеем дело с воспоминаниями, а не с летописями, которые велись бы день ото дня.

В порядке редчайшего исключения в данном случае уцелели и дневник, и его автор. Однако ценность дневника не исчерпывается этим. А. Ерушалми — учитель средней школы с многолетним стажем. Благодаря своему культурному уровню он сумел выделить подлинно значительные факты и описать их с историческим беспристрастием, никогда не переходящим ни в бесстрастие, ни в крик нестерпимой боли. Он — не обвинитель, он действительно летописец. Однако он, разумеется, не мог забыть, что сам обречен, что обречены его близкие, его соплеменники. Но он понимает, что факты возмущают человеческую совесть больше любых слов и рассуждений.

Ценность дневника не ограничивается и этим. А. Ерушалми был членом “юденрата”. Следовательно, он принадлежал к небольшой группе наиболее осведомленных людей в гетто, он входил в непосредственные отношения с немцами, знал все, что делается в гетто, а не только обстановку одного помещения, часто заранее узнавал, что готовят немцы, располагая порою секретными сведениями, не доходившими до остальных, и т. д.

Здесь следует объяснить, что такое “юденрат”.

Приходя в город, немцы начинали с погромов и с введения расистских законов. Еще до создания гетто уцелевшие после первых погромов евреи оказывались в совершенно изолированном положении среди остального населения. Они подчинялись особой юрисдикции, вернее — особому произволу. Немцы никогда не говорили, что уничтожат всех евреев, они это делали — и делали исподволь. Прежде чем уничтожить, они хотели получить от своих жертв все, что возможно: не только достояние, но и труд. Поэтому для

1 Текст “От редакции” подвергся значительной идеологической переработке, поэтому публикуется целиком и его первоначальный вариант.

большого удобства как в отношении грабежа и эксплуатации, так и в отношении административном немцы создавали иллюзию еврейского самоуправления. Они назначали из числа наиболее известных в городе лиц (раввинов, врачей, юристов, ученых и т. д.) “юденрат” (еврейский совет) и делали его ответственным за порядок и санитарное состояние в гетто, за раздачу голодного пайка, за выход назначенного количества людей на работу, одним словом, за выполнение всех законов, распоряжений и фантазий немецкой власти. Разумеется, отказ от должности члена “юденрата” грозил смертью, а за выполнение своих обязанностей члены “юденрата” отвечали своей жизнью. Их положение, таким образом, было трагичным. Под постоянной угрозой они должны были помогать своим палачам. Они были посредниками между обитателями гетто и немцами, передатчиками немецких распоряжений. Их деятельность заслуживает сурового осуждения. В то же время многие члены “юденратов” пытались всеми возможными средствами облегчить положение своих товарищей по несчастью, спасти приговоренных, спасти женщин, детей, больных. Однако даже удававшееся спасение было только отсрочкой.

Нельзя забывать, что немцы пытали евреев не только физически и не только страхом, но и надеждой. После каждого убийства, а иногда и перед ним объявлялось, что оно — последнее. Стремление уничтожить евреев поголовно неизменно отрицалось, отрицалось с негодованием и с угрозами по адресу “распространителей злостных слухов”. Постоянно давались обещания облегчить судьбу евреев. Многие евреи вначале тоже не могли допустить мысли о том, что на уничтожение обречены миллионы их соплеменников, а в случае захвата новых стран — и весь народ. И Шавельский “юденрат” вынужден был вести ту политику, при которой правая рука не знает, что творит левая: выполняя приказания немцев, пытаться уберечь других от фактического выполнения этих приказаний, то есть от смерти.

Это не удалось Шавельскому “юденрату”. Это и не могло удаться: ничто не могло поколебать гитлеровцев в намерении уничтожить попавших к ним в руки евреев.

Смерть не пугала членов Шавельского “юденрата”. Когда немцы потребовали, чтобы “юденрат” привел пятьдесят евреев гетто на расстрел, члены его единодушно предложили, что явятся сами, но категорически отказались выдать кого бы то ни было. А. Врушальми был среди тех, кто, не колеблясь ни минуты, принял это решение.

О. САВИЧ

Гетто

Уже на следующий день после оккупации немецкой армией Шауляя (Шавли), 28 июня 1941 года, евреев начали гонять на принудительные тяжелые работы.

Евреев выбрасывали из продуктовых магазинов, сгоняли с тротуаров и зверски избивали.

В понедельник 30 июня и во вторник 1 июля немцы произвели массовые аресты евреев. Как разбойники они врываются в еврейские дома и арестовывали каждого, кто им попадался.

Во время арестов произошло много грабежей. За эти два дня было арестовано до тысячи евреев².

В субботу 5 июля вновь произошли массовые аресты. Многие из тех, кому раньше удалось спастись, были в этот день изъяты. При этом немцы отбирали все ценные вещи и одежду.

15 августа 1941 года³ начали переселять евреев в гетто.

Были назначены комиссии по переселению. Каждая комиссия состояла из председателя, нескольких членов и, благодаря ходатайствам юденрата, из одного члена-еврея. Среди литовских членов комиссий были и полицейские. Комиссия контролировала имущество переселяемых. Провизию можно было взять в ограниченном количестве. Контролируя вещи, комиссия выдавала каждой семье билет с указанием переселиться в течение двадцати четырех часов в Кавказский район.

В первую очередь должна была переселиться Виленская улица, затем Тильзитская и так далее. В Кавказский район была втиснута такая масса людей, которую еврейская администрация никак не могла устроить. Кавказский район был похож на маленькое местечко во время пожара. Улицы, дворы, переулки были забиты всяким скарбом, сотнями людей, среди которых было много женщин, стариков, больных и детей. Все они валялись днем и ночью под открытым небом, воздух оглашали вопли и крики. Но никто не мог им помочь. Когда Кавказский район был переполнен до отказа, уполномоченный Станкус⁴ разрешил присоединить к гетто и Трокский район.

Вначале Трокский район должен был охватить, кроме переулков Гинкунского, Падирского, Жилвичского и Эжерского, также большую часть Трокской улицы. Позже район был сужен, и из Трокской улицы остались

1 В начале дневника опущены фрагменты о преследовании евреев "литовскими партизанами": "партизаны вообще изводили евреев", "агитация против евреев была чудовищной" (ГА РФ, д. 941, лл. 48-58). — *И. А.*

2 Многие из них были расстреляны в лесу под Кужяй. — *И. Л.*

3 Переселение евреев в гетто происходило с 25 июля до 15 августа. — *И. Л.*

4 Антанас Станкус — капитан литовской армии до 1940 г. В 1941-1943 гг. — заместитель бургомистра Шауляя, уполномоченный по делам евреев. — *И. Л.*

за гетто только два дома. В течение двух дней переполнился и Трокский район.

На улицах этого района разыгрывались душераздирающие сцены — такие же, как в Кавказском районе.

Возник вопрос о новом районе для гетто. Этим районом должен был быть Кальнюкас. Улицы здесь были отделены, жители района были оповещены о том, что им надлежит быть готовыми к переселению. Но население Кальнюкаса всеми силами противилось, не желая оставлять свои жилища. Оно посылало делегации к организовавшейся тем временем немецкой гражданской власти. К тому же возникло еще одно обстоятельство: на Кальнюкасе стоял дом самого Станкуса. Поэтому литовские жители Кальнюкаса писали Станкусу: “Если Кальнюкас будет отдан евреям, то пусть Станкус предоставит им и свой дом”¹.

В субботу 30 августа Станкус обещал еврейским представителям отдать им Кальнюкас. Он просил только не разглашать этого решения. В синих билетах была уже сделана пометка: “Переселить в Кальнюкас”. А в понедельник 1 сентября стало известно, что Кальнюкас не будет предоставлен евреям. Надо отметить, что в это дело вмешались уже немецкие гражданские власти.

В тот же день делегация, состоящая из адвоката Абрамовича, Картуна и Лейбовича², направилась к бургомистру. Бургомистр вначале не хотел их принимать. Он встретил их на пороге своего кабинета и сказал: “Чего вы от меня хотите? Идите в свой юденрат!” Делегатов, однако, такой прием не смутил. Они чуть ли не силой ворвались в кабинет бургомистра, и тогда произошел следующий разговор:

Делегаты. Мы пришли просить Кальнюкас.

Бургомистр. Это невозможно!

Делегаты. Но где же нам жить?

Бургомистр. Вам придется потесниться, обосноваться в сараях, пока еще тепло.

А потом мы вас обеспечим бараками.

Но бургомистр уже и тогда хорошо знал, что бараки построены не будут. Он упомянул о Жагоре³ и укорял делегатов в том, что они сразу же не согласились с планом поселения в Жагоре.

Теперь каждый день работало шесть комиссий. Председатели их получили новые полномочия — определять места переселения каждого из евреев: в гетто или в “синагогу” — “синагога” писалась вместо вычеркнутого “Кальнюкас”. “Синагога” означала или молельню или богадельню, обитатели которой к тому времени были уже целиком переведены в Жагор. Из всех комиссий своими зверствами выделялась первая, возглавляемая

1 Дом Станкуса находился на ул. Капу, 4 (район Кальнюкаса). — Прим. Л. Лифшица, бывшего узника Шауляйского гетто (далее — Л. Л.).

2 Мендель Лейбович (1899–1944; погиб во время бомбежки 22 июля 1944 г.) — председатель юденрата Шауляйского гетто (до апреля 1944 г.). 24 июля последние евреи города были высланы в концлагерь Саласпилс, оттуда в Штуттоф и Дахау. Советская армия вошла в Шауляй 27 июля. — И. Л.

3 Жагоре — городок в 65 км от Шауляя. — И. Л.

Люберским. Люберский сознательно отправил многих евреев в “синагогу”¹ — то есть на тот свет.

Отношение других комиссий к евреям стало тоже гораздо суровей. Контроль стал строже, вещи отбирали без счета, и в “синагогу” были отправлены свыше тысячи человек.

Во вторник 2 сентября началось переселение. Намеченные молельня и богадельня были полны. Мужчин, женщин, стариков и детей втиснули в небольшое тесное помещение. Присесть негде было. Арестованным не давали ни пищи, ни воды, люди изнывали от голода и жажды, а сторожа никого не выпускали. В среду 3 сентября М. Лейбович и А. Кац посетили богадельню и были ошеломлены представившейся их взору картиной: изможденные лица, одичавшие от паники и мук, простертые руки и душераздирающие крики: “Спасите нас! У нас ни крошки хлеба, ни капли воды! Спасите!”

Члены юденрата побежали к уполномоченному Станкусу и просили смилостивиться над арестованными. Станкус обещал облегчить их участь. Были посланы чиновники для регистрации арестованных по возрасту, полу и роду занятий. Регистраторы заявили, что перепись проводится в целях определения площади для регистрируемых.

Регистрация была проделана в большой спешке, списки были составлены в двух экземплярах и переданы Станкусу в кабинет, куда никого не впускали. Члены юденрата видели, что в кабинет Станкуса вошли известные палачи и списки были переданы им. Члены юденрата ворвались в кабинет и, стуча кулаками по столу, потребовали от Станкуса ответить: куда отправляют евреев из “синагоги”?²

Станкус был пьян, он промычал:

— Не спрашивайте! Не знаю! Это против моей воли!

В четверг М. Лейбович пошел в богадельню. Во дворе была подозрительная тишина — люди были уже вывезены! Он попытался проникнуть вовнутрь, но охранник закричал: “Убирайся вон отсюда”.

Лейбович, однако, видел, как палачи делят между собой оставшееся еврейское имущество.

Члены юденрата договорились с уполномоченным по еврейским делам о том, что богадельня и сиротский дом останутся в гетто. Уполномоченный даже согласился вернуть часть обитателей богадельни, вывезенных в Жагор. Для сиротского дома был намечен большой дом на Трокской улице. В городе были сделаны все приготовления к переводу сиротского дома в гетто. Юденрат был так уверен, что сиротский дом будет переведен, что посоветовал одной приехавшей в Шауляй еврейке, за отсутствием места в гетто, поместить туда троих своих детей.

Перевод должен был состояться в сентябре. Осталось проделать разные формальности. Назначенный день прошел, но формальности закончены не были. В семь часов вечера в гетто вдруг распространился слух, что сиротский дом уже вывезли. Оказалось, что в тот же день, 6 сентября, в шесть часов тридцать минут к сиротскому дому подъехал грузовик, и ре-

1 Евреев собирали в три синагоги: 1) городскую (главную) по ул. Варню; 2) сельских торговцев по ул. Вильняус; 3) дома престарелых (богадельни) по ул. Вильняус. — Л. Л.

2 Из синагог всех вывезли в Кужай и расстреляли. — И. Л.

бятam, а также учителю Кацу и экономке, велено было сесть в машину. Вещей брать с собой не разрешили, даже одеться как следует не дали. Машину сопровождала полиция безопасности. Машина ушла и быстро вернулась обратно. Погибли сорок три ребенка, экономка и учитель Кац. Среди них — трое детей Кацман из Цитавиан. Несчастливая женщина с большим трудом спаслась от цитавианских преследователей. В гетто она на первых порах не имела пристанища и по совету юденрата определила троих своих детей в сиротский дом. Ее старшая дочь была редкая красавица, и цитавианские разбойники пожалели ее и оставили в живых. В Шавлях ее красота не остановила убийц.

В воскресенье 7 сентября в гетто пришла комиссия во главе с пресловутым Люберским (председателем первой комиссии при переводе в гетто) и провела регистрацию. Обитатели гетто — и стар и млад, — не подозревая ничего худого, регистрировались. При регистрации многие сбавляли годы.

Прошло несколько дней, гетто уже позабыло о регистрации. И вдруг в среду 10 сентября, после полудня, в гетто въехали грузовики с вооруженными полицейскими. Прежде всего оцепили дом на Падирсю, №2, и вывели оттуда несколько семей: гражданку Файнштейн с двумя детьми, гражданку Волков с двумя детьми, гражданку Смиг с ребенком, жестянщика Александровича с женой (мужья большинства женщин были в городе на работе), и всех увезли. Затем полицейские пошли по гетто со списком, по которому собирали стариков и старух, и их тоже увезли. Часто вместе со стариками забирали и молодых. Все это продолжалось недолго, часа два-три, и было так ошеломительно, что люди не успели понять, что, собственно, произошло. Были случаи, когда дети добровольно шли со своими родителями, хотя они в списке и не значились. Автомобили уезжали переполненные и вскоре возвращались пустыми. Это наводило на мысль, что людей выгружали недалеко от Шавель. Когда вернувшийся Файнштейн узнал, что произошло с его семьей, он побежал к штабслейтеру Шредеру. Его жена имела при себе разрешение, но так растерялась, что не предъявила его. Файнштейн пытался догнать своих. Он отъехал несколько десятков километров по направлению к Жагору, куда их якобы должны были вывезти, но уже не нашел их. Тогда стало ясно, что их увезли туда, откуда нет возврата. В этот день из гетто среди других вывезли заслуженного учителя Элизера Гольдштейна, шестидесятилетний юбилей которого праздновала шесть лет назад Шавельская еврейская гимназия, где он самоотверженно работал с 1920 года. Его взяли вместе с женой. Была увезена также учительница Тайбеле Шнейдер вместе со своим стариком-отцом.

На следующий день, в четверг, вывоз начался в девять часов утра. День был дождливый. Палачи ходили из дома в дом и разыскивали стариков по списку. Многие из обреченных заблаговременно спрятались и таким образом спаслись. Среди них был и пишущий эти строки. Его вовремя предупредили, и он с женой и двумя детьми пробрался огородами и спрятался в одном доме. Позднее он был вычеркнут из списка. В этот печальный день вывезли профессора музыки, долголетнего преподавателя Шавельской древнееврейской гимназии Мойше Кравеца с женой. Через несколько часов в гетто распространился слух, что вернулся один бежавший и что

он находится в семье, оставшейся в городе. Туда направился член юденрата М. Лейбович и узнал страшную правду: всех вывезенных доставили к роще возле Буби¹ и там, у заранее приготовленных ям, убили. Сам бежавший был ранен, но выбрался из ямы. Позднее пришел еще один беглец и все это подтвердил.

13 сентября началась новая регистрация обитателей гетто и раздача желтых паспортов. Во главе регистраторов оказался все тот же Люберский. Все гетто прошло перед ним, а он по своему усмотрению решал судьбу каждого: выдать ли ему желтый паспорт, или “вывезти”. Люди готовились заранее: старики либо скрывались, либо маскировались, красили волосы, разглаживали морщины, остригали бороды. Никогда еще не было такого наплыва клиентов у парикмахеров, и никогда еще парикмахеры не видели такой клиентуры: стариков, больных, замученных и отчаявшихся людей. Далеко не всем удалось обмануть председателя, и многие были сразу же из канцелярии отправлены в “синагогу”. Сотрудники юденрата “протащили” много “подозрительных” паспортов. Особенно отличился Бургин. Он собирал у стариков синие билеты, тайком передавал их на стол канцелярии и через окно подавал регистратору, который заканчивал оформление документов. Таким образом удалось спасти многих. Но на следующий день председатель спохватился и стал следить строже. Бургина он прогнал и пригрозил ему “синагогой”. Ему он вручил желтый паспорт лишь к самому концу раздачи. В этот день в гетто приехал уполномоченный Станкус.

Увидев, что делается в гетто, и страшась голода, многие из обитателей его устремились² в деревню. Заключали с кулаками договоры, нанимались к ним в батраки. Договоры давали на подпись уполномоченному по еврейским делам, а тот со своей стороны добавлял к условиям особые пункты: хозяин обязан наблюдать за своим рабочим евреем, обязан представить его по первому приказу в распоряжение полиции и так далее.

Договор передавался на утверждение арbeitsамту. Заручившись такими надежными документами, люди со всем своим скарбом уезжали к крестьянам в деревню. Однако прошло несколько дней, и начальник округа отдал приказ “виршайтисам” (старосты сельских округов) выселить всех евреев из деревень. Пишущий эти строки был одним из тех, кто поехал в деревню. Он законтраковался у крестьянина Йонаса Александраса и перебрался в деревню со всем своим имуществом. 18 сентября он выехал, а 23-го уже был приказ о выселении. Вахмистр задержал приказ до 24-го. Автор этих строк пытался сначала выпросить себе отсрочку хотя бы на один день. Однако ничто не помогло. Он должен был наспех собраться, большую часть вещей оставить у крестьянина и уехать в город. Там пришлось вещи сдать на “проверку”. То, что было оставлено в полиции для проверки, на следующий день обнаружено не было — все было разграблено. Такая же участь постигла всех людей, пытавшихся спастись в деревне. Все они вернулись “освобожденными” от имущества.

1 Бубяй — курган в 14 км от Шауляя, у его подножия в сентябре 1941 г. были расстреляны 500 человек. — *И. Л.*

2 Евреев, по приказу А. Станкуса и начальника уезда Норейки, раздали крестьянам как батраков. — *Л. Л.*

4 февраля 1943 года. Сегодня поступило требование от конторы труда ("Арbeitsamt") о доставке к следующему дню 200 мужчин и об увеличении контингента работающих на аэродроме.

На объединенном совещании юденрата и его комиссии труда долго обсуждали, откуда взять требуемых людей, но ни к чему не пришли. Невольно встал вопрос: куда девались 480 мужчин, работавших летом на торфе? На нынешний день работают на торфе 100 человек, на аэродроме — 100, в лагере в Линкайчай¹ — 85 человек, на железной дороге — 50, в Страла — 20, всего 355 человек. Куда же девались свыше 100 рабочих? Оказываются, стали инвалидами. Большая часть заболели пороком сердца, у многих образовалась грыжа, остальные заболели фурункулезом, гангреной и так далее. У половины женщин прекратились регулы, они опухли.

6 февраля 1943 года. События бегут с кинематографической быстротой. Близится день избавления². Вместе с тем возрастает опасность.

Гебитскомиссар спросил литовского уполномоченного в комиссии труда юденрата Идзелиса, не стали ли евреи в последнее время чересчур наглыми.

22 февраля 1943 года. Вчера какой-то еврей шел по тротуару и был задержан у полицейского поста гетто вахмистром Велкшитсом. Он обругал еврея и при этом сказал: "Вы полагаете, что, если приблизятся русские, вы сразу выйдете на свободу? Ошибаетесь, вы до этого не доживете, мы вас раньше переждем".

19 марта 1943 года. На кожевенной фабрике занято до 200 еврейских рабочих³. Из гебитскомиссариата пришло предписание уволить часть рабочих якобы за нарушение распорядка рабочего дня. С большим трудом удалось добиться отмены распоряжения. Однако руководитель работ Зилель обошел все отделения и пристально всматривался в лица рабочих, словно намечая наиболее изнуренных к увольнению.

27 марта 1943 года. Присутствовавший при расстреле в тюрьме 23 марта рассказал, что выведенная на казнь женщина-еврейка с ребенком сильно сопротивлялась и не давала себя убить. Ее кинули в яму вместе с ребенком, но она выскочила оттуда. Тогда еще раз столкнули в яму и расстреляли из пулемета вместе с ребенком.

29 апреля 1943 года. Полуофициально открылась народная школа гетто в Трокском районе, в помещении синагоги, на балконе площадью 18 кв. метров. Школа работает с 9 до 16 часов.

Обучаются 90 детей, в 4 группах, каждая по полтора-два часа в день.

1 Линкайчай — оружейный завод литовской армии до 1940 г. — И. Л.

2 Автор дневника имеет в виду победу Красной Армии.

3 По другим сведениям — 500. — И. Л.

В Кавказском районе гетто школа открылась 5 июля, также в помещении синагоги, на площади в 20 м². Занятия происходят от 7 до 20 часов. Там в 7 группах обучаются 200 детей.

Инициатива организации школы принадлежит члену юденрата А. Геллеру и секретарю А. Ерушалми.

Стоит отметить, что несмотря на тяжелые условия жизни, детишки с радостью бегают в школу, учатся охотно и со вниманием. 35–40 детишек сидят, а то и стоят, тесно прижавшись друг к другу. В классе — никакого шума, но в этой тишине гетто словно ожило.

Работа ребят на огородах также оправдала себя. Организованные в несколько групп дети обработали все огороды юденрата, теперь они заняты на прополке и охране огородов. 12-летние чувствуют себя взрослыми и выполняют свои обязанности не хуже взрослых.

4 мая 1943 года. Сегодня Шавельское гетто пережило тяжелый день. Еще до обеда 2 полицейских, стоявших у ворот гетто, намекали на то, что им поручено строжайшим образом проверять всех входящих и выходящих из гетто. В обеденное время служащий гебитскомиссариата Папен застал Зиселя Шварца в доме одного литовца. На вопрос: “Что ты тут делаешь?”, еврей ответил: “Зашел поесть”. Папен записал его фамилию и спросил, где он работает. Шварц ответил, что вместе с несколькими другими еврейскими рабочими грузит картофель для лагеря в Бачюнах.

Затем Папен, уже в обществе гебитскомиссара¹ и пользующегося печальной известностью Шривера, явился в гетто. Он стали проверять колонны, возвращающиеся с работы. Непосредственно обыск производили полицейские Струпкус и Юргатавичус. Последний избивал рабочих и работниц и вел себя самым наглым образом.

Через ворота Кавказского гетто прошли сотни людей. Всех ощупали и у 15 нашли контрабанду: куски хлеба, картофелины, немного мяса, щепотку табака и прочее. “Провинившихся” поставили на колени, а затем отвели в тюрьму. Только двоих мальчиков, которые попались с картошкой, гебитскомиссар освободил, приказав членам юденрата хорошенько “вздуать” их. Детей отвели в гетто. Впоследствии гебитскомиссар не забыл справиться, хорошо ли их “вздули”.

Из Кавказского гости отправились в Трокское гетто и здесь вызвали к себе рабочих, занятых на погрузке картофеля. Всех затем отпустили, кроме Шварца.

Из гетто они отправились на “торжественную встречу” рабочей колонны, возвращавшейся с аэродрома. У 7 из 329 человек они обнаружили продукты. Их также поставили на колени, а затем отвели в тюрьму. Всего арестовано и посажено в тюрьму 23 человека.

6 мая 1943 года. Рано утром Трокское гетто было оповещено, что все обязаны явиться на экзекуцию. К 10 часам утра все взрослое население Трок-

¹ Ганс Гевеке (1906–1991) — член НСДАП с 1928 г., депутат рейхстага (1933–1945). В 1968 г. привлечался по делу об убийстве евреев Шауля и был оправдан. В 1971 г. осужден на 4,5 года тюрьмы за соучастие в убийства Бецалела Мазовецкого. — *И. Л.*

ского гетто находилось уже у ворот. Никому, кроме детей, не было позволено оставаться дома.

В глубокой тишине стоял народ вокруг барьера. Ждали прибытия “гостей”. В 11 часов появилась машина, в которой находились: штабслейтер Буб, Папен, Браун из жандармерии, Шпакаускас — переводчик жандармерии, Кроль из СД. За машиной следовали четверо полицейских с пулеметами. Между ними шел осужденный Бецалел¹ со скованными руками. Шел он бодро, с улыбкой на устах. Не надеялся ли он, что в последнюю минуту его помилуют?²

Осужденного подвели к виселице, где стояли два палача³ и врач. Мазовецкий просил снять ему оковы с рук, но ему в этом было отказано. Он попросил также позволения проститься с женой и ребенком, но и в этом ему было отказано. Тогда Мазовецкий сказал: “Позаботьтесь о моей жене и ребенке, накажите ей и матери держаться крепко”. Он попросил отдать его пальто бедному человеку. Затем, с веревкой на шее, взобрался на стол и, все еще улыбаясь, поклонился народу и сказал: “Я буду вашим достойным заступником на небе”.

В это мгновение стол был опрокинут, веревка затянулась, и тело забилось в конвульсиях. Из сотен грудей вырвался вопль отчаяния, десятки женщин упали в обморок. Вдали надрывно кричал брат мученика.

В 11.10 врач взобрался на стол, пощупал пульс, послушал сердце и заявил: “Мертв”.

Немцы уехали. Буб приказал, чтобы труп висел до 12 часов и чтобы при погребении присутствовали лишь гробовщики и юденрат.

В 12 часов тело было снято с виселицы, доставлено к могиле и похоронено в глубокой тишине. На лице мученика так и застыла последняя улыбка.

8 мая 1943 года. Поступило распоряжение об арестованных (число их уже возросло до 27). Завтра в 10 часов утра их из тюрьмы выведут в гетто и подвергнут публичной порке. Мужчины получают по 15 ударов плетьюми, а женщины по 10. Это будет наказанием для тех, кто пытался пронести в гетто кусок хлеба или несколько картофелин или пару подаренных яиц.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

По предложению гебитскомиссара сообщается нижеследующее:
В воскресенье 9 мая будут выпущены из тюрьмы арестованные, задержанные 4-го сего месяца за попытку пронести в гетто продукты. Все они будут подвергнуты публично телесному наказанию в гетто на площади, улица Гельгауда, дом 1 (в саду), в 10 часов в присутствии властей. Населению гетто предписывается присутствовать при проведении наказания, 8 мая 1943 года.

- 1 Бецалел Мазовецкий пытался пронести в гетто папиросы и за это был приговорен к казни. Пронести что-либо в гетто было запрещено. Евреи были обязаны жить на пайке. Понятно, что мужчины, работавшие вне гетто, стремились помочь женщинам и детям, никогда не покидавшим гетто. — *И. Л.*
- 2 С Мазовецким шла и Лена Байер. Она тоже была закована в кандалы и осуждена на смерть. Ее освободили за крупную взятку золотом, сняли оковы и заявили, что женщина помилована. — *Л. Л.*
- 3 Этими палачами были евреи Давидович и Кербель. Гебитскомиссар Гевеке поставил условие юденрату, что экзекуцию должны провести евреи, в противном случае все арестованные (более двадцати) будут расстреляны. Давидовичу и Кербелю заплатили несколько тысяч марок. — *Л. Л.*

10 мая 1943 года. Вчера в 10.30 утра представители власти — служащий прейсубервахтунгсштелле¹ Папен, заместитель штабслейтера Габерман (начальник школ Шавельского округа) — подъехали к тюрьме и приказали вывести арестованных. Под конвоем полиции они были отведены в Кавказское гетто на площадь (в саду). Им приказали лечь по четыре в ряд и нанесли по 10 ударов резиновой палкой. Лишь в последний момент членам юденрата удалось умолить представителей власти, чтобы 8 женщин и больные мужчины были освобождены от позорного наказания, а количество ударов снижено.

12 мая 1943 года. Сегодня полицейский Юргатавичус основательно ощупывал проходящих через ворота, задержал одну женщину и поставил ее на колени. Некоторое время она простояла, потом он ее отпустил за полбутылки водки. У одной женщины была обнаружена бутылка молока, он приказал его вылить.

19 мая 1943 года. Сегодня снова была облава в гетто. Гебитскомиссар Шривер и Папен в 5.30 подъехали к Кавказскому гетто, остановились поодаль и стали проверять проходящие мимо колонны. Шривер лично обыскивал каждого, просматривал каждый сантиметр одежды, и в результате обыска задержанными оказались 10 человек; среди них 14-летний мальчик. Все задержанные вынуждены были все время, пока продолжался обыск, простоять на коленях. Наконец их отвели в тюрьму. За что же их задержали? Об этом дает представление нижеследующий список всех конфискованных “товаров”: 2,8 кг гороха, 1 кг макарон, 0,5 кг ливерной колбасы, 0,5 кг масла, 2 штуки яиц, 0,25 кг вареного мяса, 1 кг хлеба, 0,25 кг щавеля, 1 кг сухарей и 1,5 кг картофеля.

21 мая 1943 года. Вчера представители юденрата были у регирунгсрата, у Буба и Папена. Они представили вышеприведенный список конфискованных продуктов и описали мучения, которым подвергаются рабочие. Все мужчины и женщины поставлены в совершенно невозможные условия. Рабочие, как раз те, у которых обнаружена большая часть продовольствия, работают с 7 утра до 12 часов ночи. Люди ходят на работу со 100 г хлеба. Как же они могут выдержать столь продолжительный день тяжелого труда без еды?

Регирунгсрат обещал освободить арестованных. Штабслейтер Буб сказал, что главная беда в том, что было обнаружено масло. Если бы не масло, арестованных сразу же освободили бы. Теперь их тоже освободят, но будут пороть, причем на сей раз — не как раньше: будут класть на скамью и пороть “добросовестно”.

Получены вести из Вильно. Стража у ворот гетто стала чрезвычайно суровой. Проверять людей теперь обязаны сами евреи, а снаружи стоит немецкая стража и наблюдает. Был случай, когда немцы произвели проверку после еврейского контроля и обнаружили продукты. За это 6 человек, производивших обыск, расстреляли.

1 Служба контроля над выполнением поставок, ценами карточной системы, движением продуктов. — И. Л.

22 мая 1943 года. Сегодня члены юденрата М. Лейбович и А. Кац были в гебитскомиссариате. Там Папен сообщил им, что в воскресенье 23-го арестованные будут приведены в Кавказское гетто (потому что из 10 арестованных — 9 оттуда) и в саду по улице Гельгауда будут подвергнуты публичной порке. При этом он прибавил, что на сей раз будут сечь по-настоящему, так как при порке будут присутствовать сам начальник и его помощник.

Представители гетто просили допустить их к начальнику, надеясь, что им, быть может, удастся добиться облегчения наказания.

Начальник принял их и громко, чтобы всем было слышно, заявил, что “собачьи свиньи”, которые доставляют сало и колбасу в гетто, должны быть строго наказаны. На замечание представителей гетто, что среди десяти находятся и такие, которые имели при себе лишь хлеб или картофель, начальник ответил, что в другой раз “подобные люди попадут в кое-какое другое место”.

РАСПОРЯЖЕНИЕ

По предложению гебитскомиссара сообщаем нижеследующее:

В воскресенье 23-го сего месяца в 11 часов все арестованные 19-го сего месяца за попытку пронести продукты в гетто будут выпущены из тюрьмы и подвергнуты телесному наказанию в саду по ул. Гельгауда, дом 1, в Кавказском гетто. Все население обязано присутствовать при наказании.

Шавли. 22. V. 1943 г.

23 мая 1943 года. Сегодня в 10 часов утра 10 арестованных были приведены к воротам Кавказского гетто. Сопровождали их Велкштис (бывший вахмистр стражи гетто) и еще один полицейский.

Час с четвертью арестованные простояли у ворот. Велкштис размахивал над их головами палкой и кричал: “Вы получите за то, что пронесли контрабандой сало, и за то, что вы большевики”. Он то и дело подступал к еврейской страже, приставал и насмехался над ней. Между прочим, он несколько раз повторял: “Если у немцев хорошо пойдут дела, вас, может быть, и оставят в живых, чтобы вы влачили жалкое существование. А если дела будут плохи, вас вырежут. Я и такие, как я, сделаем это, потому что, если вы выйдете из гетто, вы сделаете это с нами”.

В 11 часов 15 минут подъехала карета гебитскомиссариата. В ней находились Шривер, Липкер, Браун и один из литовских фашистов.

Велкштис с другим полицейским провели арестованных в сад на улице Гельгауда, дом 1, где на открытом месте стоял стол. Вокруг находилось все согнанное сюда население гетто.

Члены юденрата Лейбович и А. Кац в последний момент умолили начальство отменить телесное наказание в отношении малолетнего Л., который был задержан за то, что пытался пронести одну конфету. Его вывели из рядов.

Началась экзекуция. Перед этим А. Каца вынудили обратиться к согнанным людям с напоминанием, что для евреев установлена норма (100 г хлеба для неработающего и 200 г для работающего) и ничего не разрешается вносить в гетто. Арестованных подвели к столу, укладывали (кто

был в пальто, должен был его снять), и полицейские били их резиновыми палками.

Порка не удовлетворила Велкштиса. Он несколько раз изо всей силы наносил очередной жертве еще несколько ударов железной палкой.

26 мая 1943 года. Тревожит Бачюнай. Всего там на торфоразработках 320 человек. Среди них, однако, много больных и слабых, которых на работу посылать нельзя. Фактически работающих человек 200, остальные заняты в администрации, во дворе и в мастерских. Но из работающих можно ежедневно составить всего 6 бригад по 20 человек. На 7-ю людей никогда не хватает.

На этой почве у директора торфоразработок с юденратом постоянно происходят недоразумения. Первый твердит, что из 320 человек он должен иметь 8 или, по крайней мере, 7 бригад, так как этого требует от него хозяйственное управление при гебитскомиссариате; юденрат же настаивает на том, чтобы осталось всего 6 бригад. Проще всего было бы заявить, что среди 320 человек несколько десятков непригодны для работы на торфе и что их надо отослать в гетто. Но юденрат боится открыто говорить об этом: во-первых, могут потребовать, чтобы больные были заменены здоровыми. Откуда же взять людей? А самое главное в том, что в гетто вообще опасно быть слабым или больным.

28 мая 1943 года. Недавно в Ковно среди литовского населения были распространены прокламации следующего содержания:

Так как готовятся акции против евреев в гетто, мы призываем всех истинных патриотов не принимать в них участия, ибо такие действия позорят доброе имя литовцев.

Комитет восстановления литовской независимости

Прокламация была передана литовским рабочим рабочему-еврею, а последний передал ее члену юденрата Лифцеру.

2 июня 1943 года. В пространной записке о евреях в 10 печатных листов, поданной немецким властям партией литовских националистов, между прочим указывается (стр. 5):

Выступившим из Литвы батальонам поручаются задания, являющиеся унижительными для Литвы и литовского солдата (расстреливать евреев и гражданских пленнх из Белоруссии); когда же литовские офицеры отказываются стрелять, им самим угрожают расстрелом. Во время экзекуции фотографируют и снимают на пленку одни лишь литовские части, немецкие же устраняются...

20 июня 1943 года. Секретарь фашистской организации Бойер некоторое время провел в отпуску в Германии и пережил там бомбежки английских и американских самолетов. Он возмущен и мечет гром и молнии против евреев. Одному еврей-рабочему он сказал, что обедал у какого-то генера-

ла и тот заметил, что в гетто слишком много евреев и что число их надо было бы сократить.

30 июня 1943 года. Сегодня двое из СД¹, Кроль и Геф, потребовали добавочные сведения об обитателях гетто и настаивали, чтобы последние были распределены на 4 категории:

1. До 13 лет — мужского и женского пола.
2. Занятые на важных военных работах.
3. Живущие на казарменном положении в лагерях.
4. Ограниченно работоспособные.

К этим рубрикам юденрат должен был добавить еще категорию “резервная колонна”: те, которые совсем не работают или работают частично. Сюда входят матери маленьких детей, старики и те, что работают на аэродроме 2–3 дня в неделю.

Сотрудники СД не хотели соглашаться с тем, чтобы в этой колонне числилось около тысячи женщин, и требовали, чтобы еще 500 человек были поставлены на работу, включая сюда и тех, которые работают 3–4 раза в неделю. Это означает, что работать придется больным, подросткам, детям и матерям, имеющим маленьких детей. И то хорошо, если все сводится только к этому, так как посещение СД наводит на тревожные размышления.

9 июля 1943 года. В № 154 газеты “Атейтис” помещена статья бригаденфюрера СА А. Ленцена, гебитскомиссара Кауэнланда (Ковенский округ):

ЕВРЕЙСКИЕ СЛУГИ

К сожалению, еще и поныне в Ковно и его ближайшей округе заметны следы когтей Израйля. Стоит лишь присмотреться к явлениям городской жизни, когда колонны евреев возвращаются в гетто. Тут происходят буквально невероятные вещи. Я сам имел возможность в последние дни наблюдать, как элегантно одетая дама, литовка, приблизилась к колонне, приветствовала какого-то еврея, с необыкновенной сердечностью жала ему руку и вступила с ним в беседу. Какие отношения могли тут быть и какие еще существуют? Вмешавшись в дело, я прервал этот разговор. Еврей убежал с величайшей поспешностью, а женщина смутилась, сильно оробела и постаралась исчезнуть. К сожалению, не владея литовским языком, я не мог сделать ей серьезное внушение. Но она меня поняла — это показал ее образ поведения.

Дальше можно заметить, что жители города и предместий по старому знакомству снабжают евреев пищей. При проверке колонн еврейских рабочих было установлено много совершенно явных случаев этого рода. Как может случиться, что евреи и еврейки из рабочих колонн заходят в квартиры литовцев и с ними обращаются как с равными? Вместо того чтобы выкидывать их вон, с ними болтают и даже заводят торговлю. Как достойны сожаления те люди,

¹ С 1 июля 1943 г. гетто не подчинялось литовскому городскому самоуправлению и было передано службе СС. — И. Л.

которые ведут себя не так, как следует, и тем подают дурной пример своему народу!

Еще более достойна презрения торговля крестьян в предместьях. Когда спрашиваешь у крестьянина, есть ли у него продукты или овощи, он уклоняется от ответа, евреям же “продает с удовольствием”. Это особенная дружба. Скажи мне, кто друг твой, и я скажу, кто ты. Я внес бы предложение, чтобы тем, кто вступает в сношения с евреями, поддерживает их или старается держать с ними связь, прицепить звезду с надписью “еврейский слуга”.

17 июля 1943 года. В субботу 17 июля двое полицейских, стоявших у ворот, напились, в 12.30 ночи вломились в гетто и стали нападать на встречаемых. Одного человека они вытащили из гетто, избили и грозили расстрелять. Они требовали девушек. Попытался вмешаться еврей — сторож Генех Райз, но тоже был избит.

26 июля 1943 года. Сообщение об отставке Муссолини было встречено в гетто как поразительная и радостная весть, но внешне люди держали себя спокойно: знают, что нельзя обнаруживать свои чувства. Что-то нам еще предстоит!

28 июля 1943 года. В №165 газеты “Атейтис” напечатана новая статья — “Евреи и еврейские слуги”.

...Особенно симпатизирует евреям адвокат Всеволод Копп. Его можно уже в 7 часов утра застать в городском парке, где он дружески беседует с евреями. На прощание улыбается, жмет им руки.

Целый ряд лиц, между ними Розалия Молтене, проживающая в Ковно по Яновской улице, дом 4/9, и Петронеле Рудкаускене из деревни Ужледжью Ковенского округа, были наказаны за тайную торговлю с евреями. За это подвергаются лишению свободы. Согласно распоряжению, арест названных лиц длится уже больше месяца.

31 июля 1943 года. Из лагеря на аэродроме сообщили, что вчера у летчиков состоялся бал, на котором присутствовали генералкомиссар и гебитскомиссар; толковали о евреях. Обращено внимание на то, что: 1) евреи не приветствуют офицеров, 2) евреи должны работать и по воскресеньям.

1 августа 1943 года. Сегодня на аэродроме полир¹ схватил еврейского мальчика, который за день до этого провинился, не работал. Его заставили бежать за двумя велосипедами, когда же он не поспевал за ними, его избивали. Полир привязал мальчику на шею пилу и ящик с четырьмя килограммами гвоздей, а затем гнал его палкой два километра. Обессиленный и искалеченный мальчик едва приплелся домой.

5 августа 1943 года. Сегодня на аэродроме тяжелый день. Два унтер-офицера, по-видимому, из гестапо принялись “учить уму-разуму” еврейских ра-

1 Десятник (нем.).

бочих. Уже с раннего утра они потребовали, чтобы евреи приветствовали при встрече любого немца-военного, до солдата включительно. Перед унтер-офицером снимать шапку за 5 метров до встречи и держать над головой 5 метров после. Перед офицером таким же образом продефилировать бегом 10 метров до и 10 метров после встречи.

Когда колонны еврейских рабочих встречают унтер-офицера или офицера, они обязаны с поднятыми шапками пробежать рысью.

Для тренировки оба унтера стали гонять колонны в соответствии с указанными правилами. Затем они отправились проверять, как производится работа. Одного рабочего они застали сидящим без дела и в наказание заставили его пробежать полтора километра. Второго, сидевшего без рубахи, они стали душить “за ненахождение еврейского опознавательного знака”. Третьего, сев на велосипеды, заставили бежать между ними, не отставая. Короче говоря, всех, кто им попался на глаза, они всячески истязали.

10 августа 1943 года, 9 ава¹. Сегодня распространилось известие о больших переменах. Радость была сдержанная, но огромная. Кто-то в синагоге предложил прекратить печальные молитвы, ибо избавление приближается².

31 августа 1943 года. Заседание юденрата совместно с представителями гетто. Присутствуют: М. Лейбович, А. Геллер, П. Рубинштейн, А. Кац, Ш. Бургин, А. Абрамсон, А. Кальфеницкий, А. Брелович, Б. Абрамович, П. Виц, Д. Гец, М. Рубинштейн, И. Минор, М. Мил, А. Зейгарник, А. Слезин, Х. Чернявский, А. Гец, А. Гутман, Х. Жилинский, К. Уцвен, А. Гене, И. Мордель, Х.Л. Шескин, Ш. Кац, д-р Бурштейн, д-р Директорович, д-р Камбер. Председатель — М. Лейбович. Секретарь — А. Кац.

Сообщение представителей гетто о заявлении зихергайтсполицай (гестапо).

Председатель М. Лейбович и член юденрата А. Кац сообщили:

Сегодня в 11 часов утра начальник гестапо Макк вызвал членов юденрата М. Лейбовича и А. Каца и заявил им: “Ввиду того, что евреи нарушают постановления, строго запрещающие приносить в гетто продукты, и в связи с тем, что 29. VIII.43 года была задержана колонна рабочих, занятая на полевых работах гебитскомиссариата и у задержанных было обнаружено много продуктов, что строго воспрещается законом, то в наказание к завтрашнему дню, 1.IX.43 года, к 12 часам юденрат обязуется привести к тюрьме 50 евреев. За непредставление людей к указанному сроку несет ответственность юденрат”.

Зная, что означает доставка евреев к тюрьме, члены юденрата заявили, что они отказываются выполнить распоряжение, но что сам юденрат явится точно к назначенному времени и предоставит себя в распоряжение властей.

Начальник уверил, что его интересует лишь одно, чтобы к назначенному часу было 50 евреев: кто именно — это безразлично. На вопрос, не пред-

1 Пост, связанный с трауром по поводу разрушения римлянами Иерусалима (I век н. э.). — И. Л.
2 Речь идет о наступлении Красной Армии. — И. Л.

ставляется ли возможным отменить наказание или заменить его другим, начальник ответил: “Распоряжение я получил от гебитскомиссара, и я должен выполнить его к назначенному сроку”.

На этом беседа закончилась. Представители юденрата обратились к руководителю арbeitsамта доктору Гюнтеру¹. Он обещал “принять меры”.

Председатель собрания предлагает присутствующим обсудить, как предотвратить новое бедствие.

Было решено обратиться от имени юденрата к гебитскомиссару с ходатайством об отмене приказа. Передать ходатайство было поручено членам юденрата М. Лейбовичу, А. Кацу и Ш. Кацу.

В 18 часов в том же составе заседание возобновилось.

Председатель сообщает, что д-р Гюнтер передал ходатайство о помиловании гебитскомиссару. Настроение у последнего было очень скверное; он не давал говорить и заявил: “Мы не евреи и торговли не ведем. Наше распоряжение должно быть точно выполнено”.

Председатель просит всех высказаться ввиду большой ответственности.

Несколько стариков лишились чувств. Электричества не было. Трагическое совещание протекало при тусклом свете.

Самый старый член юденрата — Геллер, физически совершенно изможденный, со слезами в голосе говорил об историческом прошлом еврейского народа, когда в последний момент “из зла проистекало благо”. Другие предлагали бросить жребий, кому идти на казнь, предлагали составить список евреев, добровольно готовых принять смерть.

О восстании думать не приходилось. Оружия не было. Вместо 50 человек погибло бы все гетто, не нанеся никакого урона своим палачам. Время истекало.

Все присутствующие единодушно приняли решение самим явиться к тюрьме.

За час до назначенного срока М. Лейбович и А. Кац уже находились в помещении гестапо, где стены были свидетелями великих еврейских мук. У немцев, видно, было торжественное настроение: все они были одеты в парадную форму, при полном вооружении, готовые к “празднеству”, которое вот-вот должно наступить.

Наконец явился начальник и сообщил, что решено заменить казнь денежным штрафом в 20 тысяч марок, с рассрочкой платежа в два срока — 15. IX.43 года и 15. X.43 года.

18 сентября 1943 года. Новый комендант гетто заявил, что вопрос о переводе гетто на казарменное положение решен в Берлине.

23 сентября 1943 года. Наш новый хозяин, гауптштурмфюрер Форстер был у нас уже несколько раз. Каждый раз он опаздывал на несколько часов, и всякий раз его ожидали со страхом. Он говорит спокойно и уравновешенно, внимательно прислушивается к тому, что говорит ему юденрат, но от своей линии не отступает. А линия его такова: перевод всего гет-

1 Доктор Гюнтер, начальник арbeitsамта (конторы труда), был заинтересован в сохранении еврейской рабочей силы. — И. Л.

то на казарменное положение, разделение на несколько рабочих участков и стопроцентное выполнение приказов. Первым его требованием было: перевод на казарменное положение 500 евреев на аэродроме к 6 часам 26 сентября. На аэродром должны быть посланы взрослые и дети не моложе 10 лет. Между прочим выяснилось, что бараки там не подготовлены, донельзя грязны. Тем не менее он был непоколебим. Нам он сказал: “Мой приказ — в четверг и не позднее”. А коменданту аэродрома заявил: “Либо вы принимаете этих евреев в назначенный день, либо вы их вообще не получите”. Надо либо разлучить родителей с семьями, либо обречь на каторгу целые семьи. А посылать родителей с малыми детьми нельзя. В последнюю минуту управление железной дороги добилось в Риге, чтобы 31 рабочий депо остался на месте. Благодаря этому комендант разрешил в четверг прислать только 400 человек с тем, чтобы остальные сто явились в пятницу.

Между прочим, комендант процедил сквозь зубы, что дети до 10 лет не смогут следовать за родителями в лагеря и будут помещены в особый детский дом, которому, по-видимому, суждена участь всех еврейских детских домов, то есть “ликвидация”.

24 сентября 1943 года. Сегодня в 7 часов утра колонна рабочих отправилась в лагерь на аэродром. Это был наиболее печальный кортеж из всех, что выходили из гетто. Люди шли, как на похоронах. Особенно печально выглядели семьи с детьми.

Присутствовал комендант гетто, а с аэродрома проводник и кое-кто из чиновников. Вдоль улицы выстроилась целая рота вооруженных солдат. В общем вышло 400 человек. Но кое-кто сбежал.

27 сентября 1943 года. Сегодня в Линкайчяй направились 20 мужчин и 60 женщин. Родители маленьких детей в отчаянии устремились в город, чтобы отдать своих детишек на воспитание литовцам. В этом принял участие даже какой-то ксендз, но пристроить удалось лишь немногих.

30 сентября 1943 года. Вещи людей, увезенных в Даугиляйский и Павенчанский лагеря, пока еще валяются на улице возле гетто, а машин для их отправки нет. Барак в Даугиляе без полов, без печей, без котлов и даже без окон. Нар нет. Продовольствие не заготовлено. Люди ходят голодные и раздетые.

1 октября 1943 года. В Даугиляе положение катастрофическое. Недостроенный барак был рассчитан на 60 пленных, а в нем сейчас 246 человек. На двух сколоченных наспех семидесятисантиметровых нарах помещается по 4 человека. Ни соломы, ни сенников. Много багажа валяется на улице: для него нет места. Куда денут вещи, которые должны еще прибыть? Но много хлопотать об этом, видимо, не придется, так как комендант лагеря, эсэсовский унтер-офицер уже заметил, что у евреев чересчур много вещей, нужно произвести проверку. Смысл этого замечания ясен.

Окна барака еще не застеклены. Холод и сырость в лагере ужасающие. Есть уже случаи заболеваний. Опасаются эпидемий.

Продовольствия нет. Продуктов не выдавали. Люди голодают.

Характерно, что комендант гетто был здесь и видел, как нас “устроили”, но от всего этого он отделался замечанием: “Все будет в порядке”. Однако тут же счел необходимым поговорить насчет чистоты в лагере и добавил при этом, что непослушание повлечет за собой расстрел или повешение.

Женщины и дети бродят растерянные. Отчаяние этих людей невозможно себе представить.

3 октября 1943 года. Школа закрыта. Ребятишек частью разместили по лагерям, частью они бродят до сих пор по гетто. Учителя разбрелись по разным местам.

Старшие обязаны идти на работу, а младшие — от 10 до 13 лет — стремятся на работу, чтобы не числиться в категории неработоспособных. Таких здесь сотни. Многие дети школьного возраста должны наблюдать за своими братишками и сестренками, оторванными от родителей.

Все озабочены: куда девать детей на целый день. Устроить для них детский дом страшно: еврейские детские дома существуют недолго.

9 октября 1943 года. Утро. Дома на Виленской улице уже очищены¹. В пятницу в течение всего дня бригада почти в 100 человек мужчин и женщин работала на уборке очищенных домов. Вывезли всю грязь. Вымыли и вычистили все углы и сдали жилища в полном порядке. Всего выселены около 400 человек. В субботу, в день “Иом Кипур”, ограда и проволочные заграждения были перенесены в новый район...

Ожидается приказ об отделении мужчин от женщин...

17 октября 1943 года. Сегодня началось второе переселение из Кавказского района в Трокский. К 20-му Кавказский район должен быть очищен, а население переведено в освободившуюся часть улиц Эжери и Трок.

Из Акмяна² передали о таком случае. В последний транспорт был назначен Гершон Жемайтишек. Он заявил, что у него желудочная болезнь. По прибытии в Акмян комендант подозвал его и спросил, здоров он или болен. Тот ответил, что болен. “Работать можешь?” — спросил комендант. Жемайтишек ответил отрицательно. Тогда комендант вытащил револьвер и пристрелил его на глазах у всех. Сразу же после этого он прошел в лагерь и как ни в чем не бывало стал расспрашивать о лагерных делах.

18 октября 1943 года. Еще одна жертва. В воскресенье 17-го в Даугиляе было приказано, чтобы никто из лагеря не выходил. Тем не менее Кушелевский и с ним 2 мальчика вышли и направились в деревню собирать подаяние. На обратном пути их задержали, детей отослали в лагерь, а Кушелевского пристрелили. Передают, что первая пуля его не убила. Но тут подошел комендант лагеря, обер-фельдфебель, и выстрелил вторично, сказав: “На моем счету 15 тысяч евреев из Слонима, пусть будет одним больше”.

1 Речь идет о сокращении территории Кавказского гетто в Шауляе. — И. Л.

2 Акмяне — город на севере Литвы, в 75 км от Шауляя. — И. Л.

25 октября 1943 года. Лагерь в Акмяне выглядит очень уныло: бараки низенькие, ветхие и грязные. Не лучше и внутри, обитатели лагеря — сплошь беднота из гетто, и имущество их — одно тряпье. Тем не менее по мере сил соблюдают чистоту, бараки ежедневно моют, но теснота не поддается описанию, нары общие. Освещаются бараки частью лампами, частью лучиной. Комендант, обер-фельдфебель, разрешает выходить за ограду и работать у крестьян, за что получает сало и масло. Администрация меловых карьеров не требует напряженной работы, так что работают и малосильные. Мало того, именно слабосильные и старики рвутся на работу в карьерах, так как убийство Жемайтишека нагнало на всех страх и умирающий теперь заявляет: “Я силач”. Питание такое: работающие у крестьян едят досыта, остальные побираются. Наиболее сложной проблемой являются дети, 12 совсем маленьких и около 40 — постарше. Жители лагеря дрожат над ними. По словам коменданта лагеря, главный комендант всех лагерей, гауптштурмфюрер Форстер велел ему собрать всех детей и перестрелять их, но он этого не выполнил. Затем он рассказывает, что Шавельскому гетто грозила большая опасность, его должны были уничтожить, но сейчас опасность миновала, нам ничего не грозит. Однако и сам комендант не принадлежит к сонму праведников: требует взятки не стесняясь, и сколько ни давай — ему все мало. Однажды он пристал к еврейской девушке, 6 часов преследовал ее, грозил расстрелом, и только благодаря случайности ей удалось спастись. Он же выступает в роли строгого блюстителя нравственности в лагере, не разрешает мужчинам посещать женский барак.

Но так как кухня помещается в женском бараке, мужчинам разрешается приходить сюда обедать, но не задерживаться позднее 6 часов вечера.

30 октября 1943 года. Все начальники округов и старосты сельских округов (виршайтисы) получили приказ сжечь тела евреев, истребленных 2 года тому назад в Шавлях и Шавельском районе и погребенных в братских могилах.

Пятница 5 ноября 1943 года была самым мрачным днем нашей безрадостной жизни в гетто: у нас отобрали детей.

Утром, когда все вышли на работу, постовой заявил, что он получил распоряжение никого из ворот не выпускать. Все бросились к домам и стали готовиться к отъезду, полагая, что их отправляют в отдаленные места, как это проделали в Вильно и в Ковно.

В 7.30 в помещение юденрата явился Форстер, гауптштурмфюрер, затем пришел пресловутый Швандт. Кроме того, специально приехали палачи¹ из Ковно, все вооруженные автоматами. А возле гетто разезжали крытые грузовики. Форстер обратился с претензией к постовому: почему не выпускают рабочих, и тут же распорядился, чтобы они немедленно были отправлены на работу. Распоряжение Форстера было объявлено обитателям гетто, и все, стар и млад, бросились к воротам, причем многие забрали с собою детей. Но у ворот уже стоял комендант Шлееф и детей не пропустил.

Когда работающие ушли, Форстер приказал запереть ворота.

1 “Акцию” проводила рота власовцев с эмблемами РОА. — Л. Л.

— Я получил распоряжение вывезти из гетто всех детей до тринадцати лет и всех неработоспособных взрослых. Дети будут отправлены в Ковно и поселены в детском доме, а старшие будут за ними присматривать. Там будут собраны все еврейские дети из лагерей. Чтобы все были спокойны и уверены в правдивости моих слов, двое членов юденрата — Картун и А. Кац — поедут сопровождающими. Когда дети будут устроены, члены юденрата вернутся и передадут вам от них привет.

Представители юденрата пытались возражать:

— Как можно отрывать маленьких детей от родителей?

На это Форстер ответил:

— Живей! Вы обязаны выполнить распоряжение!

Возле гетто уже стояла наготове многочисленная стража.

Форстер вошел в барак, помещавшийся в амбаре “Семлин”¹, где находилось около 250 человек. Он и им передал то же распоряжение, после него всех выгнали во двор.

На дворе людей сортировали: стариков, больных и детей — отдельно, молодых и работоспособных — отдельно.

Между тем крытые грузовики въехали в гетто, а вслед за ними явилось человек сто стражи, вооруженной автоматами и ручными гранатами. Они рассеялись по улочкам, вламывались в дома и гнали всех на площадь. При этом, как во время погрома, крошили и грабили все более или менее ценное. Каждого встречного обыскивали, отнимали часы, кольца, деньги и нередко раздевали догола. Многие пытались откупиться, отдавали все, что у них было. Грабители все принимали, а потом все равно тащили к месту сбора. Иной раз они забирали деньги и будто бы освобождали человека, но минутой спустя подсылали к нему других, которые заканчивали “операцию”. Женщин и детей они избивали прикладами, ругали и поносили последними словами. Каждый дом они обыскивали, ломали мебель, рвали и выбрасывали одежду. В поисках спрятанного имущества они срывали половицы, ломали чердаки, стены, не пропуская ни одного угла. Они искали детей и, если находили, то вытаскивали их голых и босых на площадь. Там они поднимали детей за волосы и за руки и швыряли в машины. Они гонялись за малышами, которые случайно оказались на улицах или во дворах, стреляли в них и ловили. За детьми бежали несчастные родители, рыдали и умоляли о пощаде. Крики и вопли оглашали воздух.

Оставались два места, которые казались более или менее безопасными, — амбулатория и сапожная мастерская. Шлееф распорядился продолжать в них работу. Но с этим приказом не посчитались, вывели всех из амбулатории на площадь, в том числе доктора Розовского и девушку Валову. Кроме того, на чердаке обнаружили 10 детей и утащили их. То же было и в сапожной мастерской. На чердаке нашли детей и прямо оттуда сбросили их вниз. На площади зверства продолжались. Снова обыскивали и ошупывали каждого, а детей и стариков бросали в автомобили. Многие матери прорывались к машинам, умоляли палачей разрешить им ехать с детьми, но этого “счастья” добились всего четыре женщины.

...На площади, с которой отправлялись машины с детьми, стояли наши представители М. Лейбович, Арон Кац и Картун. Им вначале удалось добиться освобождения некоторых детей, но гестапо потом усадило в машину и “освобожденных”. Лейбовичу гауптштурмфюрер приказал отойти. Кац и Картун остались. Прегрешение Каца состоялось в том, что он имел “наглость” просить обеспечить детей водой и пищей. Комендант приказал ему ехать вместе с детьми.

Все это продолжалось с 7.30 до 16 часов. Родители стояли на площади возле фабрики и смотрели, как тащат их детей, бессильные оказать им помощь. Отчаяние их невозможно представить.

По словам коменданта, всего вывезено 816 человек, среди которых есть люди и из других лагерей. Предполагают, однако, что вывезено на 21 машине больше тысячи человек.

Такие же меры проводились в Даугиляе и в Павенчи. Оттуда вывезли 15 детей и стариков; из лагеря на аэродроме — 9 человек: 5 детей и 4 стариков. Среди других вывезен раввин М. Рубинштейн. Вывезен Иоффе — автор ряда книг. Вывезены Рудник, калека, но высокоодаренный, многообещающий поэт, художник Фурман, много лет работавший декоратором на еврейской сцене. В гетто он лежал больной, но никогда не терял присутствия духа, был выше своих страданий и твердо ждал светлого дня освобождения¹.

Подготовил к печати О. САВИЧ

1 В конце текста О. Савича в верстке напечатано письмо:

Г-ну Шавельскому гебитскомиссару, Шавли, Литва

Artibus et litteris

Общество гуманитарных и естественных наук с ограниченной ответственностью, Берлин
Hobabec. Книжный магазин, Мариенштрассе 40, тел. 8375.

12 апреля 1943 года

Согласно заказу на книгу “Великие мастера музыки”, поступившему от литовского подданного Владас Левитанас (Шавли, Тагижу гатве, 107), мы выслали ему названную книгу в начале 1938 года. За гр. Левитанас осталось недополученных 43,28 марки. К сожалению, мы узнали лишь теперь, что Левитанас — еврей, местонахождение которого установить невозможно. Мы считаемся ныне с возможностью того, что, наряду с прочим имуществом нашего должника, властями учинено распоряжение и относительно высланной нами книги, право собственности на которую было нами оговорено. Ввиду сказанного, мы почтительнейше обращаемся к вам с просьбой сообщить, не обстоит ли, может быть, дело именно таким образом. Будем вам весьма признательны, если вы сообщите соответствующие сведения и посодействуете возвращению нам нашего имущества.

С совершенным почтением

Печать и подпись.

К началу немецкой оккупации в Каунасе было сорок тысяч евреев¹. В ночь с 25 на 26 июня в каунасском предместье Вильямполе были убиты около тысячи евреев². Седого старика, главу ешибота, раввина Осовского бандиты застали облаченным в талес. Ему отпилили голову, и в течение недели немцы не разрешали его хоронить. Многим евреям злодеи вырезали языки, выкалывали глаза.

В доме на ул. Арегалос под окном была обнаружена надпись: “Евреи, мстите!” Рядом находился труп еврея, успевшего перед смертью сделать эту надпись, макая палец в собственную кровь³.

В гараже на проспекте Витауто были замучены пятьдесят евреев. Некоторые были избиты до смерти железными ломami и лопатами, многих умертвили, воткнув им в рот конец резинового шланга, включенного в водопровод. Один из бандитов взобрался на гору трупов и заиграл на гармошке, а его помощники затеяли хоровод.

После “стихийного” погрома немцы стали вводить “порядок”, “систему” в дело полного уничтожения евреев.

В конце XIX и в начале XX столетия вокруг Каунаса была возведена система укреплений — форты: наземные блоки — гнезда для пулеметов и пушек, подземные казематы для войск, высокие насыпи, глубокие рвы и заграждения из колючей проволоки. Теперь форты стали местом казни.

9-й форт стал плахой не только для жителей Каунаса, но и для граждан ряда европейских стран.

СЕДЬМОЙ ФОРТ

В конце июня 1941 года центральная тюрьма в Каунасе была переполнена. Евреев без различия пола и возраста сгоняли к Седьмому форту, находившемуся на северной окраине города. Сюда же приводили евреев-беженцев,

1 В 1941 г. в Каунасе жило 35–36 тысяч евреев. См.: *Уничтожение...* С. 11. — И. Л.

2 Из итогового отчета айнзацгруппы А октября 1941 г.: “Важно было для будущего иметь доказательство того, что освобожденное население по собственной инициативе применяло энергичные меры против врага — большевиков и евреев, причем не должно было быть обнаружено руководство немецких властей... Во время первого погрома, в ночь с 25 на 26 июля, литовскими партизанами убиты более 1500 евреев, сожжены и уничтожены несколько синагог и полностью сожжен еврейский квартал с более чем 60 домами. В течение следующих ночей были убиты около 2300 евреев”. См.: *Уничтожение...* С. 116. — И. Л.

3 Надпись на дверях сделал слесарь фабрики “Дробе” Акива Пухерт. (Сообщение Д. Б. Гельперна, бывшего узника Каунасского гетто.) — И. Л.

пытавшихся эвакуироваться в начале войны и схваченных по дороге фашистами. За несколько дней на Седьмой форт были согнаны около десяти тысяч евреев — мужчин, женщин и детей. Женщин и детей держали в казематах — без пищи, без воды, их не выпускали на волю даже для отправления естественных нужд. Смертность в казематах была велика, хоронить покойников не разрешали.

Мужчин и мальчиков-подростков держали под открытым небом, в глубоком рву, отделявшем казематы от внешней стены форта. Вдоль рва на насыпях и на внешней стене были выставлены сторожевые посты.

Охранники грабили, отбирали часы, деньги, кольца. Стоило им увидеть на ком-нибудь добротные сапоги или новый пиджак, как владельца уводили на “прогулку” в рошу, раздевали, а затем расстреливали.

Четверо суток людей продержали без пищи и воды. После категорического требования заключенных: либо убить немедленно, либо доставить пищу и воду, на форт привезли вяленую соленую рыбу. Изголодавшиеся люди с жадностью набросились на нее. Жажда после этого, конечно, усилилась. На следующий день привезли бочку воды. Пяти тысячам человек велели стать в очередь. Охранники заявили, что часть людей поведут напиться в другое место. Но это была провокация: едва людей вывели за пределы форта, как послышались выстрелы.

В течение дня часто приходили немцы из воинских частей и забирали евреев на работы. Обратного уже не приводили.

— Теперь получайте вознаграждение! — говорили немцы, расстреливая несчастных.

В начале июля в Каунасе происходили спортивные состязания. Команда-победительница в виде премии получила право отобрать с Седьмого форта двадцать пять евреев и собственноручно их расстрелять. “Спортсмены” приняли эту “премию”; они убили двадцать пять человек на глазах у заключенных.

7 июля утром было объявлено, чтобы мальчики моложе пятнадцати лет вышли из рядов. В тот же день вместе с женщинами и маленькими детьми их перевели с Седьмого форта на Девятый. Был знойный день. Измученных, голодных, едва волочивших ноги, женщин вели вдоль реки Вилии. Женщины умоляли разрешить им напиться, но палачи отказали им в этом. Десятки женщин падали в обморок. Их пристреливали на месте.

Оставшихся мужчин в тот же день расстреляли. Так закончилась трагедия на Седьмом форту¹.

ЧЕТВЕРТЫЙ ФОРТ

Юго-восточнее Каунаса, за предместьем Панемуне расположен Четвертый форт. Место, где Неман образует петлю между лесистых берегов, — одно из красивейших в Литве. 18 августа 1941 года, через три дня после того, как

¹ Согласно отчету айнзацкоманды 3 от 1 декабря 1941 г., в Каунасе в 7-м форту 4 июля убиты 463 еврея, 6 июля — 2514 евреев. Аксию по приказу руководителя СД и полиции безопасности провели литовские “партизаны”. — *И. Л.*

Каунасское гетто было отгорожено от всего мира, сюда были доставлены пятьсот тридцать четыре еврейских интеллигента¹.

Некоторое время никто не знал о судьбе этих людей. Но скоро группу евреев из Каунасского гетто перевели на работу в казармы, расположенные у самого форта. На одном из чердаков они нашли мужское платье и пачку паспортов на имя тех, которые были в числе пятисот тридцати четырех.

Юозас Паулавичюс, который живет недалеко от Четвертого форта, рассказывает, что в августе 1941 года (дату он забыл, но помнит, что это было в понедельник) на форту расстреливали евреев. Один обреченный бежал с места казни. Он был в белье. Его нагнали и расстреляли на глазах у прохожих. Тот же Паулавичюс рассказывает, что перед самым отступлением из Каунаса немцы велели выкопать трупы. По окончании “работы” “бреннеров”, видимо, так же расстреляли и сожгли — об этом свидетельствуют найденные у места сожжения две человеческие голени, закованные в цепи.

Во время этой “акции 534”, или “акции интеллигентов”, погибли писатель Ари Глазман, журналист Марк Вольфович, концертмейстер Литовской государственной оперы, скрипач И. Стендер, художник А. Каплан и много врачей, адвокатов, инженеров и др. деятелей культуры. Смысл “акций” был ясен: немцы хотели уничтожить наиболее культурных и активных людей, изъять мужчин и молодежь, дабы внутри гетто не возникло движение Сопrotивления.

ШЕСТОЙ ФОРТ

На северо-восточной окраине Каунаса, у предместья Петрашюнай, расположен Шестой форт. Здесь немцы в начале войны устроили лагерь для советских военнопленных. Согласно отчету Чрезвычайной государственной комиссии, на Шестом форту было истреблено тридцать пять тысяч военнопленных. Во дворе лагеря комиссия обнаружила шестьдесят семь стандартных могил размером 5 × 2,5 м каждая. По большому количеству могил можно утверждать, что систематическое истребление людей продолжалось здесь до самого освобождения Каунаса Красной Армией.

На Шестом форту погибло немало жителей Каунасского гетто. Об одном случае до нас дошли точные сведения. Молодые люди — Александр Блюменталь, еврей, швейцарский поданный, и его жена Генриэтта, бельгийка из Брюсселя, были в июне 1943 года обнаружены в гетто гестаповцем Штицом², уполномоченным по еврейским делам. Штиц заявил, что швейцарский консул, обеспокоенный судьбой Блюменталей, прислал им визу на въезд в Швейцарию. Им надлежит немедленно взять с собою по 15 кг багажа, собрать все ценные вещи, а он, Штиц, отвезет их в своей машине на аэродром. Там ждет самолет, который доставит их в Берлин. Об их дальнейшем путешествии позаботится швейцарский посол в Берлине.

Когда молодая чета уселась в машину, Штиц крикнул шоферу:

1 Согласно отчету (см. выше), в 4-м форту 18 августа расстреляны 698 евреев, 402 еврейки, 1 поляка и 711 интеллигентов-евреев — всего 1812 человек. — *И. Л.*

2 Эрнст Штиц — гауптшарфюрер СС. Один из самых жестоких правителей гетто. С середины 1942 г. — референт еврейского отдела гестапо каунасского отделения СД и полиции безопасности. — *И. Л.*

— На аэродром! К небесному путешествию.

За день до вывоза Блюменталей из гетто Штиц вызвал к себе молодую бельгийку и предложил ей бросить своего мужа-еврея и покинуть гетто. Она категорически отказалась и заявила, что хочет разделить участь мужа. Как передают очевидцы экзекуции, они оба мужественно пошли на смерть. Они обнялись и поцеловали друг друга, пока Штиц собственноручно не расстрелял их.

ДЕВЯТЫЙ ФОРТ

Массовые убийства жителей Каунаса осенью 1941 года

Девятый форт расположен на северо-западе от Каунаса, на 6 км шоссе Каунас — Клайпеда. Жители Каунаса прозвали его “Фортом смерти”, да и сами гестаповцы открыто называли его “Фернихтунгштелле-Кауен”¹.

Вначале этот форт был превращен немцами в филиал каунасской Центральной тюрьмы, где расстреливали евреев и литовцев, советских активистов. Чрезвычайной государственной комиссией установлено, что на Девятом форту расстреляны депутат Верховного Совета СССР Буджинскене, депутат Верховного Совета Литовской ССР Зибертас, каунасский стахановец Щербаков с женой и ребенком и другие.

Вначале расстрелы происходили во дворе форта. Одновременно под западной стеной форта, начиная с июля 1941 года, тысячи советских военнопленных² под усиленным конвоем рыли ямы...

26 сентября в одиннадцать часов утра немцы распространили слух о том, что по коменданту гетто Козловски³ кто-то стрелял. Сразу же после этого был оцеплен целый квартал; евреев, живших в этом квартале, повели к форту. Оставляли только имевших удостоверения.

Около тысячи человек — преимущественно старики, женщины с малыми детьми, а также многодетные семьи — в тот же день были расстреляны.

Вторая крупная “акция” произошла 4 октября 1941 года. Толпу в две тысячи человек погнали на Девятый форт. Детский дом и богадельню, а также больных, обнаруженных на частных квартирах, отвезли на грузовиках. Больницу гетто, расположенную в этом квартале, вместе с больными, с врачами и медицинским персоналом немцы подожгли и уничтожили. Пытавшихся прыгать из окон расстреливали. Выходы были заколочены досками снаружи еще до поджога. Со стороны форта весь вечер доносилась стрельба из винтовок и пулеметов.

28 октября в шесть часов утра гестапо приказало, чтобы все население гетто, около тридцати тысяч человек, собралось на площади якобы для про-

1 Пункт уничтожения (нем.).

2 Военнопленных, копавших рвы, было 600 человек, только 10 из них дожили до зимы 1943 г. и работали в группе сжигавших трупы. — И. Л.

3 Вилли Козловски — офицер полиции, командир немецкой охраны гетто. 26 сентября в 4-м форту были расстреляны 1608 евреев. — И. Л.

ведения смотра рабочей силы. В этот день гестаовец Гельмут Раука¹, при участии референта по еврейским делам “при городском комиссаре” Фридриха Иордана², отобрал около одиннадцати тысяч человек. Он продержал их до следующего утра в пустых домах опустевшего после ликвидации “малого гетто”, а 29 октября на рассвете погнал всю эту массу людей к Девятому форту, где они в тот же день были расстреляны³.

На другой день, 30 октября, в гетто прибежал десятилетний мальчик Ицик Блох (он остался в живых, хотя претерпел страшные муки и в Дахау, и в Освенциме). Он был в одной рубашонке, испачканной в крови. Он рассказал следующее.

Вместе со своими родителями он в день “осмотра” был направлен в “малое гетто”. Из “малого гетто” всех погнали на Девятый форт. Там мужчинам приказали раздеться и остаться в одних кальсонах, а женщинам в лифчиках. Раздетых группами гнали в поле, где были вырыты ямы. Людей заставляли прыгать в ямы и там убивали. Маленьких детей поднимали на штыки и швыряли в ямы. Мать Ицика Блоха стала кричать сыну, чтобы он попытался спастись. Он побежал, ему стреляли вслед. Он упал в кусты, но пули пролетели мимо. Когда стемнело и стрельба и вопли стихли, он поднялся и убежал. На рассвете он пробрался в “малое гетто”. Здесь все было пусто и разрушено. Он просидел целый день в погребке, а к вечеру добрался до “большого гетто”, где еще оставались люди.

Когда Ицик рассказывал эту историю, ему не хотели верить. Думали, что мальчик сошел с ума.

Массовые убийства людей, доставленных из Германии и других государств Западной Европы

В начале декабря 1941 года мимо гетто под конвоем проследовала большая группа мужчин, женщин и детей.

В тот же день гестапо отправило на станцию бригаду еврейских рабочих из гетто и приказало грузить на машины багаж. Багаж доставлялся в здание гестапо, здесь его распаковывали и сортировали. Связь с этим багажом и людьми, которых отправили на форт, была очевидна. Это была партия евреев из разных городов (Берлина, Франкфурта-на-Майне, Бреслау, Ганновера, Гамбурга, Вены и др.). Специальными извещениями они были вызваны для эвакуации на восток (“нах остен”) — на работу. В извещениях было точно указано, какие вещи надо брать с собой и сколько должен весить ба-

- 1 Гельмут Раука — гауптшарфюрер СС. С 1941 г. до середины 1942 г. — референт в еврейском отделе гестапо. Проводил все крупные акции в Каунаском гетто. После войны жил в Канаде. В 1986 г. суд в Торонто признал его виновным в убийстве евреев, он был выдан Германии, где умер в тюрьме, обвиненный в убийстве более 11,5 тысячи человек. — *И. Л.*
- 2 Фридрих Иордан, гауптштурмфюрер СА, референт по еврейским делам при гражданской администрации Каунаса. Организатор ряда “акций” в гетто. В начале 1942 г. был послан на Восточный фронт, где и убит. — *И. Л.*
- 3 Согласно отчету, 29 октября 1941 г. при “очищении гетто от ненужных евреев” были расстреляны 2007 мужчин, 2920 женщин и 4273 детей (всего 9200 человек) — так называемая Большая акция. — *И. Л.*

гаж. На каждом узле были обозначены имя и адрес владельца. При распаковке вещей было найдено много документов.

Среди привезенных были врачи, адвокаты, инженеры, ремесленники, многие из них были офицерами германской армии времен Вильгельма II, награжденными в мировую войну 1914–1918 гг. Были найдены также религиозные книги, принадлежавшие раввинам. Все это было тщательно упаковано и уложено для дальнего путешествия. Характерно, что почти в каждом узле был рабочий костюм: комбинезон, брезентовые брюки и т. п.

Как сообщил Чрезвычайной комиссии бывший надзиратель Девятого форта Ю. Науджюнас, эта первая группа иностранных евреев состояла из четырех тысяч человек¹. 10 декабря начались расстрелы. 16 декабря на форт прибыла вторая группа в три тысячи человек. Они также все без исключения были уничтожены.

Зимой 1941/42 года на форт было доставлено еще несколько групп евреев — из Германии, Австрии, Чехословакии и других оккупированных гитлеровцами государств.

4 февраля 1943 года, после своего небывалого поражения под Сталинградом, гитлеровцы выместили свою злобу на евреях.

Они собрали группу “провинившихся” (кто купил газету, кто — кусок хлеба) и всех их, с женами и детьми, привезли на Девятый форт и расстреляли.

Террор против гражданского населения в Каунасе усилился. По малейшему подозрению в связи с партизанами гестаповцы арестовывали и уводили на Девятый форт. Сотни рабочих и интеллигентов-антифашистов нашли там свою смерть.

Уничтожение массовых могил

Вскоре после поражения под Сталинградом немцы скомплектовали специальную команду, которая должна была разрыть могилы на Девятом форту, извлечь трупы и сжечь их на кострах. После двух месяцев работы команде удалось бежать с форта. Часть бежавших добралась до партизанских баз. От некоторых спасшихся — Алтера Файтельсона, Исроэля Гитлина, Пинхоса Кракиновского, Арона Виленчука, Береля Гемпеля, Владислава Блюма — автор этих строк подробно узнал обо всем, что они видели и пережили на Девятом форту. Автором использованы также записи, сделанные в гетто по сообщениям партизана Арона Манейскина (тоже бежавшего с форта).

Осенью 1943 года крестьяне доставили на форт около 500 м³ дров, большое количество бензина, разные химические горючие и взрывчатые вещества. Пространство за западной стеной форта, где находились массовые могилы, было отгорожено брезентом в 2,5 м высоты. Сюда же был доставлен экскаватор. Вокруг форта на расстоянии нескольких километров были

1 Всего в Каунасе были убиты 10–15 тысяч евреев из Германии и других стран. — И. Л.

расставлены щиты. Надписи на них гласили, что всякий, кто приблизится к форту, будет расстрелян без предупреждения.

В команде по извлечению и сжиганию трупов в середине ноября 1943 года было 72 человека. Среди них было:

- 1) 34 советских военнопленных;
- 2) 14 евреев, пойманных по пути в партизанские отряды (Эйдельсон Шимен, Гемпель Берл, Гельбтрукн Михл, Гербер Мойше, Дейч Мендл, Дискант Аба, Виленчук Арон, Зимелевич Мойше, Хононович Шмуэль, Манейскин Арон, Файтельсон Алтер, Кракиновский Пинхос, Шмит Шепсель);
- 3) 9 евреев, взятых из гетто. Среди них: Левин Мойше, Лахницкий, Майстер, Фридман Тэвье, Хас Мендель, Гитлин Исроэль и др.;
- 4) 8 евреев, пойманных в Каунасе при различных обстоятельствах (без желтой заплаты, при покупке продуктов у литовцев, скрывавшихся у литовцев). Среди них: доктор Портной, Шалит Гирш, Виткин, Шустерман (раввин из Польши), Блюм Владислав (адвокат из Варшавы) и др.;
- 5) 3 русских братьев, которых застали за партизанской диверсионной работой в окрестностях Каунаса¹;
- 6) полька по подозрению в том, что она еврейка;
- 7) 3 еврейские женщины, взятые из гетто.

Среди советских военнопленных были: доктор Нейменов, 62 года, майор медицинской службы, москвич, Василенко-Весельницкий И. Л. — капитан, инженер флота², Герман Рубинфельд — младший лейтенант, Шахов — кузнец с Кавказа, доктор Арон — капитан медицинской службы, Барух — фармацевт, Латышин — радист танка, Анатолий Гран — житель Одессы, и др.

Комендантом гестаповской зондеркоманды, руководившей уничтожением массовых могил на Девятом форту, был оберштурмфюрер Радиф. Хозяйством форта заведовал Ридле, известный своей свирепостью гестаповец, часто посещавший Каунасское гетто. Поваром был тоже гестаповец. Стража состояла из немцев, служащих в каунасской “полиции порядка”. Во главе стражи стояли полицеймайстеры Апель и Литшауэр. Последний в течение некоторого времени был комендантом Каунасского гетто.

Перед уходом на партизанские базы группа беглецов пробралась в гетто. Здесь был составлен акт об ужасах, творившихся на Девятом форту.

АКТ. КАУНАС. 26 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА

Мы, нижеподписавшиеся, группа заключенных на IX форту, бежавших оттуда в ночь с 25 на 26 декабря нынешнего года, в составе Весельницкого И. Л. (Василенко), Дисканта А., Файтельсона А., Гемпеля Б., Эйдельсона Ш., Манейскина А. составили настоящий акт о следующем:

- 1 Это были братья Арсений, Василий и Макар Кургановы. После побега Арсений и Василий были выданы гестапо и погибли, Макар выжил. — *И. Л.*
- 2 Василенко (И. Л. Весельницкий) (1907–1989), до плена — капитан Красной Армии. Один из организаторов побега евреев из “зондеркоманды 1005 Б” в Девятом форту Каунаса (25 декабря 1943 г.). Из форта он с группой бежавших попал в Каунасское гетто, откуда группа была выведена к партизанам. Позднее — командир одного из отрядов Еврейской партизанской бригады. — *И. Л.*

- 1) В период 1941–1942 гг. территория IX форта была использована немецким командованием для проведения массовых расстрелов;
- 2) Дабы скрыть это преступление, немецкое командование в лице руководителя каунасского гестапо организовало раскопку ям, в которых погребены жертвы расстрелов, и приступило к сожжению трупов;
- 3) Для проведения этой работы гестапо в конце октября — начале ноября с. г. собрало на форт 72 человека: 34 советских военнопленных, 14 партизан, 3 русских, 4 женщины, 17 евреев из Каунасского гетто;
- 4) Проведение этой работы было организовано таким образом, чтобы никто из окрестного населения не знал, что делается на территории IX форта. В радиусе 2 км были развешаны объявления, запрещающие приближение к форту под угрозой расстрела. Место работы на территории 2–3 га было огорожено полотнищами. Люди, проводившие работу, живыми с форта не уходили. Это подтверждается тем фактом, что еврей из гетто, заболевший аппендицитом, был расстрелян 1 ноября, 7 военнопленных — пожилых и инвалидов — были расстреляны 13 ноября с. г. Таким образом, на работе осталось 64 человека;
- 5) За время проведения работы, т. е. с 1 ноября до 25 декабря (день побега), было вскрыто 4,5 ямы, каждая длиной 100–120 м, 3 м ширины и 1,5 м глубины, из коих извлечено свыше 12 тысяч трупов мужчин, женщин и детей. Трупы укладывались по 300 человек на костер и сжигались. Остатки костров (уголь и кости) размалывались в порошок трамбовками. Порошок смешивался с землей, чтобы никаких следов не оставалось;
- 6) Во избежание побегов во время работы рабочих заковывали в цепи. Были установлены башни для пулеметов. Стража была вооружена автоматами и пистолетами;
- 7) Среди 12 тысяч сожженных трупов было около 5 тысяч евреев, привезенных сюда из Вены, Франкфурта-на-Майне, Дюссельдорфа, Гамбурга и других германских городов, около 150 евреев — советских военнопленных и около 7 тысяч евреев из Каунаса. Евреев из Германии расстреливали и закапывали в одежду, остальных перед расстрелом заставляли раздеваться до белья;
- 8) Положение трупов свидетельствует о том, что людей группами загоняли в ямы, заставляли ложиться, а потом в них стреляли. Это приводило к тому, что многие были похоронены, будучи легко ранеными или вовсе не ранеными;
- 9) Ко дню побега оставались не вскрытыми 9,5 ям. Руководители гестапо рассчитывали закончить эту работу к 1 февраля 1944 года;
- 10) Исходя из того, что из первых 4,5 ям было извлечено 12 тысяч трупов, а не вскрытыми остались 9,5 ям, можно предположить, что на территории IX форта погребено около 40 тысяч жертв зверского террора немцев против гражданского населения. Число 40 тысяч упоминалось также в разговорах представителей гестапо¹.

(Следует одиннадцать подписей.)

Вот что рассказали спасшиеся с Девятого форта.

¹ Текст акта подвергался значительной переработке с целью увеличить количество жертв. В оригинале акта, хранящемся в музее Девятого форта, даны следующие цифры: "...Вскрыто 6,5 ям, осталось не вскрытых — 7,5 ям. Количество жертв — 25–30 тысяч человек, что упоминалось также в разговорах представителей гестапо". — И. Л.

Каждое утро ноги заключенных заковывали в цепи. На ночь цепи снимались. Желая исключить возможность побега, немцы на первых порах заковывали заключенных попарно. Когда выяснилось, что это мешает работе, немцы приказали заковывать каждого в отдельности.

Процесс работы по раскопке трупов состоял в следующем: экскаватор удалял верхний слой земли. Затем команда очищала трупы от налипшей земли. Далее команда “тягачей” при помощи железных крюков вытаскивала трупы из ямы. По извлечении трупов на поверхность они подвергались осмотру. Специально назначенный человек должен был вырывать золотые зубы. У немецких евреев, которых хоронили в одежде, надо было проверить карманы, под угрозой расстрела все найденные ценные вещи надо было сдать дежурному немцу.

После “тягачей” наступала очередь “носильщиков”. Они на носилках доставляли трупы к кострам.

Костры для сожжения трупов имели такой вид: укладывался слой дров квадратом 4 × 4 метра. Под дровами был вырыт канал, который заполнялся горячей жидкостью. На слой дров укладывались трупы. Норма одного костра — триста трупов. Для того чтобы разжечь костер, в нижний канал с жидкостью клали несколько термитных бомб, которые взрывали. Костер горел круглые сутки. Его пламя было видно на десятки километров.

Специальный человек должен был собирать выпадавшие из костра куски тела и бросать их снова в огонь. Он отвечал за то, чтобы костер сгорал без остатка.

Мойше Гербер нашел у одного из покойников фотографию родителей своей невесты (по фамилии Фиш).

Военнопленный Рубинфельд нашел обручальное кольцо с надписью “Рубинфельд”; выгравированная на кольце дата соответствовала дате венчания его брата.

Исроэль Гитлин узнал среди трупов своего товарища Янкеля Шавельского, жившего в Каунасе на улице Бенедиктинок и погибшего во время “большой акции”.

В одной из ям были обнаружены дети из детского дома и старики из богадельни, которых вывезли 4 октября 1941 года во время “акции” в “малом гетто”.

Когда костер сгорал, оставались груды обуглившихся костей, непрогоревшие угли и мелкие куски металла. Металлические предметы надо было отдавать немцам. Это были пуговицы, пряжки, крючки и т. п., которые отсылались в пошивочные мастерские. Кости и непрогоревшие угли клались на металлическую плиту и дробились в порошок.

Вначале немцы установили норму в триста трупов в день. Для выполнения такой нормы требовалась интенсивная работа. Немцы подгоняли:

— Давай, давай! Еще кукол наверх! Костер горит!..

Затем норма сожжения была увеличена до шестисот трупов в день¹.

1 По рассказу Весельницкого (Василенко), записанному в гетто, через несколько дней после побега из форта, чтобы усыпить бдительность охраны, евреи сами увеличили дневную норму до 500 тел в день. После войны Весельницкий рассказывал, что в начале работ, один костер — 250 трупов, готовили два дня. Позже за один день складывали три костра (около 750 трупов), чтобы усыпить бдительность охраны (сообщение Х. Баргмана из Каунаса). — И. Л.

Во время сгорания тела на костре начинали делать различные движения — они корчились, вытягивались... Казалось, что мертвецы говорили, что добро пропадает зря, что этот мир можно было бы превратить в мыло лучших сортов...

Все спасшиеся рассказывают о страшном случае, который произошел при сжигании трупов: с верхнего слоя свалилось женское тело. От уда-ра оземь у женщины лопнул живот, из которого выпал 8–9-месячный ребенок.

Состояние трупов в различных ямах было неодинаково. В глинистой почве трупы сохранялись лучше, чем в песчаной, лучше других сохранялись тучные тела. Платье также сохранялось в глинистой почве. Но лица у всех трупов были обезображены до неузнаваемости. Во всех ямах верхний слой трупов был покрыт известью.

Михл Гельбтрук старался не касаться мертвецов голыми руками. Это разозлило немецкого стражника, он выхватил из рук Гельбтрунка лопату и стал его избивать. От этих побоев Гельбтрук сделался тугоухим.

Гельбтрук, артист из Польши, попал в Каунас в начале немецко-польской войны. Во время работы он постоянно напевал песенку:

*Цельми реками льется красная кровь,
Новых двадцать тысяч мертвецов.
Покупайте газеты,
Читайте газету.
Вот вам новости со всего света:
Грабежи, убийство, провал,
Катастрофа, скандал.
Цельми реками льется красная кровь,
Новых тридцать тысяч мертвецов... и т. д.*

Окружающие подтягивали Гельбтрунку. Они раскачивались, словно в опьянении; цепи на ногах звякали, а губы шептали: “Цельми реками льется красная кровь”.

Время от времени приезжали комиссии гестаповцев и эсэсовцев, чтобы контролировать ход работы. В составе комиссии, прибывшей из Берлина, был генерал. Генерал распорядился выкапывать мертвецов и сжигать их, а ямы пока не засыпать. Это займет слишком много времени, а сейчас важно поскорее и побольше сжигать.

Однажды приехала группа гестаповцев из Вильнюса. Арон Манейскин подслушал разговор: гости говорили, что в Каунасе костры горят лучше, чем в Вильнюсе.

Побег заключенных с Девятого форта

Заключенные были уверены, что по окончании работы все они, без исключения, будут расстреляны. Старик доктор Нейменов умолял немцев расстрелять его, но на это ему каждый раз цинично отвечали:

— Нет, юде, ты можешь еще пригодиться. Работать надо.

К активности и сопротивлению призывали четырнадцать молодых людей¹, члены подпольной антифашистской организации, которых поймали на пути к партизанским базам.

Среди узников организовалась комиссия из трех человек — двое от военнопленных (Шахов и капитан Василенко) и представитель от группы партизан (Файтельсон)². Вначале была сделана попытка подкопа. В одной из камер каземата находился высохший неглубокий колодезь.

Заключенные по ночам начали рыть туннель в направлении внешней стены форта, находившейся на расстоянии десяти-двенадцати метров от каземата. После того как был вырыт метр земли, заключенные наткнулись на слой камня, который невозможно было преодолеть.

Пришлось от подкопа отказаться; возник новый план побега, давший возможность всем заключенным бежать.

Ночью заключенные содержались в камерах одного из подземных казематов. Железная лестница в конце коридора вела наверх в темное помещение, заваленное старым хламом. За наружной железной дверью тянулся ров, где всегда стоял часовой. На противоположной стороне рва (метрах в двадцати) был вход в туннель, который вел к северной части форта. Туннель был завален дровами. Таким образом, заключенным предстояло: 1) обеспечить возможность выхода из своих камер; 2) устроить проход через железную дверь; 3) убрать дрова из туннеля; 4) приготовить лестницу, чтобы перебраться через шестиметровую северную стену форта.

Камеры были отделены от общего коридора железной изгородью и массивными железными дверьми, которые запирались снаружи. Слесари Пинхус Кракиновский и Алтер Файтельсон часто оставались в каземате для выполнения различных работ. Хоть и закованные в цепи³, они все же могли в течение дня более или менее свободно двигаться по каземату.

Прежде всего они приготовили ключи к дверям камер. Надо было получить возможность выбраться из одной камеры, тогда уже легко было бы открыть остальные двери. Для этой цели Кракиновский освободил в своей камере заклепку железной штанги. Отодвинув штангу в сторону, можно было выбраться в коридор, а там открыть все камеры.

Под предлогом болезни двое заключенных ежедневно не выходили на работу. Вместо этих “больных” в каземате всегда оставались оба слесаря (немцы контролировали только общее количество выходивших на работу).

В железных дверях надо было сделать пробоину, чтобы человек мог пролезть. Маленьким буравчиком, который слесари тайком унесли из мастерской, были просверлены дырки, одна вплотную к другой, вдоль всего контура намеченной пробоины. Железо, оставшееся между дырок, пришлось выпиливать клинком карманного ножа, превращенного в пилку. Когда на-

1 Основным организатором был староста группы заключенных “Сашка-бригадир” — Александр Подольский (Хайловский), военнопленный из Ленинграда. Он был в форту с 1941 г., работал электромонтером, иногда имел возможность свободно ходить по форту и поэтому хорошо его изучил. — *И. Л.*

2 Состав комитета (по организации побега) точно неизвестен, в источниках упоминаются в качестве членов А. Подольский, И. Весельницкий, Т. Пиловник, А. Дискант, М. Зимелевич, Р. Шахов, Т. Фридман и А. Файтельсон. — *И. Л.*

3 Внутри каземата в цепи не заковывали. П. Кракиновского в качестве больного оставлял староста — А. Подольский. — *И. Л.*

верху шла работа по выпиливанию пробоины, второй узник, остававшийся внизу, сидел в коридоре у печи и сушил портянки. Если в каземате появлялся немец, оставшийся начинал громко кашлять или петь, что должно было служить сигналом для работавшего наверху.

Вечером, по возвращении заключенных в камеры, работа продолжалась. Чтобы заглушить скрежет сверла или пилы, заключенные в камерах пели и плясали. Немцы этому не препятствовали. Наоборот, они были довольны, что люди хорошо настроены, покорны в работе.

Пробоина в железных дверях была уже почти готова. Теперь надо было освободить туннель от дров. Старик-военнопленный, доктор Нейменов, наблюдавший за исправным горением костров (немцы титуловали его “бригадемайстером”), заявил полицеймайстеру Апелю, что можно было бы сжигать больше шестисот трупов в день, если бы дрова были сухими. А сухие дрова находятся в туннеле... В тот же день люди были мобилизованы на очистку туннеля и переброску дров к месту сжигания...

Столяр М. Хас, работавший в столярной мастерской, приготовил части, из которых была сделана крепкая шестиметровая лестница¹.

Приготовления были закончены, побег назначили в ночь с 25 на 26 декабря 1943 года.

Не все заключенные были посвящены в приготовления к побегу. Только днем 25 декабря организаторы объявили об этом всем. Люди были разделены на несколько групп. Группа в четырнадцать человек, связанная с подпольной антифашистской организацией в гетто, решила искать контакта с этой организацией, чтобы затем отправиться на партизанские базы. Двадцать три человека — из них шесть евреев из гетто, остальные — военнопленные, выбрали для себя маршрут в Ибенские леса, к партизанам. Руководителем этой группы был назначен Мойше Зимелевич — смелый антифашистский работник из Каунасского гетто; двенадцать человек хотели направиться в Бабтайские леса Каунасского уезда, тринадцать человек — среди них женщины — должны были разойтись по разным местам по своему усмотрению.

На дворе лежал глубокий снег, и постовой легко мог заметить бегущих людей. Заключенные сшили две простыни, четырех человек нарядили в белые халаты, сшитые из сорочек и кальсон. Под покровом простынь (эти простыни за углы держали четверо замаскированных) должны были проходить группы по восемь человек. Руководители побега запаслись длинными ножами, которые в случае нужды должны были служить холодным оружием.

В субботу 25 декабря около десяти часов вечера началось осуществление смелого плана. Отодвинув нижнюю часть освобожденной штанги, один из слесарей вышел в коридор и заранее подобранными ключами отпер двери всех камер. Дисциплинированно, в строгом соответствии с установленным порядком, люди выходили из камер. Железную лестницу, которая вела к выходу, покрыли одеялами и тряпьем, чтобы заглушить шаги. Путь освещали зажигалками и спичками. Стража по случаю праздника

¹Изготовлены были деревянные ступени веревочной лестницы, которую повар заключенных В. Санкин пронес под одеждой в камеру. — И. Л.

пьянствовала, и шорохи, производимые беглецами, тонули в песнях и криках пьяных немцев.

Когда беглецы вышли из туннеля, они оказались у крутого многометрового обрыва, с которого надо было спуститься, чтобы добраться до северной внешней стены форта. Шестиметровую стену одолели при помощи заготовленной лестницы. Колючая проволока наверху стены была перерезана специально приготовленными щипцами. За проволокой открывался вольный зимний простор.

Только через четыре часа администрация форта обнаружила бегство заключенных. Вся полиция Каунаса, СС, гестапо и ряд воинских частей были подняты на ноги для поимки бежавших. Но все было напрасно.

Части беглецов удалось пробраться в гетто. Здесь они были приняты подпольной антифашистской организацией.

Группа беглецов, пришедшая в гетто, доставила подпольной организации несколько золотых зубов, которые палачи заставляли вырывать у мертвецов, и два рисунка советского военнопленного Анатолия Грана. На одном рисунке изображены двое заключенных, которые под наблюдением стражи тащат на носилках трупы к костру; второй рисунок — это карикатура, один экземпляр которой Анатолий Гран перед побегом повесил на дверях своей камеры: гестаповцу показывают огромный кукиш (зубы и оба рисунка находятся сейчас в Еврейском музее в Вильнюсе)¹.

Была доставлена также тетрадь протоколов заседаний созданной на форту комсомольской ячейки. В ячейку входили: Тевье Пиловник, Арон Виленчук, Алтер Файтельсон, Мойше Зимелевич² и др. Нельзя без чувства глубочайшего уважения читать о приеме в комсомол Абы Дисканта. «Принимая во внимание его готовность к борьбе, серьезность и товарищеские чувства, которые он проявил в страшных условиях заключения...» В протоколе указывалось, что «он готов умереть, как комсомолец».

К сожалению, протоколы погибли во время сожжения немцами Каунасского гетто 13–15 июля 1944 года.

Беглецов в гетто обеспечили одеждой, продовольствием и ночлегом. Через пять дней³ был организован их уход на партизанские базы в Рудницкие леса возле Вильнюса. Организатор и руководитель партизанского движения в Каунасском гетто Хаим Елин лично сопровождал этот отряд.

На Девятом форту после побега заключенных

После побега команды немцы набрали пятьдесят человек из различных еврейских рабочих лагерей и доставили их на форт для продолжения работы по уничтожению могил. К этой работе были привлечены также евреи, заключенные в каунасской тюрьме.

1 Еврейский музей, существовавший в Вильнюсе в 1944–1949 гг. — *И. Л.*

2 М. Зимелевич в комсомольскую ячейку не входил, он был старше по возрасту. — *И. Л.*

3 Беглецы были отправлены из гетто 6 января 1944 г., т.е. пробыли в гетто около двух недель. — *И. Л.*

Среди заключенных была группа молодежи, задержанная на пути к партизанам (Мойше Рожанский, Лео Зиман, Ицик Киркель, Хоне Мешкуп, Иосель Ходош). Прислали “преступников”, пойманных в городе без желтых заплат или при покупке продуктов у литовцев: Даниэль Рыбак, Геннах Сегалович, Менделевич и др.

Евреев днем и ночью держали закованными в цепи, их не стригли и не брили. И снова по ночам стояло пламя над Девятым фортом, снова северо-западный ветер приносил в гетто запах горящего человеческого мяса.

28 марта 1944 года немцы провели в гетто “акцию” над детьми, стариками, инвалидами и неработоспособными. Они собрали полторы тысячи человек, погрузили их в товарные вагоны. Сейчас известно, что их увезли в Освенцим и там уничтожили в газовых камерах. 29 марта “акция” была продолжена. В этот день людей отвезли в закрытых машинах на Девятый форт, где их немедленно расстреляли, взвалили на костер и сожгли. В этот день на форту погибла тысяча человек¹.

Последние следы преступлений

После освобождения Каунаса Красной Армией во дворе Девятого форта на месте расстрелов было найдено большое количество дров, бочек с бензином и горючим маслом, а также остатки обгоревших человеческих костей и множество металлических пуговиц, крючков и т. п. На стенах форта были обнаружены десятки надписей, сделанных руками обреченных.

Одна из надписей на еврейском языке гласит:

12 февраля я был арестован в Сент-Этьене (Франция). Прибыл в Каунас 18 мая 1944 г. Нас было 850 молодых мужчин. О том, что с нами будет, допишу в последний момент.

Разумеется, несчастный уже не дописал ни слова.

На стенках тазиков, а также на нарах в казематах можно среди сотен надписей прочесть следующие:

18/V.1944 г. Вилли Гринвальд, Ницца.

Творецкий Хаим.

С. Кооль, Амстердам 18/V-44 г.

Видзе, уезд Браславский 15/V-44 г.

¹ “Детская акция” происходила 27–28 марта 1944 г. В первый день были схвачены 900, во второй — около 200 человек. По другим данным, около 1700 детей, стариков и 130 еврейских полицейских гетто, на следующий день дети, старики и 34 полицейских были расстреляны в 9-м форту. Руководили акцией оберфюрер СС Вильгельм Фухс (1898–1947, повешен в Белграде) и обершарфюрер Бруно Киттель. В тот же день, 27 марта, прошла “детская акция” в трудовых лагерях Вильнюса “Кайлис” и ГКП. Гитлеровцы схватили около 200 детей. — И. Л.

Цукерман Хацкель, Вильнюс.

Цалекштейн Вольф из Брюсселя, уехал из Дранси 18/V-44 г.

Надписи на литовском языке:

Умираю невинно от рук немецких палачей Величко Стасис.

Гирш Бурштейн привезен 7/VII-44. Мы жожем трупы. И ждем смерти. Братья, отомстите!

Храбро умираем за еврейский народ!

Сологуб, Прокофьев
сообщите в Мураву
[“Мурава” — предместье Каунаса]

Шлямовский Леонас — здесь погиб

1944 — VII — 7, Диргинчюс Антанас. Сообщите брату, живущему в Таурогском уезде, Эржвилкской волости, деревня Атабанниу.

Нас 900 французов.

Град Морис, Ницца 18.5.1944 отправлен в числе 900.

Написано перед расстрелом за политическую деятельность Якштас Владас.

8/VI-44. Русский военнопленный — за побег из неволи. Вялкин Андрей Васильевич. Сообщите моей жене Марии Вялкиной.

Много надписей немцами стерто.

От крестьян, живущих в районе Девятого форта, были получены подробные сведения о массовых казнях, проводившихся на форту.

Бывший надзиратель Девятого форта Ю. Науджюнас рассказывает, что на Девятом форту были расстреляны три католических священника.

Тот же Науджюнас рассказывает, что в ноябре 1941 года он видел, как на форт привели сто человек, загнали их в яму, облили бензином и подожгли. Из пламени слышались душераздирающие вопли. Гитлеровцы бросали в горящих людей гранаты и стреляли из автоматов.

Гражданин А.Б. Счесно из деревни Гедрайчяй рассказывает, что людей заставляли раздеваться догола в саду возле форта. Отсюда их группами по триста человек гнали к ямам. Несчастливым приходилось подолгу стоять на холоде и ждать своей очереди. Многих загоняли в ямы живыми. Из ям доносились крики и плач женщин и детей.

Бежавшие с форта сообщили, что в одной из ям они нашли документы на имя литовского рабочего Синицкаса Вацловаса, который работал на каунасской текстильной фабрике “Дробе”. Эта яма — место гибели большой

группы антифашистов, которых немцы арестовали летом 1943 года. Те же бежавшие рассказывают, что они обнаружили в закованном ящике, зарытом в землю, тела трех антифашистских деятелей, которых немцы осенью 1941 года публично повесили в Каунасе¹.

Надписи, сделанные Стасисом Величко и Владасом Якштасом, датированы 8. VII.1944 г. Они открывают перед нами последнюю главу трагедии, разыгравшейся на Девятом форту 5 июня 1944 года. Центральная тюрьма на ул. Мицкевича была ликвидирована. Уголовных преступников немцы перед отступлением выпустили на свободу, а политических заключенных перевезли в закрытых машинах на Девятый форт. 7 и 8 июля здесь было уничтожено большое количество граждан Каунаса и окрестностей, которых немцы обвинили в симпатиях к Советскому Союзу.

Комиссия по расследованию преступлений немецких разбойников в Каунасе установила, что гитлеровцы уничтожили здесь около семидесяти тысяч мирных жителей.

Автор — МЕРВ ВЛИН

¹ Это партизаны А. Слапшис, А. Вилимас, В. Баронас, повешенные 13 декабря 1941 г. в Каунасе. — *И. Л.*

В один из осенних дней 1941 года тридцать две тысячи евреев — взрослые мужчины и женщины, старики и дети, были согнаны на площадь. Франтова-то одетый немецкий офицер с хлыстом в руке кратко и отрывисто командовал: “Направо! Налево!” Отец оказывался по одну сторону, мать — по другую, брат уходил налево, сестра — направо. Младенца вырывали из материнских рук, и офицер хлыстом указывал: “Влево! Влево!” Все это было бессмысленно и непонятно, как в кошмарном сне. Тянулись бесконечно долгие часы.

В толпе начался глухой ропот, люди высказывали догадки и предположения. Одни говорили, что “этих” оставят в Каунасском гетто, а “тех” отвезут в Кейданы — на торфзаготовки. Двадцать тысяч человек были отведены направо, а двенадцать тысяч — налево¹. Толпу в двадцать тысяч снова загнали в гетто, а вторую часть заперли отдельно. Больше их в гетто не видели. Группами по несколько сот человек их ежедневно отводили на Девятый форт и расстреливали.

Так была проведена первая “акция”.

По прошествии нескольких месяцев была проведена вторая “акция” — в немного меньших масштабах.

Прошло еще полгода, и немцы в третий раз провели “акцию”.

Люди ходят мрачные и голодные. Молодежь упорно думает о сопротивлении.

Те, которых ежедневно водят на работу вне гетто, возвращаясь, рассказывают, что немцы торжествуют, что на улицах громкоговорители кричат о близкой “победе”... Старики покачивают головами: “Все равно... Пропало!” Матери плачут навзрыд, а перепуганные дети забиваются в углы и сидят неподвижно, с вытаращенными глазенками, и молчат, молчат долгими часами.

Принести в гетто газету, а тем более читать ее было строжайше запрещено. Это грозило смертью. Но ничего не знать — было для молодежи тоже равносильно смерти. Презируя опасность, хранили юноши ключья литовских и немецких газет, в которых они многое вычитывали между строк. Первый удар, полученный под Москвой, немецкие газеты пытались скрыть, но молодежь в гетто нельзя было обмануть. Затем стали появляться сообщения: “Воинский эшелон пущен под откос”, “Бандиты напали на гарнизон” и тому подобное. В гетто все отлично понимали, что это действуют не “бандиты”, а патриоты².

¹ Так называемая Большая акция 28 октября 1941 г. — И. Л.

² В 1941–1942 гг. партизанское движение в Литве только зарождалось, развилось оно во второй половине 1943 г. — И. Л.

Прошло еще несколько месяцев, и люди уже не только догадывались, но все больше убеждались в том, что в Литве существует партизанское движение. Шепотом, с горящими глазами, полными надежды, рассказывали молодые люди друг другу о мужественных партизанах, которые скрываются в лесах и ведут вооруженную борьбу с немецкими захватчиками.

Режим террора в гетто усиливался с каждым днем: время от времени становилось известно, что та или другая группа, которую отправили якобы на работу в Кейданы или Гейжуны, была отвезена на Девятый форт и расстреляна. Вести с фронтов вновь были невеселые: немцы дошли уже до Сталинграда и забрались в глубь Кавказа.

В это время маленькая группа в пять человек решила уйти из гетто и отправиться на восток. Они мечтали прорваться через линию фронта либо отыскать партизан и присоединиться к ним. Из ворот гетто они вышли вместе с колонной “на работу” и больше не вернулись. Спустя несколько дней пожилая женщина Мильштейн жаловалась соседям на то, что ее сын Исроэль исчез. То же рассказывала про своего мужа молодая Давыдова. Среди ушедших был также рабочий Иоффе, многочисленная семья которого погибла при первой “акции”.

Это был уход в неизвестность. Люди ушли без оружия, без продовольствия¹.

Эти пятеро погибли. Спустя короткое время в гетто узнали об их трагическом конце: их захватили недалеко от Каунаса и расстреляли.

Однако первая неудача не охладила молодежь. Решение бежать из гетто осталось твердым. Но теперь молодые люди готовились к этому организованно. Среди них был и будущий руководитель и организатор каунасского еврейского партизанского движения, молодой еврейский литератор Хаим Елин. Еще в сметоновские времена он был известен в Литве как передовой еврейский культурный деятель; позднее, с установлением советской власти, он выдвинулся как талантливый сотрудник каунасской газеты “Дер Эмес” (“Правда”). Хаиму Елину удалось несколько раз незаметно выбраться из гетто и связаться с коммунистической организацией, которая к тому времени усилила свою нелегальную деятельность в Каунасе.

По инициативе Хаима Елина в гетто были организованы первые партизанские ячейки, которые начали готовиться к партизанской работе. В каждой из этих ячеек насчитывалось по пять юношей, один из коих был руководителем².

В целях конспирации ячейки на первых порах ничего не знали друг о друге. Конспирация была необходима, так как за беглецов из гетто отвечали своей жизнью оставшиеся члены семей, жильцы того дома, в котором беглец проживал, бригада, в которой он работал.

Любовь к жизни, жажда мести и глубокая вера в конечное торжество нашего правого дела даже в мрачной обстановке гетто, на краю гибели, воодушевляли маленькие группы, время от времени собиравшиеся на черда-

1 Эта группа вышла из гетто много позднее — 5 августа 1943 г., она состояла из Израйля Мильштейна (командир), Цалела Иоффе, Яши Давыдова, Моше Славянского и Меера Тейтля. По заданию организации они должны были вести поиски партизан в Восточной Литве. Они были вооружены револьверами и гранатами, имели карты, компасы, были полностью подготовлены. — И. Л.

2 Елин руководил подпольем гетто с начала 1942 г., ячейки состояли из 3–4 человек. — И. Л.

ках и в подземельях. Бывало, вследствие внеочередной “акции” от “пятерки” оставалось четыре, а то и три человека. Но оставшиеся в живых упорно продолжали работу.

Хаим Елин, один из членов рабочей бригады, выходил из гетто на работу за город. Никто не знал, откуда и как он доставал и почти ежедневно приносил руководителям ячеек рукописные листовки, “Политические новости” и “Сводки с фронтов”, освещавшие военное положение совсем не так, как местные фашистские газеты. Из уст в уста передавались эти сообщения, они приносили утешение и надежду.

Будущие партизаны проходили “курс” не только политической подготовки. Они энергично изучали военное дело. У кого-то нашелся старый пистолет; он переходил по очереди из ячейки в ячейку, из рук в руки, и каждый его винтик был изучен. Из дерева было выточено несколько учебных гранат; по старому воинскому уставу учились ходить в разведку, минировать и взрывать мосты. Однако для того чтобы перешагнуть порог гетто и начать настоящую партизанскую деятельность, требовалось прежде всего оружие, которого в гетто никак нельзя было раздобыть. Тогда решено было отправить группы партизан без оружия.

Хаим Елин принес из города маршрут.

Летом 1942 года был разработан план похода. Решено было двигаться мелкими группами — по четыре-пять человек, переодетыми в ветхую, заплатанную крестьянскую одежду. Каждая группа идет отдельно, соблюдая дистанцию между отдельными людьми в пределах видимости. Двигаться только днем¹.

Специальную маршрутную карту вычертил доктор философии Волсонок, известный ученый. После изнурительного, непривычного физического труда он ночи напролет, обнаруживая неиссякаемое терпение, с каждым в отдельности по карте проходил весь маршрут. Он заставлял запоминать наизусть каждый переулок, рошу, речку, обходы местечек и деревень. Собиравшимся уйти из гетто предстояло проделать свыше двухсот километров, а брать карту с собой было нельзя.

Первые тридцать человек были готовы к отправке. Оставалось, однако, преодолеть немалые трудности. Надо было выбраться из ворот гетто, позаботиться, чтобы остающиеся родственники и близкие не пострадали.

Гетто день и ночь строго охранялось гестаповцами. У ворот стояла стража немецкой комендатуры вместе с представителями еврейского “самоуправления” (охрана порядка). Число людей в рабочих колоннах как при уходе на работу, так и при возвращении в гетто несколько раз проверялось. Если бы тридцати смельчакам и удалось выбраться из ворот гетто, то нехватку их легко было бы обнаружить при возвращении колонн, и это могло иметь роковые последствия. Хаим Елин понимал, что без помощи юденрата ему не удастся вывести группу из гетто, и решил открыть свою тайну.

Юденрат² во главе с назначенным “старшиной” (“оберюде”), известным каунаским врачом, доктором Элькесом решил всячески содействовать начинаниям молодежи. Юденрат отвечал головой за каждого еврея в гетто

1 Так называемый марш в Августовские леса. — И. Л.

2 В Каунаском гетто самоуправление называлось эльтестерат — совет старейшин. — И. Л.

и отлично понимал, чем это грозит. *И однако члены юденрата предпочли путь содействия первым попыткам сопротивления пассивному ожиданию неизбежной бесславной смерти от рук фашистских палачей.*

Однажды утром осенью 1942 года немецкой страже у ворот был предъявлен список за немецкой вычурной подписью и печатью, в котором было сказано, что перечисленные здесь тридцать “специалистов” направляются в Н. — “на работу”. Комбинация со списком удалась, и вскоре все тридцать человек с узелками в руках вышли за ворота гетто¹.

В узелке у каждого лежала крестьянская одежда.

Пришлось укрываться в подворотнях, прятаться в мусорные ящики, заброшенные сараи, чтобы там освободиться от наряда с желтой звездой. Существовала договоренность, что никто друг друга “не знает”. Если один будет задержан, остальные продолжают двигаться вперед. Но такого порядка, конечно, можно держаться только в первые дни. Вскоре условие это, в силу различных причин, было нарушено.

Лишь менее половины ушедших из гетто благополучно добрались до дремучих Августовских лесов, где они после долгих блужданий встретились с партизанами. Многие же в пути попались в руки гестаповцев и были замучены, некоторые “потеряли нить” и сбились с пути. Двадцатилетний Файнгольд со своим товарищем в течение шести суток бродили по лесам. Они забрались в самую чащу, питались кореньями, обессилели и измучились, но никого не встретили. В отчаянии они вернулись обратно. Позднее в гетто вернулись еще двое — Нехемия Эндлин и Шмуэль Мортковский. Их возвращение произвело удручающее впечатление².

Между тем антифашистский центр в городе взял на себя непосредственное руководство движением. Крепли связи Хаима Елина с антифашистским центром. Пришло время посылать молодых людей уже не в обличье бедняков-крестьян, когда им приходилось без оружия добираться до далекой лесной чащи, а там либо встретить, либо не встретить партизан. Становилось ясным, что людей надо прежде всего вооружать в самом гетто и только после этого с провожатым отправлять в лес. Во весь рост встал основной вопрос: где взять оружие? В городе его можно было достать за большие деньги. И тогда матери продали свои обручальные кольца и часы, из домов продали все более или менее ценное, и таким образом несколько юношей обзавелись револьверами.

Спустя некоторое время из гетто ушли девять молодых людей. Они были вооружены, имели точный маршрут — в Рудницкие леса, западнее Вильнюса.

Юденрат знал об уходе этих людей и помогал им.

Среди ушедших были Арон Виленчук, бывший ученик Каунасской гимназии имени Шолом-Алейхема (родители Виленчука были расстреляны

1 Эта группа, под руководством Лейзера Цодикова, выехала из гетто на трех подводах осенью 1943 г. В группе было 20 человек. — *И. Л.*

2 В Августовские леса на поиски партизан было отправлено около ста недостаточно хорошо вооруженных бойцов (до 31 октября 1943 г.). Это было вызвано опасением новых акций в гетто. 23 октября 1943 г. около 3 тысяч евреев были высланы в концлагерь Эстонии. Намеченной цели, у озера Бружаны, достигли только Нехемия Эндлин и Шмуэль Мортковский. Свыше 40 бойцов были схвачены немцами и погибли. Эндлин и Мортковский впоследствии были проводниками других групп. — *И. Л.*

во время одной из первых “акций”), Юдель Шерман — рабочий и Мойше Упницкий — служащий. На этот раз из девяти ушедших пятеро благополучно прибыли на место и включились в партизанские ряды. Двое были схвачены и отвезены в Каунас на Девятый форт, третий был застрелен в неравном бою с гестаповцами, а последний — Мойше Упницкий — укрылся у одного литовского крестьянина и скончался от ран, полученных в бою¹.

Но больше половины смельчаков достигли цели! Об этом через Хаима Елина узнали в гетто.

Юноши были полны надежд и бодрости: вместо того чтобы сидеть и ждать неминуемой гибели, они выбрали другой путь — с оружием в руках сопротивляться и активно бороться с врагом. Партизанское движение находило в гетто все больше и больше приверженцев.

Хаим Елин не знал покоя. Сотни километров он исходил пешком, чтобы дойти до партизан и установить с ними личную связь. Его энергия была неисчерпаема. Он возвращался и снова уходил в лес. Он проводил тайные совещания с антифашистским центром в Каунасе, он устраивал заседания с юденратом. С молодежью он разрабатывал планы добывания оружия, с евреями-портными советовался относительно приспособления соответствующих костюмов для тех, которые собирались уходить в лес, с евреями-слесарями обсуждал вопрос об организации в гетто тайной мастерской для приведения в порядок сломанного оружия. Где взять оружие для молодежи? Это было постоянной заботой Хаима Елина. В конце концов оружие было добыто.

Хаим Елин организовал в самом гетто вооруженную боевую группу и поставил перед ней задачу — добыть оружие насильственным путем. Боевая группа должна была время от времени выходить из гетто и возвращаться с добытым оружием.

Молодой парень Янкель Биргер весной 1943 года со своей группой среди бела дня напал на военную ремонтную мастерскую². В результате нападения было добыто одиннадцать винтовок. Другая группа, которой руководил Ицхок Миклишанский, таким же путем получила двадцать три винтовки. Хаим Елин стал расширять сеть ячеек.

Перед Хаимом Елиным стояла трудная задача: из тех, кто рвался к борьбе, отобрать наиболее подходящих. Сначала он отобрал одиночек, то есть не имеющих семьи и близких в гетто. Но таких оказалось слишком много — “акции” нарушили целостность почти всех семей: муж потерял жену, сын — отца, сестра — брата. Пришлось установить очередь на отправку в лес. В середине 1943 года партизанское движение в Литве значительно окрепло.

Партизаны принимали открытый бой с частями немецких гарнизонов, разоружали их, уничтожали или просто прогоняли³. Конечно, не всегда та-

1 Группа вышла 23 ноября, руководили ею Элия Олькин и Мойше Упницкий. Группу вели трое проводников-партизан. Надо было пройти 150–160 км. Группа понесла большие потери, Э. Олькин погиб, М. Упницкого, тяжело раненного в руку, принесли обратно в гетто. Он выжил. — *И. Л.*

2 Первая крупная операция по получению оружия проведена в январе 1944 г. на складе немецкого военного госпиталя. Провели операцию Ицик Миклишанский, Мендл Мошкович и М. Гегужинский. Вторую операцию на оружейном складе ПВО провели Я. Леви, И. Миклишанский, М. Мошкович и прибывшие из леса партизаны Ш. Мортковский и Б. Лопянский. — *И. Л.*

3 Сильное преувеличение. В 1943 г. партизаны в Литве органичивались диверсиями и мелкими акциями. Для разоружения гарнизонов они еще были слишком слабы. — *И. Л.*

кие стычки оканчивались успешно. Немало жертв несли при этом и партизаны. При отступлении не всегда удавалось забирать с собой павших в борьбе. Среди последних было немало евреев, и немцы стали задавать себе вопрос: “Откуда они берутся? Ведь евреи заперты в гетто!”

Немцы поняли, что между евреями, запертыми в гетто, и партизанами в лесах существует связь.

Вследствие этого террор в гетто еще более усилился. Стража была увеличена. Контроль у ворот за всеми входящими и выходящими сделался еще более тщательным. Очень часто происходили облавы. Под предлогом поисков оружия в гетто врывались группы гестаповцев, громили дома и забивали людей. Но все было напрасно, отправка вооруженных молодых людей в леса не прекращалась.

Случалось, утром к воротам гетто подъезжал грузовик; гестаповец-штурмфюрер в полной форме с надлежащими документами на руках входил в дом юденрата и выводил оттуда группу евреев. Немцы, стоявшие на страже, ухмылялись: “Эти евреи больше никогда в гетто не вернуться”. В известной степени они были правы, так как грузовик на самом деле отвозил этих людей из гетто — к партизанам. “Гестаповец”, разумеется, был переодетый еврей-партизан, проводник, хорошо знавший свое дело.

Однажды немцы собрали всех людей из еврейской “охраны порядка” и, обвинив их в поддержке партизанского движения, расстреляли¹.

На их место немцы назначили других. Но и вновь назначенных не испугала участь их предшественников. Они тоже выполняли свой долг и помогали пленникам гетто в их борьбе против врага.

Во время обыска у одного молодого еврея Мека нашли спрятанный револьвер. Немедленно на одной из улиц гетто была построена виселица, к которой было согнано все население, от мала до велика. Мека повесили, а семья его — мать и две сестры — тут же, у подножья виселицы, были расстреляны².

Но и на эту меру евреи из гетто ответили отправкой в лес новой партии молодых людей.

Борьба становилась все более ожесточенной.

В конце 1943 года Каунасское гетто перешло от немецкого гражданско-го управления в непосредственное ведение гестапо. Новым комендантом был назначен оберштурмфюрер Геке. “Акции” участились. Тысяча пятьсот человек были переведены на работу в предместье Алексотас. Три тысячи пятьсот евреев были вывезены в Эстонию. Но многим удалось бежать. Люди прятались в глубоких канавах вдоль дорог, исчезали в лесах. Они выпрыгивали через окна вагонов на маленьких станциях, где поезда задерживали на несколько минут. Все они уходили к партизанам.

Группа в восемьдесят человек была отправлена на торфоразработки в район между местечками Кайшедорис и Кейданы. Вся группа однажды

- 1 Это происходило в начале 1944 г. Тридцать четыре полицейских из гетто расстреляли во время “детской акции” 27–28 марта 1944 г. Причиной послужила месть за убийство подпольщиками агента гестапо Файна и отказ полицейских выдать подпольщиков. Вместо полиции была организована “служба порядка” под руководством агентов гестапо, рьяно выполнявшая приказы немцев. — *И. Л.*
- 2 Ночью 15 ноября 1942 г., при попытке убежать из гетто, был задержан еврей Ноах Мек, который при аресте отстреливался. 18 ноября Мека повесили напротив эльтестерата и 24 часа заперщали его снять. Его мать и сестра расстреляны в Девятом форту 19 ноября. — *И. Л.*

ночью сбежала к партизанам. Уйти в лес помогли литовские партизаны, действовавшие в этом районе. От них — еще до побега — евреи получили оружие.

В это же время произошел смелый побег группы евреев, бежавших из Девятого форта¹, форта смерти. В группе было довольно много молодых евреев, в разное время схваченных гестаповцами при попытке бежать из гетто. Среди них был упоминавшийся выше Арон Виленчук, бывший воспитанник шолом-алеихемской гимназии, ушедший из гетто с первой группой.

Одним из организаторов побега был еврей — военнопленный, капитан, впоследствии отличившийся в партизанских боях².

Озлобление немцев возрастало. Возобновились “акции”. Прежде всего была удвоена и утроена охрана вокруг гетто. Из ворот теперь можно было выходить в исключительных случаях по специальному удостоверению. На каунасских улицах расставили особых агентов, которые должны были задерживать всякого подозрительного прохожего. В гетто опять была проведена тщательная перерегистрация. Но, несмотря на все эти мероприятия, снова был организован побег нескольких десятков молодых людей. На этот раз руководителем побега был Рахмиэль Берман, бывший артист Каунасского еврейского государственного театра.

Однажды утром из гетто на грузовике выехала рабочая бригада. Шофер-немец был подкуплен. У каждого из членов бригады был припрятан заряженный револьвер. Автомобиль должен был свернуть на боковую улицу и выехать на Вилкомирское шоссе. Однако шофер неожиданно повел машину к центральной улице. Подъехав к одному из ресторанов, он остановил машину и вылез из кабины.

— Куда? — раздалось несколько голосов из кузова.

— На несколько минут — позавтракать! — ответил шофер.

— К оружию! — тихо скомандовал Берман, поняв, что шофер предал их.

Спустя мгновение грузовик был оцеплен гестаповцами. Раздался первый выстрел. Стоявшие в грузовике ответили. Этого гестаповцы никак не ждали.

— Огонь! — скомандовал один из немцев.

Произошла короткая, жестокая схватка. Улица мигом опустела. Где-то звякали разбитые стекла. Евреи забаррикадировались за грузовиком, а немцы спрятались в подворотню. Но еврейская группа понимала, что силы ее ограничены.

Берман приказал:

— Четверо остаются здесь, чтобы задержать врага. Остальным отступить!

Грузовик опрокинули набок. Под его прикрытием люди добрались до соседнего двора. Через заборы, по знакомым переулкам им удалось выбраться за город. Четверо оставшихся завязали бой, чтобы не выпустить гестаповцев из ворот и таким образом выиграть время для своих товарищей. Гестаповцы получили подкрепление, и на четверых вооруженных лишь од-

1 В Кайшядорисе и Кейданах (Кедайнйяй) были рабочие лагеря. В апреле 1944 г. из Кайшядорского лагеря удалось бежать более 40 заключенным, они сумели найти партизан. Из Кедайнйяйского лагеря удалось бежать десяти евреям, остальные были схвачены и замучены гестапо. Побег из Девятого форта совершен 25 декабря 1943 г. — *И. Л.*

2 Капитан И. Л. Василенко-Весельницкий. — *И. Л.*

ними револьверами людей градом посыпались пули из всех близлежащих ворот и окон. Все они пали в неравном бою.

Их товарищи, во главе с Рахмиэлем Берманом, спустя несколько дней были уже в лесу, на партизанской базе¹.

Весной 1944 года, за несколько месяцев до того как Красная Армия освободила Литву, пал смертью героя Хаим Елин. Он бился до последнего патрона. Гестапо во что бы то ни стало хотело захватить его живым, но каждая попытка немцев приблизиться к нему обходилась им дорого. Выпустив последний патрон, Хаим Елин пытался перочинным ножом перерезать себе вену на левой руке. Он умер под пыткой².

27 апреля 1944 года немцы провели одну из наиболее чудовищных “акций” — истребление детей и стариков³.

Для проведения этой “акции” была специально отобрана группа офицеров.

В назначенный день офицеры собрались в гетто. Они были в полной парадной форме, с крестами на груди, со знаком свастики на рукавах, с разноцветными петлицами и золотыми пуговицами. У каждого офицера был на боку револьвер, автомат на груди и топор в правой руке. В таком виде они показались в гетто и двинулись по узким улочкам “еврейского квартала”. И сразу же раздались душераздирающие вопли и крики.

Трудно передать словами то, что произошло в эти жуткие, кошмарные часы. Младенцев вырывали из материнских рук и швыряли в кузова грузовиков. Отцов зверски избивали, у них силой отнимали детей, бросали на открытые платформы автомашин. Подростки пытались бежать, но их настигали пули. Стрелки метили в ноги, так как на грузовики надо было бросать детей только живыми. Если мать заслоняла своих детей, на нее натравливали собак. Когда матери в охватившем их безумии пытались сесть на грузовик вместе со своими несчастными детьми, их рубили топорами. Приказ требовал доставить на Девятый форт живых детей.

Так были вывезены на расстрел три с половиной тысячи стариков и детей.

После этой страшной резни из гетто удалось уйти еще четверым юношам. Среди них были Шие Вержговский и Шмуэль Разин, родители, младшие сестры и братья которых погибли⁴.

“Кровь за кровь” — таков был лозунг евреев-партизан. За злодейский расстрел семьи Виленчук мстил их сын Арон, который одним из первых бежал из гетто.

За уничтожение семьи Иоффе мстил их родственник Исроэль Мильнер. За увод на Девятый форт семьи Глезер и еще двухсот семей мстил партизан, бывший студент Гирш Смоляков. Беспощадно мстил немцам партизан Пейсах Штейн.

В тот самый весенний день 1943 года, когда немцы под предлогом отправки на работу вывезли шестьсот двадцать евреев на Девятый форт и рас-

1 Это было 14 апреля 1944 г. Рахмиэль Берман, один из активистов компартии гетто, был руководителем группы. Проводником был Аба Дискант. Погибли около десятка бойцов, остальным, в том числе А. Дисканту и Р. Берману, удалось прорваться и вернуться в гетто. — *И. Л.*

2 Это произошло 6 апреля 1944 г. — *И. Л.*

3 Имеется в виду “детская акция” 27 марта 1944 г. — *И. Л.*

4 После “детской акции” из гетто уходили целые группы бойцов. — *И. Л.*

стреляли их, Янкель Биргер с группой партизан напал на воинский эшелон и взорвал его. Сотни гитлеровцев взлетели на воздух¹.

Янкель Биргер во время другого диверсионного акта погиб. Но за него, за его погибшего брата, за их мать отомстила еврейская девушка — Эйра Пиловник.

Немцы, проявившие столько “храбрости” в борьбе с безоружными еврейскими матерями, боялись по ночам ходить в одиночку.

Партизаны повсюду подстерегали их. На шоссе Вильно — Гродно их поджидали братья Вольбе — мастера-пулеметчики; в одну ночь невидимая рука взрывала мост, а в следующую ночь другая невидимая рука поджигала склад.

Давид Тепер, Алтер Файтельсон, Лея Порт, Шмуэль Мортковский и десятки других партизан были родными детьми бессильных матерей и беспомощных стариков из гетто. И они мстили за кровь и слезы. Бесстрашными диверсантами были Борух Полянский, Шимен Блох Цодиков.

Еврейский партизанский отряд назывался “Смерть оккупантам!”. Отряд разросся. Из одного стало три.

Евреи боролись плечом к плечу с литовцами и русскими. Они побратались и единой семьей боролись против врага, предъявляя ему единый счет мести.

Автор — Я. ЙОСАДЕ²

- 1 Неясно. Ранее в тексте — Я. Биргер весной 1943 г. в гетто проводил акцию по изъятию оружия. Диверсии на железных дорогах еврейские партизаны начали устраивать осенью 1943 г. — *И. Л.*
- 2 Писатель Яков Йосаде (1911–1995) во время войны служил в 16-й Литовской дивизии и в Каунас попал только после освобождения города. Очерк написан по рассказам немногих оставшихся в живых бывших в то время в Литве партизан. Поэтому в очерке много неточностей. См.: д. 958, лл. 30–129, перевод и машинописный экземпляр. — *И. Л., И. А.*

ДОКТОР ЕЛЕНА БУЙВИДАЙТЕ-КУТОРГЕНЕ

427

Елена Буйвидайте-Куторгене¹ — популярный в Каунасе врач по глазным болезням. Доктор Куторгене по национальности — литовка. Тридцать два года тому назад она окончила Московский университет. В Литву она приехала в 1922 году и начала работать врачом в “ОЗЕ”, где лечилась преимущественно еврейская беднота.

В первые же черные дни немецкой оккупации в июне-июле 1941 года к доктору Куторгене стали обращаться за помощью преследуемые евреи. К ней приходили не только знакомые, но и совершенно неизвестные ей люди.

Немецкий жестокий закон запрещал неевреям какие бы то ни было сношения с евреями, угрожая за нарушение всевозможными карами, вплоть до смертной казни. Презирая эти каннибальские распоряжения, доктор Куторгене день ото дня расширяла свои связи с евреями. Пока гетто было открыто, она ходила туда ежедневно. Она приносила пищу, оказывала людям самую разнообразную медицинскую помощь.

Когда вход в гетто был закрыт, доктор Куторгене приходила к ограде и перебрасывала пакеты с продовольствием. Не раз “на месте преступления” ловили ее фашистские охранники.

Когда началось систематическое истребление еврейского населения, в кабинете доктора Куторгене ночевало иногда по семь-восемь евреев.

С огромными предосторожностями приходили они с вечера под видом “пациентов” и оставались до утра.

Накануне большой “акции” 28 октября 1941 года у нее в кабинете ночевали двенадцать человек. Доктор Куторгене шла на величайший риск: в ее квартире жил немецкий офицер. Малейший шум либо неосторожность могли стоить жизни этой храброй женщине.

Однажды соседи увидели, как на рассвете из ее квартиры вышел тщательно закутанный человек. С этих пор она стала получать много анонимных писем, в которых ее предупреждали, что если она не прекратит своих связей с евреями, то дождется смерти. Но эти письма ее не запугали.

Через некоторое время у нее был произведен обыск. К счастью, в момент обыска в квартире посторонних не было.

Доктор Куторгене вела дневник. Этот дневник — потрясающая история немецких преследований и издевательств над еврейским населением. “Положение в гетто ужасно, — писала она. — Мне просто невыносимо

¹ Елена Куторгене (1888–1963) — врач, общественный деятель, Заслуженный врач Литвы. В 1982 г. за спасение евреев “Яд ва-Шем” признал ее “Праведником народов мира”. — И. Л.

жить от сознания, что рядом со мной люди переживают такие страдания и подвергаются таким страшным унижениям”.

Доктор Куторгене вместе со своим сыном Виктором составила большое воззвание к американской общественности, в котором в ярких и гневных словах описывались чудовищные гонения на евреев. Через посредство знакомых воззвание было отправлено в Америку.

Огромны заслуги доктора Куторгене в деле спасения еврейских детей. Она проявила много истинно материнской находчивости, заботливости, любви, чтобы спасти еврейских ребятишек от палачей.

Много литовских женщин — интеллигентки и крестьянки — помогли ей прятать детей.

В 1942 году доктор Куторгене познакомилась с руководителями и организаторами еврейской подпольной организации борьбы и сопротивления — писателем Хаимом Елиным и Глезерите (Альбина).

Несмотря на свои годы, доктор Куторгене с юношеским пылом собирала деньги, помогала закупать оружие для партизан и переправлять его в партизанские отряды.

Преодолевая много крупных и мелких препятствий, не считаясь с опасностью, доктор Куторгене распространяла подпольные листовки и обращения.

Ее врачебный кабинет, который являлся “спасательной станцией” для евреев, служил также местом явки для партизан, для многих и многих работников еврейского и общелитовского антифашистского центра борьбы.

Такова самоотверженная деятельность доктора Куторгене, благородной дочери литовского народа.

Сообщение Г. ОШЕРОВИЧА¹

**Из дневника доктора
Елены Буйвидайте-Куторгене
Июнь—декабрь 1941 года**

22. VI. Ясное, яркое, сияющее утро. Сегодня с 4 часов аэропланы не дают спать. Моя жилица, сестра милосердия, прибежала ко мне в одной рубашке, страшно испуганная, и сказала: “Война”. Мне это показалось таким диким, что я посмеялась над ней и послала ее спать. Она послушалась. В 6 часов я пошла в парикмахерскую. Улицы были тихи и пустыньны. Я с усмешкой подумала, как люди легко поддаются панике. Кое-как, от ворот к воротам, я украдкой добралась до дому. Я все еще не верю. По радио услышала речь Гитлера о вторжении. Обвиняет большевиков в нарушении договора. Большевики-де с англичанами поддерживают сербов и так далее.

Сейчас говорит Молотов.

¹ В машинописном экземпляре в конце предисловия указано: “Обработала Р. Ковнатор” (ГА РФ, ф. 8014, оп. 1, д. 946, л. 56). Текст дневника подвергся многочисленным исправлениям и сокращениям (д. 946, лл. 142–304). — И. А.

Теперь я только поверила. Позвонил Д. Б., сказал, что за мной пришлет машину для отъезда в СССР. Я сказала, что дочь лежит в больнице в тифу, не могу ее оставить и прошу дать мне машину для перевозки ее домой. Он согласился и попросился со мной.

Привезла Лилию из больницы. Она слаба, мы внесли ее на руках. Летают аэропланы, говорят, что это немецкие. Выстрелы раздаются совсем близко.

Перевела Лилию в комнату сестры милосердия, моей жилички, которая, собрав вещи в один большой мешок, уехала. Тревожно, жутко. Немцы по радио все говорят о своих успехах. Наши молчат. Витя взволнован.

23. VI. Всю ночь шли войска. Утром улицы пусты. Люди бегут с чемоданами. Куда? Никакой власти, никаких приказаний и разъяснений. Все растеряны. Одиночные солдаты проходят... Все растеряны. Положение евреев ужасное, в соседней еврейской семье — сын, прелестный юноша, ушел с рюкзаком. Отец собирается тоже уйти. Зашел и просит меня поддержать семью. Говорит, что немцы женщин и детей, наверное, убивать не будут. Квартира точно разгромлена, вещи разбросаны. Начали складываться, но потом и муж и жена ушли в чем были, она с одной только сумочкой в руках. Евреи уходят с корзинками, детскими колясками. Испуганные лица. Бледные.

Проехал одинокий солдат на лошади. В 6 часов утра слышны были сильные взрывы, потом горели склады на другом берегу Немана. На ясном знойном небе клубы темного дыма с языками пламени — жутко. От взрыва выбиты стекла в 3 комнатах. Часа в 2 я вышла на улицу купить морфия (на всякий случай). Видела целые толпы русских солдат с ружьями и без, бредущих по берегу... Бесчисленные повозки... Отступают точно в беспорядке, неорганизованно. Стрельба одиночная все продолжается. Улицы пустынные, точно вымерли. Вдруг страшное сотрясение, дом задрожал. Это взорвали Зеленый мост... Сейчас 5 часов дня, все еще слышны выстрелы и взрывы... Образовано Литовское временное правительство, приказавшее вывесить национальные флаги, поют литовский гимн, обещают независимую Литву с присоединением к "Новой Европе" под руководством "великого" Гитлера; назначены уже министры, радио все время непрерывно играет литовские песни. Вечером, в 9 часов, было заявлено: передан приказ, чтобы немецкое военное управление организовало уничтожение отступающих по Вилкомирскому шоссе частей Красной Армии, стремящихся соединиться с идущей от Вилкомира колонной Красной Армии, спешащей к Каунасу, чтобы аэропланы обстреливали эти части (я так и не поняла, разве в Ковно есть уже и немецкое военное управление?!). Кроме того, литовское радио говорило и много раз повторяло, что вода отравлена "красными бандитами и варварами".

Часов в 11 утра около нашего углового дома послышалась сильная перестрелка — пулеметная и ружейная. В окно мы увидели воинскую часть (человек 100), поспешно, но в полном порядке перебегающую с ружьями наперевес через Канто улицу. Слышна была команда командиров.

Зади ехали две небольшие пушки; очевидно, эта отступающая в порядке часть спешила... ее преследовали, должно быть, литовские добровольцы, следуя приказу убивать русских солдат. Девочка рассказывает, что видела мертвого убитого русского солдата, убитого, должно быть, из-за угла...

Отдельные красноармейцы, проходя по улицам, отстреливаются, так как в них стреляют из окон и крыш “литовские патриоты”. Ужасно это патриотическое одичание. Еще долго ночью раздавались выстрелы, да и сейчас, в 4 ч. утра, ружейная стрельба не перестает. В кого же стреляют? Зачем. Может быть, от страха, для собственного ободрения, поддержки “патриотического мужества”? Вот я вижу войну своими глазами и слышу ее своими ушами. Боже! Какая бессмысленная, нелепая, отвратительная вещь, от скольких случайностей зависит победа.

24. VI. 5 часов утра. Совсем близко громкий пушечный выстрел. Села к радио, по-немецки поют “Роз-Мари” и играет какая-то тихая мелодичная музыка. Для кого? Почему? Ничего не понимаю.

Железная дорога забита беженцами. Наш дом опустел. Все евреи бежали: ушли владелица дома с девочкой, молодой адвокат с женой (они помогли мне еще внести Лилю по лестнице из больницы). Нижняя жилица, русская, разбила окно и через него увезла свои вещи. Окна заклеены полосками бумаги, вымерли улицы; все еще идут, бегут евреи с узлами, тележками, чемоданами. Уже с 10 ч. утра в первый день войны русские стали вывозить свои семьи и учреждения.

По литовскому радио непрерывно льются литовские песни, марши и обещания. Я теперь вижу, что современники ничего не понимают в совершающемся, а историки знать не могут, даже факты и те могут быть записаны с сомнительной точностью... Вообще, все — какой-то причудливый, страшный сон. 2 дня почти не ем, сплю по 2 часа, нахожусь в состоянии напряженнейшей тревоги и тоски: Лиля лежит в тифу, выстрелы, пальба, убийства. Сколько горя и страданий вокруг. Люди отбросили свою жизнь, в 10 минут расстались со своим прошлым и бегут от Гитлера, как от чумы... Интересно, откуда эта, несомненно, патологическая, просто маниакальная ненависть Гитлера к евреям; какой психиатр мог бы ее объяснить? Она слишком эмотивна — это выдает ее подсознательность, значит, причина лежит в глубине, скрыта, может быть, в какой-нибудь обиде, воспоминании детства, сексуальной травме... Вряд ли он сам может это уяснить себе...

Снова по радио слышны речи о “всемирном еврействе, теперь объединяющем английскую плутократию с красными бандитами Кремля”. Как все нелепо, дико, упрощенно, как, начиная с великой войны, снизилась на моих глазах европейская культура и мораль! Где теперь аристократия духа? Нам, старому поколению, жаль этой умственной и духовной знати, но в эпоху революции ей не может быть места в опрощенном и огрубевшем мире...

Витя обладает талантом видеть несправедливость и страдания и болеть за людей. Он помогает еврейским знакомым, провожает их на вокзал, утешает, целые дни пропадает где-то, пытаюсь противопоставить человеческое и разумное вакханалии, жестокости и зверствам.

Ковенское радио в 6 ч. утра 25. VI от имени “партизан” сказало, что будут на месте расстреляны воры, разбойники, рецидивисты, чтобы старые полицейские вернулись на службу и поддерживали связь с временным управлением... Все время играет радио... пошленькие трескучие или тренькающие марши, которые прерываются разными возгласами, призывами, при-

казами. Это опротивело и раздражает... Раздались сейчас 2 громких потрясающих пушечных выстрела...

Русские уничтожили 300 танков и сбили 76 самолетов, в плен взяли 5 тысяч человек... "Когда при мне заговаривают о культуре, я кладу невольню палец на курок своего револьвера", — согласно русскому радио сказал Геббельс. "Вернуть историю к Средним векам" (она уже вернулась, смею вас уверить).

Говорили, что из тюрьмы выпущены все офицеры, которые сидели за контрреволюцию... Радио предупредило, что евреи стреляют из пулеметов и окон и что за каждого раненого немца будет расстреляно 100 евреев. Хотя по радио было сказано, что все могут идти встречать с энтузиазмом входящие немецкие войска, вдруг приказано закрыть и завесить окна. Предупреждение, что будут стрелять в окна, я сама видела, как стреляли в стену. Сегодня в 5 ч. вечера город совершенно мертв. По улицам ходят литовцы и все время стреляют. Очень тяжелое впечатление производит этот предостерегающий, какой-то злой хлюпающий звук выстрела... Действует на нервы.

Страшно... Ведут и ведут мимо окон старых и молодых евреев в тюрьму. Время от времени пронесется по пустынным улицам карета скорой помощи или грузовик с громадным красным крестом и белыми фигурами сестер и санитаров, собирающих трупы (чьи?)...

Год тому назад вступала Красная Армия — ехали бесконечные повозки и танки, и народ сбегался на них смотреть. Началась новая жизнь. За этот год пережито было так много. Я так верила, так увлекалась прекрасной советской мечтой.

25. VI. Светлый, ясный, жаркий день. Немцы в городе. Началось. Сегодня город обильно украшен литовскими национальными флагами... На улицах масса вооруженных людей с национальными повязками. Люди очень не симпатичные, зверские, ходят с ружьями наперевес. Ведут евреев поодиночке и группами, с тоской вглядываюсь в них. Врезался в память высокий, элегантный пожилой еврей с бледным лицом, спокойным и полным решимости, затем группа женщин, стариков.

Впереди одной из таких групп шла супружеская пара; пожилые люди, они нежно поддерживали друг друга. Поразило меня бледное лицо молодого еврея в длинном сюртуке, шедшего с гордым вызывающим видом. Не могу забыть невысокого худенького юношу в этой толпе, который шел, читая открытую книгу, не обращая на окружающее никакого внимания. Его лицо выражало холодное презрение и вызов. Толпа вокруг на Лайсвес аллее издевалась, злорадствовала, гоготала, смеялась над проходившими. Ко мне подошла какая-то немолодая дама и сказала со слезами на глазах: "Как ужасно, что люди могут радоваться по такому поводу". Я была потрясена всем виденным, разбита. У тюрьмы стояло тоже очень много любопытных. Подъехал голубой запыленный автобус из провинции, из которого, грубо подгоняемые, вышли 30 евреев. Они прошли через шпалеры вооруженных, которые грубо и зло кричали: "Скорее!" Вокруг стояли и злорадствовали. И откуда эта злоба, эта жестокость? С каким-то сладострастием ведут эти "партизаны", упоенные, видимо, своей властью, носятся вокруг с ружьями с видом победителей.

Немецкие солдаты хорошо одеты, упитанны, аккуратны. Производят совсем другое впечатление, чем красноармейцы, въезжавшие в прошлом году — усталые, оборванные, худые. Автомобили, машины, повозки — все зажиточно, крепко, практично, лошади крупные, породистые, хотя худые. Литовское население приветствовало гораздо горячее, чем русских в прошлом году, дарило цветы... Флаги радостно развевались. Деловито, угодливо, заискивающе лебезили “партизаны”, особенно проявляя свое усердие на “жидовском” фронте. Упорно говорят, что евреи стреляли из окон, даже якобы из пулеметов, но очевидца ни одного не было.

На службе, в больничной кассе, неприятные минуты: сестра накинулась на меня с такой грубостью и злобой, что я даже удивилась — лично я ей ничего никогда не сделала плохого. Она сорвала со стены портрет Сталина, который был повешен мною, и растоптала его ногами. Вообще во всем городе разбиты все витрины, выброшены и уничтожены все советские эмблемы, портреты, книги, бюсты, фигуры, в особенности грустно глядеть на книжные витрины — кучи битого стекла перемешаны с бумагой. Литовское население покорно соглашалось, но втайне иначе думало, скрывало свою злобу про себя и чем больше ее скрывало, тем сильнее она проявилась, когда не надо было сдерживаться. С какой радостью бежала бы и я из этого проклятого города, от этих чужих людей! Сегодня был такой тяжелый день... Человеческая низость, злоба, никчемность, убийства евреев, грабеж их имущества... гибель, страх, трагичные судьбы...

Партизаны (какое глупое и неверное название) убивали испуганных, бегущих, отступающих красноармейцев, безоружных, усталых, разбитых... Нигде, нигде не вижу человечности, гуманности.

Немцы заняли в моей квартире две смежные большие комнаты. Мы с Лилей поселились в моей маленькой спальне, расположенной на солнечной стороне; в ней за день воздух так накаляется, что ночью нечем дышать. Я развешиваю на веревке мокрые простыни — они быстро высыхают, но прохлады не дают. На дворе стоит масса грузовиков, день и ночь шум моторов, колес, сигналов — клумба с цветами безжалостно уничтожена. Говорила с 2 немцами — они упоены победами, самодовольны, тупы, презирают весь свет. Сейчас 12 часов ночи. Выстрелы. То близкие, то далекие. Уханье пушек. Как-то жутко, страшно, тяжело. Мне кажется, за всю жизнь у меня не было более тяжелых переживаний. Отдаленная канонада все усиливается и учащается. Что она значит? Не сплю совершенно.

26. VI. В 2 часа ночи, на рассвете, я услышала шум автомобиля. Я подошла к окну. К деревянному серенькому дому, Канто № 13, наискосок моей квартиры (сторож этого дома первый вывесил национальный флаг), подъехал грузовик. Из него вышли несколько человек. Сначала ломали дверь, вошли, зажгли электрический свет в передней. Раздались громкие душераздирающие женские крики, полные неопишемого ужаса. Они продолжались несколько минут, затем по-еврейски начал кричать мужской голос, умоляя о чем-то, лепеча быстро какие-то слова, все одни и те же. Затем выстрелы (3-4), и все затихло сразу. Мужской голос по-литовски сказал: “Без моего разрешения не стрелять”, затем раздался жалобный детский плач как будто 2 детей. Снова 2 выстрела, и сразу наступила тишина. Значит, убили 4 не-

винных людей. Машина стояла у дома долго, пока из квартиры не вышла группа, человек 6. *“Идем дальше” (по-литовски), подошли к моему подъезду: “Здесь свои” (по-литовски) и завернули за угол на Канто улице. Снова шумел мотор. Через несколько времени снова — заглушенные крики, 3 выстрела (револьверных). В течение часа было убито 7–8 человек — деловито, быстро, методически! Выстрелы постепенно удалялись. Теперь я знаю, что они значат! Мотор шумит, город безмолвствует, полиция не слышна. Немцы позволяют стрелять ночью, когда запрещено ходить, в завоеванном ими городе! Ясно, что убийцы действовали с разрешения и дозволения новых хозяев! Дверь дома № 13 закрыли, но электрический свет горел еще в течение суток, и я с содроганием несколько раз глядела на него. Первое мое движение было выйти, кричать, звать на помощь. Кого? Кто придет? Кто поможет?! Я записываю, пусть останется.*

Я верю, будет суд, возмездие, наказание убийцам! Правда восторжествует, зло будет наказано!.. В 3 часа 20 минут проехал белый автомобиль с красным крестом. Я думала — к этому домику, но нет, он завернул к Неману. Над Лайсвес аллеей показался столб дыма, быстро исчезающий. А утро стало такое ясное, кроткое, чудесное летнее утро! На душе тревога, отчаяние, печаль. Спокойно можно убить невинных беспомощных женщин и детей лишь за то, что они евреи. И это люди!!!

27.VI. В 4 часа утра снова шумит мотор, снова, совсем близко, раздалось 6 выстрелов. Ужас охватил меня. Запрещено ходить до 6 часов утра для того, чтобы убивать без свидетелей. В 6 часов утра я вышла на улицу посмотреть, что случилось ночью. В подворотне дома Мееровича на Канто улице лежал мертвый, залитый кровью старик-еврей, пораженный в голову. Когда я спросила у дворника (брюнет, со зверским лицом), что случилось, кто и за что убил, он сказал: *“А вам любопытно? Если будете много разговаривать, и вам то же будет”*. По улице проходят группы немецких военных, прохожие. Никто не обращает внимания на убитого и на кровь... *Я подошла к дому № 13, где были ночью, как мне известно, 4 человека. Женщина в зеленой кофте сидела на пороге квартиры и, видимо, ждала кого-то; я спросила ее — кто убит ночью, она сказала, видимо солгав: “Приедут делать обыск, никаких убитых нет... что вы пристали ко мне...”* Так я и не добилась ничего... *Все дворники — убийцы, грабители, выдают евреев, приводят партизан и сами грабят. Душа истерзана... Нависло что-то гнетущее. День сегодня такой сияющий, изумительно ясный, безоблачный... еще тяжелее на душе. Вдруг телефон и какой-то неприятный, злобный женский голос (догадываюсь чей) сказал: “А вы не повесились с горя, что ваши большевики ушли...”* Мне стало как-то жутко, я почувствовала, что вокруг только враги остались... *Физически от бессонных ночей, недоедания ослабела... Весь день продолжается патристическое садистическое упоение: с разрешения и одобрения начальства убивают и терзают евреев... Все литовцы, за малым исключением, единодушны в чувстве ненависти к евреям, в особенности интеллигенция, которая при советской власти очутилась не у дел, т. к. националистически настроенная, она не пошла активно работать, уступив место еврейской, кроме того, материально пострадала от национализации домов и капиталов. Теперь она мстит за страх*

и унижение. Одна знакомая врач хотя и осуждает убийство евреев без суда по ночам “партизанами”, но ищет им объяснение и оправдание в еврейском “засилии”... Весь день люди с национальными литовскими повязками с видом победителей слоняются по улицам, врываются в дома, среди бела дня на возах вывозят еврейское добро, не брезгуя даже самым последним барахлом. Какая-то эпидемия, разгул жадности... Все вооружены ружьями. К сожалению, они смело “борются” только с разрешения начальства (красного или черного все равно: помню, когда вошли советы, все хулиганы первые дни тоже были с красными бантами).

Везде национальные цвета или белые повязки с красным крестом. Задача “скорой помощи” заключается в подборании трупов убитых русских и евреев. Из окна амбулатории я наблюдала, как грузовик с “сестрами” готовился к отбытию в одну из таких поездок: визг, хохот, грубый флирт, плоские шутки. И только одна санитарка, простая необразованная женщина, с горестью говорила о том, как убивают красноармейцев, как гонят толпы евреев с лопатами на расстрел, заставляют их рыть себе могилы и велят еще при этом петь “Если завтра война”. Один больной рассказал, что сам видел, как немцы заставили евреев из тюрьмы, запряженных в лямки, тащить танк на высокий берег, а затем на потеху провезти его вокруг ратуши. Я не поверила, переспросила несколько раз. Он уверял, что был очевидцем. На Канто улице подбирали на грузовики убитых евреев. *Тожe вызвали из тюрьмы евреев — я сама видела их: с испуганными бледными лицами вылезали они из машины, грубо поноукаемые “партизанами”.* Черный террор отвратителен тем, что преследует за принадлежность к расе, за кровь, т. е. за то, что человек не властен изменить, и значит, обречен на смерть... рок... Это ужасно... бесчеловечно... Под фирмой “коммунистов” убивают людей, может быть, бывших врагами советского режима... лицемерие...

На дверях 1-й поликлиники, где я служу, висит объявление: “Ни одного еврея в нашем учреждении”.

Во мне все националистическое вызывает отвращение, меня тошнит. Я вижу кровь и страдания из-за национальной ненависти. В партизаны пошли или глупые мальчишки, обманутые лозунгом “независимой” Литвы, или подонки — для грабежа и безответственных убийств. Дворник с Канто ул., из дома, где в воротах лежал убитый еврей-старик, тот смуглый, с черными страшными глазами (не безумие ли в них), который сказал “будете много разговаривать, и вам то же будет”, вдруг вошел в мою кухню, спрашивая, где квартира № 6. Я похолодела, он искал евреев, чтобы их убить... Увидев кровь на полу, он испугался точно, спросил, откуда она, мы объяснили, что резали курицу, тогда он властно, по-начальнически сказал: “Вымойте”. Очевидно, вид крови, которой он так много пролил за эти дни, ему неприятен, пугает... Он ушел искать евреев. Я нарочно послала его сначала к нашему сторожу, который, я знала, был в дружбе с жившими в нашем доме евреями, и действительно, он отстоял этого мальчика и всю эту семью, они не были убиты в эти первые страшные дни...

В эти дни судьба нас всех была в руках дворницкого сословия, и горе тому, кто имел с ними личные счёты...

Страх! Гнет его истощает, обессиливает... И эти литовские значки, обильно украшающие, есть защита, самозащита боязливых...

Целый день прибывают немецкие войска. Вид у них бодрый, нарядный, свежий; народ как на подбор: рослый, красивый. Порядок образцовый; в автомобилях-лимузинах проезжают высшие чины с моноклями и презрительным "прусским" видом. На стенах расклеены плакаты.

Сегодня видела, как толпу евреев, человек 200, очень грубо загоняли в ворота тюрьмы. Люди были измучены, оборваны, грязны, истомлены, жалки. С ненавистью и омерзением глядела я на глазающую толпу, на злобно гоготавшую чернь, потешавшуюся над несчастными.

В поликлинике сразу чистота и порядок, которого я тщетно добивалась весь год. И для меня ясна причина этой неудачи, она вовсе не в советском строе (как уверяли его враги), а в упорном пассивном сопротивлении враждебного населения чуждому ему режиму.

Вчера благовест. Сегодня уже по радио передают богослужение. Я считаю, что большевики не должны были запрещать эту передачу. Церковную музыку, в особенности орган, я люблю. Музыка вообще уводит из гнусного мира кровавой действительности в тихий благостный мир божественной гармонии. Христианство — последнее убежище усталости, слабости и разочарования земной неправдой. У нас пока передышка. Скоро мы почувствуем, что такое немецкий протекторат. Напрасно наши патриоты воображают себе, что немцы заинтересованы в литовской независимости. Русское радио вместо горькой правды поражения сообщает лишь разные отдельные военные эпизоды храбрости и успехов, а о том, что сдаются целые полки и что вся Прибалтика уже взята — ни слова... Финский президент сказал, что немцы борются не с народами России, а только с большевизмом... Ложь!.. Русские бомбардировали Гельсингфорс, Або. Швеция пропустила войска через свою территорию, Испания присоединяется к Германии, чтобы отомстить за гражданскую войну.

Стоят жаркие, ясные летние дни. Работаю по дому, варю, пеку. Каждый шум, стук — все пугает теперь. Что с Н., не знаю, беспокоюсь. Больных нет, магазины закрыты, заколочены. Стекла выбиты. Немцы заняли уже весь город. Окна заклеены полосками бумаги. Город точно вымер. Сегодня в нашем районе уже не стреляют, не убивают. Я и не знала, что выстрелы из ружья так громки. Рассказывают о всяческих унижениях, которым подвергают евреев: заставляют навоз носить руками. Я видела, как провели группу арестованных евреев с лопатами. Вечером больная (Моркунайте) рассказала, что видела около кладбища, как били досками евреев, рывших могилы. Люди указывают на коммунистов, их арестовывают.

28. VI. Ужасная ночь! Душно, жарко. Я оставила окно в кабинете открытым, забыв о приказании держать все окна на улицу закрытыми. Часов в 12 ночи начали стрелять в это окно и в стены около него. Выстрелы громкие, сначала одиночные, потом все более частые. Потом стреляли в дверь, в другие окна. Пуля влетела в окно и пробила штукатурку стены в кабинете, другая пробила дверь насквозь. Я сначала не поняла, что это обстрел моей квартиры. Мы легли с Лилей на пол в коридоре, но щелканье выстрелов все продолжалось. Сообразив, что стреляют в открытое окно, я побежала к сторожу, чтобы он со мною вышел к воротам и попросил дать возможность закрыть это несчастное окно. Но сторож заперся в своем подвале

и не стал со мной разговаривать. Тогда я доползла до окна и с риском быть убитой наконец закрыла его. Стекла, а также парадная дверь, прострелены во многих местах. Мы спрятались в ванной комнате. Затем я услышала топот многих ног, пулеметную стрельбу, немецкие восклицания, суету; проехало много автомобилей. Через 2 часа снова громкий одинокий выстрел на улице, такой же — через 2–3 минуты на Канто улице, и снова тишина. Так прошла без сна вся ночь. *В 5 часов утра — звонок. Явились, одетые в литовскую униформу, люди, б. ч. мальчики, тихие, усталые, самый главный — с худым, нервным, слегка дегенеративным лицом. Начали искать стрелявших, спрятавшихся якобы в нашем доме, пулеметы (!) на чердаке, евреев. Ничего, конечно, не найдя — ушли.* В 9 часов утра подъехал к дому роскошный лимузин с национальным флагом; оттуда вылезли блюстители порядка, все с револьверами. Их предводитель, отставной военный, как он отрекомендовался, с красивым, но незначительным лицом заявил, что это он обстреливал наши окна и что он “видел”, как пулемет стрелял из соседнего с моим окна (еврейской квартиры). Я показала мой кабинет с злосчастным окном и объяснила, что соседняя квартира уже неделю как стоит пустая (евреи бежали) и что я ручаюсь, что в ней никого нет, даже перед парадными дверьми не тронут толстый слой пыли... но они, видимо трусая, держа револьверы наготове, стали ломать двери. С опаской вошли в квартиру, в которой обыскали все. В шкафу перерыли все вещи и, конечно, никого, никаких евреев не нашли. Отыскав среди белья финский нож и пустую какую-то старинную кобуру от револьвера, стали уверять, что это и есть оружие. После обыска, набив карманы и сумки разными мелкими (но ценными) вещами из шкафов, захватив колбасу и консервы, они уехали, запечатав квартиру.

Днем снова раздавались выстрелы.

29. VI. Жаркий чудесный день... Приходили больные и рассказывали, как евреев заставляли носить навоз руками, рыть ямы совками, пить канализационную воду, как их рядами клали на землю и ломали били куда попало, били досками по голове (это в гараже на проспекте Витовта за кладбищем), как убитых сваливали в грузовики и увозили куда-то хоронить. *Все это делали литовцы, немцы не участвовали, но стояли вокруг.* Некоторые немцы фотографировали. Простые бедные люди, крестьяне горевали, ужасались, жалели евреев...

По городу распространяют слухи, что русские и евреи мучают христиан, детей, вырезают языки, истязают и т. п.; что евреи стреляют и убивают из окон и домов. Я-то теперь знаю, кто и почему эти вздорные и лживые слухи распускал. Литовская чернь, при полном попустительстве интеллигенции (м. б. и тайном одобрении), показала такое зверское, дикое изуверство, что по сравнению с ним русские еврейские погромы кажутся человеколюбивым занятием...

Днем мы вышли в город, уже переполненный немецкими войсками. Везде солдаты: в кафе, в магазинах, на улицах. Сегодня ночью немцы заняли соседнюю квартиру; двор полон автокаров, автомобилей, грузовиков, офицерских денщиков. В нижней квартире уже кто-то играет на рояле. По лестнице топот железных сапог.

30.VI. Кошмарные дни... Проходят толпы арестованных... евреев. Среди евреев царит страх; да и я все время дрожу при виде ужасных страданий, жестокости, зверств, надругательств. Я думаю, что главная причина жестокости — в страхе: мучают и убивают из усердия, из раболепного желания убедить новых хозяев, что они готовы служить всеми способами, ни перед чем не останавливаясь... Я измучена душевно и физически. Готовить кожу в подвал, так как нет керосина и мало дров. В квартире пыль, грязь, разруха. По улице Мицкевича и Кестучио стоят бесчисленные грузовики, чудовищно громадные, длинные, тяжелые машины. Все в порядке, чистые, блестящие... Люди здоровые, бодрые, спокойно-деловитые. Вечером провезли на грузовиках много русских пленных, очень бледных... На перекрестках немецкие солдаты и вывески, указывающие направление. Дощечек этих очень много... Работают все методически, планомерно... Нельзя не изумляться этой организации. За 8 дней город изменился — пришли торжествующие победители, а русские были лишь тихими, незаметными и терпимыми, лишь гостями. Товары раскупаются быстро (одна марка равна 10 рублям), таким образом, ботинки раскупают по 6 марок (в Германии стоит больше 20), а теперь!

Газеты помещают выписки из "Майн кампф" с расистскими цитатами. Немецкие газеты сообщают о громадном продвижении немецких войск. Взят Минск, Львов. Русские ожесточенно сражаются.

Вижу войну; убийство невинных, разрушение, смерть, ненависть, страх, озверение, опрощение, огрубение, ожесточение, гибель всего духовного, пожары, трупы, зловоние... У нас, собственно, казалось, могло бы быть и лучше, т. к. настоящей войны почти и не было, а было лишь убийство евреев и организованный чернью террор, который, буквально, парализовал все... Не верю глазам своим и ушам своим! Трепещу перед этой слепой силой ненависти к одному народу, поддерживаемой и раздуваемой из явно низких и корыстных целей. В газетах много пишется о вывезенных жертвах — литовцах... но ни слова о том, что евреев было вывезено, м. б., не меньше, что евреи пострадали материально, м. б., и больше, ни слова о зверствах и массовых убийствах... Я не забуду виденного в эти дни... когда ночной "герой", литовский капитан, обстрелявший наш дом из трусости, стал уверять немецкого офицера СС, который пришел реквизировать помещение моих соседей, что из комнаты детей еврейской квартиры стреляли из окна, я резко заявила, что этого не было и никто этого не доказал, но немецкий СС сказал, что большевики — евреи, враги, должны быть уничтожены, "борьба есть борьба". Его жестокая жестокость, неумолимость, звучавшая в голосе, были нечеловечески страшны.

Отравился и умер доктор Ипп, тихий, скромный, прекрасный врач. Еще один врач отравился со всей семьей. Мой коллега — глазной врач — просил работать за него в вечернюю смену, так как он боится. И действительно, жутко сидеть в пустой поликлинике, на дверях которой вывешено объявление: "Мы с евреями не будем работать", видеть, как ведут арестованных евреев в тюрьму, видеть немецких солдат и знать, что ты для них не человек.

I.VII. Ясные летние дни... Грохот автомобилей, ляг железа, шум моторов, пропеллеров, топот железных сапог. Война! Я дрожу внутренне, я боюсь, а ведь, собственно, чего? Не смерти, которую ожидаю спокойно, а вида насилия, неумолимости, бесчеловечности. В квартире день и ночь шумят солдаты,

нет отдыха, нет покоя. Я страдаю. Стараюсь собрать мужество, вспоминаю о красоте, о природе, о Добре, о Любви, о лучших людях человечества.

Летают огромные черные бомбовозы, совсем низко. День тянется бесконечно. Сил все меньше.

2. VII. Длинный тяжкий день. Везде измученные, испуганные еврейские лица. Около тюрьмы бродят матери. Проехали три автобуса с арестованными. Куда их везут? Неизвестно. Заходят знакомые. Мы плачем вместе. Нет утешения. Ночью стреляют и стреляют. Я боюсь всех и вся. Как устала я...

3. VII. Утром мне сообщила Л., что я уволена из поликлиники, все мною недовольны за мою политическую деятельность... Мои враги заняли там первые места.

Немцы бомбардируют Смоленск, взяли Ригу, идут вперед. Под окном грузовые автомобили грузят бидоны с бензином. На дворе чистят, моют, чинят машины. Летают большие аэропланы, все гудит, шумит, трещит, скрежещет. Везде тяжелый труд разрушения.

4. VII. Тяжелая ночь, почти не спала. Боль в сердце... В квартире я совсем чужая. Целый день двери отперты, и ходят толпы военных. Со всех сторон рассказывают об ужасных немецко-литовских зверствах и жестокостях. Бездомные, бесправные евреи жаждут смерти. Моя старая больная потеряла мать, отца убили, а ребенок остался в пионерском лагере. Муж пропал без вести. Наверное, тоже убит. Она совсем окаменела от горя. Я плакала вместе с ней. Утешить ничем не умела. Снова физическая боль в сердце. Несколько тысяч евреев расстреляно. В Слободке каждый третий дом вырезан. Везут куда-то на машинах еврейских женщин...

5. VII. Приходила моя маникюрша Голдочка; из очаровательной молодой девушки она превратилась вдруг в пожилую, некрасивую, с обветренным лицом женщину. Только 2 месяца тому назад она вышла замуж. Я была у них на свадьбе. Нежная, сияющая счастьем юная пара. Она бежала от немцев с мужем в провинцию, но попала, как говорится, из огня да в полымя. По дороге их ограбили и мужа забрали на Седьмой форт. Она беременна, плачет, умоляет спасти мужа. Кто может его спасти?

Из очередей выбрасывают евреев, не дают им продуктов, со всех должностей их уволили; им запрещается даже ездить на извозчике и сидеть на скамейках в садах. *Меня удивляет их мужественная покорность судьбе, ни протеста, ни возмущения.*

Вернулся Ан. Рассказывает, что с большим трудом, после всяких приключений, сидения в кутузке, после многократных задержек со стороны немецких военных, частью пешком, частью на случайной подводе, добрался до Каунаса. По дороге он встретил много беженцев-евреев, метавшихся как затравленные звери в разных направлениях.

7. VII. Ночью спала плохо. Очень мешали немецкие жильцы.

Ходили на Алексотский мост — он взорван посередине, изувечен; на берегу окна в домах выбиты, развороченные камни, груды исковерканного

железа. На берегу русские пленные, грязные, усталые, разгружают баржи. Бродят немецкие солдаты.

Рассказывают о том, как был убит один врач на Седьмом форту, где убивали евреев целыми рядами, но пуля, предназначенная для него, убила рядом мальчика 12 лет, его лишь ранило. Как он просил его убить, и сосед фармацевт дал ему морфия, после чего он затих.

Приходит масса людей, страдающих, несчастных, испуганных. Жена фармацевта, выпущенная из тюрьмы, хлопчет за своего мужа, который остался там. Приходила Голдочка, все еще надеющаяся освободить своего мужа из Седьмого форта. Приходила старая дама, у которой я покупала посуду, просить за мужа. Я подписала бумажку о том, что он был мирным купцом... На улице Л. видел изуродованный труп еврея. По квартирам еврейским ходят "партизаны" и отнимают вещи.

Люди меняются от горя неузнаваемо. Сейчас только была одна трахомная больная, старая знакомая... Сын пропал, вчера ограбили квартиру. Полная безответственность хулиганов. Интеллигенция молчит. Говорят, духовенство подало прошение о прекращении зверств... Красный Крест собирает по листам, на которых написано: "Еврейам не помогаем"... позор... я не верю... ведь это невысказано просто. Детей литовских из пионерских лагерей уже привезли, а еврейских — еще нет. Они голодают и просят матерей о хлебе! Человек хуже зверя! Голова кружится... Кошмарные дни ужаса, отчаяния... Отдельные немцы жалеют, дают лекарства, картофель, утешают... На кладбище старуха, убирающая могилы, не хотела идти вглубь кладбища, уверяя, что там немцы насилуют... Какой-то бред... Ходить можно до 10 часов вечера. Везде громадные очереди за продуктами по карточкам. С питанием очень плохо, но больные помогают — кто молоком, кто крупой.

На фронте ужасные сражения.

10.VII. Объявлено, что евреи должны носить желтую шестиконечную звезду и могут ходить только до 8 часов. Улицы страшно пустынные. Город точно вымер. Я зашла к своей коллеге хирургу, в ее прелестную квартиру. Часть вещей она увезла к знакомым, некоторые, особенно красивые вазы еще стоят на опустевших полках. Разгром. Мы плакали обе. Я утешала ее, предлагала ей проводить целые дни у меня, а в гетто только ходить ночевать. Я себя чувствую совсем раздавленной, не сплю...

12.VII. Евреи ходят уже с желтыми звездами и только по мостовой. Они должны ходить гуськом, рядом нельзя, и снимать шапки перед каждым немцем.

Мои жильцы-немцы сегодня уезжают дальше на фронт... Они пригласили меня и Лилю вечером на прощальное кофе... Они говорили о будущей Европе, в которой не будет больше войн, таможенных войн и национальной вражды. Один из них невысокий, худенький, художник, ювелир, архитектор из судебных немцев. Он показывал чудесные работы цветной фотографии. Другой — немолодой, высокий, некрасивый, с грустными глазами — шофер, семейный, он больше всех жалел остриженную больную Лилю и на прощанье еще принес ей ящик молока, лимонов, керосин, за что я подарила 3 кусочка мыла, которого они совсем не имеют. Третий — красивый, молодой, высокий, мускули-

стый, Дон-Жуан, — шофер большого автокара из Кельна, человек некультурный, грубый. Позднее к ним пришел в гости какой-то высокий чин, начальник, плотный, грузный, с изрезанным шрамами жестким лицом. Без всякого подобострастия его усадили за общий стол и продолжали разговор о богатствах и просторах России, об отсутствии в ней организационных способностей и культуры. Я старалась, хотя и осторожно, но все же заступиться за нее. Вдоль Кестучио стоят под деревьями крытые грузовики. Ровно в 2 часа ночи мои жильцы уехали. На восток... все на восток. Они надеются, что к октябрю-ноябрю будет взята Москва и после нового года можно будет вернуться домой.

14.VII. Работаю целый день по дому, принимаю больных в моей грязной разрушенной квартире с осыпающейся штукатуркой, грязными стенами, клопами и блохами. Ночью стреляют и стреляют, я жду чего-то еще более ужасного... Приходят пациенты-литовцы, все довольны, все радостны и ждут впереди независимой Литвы... Пока литовское правительство не образовалось. Почта не действует, порядок и безопасность не организованы, вся торговля парализована...

Евреи покорно переносят свои несчастья, без всякого протеста и возмущения. Моя соседка вернулась за вещами; я ее не узнала, так изменилось ее лицо, так истомилась, так постарела она. Муж ее, адвокат, расстрелян. Немецкие офицеры вежливые и добродушные, позволили ей забрать из ее разгромленной, опустошенной квартиры оставшиеся самые плохие вещи из одежды; она собрала два узла. Но потом пришел управляющий нашего дома, еще большевиками назначенный, молодой литовец, с красивым, но злым лицом и бегающими глазами, и сказал, что нельзя евреям отдавать вещей... Мы с Лилей перетащили в свою квартиру из-под носа немцев, по ее просьбе, швейную машину, диван и так далее. Я осталась одна: мне как-то страшно в больших комнатах, боюсь бессонных ночей, все жду ужасов, жестокостей... Закона нет, зверские инстинкты упиваются мстью, страшно жить во власти черни, не имеющей работы и безнаказанно отдающей своим низким инстинктам убийц и грабителей.

Взят Витебск, приближаются к Петербургу. Ужасные сражения. Англия подписала с Советской Россией военный договор не заключать сепаратного мира, Америка обещает помощь. Немцы пишут: "Плутократия английская даже с коммунизмом примиряется, лишь бы победить"... В немецких газетах ужасные снимки разрушений в России, пленных. Мне кажется, я не вынесу всего... Очень мучительны бессонные ночи. Вдруг звонок... Сердце екнуло: "Пришли!" Отперла дверь, оказался немецкий офицер с гаккенкрейцем¹, молодой, лицо строгое, резкое, повелительное, недоверчивое, враждебное... Чем-то очень недовольный, из типа неумолимых: по ошибке позвонил не в тот звонок. Не извинившись, когда я объяснила ему эту ошибку, повернулся и со злостью начал стучать в соседнюю дверь. Витя заходит и пробует утешать.

15.VII. Ночью гроза прошла стороной, и снова душно, тяжело. С сердцем что-то неладное, не спала. Всю ночь стреляли (убивают кого-нибудь?) Плачу от усталости и печали... Умереть, ничего не видеть.

17.VII. Какие-то кошмарные дни. Евреев переселяют в Слободку; где жили 5 тысяч, должно поместиться 25 тысяч человек. Они передают и продают вещи. Ко мне привезли мебель и устали ею комнаты, которые вдруг стали какими-то чужими. *Архиепископ опубликовал воззвание помогать своим соотечественникам, пострадавшим от войны.*

Все с упоением, с разрешения начальства, оплевывают, унижают и оскорбляют, клеветуют, выдумывают небылицы на преследуемых и беззащитных... Мне это отвратительно, тошнит. Какой-то психоз ненависти, бестиализм.

По улицам беспрерывно тащатся возы со всяким скарбом и унылыми фигурами с желтыми звездами.

Евреи едут на страшное изгнание из общества, а у нас восстанавливается будничная жизнь: приходят люди подбирать очки, лечатся, хлопчут о еде. Разговариваем о карточках и продуктах. Сегодня холодно и сыро. Я душевно опустошена.

18.VII. Холодный серый день... Город начинает приобретать "нормальный вид". Появилось движение на опустевших улицах, только желтые знаки людей, бредущих по мостовой, как-то болезненно действуют на нервы и сознание. Из квартир бежавших евреев вывозят вещи. Пришел заведующий домом, в котором жила моя портниха, и объявил, что я могу из ее квартиры получить материал, который я оставила для шитья. Эта швея было кроткое, тихое существо. Старушка жила уединенно, целый день шила, по вечерам читала. На столе я часто видела у нее Толстого и Чехова. Ее убогая квартир-ка в деревянной пристройке, в тесном дворике, была всегда чисто прибра-на. Сама она — образец порядка и аккуратности. Бежала от немцев, попала в поезде под немецкую бомбу и сгорела заживо. Это рассказала мне ее род-ственница, вернувшаяся с дороги пешком. От взрыва некоторые человече-ские трупы были отброшены на провода и здесь остались висеть. Судьба причудлива, и жертвы ее гибнут бессмысленно и случайно...

После упорного уличного боя взят Смоленск.

Наш жилец говорил, что в октябре возьмут Москву, в ноябре-декабре за-хватят Англию, и к январю война будет кончена, и немцы вернуться домой... Какой-то бред.

20.VII. По вечерам очень тоскую. Была на кладбище — цветут шиповник, розы, синие цветы. Стоят прохладные дни. *Город пустынен, безработных приглашают на работу в Германию.*

Жизнь разбита. Ни одно имя из правительства неизвестно, все ка-кие-то анонимы. Полиции никакой — достаточно, что за воровство, обыс-ки и грабежи (без разрешения) — расстрел. Немецких солдат меньше видно, зато много офицеров очень важных, надменных. Большинство магазинов закрыто, продуктов дают очень мало, очереди громадные, в особенности для евреев. Смотреть на их истомленные, измученные лица больно...

22.VII. Первый раз бомбардировали Москву. Немецкое радио сказалo, что по силе разрушения эта бомбардировка может быть сравнена только с самой ужасной бомбардировкой Лондона, что Кремль превратился в море огня... Потрясена, страшно думать о том, что там люди переживают...

23. VII. Серый день, низкие, холодные тучи. Туман. С утра в небе шумят тяжелые аэропланы, но их не видно. Спала плохо, тревожно. Ежедневно происходит много несчастных. Утешаю, помогаю.

Уже 3 ночи подряд бомбардируют Москву. У нас — распоряжение приобрести немецкие флаги и запрещение вывешивать национальные. В газете глупейшая статья о масонстве Рузвельта. Бездарнейшие антисемитские статьи. Больные радуются освобождению от советского ига, но находят, что евреев мучают уж слишком жестоко...

24. VII. Я еле живу... Хотела бы забыться, да нельзя. Масса забот о еде, о продуктах, о поисках пищи. У меня нет сил выйти из дому; автобусы не ходят, почты нет, телефон не восстановлен. Вокруг много горя: *то сына на улице убили, то арестовали по какому-то доносу мать, якобы за шпионство, а сына избили, и так дальше.* Законности нет никакой, везде беспорядок, магазины закрыты, продукты расхищаются. Все врозь, все вразброд. Я больше всего тоскую вечерами, как-то страшно. Сегодня в тюрьме очень стреляли, да и так постоянно слышны одиночные выстрелы. Я боюсь: каждый человек с ружьем или какой-нибудь повязкой мне уже кажется убийцей. Не боюсь только евреев с их желтыми знаками.

25. VII. Сегодня туманное утро. Немана не видать, поэтому аэропланы не летали, и я в первый раз спала 7 часов.

Литва действительно единодушна в своей ненависти к евреям, и я не могу понять причины этой ненависти: экономические (конкуренция)? зависть? расовая ненависть? пропаганда? Недовольство тем, что евреи поддерживали коммунистов и русских? Один больной из Мажейек рассказал, что у них все до одного мужчины-евреи за последние недели расстреляны, он одобрял это. В других местах их гонят на работы всех без исключения, врачей тоже.

27. VII. Чудный летний день провела на даче. Аромат соснового леса, земли, свежесть росистого утра, зелень, река, тишина... Ночью темное небо со сверкающими созвездиями... *Казалось бы, так хорошо, но люди, со своей тупостью и ограниченностью, со смесью злобности и глупости и вообще поверхностностью своих суждений, все отравляют.* Разговаривала с молодым доктором, типичным литовским националистом, дальше носа своего ничего не видящим. Для него Литва — вселенная, немецкая победа навеки и безусловная, литовская независимость — единственно желанная. В городе жарко, пусто, атмосфера злобы и страдания...

Снова говорят о том, что 400 евреев расстреляны.

28. VII. Больных было много, но легкие. Девушка принесла после 3-часового стояния в очереди кусочек кости с мясом на 7 дней. Обе мы огорчились, что так мало. Масла нет, яиц нет. Сегодня день моего рождения. Мне 53 года. Я совсем забыла эту дату. "Мира нет в душе моей". М. принес 2 прелестные чайные розы, чем я была растрогана.

Сегодня выпущено обязательное постановление №1 немецких властей, чтобы евреи не ходили по тротуару, а ходили по мостовой один за другим, чтобы не пользовались никакими перевозочными средствами, чтобы извоз-

чки и автомобили вывесили объявление на видном месте “евреям запрещается”; евреям запрещается сидеть на скамейках, пользоваться парками и садами. Ни телефона, ни радио, ни воздуха, никаких путей сообщения, ни работы, ни жилищ, полное бесправие, что-то жестокое до бессмыслицы, ужасное, страшное, пугающее. Зашла среди многих других доктор-хирург К. Ее лицо могло бы служить художнику моделью для изображения страдания. На днях она переезжает в “гетто”. Я утешала ее, предлагала ей целые дни проводить у меня и только ночевать ходить туда, на что она ответила, что она сомневается, чтобы немцы позволили это.

29. VII. Ночью опять стреляли. Убивают...

Сегодня я пошла за деньгами в поликлинику, из которой меня уволили.

30. VII. Все едут и едут евреи с жалкими пожитками. Идут по мостовой гуськом, с желтыми звездами. Что-то дикое. Стыдно! Моя коллега-хирург уже переехала в гетто. В последнюю минуту привезла мне свой любимый стеклянный шкаф с красивыми статуэтками.

Назначены генерал-губернатор всего восточного края, рейхскомиссар Лозе, генерал-комиссар территории бывшей Литовской республики фон-Рентельн и комиссар города Каунас Крамер¹.

“Немецкие власти в волостях и городах будут сотрудничать с вашими представителями; в случае надобности немецкие органы власти пригласят доверенных из среды вашего народа, которые могут доложить о ваших пожеланиях окружным, генеральным комиссарам и государственному комиссару. Они организуют органы охраны для обеспечения безопасности вашей работы и жизни”. От Литовской республики остались рожки да ножки. Вот что осталось от гордых надежд наших ура-патриотов!

31. VII. Наблюдаю за расхищением еврейского имущества в соседней квартире. Сначала приехали громадные военные грузовики-фургоны и увезли самую лучшую, дорогую мебель для “генерала”; потом явились еще какие-то чины в другой форме и увезли возы посуды, картины, хрусталь, разные обиходные вещи. Сначала таскали военнопленные. Потом из грузовика выгрузили несколько евреев и заставили их переносить вещи.

По улице все едут возы с жалким имуществом; старики и дети. Говорят, что евреям будет разрешено брать вещи с собой только до 1 августа, поэтому все спешат.

I. VIII. Утром видела в окно, как на длинной крестьянской колыхаге среди каких-то убогих столов, стульев, матрасов проехал знакомый врач-еврей с женой, обнимавшей двух маленьких детей. Возы с еврейским скарбом все едут и едут, литовские мужики и извозчики дерут с евреев громадные деньги за перевозку... По улице, гуськом, — надо ведь выдумать! — идут евреи с желтыми звездами.

¹ 28 июля генеральный комиссар Литвы Теодор Адриан фон Рентельн назначил гебитскомиссаров. Гебитскомиссар Каунаса — оберфюрер СА Ганс Крамер (1904–1945, убит на фронте). Это его приказ о евреях упоминается в записи за 28 июля. — И. Л.

Виленская газета...¹ №29 от 31 июля на вопрос: “Что такое демократия?” отвечает следующим образом: “Демократия — безответственное сообщество богатых евреев всего мира. Не что-либо иное! Само слово благородно, идея красива; однако все несчастье в том, что всемирное еврейство поработило ее своим целям — все человечество сделать своими слугами-рабами”. Сколь безграмотно, сколь беспардонно глупо! Стыдно за бумагу... но теперь она все терпит...

Английские аэропланы бомбардировали Финляндию и вместе с советскими — порты северной Норвегии. Представитель Америки приехал в Москву. 8-й раз бомбардировали Москву и 3-й раз Орел, бои у Смоленска продолжаются с громадными потерями обеих сторон.

Сижу дома безвыходно и стараюсь даже в окно не смотреть. Сегодня была гроза с проливным дождем. Воздух наполнился ароматом освеженных деревьев, где-то цветут цветы, шумят зеленые леса, золотятся поля. Как болит сердце!.. Презрение, отвращение, уныние, печаль! Не знаю как, но бороться надо; страдать, жаловаться, жалеть, скорбеть недостаточно; я помогаю много, не считаясь. Но ведь это — капля в море.

Читаю “Войну и мир”, “Севастопольские рассказы” Толстого.

3. VIII. Сегодня больной рассказал, что на Седьмом форту расстреляны 1200 человек. Вырыты глубокие ямы, велят раздеться и расстреливают из пулеметов. Кто шевелится, приканчивают, ямы засыпают известкой. Другой больной говорит, что 26 июля была вырыта громадная, как для большого фундамента, яма. Целый день русские военнопленные носили в нее трупы. Он считает, что было убито около 2 тысяч евреев, среди них было 40 молодых девушек. Убивали литовские “партизаны” под присмотром немцев. Говорят, что немцы это снимают для кино.

В Плунге расстреляны все до одного евреи, в том числе все женщины и даже грудные дети². В местечке, где живет Валайтис, евреев сначала заставили для потехи носить тяжелые камни с одного конца улицы на другой, а потом убили всех мужчин. Злоба на всех этих насильников, кровожадных зверей, лицемерно прикрывающихся фразами о спасении европейской культуры, убивающих, чтобы очистить место, которое они одни хотят иметь на земле, наполняет мое сердце. Лицемерие, ложь, обман, самая гнусная демагогия, рассчитанная на чернь, чтобы с ее помощью уничтожить все благородное, а потом и с ней покончить. Литовская чернь — теперь орудие послушное и довольное. Я чувствую себя одинокой среди врагов. Я боюсь людей, больше, чем диких зверей, вокруг такая жестокость, ослепление, рабство мысли и ничтожество, “Спишь ли ты, справедливость, или ты убита”, — спрашивал Микель-Анджело, “Нет правды на земле, но нет ее и выше”, — сказано у Пушкина.

6. VIII. Тяжелый, мрачный день. Расстрелы продолжают, хватают на улицах, из квартир, ведут евреев толпами.

Москва бомбардируют каждый день.

1 В тексте пропуск. Скорее всего, имеется в виду *Naujoji Lietuva* (“Новая Литва”) — литовская газета в оккупированном Вильнюсе. В Каунасе издавалась газета “К свободе”. — И. Л.

2 Евреи Плунге — около 1800 человек — были расстреляны у дер. Каушеной 15–16 июля 1941 г. — И. Л.

7.VIII. Дни без просвета... Вижу врачей с желтыми звездами, идущих по мостовой. Евреи могут покупать на базаре после 10 часов утра, когда все уже почти распродано. Аресты продолжаются. Повесился один пожилой литовец, женатый на еврейке. Город производит тяжелое впечатление. Закрыты магазины, пусты витрины, в которых для заполнения пустоты выставлены дешевые рюмки, какие-то стаканы, цветочный чай и суррогат кофе в безобразной упаковке. Вид опустошения и нищеты.

11.VIII. Расстрелы продолжаются. Называют огромное число убитых. Люди быстро привыкают, и эти цифры их мало волнуют. Каждый думает, лишь бы меня не тронули. Сегодня один рабочий говорил о мистическом орле, которого через 5 месяцев, по предсказанию какой-то древней книги, победит Добро, и тогда зло будет уничтожено навеки. Туманная, путаная, смешная вера, но в ней есть практическая интуиция.

12.VIII. Сегодня я была в гетто. Улицы оплетены колючей проволокой; в другом месте через "христианскую" улицу построен деревянный виадук, чтобы евреи не пересекали, не "оскверняли" христианскую улицу. Жалкие, убогие домишки предместья, измученные лица. Всякий жалкий скарб стоит на пустырях, во дворах мебель, которая не уместилась в необычайно скученные квартиры. В предместье, в котором помещалось около 5 тысяч, теперь поселили 25–30 тысяч человек.

Была у знакомых врачей; в одной комнатухе в 8 кв. метров живут две семьи. Все очень изменились. Понимают, что они обречены. Сегодня выключено электричество. Хлеба по 100 г в день. Лавочка одна, бесконечные очереди. Работы нет, еды нет, света нет, топлива нет, книг нет. И ожидание неминуемой смерти!..

На фронте: русские бомбардировали Берлин, англичане — немецкие города; немцы жестоко бомбили Москву.

15.VIII. Сегодня немцы окончательно очистили соседнюю квартиру. Хозяина расстреляли на Седьмом форту. Жена и дочь пропали без вести. Вчера приехали громадные крытые немецкие грузовики и увезли лучшую мебель. Сегодня увезли все остальное. Пленные переносят вещи под присмотром офицеров и солдат. Сегодня мне удалось выпросить разрешение у караульного — высокого плотного грубого немца — покормить пленных. Мы дали им хлеб с маслом, молоко, папиросы. Они поразили меня своей интеллигентностью, свойственной только русским, какой-то открытостью, мудрой терпеливостью и ясным простодушием. Немец долго, с лютой ненавистью, говорил о евреях, о преследовании их, сказал, что Гитлер — социалист, что в Германии нет капиталистов, что в России все офицеры евреи, просил перевести все это русским пленным. Русские пленные с иронией и насмешкой сказали: "Ну и сагитировали же его". Немец хвастал, что скоро они всех победят.

Русские наголо острижены, лица у них землистого цинготного оттенка, у некоторых уже отекают, пухнут ноги. Кормят их только раз в день и очень плохо. Они таскали вещи толково и быстро, из-под носа немца передавая вещи всем, кто хотел.

18. VIII. Взят Николаев... В воскресенье была в Ботаническом саду. Полный разгар лета. Цветут лилии в пруду, розы, астры, вербена, горошек, чудесные георгины. Вспоминала швейцарские альпийские луга, лежала в траве и смотрела в небо, но на душе не было радости, не могла забыться. Разграбленный, опустевший город...

По городу разъезжают взад и вперед подводы с вещами. Люди перебираются, устраиваются в освободившиеся с изгнанием евреев квартиры; все, кто участвовал в освобождении от большевиков и главным образом разные грабители и "люмпен" — прохвосты заполучили хорошие помещения; немцы действительно услужили этим "пролетариям" больше, чем большевики, которые, конечно, таких героических средств, как переселение 30 тысяч жителей (евреев) в Слободу, "не сумели" организовать. В Слободке "партизаны" застрелили мальчика за то, что он был без звезды. Убили 2 мужчин и женщин за то, что они шли не по мостовой. Литовские "партизаны" так безобразничают, что даже немцы арестовали нескольких за "своеволие".

Сегодня видела, как 4 вооруженных немца на велосипедах гнали высокого роста советского пленного офицера... Куда? Молодой литовец злорадствовал при этом. Все-таки действительно большинство литовцев ненавидят большевиков.

Газеты анонимны, бездарны и подхалимны до крайности. Литовским патриотам должно было быть очень больно, видя, как попирается их национальное чувство, но этого нет, и все торжественно и велеречиво благодарят за "освобождение от большевистского ига".

19. VIII. Была в кино. Более бездарную по исполнению и убогую по содержанию кинокартину трудно себе представить. Рыбацкий поселок, мальчишки хулиганят, но приезжает учитель с гаккенкрейцем в петлице, одевает их в полувоенную форму со свастикой, все маршируют и исправляются. В хронике — разоренные русские города, толпы пленных. Орудия, орудия, стрельба в воздухе, на море, на земле. Показывали, как испанские, французские и итальянские добровольцы уезжают на русский фронт, как их провожают с цветами; жаль, что не показано, как они погибли на снежных равнинах СССР. Показывали Псков после бомбардировки: остались только каменные остовы. Когда смотришь, то кажется, что все это дело рук сумасшедших.

Жизнь не налаживается. Все живое сковано: назначены какие-то уполномоченные, никому не известные, нет почты, железнодорожного сообщения, автобусов, магазинов, торговли, библиотек, школ, университетов. Полный разгром. На дверях почтамта объявление на немецком языке: "Почта, литовцам вход воспрещен"... Хамский характер, преклонение перед силой, благоговение перед ней, раболепие выступают очень убедительно.

21. VIII. Читаю Толстого, Шекспира, Тургенева, "Петр I" Алексея Толстого, ищу забвенья. Рассказывают, что литовские партизаны состоят на службе специально по убиению евреев, получают 600 рублей жалованья и солдатский паек. Желающих масса.

На этой неделе на форту убито 2 тысячи, среди них есть женщины. В Слободке в гетто отбирают вещи, грабят, убивают. Я видела во сне мир.

Радость неопишемая охватила меня. Но “то был сон”, и пробуждение было такое грустное...

22. VII. Взяты Херсон, Новгород, Нарва и Кингисепп... Ворошилов призывает ленинградцев защищать город. Человеческое воображение не в силах представить себе, что делается теперь на несчастной русской земле.

А у нас будничная жизнь с заботой о хлебе, масле. Ожидание голода и холода. Только негодяи благоденствуют, все остальные живут под гнетом. Вчера распространился слух, что расстреляны адвокат Беляцкий, врач Берман, всего 2 тысячи человек!..

Больная рассказала, что, проходя мимо синагоги, наблюдала следующую картину: интеллигентного вида евреи перетаскивали какую-то мебель, а немец время от времени бил их кнутом...

Меня терзает мертвый город; идешь мимо пустых зданий и вспоминаешь: здесь жили и работали такие-то. Разбита жизнь десятков миллионов людей.

Читаю Тургенева. В “Переписке” читаю: “Я никогда не перестану думать, что в божьем мире все честное, доброе, истинное применимо, и рано или поздно исполнится, и не только исполнится, но уже теперь исполняется”. Какие прекрасные слова.

Никогда я не забуду виденных жестокостей и преступлений, не прощу их, не примирюсь с ними. Я чувствую в себе решимость, если надо, даже и умереть за это чувство. Надо помочь торжеству справедливости — вот задача.

Сегодня ясный, теплый день... гуляла в роще. Зеленая, пышная трава, треск кузнечиков, грядки цветов. Старые дубы, закат, сумерки. Как отрадно, но забыться невозможно. Встретила массу немецких солдат, город полон ими. Кто-то рассказывал, что немцы открыли великолепный дом терпимости, устроенный со свойственной им практичностью, согласно последним требованиям гигиены.

25. VII. Была у знакомых; оба изменились, постарели, настроение подавленное.

На днях один студент рассказал следующее. Он был арестован в первые дни войны, был приведен в полицейский участок и поставлен лицом к стене вместе с несколькими другими. Им велели поднять руки вверх и стоять, не оглядываясь, иначе они будут застрелены, а пьяные полицейские притащили несколько еврейских девушек, которые страшно кричали, плакали. *Солдаты их насильовали всю ночь, а утром их куда-то увезли.* Расстрелы продолжаются. В гетто произведен тщательный обыск и на 300 подводах вывезено имущество.

Трудно жить, когда рядом так страдают люди.

26. VII. Переволновалась эти дни, а сегодня чувствую себя мужественной. Надо жить, быть всегда на стороне справедливости и права, перенести все с достоинством, что бы нас ни ожидало.

27. VII. Утром видела полк немецких солдат, бодрых, здоровых, стройно марширующих; за ними шел обоз с тяжелыми, большими, упитанными лошадьми; но поют немцы скучно, без искры веселья и удали, однообразно.

Сегодня видела грузовик с евреями, стоявший у Пассажа. Одно молодое замученное лицо с какими-то безумными (от вечного страха) глазами мучительно осталось в памяти и терзает меня.

Неотвязно думаю о гетто, никак не могу забыть людей, страдающих так далеко от меня. Евреи, пленные, арестованные — все ранит.

Сегодня сияет солнце и стоит прелестный осенний день. Пробую хотя бы немного забыться — читаю о путешествии в Азию.

Старый профессор, идеалист, гуманист, принес прочитать свою рукопись.

30. VIII. Целый день с больными. Работа — мое единственное утешение и поддержка.

На дороге (ездила купить печку, так как центрального отопления не будет) наблюдала такую картину: шло несколько евреев с небольшими мешками с овощами. Из проезжавшего мимо автомобиля вылез высокий здоровый немец в эсэсовской форме, кнутом начал бить евреев, которые побежали от него, бросив мешки; он ногами раскидал эти мешки и смеялся при этом. *Толпа тоже улюлюкала, но все-таки далеко не все и не так усердно, как раньше.*

Русские пленные очень голодают; многие их жалеют. Мне удается каждый день в разных местах вручать им хлеб, картошку, сало, что ко мне привозят и приносят для этого мои знакомые.

2. IX. В провинции все еврей-мужчины уже уничтожены. Теперь убивают женщин и детей. Вот промчался грузовик, полный людей со страшными желтыми звездами, точно выходцы из другого мира. Рассказывают, как бьют евреев кнутом по лицу, как избивают пленных. Трагично положение состоящих в смешанных браках. Один литовец, женатый на еврейке, застрелил жену и 2 дочерей и сам застрелился. Есть примеры верности и стойкости.

Происходит регистрация безработных и знающих немецкий язык. Многих мобилизуют ехать в Германию и в занятые немцами восточные области. Немцы усиленно готовятся к зимней кампании, на берегу Вилии строят стандартные бараки; в мастерских заказаны сотни временных печек, шьется одежда и так далее.

Дни проходят в работе, в заботах о еде, устройстве на зиму, борьбе с грязью, блохами, в стирке белья (мыла нет совсем).

Получила медицинский журнал “Литовская медицина” вместо “Советская”, помещен список увезенных большевиками врачей, но евреи в нем отсутствовали, в “приличном обществе” о них ведь не говорят. Читала статью о расовой “чистоте”: сильнейшие не должны смешиваться со “слабейшими...” Новая вариация “париев”, каст...

Сегодня получила в подарок букет вереска. Где-то в лесах, в тишине цветет он. Вокруг маленького домика в предместье видела прелестный садик: темно-розового цвета георгины, чайные розы, георгины разных оттенков, громадные кусты фиолетовых флоксов, их много в этом году. Красота красок, форм. Вечная красота природы... Прошла мимо очаровательного домика врача-еврея. Служи, что покончил с собой еще один врач, а еще один расстрелян.

3. IX. Утром 4 градуса. В кабинете холодно, спасаюсь в спальне... Читаю книгу о службе подслушивания во французских окопах при осаде Вердена...

5. IX. Сегодня опубликовано: кто будет помогать пленным, будет арестован, при попытке бежать — расстрелян! *Подписано литовским комендантом... Кому-то не нравятся сочувствие и сострадание, обнаруживаемые по отношению к русским пленным.* Замученные, голодные, истерзанные, запряженные вместо лошадей в телеги, возят они то цемент, то доски, то камни, то мебель... Страшно смотреть на умирающих людей. Население, в особенности женщины, стремятся им помочь. Все больше растет сочувствие русским и возмущение немецкой жестокостью...

Читаю книгу Марко Поло о его путешествии (XIII век) через Китай, Индию, Памир, Малую Азию, Африку...

В Средние века были гонения на евреев, но куда им до той жестокости, свидетелями которой мы являемся, когда государственный деятель ставит себе целью истребление всего еврейского народа, всех до одного. *Много рассказов о поголовном убийстве женщин и детей, в провинции всех мужчин-евреев уже истребили.*

Несколько врачей покончили самоубийством.

8. IX. В гетто каждый день убивают.

Ходят упорные слухи, что до октября все евреи будут уничтожены, в провинции уже убили всех женщин и детей. Страшно!

Издан закон, запрещающий подавать русским пленным еду, папиросы и тому подобное. Немцы бьют пленных на улицах ногами в живот, кулаками, не стыдятся людей.

В провинции над евреями издеваются еще хуже, чем у нас. Заставляют прыгать в воду за брошенными вещами, бить друг друга палками.

9. IX. Ленинград окружен со всех сторон и отрезан от страны, взят Шлиссельбург!..

Жизнь кошмарна. Никогда не забуду виденного. Зато делаюсь мужественнее, поднимаюсь на высоту возмущения, отречения от всех житейских соображений, расчетов, выгод и готова к претворению своих чувств в жизнь. Многого не пишу... нельзя.

12. IX. В Мариамполе (рассказывает пациентка, которая сама видела) вырыли глубокую яму, согнали туда женщин с детьми (они кричали, плакали), их расстреливали из автоматов, затем на эти теплые, трепещущие тела, еще, может быть, живые, велели лечь следующим, снова убивали и так далее до заполнения ямы... Стоны, вопли, рыдания. *(Даже литовские "шаулисы" упали в обморок, и для них вызывали "скорую помощь".)* Женщин оставляли в лифчиках и панталонах, мужчин в кальсонах. Остальную одежду складывали в кучу. Утром встретила толпу евреев, гонимых на работу. Изнуренные, бледные, с какими-то безразличными, точно мертвыми лицами. Жутко видеть толпу обреченных. Эти дурацкие желтые знаки! Солдаты подгоняют, заставляют идти бодрее, "маршем" и снимать шапки перед каждым немцем.

Разные трагичные судьбы проходят перед глазами. Изумляюсь человеческой приспособляемости, цепкости, стойкости, вере в будущее.

Есть люди, которые осмеливаются деятельно помогать... *часть из выгоды, но есть и такие, которые рискуют из чистого человеколюбия...* "Соль

земли"... Зато на улицах вдруг появилась уйма грубых зверских физиономий... Жизнь оголяется, законность исчезает... Все рассчитывают на "знакомства", воровство, спекуляцию, обман.

13. IX. Зашла в знакомую парикмахерскую (еврейскую). Конечно, она разграблена, мебель вся вывезена, сама хозяйка с детьми бежала, сторож, когда она через несколько дней вернулась за вещами, из "милости" отдал ей какое-то старое платье. Она горько плакала: дочь ее была в пионерском лагере: литовских детей уже вернули, о еврейских некому было позаботиться. *Надо сказать, что больше всех на еврейском несчастье заработали сторожа, которые грабили безответственно... вообще многие разжились, этот факт объясняет их благосклонность к немецкой оккупации, хотя кое у кого совесть не спокойна, думают о будущем "а вдруг все злодеяния не пройдут безнаказанно и придется за них ответ держать", отсюда тайное, глубоко скрываемое, а иногда даже и явное желание, чтобы все до одного евреи были уничтожены раз и навсегда.*

Ленинград держится героически. Холодно, сыро, много желтых листьев.

14. IX. Сегодня солнечный день, тепло, в квартире сыро. Все ждут какой-то беды. Одичание прогрессирует, университет, гимназии, школы закрыты, везде немецкие вывески; мы являемся уже немецкой собственностью. В газетах статьи о расовой теории, о необходимости очищения человечества от засоривших его неарийских народов, которые должны быть уничтожены.

В печати не отражается жизнь, звериная жестокость, беспощадная свирепость скрываются от гласности; они совершаются безнаказанно на глазах у всех, но о них не принято ни писать, ни говорить.

16. IX. Видела толпу измученных, ободранных евреев в сопровождении литовского добровольца с ружьем. Они нагружены мешками овощей, поленьями дров, какими-то посудинами; молчаливые, безмолвные тени людей. К ним уже привыкают. Фигуры с грязными желтыми звездами стали обычными атрибутами нашей действительности.

Была в кино; как всегда бессодержательный избитый немецкий фильм, пошлый: рестораны, спальные вагоны, богатые гостиные, нарядные красивые женщины, роскошные лимузины, безукоризненные лакеи, богатая беззаботная жизнь, любовные сюжеты. Прекрасная игра артистов не в состоянии искупить ничтожество содержания; скука смертная. И вспоминаются другие фильмы, русские, полные человечности, идейные, возвышающие и обогащающие душу.

В хронике показывают уничтоженные вокзалы, груды разбитых орудий, сожженные, опустошенные города, бесконечные толпы пленных, беженцев. На улицах темно и страшно. Вспомнились знакомые, запертые в гетто и обреченные, так близко от меня. Сколько было мягких, ласковых, хороших людей. Неужто нет им спасения!..

19. IX. Во вторник в гетто все были собраны на площади: старики, женщины, дети. Со всех сторон они были окружены пулеметами. После того как они простояли несколько часов в ожидании неминуемой смерти, в по-

следнюю минуту подъехал автомобиль. Из него вылез военный и передал коменданту бумагу, последний прочитал ее и отпустил собравшихся, сказав, что они должны быть благодарны немецкой армии, которая дарует им жизнь. Зачем все это было проделано? Непонятно...

С Ленинградского фронта приходят вагоны с русскими пленными. Вагоны набиты до отказа, многие умирают в дороге, многие привезены умирающими. Сотни людей расстреляны около станции, так как немцы добивают всех слабых: один железнодорожный служащий сам видел груды трупов советских пленников около Каунасского вокзала.

В предместье “Шанчэй” застрелен молодой человек за то, что подал яблоко военнопленному. На Лукшио ул. немецкий патруль убил девочку за то, что она шла на 10 минут позже 10 часов вечера. Одна девушка из гетто рассказала мне, что в ее комнату как-то вошел молодой немец, велел ей стать у стены, он будет сейчас в нее стрелять... Она стояла, дрожа от ужаса, он долго целился в нее... потом засмеялся и сказал, что шутит...

В гетто каждый день убивают по 20–30 человек; стреляют в дома, в окна, в проходящих по улице. Еврей совершенно вне закона, каждый может его убить, грабить совершенно безнаказанно.

Третий день “лечу” одну тяжелую “больную”, хочу спасти ей жизнь. Надо душу свою “отдать за други свои”, а у нас всегда остается страх за себя, за близких, и я тоже соблюдаю осторожность. Может быть, надо делать еще больше. Вечное напряжение, ожидание неминуемых неприятностей, опасение за ночующих у меня “больных”...

Я никогда не забываю о своем долге. Низкие эгоистические “всплески”, дойдя до сознания, уничтожаются более высокими чувствами ответственности и жажды помочь, и, раз начав делать добро, остановиться уже нельзя. Идешь, хотя и страшно...

20. IX. Вчера длинными переулками, какими-то улочками, огородами, мимо проволочных заграждений пошла в гетто; надо было передать еду.

По улице ходил с ружьем молодой полицейский. Я дала ему денег, и он отвернулся. Я перебрала через забор пакеты со съестным.

Видела, как увозили на 10–12 грузовиках молодых интеллигентных евреев. Бледные, с измученными лицами, но спокойные, молчаливые.

Немцы бегали по улице, кричали, орали, понукали скорей садиться. Их очевидно, раздражала толпа, столпившаяся на углу и наблюдавшая эту сцену. Один конвойный, молодой, с жестоким лицом, вдруг накинулся на нас и стал разгонять кнутом. Женщины из публики сочувствовали и жалели евреев. Когда я спросила, куда их повезут, один конвойный сказал — “в Люблин” и выразительно показал пальцем в землю. “Всех убьют”, — объяснил другой...

Вернулась усталая, разбитая. За стеной всю ночь пьянствовали гестаповцы. На парадной лестнице пахло водкой и пивом.

21. IX. Сегодня воскресенье. Солнце, тепло. После вчерашнего путешествия в гетто чувствую большую усталость: лица юношей, обреченных на смерть, серьезные, сумрачные, спокойные, отнюдь не растерянные или испуганные, стоят перед глазами, и я не могу их забыть.

В квартире холодно. Привезли печурку, она дымит; безобразные трубы портят комнату. Зашел Витя. Он работает в хирургическом отделении, учится. Читали стихи Пушкина. В них великая красота, которая преображает жизнь, очищает и просветляет ее. Никто не может утешить, надо бороться. Когда-то девочкой, прочитав о рыцарях, избравших себе девизы, я сочинила свой девиз: “Увеличить сумму добра на земле”. Я ему верна и знаю, нас много, и мы победим.

22. IX. Вчера мне рассказала больная: евреи-рабочие из гетто покупали овощи на базаре; подъехал в автомобиле красивый важный немец с гаккенкрейцем, стал стрелять в евреев. Один упал, но был жив еще, тогда немец убил его. Народ начал разбегаться, немец стрелял в толпу, ранил литовскую женщину. Убитого он велел евреям оттащить и зарыть около рынка за проволокой. В гетто по ночам стреляют. Вчера вывезли куда-то 1500 человек от 15 до 50 лет. Самое тяжкое — это постоянное ожидание расправы и издевательства, полное бесправие, безнадежность.

Вели русских пленных; сопровождавшие безусые мальчишки били их ногами, и это на улице, на глазах у прохожих!..

27. IX. Вчера вывезли 1400 человек — никто не вернулся. *Рассказывают, что немцы велели литовцам бить и убивать евреев, а сами в это время фотографировали и снимают для кино¹.*

На улице сегодня видела знакомых, врача и инженера. Как они изменились! Серо-белые лица, скорбные, измученные, и эти ужасные желтые звезды!

Сама сегодня видела, как один из толпы русских пленных быстро нагнулся и поднял окуроч с мостовой; тогда мальчишка (должно быть, “СС”) стал бить его сапогом в живот и колоть штыком. Я не выдержала и, дрожа от возмущения, сказала ему, что стыдно так делать. Он грубо и зло (лицо дикое) велел молчать: “А то и с вами так будет”.

Пленные выглядят умирающими; это тени, а не люди, они шатаются от слабости. Человек 200 несли стулья на плечах, и даже эта ноша была им не под силу. Нельзя выразить словами, как мне больно смотреть на гибнущих бойцов!

28. IX. Сижу одна... вечер. Сегодня прогоняли мимо моих окон много евреев. Однообразные ряды, согбенные спины, страдальческие лица. Гнусные отвратительные звезды на спине и на груди. Эти желтые пятна сводят меня с ума! Вчера в гетто (рассказывают прибежавшие) увели целый квартал, убивали и женщин и детей. В домах настуж открыты окна и двери. Один ребенок, окровавленный, прибежал назад... Вчера была пятница, канун еврейского праздника. Неужто и резню устроили с умыслом?

В квартире тихо... Осенние дни. Розовые астры, фиолетовые флоксы, поздние розы так хрупки и прекрасны. Бетховен со стены, бюст Пушкина со шкафа, Микеланджело над столом как будто хотят мне сказать: “Утешь-

¹ Согласно рапорту айнзацкоманды 3, 26 сентября 1941 г. в 4-м форту убиты 1608 евреев — больные и подозреваемые в том, что больны заразными болезнями. (См. запись за 4 октяб.) — И. Л.

ся, это все пройдет, это не может долго продолжаться, человечество найдет правду, она восторжествует...”

Г. Х. Я нервна, озлоблена, ненавижу людское равнодушие и примиренчество. Только страдающие человечны, им я хочу помочь, всех жалею, трачу много сил и времени...

Ленинград держится героически.

2. X. Слухи о том, что будут убивать детей, все настойчивее. Приходит много матерей. Люди мечутся, ищут спасения, мы изыскиваем всякие возможности, чтобы бороться с бесчеловечными дикими законами.

На улицах часто встречаются крестьяне, увозящие пленных к себе на работу; люди радуются за них, говорят: “Вот этот, может, и не помрет”.

Я видела, как двое шатающихся от слабости русских пленных везли на тачке умирающего товарища. Его маленькое, невероятно изнуренное лицо со слезящимися глазами, широко открытыми и уже не видящими, ужасные лохмотья — все это производило жуткое впечатление. Многие женщины плакали.

Каждый день утром и вечером проходят унылые толпы евреев со звездами, их гонят из гетто на работу и обратно. Многие начинают сочувствовать им. *Население уже насытилось злобой, и вид унижаемых, гонимых вызывает жалость.*

Сейчас 4 часа утра. Не спится, ночь такая длинная. Слышу, как по улице проходят немецкие солдаты. Стук их сапог, подбитых железом, в ночной тишине отдается в ушах, точно символ железной неумолимости и бесчеловечности. Перед глазами встают страшные картины, точно жуткий кошмар...

Вот гонят “планово” доведенных до последней степени отчаяния, замученных людей, потерявших все надежды и все силы. Женщины с грудными младенцами на руках, дети, цепляющиеся за матерей, старые и пожилые мужчины, вообще слабые и больные, те, из которых уже никакой пользы извлечь нельзя. Их гонят в ямы, заранее уже вырытые, в ямы, на дне которых уж стоит холодная осенняя вода. Окрестные жители уверяют, что на другой день после массовой казни земля еще слегка колыхнется, вздрагивает, стонет.

4. X. Немцы сожгли в гетто больницу вместе с больными и персоналом *под предлогом, что она распространяет инфекцию.* Подвезли бензин, лили его в окна из каких-то насосов. Из детского отделения детей бросили в грузовик и увезли куда-то. Слабые больные, оперированные, роженицы, парализованные не могли спастись, так как все было сделано очень быстро, без предупреждения. Из моих знакомых погиб в огне старый врач, разбитый параличом. Люди сгорели заживо...

Мне удалось на неделю найти квартиру у верующей для одной “больной”. Другая уже живет у меня 2 недели. Да, страх — орудие очень сильное, и не всякий умеет его победить в себе. Но стоит только начать, а потом он исчезает. Человек привыкает к постоянной опасности и делается бесстрашным, а когда веришь крепко в свою правоту, в свою правду, то и смерти не боишься.

6. X. Сегодня ясный теплый день бабьего лета, голубое небо, солнце, но я не могу радоваться. Заходила сегодня к 2 юристам, которых считала гуманистами, и к одному старому врачу-общественнику с целью уговорить их на организованный протест против страшных преследований еврейских врачей и адвокатов. Ведь нельзя молчать! Но с их стороны я встретила равнодушие и даже неприязнь!.. У них одно желание — лишь бы прожить, выжить во что бы то ни стало! Я так опечалилась, я легко унываю и теряю веру, но все же пробую и надеюсь.

7. X. Витя описал на английском языке все, что у нас творится. Я заходила к одной артистке, которая имеет важного литовского знакомого за границей. Может быть, мировая общественность не знает, что здесь происходит. Надо сообщить, надо организовать протесты, надо искать пути борьбы везде, где можно... Мы договорились — она согласна нам помочь¹.

Зашла в подвал, где работают евреи. Здесь у одной доброй и смелой (да, даже на это нужна смелость!) женщины они готовят себе жалкий обед. Обычная житейская картина, но какая трагедия за ней скрывается: врачи, инженеры, музыканты, оборванные, грязные, заняты тяжелым физическим трудом, чтобы временно сохранить себе право на жизнь, чтобы дышать, не быть убитыми в яме.

Снова упрямые слухи о готовящихся убийствах. Началась регистрация поляков и русских. Для чего?

10. X. Трудные, беспокойные дни. Будничные заботы о еде. Приходят страдающие знакомые и совсем чужие люди; все испуганы, ожидают гибели, мечтают, ищут помощи. Посещаю разные квартиры, закоулки, хожу на тайные свидания, все с опаской, со страхом, в ожидании наказания. Очень устаю...

Немецкие прокламации (их наклеивают на заборы, на столбы, на стены) сообщают о громадных успехах, обещают скорую окончательную победу. Очень уж подчеркиваются успехи, точно постоянно кого-то, а может быть, и себя? — в чем-то успокаивают...

15. X. Всюду висят объявления на литовском языке:

Хотя громадное большинство здравомыслящих литовцев избегают какого-либо общения с евреями, все-таки почти ежедневно можно констатировать, что идущим из гетто на работу и возвращающимся назад евреям удается завязывать связи с отдельными литовскими гражданами. Поэтому объявляется: 1) запрещаются всем жителям нееврейской национальности какие бы то ни было сношения с евреями, запрещается даже простой разговор нееврея с евреем; 2) запрещается продавать, менять или дарить евреям съестные продукты или вообще товары; запрещается вообще торговать с евреями; 3) немецкой полиции и литовской вспомогательной полиции приказано неуклонно пресекать

1 Письмо написал Виктор Куторга (1920–1991) совместно с матерью. Осенью 1941 г. оно через известную оперную солистку В. Ионушкайте-Заунене, которая ехала выступать в Берлин, было передано в посольство США в Берлине (до вступления США в войну). — И. Л.

какое-либо общение населения с евреями. Не подчиняющиеся этому постановлению будут строго наказываться.

Страшно вдуматься, какая дикая бесчеловечность и мстительная злоба наполняет этот приказ: среди оживленного города, среди тысяч людей евреи одни вне всякого человеческого общения, поруганы, бесправны, поставлены вне закона, лишены всякой защиты... хуже животных... и только за то, что они другой крови... Безумие!..

Немцы с упоением сообщают о разрушении русских городов: Брянск, Вязьма, Орел.

16. X. Взята румынами Одесса. В Ленинграде борьба продолжается — героический город.

17. X. Выпал снег. Зима ранняя. Листья на деревьях еще держатся, золотые и зеленые.

Удается иногда (помогает мое знание немецкого языка) передать нашим пленным хлеб, сало, папиросы.

25. X. Дни суетливы. Многого не хватает. Душа делается мелко заботливой. Одна женщина мне сказала, что она боится в своей квартире даже свет зажигать, громко говорить, дрожит при каждом стуке, хотя ей лично ничего не угрожает. Так действует террор на всех.

Сегодня потрясающая своей гнусностью статья о том, что преступно помогать пленным и евреям, что надо мстить им за “большевистские злодеяния”. И это называется “Новая Европа”! Жутко.

28. X. Я верна своей правде и служу ей всеми силами и средствами. Хотела бы дожить до ее победы.

30. X. Снова увезено на смерть 10 тысяч человек из гетто¹. Выбирали слабых, стариков, многодетных матерей с детьми, тех, кто не годится для работы. Много трагедий: то муж был в городе и, вернувшись, не застал ни жены, ни детей или жену оставили, а мужа увезли. Разлучили братьев, сестер, отцов, матерей с детьми. Накануне было объявлено, что все население, кроме рабочих со специальными удостоверениями, выданными раньше разным специалистам и мастеровым, должно собраться в 6 час. утра на большой площади гетто, выстроиться в колонны... В первом ряду стояли члены юденрата с семьями, потом служебная администрация и дальше разные бригады, по роду работы. Начальник аэродрома и другое немецкое начальство внимательно вглядывались в ряды медленно проходивших мимо них людей. Одних они посылали направо — это обозначало на смерть, других — налево. На смерть посылали всех слабых, стариков и многодетные семьи. С 6 часов утра до темноты отобрали 10 тысяч и направили ночевать в так называемое малое гетто, которое было за прошедшие месяцы уже “очищено” от жителей. Площадь была окружена со всех сторон пулемет-

¹ Так называемая Большая акция (см. выше). — И. Л.

тами и стражей. День был холодный. Люди простояли голодные весь день, дети плакали у матерей на руках. На рассвете распространился слух, что на IX форту (форт смерти) военнопленные выкопали глубокие ямы, и, когда толпу погнали к IX форту, все поняли, что это смерть. Начали рыдать, кричать. Многие пробовали бежать, их убивали, много трупов осталось на полях. Часть людей немцы перевезли на грузовиках. На форту раздевали и партиями по 300 человек загоняли в вырытые рвы, где убивали, расстреливая из автоматов, винтовок, пулеметов. По несколько часов обреченных держали голыми на морозе. В ямы прежде всего бросали детей. Все убивавшие были пьяны. Один немецкий солдат, очевидец, сказал моему знакомому, что вчера он написал своей жене-католичке: “Вчера я убедился, что Бога нет, потому что, если бы он был, то он не мог бы допустить того, что свершилось”.

На другой день одежда убитых была вывезена на грузовиках.

31. X. В связи с событиями у меня много забот и работы, масса “больных”, в особенности детей. Я хлопочу — кого отправить в приют, кого в монастырь, кого в деревню, выписываю разные бумажки, свидетельства на выезд и т. д. У меня постоянно ночуют несколько человек, а днем толпится народ. Лишь поздно ночью освобождаюсь. Сегодня приходила ко мне замечательная женщина, редкая по силе характера и мужеству. Ее муж — участник мировой войны (имел крест) — погиб в первые дни войны, когда на улицах хватали евреев и уводили на смерть. Ее дочь, молоденькая девушка 17 лет, была на днях расстреляна в тюрьме, второй дочери как полуеврейке надо идти в гетто. Эта мать живет под постоянной угрозой, но она широко помогает другим. Она достала у меня яд, чтобы покончить с собой, если ее арестуют. С какой твердостью, как гордо несет она свое глубокое материнское горе. Я удивляюсь и преклоняюсь перед величием ее сердца.

2. XI. Суетливые дни. Уехала моя жилица. Она пробыла у меня 6 недель. Ни одной спокойной ночи я не имела, *все ждала, что прислуга выдаст нас обеих полиции*. Муж ее — литовец, верен ей, устроил ее в своей квартире легально. Немцы разрешили ее отпустить, но с условием, что ей будет сделана стерилизация. Горя так много, что описать невозможно; везде царит страх, и смерть бродит вокруг.

Все лучшие еврейские квартиры заняты немцами, обстановка разграблена, вывезена. Много магазинов с надписью: “Только для немцев”, в них всегда полно товаров. Немцы отсылают тысячи посылок на родину.

В квартире холодно, каково же на фронте! Витя похудел, много учится. Он пытается помочь даже там, где уже нет ни надежды, ни возможности.

Взят Симферополь, бомбардируют Севастополь, взята Феодосия.

8. XI. В кино снова показывают картины войны в Финляндии, на Украине, русских пленных. Увижу ли когда-нибудь других пленных? Ах, как тяжело жить! Как долги осенние ночи! В квартире холодно, на печке в кабинете сушится белье; едим на грязной скатерти, дрова сушим в квартире, белье украдкой стираем в бане, а чтобы в нее попасть, стоим на морозе в очереди по 2–3 часа. Вокруг атмосфера одичания и огрубения. Я получаю угрожаю-

щие анонимные письма, в которых меня предостерегают от продолжения юдофильской деятельности, иначе будет плохо...

10. XI. Погибла на IX форту знакомая старушка, зубной врач. Сегодня видела оборванных, замученных, хромающих пленных. Они везли воз кирпичей под начальством толстомордых грубых полицейских. Один крестьянин хотел дать пленным папирос, полицейские не позволили. На мое замечание, что нехорошо быть такими злыми, немец заорал и пригрозил арестовать меня. Я видела, как 4 немца с ружьями наперевес гнали высокого русского военного. Он шел быстро, спокойный и сосредоточенный. Всех комиссаров и коммунистов расстреливают. С болью в сердце глядела я на него. По улице (бывш. проспект Красной Армии) шла толпа пленных. Один упал, немец стал бить его, но тот не мог уже встать, тогда немец стал топтать его ногами, ругаясь и крича. Из толпы вышла женщина и стала протестовать; полиция ее задержала, она протянула свой паспорт и сказала: "Я человек".

12. XI. Отовсюду стекается человеческое горе; заходил врач; в его отсутствие увезли жену и 4 детей; он хотел их найти только для того, чтобы умереть вместе. Я знаю, что они уже убиты, но обещаю искать, утешаю.

Взята Ясная Поляна... Ужасно представить себе, как далеко вторглась война.

16. XI. Тяжелые, кошмарные дни... То угрожают арестами, то заберут квартиру, то увезут... сердце начинает меня беспокоить, какая-то боль слева, точно камень лежит... Неверность, предательство, глупость и лицемерие... друзей мало или они далеко... очень я устала...

Статья Геббельса в *Das Reich* от 16. XI. 41 называется "Евреи виновны" и начинается так: "Историческая виновность мирового еврейства в возникновении и продолжении войны столь доказана, что об этом не стоит говорить. Евреи хотели иметь свою войну. Ну, вот теперь они ее имеют. Исполняется пророчество фюрера от 30. I. 1939 в немецком рейхстаге, что если интернациональному финансовому еврейству удастся еще раз вовлечь народы в мировую войну, то результатом будет не большевизация земного шара и этим самым победа еврейства, но уничтожение еврейской расы в Европе. Мы переживаем теперь исполнение этого пророчества: сбывается судьба еврейства, хотя суровая, но более чем заслуженная". Далее он восхваляет введение желтой звезды (опознавательной), дающей возможность изблечить еврея как врага сразу, это "гигиеническая профилактика", "гуманное предписание". "Тот факт, что еврей еще живет среди нас, не является доказательством, что он принадлежит к нам, совершенно так же, как блоха, хотя проживает в доме, не является, однако, домашним животным". "Каждый погибающий на войне немецкий солдат идет в счет виновности евреев, они имеют его на своей совести и они должны за это заплатить". "Кто помогает им, тот переходит во время войны в лагерь врага" и т. д. и т. п. Как надо презирать свой народ, чтобы выступить с такими убогими и невежественными мыслями...

25. XI. В реквизированную комнату (столовую) переехал немец, высокий пруссак. Он фармацевт, вежливый, аккуратный, но какой-то серый, тупой, безличный. Где мои веселые, радушные советские летчики, что жили в этой комнате в прошлом году? Живы ли? В кино видела разрушенную Калугу, Харьков...

Сегодня 10 градусов мороза, ясное небо. В квартире холодно. В работе и в разных заботах, подчас очень сложных, дни летят быстро, но ночи тянутся бесконечно.

4. XII. К нам привезены 10 тысяч иностранных евреев. Я видела, как они шли с чемоданами. Им сказали, что их везут на работу, и велели захватить все ценное и лучшее; затем их убили на IX форту. Рассказывают, что молодежь, ничего не подозревавшая, вечером даже танцевала; а на утро начали по 50 человек выводить на смерть. *Литву называют "кладбищем евреев Европы"*.

6. XII. Из немецкой газеты я вырезала фотографию совершенно разрушенной Вязьмы. Надпись гласит: "Это был когда-то советский город. Снимок, достойный внимания. Как могильные памятники торчат на зимнем пейзаже дымовые трубы сожженных деревянных домов. Пощаженные огнем массивные каменные стены, словно призраки, возвышаются среди бесконечной дали". Это "поэтическое" описание относится к страшному снимку совершенно разрушенного города, занесенного снегом. Из-под снега возвышаются лишь одни развалины. Немцы вообще с нескрываемой радостью, восхищением, садистским упоением расписывают свои подвиги в деле уничтожения и разгрома мирных городов.

Сегодня холодно, 16 градусов. Ходят слухи, что будут отбирать теплые вещи; женщины после 8 часов вечера боятся выходить, так как немцы нападают и увозят куда-то.

9. XII. В госпитале для пленных люди умирают от цинги, истощения, голода. Иногда удастся кое-что передать, но так трудно упротить тех, кто может это сделать. Умоляешь точно о громадном личном одолжении.

В деревнях, запущенных снегом, живут простые добрые люди, которые без красивых слов и интеллигентской половинчатости помогают несчастным. Как страшна жизнь! Когда рассеется мрак, будут уничтожены темные силы. А сейчас лучше погибнуть, но никогда им не поддаться. Вот Виктор едет далеко, через зимний лес; он долго бредет по ночной деревне, от хаты к хате, ищет своего друга детства Толю Шварца, теперь скрывающегося здесь со своей семьей от беспощадного рока. Они встречаются. Он доставил им много радости, утешения, ободрил, внес свет надежды, передал им, что привез. Люди прячутся на сеновале, в сарае, в пустых хлевах. Их жизнь зависит от случайности, от милости, от сострадания или низкой корысти. Как тяжка такая жизнь! А друг Виктора, Толя, ухитряется еще читать стихи Пушкина, учиться и писать о своей вере в светлое будущее человечества, которое победит зло и создаст наконец справедливую, мирную и счастливую жизнь! Да, поистине человек — это звучит гордо! Я горжусь Витиной добротой и мужеством. Я благословляю его, я помогаю ему. Но как я бо-

ую за него. Я дрожу перед трагическими видениями, когда представляю, сколько опасностей ждет моего сына, вступившего на единственно приемлемый путь — путь борьбы. За себя ведь совсем не страшно.

12. XII. Город вечерами пустынен, темен, страшен; молодые женщины боятся выходить, так как рассказывают, что их хватают и увозят в дома терпимости. Подобные учреждения организованы очень тщательно и разных сортов: для начальства и для солдат. Женщин, заболевших венерическими болезнями, не лечат, а просто расстреливают: ведь они принадлежат к “низшей” расе — еврейки, польки, русские.

Льет дождь, тепло, туманно, а мы испугались, что уже началась холодная зима.

15. XII. Вчера повесили публично 3 коммунистов¹.

Зашла сегодня к коллеге; у нее тепло, уютно, за красивым чайным столом сидят гости. Так мирно, как будто по-старому все благополучно. Мне стало неловко, скучно, чуждо. Я ушла с какой-то обидой: умирают миллионы людей в окопах, на снежных равнинах, миллионы сердец сжимаются страшной тревогой, болью, страданием, а тут, как ни в чем не бывало, — разговаривают о модах, портнихах, завивке и т. п.

18. XII. Свои неуспехи немцы объясняют плохой погодой, которой обусловлена временная задержка наступления на Москву.

20. XII. Около меня на соседней улице на берегу Немана немцы устроили лагерь военнопленных. Длинный высокий забор, оббитый колючей проволокой. Несколько вышек для часовых, летние тесовые бараки, только кое-где торчат трубы. По утрам пленных гонят на работу. Вид у них ужасный, они одеты по-летнему, многие босы. Молчаливым страданием веет от них. Они, шатаясь, бредут мимо нас, словно призраки из иного мира. Мы безмолвно должны провожать их глазами. Я несколько раз смогла, спросив разрешение у часового, передать хлеб через ворота. Сегодня часовой послал меня за разрешением к дежурному офицеру. Я пошла в барак, где сидело начальство. Тепло, играет радио. Попросила вежливо разрешения на передачу. В ответ очень грубый окрик, зачем я сюда лезу, и меня послали в соседнюю сторожку, где была стража. Там было много подвыпивших солдат; они окружили меня и стали разглядывать мой портфель, в котором лежали караваи хлеба. Один взял портфель и сказал, что покупает его за 10 марок; я отняла портфель и сказала, что сама вчера заплатила за него 50 марок. Другой со злым лицом и какой-то плотоядной улыбкой, согнув руку кренделем, как будто ведет даму под руку, сказал: “Если у вас есть 17-летняя дочь, только не старше, то пришлите ее к нам”. Хлеб они взяли и положили в шкафчик. Больше я не пошла, так как видела, что они ничего не передадут пленным.

Смертность среди пленных ужасающая, сыпнотифозных убивают...

У нас из-за угрозы сыпного тифа закрыты церкви, кино, театры.

1 Партизаны А. Слапшис, А. Вилимас, В. Баронас (см. выше). — И. Л.

22. XII. Гитлер взял командование в свои руки, отстранив генералов. Ходят слухи, что немцы отступают, что русские взяли обратно много городов; официально сообщается, что “фронт выравнивается”. Производится сбор теплых вещей для фронта; по квартирам ходит учащаяся молодежь, в газетах публикуют списки более крупных жертвователей. Зима холодная. Немецкие солдаты одеты плохо, по-летнему, часто даже без шинелей.

24. XII. Немецкий жилец говорит, что войска отступают на новые позиции и весной война будет кончена. Сегодня мороз 7 градусов. Сочельника не празднуем. Детям я все же подарила скромные, почти убогие подарки и в кабинете поставила в вазы зеленые хвойные ветки...

27. XII. Хочется жить много жизней, все посвятить борьбе... Не хочу умирать... Жить хочу, чтобы мыслить и работать; верю в человечество... Если от орангутанга оно могло подняться до Толстого, Бетховена, Пушкина, Менделеева, создать искусство, науку, “крылатой мыслью весь мир облететь и в одном беспредельном найти ей предел”, то победит оно и все темные силы, что гнетут сейчас Европу...

28. XII. Витя решил ехать работать в Белоруссию; причин несколько: главная — он думает, что будет там нужнее, чем здесь, ближе к народу, к фронту.

29. XII. Привезено много французских, венгерских, румынских евреев. Они были хорошо одеты, с чемоданами. Они шли с вокзала, бодрые и почти веселые; они думали, что их привезли на работу. Через несколько дней их уже не было в живых. Они убиты на IX форту. Его называют “форт смерти”.

Сегодня пришел какой-то странный незнакомец, с виду рабочий, сказал, что мне надо быть осторожней, и удалился с таинственным видом. Уж не провокатор ли?

30. XII. Сегодня так радостно: удалось передать хлеб и папиросы пленным на улице. Конвоировавший их литовец добродушно сказал “давайте”, а пленные по-литовски закричали: “Дуок”, т. е. “дай”.

Сегодня днем пришел из гетто инженер, когда-то видный общественный деятель. Прибежал с работы, хотя это опасно для нас обоих. У него убиты во время “большой акции” 2 сестры. Он плакал, вспоминая об этом. Я передала находившиеся у меня его вещи, деньги, масло, хлеб. Он сказал, что силы его иссякают.

Все ушли, затопила печку... Усталая, печальная лежу одна. Думаю о России, об ее страданиях, о русских людях, миллионы которых лишены крова, испытывают тысячи лишений... Но все же они среди своих, они борются, работают, творят. Насколько тяжелее тем, кто попал в оккупацию, оторван от родины, беззащитен и бесправен, во власти жестоких, неумолимых, безжалостных палачей...

В немецком журнале на первой странице сняты русские пленные. Среди массы измученных, исстрадавшихся лиц есть такие смелые, гордые, даже насмешливые...

1941 год навеки останется в истории как свидетель вероломного подлого немецкого нападения и героической русской защиты. Что бы ни случилось, сколько лет ни продолжалась бы борьба, но мы твердо верим, что свет победит тьму...

31. XII. Пришел Витя. Мы выпили за победу, за освобождение, за наш мир, за всех борющихся против зла, за юность, за геройство, за будущее.

А за стеной пируют пьяные немцы, орут, кричат, поют грубыми голосами. Они верят в свое торжество, верят, что они — раса господ, призванных управлять “Новой Европой”.

Как трогательно, как мило цветет на столике скромный кустик примул, полученный мною к Новому году. Когда-то комната утопала в цветах. Азалии, розы, гвоздики, гиацинты получала я в подарок от больных и друзей. Теперь нет цветов. Затемнение! Война! Сыпной тиф! Смерть! Оккупация!

Но все-таки весна уже не за горами, и эти скромные цветы — ее первые вестники.

В нашем городе было около трех тысяч пятисот евреев. После изгнания немцев осталось четверо мужчин, около шестидесяти женщин и восемь детей. Мы, две чудом спасшиеся женщины, хотим рассказать о муках наших братьев и сестер.

Когда немцы заняли Тельшяй, они велели всем евреям выйти из своих домов без вещей. Собралась огромная толпа. Всех повели к озеру. Люди думали, что их убьют, потому что кругом стояли пулеметы. [Раввин Блох говорил плачущим: “Надейтесь на Бога”.] Около озера мы простояли несколько часов. Затем мужчины были отделены от женщин и детей. Женщинам было разрешено вернуться домой, мужчин куда-то угнали. Впоследствии мы узнали, что их отправили в лагерь Райняй, Вешвенай и Гируляй и там расстреляли¹.

Женщины застали дома полный разгром: все было разграблено, перебито.

На другой день нас поселили в гетто. Оно было расположено на берегу озера Мастис (“Задумчивое”) и в нескольких кварталах улиц Масчио и Жувес. С одной стороны находилось озеро, с другой — колючая проволока, с третьей — стена тюремной комендатуры.

Жили женщины и дети в маленьких домиках, без всякой мебели, по двадцать-тридцать человек в каждом. Ни дров, ни пищи не полагалось. Комендант гетто в первый же день потребовал, чтобы все деньги, золото и драгоценности были вручены ему. За это он обещал сохранить нам жизнь. Осенью наиболее слабые начали умирать от истощения и от холода. Оставшиеся в живых уже понимали, что их ждет такая же смерть или расстрел, потому что расстреливали немцы целыми партиями.

Однако оказалось, что предварительно немцы решили использовать нас на сельскохозяйственных работах. Нас распределили по хуторам и крупным хозяйствам под расписку и под ответственность хозяев. Хуторяне платили по три рубля за каждого рабочего якобы на содержание оставшихся в гетто. На самом деле эти деньги забирали немцы.

Некоторых женщин перевели в лагерь, где содержались мужчины. Один из этих лагерей — Райняй — помещался около имения популярного литовского оперного певца Петраускаса. Лес около имения стал местом массовых убийств. Почти каждый раз перед расстрелом комендант этого лагеря предлагал уплатить ему контрибуцию, обещая за это пощадить осужден-

¹ В лесу Райняй, около 5 км от Тельшяя, 30 июля 1941 г. убиты 840 евреев. Около деревни Гируляй, в 10 км от Тельшяя, 15 сентября 1941 г. расстреляны 1580 человек, около дер. Вешвенай — 40 семей. На север от Тельшяя, за железной дорогой Тельшяй — Плунге, летом 1941 г. погибли 200 человек. — *И. Л.*

ных. На самом деле, это было лишь отсрочкой смерти и притом недолгой — всего на один день.

Обреченные сами копали себе ямы. В лес привозилась водка, и палачи напивались, пока смертники копали. Вот что нам известно об одном расстреле. Первым был убит рабочий лесокомбината Фогельман, вторым — американский подданный, бухгалтер Иосиф Вай. Он приехал из Америки в гости к своим сестрам. Врач Закс был болен; палачи понесли его к яме на руках, и он был убит вместе с женой, ребенком и отцом — стариком девяноста лет. Тогда же были расстреляны наш сосед Тальпис, директор банка Левин, старуха Вольперт, семья электротехника Гилис, состоявшая из мужа, жены и двоих детей, семья Кренкель, семья маляра Шавель, семья одной из нас — Масюлис и десятки других, имен которых мы не знаем.

Был такой случай. Во время расстрела четвертой партии пошел сильный дождь. Немцы не захотели мокнуть и отложили расстрел своих жертв на следующий день.

Один из евреев (к сожалению, имени его мы не знаем) крикнул палачам: “Нашей кровью здесь забрызганы деревья, вашей кровью будут залиты улицы городов проклятой Германии!”

Во всем уезде, не считая города, находилось до десяти тысяч евреев. После того как были убиты все горожане, немцы принялись за остальных, в том числе за тех, кто работал в деревнях. Издевательства во время расстрелов становились все страшнее. Людей заставляли раздеться догола и самим лечь в выкопанные ими ямы, а затем в них бросали гранаты. Детей сбрасывали в ямы штыком, или ударом приклада, или ударом сапога. Палачи придумали “веселый хоровод”. Они выстраивали обреченных в затылок и заставляли часами бегать по кругу, подгоняя отстающих палками. Потом стали заставлять не только бегать, но падать по команде, по команде подниматься и снова бегать.

Последнее массовое убийство произошло в ночь под Рождество 1943 года. Лагерь и гетто к тому времени уже опустели: там были убиты все. Тогда немцы начали собирать людей по хуторам под предлогом освидетельствования. В Райняй 24 декабря было привезено много женщин с грудными детьми, остальные были уже убиты. Все знали, что их ожидает. Некоторые пытались бежать, подползая под проволоку, окружавшую лагерь.

Но не всем безавшим удалось спастись. Матери с детьми бродили по лесам, теряли направление, замерзали. Весной в лесах было найдено немало трупов, мертвые женщины прижимали к себе мертвых детей.

Нас приютили крестьяне одного хутора, и у них мы дождались прихода Красной Армии.

Рассказ Галины Масюлис и Сусанны Коган

Подготовил к печати О. САВИЧ

ЛАТВИЯ

НЕМЦЫ ВХОДЯТ В ГОРОД

Приближение немцев к Риге было возвещено грохотом бомб у переправ через Западную Двину и у вокзала. С первых же часов войны десятки “юнкерсов” и “хейнкелей” с ревом носились над улицами и площадями Риги. Они швыряли бомбы с больших высот, на бреющем полете из пулеметов расстреливали прохожих. Им вторили пулеметы и автоматы с некоторых чердаков и крыш — там засели немецкие парашютисты и диверсанты, проникшие в город¹. Гитлеровская агентура, оставшаяся в Литве, Латвии и Эстонии, тоже заявила о своем существовании — фашисты сделали попытку взорвать мосты, захватить правительственные здания, парализовать движение на важнейших военных коммуникациях.

[Над рижскими евреями нависла зловещая угроза. Десятки тысяч листовок, сброшенных с немецких самолетов, в подробностях расписывали, что будет сделано с евреями. Русские и латыши категорически предупреждали, что они будут сурово наказаны, если помогут евреям эвакуироваться. Евреи потянулись к вокзалам, переполняли порожние товарные вагоны, сутками сидели на железнодорожных платформах, дожидаясь отправки на восток. Железнодорожники делали все, что было в их силах; под свист пуль и грохот бомб они совершали маневры на станционных путях и отправляли поезда. Многие, отчаявшись уехать поездом, клали свой скарб на тележку и пускались в далекий путь пешком. Все дороги были усеяны беженцами. Женщины и дети стали мишенью для немецких летчиков.

С каждым часом эвакуация все усложнялась.]

На железнодорожных станциях образовались пробки из воинских эшелонов и поездов с эвакуированными. Все труднее становилось выбираться из города мимо многочисленных засад немецких парашютистов; обнаглевшие гитлеровцы сделали вылазку даже на главную магистраль города — улицу Бривибас². Немцы имели количественное превосходство в людях, в танках и особенно в авиации. Советские полки отходили с боями, сражались на каждом рубеже. [Из Риги успели эвакуироваться около одиннадцати тысяч евреев.]

- 1 Это были “национальные партизаны” — активизировавшиеся с нападением Германии на Советский Союз террористические и диверсионные группы пронацистского подполья, созданные под контролем германских спецслужб. В Латвии таких групп насчитывалось до двадцати. — Григорий Смирин (далее — Г. С.).
- 2 Это были местные коллаборационисты. В правобережную часть Риги германские войска вступили 1 июля 1941 г. — Г. С.

Утром 1 июля в Риге уже были немцы. Первых встретившихся им мужчин-евреев они привязывали к танкам и подолгу волочили окровавленные тела по улицам города¹. К полудню евреев стали хватать на улицах и загонять в синагоги². [Многих не довели и расстреляли по пути.

Когда немцы решили, что в синагоги согнано достаточное количество евреев, они стали приглашать рижское население собраться у синагог для интересного зрелища. Но здесь] гитлеровцы столкнулись с первой неожиданностью — еврейские молельни стали опорными пунктами, которые огрызались яростным огнем винтовок и автоматов. Обреченность оборонявшихся была очевидна: в Риге к этому времени уже сосредоточились крупные силы немецкой пехоты и танков. Немцам пришлось в нескольких случаях направлять на штурм синагог танки³. Несколько часов длилось неравное сражение, и к концу дня все рижские синагоги пылали ярким пламенем⁴. В некоторых случаях синагоги были сожжены немцами, в других — сами евреи поджигали здания, предпочитая погибнуть, чем сдать в руки гитлеровцев⁵. Из горящих зданий раздавались вопли женщин и детей. Раввин Килов⁶ в Большой хоральной синагоге громко читал молитвы, а из подвальных амбразур раздавались пулеметные очереди⁷. Рабочий лесопильного завода Абель из старого дробовика застрелил двух немцев, пытавшихся проникнуть в дом. Немецкий офицер вызвал целый взвод для того, чтобы захватить Абеля живьем. Но Абель не сдался и погиб сражаясь. Синагогу на Гоголевской улице штурмовали две роты немецких солдат⁸.

В некоторых еврейских квартирах погромщиков встретил ружейный огонь⁹.

С оружием в руках погиб директор школы, доктор философии Венского университета Элькишек¹⁰.

Много сохранилось в Риге воспоминаний о мужестве, с которым встретили евреи своих палачей. Два эсэсовца вели работницу текстильной фабрики Ганштейн к зданию синагоги; на ходу они били ее прикладами, кололи штыками. Она долго шла молча, изредка стирала кровь с лица. На перекрестке улиц, где стояла группа латышей, Ганштейн вдруг вырвалась и закричала:

- 1 Эпизод не подтверждается другими источниками. Репрессии против евреев в Риге начались в ночь с 1 на 2 июля 1941 г. — Г. С.
- 2 Это происходило 4 июля 1941 г. — Г. С.
- 3 Случаи обороны и штурма рижских синагог не подтверждаются другими источниками. — Г. С.
- 4 4 июля были сожжены Большая хоральная синагога (ул. Гоголя, 25), Старо-Новая синагога (ул. Маскавас, 57), синагоги на улицах Элияс, 15, Краславас, 24, и Стабу, 63. Синагога на улице Пейтавас в Старом городе не была сожжена, поскольку находится среди плотной застройки. — Г. С.
- 5 Факт поджога синагог евреями не подтверждается другими источниками. — Г. С.
- 6 Израиль Мойша Килов (1891–1941) — раввин. 4 июля 1941 г. он вошел в пылающее здание рижской синагоги Зойлен-шул на улице Стабу, 63, вместе с согнанными туда людьми, и разделил участь своих единоверцев. — Г. С.
- 7 Сведения о вооруженном сопротивлении не подтверждаются другими источниками. — Г. С.
- 8 Участник сожжения Большой хоральной синагоги Янис Брендис из “команды Арайса”, осужденный в 1946 г., на допросе показал советским следственным органам, что операцией руководили В. Арайс и несколько немецких офицеров из СД. См.: Латв. гос. арх., ф. 1986, оп. 1, д. 422, лл. 118–119. — Г. С.
- 9 Случаи вооруженного сопротивления не подтверждаются другими источниками. Здесь речь идет о так называемых “ночных акциях” с целью грабежа. — Г. С.
- 10 Айзик Элькишек (1896–1941) был убит в рижской Центральной тюрьме (Музей “Евреи в Латвии”, MEL/1307–1308). — Г. С.

— Люди, запомните этих зверей! Советская власть этого никогда им не простит. Придут наши, расскажите им, как нас здесь мучили.

Немцы не дали Ганштейн договорить и застрелили ее [в упор, потом дали несколько очередей из автомата вверх и приказали толпе разойтись.]

В тот же день группой евреев была предпринята отчаянная попытка прорваться на соединение с частями Красной Армии. Возглавил эту группу студент Рижского университета Абрам Эпштейн. План был такой: уйти в пригородные леса, а затем, нащупав слабое место, прорваться через фронт и соединиться со своими. Триста женщин и детей растянулись в длинную колонну. Их сопровождали вооруженные студенты. Этой массе людей удалось благополучно миновать заставы, лесами выйти в пригороды. Кто-то, однако, донес об этом немцам — несколько танков и батальон пехоты бросились вдогонку беглецам.

Немцы настигли колонну уже в пятнадцати километрах от города. Абрам Эпштейн бросил свой отряд (в нем было около шестидесяти вооруженных юношей и девушек) на прикрытие женщин и детей. Рубежом обороны была избрана маленькая речушка Маза-Югла, протекающая восточнее Риги. Здесь несколько часов длился бой отряда рижских студентов с наступающими немцами. Это дало возможность женщинам и детям скрыться в лесу и незаметными тропами выбраться на Мадонское шоссе, где вели бой полки Красной Армии. Отряд Абрама Эпштейна погиб почти целиком вместе со своим командиром, но в тяжелой битве на реке Маза-Югла он истребил больше ста немцев и дал возможность нескольким сотням женщин и детей добраться до советских войск¹.

Немало было сделано попыток латышами и русскими спасти евреев от неминуемой расправы. Студент Илья Абель в течение многих дней прятал несколько товарищей-евреев в своей квартире. В первые дни погромов ксендз Антоний скрывал несколько десятков евреев в костеле. Другой ксендз помог инженеру Лихтеру бежать из города. Но все эти попытки мало помогли несчастным людям. Большинство из них впоследствии попали в руки гестапо и разделили участь всех евреев Риги.

НАД РИГОЙ — НОЧЬ

Наступила первая ночь при немцах. С чердаков, с крыш, из подвалов вылезли гитлеровские агенты. В городе появились немцы-«репатрианты», в 1940 году эмигрировавшие из Латвии. Немцы везли их в обозах как осведомителей, сыщиков, будущих комендантов тюрем и лагерей [и просто палачей]. Прибалтийские немцы оправдали надежды своих хозяев: среди гитлеровских негодяев они были самыми отъявленными, среди палачей самыми жестокими, среди следователей и надзирателей — самыми подлыми.

С каждым часом еврейский погром принимал все более разнузданные формы, все более широкие масштабы². Начался повальный грабег еврей-

1 Сведения об А. Эпштейне и действиях руководимого им отряда не подтверждаются другими источниками. — Г. С.

2 Стихийный погром, как в Львове, нацистам в Риге спровоцировать не удалось. Сожжение рижских синагог коллаборационистами носило организованный характер. — Г. С.

ских квартир. Потом начались массовые аресты. Хватали всех, кто попадался под руку, и отводили в тюрьму, в префектуру¹, а иных вели прямо в Бикерниекский лес². За одну ночь было арестовано шесть тысяч евреев³.

Бикерниекский лес имеет незабываемую, ужасающую славу в истории Латвии. В 1905 году сотни участников революционного движения были расстреляны в Бикерниекском лесу. В годы Гражданской войны здесь проводились массовые казни борцов за советскую Латвию. В этом лесу, словно геологические напластования, покоятся кости борцов и мучеников двух поколений. Это же место было избрано гитлеровцами для массового истребления десятков тысяч евреев — рижских и привезенных из Западной Европы.

Оккупанты стремились перещеголять друг друга в изощренных способах истребления беззащитных людей. Штурмфюрер Краус из зихерхейтшутцполицией⁴, например, выработал свой излюбленный прием. На улицах Московского форштадта⁵ он выстраивал группы евреев, подвязывал к их лицам портреты Ленина и Сталина и, вооружив латышских мальчиков винтовками, приказывал: “Стреляйте в большевиков!” Когда те отказывались, он ловил одного-двух из них, подвязывал и к их лицам портреты и загонял в общую толпу. И тогда уже команда эсэсовцев расстреливала колонну обреченных. Унтерштурмфюрер Брунс заставлял евреев копать себе могилы, ложиться в них, примеряя по росту, долго и придирчиво добивался, чтобы каждая яма имела правильные геометрические формы, и только полностью натешившись, расстреливал обреченных.

В здание префектуры непрерывно приводили евреев для “регистрации на работу”. Палачи заполняли какие-то анкеты, у некоторых измеряли нос, лоб, скулы, что-то долго записывали. Потом, громко смеясь, они сжигали в печке только что заполненные документы и выносили “решение”:

— В Бикерниекский лес.

[Однажды в полночь один эсэсовец приказал раздобыть парикмахера. Когда тот пришел, он велел всем пожилым евреям сбрить половину бороды, вырвать один рукав из костюма, разуть по одному ботинку и пуститься в пляс. Через полчаса явился командир эсэсовского отряда, совершенно пьяный, и объявил, что сейчас он прочтет политический доклад. Говорил он долго и бессвязно, но единственное, что можно было понять, означало: евреям он, штурмбанфюрер, пощады давать не будет. Раз они попали в его руки, то могут считать себя покойниками и готовиться к встрече

- 1 Префектура — здание в Риге на бульваре Аспазияс, 7. Одно из главных мест истязания рижских евреев до создания гетто. — Г. С.
- 2 Бикерниекский лес — район Риги, где уже в июле 1941 г. местные пособники гитлеровцев расстреляли несколько групп евреев. Здесь казнили несколько тысяч местных и иностранных евреев, а также советских активистов, антифашистов, пленных красноармейцев — всего, по данным судебного процесса 1946 г. (Рига), более 46 тысяч человек; по оценкам современных историков, число убитых и погребенных там латвийских и иностранных евреев — около 20 тысяч; всего — около 35 тысяч жертв разных национальностей. — Г. С.
- 3 Цифра явно завышена. До октября 1941 г. в Риге и окрестностях погибло 6378 евреев, в Риге их могло быть около 6 тысяч. — Г. С.
- 4 Правильно — зихерхейтсполицай (зипо), полиция безопасности. — И. Л.
- 5 Московский форштадт (нем. *Vorstadt* — предместье) — часть нынешнего Латгальского предместья Риги, где вплоть до Второй мировой войны была сосредоточена значительная часть русского и еврейского населения Риги. — Г. С.

со своими праотцами на том свете. И в доказательство, что у него слово не расходится с делом, штурмбанфюрер тут же застрелил нескольких человек из своего пистолета.]

В эту ночь прошли “перерегистрацию” в префектуре около трех тысяч человек. Больше тысячи были сразу отправлены в Бикерниекский лес и расстреляны. Остальные были заключены в городскую тюрьму¹.

Во дворе центрального комитета МОПРа² немцы обнаружили много плакатов и портретов и несколько знамен. Гитлеровцы приказали евреям взять знамена и плакаты, изобразить “демонстрацию”, петь “Интернационал” и другие революционные песни. Палачи вывели “демонстрацию” на улицу, пытаясь натравить на нее население. Но провокация гитлеровцев провалилась. Латыши и русские с отвращением отказывались принимать участие в расправе. Тогда немцы пустили в ход автоматы и пулеметы, и вся “демонстрация” была расстреляна тут же на улице.

В эту же ночь в доме № 10 по Мариинской улице офицеры Вюртемберг-Баденского гренадерского полка устроили попойку. Они загнали на свою оргию несколько десятков молодых еврейских девушек, заставили их раздеться догола, плясать и петь песни. Многие из несчастных были изнасилованы, а затем выведены во двор и расстреляны. Превзошел всех своей выдумкой капитан Бах. Он выломал у двух стульев сиденья и заменил их листами из жести. К стульям были привязаны две девушки — студентки Рижского университета и посажены друг против друга. Денщики принесли два горящих примуса, которые были поставлены под сиденья. Офицерам очень понравилась эта затея. Они взялись за руки и организовали вокруг двух мучениц хоровод. Девушки извивались в муках, но руки и ноги их были накрепко прикручены к стульям. Они пробовали кричать, им заткнули рты грязными тряпками.

ПЕРВЫЕ ДНИ ОККУПАЦИИ

Еврейские дела были переданы главным образом в руки прибалтийских немцев-фашистов, вернувшихся в Ригу. Эти прохвосты с давних пор были одержимы презрением к латышам и звериной ненавистью к еврейскому населению.

Теперь они вернулись в форме штурмовиков, облеченных неограниченными правами и властью. Некогда в рижских полицейских участках был известен как матерый хулиган некий Ганс Манскайт. Рижане вздохнули спокойно, когда его в 1940 году репатриировали в Германию. Он вернулся вместе с германскими войсками в должности следователя гестапо по ев-

- 1 Небольшая часть арестованных была расстреляна в тюремном дворе и похоронена на кладбище Матиса у стен тюрьмы. По неполным немецким данным, только за первые две недели оккупации (с 1 по 15 июля 1941 г.) в эту тюрьму были заключены около 2400 евреев; почти всех их расстреляли. — Г. С.
- 2 МОПР — Международная организация помощи революционерам. Создана в 1922 г., действовала до начала Второй мировой войны в 70 странах. В СССР — до 1947 г. Латвийская секция МОПРа называлась “Красная помощь” (*Sarkanā palīdzība*) и действовала в 1925–1941 гг. (до 1940 г. нелегально). Оказывала материальную, моральную, юридическую и медицинскую помощь политзаключенным и их семьям. — И. Л., Г. С.

рейским делам. Видную роль при гестапо стали играть прибалтийские немцы — бухгалтер Лоренцен, доктор Берндорф, бухгалтеры Шульц и Браш. Другие прибалтийские немцы, вернувшиеся в Ригу, хотя и не занимали официальных постов в гестапо, но изошрялись в издевательствах над беззащитным еврейским населением города не меньше гестаповцев.

Грабежи и повальные аресты продолжались с нарастающими темпами. Не последнюю роль играли в этих делах недоразоблаченные фашисты, местные квислинги и махровые националисты. В Латвии на протяжении нескольких лет существовала, поощряемая националистами и прогитлеровцами, организация “Пенкокруст”¹, которая полностью заимствовала из идейного арсенала немецких фашистов антисемитские лозунги. Эта подлая организация была распущена в 1940 году, но ее воспитанники сумели кое-где притаиться и скрыть свое подлинное лицо. Из этих подлецов немцы главным образом рекрутировали погромных дел мастеров, которые служили своим хозяевам верой и правдой.

Специальным приказом евреям запрещалось покупать продукты в тех лавках, где покупают немцы и латыши, [запрещалось заниматься “вольной” работой: все евреи должны были трудиться на принудительных работах.] Евреям было предписано носить шестиконечную звезду — “щит Давида” — на груди и запрещалось ходить по тротуарам; разрешалось пользоваться только мостовыми.

Аресты, массовые расстрелы, садистские расправы продолжались непрерывно. На Гертрудинской улице группа штурмовиков взобралась на крышу пятиэтажного дома и оттуда сбрасывала на землю еврейских детей. Какой-то чиновник приказал было прекратить эту казнь. Ему ответили с крыши:

— Мы здесь ведем научную работу. Мы проверяем правильность закона о всемирном притяжении.

[— Доннэр вэттэр! Хорошо сказано! Продолжайте, господа. Наука требует жертв.]

По улице Лачплеша шел старый еврей-портной, сгорбившись под тяжестью швейной машины. Проезжавшие немецкие офицеры направили на него свой автомобиль, но старик успел отскочить в сторону, приклониться к телеграфному столбу. Немцы повернули машину и устроили форменную охоту; они прижали старика к газетному киоску, он отскочил на тротуар.

— Что? Как ты смел нарушить законы Германской империи и ступить на тротуар? — закричали гитлеровцы.

Они оттащили старика на мостовую и стали избивать его железными прутьями. Когда он, весь окровавленный, упал без чувств, немцы отошли к своей автомашине и, закурив, начали весело беседовать. Латышка Петрунья Сала-

¹ “Перконкруст” (“Громовой крест”) — политическая организация в Латвии (образовалась из основанной в 1922 г. организации “Латышский национальный клуб”), включала главным образом студенческую молодежь (руководитель Г. Целминьш). Программа и атрибутика были заимствованы у итальянских фашистов и немецких нацистов. В 1934 г. организация была запрещена латвийскими властями. В начале нацистской оккупации (июнь 1941 г.) возобновила деятельность. Ее члены добровольно участвовали в расправах над советскими активистами и евреями. В августе 1941 г. была запрещена оккупационными властями; ее члены влились в нацистский репрессивный аппарат. — Г. С.

цас, которая была свидетельницей этой дикой сцены, принесла кружку воды и подошла к старику, чтобы обмыть ему лицо и дать выпить. Немец вырвал из рук латышки кружку и с размаха швырнул ее женщине в лицо, затем избил ее своей плеткой и, пригрозив пистолетом, прогнал ее. Старик скончался через два часа тут же на улице Лачплеша, у газетного киоска.

В эти дни шла жестокая расправа не только над евреями, но и над всеми, кого немцы подозревали в симпатии к советской власти. [Евреев расстреливали за то, что они евреи. Латышам ставилось в вину главным образом одно — хорошее отношение к советской власти. Это уравнивало обе национальности в глазах палачей.] 3 июля во двор рижской тюрьмы¹ были выведены пятьдесят связанных спина к спине пар, в каждой паре был один еврей и один латыш. В первой паре стояли латышка Эльвира Дамбер и еврей Яков Абесгауз.

— Вы хотели равенства, — сказал руководивший расстрелом унтерштурм-фюрер, — сейчас вы его получите.

И сто связанных попарно людей — еврей и латыши — были расстреляны. Каждая пуля пронизывала последовательно два тела, и кровь казненных латышей и евреев смешалась во дворе тюрьмы.

В памяти многих рижан сохранилась мученическая смерть девятнадцатилетней Лины Готшалк. Ее задержали на улице и привели на Елизаветинскую улицу, в квартиру, где кутили пьяные немецкие офицеры. Гитлеровцы заспорили — каким способом умертвить жертву. Девушка знала немецкий язык и безмолвно слушала спор, в котором решалась ее участь. Наконец немцы пришли к решению — превратить девушку в существо без костей. Ее втиснули в мешок и стали бить по телу шомполами. Избиение длилось два часа. Девушка уже умерла, а кости ее все переламывались. Окровавленную грудку мяса денщики выбросили на бульвар у оперного театра.

Через несколько дней немцы приступили к выполнению приказа о трудовой повинности для евреев. Генерал-комиссар Латвии обергруппенфюрер Дрекслер² и гебитскомиссар Витрок³ распорядились, чтобы все тяжелые и грязные работы выполнялись руками евреев. Были организованы работы, которые не вызывались никакой необходимостью.

Еврейский отдел биржи труда возглавляли лейтенант Краус и зондерфюрер Дралле. Они с особым садизмом пытали свои жертвы. Вначале большой группе евреев, главным образом молодежи, поручили разборку домов, полуразрушенных в результате военных действий. Задания были непосильно велики. На носилки, которые несли два человека, немцы приказывали грузить по восемь-десять пудов кирпича. [Падавших от изнеможения избивали палками и нередко — до смерти.]

Рабочий день начинался, как правило, с избиения и кончался обычно убийствами. Чаще всего наказывали нарушителей приказа о ношении шестиконечной звезды. Вначале звезду надо было носить на левой стороне груди. Потом был издан приказ, что носить звезду следует на правой стороне. Затем было приказано носить звезду на спине. Еще через некоторое

1 Имеется в виду Центральная тюрьма. — Г. С.

2 Отто Дрекслер не носил звание обергруппенфюрер. Он занимал пост в гражданской администрации. — Г. С.

3 Хуго Витрок (1873–1958) — прибалтийско-немецкий политик. Во время нацистской оккупации Латвии (1941–1944) — обер-бургомистр Риги. — Г. С.

время последовал приказ звезду носить и на спине, и на груди. Затем правила претерпели еще несколько изменений, немцы возвращались к первому варианту, затем ко второму и так без конца. Каждое утро люди спрашивали себя — куда же прикрепить клеймо, и каждое утро гитлеровцы находили “нарушителей”, и начиналось массовое избиение.

Немцы заставляли выламывать кирпичи у основания разрушенных стен с тем, чтобы ускорить снос домов. Почти ежедневно стены рушились, хороша под своими обломками десятки людей.

Сотни рижских евреев погибли на торфоразработках у Олайнэ¹.

Гебитскомиссаром Елгавского (Митавского) уезда² был прибалтийский немец барон фон Медем. Его прозвали “королем Земгалии”³, потому что в окрестностях Митавы находились его бывшие владения. В подчиненном ему уезде фон Медем вел себя как жестокий деспот и безудержный властолюбец. Имеются свидетельства о нескольких “охотах” и “облавах”, которые он устраивал на евреев. Известен и список соучастников одной из таких “охот”: капитан Цукурс⁴, майор Арайс⁵, префект города Риги Штиглиц⁶, унтерштурмфюрер Егер, прибалтийские немцы — братья Брунс, группенфюрер Копиц.

Однажды эта компания явилась к директору торфоразработок и потребовала выдачи двухсот евреев. Директор возразил было, что подобные изъятия могут привести к срыву поставок торфа, но гебитскомиссар настоял на своем. Правда, и ему пришлось пойти на некоторые “уступки”, ему выдали только женщин и детей. Вскоре началась “охота”. Несчастных группами по десять-пятнадцать человек выгоняли в поле и предупреждали, что если они смогут перебежать поле и скрыться в лесу в течение восьми минут, у них есть шанс на спасение. В противном случае они будут расстреляны как неполноценные субъекты. Женщины и дети по свистку бежали по направлению к лесу. Бежать надо было, перепрыгивая канавы и кочки, пробираясь через заросли кустарника. Немцы, следя за хронометром, сдерживали своры охотничьих собак. Через каждые восемь минут охотники спускали собак. Большинство несчастных собаки настигали в открытом поле или в мелком кустарнике. Эти специально выдрессированные псы перегрызали

- 1 Олайнэ — в то время поселок в Рижском уезде, в 19 км от Риги. Переживший Холокост Тевель Глезер, работавший в Олайнэ на торфоразработках, рассказывает о расстреле там около 20 девушек, вероятно, в августе 1941 г. См.: Глезер Т. И. *Воспоминания узника гетто* // Военно-исторический архив. 2005. №7. С. 119–120. — Г. С.
- 2 В период нацистской оккупации — область Митава генерального округа Латвия рейхскомиссариата Остланд. — Г. С.
- 3 Земгалия (*Zemgale*) — культурно-историческая область Латвии, включающая центральную и южную части страны. — Г. С.
- 4 Герберт Цукурс (1900–1965) — летчик, журналист. Во время нацистской оккупации Латвии сотрудничал с германскими секретными службами, служил в “команде Арайса”. В 1946 г. бежал в Бразилию. Убит в Монтевидео сотрудниками израильских спецслужб. — Г. С.
- 5 Виктор Арайс (1910–1988) — военный преступник, штурмбанфюрер (майор) СС (1942). Под его командованием в 1941–1944 гг. латышское вспомогательное подразделение немецкой полиции безопасности и СД (*Sonderkommando Arajis*) участвовало в акциях массового убийства гражданского населения в Латвии, Литве, Польше, Белоруссии и на Украине. В 1979 г. осужден в Германии на пожизненное заключение. Умер в тюрьме. — Г. С.
- 6 Роберт Штиглиц (1894–1972) — бывший начальник агентурного отдела Политуправления (тайной полиции Латвии) и ранее связанный с германскими спецслужбами, в 1940 г. бежал в Германию. 30 июня прибыл в Ригу (Задвинье) вместе с В. Штаеккером, командиром айнцагруппы А. После оккупации Риги гитлеровцами назначен префектом (начальником полиции города). Один из организаторов Холокоста в Риге. После войны бежал якобы в Бразилию, по другим данным провел остаток дней в Калифорнии (США). — Г. С.

людям горло и мчались дальше. Иные собаки, повалив свою жертву на землю, ждали, пока не подрастет хозяин. Тот стрелял в лежащего человека, и собака бежала дальше, разыскивая новую “дичь”.

Когда кончилась кровавая расправа с теми, кто был достигнут в открытом поле, началась облава в лесу. Проводилась она по всем правилам охотничьего искусства — с глубокими обходами и огневыми засадами. Собаки рыскали по лесу и гнали обезумевших женщин к тому месту, где обосновался “король Земгалии” со своими друзьями. Как только женщины выбегали на небольшую поляну, они попадали под огонь двустволок.

Убийства евреев в Риге происходили ежедневно. [Сотни людей были расстреляны при возвращении с работы, при появлении на улице. Многие предпочитали отсиживаться в подвалах и голодать, но не подвергать себя риску попасться на глаза какому-нибудь фашисту.] Особо памятен — 15 июля, когда была расстреляна тысяча человек, и 23 июля — день годовщины вступления Латвии в Советский Союз¹; в этот день были убиты свыше двух тысяч человек. Даже еврейских мертвецов преследовали немцы; был издан специальный приказ не принимать трупы евреев в морг. По семь суток валялись трупы евреев на улицах Риги.

Вскоре немцы начали энергичную подготовку к полному истреблению евреев. Для этого надо было собрать евреев в одно место и изолировать от остального населения. Переселение евреев производилось в Московский форштадт (предместье города), где в Средние века находилось еврейское гетто². Вряд ли немцы руководствовались историческими соображениями, просто Московский форштадт — наименее благоустроенная часть города [и находится в непосредственной близости от Бикерниекского леса — традиционного места массовых расстрелов.]

Было сформировано правление рижской еврейской общины, ответственной перед немецкими властями. Председателем правления был назначен доктор Шлетер, венский еврей, бывший государственный советник Австрии. В правление вошли также адвокаты Михаил Эльяшев³ и Минц, врач Рудольф Блюменфельд, бывший директор текстильной фабрики Кауфер, бухгалтер Блуменау и др.

[В первые же дни стало ясно, что назначение правления не создает никаких перспектив на улучшение условий существования. Нормы снабжения продуктами были урезаны — евреи получали половину того, что получало остальное население; и это сводилось к 100 г суррогатного хлеба в день. Поездки в села для закупки продовольствия евреям были строго запрещены. Среди еврейского населения начался голод⁴. Отрезанные от всего мира — сношения по почте были запрещены — евреи Риги в тревоге ждали дальнейших событий.]

- 1 Речь в действительности идет о 21 июля — дне провозглашения в Латвии в 1940 г. советской власти. В Советский Союз Латвия была принята 5 августа 1940 г. — Г. С.
- 2 В средние века гетто в Риге не было. — Г. С.
- 3 Михаил Эльяшов (1900–1941) — адвокат, общественный деятель, доктор права. В начале нацистской оккупации назначен председателем юденрата. — Г. С.
- 4 Сказанное относится к периоду после ликвидации в Риге “большого гетто”, т. е. до акций массового уничтожения узников 30 ноября и 8 декабря 1941 г. “Большое гетто” просуществовало всего 37 дней; голода в нем не было, поскольку запасенные его обитателями продукты питания еще не успели иссякнуть. — Г. С.

Гитлеровцы торопили евреев с переселением в Московский форштадт. [На выезд они иногда предоставляли всего два-три часа¹.] Мебель и имущество выселяемых немцы присваивали себе.

[Район, отведенный для гетто, был очень мал, а люди все прибывали. 21 октября был издан приказ генерал-комиссара о создании гетто и о введении новых, суровых ограничений. Отныне на рижских евреев распространился человеконенавистнический “Нюрнбергский закон” и изданная в его развитие “Новелла Геббельса”. По выражению творцов этих “законов”, евреи перестают быть субъектами в обществе, а делаются объектами расовой политики.]

Приказ генерал-комиссара² запрещал евреям выходить за колючую проволоку. Предприятия, на которых применялся труд узников гетто, должны были своих работников доставлять к месту работ и обратно в гетто под конвоем. Населению города строго запрещалось общаться с евреями и даже близко подходить к ограде гетто. Двойной забор из колючей проволоки опоясал Московский форштадт. 24 октября вечером немецкая стража стала у ворот гетто, [впустила последних евреев в наспех воздвигнутые ворота. Рижские евреи были загнаны в огромную западню³.]

Потянулись дни, полные тревог. Каждое утро распахивались ворота гетто, и тысячи людей под конвоем уходили на работу. Директора предприятий, подрядчики, коменданты немецких воинских частей широко пользовались каторжным трудом обитателей гетто. Руководивший еврейским отделом биржи труда лейтенант Краус никому не отказывал в рабочей силе. На воротах гетто висел плакат: “Отдаются евреи за вознаграждение. Это относится и к воинским частям”.

Возвращавшихся с работы евреев ежедневно обыскивали у ворот гетто. Однажды у студента Кремера нашли бутерброд — юношу тут же расстреляли. [Тем временем в гетто голод усиливался, многие от недоедания падали с ног.

Правление общины принимало локальные меры для улучшения условий жизни.]

Врачи гетто приложили много сил, чтобы при исключительной скученности населения, антисанитарной обстановке (немцы запретили вывозить нечистоты из гетто) предупредить вспышки эпидемий. В гетто работали амбулатории, приют для сирот, столовая для стариков и инвалидов.

27 ноября правление общины было извещено, что по распоряжению властей мужчины-“специалисты” будут отделены от остальных жителей гетто [в том числе и от своих семей]. 28 ноября начали строить в гетто внутрен-

1 О создании гетто в Риге было объявлено 23 августа 1941 г. Все евреи, проживающие в пределах города, должны были перейти туда до 18.00 25 октября 1941 г. — Г. С.

2 Вероятно, имеется в виду распоряжение гебитскомиссара и обер-бургомистра Риги Х. Витрока от 23 октября 1941 г. См.: *Преступления нацистов и их пособников в Прибалтике (Латвия), 1941–1945: документы и свидетельства*. Рига, 2007. С. 79. Распоряжение генерального комиссара округа Латвия О. Дреклера от 1 сентября 1941 г. подтверждало обязательное ношение евреями на одежде желтых шестиконечных звезд, вводило многочисленные ограничения в передвижении по городу и в правах собственности на имущество. Там же. С. 78–79. — Г. С.

3 Ворота Рижского гетто закрылись 25 октября 1941 г. — Г. С.

ний забор. Так образовалось “малое гетто”, в котором находились лишь работоспособные мужчины — примерно три тысячи человек¹. Отгороженные проволочным забором от остальных, они не могли видеть своих жен и детей. Стража гетто многозначительно ухмылялась. Все чувствовали приближение катастрофы.

[29 ноября штурмбанфюрер Браш² вызвал к себе в полном составе правление общины. Он держался наглее обычного и словно бравировал откровенностью. Он заявил, что по указанию властей будет уничтожена часть евреев Риги, так как гетто слишком переуплотнено. Правление общины должно принять участие в этом мероприятии и помочь немцам в отборе людей для расстрела. Для этого надо срочно составить списки стариков, больных, преступников и других лиц, пребывание которых в гетто правление считает нежелательным.

Члены правления молча выслушали речь палача, взглянули друг на друга и опустили головы. Спорить с ним, убеждать его в чем-либо было бесполезно. Члены правления общины хорошо знали друг друга и поэтому молча, обменявшись взглядом, приняли решение. Отвечал Брашу доктор Блюменфельд:

— Правление никого на расстрел не выдаст. Я — врач и всю свою сознательную жизнь занимался тем, что лечил больных людей, а не умерщвлял их. У нас слишком разные понятия о ценности людей. Различны также наши понятия о том, кого считать преступником. По нашему мнению, преступников следует искать вне гетто...

Браш оборвал Блюменфельда и приказал правлению удалиться.

Как ни старались члены правления скрыть то, что сказал им Браш, гетто узнало о страшной казни, которую готовят немцы.]

29 ноября главнокомандующий полицейскими силами в Остланде обергруппенфюрер Еккельн³ известил все предприятия и учреждения, что впредь до особого распоряжения евреи направляться на работу не будут. 30 ноября не открывались ворота гетто; явившиеся конвойные команды были отосланы обратно. По всем приготовлениям видно было, что предстоит нечто из ряда вон выходящее.

«АКЦИЯ»

“Акция” в Рижском гетто состоялась 30 ноября и 1 декабря 1941 года, через пять недель после создания гетто⁴. Началось с того, что всем мужчинам был отдан приказ выстроиться на Лудзас улице. Никто не знал, что предстоит —

- 1 В “малом гетто” находилось 4400 мужчин. — Г. С.
- 2 Фридрих Браш — управляющий гетто до акций уничтожения узников 30 ноября и 8 декабря 1941 г., подотчетный аппарату обер-бургомистра Риги Хуго Витрока. Фактически гетто контролировала не “гражданская” администрация, а оберштурмфюрер (старший лейтенант) СС Курт Краузе. — Г. С.
- 3 Фридрих Еккельн (1895–1946) — обергруппенфюрер СС. С 15 ноября 1941 г. — высший руководитель СС и полиции в рейхскомиссариате Остланд (Литва, Латвия, Эстония и часть Белоруссии). 2 мая 1945 г. взят в плен в Берлине. На судебном процессе в Риге (26 января — 2 февраля 1946 г.) приговорен к смертной казни. Повешен 3 февраля 1946 г. в Риге. — И. Л.
- 4 Речь идет о первой массовой акции уничтожения узников гетто 30 ноября 1941 г. — Г. С.

служу носились самые противоречивые. [Некоторые мужчины, опасаясь расстрела, скрывались у своих семей. А некоторые женщины, переодевшись в мужскую одежду, стремились попасть в колону мужчин, надеясь здесь найти спасение.] Вскоре мужчин увели — часть в “малое гетто”, остальных в Саласпилский концентрационный лагерь¹. К шести часам вечера началось выселение женщин, детей и стариков из квартир. Полицейские ворвались в кварталы Московского форштадта. Больных они приканчивали на месте, матерям, обремененным большими семьями, они оставляли не более двоих детей, остальных расстреливали тут же. Триста стариков из дома призрения престарелых были убиты все до одного. В больнице гетто были убиты все больные. Всюду раздавались предсмертные вопли. На улицах стояли группы выгнанных из домов женщин и детей. Ждать им пришлось долго — до самого утра. Окоченевшие и продрогшие, они с ужасом наблюдали кровавую расправу. К утру немцы начали формировать колонны в двести-триста человек; под конвоем такого же числа полицейских их отправили в восточном направлении.

У здания, где помещалось правление общины², стояли окруженные гитлеровцами все члены правления и среди них главный раввин Риги Зак³. Доктор Блюменфельд успел шепнуть проходившему мимо Абраму Розенталю:

— Наши минуты сочтены. Может, вам удастся дожить до светлых дней, передайте нашим, что мы умирали с твердой верой в то, что наш народ нельзя истребить, мы здесь ждем расстрела — это уже совершенно ясно, а вот рядом в доме, при свете коптилки профессор Дубнов⁴, словно летописец древности, пишет последние строки своих мемуаров⁵. Он убежден, что они дождутся своего читателя.

Одним из комендантов гетто⁶ был немец Иоганн Зиберт, палач с высшим образованием, учившийся некогда в Гейдельбергском университете. Семен Маркович Дубнов периодически читал цикл лекций по истории Древнего Востока и всеобщей истории евреев в Гейдельберге. И вот студент и профессор встретились в Рижском гетто: один — в качестве всевластного начальника и жестокого палача, другой — в качестве узника, обреченного на гибель. Зиберт узнал своего бывшего профессора и при каждом удобном случае старался его оскорбить, поиздеваться над восьмидесятилетним стариком.

- 1 В Саласпилский концлагерь рижских евреев не уводили. Он начал создаваться в октябре 1941 г. как место заключения евреев, вывезенных из европейских стран, и зимой 1941/42 г. туда поместили депортированных из рейха евреев-мужчин, которые и строили лагерь. — Г. С.
- 2 Имеется в виду юденрат (нем. *Judenrat* — еврейский совет). В Риге юденрат был сформирован в августе 1941 г., еще до создания гетто, и официально назывался *Zidu komiteja* (“Жидовский комитет”), его возглавлял адвокат Михаил Эльяшов. Почти все члены комитета впоследствии погибли вместе с остальными узниками гетто. — Г. С.
- 3 Менахем Мендель Зак (1868–1941) — в 1915–1941 гг. главный раввин Риги. Организовал подпольную молельню в Рижском гетто. Убит в Румбуле во время одной из акций уничтожения. — Г. С.
- 4 Семен Маркович Дубнов (1860–1941) — крупнейший еврейский историк; публицист, общественный деятель; автор монументальной десятитомной “Всемирной истории еврейского народа” (Рига, 1934–1938), ряда других исторических трудов. В 1922 г. эмигрировал из Советской России, с 1933 г. жил в Риге, погиб в Рижском гетто. — Г. С.
- 5 С. М. Дубнов завершил три тома своих обширных мемуаров. См.: Дубнов С. *Книга жизни: Воспоминания и размышления*. Рига, 1934–1940. Т. 1–3. — Г. С.
- 6 В Рижском гетто были два коменданта — Курт Краузе (с 10 декабря до января 1943 г.) и Эдуард Рошман (с января 1943 г. до 2 ноября 1943 г. — даты закрытия гетто). — Г. С.

— Профессор, я имел глупость когда-то слушать ваши лекции в университете, — сказал однажды Зиберт Дубнову. — Вы нам долго толковали об идеях гуманизма, которые будут торжествовать над всем миром. Помнится, вы критиковали юдофобов и пророчествовали о XX столетии — веке полной эмансипации евреев. Знаете, вы почти предугадали все. Вчера я был в Бикерниекском лесу — там были расстреляны четыреста восемьдесят русских военнопленных и, представьте себе, столько же ваших евреев. Можете торжествовать, Дубнов. С русскими вы уже уравнились.

— Сколько, вы сказали, вчера было расстреляно евреев?

— Четыреста восемьдесят.

— Спасибо за информацию. Я ведь продолжаю работать, и мне это важно знать.

До последнего дня автор “Всемирной истории евреев” вел дневник, в котором подробно излагал историю Рижского гетто. Тетради с его записями тайком выносили из гетто в город к знакомым латышам. Записи эти еще пока не найдены — хранителей дневников Дубнова немцы угнали.

Дубнов вышел из дома, подталкиваемый двумя немцами. У него был вид человека, исполнившего до конца свой долг перед своим народом. Он оглянулся: падал снег, сотни женщин и детей, подгоняемые эсэсовцами, шли на казнь. Оскалив зубы, ухмылялся Иоганн Зиберт. Дубнов что-то хотел сказать ему. Но застрочили автоматы. Дубнов упал мертвым¹.

Очевидцы массовых убийств в Рижском гетто единодушно утверждают, что все происходившее делалось по определенному, заранее задуманному и разработанному до мелочей плану.

[В пределах самого гетто трупы никто не убирал, но зато когда колонна выходила за колючую проволоку, к ней немедленно пристраивались тачки и телеги. Людей отстававших или кричавших детей охрана, не задумываясь, пристреливала и взваливала их тела на телегу или на тачку.

У ворот гетто стоял с пистолетом Браш и стрелял в конвоируемые колонны. Делал он это спокойно, методично прицеливаясь. Член “команды порядка”², составленной из евреев гетто, Изидор Берель подошел к Брашу и спросил:

— Что вы делаете, господин Браш? Это вы называете немецкой культурой — самовольно расстреливать беззащитных?

Изидор Берель во времена диктатуры Ульманиса служил в латышской полиции и дослужился до высокого чина. Поэтому, когда его записали в “службу порядка” при гетто, он получил приказ надеть полицейскую форму с присвоенными ему знаками различия. Браш был ниже Береля по званию и, как исправный немецкий службист, счел нужным объяснить ему:

1 Скорее всего, С. М. Дубнов погиб 8 декабря 1941 г., во время второй акции по уничтожению “большого гетто”. Подробнее см.: Смирин Г. С. М. Дубнов в преддверии Холокоста: рижские годы (1933—1941) // Материалы 11-й ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2004. Ч. 1. С. 356–360. — Г. С.

2 Имеется в виду еврейская полиция (нем. Ordnungsdienst — служба порядка) во главе с Михаилом Розенталем, которая была образована до 28 октября 1941 г. Впоследствии еврейская полиция стала ядром Сопrotивления в Рижском гетто. — Г. С.

— Мы действуем в полном соответствии с полученными инструкциями. Мы должны строго выдержать график движения колонны к месту назначения и поэтому изымаем из рядов всех тех, кто может затормозить темп движения. Сами посудите, разве вот та старуха в лиловом капоте сумеет идти в нужном темпе? — и, прицелившись, он выстрелил в старуху.

Так же спокойно и методично действовали все палачи. Если их и волновало что-нибудь, то только опасность срыва точного графика колонны и своевременного завершения “операции”. Только в одном случае Браш потерял самообладание: инженер Вольф быстро вышел из колонны и дал палачу пощечину. Браш разрядил в инженера всю обойму своего пистолета. В других случаях он экономил патроны.]

Для руководителей “акции” несколько неожиданным оказалось обилие сирот в гетто. Специальный детский батальон был сформирован из шестисот мальчиков и девочек¹. Их конвоировали двести полицейских из “орднунгс-полицай”². По дороге они подбрасывали детей в воздух и расстреливали.

Когда колонны проходили мимо старообрядческой церкви, несколько десятков русских старообрядцев во главе со священником, упав на колени у обочины дороги, начали церковное песнопение. Полицейские пытались их разогнать, но священник ответил:

— Не мешайте нам принести Богу молитвы. Вы не простых людей ведете, а мучеников. [Они скоро предстанут перед Всевышним и расскажут о том, что творится на нашей грешной земле. Пусть и наши молитвы дойдут с ними к Богу].]

Глубокое возмущение вызвали массовые казни у рабочих резинового завода “Квадрат”. В знак протеста они прекратили работу. Вмешалась жандармерия. Дело дошло до вооруженных стычек, многие рабочие погибли в неравной борьбе³.

В Бикерниекском лесу были уже вырыты восемь огромных ям⁴. Как только колонны входили в лес, людям приказывали раздеваться. Ботинки надо было складывать в одну кучу, галоши в другую. Раздетых людей эсэсовцы прикладами подталкивали к обрыву, где стоял балтийский немец, барон Зиверс, и короткими очередями стрелял из автомата⁵. Два помощника меняли обоймы у автоматов и поочередно подавали их Зиверсу. Он стоял, весь обрызганный кровью, но долго не хотел смениться. Впоследствии он хвастал тем, что 1 декабря собственноручно расстрелял три тысячи человек⁶. [Неистово крутили ручки кинооператоры⁷. Суетились фотографы, многие эсэсовцы также щелкали “лейками”, делая любительские снимки.]

Немцы придумывали разные способы глумления над своими жертвами. Они отобрали стариков с длинными бородами. Им приказали раздеться. По-

1 Эпизод не подтверждается другими источниками. — Г. С.

2 Орднунгсполицай (орпо) — немецкая полиция порядка. — И. Л.

3 Эпизод не подтверждается другими источниками. — Г. С.

4 В действительности это была Румбула — маленькая железнодорожная станция на линии Рига — Даугавпилс, в 12 км от станции Рига. — Г. С.

5 Расстрелы в Румбуле Ф. Еккельн поручил произвести своим телохранителям (10–12 человек), подменявшим друг друга. — Г. С.

6 По всей вероятности, речь идет об “акции” 30 ноября. — Г. С.

7 Описание не подтверждается другими источниками. — Г. С.

том их разделили на две группы, дали им мяч и приказали тут же на снегу играть в футбол. Кинооператоры и фотографы снимали эту ужасную картину.

Оцепенение охватило несчастные жертвы. Чьи-то нервы не выдержали, громкий крик отчаяния раздался в лесу, женщины забились в истерику. На пень вскочила Малкина и громко крикнула:

— Что вы плачете, евреи? Разве этих извергов тронешь слезами. Будем молчать! Будем горды! [Мы евреи!.. Мы советские евреи!..]

И притихло все в лесу, только трескотня автоматов нарушала эту тишину. [Кто-то из эсэсовцев подошел к колонне и с издевкой бросил:

— Почему вы притихли? Вам осталось всего несколько минут жизни, так пользуйтесь случаем. Спойте что-нибудь.

В ответ] кто-то запел старческим голосом “Интернационал”; его поддерживали сначала одиночки, а потом все в едином порыве запели гимн. Этот эпизод рассказала портниха Фрида Фрид, единственная еврейка, побывавшая в этот день в Бикерниекском лесу и оставшаяся в живых¹. Повесть о ее спасении и о трехлетних скитаниях по хуторам Латвии могла бы послужить содержанием целой книги.

— Нашу колонну разбили на части, — рассказывает Фрида Фрид, — и приказали всем раздеться. Я тоже разделась до белья, потом мне стало стыдно — кругом стоят мужчины, а я в одной сорочке. Я взяла свой рабочий ситцевый халат и надела его. Мне было очень холодно. Сунула я руки в карман халата, чтобы согреться, и чувствую: там какая-то бумага лежит. Смотрю: это мой диплом об окончании с отличием школы кройки и шитья. Лет пятнадцать я его храню. Господи, подумала я, может быть, в этой бумаге мое спасение. Я выбежала из колонны и бросилась к одному немцу — он мне показался старшим.

— Господин офицер, — говорю я ему по-немецки. — Почему меня хотят убить? Я работать хочу. Меня не надо убивать. Смотрите, я не вру, у меня диплом имеется. Вот документ.

Он оттолкнул меня, и я упала. Когда я стала подыматься, он снова пихнул меня ногой и закричал:

— Не мешай и не лезь ко мне с всякими бумажками. Иди к Сталину со своими документами.

И я опять очутилась в колонне. Я начала рвать на себе волосы, ухватилась за клочок волос и вырвала, он оказался в моей руке, а я даже боли не почувствовала. А немцы прикладами все ближе и ближе подталкивали нас ко рву. Я опять обращаюсь к полицейским, доказываю им, что я портниха, что я хочу работать, показываю им диплом, а меня никто слушать не хочет. Подошла я ко рву, с двух сторон его растут высокие деревья, а за рвом узкая тропка. Там уже люди идут по одному и пропадают за обрывом — только слышно, как стреляет автомат: так-так, так-так.

— Неужели конец? — подумала я. — Пройдет несколько минут, и я буду мертвая, не увидеть больше солнца, не подышать воздухом. Как же это так?

¹ Фрида Зеликовна Фрид (Михельсон; 1906–1986) — портниха. В 1941 г. — узница Рижского гетто. После освобождения работала в Риге. С 1971 г. жила в Израиле. Автор книги воспоминаний, написанных в 1965–1967 гг.: Михельсон Ф. *Я пережила Румбулу*. Бет-Лохамей-Гагетаот (Израиль), 1973; 2-е изд. Рига, 2005; 3-изд. М., 2011. Описанный расстрел происходил в Румбульском лесу. — Г. С.

Ведь документы у меня в порядке, я все годы честно работаю, заказчики на меня никогда не обижались, а немцы ничего во внимание не принимают. Я не хочу умереть! Не хочу! — Я подбежала к офицеру, который командовал расстрелом, и закричала не своим голосом:

— Что вы со мной делаете? Я специалистка. Вот мои документы. Я специалистка...

Он меня ударил пистолетом по голове, и я упала рядом с ямой. Я прижалась к земле и старалась не двигаться. Через полчаса слышу: кто-то по-немецки кричит: “Ботинки складывать сюда!” К этому времени я уже отползла немножко. Я приоткрыла один глаз и вижу: возле моего лица лежит ботинок. Меня забрасывали обувью. Наверное, мой серый ситцевый халат слился по цвету с ботинками, и меня не заметили. Мне стало немного теплее, надо мной была уже целая гора обуви. Только правый бок у меня стал промерзать. Я бы могла положить под себя несколько ботинок, но побоялась, что куча зашевелится и меня заметят. Так я и пролежала дотемна, примерзла ко льду.

Выстрелы раздавались совсем близко от меня, и я отчетливо слышала последние вопли людей, стоны раненых, которых заживо бросали в общую могилу. Одни умирали со словами проклятья своим палачам, другие погибали, вспоминая детей и родителей, некоторые громко читали молитвы. Иные просили в последнюю минуту разрешить им одеть детей, а то они простудятся. И я должна была лежать и все это слушать. Несколько раз мне послышался голос брата, потом — соседки по квартире. В такие минуты мне казалось, что я схожу с ума.

К вечеру стрельба затихла. Немцы оставили небольшую охрану у сложенной горы одежды, а сами ушли отдыхать. Несколько немцев стояло в трех шагах от меня. Они закуривали и переговаривались между собой. Я слушала их веселые, довольные голоса: “Здорово сегодня поработали. — Да, жаркий был денек. — Там их еще много осталось. Придется еще поработать. — Ну, до завтра. — Приятных сновидений. — О, у меня они всегда приятны”.

Я решила выползти из-под кучи ботинок. Первым делом надо было одеться. Я подползла к другой куче — там лежала мужская одежда. Раздумывать долго некогда было — я надела чьи-то брюки и пиджак, голову завязала большим платком. В это время слышу из ямы, где лежат убитые, слабый детский плач: “Мама, мне холодно. Что же ты лежишь, мама?” Ну, думаю, будь что будет. Попробую спасти ребенка. Но меня опередили немцы. Они подошли к яме, нащупали ребенка штыками и прикололи его. Один из немцев сказал: “Из наших рук еще никто живым не уходил”.

Я поняла: надо за ночь уйти как можно дальше от этого страшного места. А кругом стоят посты, они меня могут заметить на белом снегу. Тут я вспомнила фильм “Война в Финляндии” — там солдаты, одетые в белые халаты, очень хорошо маскировались на снегу. Недалеко я заметила кучу простынь, в которых матери приносили своих грудных детей.

Я наткнулась на какой-то пододеяльник, завернулась в него и поползла.

Оставшиеся в гетто ждали продолжения погрома, но пока было тихо. Только изредка раздавался стон раненого, туда быстрым шагом подходил полицейский. Одинокий выстрел гулко звучал между домами, и вновь вод-

ворялась тишина. Трупы никто не убирал¹, никаких новых приказаний не последовало, кроме единственного — сообщать полиции о каждом раненом. Раненых немцы неизменно добивали.

Только на пятый день было приказано хоронить убитых. На Старом еврейском кладбище, которое находилось в зоне гетто, была вырыта одна огромная могила. Один врач принес и положил в могилу свою жену и двоих детей; некоторые похоронили всех своих родных разных поколений и всех степеней родства².

«ДЕПОРТИРОВАНИЕ» ИЗ ГЕТТО

Через неделю после первой “акции” было объявлено, что “большое гетто” будет “депортировано” из Риги. Что означает это слово, никто в точности не знал. Немцы разъяснили, что “депортирование” существенным образом отличается от “эвакуации”. Если понятие “эвакуация” включает вселение на новое место, то “депортирование” означает только выселение. Вселят ли куда-нибудь “депортированных”, неизвестно.

Вечером 9 декабря³ в двадцатиградусный мороз жители гетто получили приказ собраться для “депортирования”. С семи часов вечера до самого утра толпились люди на трескучем морозе. Немцы к тому времени успели ограбить гетто и забрать все теплые вещи. Много стариков и старух замерзли в эту ночь. На рассвете начали уводить колонны под конвоем. Недалеко от станции Шкиротава⁴ на тупиковой ветке стояло несколько эшелонов без паровозов. “Депортированных” загнали в товарные вагоны. Из этих вагонов людей уводили сотнями в тот же проклятый Бикерниекский лес⁵, и там их немцы расстреливали из пулеметов. Всего в это день погибли около двенадцати тысяч человек⁶.

Через несколько дней власти широко объявили о предстоящем торжестве по случаю ликвидации большого Рижского гетто. В этом празднике приняли участие многие немецкие солдаты всех родов оружия, немцы, одетые в гражданское платье, полицейские и жандармы, рижские уголовники, фашистская мразь — латышские националисты. Долго длился разгул — маленьких детей подбрасывали на воздух, раздетых догола девушек заставля-

- 1 После первой акции уничтожения 30 ноября 1941 г. на улицах гетто осталось около 800 тел. — Г. С.
- 2 Старое еврейское кладбище находилось в Московском форштадте. 4 июля 1941 г. были сожжены все имевшиеся на кладбище строения. На протяжении существования гетто (кладбище входило в его черту) оно было одним из мест казни “провинившихся”. Здесь были похоронены около 2 тысяч узников. — Г. С.
- 3 В действительности — 8 декабря. — Г. С.
- 4 Сортировочная железнодорожная станция на линии Рига — Крустпилс в черте Риги, в 8 км от центрального железнодорожного вокзала. — Г. С.
- 5 В действительности — в Румбульский лес. — Г. С.
- 6 Число расстрелянных в Румбуле 30 ноября и 8 декабря 1941 г., согласно отчету начальника полиции безопасности и СД в Латвии Р. Ланге, составило 27800 человек (вместе с 942 евреями, привезенными из Германии и расстрелянными 30 ноября 1941 г.). Кроме того, там были расстреляны использовавшиеся на “земляных работах” около 300 советских военнопленных. Число убитых в Румбуле евреев из Рижского гетто в те дни современными историками оценивается примерно в 25 тысяч. Расстрелы продолжались и в последующий период нацистской оккупации. — Г. С.

ли играть в волейбол; проигравшую команду расстреливали, и затем игра возобновлялась в новом составе. Всем этим праздником руководил унтерштурмфюрер Егер. Егер был известен тем, что у него самый большой стаж пребывания в фашистской партии — он участвовал с Гитлером в подготовке Мюнхенского путча.

После “празднества” в гетто осталось всего три тысячи восемьсот человек, из них триста женщин и несколько десятков детей¹. Но через день Рижское гетто стало вновь наполняться — прибыл первый эшелон из Германии.

ЕВРЕИ ИЗ ГЕРМАНИИ

Трудно объяснить, почему именно Ригу избрали местом для убийства немецких евреев². Адъютант коменданта гетто унтерштурмфюрер Миге³, однажды сильно выпив, разоткровенничался и по-своему объяснил, почему евреев из Германии везли в Латвию: немцы не хотели убивать у себя дома, каждый палач стал бы хорошо известен широкому кругу людей.

Во-вторых, поручая часть расстрелов предателям из лагеря латышских националистов, они связывали с собой общностью преступлений немало латышей, на которых они рассчитывали опереться в дальнейшем.

Гитлеровцы так обставили вывоз евреев на смерть, что несчастные жертвы до последней минуты не знали, какая участь их ожидает. Всем объяснили, что переезд совершается в целях германской колонизации на востоке, что Германия по-прежнему считает германских евреев своими гражданами, но находит наиболее целесообразным поселить их в Остланде⁴. Рекомендовалось захватить все вещи, которые пригодятся в новом месте. В кармане одного из немецких евреев, убитого в Рижском гетто, было найдено следующее предписание об эвакуации из Берлина:

Берлин, № 4, 11 января 1942 года

Г-ну Альберту Израилю Унгеру с супругой

Ваш выезд намечен по распоряжению властей на 19 января 1942 года. Это распоряжение касается Вас, Вашей жены и Ваших неженатых и незамужних членов семьи, включенных в имущественную декларацию.

- 1 Число узников гетто после двух крупных акций уничтожения указано неверно. Их насчитывалось: в “малом гетто” — 4400 мужчин, в “женском гетто” — около 500 трудоспособных женщин и несколько десятков детей. — Г. С.
- 2 До создания лагерей смерти в Польши евреев рейха депортировали и в другие гетто на территории СССР: в Минск и Каунас. — И. А.
- 3 Адъютантом коменданта гетто был Макс Гимних. Курт Миге отвечал за поставки продовольствия. — Г. С.
- 4 Оккупированная Латвия в качестве генерального округа (во главе с генеральным комиссаром) входила в рейхскомиссариат Остланд (с центром в Риге), включавший помимо нее Эстонию, Литву и часть Белоруссии. Территория Латвии была разделена на шесть областей, возглавлявшихся гебитскомиссарами: город Рига, Рижский сельский район, Либава (Лиепая), Митава (Елгава), Вольмар (Валмиера) и Динабург (Даугавпилс). — Г. С.

17 января 1942 года в полдень Ваше помещение будет опечатано чиновником. Вы должны ввиду этого подготовить к указанному полудню Ваш крупный багаж и ручной багаж. Ключи от квартиры и комнат Вам надлежит вручить чиновнику. Вы должны направиться с чиновником в полицейский участок, в районе которого расположена Ваша квартира, захватив с собой как крупный, так и ручной багаж. Крупный багаж Вам надлежит сдать в полицейский участок. Отсюда он будет доставлен нашим багажным отделом на грузовой машине на сборный пункт — улица Ловетцов, 7/8.

Вслед за транспортировкой большого багажа в полицейский участок Вам надлежит с ручным багажом направиться на сборный пункт в синагогу по улице Ловетцов (вход с улицы Ягова). Туда вы можете проехать обычным сообщением.

Ваше содержание на сборном пункте и во время проезда по железной дороге мы берем на себя. Не мешает все же захватить с собою в ручном багаже имеющееся в Вашем домашнем обиходе продовольствие, особенно ужин.

Как на сборном пункте, так и в пути имеется врачебное и продовольственное обслуживание.

В приложении имеется памятка с необходимыми указаниями.

Следует придерживаться самым тщательным образом этих указаний и провести подготовку к пути спокойно и обдуманно.

...Эшелон подходил к перрону рижского вокзала. Его встречал оберштурмфюрер Краузе или кто-нибудь из высоких чиновников генерал-комиссариата. Немец вежливо улыбался и в самых изысканных выражениях поздравлял старшину эшелона с благополучным прибытием к новому местожительству. После взаимного обмена любезностями немец извиняющимся тоном сообщал, что по непредвиденным заранее обстоятельствам вышло небольшое недоразумение с транспортом, автобусы пришли в неполном составе. Поэтому он просит старосту отделить мужчин и наиболее здоровых женщин, которым предстоит пройти пешком три-четыре километра, — старики, дети и остальные женщины проделают этот путь в автобусах.

Посадка в автобусы проходила в высшей степени организованно. Полицейские и жандармы с любезными улыбками и шутками помогали женщинам и старикам усаживаться, детей бережно приподымали и вручали матерям.

Мужчины шли пешком на Московский форштадт, в освободившиеся квартиры рижских евреев; женщин, стариков и детей увозили в Бикерниекский лес. И там с поразительной быстротой менялось обращение. Открывались дверцы автобусов, цепи полицейских и жандармов стояли так же, как и на вокзале. Но здесь они не улыбались и не старались казаться галантными. [Всех подвернувшихся под руку они били прикладами, кое-кого тут же расстреливали.] Следовал приказ раздеться, сложить одежду и идти к обрыву, где были уже заранее вырыты огромные ямы...

Иные эшелоны целиком увозились в Бикерниекский лес, из других — отбирались наиболее работоспособные. Вскоре “большое гетто” снова было

заселено евреями — из Берлина, Кельна, Дюссельдорфа, Праги, Вены и других городов Европы¹.

Гетто в Риге после приезда немецких евреев просуществовало год. Оно состояло из двух частей — “большого” и “малого”. В “большом” жили германские евреи, в “малом” — рижские. Между обеими частями был сооружен забор из колючей проволоки. Начальником гетто состоял комендант, оберштурмфюрер Краузе, он имел право лично судить и расстреливать, а общее руководство истреблением евреев осуществлял командующий латвийской полицией штандартенфюрер Ланге², имевший в Германии официальное звание “доктора антисемитизма”.

Среди ограничений и запрещений, существовавших в гетто, был запрет рожать детей. Когда Краузе узнал, что приехавшая из Германии Клара Кауфман должна скоро родить, он приказал перевести ее в больницу. Через час после родов к больнице было согнано несколько сотен человек. На балконе стоял Краузе в полной парадной форме и знаком дал полицейскому приказ начать действовать. Вахмистр Кабнелло вынес ребенка и, высоко подняв его над головой, показал его всем собравшимся. Затем, держа ребенка за ножки, он размахнулся и ударил его головой о ступеньку крыльца. Брызнула кровь. Кабнелло вытер лицо и руки чистым белым платком и затем вывел роженицу и ее мужа. Они были расстреляны тут же возле трупа своего первенца. Так в гетто было ознаменовано рождение ребенка. [А за оградой гетто немцы развернули активную деятельность по “сохранению чистоты расы”. Как ни старались гитлеровцы, но в одном им пришлось пойти на некоторые уступки. Желая привлечь на свою сторону бывших офицеров латвийской армии и крупных чиновников буржуазного правительства Ульманиса, они разрешили этим лицам взять своих жен еврейского происхождения из гетто³. Но скоро все они получили повестки явиться в комиссариат на регистрацию. Там их принимал референт по расовым вопросам Фриц Штейнигер. Он долго расспрашивал каждую женщину, интересовался ее родословной, состоянием здоровья и т. п. Каждая посетительница получила предписание явиться в клинику до-

- 1 Первые евреи из европейских стран (нем. *Reichsjuden*, “евреи из рейха”) ночью 29 ноября 1941 г. прибыли поездом из Германии в Ригу, на станцию Шкиротава. Поскольку место для их размещения не было предусмотрено, 942 человека из них уничтожили в Румбуле утром 30 ноября, перед прибытием туда колонн евреев из Рижского гетто. 1–8 декабря в Латвию прибыли четыре транспорта — всего 3747 человек из Нюрнберга, Штутгарта, Вены и Гамбурга. Их разместили в концлагере Юнгфернгоф (Юмправмуйжа) в окрестностях Риги (территория бывшего аэродрома “Румбула”). В начале 1942 г. в Латвию были привезены 19 тысяч иностранных евреев. Около 2 тысяч престарелых и слабых людей, не способных передвигаться самостоятельно, были убиты прямо на станции Шкиротава. Всего из рейха (т. е. из Германии, Австрии и Чехии) в Латвию, по неполным данным, были депортированы 24603 еврея (из них в Латвии убиты около 11 тысяч, выжили 1073 человека) и еще по несколько тысяч (точное число не установлено) из Венгрии и Литвы. 10 декабря 1941 г. около тысячи евреев из Кельна стали первой группой “евреев из рейха”, помещенной в Рижское гетто. В феврале 1942 г. их насчитывалось около 11 тысяч человек. — Г. С.
- 2 Рудольф Ланге (1910–1945) — штурмбанфюрер СС, руководитель полиции безопасности и СД в Латвии. Принимал участие в Ванзейской конференции 20 января 1942 г., где обсуждалась организация уничтожения евреев Европы. В январе 1945 г. совершил самоубийство в Позене (Познань). — И. Л., Г. С.
- 3 Состоявшие в смешанных браках мужчины-евреи в любом случае подлежали уничтожению, а не желавшие с ними разводиться нееврейские жены могли разделить их участь. Однако еврейские жены “арийских” мужей могли сохранить себе жизнь при условии, если мужа не откажут от них, и при согласии на стерилизацию (эта операция проводилась во многих клиниках Риги). — Г. С.

ктора Крастыня и внести деньги за двухнедельное пребывание в ней. Все они были обеспложены. Стериализация была проведена под наблюдением немецких врачей в полном соответствии с “Нюрнбергским законом”.]

САЛАСПИЛСКИЙ ЛАГЕРЬ¹

Спустя год гитлеровцы перевели гетто из столицы Остланда в Саласпилсский лагерь. Лагерь в Кайзервальде² служил своеобразным пропускным пунктом для прибывавших в Саласпилсский лагерь³. Этого страшного места никто избежать не мог. Во главе лагеря поставили штурмбанфюрера Зауэра, известного в Германии уголовного преступника⁴. [Зауэр усовершенствовал обыски. Все прибывающие в Кайзервальд проходили двухнедельную “диету” — их кормили только касторкой для того, чтобы обнаружить проглоченные бриллианты и золотые монеты.]

Старшинами над еврейскими бараками были поставлены привезенные из Германии “преступники III степени” — уголовные арестанты, отбывшие половину своего срока в тюрьме и доказавшие свою преданность национал-социализму.

В Саласпилском лагере шел неумолимый и последовательный процесс истребления. Было проведено несколько “дезинфекций” барачков, после этого сотни отравленных газом вывозились в окрестные овраги. Тысячи людей были замучены на непосильных каторжных работах.

Немало людей было истреблено в немецких “научных” заведениях, функционировавших в Риге, — гигиеническом институте и институте медицинской зоологии. В этих институтах дипломированные палачи разрабатывали и совершенствовали науку смерти. Группе евреев, и среди них доценту Сорбонны Шнайдеру немцы вскрыли вены, изучая, как действуют гормоны и железы внутренней секреции при полном истечении крови. Один из научных сотрудников готовил диссертацию об историческом развитии способа повешения людей. Он тщательно изучал, какие виды веревок и пельть дают наиболее эффективные результаты. Эта “диссертация” обошлась в тридцать пять еврейских жизней.

- 1 Один из крупнейших концентрационных лагерей на территории СССР. Существовал с октября 1941 г. до октября 1944 г. Имеющиеся данные о количестве узников и жертв концлагеря противоречивы (в советских изданиях обычно указывается, что в лагере одновременно находились 14–25 тысяч узников, а число жертв составило 53 тысячи человек, в том числе 7 тысяч детей). В лагере содержались главным образом латыши, но в 1941–1942 гг. было значительное число евреев, а в 1943 г. — белорусов. — *И. Л., Г. С.*
- 2 Кайзервальд (Межапарк) — в 1943–1944 гг. концентрационный лагерь неподалеку от Риги. В сентябре 1943 г. туда были высланы трудоспособные евреи из Вильнюсского гетто, евреи из Рижского гетто, а нетрудоспособные убиты. Первые две группы узников Рижского гетто были перемещены в Кайзервальд в июле 1941 г. До конца октября в Кайзервальд была переведена большая часть обитателей гетто. Концлагерь имел ряд филиалов в Риге и за пределами города. В августе 1944 г. евреи из лагеря Кайзервальд были переведены в лагерь Штутгоф. — *И. Л., Г. С.*
- 3 Саласпилсский концлагерь начал создаваться в октябре 1941 г., а концлагерь Кайзервальд — летом 1943 г. — *Г. С.*
- 4 Оберштурмбанфюрер СС Альберт Зауэр (1898–1945) не стоял во главе Саласпилского концлагеря. В апреле 1943 г. он был назначен комендантом концлагеря Кайзервальд. С марта 1945 г. до ликвидации концлагеря был комендантом Равенсбрюка. Убит 3 мая 1945 г. — *Г. С.*

Наступил 1944 год. Линия фронта все приближалась к Прибалтике. Гитлеровцы торопились закончить свою страшную палаческую работу. Одна “акция” следовала за другой. Наконец последние обитатели концлагерей были погружены на пароход, вывезены в Земгалию и расстреляны¹.

Вот выдержка из немецкой газеты, издававшейся в Риге, от 28 августа 1944 года². В ней сообщается о поимке евреев, чудом уцелевших в период массовых “акций”.

ОБЕЗВРЕЖЕНА ЕВРЕЙСКАЯ БАНДА

Охранная полиция и команда СД в Латвии сделали следующее сообщение. На основании произведенного расследования 24 августа была обезврежена еврейская банда, состоящая из 6 евреев и 1 еврейки. Все они прятались в одной из квартир в доме по Плавучей улице № 15 в Риге³. Мужчины-евреи имели револьверы и при аресте начали стрелять в чинов охранной полиции. Один из полицейских был смертельно ранен. Два еврея, которые пытались сопротивляться, были полицейскими убиты, остальные пытались бежать в ближайшие дома. Сейчас же вокруг домов этого квартала была организована сильная охрана полицейских частей и команд полевой жандармерии, а также патрулей СС. Были обысканы все дома — от погреба до крыши. Вся скрывавшаяся часть еврейской банды была задержана. Снова возникла перестрелка между полицейскими и евреями.

Арестована латышка Анна Полис, владелица квартиры, которая скрывала евреев у себя и снабжала их едой. Она понесет заслуженное наказание. Кроме того, задержаны все жители дома по Плавучей улице № 15.

Арестованные евреи, а также их укрыватели сейчас же после расследования будут немедленно преданы суду.

В этот день на Плавучей улице погибли доктор Липманович, Грунтман, Манке, Блюм, Беркович и др. Анна Полис, прятавшая их, была расстреляна через два дня⁴. Но на соседней улице учительница Эльвира Ронис и ее мать семидесятилетняя Мария Вениньж в течение полугода прятали группу евреев и сумели сохранить им жизнь вплоть до прихода Красной Армии.

- 1 Перед закрытием концлагеря из 1800 заключенных были убиты 1300. Уничтожены были все мужчины и женщины старше 30 и моложе 17 лет. Большую их часть отправили морем в Германию прямо из Риги, а других — из Лиепая. (Некоторые узники удерживались в Лиепаяе до начала 1945 г.) Транспорты с евреями отправились в Германию 6 августа, 25 и 29 сентября. Два из трех судов с евреями из концлагеря Штуттоф (среди которых были и евреи из Риги), вышедшие в последние дни войны из Данцига (Гданьска) и следовавшие в Германию, были потоплены во время налета авиацией союзников, а тех немногих, кому удалось держаться на воде, расстреливали и топили гитлеровцы. Последний транспорт, насчитывавший около 100 человек, был отправлен 2 октября, за десять дней до вступления в Ригу Красной Армии. — Г. С.
- 2 Речь идет о публикации в газете *Deutsche Zeitung im Ostland* (“Немецкая газета в Остланде”), перепечатанной издававшейся на латышском языке нацистской газетой *Tēvija* (“Отечество”) 25 августа 1944 г. — Г. С.
- 3 Улица Педду в Старой Риге. — Г. С.
- 4 Алма Эмилия Полис в течение многих месяцев укрывала семерых узников Рижского гетто, совершивших побег во время пожара, — двух братьев и сестру Липманович, врача Юделя Юделовича, Иосифа Грудмана, Сергея Гуревича и Абеля (фамилия не выяснена). А. Э. Полис помогала ее дочь Маргарита Кестере, доставлявшая беглецам продовольствие. Предположительно, их выдал дворник соседнего дома. Арестованных пытали, А. Э. Полис выкололи глаза, потом казнили. М. Кестере, которая тоже была арестована, удалось спастись. — Г. С.

Латыш Жан Липке¹ несколько месяцев скрывал на хуторах свыше тридцати евреев и затем провел их через линию фронта.

На третий день после изгнания немцев из Риги в городе произошла стихийная многолюдная демонстрация: утром рижане узнали, что в два часа дня части латышского стрелкового корпуса, которые перемещаются на другой участок фронта, промаршируют по улицам города. Тысячи жителей Риги с цветами в руках вышли на главную улицу Риги — Бривибас-иела.

Послышались звуки военного оркестра. Все с нетерпением ждали появления войск. В это время собравшиеся увидели небольшую колонну демонстрантов, человек шестьдесят-семьдесят, появившуюся со стороны Западной Двины. Знаменосец, его ассистенты и многие из колонны были одеты в полосатые арестантские костюмы, на груди каждого виднелась желтая шестиконечная звезда, на спине — номер, напечатанный большими черными буквами. Они были смертельно бледны, видно было, что эти люди давно не видели дневного света; у иных лица были в синяках и ссадинах; некоторые шли сильно прихрамывая. В первую минуту показалось, что это не люди шагают по асфальту Бривибас-иела, а тени замученных и расстрелянных встали из своих страшных могил и вышли навстречу воинам Красной Армии.

И действительно, в этой колонне шли люди, которые лежали в массовых могилах, люди, которые выползли из-под трупов своих отцов и детей и затем в течение трех страшных лет, гонимые и травимые, боролись за жизнь.

То были обитатели бывшего Рижского гетто.

Это были посланцы сорока пяти тысяч рижских евреев, убитых гитлеровцами².

Рижские жители, увидев колонну евреев, опустили головы. Генералы и адмиралы, стоявшие у подножья обелиска Свободы, отдали демонстрантам воинские почести. И на переполненной людьми площади стало необычайно тихо.

Вскоре стройными рядами прошли батальоны латышского корпуса. Народ забрасывал бойцов и офицеров цветами. [Вдруг из толпы на еврейском языке послышался возглас:

— Меер, это ты?

— Я!]

Молодая бледная девушка и седой длиннородый старик выбежали из рядов зрителей и бросились к сержанту Морену, стали его обнимать и целовать. Сержант с двумя медалями на груди, прошедший огромный боевой путь от Наро-Фоминска до Риги, встретил своего отца и сестру! И они зашагали рядом с ним по торжествующим улицам Риги, в рядах красноармейцев.

- 1 Янис (Жанис) Липке (1900–1987) — портовый грузчик, с первых же дней выводил евреев из Рижского гетто и прятал их. Все три года оккупации Липке с помощью своей семьи и группы друзей спас более 50 евреев. В 1977 г. признан “Праведником народов мира”. — И. Л., Г. С.
- 2 К началу нацистской оккупации в Риге оставалось около 37 тысяч евреев, из них уцелело около 200. Подробнее см.: Смирин Г. *Евреи Риги в период нацистской оккупации (1941–1944 гг.)* // *Евреи в меняющемся мире: Материалы 5-й Междунар. конф.*, Рига, 16–17 ноября 2003 г. Рига, 2005. С. 350, 373. — Г. С.

Часом позже в одной из пустых квартир на Гертрудинской улице я встретился с людьми в полосатых арестантских костюмах. От них я услышал рассказ о гибели десятков тысяч их братьев.

На Гертрудинскую улицу приходили рижские евреи с винтовками и автоматами на ремнях — бойцы, сержанты и офицеры Красной Армии. Они приходили навести справки о своих родных и близких. Почти все они получали скорбные ответы: “расстреляны при первой ‘акции’”, “покончили самоубийством”, “замучен в гестапо”. Бойцы подтягивали ремни своих автоматов и уходили, говоря:

— Мы за все оплатим сполна.

Автор — ЕФИМ ГЕХМАН

Рига

На Московском форштадте начинают огораживать несколько кварталов — строят гетто. Перед нами ожило Средневековье.

Евреям запрещено покупать в лавках, читать газеты и... курить.

Организовался так называемый юденрат [— представители местных евреев. Еврейский совет должен заботиться о медицинской помощи, о размещении евреев и т. п.] В него вошли Г. Минскер, инженер Блуменау, Кауфер, М. Минц. На рукаве у них голубая повязка с шестиконечной звездой, на груди и спине, конечно, тоже по звезде — словом, разукрасили их всю. Юденрат помещается на улице Лачплеша, около Московской, в бывшей школе.

В городе много самоубийств, главным образом среди врачей.

Мой маленький сынок Димочка стал пугливым, нервным. Как только заходит на улице немецкого солдата, тотчас бежит в дом. Бедный ребенок боится, он не понимает даже, что такое еврей. Нашей крошке-дочурке хорошо, она еще совсем глупая, она не знает ни горя, ни страха.

Мама² принесла с Московского форштадта съестное. Еврейские порции, конечно, гораздо меньше нормальных, к тому же продукты самого низшего качества. Мама разбита виденным и слышанным.

Забор вокруг гетто строят усердно, местами уже натягивают колючую проволоку.

На Московском форштадте рябит в глазах от желтых звезд. Мужчин почти не видно, только старухи и дети. Но не видно ни одного играющего ребенка — все, как загнанные зверьки, боязливо держатся около матерей или сидят в подворотнях.

Со всех сторон тянутся тележники-евреи с разным хламом. Большой школьный двор битком набит народом. И здесь тоже мало мужчин, а у всех женщин горестные лица, заплаканные глаза. Вдоль забора горы мебели: хлам, который разрешили взять с собой после выселения. Часть мебели расклеилась от дождя.

Встречаем знакомых, нет никого, кто не потерял бы близких родственников. Встретили Ноэми Баг. Она хочет покончить с собой и все говорит

¹ Эльмар (Илья Иосифович) Ривош (1906–1957) — скульптор. Учился в Академии Коларосси в Париже, работал на Кузнецовской фаянсовой фабрике в Риге. В 1941 г. вместе с семьей был заключен в Рижское гетто, где погибли его мать, жена, малолетние сын и дочь. Совершил побег, скрывался. После войны работал на комбинате прикладного искусства “Максла” в Риге, создал новую семью. Приведенные воспоминания написаны в подполье в 1943 г. Первое полное и аутентичное издание: Ривош Э. *Записки*. Рига, 2006. — Г. С.

² Ревека Ривош (урожденная Якобсон; 1874–1941), зубной врач. — Г. С.

о своем муже, которого сожгли живьем в синагоге. Она производит впечатление не вполне нормальной.

Встретил Феню Фальк, ее мужа и брата забрали. На руках у нее больная мать, маленький сын Феликс, невестка с двумя крошечными детьми. Мне больно смотреть, как она осунулась и постарела.

Когда-то я с ней катался по шоссе на велосипедах и она, дурачась, мчалась прямо на встречные автомобили. Я сердился, ругал ее, но она уверяла, что с ней никогда не может случиться ничего плохого, она говорила, что умрет, когда будет совсем-совсем старенькой.

Кто может знать свою судьбу? Теперь смерть занесла над ней свою страшную, гитлеровскую лапу.

Бетти Марковна рассказала мне случай с ее падчерицей Геди. Геди — тип красивой северной девушки — высокая, светлая блондинка с васильковыми глазами, прямым носом. Она выросла в Вене и, естественно, великолепно говорит по-немецки. На улице ее остановил однажды немецкий офицер и резко обвинил в провокации: с какой целью она нацепила еврейские звезды? Геди спокойно заявила, что нет никакой причины для волнения, так как она в полном праве носить эти “знаки отличия”. Офицер рассвирепел вконец.

Психологическая загадка. Последние месяцы перед войной я работал в мастерской, где нас было четверо — мой К[арлис]¹, мастер Л.², я и еще один парень неопределенной профессии по имени А[нкравс]³. Про него мне рассказывали всякие нелестные истории и вообще всячески настраивали против него. У меня с ним не было никаких отношений — ни плохих, ни хороших. Когда я очутился вне закона, все христиане, бывшие друзья детства, все друзья по работе исчезли. И тут, как чудо, является А[нкравс]. Пришел и просто заявил, что хочет помочь мне и моей семье, что готов сделать все, что только в его силах. Он сказал, что решил взять работу по ремонту поврежденных войной домов, а меня устроить у себя. Он стал приходить к нам, приносил Диме гостинцы, играл с ним, словом, проявлял глубокий интерес к нашей судьбе. Для этого нужна была немалая доля душевной стойкости и благородства. Есть большая человеческая радость в том, чтобы в беде находить друзей.

Выселение евреев в гетто производилось по районам. Первыми отправились туда жители центральных районов. Многим, перебравшимся на Московский форштадт, но поселившимся не на тех улицах, что входили в гетто, опять приходилось менять жилье.

Приезжала из Лимбажи⁴ Димина няня Меланья, плакала и умоляла отдать мальчика. Я готов был согласиться, но Аля⁵ заявила, что если всем суждено погибнуть, то она не хочет оставить сироту. Право распоряжаться детьми принадлежит матери — Димочку Меланье не дали.

1 Карлис Муша (1919–1996) — латышский скульптор, ученик и друг автора. — Г. С.

2 В части рукописи, написанной в период нацистской оккупации, ряд имен обозначены инициалами либо зашифрованы. Там, где это было возможно, они восстановлены по материалам архива семьи Э. Ривоша и путем более широких архивных изысканий. — Г. С.

3 Анкравс — фамилия. Имя этого человека — Рудольф. — Г. С.

4 Город в Валмиерском уезде Латвии. — Г. С.

5 Ольга Ривош (урожденная Гуревич; 1908–1941), жена автора. — Г. С.

Вечер. Ветер, осенний проливной дождь. В такую погоду как-то спокойнее, знаешь, что непрощенные гости не пожалуют. Сижу с Алей и Димочкой на кровати и, уйдя в свои мысли, напеваю советскую песенку. Димочка забрался к матери на колени. Вдруг я слышу ее возглас: “Димочка, что с тобой, солнышко, чего ты плачешь?” Димочка не отвечает, он весь красный. Сквозь слезы он говорит тихим голосом: “Папочка поет советскую песенку, я давно ее не слышал. [Мамочка, только бы немцы ее не услышали.]” У Али по щекам текут слезы. Я закуриваю папиросу. Маленькое существо, у него уже разбито сердечко.

Наступает и наш черед перебираться в гетто. Пошел с Алей искать жилье. Я стараюсь всячески ее успокоить, отвлечь от темных мыслей, расписываю, как устроюсь, уверяю, что сделаю даже голубятню на чердаке. Мы целуемся и шутим, стараясь обмануть друг друга. Темнеет, мы отправляемся за Двину, может быть, в последний раз совершаем этот путь.

Завтра мы должны покинуть свое насиженное, любимое гнездо, свой родной дом. С невыразимой тоской хожу по комнатам; злоба, отчаяние душат меня. Димочка тоже в страшном волнении и все напоминает нам, чтобы мы не забыли забрать его игрушки. [Он перечисляет свое добро: гипсовые собаки и слоны, кубики, и поезд, и грузовики.] В тревоге он говорит: “Мамочка, а что если немцы не дадут мне забрать моего аэроплана, ты сможешь его спрятать?” Как взрослый, он успокаивает мать: “Если заберут мою кроватку, мамочка, ты не огорчайся, я же могу у вас спать”.

Утро. Осенний ветер.

Двое полицейских с портфелем, с деловым видом, в сопровождении дворничихи появляются на дворе. Они важно проходят, презрительно осматривая нашу квартиру.

Я отправился искать извозчика.

Евреям на телеге [с арийской лошастью и арийским кучером] ездить не разрешается — это, видимо, тоже считается осквернением высшей расы. Но мы решаем пренебречь этим распоряжением.

Грузим воз. Воз растет. Завязываем веревки. Надо прощаться...

Воз медленно, но верно приближается к цели. Мост уже позади, мы все ближе и ближе к колючей проволоке. Воз с Московской сворачивает на Лачплеша. Справа забор, еще несколько минут, и мы въезжаем в ворота гетто. Садовниковская улица. Грубый бульжник, воз покачивается и трясется. Впереди нас и за нами тоже возы. Улицы полны народу. Вот и наши “квартиры”. Маза Кална улица, дома 11, 9, 7 [и наш] 5. Взяв разбег, лошадь, сопя, втаскивает воз в ворота. Наскоро снимаем барахло и запираем его пока в сарай. Направляюсь к Гутманам — втаскивать вещи стариков. На Лудзас улице, около маленького домика, меня кто-то окликает. Вижу в окно знакомого жестянщика Маркушевича. Он очень просит зайти на несколько минут, ему хочется покурить и заодно поболтать. У Маркушевича большая семья, несколько взрослых дочек, одна с детьми, все живут в одной комнате. Жена его, хотя ей и не больше сорока лет, выглядит глубокой старухой. Спрашиваю, где он работает и как живет. Не жалует, он всю жизнь нуждался, и нужда ему близка, как мать. Работает он у немцев. Я думал, что к нему, как к мастеру-специалисту, отношение лучше и положение его легче. Когда я высказал это предположение, он даже

отшатнулся: “Что вы, что вы, стану я для них работать как специалист и приносить им пользу — они даже не знают, что я умею резать жесь. Я работаю как всякий ничего не умеющий еврей. Если я даже буду подыхать с голоду, так все равно им не скажу, что я жестянщик”. Эта встреча осталась у меня светлым пятнышком. Маленький, никем не отмеченный, храбрый и сильный духом человек! После этой встречи я его в гетто не видел, наверно, расстреляли.

Приехал последний воз с мелкими пожитками и дровами. Извозчик топчется, и поэтому дрова просто сбрасывает во дворе. Идет дождь, оставить дрова на открытом месте нельзя, мы дружно беремся за работу. Аля хоть и устала, но тащит поленья, не отставая от меня. Цапкин выбежал во двор. Аля волнуется. Я рад, что она способна заботиться о коте, — значит, “жива”. Серьезное беспокойство — дочка. Мы ее оставили у Мими¹, а гетто могут закрыть в любую минуту. Нас ведь не предупреждают о всяких мерах и распоряжениях, но ставят перед совершившимся фактом. В течение нескольких минут выселяют, забирают на работу, расстреливают.

Я лично думаю, что девочку лучше оставить там. Мими ее не бросит, а девочка не мальчик, легче скрыть ее еврейское происхождение. Правда, Мими стара, но если она даже умрет, то соседи воспитают девочку. Если мы спасемся, мы ее найдем. Если погибнем, она вырастет и будет жить без нас. Но с Алей я боюсь даже говорить об этом.

Пришла мама. “Друзья” Роммы для ночлега предложили ей только стул — она на нем и просидела всю ночь. Бедная мама, наверно, она позавидовала папе, что он давно умер. Поглядел я на нее, и мне стало страшно. Как люди в горе быстро тают.

Аля и мама весь вечер спорят, что где ставить. Меня это мало интересует, и я в их дела не вмешиваюсь. Мы начинаем привыкать и к новому месту. Над Диминой кроваткой висят его любимые картинки. На полу вчетверо сложенный ковер, чтобы девочка не простудилась: ведь мы живем в сарае.

На дворе дети играют, бегают, дерутся, а Димочка боится выйти из дому. Выйдя со мной или с Алей, он ни на шаг не отходит от нас.

Наш дом в стороне и потому здесь очень-очень тихо. А в центральной части охотятся на людей, гонят их на работу. Занимается этим тройка — немецкий лейтенант Станке, фельдфебель Тухель и местный немец Дралле. При выходе из гетто и по возвращении с работы евреев немилосердно бьют. Бьют как кому нравится — кулаком, палкой, ногами.

После обеда Аля привезла Лидочку. Аля устала и расстроена — тяжело ей было прощаться с Мими. Мими и наша дворничиха обещали через проволоку передать провизию.

Наконец гетто закрыли. Официально заявлено, что вся связь с внешним миром прекращается. При разговоре или передаче через проволоку — постовые будут стрелять. Стража у ворот обыскивает всех самым тщательным образом, в особенности молодых женщин. Холодными, грязными, грубыми руками, под общий смех и замечания они залезают под одежду, шарят по голому телу. У многих женщин после обыска на груди ссадины и крово-

1 Прозвище Мелани Миллер (1894–1944), бывшей няни Ольги, жены автора, а впоследствии и ее дочери Лидии. — Г. С.

подтеки. Мужчин обыскивают поверхностно, но зато бьют всерьез. На следующий день после закрытия гетто в городе поймали еврейского парня, ночевавшего у своей подружки-христианки. Его привели в гетто и расстреляли на дворе караула; для острастки труп не убирали.

Настроение у всех подавленное, чувствуешь себя, как в мышеловке. Охота за людьми усилилась. Теперь ловят даже ночью по квартирам. Это напоминает рыбную ловлю в аквариуме или охоту в зоологическом саду. В лесу зверь может удрать, спрятаться, может сопротивляться. А что может сделать человек в гетто? Со всех сторон проволока, за нею часовые с оружием, и мы — как в загоне.

Я обратился к инженеру-строителю Антоколю¹, работавшему в течение двадцати лет в городской управе. Антоколь сказал, что во всем гетто нет ни одного печника и если бы я попробовал им стать, то это было бы благом для гетто.

Весть о том, что юденрат обзавелся печником, разнеслась по гетто. В тот же вечер у меня объявилась первая просительница.

На другое утро я не успел даже поесть, как раздался стук в дверь. Какой-то мужчина хочет меня видеть. В чем дело? Рассказывает, что недалеко от нас он снял бывшую лавку, поселил там свою мать и сестру. Но лавка не имеет печки, надо пристроить хотя бы маленькую печурку. Не успел еще уйти этот заказчик — появилась моя кузина Роза Гиришберг.

Новый неприятный сюрприз — прекратили выдачу молока. Еврейским детям такой роскоши не полагается. Больнице тоже отказали в молоке.

Так как были замечены случаи передачи продуктов через забор, то построили второй ряд проволоки, но, конечно, не за счет улицы, а за счет тротуара. В некоторых местах — на Ерсикас, Лаздонас и других — тротуары настолько узки, что пройти можно только боком, чтобы не изорвать одежду о колючую проволоку. Толстому человеку вообще не пройти. Во избежание неприятностей юденрат распорядился все дворы на примыкающих к периферии гетто улицах соединить между собой; движение происходит по дворам. Наш двор тоже стал проходным, и мимо наших окон все время снуют люди.

Со знакомым мальчиком Б. Заксом, нашим бывшим зассенгофским соседом², был такой случай. Проходит он по Б[ольшой] Горной улице. Раздается окрик часового: “Жид, скажи, который час?” Мальчик отгибает перчатку и, посмотрев на часы, отвечает на вопрос. Солдат направил на него дуло ружья: “А теперь живо, пока цел, бросай часы в снег!”

Вечером купали девочку. Ей хоть бы что, сидела в ванночке, плескалась, как утка, играя и радуясь. Она по-прежнему здоровая и круглая, удовольствия держать ее в руках. Димочка вытирал ей ножки и целовал розовые пятки. Она заливалась смехом и рвала его волосы. Аля и мама от этой идиллии приходили в восторг. Говорят, только в нужде познаются настоящие отношения. Никогда прежде мы с Алей не проявляли друг к другу столько взаимной нежности, заботы и внимания.

1 Соломон Антоколь (Антиколь) (1901–1944) — инженер. До войны работал в Рижской городской управе. Погиб в концлагере в Германии. — Г. С.
2 Зассенгоф — исторический район в рижском Задвинье (ныне Засулаукс), где жил автор. — Г. С.

После Лидочки в той же воде “купалась” Аля. Она так похудела, что детская ванночка ей почти впору. Мыльную воду не вылили и мочили в ней белье. Экономия!

Семь часов утра. Мама уже встала, затопила печку, сварила картофель, вскипятила чай. Во время завтрака приходит сын Фридмана Изька со своим приятелем — это мои “подмастерья”. У меня в портфеле инструменты, мальчики подхватывают санки с ящиком для материала, и наша тройка направляется к Герцмарку¹. По Ерсикас улице идем по такому узкому тротуару, что я с трудом протискиваюсь. Рядом с нами идут на работу русские, латышские рабочие, такие же труженики, как и мы. Но между нами проволока [и она создает бездну. Стараюсь не видеть и не замечать людей за забором...]

Дом №5. Старые тяжелые ворота, покосившаяся калитка. Справа большой дом, слева старая, полуразвалившаяся халупа. Крутая, узкая деревянная лестница, ступеньки протерты и стоптаны. Упираюсь в дверь с окошечком, наполовину забитым фанерой. Стучу раз, другой — никто не открывает. Наконец моя энергия возымела действие, дверь раскрывается. Вхожу. Мансардная, средней величины комната, стены черные. Холод, как на дворе. Пол, как латгальская дорога², весь в выбоинах и ямках, по краям бутылками заткнуты крысиные щели. Посреди комнаты стол, табуретка, около нее старый большой топор. У стены облезлая железная кровать, заваленная ворохом тряпья. Хозяйка “квартиры”, впустив меня, первым делом забралась под тряпье. И только после этого она осведомилась, кто я и зачем пришел. Думал, что она выразит радость, но глубоко ошибся. С любопытством вглядываюсь в нее. Это старуха лет шестидесяти-семидесяти. На ее лице написано такое безразличие ко всему, что становится не по себе. Берусь за разборку плиты и “исследование” печки. Обе в жутком состоянии. Мне, как “спецу”, придется пораскинуть мозгами, как это все исправить. Глина моя тверда, как камень, мне нужна горячая вода, и я прошу старушку мне помочь. С тем же безразличным видом она вылезает из своего логова и отправляется к соседям за горячей водой. Вернувшись, говорит, что вода скоро будет.

От работы мне становится тепло. Снимаю пальто, на стене вижу гвоздь. Спрашиваю: “Скажи, матушка, а у тебя на стене клопов и вошек нет? Можно повесить пальто?” — “Как же, милый, все есть, и клопы, и вши, только можешь спокойно повесить, в такой холод они из дыр не вылезают”. Не хочу тревожить старушку и сам иду за водой, чтобы заодно поглядеть на ее соседей. Рядом с ее дверью еще одна, забитая старым одеялом. Меня впускает маленькая девочка. Комната и кухня приблизительно в таком же состоянии, как у моей старушки, только завалены старым хламом. Живет здесь большая семья — несколько маленьких детей, подросток, взрослые, старушка. Посреди комнаты на горшке сидит маленькая девочка и играет тряпочкой.

У меня коченеют руки от холодной глины, время от времени опускаю их в горячую воду. Тороплюсь, скоро четыре часа, а у меня впереди “част-

1 Лазарь Герцмарк (1887–1944/45) — архитектор. Погиб в концлагере Бухенвальд (Германия). — Г. С.
2 Латгалия — культурно-историческая область Латвии, включающая ее восток. — Г. С.

ный” заказ, за который меня ожидает целое богатство — два яйца и пачка махорки.

Я грязен, как трубочист, но настроение приподнятое. Работа, когда ею приносишь пользу не только себе, но и людям, дает большое удовлетворение. Убеждаюсь, что печник зимой в гетто не менее важное лицо, чем врач во время эпидемии.

Умывшись и поужинав, иду к Фридману. Не хочу оставаться в долгу. Он мне как-то дал спичечную коробку махорки, теперь я богат и сам могу угостить. У Фридмана сравнительно хорошая квартира — комната и маленькая кухня, спать в ней нельзя, но все же помещение. Жена его очаровательная женщина, в ней чувствуется большая доброта и сердечность. Как у большинства семей, у них свой крест. Кроме двоих сыновей — моего подручного Изьки и младшего сына шестнадцати лет, имеется девочка. Ей двенадцать лет, но она Диминого роста, калека с так называемыми сухими ножками. Она целыми днями сидит, вырезает из бумаги, нанизывает бусинки или сшивает тряпочки. Разговаривает она разумно, как взрослая, и всегда печальная. Она любит, когда к ней приходят дети, но как она должна страдать, видя, как они бегают. Бедную девочку обожают родители и братья. Младший брат старается ее развеселить. От мальчика его возраста я такой нежности не ожидал. Пока мы с Фридманом покуриваем и обмениваемся новостями и надеждами, входит сосед из другой квартиры. Он рассказывает, что сегодня работал где-то в Бикерниеках. Рыли они в лесу ямы, длинные и глубокие. “Без всякого сомнения, — говорит он, — это будущие укрепления, а раз так, значит, ждут советского наступления”.

У нас, у оптимистов, выработалось умение во всех событиях усматривать хорошую сторону. Не знаю, умно ли, глупо ли это, но, во всяком случае, так легче жить. Я вменил себе в обязанность в присутствии посторонних, кто бы это ни был — свои или чужие, — шутить и подбадривать в несчастиях и неудачах. Я уверен, что эти ямы роются не для укреплений, но для какой-то другой цели. Неужели?.. Отгоняю безумные мысли.

С каждым днем в гетто увеличивается количество нищих. Они ходят по квартирам, собирая съестное. Им подают несколько картофелин, брюкву, тарелку супа. Есть и другого рода нищие, которые не побираются. Я видел на одном дворе на Саркана улице старичка, занятого выискиванием картофельной шелухи и случайных корочек в мусорной яме. Делал он это с такой опаской, что было ясно — это не профессионал. Меня он увидел уже тогда, когда я прошел мимо, и так растерялся, что принял вид, будто занят совсем другим делом.

Муравейник в лесу на случайного прохожего не произведет особенного впечатления — куча муравьев, да и только. Так и наше гетто — внешне все серо здесь, суетливо, напугано, полуголодно. А на деле и в гетто жизнь полна напряжения.

В приюте на Садовниковской, в каморке, живет профессор Дубнов и пишет продолжение “Еврейской истории”. В больнице на Лудзас улице врачи оперируют больных.

Каждый день в гетто несколько похорон. В течение дня по Лудзас улице к кладбищу плетутся простые сани с черным ящиком, за ними два-три человека. Иногда сани с ящиком проезжают быстро, значит, родных нет.

Недавно у проволоки опять застрелили молодого парня.

На домах появились объявления-приказы: евреи обязаны в течение недели сдать все золото, серебро, драгоценности, ковры. По истечении срока будут обыски. Утаившие будут строго наказаны. Нам известно только одно наказание — расстрел.

У нас с Алей по тонкому обручальному кольцу, да у Али еще два-три колечка, вот и все.

Меня этот приказ коснулся с другой стороны. Приходят знакомые с просьбой припрятать ценности. Ко многим знакомым ходил на дом делать “сейфы”, кому в двери, кому в карниз шкафа, иному под пол, иному в каблук. Серебро советовал кидать в уборную или зарывать, лишь бы не отдавать немцам.

Недоедание Али сказывается. На днях она долго стояла в очереди. Когда она уже выстояла свое и собиралась уходить, у нее закружилась голова, и с ней случился обморок, первый в ее жизни.

Иду на работу. Открываю дверь. Первое, что вижу, — кровать, на ней измученная женщина, рядом с ней под одеялом ребенок с повязанной шеей. У кровати, как зверьки, прижались друг к другу еще трое ребятишек в пальтишках. У противоположной стены дверь, поставленная на кирпичи, на ней одеяло и несколько серых подушек. Горшок, ведро и стул — вся обстановка. “Кто вы, зачем вы пришли?” Объясняю, что прислан юденратом починить плиту и печку. Справляюсь, нельзя ли ей чем-нибудь помочь. “Чем вы можете помочь, у меня желчные камни и, кажется, рак. Нам нечем топить и нечего есть”.

В кухне стоит пришибленный человек, его зовут Хаим. Он собственник этого богатства. Начинаю работать. Хаим засуетился, побежал за горячей водой, словом, ожил. Видно, ему страшно оставаться наедине с семьей, он рад чужим людям. В кухне полутьма, часть окна заклеена бумагой. На полу несколько горшков, грязная посуда, корзинка мерзлой картошки, ящик — это все. Холод жуткий. И опять из-за двери раздается жалкий, страдальческий голос: “Бедный, мой бедный Хаим, на кого я вас оставляю, что ты будешь делать с этими червячками без меня?”

Стук в дверь. Хаим впускает молодого человека, говорящего по-немецки с заграничным акцентом. Это чешский эмигрант, он никого в гетто не имеет, три дня он ничего не ел, может, что-нибудь для него найдется. Хаим, ни слова не говоря, вытаскивает горшок, в нем вареная в шелухе картошка, еще теплая. Откуда-то он достает чашечку с солью. “Кушайте прямо из горшка, тогда она не так быстро стынет, кушайте, сколько хотите, картошки хватит, не стесняйтесь”. Хаим выражает сожаление, что у него больше ничего нет. Парень голоден, но он видит, что его угощает нищий, да еще упрашивает другого нищего не стесняться! На прощание Хаим насильно запикивает парню в карман несколько картофелин.

Дни летят, работы все больше и больше. Но в гетто распространяются слухи один другого фантастичнее. Стараюсь на них не обращать внимания и не думать о них.

В гетто новое объявление: все евреи обязаны немедленно заявить полиции о скрывающихся в пределах гетто неевреях. В случае невыполнения приказа пострадает все гетто. [Говорят, что в гетто скрываются немецкие дезертиры. От знакомого узнал, что была облава, двоих поймали,

судя по описанию, один из пойманных тот самый нищий, что выдавал себя за чеха, которого я встретил в доме по Даугавпилсской. Жаль парнишку, теперь вместо картошки получит пулю.] По субботам я для юденрата не работаю, у меня “выходной день”.

В эту субботу решил отдохнуть и никуда не ходить.

Хотим с Димой лепить снежную бабу, но снег слишком сухой. Сидим дома, держу его на коленях, читаю пушкинскую “Сказку о попе и работнике его Балде”. Это Диминая любимая сказка, и он может слушать ее без конца. На ковре шалит Лидочка.

Слухи, слухи без конца.

Говорят, что в гетто оставят только работоспособных мужчин, а женщин и детей отправят в лагерь, может быть, в Люблин¹: само гетто будто бы нужно для другой цели. Все это очень тревожит, люди теряются в догадках и предположениях. Еще только на днях юденрат получил распоряжение выстроить баню: целое здание дали для устройства различных мастерских. Если гетто устроено всего на несколько месяцев, то зачем надо было выселять из него неевреев и зачем мы ведем все это “строительство”?

Еврейские врачи будто бы получили приказ всех опасно больных лишать жизни. В Германии, по слухам, в больнице всех тяжелобольных и просто слабых, нежизнеспособных людей отравляют сладким кофе.

Гетто до крайности взволновано. Но нет шума, крика, нет оживленных бесед. Наоборот, тихо, как на похоронах. Все ждут чего-то страшного, все чувствуют, что гроза разрядится слезами и кровью.

С минуты на минуту ждем нового приказа. Промелькнуло слово “акция”. Сначала оно прошло как-то мимо нас, мы его не поняли.

Ждать пришлось недолго. Появились сразу два приказа:

Приказ № 1: [28 ноября 1941 года (может быть, я ошибаюсь на несколько дней, точно числа не помню),] в семь часов утра по Садовниковской улице должны собраться все мужчины, начиная с семнадцатилетнего возраста.

Приказ № 2: все неработоспособные мужчины, все женщины и дети должны приготовиться к переселению в лагерь, каждый имеет право забрать с собой вещи до двадцати килограммов. О дне и часе переселения будет объявлено особо.

После второго приказа приказ № 1 как-то отступил на задний план. Все старики без исключения поняли, что им вынесен смертный приговор. Тяжело видеть их — смертников, не знающих за собой никакой вины. К Але пришла ее тетка Софья Осиповна, очень сдержанная старушка. Она сидит как будто спокойно, только слезы непрерывно текут. У нее сын в Америке, никого нет, она просит меня и Алю, когда наступят хорошие времена, передать ему привет, но не рассказывать, как она кончила свою жизнь. “Зачем сыну лишнее огорчение?”

Все соседи снабжают друг друга чем могут. Теплые вещи, обувь, провизия — все стало общим. Сегодня все щедры и от души делятся всем. Сегодня больше нет “моего” и “твоего”, сегодня есть только “наше”.

По дороге захожу к Магарiku. С его женой целуемся, как брат с сестрой. Мне все женщины стали дорогими и любимыми, мне их так жаль, они ге-

1 Возле Люблина функционировал лагерь смерти Майданек. — Г. С.

ройски держатся. Женщины, я убедился в этом, лучше переносят серьезные потрясения. Дети инстинктивно чувят свою гибель, они тихи и пришиблены, у них ни капризов, ни слез, ни суеты. Мои тоже, как мышки, куда-то забились. Мама движется с окаменелым лицом. Аля отбирает для меня теплые вещи. Теперь вечер, завтра чуть свет — уходить. Вернусь ли, увижу ли когда-нибудь моих дорогих?

Мы знаем, что это наша последняя ночь вместе. Увижу ли я еще Алю? С мамой я больше никогда не проведу ночи под одной крышей — в этом я уверен. Любимая бедная мама, прости меня, что я бессилен сберечь твою старость.

Мирно тикает будильник, стрелка безжалостно совершает свой путь. Часы проходят. На плече у меня голова Али, рубашка в этом месте становится мокрой. Беззвучные тяжелые слезы. Что происходит в ее душе, в тысячах таких женских душ — этого никто не знает, да и нельзя передать этого словами. Будильник все тикает.

На дворе уже суетятся люди. Стоят кучками, маленькими группами. Темно, лиц не видно.

Улица уже полна народу. Выхожу из рядов, забираюсь на крыльцо дома, чтобы увидеть, какой длины колонны. Это странное и страшное зрелище. Оно напоминает грандиозные похороны. Многих стариков ведут под руку молодые. Колонна медленно ползет вперед, на Садовниковской улице останавливается. Видно, власти опасаются “восстания рабов”, потому что то и дело встречаются группы из четырех-пяти до зубов вооруженных фашистов.

Лютый мороз. Чтобы не замерзнуть, большинство приплясывает. Если не глядеть на лица, а только на ноги, можно подумать, что людям весело. Постепенно колонна теряет свой вид и превращается в большую толпу. Люди меняют свои места, разыскивают знакомых. Издали вижу своего учителя Григория Яковлевича¹. Он стоит, опираясь на палку. Его глаза распухли от слез и от мороза, они превратились в еле заметные щелочки. Он смотрит на меня, и у него начинают дрожать губы. От волнения он долго не в состоянии вымолвить слово. Он держится за мою руку и судорожно ее пожимает: “Прощай, Элик, последний раз тебя вижу. Тяжело сознание, что скоро я буду уничтожен как старая, никому не нужная тряпка. Будет уничтожена и моя Фанни. Смотри, не падай духом, ты еще молод, ты еще доживешь до светлых дней. Вспоминай иногда своего старого учителя и друга. Дай я тебя на прощание поцелую”.

В эту минуту приходит полицейский и выкрикивает распоряжение, что все инвалиды и перевалившие за шестьдесят лет могут отправляться по домам.

Толпа ожила и зажужжала. Вдали слышна команда и громкие немецкие голоса. Быстрым шагом по тротуару приближаются Станке, Тухель и остальные.

Станке обходит наш фронт, как на параде. Речь и приказ его лаконичны: “Теперь два часа, бегом по домам, забрать свои пожитки и к двум с половиной часам собраться у ворот ‘малого гетто’. Марш!”

1 Григорий (Гецель) Яковлевич Рамм (1867–1941) — педагог, общественный деятель. — Г. С.

Запахавшись, вваливаюсь в дом. Уже десять минут третьего, через двадцать минут надо быть у ворот. Необходимые вещи летят в чемодан, инструменты — в мешок, одеяло, подушка — в узел. Десять минут могу посидеть “спокойно”. Узнаю новости — Лиза [Ракузина]¹ родила ребенка, роды были очень тяжелые, но теперь и она, и ребенок “вне опасности”.

Уславливаемся с Алей, что куда бы нас ни отослали и что бы с нами ни случилось, при первой возможности мы даем знать о себе нашим друзьям в Зассенгофе.

Мы всегда, таким образом, сможем найти друг друга. С мамой такого уговора нет, он лишний. У мамы губы холодные, лицо каменное. Девочка спит, лежа на животике, из-под одеяла вылезает розовая пяточка. Я прижимаюсь к ней, пяточке щекотно от усов, и ножка исчезает под одеялом. Диму прижал сильно-сильно. Но он не крикнул. Что с ними будет, куда их денут? Почему? За что? Ненависть, отчаяние, надежда сплетались в один ком. Он давит и сжимает горло. Самые сильные страдания причиняет нам не наше личное горе, а горе наших близких и любимых.

У ворот “малого гетто” толпа. Стража следит за порядком, иногда работает прикладом. У ворот, как статуя, стоит красавец офицер, новый помощник коменданта гетто². Он красив, такие глаза, как у него, редко встретишь. Но это нечеловеческие глаза, а просто органы зрения. Они — как светлое прозрачное стекло, как мертвый красивый камень. В них нет ни злобы, ни скуки, ни любви, ни ненависти: они видят, но ничего не выражают. Искать жалости, пощады в этих глазах так же безнадежно, как заставить их смеяться.

Герцмарк встретил своего знакомого — С. Финкельштейна. Жил он на Ликснас, 26, и намеревается попасть в свою квартиру. Предложил и нам устроиться там же. Торопимся, чтобы прибыть туда прежде других. В этой квартире Финкельштейн еще вчера жил со своей семьей. У него жена и двухлетняя дочь. У него каждая мелочь, каждый предмет вызывает образ жены и девочки. Минутами он напускает на себя удаль, но внезапно на него находит волна отчаяния, и он валится на пол, трясется от рыданий.

Между Б[ольшой] Горной и Лудзас — Вилянгу улица, короткая и широкая, как площадь; у Б[ольшой] Горной новые ворота, ведущие из гетто на “волю”. Вся улица полна народу. Кое-где строятся в колонны. Расхаживают немцы, набирая людей.

Моя колонна носит название “Кабель”. Некоторые мои товарищи по несчастью, знающие, что значит это слово и какая тяжелая работа ждет нас, ищут случая улизнуть. Наконец колонна в сто двадцать человек набрана. С Московской сворачиваем на узенькую улочку, ведущую мимо фабрики Брауна, и выходим на Двину. На острове лесопильный завод, а остров соединен с берегом дамбой. Вдоль этой дамбы длиной в двести — двести пятьдесят метров и прокладывают знаменитый кабель. Место для работы зимой неуютное, ветер так и свищет, и мороз сильный.

У фабричной конторы навес, под ними кирки, лопаты, ломы. Ямы роют приблизительно на расстоянии в 3,5 м одну от другой, потом дно ям сое-

1 Елизавета Ракузина (1908–1941). — Г. С.

2 Альберт Данцкопс (1911–?) — бывший лейтенант латвийской армии, начальник внешней охраны Рижского гетто. В конце войны бежал с гитлеровцами. По некоторым сведениям, умер в 90-х годах в Канаде. — Г. С.

диняют туннелями. Прокопать их можно только лежа на боку или на животе. Самое неприятное и трудное — добраться до мягкого песка. Не зная земляных работ и не умея обращаться с мерзлой землей, это так же трудно, как вырыть яму в камне. Мне часто приходилось зимой вкапывать заборные столбы, да и на военной службе копал землю, так что меня это не пугает. Физически слабому человеку, конечно, эта работа не под силу, и для него она мука.

У нас три начальника. Главный инженер — немец. Крупный мужчина с обветренным красным лицом, холодными крошечными глазками, узкими губами и широким подбородком. Говорят, что в молодости он был любителем бокса и в разговоре — для большей убедительности — любит пользоваться кулаками, а иногда и ногами. Работаем по двое над одной ямой. Один из нас откалывает ломом куски мерзлой земли, другой ее отбрасывает в сторону. Не работать на голодный желудок — замерзнешь, мороз наш самый лучший погонщик. Днем, в течение тридцати минут, нам разрешают постоять вместе — считается, что мы пообедали. В помещение нас не пускают, там рабочие завода, а мы с ними не имеем права разговаривать. Некоторые рабочие уходят с завода на обед домой. Среди них узнаю хорошего знакомого, мы были с ним большие друзья на фабрике, сотрудничали в разных комиссиях и МОПРе. Незаметно для других сталкиваюсь с ним на дорожке, и несколько минут идем рядом. Он сует мне в карман горсть папирос. “Фронт приближается, вот мой адрес. Может быть, он вам пригодится”. Незаметно пожимаем крепко друг другу руки.

Вторая половина дня проходит так же, как первая, только трудней работать — очень холодно и хочется есть. Темнеет. Немцы нас наскоро подсчитывают, и мы трогаемся. Вот уже забор гетто, видны ворота. Через мгновение по колонне проносится слово “акция”. В гетто была “акция”!

Последние десятки метров мы не шагаем, а бежим. Стража в воротах нас не пересчитывает, обыска нет. Часовой не смотрит на нас — неужели у него зашевелилась совесть? На бегу узнаю, что часть “большого гетто” ночью была уведена, было много убитых, весь день работали рабочие команды по уборке трупов. Бегу к воротам. Постовой, повернувшись к нам спиной, смотрит куда-то в сторону, теперь никто из них не смотрит нам в глаза. Наконец я за воротами, я в “большом гетто”. Улица пуста, ставни закрыты, многие окна затемнены. На краю тротуара следы подков, конский помет и лужи крови. Лужи, пятна, полоски, отдельные капли. Видно, что улицу убирали, но местами встречаются втоптаннные в снег перчатки, детские гаалоши. То и дело наступаешь на маленькие медные трубочки — гильзы револьверных патронов. Не замечаю, как попадаю ногой в кровь. Странно — мороз, а кровь еще липкая.

У нас во дворе ничего не изменилось. Еще светло, но окна в нашем домике затемнены. Стучу два раза в окно, это условный знак. Мне открывают мама и Аля. На них нет лица. В квартирке необычайный беспорядок, посуда не мыта, кровати не постланы. Всю ночь не спали, сидели, не раздеваясь, и ждали, что за ними придут. Детей уложили одетыми. Вечером уже узнали, что на Католической, Садовниковской и Московской “началось”.

Улица усеяна трупами стариков. Для экономии и удобства их расстреляли в самом гетто.

В эту ночь многие покончили с собой, в том числе несколько врачей. Алина двоюродная сестра Леля Бордо¹ перерезала на руках артерии себе и своему пятилетнему сыну Жоржику. Их утром нашли в постели залитыми кровью. Жоржик был уже мертв, мать в больнице, ей сделали переливание крови, и она будет жить. К чему спасать Лелю? Постарайтесь вдуматься, на мгновение понять, что должно происходить в душе такой матери, когда она бритвой перерезает артерии на ручках своего маленького сына.

Лужи крови стали обычным явлением в этот день. Мы проходим мимо них, попадаем ногами. На углу Даугавпилсской и Лудзас заходим в дом. Первое, что бросается в глаза, — разбитая топором входная дверь. Первая квартира раскрыта настежь. Кровати разрыты, на полу подушки, одежда, хаос всяких вещей. На столе разные объедки, недопитый чай. Видно, что люди были выгнаны неожиданно и в спешке. В квартире налево дверь полуоткрыта, сильный сквозняк. Проходим через кухню в комнату, в ней разбито окно и гуляет ветер. На кровати кто-то лежит. Подходим и вглядываемся в лицо покойника. Старик, небольшая седая борода, глаза стеклянным взором упираются в потолок.

Не знаю для чего, прикрываю его опять, даже слезу, чтобы не было щелей — окно ведь выбито. Для первого впечатления достаточно.

Мама, впуская меня, делает знак, чтобы не шумел. В неубранной комнате, на неряшливой кровати, прикрывшись пальто, спит Аля. Дети тоже уснули, хотя всего семь часов. Алю и детей мама поцелует за меня, надо топиться.

Те, кто лишился своих, чьи семьи уже утнали, уверены, что и остальных выселят. Они больше не надеются ни на что и смотрят на вещи ясно; они в отчаянии, но трезвы. Мы, у кого родные еще “дома”, отравлены надеждой. Мы еще слепы. Мы все еще не понимаем всей жестокой последовательности системы “акций”.

Двое обитателей нашей квартиры работали по уборке и зарыванию трупов. Убитых в пределах гетто было не то пятьсот, не то шестьсот². Как правило, стреляли только в старых и больных, и, может быть, случайно убиты несколько молодых и детей. Стреляли в голову — знаменитый “копфшусс”³.

Утром, чуть свет, собираемся на место сборища. День проработал в гавани, грузил уголь. Был опять на “Кабеле”, ужасно промерз. В “большое гетто”, к семьям, нас эти [дни] не пускают, но полицейские уверяют, что там все спокойно. О том, что стало с первой партией выселенных, ничего толком не знаем. Слухи идут самые разнообразные, среди них один совсем фантастический, будто ни в какой лагерь никого не отправляли, а партиями увели в ближайшие леса и всех без исключения перестреляли из пулеметов. В полиции нам сказали, что мы сможем раз-два в неделю навещать семьи.

Сегодня, придя с работы, узнал, что пускают в “большое гетто”, — своих не видел шесть дней, а в наших условиях шесть дней — это вечность. Не заходя к себе, побежал к воротам. Часовой греется у огня и не интересуется ничем; я беспрепятственно выхожу на Лудзас улицу. За эти дни выпал све-

1 Елизавета Бордо (урожденная Гуревич, 1904–1941). — Г. С.

2 В ходе “акции” 8 ноября было застрелено около 300 человек. — Г. С.

3 Выстрел в голову (нем.).

жий снег, и улица покрыта белым ковром, скрывшим все следы недавней трагедии. Пустынность гетто бросается в глаза. Из этого района ведь никого не выселяли, дома набиты людьми, а какая безлюдная улица, какая зловещая тишина! Спешу, чтобы не потерять драгоценных минут. Наш двор занесен снегом, только узкие тропочки ведут от дома к дому.

Мы почти не разговариваем, сидим близко-близко и гладим друг друга руки.

Нарубил на неделю дров, починил в плите трубу, поел картошки с солью, — и вот уже опять надо прощаться. Прощай, мама, прощайте, детки, прощай, моя родная Аля, может быть, через неделю опять приду, а может быть, прощаемся навеки.

За мной закрылась дверь. На небе первые звезды, под ногами скрипит снег. Хочется полной грудью вдыхать зимний воздух, но что-то невыразимо сжимает грудь.

За время моего отсутствия увеличилось население нашей квартиры. Появилось несколько совсем старых людей. Они старательно побрили бороды, даже головы, чтобы не было видно седых волос. Изю всех сил они хотят казаться молодыми, работоспособными.

Понемногу начинают укладываться на покой. В наших комнатах темно, слышно перешептывание, отдельные слова, затем наступает гнетущая тишина. Но что это, как будто где-то стучат, совсем близко, и вдруг ночную тишину разрывает дикий крик: “Ауфмахен, швейнехунде, одер вир шисен!”¹ Мигом мы у окна. Благодаря снегу и луне, все ясно видно. Напротив, у двухэтажного дома, группа вооруженных людей стучит в дверь, вдоль нашего ограждения усиленная солдатская охрана. Мигом по квартире проносится слово “акция”. Крик и ругань усиливаются, раздается выстрел, блеснул [топор, разлетелись ставни погребного помещения. В погреб] свет, в окно влезает солдат, и через несколько минут парадные двери открыты. Мимо открытого окна промелькнула женщина с дорожным мешком на спине. Со стороны “большого гетто” слышны отдельные выстрелы. [Там происходит то же самое.] Из дома напротив начинают выходить согнутые фигуры. Их выстраивают по две в ряд, у многих женщин на спинах мешки, а на руках дети. Взад и вперед шагают солдаты с папиросами в зубах. На дворе мороз, а женщины с детьми все стоят и стоят. Скоро час ночи. Наконец после половины второго ночи раздается команда, и под веселый говор и брань колонна двинулась по направлению к Лудзас улице. Все чаще и чаще раздаются выстрелы. Каждый выстрел — это конец чьей-то жизни. Лежу на кровати, тела не чувствую, души не чувствую — как деревянный.

Неужели и маму, Алю, Диму и дочку выгнали из дому? Почему, за что? Нет, это неправда, это мне снится.

В доме уже движение, утро, но на дворе еще темно. Я сегодня на работу не пойду, я должен знать, как прошла “акция”. Чтобы не быть схваченным охотниками за рабами, иду с Герцмарком в технический отдел. Там уже все известно. Прошлой ночью угнали все оставшееся население гетто. На улицах большой беспорядок, к девяти часам должна собраться рабочая команда для уборки. Технический отдел обязан представить людей для работы на...

1 Откройте, собаки, свиньи! А то стрелять будем! (нем.)

кладбище. Присоединяюсь к ним. Из склада вытаскиваем лопаты, кирки, ломы. На всех лицах видны следы бессонной ночи. Все серы и молчаливы.

Солнце взошло, незаметно наступило светлое утро. Улиц в “большом гетто” не узнать. Где вчерашний снег? Он исчез, умят, придавлен и загажен. Я видел улицы после отступления армии, с разбитыми орудиями и повозками, трупы людей и лошадей, всевозможный военный хлам, но то были следы боя, а здесь следы бойни. Улица залита кровью, белый снег за ночь стал серым с красными разводами. Трупы — старики, женщины, дети! Помятые колясочки, детские санки, сумочки, перчатки и галоши, мешочки с продовольствием, бутылочка с соской, в ней замерзшая овсянка, детский ботинок. Трупы еще теплые и мягкие. Лица залиты кровью, глаза открыты.

Мы должны доставить трупы на кладбище. Укладываем по два на санки или тележку. Когда везем их на тележке, то они колышутся, как живые, а кровь комьями падает в снег.

Мы возим трупы пока за ворота кладбища, там складываем их рядами — мужчин и женщин отдельно. Члены общины разыскивают у убитых документы. Привезли мальчика лет двенадцати. Прелестный, красивый ребенок в серой шубке с меховым воротничком, в новых сапожках. Он лежал на спине с широко открытыми голубыми глазами. Револьверная пуля попала в затылок, и только часть воротничка залита кровью. Он лежал, как кукла, и как-то не верилось, что еще недавно он был живым и, наверное, веселым ребенком.

Нас сменили другие, и теперь мы идем копать могилы. Роем яму у сожженной кладбищенской синагоги¹. Земля так замерзла, что приходится откалывать куски, как от камня. Не замечаешь, как из закушенной губы идет кровь. Нет ясных мыслей, все какие-то обрывки.

Внешне спокоен, закуриваю, сплевываю кровь и продолжаю кусать губы. Наконец, мы пробили замерзший слой земли, вырубая корни, и яма начинает заметно углубляться. Могила большая, приблизительно два метра на пять. Мы уже по грудь в земле, выроем еще метр и начнем хоронить. Часть трупов уже перенесли и пока уложили подле уцелевших стен синагоги, некоторые прислонены в полусидячем положении.

К нам подходит полицейский и предупреждает, чтобы теперь никто не выходил с кладбища и не подходил к ограде. Оказывается, что некоторые — крайние — улицы не успели за ночь очистить, и сейчас проведут последнюю колонну. Полицейский предупреждает, что любопытных будут расстреливать. Прислушиваемся и ждем. Ждать пришлось недолго, раздаются знакомые окрики. Над оградой появляются головы и плечи конных стражников, за оградой — шарканье многих ног. Железные ворота кладбища не достигают до земли на 25–30 сантиметров. Стоя в яме, можно видеть бесконечное количество ног. Ноги движутся осторожно, мелкими шажками, точно боясь поскользнуться. Все женские, мелькают маленькие детские ножки; кто-то ощупывает дорогу палкой. В маленьком домике напротив кладбища, в мансардной комнате, раздвинута занавеска, и в окно видны лица нескольких женщин. В них выражение ужаса, немой упрек и сочувствие. Ноги жертв и головы всадников. Как много ужасного говорят эти

¹ Имеется в виду молельня на Старом еврейском кладбище, сожженная вместе с людьми 4 июля 1941 г. — Г. С.

ноги, и сколько наглости и удовлетворения в этих головах и плечах. У нас нет оружия, есть только ненависть и жажда мести, этим горю не поможешь. За оградой удивительная тишина, изредка слышится детский плач или окрик погонщиков. Ног больше не видно, всадники медленно удаляются. Одна из женщин в окне подносит к глазам платок. Занавеска опускается. Перед нами спокойно лежат и полусидят трупы. Их лица не изменились...

Яма готова, но хоронить будет другая смена; она уже явилась, и мы можем пойти отдохнуть. Почему-то снимаю с руки обручальное кольцо и зарываю на дно могилы. С ним я хороню прошлое и надежду.

Идем к первым воротам, чтобы взглянуть на новопривезенные трупы, может быть, среди них будут близкие. Идем по узкой, снежной дорожке среди старых могил. Солнце уже низко и бросает длинную неровную тень. На этом кладбище похоронен мой отец. Кладбище старое, на нем уже много лет никого не хоронили. Не ждало оно такого наплыва покойников. У ворот ряды трупов не уменьшаются. Вхожу и приглядываюсь. Несколько знакомых лиц — старики. За кустами, метрах в семидесяти, налево от ворот, к готовой могиле спешно несут трупы. Носилки как будто окрашены в красный цвет, так обильно пропитаны они кровью.

Солнце все ниже. Надо торопиться с работой. Ямы быстро засыпают мерзлым песком. Вырастает большой светло-желтый бутор. Все тихо, только за оградой движение, слышно поскрипывание саней и тележек, направляющихся на кладбище. И вот, как бы по молчаливому уговору, сорок-пятьдесят евреев становятся полукругом, лицом к востоку, у могилы. Вперед выходят те, кто только что похоронил своих матерей и отцов. Я не молось — стою, как замороженный, не ощущая тела, только сердце готово выскочить из груди, по затылку ползут мурашки.

Я слов молитвы не понял, и смысл ее мне непонятен, знаю только, что картина эта каленым железом выжжена в моей памяти.

Сумерки. Улица, по которой мы проходим, еще не убрана; трупов нет, но на их месте остались пятна.

Наша квартира полна народу. О происшедшем стараемся не говорить, по крайней мере, сейчас.

Прилег и тотчас заснул без снов и кошмаров. Часам к десяти проснулся. Медленно прихожу в себя. Напротив на тахте сидит Герцмарк, сжав голову руками. Глаза его полны слез, но лицо сухое. Губы его только повторяют без конца: “Бедные, бедные”. Как ножом полоснуло по сердцу. Мигом все предстало в живых и ярких красках. Я увидел, как в нашем маленьком домике разлетаются двери, как в него врываются люди с зелеными повязками. Аля наспех закутывает Диму, выхватывает из кровати сонную девочку. Мама помогает дрожащими руками. Аля с мешком за плечами толкает колясочку с девочкой. Мама — тоже с мешком на спине — ведет за руку Диму. Они становятся в колонну, ждут, мерзнут, ждут. Что было у них на душе, что они переживали? Эту тайну они унесли с собой.

ДВИНСК²

Мне шестнадцать лет. Когда пришли немцы, мне было двенадцать. Я тогда перешел в пятый класс. Мы жили в Двинске, на улице Райниса, 83/85. Мой отец, Илья Шпунгин, был фотографом. Были у меня мать и шестилетняя сестра Роза.

Когда пришли немцы, мы всей семьей, со многими друзьями ушли из Двинска пешком. Шли под бомбежкой. Дошли до самой Белоруссии, и тут немцы нас обогнали, перерезали нам путь. Мы поняли, что дальше не проберемся, и вернулись в свой город.

В Двинске евреев ловили на улицах и уводили в тюрьму, где над ними очень издевались. Их заставляли без конца ложиться на землю и вскакивать и пристреливали тех, кто не мог делать это быстро. Мы не дошли до своего дома, наш дом сгорел, и мы на некоторое время поселились у бабушки, а потом нас перевели в гетто. [Это было “счастьем”, потому что в тюрьме расстреляли много народу. Их убивали во дворе и в Железнодорожном саду.]

20 июля все евреи, оставшиеся в живых, оказались в гетто. Оно было устроено на другом берегу Двины, напротив крепости, в старом здании. Немцы сами говорили, что оно не годится и для лошадей. С нами был доктор Гуревич³. Он сказал, что дети не проживут здесь больше двух месяцев. Но дети прожили дольше.

Было очень тесно и грязно. И очень холодно: жили без стекол, а здание было каменное. Приблизительно недели через две немцы велели всем старикам собраться во дворе и сказали, что их переведут во “второй лагерь”. Вместо этого стариков расстреляли. В то же время расстреляли всех, кто приехал в Двинск из других мест. Вещи убитых палачи брали себе.

Потом началась “сортировка”. Это делалось почти каждый день. Собирали людей и делили их на две группы. При этом никто не знал, почему его

1 Семен Ильич Шпунгин (р. 1929) во время нацистской оккупации вместе с другими членами семьи был заключен в гетто. Родители и младшая сестра погибли. В октябре 1943 г. Семену удалось бежать. Скрывался под чужим именем. В 1944 г. в Москве познакомился с писателем Ильей Эренбургом, который принял большое участие в его судьбе. В 1954 г. окончил факультет журналистики МГУ, работал в смоленской областной газете “Рабочий путь”. С 1957 г. более 30 лет работал в Риге в латвийском отделении ТАСС (Латинформ) корреспондентом. С 2000 г. живет в Израиле (Бат-Ям). В изложении рассказа С. Шпунгина несколько нарушена последовательность событий. См.: Шпунгин С. *До и после побега: воспоминания*. Рига, 2014. С. 21–51. — Г. С.

2 Двинск — историческое название Даугавпилса. По переписи 1935 г. в городе насчитывалось 1106 евреев (24,6 % населения). — Г. С.

3 Рувен Маркович Гуревич (1881–1944) — врач. Покончил с собой в концлагере Кайзервальд. — Г. С.

включают в ту или иную группу и что будет с его группой: поведут на работы или на расстрел.

Палачи очень часто бывали пьяные.

Было очень холодно. А немцы еще объявили вдруг “карантин”. Во время карантина нельзя было уходить в город даже на работу. А выдавали нам 125 г ужасного хлеба и воду с гнилой капустой. Люди начали пухнуть от голода. Одна женщина, у которой было семь детей, по фамилии Меерова, тайком пыталась попросить хлеба у рабочих, работающих возле гетто. Ее поймали и расстреляли на глазах у всех¹. Детей ее убили 1 мая 1942 года.

Я заболел брюшным тифом, и меня спрятали в самом гетто, чтобы немцы не убили; я поправился.

Наша семья жила до 6 ноября. Мы даже удивлялись, что все четверо еще уцелели. Папа работал; он тайком приносил немного еды. Он не доедал того, что ему давали на работе, и тайком приносил это в гетто.

6 ноября началась большая сортировка. Одна женщина, которая стояла недалеко от нас, бросилась бежать. Ее не поймали, и немцы объявили, что за нее расстреляют десять других. Уже отобрали мою мать и сестру, и они вышли из рядов. Должен был идти и я. Но я схватил маму за руку, а она держала сестру, и я втащил их обратно в толпу. А толпа была густая, и немцы этого не заметили.

9 ноября мужчины, которые работали у немцев, в том числе мой отец, ушли. А после их ухода всех выгнали во двор. Велели сперва, чтобы из толпы вышли члены назначенного немцами “комитета”, а потом — чтобы отдельно построились медицинские работники с семьями. Не знаю, как я догадался, что остальных убьют. Я бросился к медицинским работникам и стал умолять, чтобы кто-нибудь объявил нас своими родственниками. Зубной врач Магид, у которой была маленькая дочь, сказала мне: “Хорошо”. Тогда я кинулся к матери и сестре. Но уже не нашел их. Я обегал всех, я кричал: “Мамочка! Роза!” Никто не отзывался. Оказалось, что одну партию немцы уже увели. Вероятно, мама и Роза были в этой партии. А я помнил, как я все спрашивал маму, когда нас вывели во двор: “Мама, куда нам идти?” И Роза тоже спрашивала маму, куда идти. Мы ведь понимали — и Роза тоже, — что одних будут убивать, а других оставлять. А мама отвечала: “Не знаю”. [Я хотел отвести Розу, а потом маму к медицинским работникам и умолить кого-нибудь, чтобы их тоже выдали за членов семьи.] Но я опоздал.

Вечером вернулся папа и те, кто работали с ним. Папа уже что-то знал. Он сразу спросил меня: “Мама есть? Роза есть?” В гетто поднялся ужасный плач. Очень много мужчин не нашли больше никого из своих семей. И папа ужасно плакал. Немцы сказали, что будут стрелять, если плач не прекратится.

Убивали всю зиму. Мы с папой остались одни. На случай новой “сортировки” мы условились, что спрячемся в одном тайнике. [Один раз

¹ В донесении начальника гетто говорилось: “19 февраля с. г. в еврейском лагере была задержана еврейка Хая Мейерова, 1893 года рождения, которая обменяла кусок материи у какого-то рабочего-ремонтника концентрационного лагеря на муку, весом около 2 килограммов. В соответствии с распоряжением немецкой полиции безопасности еврейка Мейерова сегодня в 10 часов была расстреляна во дворе лагеря в присутствии остальных евреев лагеря. Рабочий, обменявший муку на материю, не обнаружен. При сем: мешочек с мукой”. См.: *Мы обвиняем: документы и материалы*. Рига, 1967. С. 184. — Г. С.

я не успел там спрятаться и просидел целый день в уборной по горло в нечистотах. В уборную приходили, но меня не заметили.]

Зимой во дворе при всех повесили женщину по фамилии Гительсон. Ее поймали в городе. Она имела право быть там, но она не надела еврейского знака и шла по тротуару, но не по мостовой, как было приказано евреям. Мы не имели права ступить на тротуар. И еще повесили одну девушку, фамилии которой я не знаю, а звали ее Машей, — она пыталась скрыть, что она еврейка. [Вешать заставили одного еврея, фамилии которого я не знаю. Он отказался, его били. В конце концов немцы сами накинули петлю, а его заставили под прицелом автомата выбить скамейку из-под ног Маши. Несколько немцев снимали это.]

Помню еще, как вечером прибежали полицейские и сказали, что у них сломалась машина и что им нужна веревка. Им дали цепь, они сказали, что цепь не годится. Тогда все поняли, что веревка нужна им не для машины, и мы сказали, что веревок у нас нет. Они долго ругались, потом уехали. Потом оказалось, что они везли кого-то на казнь и решили повесить его, но у них не было веревки.

Следующая большая сортировка с убийствами была 1 мая 1942 года. Нас уже оставалось совсем немного — может быть, тысяча пятьсот. После 1 мая осталось триста семьдесят пять человек, не считая тех, кто работал [на немцев]. Люди часто говорили: “Чем мы лучше наших родителей, наших жен, братьев, сестер и детей? Разве мы можем жить, когда они убиты?” Бежать было некуда, наш город маленький, скрываться нельзя. Где партизаны — мы не знали¹. Все-таки кое-кто вооружился. Оружие взяли на немецких складах в крепости, где работало много наших. Я спрашивал папу — не воровство ли это. Но папа сказал, что немцы забрали у нас все, убили наших близких, убивают весь еврейский народ, и, значит, все, что мы можем сделать против немцев, это не преступление, а война. А оккупанты не солдаты, но преступники. [Молодежь убегала к партизанам. Нам с папой было трудно сделать это. У нас не было оружия, папе трудно было уйти с того места, где погибли мама и Роза, и он боялся за меня. Мне тогда было тринадцать лет.]

23 сентября [1943 года²] ночью (вернее, под утро) вдруг прибежали тайные часовые, которых мы сами выставляли, и закричали: “Евреи! Кажется, очень плохо! Гестаповцы приехали”.

Оказалось, что гестаповцы уже во дворе. Они могли приехать только для убийства. Я крикнул папе: “Папочка, я на старое место!” — то есть на наше условленное место. И бросился бежать, думая, что отец бежит за мной. Наверное, он и бежал за мной. Но к нашему месту уже нельзя было пройти: дорога была отрезана. Я кинулся под лестницу, потом через окно выскочил на улицу. Было очень темно. Я подождал минуту — отца нет. Началась перестрелка между нашими и гестаповцами. Потом мне рассказали уцелевшие, что в эту ночь, в ожидании смерти, много людей отравилось (они припасли яд), вешались, чтобы не попасть живыми в руки гестапо. Говорят, что

1 Значительного размаха на территории Латвии партизанское движение достигло только в 1944 г. — Г. С.

2 В действительности — в ночь с 27 на 28 октября 1943 г. — Г. С.

Фейгин припрятал очень длинную веревку и давал каждому кусок, кто хотел повеситься, и даже помогал им повеситься, а под конец повесился сам. Некоторые из спасшихся это сами видели.

В темноте я столкнулся с двумя взрослыми и одним мальчиком моего возраста, которые бежали, как я. Мы пошли по дороге. Взрослые скоро отстали: вчетвером мы слишком рисковали быть замеченными. До вечера мы с мальчиком (помню только, что он из Креславки¹ и звать его Нося) прошли двадцать пять километров. Я очень стер ноги. При встречах с людьми я кричал: “Ваня, где папа?” — или громко пел [русские] песни. Нося очень боялся. Переночевали мы в сгоревшем доме. Утром мы поняли, что в Белоруссию не попадем; я решил идти в Польшу. Нас наормила какая-то женщина, которой я прямо сказал, что мы бежали от немцев. Нося говорил, что надо сдаваться — все равно мы не сможем скрыться, но я его ободрял. По дороге ехал грузовик. Я решил не обращать на него внимания, а Нося остановился. Я услышал крик по-немецки. Тогда я свернул на тропинку. Скоро меня нагнал велосипедист и сказал мне, что в грузовике сидят гестаповцы и что велели мне идти к ним. Я сказал: “Не пойду”. Велосипедист сказал: “Как знаешь. Только за это можешь ответить”. Но сам он поехал дальше, а не к немцам. Я спрятался в кустах. Слышал свистки, слышал, как немцы кого-то спрашивали, не видал ли он мальчика. Нося тогда поймали.

Так я остался совсем один. Когда все затихло, я пошел дальше. Решил себя выдавать за вывезенного немцами из центральных областей СССР. Но я еще не успел придумать, что я буду говорить, как меня уже арестовали. [Пока меня вели по дороге в штаб, я успел выбросить из кармана маленькую красную звезду — в гетто я ее сберег. На допросе я заявил, что меня зовут Иван Островский, что отец мой татарин, а мать русская. Мне казалось, что надо объяснить, почему у меня густые, черные брови, и я еще прибавил, что моя бабушка цыганка. Я не знал, что немцы истребляют всех цыган. Я знал, что мусульмане подвергают детей обряду обрезания, когда им исполняется тринадцать лет, то есть как раз столько, сколько мне было. А я еще сказал, что отец мой умер, когда мне был один год, в оправдание того, что я не понимаю ни слова по-татарски. На мое счастье, немцы разбирались в этих делах так же мало, как я. Я придумал, что моя мать была прачкой и работала в “Коллективе лесного департамента” в Брянске. Все это было первое, что приходило мне в голову. О Брянске я не имел никакого понятия, и, когда меня спросили, где мы с матерью жили, я ответил: “За городом, в слободе, адреса у нас не было, и писали нам так: ‘Брянск, КЛД’. Убежать мне не удалось, и утром меня отправили в Двинск. У меня ужасно болели ноги, но с дороги я все-таки попробовал бежать, потому что понимал, что в Двинске меня, конечно, выведут на чистую воду, а то и просто узнают. Но меня поймали, избили и повели дальше.

В двинской полиции меня били и все приставали: “Скажи правду, что ты еврей, и тебе ничего не будет, а то уьем”. Но я стоял на своем. Тут мне очень повезло. Во-первых, из той деревни, где меня арестовали, так и не прислали моего документа, из которого я вырвал слово “еврей”, но по которому меня сейчас же узнали бы: ведь там значилась моя настоящая фамилия. Во-вто-

1 Креславка — историческое название города Краславы в Латвии. — Г. С.

рых, так и не пришел врач, который должен был меня освидетельствовать, чтобы установить — мусульманин я или еврей. Наконец, в сопроводительном документе из деревни было сказано, что в Двинск посылается подозрительный мальчик, выдающий себя за Ивана Островского. И это имя так и осталось за мной.]

В полиции меня сильно били. Один раз полицейский дал мне такую пощечину, что я покатился кубарем: я не встал, когда он вошел в камеру. Я уже думал, что погиб, но решил не сдаваться до конца. И вдруг меня отравили в арбейтсамт (биржа труда). [В бумаге было сказано, что “выдающего себя за Ивана Островского” надо отправить на работы. Очевидно, мне все-таки поверили.] Арбейтсамт дал мне путевку в деревню. [В ней уже было сказано просто: Иван Островский.] В деревне я и провел почти девять месяцев — до прихода Красной Армии. Там я никому не сказал, что я еврей. Только раз со сна я закричал по-еврейски. Хозяин стал меня допрашивать, но я уговорил его, что кричал по-немецки. После этого я очень тревожно спал, боясь, что опять закричу.

Когда я вернулся в Двинск, евреи, которых я встретил и которые спаслись из гетто, рассказали мне, что мой отец еще три недели прятался в городе, но немцы его нашли и убили.

Я не могу сказать точно — сколько нас было в гетто. Всего в Двинске погибли больше тридцати тысяч евреев, а в гетто, как мне кажется, было около двадцати тысяч¹. Вот фамилии тех, кто выжил: два брата Покерман, Мотл Кром с женой и ребенком, портной Антиколь, Ляк с женой и ребенком, Мулер, Галлерман и две женщины: Олим и Зеликман. Всего спаслись восемнадцать человек, но фамилии остальных я не помню. Я уехал из Двинска и не хотел бы возвращаться туда, потому что мне больно ходить по улицам, по которым ходили мои родные и столько погибших друзей, и проходить мимо нашего сожженного дома. Больше всего я хочу учиться и найти людей, которых бы я полюбил, и они меня тоже, чтобы не чувствовать себя одиноким в мире.

Подготовил к печати О. САВИЧ

¹ В гетто, организованное в Даугавпилсе 15 июля 1941 г., попало более 14 тысяч евреев из города и окрестностей (по другим данным, на сентябрь 1941 г., — 23048 человек). “Большое гетто” было уничтожено в ходе акции 1 мая 1942 г. (в живых осталось 487 узников), а “малое” (около 300 трудоспособных узников) просуществовало до 28 октября 1943 г.; почти все его узники были уничтожены, оставшихся перевели в концлагерь Кайзервальд в Риге. — Г. С.

**СОВЕТСКИЕ
ЛЮДИ ЕДИНЫ**

ПИСЬМО ОФИЦЕРОВ ЛЕВЧЕНКО, БОРИСОВА, ЧЕСНОКОВА

51

Лопавше,
Ровенская область

Мы выбили немцев с господствующей высоты и на плечах противника ворвались в населенный пункт. Немцы в панике бежали.

Радостно встретили нас жители, наперебой рассказывали о зверствах фашистов. К нам подошла гражданка Красова Вера Иосифовна и пригласила к себе. Мы увидели ужасную картину. В комнате сидели шесть человек — нет, нельзя было в них узнать живых людей. Это были тени.

Вера Иосифовна со слезами стала нам рассказывать:

Этих людей я сохраняла от немцев полтора года. Когда пришли немцы, [стали делать облавы на евреев, каждый еврей должен был носить на рукаве повязку. Затем сменился комендант и приказал носить повязку больше размером, чтобы можно было различать издали. Следующий комендант сменил нарукавную повязку на широкую ленту на груди.

Вскоре] началось массовое уничтожение евреев в городе Дубно. Их согнали на площадь, где творили чудовищные зверства — прогоняли сквозь строй, у стариков вырывали бороды, а затем заставляли танцевать, петь, молиться. После этого евреев заставляли копать могилы и ложиться в них в несколько рядов и расстреливали, а многих закапывали живыми. Сперва было расстреляно девяносто человек. Детей брали за ноги и разбивали головы, топили в ваннах. [Все это делали немки, которые, как и их мужья-звери, тоже зверели.] Затем уничтожение евреев приняло еще более массовый характер¹.

В местечке Демидовка сделали специальный лагерь, обнесли колючей проволокой и согнали туда до 3700 евреев, где их ежедневно убивали². Мне приходилось много раз наблюдать за всем этим ужасом. Однажды я встретила знакомого доктора Гринцвайга Абрама Эммануиловича, у которого я когда-то лечилась. Я предложила ему свою помощь в спасении его жизни. Но он сказал мне, что он не один. И я ночью в повозке перевезла их к себе на хутор, где стала скрывать. Но укрывать было трудно, и я решила сделать подземелье. Целые ночи, тайно от всех, я рыла подземелье и там скрывала всех, вывезенных из лагеря смерти. Об этом никто не знал, кроме моей дочки Ирины. Несколько раз немцы делали облавы и даже обыски, но моей тайны не раскрыли. Мне было очень трудно. Ночами я носила им пищу, пу-

1 В Дубно погибло более 5,5 тысячи евреев. См.: *Энциклопедия...* С. 283. — И. А.

2 Всего было расстреляно около 600 узников гетто в Демидовке. См.: *Энциклопедия...* С. 258. — И. А.

скала свежий воздух в подземелье. Все это было сопряжено с большой опасностью. Но мы с дочкой Ириной тайну хранили. Мы надеялись, что скоро придут наши и немцу не жить на нашей земле. А жизнь наших советских людей была нам очень дорога. И вот вы пришли. Эти люди впервые за полтора года увидели свет божий.

В комнате сидят шесть человек — две сестры Горынгот, Мария двадцати одного года, Анна восемнадцати лет. Худые, черные, они едва могут говорить, на их глазах слезы радости. Они все еще не верят в свое спасение. У сестер Горынгот нет родителей, их расстреляли немцы.

Сель Михель, двадцати лет, и его сестры: Ита — четырнадцати лет, Эгл — пятнадцати лет и брат Яков — десяти лет. Родители их расстреляны немцами. Двадцатилетний Михель похож на старика. Он с трудом произносит слова. Маленький Яков не может ходить, он растерянно смотрит на нас.

Наши сердца после всего этого еще больше переполнились ненавистью к трижды проклятому врагу.

Вера Иосифовна говорит:

— Товарищи! Ведь это не все, кому я сохранила жизнь. Еще четыре человека находятся в подземелье, только в другом.

И хозяйка повела нас. В сенцах мы опустились в узкий колодец, прошли по темному извилистому коридору и при тусклом свете увидели еще четырех человек. Это были: доктор дубенской больницы Гринцвайг Абрам Эммануилович, его отец Эммануил семидесяти лет, и мать Анна Яковлевна, и жена дубенского аптекаря Олейник Анна Львовна.

Мы им помогли вылезти из подземелья. Радости их не было предела, они наперебой благодарили нас и свою спасительницу.

Товарищ Эренбург! Мы решили написать вам об этом, чтобы вы о героическом поступке Красовой Веры Иосифовны, жительницы деревни Лопавше Демидовского района Ровенской области, и ее шестнадцатилетней дочки Иринки написали и чтобы узнала об этом вся наша страна¹.

С фронтовым приветом гвардии капитан Левченко, гвардии капитан Борисов, гвардии лейтенант Чесноков. П/п 39864.

23.3.44

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

¹ Эренбург обратился к председателю Верховного Совета СССР М. И. Калинину и первому секретарю ЦК компартии Украины Н. С. Хрущеву с просьбой наградить В. И. Красову, чешку по национальности, орденом Красной Звезды. В итоге Ровенский облисполком выдал Красовой 2 тысячи рублей, о чем и сообщил писателю 25 декабря 1944 года (АЯВ, Р.21.1/124). Это едва ли не единственное в СССР официальное (хоть и весьма своеобразное) признание подвига тех, кто укрывал евреев. — И. А.

**Домбровицы,
Ровенская область**

Недавно я был послан на выполнение специального задания. В одном из населенных пунктов прифронтовой полосы, где я остановился, хозяйка очень хорошо меня приняла. Она рассказала про все, что пришлось пережить мирным людям за годы немецкой оккупации. Во время нашего разговора в хату вошла девочка. Увидев меня, она убежала. Я удивился, спросил, кто эта девочка? Хозяйка сначала сказала, что это дочь, а потом рассказала подлинную историю этой девочки. Эта девочка по национальности еврейка. Ее родителей, сестер и братьев немцы расстреляли. Она спаслась чудом. И [вот честная русская женщина ее спрятала, хотя немцы за это могли убить ее и всю ее семью. Скромная русская] крестьянка спасла девочку, кормила ее, одевала наравне с пятью своими детьми. Эта старушка сделала большое дело. Когда я вернулся в часть, я рассказал командиру и всем боевым товарищам эту историю. Они взволнованно слушали мой рассказ.

Старушку зовут Зинаида Ващишина¹. Девочку мы забрали к себе в часть, она будет жить у нас. Конечно, хорошо бы ее отправить в тыл, чтобы она училась — ведь ей всего четырнадцать лет. Зовут ее Фейга Фишман². Она жила до войны в селе Домбровицы³ Ровенской области. Прошу вас, опишите подвиг Зинаиды Ващишиной. Пусть мир знает, что русский народ никогда не относился враждебно к евреям и что в тяжелые дни русские люди протягивали евреям братскую руку помощи.

С фронтовым приветом Р. Сельцовский⁴
9 июня 1944 г.

Подготовил к печати **ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ**

- 1 В 1997 г. Зинаида и Денис Ващишины, а также их дочь Ева, признаны "Праведниками народов мира". — И. А.
- 2 После освобождения Фейга попала на фронт, работала на аптечном складе при госпитале. Переписывалась с Ильей Эренбургом. Девочку удочерила дочь Эренбурга Ирина Ильинична. Фаина Палеева (урожденная Фейга Фишман) стала врачом, доктором медицинских наук. В 90-х гг. уехала в Израиль. — И. А.
- 3 Ныне районный центр, пгт. Дубровица. — И. А.
- 4 Оригинал письма хранится в архиве Эренбурга (АЯВ, Р.21.1/180). — И. А.

КОЛХОЗНИЦА ЮЛИЯ КУХТА СПАСЛА ЕВРЕЙСКИХ ДЕТЕЙ

В начале войны хирург первой советской больницы в Минске Сарра Борисовна Трускина посадила на подводу своих двух сыновей — Марка семи лет и Алека одиннадцати месяцев вместе с их няней Юлией Кухта¹. Сама Трускина пошла пешком следом за подводой по шоссе Москва — Минск. Во время бомбежки она потеряла подводу из виду. Поток беженцев увлек ее за собой. Она добралась до Чкалова, где и проработала всю войну, оплакивая детей.

Через неделю после освобождения Минска брат ее переслал ей из Москвы от няни открытку с сообщением, что дети живы. Сейчас мать живет вместе с ними в Минске.

Вот что рассказала об этом старшему лейтенанту юстиции Маякову Юлия Кухта, тридцатилетняя колхозница из деревни Кривое село Бешенковичского района Витебской области.

С 1934 года я жила сперва домработницей, а потом няней в семье Сарры Борисовны Дворкиной. При мне родились оба ее мальчика — Марк и Алек. 24 июня 1941 года, когда мы уходили из Минска, я держала детей около себя на подводе и все время старалась не потерять из виду Сарру Борисовну. Но началась бомбежка, мы потеряли друг друга. С нами на подводе ехала еще сестра Сарры Борисовны — Анна Борисовна с мужем и дедушка мальчиков — Борис Львович. Отъехав километров двадцать от Минска, Фелициан Владиславович, муж Анны Борисовны, сказал, что дальше ехать бессмысленно, и к вечеру мы вернулись в Минск. Первое время мы жили все вместе у родителей Фелициана Владиславовича. Но когда дедушку и Анну Борисовну немцы загнали в гетто, мать Фелициана Владиславовича, Полина Осиповна, стала настаивать, чтобы я отвела в гетто и Марка, потому что черты его лица еврейские.

“Из-за него может погибнуть вся наша семья, отведи его в гетто”, — твердила она мне, и однажды сама пошла со мной и Марком и оставила его у дедушки. Но сдав мальчика в гетто, я никак не могла успокоиться. “Ведь он погибнет”, — думала я. Каждый день я ходила в гетто и, украдкой от полицейских, передавала через проволоку продукты. Алека в это время я успела записать на свое имя, как своего ребенка, и никогда с ним не расставалась. Однажды меня потащили в полицию и стали допытываться, откуда у меня мальчик.

“Ты, наверное, за большие деньги решила спрятать еврейского ребенка”.

Я все отрицала, даже когда меня начали стегать плеткой. “Мой ребенок — и все”. К счастью, Алек испугался, когда меня начали бить, схватил меня за платье и стал кричать: “Мама, мама!” Меня отпустили.

¹ Звание “Праведника народов мира” присвоено в 1999 г. — И. А.

[Но тогда Полина Осиповна потребовала, чтобы я с мальчиком уехала от них.] Я наняла себе комнатку на дальней улице, где меня не знали. Между тем в гетто стали расстреливать евреев. Меня ужасно мучила мысль о Марке. Я решила: "Будь что будет, но мальчика надо забрать". И однажды, во время свидания, Анна Борисовна украдкой от полицейских вывела мне Марка за проволоку.

Полина Осиповна несколько раз через соседей запугивала меня, что я погублю и их, и себя. Но я твердо решила: лучше погибнуть вместе с детьми, но никуда их не отдавать. Ведь у них, кроме меня, никого больше не было на всем свете. В это время уже ни дедушки, ни Анны Борисовны в гетто не стало, наверно их расстреляли, как и других.

Вскоре мне удалось вписать в свой паспорт и Марка.

С этих пор я уже никуда детей от себя не отпускала. Уходя на работу, запирала их в комнате, оставляла еду, и Марк, как большой, ухаживал за малюткой, он понимал, что от этого зависит их жизнь.

Несколько раз, как только дети возбуждали подозрение, я должна была менять место работы. Каждый день я дрожала за их жизнь.

Но я знала, что немцам у нас не жить, ибо рано или поздно придут наши. И я сохранила детей живыми и здоровыми.

Сообщение лейтенанта Маякова
Подготовил к печати ВАС. ГРОССМАН

Сообщение
Полины Аускер-Лукинской

21 июня 1941 года я выехала из Минска, где училась на втором курсе медицинского института, в город Борисов, чтобы повидаться с родителями перед отъездом на работу в пионерский лагерь. Я должна была поехать из Борисова 23 июня, но отъезд не состоялся: 22 июня я услышала по радио о нападении немцев на нашу Родину.

Немцы пришли в Борисов в первых числах июля. [Я не успела эвакуироваться. Напуганная рассказами о зверствах немцев, я никуда не выходила в течение двух недель.] Немцы ходили по домам, интересовались национальностью населения и забирали лучшие вещи. 25 июля немцы начали создавать гетто. Еврейское население должно было покинуть свои дома и переселиться на окраину города, на участок, огороженный колючей проволокой [и заранее очищенный от русского населения].

Нам было запрещено сношение с внешним миром. На всех улицах и единственных входных воротах немцы повесили вывески: "Жидоуски равноаход заборонен". Каждый шаг наш контролировался внешними полицейскими и полицией внутри гетто. Выход из гетто разрешался только по специальным пропускам.

В гетто все население обязано было носить на левой стороне груди и на спине нашивки ярко-желтого цвета. Если нашивка отсутствовала или была закрыта платком, полагался расстрел.

Был издан приказ для русских: "При встрече с жидом переходить на другую сторону улицы, поклоны запрещаются, обмен вещей также". За нарушение этого приказа русские подвергались той же участи, что и евреи.]

Вот как протекал день. Все трудоспособные должны были являться на площадь в шесть часов утра, затем людей распределяли по партиям и под конвоем отправляли на работу. Уходя на работу, ни один еврей не знал: вернется он в гетто или нет. Пайком для всех работающих были 150 граммов хлеба. Начался голод. От голода, адской работы и скученности начались инфекционные болезни, многие умирали, лекарств не было.

Немцы приказали населению гетто сдать все теплые вещи: шубы, валенки, джемперы, перчатки, фуфайки и так далее. Затем последовал приказ о сдаче золотых и серебряных вещей. Немцы угрожали расстрелять пятьсот человек за несдачу теплых вещей и тысячу двести за несдачу золотых вещей. После этого приказано было сдать все шелковые вещи: рейтузы, комбинации, трикотаж. Когда все вещи были отобраны, немцы наложили контрибуцию в триста тысяч рублей.

А затем началось массовое истребление еврейского населения.

Все евреи в местечках и деревнях были уничтожены. 20 октября в шесть часов утра гетто в Борисове было окружено полицейскими. Я жила в центре гетто и слышала крики и детский плач вокруг; людей хватали, грузили в машины и увозили “на работу”, то есть на расстрел. В четыре часа дня 20 октября забрали моего отца, мать и других родственников и тоже увезли. Я слышала, как кричала мать, просила о помощи. Но что я могла сделать? Я с двумя младшими братьями (пятнадцати и одиннадцати лет) скрылась на чердаке и оттуда видела, как уводили людей на казнь. Немцы расстреливали евреев три дня. Палачи старались обставить это массовое убийство людей так, чтобы оно оставалось в тайне. Хождение по близлежащим к гетто улицам было запрещено; на кожевенном заводе, прилегающем непосредственно к гетто, на три дня была прекращена работа. Из гетто уходили машины, нагруженные людьми, а назад возвращались с вещами убитых. Убежать было невозможно — вдоль улиц стояли полицейские и открывали бешеную стрельбу, если кто-нибудь пытался скрыться.

Сидя на чердаке, я слышала пьяные голоса полицейских, которые искали в нашем доме добычу и тут же делили ее. Кричала девушка, которую они истязали за попытку к бегству. [Она кричала: “Я русская!” — но ее убили.]

На третий день на чердак, где мы скрывались, ворвались полицейские. Приказав всем лежать с поднятыми вверх руками, они обыскали нас, отняли деньги и ценные вещи, присоединили к партии человек в шестьдесят и повели на расстрел. Больных, которые не могли идти, расстреливали на месте.

Нас привезли в Разуваевку, вблизи от аэродрома, в двух-трех километрах от города. Здесь было место казни: земля была свежевскопана, и видны были даже человеческие головы, не засыпанные землей. Нас заставили раздеваться, обнаруженные при нас фотографии и документы были изорваны, затем нам раздали лопаты и приказали рыть яму. Стоило на минуту остановиться, тотчас же полицейский бил прикладом в спину. Я отставала от других, так как должна была вырыть яму не только для себя, но и для моего младшего брата, и меня часто били за то, что я отставала, а немцы, стоявшие недалеко с фотоаппаратами, хохотали.

Когда ямы были готовы, нас поставили лицом к яме, и я поняла, что нас будут расстреливать в спину. Я стояла в самом конце шеренги, ближе всех к группе немцев. Среди них находился один австриец, в части которого я работала как поломойка. Я взглянула на него, и он узнал меня, махнул мне рукой, и я, не обращая внимания на полицейских, побежала к нему. Начальник полиции Ковалевский потребовал, чтобы я назвала свою фамилию, но австриец [сказал, что знает меня как русскую. Он] отвел меня в сторону, усадил в машину и повез в Минск. Отъезжая, я услышала стрельбу из пулеметов — это расстреливали ни в чем не повинных людей. За три дня были убиты свыше десяти тысяч евреев¹.

1 По приказу начальника полиции Давида Эгова было казнено 7245 евреев (по другим данным — около 10 тысяч). — И. А.

Километрах в двадцати от Минска меня высадили из машины и сказали: “Спасайся, как можешь”. Я провела ночь под открытым небом, вздрагивала от каждого шороха. “Куда же идти?” — думала я. Утром я направилась в Минск, где я раньше жила два года, — там были знакомые и родственники. Минск был очень разрушен, особенно в центре. Документов у меня не было никаких, и я отправилась в гетто. Здесь я рассказала о том, что произошло в Борисове. Пробыв один день, я решила двигаться дальше на восток, ближе к фронту, чтобы перебраться к нашим.

Всякими способами я в день годовщины Октябрьской революции добралась до Смоленска. Знакомых у меня там не было. Я стояла на мосту через Днепр, не зная, где приютиться. Был вечер. Оставалось пойти на ночлег в Смоленское гетто, находившееся в Садках. Фронт продвинулся далеко на восток, а двигаться дальше я уже не имела сил. Я решила задержаться пока в Смоленске. В городе очень строго проверяли документы, и мне пришлось искать пристанища в пригороде. Я узнала, что в Серебрянке, в четырех километрах от Смоленска, проживает одна еврейская семья Морозовых, еще не попавших в гетто, и я отправилась к ним. Но у Морозовых пробыла всего одни сутки, так как за ними следил немец-переводчик с льнозавода. Мне порекомендовали обратиться за помощью к русской семье Лукинских. Я рассказала им все о себе, и они оставили меня у себя.

Лукинские рисковали своей жизнью, предоставляя мне приют, но это их не утратило, и они отнеслись ко мне как к родной дочери¹.

[Нужно было достать мне документы. Лукинские познакомили меня с русскими девушками, и одна из них, Печкурова, согласилась пойти в паспортный стол и получить паспорт для меня на имя своей подруги Ольги Васильевны Храповой. Так началась моя новая жизнь под новым именем и фамилией. Получив документы, я устроилась на работу. Я очень быстро привыкла к своей новой семье, и Лукинские заменили мне расстрелянных немцами родителей.]

10 ноября немцы арестовали Морозовых. Лукинские успели скрыть от ареста их детей и переправить в безопасное место. Семья Морозовых была расстреляна немцами. Весной 1942 года Смоленское гетто постигла такая же печальная участь, как и Борисовское: были расстреляны две тысячи человек². Гитлеровцы пытались обнаружить скрывшихся [под русскими именами] евреев и, если находили таких, то убивали вместе с евреями и русских, которые их укрывали. Лукинские очень волновались за мою судьбу. То там, то здесь гестапо выхватывало людей и уничтожало.

Я часто падала духом, но заменивший мне отца Е. П. Лукинский поддерживал во мне бодрое настроение и веру в то, что придет Красная Армия и спасет нас от фашистской каторги. Мы читали советские листов-

1 После освобождения Полина Аускер взяла фамилию своих спасителей — Лукинская, которую сохранила и после замужества, и оставила имя Ольга, под которым она скрывалась. Евгений и Евдокия Лукинские удостоены звания “Праведник народов мира” в 1997 г. — И. А.

2 Смоленское гетто ликвидировано 15 июля 1942 г. Все жители гетто — 2 тысячи евреев — расстреляны в дер. Вязовеньки. — И. Л., И. А.

ки, сброшенные самолетами, узнавали о продвижении Красной Армии на запад. Мы жили надеждой на скорое избавление. Немцы угоняли всю молодежь на рытье окопов или в Германию. [Я боялась каждого полицейского, проходившего мимо дома, но, к счастью, очередь не дошла до меня, и нас освободила могучая Красная Армия. Однако самые последние дни немецкой оккупации были особенно тяжелыми. Я только что вышла из больницы, и сейчас же] все мы ушли в лес, так как немцы, отступая, жгли дома.

Нас было много в лесу, и мы говорили шепотом, чтобы немцы не обнаружили нас. 24 сентября над нашими головами полетели снаряды советской артиллерии, и мы аплодировали им, 25 сентября 1943 года мы увидели в лесу первого разведчика-красноармейца, и я расцеловала его со слезами радости на глазах.

[Лукинская Ольга Евгеньевна (Аускер Полина Марковна)]

Подготовил к печати В. ИЛЬЕНКОВ

Окончив Смоленское педагогическое училище, я три года работала в Касплянском районе Смоленской области, сначала в Еньковской школе, а потом в Касплянской. Все свои знания и силы я отдавала детям, и я пользовалась любовью детей и уважением родителей.

Когда немцы заняли Смоленскую область, я находилась в селе Каспля, так как не успела эвакуироваться. Когда немцы начали регистрацию еврейского населения, я должна была скрываться. Мне помогли в этом знакомые учительницы и ученики, особенно Гольнева Екатерина Абрамовна и Терехова Анна Евсеевна. В течение четырех месяцев я скиталась с места на место — где день, где ночь. Наконец меня укрыла у себя учительница Тимофеева Александра Степановна, с которой я вместе учительствовала в течение двух лет в Еньковской школе. Я поселилась у нее в деревне Бабинцы, в маленьком домике, в котором жили мать Александры Степановны — Домна Арсентьевна и замужняя сестра с двумя детьми. Всем им угрожала смертельная опасность, но Тимофеева мужественно помогала мне укрываться. Она прятала меня от посторонних глаз под подушками, на печке.

Но вот в деревне поселились немцы, и мне нельзя было больше оставаться в Бабинцах. Александра Степановна устроила меня на жительство к тетке своей Екатерине Ефимовне Ксендзовой, которая жила в соседней деревне вместе с дочерью Ниной, студенткой Смоленского пединститута. Ксендзовы уже скрывали у себя еврейку Сарру Вениаминовну Винц, подругу Нины по институту. Они жили в школе, где Е. Е. Ксендзова давно учительствовала. И вот мы сделали под школой подземный ход и спрятались там с Саррой. Шесть месяцев я жила таким образом: то у Тимофеевых, то у Ксендзовых. Иногда мне хотелось умереть, казалось, что положение мое безнадежно. Но мои друзья поддерживали во мне бодрость и желание жить. Они много помогали и местным партизанам. Пожилая Екатерина Ефимовна Ксендзова могла по целым часам стоять на посту и охранять сон партизана.

8 мая 1942 года я с Саррой ушла в лес к партизанам. Здесь я встретила знакомых людей: секретаря Касплянского райкома ВКП(б) Волкова, который был комиссаром отряда, и заведующего районным отделом народного образования Гольднева. Через некоторое время в отряд

¹ В ГА РФ заголовок очерка: "Кто спас мне жизнь?" с пометой карандашом "Экз. Ильенкова". — И. А.

пришли Ксендзова и ее дочь. Из партизанского отряда меня отправили в глубокий советский тыл.

Вскоре после того, как немцев выгнали из Смоленской области, я получила возможность обнять прекрасных русских женщин, спасших мне жизнь.

Сообщение Ханы Хаимовны Ходос
Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

Семь еврейских семейств, проживавших в городе Орджоникидзе Сталинской области, не успели эвакуироваться. Беженцы ушли в деревню Благодарное Гуляй-Польского сельсовета Днепропетровской области.

За укрывательство евреев немцы расстреливали. Об этом знал бухгалтер колхоза Павел Сергеевич Зирченко¹. Однако он не выдал евреев немцам. Евреи работали в колхозе и 22 ноября 1943 года вместе со всеми жителями деревни были освобождены Красной Армией. Так спаслись семьи Трайберг, Нухимович, Бабских, Кусковских, Гонтовой, Переседской, Шабис — а всего тридцать человек².

23.11.1943

[Сообщение лейтенанта И. З. Винницкого³]

Подготовил к печати ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

- 1 В 2005 г. П. С. Зирченко и его сын Михаил (1927 г. р., живет в Ростове-на-Дону) удостоены звания "Праведник народов мира". — И. А.
- 2 Семья Зирченко спасла 32 еврея. — И. А.
- 3 Письмо участвовавшего в освобождении с. Благодарного лейтенанта И. З. Винницкого, указавшего фамилии десяти семей, в т. ч. Фиры Гонтовой, хранится в фонде Эренбурга (АЯВ, Р.21.1/214). Вскоре писатель опубликовал статью о Зирченко "Победа человека" в "Правде". Упомянул он об этом факте и в своих воспоминаниях. — И. А.

В октябре 1941 года я жила с детьми в Енакиеве. Мой муж был в Красной Армии. Когда немцы стали подходить к нашему городу, я с детьми уехала в Ростовскую область. Там мы прожили до июня 1942 года. Но в июне немцы подошли туда, село, в котором я жила, оказалось в центре военных действий. С несколькими еврейскими семьями я ушла в степь. Нам удалось скрыть, что мы евреи, и на подводах, двигаясь от села к селу, под непрерывной угрозой смерти, мы прожили до осени. К этому времени мы оказались поблизости от села Благодатное, где у одной из наших женщин был знакомый ветеринарный фельдшер Г. И. Волкозуб. Он очень приветливо ее встретил и помог нам всем найти жилье и работу. Большую помощь нам оказал бухгалтер колхоза П. С. Зирченко. Мы обо всем ему рассказали, и он, рискуя жизнью, помог нам устроиться.

В Благодатном мы и прожили до того счастливого дня, когда немецкие изверги отступили под ударами Красной Армии.

Подготовил к печати Г. МУНЬЛИТ

Рассказ

Евсей Евфимовича Гопштейна

2 ноября 1941 года в Симферополь ворвались немцы. Все они были свежесвыбриты и чисто одеты, будто явились с военного парада, а не из-под Перекопа. Это были немцы для показа, для психического воздействия на советских людей, — воинская часть, переброшенная в Крым из немецкого тыла. Наглухо были закрыты ставни, заперты ворота и двери во дворах и домах. Лишь во второй половине дня тревога заставила некоторых выйти из домов. На углах улиц и на площадях стали появляться небольшие группы горожан. Шестидесятилетний Евсей Евфимович Гопштейн, старожил и уроженец Симферополя, экономист Народного комиссариата коммунального хозяйства, был среди них. Сын Гопштейна — летчик, трижды орденоносец, находился на фронте. Жена сына, профессор, проживавшая в Симеизе вместе со своими девочками, еще в августе эвакуировалась из Крыма. Она уговорила выехать вместе с собой и внуками свою свекровь, жену Евсея Евфимовича. Старый Гопштейн остался в Симферополе один, но до прихода немцев не чувствовал себя одиноким. В Симферополе оставалась его пожилая сестра, химик с высшим образованием, работавшая в одной из городских лабораторий, и многолетние друзья разных национальностей. На улице Гопштейн вышел удрученный сознанием, что враг ворвался в цветущий плодородный Крым. Он рассказывает:

День был тогда солнечный, погода была еще не осенняя, просто прохладная. Я прошел по центральным улицам, заглянул на Пушкинскую. Там, около театра, в ярко-красной рамке висел первый приказ на трех языках: русском, украинском и немецком. Несколько десятков человек столпились около приказа, кто-то зычным голосом читал его вслух. Читал ясно, и если не все, то общий смысл приказа я усвоил. Жуткое, удручающее впечатление. Прежнюю нашу советскую жизнь будто топором обрубили. Население Симферополя многонационально. Люди жили по-братски, дружелюбно. А половина приказа была отведена евреям. Слово “еврей” в нем не употреблялось. На все лады склонялось слово “жид”. Сообщалось, что засыпку котлованов, уборку русских и немецких трупов, уборку мусора и всяких нечистот должны производить “жиды”. Обязанность привлечь еврейское население на эти работы возлагалась на старост, назначенных германским командованием, и частично избранных населением. [Я перестал слушать и стал всматриваться в лица толпы. Она была смешанная. Здесь были армяне, татары, евреи и русские. И я не ошибаюсь, я точно помню, ни на одном лице я не уловил одобрения немецкому приказу.] Люди стояли с опущенными головами, с нахмуренными бровями. Молчаливо слушали и молча разошлись в разные стороны.

В последующие дни немецкие приказы посыпались на жителей города один за другим.

529

Уцелел один

1. Евреям и крымчакам явиться на регистрацию. За уклонение — расстрел.
2. Им же: надеть отличительные повязки и шестиугольные звезды.
За уклонение — расстрел.
3. Русским, татарам и другим жителям города явиться на регистрацию.
За уклонение — расстрел.
4. С 5 часов вечера хождение по городу воспрещается. За нарушение — расстрел.

Симферополь превратился в сплошной застенок, в отвратительную человеческую бойню. 9 декабря 1941 года немцы истребили древнейшее население Крыма — крымчаков. 11–12–13 декабря расстреляли всех евреев. Немцы зарегистрировали в Симферополе четырнадцать тысяч евреев, включая в это число тысячи полторы крымчаков. Это не было прежнее, довоенное еврейское население города. Из Симферополя во время войны большая часть евреев эвакуировались с учреждениями и предприятиями, кое-кто и одиночным порядком. Но зато здесь осели евреи, бежавшие из Херсона, Днепропетровска. Нахлынуло в Симферополь и население еврейских деревень Фрайдорфского, Лариндорфского районов, а также из Евпатории. Здесь, в гуще большой еврейской общины, люди думали найти спасение, а нашли смерть. Крымчаков гитлеровцы уничтожили 9 ноября, а вслед за тем, в разных местах, различными способами стали умерщвлять и евреев. Трое суток их смертный стон стоял и в Симферополе, и в окрестностях. В. Давыдов, русский рабочий Симферопольского механического завода, рассказывает:

Я жил на Пушкинской улице, дом № 78, недалеко от стадиона. Из окна двухэтажного дома мне было видно все. С раннего утра на площадь потянулись тысячи семейств. Улицы: Салгирная, Гоголя, Пушкинская и Кооперативная, по которым гнали несчастных, были оцеплены эсэсовцами. Немцы не были уверены, что явились все евреи, поэтому в городе началась облава. Особенно усиленно искали в Татарском районе Субри и у консервного завода на улице Карла Маркса. Многие рабочие прятали у себя еврейских детей и больных из больниц. Пойманных немецкие солдаты избивали прикладами, топтали ногами. К вечеру тысячи евреев были пригнаны в район большого городского сада. В саду была яркая иллюминация, играла музыка. Немецкие офицеры и солдаты развлекались. Около десяти часов немцы приступили к чудовищной резне. Стариков выделили в особую группу; их повесили на ближайших улицах — Ленинской, Салгирной, Кировской и Почтовом переулке. Остальных привели в глубокие рвы близ новой бани, где и расстреляли из автоматов. В эту ночь были убиты известный психиатр [еврей] Балабан и заслуженный артист республики [еврей] Смоленский. Жители этого района после рассказывали мне, как немцы бросали детей живыми в ямы, как они у девушек отрезали груди.

Товарищ Давыдов заканчивает свой рассказ словами: “В Симферополе ни одного еврея не осталось”. Давыдов ошибся. [Один — уцелел. Из четырнадцати тысяч человек один. Это] Евсей Ефимович Гопштейн, слушавший

на Пушкинской улице первый немецкий приказ, решил не идти на регистрацию. Но укрыться от слухов, отовсюду доносившихся, было нельзя.

Вот пять вариантов этих слухов:

1. Еврейское население в качестве заслона пошлют впереди германской армии, наступающей на Севастополь.
2. Отправят на работу в Бессарабию.
3. Пошлют на сельскохозяйственные работы в колонии Фрайдорфского и Лариндорфского районов, где не засеяны еще озимые поля.
4. Всех евреев вышлют в СССР за фронтovou полосу.
5. Всех уничтожат.

Последнему не мог поверить ни один советский человек. Сестра Гопштейна погибла, явившись в указанный для регистрации пункт. Расстреляли и всех его друзей-евреев [от дряхлых стариков до грудных детей включительно.] Потом уничтожили русских, состоящих в смешанном браке, и потомство их. Казалось, даже воздух изменился и был насыщен ужасом и кровью. В январе 1942 года начались массовые облавы. Из улицы в улицу, из дома в дом, из квартиры в квартиру немцы ходили с обыском. В начале регистрации многие евреи скрывались у родственников и знакомых. К декабрю 1942 года почти все убежища были обнаружены, люди выловлены, как звери на охоте с облавой. Гопштейн жил двадцать восемь лет в одном и том же доме. Во дворе помещалось двадцать квартир. Населяли их русские, евреи, татары. Никто из них не выдал Гопштейна. Русская учительница, давний друг семьи Гопштейна, спрятала его у себя в комнате. Для него самого и для его спасительницы наступили жуткие дни. [Никто в квартире не знал, что в комнате одинокой русской учительницы скрывается еврей.] Уходя, она запирала его на ключ. И ни при каких обстоятельствах Гопштейн не должен был выдавать своего присутствия в запертой комнате, чтобы вместе с собой не погубить свою спасительницу. [Однажды в отсутствие хозяйки немцы пробовали открыть комнату.] Дверь была массивная с крепким американским замком. Ударам и толчкам снаружи она не сразу поддавалась. И вдруг Гопштейн услышал, что в дверь скребется собака. Он замер внутри комнаты. Разговор подтвердил, что немецкий офицер пришел с овчаркой. От собаки невозможно скрыть, что за дверью затаился человек. Но в этот миг в коридор вбежала собака, принадлежащая кому-то из жильцов дома, и набросилась на собаку немца. Немцы стали их разнимать. Опасаясь за целостность своей собаки, офицер оттащил ее от двери и увел из коридора.

Рядом с комнатой, в которой скрывался Гопштейн, немцы устроили столовую для своих зенитчиков. В коридоре постоянно сновали немецкие солдаты. Учительнице пришлось перевести своего жильца в кладовую, а через несколько часов обратно к себе в комнату. На рассвете, услышав, что началась облава, учительница провела Гопштейна в помещение кладовой, заставленное шкафами, заваленное географическими картами, чемоданами и книгами, заперла дверь, а ключ положила себе в карман. Но когда немцы, производившие обыск, потребовали открыть кладовую, оказалось, что у хозяйки дома нашелся второй ключ. Евсей Ефимович стоял в тесном промежутке между двумя шкафами. Когда немцы вошли в кладовую, страха уже

не было в душе Гопштейна. “Я примирился с мыслью, — рассказывает он, — что на этот раз мне не уйти. Нужно было собрать все свои силы, чтобы достойно, без унижения встретить смерть”.

Но в полумраке заваленной вещами кладовой немцы так и не увидели притаившегося человека. Они ушли, забрав ключ с собой, обещав через некоторое время вновь явиться сюда за некоторыми вещами. После их ухода учительница сумела выбрать мгновение, чтобы вернуть Гопштейна в комнату, уже обысканную. О том, что у нее имеется второй ключ от замка кладовой, в доме никто не знал.

Гопштейн прожил в своем убежище двадцать восемь месяцев, до 13 апреля 1944 года. Он боялся сойти с ума. Читал, писал. Все это он должен был делать совершенно беззвучно. Было голодно и холодно — всему населению вообще, а его спасительнице — особенно. Свои скудные запасы она делила на двоих. А было у них всего пуд муки, пуда полтора картофеля, бутылка постного масла, несколько килограммов крупы и начатая баночка смальца. Эту баночку, еще в начале декабря 1942 года, принес Гопштейну знакомый русский плотник. Тогда Евсей Ефимович еще выходил на улицу и у Феодосийского моста встретил этого знакомого плотника. Разговаривали недолго. Плотник просто сказал: “Я вам кое-чем могу помочь. Я зарезал кабана и принесу вам немного сала”. Вечером действительно принес мясо и смалец. Самого Гопштейна на старой квартире плотник уже не застал и передал ему свой посильный дар через знакомых. Этими запасами и жили два человека в продолжение трех месяцев, а затем учительнице пришлось делить с Гопштейном свой скудный паек. Так уцелел Евсей Ефимович Гопштейн, [один из четырнадцати тысяч евреев.]

Подготовила к печати Л. СЕЙФУЛЛИНА

Сообщение
И. Минкиной-Егорычевой

19 сентября 1941 года в Киев вступили немецкие войска. [Страшная дата! На следующий день мне пришлось проходить через Крещатик. Эта с детства знакомая мне улица показалась зловеще-чужой. Возле некоторых зданий стояла усиленная немецкая охрана (почтамт и другие места). Я была здесь свидетельницей того, как немец хлестал нагайкой гражданина, осмелившегося приблизиться к охраняющемуся зданию.]

28 сентября (то есть через девять дней после захвата фашистской ордой Киева) на перекрестках города, на стенах и заборах появился приказ, предлагавший всем евреям, проживающим в Киеве, явиться 29 сентября утром на Дегтяревскую улицу, в район еврейского кладбища.

Надлежало взять с собой теплую одежду, деньги и ценности. Приказ угрожал расстрелом всякому не явившемуся еврею и каждому нееврею, осмелившемуся укрыть евреев.

Страшная тревога охватила не только евреев, но и всех, кто сохранил хотя бы человеческое чувство. Каждый пытался выяснить, что скрывается за этим зловещим приказом. На бульваре Шевченко я заговорила с двумя немецкими офицерами, идущими от вокзала. Они отвечали любезно, на вопрос о том, что означает приказ о евреях, они сказали, что только что прибыли в город и ничего не знают о приказе; по их мнению, дело шло о какой-то регистрации и выдаче нарукавных повязок. Когда они узнали, что я еврейка, то, наспех пробормотав "ауф видерзеен", резко удалились, приняв надутый вид. Итак, никто не знал, что именно ждет евреев, нетрудно было сомневаться в чем-то страшном. Томимые предчувствием ужасного, люди то впадали в полное отчаяние, то, подобно утопающим, хватались за соломинку — слабую надежду, что еврейское население будет куда-то вывезено за пределы города (в районе, указанном для явки, есть железнодорожные пути и станция). [Мысль о насильственной скорой смерти, о смерти своих родных и близких, а особенно малюток детей была настолько кошмарна, что каждый старался отогнать ее прочь.] Во всех концах города раздавался вопль смертельной тоски. Ужасная ночь сменилась еще более ужасным утром. К месту, указанному приказом, потянулись непрерывным потоком десятки тысяч евреев. В этом людском море были представлены все возрасты: цветущие юноши и девушки, полные сил мужчины, сгорбленные старики и матери с детьми, даже грудными.

Здесь были: профессора, врачи, адвокаты, служащие, ремесленники, рабочие. Все эти люди стекались с разных концов города отдельными ручьями в один бесконечный поток. Море голов, десятки тысяч узлов и чемода-

нов. Улица была оживлена, как никогда, и в то же время холодный ужас смерти давил все вокруг.

Утром 29-го мои родные отправились в последний путь. Я проводила их несколько кварталов, а затем, по их настоянию, отправилась узнать, подлежим ли явке я с дочерью. Мой муж — русский. Мы условились с родными, что они подождут меня в одном из сквериков вблизи Дорогомилловской улицы.

Я заходила в разные учреждения с целью добиться разрешения себе, как жене русского, на проживание в Киеве и с тем, чтобы узнать, куда же идут евреи. Конечно, никакого “разрешения” я не получила и ничего не узнала. Немцы всюду с угрожающе мрачным видом говорили: “Идите к кладбищу”.

Дочь свою Иру, десяти лет, я отвела к бабушке (матери мужа), туда же отнесла часть своих вещей.

Около пяти часов пополудни я отправилась к еврейскому кладбищу. В скверике, в условленном месте, я уже никого не нашла. [Они ушли навсегда. Идти домой мне было нельзя.]

Я отправилась к родным мужа и скрывалась около недели в чуланчике, за дровами.

Очень скоро стало известно, что в Бабьем Яру зверски погублены более семидесяти тысяч евреев.

Мои родственники по мужу обратились за советом и помощью к семье священника Алексея Александровича Глаголева.

Глаголев — сын известного профессора-гебраиста Киевской духовной академии Александра Александровича Глаголева [бывшего настоятелем церкви Николая Доброго на Подоле.] Профессор Глаголев в свое время на процессе [Бейлиса, доказывая, что ритуальных убийств нет,] защищал Бейлиса.

[Отец Алексей отправился хлопотать обо мне к профессору Оглоблину, бывшему тогда городским головой.]

Оглоблин знал нашу семью. Он в свою очередь обратился по этому вопросу к немецкому коменданту. От коменданта Оглоблин вышел очень смущенным и бледным. Оказывается, комендант указал ему на то, что вопрос о евреях подлежит исключительно компетенции немцев и они его разрешают, как им угодно.]

Положение мое было безвыходным. Прятаться у родных мужа — значит подвергать их угрозе расстрела.

[Жене о. Алексея Глаголева — Татьяне Павловне Глаголевой — пришла в голову отчаянная мысль: отдать свой паспорт и метрическое свидетельство о крещении мне, Изабелле Наумовне Егорычевой-Минкиной. С этими документами] мне посоветовали отправиться в село к знакомым крестьянам.

[Г. П. Глаголева, оставаясь сама без документов в столь тревожное время, подвергла себя большой опасности.]

Кроме того, на паспорте вместо фотокарточки Т. П. Глаголевой надо было поместить мою фотокарточку. К счастью, такая операция облегчалась тем, что паспорт по краям обгорел и был залит водой при гашении пожара, бывшего в квартире Глаголевых. Печать на нем была неясная и расплывчатая. Операция с заменой фотокарточки удалась. В тот же день к вечеру я, с паспортом

и метрикой Т. П. Глаголевой, отправилась в предместье города — Сталинку (Демеевку), а оттуда дальше в с. Злодиевку (ныне Украинка). В селе у знакомых крестьян я и проживала под именем Т. П. Глаголевой восемь месяцев.

Гестаповцы, ходившие по квартирам в поисках добычи, едва не увели с собой Т. П. Глаголеву как подозрительную особу без документов. Еле удалось ее отстоять путем свидетельских показаний.

Как я уже сказала,] мое пребывание в селе Злодиевке было недолгим. Местные сельские власти стали поглядывать на меня с некоторым подозрением. Дело в том, что стали появляться партизаны, и поэтому все “чужие” начали казаться подозрительными. Кончилось тем, что меня вызвали в сельуправу для установления личности. Кое-как выпутавшись из этой беды, я поспешно бежала в Киев. Поздно вечером 29 ноября я пришла к Глаголевым. С тех пор я и, несколько позже, моя десятилетняя дочь Ира поселились в семье священника Глаголева под видом родственниц. В течение двух лет мы никуда от них не уходили и всюду странствовали вместе с ними.

[Мы прятались в квартире Глаголевых и на церковной колокольне. Задача была очень трудная, так как мне приходилось прятаться не только как еврейке, но и как женщине, подлежащей по своему возрасту мобилизации на разные работы, вплоть до отправки в Германию. В городе меня очень многие знали и могли выдать меня, даже не желая этого.] Кроме меня с дочерью, Глаголевы спасли еще несколько евреев. К числу таких относятся Полина Давидовна Шевелева и ее мать Евгения Акимовна Шевелева. П. Д. Шевелева, двадцативосьмилетняя женщина, была женой украинца Д. Л. Пасичного. Они жили в большом доме на улице Саксаганского, № 63.

Когда был опубликован роковой приказ от 28 сентября 1941 года, Д. Л. Пасичный запер жену и тещу в квартире, а сам отправился “на разведку”.

Он явился в назначенный для евреев час на Лукьяновку, был задержан и чуть сам не погиб вместе с евреями. Едва-едва ему удалось оттуда вырваться. Было совершенно очевидно, что идти на кладбище П. Д и Е. А. Шевелевым — значило идти на верную гибель. Остаться в своей квартире — тоже грозило гибелью. Что же делать? Во время странствования по городу Пасичный встретил певицу Егорычеву, с которой когда-то работал. Она посоветовала ему обратиться за помощью к священнику Глаголеву. Отец Алексей в бумагах своего покойного отца нашел несколько бланков давно уже потерявшего силу гражданского акта — свидетельства о крещении. На одном из этих бланков и была написана метрическая выписка о крещении “Полины Даниловны Шевелевой, родившейся в 1913 году в православной русской семье”. Гербовую марку для этого свидетельства достал сам Пасичный, отклеив ее от какого-то старого документа. С этим документом Полина Давидовна с матерью были тайком приведены в церковную усадьбу и помещены в маленьком домике по Покровской улице, № 6, который находился в ведении церковной общины. Во всех этих делах активную помощь священнику Глаголеву оказывал научный сотрудник Академии наук Александр Григорьевич Горбовский. Он не захотел продолжать свою работу при немцах и стал управителем церковных зданий Киевоподольской Покровской церкви. В своих “владениях” он укрывал евреев и многих русских подростков, которым угрожала принудительная отправка в Германию. Он ухитрился даже для своих “жильцов” получать хлебные карточки.

Многие скрывавшиеся в церковных зданиях получили справки о том, что они певчие, пономари, сторожа и так далее. Если бы немцы обратили внимание на то, что при маленькой и бедной церкви такой огромный штат и разобрались бы в подлоге, авторы этих справок были бы тотчас расстреляны.

Упомянутая мною семья Пасичного укрывалась в церковном домике около десяти месяцев.

Очень много усилий приложила семья Глаголевых для спасения семьи Николая Георгиевича Гермайзе.

Эта семья еврейского происхождения крестилась еще в дореволюционное время. [По паспорту все они числились украинцами.] Сам Н. Г. Гермайзе был преподавателем математики. Его жена Людмила Борисовна вела домашнее хозяйство. Их приемный сын Юра, чрезвычайно одаренный, живой семнадцатилетний мальчик, был студентом пединститута. [Если Юра по внешнему виду мог быть принят за украинца, то его родители принадлежали к ярко выраженному семитскому типу. Это их и погубило.]

Через несколько дней после событий в Бабьем Яру была объявлена поголовная регистрация всех мужчин. На регистрацию пошел и Юра. При регистрации обратили внимание на его фамилию. Спросили — не из немцев ли он. Ответ мальчика показался неудовлетворительным, и ему предложили позвать отца. Внешность Гермайзе-отца вызвала подозрение, и дело кончилось тем, что отец и сын после страшного избиения были увезены на кладбище. Товарищ Юры, знакомый с Глаголевыми, сообщил им обо всем, еще когда немцы приказали Юре привести отца. Глаголевы бросились в школу, где преподавал Гермайзе, [дабы достать свидетелей о том, что Гермайзе — не еврей.] Пока они оформляли нужные бумаги, трагедия совершилась.

Надо было спасти Людмилу Борисовну. Несчастливая, истерзанная горем жена и мать переживала страшные дни. Глаголевы часто навещали ее, хотя до этого они и не были знакомы с семьей Гермайзе. Однажды прибежали соседи Людмилы Борисовны и сообщили, что она задержана и увезена в гестапо [как еврейка]. Т. П. Глаголева с письмом отца Алексея [о том, что Л. Б. Гермайзе не еврейка,] поспешила в гестапо, но там ее приняли очень сурово и не стали слушать. Позднее выяснилось, что Людмилу Борисовну в течение пяти дней морили голодом, а на шестой день, вместе с другими задержанными евреями, собирались увезти в Бабий Яр. Среди задержанных было несколько детей, которых пытались укрыть у себя русские родственники и соседи.

Л. Б. Гермайзе оставили в гестапо, а через некоторое время следователь явился к Т. П. Глаголевой установить — украинка ли Гермайзе. Т. П. Глаголеву заставили расписаться в том, что ее показания верны, и предупредили, что если Гермайзе окажется еврейкой, Глаголеву расстреляют вместе с Гермайзе. [Глаголева заявила, что она давно знает семью Гермайзе как прихожан церкви, где служил отец ее мужа, и что не может быть даже двух мнений о национальности Гермайзе.] Лишь после этого Гермайзе отпустили.

Дома Людмилу Борисовну ждал новый удар. Она узнала, что ее семидесятилетняя старуха-мать была обнаружена немцами и отправлена в Бабий Яр. Спустя три месяца Людмила Борисовна вновь попала в гестапо, где и погибла.

Осень 1942 года и зиму 1942/43 года я вместе с семьей Глаголевых проживала в селах за Днпром, сначала в селе Тарасовичах, а потом в селе Нижняя Дубечня. К этому времени, то есть с осени 1942 года, за Днпром, особенно в лесных районах, усилились партизанские выступления. Партизаны появлялись по ночам, а иногда и среди дня. Они расправлялись с угнетателями и их прихвостнями-полицейскими.

Будучи не в состоянии справиться с партизанами, немцы избрали другой путь борьбы. Они присылали в “провинившиеся” села карательные отряды, которые сжигали села, расстреливали, вешали, загоняли в огонь мирных жителей. Многие цветущие села были превращены в сплошные пепелища. Так были сожжены вблизи Киева: Писки, Новая Басань, Новоселица, а позже Ошитки, Днепровские Новоселки, Жукин, Чернин и другие.

Однажды Глаголевых вызвали в сельуправу для проверки паспортов. Здесь им в грубой форме заявили, что священнику с женой и детьми, а также дьяку жить пока разрешают, а “якись там родичци з дивчиною (то есть мне и дочери Ирочке) нема чего тут без дила ходити, хай идуць до Киева працьовати”.

С большими трудностями я вернулась с дочерью в Киев и опять укрылась на колокольне Покровской церкви. Это было 10 января, а к концу января в Киев вернулась семья Глаголевых. Сам Глаголев оставался еще в Нижней Дубечне. 31 января в село явился карательный отряд производить расправу за то, что через Нижнюю Дубечню проехали партизаны. Прибывшие гитлеровцы совместно с полицейскими пропьянствовали всю ночь, а на рассвете заперли в одну из хат трех мужчин, одну женщину и пятилетнего мальчика, облили постройку керосином и подожгли.

Узнав о случившемся, священник Глаголев поспешил к месту казни, но застал уже догоревшее пожарище. На следующий день, в воскресенье, он объявил в церкви, что после обычной службы совершит панихиду по замученным.

Он похоронил на кладбище обгорелые человеческие останки. После этого оставаться ему в селе уже нельзя было, и он возвратился в город.

Все это время я получала справки, что работаю в церкви уборщицей и что на моем иждивении находится малолетняя дочь. Для меня получали хлебные карточки. В это время за людьми охотились всякие инспектора, выискивая жертвы для немецкой каторги. К счастью, эти ревизоры никогда не проникали в нашу “тихую обитель”. Упомянутые справки, а также искусное маневрирование А. Г. Горбовского спасали нас.

Когда осенью 1943 года, в связи с приближением Красной Армии, немцы объявили эвакуацию Подола (часть Киева), мы все решили отсиживаться в квартире Глаголевых.

Через десять дней после объявления Подола “запретной зоной”, немецкие жандармы ворвались в квартиру и всех нас, полураздетых, выволокли в ближайший скверик, а затем погнали на Лукьяновку. После этого мы три раза меняли свое местопребывание, [все не желая уехать из Киева. Последним местом нашего пребывания была церковь в подвале в Покровском женском монастыре (улица Артема). Отсюда жандармы нас погнали в концлагерь на Львовской улице (бывший военкомат). Здесь нас продержали голодных и заставили чистить уборные.] Вскоре немцы, разделив мужчин и женщин, погнали пленников на вокзал. При этом семья о. Алексея оказалась отделенною от нас, и мы потеряли друг друга.

Меня с дочерью, А. Г. Горбовского с матерью и массу другого люда в закрытых вагонах довели до Казатина и здесь отпустили (это произошло совершенно случайно). В Казатине мы дождались прихода Красной Армии. Вернувшись в Киев, мы узнали, что Глаголев тяжело хворает. За отказ выехать из Киева его сильно избил немцы. От побоев он получил сотрясение мозга и долго лежал в больнице.

Его состояние таковое, что он нуждается в покое, а квартирные условия Глаголевых сейчас после неправильно произведенных уплотнений очень плохи. Пять человек ютятся в одной проходной комнате площадью 20 м². В числе этих пяти человек и больной о. Алексей, и маленький ребенок двух с половиной лет. Даже по самым жалким нормам жилплощади его семье полагается больше. Я полагаю, что о. Алексей и его семья вполне заслужили того, чтобы жить в человеческих условиях.

Эта семья очень нуждается и в материальном смысле, но жилищные условия требуют немедленного улучшения.

Все мы, спасенные Глаголевым, бесконечно признательны и благодарны ему!

Подготовила к печати Р. КОВНАТОР

Паукштис, высокий, полный человек лет сорока, пригласил нас в свой кабинет — кабинет древнейшего в Ковно прихода “Триединства” — и рассказал о различных подробностях своей деятельности по вызволению и спасению евреев в дни немецкой оккупации.

Паукштис установил связь с неким монахом Бролюкасом¹, доставлявшим паспорта для спасения евреев. Нередко Паукштису приходилось выдавать из собственных средств по пятьсот марок на расходы, связанные с получением подложного паспорта.

Как священник, Паукштис сам выписывал метрики для похищенных и спасенных из гетто детей и лично помогал находить места для их устройства. Когда он устраивал четвертую спасенную им еврейскую девочку — Визгардинскую, ему сообщили, что им интересуется гестапо...

— Что мне оставалось делать? — говорит Паукштис. — Я сел в поезд и, сообщив по приходу, что еду посетить своих коллег-ксендзов, уехал к крестьянам, у которых я устроил еврейских “дочурок”. Считаю, что я разъезжаю по своим коллегам, гестапо перестало интересоваться мной.

В общей сложности Паукштис выдал сто двадцать метрических свидетельств еврейским детям.

Но не только детям помогал Паукштис. Двадцать пять взрослых скрывались у него в костеле. Среди спасенных им или тех, которым он помогал спастись, мы встречаем имена доктора Тафта, адвоката Левитана, дочери главы Слободского ешибота Гродзенского, Рашель Розенцвейг, Кисениской, юриста Аврама Голуба с семьей, Капит и других.

Когда кто-нибудь из спасенных им попадался в руки властей, Паукштис искал возможность подкупить гестаповцев, и нередко ему это удавалось.

— Вы считаете, — говорит ксендз Паукштис, — что я во многом помог, но я с грустью думаю о том, насколько больше я мог бы сделать, если бы был одарен свыше пониманием конкретных дел.

Паукштис показал нам письмо от еврейской девушки Рашель Розенцвейг, которой он помог спастись и которая сейчас учится в Ковенском университете.

Письмо написано по-литовски. Я переведу несколько начальных строк.

Дорогой отец! Разрешите мне так называть Вас. Разве Вы не отнеслись ко мне, как отец к дочери? Разве Вы не приютили меня, когда я пришла к Вам после

¹ Бролюкас (литовск.) — братик. Так называли Бронюса Готаутаса (1901–1973). Он до самого своего ареста в 1944 г. организовывал помощь евреям Каунасского гетто, доставал документы, пищу, находил укрытия. Умер в ФРГ.

стольких переживаний, такая несчастная? Не спрашивая ни о чем и ничего от меня не требуя, как если бы это было само собой понятно, Вы сказали: “Здесь, у меня, ты успокоишься, дитя мое, и пробудешь некоторое время”...

Письмо длинное. Оно написано с любовью и уважением, и все его содержание свидетельствует о том, что в жутких условиях гитлеровского произвола в Советской Литве были добрые, честные люди, которые выполняли свой человеческий долг спокойно, как вполне естественное дело¹.

Автор — ГИРШ ОШЕРОВИЧ

Перевод с еврейского — М. А. Шамбадал

]

¹ После войны Б. Паукштис был репрессирован и отсидел 10 лет в одиночной камере. — И. Л.

**ЛАГЕРЯ
УНИЧТОЖЕНИЯ**
- - - - -

Рассказ инженера Ю. Фарбера

Я по профессии инженер-электрик. До войны я жил в Москве, работал в научно-исследовательском институте связи и заканчивал аспирантуру по специальности.

С первых дней войны я находился в рядах Красной Армии.

Осенью 1941 года я попал в окружение, и после блуждания по лесам и попытки выбраться к своим был захвачен немцами.

Один из немцев, посмотрев на меня, сказал: “Этому в плену мучиться не придется — он еврей и сегодняшнего заката уже не увидит”. Я все понял, так как владею немецким языком, но не подал и виду.

Единственное, что я сделал, — это уничтожил все бумаги и документы, имеющие ко мне отношение. В это время по дороге проходило большое количество пленных. Меня поставили в ряды и повели по дороге под конвоем... По пути нас остановил эсэсовский патруль, и, не объясняя причин, стали выводить из рядов отдельных пленных. Если у человека был длинный, горбатый нос, они его выводили или растягивали рубашку на груди, если на груди была растительность, то его тоже выводили, но меня они не тронули. Надо сказать, что когда я без очков, то у меня не очень такой бросающийся в глаза характерный вид, и произношение у меня достаточно чистое русское...

Нас, большую группу пленных, повели на пригорок, окруженный колючей проволокой. Мы лежали на площадке под открытым небом; по сторонам стояли пулеметы. Через три дня нас заперли в товарные вагоны и повезли; не давали ни еды, ни воды, не отворяли дверей. На шестые сутки нас привезли в Вильнюс. В вагонах осталось очень много трупов. Восемь тысяч пленных поместили в лагерь, в Ново-Вилейку, около Вильнюса¹. Люди жили в бывших конюшнях без окон и дверей, стены были в огромных щелях. Начиналась зима.

Пищевой рацион был таков — килограмм хлеба на семь человек, но часто хлеба не давали. Немцы привозили смерзшуюся глыбу картофеля с грязью, льдом, шелухой, соломой. Ее бросали в котел, разваривали до состояния крахмала; пленный получал пол-литра баланды.

Каждое утро из всех барачков вытаскивали мертвецов. К яме волокли трупы, их слегка присыпали хлорной известью, но не закапывали, ибо на другой день в эту же яму сбрасывали новую партию трупов. Бывали дни, когда число трупов превышало полтораста, нередко вместе с трупами в яму бросали и живых людей.

¹ В Ново-Вилейке (Науйон Вильня) в 1941–1942 гг. погибло 13 тысяч человек (по данным ЧГК, за все время существования лагеря погибло 60 тысяч человек). — И. Л.

Немцы называли нас подонками человечества — “унтерменш”. Однажды за какую-то ничтожную провинность немцы приказали двум пленным лечь животами в лужу, которая уже покрылась тонким льдом.

Их оставили на ночь, а они ведь лежали голые, и они замерзли.

У меня в памяти остались две даты — ночь с 5 на 6 декабря 1941 года и ночь с 6 на 7. У меня был товарищ, молодой парень, двадцати лет, украинец — Павел Кирполянский. В нашем бараке было холодно, и, чтобы согреться, мы ложились на одну шинель, а сверху покрывались другой и спали в обнимку. Мы были усеяны паразитами. Сыпной тиф косил людей. В эту ночь мы лежали, обнявшись с Павлом. Внезапно я был разбужен, чувствую, что он порывается бежать. Я положил ему руку на лоб и сразу понял, в чем дело. Павел горел в жару, в бреду он меня не узнавал. Оставлять его без шинели нельзя было, я его обхватил и держал крепко в своих объятиях до утра. Утром он умер, его поволокли в яму... Однако я не заболел тифом.

В ночь с 6 на 7 декабря с двух сторон возле меня лежали мои товарищи, украинские парни. Мы обнялись, мне было тепло, и я крепко спал. На рассвете раздается свисток, я стал толкать своего соседа Андрея. Он не отзывался, он был мертв. Я стал будить второго соседа — Михайличенко. Он тоже был мертв. Оказывается, эту ночь я спал рядом с мертвецами.

Мысль о том, что я останусь жив и буду в Москве, меня никогда не покидала.

Я заставлял себя умываться и даже бриться. В бараке был парикмахер. Он изредка брил военнопленных и в качестве платы брал одну картошку. В этот день, 7 декабря, меня ожидала большая удача: мне попалась в баланде целая картошка. Я решил побриться. Когда я протянул парикмахеру картошку, выловленную из супа, он посмотрел на меня и сказал: “Не надо”. Я спросил: “Почему?” Он ответил: “Ты все равно на этой неделе помрешь, кушай сам”.

Прошла неделя, я снова пришел бриться. Парикмахер был поражен, увидев меня: “Как, ты еще жив? Ну ладно, я тебя еще раз побрею бесплатно, все равно ты скоро помрешь”. Когда, однако, я пришел и в третий раз, то парикмахер сказал: “Я тебя буду брить бесплатно, пока ты не умрешь”.

В это время не было ни номеров, ни регистрации. Евреев специально не выискивали. Но достаточно было кому-нибудь указать пальцем на любого человека и сказать либо “юде”, либо “жид”, и человека немедленно расстреливали. Никаких доказательств не было.

К новому году я уже не мог ходить — у меня был голодный отек. Пальцы на ногах сначала почернели, потом мясо отваливалось, и были видны кости на пальцах.

Выделенный из пленных переводчик, ленинградский студент Игорь Деменив — впоследствии он с товарищами убил немецких охранников и бежал, — помог мне попасть в лазарет при лагере. Среди нескольких деревянных барачков, в разрушенном кирпичном домишке переводчик и несколько врачей-военнопленных организовали инфекционный лазарет. Ко мне врачи отнеслись хорошо.

Заместителем главного врача был доктор Евгений Михайлович Гутнер из Сталинграда. Он отнесся ко мне с братским сочувствием и заботой. К маю месяцу я начал ходить, в июне мог подниматься на второй этаж. Лазарет был единственным местом в лагере, куда немцы не заглядывали, так

как боялись тифа и туберкулеза. Меня не выгнали из лазарета, а сделали уборщиком. Смертность была огромная.

В этом лазарете я прожил до конца 1943 года. Количество военнопленных все уменьшалось. Из привезенных восьми тысяч осталась в живых небольшая горсточка.

Немцы использовали пленных на работах за пределами лагеря. Жители подкармливали военнопленных.

Военный врач Сергей Федорович Мартышев шел на величайший риск, чтобы спасти возможно большее количество людей. Под разными вымышленными предлогами он задерживал людей в лазарете, оказывал им всяческую поддержку.

Когда мы узнали о Сталинграде, это произвело огромный поворот в настроении военнопленных и гражданского населения, все поняли, что война немцами проиграна.

Отрезанный от всего мира, наш маленький коллектив тоже включился в борьбу против немецких захватчиков.

Для немцев писали листовки, некоторые на немецком языке писал и я. В одной листовке я писал: “Господь бог дал немцам три качества — ум, порядочность и нацизм, но никто не обладает больше, чем двумя достоинствами. Если немец умный и нацист, то он непорядочный, но если он умный и порядочный, то он не нацист”.

В другой листовке было написано просто: “Гитлеру капут”.

Мы написали до двадцати листовок, они пользовались успехом. Наша смелость все возрастала. Часто в двенадцать часов ночи, как только погаснет свет, мы начинали петь “Интернационал”. Немцы неистовствовали, применяли всяческие репрессии, однако “виновных” им обнаружить не удавалось. Были немецкие прислужники, которых мы били.

Как-то раз выбросили из окна к проволоке, к немецкому часовому бумажку. Часовой ее увидел, но, на мое счастье, записка упала по эту сторону проволоки. Он позвал одного военнопленного, Ваню Нижнего, и попросил его ему подать ее. Ваня быстро взял бумажку, положил в карман и вынул чистую бумагу и подал немцу. А в этой записке было написано: “Спасите нас от жидов. В госпитале замаскировались евреи, которые на службе НКВД, они ждут советскую власть”.

Мое здоровье понемножку крепло, хотя Сергей Федорович и считал это чудом. По-моему, главное было в моей внутренней убежденности, что я должен дожить до победы. Я мобилизовал все свои физические и душевные силы. Я сам держал себя в строжайшей дисциплине. Хлебный паек в сто пятьдесят граммов я делил на двадцать ломтиков, а потом научился делить на сорок. Это были немецкие хлебцы овальной формы. Хлеб выпекался из спецмуки, в нем было много древесных опилок. Один хлебец делили на семь человек, из своей порции я делал сорок ломтиков, тонких, как папиросная бумага. Нам привозили хлеб в пять часов вечера, я растягивал свою порцию на пять часов. Я брал ломтик, насаживал на деревянную палочку, подносил к печке, поджаривал и в таком виде ел.

При лазарете был небольшой сад; на его территории нельзя было найти ни одной травинки, ни одного листика. Даже кора с деревьев съедалась.

Изредка нас водили в баню. В бане выискивали и ловили евреев. Однажды немец привязался к одному пленному и говорит: “Ты еврей”. Немец записал его номер, чтобы доложить начальству. Военнопленный Ваня Нижний решил спасти товарища. Он улучил момент и в какую-то долю секунды успел переменить записку с номером.

В бане мылись поздно вечером, а на следующее утро с доносчиком произошёл конфуз. Вызванный парень оказался русским, к нему никак нельзя было придаться.

В конце 1943 года начались новые проверки, вылавливали евреев. Всех выстраивали и заставляли раздеваться, нашим врачам поручили быть экспертами.

Сергей Федорович категорически сказал: “Режьте меня, делайте что хотите, я экспертизу проводить не буду”. Ему угрожали всякими репрессиями: глядя на него, и другие врачи отказались.

В лагере я назвался украинцем, Юрием Дмитриевичем Фирсовым.

Все-таки немцы дознались, что я еврей. Немцы выявили шесть евреев, среди них оказался русский парень Костя Потанин из Казани, у которого даже знакомых евреев в жизни не было. Но немцы утверждали, что у него большой нос.

Настал памятный день — 29 января 1944 года. В лагерь военнопленных прибыла крытая машина, которую называли “черный ворон”; комендант вывел арестованных евреев (среди них был и Костя Потанин). Нас повезли. Внезапно машина остановилась, как мы потом узнали, возле Лукишкской тюрьмы. Оттуда вывели двух евреев, которые бежали из гетто, прятались, были обнаружены и посажены в тюрьму.

Через несколько минут, как только машина тронулась, эти двое начали плакать. Молодой парень Давид Канторович на наш вопрос, почему они плачут, сказал, что машина едет по направлению к Понарам, а оттуда нет дороги назад.

Привезли нас в Понары. Место было огорожено колючей проволокой. У ворот надпись: “Подходить строго воспрещается, опасно для жизни, мины”. Машина проехала, и примерно метров через триста оказался второй забор, за которым стояли охранники. Из ворот вышла другая группа охранников: ни тех, которые были снаружи, ни тех, что приехали с нами, за вторую проволоку не пустили. Порядок соблюдался строгий: никто не мог проникнуть в Понары.

Охранники были рослые, широкоплечие, упитанные. Машина с новой охраной въехала в лагерь. Колючая проволока образовывала две стены, и, как мы потом узнали, в проходе были мины.

В проволоке был еще один небольшой узкий проход. Этим проходом нас подвели к краю огромной ямы. Это был котлован для нефтехранилища; диаметр составлял двадцать четыре метра. В глубину яма имела четыре метра. Стены ее были зацементированы. Две трети ямы было укрыто бревнами, а одна треть открыта. На дне ямы я увидел женщину и понял, что там живут люди. Наверху лежали две лестницы. Одна лестница считалась “чистой”, ею пользовались только немцы. Нас спустили вниз по “нечистой” лестнице, охрана осталась наверху.

Откуда-то вызвали старшего рабочего, это был еврей по имени Абрам Гамбург, из Вильнюса. Немцы его звали Франц. Вызвали еще одного рабо-

чего по имени Мотл, которого немцы звали Макс. Он был в кандалах, ему приказали и нас заковать.

Это были цепи из звеньев толщиной немного меньше пальца. Их накладывали на ногу пониже колена, примерно там, где оканчиваются сапоги. Цепь свисала до земли; чтобы она не мешала ходьбе, половину цепи разрешили веревкой подвязывать к поясу.

Когда все прибывшие были закованы в цепи, появился начальник штурмфюрер.

Это был утонченный садист, ему было лет тридцать. Он был щегольски одет, на нем были белые замшевые перчатки до локтя. Сапоги блестяли, как зеркало. От него очень сильно пахло духами. Он держал себя очень высокомерно не только с нами, но и немцев-охранников держал в неимоверном страхе.

Нас выстроили, он спросил каждого — откуда он. Мы с Костей Потаниным сказали, что мы не понимаем его (я все время скрывал знание немецкого языка). Старший рабочий Франц переводил. Штурмфюрер говорил по-еврейски и по-польски, кое-как он объяснялся по-русски.

Когда дошла очередь до меня, и он спросил: “Откуда ты?”, я ответил, что из Москвы.

Штурмфюрер насмешливо сказал: “Люксус город Москва” и посмотрел на меня в упор. Я ответил: “А что, не любишь Москву?” Переводчик Франц затрясся, он перевел мои слова в очень смягченном виде. Штурмфюрер замахнулся, но не тронул меня.

Он сказал, что мы будем работать на важной работе государственного значения: “Не пытайтесь снять кандалы, потому что их будут проверять несколько раз в сутки, при малейшей попытке бежать вы будете расстреляны. Не думайте бежать, потому что из Понар никто не уходил и никто никогда не уйдет”. Потом началось перечисление: за малейшую попытку к бегству — расстрел. Во всем мы должны слушать команду начальников, за малейшее нарушение — расстрел. Мы должны выполнять правила внутреннего распорядка — иначе расстрел. Должны прилежно работать, кто будет обвинен в лени — расстрел. Он говорил очень долго, и мне стало ясно: умереть здесь нетрудно.

После этой назидательной речи он ушел. Мы стояли на дне ямы, там была одна женщина и из глубины ямы вышла вторая. Мы стали с ними беседовать.

Мы сразу задали им вопрос — будут ли нас кормить. Они ответили: “Об этом вы не беспокойтесь, кормить вас будут, но выйти живыми вам не удастся”.

Мы зашли под навес; там был деревянный загон, который назывался бункером, и маленькая кухня. Женщины сказали, что здесь живут евреи из Вильнюса и окрестных сел. Они скрывались вне гетто, но их нашли, посадили в тюрьму, а потом привезли сюда. Канторович, о котором я уже упоминал (он был виленец), перекинулся несколькими фразами с женщинами. Они стали откровеннее и сказали, что это Понары, где расстреляны не только виленские евреи, но и евреи из Чехословакии и Франции. Наша работа будет состоять в том, чтобы сжигать трупы. Это держится в величайшем секрете. Немцы думают, что женщины ничего не знают, и мы

тоже не должны проговориться. При немцах надо говорить, что мы занимаемся заготовкой леса. Не успели мы все это услышать, как раздался свисток, и мы должны были подняться наверх по лестнице. Нас построили парно и повели.

Первое, что нас ошеломило, — это запах.

Надзиратель СД сказал:

— Возьмите лопаты, отбросьте песок, и если увидите кости, то выбрасывайте наверх.

Я взял лопату, опустил в песок, она сразу наткнулась на что-то твердое. Я отгреб песок и увидел труп. Надзиратель сказал: “Ничего, так надо”.

То была колоссальная яма, которую начали заполнять еще с 1941 года. Людей не закапывали и даже хлорной известью не заливали, это был конвейер, действовавший непрерывно. Трупы падали в беспорядке, в разных позах и положениях. Люди, убитые в 1941 году, были в верхней одежде. В 1942 и 1943 годах была организована так называемая зимняя помощь — кампания “добровольного” пожертвования теплой одежды для немецкой армии. Пригоняемых на расстрел немцы заставляли раздеваться до белья, а одежда шла в фонд “добровольных” пожертвований для немецкой армии.

Техника сожжения была такая: на краю ямы из сосновых бревен строился очаг, 7 × 7 метров, помост, один ряд стволов, поперек стволы, а в середине труба из сосновых стволов. Первая операция состояла в том, чтобы разгрести песок, пока обнаруживалась “фигура” (немцы велели так называть трупы).

Вторую операцию осуществлял “крючок” — так назывался рабочий, который извлекал тела из ямы железным крючком. Тела лежали плотно. Два “крючка”, обычно это были самые сильные люди из рабочей команды, забрасывали крюки и вытаскивали труп. В большинстве случаев тела разваливались на части.

Третью операцию делали носильщики — трегеры. Надо было положить на носилки труп, причем немцы контролировали, чтобы на носилках была действительно целая фигура, то есть две ноги, две руки, голова и туловище.

Немцы вели строгий учет того, сколько тел извлечено. У нас было задание сжигать восемьсот трупов в сутки; мы работали от темноты до темноты. Трегеры относили тела к деревянному очагу. Там “фигуры” укладывались рядами, одна к другой. Когда был уложен один слой, наверх клали еловые ветки; специальный рабочий — офенмайстер¹ следил за топливом и обеспечивал костры сухими бревнами.

Когда бревна и ветви были уложены, все это поливалось горючим черным маслом, тогда укладывался второй слой, за ним третий и так далее. Таким образом эта пирамида достигала четырех метров, а иногда и больше. Пирамида считалась готовой, когда в ней было три с половиной тысячи трупов. Ее обильно поливали горючим маслом не только сверху, но и с боков, обкладывали по бокам специальными сухими бревнами, обливали бензином в достаточном количестве, закладывали одну или две термитные бомбы, и вся пирамида поджигалась. Немцы каждое такое сожжение обставляли очень торжественно.

Пирамида обычно горела трое суток. У нее было характерное невысокое пламя; густой, черный, тяжелый дым как бы нехотя поднимался вверх. Он содержал большие хлопья черной сажи.

Возле костра стоял файермайстер¹ с лопатой, он должен был следить, чтобы огонь не потушал.

Через трое суток оставалась груда пепла с частицами неперегоревших костей.

Глубокие старики и физически немощные люди работали на трамбовке. На огромный железный лист лопатами сваливали перегоревшие кости, их дробили трамбовками, чтобы не сохранилось ни одного кусочка кости.

Следующая операция заключалась в том, чтобы размолотые кости просеивать лопатой через мелкую металлическую сетку. Эта операция имела двоякий смысл. Если на сетке ничего не оставалось, значит их хорошо раздробили, а, во-вторых, при этом обнаруживались металлические несгоревшие ценные вещи, золотые монеты и так далее.

Следует упомянуть еще об одной операции. Когда из ямы выносили труп, специальный человек вставлял металлический крючок трупу в рот и, если обнаруживал коронки или золотые мосты, то вырывал их и складывал в специальную коробку².

Были ямы, в которых находилось по двадцать тысяч трупов. Смрад буквально выворачивал наружу нутро, доводил до головокружения.

Темпы работы были такие, что нельзя было остановиться ни на секунду.

Охрана состояла из шестидесяти эсэсовцев. Это были откормленные волкодавы, они отвечали за то, чтобы мы не сбежали. Они стояли цепью вокруг ямы и каждые пятнадцать минут переходили с места на место. У них всего было в изобилии: мясо, вино, шоколад. Но за пределы Понар им нельзя было выходить. Они или отбывали вахту, или находились в своем помещении.

Страшней даже эсэсовцев были чины СД — эти беспокоились о выработке и порядке. Они стояли с дубинками и часто пускали их в ход. Мы были постоянно под их надзором. Лексикон их был очень прост: или они кричали по-немецки “ран, ран, ран”, что означает “беги”, “катись”, “быстро”, или по-польски “прендзей” — “скоро”. Употребляли они и русские матерные ругательства. Они стояли так, что все участки ямы им были видны. Дубинки они пускали в ход часто, по любому поводу. Эсэсовцы кричали, когда мы носили тела: “Неси, неси, скоро и тебя так понесут”.

В первый день появился штурмфюрер, осмотрел яму и закричал: “А почему этот из Москвы работает лопатой, почему он не может носить?” Сейчас же ко мне подбежали СД и велели взять носилки.

Мы взяли тело, положили его на носилки. Было очень тяжело, колени подгибались. Вдруг штурмфюрер закричал изо всех сил: “По одной фигу-

1 От нем. огонь.

2 Таким же точно образом была организована работа и в других местах массовых захоронений. В 1942 г. Гиммлер приказал уничтожить следы массовых расстрелов. Для этой цели была создана “зондеркоманда 1005” под командованием штандартенфюрера СС Пауля Блобеля. Из Бабьего Яра, Девятого форта (Каунас) и Понар евреев, работавшим в этих командах, удалось бежать. — И. Л.

ре он будет в Москве носить, пусть несет две". Пришлось взять второе тело. На мое счастье, у меня был физически сильный напарник. Понесли два трупа. Штурмфюрер вновь закричал: "У них очень легкие носилки. Пусть берут третью фигуру".

Когда кончался рабочий день, нас пересчитывали, проверяли у всех цепи и приказывали спуститься вниз, в бункер. Когда все спускались, лестницу забирали наверх. [Когда нас привезли, пришлось строить второй бункер.]

На темноту нельзя было пожаловаться, в яме было электрическое освещение.

Когда мы приходили с работы, нас ожидали тазы с марганцовкой; мы тщательно мыли ею руки.

Всех нас было восемьдесят человек: семьдесят шесть мужчин и четыре женщины. Мужчины были в кандалах. Женщины не носили кандалов. На их обязанности лежало — убрать помещение, заготовить воду, дрова, готовить пищу. Самой старшей из женщин — Басе — было тридцать лет. Это была опытная женщина, она пользовалась большим влиянием, потому что безраздельно владела старшим рабочим — Францем. Остальные были очень молодые девушки — восемнадцати-девятнадцати-двадцати лет. Одна из них, Сусанна Беккер, — дочь знаменитых виленских богачей. Характерно, что даже там, в Понарах, некоторые старики снимали перед ней шапки и говорили: "Это дочь Беккера, сколько у него было каменных домов!"

Третью девушку звали Геней, она была дочерью виленского ремесленника.

Четвертая девушка — Соня Шейндл. Это девушка из бедной семьи, исключительно трудолюбивая и приветливая. Она старалась облегчить наше существование всем, чем только могла. Например, в ее обязанности не входила стирка белья, но она частенько стирала нам белье.

Мужчины в большинстве были виленцы.

У нас не было ни одного виленца, который не нашел бы свою семью среди трупов.

Вторую группу рабочих, человек пятнадцать, составляли советские военнопленные.

А третья группа мужчин была из Вевиса, маленького местечка между Вильнюсом и Каунасом.

Самой многочисленной была виленская группа, в нее входили люди различных возрастов и социальных прослоек. Они знали друг друга много лет, но частенько между ними не было дружбы и единства. Люди припоминали друг другу прегрешения десятилетней давности. Из этих людей можно выделить Исаака Догима и Давида Канторовича. Догим, молодой, 1914 года рождения, энергичный виленский рабочий, печатник и электромонтер, был крайне необщительный человек.

У Канторовича судьба была своеобразная. Это был подвижной, разбитой парень, 1918 года рождения. До войны он служил приказчиком в книжном магазине. Немцы убили его жену. Сам он связался с партизанами, но был пойман.

Мотл Зайдель был сын бедных родителей из Свенцяи. Его мать и отец погибли, сам он жил в гетто. Это был миловидный юноша девятнадцати лет, он имел прекрасный голос и любил петь. С 1941 года он непрерывно ко-

чевал по тюрьмам, было страшно слушать про его бесконечные горестные скитания.

Мы называли его Мотл маленький, “ингелз”, в отличие от другого — Мотл “с вонсами”, с усами.

Неразлучными друзьями был Лейзер Бер Овсейчик из Ошмян и Мацкин из Свенцяи. Мацкину было лет тридцать пять. Это был богатый человек, владелец магазина. Овсейчик был ремесленником.

Несмотря на социальное неравенство, этих двух людей связывала тесная дружба. Овсейчик сам не съест, а отдаст товарищу, и наоборот.

Интересной личностью был Шлема Голь. Это был человек средних лет, чрезвычайно добрый, крайне слабохарактерный. Его жена — член ППР¹ с 1933 года — подвергалась преследованиям, была в концлагере Березе Картузской. В советское время они оба были на руководящей работе в Барановичах. Он никогда не злословил по адресу своих соседей и был изумительно предан делу побега. Но об этом отдельно.

Абрам Зингер — довольно известный композитор, до войны он руководил оркестром. Это был интеллигентный, образованный человек. Он хорошо владел еврейским, русским, польским и немецким языками.

Переводчиком у штурмфюрера служил наш старший рабочий Франц, но когда штурмфюрер произносил особенно торжественные речи — переводил Зингер. Даже в страшных условиях ямы Зингер сочинял песни. Как-то он сочинил хорошую песню на немецком языке. И мы стали ее петь в своей яме. К несчастью, песню услышал штурмфюрер, он ее записал и напечатал за своим именем, дал Зингеру за это одну сигарету и сто граммов повидла. На Зингера это страшно подействовало, он со мной делился своими переживаниями. Он видел в этом величайшее надругательство над своей душой и говорил: “Я не для немцев пою песни”.

В яме было несколько лиц духовного звания. От времени до времени они устраивали поминальные, трагические молебны, которые проходили торжественно и печально. Все умывались тщательно и готовились к этим молебнам. Овсейчик молился два раза в день, по два часа ежедневно, с большой искренностью и подъемом.

Скажу о военнопленных. Кроме меня, был Петя Зинин из Молдавии, русский, по профессии фельдшер, 1922 года рождения. После побега он был у партизан, где показал себя с самой лучшей стороны.

Мирон Кальницкий, еврей из Одессы, был полезен тем, что в свое время работал вблизи от Понар в лагере для военнопленных (не в лагере смерти), — и хорошо знал местность. Среди пленных также был Вениамин Юльевич Якобсон из Ленинграда пятидесяти четырех лет, по профессии провизор. Это был чрезвычайно добродушный человек, он по-отечески заботился о заключенных. У него в кармане всегда находились какие-то мази, бинты, порошки. Он пользовался большим авторитетом. Если возникал спор, Якобсон всегда мирил спорщиков. Но он был человеком “поврежденным” и все твердил, что нас не расстреляют: “Мы не виноваты. За что нас будут расстреливать?”

¹ Польская рабочая партия (*Polska Partia Robotnicza*), марксистско-ленинская партия. Основана 5 января 1942 г. в оккупированной фашистами Варшаве. Очевидно, имелась в виду компартия Польши или компартия Западной Белоруссии (КПБЗ). — И. А.

Грозой и ужасом был штурмфюрер. Когда он появлялся на краю ямы, все понимали, что дело добром не кончится. Люди выбивались из последних сил, а штурмфюрер стоит, заложив руки за спину, смотрит, смотрит, а потом обращается к кому-нибудь (некоторым он дал презрительные клички): “Почему ты медленно ходишь, ты болен?” Человек отвечает, что он здоров, ни на что не жалуется. Но штурмфюрер не успокаивается: “Нет, ты не здоров”. Был у нас один старик шестидесяти пяти лет, мы все звали его “фетэр” — “дядя”. Штурмфюрер ему сказал: “Завтра ты пойдешь в лазарет”. Все знали, что это означает расстрел. Этот вечер в бункере был мучительно тяжелый. Нам было страшно и стыдно, что старого человека уводят на смерть и мы ничем не можем помочь. “Фетэра” попробовали утешить. Он сказал: “Зачем меня утешать, я свое прожил”.

Однажды мы пришли с работы, дошли до ямы, вдруг появился штурмфюрер в очень злом настроении. Задает вопрос: “Кто болен?” Больных, естественно, не оказалось. Штурмфюрер выстроил всех в две шеренги и сказал: “Я сейчас найду больных”. Он подходил к каждому и пристально смотрел в глаза, буквально сверлил человека глазами. “Вот ты больной, выходи”, — сказал он одному, затем второму.

Но это ему показалось недостаточным. Он подошел к молодому здоровому парню и спросил: “Ты со слесарным делом знаком?” Тот ответил: “Знаком”. Его также вывели из рядов и сняли кандалы. Всем было ясно, раз с человека сняли кандалы, значит, его поведут на расстрел.

Штурмфюрер подошел к четвертому человеку и спросил: “Ты со слесарным делом знаком?” Тот ответил: “Нет, не знаком”. “Ну, ничего, научись, выходи”. С четвертого тоже сняли кандалы и повели наверх.

Через несколько минут мы услышали четыре выстрела. Штурмфюрер сделал выговор нашему старшему рабочему: “Безобразия, не могли людей помыть, отправили их в лазарет, а на них вшей полно”. Прибегал штурмфюрер и к такому методу. Он обходил шеренгу выстроенных людей, заглядывал в глаза и спрашивал, кому здесь не нравится работать? Все должны хором отвечать, что им очень хорошо. Штурмфюрер обращался к Зингеру: “Ты музыкант, может быть, здесь тебе неприятно работать?” Штурмфюрер продолжал спрашивать: “Может быть, кто-нибудь из охранников груб с вами, плохо обращается?” Мы хором должны были отвечать, что охранники относятся к нам хорошо. Затем он приказывал: “Пойте песни”. После тяжелого дня мы еле держались на ногах, но должны были петь. Чаще всего он приказывал петь “Сулико”, арии из оперетты “Цыганский барон” и еще некоторые.

Он слушал, слушал и приказывал часовому: “Я сейчас уйду, а они пусть поют, пока я не вернусь”. Грязным надругательствам злодеев не было предела.

Во мне все протестовало, мне казалось недостойным погибнуть “бараньей” смертью. Такие настроения были не у меня одного. Мысль о победе витала в воздухе.

Вскоре все это приняло реальные формы.

Мне пришлось во всем этом деле сыграть известную роль. То, что я москвич и все сразу признали во мне человека интеллигентного, очень укрепило мой авторитет.

Меня привезли на Понары 29 января, а 1 февраля мы уже начали производить подкоп.

Самую активную роль в подкопе играли: Петя Зинин, Исаак Догим, Давид Канторович. Неутомимым работником был Шлема Голь. Если надо было, он вставал в четыре часа утра.

Оченьгодились золотые руки Овсейчика — подпилить, подогнать — он был тут как тут. Виленский пекарь Иосиф Белиц был неграмотный, неразвитой человек, но в работах по подкопу он оказался очень полезен, так как имел в этом деле некоторый опыт.

В связи с подкопом я должен сказать несколько слов еще о двух жителях ямы.

Иосиф Каган (его настоящая фамилия Блязер)¹ в свое время сидел в тюрьме за уголовные дела. Каган-Блязер знаменит тем, что он уходил из Понар два раза. В 1941 году его забрали и отправили в Понары; поставили у края ямы и “расстреляли”. Он выказал изумительную находчивость и самообладание. Увидев, что пулеметная очередь приближается к нему, он сумел в нужный момент, за какую-то долю секунды до выстрела упасть в яму. Он остался жив. Сверху на него падали трупы, их немного присыпали песком. Так он пролежал до вечера. Когда стало темно, он выбрался из ямы и пошел обратно в город. Он спрятался в “малине”, но его нашли и вторично отправили в Понары. Он участвовал в подкопе и таким образом спасся из Понар во второй раз.

Франц (Абрам) Гамбург тоже два раза был в Понарах. В первый раз его нашли в одной из “малин”, где скрывались семнадцать человек. Их всех привезли в Понары; заставив раздеться догола, подвели к краю ямы. Вопреки обычаю, стали расстреливать по одному человеку. Гамбург стоял семнадцатым. Он видел, как немцы стреляют в упор, в затылок, и люди падают один за другим. Таким образом расстреляли шестнадцать человек. Когда очередь дошла до него, он повернулся и сказал, что у него очень много золота. “Вы меня не расстреливайте, я вам его отдам”. “Где золото?” — спросили немцы. “Спрятано в городе”. Ему позволили одеться, посадили в машину и повезли в Вильнюс. В Вильнюсе он знал подвал, в котором лежало две тысячи тонн картошки. Он привел немцев к этому подвалу и сказал, что там под картошкой, в самом углу лежит золото. Немцы согнали большую группу рабочих, которые несколько дней разбирали картошку и освободили угол, указанный Гамбургом. Он сказал, что надо копать вглубь, так как золото в земле. Стали копать, но ничего не нашли. Немцы его смертельно избили, но он настаивал, что золото было именно здесь. К удивлению, его не расстреляли, а вернули на Понары и сделали старшим среди “бреннеров”².

17 февраля 1944 года привезли к нам новую партию военнопленных. Среди них было двое моих личных друзей из лагеря.

Юрий Гудкин, инженер-строитель, до войны жил в Электростали, под Москвой. У него в Москве жена и дочь трех лет. В лагере для военнопленных он принимал самое активное участие в выпуске листовок, организо-

1 Абрам Пинкусович Блязер после войны дал исчерпывающие показания о расстрелах в Понарах и о работе зондеркоманды по уничтожению следов преступлений. — *И. Л.*

2 От нем. жечь.

вывал связи с партизанами и так далее. А второй военнопленный — Костя Жарков, студент Ленинградского института, был со мной в госпитале, очень много мне помогал. У него было подавленное настроение. Я старался его ободрить. Юрию я в эту же ночь показал наш подкоп. Он одобрил его и дал несколько ценных указаний. Я очень дорожил его мнением. Наутро нас, “стариков”, отправили на работу, а новых оставили в яме. Женщины потом рассказывали, что пришел штурмфюрер, всех выстроил; штурмфюрер осматривал новичков. Если нас он спрашивал, откуда кто родом, то им он задавал один вопрос — о профессии. Не знаю, как случилось, что Юрий Гудкин, человек, бывавший в переделках, безрассудно заявил, что он инженер-строитель. Надо сказать, что немцы в первую очередь истребляли интеллигенцию. Штурмфюрер пришел в необычайно веселое настроение. Он потирал руки от удовольствия: “Зачем вас сюда прислали? Мы вам дадим работу по специальности. Снять с него кандалы”. Его вывели из ямы. Костя Жарков и еще один военнопленный сказали, что они студенты. Штурмфюрер был в восторге. Заявив, что немцы высоко ценят науку, он приказал снять с них кандалы. Их вывели наверх и всех расстреляли. Остальных отправили к нам.

Провокаторство, садизм, цинизм гитлеровцев были поистине невероятны. Вот рассказ работавшего с нами Козловского.

6 апреля 1943 года на Понары привезли эшелон женщин. Немцы пустили провокационный слух, что гетто в Вильнюсе будет ликвидировано, а гетто в Каунасе останется в неприкосновенности. Немцы отобрали две тысячи пятисот самых красивых и здоровых женщин и сказали, что через несколько дней они поедут в Каунас. Им дали номерки, которые рассматривались как право на жизнь. За эти номерки люди отдавали все свое состояние. Эшелон пришел на Понары. Немцы вошли в вагоны и предложили всем раздеться догола. Женщины отказались, тогда их страшно избили. Затем под усиленным, четверенным конвоем их отвели к ямам. Контроль следил, чтобы на них не осталось ни одной тряпочки, ни одной ниточки. И действительно, когда мы раскопали эту яму, то обнаружили там две тысячи пятисот хорошо сохранившихся обнаженных женских трупов.

Командовал этим избиением Вайс.

Козловский, который был в команде по сбору одежды, рассказал мне такой эпизод.

Вайс всех торопил, только и слышно было: “Скорей, скорей”. Открылись двери одного вагона (Козловский стоял у дверей); одна женщина при выходе споткнулась и упала. Тогда Вайс сделал знак всем остановиться, собрал женщин и мужчин и обратился к ним с речью: “Как это могло случиться, что женщина, выходя из вагона, упала, и никто ее не поддержал? Где ваша галантность, ваше джентльменство? Ведь эта женщина может быть мать в будущем”. Он читал такую нотацию в течение десяти минут, потом дал сигнал, и всех женщин, вместе с упавшей, повели на расстрел.

Был у нас мальчик Бенья Вульф, шестнадцати лет. Как-то проехала автомашина, и Бенья Вульф перебежал перед машиной дорогу. Вдали стоял штурмфюрер и видел это. Он был вне себя, дал свисток, приказал немед-

ленно собрать всех рабочих. Мы стоим грязные с лопатами, а он учинил Бене Вульфугу выговор: “Как ты неосторожен. Ведь тебе могли повредить руку, это было бы большое несчастье. Подумать страшно, тебя могли убить, это была бы непоправимая катастрофа. Жизнь — божий дар, никто не имеет права посягать на жизнь. Тебе только шестнадцать лет, у тебя все впереди”.

Исаак Догим нашел в одной яме с трупами свою жену, мать, двух сестер. Это на него так подействовало, что он был близок к помешательству. Он и до этого был мрачный и неразговорчивый человек. Немцы глумились и издевались над ним. Мотл нашел в яме своего сына. Этот день был самым тяжелым. Когда мы пришли “домой”, в свою яму, Исаак Догим сказал, что у него есть нож, он подкрадется к штурмфюреру и убьет его. Я его очень долго уговаривал не делать этого, он погубит всех. А между тем подкоп был почти готов. Я дал ему честное слово, что он выйдет на волю первым.

Как мы делали подкоп? У нас имелась маленькая кладовка для продуктов. В этой маленькой кладовке мы соорудили вторую фальшивую стенку, приладили две доски на гвоздях, дернешь — и гвозди отпадают, и туда можно проникнуть. Весь инструмент мы нашли в ямах: мертвые помогли нам.

Почва была песчаная, песок вынимался легко, но надо было делать крепь, деревянные подпорки. Потребовались доски. К этому делу были привлечены Овсейчик и Канторович. Когда нас привезли в Понары, пришлось строить второй бункер, так как в одном бункере было тесно для всех. Они строили бункер и тайком брали доски.

Однажды в яме нам удалось найти пилку для хлеба. Она стала нашим основным инструментом. Мы ее закаляли на огне; кроме того, мы нашли пачку маленьких граненых напильников. Таким образом, нам удалось сделать настоящую ручную пилу.

Подкоп мы вели после своей дневной работы.

Люди приходили с работы, обедали и начинали петь. Песни пели громко, немцы были довольны таким весельем. Я — советский гражданин, но не знал такого количества советских песен, как виленские евреи. Они знали содержание всех советских кинокартин, имена всех советских киноактеров, все песенки из кинофильмов знали наизусть. Они очень любили песню “Советская винтовка”: “Бей, винтовка, метко, ловко”.

Абрам, как старший рабочий, оказывал нам содействие, распоряжался, чтобы нам оставляли обед. Мы обедали позже, отдельно от других. Все отдыхали и пели, а мы сразу уходили в кладовую и приступали к делу, к рытью туннеля. Вначале работа подвигалась довольно медленно. В первой половине февраля копали только я да Каган. Костя, Овсейчик занимались заготовкой досок. Мацкин помогал вытаскивать из туннеля песок и разбрасывал его по полу. Яма, в которой мы жили, была глубиной в 4 метра, к концу работы яма была глубиной в 3 метра 90 см, то есть слой вынутого песка достиг толщины в 10 сантиметров. Сперва мы выкопали шахту, а затем стали рыть туннель-штольню. Проход мы делали шириной 70 см, а высотой 65 см.

Работа все ширилась, становилась все более трудоемкой. В это время у нас было два бункера: мы сделали так, что в наш бункер перевели наиболее надежных и активных участников подкопа, а во второй бункер — людей пассивных.

У нас была такая система: сначала клали две стойки и подпорки, — эту часть работы приходилось делать вдвоем.

Один выгребал землю, ставил стойки, другой подавал доски и отгребал песок. Это была крайне тяжелая работа, два человека могли работать полтора-два часа и выходили из подкопа в полном изнеможении. За эти полтора-два часа можно было поставить четыре доски. Главная тяжесть была в том, что воздуха не хватало, спички не горели, зажигалки не горели. Встал вопрос о проводке электричества.

Когда двое работающих вылезали (это были либо я и Каган, или Белиц и Канторович, либо Шлема со своим напарником, его фамилию я забыл), в подкоп залезала бригада выбрасывать песок. Люди лежали цепью, на боку, брали горстями песок у головы и бросали его к своим ногам. Это была каторжная работа.

Нам удалось провести электричество, выключатель был в комнате у девушек, в кровати. В кухне мы оставляли дежурного, он смотрел наверх: если немцев нет, то можно было работать; как только немцы показывались, он бежал к выключателю и давал сигнал, надо было выползть пулей. Мы ложились и укрывались шинелями. Один раз, буквально через три секунды после того как мы выскочили из колодца и успели поставить доски на место, появился эсэсовец.

Многие отказывались от работы в подкопе, потому что не верили в успех, и, главное, все страшно уставали после дневной каторги. Были и такие, которые не хотели уходить из Понар. Они говорили: “У меня здесь убита жена, убита семья, куда я пойду”. Так говорили пожилые люди, среди них был и раввин.

9 апреля мы наткнулись на корни пней, расположенные треугольником. Мы стремились, чтобы подкоп вышел на поверхность между этих пней, так как это место не просматривалось часовым. Когда мы наткнулись на корни, я понял, что мы находимся на правильном пути, очень близко от поверхности земли. У нас был железный крюк, и мы протолкнули его немного вверх. Мы почувствовали струю свежего воздуха. Я радовался с товарищами и гордился как инженер, что технически вопрос решен правильно.

У меня были компас, линейка, и мы сами сделали ватерпас. Я давал указания и отвечал за выбор направления подкопа. Надо сказать, что в начале апреля люди в подкопе работали через силу. Раздавались голоса: “Два месяца копаем, и никакой пользы”. Мы взяли пробу земли, и оказалось, что рядом с подкопом имеется яма с трупами. Возникло опасение, что мы можем натолкнуться на трупы. Некоторые начали упрекать меня в том, что я неправильно определил направление подкопа. Последние дни были буквально критическими днями, только небольшая группа осталась мне верна. Мне пришлось проявить настойчивость и волю, и тем больше было мое торжество, когда я 9 апреля наткнулся на корни и почувствовал, что выход найден. Теперь во всей остроте встал вопрос — как организовать выход. Мы знали, что кругом немецкая охрана, а дальше — все было неизвестно. Находятся ли вблизи партизаны — об этом тоже ни у кого не было ни малейшего представления.

Зингер знал эту местность. Он мне сказал, что в четырнадцати километрах от Понар начинается знаменитая Рудницкая пуща — большой лес — и что где-то вблизи должна быть река.

Немцы охраняли Понары необыкновенно тщательно. Однажды у нас вдруг поднялась тревога: к нам забрел заблудившийся мертвецки пьяный эсэсовец. Штурмфюрер пристрелил его на месте. Никто не должен был проникнуть в тайну Понар.

Мы решили идти все вместе по определенному направлению.

Всех заключенных мы разбили на восемь десятков. Над каждым десятком был поставлен командир. Этот командир знал состав своего десятка и инструктировал своих людей. Я поставил вопрос таким образом: выход возможен только на основании железной дисциплины. Я сказал: “Выбирайте любого командира, я его распоряжения буду беспрекословно выполнять”.

Мне поручили составить списки. Первые два десятка я объединил вместе. В это число я включил людей, которые больше всего работали по подкопу и, кроме того, могли в дальнейшем принести пользу партизанам.

Вот в каком порядке шли люди первого десятка: 1 — Догим, 2 — Фарбер, 3 — Костя Потанин, 4 — Белиц, 5 — М. Зайдель, 6 — Петя Зинин, 7 — Овсейчик, 8 — М. Кальницкий, 9 — Шлема Голь, 10 — Канторович.

Мне хотелось уйти 12 апреля, так как это знаменательная дата в моей жизни — день рождения брата.

Но, к сожалению, 12 апреля светила луна; вот тут нам помог своим советом раввин. К нему обратился Овсейчик. Раввин ему сказал, что через три дня — 15 апреля — будет самая темная ночь месяца.

12 апреля мы с Белицом спустились в подкоп. У нас была маленькая медная трубка с делениями, и мы снова убедились, что до поверхности земли осталось 10 см. Мы видели уже звезды, мы почувствовали свежий апрельский воздух, и это нам придало силы. Мы воочию увидели, что освобождение близко.

15 апреля мы целый день работали. В этот день один немец, которого мы прозвали обезьяной, без всяких причин сильно ударил меня палкой по плечу.

В одиннадцать часов вечера мы с Догимом собрали всех.

У первого десятка было два ножа и большой флакон уксусной эссенции, который разлили в две бутылки. Все это мы взяли у трупов. Вообще все, что у нас было, мы достали у трупов. Перед выходом я сказал: “Имейте в виду, назад дороги нет ни при каких обстоятельствах. Если нас обнаружат, нас все равно расстреляют. Лучше умереть в схватке, но идти только вперед”.

Мы поползли. Догим убрал последний слой земли, мы уже дышали полной грудью. Ночь действительно была очень темная, кругом стояла абсолютная тишина. Когда все было готово, Догим и я сняли цепи. Послали Вольфа¹ дать сигнал, что все готово, и вот, по одному, первые двадцать человек спустились в туннель. Костя всем снял цепи, и люди поползли. Стали выползать из туннеля. Надо было соблюдать абсолютную тишину, даже при стрельбе не нарушать порядка и молчания. Ползти надо было метров двести — двести пятьдесят от нашей ямы, там начинался небольшой лесок. Надо было добраться до проволоки и перерезать ее кусачками. На то место в заграждении, которое прорывалось кусачками, были повешены две белые тряпки, чтобы следующие видели, где проход. Я предполагал, что че-

1 Видимо, имеется в виду Бенья Вульф. — И. Л.

тырнадцать километров можно пройти за одну ночь. Первым полз Догим, вторым я. Держу его за ногу, выползаем, и вдруг я вижу, что Догим сворачивает вправо. Я вижу, что налево, на фоне неба вырисовывается фигура часового. Еще отползли шагов двадцать-тридцать, но и с этой стороны виднеется фигура часового. Он медленно ходит. Опять пришлось сделать поворот. Когда я полз по земле, то испытал совершенно непередаваемое чувство. Я дышал всеми порами тела.

Я чувствовал, что наш труд не пропал, и ликовал. Вдруг раздался выстрел в воздух. Видимо, под чьей-то рукой хрустнула веточка. Как только раздался первый выстрел, началась стрельба со всех сторон. Я оглянулся, вся наша трасса была наполнена ползущими людьми, некоторые повскакивали и бежали в разные стороны. Однако мы доползли до проволоки и разрезали ее кусачками, а выстрелы все громче и ближе.

Через два километра — снова проволока, мы ее также перекусили, я вижу, что около меня осталось только пять человек. А немцы ударили из миномета. Это сигнал тревоги для всего гарнизона. Мы вбежали в лес, но не учли, что со всех сторон были расположены военные объекты. Нас отовсюду обстреливали. Дошли до реки, новая беда: никто из пяти моих спутников не умеет плавать. Пришлось мне по очереди каждого из них переправить через эту реку. Мы шли всю ночь, а днем замаскировались в лесу.

Пробирались мы четырнадцать километров целую неделю; 22 апреля мы были уже в глубине Рудницкой пущи, пришли в лесную деревню Жагарине. Встречных крестьян я спрашивал: “Немцы есть?” Они делали удивленные глаза, говорили: “Немцев нема, и поляков нема”. “А Советы есть?” “Того не вем, проше пана”. Вечером мы встретили трех партизан, советских офицеров, среди них оказался капитан Василенко. Я стал его целовать. Он спросил нас: “Вы откуда?”

“С того света”. — “А точнее?” — “Из Понар”. — “Из Понар? Пойдемте со мной”.

Я сказал, что я москвич. Он также оказался москвичом. Вдруг наша беда была прервана, начался обстрел. Сильный обстрел, а наши ребята не прячутся. Капитан Василенко их спросил с удивлением: “Вы что, смерти не боитесь?” Они ответили: “Не боимся”.

Нас привели на партизанскую базу, рядом с ней была база еврейского отряда “Смерть фашизму” и “За победу”. В еврейских отрядах нашлось много знакомых моих виленских спутников. Двоюродный брат Исаака Догима, Аба Ковнер, был командиром отряда “Смерть фашизму”. Еврейские партизаны отлично знали, что такое Понары. Никто не мог поверить в то, что мы оттуда пришли живыми, это произвело потрясающее впечатление. Нас буквально разрывали на части, расспрашивая обо всем и обо всех. По всем партизанским базам было отдано распоряжение встречать беглецов. Партизанская разведка в тот же день обнаружила еще пять человек из нашей партии.

Сообщение А. Резниченко²

При немцах художник Абрам Резниченко скрывался под именем Аркадия Ильича Резенко.

В дни отступления — осенью 1941 года — я попал в окружение на левом берегу Днепра.

Раненый, отбившись от своих, я кружил вокруг Пирятина и две недели скитался по лесам, прятался в балках. Войти в город я боялся. Измученный, голодный обессиленный, вшивый, я в конце концов попал в руки немцев. Они пригнали меня в Хорольский лагерь.

На небольшом, обнесенном колючей проволокой участке томилось шестьдесят тысяч человек. Здесь были люди всех возрастов и профессий, военные и штатские, старики и юноши многих национальностей.

Вся моя сознательная жизнь протекала в Советском государстве. Естественно, что мне, советскому гражданину, никогда не приходилось скрывать, что я — еврей.

В первых числах октября 1941 года, на виду у многих военнопленных, немецкий солдат нагайкой рассек лицо ни в чем не повинному человеку и крикнул ему, обливавшемуся кровью: “Ты должен умереть, еврей!” Всех нас выстроили, солдат через переводчика приказал всем евреям выступить вперед.

Тысячи людей стояли молча, никто не двинулся с места.

Переводчик, немец из Поволжья, прошел вдоль шеренги, внимательно вглядываясь в лица.

— Евреи, выходите, — говорил он, — вам ничего не будет.

Несколько человек поверили его словам.

И только они шагнули вперед, как их окружил караул, отвел в сторону за холмик. Скоро мы услышали несколько залпов.

После убийства этих первых жертв перед нами появилась гроза Хорола — комендант лагеря. Комендант обратился к нам с речью.

— Военнопленные, — сказал он, — наконец-то война закончена. Установлена демаркационная линия — она пролегает по Уральскому хребту. По одну сторону хребта — великая Германия, по другую сторону — великая

¹ Первоначально очерк назывался “Рассказ художника Абрама Резниченко”. Беседу вел киевский корреспондент “Эйникайт” Абрам Каган (д. 950, л. 287). — И. А.

² Абрам Исаакович Резниченко (1916–1973), художник-график. Основные работы: иллюстрации к книгам “Молодая гвардия” А. Фадеева (1946), “Как закалялась сталь” Н. Островского (1949) и др. В 1951 г. присуждена Сталинская (Государственная) премия СССР III степени за иллюстрации к повестям О. Гончара “Земля гудит” и Ю. Збанацкого “Тайна Соколиного бора”. — И. А.

Япония. Еврейские комиссары, как и следовало ожидать, бежали в Америку. По воле фюрера, вы, военнопленные, будете отпущены домой. В первую очередь мы освободим украинцев, потом русских и белорусов.

В Хорольском лагере, устроенном на территории бездействующего кирпичного завода, был всего лишь один полусгнивший, на покосившихся столбах, барак — единственное место, где можно было хоть как-нибудь спрятаться от осеннего дождя и стужи.

Немногим из шестидесяти тысяч пленников удавалось туда проникнуть. Однажды я попал в барак.

Плотно, прижавшись друг к другу, стояли люди. Они задыхались от вони и испарений, обливались потом. Уже через минуту я понял — лучше на дождь, лучше одеревенеть под осенним ветром, чем оставаться здесь. Но как вырваться? Крича, я по спинам и плечам соседей стал пробираться к единственному выходу. Меня толкали, отбрасывали в сторону. Со слепой настойчивостью я лез и лез вперед навстречу тем, кто во что бы то ни стало хотел попасть в барак.

В пять часов утра нас подымали на завтрак. Тысячи людей тотчас же выстраивались друг другу в затылок. Вонючее жидкое пойло (в сравнении с ним баланда казалась лакомством) выдавали медленно. Многим поэтому приходилось “завтракать” поздно ночью.

Почти ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день комендант лагеря появлялся у места раздачи пищи. Он пришпоривал лошадь и врвался в очередь. Много людей погибло под копытами его лошади.

Около бочек с горячим пойлом стояли немцы-кашевары, гестаповцы и их верные помощники — фольксдойчи.

— Юде?

— Нет, нет!

— Жид!

И несчастного выталкивали из очереди.

Был такой случай: полуголового, застывшего, грязного, покрытого коростой человека, избитого гестаповцами в том, что он еврей, подняли над толпой и, раскачав, головой вниз бросили в куб с горячим пойлом.

Несколько минут его держали за ноги. Потом, когда несчастный затих, кашевары опрокинули куб. *Не обращая внимания на окрики и стрельбу, толпа бросилась к мертвецу. Потерявшие человеческий облик люди слизывали со складок его одежды застывшие капли пойла, потом принялись ладошками сгребать с земли лужицы того же проклятого варева.*

Часто в Хорольский лагерь приводили партии евреев. Их приводили под усиленным конвоем, на рукавах и на спинах у них были нашиты опознавательные знаки — шестиконечные звезды. Евреев гнали по всему лагерю, посылали на самые унижительные работы, а к концу дня, на глазах у всех, — уничтожали.

Казни в Хорольском лагере были разнообразны, немцы не ограничивались расстрелами и повешением. На евреев натравливали овчарок, овчарки гнались за бегущими враспынную людьми, набрасывались на них, перегрызали им горло [и мертвых или умирающих волокли к ногам коменданта...]

К молодому врачу-еврею подошел патрульный и с криком “юде” — выстрелил. Патрульный стрелял в упор. Истекая кровью, врач упал, пуля раз-

дробила ему челюсть. Немцы подняли его и, держа за руки и ноги, бросили в яму. Яму тут же стали засыпать. Врач все еще дышал, земля над его телом шевелилась.

В лагере началась повальная дизентерия. Ежедневно умирали тысячи.

Счастливейшим среди нас считался тот, у кого сохранился котелок, — его уступали соседу за часть дневного рациона. Люди, не имевшие котелков, подставляли кашевару пилотку или вырванный рукав гимнастерки.

Жители ближайших деревень старались передать пленникам хоть какую-нибудь еду.

Парню из Золотоноши жена принесла однажды мешочек с продуктами. Этот мешочек ей удалось перебросить через проволочное ограждение.

Счастливица обступили. Испуганными глазами он глядел на собравшихся.

— Братики, вас тысячи, а я один, — шептал он. — И торбинка у меня одна. Разве я накормлю вас? — И он обхватил руками буханку хлеба и прижал ее к себе, как ребенка.

Три с половиной месяца я провел в этом лагере; декабрь уже был на исходе.

Время от времени из того или другого района в Хорольский лагерь прибывали старосты. Они договаривались с администрацией об освобождении своих земляков.

С завистью я приглядывался к тому, как отбирают людей. Я знал: никто за мной не придет. Я присматривался к тому, как держат себя счастливые. И однажды (вызывали лохвицких) я решил испытать судьбу.

— Кто лохвицкие? — кричал староста, — лохвицкие: объявляйся!

Какой-то парень откликнулся, еще двое подошли к старосте. И вот я решил оказаться четвертым.

Мне повезло: староста “узнал” меня, своего “земляка”.

Так я вышел из Хорольского лагеря.

В Лохвицу мы шли пешком. Стоял морозный декабрь. С незажившей раной на ноге мне мучительно трудно было передвигаться. И все-таки я шел, я боялся отбиться от “своих”, лохвицких.

На второй день меня свалила дизентерия.

Я остался один на снегу. Прошло несколько часов. Я встал, поплелся. К вечеру добрался до села и постучал в дверь большой хаты. Это оказалась школа. Здесь меня приютили, позволили переночевать.

Здесь я жил у сторожихи, ел, обогрелся. Однако долго оставаться у нее было невозможно — я не имел документов, [во мне могли признать еврея.]

Я решил добраться до родного города, до Кременчуга.

По дороге в Кременчуг я забрел в село Пирогои и заночевал у одной сельянки. Я заявил, что я — военнопленный, отпущенный из лагеря, и она приютила меня.

Утром в хату неожиданно ввалился немец. За мгновение до того, как он переступил через порог, мои верные новые друзья — хозяйка и ее дети — спрятали меня на печи.

Немец чувствовал себя в хате хозяином, сидел за столом, распорядился, ел все, что хозяйка приготовила для себя и своих детей.

Наконец он удалился, и я продолжал свой путь.

В Кременчуге, куда я наконец добрался после долгих и мучительных странствий, я попал в городскую больницу: продолжала гноиться раненая нога.

Много горя я видел в кременчутской больнице. Я видел душегубку, уволившую больных и раненых евреев. Я видел смерть доктора Максона, крупного специалиста, всеми уважаемого человека, ласкового, отзывчивого старика. Несмотря на возраст, доктор продолжал работать в больнице, он оставался на своем посту — в палате, у больничных коек. И вот однажды в здание больницы пришел патруль.

— Максон — еврей. Давайте нам этого еврея!

Тысячи кременчужан ходатайствовали об освобождении доктора Максона.

Немцы уступили. Восемьдесятiletний старик покинул здание комендатуры и, окруженный людьми, ушел домой.

На следующее утро немцы ворвались в квартиру Максона. Старика бросили в тачку и повезли за город. Там он был расстрелян. Один из больных — еврей-сапожник, услышав о судьбе Максона, попытался бежать.

Сапожника поймали, избили и связанного вернули в больницу. Ночью он бритвой перерезал себе горло.

Утром к койке агонизирующего сапожника подошел гестаповец. Гестаповец надел халат и белую врачебную шапочку.

— Бедняга, — сказал он, присев на койку. — До чего тебя довел страх.

Он погладил сапожника и повторил:

— Бедняга, бедненький!

Внезапно немец вскочил, размахнулся и кулаком ударил лежащего по лицу:

— У, юде!

Сапожник был расстрелян за воротами больницы.

Расстреливал его тот же гестаповец, он даже не снял халата и врачебной белой шапочки.

[Записали А. Каган и Раф. Скоморовский]

Подготовил к печати ВАС. ГРОССМАН

Красная Армия заняла эстонское местечко Клоога настолько стремительной атакой, что костры из трупов расстрелянных немцами евреев еще пылали. Один из костров немцы не успели даже поджечь. Иностранные корреспонденты, находившиеся при наступающих частях, видели эти костры. Их описание и фотографии обошли весь мир.

Стремительность советского наступления застигла немцев врасплох, иначе они, разумеется, покончили бы со своими пленниками заранее и постарались бы уничтожить следы расстрела. Но неожиданность спасла жизнь лишь нескольким десяткам заключенных в лагере. Эти счастливицы успели спрятаться, а немцам было уже не до поисков.

Ниже публикуются рассказы нескольких спасшихся.

ЗАЙНТРАУБ,

студент Виленского университета

Я находился в гетто, в Вильнюсе. 23 сентября 1943 года нас разбудили и приказали готовиться к эвакуации. В пять часов утра нас выстроили по пять человек в ряд и под охраной большого отряда штурмовиков вывели из гетто.

Около ограды гетто лицом к стене стояли человек сорок-пятьдесят. Это были отобранные для расстрела. Почему отобрали именно их, не знаю.

Нас повели в район Субоч (четыре километра от гетто). Гетто и улицы, которыми нас вели, находились под усиленной охраной штурмовиков.

В Субоче нас, мужчин, отделили от женщин и детей. Как мы узнали впоследствии, женщин и детей отправили в Майданек¹.

“Сортировка” продолжалась до десяти часов утра. Пока длилась эта операция, немцы вызвали Палевского. Его не было — он скрывался в гетто. Тогда был вызван Левин, в десятке которого работал Палевский. Левина, как и Хвойника, Биг и учителя Каплана², увели. Впоследствии мы узнали, что они были расстреляны.

- 1 В день ликвидации Вильнюсского гетто 23 сентября 1943 г. там было около 10 тысяч евреев. Около 8 тысяч были согнаны на ул. Субоч (Субачяус), и около 2 тысяч остались в гетто, прячась в “малинах”. Примерно полторы — две тысячи мужчин были направлены в лагерь в Эстонию, 1400—1700 женщин — в Латвию. Остальные 4300—5000 женщин и детей были отправлены в газовые камеры Майданека, несколько сотен стариков, больных расстреляны в Понарах. — И. Л.
- 2 Абрам Хвойник (1907—1943), Яков Каплан (1907—1943) — члены штаба Объединенной партизанской организации Вильнюсского гетто, Ася Биг (1922—1943). — И. Л.

Только в 16 часов нас посадили в вагоны-теплушки. Окна и выходы были огорожены колючей проволокой. Теплушки были заперты, и поезд, охранявшийся штурмовиками, тронулся.

Ехали мы четыре дня и прибыли в лагерь Вайвари. Оттуда нас отправили в Клоога.

Там находилось в это время четыреста мужчин и сто пятьдесят женщин.

Нас прежде всего тщательно обыскали и отобрали все, что представляло какую-нибудь ценность. Штурмовик нашел у одного заключенного двадцать рублей советскими деньгами и застрелил его на месте.

Нас поместили в разрушенном здании казарм. Спать приходилось на цементном полу. Нас разделили на бригады и отправили на работы. На работе мы находились в подчинении у служащих организации Тодта. В лагере нами командовали штурмовики и эсэсовцы. В обращении и те и другие были одинаковы.

Я принадлежал к группе в триста мужчин, переносивших пятидесятикилограммовые мешки с цементом от завода к станции (сто пятьдесят метров). За нами, носильщиками, следовали надсмотрщики. Они били толстыми палками по головам тех, кто не проявлял достаточного усердия. [В результате мы не ходили, а должны были бегать с таким грузом.]

Остальные мужчины работали на цементном заводе, на лесопилке, в шахтах и мастерских. Женщины работали на каменоломнях. Они перетаскивали огромные камни. Норма для них была четыре тонны в день.

Распорядок дня был такой: вставали в пять часов утра, пили пустой эрзацкофе, выходили на “апель” (проверку), в шесть часов приступали к работе, от 12 до 12.45 обедали и снова работали до 18 часов, после чего следовал вечерний “апель”. Обед состоял только из жидкого супа. Ужина не полагалось.

Во время “аппелей” мы выстраивались по сто человек в ряд и должны были ждать, утром — пока надсмотрщик не отправит на работу, а вечером — в лагерь. Стоять приходилось иногда часами; тех, кто стоял не на вытяжку, наказывали.

Каждая сотня имела своего мучителя. Особенно неистовствовали Штейнбергер — он бил лопатой и дубинкой по голове, Кароль и Дыбовский. Дыбовский однажды сломал ногу рабочему Леви. Кроме того, в лагере был один эсэсовец, фамилии которого я не знаю. Заключенные прозвали его “шестиногим”: его неизменно сопровождал большой волкодав, который вылавливал “преступников” — тех, кто спрятал хлеб или присел, чтобы отдохнуть. Собака набрасывалась на “преступника”, рвала на нем одежду, кусала его и порой причиняла жестокие раны, а “шестиногий” от себя еще давал провинившемуся двадцать пять ударов нагайкой.

Был еще такой надсмотрщик Лауя. Он без всякого повода застрелил Вайнштейна.

Много горя причинили нам поклоны. Было распоряжение: евреи не имеют права кланяться немцам. Однако когда мы не кланялись, нас били за “невежливость”. А когда кланялись — “за невыполнение приказа”.

Мы лишились своих имен: каждый получил номер, обозначенный на плече и на колене. В случае какой-либо провинности немец записывал этот номер и во время “аппеля” вызывал провинившегося для телесного наказания.

Имелась скамейка, изогнутая, длиной в метр. К ней привязывали провинившегося за руки и за ноги. Один из палачей садился жертве на голову, а другой бил. Наказываемый должен был сам считать удары. Если он сбивался со счета, наказание начиналось сначала. Если он терял сознание, его обливали водой и продолжали экзекуцию. [Сперва били березовой палкой, потом стали бить удом быка, сквозь который была протянута стальная проволока.] Наказание производилось в присутствии всех заключенных.

Были и другие виды наказаний: привязывали к дереву и оставляли под солнцем или на морозе на много часов, лишали пищи и так далее. Работа была тяжелая и условия жизни трудные, а так как кроме эрзац-кофе, жидкого супа и куска хлеба [340 граммов] с примесью песка мы ничего не получали, то многие заболели, опухали. Количество больных росло с каждым днем. Но от тяжелых больных немцы избавлялись простым способом: их отравляли и затем сжигали. Медицинской помощи никакой не было.

Старшим “санитетером” был доктор Бодман. Он и решал, кого надо отравить, составлял яд и предписывал дать его больному. Когда он являлся к больным, он кричал: “Ахтунг!” (“Внимание”). Все больные должны были мгновенно уложить руки крестом поверх одеяла. Запоздавших доктор бил палкой.

Втайне мы устраивали вечера. На них выступали артисты Бляхер, Ротштейн, Розенталь, Думаркин, Фин, Познанский, Мотек, Кренгель и другие. Мы устраивали беседы о политическом положении, о положении на фронтах и так далее. Вопреки всем предписаниям мы ухитрились раздобывать газеты и обсуждали их. Чтобы найти крупицы правды в немецких газетах, надо было проявить немало сообразительности. Втайне, в подвале, мы учились стрелять.

Женщины были отделены от нас. Их положение было еще хуже нашего. Они работали сверх всяких сил, их чаще наказывали. Одна из них пыталась убежать. Сделать это оказалось невозможным: лагерь слишком хорошо охранялся. Ее поймали. Мало того, что ее избили — бедную женщину заставили еще носить на груди большой плакат с надписью: “Ура! Ура! Я снова здесь!”

В лагере родилось несколько детей. По приказанию лагерфюрера их бросили в кочегарку.

В августе 1944 года большая часть эстонских лагерей была ликвидирована, в том числе Кивиоли, Эреда, Филипоки. Мы узнали об этом из надписей на мешках цемента, привезенных оттуда. Таков был способ переписки заключенных между собой.

Мы знали, что Красная Армия приближается, и ждали ее с затаенным дыханием. 19 сентября утром нас вывели на площадь, где производились “аппели”. Мужчин построили отдельно от женщин. Вызвали триста самых здоровых мужчин и объявили, что всех эвакуируют, а эти триста нужны для того, чтобы вывезти дрова. Ввиду приближения Красной Армии и эвакуации других лагерей все это показалось нам правдоподобным. Кроме того, немцы приказали приготовить для всех обед, в том числе и для трехсот мужчин, отправляемых на работы.

Но в 13 часов 30 минут мы услышали выстрелы. Сперва мы подумали, что это эсэсовцы упражняются, как они делали это неоднократно раньше.

Вскоре, однако, в лагерь явились тридцать вооруженных эсэсовцев и, выбрав тридцать человек, вывели их. Когда после этого вновь послышались выстрелы, мы поняли, что все будем убиты. Многие бросились бежать. Я вместе с двадцатью другими спрятался в подвале. Спустя некоторое время мы услышали, как немцы говорили друг другу: “Скорее, скорее! Советы близки!”

А через несколько дней мы услышали наверху голоса красноармейцев...

АНОЛИК¹

Всего в Эстонии было двадцать три лагеря. В них помещалось около двадцати тысяч человек, в том числе десять тысяч человек из Литвы. Большинство лагерей находилось в восточной части Эстонии. В Вайвари был концентрационный лагерь: туда отправляли всех увезенных из разных гетто, а там их уже распределяли по другим лагерям.

Лагерь в Клоога был окружен колючей проволокой в два ряда. Между рядами лежали большие шары, сплетенные тоже из колючей проволоки. Вдоль ограды стояли высокие башни, откуда часовые наблюдали за ними днем и ночью.

Всех брили: женщин — наголо, мужчин — полосую.

Больше одной рубашки нам не полагалось. Если находили вторую — секли. А если у кого-нибудь находили хлеб сверх нормы, то наказывали обитателей всей камеры. С 1 апреля мы должны были сдавать верхнюю одежду и работать без пальто. Выстаивать долгие часы на “аппелях” тоже приходилось без пальто.

В некоторых лагерях было еще хуже. В Вийвиконна лагерь освещали сильными рефлекторами. Там заключенные ютились в бараках, построенных на болоте. Если идти в этот лагерь пешком, приходилось двигаться по колено в воде. Была особая форма наказания в этом лагере: надзиратели связывали заключенных и бросали их на несколько часов в болото. Несколько человек в Вийвиконна засекли насмерть. А в лагере Вайвари за короткое время из тысячи заключенных умерли шестьсот.

В декабре 1943 года в лагерях вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Огромное количество больных умерло. Выздоровливавшие уже на четырнадцатый день посылались на работы. Они, разумеется, не выдерживали и падали, тогда их убивали. Тогда же стали сжигать трупы умерших и убитых на больших кострах.

В лагере Кивиоли заключенные работали на сланцевых разработках. В Эреда был лагерь больных. Там находился и я. 1 февраля 1944 года этот лагерь был эвакуирован. Больные должны были пройти пешком сто восемьдесят километров. Двадцать три человека так ослабели, что не могли идти. Сопровождавший нас врач приказал нам бросить этих людей в море. Это было около Йехви. Мы наотрез отказались выполнить приказ. Тогда эсэсовцы и сам врач бросили несчастных в море.

1 Нисан Анолик (1921–1974). После войны жил в Америке. — И. Л.

В июле 1944 года были истреблены все старики и больные лагеря Кивиоли. Это называлось “акцией”. Во время этой “акции” погибли виленские врачи Волковьский и Рудик. В июле же был эвакуирован лагерь Леэзи, причем стариков и больных тоже расстреляли. У остальных отобрали платье и увели их полунагими.

Я попал в Клоога лишь в мае 1944 года и, таким образом, пробыл там недолго. Когда началось истребление заключенных, я спрятался в бараке и пролежал там под одеялами, не двигаясь, пять дней до прихода Красной Армии.

[А. БРУШАЛМИ

Как бывший член юденрата Шавельского (Шауляйского) гетто я могу рассказать следующее. В начале февраля 1944 года через Шавли проехал эшелон с женщинами, детьми и неработоспособными из Эстонии. Все время поездки — пять дней только до Шавли — их везли в plombированных и опутанных колючей проволокой вагонах — без еды и без воды. В эшелоне находился семнадцатилетний Бекер. Он болел сыпным тифом, и, как только температура спала, его послали на работы за 16 км от лагеря. Он отморозил ноги, простудил почки и стал инвалидом, поэтому он попал в эшелон. На станции Мешкуйчай, с разрешения конвойного, он вышел из вагона, чтобы напиться. Тем временем эшелон ушел, а на станции его арестовали.

Так как он едва мог ходить, его отправили в наше гетто и заключили в помещение для арестованных. Комендант нашего гетто оберштурмфюрер Шлеф запросил начальника всех еврейских лагерей Гекке, и тот наложил резолюцию: “Зондеркоманде”. Это означало, что Бекера надо передать в руки “Зондеркоманде”, то есть эсэсовцев, занимавшихся истреблением евреев. Юденрат узнал об этом и выхлопотал у Шлефа разрешение отравить Бекера в самом гетто. Шлеф согласился, Бекера перевезли в больницу, где в течение месяца всеми правдами и неправдами выполнение приговора оттягивалось. Тем временем в гетто умер один из его обитателей и был записан в больничную книгу под именем Бекера, а Бекер под именем умершего был отправлен в другой лагерь. Позже мы узнали, что эшелон, от которого отстал Бекер, ушел в Майданек.]

ВАЦНИК

Я был среди тех трехсот человек, которых немцы первыми вывели из лагеря на смерть под предлогом использования их на заготовке дров. Я попал также в число первых тридцати, отправленных в лес таскать дрова. Мы клали дрова на подводы, подводы уезжали. Когда уехала последняя подвода, нам приказали лечь на землю. Мы пролежали до 16 часов 30 минут. Затем нас повели к бараку. По дороге вооруженные эсэсовцы стояли шпалерами. Нам было приказано идти “с поникшей головой” и с руками, зало-

женными назад. Нас остановили у одного барака. Ко мне подошел эсэсовец и велел мне идти вперед в барак. Я понял, что меня ждет смерть, и задрожал, переступив порог барака. Немец очень ласково сказал мне: “Что ты дрожишь, мальчик?” и в ту же секунду выстрелил в меня два раза — в шею и в спину. Одна пуля ранила меня навывлет, другая осталась в теле. Но я не потерял сознания. Я упал и притворился мертвым. Я услышал, что немец вышел из барака, и хотел подняться. В это время немцы ввели еще двух заключенных. Я снова притворился мертвым. Этих двоих положили на пол и застрелили. Затем приводили все новых, всех клали в одну кучу и убивали. Ввели ребенка — я услышал, как он закричал: “Мама”, и в ту же минуту раздался выстрел. Умирающие стонали и хрипели. Наконец выстрелы прекратились.

Я стал выбираться из-под трупов. Мне это удалось с большим трудом. Пришлось шагать по трупам, чтобы добраться до выхода. Вдруг я увидел, что мой друг Липенгольц еще жив. Я помог ему выбраться. Был еще жив и Янкель Либман. Он просил: “Помоги мне вытянуть ноги”. Мы тянули его, сколько могли, но у нас не было сил, мы оба были ранены. Либман вскоре затих...

Мы почувствовали запах бензина. Бросились к двери, к окнам — забиты! Ударив по окну изо всех сил, я выбил его и выпрыгнул, Липенгольц за мной. Мы упали на траву, вскочили и бросились бежать. Не соображая ничего, мы побежали к кострам, на которых немцы жгли трупы. Нас обстреляли. Но мы бежали без оглядки, и, к счастью, пули нас не задели. Бежали мы семь километров и достигли лагеря для русских заключенных. Те нас спрятали в больнице, и там мы дождались Красной Армии.

АНОЛИК БЕНЬЯМИН-МЛАДШИЙ¹

Первым мы увидели капитана Красной Армии. Мы попросили разрешения дотронуться до него, так как нам все не верилось, что мы свободны, что перед нами красноармейцы. Капитан обнял нас и поздравил с освобождением. А мы — мы плакали, и каждый хотел пощупать звездочку на фуражке капитана.

Мы повели наших освободителей по лагерю. Вот скамейка, на которой нас секли. [Окровавленная нагайка из бычьего уда лежит на земле.] Вот деревья, к которым нас привязывали. А вот блок, где жили люди. Капитан вынимает платок: пахнет трупным запахом. Здесь лежат те, кого немцы не успели отнести на костры и сжечь. Вот лежит трехмесячный ребенок, мертвый. Руки его протянуты к мертвой матери. Я смотрю на капитана. Из глаз его текут слезы, и он не скрывает их. У него на груди ордена и нашивки ранений. Это русский человек. Он знает, что такое смерть и горе. Он плачет. Эти слезы сейчас для нас дороже всего на свете.

¹ Беньямин Анолик, 1926 г. р., брат Нисана Анолика. Был привезен в Эстонию в 1943 г. из гетто Вильнюса вместе со старшим братом и отцом (последний умер за день до освобождения). Беньямин Анолик прошел шесть нацистских лагерей на территории Эстонии: Вайвара, Аувере, Кививыли, Вийвиконна, Клоога и Лагеди. После войны жил в Израиле. — И. Л., И. А.

А вот здесь стоял дом в восемь комнат, переполненных заключенными. От него остались два дымохода и груды обгорелых костей. А вот костры. Кругом разбросаны вещи — пальто, юбки. Костров четыре; из них три еще дымятся: трупы горят. Один из них немцы не успели поджечь. Ряд дров, ряд убитых, ряд дров, ряд убитых. Мужчины, умирая, закрыли глаза шапками, женщины — руками. Вот двое лежат, обнявшись: это братья. И есть один костер без трупов, только дрова. Этот был приготовлен для нас. Если бы Красная Армия пришла несколькими часами позже, вероятно, и мы, уцелевшие, лежали бы здесь и горели. Нас, чудом уцелевших, восемьдесят два человека. А на кострах две с половиной тысячи.

Мы просим капитана: “Возьмите нас с собой! Возьмите нас в армию! Мы должны отомстить”.

На глазах капитана снова слезы. “Вы все больны, — говорит он. — Погодите. Вам необходимо отдохнуть. [Мы отомстим за вас. Мы придем в Берлин и там предъявим немцам счет за вас]”.

И все-таки один из нас сразу попадает в армию. Он здоровее других. Это поэт с именем, которое много говорит каждому еврею: Бейлис. Это однофамилец Бейлиса, которого когда-то царская власть судила по обвинению в ритуальном убийстве и вынуждена была оправдать. Его тоже уговаривают отдохнуть, подождать. Он показывает на звездочку на фуражке капитана и говорит: “Это мой единственный отдых”. И потом он показывает на запад: “Это мой единственный путь”. И на красноармейцев: “Это — мои братья”.

Подготовил к печати О. САВИЧ

На восток от Варшавы, вдоль Западного Буга, тянутся пески и болота, стоят густые сосновые и лиственные леса. Места эти пустынные и унылые, деревни тут редки. И пешеход и проезжий избегают песчаных узких проселков, где нога увязает, а колесо уходит по самую ось в глубокий песок.

Здесь, на седлецкой железнодорожной ветке, расположена маленькая захолустная станция Треблинка, в шестидесяти с лишним километрах от Варшавы, недалеко от станции Малкини, где пересекаются железные дороги, ведущие из Варшавы, Белостока, Седльца, Ломжи².

Должно быть, многим из тех, кого привезли в 1942 году в Треблинку, приходилось в мирное время проезжать здесь, рассеянным взором следить за скучным пейзажем — сосны, песок, песок и снова сосны, вереск, сухой кустарник, унылые станционные постройки, пересечения железнодорожных путей. И, может быть, скучающий взор пассажира мельком замечал идущую от станции одноколейную ветку, уходящую среди плотно обступивших ее сосен в лес. Эта ветка ведет к песчаному карьере, где добывался белый песок для промышленного и городского строительства.

Карьер отделен от станции расстоянием в четыре километра, он находится на пустыре, окруженном со всех сторон сосновым лесом. Почва здесь скупа и неплодородна, крестьяне не обрабатывают ее. Пустырь так и оставался пустырем. Земля кое-где покрыта мхом, кое-где высятся худые сосенки. Изредка пролетит галка или пестрый хохлатый угод. Этот убогий пустырь был избран и одобрен германским рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером для постройки всемирной плахи, какой не знал род человеческий от времен первобытного варварства до наших жестоких дней.

В Треблинке было два лагеря — трудовой лагерь № 1, где работали заключенные разных национальностей, главным образом поляки, и еврейский лагерь № 2.

Лагерь № 1 — трудовой или штрафной — находится непосредственно возле песчаного карьера, неподалеку от лесной опушки. Это был обычный лагерь, каких гестаповцы построили сотни и тысячи на оккупированных восточных землях. Он возник в 1941 году.

¹ Полный вариант очерка выходил отдельным изданием (Гроссман В. *Треблинский ад.* М., 1945), входил в сб. произведений В. Гроссмана (например: Гроссман В. *Годы войны.* М., 1947. С. 409–447). — *И. Л.*

² В 1939–1944 гг. Ломжа, как и Белосток, входила в состав БССР. Ныне город в Польше (Подляское воеводство). — *И. А.*

Бережливость, аккуратность, расчетливость, педантичная чистота — все это неплохие черты, присущие многим немцам. Приложенные к сельскому хозяйству, к промышленности, они дают свои плоды. Гитлеризм приложил эти черты к преступлению против человечества, и СС действовало в польском трудовом лагере так, словно речь шла о разведении цветной капусты или картофеля.

Площадь лагеря нарезана ровными прямоугольниками, бараки выстроились под линейку, дорожки обсажены березками, посыпаны песочком. Были устроены бетонированные бассейны для домашней водоплавающей птицы, бассейны для стирки белья с удобными ступенями, службы для немецкого персонала — образцовая пекарня, парикмахерская, гараж, бензоколонка со стеклянным шаром, склады. Примерно по такому же принципу, с садиками, питьевыми колонками, бетонированными дорогами, был устроен и люблинский лагерь на Майданеке, по такому же принципу устраивались в Восточной Польше десятки других трудовых лагерей, где гестапо и СС полагали осесть всерьез и надолго. В устройстве этих лагерей отразились черты немецкой аккуратности, мелочной расчетливости, педантичной тяги к порядку, немецкая любовь к расписанию, к схеме, разработанной до малейших деталей и мелочей.

Люди поступали в лагерь на срок, иногда совсем небольшой: четыре-пять-шесть месяцев. В него пригоняли поляков, нарушавших законы генерал-губернаторства, причем нарушения были, как правило, незначительными, ибо за значительные нарушения полагалась не лагерь, полагалась немедленная смерть. Донос, оговор, случайное слово, оброненное на улице, невыполнение поставок, отказ дать немцу подводу либо лошадь, дерзость девушки, отклонившей любовные предложения эсэсовца, не саботаж в работе на фабрике, а одно лишь подозрение в возможности саботажа, — все это привело сотни и тысячи поляков — рабочих, крестьян, интеллигентов, мужчин и девушек, стариков и подростков, матерей семейств — в штрафной лагерь. Всего через лагерь прошло около пятидесяти тысяч человек¹. Евреи попадали в лагерь лишь в том случае, если они были выдающимися, знаменитыми мастерами — пекарями, сапожниками, краснодеревщиками, каменщиками, портными. Здесь имелись всевозможные мастерские и среди них солидная мастерская мебели, снабжавшая креслами, столами, стульями штабы германской армии.

Лагерь № 1 существовал с осени 1941 года по 23 июля 1944 года. Он был ликвидирован полностью, когда заключенные слышали уже глухой гул советской артиллерии. 23 июля ранним утром вахманы и эсэсовцы, распив для бодрости шнапс, приступили к ликвидации лагеря. К вечеру были убиты все заключенные в лагере, убиты и закопаны в землю². Удалось спастись варшавскому столюру Максу Левиту — раненым пролежал он под трупами своих товарищей до темноты и уполз в лес. Он рассказал, как, лежа в яме, слушал пение команды тридцати лагерных мальчиков, перед расстрелом затянувших песню «Широка страна моя родная», слышал, как один из маль-

1 В штрафном рабочем лагере Треблинка I одновременно находилось около 2 тысяч заключенных. Всего через лагерь прошло около 10 тысяч человек. — *И. Л.*

2 Лагерь существовал с июля 1941 г. до августа 1944 г. 23 июля 1944 г. расстреляли более 500 заключенных евреев, а в начале августа — 20 заключенных поляков. — *И. Л.*

чиков крикнул: “Сталин отомстит!”; упавший на него в яму после залпа во-жак мальчиков, любимец лагеря Лейбл¹, приподнявшись, попросил: “Пане вахман, не трафил², проше пана еще раз, еще раз”.

Сейчас можно подробно рассказать о немецком порядке в этом трудовом лагере — десятки свидетелей, поляков и полек, бежавших и выпущенных в свое время из лагеря № 1, в своих подробных показаниях рассказывают о законах трудового лагеря. Мы знаем о работе в песчаном карьере, о том, как не выполнявших норму бросали с обрыва в котлован, знаем о норме питания: 170–200 граммов хлеба и литр бурды, именуемой супом; знаем о голодных смертях, об опухших, которых на тачках вывозили за проволоку и пристреливали; знаем о диких оргиях, которые устраивали немцы, о том, как они насиловали девушек и тут же пристреливали своих подневольных любовниц, о том, как сбрасывали с шестиметровой вышки людей, как пьяная компания ночью забирала из барака десять-пятнадцать заключенных и начинала неторопливо демонстрировать на них методы умерщвления, стреляя обреченным в сердце, в затылок, глаз, рот, висок. Мы знаем имена лагерных эсэсовцев, их характеры, особенности — знаем начальника лагеря голландского немца Ван Эйпена, ненасытного убийцу и ненасытного развратника, любителя хороших лошадей и быстрой верховой езды, знаем массивного, молодого Штумпфе, которого охватывали произвольные приступы смеха каждый раз, когда он убивал кого-нибудь из заключенных или когда в его присутствии производилась казнь. Его прозвали “смеющаяся смерть”. Последним слышал его смех Макс Левит, когда по команде Штумпфе вахманы расстреливали мальчиков.

Знаем одноглазого немца из Одессы, Свицерского, названного “мастером молотка”. Это он считался непревзойденным специалистом по “холодному” убийству, и это он в течение нескольких минут убил молотком пятнадцать детей в возрасте от восьми до тринадцати лет, признанных непригодными для работы. Знаем худого, похожего на цыгана, эсэсовца Прейфи с кличкой “старый”, угрюмого и неразговорчивого. Он развлекал свою меланхолию тем, что, сидя на лагерной помойке, подстерегал заключенных, приходивших тайком есть картофельные очистки, заставлял их открывать рот и затем стрелял им в открытые рты.

Знаем имена убийц-профессионалов Шварца и Ледеке. Это они развлекались стрельбой по возвращающимся в сумерках с работы заключенным, убивая по двадцать, тридцать, сорок человек ежедневно.

Так жил этот лагерь, подобный уменьшенному Майданеку, и могло показаться, что нет ничего страшней в мире. Но жившие в лагере № 1 хорошо знали, что есть нечто ужасней, во сто крат страшней, чем их лагерь.

В трех километрах от трудового лагеря немцы в мае 1942 года приступили к строительству еврейского лагеря, лагеря-плахи. Строительство шло быстрыми темпами, в нем работали больше тысячи рабочих. В этом лагере ничто не было приспособлено для жизни, а все было приспособлено для смерти. Существование этого лагеря должно было по замыслу Гиммлера находиться в глубочайшей тайне. Стрельба по случайным прохожим от-

1 В очерке В. Апресяна это был другой мальчик. — И. Л.

2 Не попал (польск.).

кrywалась без предупреждения за километр. Самолетам германской авиации запрещалось летать над этим районом. Жертвы, подвозимые эшелонами по специальному ответвлению железнодорожной ветки, до последней минуты не знали о ждущей их судьбе. Охрана, сопровождавшая эшелоны, не допускалась даже во внешнюю ограду лагеря. При подходе вагонов охрану принимали лагерные эсэсовцы. Эшелон, состоявший обычно из шестидесяти вагонов, расчленялся в лесу перед лагерем на три части, и паровоз последовательно подавал по двадцать вагонов к лагерьной платформе. Паровоз толкал вагоны сзади и останавливался у проволоки — таким образом, ни машинист, ни кочегар не переступали лагерьной черты. Когда вагоны разгружались, дежурный унтер-офицер войск СС свистком вызывал ожидавшие в двухстах метрах новые двадцать вагонов. Когда разгружались полностью все шестьдесят вагонов, комендатура лагеря по телефону вызвала со станции новый эшелон, а разгруженный шел дальше по ветке к карьеру, где вагоны грузились песком, и уходил на станции Треблинка и Малкини уже с новым грузом.

Здесь сказалась выгода положения Треблинки — эшелоны с жертвами шли сюда со всех четырех сторон света, с запада и востока, с севера и юга. Эшелоны из польских городов — Варшавы, Мендзыжеца, Ченстоховы, Седльца, Радомы; из Ломжи, Белостока, Гродно и многих городов Белоруссии; из Германии, Чехословакии, Австрии, Болгарии, из Бессарабии.

Эшелоны шли к Треблинке в течение тринадцати месяцев, в каждом эшелоне было шестьдесят вагонов¹, и на каждом вагоне мелом были написаны цифры 150, 180, 200. Эти цифры показывали количество людей, находящихся в вагоне. Железнодорожные служащие и крестьяне тайно вели счет этим эшелонам. Крестьянин деревни Вулька (самый близкий к лагерю населенный пункт) шестидесятидвухлетний Казимир Скаржинский говорил мне, что иногда бывали дни, когда мимо Вульки проходило по одной лишь седлецкой ветке шесть эшелонов, и почти не бывало дня в течение этих тринадцати месяцев, чтобы не прошел хотя бы один эшелон. А ведь седлецкая ветка была лишь одной из четырех железных дорог, снабжавших Треблинку. Железнодорожный ремонтный рабочий Люциан Цукова, мобилизованный немцами для работы на ветке, ведущей от Треблинки к лагерю №2, говорит, что за время его работы с 15 июня 1942 года² по август 1943 года в лагерь по ветке от станции Треблинка ежедневно подходили до трех железнодорожных составов. В каждом составе было по шестьдесят вагонов, а в каждом вагоне не менее ста пятидесяти человек. Таких показаний мы собрали десятки...

Сам лагерь, с внешним обводом, складами для вещей казенных, платформой и прочими подсобными помещениями занимает очень небольшую площадь 780 × 600 квадратных метров. Если на миг усомниться в судьбе привезенных сюда миллионов и если на миг предположить, что немцы не убивали их тотчас по прибытии, то спрашивается, где же они,

1 Количество вагонов было не всегда одинаковым. Обычно транспорт состоял из 58 товарных вагонов для заключенных и двух пассажирских — для охраны. — *И. Л.*

2 Первый транспорт в Треблинку прибыл 23 июля 1942 г. из Варшавского гетто. Количество жертв быстро росло: 23.07 — 7300 человек; 24.07 — 7400, 6.08 — 10085, 7.08 — 10672, 8.09 — 13596 человек. — *И. Л.*

эти люди, могущие составить население маленького государства или же большого столичного европейского города? Ведь площадь лагеря так мала, что, сохранив хоть на несколько суток жизнь приезжающих сюда, через десять дней не уместились бы за проволокой людские потоки, лившиеся со всех концов Западной Европы, из Польши и Белоруссии. Тринадцать месяцев — триста девяносто пять дней¹ эшелоны уходили, груженные песком или пустыми, ни один человек из прибывших в лагерь № 2 не уехал обратно.

Все, что написано ниже, составлено по рассказам живых свидетелей, по показаниям людей, работавших в Треблинке с первого дня ее существования по день 2 августа 1943 года, когда восставшие смертники сожгли лагерь и бежали в лес, по показаниям арестованных вахманов, которые от слова до слова подтвердили и во многом пополнили рассказы свидетелей. Этим людям я видел лично, долго и подробно говорил с ними, их письменные показания лежат передо мной на столе, — и все эти многочисленные, из различных источников идущие свидетельства сходятся между собой во всех деталях, начиная от описания повадок комендантской собаки Бари и кончая рассказом о технологии убийства жертв и устройства конвейерной плахи.

Пойдем же по кругам треблинского ада.

Кто были люди, которых везли в эшелонах в Треблинку? К весне 1942 года еврейское население Польши, Германии, западных районов Белоруссии было согнано в гетто. В этих гетто — Варшавском, Радомском, Ченстоховском, Люблинском, Белостокском, Гродненском и многих десятках других более мелких, были собраны миллионы еврейского населения — рабочих, ремесленников, врачей, профессоров, архитекторов, инженеров, учителей, работников искусств, людей нетрудовых профессий, все с семьями, женами, дочерьми, сыновьями, матерями и отцами. В одном Варшавском гетто находилось около пятисот тысяч человек. [По-видимому,] это заключение в гетто явилось первой предварительной частью гитлеровского плана истребления евреев. Лето 1942 года, пора наибольшего военного успеха фашизма, было признано подходящим временем для проведения второй части плана физического уничтожения. Известно, что Гиммлер приезжал в это время в Варшаву, отдавая соответствующие распоряжения. День и ночь шла подготовка треблинской плахи. В июле первые эшелоны уже шли из Варшавы и Ченстоховы² в Треблинку. Людей извещали, что их везут на Украину для работы в сельском хозяйстве. Разрешалось брать с собой двадцать килограммов багажа и продукты питания. Во многих случаях немцы предлагали своим жертвам покупать железнодорожные билеты до станции “Обер-Майдан”. Этим условным названием немцы именovali Треблинку. Дело в том, что слух об ужасном месте вскоре прошел по всей Польше, и слово Треблинка перестало фигурировать у эсэсовцев при погрузке людей в эшелоны. Однако обращение при погрузке в эшело-

1 В других изданиях “Треблинского ада” — 396 дней. — *И. Л.*

2 При ликвидации гетто первый транспорт из Ченстоховы выслан в Треблинку 22 сентября 1942 г. — около 8 тысяч человек. Затем транспорты шли: 22/23, 25/26, 28/29 сентября; 1/2, 4/5 и 7/8 октября 1942 г. Всего отправлено из Ченстоховы на смерть около 40 тысяч евреев. — *И. Л.*

ны было таким, что не вызывало уже сомнений в судьбе, ждущей пассажиров. В товарный вагон набивалось не менее ста пятидесяти человек, обычно сто восемьдесят — двести. Весь путь, который длился иногда два-три дня, заключенным не давали воды. Страдания от жажды были так велики, что люди пили собственную мочу. Охрана требовала за глоток воды сто золотых и, получив деньги, обычно воды не давала. Люди ехали, прижавшись друг к другу, иногда даже стоя; в каждом вагоне умирали к концу путешествия, особенно в душные летние дни, несколько стариков и больных сердечными болезнями. Так как двери до конца путешествия ни разу не раскрывались, трупы начинали разлагаться, отравляя воздух в вагонах. Едва кто-либо из едущих зажигал в ночное время спичку, охрана открывала стрельбу по стенам вагона. Парикмахер Абрам Кон рассказывает, что в его вагоне было много раненых и пятеро убитых в результате стрельбы охраны по стенам вагона.

Совершенно иначе прибывали в Треблинку поезда из западноевропейских стран — Франции, Болгарии, Австрии и так далее. Здесь люди ничего не слышали о Треблинке и до последней минуты верили, что их везут на работы, да притом еще немцы всячески расписывали удобства и прелесть новой жизни, ждущей переселенцев. Некоторые эшелоны прибывали с людьми, уверенными, что их вывозят за границу, в нейтральные страны; за большие деньги они приобрели у немецких властей визы на выезд.

Однажды прибыл в Треблинку поезд с гражданами Англии, Канады, Америки, Австралии, застрявшими во время войны в Западной Европе и Польше. После длительных хлопот, сопряженных с дачей больших взяток, они добились выезда в нейтральные страны. Все поезда из европейских стран приходили без охраны, с обычной обслуживающей прислужкой, и в составе этих поездов были спальные вагоны и вагоны-рестораны. Пассажиры везли с собой объемистые сундуки и чемоданы, большие запасы продуктов. Дети пассажиров выбегали на промежуточных станциях и спрашивали, скоро ли будет Обер-Майдан.

Прибывали изредка эшелоны цыган из Бессарабии и из других районов. Несколько раз прибывали эшелоны молодых поляков-крестьян и рабочих, участвовавших в восстаниях и партизанских отрядах.

Трудно сказать, что страшней: ехать на смерть в ужасных мучениях, зная о ее приближении, либо, в полном неведении гибели, выглядывать из окна мягкого вагона в тот момент, когда со станции Треблинка уже звонят в лагерь и сообщают данные о прибывшем поезде и количестве людей, едущих в нем.

Для последнего обмана людей, приезжавших из Европы, самый железнодорожный тупик в лагере смерти был оборудован наподобие пассажирской станции. На платформе, у которой разгружались очередные двадцать вагонов, стояло вокзальное здание с кассами, камерой хранения багажа, с залом ресторана; повсюду имелись стрелы-указатели: “Посадка на Белосток”, “На Барановичи”, “Посадка на Волковыск” и так далее. К прибытию эшелона в здании вокзала играл оркестр, все музыканты были хорошо одеты. Швейцар в форме железнодорожного служащего отбирал у пассажиров билеты и выпускал их на площадь. Три-четыре тысячи людей, нагруженных мешками и чемоданами, поддерживая стариков и больных, выходи-

ли на эту площадь. Матери держали на руках детей, дети постарше жались к родителям, пытливо оглядывая площадь. Что-то тревожное и страшное было в этой площади, вытоптанной миллионами человеческих ног. Обостренный взор людей быстро ловил тревожащие мелочи — на торопливо подметенной, видимо за несколько минут до выхода партии, земле видны были брошенные предметы — узелок одежды, раскрытые чемоданы, кисти для бритвы, эмалированные кастрюли. Как попали они сюда? И почему сразу же за вокзальной платформой оканчивается железнодорожный путь, растет желтая трава и тянется трехметровая проволока? Где же путь на Белосток, на Седльце, Варшаву, Волковыск? И почему так странно усмехаются новые охранники, оглядывая поправляющих галстуки мужчин, аккуратных старушек, мальчиков в матросских курточках, худеньких девушек, умудрившихся сохранить в этом путешествии опрятность одежды, молодых матерей, любовно поправляющих одеяльца на младенцах? Все эти вахманы в черных мундирах и эсэсовские унтер-офицеры походили на погонщиков стада при входе в бойню. Для них вновь прибывшая партия не была живыми людьми — и они невольно улыбались, глядя на проявления стыдливости, любви, страха, заботы о близких, о вещах, их сместило, что матери выговаривают детям, отбежавшим на несколько шагов, и одергивали на них курточки, что мужчины вытирали лбы носовыми платками и закуривали сигареты, что девушки поправляли волосы и испуганно придерживали юбки, когда налетал порыв ветра. Их сместило, что старики старались присесть на чемоданчики, что некоторые держали под мышкой книги и что больные кутали шеи. До двадцати тысяч человек проходило ежедневно через Треблинку. Дни, когда из вокзала выходили шесть-семь тысяч, считались пустыми днями. Четыре, пять раз на день наполнялась площадь людьми. И все эти тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч людей, все эти юные и старые лица, чернокудрые и золотоволосые красавицы, горбатенькие и сутулые, лысые старики, робкие подростки — все это сливалось в едином потоке, поглощающем и разум, и прекрасную человеческую науку, и девичью любовь, и детское недоумение, и кашель стариков, и сердце человека.

И вновь прибывшие с дрожью ощущали странность этого сдержанного сытого, насмешливого взгляда, взгляда превосходства живого скота над мертвым человеком.

И снова, в эти короткие мгновения, вышедшие на площадь ловили мелочи, непонятные и вселяющие тревогу.

Что это там, за этой огромной, шестиметровой стеной, плотно закрытой одеялами и начавшими желтеть сосновыми ветвями? Одеяла тоже внушали тревогу: стеганые, разноцветные, шелковые и крытые ситцами, они напоминали те одеяла, что лежали в постельных принадлежностях приехавших. Как попали они сюда? Кто их привез? И где они, владельцы этих одеял? Почему им не нужны больше одеяла? И кто эти люди с голубыми повязками? Вспоминается все передуманное за последнее время, тревоги, слухи, передаваемые шепотом. Нет, нет, не может быть. И человек отгоняет страшную мысль. Тревога на площади продолжается несколько мгновений — может быть, две-три минуты, пока все прибывшие успеют выйти на площадь. Этот выход всегда сопряжен с задержкой: в каждой партии имеются калеки, хро-

мые, старики и больные, едва передвигающие ноги. Но вот все на площади. Унтершарфюрер (унтер-офицер войск СС) громко и отдельно предлагает приехавшим оставить вещи на площади и отправиться в баню, имея при себе лишь личные документы, ценности и самые небольшие пакетики с умывальными принадлежностями. У стоящих возникают десятки вопросов — брать ли белье, можно ли развязывать узлы, не перепутаются ли вещи, сложенные на площади, не пропадут ли. Но какая-то странная сила заставляет их молча, поспешно шагать, не задавая вопросов, не оглядываясь, к проходу в шестиметровой проволочной стене, замаскированной ветками. Они проходят мимо противотанковых ежей, мимо высокой, в три человеческих роста колючей проволоки, мимо трехметрового противотанкового рва, снова мимо тонкой, клубками брошенной стальной проволоки, в которой ноги бегущего застревают, как лапки мухи в паутине, и снова мимо многометровой стены колючей проволоки. И страшное чувство, чувство обреченности, чувство беспомощности охватывает их — ни бежать, ни повернуть обратно, ни драться: с деревянных низеньких и приземистых башен смотрят на них дула крупнокалиберных пулеметов. Звать на помощь? Но ведь кругом эсэсовцы и вахманы с автоматами, ручными гранатами, пистолетами.

А на площади перед вокзалом — две сотни рабочих с небесно-голубыми повязками (группа “небесных”)¹ молча, быстро, умело развязывают узлы, вскрывают корзинки и чемоданы, снимают ремни с портпледов. Идет сортировка и оценка вещей, оставленных только что прибывшей партией. Летят на землю заботливо уложенные штопальные принадлежности, клубки ниток, детские трусики, сорочки, простыни, джемперы, бритвенные приборы, связки писем, фотографии, наперстки, флаконы духов, зеркала, чепчики, туфли, валенки, сшитые из ватных одеял на случай мороза, дамские туфельки, чулки, кружева, пижамы, пакеты с маслом, кофе, банки какао, молитвенные одежды, подсвечники, книги, сухари, скрипки, детские кубики. Нужно обладать квалификацией, чтобы в считанные минуты рассортировать все эти тысячи предметов, оценить их — одни отобрать для отправки в Германию, другие второстепенные, старые и штопанные — для сожжения. Горе ошибавшемуся рабочему, положившему старый фибровый чемодан в кучу отобранных для отправки в Германию кожаных саквояжей либо бросившему в кучу старых штопанных носков пару парижских чулок с фабричной пломбой. Рабочий мог ошибиться только один раз. Два раза ему не дано было ошибаться. Сорок эсэсовцев и шестьдесят вахманов работали “на транспорте” — так называлась в Треблинке первая, только что описанная нами стадия: прием эшелона, вывод партии на “вокзал” и на площадь, наблюдение за рабочими, сортирующими и оценивающими вещи. Во время этой работы рабочие часто незаметно от охраны совали в рот куски хлеба, сахара, конфеты, найденные в продуктовых пакетах. Это не разрешалось. Разрешалось

¹ Небеске (польск.) — голубые. Группы рабочих отличались цветом нарукавных повязок: “голубые” собирали багаж, тела погибших в дороге, группа “красных” помогала при раздевании жертв, “желтые” — ремесленники, работавшие в мастерских. На обслуживании прибывающих эшелонов работали около тысячи человек и еще 300–500 так называемых “могильщиков”. — И. Л.

после окончания работы мыть руки и лица одеколоном и духами, — воды в Треблинке не хватало, и для умывания ею пользовались только немцы и вахманы. И пока люди, все еще живые, готовились к “бане”, работа над их вещами подходила к концу: ценные вещи уносились на склад, а письма, фотографии новорожденных, братьев, невест, пожелтевшие извещения о свадьбе — все эти тысячи драгоценных предметов, бесконечно дорогих для их владельцев и представляющих лишь хлам для треблинских хозяев, собирались в кучи и уносились к огромным ямам, где на дне лежали сотни тысяч таких же писем, открыток, визитных карточек, бумажек с детскими каракулями и первыми неумелыми рисунками цветным карандашом. Площадь кое-как подметалась и была готова к приему новой партии обреченных. Не всегда прием партии проходил, как только что описано. В тех случаях, когда заключенные знали, куда их ведут, вспыхивали бунты. Крестьянин Скаржинский видел, как из двух поездов, выломив двери, вырвались люди и, опрокинув стражу, кинулись к лесу. Все до единого в обоих случаях были убиты из автоматов. Мужчины несли на руках четырех детей. И дети эти также были убиты. О таких же случаях борьбы с охраной рассказывает крестьянка Марьяна Кобус. Однажды на ее глазах, когда она работала в поле, были убиты шестьдесят человек, прорвавшихся из поезда к лесу.

Но вот партия переходит на новую площадку, уже внутри второй лагерной ограды. На площади огромный барак, вправо еще три барака, два из них отведены под склады одежды, третий под обувь. Дальше, в западной части, расположены бараки эсэсовцев, бараки вахманов, склады продовольствия, скотный двор, стоят автомашины легковые и грузовые, броневик. Впечатление такого же обычного лагеря, как лагерь № 1.

В юго-восточном углу лагерного двора огороженное ветвями пространство, впереди него будка с надписью “лазарет”. Всех дряхлых, тяжелобольных отделяют от толпы, ожидающей “бани”, и несут на носилках в лазарет. Из будки навстречу больным выходит доктор в белом фартуке с повязкой Красного Креста на левом рукаве. О том, что происходило в лазарете, мы подробно расскажем ниже.

Вторая фаза обработки прибывшей партии характеризуется подавлением воли людей непрерывными короткими и быстрыми приказами. Эти приказы произносятся тем знаменитым тембром голоса, которым так гордится немецкая армия, тембром, являющимся одним из доказательств принадлежности немцев к расе господ. Буква “р”, одновременно картавая и твердая, звучит, как кнут.

Achtung! — пронесится над толпой, и в свинцовой тишине голос шарфюрера произносит заученные, повторяемые несколько раз на день, много месяцев подряд, слова:

— Мужчины остаются на месте, женщины и дети раздеваются в бараках налево.

Здесь, по рассказам очевидцев, обычно начинаются страшные сцены. Великое чувство материнской, супружеской, сыновней любви подсказывает людям, что они в последний раз видят друг друга. Рукопожатия, поцелуи, благословления, слезы, короткие слова прощания, в которые люди вкладывают всю свою любовь, всю боль, всю нежность, все отчаяние свое.

Эсэсовские психиатры смерти знают, что эти чувства нужно мгновенно затушить, отсечь. Психиатры смерти знают те простые законы, которые действуют на всех скотобойнях мира, законы, которые в Треблинке скоты применяли к людям. Это один из наиболее ответственных моментов: отделение дочерей от отцов, матерей от сыновей, бабушек от внуков, мужей от жен.

И снова над площадью: *Achtung! Achtung!* Именно в этот момент нужно снова смутить разум людей, заворожить его надеждой, правилами смерти, выдаваемыми за правила жизни. Тот же голос рубит слово за словом:

— Женщины и дети снимают обувь при входе в барак. Чулки складываются в туфли. Детские чулочки складываются в сандалии, ботиночки и туфельки детей. Будьте аккуратны.

И тотчас же снова:

— Направляясь в баню, иметь при себе драгоценности, документы, деньги, полотенце и мыло... Повторяю...

Внутри женского барака находится парикмахерская — голых женщин стригут под машинку, со старух снимают парики. Странный психологический момент — эта смертная стрижка, по свидетельству парикмахеров, более всего убеждала женщин, что их ведут в баню. Девушки, щупая голову, иногда просили: “Вот тут неровно, подстригите, пожалуйста”. Обычно после стрижки женщины успокаивались, почти каждая выходила из барака, имея при себе кусочек мыла и сложенное полотенце. Некоторые молодые плакали, жалея свои красивые косы. Для чего стригли женщин? Чтобы обмануть их? Нет, эти волосы нужны были на потребу Германии. Это было сырье. Я спрашивал многих, что делали немцы с этим ворохом волос, снятых с голов живых покойниц. Все свидетели рассказывают, что огромные груды черных, золотых, белокурых волос, кудрей, кос подвергались дезинфекции, прессовались в мешки и отправлялись в Германию. Все свидетели подтверждали, что волосы отправляют в мешках в германские адреса. Как использовались они? В письменных показаниях Кона утверждается, что потребителем этих волос было военно-морское ведомство, — волосы шли для набивки матрацев, технических приспособлений, плетения канатов для подводных лодок. Другие свидетели показывают, что волосы шли для набивки подушек кавалерийских седел.

Мужчины раздевались во дворе. Из первой внутренней партии отбиралось 150–300 человек, обладающих большой физической силой; их использовали для захоронения трупов и убивали обычно на второй день. Раздеваться мужчины должны были очень быстро, но аккуратно, складывая в порядке обувь, носки, белье, пиджаки и брюки. Сортировкой вещей занималась вторая рабочая команда, “красная”, отличавшаяся от работавших на “транспорте” красной нарукавной повязкой. Вещи, признанные достойными быть отправленными в Германию, поступали тут же на склады. С них тщательно спарывались все металлические и матерчатые знаки. Остальные вещи сжигались или закапывались в ямы. Чувство тревоги росло все время. Обоняние тревожил страшный запах, то и дело перебиваемый запахом хлорной извести. Казалось непонятным огромное количество жирных назойливых мух. Откуда они здесь, среди сосен и вытопанной земли? Люди дышали тревожно и шумно, вздрагивая, вглядываясь в каждую ни-

чтожную мелочь, могущую объяснить, подсказать, приподнять завесу тайны над судьбой, ждущей обреченных. И почему там, в южном направлении, так грохочут гигантские экскаваторы?

Начиналась новая процедура. Голых людей подводили к кассе и предлагали сдавать документы и ценности. И вновь страшный гипнотизирующий голос кричал: *Achtung! Achtung!* “За сокрытие ценностей смерть...” *Achtung!*

В маленькой, сколоченной из досок будке сидел шарфюрер. Возле него стояли эсэсовцы и вахманы. Подле будки стояли деревянные ящики, в которые бросались ценности, — один для бумажных денег, другой для монет, третий для ручных часов, для колец, для серег и для брошек с драгоценными камнями, для браслетов. А документы летели на землю, уже никому не нужные на свете, документы живых мертвецов, которые через час уже будут затрамбованные лежать в яме. Но золото и ценности подвергались тщательной сортировке, десятки ювелиров определяли чистоту металла, ценность камня, чистоту воды бриллиантов.

Здесь, у “кассы”, наступал перелом — здесь кончалась пытка ложью, державшей людей в гипнозе неведения, в лихорадке бросавшей их на протяжении нескольких минут от надежды к отчаянию, от видения жизни к видениям смерти. Эта пытка ложью являлась одним из атрибутов конвейерной плахи, она помогала эсэсовцам работать. И когда наступал последний акт ограбления живых мертвецов, немцы резко меняли стиль отношения к своим жертвам. Кольца срывали, ломая пальцы женщинам, вырывали серьги, раздирая мочки ушей.

На последнем этапе конвейерная плаха требовала для быстрого своего функционирования нового принципа, и поэтому слово *Achtung!* сменялось другим хлопающим, шипящим: *Schneller! Schneller! Schneller!* Скорей, скорей, скорей!

Из жестокой практики последних лет известно, что голый человек теряет сразу силу сопротивления, перестает бороться против судьбы, сразу вместе с одеждой теряет и силу жизненного инстинкта, приемлет судьбу как рок. Непримиимо жаждущий жить — становится пассивным и безразличным. Но для того чтобы застраховать себя, эсэсовцы дополнительно применяли на последнем этапе работы конвейерной плахи метод чудовищного оглушения, ввергая людей в состояние психического, душевного шока.

Как это делалось?

Внезапным и резким применением бессмысленной жестокости. Голые люди, у которых было отнято все, но которые упрямо продолжали оставаться людьми в тысячу крат больше, чем окружавшие их твари в мундирах германской армии, все еще дышали, смотрели, мыслили, их сердца еще бились. Из рук их вышибали куски мыла и полотенца. Их строили рядами, по пять человек в ряд.

— *Hände hoch! Marsch! Schneller, schneller!*

Они вступали на прямую аллею, обсаженную цветами и елками, длиной в сто двадцать метров, шириной в два метра, ведущую к месту казни.

По обе стороны этой аллеи были протянуты проволоки и плечом к плечу стояли вахманы в черных мундирах и эсэсовцы в серых. Дорога была покрыта белым песком, и те, что шли впереди, с поднятыми руками, видели на этом взрыхленном песке свежие отпечатки босых ног: маленьких женских, совсем маленьких — детских, тяжелых, старческих ступней. Этот зыбкий след на песке — все, что осталось от тысяч людей, которые недавно прошли по этой дороге, прошли так же, как шли сейчас по ней новые четыре тысячи, как пройдут после этих четырех тысяч через два часа еще тысячи, ожидавшие очереди на лесной железнодорожной ветке. Прошли так же, как шли вчера, и десять дней назад, и сто дней назад, как пройдут завтра и через пятьдесят дней, как шли люди все тринадцать месяцев существования треблинского ада.

Эту аллею немцы называли — “дорога без возвращения”.

Кривляющееся человекообразное, фамилия которого Сухомиль, с ужимками кричало, коверкая нарочно немецкие слова:

— Детки, детки, шнеллер, шнеллер, вода в бане уже остывает. Шнеллер, детки, шнеллер! — и хохотало, приседало, приплясывало.

Люди с поднятыми руками шли молча между двумя шеренгами стражи, под ударами прикладов, резиновых палок. Дети, едва поспевая за взрослыми, бежали. В этом последнем скорбном проходе все свидетели отмечают зверство одного человекообразного существа — эсэсовца Цэпфа. Он специализировался по убийству детей. Обладая огромной силой, это существо внезапно выхватывало из толпы ребенка и, либо взмахнув им, как палицей, било его головой оземь, либо раздирало его пополам.

Путь от “касс” до места казни занимал три-четыре минуты. Подхлестываемые ударами, оглушенные криками, люди выходили на третью площадь и на мгновение, пораженные, останавливались.

Перед ними стояло красивое, каменное здание, отделанное деревом, построенное, как древний храм. Пять широких бетонированных ступеней вели к низким, но очень широким массивным, красиво отделанным дверям. У входа росли цветы, стояли вазоны. Кругом же царил хаос — всюду видны были горы свежевскопанной земли, огромный экскаватор, скрежеща, выбрасывал своими стальными клешнями тонны желтой песчаной почвы, и пыль, поднятая его работой, стояла между землей и солнцем. Грохот колоссальной машины, рывшей с утра до ночи огромные рвы-могилы, смешивался с отчаянным лаем десятков немецких овчарок.

С обеих сторон здания смерти шли узкоколейные линии, по которым люди в широких комбинезонах подкатывали самопрокидывающиеся вагонетки.

Широкие двери здания смерти медленно распахивались, и два подручных Шмидта, шефа комбината, появлялись у входа. Это были садисты и маляки; один высокий, лет тридцати, с массивными плечами, со смуглым, смеющимся, радостно возбужденным лицом и черными волосами, другой помоложе, небольшого роста, шатен с бледно-желтыми щеками, точно после усиленного приема акрихина. Имена и фамилии этих предателей человечества, [родины и присяги] известны.

Высокий держал в руках метровую массивную трубу и нагайку, второй был вооружен саблей.

В это время эсэсовцы спускали натренированных собак, которые кидались в толпу и рвали зубами голые тела обреченных. Эсэсовцы с дикими криками били прикладами, подгоняли замерших, словно в столбняке, женщин.

Внутри самого здания действовали подручные Шмидта, вгоняя в распахнутые двери газовых камер.

К этой минуте у здания появлялся один из комендантов Треблинки Курт Франц¹, ведя на поводку свою собаку Бари. Хозяин специально натренировал ее бросаться на обреченных, вырывать им половые органы. Курт Франц сделал в лагере хорошую карьеру, начав с младшего унтер-офицера войск СС и дойдя до довольно высокого чина унтерштурмфюрера. Этот тридцатипятилетний высокий и худой эсэсовец обладал не только организаторским даром в устройстве конвейерной плахи, он не только обожал свою службу и не мыслил себя вне Треблинки, где все происходило под его неутомимым наблюдением, он был до некоторой степени теоретиком и любил обобщать смысл и значение своей работы.

Потрясают до глубины души, лишают сна и покоя рассказы о том, как живые треблинские мертвецы до последней минуты сохраняли человеческое достоинство. Рассказывают о женщинах, пытавшихся спасти своих сыновей и шедших ради этого на великие безнадежные подвиги, о молодых матерях, прятавших, закапывавших своих грудных детей в кучу одеял и прикрывавших их своим телом. Никто не знает и уже никогда не узнает имен этих матерей. Рассказывали о десятилетних девочках, утешавших своих рыдающих родителей, о мальчишке, кричавшем у входа в “газовню”: “Русские отомстят, мама, не плачь”. Никто не знает и уже никогда не узнает, как звали этих детей. Рассказывали нам о десятках обреченных людей, вступавших в борьбу — одни против огромной своры вооруженных автоматами и гранатами эсэсовцев [и гибнувших стоя, с грудью, простреленной десятками пуль.] Рассказывали нам о молодом мужчине, вонзившем нож в эсэсовца-офицера, о юноше, привезенном из восставшего Варшавского гетто, сумевшем чудом скрыть от немцев гранату; он ее бросил, уже будучи голым, в толпу палачей. Рассказывают о сражении, длившемся всю ночь между восставшей партией обреченных и отрядами вахманов и эсэсовцев. До утра гремели выстрелы, взрывы гранат, и когда взошло солнце, вся площадь была покрыта телами мертвых бойцов, и возле каждого лежало его оружие — палица, вырванная из ограды, нож, бритва. Сколько простоит земля — уже никогда никто не узнает имена погибших. Рассказывают о высокой девушке на “дороге без возвращения”, вырвавшей карабин из рук вахмана и дравшейся против десятков стрелявших в нее эсэсовцев. Два скота были убиты в этой борьбе, у третьего раздроблена рука. Он вернулся в Треблинку одноруким. Страшны были издевательства и казнь, которым подвергли девушку. Имени ее никто не узнает.

Гитлеризм отнял у этих людей дом, жизнь, хотел стереть их имена в памяти мира. Но все они — и матери, прикрывавшие телом своих детей, ути-

1 Курт Хуберт Франц — заместитель коменданта лагеря. Первым комендантом Треблинки (с апреля 1942 г.) был гаупштурмфюрер СС Томала, прибывший из Собибора. С августа 1942 г. комендантом стал гаупштурмфюрер СС Франц Пауль Штангль, бывший до того комендантом Собибора. В 1967 г. Штангль был арестован в Бразилии и в 1970 г. в Дюссельдорфе приговорен к пожизненному заключению. В 1971 г. умер в тюрьме. — И. Л.

равшие слезы на глазах отцов, и те, кто дрались ножами и бросали гранаты, и павшие в ночной бойне, и нагая девушка, сражавшаяся одна против десятков, — все они, ушедшие в небытие, сохранили навечно самое лучшее имя, которого не могла втоптать в землю свора гитлеровцев-гиммлеров, — имя человека. На их памятнике история напишет: “Здесь спит человек”.

Жители ближайшей к Треблинке деревни Вулька рассказывают, что иногда крик убиваемых женщин был так ужасен, что вся деревня, теряя голову, бежала в дальний лес, чтобы не слышать этого пронзительного, просверливающего бревна, небо и землю крика. Потом крик внезапно стихал и вновь столь же внезапно рождался, такой же ужасный, пронзительный, сверлящий кости, череп, душу. Так повторялось по три-четыре раза на день.

Я расспрашивал одного из пойманных палачей об этих криках, он объяснил, что женщины кричали в ту минуту, когда спускали собак и всю партию обреченных вгоняли в здание смерти. “Они видели смерть, кроме того, там было очень тесно, их страшно били и рвали собаки”.

Внезапная тишина наступала, когда закрывали двери камер. Крик возникал вновь, когда к “газовне” приводили новую партию. Так повторялось два, три, четыре, иногда пять раз на день. Ведь треблинская плаха была не просто плахой. Это была конвейерная плаха, организованная по методу потока, заимствованному из современного крупного промышленного производства.

И как подлинный промышленный комбинат, Треблинка не возникла сразу в том виде, как мы ее описываем. Она росла постепенно, развивалась, ставила новые цеха. Сперва были построены три газовые камеры небольшого размера. В период строительства этих камер прибыло несколько эшелонов, и так как камеры еще не были готовы, все прибывшие были убиты холодным оружием — топорами, молотками, дубинами. Эсэсовцы не хотели стрельбой расшифровывать перед окрестными жителями работу Треблинки. Первые три бетонированные камеры были небольшого размера, 5 × 5 метров, то есть площадью 25 м² каждая. Высота камеры — 190 сантиметров. В каждой камере имелись две двери — в одну впускались живые люди, вторая служила для вытаскивания загазированных трупов. Эта вторая дверь была очень широка, около двух с половиной метров. Камеры были смонтированы вместе на одном фундаменте.

Эти три камеры не удовлетворяли заданной Берлином мощности конвейерной плахи.

Тотчас же приступили к строительству описанного выше здания. Руководители Треблинки гордились тем, что оставляют далеко позади по мощности, пропускной способности и производственной квадратуре камер все гестаповские фабрики смерти: и Майданек, и Собибор, и Бельжец.

Семьсот заключенных в течение пяти недель работали над зданием нового комбината смерти. В разгар работы приехал из Германии мастер со всей своей бригадой и приступил к монтажу. Новые камеры, общим количеством десять, располагались симметрично по обе стороны широкого бетонированного коридора. В каждой новой камере, как и в трех прежних, имелись две двери — первая со стороны коридора, в нее вводились живые люди, вторая, расположенная параллельно, проделанная в противоположной стене, служила для вытаскивания загазированных трупов. Эти двери

выходили на специальную платформу, их было две, симметрично расположенных по обе стороны здания. К платформе подходили линии узкоколеек. Таким образом, трупы вываливались на платформы и оттуда сразу же грузились в вагонетки, отвозились к огромным рвам-могилам, их день и ночь копали колоссы-экскаваторы.

Пол в камерах был устроен с большим наклоном от коридора к платформам, и это значительно убыстряло работу по разгрузке камер (в старых камерах трупы разгружались кустарно: их носили на носилках и волокли на ремнях). Площадь каждой камеры была 7×8 метров, то есть 56 м^2 . Общая площадь новых пяти камер составляла 560 м^2 , а считая и площадь трех старых камер, которые продолжали работать при поступлении небольших партий, всего Треблинка располагала смертной промышленной площадью в 635 м^2 . В одну камеру загружались одновременно четыреста-пятьсот человек¹. Таким образом, при полной загрузке десяти камер в один прием уничтожались в среднем четыре с половиной тысячи человек².

Умерщвление длилось в камере от десяти до двадцати пяти минут. В первое время, когда были пущены новые камеры и палачи не могли сразу наладить газовый режим и производили опыты по дозировкам различных отравляющих веществ, жертвы подвергались страшным мучениям, продолжавшимся два и три часа. В самые первые дни скверно работали нагнетательные и отсасывающие устройства, и тогда муки несчастных затягивались на восемь и десять часов. Для умерщвления применялись различные способы. Нагнетали отработанные газы от мотора тяжелого танка, служившего двигателем треблинской станции. Этот отработанный газ содержит в себе 2–3 % окиси углерода, обладающей свойствами связывать гемоглобин крови в стойкое соединение, так называемый карбоксигемоглобин. Этот карбоксигемоглобин во много раз устойчивей соединения оксигемоглобин, образуемого при соприкосновении в альвеолах легких крови с кислородом воздуха. В течение пятнадцати минут гемоглобин человеческой крови плотно связывается с окисью углерода, и человек дышит “впустую” — кислород перестает поступать в его организм, проявляются признаки кислородного голодания: сердце работает с бешеной силой, гонит кровь в легкие, но отравленная окисью углерода кровь бессильна захватить кислород из воздуха. Дыхание становится хриплым, появляются явления мучительного удушья, сознание меркнет, и человек погибает так же, как гибнет удушенный.

Вторым принятым в Треблинке способом, получившим наибольшее распространение, было откачивание с помощью специальных насосов воздуха из камер — смерть при этом наступала примерно от таких же причин, как и при отравлении окисью углерода: у человека отнимали кислород. И наконец, третий способ, менее принятый, но все же применявшийся — убийство паром, и этот способ также основывался на лишении организма кислорода: пар вытеснял из камер воздух. Применялись различные отравляющие вещества, но это было экспериментирование; промышленными способами массового убийства были названные нами первые два способа.

1 В других изданиях “Треблинского ада” — 400–600 человек. — И. Л.

2 В других изданиях “Треблинского ада” — 4–6 тысяч человек. — И. Л.

Найдем ли мы в себе силу задуматься над тем, что чувствовали, что испытывали в последние минуты люди, находившиеся в этих камерах? Известно, что они молчали. В страшной тесноте, от которой ломались кости и сдавленная грудная клетка не могла дышать, стояли они один к одному, облитые последним липким смертельным потом, стояли, как один человек. Кто-то, может быть, мудрый старик, с усилием произносит: “Утешься, это конец”. Кто-то кричит страшное слово проклятия. И неужели не сбудется это святое проклятие? Мать со сверхчеловеческим усилием пытается расширить место для своего дитяти — пусть его смертное дыхание будет хоть на одну миллионную облегчено последней материнской заботой. Девушка костенеющим языком спрашивает: “Но почему меня душат? Почему я не могу любить и иметь детей?” А голова кружится, удушье сжимает горло. Какие картины мелькают в стеклянных умирающих глазах? Сознание меркнет, и приходит минута страшной последней муки. Нет, нельзя себе представить того, что происходит в камере. Мертвые тела стоят, постепенно холодея. Дольше всех, показывают свидетели, сохраняли дыхание дети.

Через двадцать — двадцать пять минут подручные Шмидта заглядывали в глазки. Наступала пора открывать двери камер, ведущие на платформы. Заключенные в комбинезонах, под шумные понукания эсэсовцев, приступали к разгрузке. Так как пол был покатым в сторону платформы, многие тела вываливались сами. Люди, работавшие на разгрузке камер, рассказывали мне, что лица покойников были очень желты и что примерно у 70 % убитых из носа и изо рта вытекало немного крови. Физиологи могут объяснить это. Эсэсовцы, переговариваясь, осматривали трупы. Если кто-нибудь оказывался жив, стонал или шевелился, его достреливали из пистолета. Затем команды, вооруженные зубоорубными щипцами, вырывали у лежащих в ожидании погрузки убитых платиновые и золотые зубы. Зубы эти сортировались согласно их ценности, упаковывались в ящики и отправлялись в Германию. Если бы хоть чем-нибудь для эсэсовцев было выгодно или удобно вырывать зубы у живых людей, они, конечно, не задумываясь, делали бы это, так же как они снимали волосы с живых женщин. Но, по-видимому, вырывать зубы у мертвых было удобней и легче.

Трупы грузились на вагонетки и подвозились к огромным рвам-могилам. Там их укладывали рядами, плотно, один к одному. Ров оставался не засыпанным, ждал. А в это время, когда лишь приступали к разгрузке газовни, шарфюрер, работавший “на транспортере”, получал по телефону короткий приказ. Шарфюрер подавал свисток, сигнал машинисту, и новые двадцать вагонов медленно подкатывали к платформе, на которой стоял макет вокзала станции “Обер-Майдан”. Новые три-четыре тысячи человек, неся чемоданы, узлы, пакеты с едой, выходили на вокзальную площадь. Матери несли детей на руках, дети постарше жались к родителям, внимательно оглядывались. Что-то тревожное и страшное было в этой площади, вытоптанной миллионами ног. И почему сразу же за вокзальной платформой оканчивается железнодорожный путь, растет желтая трава и тянется трехметровая проволока?

Прием новой партии происходит по строгому расчету, таким образом, чтобы обреченные вступали на “дорогу без возвращения” как раз в тот мо-

мент, когда последние трупы из газовой вывозились к рвам. Ров стоял не засыпанным, ждал.

И вот спустя некоторое время снова раздавался свисток шарфюрера, и снова двадцать вагонов выезжали из леса и медленно подкатывали к платформе. Новые тысячи людей, неся чемоданы, узлы, пакеты с едой, выходили на площадь, оглядывались. Что-то тревожное, страшное было в этой площади, вытоптанной миллионами ног.

А комендант лагеря, сидя в диспетчерской, обложенный бумагами и схемами, звонил по телефону на станцию Треблинка, и с запасных путей, скрежеща, громыхая, двигался шестидесятивантоновый эшелон, окруженный эсэсовской охраной, вооруженной ручными пулеметами и автоматами, и уползал по узкой, меж двумя рядами сосен идущей колее.

Огромные экскаваторы работали, урчали, рыли день и ночь новые огромные, на сотни метров длины и темной, многометровой глубины рвы. И рвы стояли не засыпанные. Ждали. Недолго ждали.

В конце зимы 1942/43 года в Треблинку приехал Гиммлер, сопровождаемый группой крупных чиновников гестапо. Группа Гиммлера прилетела в район лагеря на самолете, а затем на двух легковых машинах въехала в главные ворота. Большинство приехавших носили военную форму, но некоторые, возможно эксперты, были гражданскими лицами — в шубах и шляпах. Гиммлер лично осмотрел лагерь, и один из видевших его рассказывал нам, как министр смерти подошел к огромному рву и долго молча смотрел. Сопровождавшие его лица стояли в некотором отдалении и ожидали, пока Генрих Гиммлер созерцал колоссальную могилу, уже наполовину заполненную трупами.

Треблинка была самой крупной фабрикой в концерне Гиммлера. В тот же день самолет рейхсфюрера СС улетел. Покидая Треблинку, Гиммлер отдал приказ командованию лагеря, смутивший всех: и гауптштурмфюрера барона фон Фейна, и заместителя его Короля, и капитана Франца, — немедленно приступить к сожжению похороненных трупов и сжечь их все до единого, пепел и шлак вывозить из лагеря, рассеивать по полям и дорогам. В земле находились уже миллионы трупов¹, задача эта казалась необычайно сложной и тяжелой. Кроме того, было приказано вновь загазированных не закапывать, а тут же сжигать. Вначале дело с сожжением трупов совершенно не ладилось — трупы не хотели гореть; правда, было замечено, что женские тела горят лучше, ими пытались разжигать трупы мужчин. Тратились большие количества бензина и масла для разжигания трупов, но это стоило дорого и эффект получался ничтожный. Казалось, дело это находится в тупике. Но нашелся выход. Из Германии приехал эсэсовец, плотный мужчина под пятьдесят лет, специалист и мастер.

Под его руководством приступили к постройке печей. Это были особого типа печи-костры, ибо ни люблинский, ни любой крупнейший крематорий мира не был бы в состоянии сжечь за такой короткий срок такое гигантское количество тел. Экскаватор выкопал ров-котлован длиной в 250–300 метров,

1 Считается, что в Треблинке погибло 750–800 тысяч человек. — И. Л.

шириной в 20–25 метров, глубиной в 5 метров. На дне рва, по всему его протяжению, были установлены в три ряда на равных расстояниях друг от друга железобетонные столбы, высотой каждый над уровнем дна в 100–120 сантиметров. Столбы эти служили основанием для стальных балок, проложенных вдоль всего рва. На эти балки поперек были положены рельсы, на расстоянии 5–7 сантиметров одна от другой. Таким образом были устроены гигантские колосники циклопической печи. Была проложена новая узкоколейная дорога, ведущая от рвов-могил ко рву-печи. Вскоре построили еще вторую, а затем и третью печь таких же размеров. На каждую печь-решетку нагружалось одновременно три с половиной — четыре тысячи трупов.

Был доставлен второй “багер” — колосс-экскаватор, а за ним вскоре третий. Работа шла день и ночь. Люди, участвовавшие в работе по сожжению трупов, рассказывают, что печи эти напоминали гигантские вулканы; страшный жар жег лица работавших, пламя извергалось на высоту восемьдесят метров, столбы черного густого и жирного дыма достигали неба и тяжелым неподвижным покрывалом стояли в воздухе. Жители окрестных деревень видели это пламя по ночам за тридцать-сорок километров, оно поднималось выше сосновых лесов, окружавших лагерь. Запах горелого человеческого мяса заполнял всю округу. Когда ветер дул в сторону польского лагеря, расположенного в трех километрах, люди задыхались там от страшного зловония. На этой работе по сожжению трупов были заняты свыше восьмисот заключенных — численный состав, превышающий количество рабочих, занятых в доменном или мартеновском цехе любого металлургического гиганта. Этот чудовищный цех работал день и ночь в течение восьми месяцев непрерывно и не мог справиться с миллионами закопанных человеческих тел. Правда, все время прибывали новые партии для газирования, и это тоже загружало цех.

Прибывали эшелоны из Болгарии¹. Эсэсовцы и вахманы радовались их прибытию; обманутые немцами и тогдашним болгарским фашистским правительством, люди, не ведавшие своей судьбы, привозили большое количество ценных вещей, много вкусных продуктов, белый хлеб. Затем стали прибывать эшелоны из Гродно и Белостока, потом эшелоны из восставшего Варшавского гетто, прибыли эшелоны польских повстанцев — крестьян, рабочих, солдат. Прибыла партия цыган из Бессарабии, человек двести мужчин и восемьсот женщин и детей. Цыгане пришли пешком, за ними тянулись конные обозы; их также обманули, и пришла эта тысяча человек под конвоем всего лишь двух стражников, да и сами стражники не имели понятия, что пригнали людей на смерть. Рассказывают, что цыганки всплескивали руками от восхищения, видя красивое здание газовни, до последней минуты не догадываясь об ожидавшей их судьбе. Это особенно потешало немцев. Жестоко издевались эсэсовцы над прибывшими из восставшего Варшавского гетто. Из партии выделяли женщин с детьми и вели их не к газовым камерам, а к местам сожжения трупов. Обезумевших от ужаса матерей заставляли водить своих детей среди раскаленных колосников, на кото-

¹ Осенью 1942 г. в Треблинку вывезли 4 тысячи евреев из греческой Фракии, находившейся под контролем Болгарии. В начале апреля 1943 г. в Треблинку из Скопье депортированы 7 тысяч евреев Македонии, также оккупированной Болгарией. Из самой Болгарии из-за протестов православной церкви и общественности евреев не депортировали. — И. А.

рых в пламени и дыму коржились тысячи мертвых тел, где трупы, словно ожив, метались и корчились, где у беременных покойниц лопались от жары животы и мертворожденные дети горели на раскрытом чреве матери. Зрелище это могло помрачить рассудок любого, самого закаленного человека, но немцы правильно рассчитывали, что стократ сильнее это будет действовать на матерей, пытающихся закрыть ладонями глаза своим детям, кидавшимся к ним с безумными криками: “Мама, что с нами будет, нас сожгут”.

“Лазарет” тоже переоборудовали по-новому. Был вырыт круглый котлован, на дне его устроили колосники, на которых горели трупы. Вокруг котлована, как вокруг спортивного стадиона, стояли низенькие скамеечки, так близко к краю, что садившийся на скамеечку находился над самой ямой. Больных и дряхлых стариков приносили в “лазарет”, затем “санитары” усаживали их на скамеечку, лицом к костру из человеческих тел. Потешившись зрелищем, каннибалы стреляли в седые затылки и в согбенные спины сидевших: убитые и раненые падали в костер.

Может ли кто-нибудь из живущих на земле людей представить себе, что такое эсэсовский юмор в Треблинке, эсэсовские развлечения, эсэсовские шутки?

Эсэсовцы устраивали футбольные состязания смертников, заставляли их играть в “ловитки”, организовывали хор обреченных. Вблизи общежития немцев был устроен зверинец, и в клетках сидели лесные безобиднейшие звери — волки, лисы, а самые страшные свиноподобные хищники, которых носила земля, ходили на свободе, сидели на березовых скамеечках и слушали музыку. Для обреченных был даже написан специальный гимн “Треблинка”, и там имелись такие слова:

*Für uns giebt heute nur Treblinka
Das Unser Schicksal ist...¹*

Окровавленных людей за несколько минут до смерти заставляли хором разучивать idiotские немецкие сентиментальные песенки:

*...Ich brach das Blümelein
Und schenkte es dem Schönsten
Geliebsten Mädelein...²*

Главный комендант лагеря отобрал в одной партии несколько детей, убил их родителей, одел детей в лучшее платье, закармливал их сладостями, играл с ними, а затем, спустя несколько дней, когда эта забава надоела ему, приказал детей убить.

Возле уборной немцы поставили старика в молитвенных одеяниях, ему приказали следить, чтобы заходившие в уборную оправалялись не дольше трех минут. На грудь ему повесили будильник. Немцы с хохотом рассматривали его одежду. Иногда немцы заставляли стариков-евреев производить богослужение, устраивать похороны отдельным убитым с соблюдением всех религиозных обрядов, устанавливая надгробия, спустя некоторое время разрывали эти могилы, выбрасывали трупы, разбивали надгробия.

1 Нам осталась только Треблинка, / Это наша судьба (нем.).

2 Я сорвал цветочек / И подарил его красотке, / Любимой девушке (нем.).

Одним из главных развлечений были ночные насилия и издевательства над молодыми красивыми женщинами и девушками, которых отбирали из каждой партии обреченных. Наутро сами насильники отводили их в газоню. Так развлекались в Треблинке эсэсовцы, оплот гитлеровского режима и гордость фашистской Германии.

Здесь следует отметить, что существа эти вовсе не были механическими исполнителями чужой воли. Все свидетели подмечают общую им всем черту: любовь к теоретическим рассуждениям, философствованию. Все они имели слабость произносить перед обреченными речи, хвастать перед ними, объяснять великий смысл и значение для будущего того, что происходит в Треблинке.

Лето 1943 года выдалось необычайно жарким в этих местах. Ни дождя, ни облаков, ни ветра в течение многих недель. Работа по сожжению трупов находилась в разгаре. Уже около шести месяцев день и ночь пылали печи, а сожжено было немногим больше половины убитых.

Заклученные, работавшие на сожжении трупов, не выдерживали ужасных нравственных и телесных мучений, ежедневно кончали самоубийством пятнадцать-двадцать человек. Многие искали смерти, нарочно нарушая дисциплинарные правила.

“Получить пулю это было люксус” (роскошь), — говорил мне коссувский пекарь, бежавший из лагеря. Люди говорили, что быть обреченным в Треблинке на жизнь во много раз страшней, чем быть обреченным на смерть.

Шлак и пепел вывозились за лагерную ограду. Мобилизованные немцами крестьяне деревни Вулька нагужали пепел и шлак на подводы и высыпали его вдоль дороги, ведущей мимо лагеря смерти к штрафному польскому лагерю. Заклученные дети с лопатами равномерно разбрасывали этот пепел по дороге. Иногда они находили в пепле сплавленные золотые монеты, сплавленные золотые коронки. Детей звали “дети с черной дороги”. Дорога эта от пепла стала черной, как траурная лента. Колеса машин как-то по-особенному шуршали на этой дороге, и когда я ехал по ней, все время слышался из-под колес печальный шелест — негромкий, словно робкая жалоба.

Эта черная траурная лента пепла, идущая среди лесов и полей от лагеря смерти к польскому лагерю, была словно трагический символ страшной судьбы, объединившей народы, попавшие под топор гитлеровской Германии.

Крестьяне возили пепел и шлак с весны 1943 года по лето 1944 года. Ежедневно на работу выезжало двадцать подвод, и каждая из них нагужала по шесть-восемь раз на день по семь-восемь пудов пепла и шлака.

В песне “Треблинка”, которую немцы заставляли петь восемьсот человек, работавших на сожжении трупов, есть слова, где заклученных призывают к покорности и послушанию; за это им обещается “маленькое, маленькое счастье”, которое мелькает “на одну, одну минутку”. И удивительное дело — в жизни треблинского ада был действительно один счастливый день. Немцы, однако, ошиблись: не покорность и послушание подарил этот день смертникам Треблинки. Безумство смелых родило этот день. У заклученных родился план восстания. Терять им было нечего. Все они были

смертниками, каждый день их жизни был днем страданий и мук. Ни одного из них, свидетелей страшных преступлений, немцы не пощадили бы — всех их ждала газовня; да их и отправляли туда после нескольких дней работы, заменяя новыми из очередных партий. Лишь несколько десятков человек жили не дни и часы, а недели и месяцы — квалифицированные мастера, плотники, каменщики, обслуживающие немцев пекари, портные, парикмахеры. Они-то и создали комитет восстания. Конечно, только смертники и только люди, охваченные чувством лютой мести и всепожирающей ненависти, могли составить столь безумно смелый план восстания. Они не хотели бежать до того, пока не уничтожат Треблинку. И они уничтожили ее. В рабочих бараках стало появляться оружие: топоры, ножи, дубины. Какой ценой, с каким безумным риском было сопряжено добывание каждого топора и ножа! Сколько изумительного терпения, хитрости, ловкости понадобилось, чтобы укрыть это все от обыска и спрятать в бараке. Были созданы запасы бензина, чтобы облить и поджечь лагерные постройки. Как накапливался этот бензин и как бесследно исчезал он, точно растворялся! Для этого понадобились сверхчеловеческие усилия, напряжение ума, воли, страшная дерзость. Наконец, был произведен большой подкоп под немецкий барак-арсенал. И здесь дерзость помогла людям, бог смелости стоял за них. Из арсенала были вынесены двадцать ручных гранат, пулемет, карабины, пистолеты. Все это исчезло в тайниках, вырытых заговорщиками. Участники заговора разбились на пятерки. Огромный, сложный план восстания был разработан до последних мелочей. Каждая пятерка имела точное задание. Одним поручался штурм башен, на которых сидели вахманы с пулеметами. Вторые должны были внезапно атаковать часовых, ходивших у проходов между лагерными площадями. Третьи должны были атаковать бронемшины. Четвертые резали телефонную связь. Пятые нападали на здание казармы, шестые делали проходы в колючей проволоке. Седьмые устраивали мосты через противотанковые рвы. Восьмые обливали бензином лагерные постройки и жгли. Девятые разрушали все, что легко поддавалось разрушению.

Было предусмотрено даже снабжение деньгами бежавших. Варшавский врач, который собирал деньги, едва не погубил всего дела. Однажды шарфюрер заметил, что из кармана его брюк видна толстая пачка кредиток, — это была очередная порция денег, которые доктор собирался укрыть в тайнике. Шарфюрер сделал вид, что ничего не заметил, и тотчас доложил об этом самому Францу. Это было, конечно, событием чрезвычайным. Франц лично отправился допрашивать врача. Он сразу заподозрил нечто недоброе: в самом деле, для чего смертнику деньги? Франц приступил к допросу уверенно и не спеша, — вряд ли на земле был человек, умевший так пытаться, как он. И он был уверен, что нет на земле человека, который мог бы устоять против пыток, известных гауптману Курту Францу. В треблинском аду умели пытаться великие академики этого дела. Но варшавский врач перехитрил эсэсовского гауптмана. Он принял яд. Один из участников восстания рассказывал мне, что никогда в Треблинке не старались с таким рвением спасти человеку жизнь. Видно, Франц чутьем понял, что умирающий врач уносит важную тайну. Но немецкий яд действует верно, и тайна осталась тайной.

В конце июля наступила удушающая жара. Когда вскрывали могилы, из них, как из гигантских котлов, валил пар. Чудовищное зловоние и жар печей убивали людей; изнуренные люди, тащившие мертвецов, сами мертвыми падали на колосники печей. Миллиарды тяжелых обожравшихся мух ползали по земле, гудели в воздухе. Дожигалась последняя сотня тысяч трупов.

Восстание было назначено на 2 августа. Сигналом ему послужил револьверный выстрел. Знамя успеха осенило святое дело. В небо поднялось новое пламя — не тяжелое, полное жирного дыма пламя горящих трупов, а яркий, знойный и буйный огонь пожара. Запылали лагерные постройки, и восставшим казалось, что само солнце, разорвав свое тело, горит над Треблинкой, правит праздник свободы и чести. Загремели выстрелы, захлебываясь, затараторили пулеметы на захваченных восставшими башнях. Торжественно, как колокола правды, загудели взрывы ручных гранат. Воздух всколыхнулся от грохота и треска, рушились постройки, свист пуль заглушил гудение трупных мух. В ясном и чистом воздухе мелькали красные от крови топоры. В день 2 августа на землю треблинского ада полилась злая кровь эсэсовцев, и пышущее светом голубое небо торжествовало и праздновало миг возмездия. И здесь повторилась древняя, как мир, история: существа, ведущие себя, как представители высшей расы, существа, громоподобно возглашавшие: *Achtung! Mützen ab!*¹, существа, вызывавшие варшавян из их домов на казнь, потрясающими, рокочущими голосами властелинов: *Alle-r-r-raus, unter-r!*², эти существа, столь уверенные в своем могуществе, когда речь шла о казни миллионов женщин и детей, оказались презренными трусами, жалкими, молящими пощады пресмыкающимися, чуть дело дошло до настоящей смертной драки. Они растерялись, они метались как крысы, они забыли о дьявольски продуманной системе обороны Треблинки, о всеубивающем огне, заранее организованном, забыли о своем оружии. Но стоит ли говорить об этом и нужно ли хоть кому-нибудь дивиться этому?

Когда запылала Треблинка и восставшие, молчаливо прощаясь с пеплом народа, уходили за проволоку, со всех концов ринулись эсэсовские и полицейские части преследовать уходящих. Сотни полицейских собак были пущены по следам. Немцы мобилизовали авиацию. Бои шли в лесах, на болотах, и мало кто — считанные люди из восставших — дожил до наших дней. Но что с того — они погибли в бою, с оружием в руках.

После дня 2 августа Треблинка перестала существовать. Немцы дожидали оставшиеся трупы, разбирали каменные постройки, снимали проволоку, сжигали недожженные восставшими деревянные бараки. Было взорвано, погружено и увезено оборудование здания смерти, уничтожены печи, вывезены экскаваторы, огромные бесчисленные рвы засыпаны землей, снесено до последнего камня здание вокзала, наконец, разобрали рельсовые пути, увезены шпалы. На территории лагеря был посеян люпин, построил свой домик колонист Стребень. Сейчас этого домика нет, он сожжен. Чего хотели достичь всем этим немцы? Скрыть следы убийства

1 Смирно! Шапки долой! (нем.)

2 Все вон! Вниз! (нем.)

миллионов людей в тревлинском аду? Но разве это мыслимо сделать? Разве мыслимо заставить молчать тысячи людей, свидетельствующих о том, как эшелоны смертников шли со всей Европы к месту конвейерной казни? Разве мыслимо скрыть то мертвое, тяжелое пламя и тот дым, что 8 месяцев стояли в небе, видимые днем и ночью жителями десятков деревень и местечек? Разве мыслимо вырвать из сердца, заставить забыть тринадцать месяцев длившийся ужасный вопль женщин и детей, что и по сей день стоит в ушах крестьян деревни Вулька? Разве мыслимо заставить молчать оставшихся в живых свидетелей работы тревлинской плахи, от первых дней ее возникновения до дня 2 августа, последнего дня ее существования, — свидетелей, согласно и точно рассказывающих о каждом эсэсовце и вахмане, свидетелей, шаг за шагом, час за часом восстанавливающих тревлинский дневник? Им уже не крикнешь *Mützen ab!* и уже не свезешь в газоню. И уже не властен Гиммлер над своими подручными, которые, низко опустив головы, теребя дрожащими пальцами край пиджака, глухим, мерным голосом рассказывают кажущуюся безумием и бредом историю своих преступлений.

Мы приехали в Треблинский лагерь в начале сентября 1944 года, то есть через тринадцать месяцев после дня восстания. Тринадцать месяцев работала плаха. Тринадцать месяцев пытались немцы скрыть следы ее работы. Тихо. Едва шевелятся вершины сосен, стоящих вдоль железной дороги. Вот на эти сосны, на этот песок, на этот старый пень смотрели миллионы человеческих глаз из медленно подплывавших к перрону вагонов. Тихо шуршат пепел и дробленый шлак по черной дороге, по-немецки аккуратно обложенной крашенными в белый цвет камнями. Мы входим в лагерь, идем по тревлинской земле. Стручки люпина лопаются от малейшего прикосновения, лопаются сами с легким звоном; миллионы горошинок сыплются на землю. Звук падающих горошин, звон раскрывающихся стручков сливается в сплошную печальную и тихую мелодию. Кажется, из самой глубины земли доносится погребальный звон маленьких колоколов, едва слышный, печальный, широкий, спокойный. А земля колеблется под ногами, пухлая, жирная, словно обильно политая льняным маслом, бездонная земля Треблинки, зыбкая, как морская пучина. Этот пустырь, огороженный проволокой, поглотил в себя больше человеческих жизней, чем все океаны и моря земного шара за все время существования людского рода.

Земля извергает из себя дробленые кости, зубы, вещи, бумаги, она не хочет хранить тайны.

И вещи лезут из лопнувшей земли, из незаживающих ран ее. Вот они — полуистлевшие сорочки убитых, брюки, туфли, позеленевшие портсигары, колесики ручных часов, перочинные ножики, бритвенные кисти, подсвечники, детские туфельки с красными помпонами, полотенца с украинской вышивкой, кружевное белье, ножницы, наперстки, корсеты, бандажи. А дальше из трещин земли лезут на поверхность груды посуды: сковороды, алюминиевые кружки, чашки, кастрюли, кастрюльки, горшочки, бидоны, судки, детские чашечки из пластмассы. А дальше из бездонной вспученной земли, точно чья-то рука выталкивает на свет похороненное немцами, выходят на поверхность полуистлевшие советские паспорта, записные книжки на болгарском языке, фотографии де-

тей из Варшавы и Вены, детские, писанные каракулями письма, книжечки стихов, записанная на желтом листочке молитва, продуктовые карточки из Германии. И всюду сотни флаконов и крошечных граненых бутылочек из-под духов — зеленых, розовых, синих. Над всем этим стоит ужасный запах тления, его не могли победить ни огонь, ни солнце, ни дожди, ни снег, ни ветры. И сотни маленьких лесных мух ползают по полустлевшим вещам, бумагам, фотографиям.

Мы идем все дальше по бездонной, колеблющейся треблинской земле и вдруг останавливаемся. Желтые, горящие медью волнистые густые волосы, тонкие, легкие прелестные волосы девушки, затоптанные в землю, и рядом такие же светлые локоны, и дальше черные тяжелые косы на светлом песке, а дальше еще и еще. Это, видимо, содержимое одного, только одного лишь не вывезенного, забытого мешка волос. Все это правда. Последняя надежда, что это сон, рушится. А стручки люпина звенят, стучат горошины, точно и в самом деле из-под земли доносится погребальный звон бесчисленных маленьких колоколов. И кажется, сердце сейчас остановится, сжатое такой печалью, таким горем, такой тоской, каких не дано перенести человеку.

Автор — ВАС. ГРОССМАН

Мы шли по полю, густо заросшему люпином. Солнце жгло, шелест сухих листьев и треск стручков сливались в грустные, почти певучие звуки. Обнажив седую, трясущуюся голову, старик-проводник перекрестился и сказал:

— Вы шагаете по могилам.

Мы шли по земле Треблинского лагеря смерти, куда немцы свозили евреев со всех концов Европы и оккупированных районов СССР.

Здесь немцами были умерщвлены миллионы людей. Страшная черная дорога прорезывает треблинское поле; она черна от того, что на протяжении трех километров засыпана человеческим пеплом.

На подводах подвозили тонны пепла, дети-заключенные лопатами разбрасывали его по дороге. Их называли: “дети с черной дороги”.

В морозный февральский день 1943 года очередной товарный поезд в числе прочих “пассажиров” доставил в Треблинский лагерь смерти шестьдесят мальчиков. Это были еврейские дети из Варшавы, Вильнюса, Гродно, Белостока и Бреста. При посадке эшелона их отделили от семей; взрослые были отправлены в лагерь смерти, а мальчики в “трудовой лагерь”.

Начальник этого лагеря, гауптштурмфюрер голландский немец Ван Эйпен решил, что мальчиков убить всегда успеет, а пока их можно использовать на работе. Он поручил унтерштурмфюреру Фрицу Прейфи взять детей под свое начало.

Прейфи отобрал самых щупленьких, худосочных, посиневших от мороза ребят и передал их одноглазому Свидерскому.

Одноглазый Свидерский жил когда-то в Одессе и занимался темными делами. В лагере он был “специалистом по молотку”.

Выстроив ребят, Свидерский выхватил из-за пояса молоток и, плюнув на обушок, как столяр перед вколачиванием гвоздя, начал убивать детей ударами в переносицу. Хрупкие тела валялись на мерзлую землю. Жизнь гасла в детях быстро и легко. Мальчики сдержанно всхлипывали. И это было страшнее громкого стога. Взрослые заключенные, выдавшие тысячу смертей, закрывали руками лица. Маленький рыжий мальчик с медно-золотистыми курчавыми волосами и синими глазами запротестовал:

— Это плохая смерть. Лучше расстреляйте нас.

— Расстрелять? — переспросил Свидерский, показывая на свой слепой правый глаз, — стрелять не умею, из винтовки не попаду.

Он поднял молоток, чтобы убить рыжего мальчика, но Прейфи остановил палача.

И рыжий мальчик ушел.

Детей, оставленных для работы, разместили в бараке. Их койками были нары, устроенные в три яруса. Прейфи приказал, чтобы они спали на досках. Самого рослого из них — четырнадцатилетнего Лейбу — он назначил [“капо”] — старшиной-вожаком.

В пять часов утра отряд детей шел на работу. Весь день до них доносились вопли тысяч убиваемых немцами мужчин, женщин и детей. Крики то замирали, то вновь нарастали. Это были вопли горя и мук. Они леденили сердце, наполняли души мальчиков несказанным страданием.

Взрослые обитатели барака приняли ребят с трогательным участием, какое могут проявить только отцы, потерявшие собственных детей. Это были еврей-рабочие высокой квалификации, оставленные в живых для работы, семьи их были истреблены. Среди них был пожилой мастер из Гродненского мясокомбината Арон, его фамилия осталась неизвестной (в лагере людей называли по имени или по кличкам), который сдружился с ребятами. Они ласкательно называли его Арли.

Арли хорошо пел и даже сочинял песни. Чтобы отвлечь ребят от мрачных мыслей, он по вечерам учил их петь. Рыжего мальчика прозвали Рыжиком. Он обладал мягким дискантом и хорошо пел. Когда Рыжик пел, каждый из взрослых вспоминал своих детей. Арон плакал и гладил мальчика по голове.

У детей из советских районов немцы отняли все. Отняли родных, дом, школу, книги, отняли мечты, детство. Одного только не сумели немцы отнять — песен. И они пели о родине, о Москве. Нередко в мрачном, тесном бараке звучала песня: “Широка страна моя родная”.

Отряд детей пас гусей, коров, чистил на кухне картошку, пилил дрова. Весь лагерь знал детей. По приказу Прейфи ребят одели в форму — синие полотняные мундирчики с железными пуговицами. Прейфи заставлял ребят часами маршировать и добивался идеальной отработки строевого шага на манер солдатского. Он забавлялся ребятами, как живыми игрушками, и ломал их, когда хотел. Он хвастливо показывал маршировку своих “игрушек” начальнику Ван Эйпену.

Однажды Арли решил расшевелить в немце чувство жалости к детям. Он заставил ребят спеть самую грустную песню, которую знал. Детские голоса звенели безмерной горечью.

В это время вошел еще один мальчик, несший тощую брюкву своему Арли. Немец подозвал столяра из Варшавы — Макса Левита, дал ему палку и приказал нанести мальчику двадцать пять ударов. Левит слабо ударил один раз. Прейфи вырвал у него палку и с остервенением начал избивать мальчика. Пять последних ударов он нанес уже мертвому. Разбив свою “игрушку”, Прейфи сказал: “Вот так надо бить”.

Был среди ребят мальчик Иzaak. Он умел хорошо плясать. Прейфи приказал Изаку плясать на столе, потому что все заводные игрушки пляшут на столах. И Иzaak плясал на квадратном метре стола с поразительной быстротой, с мертвым механическим ритмом, с восковым печальным лицом, действительно похожий на заводную игрушку.

Был еще мальчик Яша — художник. Он рисовал на кусках фанеры унылые картины из жизни лагеря. Иногда он рисовал танк с пятиконечной звездой, который, разрывая проволочные заграждения, давил вахманов (охранников). Потом он быстро стирал рисунок.

Яша и Рыжик спали вместе. В холодные ночи маленький певец и маленький художник согревали друг друга.

Прейфи был откомандирован в Краковский лагерь. Начальник лагеря Ван Эйпен назначил “шефом” ребят другого унтерштурмфюрера — Штумпфе. Это был молодой упитанный эсэсовец гигантского роста. По показаниям свидетелей — поляков и евреев — Штумпфе всегда смеялся во время казни заключенных и был прозван “смеющаяся смерть”.

Этот “шеф” нашел новую работу для детей. Он приказал отряду вооружиться лопатами и разбрасывать человеческий пепел по дороге, который подвозили в вагонетках из лагеря смерти.

Наступил июль. Солнце жгло нещадно. Воздух накалился так, что нельзя было дышать. Задыхаясь от жары и смрада, истощенные, измученные дети, подгоняемые нагайками вахманов, падали в обморок на пепел своих отцов и матерей.

Во время вечерней поверки Штумпфе обнаружил, что не хватает пятирех ребят. Особенно заметно было отсутствие Рыжика.

— Где Рыжик? — рявкнул “шеф”.

— Я здесь, — раздался робкий голос.

Штумпфе заметил чернокудрого мальчика. Это был Рыжик, весь в черной пыли. Штумпфе подошел, погрузил пальцы в густые кудри мальчика, поднял его сильной рукой за волосы.

— Негритос, — презрительно сказал он и отпустил Рыжика.

Не хватало четверых. Оказалось, что двое умерли, не выдержав нечеловеческих мук. Их маленькие тела лежали на черной дороге среди пепла. Исчезли двое: тихий Миша и красавец Полютек. Мальчишки бежали.

Беглецов поймали через несколько дней на железнодорожной станции и привели в лагерь.

Отряд выстроили перед виселицей. Подвели Мишу и Полютека. Их руки не были связаны. Унтерштурмфюрер Ланц сказал:

— Так лучше. Если руки свободны, повешенный начинает махать ими, как птица крыльями, и улетает прямо на небо.

“Смеющаяся смерть” — Штумпфе — громко хохотал. Ребят повесили. Полютек умер быстро, почти без судорог. Для Миши веревка оказалась чересчур длинной, и он носками доставал до земли. Он долго хрипел и вздрагивал. Ланц отвязал конец веревки от бревна, положил живого еще мальчика на землю, туго стянув петлю, легко поднял худенькое тельце Миши и снова его повесил.

Впервые мальчишки заплакали. Муки товарищей растопили их окаменевшие сердца. Стасику стало дурно. Его поддержал [“капо”] Лейб — он сказал:

— Не плачьте. Мише и Полютеку теперь хорошо, ведь они больше не будут жить.

Гауптштурмфюрер Ван Эйпен и унтерштурмфюреры Штумпфе, Ланц, Гаген и Ледеке сели на велосипеды, сделали большой круг вокруг виселицы и, весело переговариваясь о чем-то, *сфотографировали ее*.

Вечером дети пели песню, которую называли “Мы проиграли”. Ее сочинил Арли. Длинная, заунывная, она рисовала жизнь лагеря, оплакивала живых ребят.

Кончалась песня так:

*Бушует на поле смерти костер.
Жжет сердце пепел братьев и сестер.
На этом свете нам больше не жить.
Мы прожили свою короткую жизнь.*

Всю ночь после казни друзей дети не могли уснуть. Певец и художник, обнявшись, тихо плакали.

22 июля 1944 года отряд детей был направлен с лопатами не на черную дорогу, а к опушке леса. Там надо было рыть ямы “для зенитных точек” — объяснил им Штумпфе. Но Капо заметил, что яма, которую они рыли, не похожа на зенитную точку. Скоро они все услышали отдаленный гул орудий — это приближался фронт. Рыжик прислушался к гулу и сказал:

— Немцы убегут, а мы останемся здесь, — и стукнул лопатой о дно ямы.

Дети поняли, что копают могилу. Рано или поздно это должно было случиться. Они были обречены, и смерть их не страшила. Она стала спутницей их короткой жизни в лагере. И Рыжик спокойно сказал своему неразлучному другу Яше:

— Когда нас убьют, давай ляжем рядом.

— Мы упадем в яму, как попало. Как же мертвые могут лечь рядом?

— Могут. Мы станем на краю могилы, обнимемся и вместе упадем. Вот и все.

И они оба аккуратно разровняли край могилы.

Наступило утро. Вдали за оградой крестьяне убирали хлеб, запасались на зиму сеном. Гул орудий слышался яснее. Нервно свистя, куда-то носились немецкие паровозы. Немцы спешно ликвидировали треблинский “трудовой лагерь” (лагерь смерти был ликвидирован раньше). Гауптунтер и прочие фюреры, вахманы выпивали оставшиеся запасы вина. В семь часов начались расстрелы. Для безопасности к могилам вели только по десять человек. “Работа” затянулась до вечера. Вот повели очередной десяток, в числе которого были Арли и столяр Макс Левит. Проходя мимо ожидавших своей очереди ребят, Арли крикнул:

— Прощайте, дети мои!

— Прощайте! — ответили ребята.

— До свиданья, Арли, мы скоро придем к тебе, — сказал Лейб.

Рыжик, прошмыгнув мимо вахмана, цепко обхватил Арли, прижался к нему. Арли обнял своего любимца.

— Когда мы пели в последний раз, в среду? Запомни. В среду, — сказал он мальчику.

Арли знал, что идет на расстрел. Он знал, что будет убит и маленький певец. Для чего он сказал “запомни”? Не успел Рыжик задать вопрос, как вахман отшвырнул его в сторону. Арли заплакал.

Когда вахманы отсчитали десять ребят, весь отряд взбунтовался:

— Мы хотим умирать все вместе.

Их было тридцать. Вахманы торопились, поэтому уступили. Лейб построил свой отряд и, подняв голову, повел их строем — к могилам, которые они сами вырыли.

Макс Левит уже лежал в яме. Пьяные вахманы стреляли плохо. Макс Левит был невредим, но притворился мертвым. До него доносились стройные детские голоса. Они пели, идя на смерть. Маленькие смертники пели песню о советской Москве.

Ближе, громче, ближе. Левит слышал дружный топот ног и окрик немца Шварца:

— Молчать!

— Да здравствует Сталин! — отвечал отряд. — Он отомстит за нас!

Певец и художник крепко обняли друг друга. Раздался залп. Сраженный насмерть Яша, падая, увлек раненого Рыжика в яму. Рыжик зашевелился, пристроился поплотнее к другу и взглянул на страшное лицо рядом лежащего мертвого Арли. Мальчик закрыл глаза и, упершись лбом о плечо Яши, минуту не шевелился. Потом Рыжик поднял голову и произнес:

— Пане вахмане не трафил (не попал), проше пане еще раз, еще раз.

Вахман выругался. “Смеющаяся смерть” — Штумпфе рассмеялся. Вахман снова выстрелил. [Медно-золотистая курчавая головка упала и больше не поднялась.]

Наступили сумерки, усталые вахманы (они за этот день — 23 июля 1944 года — расстреляли семьсот поляков и евреев) решили засыпать ямы на следующий день и ушли.

Макс Левит выполз из-под детских трупиков и ушел в лес.

Мы встретились с Левитом в деревне Вулька-Окронглик, в двух километрах от бывшего Треблинского лагеря. К нам пришел шестидесятилетний старик поляк из этой деревни Казимир Скаржинский, работавший с детьми по разброске человеческого пепла. Столяр Макс Левит и крестьянин Казимир Скаржинский рассказали о “детях с черной дороги”.

Автор — В. АПРЕСЯН

I

Собиборский лагерь смерти — наряду с лагерями в Майданеке, в Трехлинке, Бельжеце, Освенциме — был создан немцами с целью организованного, массового уничтожения еврейского населения Европы. Он был расположен в лесу, рядом с полустанком Собибор. Железная дорога заходила в тупик — это должно было способствовать сохранению тайны. Как всегда, немцы тщательно оберегали ее от окрестного населения — всякое преступление боится свидетелей.

Лагерь окружали четыре ряда колючей проволоки высотой в три метра. Между третьим и четвертым рядами пространство было заминировано. Между вторым и третьим — расхаживали патрули. Днем и ночью на вышках, откуда просматривалась вся система заграждений, дежурили часовые.

Лагерь делился на три основные части — “подлагеря”; у каждого было свое, строго определенное назначение. В первом находились жилые бараки, столярная, сапожная, портняжная мастерские, два офицерских дома. Во втором — парикмахерский барак, магазины, склады. В третьем стояло кирпичное здание с железными воротами, которое называлось “баней”.

Собиборский лагерь начал действовать 15 мая 1942 года¹. Первые партии заключенных прибыли из Франции, Голландии, Западной Польши. Вот что рассказывает голландская еврейка Зельма Вайнберг о своем пребывании в лагере:

Я родилась в 1922 году в городе Зволле (Голландия). В Голландии не было вражды между голландцами и евреями, мы жили дружно и не чувствовали никакой разницы между народами. Но пришли немцы, и начались гонения. В Вестерборке в 1941 году был создан лагерь для евреев, высланных из Германии. Когда в стране начались преследования евреев, когда их заставили носить специальные знаки, голландцы приветствовали людей, носящих такие знаки. Когда евреев начали высылать в Польшу (это было в 1941 году), в Амстердаме возникла забастовка². Жизнь города замерла на три дня. Голландцы прятали евреев от немцев. В Утрехте было две тысячи евреев, из них поехали всего две-

1 Лагерь был построен в марте 1942 г. в рамках операции “Рейнхард”. Первые партии евреев были убиты в Собиборе 6–12 мая. До этого (видимо, 3 мая) казнили евреев и советских военнопленных, работавших на постройке лагеря. См.: *Собибор. Восстание в лагере смерти* / Сост. С. С. Виленский, Г. Б. Горбовицкий, Л. А. Терушкин. М., 2010. С. 19–23. — *И. Л., И. А.*

2 Забастовка по инициативе профсоюзов была проведена в связи с антиеврейскими законами, а не в связи с депортацией. — *И. А.*

сти человек — остальных спрятали местное население. В стране действовала специальная организация по спасению евреев, она оказывала большую продовольственную и денежную помощь людям. Многих евреев спасла организация “Свободная Голландия”.

Я вместе со всей семьей попала в лагерь Вестерборк, расширенный к 1942 году. В лагере находилось восемь тысяч человек, но состав заключенных все время менялся, так как каждый вторник эшелон увозил около тысячи человек в Польшу. Немецкий офицер говорил заключенным, что они едут на работу в Польшу и на Украину. Многие ехали туда с охотой, брали с собой одежду, обувь, продукты. Дело в том, что из Влодавы приходили письма, в них говорилось, что жизнь в Польше хорошая. Потом я узнала, что все это была немецкая провокация. Людей заставляли подписывать напечатанные немцами открытки. Собибор в них не упоминался.

Я не хотела уезжать из Голландии и убежала из Вестерборка. Меня приютила голландская семья. Всех моих родных увезли в Польшу. Голландский немец (“фольксдойче”) выдал меня. Два месяца я просидела в тюрьме в Амстердаме, потом попала в лагерь в Фихте, где были политзаключенные и евреи. Работала там в прачечной.

В марте 1943 года нас повезли в Польшу. Многие надеялись, что встретятся там с родными. Ведь больных евреев даже лечили сперва в голландских госпиталях, а потом уже отправляли в Польшу. Создавалась видимость, что людям ничего не угрожает. Когда мы проезжали по Германии, в наши вагоны являлись немецкие сестры милосердия и оказывали медицинскую помощь заболевшим в дороге.

9 апреля 1943 года я приехала в Собибор. Мужчинам было приказано раздеться и идти дальше, в третий лагерь. Женщины по сосновой аллее проходили в бараки раздеваться и стричься. Немецкий офицер отобрал двадцать восемь молодых девушек для работы во втором лагере. Я провела в Собиборе пять месяцев.

В том, как было поставлено в Собиборе массовое уничтожение людей, видна полная продуманность, постоянная забота обо всех мелочах ремесла и сметка давно практикующих палачей. На казнь люди шли совершенно голые. Их вещи, одежду, обувь сортировали и отправляли в Германию. Женщин стригли. Из человеческого волоса делались матрацы и седла; мебельная мастерская была и в самом лагере, так что волосы казненных находили применение и сбыт тут же в лагере. Наконец, само устройство “бани”, то есть главного цеха в этом чудовищном производстве смертей, было сложным и требовало внимания, заботы, квалифицированных техников, истопников, сторожей, подавальщиков газа, гробовщиков, могильщиков.

На разных этапах эту работу под угрозой немедленной смерти должны были выполнять сами заключенные.

Один из немногих оставшихся в живых собиборцев, варшавский парикмахер Бер (Дов) Моисеевич Файнберг в своем показании от 10 августа 1944 года указывает, что в первом “подлагере” работали около ста человек, во втором — сто двадцать мужчин и восемьдесят женщин.

Я работал во втором лагере, где находились магазины и склады. Когда обреченные на смерть раздевались, мы собирали все вещи и разносили их по магази-

нам: обувь отдельно, верхнее платье отдельно и так далее. Там вещи делились по сортам и упаковывались для отправки в Германию. Каждый день из Собьбора отходил поезд из десяти вагонов с вещами. На кострах мы сжигали документы, фотографии и другие бумаги, а также малоценные вещи. В удобные моменты мы бросали в костер также деньги и ценности, найденные в карманах и чемоданах, чтобы все это не досталось немцам.

Через некоторое время меня перевели на другую работу. Во втором лагере построили три барака, специально для женщин. В первом из них женщины снимали обувь, во втором одежду, в третьем — им стригли волосы. Меня назначили парикмахером в третий барак. Нас было двадцать парикмахеров. Стригли мы ножницами, а волосы складывали в мешки. Немцы говорили женщинам, что стригут их для чистоты, “чтобы вши не заводились”.

Работая во втором лагере, в июне 1943 года я невольно наблюдал картины страшного, нечеловеческого обращения с невинными людьми. На моих глазах из Белостока пришел эшелон, до отказа наполненный совершенно голыми людьми. Очевидно, немцы боялись побега заключенных. Полуживые в этом эшелоне были перемешаны с мертвыми. Людям в дороге не давали ни пить, ни есть. Еще живых обливали хлорной известью.

Гестаповцы в лагере часто били детей сапогами, раскраивали им черепа. На беззащитных натравливали собак, которые разрывали людей. Многие не выдерживали и кончали жизнь самоубийством. Заболевших немцы уничтожали немедленно.

Что же происходило в третьем “подлагере”, в кирпичном здании, называемом “баней”? Согласно всем показаниям, территория “бани” была в свою очередь окружена колючей проволокой. Работникам первых двух “подлагерей” вход на эту территорию был строжайше запрещен и карался немедленной смертью.

“Когда партия в восемьсот человек входила в ‘баню’, дверь плотно закрывалась”, — пишет тот же Бер Файнберг.

В пристройке работала машина, вырабатывающая удушающий газ. Выработанный газ поступал в баллоны, из них по шлангам — в помещение. Обычно через пятнадцать минут все находившиеся в камере были задушены. Окон в здании не было. Только сверху было стеклянное окошечко, и немец, которого в лагере называли “банщиком”, следил через него, закончен ли процесс умерщвления. По его сигналу прекращалась подача газа, пол механически раздвигался, и трупы падали вниз. В подвале находились вагонетки, и группа обреченных складывала на них трупы казненных. Вагонетки вывозились из подвала в лес. Там был вырыт огромный ров, в который сбрасывались трупы. Люди, занимавшиеся складыванием и перевозкой трупов, периодически расстреливались.

Был такой случай. Партия людей уже находилась в помещении “бани”, но неожиданно испортилась машина, подающая газ. Несчастные взломали дверь и пытались разбежаться. Гестаповцы многих убили, а остальных загнали обратно. Механик быстро наладил машину, и все пошло своим порядком.

Одна из заключенных, ухаживавшая за кроликами, которых немцы разводили для себя, увидела сквозь щели кроличьего закута шествие к бане го-

лых женщин и детей. Идущие ни о чем не догадывались и мирно переговаривались между собой.

Бывало и по-другому. Восемнадцатилетняя девушка из Влодавы, идя на смерть в солнечный летний день, крикнула во всеуслышание:

— Вам отомстят за нас. Придут Советы, и вам, бандиты, не будет пощады.

Ее насмерть избили прикладами карабинов.

Среди немецкой прислуги третьего “подлагеря” особенно был страшен берлинский боксер Гомерский, хваставший тем, что убивает человека с одного удара. Зато другой сентиментальный немец обходил голых детишек, обреченных на смерть, гладил их по головкам, совал конфеты и бурчал:

— Здравствуй, милочка. Только смотри, не бойся, все будет хорошо¹.

Однажды из третьего лагеря раздались особенно страшные крики. Оказалось, что детей и женщин живьем бросают в огонь. Это были забавы гестаповцев.

Действительность лагеря изобиловала фантастическими драмами, перед которыми меркнет любое воображение. Какой-то голландский юноша, работавший на сортировке только что прибывших вещей, неожиданно увидел вещи своих родных. Вне себя он выбежал из склада, где работал, и в толпе идущих на казнь узнал всю свою семью. Другой юноша среди задушенных нашел тело своего отца. Он пытался украсть и собственноручно зарыть это бедное родное тело. Немцы убили и сына. Все эти подробности ничем не отличаются от рассказов о том, что делалось на Майданеке или в Трешлинке. Может быть, единственное, в чем проявилась фантазия и личная инициатива собиборских палачей, это в способе скрыть от окружающего населения свою работу. Они развели в подсобных хозяйствах лагеря стада гусей и, когда производилась расправа, этих гусей дразнили и заставляли кричать. Немцы таким образом заглушали стоны и плач своих жертв.

Летом 1943 года, желая скрыть следы своих преступлений, немцы построили в третьем “подлагере” печи. В Собибор была доставлена специальная земляная машина. Могильный ров был раскопан. Машина подавала раскопанные трупы на костры, разложенные под рельсами. В такие дни по всей округе слышен был трупный запах.

И вот в этом страшном месте, реальность которого, как она ни документирована, все же кажется диким вымыслом большого мозга, на этой испоганенной немцами земле 14 октября 1943 года произошло восстание, кончившееся победой заключенных. Во время этого восстания были убиты двенадцать немцев, виднейших из несущих охранную службу офицеров-руководителей лагеря, и четверо рядовых охранников. После восстания собиборский лагерь был уничтожен.

Как это произошло? Чья человеческая сила оказалась достаточно стойкой и организованной, чтобы противостоять немецкому железу, направленному на безоружных? У кого в этой страшной атмосфере смерти и унижения нашлись воля, ум, дальновидность? 22 сентября 1943 года в Собибор

пригнали из Минска шестьсот военнопленных¹. Из них восемьдесят человек были доставлены для работы во втором “подлагере”. Остальных немцы задушили и сожгли. В числе оставшихся был офицер Александр Аронович Печерский.

II

Печерский родился в Кременчуге в 1909 году. С 1915 года он жил в Ростове-на-Дону. В последние годы перед войной его основной профессией было руководство художественной самодеятельностью. В первый же день Отечественной войны Печерский был призван в армию как младший командир, а в сентябре 1941 года был аттестован на техника-интенданта II ранга. В октябре он оказался в окружении на смоленском направлении и попал в плен. В плену заболел тифом, провалялся больным в ужасных условиях в течение семи месяцев. Только чудом Печерский выжил после тифа. [Тифозных больных немцы расстреливали. Ему удалось скрыть свою болезнь.] В мае 1942 года Печерский бежал, но в тот же он день был пойман вместе с четырьмя другими беглецами. Пойманных отправили в “штрафную” команду в Борисов, оттуда в Минск. В Минск они прибыли уже осенью 1942 года. Здесь прибывшим предстояла процедура медицинского осмотра. Так было обнаружено, что Печерский еврей.

[Его повели на допрос.

— Признаете ли вы себя евреем?

Печерский признался. Если бы он не признался, он был бы избит плетью.]

Вместе с другими он был посажен в “еврейский” подвал, где провел около десяти дней. В подвале было абсолютно темно, из него никуда не выпускали. Кормили через день: сто граммов хлеба и кружка воды.

20 августа Печерский был отправлен в Минский рабочий лагерь СС (Широкая улица). Там он пробыл до середины сентября. В этом лагере находилось около пятисот специалистов из Минского гетто, а также евреи-военнопленные; было там и человек двести-триста русских. Русские попали в лагерь за связь с партизанами, прогул на работе и так далее, — словом, это были те, кого немцы считали окончательно “неисправимыми”. Лагерники жили впроголодь, главным образом тем, что удавалось украсть у немцев. Работали с рассвета до темна. Печерский рассказывает:

Комендант лагеря Вакс не мог прожить дня, не убив кого-нибудь. Надо было посмотреть ему в лицо — это садист: тощий, верхняя губа вздрагивает, левый глаз налит кровью. Всегда в пьяном, мутном похмелье. Что он вытворял! Ночью кто-то вышел оправиться. Вакс застрелил его из окна, а утром с упоением показывал своей даме труп убитого: вот моя работа.

Люди строятся в очередь за хлебом. Вакс выходит, командует “смирно”, кладет парабеллум на плечо первому стоящему в очереди и стреляет. Горе тому, кто

¹ Из Минского трудового лагеря СС (где находился А. А. Печерский) этим эшелонам было доставлено две тысячи заключенных, среди них узники Минского гетто и военнопленные. См.: *Собибор...* С. 18–19; Симкин Л. С. *Полтора часа возмездия*. М., 2013. С. 51. — И. А.

хоть сколько-нибудь “вылезает” из строя — он получит пулю в голову или плечо. Обычное развлечение Вакса — травля лагерников собаками, причем защищаться от собак не полагалось — это любимцы Вакса.

Из общего гетто приводили женщин в баню. При этом всегда присутствовал Вакс и собственноручно обыскивал голых женщин.

В лагере был случай массового побега. Рядом с продуктовым складом лагеря было общежитие “шущполицай”. Иногда заключенным удавалось там стащить и оружие. Таким образом, группа в пятьдесят человек, работавшая в продуктивном складе, ухитрилась раздобыть некоторое количество гранат, пистолетов и патронов. За день до побега их намерение было обнаружено. Их выдал шофер, с которым была договоренность: за двадцать тысяч марок он обещал вывезти их с территории лагеря.

Выданных беглецов немцы согнали в подвал сгоревшего дома, окружили усиленной охраной и спустили собак. Затем всю группу окровавленных людей повели через город с поднятыми вверх руками. В лагере все началось сначала: избивание плетьюми, травля собаками. Участвовали в этом все немцы, кому только не лень. Каждого в отдельности уводили в жарко натопленную баню. В бане был бассейн с горячей водой. Жертву сталкивали в бассейн, снова вытаскивали и обливали холодной водой, после чего людей выводили на мороз и через два часа пристреливали.

[Эта группа в пятьдесят человек состояла исключительно из евреев-военнопленных. Двух из них Печерский знал лично: Бориса Когана из Тулы и Аркадия Орлова из Киева.]

В сентябре 1943 года лагерь начали разгружать. 18 сентября Печерский оказался в эшелоне, направлявшемся в Собибор.

Комендант Минского лагеря Вакс сказал заключенным, что они едут “на работу в Германию”. Они ехали четверо суток в вагонах с забитыми окнами, без хлеба и воды. На пятые сутки поезд подошел к полустанку Собибор. Поезд был переведен на запасной путь и, давая задний ход, паровоз подтолкнул вагоны к воротам, на которых висел щит с надписью: “Зондеркоманда”. Печерский прибыл в Собибор после двухлетнего пребывания в немецком плену, умудренный горчайшим и страшным опытом, достаточно видевший и перенесший, чтобы сразу ориентироваться в открывшейся перед его глазами обстановке нового лагеря.

Вот что рассказывает Печерский о первом дне пребывания в лагере:

Я сидел на бревнах возле барака с Шлеймой Лейтманом, который впоследствии стал моим главным помощником по организации восстания. К нам подошел незнакомый человек лет сорока. Я спросил у него, что там горит вдалеке, в метрах пятистах от нас, и что это за неприятный запах паленого во всем лагере.

— Не смотрите туда, это запрещено, — ответил незнакомец. — Это горят трупы товарищей, приехавших вместе с вами.

Я не поверил ему. Но он продолжал:

— Этот лагерь существует уже больше года. Здесь находятся пятьсот евреев — польских, французских, голландских, чехословацких. Русских евреев привезли впервые. Эшелоны, по две тысячи новых жертв в каждом, приходят сюда по-

чти ежедневно. Их уничтожают в течение часа, не больше того. Здесь, на маленьком клочке земли в десять гектаров, убиты более пятисот тысяч женщин, детей и мужчин.

Появление военнопленных с востока красноармейцев и офицеров произвело огромное впечатление в лагере. К новоприбывшим потянулись жадные, любознательные, ждущие, надеющиеся на что-то глаза.

Печерский с первых дней своего пребывания в Собиборе задумался о будущем — что предпринять? Попытаться ли спастись от гибели, здесь уже неизбежной? Но бежать самому или с небольшой только группой товарищей, оставив всех остальных на мучения и гибель? Он отверг эту мысль.

С самого начала идея спасения слилась для него с идеей мести. Отомстить палачам, уничтожить их, уйти всем лагерем на свободу, разыскать партизан — так вырисовывался перед ним план будущих действий. Невероятная трудность задачи не остановила Печерского.

Прежде всего необходимо было изучить расположение лагеря, распорядок жизни заключенных, офицеров охраны. Печерскому ясно было, что захотят бежать из лагеря все. Но как среди этой массы незнакомых, изнуренных, слабых физически, а может быть, и морально, людей найти таких, на которых можно положиться? Да и найдутся ли такие?

Через пять дней после прибытия Печерского в Собибор он неожиданно был приглашен в женский барак. Там его ждала интернациональная группа заключенных, в большинстве не знавших русского языка. Его забросали вопросами. Беседа свелась к своего рода политической консультации. Положение осложнялось тем, что Печерский совершенно не знал, с кем имеет дело. Среди присутствующих могли быть и “капо”, то есть лагерники, работающие на немцев, надсмотрщики. Печерский говорил по-русски. Переводчики-добровольцы объясняли собравшимся смысл его уклончивых ответов.

Печерский рассказал о том, как были разбиты немцы под Москвой, окружены и уничтожены под Сталинградом, о том, что Красная Армия подходит к Днепру, о том, что недалек час, когда армия-освободительница перешагнет германскую границу.

Рассказывал также Печерский о партизанском движении на оккупированной немцами территории Союза. Ведь еще в Минске до него доходили слухи о спущенных под откос партизанами немецких эшелонах, о террористических выступлениях в самом городе.

Все напряженно слушали, стараясь не проронить ни одного слова. Кто хоть немного понимал по-русски, сейчас же переводил соседу. И эти обреченные на смерть люди были искренне взволнованы рассказом о советской доблести и борьбе.

— Скажите, — раздался робкий голос, — если столько партизан, почему же они не нападут на лагерь?

— Для чего? Чтобы освободить тебя, меня, его, да? У партизан и без нас найдется дело. За нас работать никто не будет.

Резко повернувшись и хлопнув дверью, Печерский вышел из барака. Последних фраз его никто не переводил. Их поняли и без перевода.

Так или иначе, о побеге из лагеря думали все заключенные — такое впечатление вынес Печерский из этой первой встречи. Перед ним встала задача: остановить и урезонить наиболее нетерпеливых, доказать, что нужна тщательная и продуманная подготовка, прежде чем решиться действовать.

Однажды к Печерскому подошли товарищи, среди них был Шлейма Лейтман.

— Саша, мы решили бежать, — сказал он. — Вахе (охрана) небольшая. Убьем их и уйдем в лес.

— Это проще сказать, чем сделать. Пока вы будете снимать одного часового, другой с вышки откроет стрельбу из автомата. Но допустим даже, что удастся снять всю охрану. Чем вы будете резать проволоку? Как пройдете минированное поле? Что будет с товарищами, которые останутся здесь? Имеем ли мы право забыть о них? Бегите, если хотите. Мешать я не стану, но сам не пойду.

И Печерский ушел с одним из товарищей, который называл себя Калимали. Побег был отменен.

В эти же дни произошло еще одно событие, сильно повлиявшее на решение Печерского. Тот самый пожилой человек, с которым он беседовал в первый день пребывания в Собиборе, еще раз подошел к нему. Старика этого звали Борух — впоследствии оказалось, что он портной. Борух присутствовал в женском бараке при встрече Печерского с лагерниками. От этого человека Печерский услышал предупреждение о том, что за ним начали следить.

— Вы заметили, вчера в бараке около меня стоял высокий худой человек. Это “капо” Бжецкий, отъявленный негодяй. Он понял все.

— Постойте, о чем, собственно говоря, вы беспокоитесь? Зачем же ему следить за мной? Я ничего не собираюсь делать. Бежать — это безнадежно.

Борух помолчал.

— Вы боитесь меня, и вы правы, — начал он, — прошло всего несколько дней с тех пор, как мы впервые увидели друг друга. Но выхода у нас другого нет. Вы можете уйти неожиданно, и тогда все будет кончено для нас. Поймите меня, — и он схватил Печерского за руку. — Нас много, таких, как я, которые хотели бы уйти. Но нам нужен человек, который поведет нас и укажет, что делать. Доверьтесь нам. Мы многое здесь знаем и можем помочь вам.

Печерский посмотрел в его открытое, доброе лицо и подумал: предатель или нет, а рискнуть все-таки придется!

— Как заминировано поле за проволокой? Понимаете вопрос?

— Не совсем.

— Обычно мины ставятся в шахматном порядке.

— Ага, теперь понимаю. Так и заминировано. Расстояние между минами полтора-два метра.

— Благодарю вас. А теперь я попрошу вас вот о чем. Познакомьте меня с какой-нибудь девушкой.

Борух удивился:

— С девушкой?

— Да. Вчера справа от вас стояла молоденькая девушка, кажется голландка, стриженная, волосы каштанового цвета. Помните, она курила.

Вот хотя бы с ней. Она не говорит по-русски, и это как раз очень удобно. Со мною вам встречаться больше незачем. Мы с Лейтманом спим рядом; все, что надо, будет вам передавать он. А теперь пойдем в женский барак знакомиться с девушкой.

Прошло несколько дней. Каждый вечер Печерский встречался с Люкой — так звали его новую знакомую, молоденькую голландку. Оба сидели на досках около барака. То один, то другой заключенный подходили к Печерскому и заговаривал с ним — на первый взгляд, о самых обыкновенных вещах.

Подходил и “капо” Бжецкий, немного понимавший по-русски, — тогда Печерский немедленно принимался любезничать с девушкой. Люка с самого начала смутно догадывалась, что вовлечена в какую-то игру. Она молча поддерживала конспирацию. Печерский был советским человеком — уже одно это возбуждало надежду Люки, ей хотелось ему верить.

Печерский был вдвое старше этой восемнадцатилетней девушки. Но он с ней подружился. Люка рассказала ему свою историю. Здесь, в лагере, ей пришлось скрыть, что она дочь немецкого коммуниста, бежавшего из Германии в Голландию, когда гитлеровцы пришли к власти. Отцу ее удалось скрыться и во второй раз, когда немцы оккупировали Голландию. Немцы арестовали ее вместе с матерью. Братьев ее убили. Мать и дочь привезли в Собибор.

Отношения между Печерским и Люкой оставались на протяжении всех этих трагических дней дружескими. Люка поняла смысл и цель их дружбы. Привыкшая еще в детстве к конспирации, она ни о чем не спрашивала, догадываясь, что у Печерского есть серьезные основания не посвящать ее в свои замыслы.

Таким образом, не возбуждая ничьих подозрений, Печерский осваивался среди массы незнакомых ему лиц и попутно узнавал кое-что о расположении лагеря, о настроениях людей, об охране.

Вскоре он снова встретился с Борухом.

— Вот первый план, — начал рассказывать Печерский, — он сложен и едва ли выполним, но все-таки выслушайте. Столярная мастерская находится в пяти метрах от проволоки. Между рядами проволоки четыре метра. Минированное поле — еще пятнадцать метров. Прибавьте к этому семь метров внутри столярной мастерской — итого тридцать пять. Нужно сделать подкоп. Я подсчитал, что придется спрятать под полом и на чердаке приблизительно двадцать кубометров земли. Копать придется только ночью. У этого плана две отрицательные стороны: едва ли шестьсот человек смогут проползти друг за другом тридцать пять метров в течение одной ночи. Кроме того, если мы и уйдем, то уйдем, так и не уничтожив немцев. Поговорите с вашими по поводу этого плана. А о втором плане я пока вам ничего не скажу.

— Почему?

— Нужны еще дополнительные сведения. А пока вот что: беретесь вы достать штук семьдесят ножей или бритв? Я раздам их ребятам.

— Будет сделано, — ответил Борух. — А теперь мне надо посоветоваться с вами об очень важном деле. В нашу группу входит Моня — вы его знаете: из тех молодых ребят, что строят бараки. Вчера к нему подошел “капо”

Бжецкий и заявил, что знает о готовящемся побеге. Конечно, его постарались разуверить. Он выслушал все и сказал, что хотел бы присоединиться к нам и бежать.

— Я задумался, — пишет Печерский, — хотя это и похоже на провокацию, но мысль о том, что “капо” может помочь, показалась мне необычайно соблазнительной.

— Меня считает, — продолжал Борух, — что каким бы негодяем ни был Бжецкий, тут на него можно положиться. Бжецкий отлично знает, что в последнюю очередь немцы уничтожают и “капо”: они не могут оставить живых свидетелей своих преступлений.

— Что же вы ответили Моне?

— Что один, без вас, ничего решить не могу.

— Подумаем насчет “капо”. А пока пора разойтись.

Кузнец Райман тайно исполнял заказ Печерского — делал ножи. Кузница помещалась рядом со слесарной мастерской. Вечером в кузнице собрались несколько человек, среди них был и Бжецкий. Немецкая охрана отдала в слесарную мастерскую для починки патефон. Печерский и Лейтман были приглашены “послушать патефонные пластинки”.

Разговор начался издали. Завели патефон. Кузнец жарил оладьи.

Я отказался от оладий и заговорил о пластинках. Бжецкий все время пытался перевести разговор на тему о побеге. Под разными предложениями я уклонялся. Наконец он дал знак кузнецу. Тот взял патефон и вышел в слесарную. Все пошлы за ним. Мы остались с Бжецким с глазу на глаз.

— Я хотел поговорить с вами, — начал он, — вы догадываетесь о чем?

— Я плохо понимаю по-немецки.

— Хорошо, будем говорить по-русски. Правда, по-русски я говорю неважно, но если хотите, мы договоримся. Прошу вас, выслушайте меня. Я знаю о том, что вы готовите побег.

— Вздор! Из Собибора бежать невозможно.

— Вы делаете это очень осторожно. Вы редко бываете в бараках. Вы никогда ни с кем не разговариваете, за исключением Люки. Но Люка — это только ширма. Саша, если бы я хотел вас выдать, я мог бы это сделать давным-давно. Я знаю, вы считаете меня низким человеком. Сейчас у меня нет ни времени, ни охоты разубеждать вас. Пусть так. Но я хочу жить. Я не верю Вагнеру (начальнику лагеря), что “капо” не убьют. Убьют, и еще как. Когда немцы будут ликвидировать лагерь, нас уничтожат вместе со всеми.

— Хорошо еще, что вы хоть это поняли. Но почему же вы об этом говорите со мной?

— Я не могу не видеть того, что происходит. Все остальные только исполняют ваши распоряжения. Шлейма Лейтман говорит с людьми от вашего имени. Саша, поймите меня: если “капо” будут вместе с вами, вам будет несравненно легче. Немцы доверяют нам. У каждого из нас есть право передвижения по всему лагерю. Короче говоря, мы предлагаем вам союз.

— Кто это мы?

— Я и Чепик, “капо” банной команды.

Я встал, прошелся несколько раз из угла в угол по кузнице.

— Бжецкий, — начал я, посмотрев ему прямо в лицо, — могли бы вы убить немца?

Он ответил не сразу.

— Если это нужно для пользы дела, мог бы.

— А если без пользы? Точно так же, как они сотнями тысяч уничтожают наших братьев.

— Я не задумывался над этим.

— Спасибо за откровенность. Нам пора разойтись.

— Хорошо. Но еще раз прошу вас — подумайте о том, что я вам сказал.

Я ответил, что мне думать не о чем, поклонился и вышел. Однако именно то, что Бжецкий задумался, прежде чем ответить на мой прямой вопрос об убийстве немца, заставило меня предположить, что, может быть, в этом случае он действует без провокационных намерений. Провокатор согласился бы сразу.

На другой день, 11 октября, работавшие в норд-лагере на строительстве барачков услышали крики и стрельбу из автоматов. Немедленно же немцы согнали людей в одно место, запретили выходить из мастерских первого лагеря, закрыли ворота и поставили дополнительную охрану. Только в пять часов выяснилась причина всех этих чрезвычайных мероприятий. Прибыл очередной эшелон смертников. Когда их раздели и повели, они догадались обо всем и бросились в разные стороны. Совершенно голые, несчастные могли пробежать только до проволоки — немцы встретили их огнем винтовок и автоматов.

Совещание, на котором был принят окончательный план побега, состоялось на следующий день, 12 октября, в столярной мастерской. На совещании присутствовали Борух, Лейтман, старшина столярной мастерской Янек, Моня, Печерский и еще несколько “восточников”. Во дворе около мастерской мирно беседовали двое, у ворот первого лагеря еще двое. Это были посты наблюдения.

Совещание началось с вопроса — как быть с Бжецким? Решено было пригласить его. Моня ушел и через несколько минут привел Бжецкого. Пользуемся рассказом Печерского.

— Мы решили, Бжецкий, пригласить вас, — начал я, — но, принимая в свой круг такого человека, как вы, мы ставим на карту судьбу всего лагеря. Поэтому помните — в случае малейшей неудачи вы погибнете первым.

— Я это знаю.

— Итак, товарищи, вот план, который я считаю единственно выполнимым. Мы должны убить всех немецких офицеров. Разумеется, поодиночке, но в очень короткий срок. На все это дается не больше часа. Убивать немцев будут только военнопленные, которых я знаю лично и на которых могу положиться. После обеда, в половине четвертого, “капо” Бжецкий под каким-нибудь предлогом ответит трех человек во второй лагерь. Эти люди убьют четырех офицеров. В четыре часа электромонтеры должны перерезать телефонную связь, идущую через второй лагерь в резервную команду. Одновременно в нашем лагере начнется уничтожение гестаповцев. Надо ухитриться, чтобы они попадали к нам в разное время, убивать их по одному. В нашем лагере все должно быть кончено в течение получаса. В половине пятого Бжецкий и Чепик строят весь лагерь в колонну, как будто бы для работы, и колонна направляется к выходу. В первых рядах идут “восточники”. По дороге к главным воротам лаге-

ря нужно захватить оружейный склад — по возможности без шума. Помните, что во время движения колонны очень легко может возникнуть паника, тогда все пропало, немцы обнаружат побег. Если удастся захватить склад, мы вступим с ними в бой.

Если не удастся, придется идти напролом. Недалеко от столярной мастерской, почти вплотную к проволоке, находится офицерский дом. Можно сказать наверняка, что рядом с ним немцы побоялись минировать поле, разве только заложили несколько сигнальных мин. Нужно именно в этом месте рвать проволоку. Вот и весь план. До завтра подумайте над ним. Есть возражения?

Борух ответил за всех, что возражений нет.

III

Этот безумно смелый и отважный план родился у человека, который горел желанием свободы и мести. Само собой разумеется, что план мог быть выполнен только при условии строжайшей точности и строжайшей тайны.

Недаром каждый час дня 14 октября отдельно отмечен в дневнике Печерского.

С утра он работал в одном из барачков, из окон которого был виден весь лагерь. Семь человек, работавших рядом с ним в то утро, ничего не знали о побеге. В соседнем бараке двадцать “восточников”, подобранных по специальному списку, строили нары под руководством Лейтмана.

В десять часов Лейтман позвал Печерского и доложил ему о ходе дела:

— К четырем часам в портняжную мастерскую приглашен для примерки мундира унтерштурмфюрер Эрнст Берг. В четверть пятого туда же придет обершарфюрер Гетцингер (начальник третьего, то есть смертного, лагеря). В сапожную мастерскую в четыре часа должен явиться унтершарфюрер Эмиль Шумахер. С унтершарфюрером Фридрихом Гаульштихом расправляюсь я собственноручно. Четырех немцев убьют во втором лагере, остальных ребята постараются как-нибудь зазвать в мастерские.

— Хорошо. Товарищей, которые взяли на себя уничтожение немцев, присылай ко мне по одному.

Через пять минут в барак, где я работал, зашел Калимали.

— Сегодня в три часа, — сказал я Калимали, — ты пойдешь в портняжную мастерскую. Возьми рубанок, стамеску и топор. Смотри, Калимали, промахнешься — мы погибли. Понял?

— Да.

— Ну, ступай. Желаю счастья.

Я крепко пожал ему руку.

Через полчаса ко мне пришел Борис Цибульский, которому было поручено убийство гестаповцев во втором лагере.

— Борис, — сказал я ему, — время пришло. Я посылаю тебя на самый трудный участок. С тобой пойдут Михаил и Бенья. Возьмите два топора. Бжецкий отведет вас во второй лагерь. Помни, Борис, ты начинаешь первый. Твой удар вдохновит всех. Если товарищи, идущие с тобой, боятся, замени их. Принуждения здесь быть не может.

— Не беспокойся, Саша, они только ждут сигнала.

В два часа в первый лагерь явился неожиданно один из гестаповцев, взял “капо” Бжецкого и еще трех человек и повел куда-то. Страшная мысль — все открыто — поразила нас.

Через час выяснилось, что Бжецкого повели в норд-лагерь для укладки леса. “Капо” Чепик взял на себя поручение, данное Бжецкому: он отвел людей во второй лагерь для убийства гестаповцев.

Напряжение в лагере росло. Конспирация среди восставших была полная. Очень немногие из лагерников знали о предстоящем побеге, но многие ощущали неопределенную тревогу и почти все чувствовали, что можно верить этим молчаливым, толковым и сумрачным людям, недавно прибывшим в лагерь и сговаривающимся о чем-то в стороне.

За два дня до побега был праздник Йом Кипур. В лагере нашлись усердные молещики. Один из заключенных обратился к кантору с вопросом:

— Почему вы молитесь Богу, чем он поможет вам? Молились бы Сашке (то есть Печерскому).

Он услышал такой ответ:

— Мы молимся Богу, чтобы Сашке все удалось.

Надежда просачивалась и сквозь молчание, и сквозь стену уныния. Разразившиеся 14 октября события нашли для себя подготовленную почву.

Первым был убит унтерштурмфюрер Эрнст Берг, явившийся в портняжную мастерскую на двадцать минут раньше, чем предполагалось. В тот момент, когда Берг снял с себя ремень с кобурой и пистолетом и начал примерять мундир, Калимали ударил его топором по голове. Труп немца бросили на койку и прикрыли одеждой. Нельзя без волнения читать в дневнике Печерского:

Не было еще четырех, когда Калимали вбежал к нам в барак и положил передо мной пистолет. Мы обнялись.

— Теперь кончено, — сказал я. — Если кто-нибудь и захотел бы отступить — поздно. Спасибо тебе, друг.

Калимали ушел. Внезапно поднялся смертельно бледный голландец и попытался выйти следом за Калимали.

— Куда?

— Хочу оправиться.

— Назад. Подождешь. Товарищи, вам понятно, что происходит, — обратился я ко всем находившимся в бараке. — Смотрите за этим струсившим, не выпускайте его.

В девять минут пятого в той же портняжной мастерской Семен Мазуркевич убил начальника всей охраны лагеря — Михеля. Одновременно в сапожной мастерской Аркадий Вайспапир убил начальника смертного лагеря обершарфюрера Гетцингера. В четверть пятого Цибульский доложил Печерскому, что свою задачу (уничтожение гестаповцев во втором лагере) он выполнил. Четыре гестаповца убиты, телефонная связь перерезана, выходы закрыты.

Наступила пора строить людей.

Но Печерский медлил. Он надеялся, что удастся прикончить еще кого-нибудь из немцев.

В это время Шлейма Лейтман убил еще одного гестаповца (Фридриха Гаульштиха).

В половине пятого вернулся “капо” Бжецкий. Это было очень кстати: только “капо” могли, не вызывая подозрений, построить колонну.

Оружия в руках у восставших оказалось немного: одиннадцать пистолетов, снятых с убитых, да еще шесть винтовок, которые жестянщики заранее припасли, спрятав их в водосточные трубы. Приходилось довольствоваться тем, что есть.

Без четверти пять Бжецкий дал сигнал, чтобы колонна построилась. На резкий свисток со всех сторон сбежались люди.

Начальник караула (немец с Поволжья) пытался загнать людей обратно в бараки, но был убит.

Толпа бросилась к оружейному складу. Сильный пулеметный огонь преградил ей дорогу. Печерский понял, что захватить оружие не удастся. Он крикнул:

— Товарищи, вперед!

Люди бросились за ним к офицерскому дому. Многие бросились в другую сторону к центральным воротам.

Часовые были смяты. Люди бежали напрямик по минированному полю к видневшемуся вдалеке лесу. Многие подорвались на минах. Из шестисот бежавших четыреста прорвались в лес.

Столяр Хаим Поврозник, житель Холма, солдат польской армии, попавший в плен к немцам еще в 1939 году, рассказывает об этом дне:

Большая группа собралась в лагере. В центре стоял наш славный руководитель Сашка (перед тем Поврозник называет Печерского “славный ростовский парень”). Сашка крикнул:

— За Сталина, ура!

Разделившись на мелкие группы, мы разбрелись в разные стороны по всему лесу. Немцы устроили облаву. Самолеты обстреливали лес пулеметным огнем. Очень многие были убиты. В живых осталось не больше пятидесяти человек. Мне удалось добраться до Холма, где я скрывался до прихода Красной Армии. В тот день ко мне, узнику Собибора, вернулась жизнь.

Голландка Зельма Вайнберг рассказывает:

Когда в лагере произошло восстание, мне удалось бежать. Вместе со мной убежали еще две девушки, Кетти Хокес из города Гах и Урзула Штерн из Германии. Кетти попала потом в партизанский отряд и там умерла от тифа. Урзула тоже воевала в партизанском отряде. Сейчас она во Влодаве. Вместе с Урзулой я была в Вестерборке и в тюрьме в Фихте, вместе прожила в Собиборе, вместе мы бежали и спаслись.

Судьба подруги Печерского, голландки Люки, осталась неизвестной, как и ее настоящее имя.

22 октября Александр Печерский, после долгих странствий по дорогам и проселкам Польши, встретился с партизанским отрядом, в который был принят вместе с несколькими своими товарищами. [В настоящее время в звании капитана он находится в рядах Красной Армии¹.]

На десяти гектарах польской земли, где был расположен Собиборский лагерь уничтожения, ветер позванивает ржавой колючей проволокой. После восстания немцы сожгли лагерь, вспахали землю, засадили ее капустой и картофелем.

[Картофельное или капустное поле, которое немцы развели здесь, чтобы скрыть следы своей чудовищной преступной работы, еще раз перекопано. Под ним найдены осколки человеческих костей, жалкие обломки лагерного быта, разрозненная обувь всех размеров и фасонов, множество бутылок с этикетками Варшавы, Праги, Берлина, детские молочные рожки и зубные протезы, еврейские молитвенники и польские романы, открытки с видами европейских городов, документы, фотографии, побуревший молитвенный талес рядом с трикотажной тряпкой, потерявшей цвет, консервные коробки и футляры от очков, детская кукла с вывороченными руками. Все это — немые свидетели убийств сотен тысяч людей², свезенных в лагерь смерти со всех концов Европы.]

Страдания погибших здесь людей, их слезы и предсмертный ужас кончились. Этим людей больше нет.

Немногие из спасшихся рассказали все, что знали и видели³.

Авторы — П. АНТОКОЛЬСКИЙ, В. КАВЕРИН

- 1 Вместе с Печерским к партизанам присоединились восемь бывших военнопленных-узников Собибора. См.: *Собибор...* С. 92. После побега Печерский воевал рядовым в 15-м отдельном штурмовом стрелковом батальоне, где находился до ранения 20 августа 1944 г. См.: Симкин Л. С. *Полтора часа возмездия*. М., 2013. С. 172–175. — И. А.
- 2 Погибло около 250 тысяч узников. См.: *Собибор...* С. 16, 47. — И. Л., И. А.
- 3 Из 550 узников, находившихся в лагере в день восстания, не смогли или не захотели бежать 150. Из 400 участников побега: погибли на минах и от пуль охраны — 80; достигли леса — 320 (из них пойманы и казнены были 170 человек). Из оставшихся в живых 150 узников: убиты в войне с немцами в партизанских отрядах и в армии — 5; погибли в убежищах, тайниках и т. п. (в основном от рук враждебно настроенных лиц из местного населения) — 92; дожили до освобождения союзниками — 53. К последним следует прибавить девятерых евреев, бежавших до восстания в одиночку или небольшими группами. Следовательно, Холокост пережили 62 узника Собибора. См.: *Собибор...* С. 90. — И. А.

**СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ
ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ
И ИХ СООБЩИКОВ О ЧУДОВИЩНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОСВЕНЦИМЕ**

Еще до освобождения Красной Армией польской территории в Верхней Силезии в Чрезвычайную государственную комиссию поступали многочисленные сведения о существовании вокруг гор. Освенцима огромного лагеря, созданного германским правительством для уничтожения плененных советских людей¹. После освобождения советскими войсками польской Силезии частями Красной Армии был обнаружен этот лагерь.

По поручению ЧГК Прокуратурой 1-го Украинского фронта совместно с представителями ЧГК товарищами Кудрявцевым Д. И. и Кузьминым С. Т. в течение февраля-марта 1945 года было произведено тщательное расследование злодеяний немцев в Освенцимском лагере.

В расследовании принимали участие специальные экспертные комиссии: судебно-медицинская в составе главного судебно-медицинского эксперта 1-го Украинского фронта Брыжина Ф. Ф., судебно-медицинского эксперта армии Чурсанова М. Г., эксперта-терапевта Перцова И. И., начальника патологоанатомической лаборатории армии Лебедева Н. А., гинеколога армии Колегаева Г. А., эксперта-психиатра Ванновского Н. Р., эксперта-криминалиста Герасимова Н. И., бывших заключенных лагеря: профессора-педиатра, директора клиники Пражского университета Эпштейн Б. В., профессора патологической анатомии и экспериментальной медицины из гор. Клермон-Ферран (Франция) Лимузен Г. Г., доцента медицинского факультета в Загребе (Югославия) Гроссмана М. Я., и техническая, в составе профессоров из Кракова — Давидовского Романа и Долинского Ярослава, кандидата химических наук инженера Лаврушина В. Ф. и инженера Шуера А. М.

На основании опроса и медицинского освидетельствования 2819 спасенных Красной Армией узников Освенцимского лагеря и изучения обнаруженных в нем немецких документов, остатков взорванных немцами при отступлении крематориев и газовых камер, найденных на территории лагеря трупов, вещей и документов истребленных немцами людей различных стран Европы, сохранившихся в складах и бараках лагеря, установлено:

1. Путем расстрелов, голода, отравлений и чудовищных истязаний немцы истребили в Освенцимском лагере свыше 4 миллионов граждан Советского Союза,

¹ Эти сведения в СССР поступали с лета 1942 г. Концлагерь Освенцим упоминается в СМИ с 10 марта 1943 г. С весны того же года евреи упоминаются в числе основных жертв. В ЧГК специальное сообщение об Освенциме было направлено из НКВД 29 сентября 1944 г. со ссылкой на показания военнопленных. См.: Полян П. М. *Свитки из пепла*. Москва — Ростов, 2013. С. 26–28. С 90-х гг. музей Аушвиц-Биркенау в Освенциме указывает, что там погибло 1,1–1,3 миллиона человек, из них 960 тысяч — 1,1 миллиона евреев, 70–75 тысяч поляков, 23 тысячи цыган, 15 тысяч советских военнопленных и 25 тысяч людей других национальностей. — И. А., И. Л.

Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и других стран.

2. Немецкие профессора и врачи произвели в лагере так называемые медицинские эксперименты над живыми людьми — мужчинами, женщинами и детьми.
3. По степени продуманности, технической организованности, по массовости и жестокости истребления людей Освенцимский лагерь оставляет за собой далеко позади все известные до сих пор немецкие “лагеря смерти”.

В Освенцимском лагере были и газовые камеры, и крематории, и химические отделения, и лаборатории — все это было предназначено для чудовищного уничтожения людей. Газовые камеры немцы называли “банными особого назначения”. На входной двери этой “бани” было написано: “Для дезинфекции”, а на выходной: “Вход в баню”. Таким образом, люди, предназначенные для уничтожения, ничего не подозревая, заходили в помещение “Для дезинфекции”, раздевались и оттуда загонялись в “баню особого назначения” — то есть в газовую камеру, где они истреблялись ядовитым веществом “циклон”.

В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки, гистологические лаборатории и другие учреждения, но существовали они не для лечения, а для истребления людей. Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и детьми. Они производили опыты по стерилизации женщин, кастрации мужчин, над детьми, по искусственному заражению массы людей раком, тифом, малярией и вели над ними наблюдение; производили на живых людях испытания действия отравляющих веществ.

Рейхсфюрер СС Гиммлер — организатор Освенцимского лагеря уничтожения людей

Освенцимский лагерь был построен в 1939 году по приказу рейхсфюрера СС Гиммлера¹ специально для уничтожения порабощенных граждан оккупированных стран Европы.

Лагерь расположен на огромной территории вокруг города Освенцима и представлял из себя целую систему лагерей: Аушвиц, Биркенау, Моновице, Голешау, Явишовиц, Нейдахс, Блехамер и другие. Основные из них — Аушвиц и Биркенау — были расположены на территории в 467,5 гектара и имели свыше 620 жилых барачных и служебных помещений. В лагерях Освенцима содержалось постоянно от 180 до 250 тысяч заключенных. Все лагеря были обведены глубокими рвами и оцеплены густой сетью колючей проволоки, через которую пропускали ток высокого напряжения.

В 1941 году в лагере Аушвиц был выстроен для сжигания трупов умерщвленных людей первый крематорий с тремя печами. При крематории была так называемая баня особого назначения, то есть газовая камера для удушения людей. Первый крематорий просуществовал до середины 1943 года. Летом 1942 года рейхсфюрер СС Гиммлер произвел инспектор-

¹ Гиммлер издал приказ об организации лагеря в Освенциме 27 апреля 1940 г. — И. Л.

ский смотр Освенцимского лагеря и распорядился расширить его до гигантских размеров и технически усовершенствовать. Строительство новых мощных крематориев было поручено немецкой фирме “Топф и сыновья” в Эрфурте, которая немедленно начала строить в Биркенау 4 мощных крематория и газовые камеры. Из Берлина нетерпеливо требовали ускорения строительства и окончания всех работ к началу 1943 года. В делах канцелярии лагеря Аушвиц найдена обширная переписка администрации лагеря с фирмой “Топф и сыновья”, в том числе следующие письма.

I

И. А. Топф и сыновья

Эрфурт

12 февраля 1943 г.

Центральному строительству СС и полиции

Аушвиц (Освенцим)

Касается: крематории 2 и 3 лагеря военнопленных.

Подтверждаем получение Вашей телеграммы от 10 февраля следующего содержания: “Еще раз подтверждаем получение Вашего заказа на 5 штук тройных муфельных печей, включая 2 электрических лифта для подъема трупов и 1 временного лифта для трупов. Также заказано практическое приспособление для подачи угля и приспособление для транспорта пепла. Вам надлежит доставить полную установку для крематория № 3. Ожидаем, что примете все меры для немедленной отправки всех машин с частями. Установка обязательно должна вступить в строй 10 апреля 1943 года.

И. А. Топф и сыновья”

II

№ 121 15/42/Ер На Пункт 2

В отношении установки двух трехмуфельных печей у каждой из “бань особого назначения” инженером Прюфером было предложено изъять их из заготовленных для отправки в Могилев печей. Руководитель служебной части, находившейся в СС-Хозяйственном Управлении Главного Отдела¹ в Берлине, был немедленно об этом осведомлен, и его попросили распорядиться о дальнейшем.

СС-унтерштурмфюрер (С)

Освенцим, 21 августа 1942 года

В 4 новых крематориях находилось 12 печей с 46 ретортами; в каждую реторту можно было поместить от 3 до 5 трупов, процесс сжигания которых продолжался около 20–30 минут.

При крематориях были построены “бани особого назначения” — газовые камеры для умерщвления людей, помещавшиеся или в подвалах, или в особых пристройках к крематориям. Кроме того, в лагере имелись еще две отдельные “бани”, трупы из которых сжигались на особых кострах. Предназначенных для умерщвления людей загоняли в “бани” ударами палок, ружейных

¹ Неправильный перевод названия Главного хозяйственно-административного управления СС (SS — *Wirtschaftsverwaltungshauptamt* — WVHA) — с марта 1942 г. инспекторат концентрационных лагерей входил в это управление. — И. Л.

прикладов, собаками. Двери камер герметически закрывались, и люди, находившиеся в них, отравлялись “циклоном”. Смерть наступала через 3–5 минут; спустя 20–30 минут трупы выгружались и направлялись к печам крематориев. Перед сжиганием дантисты вырывали у трупов золотые зубы и коронки.

“Производительность” “бань” — газовых камер значительно превышала пропускную способность печей крематориев, и потому для сжигания трупов немцы применяли еще огромные костры. Для этих костров были вырыты специальные рвы длиной от 25 до 30 метров, шириной от 4 до 6 метров и глубиной 2 метра. На дне рвов проходили особые канавы в качестве поддувал. Трупы подвозились к кострам по узкоколейкам, укладывались в рвы послойно с дровами, обливались нефтью и таким образом сжигались. Пепел зарывался в больших ямах или сбрасывался в реки Сола и Висла. С 1943 года немцы, с целью промышленного использования несгоревших костей, стали дробить кости и продавать фирме “Штрём” для переработки в суперфосфат. В лагере найдены документы на отправку в адрес фирмы “Штрём” 112 тонн 600 килограммов костной крошки от человеческих трупов. Для промышленных целей немцы также использовали волосы, срезанные с женщин, предназначенных для уничтожения.

В Освенцимском лагере немцы ежедневно умерщвляли и сжигали от 10 до 12 тысяч людей¹, из них 8–10 тысяч из прибывших эшелонов и две три тысячи из числа узников лагеря.

Допрошенные в качестве свидетелей, ранее работавшие в специальной команде по обслуживанию газовых камер и крематориев бывшие заключенные Драгон Шлема, житель местечка Жировни Варшавского воеводства и Таубер Генрих из города Жжанув (Польша) показали следующее:

В начале работы лагеря немцы имели две газовые камеры, находившиеся друг от друга в 3 километрах. При них имелось по два деревянных барака. Прибывающих из эшелонов людей приводили в бараки, раздевали, а затем вели в газовую камеру. В газовые камеры загоняли по 1500–1700 человек, а затем через люки эсэсовцы в противогазах забрасывали “циклон”. Газирование продолжалось от 15 до 20 минут, после чего трупы выгружались и на вагонетках вывозились в рвы, где сжигались. Позже на территории лагеря в Биркенау работали 4 крематория, при каждом из них имелась газовая камера. Крематории №№ 2 и 3 были одинаковой конструкции и имели по 15 печей, а крематории №№ 4 и 5 были другой конструкции, по размерам и техническому усовершенствованию менее удобные, и имели по восемь печей каждый. Все эти крематории в течение суток сжигали по 10–12 тысяч трупов.

Немецко-фашистские профессора и врачи — убийцы пленников Освенцима

В Освенцимском лагере немецко-фашистские профессора и врачи широко проводили “медицинские” опыты над живыми людьми, проявляя при этом чудовищную изобретательность.

¹ Данные существенно завышены. См.: Полян П. М. *Свитки из пепла*. С. 27–29. — И. А.

Бывшие заключенные, спасенные Красной Армией врачи: Штейнберг из Парижа, Гордон из Вильно, профессор Гроссман из Югославии, доктор медицины Валентин Эрвин из Берлина, Кеппих Анна из Венгрии, Де-Винд Эдуард из Голландии, Флехнер Альберт из Парижа, сообщили, что они были очевидцами огромного количества “медицинских” экспериментов немецко-фашистских профессоров и врачей над заключенными лагеря.

Хирургические операции производились по произволу врачей, практиковавшихся в освоении оперативной техники. Молодой немецкий врач Кениг отбирал заключенных с воспалительными процессами конечностей и практиковался в ампутации последних. Немецкие врачи Тилло и Фишер собирали большие массы заключенных и без всяких показаний производили грыжесечения. Главный врач больницы Энтрес при малейшей жалобе на боли в животе производил чревосечения, практикуясь на операциях по поводу язвы желудка.

В больничных отделениях лагеря Аушвица проводились эксперименты над женщинами. В блоке № 10 лагеря содержалось одновременно до 400 заключенных женщин, над которыми производились опыты по стерилизации путем облучения рентгеном и последующего удаления яичников, опыты по привитию рака шейки матки, опыты по насильственному родоразрешению и по испытанию контрастных веществ для рентгенографии матки. В блоке № 28 производились опыты над заключенными по искусственным поражениям кожи керосином, различными солями, пастами, пудрами. Здесь же применяли акрихин с целью изучения искусственно вызванной желтухи. Этими опытами занимался немецкий врач Эмиль Кашуб. В блоке № 21 производились массовые опыты по кастрации мужчин с целью изучения возможности стерилизации рентгеновскими лучами. Кастрация производилась через известное время после облучения. Такими опытами облучения и кастрации занимались профессор Шуман и врач Деринг. Нередко операции заключались в том, что после облучения рентгеном у подопытных удаляли одно или оба яичка для исследования.

Все эти факты подтверждены также показаниями бывших узников лагеря: Кляйн Юдитой, Аусен Кларой, Гербман Минной, Зондерс Ноной, Скурник Яковом, Сурес Давидом и многими другими, над которыми немецкие врачи производили те или иные эксперименты.

По приказу главного немецкого врача Энтреса с 1941 по 1944 год в больницах лагеря производились умерщвления заключенных путем вливания фенола в сердце. Первые вливания делал врач Деринг, а затем они производились санитарями. Особенно отличался в этом бывший сапожник немец Клер, умертвивший таким способом тысячи жертв. Заключенный из поляков, некий Панщик, впрыскиванием фенола умертвил 12 тысяч человек (впоследствии он был убит самими поляками-заключенными). Немец Штесель уничтожил такими уколами 10 тысяч человек.

Факты нечеловеческих опытов над заключенными подтверждаются также рядом документов, найденных в канцелярии лагеря. В отчете хирургического отделения лагерного госпиталя значится, что за три месяца (октябрь–декабрь 1943 года) хирургами отделения среди прочих операций произведено: 89 ампутаций яичек (кастрации), 5 стерилизаций, 5 удалений яичников. В телеграмме № 2678 от 28. IV.1943 года оберштурмфюрер СС полковник Зоммер дает предписание комендатуре лагеря отнести по отчету 128 жен-

щин в графу “Заключенные для опытов”. В обнаруженном “Статистическом обозрении коменданта лагеря числа и распределения заключенных женщин по различным категориям” за подписью заместителя коменданта лагеря Селла имеется постоянная графа: “Заключенные, предназначенные для различных опытов”. В этой графе значится “подопытных женщин”: за 15. V.1944 года — 400 человек, за 5. VI.1944 года — 413 человек, за 19. VI.1944 года — 348 человек, за 30. VII.1944 года — 349 человек и так далее.

Немецкие врачи играли руководящую роль и в так называемых селекциях, то есть отборе заключенных на газирование и кремацию. “Селекцию” они производили всюду: около крематориев, в больницах, в бараках. Людей истощенных, больных, непригодных для работы немецкие врачи отправляли в газовые камеры. Отбором заключенных для умерщвления занимались следующие немецкие врачи: Виртс, Менгеле, Роде, Фишер, Тилло, Китт, Кениг, Клейн и многие другие.

По приказу главного немецкого врача Освенцимского лагерного объединения Виртса при эпидемиях сыпного тифа производилось умерщвление людей целыми бараками путем отравления газами.

Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецкие врачи в Освенцимском лагере производили следующие эксперименты над живыми людьми:

1. Массовое иссечение тканей шейки матки или даже полная ампутация последней.
2. Испытание ряда неизвестных веществ для целей рентгенографии матки и труб. Указанные вещества с помощью специальных приборов под давлением вводились в полость матки, что зачастую было сопряжено с мучительными болями для экспериментируемых жертв.
3. Стерилизация женщин путем облучения рентгеновскими лучами тазовой области, с последующим чревосечением и изъятием яичников. Эти опыты производились преимущественно над молодыми женщинами.
4. Изучение действия разных химических препаратов по заказам немецких фирм. По показанию немецкого врача, доктора медицины Валентина Эрвина, был случай, когда для подобных опытов представители химической промышленности Германии врач-гинеколог Клауберг¹ из Кенигсгютте и химик Гебель специально купили у администрации лагеря 150 женщин.
5. Стерилизация мужчин путем рентгеновского облучения.
6. Опыты над мужчинами с применением раздражающих химических веществ на коже голени для искусственного вызывания язв, флегмон.
7. Ряд других опытов — искусственное заражение малярией, искусственное оплодотворение и так далее.

Очень многие опыты кончались быстрой и мучительной смертью подопытных заключенных. После окончательного использования заключенных для экспериментов их убивали и сжигали. Этим путем немцы стремились уничтожить свидетелей своих бесчеловечных опытов.

¹ Проф. Карл Клауберг пытался, по заказу Гимmlера, выработать метод массовой стерилизации, который можно было бы использовать против “врагов рейха” — русских, поляков, евреев. — *И. Л.*

Допрошенный в качестве свидетеля бывший заключенный Штерн Самуил Абрамович, житель гор. Бухареста, показал:

В лагере Аушвиц я работал в качестве исполняющего обязанности фельдшера. По приказанию обер-фельдфебеля Кашуба я делал уколы и другие манипуляции заключенным. Хорошо знаю, что многим заключенным впрыскивался керосин под кожу в голень. Второй метод экспериментов: химическое раздражение кожи. Для этой цели применялся 80-процентный раствор уксуснокислого алюминия (алюминь-ацетикум). После этого снимали весь слой кожи и отправляли на исследование. У тех же, у которых было глубокое раздражение кожи, вырезали кусок мяса с кожей и также отправляли на исследование. Кашуб прививал также искусственную желтуху и вливал кровь маляриков.

Подвергавшийся экспериментам Балигура М. сообщил:

Спустя несколько дней после того, как меня привезли в Биркенау, кажется, в первых числах декабря 1942 года, всю молодежь в возрасте от восемнадцати до тридцати лет (мужчин) подвергли стерилизации путем просвечивания мошонки рентгеновским аппаратом. В числе стерилизованных был также и я. Спустя 11 месяцев после того, как меня подвергли стерилизации, то есть 1 ноября 1943 года, я был подвергнут кастрации. Со мной были подвергнуты стерилизации в один день 200 человек.

Свидетель Сурес Давид из гор. Салоники (Греция) дал следующее показание:

Примерно в июле 1943 года меня и со мной еще 10 человек греков записали в какой-то список и направили в Биркенау. Там всех нас раздели и подвергли стерилизации рентгеновскими лучами. Через месяц после стерилизации нас вызвали в центральное отделение лагеря, где всем стерилизованным была проведена операция — кастрация.

Бывшая заключенная Хаузер М. (Париж, Ситэ Мильтон, 9) сообщила:

В Аушвице нас поместили в 10-й блок. Для чего нас забрали в 10-й блок — мы не знали. В этом блоке было больничное отделение, хотя все мы были совершенно здоровые женщины. В 10-м блоке у меня сначала взяли один шприц крови; для чего брали кровь — мне неизвестно. В конце августа 1943 года меня взяли в операционную комнату, дали наркоз и под наркозом сделали операцию в половых органах. Операцию делал заключенный врач Самуэль под руководством и по указанию немецкого врача Виртса. После этой операции я пролежала в 10-м блоке больной 11 месяцев. Из числа подвергавшихся стерилизации была одна еврейка из Греции по имени Белла, фамилии ее не знаю. После рентгеновских лучей ей была сделана операция: разрез вдоль живота. После операции она поправилась, и рана на животе зажила. Приехал в 10-й блок немецкий врач Шуман и в порядке контрольной проверки взял Беллу в 28-й блок и там сделал вторичный разрез живота поперек. Поперечный разрез живота у нее я сама видела. Через несколько дней после вторичной “операции” Белла умерла.

Немецкие палачи убивали в Освенцимском лагере граждан всех стран Европы

621

Сообщение ЧПК
о чудовищных
преступлениях
германского
правительства
в Освенциме

Как установлено следствием, в Освенцим ежедневно прибывало от 3 до 5 железнодорожных эшелонов, предназначенных для умерщвления людей, по 1500–3000 человек в каждом эшелоне. Обреченные привозились из всех стран Европы. Среди освидетельствованных судебно-медицинской комиссией 2819 освобожденных узников Освенцимского лагеря имелись подданные: Польши — 745 человек, Венгрии — 542 человека, Франции — 346 человек, Чехословакии — 315 человек, СССР — 180 человек, Голландии — 159 человек, Югославии — 143 человек, Италии — 91 человек, Греции — 76 человек, Румынии — 52 человека, Бельгии — 41 человек, и других стран.

Из каждого прибывшего эшелона немцы отбирали от 200 до 500 человек наиболее трудоспособных для работы в лагерях, остальных направляли прямо к газовым камерам и крематориям в лагеря Аушвиц и Биркенау.

Диспетчер службы движения станции Освенцим Станек Францишек показал:

Эшелоны прибывали с заключенными в 1942, 1943, 1944 годах из Чехословакии, Бельгии, Франции, Голландии, Норвегии, Греции, Польши и других стран.

Свидетель Де-Винд Эдуард показал:

После оккупации немцами Голландии в ноябре 1940 года была произведена чистка государственного аппарата, учреждений и учебных заведений Голландии. Нас, троих ассистентов университета, выгнали. Я приехал в Амстердам. В одном из кварталов Амстердама был найден убитым фашист-голландец. В ответ на это немцы арестовали 400 заложников, в число которых попал и я. Схватили меня на улице и отвезли сюда в лагерь.

Свидетель Гордон Яков, уроженец города Вильнюс, показал:

В лагерь Освенцим меня привезли 22 января 1943 года. Всего в нашем эшелоне было 3650 человек, из них вошли в лагерь 265 мужчин и около 80 женщин, всех остальных сейчас же отправили в крематорий — газировали и сожгли, в том числе сожгли мою жену Матильду, по специальности врача, сына четырех с половиной лет, отца 73 лет и мать 64 лет.

Свидетельница Дессанти Эмили, по национальности итальянка, показала:

12 сентября 1944 года гитлеровцы вывезли нас из Италии и привезли в лагерь Освенцим. Всего в лагерь нас, итальянцев, привезли 500 человек, из них осталось в живых только 30 человек, остальные зверски замучены и уничтожены в лагере.

Свидетель Сурес Давид показал:

В лагерь Освенцим я прибыл с эшелонам из Греции 3 апреля 1943 года. В эшелоне было больше 2500 человек, в числе которых была моя мать 53 лет, се-

стра с ребенком и я. Из 2500 человек приблизительно 300 отправили в лагерь, остальных в том числе мою мать и сестру с пятилетним ребенком, прямо из эшелона повели в крематорий на сожжение.

Свидетель Китман Георг, из Румынии, показал:

В июне 1944 года я и мои родители, вместе с другими в числе 3 тысяч мужчин, стариков, женщин и детей, эшелонами были привезены в лагерь Освенцим. При выгрузке всех стариков, матерей с маленькими детьми отделили от здоровых, отправили в крематорий и сожгли. Среди сожженных был мой отец 52 лет и мать 48 лет. Из 3 тысяч человек в лагерь направили не больше 350 человек.

Свидетельница Шпетер Зиска показала:

В феврале 1943 года я прибыла из Франции в числе 1100 человек. Из них в этот же день было отобрано 205 трудоспособных, которые были направлены в бараки, а остальных 895 человек — стариков, женщин и детей — отвели в газовую камеру, где они были удушены газами.

Бывшая заключенная Кеппих Анна, венгерка из города Клуж, показала:

Я прибыла в Освенцимский лагерь в июне месяце 1944 года в числе 3 тысяч венгерских заключенных, из них по прибытии в лагерь 500 человек трудоспособных были оставлены в лагере для работы, а остальные 2500 человек направлены в газовую камеру для уничтожения.

Доктор медицины Пражского университета, профессор Бертольд Эпштейн рассказал комиссии:

Отобранных заключенных направляли в газовые камеры для умерщвления. В течение нескольких месяцев мы видели длинные вереницы идущих на смерть в крематорий людей, особенно большие группы уничтожались в мае-июне-июле 1944 года¹. В это время в крематориях сжигали днем и ночью, что было видно по выступавшему из труб крематориев пламени. Нередко мы чувствовали запах горелого мяса, волос или ногтей. В это время мы, кроме огня из труб крематориев, видели два больших костра, которые ночью горели огромным пламенем. Всю ночь в лагере были слышны вопли и крики, а также лай карательных собак эсэсовцев. Несчастные жертвы, которых вследствие переполнения крематориев по очереди вели к кострам на смерть, при виде костров догадывались, какая участь их ожидала. Я знал, что и моих близких родственников постигла та же участь и что мне ее также не избежать. Примерно каждые две недели врачом лагеря доктором Менгеле производился отбор, после чего отобранные жертвы направлялись в крематорий на уничтожение. Так в один из дней уничтожили 500 детей. При отправке этих детей разыгрались потряса-

1 С 15 мая по 8 июля в Освенцим были отправлены 445 тысяч евреев Венгрии. См.: Арад И. Холокост. С. 45. — И. Л.

ющие сцены, так как уже все знали, куда их ведут. Эсэсовцы и их помощники при этом отличились особенной жестокостью. Когда мы прибыли в Освенцим, нас с женой разлучили, я ее уже больше не видел. Впоследствии я узнал, что ее в лагерь не приняли. Нет сомнения, что мою жену убили обычным способом. В марте 1944 года эсэсовцы уничтожили также мою свояченицу с двумя детьми и мою племянницу 38 лет. В июле 1944 года погибла также моя сестра.

Лагерь Освенцима — конвейеры смерти

Как установлено расследованием, в Освенцимских лагерях, кроме людей, предназначенных для опытов, постоянно содержалось около 200 тысяч узников для эксплуатации на самых изнурительных каторжных работах. На этих работах люди доводились до крайнего истощения, после чего, как негодные, истреблялись. Каждую неделю немецкие врачи производили среди заключенных отбор (“селекцию”), в результате которого всех больных и потерявших трудоспособность умерщвляли в газовых камерах. Вместо них общий состав заключенных постоянно пополнялся отобранными из приходящих эшелонов. Это была организованная система страшного конвейера смерти: одни умерщвлялись, другие ставились на их место, беспощадной эксплуатацией доводились до истощения и болезней и в свою очередь направлялись в газовые камеры.

В 1941 году немцы близ Освенцима развернули строительство крупного военного химического завода “И. Г. Фарбениндустри”, а также военного завода взрывателей и запалов для бомб и снарядов. Строительство проводили фирмы “Крупп”, затем “Унион” и другие. Десятки тысяч освенцимских узников разных национальностей — русские, украинцы, белорусы, поляки, французы, чехи, югославы, греки, бельгийцы, голландцы, итальянцы, — изнемогая от свирепой эксплуатации, работали на этих строительствах, а также на осушке болот, в шахтах, на строительстве дорог.

От бараков концлагерей к местам работы было 7–8 километров. Эсэсовцы выстраивали людей в тысячные колонны и под вооруженной охраной, окруженных надсмотрщиками с палками и собаками, гнали на работы. В процессе работ эсэсовцы, надсмотрщики и мастера зверски избивали каждого: одного за то, что разогнул спину, другого за то, что мало земли забрал лопатой, третьего за медленную работу, четвертого побоями заставляли возить тачку с породой бегом. Мастера приговаривали: “Фирма платит за тебя 4 марки, ты должен работать, как лошадь”.

Тех, кто падал от изнеможения, здесь же на месте расстреливали. Места работ были одновременно местами массовых убийств заключенных. Убийства всячески поощрялись начальством. Оберштурмбанфюрер Либгеншель издал приказ о выплате эсэсовцам 60 марок за каждого убитого заключенного “при покушении последнего на побег”. В погоне за этой премией охранники безнаказанно убивали людей.

Об истреблении заключенных на строительных участках Освенцима рассказал бывший заключенный бельгиец Штазман Морис:

В августе 1943 года я работал на площадке строительства завода “И. Г. Фарбениндустри”. В один из дней эсэсовцы привели на эту площадку 400 заключенных, среди которых были югославы, греки, французы и бельгийцы, завели их в выкопанный ров и начали живыми закапывать. Погибающие на разных языках просили о помощи, а рядом эсэсовцы обращались к нам: “Смотрите да лучше работайте, а то и с вами будет то же”. Спустя две недели нас перебрали подготовить площадку для одного из строений лагеря Аушвиц. Эсэсовец Лосман с группой других эсэсовцев отобрали из нас 30 человек, завели их в выкопанную яму и закопали по плечи. Затем сели на лошадей и начали скакать по площадке, задавив всех 30 человек.

Огромная площадь освенцимских болот стала могилой многих тысяч людей разных национальностей. Здесь работало свыше 300 команд — от 50 до 1200 человек в каждой. Бесчеловечные условия труда в болотах во все времена года, избиения, убийства и насилия приводили к тому, что никто из работавших не выживал больше 2–3 месяцев. Люди умерщвлялись на самих болотах, или после потери трудоспособности их убивали вливаниями фенола в сердце либо в газовых камерах.

Шестидесятилетний инженер-мелиоратор из Венгрии Кениг Яков, работавший на болотах в качестве простого землекопа, показал:

Я был в команде на осушке болот, в которой насчитывалось 400 человек... Надсмотрщики из числа немецких уголовников избивали людей палками и лопатами до потери сознания. В нашей команде работали мужчины и женщины всех возрастов. Много было людей интеллигентного труда — врачей, педагогов, профессоров. Из одной только Югославии простыми землекопами работали 14 инженеров.

Бывший заключенный, бельгиец Майзелье Симон, сообщил:

Из нашей команды в 1200 человек в течение трех месяцев 1944 года ежедневно приносили по 100 и 200 трупов замученных на работе людей, вместо которых команды пополнялись новыми жертвами.

Особенно свирепствовали немецкие палачи над советскими пленниками, которые, как правило, по прибытии в лагерь сразу же уничтожались и только в виде исключения из них оставляли наиболее трудоспособных.

В канцелярии лагеря найден следующий приказ о советских гражданах:

Ораниенбург

15 ноября 1941 года

Секретно

Рейхсфюрер СС

Инспектор концлагерей

Полиция (Освенцим: 14 ф 14 Л) ОТ Касается: казни русских военнопленных.

Лагерным комендантам концентрационных лагерей.

Копии: лагерным врачам, лагерфюреру заключенных под надзором управления.

Рейхсфюрер СС и шеф германской полиции дал свое принципиальное согласие откладывать казнь для тех из общего количества русских военнопленных, направленных на казни в концлагеря (особенно комиссаров), если они по своему физическому состоянию способны работать на каменоломне. Для этого мероприятия необходимо получить согласие начальника полиции безопасности и полиции СД. Поэтому приказываю:

По прибытии эшелонов для казни в лагеря физически здоровые русские, годные для работы на каменоломнях, отбираются начальником лагеря (Е) и главным лагерным врачом. Именной список отобранных русских в двух экземплярах должен быть нам направлен. На этом списке лагерный врач должен отметить, что не возражает против привлечения этих лиц на работы с медицинской точки зрения.

После получения согласия со стороны начальника полиции безопасности и полиции СД пересылка соответствующих русских в каменоломни будет отсюда оформлена приказом.

Фюрер бригады СС¹ и генерал-майор

Глюкс

На основании этого приказа часть советских пленников оставляли для самых тяжелых изнурительных работ, при этом отношение к ним со стороны эсэсовцев и надсмотрщиков было наиболее жестоким и бесчеловечным.

Житель города Освенцим Гандзлик Мариан показал:

Зимой 1941 года, в 35-градусные морозы, по дороге из лагеря Освенцим в село Бабице ежедневно в течение двух недель, как скот, гнали плетьюми и палками русских военнопленных. Многие из них были без шапок, в одних гимнастерках, в одних кальсонах, с изорванной обувью. Вечером из села Бабице направлялось несколько подвод, полных трупами этих русских военнопленных. На каждой подводе наверху сидели по 2–3 их товарища, с обмороженными лицами, руками и ногами, до крайности измученные.

Гитлеровцы беспрестанно требовали от своих подчиненных новых и новых убийств. 14 февраля 1944 года начальник гарнизона Освенцим оберштурмбанфюрер Либегеншель издал приказ, в котором говорится следующее:

Продолжительными личными наблюдениями я установил, что на всех рабочих местах, кроме военных заводов, работает слишком много заключенных, рабочая сила которых не использована. Они лентяйничают. Мы знаем, что для повышения производительности труда заключенных необходимо усилить надзор со стороны младшего командного состава СС, но мы также знаем, что такого состава добавочного в нашем распоряжении нет, так как он или находится на фронте, или несет службу на других важных участках. Мы сами себе поможем... Ясно, что тут следует действовать быстро, и я надеюсь, что каждый от себя сделает то, что необходимо.

1 Должно быть: бригаденфюрер СС. — И. Л.

В результате этого приказа каждый вечер со всех концов Освенцимских лагерей — с заводов, из болот, из шахт — тянулись к баракам страшные процессии: окровавленные, измученные узники, окруженные эсэсовцами и надсмотрщиками с огромными сворами собак, несли на деревянных носилках трупы товарищей. Во время вечернего смотра заключенные становились в строй, перед ними в ряды складывались трупы замученных за день, и надсмотрщики докладывали начальникам о выполнении приказа Либегеншеля. Начальство благодарило тех из них, команды которых приносили наибольшее количество трупов. Здесь же перед строем били палками провинившихся заключенных.

К страшным условиям каторжной работы прибавлялись кошмарные условия жизни в бараках. В бараках, рассчитанных на 400–500 человек, немцы помещали по 1000–1500 заключенных. Голод, болезни, истязания, антисанитарные условия — все создавалось с определенной, продуманной целью быстрейшего истребления заключенных.

Судебно-медицинская комиссия, освидетельствовав 2819 спасенных Красной Армией узников Освенцима, установила, что 2189 человек, или 91 %, больны от крайнего истощения, и 223 человека больны туберкулезом легких. Экспертизой также установлено, что немцы подвергали заключенных истязаниям, в результате которых у обследованных комиссией людей обнаружены переломы ребер, конечностей, позвонков, костей лица, различные ранения, язвы, обморожения кистей и стоп. Очень многие из освобожденных страдают тяжелыми нервно-психическими заболеваниями.

Судебно-медицинской комиссией произведено вскрытие 526 трупов заключенных, найденных в разных местах на территории лагерей. Установлено, что в 474 случаях (88,3 %) смерть последовала от истощения.

Убийцы детей

Сотни тысяч детей в возрасте от грудного ребенка до 16 лет истребили гитлеровские изверги в Освенцимском лагере. Как правило, прибывших в эшелонах детей немцы сразу же направляли в газовые камеры и там истребляли. Только небольшую часть здоровых подростков оставляли для лагерных работ.

Следствием установлено, что детей в возрасте от 8 до 16 лет немцы наравне со взрослыми изнуряли на тяжелых физических работах. Непосильный труд, истязания и побои быстро доводили каждого ребенка до полного истощения, и тогда его убивали.

Бывший заключенный Гордон Яков, врач из города Вильнюса, показал:

В начале 1943 года в лагере Биркенау были отобраны 164 мальчика и отвезены в больницу, где при помощи уколов в сердце карболовой кислоты все они были умерщвлены.

Бывшая заключенная Бакаш Вельдтраут, из города Дюссельдорфа (Германия), показала:

В 1943 году, в то время когда мы огораживали крематорий №5, я лично видела, как эсэсовцы бросали в горящие костры живых детей.

Вот что рассказывают сами дети, спасенные Красной Армией, о мучениях, которым подвергали их фашистские звери.

Мальчик Мудианов Самий, 1930 г. р., житель города Рода (Италия):

Нас, детей, заставляли работать по 15–20 человек — на лямках возить груженные повозки с разным грузом, но больше отвозили трупы умерших к специальному блоку, где они складывались и оттуда увозились в крематорий. Работали мы с 4 часов утра до вечера. В конце октября 1944 года производивший проверку немец дал нам “кару” за то, что не было чисто в блоке. Нас 150 человек построили на улице около блока и отвели в купальню, где раздели донага, облили холодной водой, голых повели по улице в свой блок, после чего многие из детей заболели.

Девятилетний Леринцакош Андраш, уроженец города Клеза (Венгрия), показал:

Когда нас пригнали в лагерь в 22-й блок, там нас били, особенно приставленные к нам женщины-немки. Били палками. За время пребывания в лагере у меня доктор Менгеле брал много раз кровь... В ноябре месяце 1944 года всех детей переводили в лагерь “А”, в “Цыганский лагерь”; при проверке одного из нас не оказалось. Тогда начальница женского лагеря Брандем и ее помощница Мандель выгнали нас всех на улицу в час ночи, и мы простояли на морозе до 12 часов дня.

Детей, родившихся в лагере, эсэсовцы отбирали от матерей и умерщвляли. При выявлении у прибывших женщин беременности их немедленно выделяли в особый барак, где вызывали у них преждевременные роды. В случае сопротивления беременных женщин направляли в газовую камеру.

Бывшая заключенная Флякс Софья Исааковна, из города Кракова, показала:

У многих женщин, прибывших в августе 1944 года в лагерь, имелись дети в возрасте от 5 до 12 лет. Все они по прибытии в лагерь вместе с матерями были отправлены в крематорий. Я прибыла с 7-месячной беременностью. При осмотре врач СС Кениг обнаружил у меня беременность и направил в барак В-3 (Биркенау). Там было 65 таких же женщин. Через три дня мне сделали укол в область бедра с целью вызвать преждевременные роды. Такие уколы проделывали 4 дня. На пятый день я родила ребенка, которого у меня забрали. В бараке за мое пребывание я видела 14 таких случаев. Новорожденные или преждевременно рожденные увозились неизвестно куда.

Среди освидетельствованных врачами освобожденных узников Освенцима имеется 180 детей, из них в возрасте до 8 лет — 52 человека, от 8 до 15 лет — 128 человек. Все они в лагерь прибыли в течение второго полугодия

1944 года, то есть находились в лагере от 3 до 6 месяцев. Все 180 детей были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, которым установлено, что 72 ребенка больны легочно-железистым туберкулезом, 49 детей — алиментарной дистрофией (крайнее истощение), 31 ребенок имеет обморожения и так далее.

Уничтожение интеллигенции

В Освенцимском лагере немцы уничтожили десятки тысяч видных ученых и представителей интеллигенции разных стран.

Фудри Андрэ, уроженец города Самот Дипуэн, рассказал комиссии следующее:

Из 600 французов, прибывших в лагерь вместе со мной, через несколько месяцев большинство погибли. Среди них экономист Боро Эмиль, профессор лицей города Компьен Жаан, депутат департамента Лоди Гарон Филиппо, бургомистр города Вильвивифе Лебигу, педагоги — Годо и Бру, инженер-архитектор Молине и другие.

Профессор Клермон-Ферранского университета Лимузен Анри сообщил:

В ноябре 1944 года меня из лагеря в Дахау отправили в Освенцим, как специалиста по патологии. Здесь я пробыл приблизительно месяц в карантинном блоке, где должен был чистить уборные, полы и носить обеды тем заключенным, которые находились в тюрьме.

В Освенцимском лагере были убиты: известный голландский профессор-экономист Фрейда, доктор Лавослав, инженер Кимар, доктор-инженер Эндоклян — из Югославии, польский инженер Висневский, магистр фармации гор. Варшавы Тайхерт, польские профессора: Гешчикевич и Рюбарский, чехословацкие профессора: невропатолог Отто Ситик, психиатр Лео Таусик, хирург Ян Левит, знаменитый адвокат из Вены Краус, генерал-врач французской армии доктор Жоб и многие, многие другие. Все они были замучены на непосильных работах или задушены в газовых камерах.

В Чрезвычайную государственную комиссию поступило “Обращение к международной общественности” на трех языках — немецком, венгерском и французском — за подписями 27 бывших заключенных Освенцимского лагеря — профессоров, докторов, инженеров, адвокатов, студентов и других представителей интеллигенции разных стран.

Мы, нижеподписавшиеся, освобожденные великой Красной Армией от кровавого нацистского господства, обвиняем перед международной общественностью германское правительство под руководством Адольфа Гитлера в проведении величайших в истории человечества массовых убийств, зверств и увода в немецкое рабство... Мы обращаемся к международной общественности с просьбой выяснить судьбу миллионов исчезнувших людей всех националь-

ностей и принять все меры для спасения миллионов заключенных всех народов, еще томящихся в гитлеровской Германии. Чудом спаслись мы во время отступления нацистов из лагеря Освенцима. Хотя гитлеровцы отступали в панике, они увели с собой около 58 тысяч заключенных из лагеря Освенцима и филиалов. Люди эти, истощенные от голода, должны были идти пешком, но вряд ли большинство из них могли пройти больше, чем несколько километров. Мы полагаем, что при дальнейшем продвижении фронта вглубь Германии та же судьба ожидает всех людей, еще находящихся во власти кровавых нацистов. Мы, нижеподписавшиеся, обращаемся к международной общественности воюющих и нейтральных государств и к их правительствам и во имя гуманности просим сделать все возможное, чтобы зверства и преступления нацистов в будущем не повторялись, чтобы кровь миллионов невинных жертв не была пролита напрасно.

Мы просим и вместе с нами просят около 10 тысяч спасенных заключенных всех национальностей, чтобы преступления и невероятные зверства гитлеровцев не остались безнаказанными.

Спасенные бывшие заключенные обязаны своей жизнью доблестной Красной Армии и просят международную общественность и все правительства принять это к сведению и выразить благодарность от нашего имени.

Гитлеровцы-грабители

В Освенцимском лагере гитлеровцы разоблачили себя перед всем миром не только как кровавые убийцы беззащитных людей, но и как жадные грабители своих жертв. Миллионы людей, привозимых из разных стран в концлагерь Освенцима, в первый же час их пребывания подвергались организованному ограблению. Все вещи: чемоданы, одежда, постельные принадлежности, вплоть до нательного белья и обуви, забирались эс-совцами в специально построенные и оборудованные склады и направлялись в Германию. Часть трудоспособных людей, которая оставалась на каторжных работах, вместо своих вещей получала арестантскую полосатую одежду.

На территории Освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для сортировки и упаковки вещей и одежды, из которых 29 немцы перед своим отступлением под напором Красной Армии сожгли вместе с находившимися там вещами. В оставшихся 6 складских помещениях обнаружено:

1. Мужской верхней одежды и нижней одежды — 348820 комплектов.
2. Женской верхней одежды и нижней одежды — 836255 комплектов.
3. Женской обуви — 5525 пар.
4. Мужской обуви — 38 тысяч пар.
5. Ковров — 13964 шт.

В складе также обнаружено большое количество бывших в употреблении у заключенных: зубных щеток, кисточек для бритья, очков, огромное коли-

чество зубных протезов, всевозможной посуды. Там найдено большое количество детской одежды: рубашки, распашонки, штанишки, пальто, шапочки. Кровавые руки гитлеровских детоубийц тщательно пересчитывали эти вещи убитых ими детей и отправляли в Германию.

Осмотром вещей, обнаруженных в складах, комиссия установила, что все они принадлежат замученным и убитым людям различных национальностей. На одежде, обуви и других вещах обнаружены фабричные марки Франции, Бельгии, Венгрии, Голландии, Югославии, Чехословакии и других государств. На чемоданах сохранились ярлыки различных гостиниц европейских городов.

Комиссия обнаружила на территории лагеря 7 вагонов с одеждой и постельными принадлежностями, уже подготовленными немцами для отправки в Германию. Из найденной в бумагах лагеря справки за подписью обершарфюрера СС Рейхенбаха видно, что только в течение 47 дней, с 1. XII.1944 года по 15. I.1945 года, в лагере было обработано для посылки в Германию:

1. Детского платья и белья — 99922 комплекта.
 2. Женского платья и белья — 192652 комплекта.
 3. Мужского платья и белья — 222269 комплектов.
- Всего: 514843 комплекта.

На кожевенном заводе Освенцимского лагеря 7 марта 1945 года комиссией были обнаружены 293 тюка запакованных женских волос общим весом 7 тысяч килограммов. Экспертная комиссия установила, что волосы срезаны со 140 тысяч женщин.

Гитлеровские бандиты убили в Освенциме более 4 миллионов человек

Тщательно заметая следы своих чудовищных преступлений в Освенциме, немцы перед своим отступлением старательно уничтожали все документы, могущие показать всему миру точное количество людей, уничтоженных ими в Освенцимском лагере. Но сооруженная немцами в лагере мощная техника человекоубийства, показания освобожденных Красной Армией узников Освенцима, показания 200 опрошенных свидетелей, отдельные найденные документы и другие вещественные доказательства достаточно изобличают немецких палачей в том, что в Освенциме ими уничтожены, отправлены и сожжены миллионы людей¹.

Учитывая применение немцами в широких масштабах костров для сожжения трупов, общая пропускная способность сооружения для убийства людей в Освенциме должна быть значительно повышена.

Однако, применяя поправочные коэффициенты на недогрузку крематориев, на отдельные простои их, техническая экспертная комиссия установила, что за время существования Освенцимского лагеря немецкие палачи

¹ Данные завышены. См. примечание на с. 614. — И. Л.

уничтожили в нем не менее 4 миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран.

631

Сообщение ЦК
о чудовищных
преступлениях
германского
правительства
в Освенциме

К суровому ответу немецко-фашистских мерзавцев

Чудовищные преступления, совершенные немцами в концлагерях Освенцима, проводились по директивам гитлеровского правительства и под руководством рейхсфюрера СС и полиции Гиммлера. Непосредственными исполнителями злодеяний являлись: начальник лагерей Германии генерал-лейтенант СС и полиции Глюкс, начальник Главного санитарного управления концлагерей генерал СС и полиции Польш, начальник строительства концлагерей генерал-майор СС Каммлер, представитель фирмы “Топф и сыновья” старший инженер Прюфер, начальники лагерей: оберштурмфюрер Полячек, штурмбанфюреры Гесс¹, Бер и Шварц; коменданты лагерей: оберштурмбанфюрер Либегеншель (он же начальник гарнизона), штурмбанфюрер Краус, гауптштурмфюрер Аумеер, оберштурмфюрер Гофман, оберштурмфюрер Гесслер, оберштурмфюрер Иостен, оберштурмфюрер Шварцубер; начальники крематориев Освенцима: обершарфюрер Молль, обершарфюрер Богер, унтершарфюрер Шетер, ротенфюрер Шульц; начальник рабочих команд оберштурмфюрер Селл; начальник строительного бюро штурмбанфюрер Бишоф; унтершарфюрер Шумахер, обершарфюрер Клерман, унтершарфюрер Лахман, обершарфюрер Эмерих, унтершарфюрер Штибиц, обершарфюрер Клаузен, обершарфюрер Хартвик, унтершарфюрер Кадук, обершарфюрер Палич², оберштурмфюрер СС Зоммер; врачи лагеря: руководитель отдела испытаний, майор — доктор Шмит, оберштурмфюрер — доктор Менгеле, унтерштурмфюрер Кениг, ротенфюрер Роде, оберштурмфюрер — доктор Фишер, оберштурмфюрер доктор Клейн, доктор Деринг, гауптштурмфюрер — доктор Виртс, оберштурмфюрер — доктор Тилло, штурмбанфюрер — доктор Клауберг, профессор Шуман, доктор Вабер, оберфельдфебель Эмиль Кашуб, оберштурмфюрер Энтрес, гауптштурмфюрер — доктор Геотмерман, гауптштурмфюрер — доктор Китт, гауптштурмфюрер — доктор Горстман, гауптштурмфюрер — доктор Краус.

Все они, так же, как и все те немцы, которые принимали личное участие в убийстве и истязаниях узников Освенцима, должны предстать перед судом народов и понести заслуженную суровую кару³.

- 1 Рудольф Гесс — оберштурмбанфюрер СС — первый комендант Освенцимского лагеря с мая 1940 г. до ноября 1943 г. После него комендантом стал переведенный из Майданека оберштурмбанфюрер СС Артур Либегеншель. — *И. Л.*
- 2 Герхард Палич — гауптшарфюрер СС. В Освенциме с мая 1940 г. Отличался особым садизмом, лично расстреливал заключенных. Был комендантом семейного лагеря для цыган. За присвоение ценностей приговоренных к смерти был арестован и отдан под суд СС. — *И. Л.*
- 3 Аушвиц охраняли около 6 тысяч эсэсовцев. После войны перед судом предстали 778 человек (менее 15 %). Комендант Р. Гесс был повешен в 1947 г. Некоторые палачи (например, доктор Менгеле) исчезли. — *И. А.*

ДЕВУШКА ИЗ ОСВЕНЦИМА

(№ 74233)

16 августа 1943 года немцы окончательно ликвидировали Белостокское гетто. Всех еще уцелевших собрали и повезли в тюрьму в Гродно. Там мы пробыли два дня, а оттуда нас повезли дальше. На каждой машине ехали по восемьдесят человек. По дороге отец мой умер, а мы — родные мои и я — приняли морфий, который я давно приготовила. Мой брат дал своему сыну, тринадцатимесячному ребенку, люминал в соответствующей дозе. От тряски морфий на нас не подействовал, и мы, измученные, прибыли в Ломжинскую тюрьму. Ребенок брата скончался. *Мое состояние было ужасное: мне казалось, что именно на моей совести его смерть. Глаза брата и матери говорили: "Ты его убила!" Теперь, когда я вышла из ада фашистских бандитов, я знаю, что ребенка в Освенциме все равно бы сразу сожгли.*

В тюрьме нас продержали три месяца. 18 ноября 1943 года нас вывели во двор, записали фамилию и специальность каждого и повезли на вокзал.

Мы приехали в район Данцига. Высадили нас из вагонов в лесистой местности, где нас ожидали эсэсовцы. Рефлекторы освещали дорогу в лагерь. Нас подгоняли криками. Мужчины шли отдельно от женщин. В лагере нас передали в руки "старшей" лагеря — "капо". Приближаясь к бараку, я почувствовала сильный запах серы. Мне стало понятно, что это наш конец. Все было безразлично. Угроза смерти слишком часто висела над нашими головами, и я думала: "Только бы поскорей!" На следующее утро, однако, нас повели в баню. Все наши вещи отобрали, всех переодели в лагерную одежду, дали номер и отвели в барак. Получали мы хлеб два раза в день. Кое-кто стал надеяться на то, что нас решили оставить в живых. Надо заметить, что в Штутгофе живых не сжигали. Уже позже, в Освенциме, я узнала от одной заключенной, прибывшей из Штутгофа через полгода после меня, что и там стали сжигать заживо.

Вскоре начали поговаривать о том, что отсюда нас повезут в другое место, скорее всего — в Освенцим. Мы снова переживали тяжелые дни.

9 января 1944 года нас погрузили на открытые вагонетки. Время от времени я посматривала в сторону мужчин, стараясь отыскать брата. Нас везли часа три. Подъехали мы к какой-то станции, и там нас погнали к пассажирским вагонам. 12 января мы прибыли в Освенцим.

Подъезжая к Аушвицу-Освенциму, мы увидели множество людей, работавших на дороге. [Это немного улучшило настроение: значит, это не фабрика смерти, и люди живут здесь. Что немцы специально используют заключенных на тяжелых работах, создавая невыносимые условия, чтобы те скорей

погибли, об этом мы тогда еще не знали.] Сойдя с поезда, я бросила последний взгляд на брата, которого погнали вместе с другими мужчинами. После часа пути мы подошли к воротам. Громадный лагерь, разделенный проволокой на много полей, производил впечатление целого города. *Мимо нас прошли девушки с песней. Опять явилась надежда, что слухи об Освенциме как о лагере смерти преувеличены: что общего мог иметь лагерь смерти с песней!*

Возле ворот в деревянном доме была своего рода канцелярия. Нас подсчитали, и ворота за нами закрылись — навсегда. Нас привели в барак для ночлега. Ни коек, ни стульев не было. Пришлось сесть на голую землю. Вечером пришли комендант лагеря Гесслер¹ и его правая рука Таубер. Нам велели построиться по пять человек, каждую из нас оглядывали пристально и спрашивали про специальность. Специальности некоторых, в том числе и мою, записали. На следующий день пришел снова главный палач лагеря Таубер; девушки, старые заключенные, вытатуировали нам номера на левой руке. Мы перестали быть людьми — мы стали номерами. К вечеру нас повели в баню — “зауну”, раздели и погнали под душ мыться. Перед этим сняли машинкой волосы. Счастливыми оказались те, специальности которых были вчера записаны Гесслером. [Все остальные выглядели ужасно.] Девушки, оставшиеся без волос, плакали. Одна из персонала, указав на большое пламя, подымавшееся к небу, сказала: “А знаете, что это такое? Вы тоже туда пойдете, там вам ни волосы, ни вещи, которые у вас отобрали, не понадобятся”.

После купания нам дали старое грязное белье и деревянные ботинки. На верхней одежде провели красной краской во всю длину полосу, пришили номера; затем нас направили в комнату — “шрайбштубе”², находившуюся при бане. Каждая из нас получила в картотеке, кроме своего имени, имя “Сарра”. Я, не понимая в чем дело, сказала, что меня так не зовут, записавшая иронически усмехнулась и сказала, что так хочет Гитлер. Опять нас построили по пять человек и погнали в так называемый карантинный блок. Блок был поделен на “штубы”, и за порядок в каждой “штубе” отвечала “штубовая”. Спали мы на нарах — по пять-шесть человек в ужасной тесноте; когда мы, указав на пустовавшие нары, стали просить, чтобы нас переместили, нам ответили руганью и побоями. Поднимали нас в четыре часа утра, гнали к кухне за чаем, затем производили подсчет всех в блоке. Подсчет назывался “апель”, подсчитывали два раза в день — утром и к вечеру, когда люди возвращались в лагерь с работы. Эти “аппели” длились по два-три часа каждый, невзирая на дождь, снег и холод. Мы стояли в абсолютной неподвижности, промерзшие и измученные. Тех, кто заболел в результате этого, забирали в больничные блоки, и они исчезали навсегда.

18 января мы услышали вдруг свистки по лагерной улице и крики: “Блокшперре!”³ Выходить из блоков было запрещено. Всего шесть дней прошло со времени нашего прибытия в Освенцим. Никто не объяснял нам, в чем дело, но по лицам начальниц мы поняли, что должно произойти что-то не-

1 Франц Гесслер (1906–1945, повешен по приговору британского военного трибунала) — оберштурмфюрер СС, в 1943–1944 гг. лагерфюрер (первый заместитель коменданта) женского лагеря в Бжезинке (Биркенау) — Аушвиц II, позднее переведен на ту же должность в Аушвиц I. — И. Л.

2 Канцелярия (нем.).

3 Запрещение покидать жилые блоки (нем.).

хорошее. Построили нас, подсчитали и повели в “зауну”. Там велели раздеться, и мы проходили перед Гесслером и врачом. Некоторых, в том числе и мою мать, записали. Вернувшись, мы узнали, что эта сортировка означала “селекцию”. Это было самое страшное слово в лагере: оно означало, что люди, сегодня еще живые, обречены на сожжение. Каково же было мое состояние! Я знала, что теряю мать, и не в силах была помочь ей. Мать утешала меня, говоря, что свой век она уже прожила и что ей жалко лишь нас, детей. Она знала, что та же участь ожидает и нас. Два дня после селекции обреченных держали в блоке, кормили, как и нас, а 20 января пришли за ними и забрали в специальный блок смерти (блок A25a). Там собрали несчастных со всех блоков и на машинах отвезли в крематорий. Во время вечернего “аппеля” не хватало в нашем блоке многих. Пламя в небе и дым говорили о том, что в этот день, 20 января, сожгли многих невинных несчастных людей, в их числе была и моя мать. Единственным моим утешением было то, что и я погибну, а они избавлены уже от страдания.

Проходили тяжелые дни. Не раз мы подвергались избиениям. Жаловаться не имело смысла. В лучшем случае — новые побои, стояние на коленях в блоке или перед блоком по несколько часов, независимо от погоды. Штубовые гоняли нас на кухню, и мы должны были таскать за них тяжелые котлы. Даже для здоровых мужчин эта работа была очень тяжелой. Ни мыла, ни воды не давали, и не было никакой возможности поддерживать чистоту. Чтобы умыться, надо было идти в так называемую вашраум: вели нас туда целым блоком, и умыться надо было в продолжение трех-пяти минут.

Обычно людей из карантинного блока определяли на работу после пяти-шести недель. Нас взяли на работу раньше. Большинство девушек, прибывших в одном транспорте со мной, пошли работать на фабрику “Унион”; меня же, как фармацевта, послали в другой блок, откуда должны были снова затребовать на работу. Так мы расстались с карантинным блоком. Но он не остался пустым: ежедневно прибывали новые жертвы из Польши, Франции, Бельгии, Голландии и других стран. В то же время очень много людей умирало. Смертность доходила до трехсот — трехсот пятидесяти человек в день. Свирепствовали тиф, дизентерия.

В новом блоке был тот же порядок, что и в первом. Те же надписи на стенах, требование соблюдения чистоты; такое же отношение блоковой и штубовых к нам. Когда я попала туда, меня стали спрашивать, каким образом я, новая, имея такой большой номер, сумела сохранить длинные волосы. Когда объяснила, что причина в моей специальности, мне с иронией сказали: “Ну, теперь жди, пока тебя позовут на работу по твоей специальности”. Позже я поняла, в чем дело: для того чтобы устроиться на такую работу, надо было иметь протекцию, а для этого дать взятку (“подарок”) тем, от кого это зависело. “Подарок” надо было уметь “организовать”, то есть надо было красть. Я этого не умела и вынуждена была ждать. Отдыхать не разрешали. Приносить и выносить котлы, убирать блок стало моей обязанностью. Если бы я возражала, я бы попала в очередную “селекцию”. Ввиду того, что в блоке должно было быть *rein* (чисто), нас по целым дням не впускали в блок, держали в маленькой нетопленной комнатке. Нас выгоняли из блока даже в сильные морозы. Лишь после вечернего “аппеля”, продолжавшегося полтора-два часа, нам разрешали войти внутрь. Следили за тем, чтобы на полу,

который был из цемента и который мы несколько раз в день промерзшими руками, обливаясь горькими слезами, мыли, — чтобы на этом “паркете” не было следов грязи. Но и этого было мало: не нравилось то, что мы мало заняты, и нас решили использовать на тяжелой работе. По четыре-пять раз в день мы должны были ходить за три километра и приносить тяжелые камни, которыми другие женские команды мостили лагерь. Собирали женщин со всех блоков — тех, кто не работал на определенных местах. Нас подсчитывали у ворот, там присоединялся к нам пост-немец с собакой, и под градом ругательств нас гнали к месту, где лежали камни. Каждая старалась найти камень поменьше. Но это не удавалось — нас проверяли и били. Наблюдали за нами, кроме конвойного, “айнвайзерки”. “Айнвайзерки” были заключенные немки, в большинстве своем — проститутки. “Айнвайзерку” можно было подкупить — пачки папирос было достаточно; но чтобы эту пачку раздобыть, надо было снова уметь “организовывать”. Работа была очень тяжелая. В таких условиях я проработала пять недель и больше не могла, так как ноги страшно распухли и я совершенно не в состоянии была ходить. В блоке тоже нельзя было оставаться, потому что приходили проверять, все ли вышли на работу; работать обязаны были все — больным места не было, этих отправляли в специальный блок для больных — “ревир”. В то время “ревир” обозначал смерть — редко кто возвращался оттуда. В “ревире” люди еще сильней заболели, заражались друг от друга, истощались и в результате умирали. Еще одна опасность была в “ревире”: “селекция”. В случае “селекции” в первую очередь подвергались этой опасности люди, лежавшие в “ревире”. Но у меня выхода не было. Зная все, что мне угрожает, я, тем не менее, попросила “шрейберку”¹ нашего блока отправить меня в “ревир”. Новая обстановка, новые звери. Мне предложили лечь на койку еще с одной больной. Увидя, что все ее тело в прыщах и ранах, я разрыдалась. Я знала, что под одним одеялом с ней я заражусь. В то время людей съедала чесотка. Чесотка, которую в нормальных условиях ликвидировали в течение двух-трех дней, здесь длилась без конца. Кроме того, достаточно было во время “селекции” иметь на теле несколько следов этой болезни, чтобы быть сожженной. Я умоляла сестру, чтобы мне дали другую койку. Она уступила после долгих упрасиваний. Лежала я в “ревире” три недели. Чаем, который давали по утрам, я мыла себе руки и лицо. Два раза в неделю я за две порции хлеба покупала горячую воду, чтобы лучше помыться. Делала я это по ночам. Два дня приходилось жить совсем без хлеба, чтобы быть сравнительно чистой. Я не в состоянии описать удивление моих товарок по блоку, которые увидели меня снова там. Я с гордостью показывала им мое чистое тело и советовала всем заболевшим идти именно на “ревир”, пока организм еще не истощен окончательно и имеет силы сопротивляться болезни. Потому что истощенный заключенный — это на лагерьном лексиконе “музульман” — первый кандидат для “селекции”.

После того как выписывали из “ревира”, вели в “зауну” (баню), там мылись и получали одежду — тряпье. Надо было отказаться от хлеба, чтобы за него “купить” себе одежду. Вещи эти покупались у тех, кто занимался сортировкой багажа из транспортов, приходивших без конца в Освенцим. [В таком же са-

1 Шрейберка (нем., с русским окончанием) — заключенная-писарь.

мом положении бывали мы после так называемых энглюзунгов (дезинфекция блока и людей от вшей). Нас вели тогда в “зауну” купаться, а вещи забирали и дезинфицировали в паровых котлах. После такой дезинфекции получали мы не вещи, а тряпье, и надо было снова все приобретать сначала.]

После “ревира” меня определили на работу в “веберай”¹. Мне пришлось плести косы из отходов тряпок, кожи, резины. Надо было выполнять норму во что бы то ни стало, а для этого необходимо было достаточное количество сырья. Но и сырье надо было “организовывать”, то есть давать папиросы или другие вещи “айнвайзеркам”, наблюдавшим за работой. Кроме “айнвайзерок” за работой наблюдали также женщины-эсэсовки — “ауфзеерки”, также любившие подарки. Плохо пришитый номер на платье, отсутствие красной полосы (“штрайх”) на верхней одежде бывали достаточной причиной, чтобы “ауфзеерка” записала номер “провинившейся” и номер блока, в котором та жила. Записывали также номера и за разговоры с мужчинами, и за найденные письма от мужчин. На следующий день проштрафившуюся отправляли в специальный блок. Люди этого блока носили красный кружок на спине. Оттуда посылали заключенных на самые тяжелые работы.

Тут я должна описать, в какой обстановке мы выходили на работу. Подъем бывал в четыре часа утра. Очередная дежурная партия отправлялась на кухню за чаем. После того как нары бывали убраны и чай выдан, нас выгоняли на “апель”. Мыться уже не было времени. После “аппеля” люди, выходявшие на работу за пределы лагеря, строились по пять человек на лагерной улице (лагерштрассе). Там снова разные “капо” по несколько раз подсчитывали нас и затем подводили к воротам лагеря. У ворот играл оркестр. Он состоял из заключенных девушек. Когда я в лагере в первый раз услышала музыку, я заплакала, как ребенок. Музыка и пламя, пылавшее в небе! Кто мог это придумать! К вечеру, когда люди возвращались с работы, их встречал тот же оркестр. Отдохнуть нельзя было, надо было еще стоять полтора-два часа на “аппеле”. [В то время и позже] вечерний “апель” длился долго, потому что почти ежедневно происходили побеги мужчин — ведь они выходили за пределы лагеря на работу. О побегах мы узнавали по вою сирены. Мы радовались тогда, и хотя в эти дни проверка продолжалась особенно долго, мы охотно стояли на “аппеле”. Я проработала в “веберай” всего три дня, а затем попала на работу в “ревир”. Попала потому, что в картотеке я числилась медработником. Без протекции и взятки это было редчайшей удачей: гигиенические условия на этой работе были лучше, и, кроме того, не приходилось ходить на работу за пределы лагеря, иначе говоря, не надо было проделывать по шестнадцать километров в день. А самое главное — в “ревире” я работала в интересах несчастных заключенных. Ежедневно нас навещал лагерный врач Менгеле. На совести этого бандита сотни тысяч людей. “Ревир” находился в лагере, но был изолирован от лагеря проволокой. “Ревир” занимал пятнадцать блоков. [Он был своего рода государством в государстве.]

Начала я работать там 21 апреля. Через несколько дней после вечернего “аппеля” раздались свистки и крики: “Лагершперре — селекция!” Наступила мертвая тишина, тишина перед бурей. Я знала: завтра утром многих

1 Ткацкая фабрика (нем.).

больных я не увижу в блоке. С чрезвычайной пунктуальностью подъехали машины, начали вытаскивать обреченных на смерть. Крик и плач. И вдруг раздалась древнееврейская песня “Гатиква”¹. Подъехало еще несколько машин, затем воцарилась тишина. Ужасно было находиться так близко, все слышать и не иметь возможности помочь! Эта “селекция” была проведена так же, как и предыдущие, и за несколько дней до нее врач Менгеле записал номера несчастных больных, предназначенных к сожжению.

После “селекции” работа продолжалась по-прежнему. Приближались самые тяжелые дни. Ежедневно прибывали большие транспорты евреев почти из всей Европы; больше всего прибывало евреев в это время из Венгрии. Раньше транспорты останавливались на станции Освенцим. Там их разгружали, там же происходил отбор, и “счастливые” входили в ворота лагеря, а остальных приговоренных к смерти отвозили на машинах прямо в крематорий. Но это показалось немцам невыгодным, и от железной дороги в Освенциме построили силами заключенных ветку, которая вела к печам. Рельсы проходили параллельно реверным блокам и находились от нас всего на расстоянии ста пятидесяти — двухсот метров. Мы непрерывно наблюдали жуткую картину: в день прибывало по восемь-девять поездов; их разгружали, багаж оставался лежать вблизи рельсов. Отбирал людей шеф палачей доктор Менгеле. В это лето Менгеле имел много работы. Люди, выходящие из вагонов, совершенно не представляли себе, что их ждет. За проволокой им были видны девушки в белых передниках (это были мы, работницы “ревира”); если прибывали утром, они слышали звуки оркестра; они видели партии девушек, идущих на работу за пределы лагеря (“ауссенкомандо”). [Вряд ли прибывшие понимали, куда их ведут.] Между тем обреченных к уничтожению вели в крематорий. Их раздевали в большом зале, давали кусок мыла и полотенце и говорили им, что они идут в баню, на самом деле несчастных загоняли в газовую камеру; там их с помощью газа убивали. Мертвые тела сжигались. Сожжением трупов занимались заключенные мужчины, принадлежавшие к так называемой зондеркомандо. Но им приходилось здесь работать недолго: после одного-двух месяцев этих людей тоже сжигали и заменяли другими, которых ожидала та же участь. Как страшно было смотреть на идущих без конца в сторону крематория женщин, мужчин, стариков и детей! Они настолько не понимали того, что их ждет, что сокрушались о своем багаже, оставленном на дороге. Транспорты в это время приходили так часто, что багаж не успевали убирать, гора вещей росла, а их хозяев в живых уже не было. В период прибытия венгерских транспортов доктор Менгеле при отборе сохранял жизнь детям-близнецам независимо от их возраста. Кроме того, заинтересовался Менгеле и семьей карликов; они даже потом пользовались его симпатией. Следует отметить, что у нас в “ревире” находились и ненормальные; два раза в неделю их возили в мужской лагерь Буна, расположенный в десяти километрах от нашего лагеря; там производили над ними разные эксперименты. Этим делом занимался врач Кениг. [Даже в то время когда в крематории уже не сжига-

1 Атиква (*иврит*) — надежда. Стихотворение, написанное в 1876 г. Н.-Г. Инбером, стало гимном сионистского движения, а с возникновением государства Израиль — национальным гимном. — *И. Л.*

ли, а стали сжигать просто во рвах, кладя людей на бревна и обливая керосином,] в это же самое время садисты Менгеле и Кениг занимались своими “научными” опытами. Опыты проделывались и над заключенными — женщинами и мужчинами.

Страшное было это лето 1944 года: бесконечные транспорты прибывали каждый день. Одновременно уходили транспорты заключенных мужчин и женщин из Освенцима в Германию на разные работы. Германия нуждалась в рабочей силе. Настроение наше поддерживало то, что ежедневно стали нас навещать “птички” — советские самолеты. На лагерь они бомбы не сбрасывали, но два раза бомбы попали в эсэсовские бараки, где было, к нашей радости, довольно много жертв. Мы чувствовали, что фронт приближается. Побег стали ежедневным явлением. Однажды вечерний “апель” продолжался очень долго. Завывала сирена. Сначала мы подумали, что это налет, но вой был совсем другой, продолжительный. После долгих подсчетов оказалось, что не хватает одной заключенной в нашем лагере и одного заключенного в мужском. Как потом мы узнали, бежала бельгийская еврейка Маля, занимавшая большой пост: она была “лауферкой”¹ — направляла на работу тех, кто выходил из “ревира”. Она была человеком в подлинном и высоком смысле этого слова и решительно всем, кому могла, помогала. Маля сбежала вместе со своим другом-поляком. Через несколько дней их поймали в Вельске. Они были в форме СС и имели при себе оружие. Их привели в Освенцим и посадили в темницу — “бункер”. Немцы на допросах пытали их, но они не выдали никого. 21 августа мы увидели, как Малю, избитую, измученную, в лохмотьях, привел эсэсовец в наш лагерь. Ее должны были повесить на глазах у заключенных. Она знала об этом. Она знала также, что ее друга уже повесили. Тогда она ударила сопровождающего гестаповца, выхватила спрятанное в волосах лезвие бритвы и перерезала себе вены. Казнить эту девушку-героиню немцам не удалось.

Вообще же немцы в это время бесились. Обыскивали заключенных, когда они с “ауссен” — работы возвращались в лагерь, отбирали у них все. У нас на блоке тоже проводили ревизии. Некая Соня — правая рука коменданта лагеря, отличалась при этом наибольшей подлостью: мало того, что она лучшие вещи отбирала, она, кроме того, была и издевалась над заключенными. Это была их правая рука.

По мере того как фронт приближался, немцы все больше нервничали. Перестали сжигать людей в крематориях. Мало того: чтобы не оставить следов своих преступлений, немцы уничтожили машины смерти. Один крематорий за другим взрывали. Казалось, варвары вспомнили о неизбежной расплате. Даже условия были кое в чем улучшены. Правда, на питании это не отразилось: *тот же горшочек травяного чая в четыре-пять часов утра, 200 гр. хлеба; три раза в неделю выдавали кусочек маргарина (пачка маргарина на двенадцать человек) или кусочек колбасы. Обед и ужин, то есть тарелку воды с брюквой и куском хлеба, выдавали сразу...* Наш “ревир” перевели на поле “Е” лагеря Биркенау, где раньше находились 17 тысяч цыган, которых сожгли еще летом. Мы оказались между двумя мужскими лагерями. И так приятно и в то же время горько бывало, когда мы после работы “встре-

1 Лауферка (нем., русское окончание) — посылная.

чались” вечером, разделенные проволокой, по которой пропускали ток. Еще приятней было то, что в последнее время нашим вечерним свиданиям стали мешать налеты советской авиации: свет на проволоке гас, и мы с надеждой расходились.

17 января 1945 года стало известно, что лагерь ликвидируют. Ночью уничтожили все больничные листки. В десять часов утра явился врач Китт и приказал персоналу и больным, способным к маршу, быть готовыми. Он заявил, что за тяжелобольными придут поезда. Эвакуация происходила и на всех остальных полях лагеря. Когда врач Китт при отборе на “лагерштрассе” направил меня к группе уходивших из лагеря, я незаметно повернула обратно и больше уже не выходила из барака, несмотря на то что еще несколько раз предлагали приступить к маршу. Я легла на койку, сказавшись больной. Несколько тысяч больных вместе с персоналом остались в “ревире”. Ввиду того, что заведующая аптекой ушла с транспортом, мне поручили работу в аптеке. В следующие дни события развивались с большой быстротой. 20 января после грандиозного налета не стало в лагере ни воды, ни света. Налет, как всегда, явился для нас большой моральной поддержкой. Лагеря не бомбили ни разу. Мы опасались, что в последнюю минуту немцы взорвут наш ревириный лагерь, чтобы замести следы своих преступлений. Это опасение и явилось причиной того, что большинство ушли 18 января. Ушедшие надеялись на то, что вне лагеря, по дороге, удасться сбежать. Многим это в самом деле удалось.

21 января царствовал уже большой беспорядок. В лагере осталось небольшое число эсэсовцев. Склады хлеба, продуктов и одежды остались открытыми. Склады были полны всякого добра. [Эти варвары накопили множество всего, но нам, заключенным, давали худшее грязное белье, рвань вместо одежды, деревянные ботинки, и кормили нас хуже, чем свиней.] Около трех часов дня последние эсэсовцы ушли, предложив идти с ними тем, кто хотел, кроме евреев. Но никто не пошел. Ворота лагеря остались открытыми. Вечером того же дня вспыхнул пожар на соседнем поле лагеря (Бжезинка), а ночью был взорван последний крематорий. Мы боялись, что и с нашим лагерем поступят так же, как с крематориями. Мы перерезали проволоку и оказались вместе с мужчинами, оставшимися так же, как и мы, на “ревире”. С ними мы почувствовали себя гораздо уверенней. Многие ушли из лагеря. 23 января был очень тяжелый день. Утром появились на велосипедах несколько немцев. Они пробыли в лагере несколько часов, подыскивая для себя вещи поценней, затем уехали. 24 января утром явились другие немцы и расстреляли в мужском лагере пять русских заключенных. 25 января приехала автомашина с группой гестаповцев. Они приказали выйти из блоков всем евреям, способным передвигаться. Построили несколько сот мужчин и столько же женщин. Я, наученная опытом, решила не выходить. Вместе с подругой мы пробрались в блок, в котором никого не осталось. Это был блок, где лежали мешки с бельем и одеждой. Мы спрятались под этими мешками, прислушиваясь к тому, что делается в лагере. Когда стало темно, мы вышли из нашего убежища. Поодиночке показывались те, кто не подчинился приказу гестаповцев. Так же, как и мы, они спрятались и, таким образом, спаслись. *Рассказывали они, что все это дело провела немецкий заключенный, который входил в блоки и вытаскивал оттуда*

евреев. Гестаповцы только присматривали за тем, как он это делал, и пообещали на следующий день прийти за остальными. Всех построившихся евреев погнали из лагеря и, как видно, расстреляли.

Ночь мы провели в мужском лагере. Прятаться больше уже не пришлось. 26 января я с подругой провела в аптеке мужского лагеря, где товарищи-евреи строили под потолком убежище для нас. В случае появления гестаповцев они должны были нас там спрятать. Этот день был исключительно для нас радостным: советская артиллерия и авиация работали, не умолкая ни на минуту. На следующий день не стало слышно артиллерийских выстрелов и не было видно самолетов. Мы решили, что фронт от нас отдалился. Нервы уже не выдерживали. При мысли о том, что гестаповцы снова могут появиться, жить казалось невозможным. И вдруг из аптеки я увидела на дороге вблизи лагеря силуэты в белой и серой одежде. Было это приблизительно в пять часов дня. Мы сначала подумали, что это возвращаются «лагерники». Я выбежала из аптеки, чтобы посмотреть, кто идет. Каково же было наше счастье, когда мы увидели, что это наши спасители — советские воины. Это была разведка. Поцелуям и приветствиям не было конца. нас уговаривали уйти, нам объясняли, что нельзя здесь стоять, потому что еще не уточнено, где враг. Мы отходили на несколько шагов и снова возвращались, чтобы быть ближе к нашим освободителям. Почти до самого вечера мы пробыли около ворот. А вернувшись в лагерь, мы и там встретили долгожданных и дорогих наших друзей.

28 января много бывших заключенных ушли из лагеря, получив наконец свободу. У нас в аптеке гостили командиры и бойцы. Мы рассказывали им о страшной жизни в Освенцимском лагере. 3 февраля мы оставили Биркенау и пришли в лагерь Освенцим. Там мы застали много людей, которым так же, как и нам, удалось спастись. 4 февраля мы пришли в город Освенцим. Нам не верилось, что мы свободны. С изумлением смотрели мы на проходивших по улицам людей. 5 февраля мы двинулись в направлении к Кракову. По одну сторону дороги тянулись гигантские заводы, построенные заключенными, уже давно погибшими от изнурительной работы. По другую сторону — еще один большой лагерь. Мы вошли туда и нашли больных, которые, как и мы, только потому уцелели, что не ушли с немцами 18 января. Оттуда мы двинулись дальше. Еще долго нас преследовали электрические провода на каменных столбах, так хорошо нам знакомые, — символ рабства и смерти. Нам казалось, что мы никогда из лагеря не выберемся. Наконец и он кончился, и мы добрались до деревни Влосенюща. Там мы переночевали и на следующий день, 6 февраля, тронулись дальше. По дороге нас подобрала машина и довезла до Кракова. Мы свободны, [но радоваться мы еще не умеем. Слишком многое пережито и слишком многих мы потеряли.]

Подготовил к печати ОСИП ЧЕРНЫЙ¹

1 Очерк написан на основе письма Григория Ципенко от 18.03.1945, побывавшего в Аушвице вскоре после освобождения лагеря (д. 960, лл. 264–265) и записавшего рассказ девушки. — И. А.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ В ОСВЕНЦИМЕ

641

Рассказ Мордехая Цирульницкого,
бывш. заключенного №79414

В МЕСТЕЧКЕ ОСТРИНО

Я родился в 1899 году в местечке Острино, ныне Гродненской области. Там же я жил со своей семьей до гитлеровского нашествия. Семья у меня была большая: пять человек детей. Славные у меня были дети. Учились все. Старшая дочка Галя — ей сейчас было бы уже двадцать два года — с приходом советской власти поступила в Гродненский инженерно-строительный техникум и весной 1941 года перешла на второй курс. Старший мальчик, семнадцатилетний Яков, учился в полиграфическом фабзавуче. Остальные учились еще в школе: шестнадцатилетний Иоэль перешел в девятый класс, тринадцатилетний Вигдор — в восьмой класс, а самая младшая Ланя — ей было всего девять лет — перешла бы уже в четвертый класс.

Острино расположено недалеко от границы. Уже 23 июня 1941 года местечко со всех сторон было окружено немцами, и те жители, которые пытались бежать, вынуждены были вернуться обратно. А 25-го немцы вошли в Острино¹.

Расстрелы людей начались сразу же после вступления немцев в местечко. Первыми жертвами пали те, кто участвовал в организации советской власти и в работе Совета в нашем районе.

Наше местечко входило в Щучинский район. В начале сентября комендантом района был назначен немец-гестаповец. Фамилии его я сейчас не припомню — ослабла память после лагеря. С момента его назначения началась травля и преследование евреев. Сначала евреям запрещено было выходить за пределы местечка. За нарушение этого приказа полагался расстрел. Так был расстрелян восьмидесятилетний Арье Таневицкий, застигнутый гитлеровцами неподалеку от местечка. В тот же период был убит и местечковый раввин Безданский. Вместе с группой других граждан местечка он был увезен будто бы в концлагерь, а через несколько дней мы узнали, что все они расстреляны.

Затем последовал приказ, запрещающий евреям показываться на улицах местечка по воскресным дням. И опять — за нарушение расстрел, причем тут уже подлежали расстрелу не только сами виновные, но и все члены их семей. Жена Хаима Хлебовского вышла на улицу за водой. Ее схватили и расстреляли вместе с мужем и двумя малолетними детьми.

7 ноября 1941 года загорелся какой-то сарай. Немцы обвинили евреев в поджоге и приказали всему еврейскому населению немедленно собраться на площади "для проверки". Несколько десятков человек, в том числе

все, кто не успел явиться вовремя, или же у кого немцы нашли документы не в порядке, были тут же расстреляны.

Расстрелы стали обычны и часты в нашем местечке. Производились они большей частью в базарные дни, чтобы напугать окрестное крестьянское население. Комендант, проживавший в районном центре — Щучине, часто наезжал в Острино, и тогда мы уже знали, что предстоят расстрелы. Среди других были расстреляны все учителя: Миллер с женой и двумя дочерьми, Елин и другие. *В то же число попал и синагогальный старик Дразнин.*

Однажды — это было в конце ноября 1941 года — все еврейское население опять было согнано на площадь, причем приказано было захватить с собою ценные вещи. Люди полагали, что предстоит переселение куда-нибудь в другое место. Однако дело ограничилось тем, что все вещи, принесенные на площадь, были отобраны. В домах в то же время шел повальный грабеж. Я потом узнал, что немецкий агроном, ворвавшийся ко мне в дом, стащил даже школьные тетради и карандаши моих детей. Кто пытался оказать малейшее сопротивление, был убит.

По приказу коменданта в каждом доме на стене должен был висеть список жильцов. Если при проверке списка кого-либо не обнаруживали на месте, расстреливалась вся семья. Так погибла семья Ошера Амстибовского из восьми человек.

Гетто в Острине было организовано в начале декабря 1941 года¹. К нам в местечко согнали евреев из всех окрестных деревень, из местечка Новый Двор, из Демброва. Прибывшие рассказали, что все слабые и больные по дороге были убиты. При организации гетто снова были расстреляны человек десять. Затем последовали новые приказы и новые расстрелы. Лейб Михелевич и его сестра Фейге-Соре были расстреляны за то, что привезли украдкой в гетто немного зерна. Ошер Боярский был застигнут при размоле зерна — его расстреляли. Да разве упомнишь всех!

В январе 1942 года было объявлено, что Острино вместе со всем Гродненским районом включается в состав “Рейха”.

Население гетто стали ежедневно гонять на работу в лес. Мужчины занимались лесозаготовками, гонкой смолы. Надзиратели избивали людей на работе до полусмерти, а оставших или слабых убивали тут же на месте. Не раз случалось, что людей по обвинению в саботаже отправляли в тюрьму, а раз еврей попадал в тюрьму, он жил лишь до ближайшей пятницы. По пятницам в тюрьме производились расстрелы заключенных [в том числе и всех евреев.]

В КОЛБАСИНСКОМ ЛАГЕРЕ

2 ноября 1942 года все еврейское население местечка Острино было вывезено в лагерь Колбасино, возле Гродно. До того там помещался лагерь для советских военнопленных. К моменту нашего прибытия в Колбасино военнопленных там уже не было. Туда постепенно свозили евреев из всех городов и местечек Гродненского района. Люди были размещены в небольших зем-

¹ Гетто было создано в октябре. — И. А.

лянках, причем на каждую приходилось до трехсот человек. Не то что лежать — стоять подчас негде было. Теснота, смрад, грязь невероятная. Гнали в болота на тяжелые работы. Хлеба выдавали по сто пятьдесят граммов в день, да и то совершенно несъедобного, и одну-две мерзлые картофелины. Лагерфюрер Инсул за малейшую провинность избивал людей тяжелой палкой — бил он по голове до полной потери сознания избиваемых.

Голод и тиф свирепствовали в лагере. Не было землянки, в которой за день не умерли бы несколько человек, умирали и на работе. А о так называемой больнице, то есть землянке, в которую бросали тифозных больных, и сейчас страшно вспоминать. Вряд ли кто-либо из попавших туда больных мог надеяться выжить, несмотря на все старания доктора Гордона, благороднейшего человека, все свои силы отдавшего на спасение больных.

С этим доктором Гордоном мы потом встретились в Освенцимском лагере. Он был одним из активнейших членов нашей организации Сопротивления. Удалось ли ему выжить, не знаю.

Тела умерших в Колбасинском лагере даже не зарывали в землю. На территории лагеря, несколько поодаль от жилых землянок, была вырыта огромная яма, стоявшая все время открытой. Покойников сбрасывали в эту яму, присыпали сверху тонким слоем извести, а наверх кидали все новые и новые трупы. Трудно даже представить, сколько человеческих тел поглотила эта братская могила.

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ В ОСВЕНЦИМЕ

В Колбасинском лагере мы провели месяц. *Но и за этот короткий срок мы были доведены до такого состояния, что казалось совершенно безразличным, что с нами дальше будет.*

1 декабря 1942 года мы получили приказ подготовиться к отъезду. Вещи предписано было упаковать, надписать имена и фамилии владельцев — их обещано было послать вслед за нами на новое место поселения. 2 декабря нас всех, вместе с семьями, погрузили в вагоны без крыш. Вагоны набиты людьми до отказа и заперли. Ехали мы трое суток. Ни хлеба, ни воды не получали. Больше всего страдали люди от жажды, особенно дети. Во время движения поезда мы всячески ухищрялись раздобыть хоть несколько капель влаги: на веревочке спускали банку, стараясь захватить немного снега, смочить губки изнывавшим от жажды детям; спускали тряпочки, куски бумаги — тряпка намокнет на снегу, тогда можно было выжать несколько капель.

Несмотря на строжайшую охрану, мне удалось на ходу спустить из вагона двух моих мальчиков — Якова и Иоэля. “Авось, — думал я, — хоть они как-нибудь спасутся”. Не спаслись. Яков решил бежать в лес, к партизанам. Уже теперь, после войны, будучи дома, я узнал, что он погиб, не дойдя до партизан. Иоэлю удалось пробраться в Гродно, где в гетто жила еще моя сестра. Он был привезен в Освенцим несколькими месяцами позже, вместе со всей семьей моей сестры, и прямо с поезда отправлен в “газ”. А я вместе с женой Саррой и тремя детьми были привезены в Освенцим 5 декабря 1942 года.

Наш эшелон остановился на маленькой платформе посреди поля. Как я позже узнал, это была специально построенная платформа между Аушвицем и Биркенау. Несколько поодаль виднелись какие-то сараи. Дальше — бесконечная линия проволочных заграждений.

Около платформы стояла небольшая группа людей в штатском. И первое, что я увидел, был согбенный человек, которого упитанный эсэсовец избивал палкой. Сколько раз мне потом пришлось видеть подобные картины, но это жестокое впечатление первых минут прибытия в Освенцим мне не забыть.

На машине со знаками Красного Креста подъехал к нашей группе лагерфюрер Шварц¹ (кстати, и коробки яда для “газирования” людей в лагере всегда возили на машине со знаками Красного Креста). Нас окружили эсэсовцы. Из вагонов стали выгружать наши вещи. Но нас к ним не допустили. Тут же из вагонов вытащили тела умерших в дороге и сложили в сторонке. Подошла команда заключенных в полосатых костюмах; их направили к вещам.

Начался отбор. Больных и слабых отвели туда же, где лежали тела умерших. Здоровых на вид мужчин выделили в особую группу. Всех остальных — женщин, стариков, детей — посадили на машины и увезли. Так я навеки расстался с женой и детьми, даже не попрощавшись с ними, не сознавая, что их увезли на смерть.

Я оказался среди ста восьмидесяти девяти отобранных мужчин. Нас повезли в центральный лагерь — Освенцим. У въезда мы увидели арку. Наверху надпись: *Arbeit macht frei*². В бане каждому из нас на левой руке вытатуировали номер и треугольник. Мой номер, как видите, 79414. Номера и треугольники татуировали только у тех заключенных, которых оставляли на некоторое время в живых для работы. Кроме того, все заключенные обязаны были носить на одежде, на левой стороне груди, опознавательные знаки: евреи — красный треугольник и на нем желтый, наложенный так, что получалась шестиконечная звезда (впоследствии этот знак был заменен красным треугольником с желтой полоской наверху), русские — черный треугольник. Политические заключенные носили красный треугольник, уголовные — зеленый.

Показаться на территории лагеря без опознавательного знака или же носить его не на положенном месте означало идти на верную смерть. Первый встречный эсэсовец мог задержать тебя, свалить ударом наземь, бить сапогами в лицо, в грудь, а потом отправить в газовую камеру.

Первую ночь вся наша группа провела вместе в одном из бараков. Наутро — новый отбор. Всех мужчин моложе сорока лет отделили и отправили в лагерь Буна — третий по величине лагерь после Аушвица и Биркенау. Таких набралось сто сорок человек. Нас, остальных сорок девять, поместили в четвертый блок (барак). Меня включили в рабочую команду, занятую выравниванием реки Соло (*Solodurchstieg*). Два-три часа продолжались проверки (“апель”) утром, перед отправкой на работу, и столько же вечером — по возвращении в барак. На работу приходилось идти три кило-

1 Генрих Шварц (1906–1947, казнен по приговору французского суда) — гаупштурмфюрер СС. Прибыл в Освенцим в сентябре 1941 г., до этого служил в концлагерях Маутхаузен и Заксенхаузен. Вначале был адъютантом коменданта Освенцима Р. Гесса, позднее начальником отдела рабочей силы всего лагеря, лагерфюрером Аушвиц I, комендантом Аушвиц III (Моновице). — И. Л.

2 Труд делает свободным (нем.).

метра. Труд был тяжелый, изнурительный. Нас сопровождали особые команды эсэсовцев, которые во время работы наблюдали за нами, вернее, издевались над нами. Нет слов для описания садизма эсэсовцев, мучивших, избивавших нас по малейшему поводу, а то и без всякого повода.

Бывало, подойдет к тебе охранник. Раздается команда: “Нагнись!”, и тут же на месте он отсчитывает тебе двадцать пять — пятьдесят палочных ударов. Все твои мысли направлены в это время к одному: как бы удержаться на ногах, не упасть, иначе тебя ждет пуля.

В конце декабря была проведена “санитарная” кампания (*Entlausung*). С нас сняли всю одежду, заперли совершенно голыми, затем голышом же погнали в баню.

1 января 1943 года я был зачислен в команду по разборке вещей прибывающих в лагерь заключенных. В этой же команде вместе со мной оказалась группа евреев, привезенных из Франции. Тут был еврейский актер Блюмензол, мой двоюродный брат Арон Лейзерович и другие. Часть из нас занималась разборкой прибывавших вещей, другие — сортировкой, а третья группа — упаковкой для отправки в Германию. Ежедневно отправлялись в разные города Германии по семь-восемь вагонов вещей. Старые, изношенные вещи отправлялись на переработку в Мемель¹ и Лодзь.

Работа шла непрерывно круглые сутки, и днем и ночью, и все же нельзя было с ней справиться — так много было вещей.

Здесь, в тюке детских пальто, я нашел однажды пальто моей младшей дочурки — Лани.

Уже вскоре после того как я начал работать в этой команде, я узнал о газовых камерах, о крематориях, где ежедневно сжигались тысячи людей, я узнал о судьбе всех тех, кому не посчастливилось попасть в рабочие команды, и понял, что та же судьба постигла и мою семью. Люди ослабевшие, истощенные, больные, негодные для рабочих команд, неизменно “газировались”, а на их место присылались другие. Однажды, в сильный мороз, эсэсовцы заставили целую группу работать раздетыми. Через два часа люди были совершенно обморожены. Работа стала. Эсэсовцы избивали людей палками, те же, кто не выдержал экзекуции и свалились, были отправлены в “газ”.

Сказаться больным, попасть в амбулаторию было равносильно добровольной отправке в “газ”. Мы очень скоро узнали об этом. У моего старшего брата Михла, находившегося вместе со мной в Освенциме, распухли ноги. Он пошел в амбулаторию и больше оттуда не вернулся. Так погибли и другие мои остринские земляки: Мойше-Янкель Камионский, Шлойме-Гирш Шилковский, Мотл Кринский и другие.

Я чувствовал, что силы у меня падают с каждым днем, я еле держался на ногах. Но товарищи по команде поддерживали меня, помогали скрыть от охраны мое болезненное состояние. Если бы не их помощь, не миновать бы мне “газа”. *И все же, невзирая на всю опасность, мы на работе старались, чем только могли, вредить немцам. Драгоценности, золото, деньги, которые мы иногда находили в вещах, мы зарывали в мусор, прятали, лишь бы они не достались немцам. Верхнее платье старались изрезать, испортить, вырезали на нем шестиконечные звезды.*

1 Так при немцах назывался гор. Клайпеда. — И. Л.

12 января 1943 года нашу команду переселили в Биркенау.

Аушвицу немцы старались внешне придать вид рабочего лагеря. На территории лагеря редко можно было увидеть труп заключенного. Больные на носилках отправлялись в амбулаторию, будто бы для лечения. На самом деле их из амбулатории отсылали в газовые камеры. Но это, во всяком случае первое время после моего прибытия в Освенцим, держалось под секретом.

Совершенно иначе дело выглядело в Биркенау. Здесь все свидетельствовало о том, что мы находимся на фабрике смерти. Повсюду возле блоков лежали мертвые или умирающие люди. Грязь в бараках царила неопишущая. В зимние, морозные дни людей посылали в холодные бани, окачивали ледяной водой. Заболевших отправляли в газовые камеры. Сначала отправки производились раз в неделю, потом стали отправлять все чаще и чаще. Ослабевшие, изможденные люди еле вытаскивали ноги из грязи, которой была покрыта вся площадь лагеря. А эсэсовцы, забавляясь, ставили им палки под ноги. Упадет человек, ему уже не встать. Однажды вечером, выходя на работу, я увидел два грузовика с прицепами, полные трупов.

Не меньше эсэсовцев свирепствовали надзиратели отдельных барakov, большинство которых вербовались из уголовных преступников. На моих глазах немец-надзиратель нашего барака убил однажды четырнадцать человек. В других бараках положение было не лучше, если не хуже.

Вставали мы в четыре часа утра. “Апель” утром и вечером продолжался часа по три. Производился он во дворе. Особенно мучительным был вечерний “апель”. Здесь же, перед строем, производилась экзекуция над людьми, в чем-либо провинившимися на работе. В дополнение к побоям, полученным ими еще на работе от охраны, во время “апелья” снова производилось избивание. А иногда человека прямо отправляли в “газ”. Особенно свирепый характер носили “аппели”, если кого-либо не хватало. “Апель” тогда продолжался бесконечно. За бежавшего расплачивались все, кто с ним работал.

Помню, как-то летом 1943 года из лагеря выехали с навозом восемь заключенных русских из сельскохозяйственной команды. Они остались на несколько часов работать вне лагеря. Троицким из них удалось бежать. Охрана несколькими выстрелами в лицо расстреляла остальных пять заключенных. Тела их были доставлены в лагерь и для устрашения остальных заключенных уложены на столы возле ворот. Так пролежали они двое суток.

Если кто-либо не в состоянии был идти на работу, его отправляли в седьмой барак. Это было место, куда собирали всех больных. Когда барак заполнялся, всех отсылали в газовые камеры. Не прошло и двух месяцев с момента нашего прибытия в Освенцим, как из всей нашей группы в сорок девять человек осталось лишь четверо или пятеро. Все остальные постепенно были убиты или отправлены в “газ”.

Часть наших остринских работала в лесу, в команде, которая заготавливала дрова для крематориев или для сжигания во рвах. От одного из них, Фишеля Любецкого, я узнал, что Лейб Бриль, Яков Слацник, Лейб Слацник были повешены эсэсовцами в лесу. У самого Любецкого все тело было в кровоподтеках от побоев. Но он был крепкий парень — выдержал и пробыл вместе со мной в лагере до самых последних дней.

В феврале я увидел среди вновь прибывших своего племянника, сына моей сестры из Гродно — Иоэля Камионского. От него я узнал о судьбе мо-

его мальчика, Иоэля, которого я попытался спасти в дороге. И он не миновал Освенцима. Привезли его сюда вместе со всей семьей моей сестры, и из всей этой семьи только Иоэль Камионский попал в рабочую бригаду. Судьба остальных была уже для меня ясна: “газ”!

До весны 1943 года транспорты людей шли преимущественно из польских областей, отнесенных гитлеровцами к Третьему рейху, частично также из “генерал-губернаторства”. Затем стали прибывать первые транспорты из Греции, Чехословакии, Германии, Франции.

Прибыл однажды транспорт из города Пружаны. Один из прибывших, увидя людей нашей команды, спросил: “Скажите, какой смертью суждено нам умереть?”

Я чувствовал, как у меня с каждым днем тают силы. Как ни старались мои товарищи по команде оградить меня от взоров охраны, я часто стал попадать под палочные удары. До сих пор звучит в моих ушах команда: “Нагнись!” В вещах, которые мы разбирали, попадалось иногда съестное. Мы старались скрыть это от охраны, но если эсэсовцы обнаруживали у нас какие-либо продукты или замечали, что мы что-нибудь съели, нас били нещадно. Я получил однажды тридцать пять палочных ударов за передачу черствого хлеба, найденного в вещах, моему племяннику Иоэлю Камионскому. Жизнь становилась неспособной. Но товарищи всячески старались поддержать во мне дух бодрости, убеждали, что надо беречь жизнь, — она еще может пригодиться.

С особой благодарностью вспоминаю сейчас моих товарищей: Альберта (прибывшего из Франции) и Кабачникова. В Освенциме они попали еще раньше меня — их номера были среди сороковых тысяч.

Евреи, привезенные из Греции, были преимущественно жители Салоник. Перед отправкой из Греции им было заявлено, что они едут на работу в Польшу. Люди поверили и были поражены, когда по прибытии эшелона в Освенцим, тотчас же после выгрузки, немцы принялись отделять более здоровых мужчин от женщин, детей и стариков. “*Wie so, Frauen separat?*”¹ — с изумлением спросил по-немецки молодой человек, когда его отделили от семьи.

В Биркенау были доставлены прибывшие с первыми греческими эшелонами три раввина. Их заставили подписать письмо, в котором говорилось, что все люди живы, работают, живется им хорошо. Затем их постигла общая участь.

Осенью 1943 года в лагере были отобраны около четырех тысяч заключенных евреев, преимущественно прибывших из Греции. Они были увезены в Варшаву, на разборку руин гетто. Небольшой части этих людей удалось бежать, большинство же были потом доставлены обратно и сожжены в освенцимских крематориях.

В одном из греческих транспортов был доставлен детский дом. На железнодорожной платформе эсэсовцы хотели отделить от детей прибывшую вместе с ними воспитательницу. Она категорически отказалась оставить детей одних, *хотя к этому моменту для всех прибывающих была уже ясна ожидающая их участь. Не подействовали ни уговоры, ни попытки насильно оторвать ее. Так и ушла вместе с ними в газовую камеру.*

Мы были однажды поражены, когда к нам, в мужской лагерь, привезли несколько еврейских семейств из Германии с женами и детьми. Недоуме-

1 Так что, женщины отдельно? (нем.)

ние наше скоро разрешилось. Газовые камеры и крематории не могли сразу справиться с огромным количеством доставленных в Освенцим жертв. Пришлось задержать их на некоторое время. Через день-два все эти люди были отправлены в крематорий.

Несколько позже вблизи наших бараков находился семейный лагерь, в котором были размещены евреи, привезенные из Терезиенштадта в Чехословакии. Этот лагерь просуществовал около полугода, после чего все обитатели его были отправлены на смерть.

Видел я и семейный лагерь цыган. Они занимали два больших блока. Их там была не одна тысяча. Погибли все до единого.

Вот так жили мы, видя каждую минуту смерть перед глазами. Только товарищеская поддержка помогла мне пережить это время, вопреки всему. С наступлением весны я несколько пришел в себя, почувствовал себя лучше. А летом в моей жизни в лагере произошла перемена.

НА ЗАВОДЕ

В июне 1943 года меня как слесаря взяли на завод, который находился в семи-восьми километрах от Освенцима. Всего нас на заводе работало две тысячи шестьсот заключенных, из них примерно тысяча триста мужчин и полторы тысячи женщин.

Завод первое время принадлежал фирме Круппа. Машины и станки были доставлены частью новые, частью — искаленные, обгорелые, очевидно, пострадавшие от бомбардировок. Вид этих станков доставлял нам поистине удовлетворение. Через некоторое время все крупповское оборудование было вывезено, завод перешел к фирме “Унион”, которая привезла сюда оборудование с советскими марками — из Запорожья.

Старший в мастерской, в которую я попал, был чех Котшеба. Мы с ним вскоре стали заниматься выделкой кастрюль, тазов и так далее. Немцам это понравилось. Требования на кастрюли возрастали с каждым днем. Иногда нам за них перепадал лишний кусок хлеба.

Случаи смерти людей тут же на заводе, за станком бывали у нас довольно часто. Избиение заключенных на заводе было обычным делом. Особенно свирепствовал обермайстер Штратман, мерзавец, каких мало. Он, бывало, подходил к своей жертве потихонечку, говорил с улыбочкой, а кончалось дело зверскими побоями.

Одно время нам казалось, что в лагере несколько затихло с газованием и сжиганием людей. Имел место даже такой случай: четыреста человек, взятых для отправки в газовые камеры, были возвращены в бараки. Лагерфюрер Гофман¹ через старост бараков (*Blockälteste*) заявил, что больше никого, а тем более неевреев, газовать не будет. Но это было только для видимости. На самом деле, газовые камеры и крематории продолжали ежедневно поглощать десятки тысяч жертв. На другой же день после

¹ Франц Иоган Гофман (1906–1973) — гаупштурмфюрер СС. Прибыл в Освенцим в декабре 1942 г., до этого служил в концлагере Дахау. Был лагерфюрером с ноября 1943 г. до мая 1944 г. В 1961 г. приговорен в Мюнхене к пожизненному заключению за преступления в Дахау, в 1965 г. вторично осужден на “втором Освенцимском процессе”. Умер в тюрьме. — И. Л.

“торжественного” обещания Гофмана в газовые камеры были отправлены несколько тысяч человек из более мелких лагерей: Явожно, Буды, Янина-грубен и других. Раньше людей, истощенных на работе в этих мелких лагерях, привозили в Биркенау или Аушвиц, а отсюда уже отправляли в газовые камеры. Теперь процедура сократилась — их везли в крематории прямо из этих лагерей. Нередко отправляли на газование людей и с нашего завода.

Лето 1944 года было особенно жутким по количеству людей, истребленных в Освенцимских лагерях. Тогда-то были сожжены люди, доставленные из Терезиенштадтского лагеря, и цыгане, занимавшие некоторое время в Освенциме два больших блока.

Зимой 1943/44 года было доставлено несколько транспортов людей из Белостока — участников восстания Белостокского гетто. Многие из них были расстреляны эсэсовцами сразу же, при выгрузке из вагонов, это был первый случай массового расстрела на железнодорожной платформе. Остальные были отправлены в газовые камеры. В лагерь из этих транспортов не было доставлено ни одного человека.

Летом 1944 года была доставлена большая партия мужчин и женщин из Майданека. Среди них началась сильная эпидемия дизентерии, и каждое утро сотни людей отправлялись в газовые камеры.

В конце июня — начале июля 1944 года чувствовалось, что немцы усиленно готовятся к приемке и истреблению большого количества людей. Несмотря на непрерывную работу всех печей в крематориях, землекопы стали рыть большие ямы, лесорубы заготавливать дрова. Вскоре началась доставка транспортов с венгерскими евреями. В течение июля и августа их было доставлено не менее пятисот тысяч человек.

Первые партии венгерских евреев доставлялись в лагерь. Их заставляли писать домой письма о том, что они находятся в районе Вальдзее, вблизи Вены, и живется им хорошо. Вскоре, однако, эшелоны стали подвозить прямо к газовым камерам. Людей убеждали, что их ведут в баню, и они спокойно стояли у камер, дожидаясь своей очереди.

Газовые камеры “пропускали” тогда ежедневно по двадцать — двадцать шесть тысяч человек в день¹. Крематории не в состоянии были справиться с таким огромным количеством трупов, и вокруг лагеря день и ночь пылали костры. Казалось, что все кругом охвачено пламенем, отовсюду доносился запах горелого человеческого тела. Клубы дыма стлались по земле. Мы вдыхали этот запах, этот дым, он душил, сводил нас с ума.

В самый разгар истребления венгерских евреев, в одно из воскресений, лагерфюрер Гесслер решил позабавиться. Нас всех выгнали из барачков во двор лагеря, где непрерывно играл оркестр, а сам Гесслер, в тирольском костюме, в коротких кожаных брючках с шапочкой с пером на голове, разгуливал по лагерю, любуясь багровым от пламени небом.

Примерно в то же время в Освенцим привезли большую партию еврейских женщин и детей из Югославии, затем партию в шестьдесят пять тысяч человек из Лодзинского гетто.

¹ Цифры существенно завышены. — И. А.

В 1944 году особенно широкий размах приняли “медицинские опыты” над людьми. Еще в 1943 году из ряда транспортов были отобраны все дети моложе шестнадцати лет. Над ними в течение некоторого времени производились какие-то эксперименты, а затем им всем был впрыснут яд. Впоследствии жертв для экспериментов стали отбирать из каждого транспорта. Весною 1944 года женщины, предназначенные для экспериментов, были переведены в отдельный барак (второй барак новой стройки). Вокруг него была сооружена ограда из колючей проволоки, поставлена охрана.

Точно так же были огорожены и восьмой, девятый, десятый бараки, в которых также содержались “подопытные” женщины.

Почти все они постепенно были отправлены в газовые камеры. Те, которые выжили до конца существования лагеря, были истреблены во время эвакуации.

Мужчин кастрировали: некоторым вырезали по одному яичку, иным — оба.

Единичные случаи сопротивления, попытки бежать из лагеря были довольно часты. Еще летом 1943 года бежал поляк-инженер, захватив с собою планы строительства лагеря. В отместку за это бегство были повешены двенадцать поляков, работавших вместе с ним. Было объявлено, что в дальнейшем за каждого бежавшего будет казнено сто человек. Это, однако, не остановило людей. Попытки бежать продолжались. Летом 1944 года пытался бежать варшавянин Генах Громп вместе со своим братом и одним чехословацким евреем. Их задержали, Генаха отправили в лагерь Янинагрубен, а остальных двух посадили в “бункер” (тюрьму) в Биркенау. В Янинагрубен Генах пытался устроить подкоп, но опять попался. Его доставили в Биркенау и тут повесили.

Двое его товарищей сделали попытку бежать из “бункера” и также были повешены.

Лагерная тюрьма, “бункер”, помещалась в одиннадцатом бараке. Судьба людей, попавших в “бункер”, была заранее известна. Каждые десять дней происходила комедия суда. Приговор был один — смертная казнь. Стена, у которой производились казни, получила название “черной”. Среди казненных в “бункере” было много поляков — партизан, мужчин и женщин. Здесь же казнили и евреев, которые бежали из гетто. Однажды расстреляли у “черной стены” молодую еврейскую женщину с двумя детьми.

В 1944 году расстрелы у “черной стены” были заменены душегубкой. Душегубка работала до последнего дня существования лагеря.

Нередко случалось, что, вернувшись с работы, мы видели на земле еще не застывшие следы человеческой крови. Однажды, войдя в ограду, мы наткнулись на грузовик, из кузова которого ручьями текла кровь. Машина была нагружена телами убитых.

Зимой, в начале 1944 года, вернувшись однажды с работы в поздний час, когда “апель” давно уже должен был быть закончен, мы застали весь лагерь во дворе. По общему настроению мы поняли, что произошло нечто очень серьезное. И действительно, оказалось, что произошло событие, весьма тревожившее гитлеровцев. В одном из транспортов, доставленных из Франции, была молодая еврейская женщина. Когда ее, уже голую, повели к газовой камере, она стала умолять рапортфюрера Шилингера, руководившего газованием, оставить ее в живых. Шилингер стоял, засунув руки в карманы, и, покачиваясь на ногах, смеялся ей в лицо. Сильным ударом кулака в нос

она свалила Шилингера на землю, выхватила его револьвер, несколькими выстрелами убила наповал его и еще одного эсэсовца, а одного ранила.

Имел место и такой случай: один еврей из Югославии, зачисленный в “зондеркоманду”, при сжигании трупов бросился в огонь, потащив с собой эсэсовца.

В конце 1943 года в лагере возникла организация Сопротивления. Как в самую организацию, так и в руководство входили люди различных национальностей. Работа велась первое время среди заключенных каждой национальности отдельно. Мы знали, что во главе организации стоят коммунисты.

Меня в организацию привлек Гутман, участник восстания в Варшавском гетто¹. Я уже потом привлек других товарищей, Альберштата, Роберта (он был из Бельгии, фамилии его я не помню). Вообще же мы были организованы в кружки, и каждый из нас знал только свой кружок — тех людей, от которых он получал задания, и тех, которым он должен был передавать задания. Нам удалось установить контакт с женскими бараками, с рабочими “зондеркоманды”, даже с заключенными маленьких лагерей.

Первое время организация ставила перед собой главным образом задачу оказания помощи наиболее нуждавшимся товарищам. Затем организовали передачу информации. Через товарищей, работавших в радиомастерской, удалось установить более или менее регулярное слушание советского радио, и сведения о победах Красной Армии, передаваемые из уст в уста, вливали в нас бодрость и веру в то, что приближается час расплаты с гитлеровскими людоедами. Мы на заводе тайком заготовили ножницы, готовясь в соответствующий момент перерезать проволочные ограждения вокруг лагеря.

Мы перешли к проведению актов саботажа на заводе, замедлению темпа работы, порче станков.

В мае 1944 года я, по предложению организации, перешел в ночную смену для установления связей и налаживания работы организаций в этой смене. Наша деятельность, несомненно, приносила плоды. Понемногу стали красть порох с завода и передавать его членам организации, входившим в “зондеркоманды”.

В конце августа гитлеровцы принялись уничтожать “зондеркоманды”, сжигавшие трупы венгерских евреев. Несколько сот человек из этих команд были задушены в Аушвице, в камерах, в которых проводилась дезинфекция вещей. Остальные скоро узнали об этом. Сто двадцать человек из “зондеркоманды” напали на свою охрану, перебили ее, начальника одного из крематориев сожгли в печи, крематорий взорвали, а сами бежали. За ними была послана погоня, многие погибли, но, как нам передавали, тридцать шесть человек из них все же ушли².

В лагере после этого начались повальные обыски и репрессии. Был арестован и немец, Шульц, “капо” нашей ночной смены. У одной девушки из Кракова обнаружили какое-то письмо, и по этому письму были арестованы еще три девушки. Всех четырех повесили перед зданием завода — двух

1 Исраэль Гутман (1923–2013) прибыл в Аушвиц из Майданека летом 1944 г. Впоследствии один из руководителей института “Яд ва-Шем” и ведущих историков Холокоста. — И. А.

2 Восстание произошло 7 октября 1944 г. Было убито трое эсэсовцев. Погибло или было казнено 452 участника восстания. Бежать не удалось никому. Один из крематориев был разрушен. См.: Полян П. М. *Свитки из перла*. С. 120–126. — И. А.

во время дневной смены, двух — в ночной. Казнь руководил лагерфюрер Гесслер.

Пять членов организации решили бежать из лагеря для установления связей с внешним миром и подготовки более широкого выступления. Их уложили в ящики, в которых вывозились вещи. Но шофер заметил их и выдал. Все они были доставлены обратно в лагерь и повешены “за попытку к бегству и взрыву лагеря”.

Настроение стало крайне напряженным. Начата была постройка специальной, огражденной колючей проволокой дороги с завода в лагерь.

В декабре 1944 года мы почувствовали, что немцы готовятся к ликвидации лагеря. Пошли слухи, что всех заключенных собираются уничтожить.

В начале января 1945 года налеты советской авиации на Освенцим приняли особенно интенсивный характер. В ночь на 12 января, не успели мы заступить на ночную смену, как раздался оглушительный взрыв. Свет погас. Вскоре мы узнали, что бомба попала в участок, который был занят квартирами эсэсовцев, и нанес им много потерь.

Во время бомбежек люди молили Бога о том, чтобы погибнуть от авиабомбы, а не от рук гитлеровцев.

Гитлеровцы были в совершенной панике. Чувствовалось, что близится конец. Каков будет он, однако, для нас? На душе было очень тревожно.

Началась эвакуация лагеря. Сначала вывезли всех поляков. В ночь на 18 января наш завод еще работал. А 18 января нас погнали на запад. На каждые пять заключенных был поставлен один эсэсовец. Семьдесят километров гнали нас пешком. Отстававших пристреливали — за два дня пути были таким образом убиты до пятисот человек.

20 января нас привезли на какую-то маленькую станцию. На каждом шагу валялись трупы убитых. Расстреливали каждого, кто пытался на шаг отойти от команды. Здесь нас посадили в открытые вагоны и повезли.

Ночью на маленькой станции, в пятнадцати километрах от Нейсы, мне удалось бежать. Девять дней я пролежал в лесу, затем попытался выйти, был арестован, опять бежал, втерся в группу немецких беженцев и вместе с ними добрался до Фалькенберга. Здесь меня снова задержали, приговорили к расстрелу. Но мне снова удалось бежать, и, после долгих мытарств, я 3 февраля перешел линию фронта. После проверки я удостоился чести быть зачисленным в ряды Красной Армии. Я счастлив тем, что мне удалось участвовать в нескольких боях против гитлеровцев. 7 мая я был ранен, два месяца пролежал в госпитале.

Сейчас я демобилизован. Был дома в Острине. Жизнь в городе восстанавливается. Но мне там сейчас слишком тяжело. Раны в сердце моем кровоточат. Все напоминает мою семью, моих дорогих детей. И я решил пожить в другом месте. Советская родина эту возможность мне предоставила. Мастер я неплохой, работаю. Надо жить! Будем жить!

Подготовил к печати Л. ГОЛЬДБЕРГ

РАССКАЗ БЫВШЕГО ВОЕННОПЛЕННОГО М. ШЕЙНМАНА

653

В первые дни войны я поступил добровольцем в народное ополчение и стремился скорее попасть в действующую армию. В начале октября 1941 года под Вязмой часть, в которой я служил, оказалась в окружении. Мы сразу же очутились в тылу у немцев. 12 октября во время атаки я был ранен в ногу. Зима 1941 года была ранняя. Вдобавок к ранению я обморозил обе ноги и не мог больше ходить. 19 октября небольшая группа товарищей, с которыми я выходил из окружения, оставила меня в деревне Левинка Темкинского района Смоленской области. Здесь 27 октября меня обнаружили немцы.

С этого дня началось мое хождение по мукам в фашистских лагерях.

Как советский гражданин, батальонный комиссар, да еще еврей, я был в плену на положении подготовленного к смертной казни, приговор над которым мог быть приведен в исполнение каждую минуту, если бы немцам что-нибудь стало известно обо мне¹. Советские граждане, очутившиеся в плену, массами гибли от голода и холода, от невыносимых условий жизни в лагерных “госпиталях” и в так называемых рабочих командах. Тысячами расстреливали немцы пленных на этапах, при транспортировке. Раненые часто пристреливались на поле боя. Немцы разработали и осуществляли методически и настойчиво целую систему мероприятий, направленных к истреблению возможно большего числа людей, попавших к ним в плен.

В первый период войны немцы, будучи уверены в своей победе и безнаказанности, даже не старались скрывать, что они преднамеренно уничтожают пленных. Уничтожение советских военнопленных продолжалось до последнего дня войны. Но в конце немцы делали это более замаскированно.

Приведу некоторые данные о лагерях, где я был, а также данные, сообщенные мне моими товарищами по плену.

С ноября 1941 года по 12 февраля 1942 года я находился в вяземском “госпитале” для военнопленных. По свидетельству врачей, работавших тогда в “госпитале” и в лагере, за зиму 1941/42 года в Вяземском лагере умерли до семидесяти тысяч человек. Люди помещались в полуразрушенных зданиях без крыш, окон и дверей. Часто многие из тех, кто ложился спать, уже не просыпались — они замерзали. В Вязме истощенных, оборванных, еле плетущихся людей — советских военнопленных — немцы гоняли на непосильно тяжелые работы. В “госпиталь” попадали немногие — большинство гибли в лагере.

¹ Согласно немецкому “приказу о комиссарах” от 6 июня 1941 г. все военнопленные-евреи и коммунисты подлежали расстрелу. Действовал до середины 1942 г. — И. А.

Из Вязьмы я в феврале 1942 года был переведен в Молодечненский лагерь (Белоруссия). Здесь, по свидетельству врачей и санитаров, к этому времени (с начала войны) умерли до сорока трех тысяч человек, умирали главным образом от голода и тифа.

С декабря до августа 1944 года я был в Ченстоховском лагере (Польша). В этом лагере умерли и расстреляны немцами много десятков тысяч военнопленных. Ежедневно в закрытой повозке на кладбище вывозили умерших от голода и туберкулеза. Фельдшер, который ездил хоронить умерших, рассказывал мне, что в Ченстохове было несколько кладбищ, где похоронены советские военнопленные. Хоронили в два-три яруса: трупы клали одни поверх других в огромные ямы-траншеи, примерно по десять тысяч человек в каждую. В 1942–1943 годах в Ченстохове систематически производились расстрелы военнопленных — политработников, евреев, офицеров и интеллигентов.

Много тысяч советских военнопленных замучено немцами в лагерях Германии. Недалеко от последнего лагеря, где я находился, — лагерь “Везув” (близ Меппена на Эмсе, на голландской границе), был небольшой лагерь русских военнопленных — Далюм. В июне 1945 года, после освобождения из плена, нашим товарищам, дожившим до освобождения, был воздвигнут на Далюмском кладбище — памятник тридцати четырем тысячам русских военнопленных, замученных гитлеровцами. В лагере № 326 недалеко от Падерборна и Билефельда после освобождения сооружен памятник шестидесяти пяти тысячам советских военнопленных, замученных гитлеровцами в этом лагере.

По свидетельству бывшего комиссара стрелкового полка Московской ополченской дивизии Сутягина М. В., так же, как и я, попавшего в плен под Вязьмой, в Гомельском лагере, где он находился, в декабре 1941 года умирали ежедневно по четыреста-пятьсот человек.

Мой товарищ по плену полковник Молев А. Г. находился в лагере Демблин (Польша). Здесь с сентября 1941 года по март 1942 года из ста шести тысяч пленных умерли до ста тысяч¹. В Замостье, в лагере для офицерского состава, за зиму 1941/42 года, по свидетельству моего товарища по плену Шутурова Д. В. (Днепропетровск), из двенадцати тысяч человек к концу марта 1942 года осталось две с половиной тысячи. Остальные умерли от голода и холода.

По свидетельству врача Сайко В. А., в Житомирском лагере с 1941 года по май 1943 года умерли около шестидесяти тысяч человек. В Сувалкском лагере с начала войны до 1 мая 1944 года (по уменьшенным данным немецкой комендатуры) умерли пятьдесят четыре тысячи военнопленных.

Бывший некоторое время в конце 1941 года начальником санитарной службы Могилевского лагеря военнопленных инженер Фокин В. В., вместе с которым я находился в Кальварийском лагере в 1943 году, рассказывал мне, что в Могилевском лагере за зиму 1941/42 года от холода и голода погибли, а также были замучены фашистами более ста тысяч человек. В день умирали до семисот человек. Умерших не успевали хоронить.

1 В Демблине с осени 1941 г. до февраля 1942 г. находился лагерь военнопленных “Шталаг 307”. В 1941–1942 гг. там погибли около 80 тысяч пленных. — *И. Л.*

По свидетельству тов. Дорошенко С. П., работавшего врачом в Минском госпитале военнопленных, в Минском лесном лагере с июля 1941 года по март 1942 года умерли сто десять тысяч человек. Ежедневно умирали четыреста-пятьсот человек.

В ряде мест осенью и зимой 1941/42 года немцы устраивали лагерь военнопленных под открытым небом. Так было в Замостье, в Сухожеброво (около Седльца), в Минске и в других местах. Результатом этого была почти поголовная гибель находившихся здесь людей. В лагере рядового состава в Замостье в конце 1941 года пленные жили под открытым небом. В октябре выпал снег. За два дня две тысячи человек замерзли.

Зимой 1941/42 года немцы в лагерях по утрам выгоняли пленных из барачных дворов и не пускали в помещения до ночи. Люди замерзали. Раздача пищи тоже производилась на морозе. Зимой 1941 года в Могилевском лагере для получения “обеда” надо было три-четыре часа простоять на морозе. В часы ожидания ежедневно умирали по несколько человек.

Тысячи военнопленных гибли на этапах и при перевозке по железной дороге. Этапы отправляли часто пешком. Отстававших пристреливали, и это практиковалось до последних дней войны. Часто конвоиры стреляли в колонны пленных исключительно ради забавы. Зимой 1941 года были случаи, когда из лагеря выходила колонна в шесть тысяч человек, а к месту назначения приходили две-три тысячи. Остальные либо замерзали в пути, либо были убиты немцами.

По железным дорогам пленных перевозили либо в товарных вагонах (без печек), либо на открытых площадках. В каждый вагон помещали до ста человек. Люди замерзали и задыхались от отсутствия воздуха. В феврале 1942 года “госпиталь” военнопленных из Вязьмы перевозили в Молодечно. По пути на каждой остановке из вагонов выносили умерших от истощения и замерзших.

Тов. Филькин Д. С. находился в Гродненском лагере № 3. Он рассказывает, что в январе 1942 года из Бобруйска прибыл эшелон, в котором было тысяча двести военнопленных. Когда открыли вагоны, оказалось, что восемьсот человек в пути замерзли и задохлись. К июлю 1942 года из всего этого транспорта людей в живых осталось шестьдесят человек. В декабре 1941 года, когда в Вязьму прибыл эшелон с пленными, вывезенными немцами со станции Шаховская, советский врач, который был направлен на станцию принимать эшелон, рассказал мне, что значительная часть людей замерзла в пути. Трупы выносили из вагонов и складывали штабелями. Некоторые еще показывали признаки жизни, пытались поднимать руки, стонали. К таким подходили немцы и пристреливали.

В лагерях военнопленных в штрафных и рабочих командах жестокость гитлеровцев и их изобретательность в деле убийства не знали пределов.

В 1941–1943 годах первые пять-семь дней плена, как правило, людям совершенно ничего не давали есть. Немцы цинично утверждали, что это делается для того, чтобы люди ослабели и были неспособны к побегам. В январе-феврале 1942 года в вяземском “госпитале” на больного отпускалось в день семьдесят граммов немолотой ржи. Из этого зерна два раза в день готовили “баланду” — каждый раз по пол-литра на человека. Хлеба не давали. Не удивительно, что люди слабели и умирали, как мухи.

В 1941–1943 годах в лагерях летом поели всю траву на дворах, ели древесные листья, если попадались лягушки — поедали и их, жарили на огне и ели конскую шкуру, если ее удавалось добыть. Соль была недосыгаемой роскошью.

[Максимальная калорийность дневного рациона советских военнопленных в немецких лагерях, по подсчету врачей, составляла 1300–1400 калорий, в то время как для человека, находящегося только в состоянии покоя, нужно 2400 калорий, а для занимающегося физическим трудом — 3400–3600 калорий.]

В лагерях были военнопленные взрослые люди, вес которых доходил до тридцати — тридцати двух килограммов. Это — вес подростка.

Гитлеровцы всемерно препятствовали постановлению лечебного дела в лагерях. Они большей частью совершенно не отпускали медикаментов. В “госпиталях” неделями не перевязывали раненых, так как не было бинтов; не давали немцы и хирургических инструментов. Много тысяч советских граждан умерли в госпиталях от ран, заражения крови, а еще больше от истощения, голодных поносов, тифа, туберкулеза.

В плену я находился в “госпиталях” лагерей военнопленных в Вязьме, Молодечно, Кальварии, Ченстохове, Эбельсбахе. Слово “госпиталь” никак не подходит к этим учреждениям. В Вязьме госпиталь помещался в полуразрушенных, брошенных жителями домиках, на окраинах города и в развалинах корпусов маслозавода. В домиках всегда было холодно и темно. Раненые валялись на голом полу. Даже соломы не было для подстилки. Только к концу моего пребывания в Вязьме в домиках были сооружены нары, но и на них больные лежали без соломы, на голых досках. Медикаментов не было. Вшивость в госпитале была невероятная. Бани за три с половиной месяца моего пребывания в Вязьме не было ни разу.

Так же было и в молодечненском госпитале. На голом полу, в каждой “палате” в четыре ряда, плотно прижавшись друг к другу, лежали восемьдесят человек. Свирипствовал тиф. На целый этаж (восемь-десять палат) был один термометр. Я заболел тифом. За все время болезни фельдшер смог лишь один раз измерить мне температуру. Вшей обирали в обязательном порядке три-четыре раза в день. Раздевались догола и просматривали каждую вещь. За один прием набирали по триста-четырееста крупных вшей, мелких собирали пригоршнями. Немцы ничего не делали для борьбы со вшивостью. Врачи мне рассказывали случаи, когда немцы кардинально “решали” проблему борьбы с тифом: поджигали тифозные бараки вместе с находящимися там больными.

Гитлеровцы разработали целую систему утонченных наказаний, рассчитанных на то, чтобы нанести физические страдания военнопленным, и на то, чтобы унижить их человеческое достоинство. Порка, избиения, заключение в карцеры и бункеры — все это применялось в лагерях. Людей пытали, вешали и расстреливали без малейшего повода.

В молодечненском лагере (позже и в кальварийском) мы много раз видели, как на дворе порют пленных. Били полицейские, но за процедурой избиения часто наблюдали немецкие офицеры. В Молодечно я видел, как офицер выхватил у полицейского нагайку и стал со всего размаха бить по голому телу распластанного на скамейке человека. Окончив избиение,

офицер пригрозил полицейскому, если он будет бить не крепко, его самого выпорют.

Только извращенный ум садиста мог додуматься до системы пыток, какие существовали в лагерях, особенно для офицеров, политработников и евреев.

Вот что мне рассказал быв. младший политрук Мельников (уроженец Сталинградской области, Березовского района, села Рогачева). Он попал в плен под Керчью в мае 1942 года. Его предали, сообщили немцам, что он политработник. Немцы отправили его в лагерь № 326 (близ деревни Августдорф, недалеко от Падерборна и Билефельда), здесь был специальный “блок СС”, куда помещали политработников, евреев и особо подозрительных.

Товарищ Мельников попал в этот блок. На допросе прежде всего интересовались его предками, не было ли среди них евреев. При допросе били пистолетом по лицу и выбили зуб. Затем били резиновой дубинкой, добиваясь признания, что он политрук. В этом блоке на допросах били до потери сознания. Когда человек терял сознание, его окатывали холодной водой, он приходил в себя, тогда опять били. Вставляли пальцы в щель дверей и ломали их, закрывая двери. Окунали голову в стоявшую тут же посуду с водой. Иногда держали голову в воде до тех пор, пока человек не захлебывался.

После двухчасовой пытки товарища Мельникова вывели на “тактику”: в сточной канаве, куда стекала моча из уборной, нужно было проползти на животе (наполовину раздетым) пятнадцать-двадцать метров, затем по той же канаве проползти это расстояние на спине.

Процедура получения обеда в этом блоке была такова: в котелки наливали “суп” и в двадцати-тридцати метрах от котелков ставили людей. Они должны были по-пластунски, на животе, подползти к котелкам, взять их и быстро съесть “суп”. Тех, кто отставал или выползал вперед, били или травили собаками. В день давали половину котелка баланды (брюква и вода) и сто граммов хлеба, а вечером — кипяток. После обеда с 12.30 и до 14.30 людей выводили на “физзарядку” — непрерывный бег вокруг барака. Отставших и падавших били и наказывали: два часа они должны были стоять неподвижно с завязанными назад руками и повешенным на шею камнем. После бега заставляли копать яму 50 × 50 сантиметров. Один из пленных должен был влезть в яму, а товарищи должны были по грудь засыпать его землей. После этого его откапывали и ту же процедуру проделывали над другим. Затем в яму дырявым ведром лили воду с тем, чтобы потом дырявым же ведром ее из ямы вычерпывать. Под вечер все люди в блоке (тогда — семьдесят человек) должны были десять-пятнадцать раз по команде быстро залезать на трехъярусные нары, ложиться, соскакать на землю и снова залезать. Отставших травили собаками. Так продолжалось до семи-восьми часов вечера. Вечером пленных заставляли вычерпывать своими котелками мочу из уборной (из этих котелков они обязаны были и кушать). Затем людей водили в баню и поливали из брандспойта попеременно то горячей, то холодной водой. В девять часов вечера пленным давали кипяток — “чай”. С 9.30 до 11 была еще раз “физзарядка”: измученные люди должны были непрерывно бегать вокруг барака. С 11 до 12 часов ночи — вокруг барака ходили “гусиным шагом”. В 12 часов ночи давали сигнал: отбой. День пыток начинался снова с трех часов утра. Евреев после мучительных пыток убива-

ли. Но мало кто из неевреев выдерживал эти нечеловеческие пытки. Конец для всех был один.

Гитлеровцы морили и убивали пленных на каторжных работах — на фабриках, в шахтах, каменоломнях. С декабря 1944 года до конца плена я находился в лагере смерти “Везув”. Сюда посылали умирать советских военнопленных, некоторое время проработавших на немецких предприятиях, или инвалидов. Таких лагерей для умирающих было много. Недалеко от “Везув” находились такие же лагеря смертников — Далюм, Витмаршен, Алексис и другие. Они все входили в одно лагерное объединение — так называемый Шталаг VI С.

В лагере “Везув” было полторы тысячи человек, большей частью умирающих от туберкулеза. [Уже после нашего освобождения из плена в лагерь “Везув” приезжали английские и канадские офицеры и солдаты, приезжали врачи и спрашивали умирающих от туберкулеза, что довело их до такого состояния. Они слышали потрясающие рассказы о том, как] немцы отправляли на шахты и предприятия молодых и здоровых людей, солдат и офицеров Красной Армии, попавших в плен; их заставляли работать по четырнадцать и шестнадцать часов в сутки, давая за рабочий день один-два литра баланды из травы и брюквы и двести пятьдесят граммов хлеба (не менее 30 % примесей). Люди подвергались неслыханным издевательствам и избиениям. Даже самые здоровые через четыре-шесть месяцев заболели туберкулезом — и тогда немцы посылали их в лагерь смерти. На их место пригоняли из других лагерей здоровых людей, чтобы в четыре-шесть месяцев и их вымотать. Так работал гитлеровский конвейер смерти. Но и в лагерях смерти спокойно умирать не давали. До последней минуты жизни палачи мучили людей голодом, холодом, избиениями, надругательствами.

С первой минуты плена немцы раздевали и разували пленных и одевали их в лохмотья. Тем самым они не только обрекали пленных на муки холода, но и унижали их человеческое достоинство. В начале января 1942 года в вяземский “госпиталь” прибыла группа офицеров Красной Армии, незадолго до того попавших в плен. Большинство из них прибыли с обмороженными ногами. На ногах вместо обуви у них были какие-то тряпки. Эти товарищи рассказывали, что, когда они попали в плен, немцы прежде всего сняли с них всю теплую зимнюю одежду и разули, а затем разутыми погнали по этапу зимой, в мороз. Я видел в феврале 1942 года, по пути из Вязьмы в Молодечно, как немцы разували пленных, снимали с них теплые валенки и тут же надевали себе на ноги.

Удивительно ли, что в этих условиях и при таком зверском обращении в немецком плену погибли сотни тысяч советских людей. Они буквально были замучены фашистскими палачами.

Гитлеровцы не щадили ни русских, ни украинцев, ни белорусов, ни армян, ни грузин, ни татар, ни евреев, ни узбеков, ни казахов. И в то же время они разжигали национальную рознь среди пленных с целью разобщить советских людей, натравить одни национальные группы на другие и таким образом облегчить осуществление своих подлых планов. В своих газетах они натравливали русских на украинцев, украинцев они натравливали на русских и белорусов. В газетах, издаваемых немцами на украинском

языке, Пушкин, Белинский и другие выдающиеся русские люди поносились самым грубым образом. В белорусских газетах немцы ругали русских, украинцев и других. Кое-где в лагерях охрана была “украинская”, из числа украинско-немецких националистов. В эту охрану набирались всякие отбросы, националисты и хулиганы. Они били пленных — русских, украинцев, белорусов, татар и других, выдавали евреев. Эти люди под видом “беженцев” сейчас скрываются в лагерях английской и американской зоны оккупации Германии.

Особенно дикую вражду немцы разжигали к евреям. Фашисты вели невиданную антисемитскую пропаганду.

Каждый советский гражданин, попавший в фашистский плен, был смертником независимо от его национальной принадлежности. Но страшнее всего было положение евреев. За ними и за политработниками велась ни на один день не прекращавшаяся охота. Евреи попадали в плен при таких же обстоятельствах, при каких попадали в плен русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины и другие: либо в окружениях, либо раненые. Среди немногих евреев, которых я встречал в плену, были врачи, попавшие в окружение вместе с госпиталями и ранеными. Некоторые попали в плен тяжело ранеными, истекая кровью, на поле боя. [Военнослужащие-евреи знали, что у немцев их ждет мучительная смерть. И если, тем не менее, они попадали в плен, то лишь в силу чрезвычайных обстоятельств.]

В конце 1941 года я находился в “госпитале” для военнопленных в Вязьме. Как-то в декабре в палату пришел санитар и сообщил: “Немцы ищут евреев”. Недалеко от меня на нарах лежал военный врач, до войны начальник железнодорожной поликлиники в Калуге, доктор С. Лабковский. Он попал в окружение и, выходя из него, отморозил обе ноги, так что пальцы на ногах отвалились. Его ноги представляли собой кровавые обрубки. Он не мог передвигаться даже на костылях. Немцы узнали, что он еврей. Вечером пришли шесть немцев и велели ему немедленно собраться. Тяжело больного, его увезли. В тот же день увезли всех больных, в которых немцы заподозрили евреев. Арестовали и увезли также врачей, фельдшеров и медицинских сестер — евреев. Все знали, что их ожидает: пытки, мучения, смерть.

В Рославльском лагере (Смоленской области), по рассказам бывших там в 1941 году, эсэсовцы травили военнопленных-евреев собаками: их выводили на двор лагеря и спускали собак. Пытавшихся защищаться или отгонять собак палачи, потешавшиеся этим зрелищем, избивали.

Евреев и политработников, попавших в районе Вязьмы в окружение в октябре 1941 года, немцы живыми бросали в колодцы. Находясь в Вяземском и Молодечненском лагерях, я от очевидцев слышал множество рассказов об этом. Оказавшихся в окружении ловили на дорогах по деревням, свозили на сборные пункты. Здесь, по внешнему виду, отбирали евреев и убивали. В Барановичском штрафном лагере (так называемый Остлагерь) производились систематические расстрелы военнопленных евреев, в том числе и женщин — медицинских сестер и врачей. [В Брест-Литовском лагере существовала особая рота “Рур” (рота усиленного режима), состоявшая из политработников и евреев. Время от времени людей из этой роты увозили на расстрел.]

Во многих лагерях гитлеровцы устраивали поголовное освидетельствование военнопленных в целях выявления евреев. Немецкие врачи опозорили себя своей подлой ролью палачей и убийц. В Славутском лагере каждый вновь прибывавший транспорт военнопленных немцы выстраивали и приказывали людям обнажать половые органы. Гестаповцы обходили ряды и отбирали заподозренных. Их уводили на расстрел. То же самое практиковалось в лагере № 326. Здесь, помимо евреев, немцы вылавливали политработников, офицеров и интеллигентов.

Тов. Манушин К.И. (на фронте — капитан, уроженец Симферополя) рассказал мне, что в лагере-госпитале Бокунья (близ Житомира) в феврале 1942 года немцы устроили поголовный телесный осмотр всех больных и раненых (четыре тысячи человек). Ходячих больных выстроили во дворе лагеря. Комиссия в составе коменданта, фельдфебеля и двух врачей свидетельствовала каждого человека в отдельности. Заподозренных набралось тридцать три человека. Их отделили от остальных пленных. Немцы и полицейские стали тут же их избивать. Осмотрев ходячих больных, комиссия отправилась свидетельствовать лежачих. Тяжелобольных и раненых, заподозренных в том, что они евреи, стаскивали с коек, били и на тележках отправляли в общий лагерь. В пять часов утра всех отобранных, сорок человек, в нижнем белье вывезли за ограду лагеря и расстреляли. То же было проделано и в Житомирском лагере.

Систематически производились облавы на евреев в Ченстоховском лагере до осени 1942 года. “Комиссия” из коменданта, фельдфебеля и врача отбирала по внешнему виду из группы прибывавших пленных евреев. Отобранных расстреливали.

Тов. Пшеницын В.А. (на фронте — полковник), попавший в плен в сентябре 1941 года восточнее Пирятина, рассказал мне, что охоту на евреев он наблюдал с первого же дня своего пленения на этапах, сборных пунктах и в лагерях. На сборном пункте в селе Ковали выстроили колонну пленных и стали по внешнему виду отбирать евреев. В отборе помогали немцы Поволжья и изменники, украинско-немецкие националисты. Отобранных уводили группами за село, заставляли рыть могилы и тут же расстреливали. На всех последующих этапно-пересыльных пунктах на остановках немцы объявляли: “Евреи и политработники, выходи”. На остановке в Хороле вышли четыре врача-еврея. Над ними немцы в досталь поиздевались, а позже, в Виннице, расстреляли. В Винницком лагере в первых числах октября 1941 года немцы расстреляли триста семьдесят восемь евреев. В.А. Пшеницын видел, как в конце сентября 1941 года в Кременчугском лагере увели на расстрел группу военнопленных евреев. Раненых, которые не могли передвигаться, несли на расстрел на носилках. Такую же расправу немцы учинили и во Владимиро-Волынском лагере: 2 марта 1942 года двести двадцать политработников и евреев, в их числе были и врачи, вывели за проволоку и расстреляли. Были расстреляны и тяжелобольные и тифозные. Их в беспомощности (с температурой сорок градусов) вынесли на расстрел на носилках. [В числе других погибли командиры Шилькрот, Зингер, киевский врач Гринберг и другие.]

Товарищи, попавшие летом 1942 года в Ченстоховский лагерь, рассказывали мне, что после помещения прибывших в бараки полицейские начали

охоту за евреями и политработниками. Евреев отбирали по внешнему виду. Их вывели на расстрел 5 октября 1942 года, политработников — десятью днями позже.

В Житомирском лагере оккупанты старались прежде всего уничтожить евреев и политработников с тем, чтобы затем медленно и методично уничтожать тысячи пленных других национальностей. Все прибывшие в лагерь должны были пройти специальную “комиссию”. Признанные евреями отдавались в руки СС. Их помещали отдельно от других пленных и заставляли выполнять самые грязные и тяжелые работы. Кормили их один раз в три дня. Ежедневно вечером в бараки к ним приходили гестаповцы с собаками. Собаки набрасывались на людей, кусали и рвали их. После длительных издевательств их выводили за город и расстреливали.

Тов. Филькин Д. С. рассказывал, что 9 июля 1942 года в Гродненский лагерь № 3 прибыли двое эсэсовцев. В лагере была “особая” комната, где помещались сто шесть человек раненых евреев и политработников. Всю ночь гитлеровские звери избивали находившихся здесь безруких, безногих и тяжело раненных людей. Утром 10 января к лагерю подъехала машина с прицепом, и пятьдесят человек из “особой” комнаты в одних кальсонах уложили на машину и увезли на расстрел. Через некоторое время машина вернулась и увезла на расстрел еще пятьдесят человек. Оставили в живых шесть человек.

Тов. Тихоненко Н. К. (на фронте — майор), находившийся в 1941–1942 годах в Митавском лагере военнопленных, рассказывает, что всех политработников и евреев гитлеровцы выявляли через свою агентуру, после чего они бесследно исчезали. [Вот что рассказал мне командир Берлин Л. Б. В сентябре 1941 года в Житомирский лагерь привели партию военнопленных. Их собрали во дворе, и немец-переводчик в присутствии лагерного офицера выступил перед ними с речью и сказал: “По распоряжению командования украинцы завтра же могут разъехаться по домам. Но отпустить вас мы не можем, так как среди вас есть комиссары и евреи. Выдайте их нам, тогда мы вас отпустим по домам”. Измученным людям предлагали освобождение ценой предательства.]

В феврале 1942 года меня привезли в лагерь военнопленных в Молодечно. К этому времени в лагере было больше двадцати тысяч человек, а в “госпитале” — до двух тысяч. Пленные жили в бараках, построенных из железа. В них было невыносимо холодно. Питание в лагере было на грани голодного минимума. В декабре 1941 года немцы выстроили живших в одном из барачков и отсчитали каждого десятого. Таких набралось сто пятьдесят человек. Их отвели в сторону и на глазах всего лагеря открыли по ним огонь из автоматов. Небольшая лишь часть из них спаслась, смешавшись после первых выстрелов с толпой пленных.

В лагере был жестокий режим: людей публично пороли. В виде наказания держали в клетке несколько часов на жестоком морозе.

Врачей-евреев не допускали к работе для обслуживания самих же военнопленных. [Были отдельные исключения, но и то временные. В Молодечненском лагерном госпитале работал врачом доктор Копылович (бывший заведующий поликлиникой города Шахты). Его допустили к работе только потому, что он был отличный хирург. Я слышал от многих товарищей, что

этот врач в тяжелых условиях немецкого плена честно выполнял свой врачебный долг и спас много советских людей от смерти. Сам он был отправлен из Молодечно в Барановичский штрафной лагерь “Ост”, куда немцы посылали политработников и евреев и откуда возврата не было.]

Врач Дорошенко С. П., находившийся в 1941 году в Минском лагере, рассказывал мне, что в конце 1941 года немцы запретили евреям-врачам работать в лагерном госпитале. Госпиталь одно время возглавлял врач Фельдман (как говорили, бывший заведующий Могилевским облздравом). В конце ноября он был вызван в немецкую комендатуру, и больше его в лагере не видели. Еврейки-врачи также были увезены и частично заморены голодом, частично расстреляны. Раненых и больных евреев помещали в тифозные отделения, хотя они и не были больны тифом. Позже их всех отправили в специальное еврейское отделение минского “Лесного” лагеря. Здесь был установлен крайне жестокий режим: пищу давали через день и очень недоброкачественную. К весне все евреи в этом лагере были убиты или умерли от голода и от болезней. В том же Минском лагере, по свидетельству Дерюгина И. К., евреи помещались в подвале, откуда время от времени их группами выводили на расстрел. В подвале свирепствовал тиф. Трупы умерших выносили раз в неделю.

В июне 1942 года из Молодечненского лагеря вывезли всех офицеров в Кальварию (Литва). Вместе с “госпиталем” и я в числе больных попал в этот лагерь. Режим дикого произвола господствовал и здесь.

Особенно тяжело было положение небольшой группы военнопленных врачей-евреев, прибывших из Молодечно (человек двенадцать). Среди них были врачи: Беленький, Гордон, Круг (Москва), Клейнер (Калуга) и другие. До Кальварии они уже пережили много ужасного. В Кальварии их и небольшую группу политработников поместили изолированно. Что бы ни случилось в лагере — немцы прежде всего свою злобу вымещали на евреях. Старик доктор Гордон, хирург, образованный врач (по его словам, за свою врачебную практику сделавший более десяти тысяч операций), был тяжело болен. Он опух от голода и одно время находился в “госпитале”. По приказу немецкого врача Бройера, его, как еврея, из “госпиталя” выгнали, и он, тяжелобольной, должен был часами выстаивать на поверках и подвергаться неслыханным унижениям.

За госпиталем наблюдал немецкий санитар, парикмахер по профессии, молодой по возрасту, но большой подлец. Он со злобным презрением относился ко всем советским людям. Как-то он зашел в барак. Доктор Гордон, сидевший в это время на нарах, не успел вовремя встать. Тогда этот фашистский выродок избил его. Живя под постоянной угрозой смерти, преследуемый и гонимый, доктор Гордон находил в себе силы проводить в кругу своих товарищей-врачей беседы по медицине и помогать советским врачам госпиталя при сложных заболеваниях.

Другой врач, специалист по детским болезням, доктор Беленький, подвергался избиениям того же немецкого парикмахера-“санитара”. Он погиб осенью 1942 года.

Охота за евреями и политработниками в лагере не прекращалась ни на один день. К весне 1943 года в лагере было выявлено около двадцати пяти евреев, прибывших с партиями пленных в разное время, скрывших ранее свою национальность и чудом уцелевших от расправы. Немецкий комендант приказал, чтобы они нашили на верхней одежде — на гру-

ди и на спине — белые четырехугольные лоскуты — “знак позора”. Летом 1943 года их вместе с группой политработников увезли из лагеря.

Советские люди, имевшие несчастье очутиться в немецком плену и оставшиеся верными своей родине, отлично понимали цели антисемитской политики и всячески старались противодействовать ей. Многие советские врачи, работавшие в госпиталях лагерей военнопленных, прятали в госпиталях евреев и политработников, а также тех офицеров и рядовых, которым особенно угрожала опасность быть растерзанными. В распределительном лагере № 326, через который проходили многие тысячи пленных и где производился тщательный осмотр всех прибывавших для выявления евреев, работала группа советских врачей и санитаров, которая ставила целью спасти политработников, евреев, а также тех военных работников, за которыми гитлеровцы, по тем или иным причинам, охотились. Их помещали в госпиталь, им делали фиктивные операции, меняли фамилии и переправляли в лагеря инвалидов.

Я знаю случаи, когда на телесный осмотр русские товарищи шли вместо евреев и тем спасали им жизнь.

Лично я спасся благодаря советским людям, моим русским товарищам — офицерам и врачам.

В Вязьме врачи Редькин и Собстель укрывали меня, раненого и больного, от немецких ищеек. В Кальварии, по настоянию некоторых товарищей — старших офицеров, в частности, подполковника Проскурина С. Я., батальонного комиссара Бантровского Г. С. и др., врачи держали меня в госпитале. Когда в феврале 1943 года меня выписали в лагерь и появилась реальная опасность быть обнаруженным немцами, врач Куропатенков (Ленинград) поместил меня в изолятор госпиталя. Позже меня, как и ряд других товарищей — политработников, советских и военных работников, врач Шеклаков А. Д. (Москва) и другие укрывали в госпитале среди поносников и туберкулезных до конца 1943 года. В Ченстохове, где шпионаж гестапо был особенно широко развит, врачи, и в первую очередь доктор Цветаев Н. М. (Кизляр), а также полковник Куринин С. И. (Москва) и другие, укрывали меня в госпитале среди туберкулезных больных.

Значительная часть офицеров и бойцов Красной Армии, имевших несчастье в силу случайностей войны попасть в плен к немцам, погибли в лагерях от неслыханных гонений, от голода, невыносимо ужасных бытовых условий, болезней. И если в числе переживших плен есть и небольшая группа евреев, то она выжила только благодаря поддержке русских, украинских, белорусских и других товарищей.

ВОССТАНИЕ В ВАРШАВСКОМ ГЕТТО¹

В Варшавском гетто немцы содержали более пятисот тысяч евреев. Десятки тысяч людей умерли от голода и эпидемий. Начиная с лета 1942 года, тысячи евреев ежедневно вывозились гестаповцами в Трешлинку. Некоторое время население гетто верило лживым заявлениям немцев, уверявших, что евреи из гетто вывозятся на восток, для сельскохозяйственных работ. Путем множества самых хитрых и вероломных приемов гитлеровцы поддерживали это убеждение у жителей Варшавского гетто. Этот же прием они применяли по отношению к евреям — гражданам Советского Союза во временно оккупированных фашистами советских районах. Евреям, которых везли на казнь в Освенцим и в Трешлинку из городов и местечек западных советских районов, было объявлено, что их везут работать на фабриках и в сельском хозяйстве.

Когда страшная правда о Трешлинке проникла в Варшавское гетто, там произошло восстание. Организации Сопротивления давно готовили оружие и боевые отряды в гетто. Весть о Трешлинке послужила сигналом к началу восстания. Восстание произошло также в Белостоке и в других гетто, организованных оккупантами в советских и польских городах.

Восстание в Варшаве характеризует борьбу советских и польских евреев в тот период, когда правда о массовом убийстве евреев стала очевидной и палачи уже не могли ее больше скрыть. Мы считаем нужным опубликовать в нашей книге этот материал, характеризующий период борьбы. Восстание в Варшавском гетто бесспорно является одной из самых героических и прекрасных страниц в великой борьбе человечества с фашизмом. Трагический конец этого обреченного восстания лишь подчеркивает его величие.

В середине августа 1942 года к связанному Еврейского антифашистского блока², находившемуся в польском районе, пришел поляк-железнодорожник; он принес в Варшавское гетто [первую страшную весть о судьбах вывезенных евреев, первое] сообщение о газовых камерах Трешлинки.

Весть эта с быстротой молнии облетела все гетто.

В одном из темных переулков гетто прозвучал выстрел. Немецкий жандарм был убит еврейским юношей Израилем Каналом³. Вскоре убиты были еще несколько немцев.

¹ Работа печатается в сокращенном виде.

² Антифашистский блок — подпольная боевая организация Сопротивления в Варшавском гетто. — И. Л.

³ Это был не немецкий жандарм, а комендант еврейской полиции в гетто Юзеф Шерыньский, довоенный комиссар польской полиции, с рвением и жестокостью проводивший депорта-

Улицы гетто стали ареной необычайных в условиях фашистского террора явлений. Рука неизвестного мстителя подожгла немецкие военные предприятия и склады. Разъяренные пленники гетто вытащили на улицу драгоценные меха, награбленные немцами в оккупированных районах, и сожгли их. Жители гетто напали на немецкое бюро высылки и разрушили здание.

Сразу же на гетто посыпались кровавые репрессии.

Немцы ввели в гетто полицию. Полиция открыла огонь, обстреливая окна и убивая прохожих. Отряды фашистов врываются в квартиры еврейских общественных деятелей. Вооруженные банды расправились с руководителями антифашистского блока. От руки убийц пали Левартовский, Саган¹, Каплан, молодой деятель культуры Линдер и еще многие преданные бойцы подпольного движения Сопротивления.

Немецкие газеты, выходявшие в так называемом генерал-губернаторстве, поместили короткие заметки об этих событиях под заголовком: “Партийные распри в еврейском районе”. Немецкая печать попыталась изобразить первые боевые выступления евреев как эпизод внутренней борьбы между самими евреями. Тем не менее эти “партийные распри”, по-видимому, настолько встревожили генерал-губернатора Франка, что он немедленно известил об этих событиях Берлин.

В Варшаву прилетел Гиммлер. Как заявил Люиджи Фуччо, берлинский корреспондент итальянского журнала “Ла трибуна”, в то время находившийся в Варшаве, план “усмирения” гетто был разработан в кабинете варшавского губернатора Фишера при активном участии самого Гиммлера. “Усмирение” было назначено на 1 сентября, в третью годовщину немецкого вторжения в Польшу. Оно выразилось в ужасающем кровавом избиении, продолжавшемся почти целый день.

Боевые организации существовали в гетто уже давно. Общепольская “Гвардия людова” (“Народная гвардия”) организовала отряд и в “еврейском районе”. Руководил им Анджей Шмидт, участник освободительной войны испанского народа, человек с большим боевым опытом, герой битв под Мадридом, Сомосьерой и на берегах Эбро.

Народная гвардия гетто насчитывала в первый период своего существования триста боевиков. Действовала также молодежная рабочая боевая организация “Спартак”. Под влиянием событий 1942 года все боевые элементы гетто объединились и создали единую еврейскую боевую организацию. В нее вошли представители всех течений и широкие слои беспартийных.

Организация делилась на дружины, а дружины — на пятерки. Во главе всей организации находился штаб. В состав штаба входили: Мордехай Анелевич, [двадцатичетырехлетний бойскаутский деятель, человек энергичный, боевой и идейный;] Михаил Розенфельд [— коммунист с большим

ции в лагеря смерти. Еврейской боевой организацией приговорен к смерти. Приговор приведен в исполнение 20 августа 1942 г., но Шерыньский был только ранен. В январе 1943 г. покончил жизнь самоубийством. — *И. Л.*

1 Шахно Эфроим Саган (1892–1942) — видный общественный деятель гетто. Один из руководителей левой сионистской рабочей партии (левой Поалей Сион), публицист, в Варшавском гетто организатор гражданского неповиновения и подполья. Погиб в августе 1942 г. — *И. Л.*

партийным опытом;] Герш Берлинский, [старый рабочий деятель, в свое время возглавлявший самооборону в Лодзи против эндекских погромщиков в предвоенной Польше;] Исаак Цукерман [— член молодежной сионистской организации “Гехалуц”, а также] Марк Эдельман из молодежной социалистической организации “Цукунфт”¹.

В первые же дни своего существования организация завязала тесный контакт с боевыми штабами подпольной Польши. Одновременно она распространяла свою деятельность и на другие гетто, направляла своих представителей в Лодзь, Сосновец, Белосток.

Были выпущены подпольные листовки. Население гетто призывалось не являться на сборные пункты, так называемые *Umschlagplatz* (пункты по организации высылки в Трeблинку).

Организация продолжала отправлять людей, особенно тех, кому грозил арест, в партизанские отряды. Гестапо удавалось иной раз захватить молодежь, пробирающуюся к партизанам. Немцы жестоко пытали задержанных, чтобы добыть сведения о подпольной борьбе в гетто и о партизанском движении. Однажды гестапо поймало несколько еврейских юношей в Варшаве. Это были члены еврейской боевой организации. [Юноши боялись, что могут не выдержать пыток; они решили поэтому спровоцировать немцев, чтобы те убили их на месте.] Когда немцы вели юношей по улицам Варшавы, пленники начали выкрикивать лозунги в честь Красной Армии и громко хулить Гитлера. Затем юноши бросились на конвой. Завязалась борьба, и в борьбе с конвойными юноши нашли свою героическую смерть.

После нескольких месяцев напряженной работы еврейская боевая организация располагала уже многочисленной подпольной армией.

Создание еврейской боевой организации было крупным событием во внутренней жизни гетто.

Один из членов организации, молодая девушка Тося Альтман², следующим образом описывала свое душевное состояние в пору, когда она приняла решение вступить в ряды организации: “Я чувствовала, что вся жизненная основа, на которую я опиралась, зашаталась и вдруг рассыпалась. Чувствовала, что после того как я приняла это решение, никакая сила уже не сможет снова привязать меня к прежнему образу жизни. Я уже не принадлежала себе. Знала, что иду навстречу смерти, но сознавала, что это мой долг, что иначе поступить я не могу”.

Боевики рыли подземные ходы и строили бункеры. В бункеры проводили электричество, устраивали водохранилище, ставили радиоприемники. Там делали оружие.

Подземные ходы и бункеры строились в глубочайшей тайне. Особенно большое значение имели ходы, которые связывали гетто с внешним миром.

1 Марек Эдельман (1919–2009) — известный польский и еврейский общественный деятель, врач-кардиолог, один из руководителей восстания в Варшавском гетто. — И. А.

2 Тося Альтман (1918–1943) — одна из руководителей организации “Ха-шомер ха-цаир” на оккупированных территориях. Поддерживала связь между Варшавским, Вильнюсским, Белостокским и другими гетто. Участница восстания в Варшавском гетто, 24 мая вышла из гетто по канализационным трубам, была схвачена немцами и погибла в тюрьме. — И. Л.

Вскоре еврейская боевая организация провела первое массовое вооруженное выступление.

17 января 1943 года эсэсовцы вместе с «синей»¹ полицией окружили несколько улиц и начали обычную облаву. Большинство схваченных оказали сопротивление. Эсэсовцы застрелили несколько человек. Из ближайших окон посыпались пули.

Эсэсовцы окружили дом и бросились вверх по лестнице. Но тут встретили их члены боевой организации.

Тем временем из соседних районов подоспели значительные группы боевиков, вооруженных револьверами. Стычка продолжалась недолго. Фашисты отступили. Облава не удалась. Задержанные разбежались.

Боевые группы подпольного гетто выдержали первый экзамен.

Гитлеровцы отплатили и на этот раз жестоко. Сто заложников были убиты гестаповцами. [Среди повешенных заложников были: престарелый раввин Исаак Тененбаум, старый писатель и публицист Гилел Цейтлин², известный историограф польских евреев профессор, доктор Мейер Балабан³, деятель подпольной культурной организации Юзеф Гитерман и другие видные представители еврейской интеллигенции.]

Тяжелы были потери, но наше общее дело выиграло очень много. С января до апреля почти прекратился вывоз в Трешлинку. Наступил период относительного покоя. Правда, все понимали, что это — затишье перед бурей. Гитлеровцы тайно готовились к генеральной расправе. Заявления немецких властей о том, что время массовых расправ миновало — никого обмануть не могли.

Боевые антифашистские организации подпольной Польши, вопреки установкам польских представителей из Лондона, систематически снабжали гетто оружием через подземные ходы; оружие доставлялось также в транспорках с продовольствием⁴. Документально установлен факт, что в транспорках картошки для столовых, обслуживавших промышленных рабочих в гетто, контрабандой провозились винтовки и пулеметы, гранаты и динамитные патроны.

Установлено, что представители сражающегося гетто покупали оружие у итальянских солдат, проездом находившихся в Варшаве; они платили долларами, золотом, драгоценностями, собранными среди наиболее состоятельных жителей гетто.

1 Старая польская полиция, служившая немцам. — *И. Л.*

2 Гилел Цейтлин (1871–1942) — писатель, журналист. Автор многих книг и статей по иудаизму. Умер по дороге в Трешлинку. — *И. Л.*

3 Мейер Балабан (1877–1942), выдающийся историк польского еврейства. В 1920–1930 гг. руководил в Варшаве раввинской семинарией Тахкемони, с 1928 г. — профессор Варшавского университета. Умер в гетто от сердечного приступа. — *И. Л.*

4 В декабре 1942 г. при Делегатуре Жонду (представительстве эмигрантского правительства) — руководящем органе пролондонского подполья, был создан Совет помощи евреям «Жегота». Отдел помощи евреям имела и ППР. Эти организации старались оказывать помощь евреям, скрывавшимся вне гетто (считается, что только в Варшаве таких было около 20 тысяч человек), сообщали миру факты о трагедии еврейского населения в Польше. Доставляли оружие в гетто две крупнейшие подпольные боевые организации — пролондонская Армия Крайова и коммунистическая Гвардия Людова, однако эта помощь была далеко не достаточной. Были отдельные боевые выступления в поддержку восстания, оказывалась помощь при эвакуации бойцов из гетто — так, ГЛ удалось вывести по канализации 74 повстанцев гетто. — *И. Л.*

Руководители подпольного движения организовали тайное производство оружия в подвалах еврейского квартала. Этим делом руководили инженер Михаил Клепфиш и супружеская чета Фондаминских (Эдвард и Аля). Друзья-поляки предлагали Фондаминским устроить им побег из гетто, но они отказались бежать, заявив, что хотят до конца разделить судьбу народа.

Рабочие-электротехники организовали тайное производство самодельных бомб: они начинали перегоревшие лампочки динамитом. Кроме того, в подпольном гетто вырабатывались гранаты и пистолеты.

Судя по официальным донесениям варшавского гестапо, оружие евреям продавали также немецкие дезертиры и гражданские немцы-торговцы, переселенные в Варшаву из западных районов.

Подпольщики-боевики обучали неопытных новичков, готовили отряды санитарок, создавали отделения из подростков-разведчиков и связистов, группы пожарной охраны. Нередко на тайные занятия прибывали польские инструкторы из Варшавы и из партизанских отрядов.

Одновременно была развернута широкая агитация среди населения, подготавливавшая его к предстоящим событиям.

Но враг тоже готовился. В зданиях гестапо на Аллеях Шуха, в резиденции губернатора, в управлении гестапо возле стен гетто на улице Лешно, в эсэсовских бюро, в “синей” полиции и в особых истребительных группах — всюду фашисты лихорадочно подготавливали окончательную ликвидацию “еврейского района”.

Помня о январских событиях, гитлеровцы решили применить вероломство и обман. Губернатор поручил организовать эту лживую провокацию “мирным” немцам — владельцам фабрик в гетто: утонченному Теббенсу, сентиментальному Брандту¹ и “другу рабочих” Стегману.

Эти “мирные” немецкие фабриканты обратились к еврейским рабочим с предложением: “Мы переводим наши предприятия в Травники и Понятув под Люблином; пусть те, которые хотят спокойно прожить до окончания войны, едут с нами”.

Брандт ходил с фабрики на фабрику и со слезами на глазах клялся здоровьем своей жены и детей, что говорит чистую правду. Теббенс рисовал евреям “райскую” жизнь, которая ждет их на лоне природы. Но евреи не верили немцам. Никто не являлся на сборный пункт.

Фашистам снова пришлось применить открытое насилие.

И тогда раздался голос геттовского подполья: “Ни одного человека!”

В таких условиях и было принято окончательное решение руководителей подпольного гетто — решение о вооруженном восстании.

Накануне восстания было послано за границу следующее сообщение:

Еврейская боевая организация призывает еврейское население оказать сопротивление немцам. Да свершится то, чему свершиться суждено. Ничего не заставит нас изменить решение. Приняв его, мы почувствовали себя словно обновленными. Мы убедились, как прочно мы связаны между собой. Мы откры-

¹ Карл Брандт — унтерштурмфюрер СС, руководитель отдела по еврейским делам в гестапо Варшавы и штаба, организующего депортацию евреев из гетто в лагерь смерти. Отправил на смерть около 300 тысяч евреев Варшавского гетто. — И. Л.

ли новую страницу нашего бытия, которое может оборваться в любую минуту. Мы извещаем вас об этом, ибо знаем, что вас интересует наша судьба. Будьте уверены, что мы сумеем дорого продать свою жизнь.

К жителям гетто организация обратилась со следующим воззванием:

Братья! Решение принято. Мы дадим отпор врагу. Бейтесь до последней капли крови! Пусть встанет перед нашими глазами образ Маккавеев. Да здравствует еврейский народ! Да здравствует Польша!

В ночь с 18 на 19 апреля еврейская боевая группа сняла часовых “орднунгмилиции”¹, которые стояли у ворот внутри гетто. Когда на рассвете к воротам подошла полиция, чтобы конвоировать рабочих, она не смогла проникнуть в гетто — евреи заперли ворота гетто, не пустили полицию. Целый день в гетто царил мертвая тишина. Боевое руководство использовало это затишье для последних приготовлений. Штаб боевой организации поместился в подвале на Налевках. Была проверена боевая готовность подразделений.

Территория гетто была разделена на три оборонительные зоны: участок щеточной фабрики, командиром этого участка был назначен Марк Эдельман; центральное гетто, где командование принял Израиль Канал; оборонной окраинной части командовал Элиазар Геллер.

Каждая улица получила свой склад оружия. Больных, слабых и детей разместили в подвалах и бункерах. Была организована сеть связанных — внутренних и внешних — для связи с подпольной Польшей. Каждая улица имела свои пункты скорой помощи и свою общественную кухню, в которой работали женщины. Из подростков были составлены отряды разведчиков. Пожарные команды держались в постоянной готовности. Предателей и гестаповских агентов уничтожали. “Орднунгмилиция” была устранена. Часть милиционеров заявили о своей готовности действовать до конца совместно с боевой организацией.

Немецкие власти, по-видимому, поняли, что гетто решило бороться. В первом часу ночи разведчики донесли в штаб на Налевках, что к гетто приближается эсэсовская часть. Вскоре эсэсовцы ворвались в гетто и рассыпались небольшими группами по улицам, вероятно намереваясь провести облавы в домах.

И вдруг в гетто произошло небывалое. Из домов, которые казались пустыми и мертвыми, из окон, с чердаков и крыш на гитлеровцев посыпался град пуль. Гетто вело огонь! Эсэсовцы бросились к улицам, ведущим к выходу. Еврейские боевики завлекли их вглубь гетто, отрезали им путь к отступлению, окружили со всех сторон и перебили большую часть врагов. Уничтожены были три эсэсовские роты. Триста немцев попали в плен — в плен к своим рабам, в плен в гетто!²

1 Орднунгмилиция, правильнее орднунгсдинст (нем. служба порядка) — еврейская полиция гетто. Проявляла рвение и жестокость в помощи немцам при депортации евреев на смерть, даже превышала задания по количеству жертв. — *И. Л.*

2 В рапорте командовавшего акцией подавления восстания бригаденфюрера СС Ю. Штроопа отмечены потери при первой атаке — 12 человек (6 эсэсовцев и 6 пособников из украинцев, латышей, литовцев — т. наз. “люди из Травников”). Еще сильнее завышено количество пленных. — *И. Л.*

Все гетто сразу поднялось на ноги. Штаб выпустил первое сообщение о победе еврейского оружия, огласил число убитых и пленных немцев. Был дан приказ: выйти из домов. Народ вышел на улицы, боевики заняли ответственные им посты.

На рассвете 20 апреля, когда поруганная оккупированная Варшава должна была праздновать день рождения Гитлера, над домами гетто были подняты польские флаги, красные знамена, флаги государств антигитлеровской коалиции, знамена еврейских партий. Губернатор Фишер вынужден был отложить торжества в честь “фюрера” и объявить в городе осадное положение.

На следующий день вся Варшава походила на военный лагерь.

По улицам проходили крупные немецкие части в полном вооружении. Польский район был отделен от немецкого района сильным кордоном. Власти производили массовые аресты и облавы среди поляков. Оккупанты панически боялись, что повстанческое движение разрастется и огонь восстания перекинется через стены гетто. Усиленные патрули появились на улицах, заселенных немцами. Гестапо издало распоряжение, запрещающее въезд и выезд из города.

Целый день двигались немецкие части, постепенно окружая еврейский район. Дула орудий и минометов были обращены к стенам гетто. Так началась осада.

Как заявили впоследствии представители гестапо на пресс-конференции, немцы вначале намеревались принудить евреев к капитуляции, лишив их воды. В аппарате гестапо, которое в течение первой декады руководило подавлением восстания, был рассмотрен проект о перекрытии водопроводных труб; однако гитлеровцы отказались от этого намерения, так как это поставило бы под угрозу Жолибож, Цитадель и Гданьский вокзал: трубы, доставляющие воду в эти районы, проходили через еврейские улицы. Кроме того, гестапо имело сведения, что евреи давно вырыли ряд колодцев и тайком запаслись насосами новейших конструкций.

Ночью улицы Варшавы наполнились шумом проезжавших военных машин. Дрожала земля — это в сторону гетто ехали танки. Началась атака. Ворота были взломаны, и часть танков ворвалась в гетто. В первые минуты они не встретили никакого сопротивления. Евреи пропустили танки вглубь гетто, но преградили путь неприятельской пехоте, которая хотела проникнуть в гетто под прикрытием брони танков. У разбитых ворот гетто евреи устроили сильно укрепленную баррикаду. Эсэсовская пехота была отброшена, а на изрыгавшие огонь танки, вклинившиеся вглубь гетто, посыпались ручные гранаты и зажигательные бутылки. Вскоре танки запылали и остановились. Экипажи горящих машин пытались спастись бегством, но путь к отступлению был им отрезан. Экипажи всех шести танков были перебиты или сгорели вместе с машинами. На следующий день об этом факте было сообщено в сводках обеих сражающихся сторон.

Это был второй серьезный успех повстанцев. Оккупационные власти отстранили гестапо от руководства боевыми действиями, поручили ликвидацию восстания армии. Началась подготовка более эффективных средств. Это потребовало перерыва в военных действиях на несколько дней. Во главе воинских частей был поставлен строевой генерал Штро-

оп¹. В помощь ему выделили вызванного для этого из Люблина специалиста по разрушению еврейских районов, генерал-майора полиции Глобочника².

Восставшие в свою очередь использовали время для того, чтобы лучше организовать свои силы, укрепить позиции и запастись новым оружием. Они завладели всеми немецкими военными фабриками и складами, находившимися на территории гетто. Таким образом, было захвачено много немецких военных мундиров, касок и значительные запасы продовольствия. Впоследствии это помогло евреям провести знаменитый налет на арсенал гестапо у Цитадели.

Налет произошел ночью. Отряд повстанцев, переодетых в немецкие мундиры, подошел к арсеналу гестапо. Часовые впустили прибывших вовнутрь. Евреи перебили всю охрану, захватили оружие и амуницию, захватили также грузовики и на них перевезли свои трофеи в гетто.

В течение первой недели повстанцы не только укрепили свои позиции и увеличили запасы оружия, но и расширили свою боевую базу, втягивая в борьбу новые тысячи людей.

На второй или на третий день к борьбе присоединились жители так называемого малого гетто. При вести о восстании население "малого" гетто влилось в боевые ряды большого гетто. Ночью все жители оставили свои дома. "Малое" гетто было подожжено со всех сторон. Шесть тысяч металлистов, химиков, портных в боевых колоннах явились в большое гетто. Остальные жители "малого" гетто рассыпались по городу или ушли в леса, к партизанам.

Губернатор Варшавы Фишер и высшие чиновники гестапо с начала событий неоднократно предлагали повстанцам сложить оружие. Среди боевиков шныряли подозрительные люди, которые пробовали сеять панику, уговаривали выдать руководителей. Эти провокаторы вскоре были уничтожены специальной комиссией по борьбе с изменой, шпионажем и диверсией.

На девятый день восстания к руководству еврейских повстанцев через мегафон обратилось командование немецкой военной группы, которой поручено было любыми средствами задушить восстание. Немцы предъявили гетто последний ультиматум, который требовал прежде всего выдачи немецких пленников. Немецкое командование заявило, что с евреями, которые сложат оружие и добровольно сдадутся в плен, будут обходиться не как

- 1 Юрген Штрооп — бригаденфюрер СС. После нападения на СССР занимался охраной железных дорог, борьбой с партизанами, был руководителем СС и полиции в Николаеве. В марте 1943 г. был послан в помощь руководителю СС и полиции округа Галиции — Кацману. 17 апреля переведен в Варшаву. После подавления восстания в гетто в июне 1943 г. стал руководителем СС и полиции Варшавского региона. В 1947 г. был приговорен к смерти в Германии, но был выдан Польше и в 1951 г. вторично приговорен к смертной казни. — *И. Л.*
- 2 Оидо Глобочник (в литературе на русском языке встречается написание Глобочник, Глобокник) — группенфюрер СС. В 1938 г. был гауляйтером Вены. В 1939–1943 гг. стал руководителем СС и полиции в регионе Люблина. Руководил акцией уничтожения евреев в Польше ("акция 'Рейнхард'"). Один из самых кровавых палачей в СС. В Варшаву прибыл, чтобы собрать в гетто машины, сырье и людей, годных для работы в люблинских концлагерях. Считал, что уничтожением гетто должен руководить он, и обвинил Штроопа, что тот слишком жестоко проводит акцию — взрывая и снося гетто с лица земли: это уничтожало имущество, которое должно было перейти в распоряжение Глобочника. Гиммлер, однако, поддержал Штроопа, и Глобочник быстро покинул Варшаву. В 1945 г. покончил жизнь самоубийством. — *И. Л.*

с партизанами, а как с военнопленными, и они будут пользоваться всеми правами наравне с военнопленными других национальностей и государств. Наконец, немецкое командование обязалось — в случае капитуляции евреев — не трогать гетто; если же евреи отвергнут ультиматум, гетто будет разрушено, а жители казнены.

Руководство сражающегося гетто ответило:

Повстанцы готовы выдать немецких пленных при условии, что за каждого немца противник выдаст десять заключенных евреев. Что касается остальных двух пунктов ультиматума, гетто отвергает их и заявляет, что будет сражаться до последней капли крови.

Последний ультиматум оккупантов был отвергнут. Берлин передал ликвидацию восстания в руки армии и приказал разрушить гетто дотла.

На одиннадцатый день восстания по приказу немецкого командования в центр Варшавы привезли артиллерию и установили ее на площади Красинских и у Гданьского вокзала. В шесть часов вечера гитлеровцы начали артиллерийский обстрел гетто, продолжавшийся до следующего утра.

Артиллерийский огонь был губительнее и разрушительнее, чем удары танков и пулеметный обстрел.

За одну ночь неприятельская артиллерия разрушила стены гетто и много домов. Немецкое командование применило военную полевую тактику, под прикрытием артиллерийского огня на передовые позиции повстанцев бросились пехотные части. Евреи отбили атаку пехоты.

Это была памятная ночь для Варшавы. Жители столицы сравнивали ее со страшной сентябрьской ночью накануне падения Варшавы, когда немецкая артиллерия разрушала дом за домом, улицу за улицей. Отголоски канонады разносились по всему городу. Взрывы снарядов сотрясали воздух, а от мощных пушечных выстрелов содрогались фундаменты домов.

Немцы были уверены, что сильного артиллерийского штурма достаточно, чтобы понудить евреев к сдаче. На площади Красинских и возле Гданьского вокзала собрались “сливки” немецкой колонии. Многих поляков вынудили присутствовать при разрушении гетто и глядеть на огромный пожар, бушевавший в еврейском районе.

Но артиллерийский штурм не принес успеха — гетто не дрогнуло. На следующий день с самого утра к немецкому командованию явилась делегация от немецкого гражданского населения Варшавы. Делегаты возмущались, что артиллерию установили на огневые позиции в центре города, где живет столько высокопоставленных немцев! Делегация указала командованию, что многие дома на площади Красинских и на близлежащих улицах получили опасные трещины и пострадали от сотрясения, во всех квартирах от грохота вылетели оконные стекла; особенно сильно повреждены дома в Старом городе — дома, недавно сплошь заселенные немцами.

Однако еще сильнее, чем протест немецких обывателей, на решение об отказе от артиллерийского обстрела подействовало неожиданное выступление боевого союзника гетто — польской народной гвардии. Ночью, когда гитлеровские сановники на балконах своих роскошных квартир любовались столбами огня над еврейским районом, отряд народной гвардии под

командованием прославленного майора “Ришарда” (Ковальского) перерезал улицы, ведущие к площади Красинских и Гданьскому вокзалу, заградил путь немецким группам, рассеял их и под прикрытием ночи нанес врагу ряд чувствительных ударов¹. Одновременно отряды народогвардейцев под командованием польских патриотов Яцека, Франека и других открыли огонь по немецким орудийным расчетам.

Выступление народной гвардии вынудило немецкое командование отказаться от публичной демонстрации артиллерийской расправы.

Ночью, после орудийного обстрела, над гетто появились немецкие бомбардировщики. Бомбежка продолжалась всю ночь. И снова весь еврейский район был объят пламенем.

На следующую ночь налеты повторились снова. Обрушились многие дома, и под развалинами погибло много людей. Одновременно немцы начали наступление на всех участках фронта вокруг гетто. В ту ночь немцы, при поддержке авиации, одержали первые победы. Им удалось прорваться в глубину гетто. Однако евреи успели при отступлении забрать с собой в центр гетто все продовольствие, которое находилось в домах, захваченных врагом. Повстанцы отступили на участок Налевки — Повонзки.

Штаб восставшего гетто начал готовить контрнаступление. На рассвете евреи предприняли атаку; им удалось вновь завладеть несколькими домами, так как днем немцы не применяли авиации.

После двухдневных тяжелых боев в гетто почти не осталось жителей, не принимавших участия в борьбе.

Евреи собрали на Окоповой улице большие силы и предприняли ряд контратак. После многочасового кровавого боя повстанцам удалось выбить противника с исходных позиций, которые он занял в первый день сражения, и глубоко вклиниться в нееврейский район Варшавы.

Евреи быстро укрепились на захваченных позициях и организовали вылазки на боковые улицы.

Немецкий штаб начал стягивать подкрепления. Бои завязались с новой силой. Евреи держались на завоеванных позициях до конца дня и половине следующего дня. Только в два часа, под усиливающимся натиском врага, повстанцы были вынуждены отступить.

В момент, когда вспыхнуло восстание, боевая организация насчитывала всего около тысячи человек. На второй день борьбы на позициях находилось уже несколько тысяч бойцов. Презрение к смерти, самоотверженность стали явлением всеобщим. Над головами повстанцев на поле боя развевались знамена с надписью: “Погибнем с достоинством!” Лозунг этот претворился в боях. Примеры мужества множились со дня на день.

Цеточная фабрика долго оказывала врагу отчаянное сопротивление. Командовавший обороной на этом участке Марк Эдельман, начальник группы Герш Берлинский, бойцы Эйгер, Ратайзер², Клепфиш сражались до последнего патрона. Когда неприятель вытеснил их с фабричного двора, они

1 Это была группа АК под командованием “Рышарда” (Венцковского), 20 апреля разбившая группу охраны, что позволило части евреев бежать из гетто. — *И. Л.*

2 Симха Ратайзер (“Казик”), после войны — Ротем. Написал рапорт-воспоминания о восстании, который является одним из наиболее ценных свидетельств, достигших союзников. После войны уехал в Израиль. — *И. Л.*

продолжали борьбу, защищая каждый этаж, а под конец поднялись на крышу. Тут некоторые из повстанцев погибли геройской смертью, а часть из них прорвались через вал огня и соединились с другими, еще сохранявшими боеспособность отрядами.

Дружина рабочего Арона Овчинского насчитывала двести восемьдесят бойцов. Эта дружина, сражавшаяся на улице еврейской бедноты, на Павьей, отличалась особо высоким мужеством. В битве на Окоповой отличился отряд Элиазара Геллера, позже дравшийся на территории еврейского кладбища.

Молодежь проявляла высокий энтузиазм и презрение к смерти. Семнадцатилетняя Ревекка Пекер с чердака окраинного дома первая встретила эсэсовскую колонну и забросала ее бутылками с горючей жидкостью. Шестнадцатилетний Шанан Лент, счастливый тем, что раздобыл винтовку — оружие редкое в повстанческих рядах, — будучи тяжело ранен, лежал на асфальте, расплавленном жаром горящих зданий, и продолжал стрелять по врагу.

Молодые бойцы гетто заманивали фашистов в якобы опустевшие, незащищаемые дома и уничтожали их и завлекали в западню новых врагов, готовя им ту же участь.

Рядом с молодыми отважно дрались старики. Во главе своих учеников бился с немцами учитель Натан Смоляр, плечом к плечу с сыном до последнего дыхания держался на своем посту старый рабочий варшавского трамвая Лент. Врач Павел Липштат сражался вместе с рабочим Лейбе Готтом, поэт Юзеф Кирман не уступил в боевом упорстве опытному подофицеру Диаманту.

Захваченный немцами в плен Арье Вильнер¹ вырвался из рук палачей и продолжал сражаться.

В первые дни восстания немцы пренебрежительно отнеслись к поднявшимся против них силам. Когда на первой еврейской mine взорвался немецкий мотоцикл, гитлеровские командиры никак не могли поверить, что эту мину сделали и заложили евреи.

После первой воздушной бомбардировки немецкое командование заявило, что ликвидация восстания — дело двух-трех дней. Однако случилось иначе. Восстание продолжало разгораться. В немецких донесениях появились упоминания о собственных потерях.

После битвы на Окоповой улице немецкий штаб заявил:

Окружение гетто наталкивается на огромные трудности; чтобы подавить восстание, придется сражаться за каждый дом. Евреи яростно защищаются. Задача требует от нас кровавых потерь и значительных усилий.

В одном из своих донесений гестапо жалуется, что борьба с восстанием затруднена существованием подземных ходов, по которым евреи сообщаются с польскими патриотами и получают от них помощь. В другом донесе-

¹ Арье Вильнер (настоящее имя Исраэль Хаим, подпольная кличка «Юрек») (1917–1943) — член «Ха-шомер ха-цаир». В октябре 1941 г. ушел из Вильнюсского гетто в Варшаву, где стал одним из руководителей Еврейской боевой организации. Затем представитель гетто на «арийской» стороне. Был арестован, бежал. После побега стал одним из руководителей восстания Варшавского гетто. — *И. Л.*

нии гитлеровцы отмечают, что евреи не сдаются в плен, что они либо погибают с оружием в руках, либо исчезают где-то под землей.

Так же расценивали ситуацию заграничные корреспонденты.

После битвы на Окоповой улице варшавское гестапо пригласило журналистов стран “оси”, чтобы они осмотрели “новый фронт”. Приехали несколько итальянцев, один финн и один венгр. Описание этого смотра мы можем прочесть в польской подпольной газете:

Осмотр происходил на окраинных улицах гетто, разрушенных артиллерийским огнем и воздушной бомбардировкой, а затем захваченных немецкой пехотой. Над развалинами домов клубился дым. Некоторые обломки зданий еще были объаты пламенем. На улицах среди груд кирпича, балок и мусора валялись трупы евреев и немцев.

“В настоящих условиях, — заявил журналистам сопровождавший их представитель гестапо, — трудно воздать военные почести павшим немецким солдатам”.

“Борьба за эти улицы, — рассказывает далее газета, — носила яростный, отчаянный характер. Немцы должны были бороться за каждый дом. Захватить один дом означало положить много кровавых усилий в течение многих часов”. Борьба стоила гитлеровцам больших потерь. В одном сообщении немецкого командования, выпущенном неделю спустя после начала борьбы, говорилось, что на “фронте гетто” погибла тысяча немцев¹.

После двух недель упорных уличных боев повстанцы были вынуждены перейти к новой тактике.

Эта тактика состояла в сочетании обороны с внезапными быстрыми наступательными вылазками, преимущественно ночью.

Эти вылазки продолжались всю третью неделю восстания, которая получала в печати подпольной Польши название — “великая неделя восстания”. Штурмовые отряды захватывали окраинные улицы Варшавы, взрывали динамитом занятые гитлеровцами дома, военные склады и предприятия. За одну эту неделю повстанцы взорвали сорок шесть немецких предприятий, в том числе фабрику “Фражет”, завод электроприборов Клеймана и авторемонтный завод. Среди разрушенных предприятий оказалось несколько фабрик концерна “Герман Геринг-Верке”. [Это был чувствительный удар по немецкой промышленности.] Вместе с домами, машинами и людьми погибли запасы сырья, готовая продукция, полуфабрикаты и оружие.

После трехнедельных боев положение гетто изменилось к худшему. Число разрушенных домов быстро росло. Повстанцы занимали на развалинах новые позиции, но кольцо окружения все теснее смыкалось вокруг них.

Руководство восстания обратилось к польскому подполью с просьбой поддержать евреев не только боеприпасами и продовольствием, но и совместным вооруженным выступлением поляков в ряде районов Варшавы. Но польские антифашистские группы не были в состоянии собственными

¹ Согласно рапорту Ю. Штроопа, в подавлении восстания участвовали около 2 тысяч солдат: около тысячи из Ваффен СС, остальные из орпо — полиции порядка и украинско-латышско-литовских пособников. По другим данным, подавляли восстание около 5 тысяч солдат. — И. Л.

силами начать в Варшаве крупное повстанческое движение. Антифашистские организации, однако, сумели мобилизовать группы польской молодежи, которые поспешили на помощь евреям, проникли в гетто и сражались плечом к плечу с восставшими. Антифашисты организовали транспортировку раненых из гетто в партизанские лагеря. Особенную самоотверженность проявили бойцы народной гвардии. При посылке подкреплений и при подготовке, на случай разгрома, условий для отступления повстанцев особую активность проявили Польская рабочая партия и Рабочая партия польских социалистов.

Польские патриоты расклеили на улицах Варшавы короткое воззвание:

Поляки! Немцы вынесли смертный приговор последним 30 тысячам евреев Варшавского гетто. В ваших домах слышны отголоски стрельбы. Женщины и дети защищаются голыми руками. Спешите к ним на помощь!

1 мая рабочие организации гетто выпустили воззвание к евреям-повстанцам. Воззвание печаталось на гектографе во время налета немецкой авиации.

“В этом году, — говорилось в воззвании, — мы отметим Первое мая не уличными демонстрациями. Мы встретим день рабочего праздника в уличных боях. В этом году в первый день пробуждающейся весны мы будем говорить не о любви, а о безграничной ненависти к врагу. В этом году Первого мая мы будем сражаться и убивать”.

Но и позже, после месяца кровавых битв, когда многие позиции оказались захваченными врагом, дух повстанцев был непреклонен. Еще 23 мая командование восстания передало по радио следующую сводку из пылающего, разрушенного гетто: “В последнюю пятницу немецкие самолеты снова сбросили на гетто груз бомб. Все гетто охвачено пламенем. Немцы возобновили также танковые атаки. Наши ряды по-прежнему сплочены. Мы защищаемся и наносим врагу удары”.

На последнем этапе борьбы повстанцы вновь изменили тактику. Хотя основная сконцентрированная оборона была сломлена немецкими танками и авиацией, восставшие не допускали даже мысли о капитуляции. В штаб на Налевках ежедневно являлись еврейские юноши, желавшие вступить добровольцами в “отряды смерти”. Это были отряды, которые нападали на немецких солдат, врвались в их ряды, забрасывали врагов ручными гранатами, не отступали и бились до последней капли крови. Бойцы “отрядов смерти” перед операцией приносили присягу, что они вернутся к своим только в том случае, если вокруг не останется ни одного живого немца.

“Отряды смерти” вносили опустошение в ряды неприятеля. Их бойцы останавливали наступление немецких танков. Вооруженные гранатами и бутылками с бензином, они бросались под гусеницы танков и выводили из строя вражеские машины, сами погибая при этом.

И все же враг продвигался вперед. Победа над гетто дорого доставалась ему. Немецкие потери достигали уже несколько тысяч солдат. Евреи превратили каждое здание в крепость. На крышах следили за врагом разведчики, за окнами прятались стрелки. Гетто боролось за каждый метр земли, за каждое здание. Люди сражались на развалинах и пепелищах.

К концу мая сопротивление гетто было подавлено. В еврейском районе начался голод, так как немцы захватили все важнейшие коммуникации и тайный подвоз продовольствия из польских районов Варшавы стал почти невозможен. Иссякли запасы оружия. С честью пали в боях лучшие борцы гетто. Однако борьба все еще продолжалась. На некоторых участках отдельным группам повстанцев удалось прорваться сквозь неприятельские кордоны, чтобы уйти в леса, к партизанам. Немцы организовали погоню. Бывали случаи, когда, видя безнадежность положения, пробившиеся из гетто бойцы взрывали себя вместе с настигшими их немцами. Только двум-трем десяткам бойцов удалось уйти от погони.

На сорок второй день восстания все гетто оказалось в руках немцев. Но это не был уже варшавский городской район, тут уже не было ни зданий, ни улиц. Здания, все до одного, были разрушены артиллерией, танками и воздушными налетами. Официальная немецкая сводка, сообщившая об окончательной победе гитлеровских войск, заканчивалась следующими словами: «Есть только один способ подавить дух восстания в самом зачатке — это истребить всех жителей гетто и сжечь до основания опасное бунтовщическое гнездо».

И все же восстание еще не было подавлено! Оно ушло в подземелье. Последние боевые отряды во главе с Мордехаем Анелевичем спустились в катакомбы, где сохранились скудные запасы пищи.

Вначале гестапо не знало, куда скрылись повстанцы. Боевики внезапно устроили вылазку и напали на немцев. Наутро немецкое командование обратилось по радио к укрывшимся боевикам с ультиматумом: сложите оружие, выйдите из убежищ, и мы сохраним вам жизнь.

Однако среди повстанцев не нашлось ни одного капитулянта и труса.

Через несколько дней гестапо с помощью звукоулавливателей и собак-ищеек засекло одно из убежищ. Крупный немецкий отряд окружил выход. «Герои» Трешлинки, Освенцима, Бельжеца побоялись проникнуть внутрь. Они не решились встретиться с повстанцами лицом к лицу.

Положение осажденных было безвыходно. Запасы воды, пищи и боеприпасов иссякли. Повстанцы, чтобы не попасть живыми в руки фашистов, решили покончить с собою. Среди застрелившихся был и командир Мордехай Анелевич¹.

Из других убежищ, когда истощились запасы продовольствия, повстанцы вышли на поверхность земли по водопроводным и канализационным каналам, которые вели в польские районы.

Бойцы Польской рабочей партии образовали вооруженные отряды, которые направились к местам выхода повстанцев; отряды окружили эти улицы, прервали движение, устранили немецкую стражу. Так удалось спасти и отправить в партизанские леса около ста человек.

¹ Мордехай Анелевич (1919–1943) — командир Еврейской боевой организации. Бункер, в котором размещался штаб восстания, находился на улице Мила, 18. Там было около 400 человек, из них — около 100 повстанцев. Немцы обнаружили бункер 8 мая и окружили его. Защитники бункера около двух часов отстреливались, и немцы пустили газ во все пять выходов из него. Большинство повстанцев, в том числе М. Анелевич, А. Вильнер, Е. Фондаминский, покончили с собой или были отравлены. — И. Л.

Далеко не всюду попытки спасти уцелевших повстанцев увенчались успехом.

Гитлеровцы часто пускали в подземные каналы отравляющие газы.

Последние защитники гетто продолжали ожесточенно драться вплоть до июля 1943 года. Борьбу руководили могоикане великого восстания — Юзеф Фарбер и Захарья Аршттайн. Оба они погибли в боях.

[На сороковой день восстания во всем гетто уцелело одно четырехэтажное здание. Здесь сражалась последняя горсточка храбрецов.

Целый день, с утра до вечера, защищалась последняя крепость гетто. На крыше развевались национальные флаги, из окон стреляли последние бойцы.

Немцы, решив захватить последних бойцов гетто живьем, с большим трудом отвоевывали ступеньку за ступенькой, этаж за этажом. К концу дня в живых остались трое повстанцев. Немцы, устав от многочасового боя, поожгли здание.

И тогда на охваченной пламенем крыше показались три человека. Каждый из них был закутан в знамя. Словно движимые единой могучей силой, все трое бросились в огонь. Последние защитники гетто погибли в пламени, окутанные стягами, под которыми они сражались до последнего дыхания.]

На поле чести в бою за свое человеческое и национальное достоинство пали тысячи повстанцев. Небывалые примеры героизма показали еврейские женщины. Пожилая женщина, известная общественная деятельница Рахиль Штейн сражалась на передовых линиях и не покинула своего боевого поста, когда пуля пробила ей плечо. До последнего вздоха смело и самоотверженно сражались бойцы подполья Тося Альтман и Хана Плотницкая¹.

Авангардом и душой восстания была молодежь. Навсегда сохранится в сердце народа память о Луне Розенталь, о Самуиле Браславе², Мирском, Ленте, о сотнях юношей, обращавших в бегство неприятельские отряды и павших смертью славных на поле брани.

В рядах повстанцев сражались плечом к плечу люди физического и умственного труда, вольнодумцы и верующие. Пусть не забудется имя старого писателя Арона Эйнгорна, который отверг предложение бежать и до последней минуты был борцом гетто. В восстании погибли многие варшавские представители еврейско-польской литературы, науки и искусства. [Погибли поэты Израиль Штерн, Юзеф Кирман и Ехиель Лерер, писатели Соломон Гильберт и Шия Перле, публицист Самуил Гиршгорн, скульп-

- 1 Хана Плотницкая (1918–1943) — одна из руководителей левых молодежных сионистских организаций “Хехалудц” и “Дрор”, связанная подполья. Погибла 27 апреля. Ее сестра — Фрума Плотницкая (1914–1943) — одна из руководителей молодежного сионистского движения, связанная еврейского подполья. Посещала гетто в Белостоке, Вильнюсе, городах Полесья и Волыни, налаживала связи, помогала организовать сопротивление. В сентябре 1943 г. была направлена в гетто Бендзина с заданием организовать там сопротивление. Погибла во время восстания в Бендзинском гетто 3 августа 1943 г. — *И. Л.*
- 2 Шмуэль Браслав (1920–1942) — один из создателей подпольной молодежной сионистской организации “Ха-шомер ха-цаир” на оккупированных немцами территориях. Один из создателей Антифашистского блока — первой объединенной подпольной организации сопротивления в Варшавском гетто и Еврейской боевой организации. В восстании не участвовал — он погиб 3 сентября 1942 г. — *И. Л.*

птор Остшега, художники Феликс Фридман, Вайнтрауб, Шливняк, Гершафт и другие. Погибла плеяда известных миру артистов.]

На улицах сражающегося гетто пролилась также кровь поляков, слившись с братской кровью польских евреев. Отдали жизнь за дело свободы поляки Стрелецкий, Ващина, Петр Турский, Вольский, Ковальский и многие другие.

Восстание в Варшавском гетто — самая трагическая и вместе с тем самая прекрасная страница в тысячелетней истории польского еврейства. Это трагическое восстание навеки войдет в историю борьбы свободного человечества против звериных сил фашизма. Вечная память борцам и солдатам Варшавского гетто!

Автор — Б. МАРК

679

Восстание
в Варшавском
гетто

ПАЛАЧИ

РАСОВАЯ ПОЛИТИКА ГИТЛЕРИЗМА И АНТИСЕМИТИЗМ

683

История цивилизованных народов не знает войны более варварской и грабительской, чем та, которую гитлеровцы вели против народов советской страны.

“Расовая политика” гитлеровского государственного механизма с первых же дней своего возникновения была направлена на то, чтобы не только внедрить в сознание немцев их “право” на господство над другими народами, но и практически “натренировать” их для этой цели.

Объектом для такой “тренировки” для начала послужило еврейское население Германии. Здесь для этого была подготовлена почва.

Начиная с последней четверти XIX века наиболее реакционные элементы Германии, как Трейчке, как вильгельмовский придворный проповедник Штеккер и различные юнкерские круги еще до Гитлера, использовали антисемитизм для того, чтобы отвлечь внимание недовольных масс от настоящих виновников их тяжелого положения.

Причиной всех бедствий масс объявлялись евреи, которых в Германии было меньше 1 % населения. Социальные вопросы подменялись вопросами религиозными, расовыми и национальными. Антисемитизм к тому же прикрашивался “социальными” оттенками, выдавался за “настоящий немецкий” и “христианский социализм”. Еще Август Бебель назвал германский антисемитизм “социализмом дураков”.

“Расовая тренировка” немцев с момента прихода гитлеровцев к власти началась с еврейских погромов, с избиений, убийств и грабежа еврейского населения. Погромами руководили гитлеровские штурмовики и насыщенный гитлеровскими кадрами полицейский аппарат.

Еврейское население было поставлено “вне закона”. Евреи изгонялись из государственных, общественных и других учреждений. Евреи были лишены германского гражданства, что было формально закреплено так называемыми Нюрнбергскими законами 1935 года.

Уголовные законы цивилизованных государств обычно предусматривают тяжелые наказания убийцам, грабителям, их вдохновителям и пособникам. Но в Германии с приходом к власти гитлеровцев в школах, в университетах, в книгах, в повседневной печати открыто проповедовалось, что немцам, “высшей расе”, все дозволено, что они свое благосостояние и благополучие могут строить на костях других народов.

Это не был государственный аппарат в общепринятом смысле. Это было орудие в руках политических бандитов, которые, используя силу государства (полицию, чиновничество, армию), направляли эту силу на политический разбой и грабеж, караемые кодексами всех цивилизованных государств.

Гитлер поучал: “Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, то мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов”.

Это было основным в планах гитлеровцев. Еще за несколько лет до начала войны Гитлер, возбуждая грабительские инстинкты на съезде фашистского сброда в Нюрнберге, говорил: “Когда Урал с его неизмеримыми богатствами сырья, неисчислимые леса Сибири и бесконечные поля Украины будут в немецких руках, наш народ будет обеспечен всем необходимым”.

Алчные и самонадеянные немцы в первый год после их нападения на советскую страну думали, что отныне украинская пшеница, украинское сало, донецкий уголь находятся в их руках. Ставленник Гитлера “рейхскомиссар Украины” Эрих Кох писал, что Украина должна “поддержать и обеспечить для немецкого военного командования чрезвычайно большие источники сырья и пищевых продуктов этой страны для того, чтобы Германия и Европа могли вести войну какой угодно продолжительности”.

Гитлеровцы думали, что стравливая советские народы они облегчат себе задачу установления “нового порядка”. В “Зеленой папке” Геринга, которая была директивой для немецких агентов во временно оккупированных советских районах, прямо указывалось, что нужно сеять противоречия и вражду между народами СССР с тем, чтобы ослабить их сопротивление.

Так, например, гитлеровцы пригрели у себя кучку украинских националистов (бандеровцев и других), при помощи которых они поработщали украинский народ, стремились натравливать украинцев на русских и евреев. И в то же время в секретном циркуляре командующего германской армией Кинцингера от 18 июля 1942 года (№ 5771/564/42 — секретно) подчеркивалось: “Украинец был и остается для нас чуждым. Каждое простое доверчивое проявление интереса к украинцам и их культурному существованию действует во вред и ослабляет те существенные черты, которым Германия обязана своей мощью и величием”.

Главари создали систему, при которой выслужиться и подняться вверх по фашистской иерархической лестнице можно было, только напрактиковавшись в убийствах и жестокостях над мирным населением временно оккупированных районов, над безоружными людьми в концентрационных лагерях.

Главари в своих инструкциях постоянно напоминали своим подчиненным о необходимости стравливать национальности.

В соответствии с директивами “Зеленой папки” Геринга немецкий комендант города Борисова сообщал своему начальству: “Стараюсь сеять антагонизм между белорусами и русскими, а их вместе натравить на евреев”.

Везде с приходом немецких армий начинался кровавый кошмар и грабеж, жертвой которых в первую очередь являлись евреи. За армиями шли гестаповцы и “специалисты” по оккупационному режиму.

Создавался особый “аппарат”, который специализировался на грабежах и убийствах евреев. Гитлеровцы угрожали смертью всякому русскому, украинцу, белорусу и так далее, если они укрывали евреев.

Города Львов, Киев, Харьков, Минск, Гомель, Рига, как и другие многочисленные города советской страны, были свидетелями поголовного истребления еврейских трудящихся и их семей.

Чем ближе становилась военная развязка, тем все больше возрастало бешенство гитлеровских извергов. Во всех вассальных государствах (в Италии, Румынии, Венгрии) гитлеровские ставленники ввели “расовое законодательство”. Из всех оккупированных районов евреи свозились в Майданек и Освенцим и там истреблялись.

В декабре 1942 года правительства Бельгии, Великобритании, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, США, СССР, Чехословакии, Югославии и Французского национального комитета в своей декларации указывали, что немецко-фашистские захватчики “проводят в жизнь неоднократно высказанное Гитлером намерение истребить еврейский народ в Европе”.

Правительства вновь подтверждали “свое торжественное обязательство обеспечить совместно со всеми Объединенными Нациями, чтобы лица, ответственные за эти преступления, не избежали заслуженного возмездия”.

Опубликованное вслед за этим сообщение Информбюро Наркоминдела СССР “Об осуществлении гитлеровскими властями плана истребления еврейского населения Европы” (“Известия” от 19 декабря 1942 года) приводит конкретные материалы гитлеровской истребительной политики. Сообщение это, между прочим, указывало:

Подобными зверствами против евреев и всей своей изуверской пропагандой антисемитизма гитлеровцы пытаются отвлечь внимание германского народа от надвигающейся на фашистскую Германию катастрофы, приближение которой становится очевидным. Только обреченные на гибель зарвавшиеся авантюристы из клики Гитлера могли возомнить, что можно потопить в крови многих сотен тысяч ни в чем не повинных евреев свои бесчисленные преступления против народов Европы, ввергнутых в войну ненасытным германским империализмом.

Теперь все это уже в прошлом. Гитлеровские армии разгромлены, гитлеровский разбойничий механизм ликвидирован.

Теперь главные виновники злодеяний, вдохновители и проводники массовых убийств и истязаний осуждены Международным военным трибуналом. Среди них “специалист” по антисемитизму, близкий друг Гитлера и его сподвижник — Юлиус Штрейхер. Это он был главным редактором отвратительнейшей газетки “Дер Штюрмер”, которая, потрафляя мракобесам и садистам, сочетала порнографическое смакование с антисемитизмом. Штрейхер получил звание генерала войск СС, стал гаулейтером Франконии. Впереди него в качестве ответчиков перед Международным военным трибуналом Геринг, Риббентроп, Гесс, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк и другие, которые руководили государственным и военным разбоем.

В освобожденной от немецко-фашистских захватчиков Европе ликвидированы все расовые и национальные дискриминации, в частности в отношении еврейского населения.

Но можно ли сказать, что с ликвидацией гитлеровского политического бандитизма, гитлеровского государства закончена борьба с фашизмом, с его человеконенавистнической “идеологией”, в том числе и с антисемитизмом?

Конечно нет! Это видно из того, как тяжело еще проходит борьба с гитлеровским охвостом в освобожденных странах, с профашистами, которые пока ушли в подполье, но используют всякие возможности для того, чтобы вылезть наружу, снова начать свою изуверскую “работу”.

И в Англии оказалось возможным, чтобы реакционный (консервативный) член парламента — капитан Рамсей (содержавшийся в тюрьме по закону об охране государства с мая 1940 года по сентябрь 1944 года) открыто с трибуны парламента внес предложение, требующее, чтобы английское правительство “снова ввело еврейский статут¹ и привело в жизнь его пункты”.

В Румынии оказавшийся во главе правительства генерал Радеску, борясь против демократических преобразований, пытался в феврале 1945 года вызвать гражданскую войну и с этой целью обрушился с антисемитскими выпадами против отдельных участников демократического фронта.

В освобожденной от немецко-фашистских захватчиков Польше антисемитизм находится в арсенале сторонников бывшего эмигрантского “правительства”, которые в союзе с бывшими гестаповцами пытаются еще и сейчас вызвать национальную рознь. [Еще в августе 1945 года в Кракове бывшие гестаповцы стремились спровоцировать еврейский погром, но были подавлены военной силой и организованной демократической общественностью².]

Борьба против антисемитизма не может поэтому быть успешной без активной борьбы за демократию, за тесный союз демократических элементов всех стран. Чем прочнее и последовательнее будет развиваться демократия, тем вернее будет укрепляться союз и сотрудничество всех наций и рас, тем скорее покончено будет и с антисемитизмом.

Примером является СССР, где, на основании Конституции, покушение на равноправие наций и рас и проповедь, имеющая характер национальной травли, караются по всем строгостям советского уголовного закона.

Автор — академик И. П. ТРАЙНИН

- 1 Еврейский статут был принят в 1275 г.: король пытался изменить образ жизни и род занятий евреев, сильно ограничивая их права. Реально действовал до изгнания евреев из Англии (18 июля 1290 г.). — *И. Л.*
- 2 Самый крупный в послевоенной Польше погром произошел в Кельцах 4 июля 1946 г. (После войны в Кельцы вернулись 200 евреев из 25 тысяч). Во время погрома 42 еврея были убиты, многие ранены. После этого лишь в июле и августе 1946 г. Польшу покинули 52 тысячи еврейских беженцев. — *И. Л.*

ПРИКАЗ ГИММЛЕРА
(Газета «Свободная Германия», №23
от 19.XII.43 г.)

При проведении приказа в армейской группе “Центр” в ноябре 1941 года начальник разведывательного отдела группы выразил настоятельное желание переговорить наедине с моим генералом. По вышеуказанным причинам я принимал участие в переговорах. По поручению фельдмаршала фон Бокка начальник разведывательного отдела сообщил нам следующее: при каждой армейской группе находится высший СС-фюрер. Третьего дня имперский фюрер СС Гиммлер посетил СС-фюрера данной армейской группы и при этом, между прочим, поставил вопрос о том, какое количество евреев ежедневно расстреливается по его приказанию. После того как было названо определенное количество, Гиммлер закричал: “Какое свинство, берите пример с вашего коллеги в армейской группе ‘Норд’, который приказывает расстреливать в пять раз больше, чем вы!”

Майор БЕРНГАРД БЕХЛЕР
Член правления Союза немецких офицеров

ТЕКСТ НЕМЕЦКОГО ДОНЕСЕНИЯ, НАЙДЕННОГО В РАЙОНЕ РОССОШИ СРЕДИ ШТАБНЫХ ДОКУМЕНТОВ 15-ГО НЕМЕЦКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО ПОЛКА¹

ИТОГОВЫЙ ОТЧЕТ

После того как приказ о немедленном марше был отменен, рота получила 27 октября 1942 года приказ: прибыть 28 октября 1942 года в 21.00 в Кобрин. В соответствии с приказом рота прибыла на машинах в Кобрин и оттуда была направлена маршем в Пинск. К западному выходу Пинска рота явилась 29 октября в 04.00.

На состоявшемся 28 октября 1942 года в Пинске у полкового командира совещании было решено, что два батальона, а именно 2-й батальон 15-го полицейского полка и 2-й кавалерийский дивизион, возьмут на себя наружное оцепление, в то время как 10-я рота 15-го полка и 11-я рота 11-го полицейского полка без двух взводов назначаются для прочесывания гетто: 11-я рота 11-го полицейского полка без 1-го взвода, который был освобожден вечером от прочесывания, была назначена на охрану у сборного пункта, охрану отдельных перевозок к месту казни, которое находилось в 4 километрах за Пинском, и на оцепление места казни. Для последнего задания в дальнейшем частично использовались конники. Это мероприятие оправдало себя блестяще, так как при попытке 150 евреев к бегству все были вновь пойманы, хотя некоторым из них удалось уйти на несколько километров.

Оцепление было назначено на 04.30, и оказалось, что благодаря предшествующей личной разведке руководителей и соблюдению тайны оцепление было совершено в кратчайший срок, и уклонение евреев оказалось невозможным. Прочесывание гетто следовало по приказу начать в 06.00 часов, но из-за темноты операция была отодвинута на полчаса. Евреи вскоре начали собираться на проверку. Проверку на месте сбора из-за громадного и неожиданного скопления народа провести не удалось (в первый день прочесывания рассчитывали только на 1–2 тысячи человек). Первое прочесывание закончилось в 17.00 без происшествий. В первый день были казнены около 10 тысяч человек. Ночью рота находилась в боевой готовности в солдатском клубе.

30 октября 1942 года гетто было прочесано во второй раз, 31 октября — в третий раз и 1 ноября — в четвертый. В общем, к месту сбора пригнали

¹ Этот документ, под названием "Доклад капитана Заур о массовом истреблении еврейского населения в городе Пинске", опубликован в сборнике "Документы обвиняют" (с. 34–36) вместе с другими бумагами 3-го батальона 15-го полицейского полка, захваченными в январе 1943 г. См.: *Документы обвиняют...* С. 7–38; *Уничтожение...* С. 258–260. Также см.: ГА РФ, д. 940, лл. 185–187, копия с правкой. — И. Л., И. А.

около 15 тысяч евреев. Больные евреи и оставленные в домах дети подвергались казни тут же, в гетто. В самом гетто казнили около 1200 евреев. Происшествий, за исключением одного, не было: пользуясь тем, что евреям, которые укажут, где они спрятали золото, обещана жизнь, явился один еврей и сообщил, что он спрятал массу золота. С ним послали вахмистра. Еврей все время медлил, просил вахмистра подняться с ним на чердак, тогда вахмистр вернул его в гетто к месту сбора. Здесь еврей отказался сесть, как все другие, на землю. Внезапно он бросился на одного из всадников эскадрона, выхватил у того винтовку [и палку] и начал бить всадника. В завязавшейся борьбе еврея ударили топором по голове, он упал и больше не поднялся.

1 ноября в 17.00 роту назначили на внешнее оцепление, а второй конный отряд отправился к своему месту стоянки. Особых происшествий не было.

2 ноября 1942 года в 08.00 рота была отпущена из Пинска и отправилась маршем к месту своей стоянки. Рота достигла в 13.00 Кобрина, к 17.00 она вернулась на свои опорные пункты¹.

Итоги:

1. Производящие прочесывание отряды обязательно должны иметь с собой топоры и прочий инструмент, так как оказалось, что почти все двери были заперты [или на задвижке] и их можно было открыть только силой.
2. Даже в тех случаях, когда не видно внутренних выходов на чердак, следует предполагать, что на чердаках укрываются люди. Чердаки поэтому следует тщательнейшим образом обыскивать.
3. В домах без подвалов значительное количество лиц прячется в малом пространстве подполья. Такие места следует взламывать снаружи, или направлять туда служебных собак (в Пинске замечательно оправдала себя собака Аста), или забросить туда ручную гранату, после чего оставшиеся в живых евреи немедленно выходят оттуда.
4. Следует твердым предметом ощупать все вокруг домов, так как бесчисленное множество лиц прячется в хорошо замаскированных ямах.
5. Рекомендуется привлекать малолетних к поискам укрытий, обещая им за это жизнь.

Капитан охранной полиции и командир роты ЗАУР

¹ С сентября до 24 ноября 1942 г. 3-м батальоном 15-го полицейского полка были расстреляны 44837 человек, из них 41848 евреев. См.: *Документы обвиняют...* С. 38. — И. Л.

I

Унтер-офицер Петер Майгуарт до войны был цирковым акробатом. Принимал участие в походе на Париж, затем нес гарнизонную службу в Польше. С 22 июня 1941 года находился на Восточном фронте. Его последняя должность: командир 6-го отделения 1-й роты 1-го батальона 536-го полка 384-й дивизии.

Он показывает:

В начале августа 1941 года мы прибыли в город Гадяч Полтавской области. Однажды обер-фельдфебель Хозгребе выстроил нас и сказал: “Господин майор поручил нам ответственную работу. Вы показали себя хорошими солдатами и должны оправдать оказанное вам доверие”. Мы пошли по шоссе Гадяч — Лохвица. В пятистах метрах от города находился лагерь для евреев. Там было человек двести — мужчины и женщины, дети от пяти лет и старики. Напротив лагеря, по правой стороне дороги, была заранее вырыта яма, примерно семь метров длиной и три метра глубиной. Полицейские стали подводить евреев к яме. Я вместе с четырьмя солдатами под руководством Хозгребе принялся за дело. Мы ставили людей лицом к яме; срез стволов винтовок почти прикасался к затылкам евреев. Некоторые женщины вели за руки детей. Сначала мы убивали ребят. Двигалось это медленно, так как мы пропускали всего по шесть человек. Мне пришлось расстрелять среди других молоденькую девушку. Она мне сказала по-немецки: “Как вы можете убивать людей?!” Я ответил: “Приказ” — и выстрелил. Всего в тот день я расстрелял двадцать пять человек, может быть, больше, точно сказать не могу. Другие расстреляли больше.

II

Обер-ефрейтор полевой жандармерии 359-й пехотной дивизии Петер Горича показывает:

В первую очередь мы расстреливали коммунистов и евреев. Женщин и детей мы начали расстреливать с декабря 1941 года. Я принимал участие в очищении Пинска, Прилук и Севска. Перед расстрелом мы раздевали людей и ставили лицом к яме. Обычно такие операции производились рано утром и продолжались не более двух-трех часов. Лично я расстрелял приблизительно сто пятьдесят жителей и двести военнопленных. Помнится, в Пинске я лично расстрелял тридцать

¹ См.: ГА РФ, д. 940, лл. 188–190, копия с правкой. — И. А.

человек — часть из них евреи, остальные коммунисты. Такие расстрелы я считал правильными — для безопасности нашей армии, а нервы у меня крепкие.

III

Ефрейтор 1-й роты 28-го егерского полка 8-й пехотной дивизии Леопольд Бишоф показывает:

Осенью 1941 года часть Барановичей была обнесена колючей проволокой, и всех евреев переселили в гетто. В первых числах марта 1942 года гетто окружили. Всех, кто был в домах, грузили на машины, повезли к складу для трофейного имущества. Там была большая яма — погреб для боеприпасов. Заставили евреев снять с себя теплую одежду, а после этого расстреляли.

IV

Из дневника штабс-ефрейтора 2-го батальона 3-го охранного полка Отто Вергера:

6 сентября 1941 года. Прибыли в Старый Быхов. Полностью разрушен. Расстреляны 250 евреев.

22 октября 1941 года. Один унтер-офицер, приехавший из Киева, рассказал: в Киеве во рву расстреляны 80 тысяч евреев. Говорят, что это сделано по приказу фюрера.

1 января 1942 года. Есть тайный приказ: в оккупированных областях массовым порядком уничтожать евреев. На новый год в Смоленске расстреляны 4 тысячи евреев¹.

Из дневника старшего ефрейтора Иоганна Рихтера 4 батальона 40 пп. П. П. 01797 Е:

6 июля 1941 года. Матула выкопал мертвеца на еврейском кладбище. Гофштетер очищает пальцами череп. Матула кладет его на пень и рубит топором.

Из показаний командира щуцманской роты капитана Залого²

Подготовка расстрелов еврейского населения, безусловно, была заблаговременной. И, как я впоследствии узнал, она заключалась в следующем:

1. Концентрация еврейского населения.
2. Обозначение еврейских квартир (домов).

1 Две тысячи евреев Смоленска были казнены 15–16 июля 1942 г. — И. А.

2 ГА РФ, д. 940, лл. 173–184, копия с правкой. В заголовке обозначен как “немецкий агент”, “активный участник злодеяний немцев в Каменец-Подольске. — И. А.

3. Составление точных списков.
4. Сбор евреев из других населенных пунктов.
5. Выбор дня и места расстрела.

На стенах домов, где проживали евреи, должны были быть написаны ярко видимые шестиконечные заезды.

Место расстрела выбиралось совместными усилиями: начальника СД (главный палач), начальника жандармерии и районшефа. За сколько дней до расстрела выбиралось место, сказать не могу. Судя по выезду начальника жандармерии в Старую Ушицу — за три-четыре дня. В тот же день в Старую Ушицу выезжал и начальник СД, вопрос затем согласовался с окружным комиссаром.

Из личных наблюдений знаю, что перед такими событиями начальник жандармерии очень часто и подолгу бывал у окружного комиссара и начальника СД, что начальник СД чаще обычного заходил к начальнику жандармерии, что велись переговоры с окружным комиссаром и начальником СД по телефону. В таких случаях двери, идущие из нашей комнаты, где находились я и ротные фельдфебели, в общую канцелярию начальника жандармерии тщательно закрывались и на страже становился кто-нибудь из работников канцелярии. Нас жандармы предупреждали, что заходить к начальнику жандармерии сейчас нельзя.

Для расстрела выбиралась всегда суббота. Почему, сказать не могу. На такой вопрос я всегда получал уклончивые ответы.

Первые расстрелы, проводившиеся в Каменец-Подольске в 1941 году и в начале 1942 года, мне неизвестны.

Об одном из самых больших массовых расстрелов еврейского населения мне известно со слов других следующее.

В первые дни оккупации Каменец-Подольска сюда начали свозить евреев из Западной Украины, Бессарабии, Северной Буковины. Впоследствии к ним присоединили большую партию евреев из Чехословакии¹ и здесь же, в Каменце, расстреляли. Цифры расстрелянных назывались разные: восемь-десять-двенадцать тысяч². Входили ли в эту цифру и евреи, жители Каменец-Подольска, — сказать не могу.

Из массовых расстрелов еврейского населения — граждан СССР — в Каменец-Подольске, которые производились в 1942 году, мне лично известны два.

Находясь на службе при жандармерии в Каменец-Подольске на должности командира роты шуцманской службы (полицай), я впервые участвовал со своими подчиненными в массовом расстреле еврейского населения города Старая Ушица и села Студеница в августе-сентябре 1942 года и во второй раз в Каменец-Подольске. Массовый расстрел производился в районе казачьих казарм (учбат) в ноябре 1942 года.

Мне, как командиру роты, накануне расстрела начальник жандармерии лейтенант Райх, через командира 1 роты Крубазика, приказал вызвать шуцманов моей роты примерно в количестве около пятидесяти человек. Одновременно было приказано позвонить командиру взвода в Старую Ушицу и узнать от него, понял ли он приказ, полученный через начальни-

1 Из Венгрии. — И. А.

2 23 августа 1941 г. было казнено 23 тысячи венгерских и советских евреев. — И. А.

ка жандармского поста Старой Ушицы о сборе шуцманского состава его взвода. Командир взвода мне ответил, что он все понял и необходимые распоряжения сделал, согласовав их с начальником жандармского поста вахмистром Кунде, крайсландвиртом¹ и районшефом Старой Ушицы.

[О чем шла речь, он мне по телефону сказать не мог, так же как я не мог его об этом спросить, будучи предупрежден, он — начальником жандармского поста, я — начальником жандармерии.]

Командир роты Крубазик на мой вопрос, что мы будем делать, ответил: “Об этом мы все будем знать завтра”.

На каждую винтовку было приказано взять по десять патронов плюс пулеметную коробку в резерв. Кроме того, были взяты ручной пулемет и три автомата. Выхало жандармов десять-двенадцать, шуцманов около пятидесяти, из роты Крубазика и часть из моей роты. Работники СД и криминальной полиции выехали отдельно от нас.

Приехав в село Грушка, мы застали там шуцманов с участков Зеленые Куриловцы и Привороття в полном сборе.

Лейтенант Райх выехал в Старую Ушицу на легковой машине с тремя жандармами; на второй легковой машине выехали четыре работника СД во главе с начальником СД. Они приказали остальным жандармам и шуцманам лечь спать.

На рассвете, после подъема, все мы выехали на машинах (в два приема) к Старой Ушице. Не доезжая к Старой Ушице один — полтора километра, машины были остановлены, шуцманы построены. Здесь лейтенант Райх объявил цель приезда и задачу — собрать все еврейское население Старой Ушицы и Студеницы, доставить евреев к месту расстрела, недалеко от шоссе-ной дороги.

Место расстрела было согласовано между начальниками СД жандармерии и районшефом заблаговременно, в один из приездов начальника СД и начальника жандармерии в Старую Ушицу.

Все еврейское население Старой Ушицы собрали на площади, оцепленной жандармами и шуцманским составом. Все мужчины, взрослые и дети, кроме грудных, отделялись от женщин здесь же на площади. Всем было приказано сесть на землю и не разговаривать между собой.

Попытки разговаривать прекращались окриком и ударом приклада или палки.

Начальник СД и начальник жандармерии объявили евреям, что они пойдут в Каменец-Подольск.

[В отдельных случаях женщинам разрешали взять одежду на себя и детей, так как после приказа о выходе на площадь многие вышли из квартир, едва накинув платье и босые.]

В процессе сбора еврейского населения в квартирах было выявлено много спрятавшихся. Убежищами служили погреба, заранее приготовленные для этой цели, с запасом продуктов и одежды, и чердаки.

Всех, кого находили, избивали прикладами и палками.

[Был случай, когда спрятавшегося на чердаке еврея выстрелом из винтовки там же убил шуцман.]

1 Крейсландвирт (нем.) — руководитель окружного управления сельского хозяйства.

Больных, стариков и старух, которые не могли идти на площадь, вели или несли на руках родственники, а если родственников не было, то по нашему распоряжению несли другие евреи.

Одну женщину, старуху шестидесяти-семидесяти лет, которая шла очень медленно из комнаты, ударами прикладов в спину выкинули на улицу.

[После выстрелов и названного случая] среди женщин и детей начался плач, раздавались крики отчаяния. Эти крики и плач удалось прекратить лишь с большим трудом, применяя палки и приклады.

Начальник СД и начальник жандармерии, отдав распоряжения, выехали на машинах к месту расстрела. Распоряжения были следующие:

1. Послать в село Студеница Старо-Ушицкого района автомашины для того, чтобы привезти евреев, проживающих там. В село Студеница были отправлены три или четыре автомашины с шуцманским отрядом в пятнадцать-двадцать человек во главе с представителем СД, ранга и фамилии не знаю, и гауптвахтмистром жандармерии Пойкером. К концу расстрела жителей Старой Ушицы они привезли евреев — жителей Студеницы в количестве примерно восьмидесяти-ста человек. Конвой был усилен пограничниками в количестве восьми человек.
2. Организовать охрану всех опустевших еврейских квартир. Организация этой охраны была мною возложена на командира взвода шуцманской службы, который после того, как охрана была организована, прибыл к месту расстрела.
3. Районшефу было отдано распоряжение приготовить обед на пятьдесят-шестьдесят человек шуцманского состава и на жандармов. Обед должен быть готов к двенадцати часам.

Конвой колонны был организован так: впереди шли два жандарма шагах в пятидесяти от первого ряда колонны евреев, по бокам по тридцать — тридцать пять человек шуцманов (в трех-четырёх шагах от колонны сбоку), задачей замыкающих было подгонять всех отстающих. Это выполнялось при помощи окриков, ударов прикладами или палок, предусмотрительно захваченных еще в Старой Ушице. Сзади за подводами шел я с одним жандармом, вахмистр-радист и один шуцман.

Весь путь по городу Старая Ушица, от площади до окраины, прошел более или менее спокойно, без всяких инцидентов. Но как только колонна прошла окраину, поднялся вначале тихий, потом все возраставший плач детей, а затем и женщин, [почти не прекращавшийся на протяжении всего пути следования.] Несмотря на все меры для восстановления тишины, на пинки, удары прикладами, угрозы немедленного расстрела, — плач и крики прекращались только на некоторое время, чтобы возникнуть с новой силой. Женщины и старики шептали молитвы, некоторые тихо перешептывались. Некоторые бросали узелки с вещами на дорогу, но шуцманы подбирали их тут же и швыряли на подводу. Ложные успокоительные сведения о том, что евреев ведут будто бы в Каменец-Подольск, мы неоднократно повторяли на всем пути следования.

Пройдя километр — полтора от Старой Ушицы, я увидел стоящие на дороге легковые машины. Как я впоследствии узнал — это приехал окружной

комиссар Райндль со своими работниками. С ними разговаривали начальник СД и начальник жандармерии.

Когда колонна почти поравнялась с машинами и впереди идущий жандарм отдал рапорт окружному комиссару, начальник СД рукой указал дальнейшее направление колонны, то есть указал направление к яме, куда вся колонна и свернула.

В этот момент, когда колонна свернула к яме, поднялся всеобщий крик. Никакие окрики, удары прикладами, пинки ногами не могли остановить криков. Пронзительные высокие крики женщин переплетались с детским плачем и просьбами детей взять их на руки. Крики то затихали, то с возрастающей силой подымались вновь. [Так продолжалось до места расстрела, на пути протяжением ста-двухсот метров, до вырытой ямы.]

Яма была размером примерно 12 × 6 метров и глубиной около полутора метров. С одной стороны яма имела спуск шириной примерно около двух метров, с уклоном ко дну. Обреченные на смерть шли по этому спуску.

Тут евреи, увидев, что обещанная отправка в Каменец-Подольск — обман, начали выбрасывать портсигары, кольца, серьги, рвали документы, фотокарточки, письма, бумаги с записями и так далее.

В случае побега еврея не разрешалось вести стрельбу внутри круга оцепления. Приказано было, выпустив бежавшего за линию оцепления, повернуться к нему лицом и тогда только вести огонь. Для того чтобы дать возможность вести огонь и от ямы, два человека, ближайšie к убегающему, должны были разбежаться в стороны, освободив таким образом сектор обстрела.

Второе кольцо оцепления, внутреннее, было организовано непосредственно вокруг евреев, которых для этого заставили сжаться до последней возможности в одну группу. Выдерживался, однако, прежний порядок, то есть мужчины стояли впереди, женщины сзади. Это кольцо замыкалось у ямы, в которой находился палач с автоматом.

Процесс расстрела слагался из следующих, если так можно выразиться, элементов.

В пятнадцати-двадцати метрах от ямы, как я уже говорил выше, плотной массой стояли обреченные на смерть. Всех, в том числе женщин и детей, раздевали догола и по пять человек, подгоняя ударами, направляли к яме.

Возле ямы стояли тоже несколько жандармов, которые в свою очередь ударами палок или прикладов загоняли людей в яму к палачу. Палач по имени Пауль, фамилии не знаю, изрядно выпивший шнапса, приказывал жертвам ложиться лицом вниз и выстрелом в затылок в упор умерщвлял жертву. Следующая пятерка ложилась головами на трупы своих братьев и таким же образом убивалась, получив в голову, как говорили немцы, — “одно зерно кофе”. Вверху над ямой стоял “счетчик” — работник криминальной полиции — и крестиком (это был условный знак) отмечал “пятерки”.

Должен сказать правду, что были нередки случаи, когда вместо пяти человек семья, состоявшая из шести-восьми человек, несмотря ни на какие приказы, до полусмерти избитая, все же в яму шла вместе, крестик же ставился такой же, как и для пяти человек.

Недалеке от ямы стояли: начальник жандармерии лейтенант Райх, начальник СД, фамилии не знаю, комиссар Райндль и отдавали в ходе расстре-

ла те или иные распоряжения. Они поощряли подчиненных, иногда смеялись удачным ударами, которые в большом количестве сыпались на головы и спины и без того обезумевших евреев, или с каменным выражением на лицах молча наблюдали картину истребления. Иногда, отвернувшись от ямы, засунув руки в карманы, они тихо о чем-то разговаривали. Райндль, пробыв у ямы около двух часов, пожав руки руководителям, отсалютовав рукой остальным, улыбнулся, сел в автомашину и поехал в Каменец-Подольск.

Расстрел продолжался.

Картина не была бы полной, если бы не рассказать подробнее о том состоянии, в котором находились обреченные на смерть.

После первых выстрелов палача вся масса на несколько минут притихла и, поняв ужас своего положения, на разные голоса подняла такой крик, от которого переставало биться сердце и стыла в жилах кровь.

Несли угрозы о возмездии, проклятья. Старые призывали Бога и просили его отомстить.

Мужчины под ударами прикладов и палок на пути следования к яме и в самой яме выкрикивали: “Да здравствует вождь всех народов Сталин!”, “Да здравствует родина всех народов — Советский Союз!” Были также выкрики [и против немцев]: “Смерть одноглазому волку — Адольфу”.

Среди стариков и женщин некоторые обезумели. Эти люди с широко открытыми, обезумевшими глазами, не обращая внимания на удары, медленно, с опущенными руками шли вперед, спотыкались, падали, снова поднимались и, дойдя до палача, останавливались, застывали, не произнося ни слова, не делая ни единого движения. Только сильный толчок автомата или удар ноги палача бросал такую жертву на дно ямы.

Маленьких детей, насильно оторванных от матерей, жандармы бросали в яму. Один ребенок трех-четырёх лет, скинув с себя всю одежду, подошел к яме сам. Жандарм схватил его за руку и, предупредив палача, бросил ребенка в яму. Палач выстрелил в то время, когда ребенок еще находился в воздухе. Многие женщины, желая прикрыть свою наготу, не снимали рубашек. С них срывали рубашки и избивали. Особенно досталось некоторым молодым женщинам и девушкам. Они заплели одному из работников СД и нескольким жандармам глаза и лицо. Их били по лицу, груди и носками сапог в половые органы.

Чулки или носки на ногах у женщин и детей срывали при помощи дула винтовки или палки.

Многие женщины молили о сохранении жизни маленьким детям.

Многие разрывали на себе одежду, рвали волосы, кусали руки.

Некоторые мужчины пытались бежать. Мужчина средних лет, совершенно уже голый, пустился бежать к кустарнику, находившемуся северо-западнее от места расстрела, причем бежал зигзагами. Он пробежал метров семьдесят-сто за второе кольцо оцепления и был убит стрельбой из автоматов и винтовок.

Второй мужчина, скинув верхнюю одежду и обувь, пустился бежать примерно в том же направлении, но не успел проскочить второго кольца оцепления и также был убит.

Во время массового расстрела в Каменец-Подольске в ноябре 1942 года я наблюдал такой же случай — бежавший тоже был убит.

Среди женщин попыток бежать не было. Во время раздевания обреченные на смерть евреи разрезали на куски хорошую обувь и одежду, в землю прятали ценности. Но за этим зорко следили опытные работники СД и тут же пресекали попытки уничтожить ценности. Прикрытые землей или травой ценности передавались специальному “сборщику” — одному из работников СД.

Семьи, родственники, даже знакомые, прощаясь, жали друг другу руки, целовались. Иногда люди, слившись в прощальном поцелуе, простаивали под градом ударов несколько секунд. Отдельные семьи, тесно прижавшись друг к другу, неся детей на руках, шли в яму.

К концу расстрела, когда дно ямы было уже заполнено, палач, став в проходе, приказывал жертве бежать по трупам и расстреливал ее на ходу. Если выстрел был неудачный и человек еще оставался жив, то сверху выстрелами из винтовок и из пистолетов жертву добивали.

Были случаи, когда по истечении десяти-пятнадцати минут расстрелянный еще шевелился под трупами своих собратьев.

Под руководством работника СД шуцманы начали перетряхивать и просматривать одежду и обувь расстрелянных. Одежда просматривалась особенно тщательно. Это делалось потому, что в складках одежды, под подкладкой, в поясах брюк могли быть ценности.

Все ценности укладывались в мешок, который находился у работника СД. Туда же укладывались зажигалки, перочинные ножи, кожаные портфели, портсигары, бумажники.

Новые вещи: платья, платки, сапоги, ботинки, пальто и еще недошитый материал разбирали участники экзекуции, иногда вырывая добро друг у друга из рук и бранясь.

Таким образом в этот день были расстреляны около четырехсот граждан Советского Союза — мужчин и женщин всех возрастов, а также и детей. Это продолжалось примерно около четырех часов (от семи-восьми до одиннадцати-двенадцати часов дня).

Второй массовый расстрел еврейского населения в г. Каменец-Подольске, о котором я также знаю, так как участвовал и в этом расстреле со своими подчиненными во втором кольце оцепления, был примерно в конце ноября или декабре 1942 года.

В это время в гетто, в районе улиц Свято-Юрской и Зеленой, находились около четырех тысяч восьмисот евреев, в подавляющем большинстве — специалисты разных профессий, в том числе и медицинские работники.

Об этом расстреле мне стало известно от начальника жандармерии лейтенанта Райха накануне утром. Через командира первой шуцманской роты вахмистра Крубазик, Райх приказал мне вызвать к вечеру из участков состав второй шуцманской роты, которой я командовал. Процесс этого массового убийства был таким же, как и в Старой Ушице, и разнился только в некоторых деталях, о которых я расскажу ниже.

Как только было расставлено оцепление (через пять-десять минут после приезда Райха), подъехали три грузовые машины с евреями из гетто. Машины были сверху закрыты брезентом, и из них в сопровождении жандармов, работников СД вышли около пятидесяти-шестидесяти евреев. Они были направлены к месту казни, где им приказано было раздеться. Рас-

стрел продолжался до 17.00–18.00, то есть около двенадцати часов. Евреев привозили группами в сорок-шестьдесят человек.

Как я впоследствии узнал, по всему городу, в парках, скверах, на стадионе, на базарной площади, в близлежащих к месту расстрела селах проводили занятия солдаты из состава гарнизона Каменец-Подольска. Занятия производились небольшими группами, до взвода. В этот период немецкий гарнизон в Каменец-Подольске состоял из двух-трех тысяч солдат молодого возраста. Они проходили подготовку и впоследствии уехали на фронт.

Люди, рывшие ямы, были отведены за казармы.

Здесь “работали” два палача от СД попеременно, когда один из них устал, он шел отдыхать, залезал в машину, где были уже заранее приготовлены закуска и водка. Его место занимал другой. Так они и менялись во все время расстрела. Водкой подкрепляли свои силы не только палачи. Время от времени к машинам направлялись жандармы, гестаповцы, влезали в кузов, съедали бутерброд, пили водку, закуривали и возвращались к месту казни.

Случаев побега, как я говорил выше, был только один. Мужчина средних лет, пробежав за второе кольцо оцепления метров семьдесят-сто, был на ходу расстрелян.

Из разговоров я узнал, что ночью накануне дня расстрела убежали из гетто около пятисот человек.

О готовящемся расстреле евреи знали, по-видимому, накануне. Впоследствии было обнаружено в скрытых убежищах свыше двухсот человек. Эта часть евреев также через некоторый отрезок времени была расстреляна. Когда и где — мне неизвестно.

Сколько человек из числа убежавших было поймано, я также не знаю. На протяжении 1943 года в жандармерию доставили примерно шесть-восемь евреев. Одного из них, агронома Гартмана, я видел. Его привели летом 1943 года из села Лянцкорунь Чемеровецкого района, где его прятала на чердаке местная крестьянка. Фамилии не помню. По распоряжению капитана Отто он был передан в СД.

Вещи и ценности, как и в первом случае, были забраны: ценности в СД, а новые вещи — участникам экзекуции.

В этот раз было уничтожено около четырех тысяч граждан Советского Союза — стариков и старух, больных и инвалидов, мужчин и женщин, специалистов, малолетних детей, даже грудных.

В этом же числе были расстреляны, не ручаюсь за точность, так как я четыре раза выезжал за город, около двадцати-тридцати русских из тюрьмы: их привозили на грузовой машине и вместе с евреями, партиями в шесть-восемь человек расстреляли.

[г. Каменец-Подольский, 25.5.44 г.]

Из дневника захваченного в плен
оберефрейтора [513-го резервного батальона
полка «Люблин» дивизии «ГГ»]
Карла Иоганнеса Дрекселя¹

699

Палачи

1.4.1942 года. Произведен в старшие ефрейторы.

25.9.1942 года. Направлен во вторую роту 513-го резервного батальона в Холм и помещен в казармы для военной подготовки.

С 15.10 по 30.10.1942 года. Отпуск.

1.11.1942 года. Кампания против евреев. Расстреляны десять тысяч евреев — от глубокого старика до крохотного ребенка. Все свалены на повозки и доставлены к массовым могилам. Вид жуткий.

3.11.1942 года. Облавы на евреев. Ежедневно уничтожают от трех до четырех тысяч евреев. Колоннами их гонят в последний путь. С заплаканными глазами они уходят в тот мир. Отставать — значит укоротить жизнь. Умерщвляют их газом и током высокого напряжения. От сыпного тифа и от кровавого поноса погибли девяносто тысяч русских. Обхватив колючей проволокой, их таскали через болото.

Утро 6.11.1942 года. Три с половиной тысячи евреев. В жилые кварталы бросали связки гранат. Днем и ночью. Пять евреев. Душераздирающее и расслабляющее переживание. Холодная ночь.

8.11.1942 года. Поставлены вне закона мать с ребенком на руках, убиты ударом приклада.

12.11.1942 года. Был в гетто, а потом на массовых могилах. Ограбление живых и мертвых. Четыре дня подряд нечеловеческое обращение с евреями. Давали нюхать уксус. Женщин, которые только что разрешились от бремени, детей и стариков принуждали становиться на колени, еле живых, похожих на скелеты, вытаскивали и стреляли в них без разбора. В самых жестоких страданиях, какие еще не знало человечество, погибали люди. Дома опустошены. Трупы в течение шести дней лежали в домах. Раздеты как мужчины, так и женщины. Они производят жуткое впечатление. [Несмотря на все это, я проникаю, крадучись, в дома. Я ишу тех, которых я бы хотел выстрелом избавить от мучений.] Ни один солдат не заходит в это гетто. Двери и окна трещат.

20.11.1942 года. Сорок евреев выгнали из укрытий. Девушек не нашли.

4.12.1942 года. Кругом лежат мертвые. Старые дома сносятся. Вспыхнула эпидемия кровавого поноса и сыпного тифа.

10.12.1942 года. Партизан стрелял в нашего командира роты.

12.5.1943 года. Отправляемся на борьбу с партизанами.

4.6.1943 года. Борьба с бандитами в Замошье. Троицу провели в походе.

[12.3.1943 года. Направлен в качестве охраны в Люблин.

11.12.1943 года. В опорном пункте Уланов.

16.1.1944 года. В опорном пункте Краснихин.]

В прошлом году, перед тем как я попал в плен (в ноябре 1942 года), я был свидетелем страшного зверства, совершенного в одной большой деревне около Холма.

Одним эсэсовским подразделением жестоко были убиты около трехсот человек — мужчин, женщин и детей, в большинстве евреев. Маленькими группками мужчины становились в один ряд перед ямой, которую они сами для себя рыли. Они уничтожались пулеметным огнем. Та же участь постигала и других. Кругом стоял страшный стон и крик, так как не каждый был смертельно задет пулеметной очередью. Эти тяжело раненные также были засыпаны землей, причем из эсэсовцев особенно отличался как убийца фельдфебель Йозеф Шмидт из Фрейбурга. Если кто-нибудь из мужчин или женщин пытался бежать, то за ними гнались и подстреливали их, как зайцев. Маленьких детей хватили за ножки и ударяли головой о стену.

Одна молодая девушка спряталась в сарае за балкой. Когда эсэсовцы ее там нашли, один из них влез туда, а остальные встали в кружок внизу с поднятыми штыками. Девушку кололи штыком наверху до тех пор, пока она не вынуждена была прыгнуть вниз. Ее буквально пронзили штыками. Когда я спросил ответственного эсэсовского лейтенанта Карла Дер (из Людвигсгафена около Мангейма), почему делают такие жуткие вещи, он ответил: “Мы выбросили евреев из Германии, а теперь мы должны уничтожить их и здесь”. Под конец согнали весь скот из деревни и угнали его, а деревню сожгли до единого дома.

*[Христиан Фарбер, ефрейтор, сапожник,
3-я рота 347-й пех. полк (Швицинген около Мангейма)]*

**Выписка из протокола опроса военнопленного
оберефрейтора Эрика Гайбаума [из I-й роты I73-го
пехотного полка 87-й пехотной дивизии]²**

...В апреле 1942 года я прибыл в город Львов и работал там шофером. Моя машина обслуживала железнодорожное управление города Львова.

В мае-июне 1942 года во всех фашистских газетах Львова появились статьи, призывающие истребить оставшихся во Львове шестьдесят тысяч евреев. К тому времени девяносто тысяч евреев уже были увезены и расстреляны.

В июне был получен приказ истребить остатки еврейского населения. Сначала часть города выделили для гетто. Его огородили колючей проволокой и туда согнали всех евреев. Затем в лесочке, возле железнодорожной станции, был построен лагерь, куда водили из гетто большими партиями по тысяче человек на расстрел. Вначале из гетто в этот лагерь обреченных водили днем. Но так как это вызвало возмущение со стороны остального населения, а также со стороны некоторых солдат и офицеров армии, на рас-

1 ГА РФ, д. 940, л. 221. — И. А.

2 ГА РФ, д. 940, лл. 193–194. — И. А.

стрел начали водить по ночам. Тех, кто не мог ходить, больных, стариков, детей, сваливали на железнодорожные платформы и отвозили в лагерь. Ночью всех их расстреливали из пулеметов.

Многие из обреченных прятались в расположении гетто и не хотели выходить. Тогда эсэсовцы оцепили гетто и подожгли его. Я видел это. Видел, как люди выбегали из горящих домов, бросались в окна. Все они расстреливались эсэсовцами из автоматов. Вся улица в триста метров длиной была завалена трупами. Мертвые лежали штабелями, один на другом.

Когда я увидел, как из окна горящего дома выпрыгнула молодая мать с маленьким ребенком на руках и как в нее начали стрелять, — я отвернулся: мне стало жутко, и я решил уйти домой.

После этого в городе несколько дней чувствовался запах сожженных трупов.

Кроме того, я видел, как истребляли мирных жителей с помощью газов. Я возил телефонистов к одному маленькому полустанку, расположенному в двенадцати километрах от города Рава-Русская. На этой станции в лесочке был выстроен подземный барак. Однажды, когда я был на полустанке, привезли партию евреев. Вагоны были закрыты, и люди, простирая руки в окна, умоляли подать им воды, но к ним никого не допускали. Вечером этих людей погнали в лесок. Всех посторонних загнали в помещение станции. Лес был окружен отрядами СД.

Там этих людей, без различия пола и возраста, мужчин, женщин, стариков и детей, раздевали догола и загоняли в подземный барак. Через три четверти часа туда гнали мужчин другой партии, чтобы они вынесли трупы. Затем загоняли в барак следующую партию. Каждый вечер таким образом истребляли по триста человек.

Эту картину я наблюдал в течение восьми дней. О том, что там душили газами, мне рассказывал эсэсовец Карл Горст из Саксонии. Он участвовал в этом. Руководил экзекуциями штурмбанфюрер Гербст из города Бреслау.

**Из показаний военнопленного ротенфюрера
[54-го саперного батальона танковой
гренадерской дивизии СС «Нидерланд»]
Генриха Михаэля Венкриха
[о зверствах немецко-фашистских захватчиков
на Украине (с 6 декабря 1941 года
по 18 марта 1942 года)]¹**

В то время я служил в румынской армии, в жандармерии. Мы были приданы группе, состоявшей из роты полевой полиции и отряда по наведению порядка.

Нас направили в оккупированный район от Рыбницы на Днестре до Голты на Буге. Там до нас находились части, которые отправлялись на отдых, и мы должны были их сменить. Взвод под командованием лейтенанта был размещен в местечке Круты. Район действий взвода распространялся

¹ ГА РФ, д. 940, лл. 227–228, копия с правкой. Опущен последний абзац о казни евреев Одессы румынами и издевательствах там над девушками (л. 228). — И. А.

на населенные пункты: Семеновка, Мойна, Лабушна, Францюшка, Кодыма, Александровка и другие.

Во всех этих местах еврейское население, включая женщин и детей, было выселено из своих квартир и помещено в бараки без окон и дверей. Все имущество у евреев было отобрано. Их не снабжали продовольствием, они голодали, и многие умирали от голода.

От военных властей прибыл приказ отправить евреев пешком в другой район под строжайшей охраной. Стояли сильные морозы, а все теплые вещи и даже обувь у них отняли, большинство шли босиком.

Всего их было триста пятьдесят человек. Командовал конвоем румынский капрал Гаврила. Он хвастался тем, что замучит триста человек, после чего он сможет перейти на другую работу.

Матери шли по дороге, неся на руках детей. Когда они совсем выбивались из сил и не могли идти дальше, Гаврила их расстреливал. То же он делал со стариками и слабыми. На ночь евреев запирали в сараи. Как правило, наутро мы находили тридцать-сорок обмороженных людей. Они тут же расстреливались. Когда эшелон прибыл в Бирзули, в нем находилась едва ли не половина первоначального состава.

Так как на улицах деревень валялось много трупов, начался сыпной тиф. Был получен приказ не оставлять трупы на улицах, а зарывать их. Согнали русское население, которому было приказано рыть ямы, каждую на сто человек. В эти ямы сваливали расстрелянных евреев, причем часто вместе с мертвыми закапывались и живые люди. Одна из таких могил находится на дороге из деревни Круты в Будаи. Другая из известных мне могил находится у Кодымы...

Лично я расстрелял по приказу командира взвода одну женщину пятидесяти-шестидесяти лет. Причины расстрела мне были неизвестны.

Как мне известно, в районе действий нашего отряда из евреев не уцелел никто. Одни были расстреляны по месту жительства, другие в лагерях.

Из показаний Вольфганга Янико
[I/3-й роты 368-го пехотного полка I22-й пехотной
дивизии (графический чертежник, город Лейпциг)
Кобургерштрассе, 9I]¹

Когда я стоял вместе со штабом 281 охранной дивизии в июле месяце 1941 года в городе Резекне (Латвия), я был свидетелем расстрела евреев. В городе было приблизительно семь тысяч евреев, их всех арестовали и систематически "ликвидировали" (ежедневно приблизительно триста человек).

Однажды я был свидетелем такой экзекуции. И то, что я там увидел, было ужасно. Место, где совершали это зверство, было недалеко за городом. Там выкопали большую, очень длинную и глубокую канаву. Латвийские вспомогательные войска под немецкой командой приказали тридцати — тридцати пяти бедным жертвам стать на край канавы (там были все

возрасты, от детей и до стариков). Слышен был приказ: “Огонь!”, и первые жертвы упали в канаву (выстрел в затылок).

Следующие укладывали слоями и посыпали хлорной известью трупы несчастных, а потом они сами подходили к краю канавы для расстрела. Одни из наших товарищей даже сделал фотоснимок, но это видели другие, и с тех пор войскам было запрещено наблюдать экзекуции.

Это переживание оставило у нас несказанное впечатление, которое до сих пор не изглаживается никакими другими картинами войны. В то время командиром дивизии был генерал-лейтенант Байер. Надо еще напомнить, что у жертвы отбирали все ценные вещи и конфисковали их, прежде чем их выводили из тюрьмы к месту казни. Этот расстрел евреев был в Резекне (теперь Розиттен). Фамилия коменданта экзекуции мне неизвестна.

(Подпись.)

Вольфганг Янико написал и подписал в моем присутствии это сообщение после разговора с ним.

Перевод Штерн

Инструктор лагеря № 27 Фабри Э. С.

14.4.43 г.

**Из протокола опроса военнопленного
ефрейтора Альберта Эндера [из 14-й роты 195-го штур-
мового полка 78-й штурмовой дивизии]¹**

Я знаю, что немецкая армия совершила на русской земле ряд преступлений.

В Кировограде осенью 1941 года все евреи получили приказ взять с собой однодневный паек и явиться к областному комиссару. Когда они собрались, их отвели к противотанковым рвам и расстреляли. Тут были, впрочем, не только евреи, но и русские. Говорят, что число убитых — около тридцати пяти тысяч человек. Многих вешали с надписью “вор”. Таких я видел сам. Иногда вешали шесть, восемь, десять человек сразу, и это было очень часто. Все это делалось руками СС.

Такая же картина наблюдалась в Днепропетровске.

В Умани я жил у одной еврейки. Утром в четыре часа пришли эсэсовцы, забрали ее и сказали мне, что ее ликвидируют. Больше она не вернулась.

В Краснодаре и Тихорецке летом 1942 года я видел плакаты, в которых объявлялось о том, что евреи, не явившиеся к областному комиссару, будут немедленно расстреляны. Гражданское население иногда спрашивало у нас, за что уничтожают евреев. Рядовые солдаты могли только в ответ разводять руками.

2637.

24 сентября 1944 г.

Ф. № 1, д. 35, л. 4

1. Фамилия, имя ... Вильгельм Зудбрак.
2. Год рождения ... 1905 год.
3. Место рождения ... г. Айкель, округ Ванне-Айкель (Вестфалия).
4. Национальность ... немец.
5. Образование ... высшее.
6. Партийность ... беспартийный.
7. Принадлежность ... солдат 15-й роты 195-го штурмового полка 78-й штурмовой дивизии, добровольно сдался в плен.
8. Время и место пленения ... 24.6.44 года в районе Брюховцы.
9. Семейное положение ... женат.

Предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний по ст. ст. 92 и 95 УК РСФСР.

(Подпись.)

Показал:

С начала германско-советской войны до мая 1943 года я служил в управлении лагеря для русских военнопленных (Шталаг), находившемся на территории Украины. Через этот лагерь пропускалось от тысячи до пяти тысяч пленных.

Из нашего лагеря, так же как и из других лагерей, например, из Славутского лагеря, пленные политработники и евреи передавались частям "полицай СС". Формально "полицай СС" брала комиссаров и евреев под свою охрану, а на самом деле этих людей уничтожали. Об этом знали все наши люди, хотя это делалось под большим секретом и никто не имел права разглашать факты уничтожения пленных. Переводчика нашего лагеря зондерфюрера Фастля, сообщившего мне по телефону об убийстве эсэсовцами семнадцати евреев, немедленно куда-то убрали. Ходил слух о том, что он арестован.

В Ковельском лагере для русских военнопленных зимой 1941/42 года помещалось двенадцать-тринадцать тысяч русских военнопленных. В результате того, что пленных гнали в лагерь пешком по несколько сот километров, в результате того, что их очень плохо кормили, в результате антисанитарии пленные, поступавшие в лагерь, массами умирали от истощения и тифа. Начальником лагеря был тогда майор Отто. Такое же положение было во Владимиро-Волынском (офицерском) и других лагерях. Об этих фактах я узнал, так как сталкивался с продовольственными документами лагерей. Я не знаю ни одного случая, когда бы хоть один виновник массовой гибели военнопленных был привлечен гитлеровским правительством к ответственности.

В сентябре 1941 года в городе Ровно в течение одного дня было уничтожено до восемнадцати тысяч евреев². Об этом я слышал от многих наших офицеров. В Ковеле с евреями было сделано летом 1942 года то же самое. Об этом также знали очень многие.

¹ ГА РФ, ф. 1014, оп. 1, д. 940, лл. 225–226. — И. А.

² Акция в Ровно проходила в ноябре. 6–8 ноября 1941 г. там были уничтожены 21–23 тысячи евреев. См.: *Уничтожение...* С. 13. — И. Л.

Все эти дела не являются результатом злой воли отдельных лиц — начальников лагерей и так далее. Это планомерное истребление людей проводилось гитлеровским правительством. Вот один факт, подтверждающий это: когда ковельский областной комиссар затянул в 1942 году выполнение приказа об уничтожении евреев, его отозвали в Берлин, судили и, как нам сказали, казнили¹.

Фонд № 1, д. 35, л. 38

- 1 Факт недостоверен. За отказ участвовать в уничтожении евреев не был предан суду ни один гитлеровец. — И. А.

Судьба «Черной книги» уникальна.

Рукописи дважды было суждено исполнить роль вещественного доказательства. Переданная представителям советского обвинения на Нюрнбергском процессе, «Черная книга» была озвучена одним из ее авторов Авраамом Суцкевером — поэтом, бывшим узником Виленского гетто. А уже летом 1952 года в Москве, на закрытом процессе по делу Еврейского антифашистского комитета в СССР (ЕАК), тот же текст лег в основу обвинений в «буржуазном национализме» и работе ЕАК на иностранную разведку.

К счастью, изъятые следователями материалы «Черной книги» сохранились. В конце 80-х годов я работал в архиве, который сейчас называется Государственным архивом Российской Федерации (ГА РФ). Тогда стали открываться фонды, находившиеся на секретном или полусекретном хранении. Мне в руки попала опись дел ЕАК. Один из ее разделов назывался «Черная книга». Эта коллекция поступила из КГБ СССР после реабилитации осужденных по «делу ЕАК» в 1955 году. Она составляет 27 томов, 6211 листов. Дела были сформированы (явно в интересах следствия) по алфавиту авторов очерков, статей и свидетельств. В 1991 году нашлась — и была передана Ирине Ильиничне Эренбург — последняя верстка книги, утвержденная в печать летом 1947 года.

«Черная книга» должна была стать первым совместным советско-американским документальным изданием о Второй мировой войне¹. Осенью 1941 года был зарегистрирован Американский комитет еврейских писателей, ученых и художников с филиалами во всех крупных городах США. Эта организация во главе с Альбертом Эйнштейном стала инициатором подготовки «Черной книги». Его партнером в СССР стал ЕАК (создан в феврале 1942 года) — наряду с четырьмя другими антифашистскими (всеславянским, советских женщин, советской молодежи, советских ученых) комите-

1 В последнюю четверть века появилось немало публикаций о «Черной книге». См., например: Кермиш Иосеф *Из истории рукописи «Черной книги» / Черная книга*. Иерусалим, 1980, с. xv-xxi; Альтман Илья *Жизнь и судьба «Черной книги»* // Горизонт, 1989, № 10; Дувсон Владимир *Рукописи не горят* // Вестник еврейской советской культуры, 13.09.1989; Альтман Илья *Жизнь и судьба «Черной книги»* // Литературная газета, 16 мая 1990 г.; ALTMAN ILYA *Toward the History of the Black Book* / In: *Yad Vashem Studies*, v. XXI. Jerusalem 1992, P. 221-249; ALTSHULER MORDECHAI AND SIMA YICIKI *Where there are Two Black Books about the Holocaust in the Soviet Union?* // *Jews and Jewish topics in the Soviet Union and Eastern Europe* 1992, № 1 (17), P. 37-55; Костырченко Геннадий *Тайная политика Сталина*. М.: Международные отношения, 2002. С. 465-469; Фрезинский Борис *Об Илье Эренбурге. Книги. Люди. Страны*. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 236-255. О региональных аспектах этого издания см.: Цейтлин Евсей *«Черная книга» в Литве (документы, факты, гипотезы)* / В кн.: *Atminties dienos*. Вильнюс, 1995. С. 223-244.

тами. Он действовал при Совинформбюро, которым руководил секретарь ЦК Александр Щербаков. Деятельность ЕАК курировал Соломон Лозовский — замначальника Совинформбюро, заместитель наркома иностранных дел СССР и будущий главный обвиняемый на процессе 1952 года. Председателем комитета стал народный артист СССР, художественный руководитель московского Государственного еврейского театра, актер Соломон Михоэлс.

Поэт Ицик Фефер, один из руководителей ЕАК, заявил на процессе 1952 года: “Еврейский Антифашистский комитет с первых дней повел счет жертв... Потом это легло в основу создания ‘Черной книги’”.

Идея “Черной книги” как обличающего фашизм сборника документов возникла после совместной декларации союзных держав о преступлениях нацистов против евреев (в СССР опубликована 18 декабря 1942 года). Альберт Эйнштейн вместе с еврейским писателем Шоломом Ашем и журналистом Бенционом Гольдбергом, зятем Шолом-Алейхема, обратились в конце 1942 года в ЕАК с предложением начать совместный проект “Еврейская ‘Черная книга’”.

Документальный сборник об уничтожении евреев Европы, включавший представленные Москвой материалы, предполагалось издать на английском языке. (Название сборника, возможно, переключается с “Белой книгой”, изданной британским правительством в мае 1939 года и предполагавшей ограничение еврейской эмиграции в Палестину. А в середине 1942 года в США вышла “‘Черная книга’ Польши”.)

Американцам пришлось ждать ответа более полугода. Сталинская пропаганда нередко замалчивала факты уничтожения евреев, предпочитая говорить о “мирном советском населении”: учитывалась как нацистская пропаганда, кричавшая о “жидо-большевизме”, так и рост антисемитизма в самом СССР. В то же время необходимость моральной и финансовой поддержки со стороны зарубежных еврейских организаций вынуждала советское правительство не препятствовать сбору и передаче Западу материалов о подвигах евреев на фронте и в тылу, сведений об их уничтожении нацистами.

Лишь в апреле 1943 года, получив приглашение на конференцию по подготовке “Черной книги”, руководство ЕАК решилось сделать официальный запрос на имя секретаря ЦК Александра Щербакова, что предполагало решение вопроса на самом высоком уровне. Указав, что Советский Союз — “единственная страна, которая собирала конкретные данные обо всех погромах фашистов против евреев”, авторы письма пересказали предложение американцев:

Необходимо, чтобы эти факты были известны государству Соединенных Штатов, государствам всех наций, которые борются против фашизма, а также евреям всего мира. Для этого все эти драгоценные материалы необходимо собрать, обработать и напечатать в официальном документе под заглавием “Еврейская ‘Черная книга’”.

ЕАК предложил привлечь к совместной работе еврейские организации Великобритании и Палестины и включить в редколлегия девять представителей комитета, в том числе Илью Эренбурга. Весной 1946 года Фефер вспоминал: “Мы поставили вопрос об этом предложении, но дело двига-

лось очень медленно. Мы не знали, надо ли создавать "Черную книгу", посвященную исключительно зверствам немцев над еврейским населением" (курсив мой. — И. А.). Не исключено, что Кремль не воодушевило слово "Еврейская": впоследствии из заглавия оно исчезло.

Вопрос об издании не был решен вплоть до визита Ицика Фефера и Соломона Михоэлса в США летом—осенью 1943 года. В ходе их триумфальной поездки (кроме прочего, в пользу СССР тогда были собраны пожертвования на сумму 20 миллионов долларов) американский комитет настаивал на совместной работе над "Черной книгой". Лишь после "длительных телефонных переговоров с Москвой" Михоэлс и Фефер получили разрешение.

27 июля 1943 года в печатном органе ЕАК — газете "Эйникайт" на идише — официально анонсировали издание "Черной книги". Предполагалось опубликовать ее объемом 1000 страниц "на английском, идише и других языках" (но не на русском). В статье прозвучал призыв присылать в комитет свидетельства об уничтожении гитлеровцами евреев. ЕАК начал систематический сбор документов. Публикация появилась в ходе визита руководителей ЕАК в США. В ней подчеркивалось, что инициатива издания исходит от американцев. Ни Эренбург, ни Гроссман в составе редколлегии не значились. Показательно, что почти все советские члены совместной редколлегии были осуждены после закрытия ЕАК в ноябре 1948 года. (Михоэлс был зверски убит по приказу Сталина еще в январе).

Вопрос об издании аналогичной (не по структуре, а по тематике) книги в СССР поднял ведущий советский публицист Илья Эренбург. Он рассматривал ее как важный инструмент борьбы с антисемитизмом и последствиями нацистской пропаганды в Советском Союзе. В отличие от советско-американского проекта, это издание должно было рассказать об уничтожении евреев преимущественно на территории СССР и выйти на русском языке. Писатель начал эту работу независимо от международного проекта (хотя наверняка знал о нем). К работе над проектом привлекли ведущих советских литераторов. Весной 1944 года при ЕАК была создана Литературная комиссия (во главе с Эренбургом) по подготовке "Черной книги".

23 августа 1944 года ЕАК вновь обратился к начальнику Совинформбюро Александру Щербакову. Помимо изданий на английском, испанском, французском, немецком и еврейских языках, предлагалось выпустить книгу на русском. Среди инициаторов издания называли Илью Эренбурга и Василия Гроссмана. (Василию Семеновичу было суждено редактировать окончательный вариант книги.)

Видимо, тогда же Илья Эренбург составил краткое (пятнадцать машинописных строк) "Предисловие" к "Черной книге" (датировано августом 1944 года):

Я собрал в этой книге документы, показывающие истребление немецкими оккупантами беззащитного еврейского населения... Воистину черная книга! Но не только горе и ужас перед низостью фашистов охватывают читателя, а гордость за величие человека... Пусть эта книга жжет как огонь! Пусть она напоминает о возмездии¹.

1 Архив "Яд ва-Шем", ф. Р.21/1, л. 1.

6 сентября 1944 года Эренбург подал записку “в инстанции”, озаглавив ее “Проект “Черная книга””. Показательно, что документ не имеет адресата. Скорее всего, писатель предполагал, что судьба издания будет решаться самими Сталиным. Идею Эренбург изложил так:

В книгу войдут рассказы спасшихся евреев, свидетелей зверств, немецкие приказы, дневники и показания палачей, записки и дневники укрывшихся. Не акты, не протоколы, а живые рассказы должны показать глубину трагедии. Чрезвычайно важно показать солидарность советского населения... Необходимо показать, что евреи умирали мужественно, остановиться на всех имевших место случаях сопротивления.

Предполагалось издать книгу “по-русски, для советских читателей. Ее перевод желателен в США и Англии”. Показательно, что ничего не сказано о сотрудничестве с зарубежными организациями. В записке говорится о коллективном сборнике: называются имена тринадцати писателей и журналистов во главе с Василием Гроссманом, которые привлекаются “для обработки материалов”.

По традиции, прямого ответа ЦК не последовало. Инициаторы издания советского варианта “Черной книги” оказались в неопределенном положении — по словам Гроссмана, “бродили впотьмах”. 13 октября 1944 года на заседании Литературной комиссии Илья Эренбург заявил: “В течение долгого времени не было выяснено: будет ли санкционировано издание этой книги. Мне не ясна и теперь формулировка... Мне было сказано через Еврейский [антифашистский] комитет — сделайте книгу, и, если она будет хорошей, она будет напечатана”. Эренбург считал, что “поскольку представлена возможность составить рукопись, то вокруг напечатания скорее можно будет дать бой”.

Вряд ли Илья Григорьевич мог предположить, что битва за “Черную книгу” растянется на десятилетия! Но многоопытному писателю уже было ясно, что путь предстоит долгий и непростой. От составителей ждали “хорошей” — нужной в пропагандистском и политическом плане — книги, даже не гарантируя ее издание. Эренбурга это возмущало: “Так как авторами книги являемся не мы, но немцы, а цель книги ясна, я не понимаю, что значит ‘если будет хорошей’: это не тот роман, содержание которого неизвестно”.

На первом этапе в распоряжении Комиссии преобладали материалы, поступившие непосредственно Эренбургу. Он стал первым редактором, а также основным автором “Черной книги”: им лично подготовлена треть очерков, вошедших в окончательный текст. Эренбург и Гроссман пригласили в Комиссию авторов будущей книги (в издании участвовали тридцать два человека). Эренбург настаивал, чтобы она “не была составлена только евреями”. (Жаль, что первый из откликнувшихся русских писателей — Андрей Платонов, которому передали пятнадцать документальных материалов по Минску и заказали по три очерка по Белоруссии и РСФСР, — так и не стал автором “Черной книги”.) В состав Литературной комиссии входил Константин Федин (он должен был написать о восстании в лагере смерти Собибор, но не сделал этого). Рассматривались кандидатуры поэтов и военных журналистов Константина Симонова (ему заказали очерк о Майданеке) и Александра Твардовского, Мариэтты Шагинян, украинского поэта и друга Эренбурга Павла Тычины. В результате из известных русских пи-

сателей лишь Всеволод Иванов, Василий Ильенков (спецкор "Красной звезды", впоследствии главный редактор "Роман-газеты") и Лидия Сейфуллина подготовили по очерку (как и армянский писатель Ваграм Апресян). Два очерка написала детская писательница Валентина Герасимова — первая жена Александра Фадеева и двоюродная сестра кинорежиссера Сергея Герасимова. Один — поэтесса Мария Шкапская.

В итоге среди авторов "Черной книги" оказалось немало известных (или ставшими таковыми позднее) писателей, поэтов и журналистов-евреев. Среди них Василий Гроссман (подготовил восемь материалов) и Маргарита Алигер, Павел Антокольский и Вениамин Каверин, Виктор Шкловский и Лев Озеров, Лев Квитко и Рувим Фраерман. Тексты некоторых авторов не вошли в окончательный вариант книги (в том числе материал Лазаря Лагина, автора "Старика Хоттабыча"). Десятки их коллег и помощников собирали и обрабатывали письма, дневники, свидетельства. К подготовке "Черной книги" привлекались бывшие узники гетто: Э. Ерусалимский (Йерушалми), братья М. и Г. Раяк; участники сопротивления — один из создателей подполья в Минском гетто Гриш Смоляр; Авраам Суцкевер — поэт, писавший на идише, и узник Вильнюсского гетто; подпольщик из Каунаса, прозаик Меер Елин и другие.

В октябре 1944 года ждали скорейшей публикации книги — в двух томах. К 10 ноября от авторов требовали предоставить очерки. Была поставлена задача добыть материалы по некоторым крупным городам, например Киеву. Казалось, книга вот-вот выйдет. Об этом сообщила и заграничная печать, и советская.

28 ноября 1944 года в США и Палестине появились анонсы издания в СССР "Черной книги". Так, газета "Палестайн пост" сообщила, что Госиздат планирует выпустить документальную "Черную книгу", и подчеркивала, что та готовится во время, когда идет уничтожение евреев Венгрии. "Питтсбург пресс" упоминала о пятитомном издании под редакцией Ильи Эренбурга и при участии поэта и драматурга Константина Симонова, писателя Всеволода Иванова и поэтессы Веры Инбер. Газета "Лидер" рассказала, что первый том уже подготовлен Госиздатом, а среди авторов и писатели, и военные корреспонденты. В статье отмечалось, что книга выйдет "сотнями тысяч экземпляров" на русском и английском языках.

22 января 1945 года "Литературная газета" со ссылкой на Василия Гроссмана сообщила об издании "Черной книги" в СССР и за рубежом на нескольких языках, включая русский. Эта информация верна лишь частично. Собранные ЕАК и Литературной комиссией материалы с самого начала появлялись в советской прессе. В начале апреля 1944 года в сдвоенном номере журнала "Знамя" (№№ 1–2) на двенадцати страницах появились очерки Ильи Эренбурга под заголовком "Народоубийцы". (Тогда понятие "геноцид" еще не было широко известно, и Эренбург нашел ему эквивалент.)

Не дожидаясь официального решения судьбы книги, Эренбург согласился на предложение ЕАК выпустить на идише некоторые подготовленные им материалы. Пятьдесят восемь материалов вышли двумя выпусками в конце 1944 — начале 1945 года. Важно отметить, что первый том был подписан в печать 31 марта 1944 года, то есть до начала работы Литературной комиссии. Книга называлась "Народоубийцы: материалы о зверствах немецких

захватчиков во временно оккупированных советских районах, собранные и составленные И. Эренбургом”.

ЕАК договорился с Всемирным еврейским конгрессом (ВЕК) о том, что каждая сторона организует сбор материалов и обмен ими, результаты изысканий предполагалось опубликовать на нескольких языках. В 1944 году в США собрался исполнительный комитет по изданию “Черной книги” под председательством Б.-Ц. Гольдберга и одного из основателей и лидеров ВЕК, уроженца белорусского местечка Вишнево Нахума Гольдмана. Была организована международная редколлегия (в нее, кроме представителей Комитета еврейских писателей, ученых и художников, ЕАК, ВЕК, вошли и представители Еврейского национального совета Палестины). Ни Эренбург, ни Гроссман среди членов редколлегии не значились. Возможно, это и убергло их от печальной участи обвиняемых по делу ЕАК.

19 октября 1944 года (пять дней спустя после заседания Литературной комиссии и без ведома Эренбурга) Ицик Фефер и Шахно Эпштейн (ответственный секретарь ЕАК) направили в США 552 страницы документов, собранных в СССР. Позднее Фефер уверял, что этот шаг был обусловлен требованием советского посла в США Андрея Громыко: материалы передали через Наркомат иностранных дел на основании телеграммы Громыко о том, что иначе “Черная книга” “выйдет в США без нашего материала”.

О передаче материалов Эренбург узнал не сразу. В письме в ЕАК от 30 января 1945 года писатель твердо заявил: “Не может быть двух ‘Черных книг’ — для внутреннего рынка и для экспорта”. Конфликт, который современница назвала “грандиозным скандалом”, разбирала специальная комиссия: замминистра Госконтроля РСФСР, член Президиума ЕАК Соломон Брегман (председатель), следователь Генпрокуратуры СССР по особо важным делам Лев Шейнин, генерал МГБ Соломон Мильштейн.

В “общих замечаниях” комиссии от 26 февраля 1945 года впервые говорится о “двух вариантах” “Черной книги”: литературных очерках, созданных под руководством Ильи Эренбурга, и документах, которые сосредоточились в ЕАК. Отметив достоинства составленного под редакцией Эренбурга текста, члены комиссии сочли, что “избранный редакцией курс на создание свободных литературных обработок документальных и фактических материалов расходится с профилем ‘Черной книги’ как сборника документов, значение которого в подлинности материалов”. Комиссия нашла “изъян” в подготовленных Эренбургом материалах: “В представленных очерках излишне много рассказывается о гнусной деятельности предателей народа из украинцев, литовцев и др., это смягчает силу главного обвинения, предъявляемого немцам, что должно являться основной и решающей задачей книги”. (Пожалуй, тогда впервые был сформулирован один из главных упреков к “Черной книге”.)

Комиссия рекомендовала после доработки и утверждения “одной авторитетной политической редакцией” издать (по крайней мере частично) оба сборника. Однако для материалов, подготовленных под редакцией Эренбурга, предусматривалось и издание вместо сборника ряда брошюр. Эти предложения были переданы Эренбургу 5 марта с сопроводительным письмом замначальника Совинформбюро Лозовского. Последний отмечал, что две книги лучше одной: тогда “враги” в Англии и Америке не смо-

гут обвинить советскую сторону в том, что она представила не документы, а их литературную обработку.

Эренбурга это не убедило. Писатель потребовал разобраться с историей передачи материалов “Черной книги” в Америку, полагая, что первоначально они должны быть опубликованы в СССР.

По словам Гроссмана, именно из-за этого конфликта Эренбург отказался от руководства Литературной комиссией. Более того, он расценил работу над параллельным изданием и предложение издать ряд самостоятельных брошюр как прекращение работы Литературной комиссии. 16 марта Эренбург отправил письма об этом двадцати трем приглашенным им авторам (аналогичное письмо А. Суцкеверу, на которое обычно ссылаются исследователи, было послано двумя неделями позже). Оно заканчивалось фразой: “Я глубоко уверен, что проделанная Вами работа не пропадет для истории”.

Над “Черной книгой” сгустились тучи. Уход из проекта ключевой фигуры не мог не сказаться на темпах подготовки рукописи.

Вскоре после Победы руководителем Литературной комиссии стал Василий Гроссман. Приказом по Совинформбюро от 28 мая 1945 года была создана новая редколлегия “Черной книги” из членов ЕАК. Имени Эренбурга в ней не было. Лишь Гроссман прежде имел отношение к подготовке “Черной книги”. Писатель так объяснил (на Президиуме ЕАК 25 апреля 1946 года), почему он “взялся за эту тяжелую... и даже мучительную работу”: прежде всего для того, чтобы “дать объективную картину” произошедшего с евреями на оккупированной территории и организовать “сбор материалов, которые послужили бы обвинением против немецких фашистов”.

После получения внутренней рецензии от секретаря парткома Союза советских писателей особое внимание было уделено сокращению текстов о роли коллаборационистов в Холокосте. Уже подготовленный текст “Черной книги” заново отредактировали и дополнили новыми материалами, в том числе документами ЧГК и фотоматериалами. Летом 1945 года было принято решение о “конструкции книги”: материал располагался по республикам, внутри подразделов — “по усмотрению Литературной комиссии”.

Редколлегия фактически отказалась от подготовки двух вариантов “Черной книги”: было решено дать к очеркам краткие пояснения о происхождении материалов и их документальности. Процесс редактирования рукописи Гроссманом отражает коллекция в ГА РФ. Красным и синим карандашами вычеркнуты места, вызвавшие возражения при рецензировании весной — летом 1945 года (как правило, в них рассказывалось о сотрудничестве советского населения с немцами и проявлениях юдофобии). Некоторые материалы в окончательном варианте существенно отличаются. Вероятно, это связано с передачей текста советским обвинителям на Нюрнбергском процессе: исчезли тексты о преступлениях румынских оккупантов.

Однако и летом 1945 года книга не увидела свет. Почему? Зимой 1945/46 годов в Москве азартно решался вопрос об издании американского варианта “Черной книги”. 21 июня 1945 года Б.-Ц. Гольдберг уведомил руководство ЕАК, что текст рукописи, подготовленный в Америке, будет послан на утверждение в Москву. “Мы сознаем, — писал Гольдберг, — что ваш комитет принимает на себя одинаковую с нами ответственность за все, что входит в “Черную книгу””.

11 ноября 1945 года Гольдберг сообщил Михоэлсу о том, что рукопись закончена, и просил срочно телеграфировать об изменениях, так как “дорог каждый день”. Однако ЕАК, получив текст, не торопился. Лишь 23 января 1946 года американской стороне стали известны претензии — в основном они касались предисловия Альберта Эйнштейна, а также введения. 23 февраля из Америки пришел исправленный текст предисловия, но ЕАК (и, следует думать, Кремль) не устроил и он. Имеет смысл его процитировать:

Ни один народ, вовлеченный в катастрофу последних нескольких лет, не понес в процентном отношении таких потерь, как евреи.

Тот факт, что у евреев нет национальных границ и правительств и что их не рассматривают как нацию в формально политическом смысле, не должен служить препятствием к справедливости.

С евреями обращались как с целым, как если бы они были нацией. Их общественное положение (статус) как объединенной политической группы было доказано отношением к ним со стороны их врагов. Поэтому, если мы стремимся к укреплению стабильности в международных отношениях, то евреев следует рассматривать как нацию в принятом смысле слова, и при организации мира еврейскому народу должно быть уделено особое внимание, дабы мы не совершили насмешки над справедливостью.

Фраза о евреях как нации прямо противоречила соображениям Сталина, а идею создания государства Израиль советское руководство тогда не поддерживало.

4 марта 1946 года Б.-Ц. Гольдберг телеграфировал в ЕАК, что во исполнение ультиматума советской стороны из “Черной книги” изъяты предисловие и введение. В том же году книга вышла в США на английском языке. Документы ЕАК представлены в ней лишь частично.

Трудности с “прохождением в инстанции” американского варианта “Черной книги” не насторожили руководство ЕАК. В конце 1945 — начале 1946 года Литературная комиссия (уже под руководством Гроссмана) активизировала работу. Было разослано типовое письмо нескольким десяткам корреспондентов с просьбой присылать документы. Таким образом, материалы, по словам Гроссмана, “поступали не самотеком, [а] из тех мест, которые были нам нужны”.

В марте-мае 1946 года дополненную и заново отредактированную рукопись перепечатали и разослали в Австралию, Англию, Венгрию, Италию, Мексику, Францию, Польшу, Румынию, США, Чехословакию, Палестину¹. Первой она попала в Болгарию: один из руководителей еврейской общины этой страны, находясь в Москве, получил рукопись 1 марта 1946 года в ЕАК.

Подготовка книги, тем не менее, продолжалась — теперь с учетом реалий холодной войны и требований цензуры. Так, изымались некоторые места, свидетельствующие о национальном самосознании евреев, а слово “жид”, естественное в устах антисемита, заменяли на нейтральное “еврей”.

1 Удивительно, но ни в одной из этих стран (кроме Румынии, где вышла первая часть) в тот период книга опубликована не была. В ответ на запросы ЕАК партнеры обычно ссылались на нехватку денег. Видимо, без санкции Москвы, как показывает пример американского издания, еврейские организации не решались на публикацию.

Казалось, рукопись близка к изданию — так считали все участники обсуждения "Черной книги" на заседании ЕАК 25 апреля 1946 года. Уже имела верстка двадцати семи из сорока двух печатных листов; были подведены творческие и финансовые итоги работы над книгой, рекомендовалось продолжить сбор материалов для последующих томов.

Василий Гроссман отметил, что в рукописи кроется некоторая опасность для читателя: казалось, "нельзя прочитать сто раз один и тот же рассказ". И все же, по его мнению,

книга читается с постоянным интересом. Это объясняется прежде всего тем, что мы дали целый ряд человеческих судеб. Человеческая трагедия раскрывается устами женщин, детей, стариков... В ряде случаев — это крик человеческой души... Мне кажется, что книгу можно прочесть от первой до последней страницы.

Председатель ЕАК Михоэлс назвал "Черную книгу" памятником погибшим и чудом уцелевшим евреям, а также их спасителям.

Летом и осенью 1946 года подготовка "Черной книги" фактически приостановилась. 28 ноября 1946 года Соломон Михоэлс, Ицик Фефер, Илья Эренбург и Василий Гроссман "от имени президиума ЕАК" обратились к главному идеологу страны, секретарю ЦК ВКП(б) Жданову "с горячей просьбой помочь скорейшему выходу "Черной книги"". Символично, что среди подписавших письмо был Эренбург, который формально не принимал участия в подготовке книги. Эренбург и Гроссман подписались как редакторы "Черной книги". (Как мы видим, и после ухода из Литературной комиссии Эренбург принимал участие в судьбе своего детища.)

Письмо было передано в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), оно затребовало рукопись. Начальник Управления Г. Ф. Александров в отзыве от 3 февраля 1947 года, адресованном Жданову, выступил категорически против публикации "Черной книги". Он обвинил ЕАК в том, что рукопись послана за границу без ведома Управления пропаганды. Подчеркивалось, что рукопись "направлена" и "издана" в США (на самом деле там был издан лишь ее фрагмент). Но в начале холодной войны любая "связь" с Америкой уже выглядела преступной.

По мнению Александра, "Черная книга" дает "ложное представление об истинном характере фашизма", поскольку создает впечатление, будто "немцы воевали против СССР только с целью уничтожения евреев". Перечислив свидетельства о случаях, когда евреи спасались, выдавая себя за русских, украинцев и так далее, Александров пришел к парадоксальному выводу: якобы фальсифицируется история — не показаны злодеяния гитлеровцев против людей других национальностей. Издание "Черной книги" было признано "нецелесообразным".

Впрочем, запрета от Жданова, очевидно, не последовало. На верстке появилась виза "В печать" (датирована 14 июня 1947 года). Вскоре началось печатание "Черной книги" в типографии Высшей партийной школы (она должна была выйти тиражом 30 тысяч экземпляров в объеме 42 печатных листа). Однако 20 августа 1947 года, когда 33 листа уже были изготовлены, Главлит распорядился остановить работу.

Михоэлс убеждал Жданова, что книга не утратила актуальности, что она важна в идеологическом плане, так как предупреждает об опасности возрождения фашизма. Однако участь "Черной книги" была решена. Окончательно книгу похоронили пришедший на смену Александрову Михаил Суслов, которому Жданов переадресовал письмо Михоэлса, и Дмитрий Шепилов, который по резолюции Суслова должен был рассмотреть это обращение.

"Экспертная" оценка рукописи была дана в сверхкраткой справке, подготовленной заводделом издательств Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) М. Морозовым (датирована 7 октября 1947 года):

"Черная книга" была внимательно рассмотрена в Управлении пропаганды. Книга содержит серьезные политические ошибки. Издание книги на 1947 год Управлением пропаганды не утверждено. Исходя из этого, "Черная книга" не может быть издана.

15 ноября 1947 года типография предложила ЕАК забрать отпечатанные листы. Менее чем два месяца спустя в Минске был убит Михоэлс. Последнюю попытку добиться разрешения на издание предпринял ответственный секретарь ЕАК Ицик Фефер. 13 февраля 1948 года он отправил письмо с грифом "секретно" в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) со следующим предложением: разрешить допечатать недостающие 2–3 листа и издать 150–200 экземпляров для рассылки по списку, утвержденному Управлением, в закрытые фонды библиотек, Антифашистские комитеты и ЧГК. (Символично не только для судьбы "Черной книги", но и самого ЕАК: от идеи издания на всех языках мира — до робкой просьбы о мизерном тираже для спецхранов.)

В архиве ЕАК нет ответа на это письмо (как и на другие обращения в ЦК по поводу "Черной книги"). Приближалось время "окончательного решения" судьбы ЕАК. 20 ноября 1948 года его закрыли, а в конце того же года начались аресты его руководителей и сотрудников, в том числе многих имевших отношение к "Черной книге". На завершающем этапе следствия Эренбург и Гроссман попали (с другими известными писателями и общественными деятелями) в длинный список тех, против кого собирались компрометирующие материалы.

К счастью, Сталин тогда не был готов уничтожить цвет советской еврейской интеллигенции. Эренбурга, вероятно, спасло то, что он активно протестовал против передачи рукописи в США. Факт участия в подготовке советско-американского издания был важным пунктом обвинения на процессе 1952 года. Приговор гласил (цитируемый фрагмент почти повторяет обвинительное заключение):

Ярким примером смыкания руководителей ЕАК в националистической деятельности с еврейскими националистами США является издание в 1946 году так называемой "Черной книги", осуществленное ЕАК с согласия Лозовского совместно с еврейскими националистами США и Палестины.

В этой книге евреи обособляются в отдельную, противопоставляемую другим народам категорию, преувеличивается вклад евреев в мировую цивилизацию, концентрируется внимание исключительно на жертвах, понесенных евреями

во Второй мировой войне, и протаскивается мысль, что фашизм представлял угрозу только для евреев, а не для всех народов и мировой цивилизации.

717

“Это крик
человеческой
души”

По приговору казнили тринадцать из пятнадцати подсудимых (еще один умер в тюрьме).

На русском языке “Черная книга” при жизни Ильи Эренбурга и Василия Гроссмана опубликована не была. В середине 60-х годов в “Яд ва-Шем” в Иерусалиме попала пересланная в 1946 году в Палестину рукопись “Черной книги”. По свидетельству профессора М. Альтшуллера, рассматривался вопрос об издании текста с научными комментариями (по мнению руководства “Яд ва-Шем” и экспертов, ряд очерков был идеологизирован, а факты нуждались в уточнении). Работа была приостановлена почти на десятилетие. В 1980 году Феликс Дектор издал в Иерусалиме русский текст “Черной книги” (без недоступного в то время раздела “Литва” и с восстановлением некоторых фрагментов по изданиям на идише и румынском). В 1981 году “Черная книга” была напечатана на английском языке в США. В 1984 году в Иерусалиме вышел более полный вариант на идише. В 1991 году “Черная книга” опубликована в Израиле на иврите, в том же году на основе русскоязычного издания 1980 года “Черная книга” вышла в СССР (в Киеве и Запорожье) двумя тиражами. Впервые полностью, без цензурных купюр, “Черная книга” была издана на русском языке в Литве (Вильнюс: “Йад”, 1993)¹. В 1995, 1999, 2001 и 2011 годах переводы этого издания опубликованы соответственно в Германии, Италии, США и Испании.

В 1993 году в Москве в издательстве “Текст” вышел сборник “Неизвестная “Черная книга””, подготовленный ГА РФ и “Яд ва-Шем”². В него вошли документальные свидетельства, по различным соображениям отвергнутые редакторами “Черной книги”. В 2005 году этот сборник вышел в Венгрии, а 2008 году был издан на английском языке.

Настоящее издание позволяет в полной мере оценить титаническую работу по сохранению памяти о Холокосте, проведенную редакторами “Черной книги” и Еврейским антифашистским комитетом. Через семьдесят лет после того, как “Черная книга” должна была появиться в нашей стране, она наконец выходит в полном объеме.

Илья Альтман

- ¹ Фактически книга вышла в середине 1994 г. На основе одной лишь верстки 1947 г. “Черная книга” в 1996 г. вышла на французском языке в Париже.
- ² *Неизвестная “Черная книга”*. Сост. Илья Альтман и Шмуэль Краковский / Под ред. Ицхака Арада и Татьяны Павловой. Москва — Иерусалим: Текст, 1993.

При подготовке текста за основу взято вильнюсское издание “Черной книги” 1993 года (издательство “Йад”). Сохранены вставки, внесенные в верстку 1947 года по иерусалимскому изданию 1980 года (в квадратных скобках) и на основе документов из Государственного архива Российской Федерации (выделены курсивом).

Новые вставки и уточнения сделаны на основе фронтального изучения Ильей Альтманом фонда Ильи Эренбурга в архиве “Яд ва-Шем” (Р.21.1) и коллекции “Черная книга” в ГА РФ (ф. 8114, оп. 1, дд. 940–967).

Работа с оригиналами документов, перепиской авторов сообщений с редакторами и членами ЕАК, делопроизводственными документами ЕАК и Литературной комиссии, а также с воспоминаниями участников создания книги позволила уточнить и исправить отдельные комментарии (названия населенных пунктов, инициалы авторов сообщений) Ирины Эренбург, не имевшей во время подготовки издания 1993 года доступ к рукописям “Яд ва-Шем” (например: Сорочинцы, Михайлики, Ялтушково; отчество Брони Яковлевны Тартаковской, имя Евгении Ревенской, фамилия Дьямант; автор сообщения “Учительницы Гольнева, Терехова, Тимофеева”).

Установлено, что Ефим Гехман (автор очерка о Браилове) и капитан Е. Гехтман (автор очерка “Рига”) — одно и то же лицо: корреспондент “Красной Звезды” Ефим Гехман.

Восстановлены фамилии и инициалы авторов пяти сообщений: Т. Старцева (“В селе Цыбулево”), А. Е. Ходос (Зеленополь), Лили Герц (в очерке “Истребление евреев Львова”), И. З. Винницкого (“Бухгалтер Зирченко”), Григория Ципенко (“Девушка из Освенцима”).

Установлены первоначальные названия очерков или их варианты, в частности, очерка Веры Инбер об Одессе. Илья Эренбург в этом случае предпочитал, как правило, ограничиваться названием населенного пункта либо предлагал очень краткое заглавие (“Сопrotивление”, “Долг” с указанием места события). Эти заголовки менялись во время его работы над рукописью во второй половине 1945 — начале 1946 года. Этот процесс отражен в примечании к очерку “Петр Чепуренко — свидетель пирятинского убийства”.

На основе сопоставления документов исправлены следующие фамилии, имена, отчества или инициалы: минский подпольщик и партизан Михаил Мордухович Гричаник (в прежнем тексте — М. Гречаник), Абрам Иосипович Беккер (Хмельник), М. М. Фишгойт (Евпатория), Ефим Кравцов, Люся Ароновна Гехман, спасительница детей-евреев в Кисловодске Цывелева, Р. Сельцовский; воинские звания, должности: техника-лейтенанта Ефима

Израилевича Ланцмана (очерк о Ярмолинцах) и корреспондента ТАСС Семена Банка (“Девушки из Минска”); родственные связи с упоминаемыми в тексте лицами: Михаил Удлер (Ялтушково) и М. И. Айзенберг (“Письмо Сюни Дереша”); пол Е. Гросберга (автор сообщения о Черновцах); подпись одного и того же лица с двойной фамилией (Лукинская Ольга Евгеньевна — Аускер Полина Марковна).

Даны указания на корреспондентов Ильи Эренбурга, пересылавших ему публикуемые документы или помогавших установить связь с авторами свидетельств: Евгения Кабиновская в Днепропетровске, Иона Родинов в Екатеринополе. Свидетельство А. Резниченко записали Абрам Каган и Рафаил Скоморовский.

По подлинникам или первым машинописным вариантам очерков уточнены даты ряда сообщений и свидетельств: “Гибель евреев-колхозников в Зеленополе”, “Письмо офицера Грановского. Екатеринополь”, Люси Гехман (Радзивиллов), “В Ставрополе”, “Лиозно”, “Девушка из Освенцима”.

Окончательные варианты очерков сверены с первоначальными текстами. В комментариях указаны случаи значительных изменений и сокращений (например, дневника Е. Буйвидайте-Куторгене).

Проведены сверка и уточнение цитировавшихся приказов оккупантов. Так, текст объявления о сборе евреев Киева был обнаружен лишь в начале 1946 года, когда очерк Л. Озерова уже был подготовлен к печати.

В рассказе Л. Квитко о Керчи установлен переводчик — М. А. Шамбадал.

Уточнены сведения о датах оккупации, казнях, количестве погибших. В отдельных случаях уточнена доля евреев в населении того или иного населенного пункта до войны.

Уточнены названия некоторых населенных пунктов и их областное подчинение, отличающиеся от современных (Демидовка, Лопавше, Радзивиллов, Келбасин). Если в тексте указан населенный пункт, где погибло более ста человек, то приведены данные о числе казненных.

Уточнены названия отдельных населенных пунктов на польском языке (Бережаны, Жолква, Перемышляны, Радзивиллов, Ярычев).

Приведены в соответствие с современной научной литературой некоторые названия и термины (айнзацкоманды, айнзацгруппы, ЧГК и т. д.).

Приведены краткие биографические данные упоминаемых в тексте лиц (жертв Холокоста, участников Сопrotивления, палачей).

Расшифрованы подпольные клички участников Сопrotивления (в частности, имя “Славек” носил руководитель минского городского подполья, будущий Герой Советского Союза И. П. Казинец). Уточнены опущенные авторами имена некоторых участников событий (спасение еврейских детей В. С. Орловым, который в момент подготовки книги находился под следствием как коллаборационист).

Установлены сведения о датах жизни и (или) послевоенной судьбе авторов сообщений и корреспондентов Ильи Эренбурга: С. Глейх, Л. Рожецкина, Б. Пикман, С. Шпунгина, И. Родинова, Б. Тартаковской, Б. Чернякова, Б. Хандроса.

На основе доступных нам данных (прежде всего издания *The Encyclopedia of the Righteous Among the Nations. Rescuers during the Holocaust. Europe. Part 2. Jerusalem, Yad Vashem, 2011*) приведены данные о присвоении геро-

ям “Черной книги” почетного израильского звания “Праведник народов мира”. Отдельные упоминаемые в тексте спасители евреев (Вилли Шульц и Николай Киселев) стали героями документальных фильмов — их названия указаны в комментариях.

Исправлены отдельные неточности в фактологических комментариях изданий 1980 и 1993 годов.

В биографии авторов “Черной книги”, опубликованных в издании 1980 года, внесены дополнения. Включены биографии М. А. Шкапской (“Немцы в Радзивиллове”) и Г. Смоляра (“Подпольный боевой центр в Минском гетто”).

Алигер (Зейлигер) Маргарита Иосифовна (1915–1992) — поэт, прозаик, переводчик, драматург. Сборники стихов: “Год рождения” (1938), “Камни и травы” (1940), “Памяти храбрых” (1942), “Лирика” (1943); поэмы “Зоя” (1942) и “Твоя победа” (1945). Книги: “Возвращение в Чили: два путешествия” (1966), “Огромный мир” (1968), “Тропинка во ржи. О поэзии и поэтах” (1980), “Встречи и разлуки” (1981). Собр. соч. в 3-х тт. (1984–1985). Награды и премии: два ордена Трудового Красного Знамени (1965, 1984), орден Дружбы народов (1975), орден “Знак Почета” (1939); Сталинская премия II степени (1943) за поэму “Зоя” (1942), Международная премия АПН имени П. Неруды (1989) за переводческую деятельность.

Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978) — поэт, переводчик, эссеист, во время Второй мировой войны — военный корреспондент. Наиболее известные произведения: “Запад” (1926), “Робеспьер и Горгона” (1928), “Франсуа Вийон” (1934), “Пушкинский год” (1938), “В переулке за Арбатом” (1954), “Мастерская” (1958), “Путевой журнал писателя” (1976), “Стихотворения и поэмы” (1982). В годы Второй мировой войны создал произведения, посвященные трагедии и героизму еврейского народа: “Сын” (1943), “Лагерь уничтожения” (1945), “Восстание в Собиборе” (в соавторстве с В. Каверинным; 1945), “Невечная память” (1946). Награды и премии: орден Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени, орден “Знак Почета”. Сталинская премия II степени (1946) за поэму “Сын” (1943).

Апресян Ваграм Захарович (1907–1974) — очеркист, военный корреспондент газеты Северо-Западного и 2-го Белорусского фронтов “За Родину — Фронтовая правда”. После войны — писатель, журналист, работал в “Вечерней Москве”, “Литературной газете”, “Литературе и жизни”. Автор повестей “Время не ждет” (1952, 1977), “Дороги и годы. Роман” (1965), “Возвращение: Повесть о К. Ф. Серебряковой” (1969).

Герасимова Валерия Анатольевна (1903–1970) — прозаик, детский писатель. Первая жена А. А. Фадеева, двоюродная сестра кинорежиссера С. А. Герасимова. В годы войны работала в военной печати. Основные произведения: “Хитрые глаза” (1938), “Сверстники” (1948), “Простая фамилия” (1955), “Глазами правды” (1965), “Быть собой” (1970).

Гехман Ефим Семенович (Шулемович, 1913–1978) — журналист, публицист. Родился в г. Браилов Винницкой обл. в семье фельдшера. До войны работал в газетах “Гудок” и “Труд”. В ходе конфликта с Японией у реки Халхин-Гол в 1939 г. служил наводчиком зенитного орудия, сбил два самолета, был награжден орденом Красной Звезды. Публиковался в газете “Героическая красноармейская”. Во время Второй мировой войны был корреспон-

дентом газеты “Красная Звезда”, воинское звание — капитан. 2 мая 1945 г. Ефим Гехман вместе с корреспондентом “Правды” Борисом Горбатовым первым пробился в рейхстаг и побеседовал с только что назначенным комендантом — полковником Федором Зинченко. Запись той беседы стала последней публикацией капитана Гехмана в “Красной Звезде” в годы войны. 25 марта 1946 г. уволился в запас. Работал заведомом “Литературной газеты”, в период борьбы с “космополитизмом” вынужден был уйти в заводскую многотиражку. Затем работал в газете “Московский литератор”, журнале “Охрана труда и социальное страхование”. Бывший редактор “Красной Звезды” Давид Ортенберг в своей книге воспоминаний о фронтовых корреспондентах газеты посвятил Е. Гехману очерк “Рядовой корреспондент”.

Гольдберг Лейб Аронович (1892–1955) — прозаик, журналист; писал на идише, переводил на русский язык произведения Шолом-Алейхема. До войны — заведующий издательством “Дер Эмес”. Печатался в газете “Эйникайт”. Перевел на идиш “Миниатюры” Я. Корчака (1914), “О религии” П. Лафарга (1919), “Основы ленинизма” И. Сталина (1924) и др.

Гроссман Василий Семенович (Иосиф Соломонович, 1905–1964) — прозаик. Во время войны был корреспондентом газеты “Красная Звезда”. Основные произведения: “Глюкауф” (1934), “Степан Кольчугин” (1937–1940), “Народ бессмертен” (1942), “Направление главного удара” (1943), “Годы войны” (1945), “за правое дело” (1952), “Все течет” (1970). Автор очерков и рассказов о Холокосте: “Старый учитель” (1942), “Украина без евреев” (“Эйникайт”, 25.11, 2.12.1943), “Треблинский ад” (1945). “На еврейские темы” (в 2-х тт. Tel Aviv, 1985). Главное произведение В. С. Гроссмана — роман “Жизнь и судьба” (1950–1963) — был арестован при обысках. Впервые издан за рубежом в 1980 г., в СССР — в 1989 г. Награжден боевыми орденами Красного Знамени и Красной Звезды, орденом Трудового Красного Знамени.

Дерман Абрам Борисович (Беркович, 1880–1952) — литературовед, прозаик. Основные произведения: “Михаил Семенович Щепкин” (1937), “Антон Павлович Чехов” (1939), “Дело об игумене Парфении” (1941), “Жизнь В. Г. Короленко” (1946), “О мастерстве Чехова” (1953), “Подвиг писателя” (о творчестве В. С. Гроссмана, “Знамя”, 1946, № 8–9).

Елин Меер Лейзерович (1910–2000) — прозаик, писал на идише и по-литовски. В годы войны был узником Каунасского гетто, участвовал в сопротивлении; вел хронику гетто. После войны — один из основателей первой послевоенной еврейской школы и детдома в Литве. В 1948 г. в московском издательстве “Дер Эмес” вышла его книга (совместно с Дмитрием Гельперном) “Партизаны в Каунасском гетто” (*Партизанэр ин каунасэр гето*). Совместно с педагогом Г. Хацкелесом составил учебник идиша “Дер найер алеф-бейс” (“Новая азбука”) для еврейских школ Литвы (Москва, 1948). В 1972 г. московское издательство “Советский писатель” выпустило книгу рассказов и новелл Елина “Зэйерэ бликн hobн зих багэгнт” (“Их взгляды встретились”), ранее в основном публиковавшихся в журнале “Советиш геймланд” под заглавием “Блут ун вофн” (“Кровь и оружие”). В 1973 г. уехал в Израиль. Основные произведения на русском языке: “В течение одной ночи” (1963); на литовском языке: *Mirties fortuose* (1966), *Penkios minutes po vidurnakcio* (1966), *Kauno getas ir jo kovotojai* (в соавторстве с Д. Гельперном, 1969).

Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) — прозаик, драматург. Секретарь правления Союза советских писателей, председатель правления Литературного фонда. Во время войны — в эвакуации в Ташкенте, затем работал фронтовым корреспондентом газеты “Известия”. Основные произведения: “Бронепоезд 14–69” (1922), “Сопки. Партизанские повести” (1923), “Хабу” (1925), “Особняк” (1928), “Похождения факира” (1935), “Мы идем в Индию” (1960), “Пьесы” (1979), “Возвращение Будды. Чудесные похождения портного Фокина” (1991), “Дневник” (2001), “Неизвестный Всеволод Иванов” (2010). Награжден двумя орденами.

Ильенков Василий Павлович (1897–1967) — прозаик. В годы войны был военным корреспондентом газеты “Красная Звезда”, печатался в “Правде” и в ряде журналов. Основные произведения: “Ведущая ось” (1931), “Солнечный город” (1935), “Родной дом” (1942), “На тот берег” (1945), “Большая дорога” (1949). Лауреат Сталинской премии III степени (1950).

Инбер (Шпенцер) Вера Михайловна (Моисеевна, 1890–1972) — поэтесса, прозаик. Во время блокады Ленинграда находилась в осажденном городе. Основные произведения: “Печальное вино” (1914), “Сыну, которого нет” (1927), “Место под солнцем” (1928), “Вполголоса” (1932), “Овидий” (1939), “Душа Ленинграда” (1942), “Пулковский меридиан” (1943), “Почти три года” (1946), “Смерть Луны” (2011), “Сеттер Джек” (2011). Награждена двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом “Знак Почета” (1939). Лауреат Сталинской премии II степени (1946).

Йосаде Яков (Йохубас, 1911–1995) — прозаик, драматург, писал главным образом по-литовски. В 1940–1941 гг. был сотрудником журнала “Штралн” (Каунас) и газеты “Ковнер Эмес”. В годы Второй мировой войны находился в рядах 16-й Литовской дивизии; печатался в армейской прессе. Публиковал очерки в газете “Эйникайт”. После войны поселился в Вильнюсе. В 1947 г. сочинил пьесу “Ицик Витенберг”, посвященную руководителю сопротивления в Каунасском гетто. Пьеса была напечатана лишь в 1989 г. в “Советиш геймланд”.

Каверин (Зильбер) Вениамин Александрович (1902–1989) — прозаик. В годы войны служил военным корреспондентом ТАСС и “Известий”. Был членом Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Основные произведения: “Конец хазы” (1926), “Барон Брамбеус” (1929), “Исполнение желаний” (1934–1936), “Два капитана” (1938–1944), “Открытая книга” (1949–1956), “Семь пар нечистых” (1962), “Косой дождь” (1962), “Над потаенной строкой” (1989), “Эпилог” (1989). Ряд работ посвящен героизму евреев в годы Второй мировой войны — очерк о Герое Советского Союза, капитане подводной лодки Израиле Фисановиче, “Восстание в Собиборе” (в соавторстве с П. Антокольским). Награды и премии: орден Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени, орден Дружбы народов, орден Красной Звезды. Сталинская премия II степени (1946).

Квитко Лейб (Лев Моисеевич, 1890–1952) — поэт, основоположник детской поэзии на идише в СССР. Во время войны был членом ЕАК. Весной 1944 г. по заданию ЕАК был командирован в Крым. Выступал с публицистическими статьями в газете “Эйникайт”, был членом ее редколлегии; в 1947–1948 гг. — литературно-художественного альманаха “Геймланд” (“Родина”). После ликвидации ЕАК арестован (1949) и расстрелян вместе с группой ев-

рейских писателей и деятелей культуры (12 августа 1952 г.). Делом всей жизни Лев Квитко считал автобиографический роман в стихах “Юнге йорн” (“Годы молодые”), над которым работал 13 лет (1928–1941; первая публикация: Каунас, 1941; на русском языке вышел в 1968 г.). Сборники стихов “Файер ойф ди соним” (“Огонь по врагу”, 1941) и другие призывали к борьбе против нацистов. Стихи 1941–1946 гг. составили сборник “Гезанг фун майн гемит” (“Песнь моей души”, 1947; в рус. пер. — 1956).

Ковнатор Рахиль Ароновна (1899–1977) — журналистка. В 20-х гг. редактировала журнал “Коммунистка”. В 30-х гг. работала в “Издательстве художественной литературы”, редактировала роман Н. А. Островского “Как закалялась сталь”. В годы войны работала в ЕАК. Печаталась в газете “Эйникайт”. Входила в технический секретариат по подготовке к печати “Черной книги”. В 1943 г. опубликовала на идише в издательстве “Дер Эмес” брошюру о герое-танкисте И. Маковском.

Лидин (Гомберг) Владимир Германович (1894–1979) — прозаик. В годы войны — фронтовой корреспондент “Известий” и армейских газет. Опубликовал сборник очерков “Зима 1941 года” (1942). Преподавал в Литературном институте им. М. Горького. Основные произведения: “Мышиные будни” (1923), “Норд” (1925), “Отступник” (1927), “Могила неизвестного солдата” (1932), “Изгнание” (1947), “Все часы времени” (1972), “Отражения звезд. Рассказы 1974–1976 гг.” (1978).

Марк Бернард (Бер, 1908–1966) — польско-еврейский историк, литературный критик, публицист. В годы Второй мировой войны находился в Советском Союзе. Участвовал в деятельности ЕАК и Союза польских патриотов; был директором Еврейского исторического института в Варшаве.

Мунблит Георгий Николаевич (1904–1994) — прозаик, критик, сценарист. В годы войны — журналист-публицист. Основные произведения: сценарии фильмов “Музыкальная история” (1940, в соавторстве с Е. Петровым), “Беспокойный человек” (1940, в соавторстве с Е. Петровым), “Антон Иванович сердится” (1941, в соавторстве с Е. Петровым), “Положение обязывает” (1949, в соавторстве с А. Галичем); “Рассказы о писателях: Багрицкий, Ильф, Петров, Макаренко” (1962), “Давние времена: Рассказы о писателях и другие сочинения” (1983).

Озеров Лев Адольфович (Гольдберг Лев Айзикович, 1914–1996) — поэт, переводчик, критик. Во время войны — корреспондент фронтовой газеты “Победа за нами”. С 1943 г. преподавал в Литературном институте им. М. Горького. Основные произведения: “Приднестровье” (1940), “Ливень” (1947), “Светотень” (1961), “Работа поэта” (1963), “Лирика” (1966), “Мастерство и волшебство” (1972), “Стих и стиль” (1975), “Необходимость прекрасного” (1983), “Начала и концы” (1989), “О Борисе Пастернаке” (1990). Катастрофе еврейского народа посвящена поэма “Бабий Яр” (1946). Автор переводов и литературных портретов еврейских поэтов — членов ЕАК Д. С. Гофштейна, Л. М. Квитко, П. Л. Маркиша.

Ошерович Гирш Шоломович (1908–1994) — поэт, писал на идише. Тираж его первого сборника “Багинен” (“Начало”, Вильнюс, 1941) попал в руки нацистов и был уничтожен. Во время Второй мировой войны жил в эвакуации в Алма-Ате (до 1944 г.), потом поселился в Вильнюсе. Публиковал в изданиях ЕАК произведения на антинацистские темы. Был корреспондентом “Эйникайт”,

после ликвидации ЕАК арестован (1949) и осужден на 10 лет “за антисоветскую и националистическо-сионистскую деятельность”; освобожден в 1956 г. Был членом редколлегии “Советиш геймланд” со дня основания и до репатриации в Израиль в 1971 г. Лауреат премии им. Ицика Мангера — самой престижной израильской премии за произведения на идише. Основные произведения: поэмы “Шимшн” (“Самсон”, 1944), “Ди воренунг” (“Предупреждение”, 1961), “Майор Клод Изерли” (1962), “Содом”, “Спартак” (оба 1964). Автор книг “Фун клем аройс” (“Вырвавшийся из тисков”, 1947), “Зуненганг” (“Солнечный ход”, 1960). В Израиле вышли книги его стихотворений и поэм: “Цвишн блиц ун дунер” (“Между молнией и громом”, 1973), поэма “Майн Поневеж” (“Мой Поневеж”, 1974; параллельный перевод на иврит А. Шленского), “Ин дер велт фун акейдос” (“В мире самопожертвования”, 1975), “Охез ha-лайла саккин кхулла” (“Ночь сжимает синий нож”, 1975, стихотворения в переводе на иврит), “Гезанг фун лабиринт” (“Песнь из лабиринта”, 1977), “Танах-поэмес” и “Блойе бумеранген” (“Поэмы Библии”, “Синие бумеранги”, 1979) и др.

Савич Овадий Герцевич (1896–1967) — прозаик, поэт, публицист, переводчик, в 1937–1939 гг. корреспондент ТАСС в Испании. Во время войны работал в Совинформбюро. Основные произведения: “Воображаемый собеседник” (1928), “Люди интернациональных бригад” (1938), “Два года в Испании, 1937–1938. Очерки и рассказы” (1961), “Поэты Испании и Латинской Америки. Избранные переводы” (1966), Неруда П. “Птицы Чили” (пер., 1967).

Сейфуллина Лидия Николаевна (1889–1954) — прозаик, драматург. В годы войны работала в газетах, на радио. В 1942 г. добилась командировки на Западный фронт военным корреспондентом. Составила сборник статей о гвардейцах, была награждена гвардейским значком. Солдаты называли ее “Гвардии мамаша”. Первой из писателей поднимает тему героизма детей в годы войны. Основные произведения: “Вириняя” (1924), “Каин-кабак” (1926), “На своей земле” (1946; о героине-партизанке Лизе Чайкиной), “Сын” (1959). Собр. соч. в 4 тт. (1968–1969).

Смоляр Гирш Давидович (1905–1993) — еврейский журналист, писатель, до июня 1941 г. работал в Белостокском отделении Союза писателей БССР. Один из руководителей подполья Минского гетто (кличка “Скромный”). В 1947–1968 гг. на партийной работе в Польше, затем жил в Израиле. Автор воспоминаний “Мстители гетто” (вышла в Москве на идише и русском в 1947 г.).

Суцкевер Авром (Абрам Герцевич, 1913–2010) — поэт, классик еврейской поэзии XX века, писал на идише. В Вильнюсском гетто завоевал на конкурсе литераторов-узников (февраль 1942 г.) премию за драматическую поэму “Дос кейверкинд” (“Дитя могил”). Был членом боевой организации Вильнюсского гетто. Участвовал в спасении рукописей и книг библиотеки М. Страшуна и Еврейского исторического института (ИВО), затем сражался в еврейском партизанском отряде. 2 марта 1944 г. Авром Суцкевер был доставлен с партизанской базы в Москву. На третьем митинге “представителей еврейского народа”, который был организован ЕАК (апрель 1944 г.), Суцкевер впервые публично рассказал о судьбе евреев Литвы и трагедии Вильнюсского гетто. Был членом ЕАК (с 1944 г.), сотрудником газеты “Эйникайт”. 27 февраля 1946 г. выступал свидетелем на Нюрнбергском процессе. В конце 1946 г. принял участие в первом послевоенном Сионистском

конгрессе в Базеле, где встретился с Голдой Меир. Она помогла Суцкеверу и его жене нелегально въехать в Израиль в сентябре 1947 г. Бессменный редактор (1949–1995) журнала “Ди Голдене кейт” (“Золотая цепь”). Лауреат Премии им. И. Мангера (1969) за лучшее произведение на идише, Премии главы правительства (1976), Гос. премии Израиля за 1985 г. Почетный гражданин Тель-Авива (1983). Одна из книг Аврома Суцкевера — “Гринер аквариум” (“Зеленый аквариум”) была издана в переводе на русский язык в Иерусалиме в 1978 г. “Из Виленского гетто” (2008), “Буквоцвет: Избр. стихотворения и поэмы” (пер. с идиша И. Булатовского, 2010).

Трайнин Илья Павлович (1886/1887–1949) — юрист, действительный член Академии наук СССР. Во время войны был директором Института права Академии наук СССР, вел большую работу по сбору документов о преступлениях нацистов на оккупированных территориях СССР; сотрудничал с ЕАК, являлся одним из членов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Входил в Комитет по Сталинским премиям. В 1942–1946 гг. — заместитель, в 1946–1949 гг. — академик-секретарь Отделения экономики и права АН СССР. В конце 40-х гг. подвергся резкой критике за разработку темы “народной демократии” и попытку по-новому построить курс советского государственного права. Основные произведения: “СССР и национальная проблема” (1924), “Государство и коммунизм” (1940), “Механизм немецко-фашистской диктатуры” (1942), “Вопросы территории в государственном праве” (1947). Награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени.

Фраерман Рувим Исаевич (1891–1972) — прозаик, журналист. В 1941 г. вступил в ряды народного ополчения; работал в армейской печати (военный корреспондент на Западном фронте). В январе 1942 г. тяжело ранен в бою, в мае демобилизован. Основные произведения: “Буран” (1926), “Васька-гиляк” (1929), “Шпион” (1937), “Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви” (1938), “Дальнее плавание” (1946). Фильм “Дикая собака Динго” (1962, реж. Ю. Карасик) получил главный приз “Лев святого Марка” и премию “Золотая ветвь” (премия Национального центра фильмов для юношества) на Кинофестивале детских фильмов в Венеции (1962).

Черный Осип Евсеевич (1899–1981) — писатель, искусствовед. Основные произведения: “Музыканты” (1940), “Франц Шуберт” (1941), “Опера Снегина” (1953), “Мусоргский” (1956), “Римский-Корсаков” (1959), “Пути жизни” (1961), “Повести о русских музыкантах” (1963), “Три жизни: повести и рассказы” (1971).

Шапская (Андреевская) Мария Михайловна (1891–1952) — поэтесса, очеркист. С началом Великой Отечественной войны была зачислена в Литгруппу при Совинформбюро. Писала очерки для ВОКСа, антифашистских комитетов и Радиокomiteта. В 1942 г. опубликовала книгу “Это было на самом деле” о зверствах фашистов на оккупированных территориях СССР. Посмертно издана ее книга “Пути и поиски” с предисл. К. Накоряковой (М.: Сов. писатель, 1968).

Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) — прозаик, литературовед, критик, кинодраматург. Основные произведения: “Сентиментальное путешествие” (1923), “Зоо. Письма не о любви” (1923), “Третья фабрика” (1926),

“Гамбургский счет” (1928), “Марко Поло” (1936), “Повесть о художнике Федотове” (1955), “Жили-были” (1962), “Лев Толстой” (1963). Собр. соч. в 3 тт. (1971). Награды: Георгиевский крест IV степени, три ордена Трудового Красного Знамени, орден Дружбы народов. Гос. премия СССР (1979) за 2-е издание книги “Эйзенштейн” (1976).

Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) — прозаик, поэт, публицист. В годы Второй мировой войны — военный корреспондент. Часть антифашистских статей и памфлетов Эренбурга периода Второй мировой войны вошла в трехтомник публицистики “Война” (Москва, 1942–1944). “Летопись мужества” (Москва, 1974) — сборник военной публицистики, написанный для зарубежных телеграфных агентств и газет. Был членом ЕАК. Печатался в “Эйникайт”. Основные произведения: “Лик войны” (1920), “Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников” (1922), “Шесть повестей о легких концах” (1922), “Жизнь и гибель Николая Курбова” (1923), “Трест Д. Е.” (1923), “Тринадцать трубок” (1923), “Любовь Жанны Ней” (1924), “Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца” (1928), “Виза времени” (1929), “Испания” (1932), “День второй” (1934), “Книга для взрослых” (1936), “Падение Парижа” (1941), “Дерево” (1946), “Буря” (1948), “Оттепель” (1954), “Люди, годы, жизнь”. В 3-х тт. (1961–1966). Собр. соч. в 8 тт. (1990–2000). Награды и премии: две Сталинские премии I степени (1942, 1948) — за романы “Падение Парижа” (1941) и “Буря” (1947); Международная Сталинская премия “За укрепление мира между народами” (1952) — первый из всего лишь двоих советских лауреатов; два ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени, орден Красной Звезды, французский орден Почетного Легиона.

- 1–3. Знаки, пришивавшиеся к одежде евреев.
- 4–5. Запретительные надписи.
6. Объявление немецко-фашистского командования.
В гетто:
7. Эсэсовец ножом срезает бороду еврею.
8. У доски объявлений.
9. В больнице гетто.
Треблинский лагерь уничтожения (Польша):
10. Шлак, образовавшийся при сожжении трупов.
11. Детский ботиночек и соска, обнаруженные среди вещей убитых.
12. Обреченные копают себе могилу.
13. Тела убитых детей.
14. Доктор Почтер с женой и дочерью. Их тела найдены в братской могиле.
Каунас. Форт смерти:
15. Стена, у которой производились расстрелы.
16. Расстрелянные.
- 17–21. Подготовка к казни и казнь. Снимки эсэсовского офицера. Каунас.
22. Убитый старик-еврей. Крым.
23. Братская могила. Снимок эсэсовского офицера.
24. Предсмертные письма.
25. Записная книжка Исаака Догима, обнаружившего при сожжении трупов в Понарах тела своих родных.
Партизаны:
26. Исаак Витенберг, руководитель Объединенной партизанской организации Виленского гетто.
27. Хаим Елин, руководитель организации сопротивления Каунасского гетто.
28. Борис Шерешневский, секретарь парткома гетто, позднее политкомиссар партизанского отряда “Смерть фашизму”.
29. Александр Печерский, руководитель восстания в Собиборском лагере.
30. Текст клятвы евреев-партизан.

¹ Перечень снимков, переводы отдельных подписей и оригинальные фотоматериалы см.: ГА РФ, ф. 8114, оп. 1, д. 940; оп. 2, д. 112.

Редакция благодарит за содействие:

Олега Дормана, оказавшего нам неоценимую помощь и поддержку; директора Государственного архива Российской Федерации Сергея Мироненко, заместителей директора Елену Анискину и Ларису Роговую, заведующего архивохранилищем Михаила Елисеева, других сотрудников ГА РФ;

Национальный институт памяти жертв нацизма и героев Сопротивления “Яд ва-Шем” (Израиль) и его сотрудников Алекса Зенгина, Машу Ионин, Риту Марголину, Бэllu Нохам и д-ра Арона Шнеера;

Феликса Дектора, Марка Кипниса и Хаю Лифшиц, впервые опубликовавших “Черную книгу” на русском языке (Иерусалим: “Тарбут”, 1980);

Ирину Эренбург, Дмитрия Гельперна, Илью Альтмана, Исаака Зибуца, Софию Зибуцене, Илью Лемпертаса, Марину Селезневу, Розу Беляускене, Хаима Баргмана, Лейбу Лифшица, Бориса Каптелова, Татьяну Павлову и всех, кто имел отношение к публикации “Черной книги” в Литве (Вильнюс: “Йад”, 1993);

Ларису Воловик (Харьков), Леонида Терушкина (Москва), Юлию Смилянскую (Киев), д-ра Григория Смириня (Рига), Леонида Прайсмана (Израиль), чьи комментарии и советы помогли подготовить настоящее издание.

Мы сердечно благодарим всех принявших участие в сборе средств: без вашей помощи выход этой многострадальной книги едва ли был возможен. Особая благодарность: меценатам Борису Вайнзихеру, Максиму Зимовцу, Илье Финкельштейну и Инне Штурман; спонсорам Марку Балглею, А. Л. Беккеру, Илье Кацнельсону, Евгению Котляру и Татьяне Лифшиц-Ааз; благотворительному фонду “Генезис”.

Абрамзон Март	Бабер Ирина	Бейсова Алия
Абрамзон Ольга	Бабицкий Владимир	Белая Евгения
Абрамов Вячеслав	Баграмова Евгения	Беленький Михаил
Абрамова Ирина	Бадхен Александр	Белим Марина
Авдюкова Людмила	Бакшт Рина	Белогруд Евгения
Агишева Нина	Бандман Ольга	Белоусов Вячеслав
Агрон Александр	Барабаш Борис	Бельский
Алиевский Феликс	Барбашов Михаил	Константин
Алтунина Евгения	Барсель Виллен	Беляева Галина
Альтшулер Лев	Барчан Леонид	Беляевский
Аристов Константин	Басенко Андрей	Анатолий
Ахутин Анатолий	Бахнов Леонид	Беренсон Петр
	Бахолдин Евгений	Берзак Ян

- Берлянт Игорь
Берсон Герман
Бирюков Александр
Бирюкова Светлана
Блатов Алекс
Блинкин Александр
Блинкина Зинаида
Болванова Татьяна
Борисова Мария
Брайнис Вадим
Бревдо Владимир
Бренгауз Светлана
Бродский Михаил
Брэгман Михаил
Букша Александр
Бунин Игорь
Вайс Галина
Васильев Вадим
Васильев-Аркус
Владимир
Васильева
Екатерина
Величко Артем
Венгер Александр
Вершик Анатолий
Веселов Александр
Виноградов Андрей
Вирцер Даша
Вихолайнен Сергей
Вишневская Белла
Волох Юлия
Вольфсон Ирина
Гавриленко Сергей
Галиев Эдуард
Гаршин Вадим
Гелейн Анна
Геллер Александр
Гантман Лилия
Герасимов Максим
Гертовский
Станислав
Герштейн Анна
Гилелес Дмитрий
Гладков Виктор
Гладкова Людмила
Глумин Алексей
Глуховская Светлана
Годлевский Петр
- Гольдберг Борис
Голубов Илья
Гордон Михаил
Горелик Владимир
Горностаева Алла
Горский Андрей
Горшкова Елена
Государев Илья
Готесман Михаил
Грановский
Дмитрий
Гринштейн
Зиновий
Гройсман Эдмунд
Губаренко Марк
Губин Вадим
Гудошникова Ирина
Гудошников Павел
Давидович Борис
Данченко (Гозная)
Екатерина
Двоскина Мария
Девдариани Наталья
Дедкова Марина
Демидов Виктор
Демидович Петр
Денисов Виктор
Денисов Дмитрий
Дергунова Ольга
Добродеев
Дмитрий
Докшицер Юрий
Драгун Павел
Друскинас Борис
Дунаевская Елена
Егоров Алексей
Елисеева Вера
Елиферова Мария
Емельянов Артем
Емельянова Вера
Емец Владимир
Еолчян Мелинэ
Желтов Николай
Заблоцкис Натан
Завадский Андрей
Залко Александр
Захарьев Борис
Захир Юлия
- Звягина Белла
Зеликова Елена
Зельдин Юрий
Зингерман Борис
Змеул Александр
Золотухин Борис
Зубарева Елена
Зыков Владислав
Иванов Владимир
Игнатьева Анна
Илина Мария
Ильина Анна
Ильина Людмила
Иоффе Александр
Иоффе Любовь
Истомина Марина
Иткина Долорес
Ицкович Эра
Каган Тамара
Калитеевская Елена
Каменир Юрий
Кантор Михаил
Капулин Андрей
Карандин Алексей
Карандина Марина
Карасик Ирина
Каретников Антон
Картозо Женья
Кац Борис
Кацман Марина
Качоровский Игорь
Кейдан Владимир
Кельина Рена
Кипнис Михаил
Кисельгоф Софья
Кислик Давид
Клейнер Владимир
Климакина Лия
Климачев Дмитрий
Климова Ольга
Кобзев Владимир
Коваль Бэла
Когенман Игорь
Кодряну Татьяна
Козлов Владимир
Козырев Артем
Козыренко Никита
Колотий Ксения

Комиссаров
Владимир
Кондаков Андрей
Кондаков Юрий
Константинов
Михаил
Константинова
Марина
Конторов Михаил
Королева Евгения
Коротков Алексей
Коротков Владимир
Коршиков Дмитрий
Котова Елена
Крамер Вячеслав
Красинский Наум
Крещук Алексей
Кропотин Андрей
Кругликова Марина
Крутасова Наталья
Кручинина Наталия
Кубацкая Алла
Кукес
Культиасова Галина
Курганская Анна
Ладыжанский
Александр
Ланге Евгения
Ларионов Юрий
Лебедь Мария
Левин Вячеслав
Леви Давид
Левина Ася
Леонович Алексей
Лешанский Марк
Либабова Жена
Либкин Миша
Лидерман Юлия
Литвинова Татьяна
Литинский Леонид
Лифшиц Александр
Лифшиц Георгий
Ломидзе Тея
Лычагин Александр
Львовская Виктория
Мавлевич Наталья
Маргулев Андрей
Маркевич Дмитрий

Макаренков Герман
Макацария Тамара
Малихов Юрий
Малкина
Малышев Никита
Мальцева Людмила
Мамарыкова
Мандель Иосиф
Маргулис Виктор
Маргулис
Маргарита
Марин Дмитрий
Маслов Александр
Меньшиков Евгений
Меньшикова Галина
Мерков Александр
Минин Дмитрий
Минчин Аркадий
Миримов Матвей
Мирман Михаил
Миролюбова Елена
Миропольская
Кармела
Мисенжникова
Евгения
Михеева Елена
Могилевский Илья
Мороза Лилия
Моносова Анна
Мосунов Антон
Мочалова Виктория
Муравлев Владимир
Муссель Максим
Немира Лия-Рахель
Немов Андрей
Никитина Марина
Никитина Татьяна
Никитина Эмма
Нордштейн Георг
Носик Антон
Ноткин Аркадий
Обиход Тома
Объедкова Светлана
Овчаренко Андрей
Овчинников Илья
Одноробов Юрий
Окландер Елена
Окунь Алексей

Окуньков Олег
Олисевич Жанна
Орел Екатерина
Осипов Максим
Оспанов Сергей
Павлов Сергей
Павлова Светлана
Паламарчук
Анастасия
Панарин Сергей
Панин Анатолий
Пахомов Павел
Перель Инна
Петренко Галя
Петухов Михаил
Печорин Иван
Пинхасик Марат
Пичугина Таня
Подкопаев Алексей
Подорожный Денис
Подсыпанин Юрий
Поленов Михаил
Польская Елена
Пономарев
Александр
Понтак Михаил
Потапова Екатерина
Примаков Игорь
Прохин Владимир
Пушкарев Вадим
Равинский Жена
Райхштейн Вадим
Резникова
Рехтман Альфред
Рехтман Борис
Роденбергер
Дмитрий
Рожанский Иван
Рождественская
Марина
Ройз Марианна
Ромашов Дмитрий
Рувинский Геннадий
Рудерман Даниил
Рудерман Яков
Руднер Катя
Рудницкая Анна
Рудницкий Роман

- Рудомино
 Марианна
 Румянцев Петр
 Русинова Марина
 Самарова Екатерина
 Самсонова Наталья
 Санович Сергей
 Саркисов Артур
 Сатановский
 Аркадий
 Сашанов Владимир
 Светлова Екатерина
 Семенов Алексей
 Семеновский
 Александр
 Сигарева Елена
 Симанович
 Григорий
 Синяк Михаил
 Сирин Игорь
 и семья
 Скоблов Александр
 Скоблов Михаил
 Слоним Михаил
 Смехов Владимир
 Смирнов Александр
 Смирнов Андрей
 Смолин Олег
 Смолкин Владимир
 Солонин Марк
 Сонин Исаак
 Сонин Константин
 Сорокина Анна
 Сорокина Людмила
 Спивак Татьяна
 Стащиц Сергей
 Стежко Максим
 Степанова
 Екатерина
 Степанятова Елена
 Стеркина Евгения
 Стефанов
 Константин
 Стрелков Юрий
 Судаков Дмитрий
 Сулькин
 Суханова Мария
 Сухин Дмитрий
- Сухина Светлана
 Тапельзон Борис
 Тарасова Елена
 Тарахтиенко Роман
 Таск Сергей
 Темов Андрей
 Тепикина Светлана
 Теплых Елена
 Терюкова Евгения
 Тескер Игорь
 Титенштейн
 Александр
 Толкачева Елена
 Торчинская Ирина
 Торчинский Артем
 Трегубов Ярослав
 Трефняк Василий
 Тудоровский Эдуард
 Тузова Ольга
 Тюрина Раиса
 Узбеков Ирек
 Утц Станислав
 Фарба Леонид
 Фармаковский Макс
 Фейгин Виктор
 Филюрин Александр
 Фогельсон Юрий
 Фрадкина
 Фрейдкин Михаил
 Френзель Борис
 Фридлянд Марк
 Фуксон Михаил
 Фурман Анатолий
 Фурман Валерий
 Фурман Владимир
 Хазанов Ефим
 Халимов Айрат
 Харитоновна Инна
 Худяев Сергей
 Хышова Диана
 Цаликова Зара
 Царьков Владимир
 Цейтлин Борис
 Цукерман Захар
 Цыплягин Юрий
 Чадова Евгения
 Чащин Егор
 Чаус Рая
- Чернина Светлана
 Черничко Сергей
 Черняк Борис
 Чечельницкий
 Игорь
 Чижов Александр
 Чистякова Виктория
 Чубарова Людмила
 Шарабарин Михаил
 Шарф Виктор
 Шварц Леонид
 Шварцвассер Арон
 Шендерович Виктор
 Шипицын Леонид
 Шитякова Яна
 Шишлов Сергей
 Шлаен Михаил
 Шлосман Семен
 Шлякман Марк
 Шлямович Алексей
 Шлямович Марк
 Шмерлинг Фридрих
 Шнейберг
 Владимир
 Шнейберг Люба
 Шостак Дмитрий
 Шпилюк Елена
 Шульман Нелли
 Шумилин Андрей
 Шур Михаил
 Эйделькинд Давид
 Эйдинова Елена
 Эльконин
 Александр
 Энгельс Вера
 Эренбург Илья
 Эрлих Александр
 Юнг Сергей
 Якименко
 Якобсон Михаил
 Янкелевич Татьяна
 Яновский Михаил
 Ямпольский
 Максим
 Ярмолинский Марк
 Алекс
 Александр
 Андрей З.

Дима
Мурат
Ольга
Рита
И. С.
Татьяна
יביל חקיי
2mnc
89toka
aia8aia
akyalis
alexarest
alexazakh
alexbtvn
Alexey.gastech
anivanivan
anlinde
anser4
anskripnichenko
antipsych
apokras
backside
balett_girl
barbel007
basile.lvoff
Blanche Grinbaum
Salgas
brus
dandiden
debir
desyatkov
dfedorov
dies4t
dikhter
director
dkopylov1986
docent18

ekaterinakv
elena-stont
evolynkina
fan
fedorushka
g_vilchek
galiv7
gallows-tree
hf1977
innars
inyd
jane.karpina
janeli
jeca57
katya-shich
kici2
kirilltrach
Kogti2
larna_2003
legr
Lena
lena612212
leon1967
linago49
lubovic
m.sharkow
mara-dezi
mariasor
Marina D
marina_kemnic
ml.tihonjuk
mpodlubny
MV
naenooni
nasanin
nikon-den
nina-7368

o_kligerman
oitkin
oland19
olga.gl88
Ouano Marina
pattern.am
pavelavery
pavlenko.ir
pinto66
pirikoo7
ponedelnik51
privalov298
Reuven Bronstein
Ron Luvistsuk
ryba ol
s_medzishevski
saa72
sergmeheev
servol1947
shlosman2010
solas
svkolmogorov
svo-50
trolina2007
tsyba.anna
uasavitur
valentinaharp
vfridman.48
vskalov
waptaptibadudai
y2oopm
zarayskaya
zayc27
zin-majzelis
zinzina
Zoya Charles
zoyakoz

733

Благодарности

- Аба 356-357
 Абалаков 84
 Абель (рабочий) 466
 Абель, Илья 467
 Абстауз, Яков 471
 «Абрам» (Иосиф Глазман) 351
 Абрамова-Войнова, Б. Р. 153
 Абрамович 55
 Абрамович, Б. 394
 Абрамович, Марья 345
 Абрамович (Шауляй) 362
 Абрамсон 56
 Абрамсон, А. 394
 Авербух 367
 Адамович, Ирена 353
 Адесман, Израиль Борисович 95, 98
 Адунский 236
 Аizenберг (Ессентуки) 299
 Аizenберг (Минск) 156
 Аксельрод (родители) 115-116
 Аксен 363
 Аксенович 270
 Алекс (сын Сарры Борисовны Трусскиной) 516-517
 Алекс (сын В. Глушкина) 283
 Александрас, Ионас 365
 Александрович, Хаим 189, 201
 Алексиян 153
 Алер, Ида 202
 Алигер, Маргарита 245
 Алина (сестра Л. Бордо) 501
 Альберт 645
 Альберштат 649
 Альперович (скорник) 166
 Альперович (врач) 196
 Альперович, Дора 194
 Альтман, Тося 665, 667
 Альтман, Роза 205
 Альтшулер, Абрам 214
 Аля (жена Э. Ривова) 490, 492-494, 496, 500-502, 504
 Амкель, Шимон 274-277
 Амстердам 127, 172, 344, 414, 597-598, 619
 Амстибовский, Ошер 640
 Ан (Каунас) 437
 Андрей 542
 Анелевич, Мордехай 664, 676
 Анна (жена Черно) 163
 Анна Борисовна (сестра С. Б. Трусскиной) 516
 Анна Яковлевна (мать А. Э. Гринцвайга) 514
 Анолик Бенъямин младший (Бенцион) 566
 Анолик Нисан 564
 Анкравс (А.) 490
 Антиколя 509
 Антоколя 493
 Антоколяский, М. 344
 Антоколяский, П. 611
 Антонеску, Ион 106, 151-153
 Антоний (хсендз) 467
 Аня (Минск) 195
 Апресян, В. 570, 596
 Арайс 466, 472
 Арборе, И. 153
 Арн, Хаим 70
 Арон (доктор) 407
 Арон (Арли) 593
 Ароцкер, Миша 190, 201
 Артштайн, Захарья 677
 Аумер 629
 Аусен, Клара 616
 Аускер-Дукинская, Полина Марковна (Ольга Васильевна Храпова) 518-521
 Афонский 162
 Бабад, В. Г. 152
 Бабат, Илья Львович 33
 Бабич, Л. С. 152
 Бабские (семья) 524
 Базаров, Л. 149-154
 Байер (генерал-лейтенант) 701
 Байер, Лена 366
 Бах, Самех 363
 Бакалейник 68
 Бакаленко, Александр (сын Р. Фрадис-Мильнер) 116
 Бакаляш, Вера Самуиловна 237-239, 242-244
 Бахан, Вельдтраут 625
 Бахабан (Симферополь) 527
 Балабан (Ессентуки) 298
 Балабан, Мейер 666
 Баллигур, М. 618
 Балзака, О. 246
 Банк, Семен 208-209
 Бантровский, Г. С. 662
 Барабан 43-44, 47
 Баран, Д. 201
 Баранчук, Кирияк 118
 Барац 185
 Барбалиц 153
 Баргман, Х. 409
 Барер, Яков 137-138
 Бартошевич, Янова 362
 Барух (фармацевт) 407
 Бас, Моисей 66
 Басихес, Лия 42
 Басс 336
 Бася (Понари) 548
 Баумгольд 295

- Бах 469
 Башхатов 48
 Бебель, Август 681
 Безволяк, Виктор 56
 Безданский 639
 Бейдер (Бендер), А. 55, 58-59
 Бейлин, Лева 194
 Бейлис, М. 37, 531
 Бейлис (Клоога) 567
 Бейу 154
 Бек фон 298
 Бекер 567
 Беккер 219
 Беккер (Вильямс) 548
 Беккер, А. И. (И. Беккер) 53-59
 Беккер, Сусанна 548
 Беленова, Елена 290
 Беленский 661
 Белинский, В. 658
 Белид, Иосиф 551, 555
 Белицкая, Хася 270
 Белла (Грецня) 619
 Белов 238
 Белополюский 69
 Белостокский, Миша 186
 Белоусов, Федя 91
 Белленин 446
 Бененсон 294-295
 Бенке 179, 264
 Беньяш, Моисей Григорьевич 34
 Бенья 608
 Бер 598
 Берг, Эрнст 608-609
 Бергольский, Яков 336, 374
 Березлева, Валентина 31
 Березовский 242
 Берель, Изидор 477
 Берестичский 233
 Берестовицкая 271
 Берестовицкий, Камен 272
 Беркнер (Берхвальд), Шмерл 271
 Беркович 486
 Беркон, Моисей 221
 Берлин, Л. В. 660
 Берлинерблау 305
 Берлинский, Герш 672
 Берлянд 238
 Берман (Киминев) 150
 Берман, Рахмиэль 423-424
 Бернсдорф 470
 Берштейн (Берштейн) 227
 Берштейн, Мирра 340
 Берсон, Дора 191, 205
 Берта (дочь Геня) 208
 Бетти Марковна 490
 Бетховен 452, 469
 Бехлер, Бернгард 685
 Бжецкий 604-608, 610
 Бжлевская, Виктория 362
 Биг (Бих), Ася 370, 561
 Биндлер, Хася 195, 198
 Бинер 245
 Бира (дочь Х. Шурек) 272
 Биргер, Янкель 421, 425
 Биренбаум 306
 Бишоф (штурмбанфюрер) 629
 Бишоф, Леопольд (ефрейтор) 689
 Бланк (Киминев) 153
 Бланк (Берджчев) 43-44, 47
 Бланк (Одесса) 97
 Блат, Исаак 221
 Блау 114
 Блобель, Пауль 547
 Блок (Тельшай) 461
 Блок, Шимен 425
 Блок, Цицик 405
 Блюм 486
 Блюм, Владислав 406-407
 Блюмензол 643
 Блюментали 403-404
 Блюменталь Александр 403
 Блюменфельд, Рудольф 473, 475-476
 Блюмин, Соломон 186-187
 Блязер (Блазар), Абрам Пинхусович 551
 Бляхер (Клоога) 563
 Бляхер (Минск) 186
 Бобровская, Голда 229
 Богданов 194
 Богер 629
 Богомолец, В. М. 7
 Бодман 563
 Бойер 391
 Бокк фон 685
 Вольшова 96, 106
 Боракс, Эдек (Элягу) 351, 358-359
 Бордо, Деля 501
 Борис Львович 516
 Борисов 513-514
 Боро, Эмиль 626
 Бородин 154
 Бородинская-Книш, Елена Ефимовна 36-37
 Боруца, Казис 345
 Борух 146
 Борух 604-608
 Борух (оружейный мастер) 356-358
 Борк (брат Х. Ротмана) 46
 Воря (родственник И. Шпеера) 46
 Бос 245
 Ботвинник, М. 224
 Ботвинник, Хая 200
 Ботвинник, Циля 202
 Бод (Бору) 89
 Боярский, Ошер 640
 Бразер 203
 Брамзон 268
 Брандт, Карл 667
 Браслав, Самуил (Шмуель) 677
 Браузе 357
 Браун (Шауляй) 388, 290
 Браун (Рига) 499
 Браун, Саля 222
 Брацки, Сергей 58
 Бран 470, 475, 477-478
 Брегман 295
 Врелович, А. 394
 Вренайзен 331
 Врехман, М. 60
 Вриль, Лейб 644
 Вродский 94
 Вройер 661
 Вролякас (Готаутас Бронис) 536
 Вроня 133, 136
 Вру 626
 Врунвассер 116
 Врунс (унтерштурмфюрер) 468
 Врунс (братья) 472
 Врустин, Наум 196, 204
 Врштин, Ф. Ф. 612
 Вуб 388-389

- Бугаевская 295
 Буджинскене (Буджинскиене) 404
 Буйвидайте-Куторгене, Елена 426-460
 Бунге I81, I83-I84
 Бургин 385, 394
 Бурденко 260, 262-263
 Бурцева, А. М. 83-84
 Бурштейн 394
 Бурштейн, Фрума-Рива 334
 Бурштейн, Гирш 415
 Бурый, Василий Николаевич 239
 Бурян, Тамара I37
 Бух, Марек 271
 Бытенская, Эля 271
 Быковский I86
 Бялик, Х.-Н. 342, 344
- Вабер 629
 Ваг, Нозми 489
 Вагнер (Собибор) 606
 Вагнер (Бурбишки) 323, 346-347
 Вай, Иосиф 462
 Вайнберг, Зельма 597-598, 610
 Вайнгауз, Нотке (Нотэ) I64-I65, I69, I89-I90, I92
 Вайнгертнер, Бенцион (Николай Васильевич Клименко) 300-303
 Вайнгертнер, Иосиф 300-303
 Вайнер (Маркушоль) 91
 Вайнер (Черновци) II4
 Вайнтрауб 667
 Вайнштейн 562
 Вайнштейн, Л. I52
 Вайнштейн, С. I52
 Вайс, Мартин 320, 324, 326-338, 348, 374, 552
 Вайсман 57
 Вайсман, В. Н. I52
 Вайсман, В. Н. I52
 Вайспапир, Аркадий 609
 Вахс 601-602
 Валайтис 443
 Валерик (сын Ф. Симкиной) 281
 Валлер, Макс I37
 Валова 399
 Валцер, Эня (Вальцер) I47-I48
 Вальдман, Илья Вениаминович 302
 Ванновский, Н. Р. 612
 Вандман 245
 «Вандл» 353
 Вард 310
 Варшавский (Одесса) 95
 Варшавский (Минск) 272
 Варя 81
 Василенко-Весельницкий, И. Л. 407, 409, 411, 423
 Василеску I54
 Вахт 276
 Вацник (Вапник) 566
 Вацина 678
 Вацкина, Зинаида 515
 Вевюрская, Рая 235
 Велвеле 252
 Величко, Стасис 415-416
 Велхитис 386, 390-391
 Венгеров, С. А. 293
 Вениных, Мария 486
 Венирих, Генрих Михаэль 700
 Венцовский («Ришард») 672
- Вера (дочь Х. Ямпольского) 33
 Вера Вгоровна 307
 Вергер Отто 689
 Вержковский, Шне 424
 Верн, Илья 246
 Вигдор (сын М. Цирульницкого) 639
 Видзе 414
 Видуцкий, Давид 356
 Визгардинская 536
 Виленский 600
 Виленчук (семья) 420, 424
 Виленчук, Арон 406, 420, 423-424
 Вилимас, А. 416, 458
 «Вилли» II5-II6
 Вильгауз, Густав I25
 Вильгельм 234
 Вильгельм II 406, 681
 Вильдт 219
 Вильнер, Аръе («Дрех», Хаим Израэль) 673, 676
 Винницкая, Броня 270-271
 Винд, Сарра Вениаминовна 522
 Виртс 617, 619, 629
 Вискинд 341
 Висневский 626
 Витас, В. 367
 Витенберг, Исаак («Леон») 351, 353, 356-357, 366-367
 Виткин 407
 Витрох 471, 475
 Виц, П. 394
 Вицерман 55
 Вишнет, Мошкеле 255
 Вишнютская, Злата 255
 Владик (сын Фани) 92
 Владимир (сын Х. Ямпольского) 33
 Владимир, Яков 64, 69-70
 Волк, Коля I43
 Волков 522
 Волков 384
 Волковський 565
 Волковский, Вевл 272
 Волкозуб, Г. И. 525
 «Володя» (Муля Нипт) 271
 Волсонок 419
 Волябе 425
 Вольтерт 462
 Вольский 678
 Вольт (Понари) 555
 Вольт (Рига) 478
 Вольт (Берлин) 323
 Вольтфович, Марк 403
 Воробьева, В. 254
 Вороновы 202
 Ворошилов, К. Е. I90, 221, 446
 Врубель 277
 Врублевич, Хинка 249-250
 Врублевский 273
 Вубская I45
 Вульф, Бени 552-553, 555
 Вурварг 359
 Выгодский, Яков 329
 Высоцкая, Лида 248
 Высоцкий 249
 Вялики, Андрей Васильевич 415
 Вяликина, Мария 415
- Габерман 389
 Гаврила 700

- Гаген 594
 Гаевский 38
 Гайбаум, Эрик 699
 Гайндлейт 217, 219
 Галлерман 509
 Галотеску III
 Гальперин I52
 Гальперин, Тэвье 373
 Галя (дочь Гени) 208
 Галя (дочь М. Цирульницкого) 639
 Гамбург, Абрам (Франц) 551
 Гамза, С. I52
 Гандалик, Марьян 623
 Ганзенко, Семен Григорьевич I75
 Ганштейн 466-467
 Ганя 89-90
 Гарбель, Соломон 328-329
 Гарбер (Гурбер) 89
 Гардес 245
 Гарих (сын инженера Нужного) 46
 Гаркави 286
 Гартман 696
 Гаттенбах I79, I8I
 Гаульштих, Фридрих 608
 Гаус (Вильямс) 350
 Гаус, Лина I29
 Гажман 2I9
 Гапа 228-229
 Гдуд, Мотл 325-326
 Гебауэр, Ф. I25
 Гебель 6I7
 Геббельс I2, 430, 456, 474
 Гебелев, Михель (Михл) I65, I69, I72-I73, I75, I9I, I93-I95, 202-204, 206
 Гебелева, Слава I95
 Гебелль 2I9
 Геберлинг 2I9
 Гевеке, Ганс 387-388
 Гегухинский, М. 42I
 Геди (дочь Ветти Марковны) 490
 Гейблум, Рувим I98, 206
 Гейгер, Макс 34I
 Геке 422
 Геке 565
 Геллер А. 394-395
 Геллер, Элиазар 668, 673
 Гельборг, Шлема 274
 Гельбтрунх, Михл 407, 4I0
 Гельман I52
 Гельман, Авраам I92, I96
 Гельперин, Г. 354
 Гельперн, Д. Б. 40I
 Гемпель, Берл 406-407
 Гениг II4-II5
 Генихович, Бона 22I
 Генриетта (жена А. Блументала) 403
 Генс (Вильямс) 330
 Генц, Иван Иванович 242
 Генц, Иван Степанович 242
 Гени (сестра С. Кац) 208
 Геотмерман 629
 Герасименко («Николай») 205
 Герасименко, Татьяна 202
 Герасимова, Валерия 249-25I
 Герасимова, Н. И. 6I2
 Гербер, Мойше 407, 409
 Гербман, Минна 6I6
 Гербет 669
 Герих 245
 Геринг, Г. I2, 674, 682-683
 Геринг, Август 322, 324-325
 Гермайзе, Николай Георгиевич 533
 Гермайзе, Людмила Борисовна 533
 Гердль 345
 Герд, И. I20-I3I
 Герц, Дия I3I-I36
 Герцберг 298
 Герцих, Давид («Женька») I90, I92-I93, I97, I99
 Герцмарк 494, 499, 502, 504
 Герцович, Берл 29
 Гершафт 677
 Герштейн, Нина 345
 Гершуни 277
 Гесс, Рудольф I6, 683
 Гесс, Рудольф (комендант Освенцима) 629
 Гесс, Франц I75
 Гесслер, Франц 629, 63I-632, 647-648, 650
 Гетцингер 608-609
 Геф 392
 Гехман (Минск) I84
 Гехман, Вфим 63-7I, 465-488
 Гехман, Ляся I45
 Гец, А. 394
 Гец, Д. 394
 Гецкиевич 626
 Геудах I07
 Гилис 462
 Гильберт, Соломон 677
 Гиммлер, Г. I2, I9, 20-2I, 38, I25, 275, 320, 329, 547, 57I, 58I, 584, 590, 6I3-6I4, 6I7, 629, 664, 670, 685
 Гимпель 343
 Гинзбург, Л. 286
 Гинзбург, Лена 202
 Гинтер I83
 Гисифинер, В. А. I52
 Гисифинер, И. А. I52
 Гиршберг, Роза 493
 Гиршгорн, Самуил 677
 Гительсон (Двинск) 507
 Гительсон (Глубокое) 2I6
 Гитерман, Герш 4I
 Гитерман, Шаф 666
 Гитлер, А. I3-I4, I6, I8-I9, 24, 54-55, I78, 2II, 233, 309, 350, 359, 427-429, 444, 459, 48I, 543, 63I, 665, 669, 682-683
 Гитлин, Исрозль 406-407, 409
 Гитлиц, Говин 225
 Гитлиц, Рафаэл 2I9
 Гитя I46
 Гифейсман I53
 Глаголев, Александр Александрович 53I
 Глаголев, Алексей Александрович 37, 530-535
 Глаголева, Татьяна Павловна 530-535
 Глаголевы (семья) 37, 530-535
 Глазман, Ари 403
 Глазман, Иосиф (Иосеф) («Абрам») 35I
 Глезер (семья) 424
 Глезерите (Альбина) 427
 Глейзер, Давид 22I
 Глейзер, Дия Самойловна I76, I88
 Глейх, Вася 89-92
 Глейх, Сарра 89-93
 Глик, Г. 324

- Глобочкин (Глобощин, Глобонин),
Одило 670
Глозман, Арон 2I6-2I7
Глозман, Зелья 2I6-2I7
Глозман (семья) 2I6-2I7
Глузман 296
Глушкин, Борис Семенович 282
Глушкина, Евгения 283
Глушкина, Софья 282-283
Глюкс 623, 629
Говин, Иван Васильевич 24I
Годо 626
Голанд, Исрозель I94
Голдовская, Софья 33
Голдочка 437-438
Голиков 87
Голицев 206
Голль, Шейма 376
Голуб 242
Голуб, Аврам 536
Голь, Шлема 549, 55I, 555
Гольдберг 323
Гольдберг, З. 355
Гольдберг, Л. II2
Гольдберг, Лина I29
Гольденберг, А. С. I52
Гольденталь, Рахиль Иосифовна 95
Гольдзах, Нохим I98
Гольдин I66
Гольдман (Брайлов) 65
Гольдман (Имельник) 58
Гольдфайн, Ольга 23I-236
Гольдшмидт 298
Гольдштейн 350
Гольдштейн, Борис (Борух) 352, 354,
358, 360
Гольдштейн, Береле 329
Гольдштейн, Натех 27I
Гольдштейн, Элизер 384
Гольнева, Екатерина Абрамовна 522
Гольтер 245
Гольцев, Иван I54
Гомерский 600
Гонтковский 33
Гонтова, Ф. М. (семья Гонтова) 524
Гончаренко, Ф. И. 3I
Гончарова 287
Гонштейн, Евсей Ефимович 526-529
Горбовский, Александр Григорьевич 532,
534-535
Горбонос, Муся 54
Гордон (Минск) I65
Гордон (Литва) 346, 353
Гордон, Гирш 22I
Гордон, Зельда 220
Гордон, Самуил 220
Гордон, Яков 6I6, 6I9, 625
Горенбух I50
Горенштейн, Л. I52
Горица, Петер 688-689
Горн 232
Городецкий I63, I66, I9I
Горпина 69
Горст, Карл 699
Горстман 629
Горингот, Мария 5I4
Горингот, Анна 5I4
Горький, М. 344
Готбеттер 236
- Готгарт 320, 329
Готт, Лейбе 673
Готхард 343
Готшаль, Лина 47I
Гофман (Брест) 245
Гофман (Краснополе) 248
Гофман, Ошер 2I5
Гофман, Франц Йоган 647
Гофштейн, Эли 229
Гофштетер 689
Гравец, Хайм 205
Град, Морис 4I5
Граде, Х. 324
Грайвер I57
Гран, Анатолий 407, 4I3
Грановский, Абрам 87-88
Гржимек I27
Грибер (полицейский) 245
Грибер (офицер СД) 245
Григорий Яковлевич 498
Гринберг (Киев, Освенцим) 660
Гринберг (Черновцы) II5
Гринберг (Ростов-на-Дону) 287
Гринберг, Белла Эгновьевна 32
Гринберг, Герш Абович 32
Гринберг, Мария Абрамовна 287
Гринвальд, Вилли 4I4
Грингауз, Шолом I96
Гринфельд, П. И. I52
Гринфельд, Софья Исааковна I53
Грицвайг, Абрам Зммануилович 5I3-5I4
Гриншпун, М. Г. I52
Гричаник, Михаил I58-I68, 205
Гришкевич 2I6
Гробдрук, Я. П. I50, I52
Гродзенский 536
Гродзенский, А. И. 324
Гродзинский 93
Громп, Генах 649
Грос, Макс Вальтер 370
Гроссберг, Я. I07-II2
Гроссман, В. С. 7-9, I2-25, 40-48, I88,
209, 2I3, 236, 277, 504, 5I7, 560,
568-59I
Гроссман, М. Я. 6I2, 6I6
Гроссман, Х. 359
Гроссман, Хайка 270
Грунтман 486
Груцкин 65
Грулевский, Михаил 273
Губская I4I
Гудайский 276
Гудкин, Врий 55I-552
Гурвич I76
Гурвич, Фаня 205
Гуревич (Рига) 486
Гуревич (Горы) 2I4
Гуревич, Григорий 372
Гуревич, Мордух 222
Гуревич, Ф. 92
Гуревич, Хана 2I4
Гурин 43-44
Гурмон I08
Гурьян, Анна Семеновна 304
Гусаков (Давид Рагнер) I98-I99
Гусинов, Хонор I97, 205
Гутман, А. 394
Гутман, Татьяна Самуиловна 237-239,
242

Гутманы (семья) 491
Гутнер, Евгений Михайлович 542
Гуго, Виктор 246
Гунтер 395
Гюртнер 16

Давидзон, Маруся 269
Давидович 388
Давидовский, Роман 612
Давидченко, Павло 30
Давыдов, Владимир 36
Давыдов, В. 527
Давыдов, Яна 418
Давыдова 418
Дамбер, Эльвира 471
Дардан, К. Н. 154
Дауэрлейн 245
Д. Б. 428
Дворец 176
Де-Винд, Эдуард 616, 619
Дегнер, Ганс 332-333
Дегнер, Элен 332, 348
Дейч, Мендл 407
Деменов, Игорь 542
Демидов, Владимир 255
Дер II7
Дер, Карл 698
Дереш, Сяня 146
Деринг 616
Дерман, А. 308, 313, 315
Дерягин, И. К. 661
Дессанти, Эмиля 620
Дехтерева, Федосия Семеновна 253
Дзюнк 133-135
Диамант 673
Диамант, Соня 87
Дима (сын Э. Ривона) 490
Дина Шмулевна 29
Диргинчис, Антанас 415
Директорович 394
Дисхант, Аба 407, 411, 413, 424,
Дистель, Лев 355
Дитрих 362
Добин, Гирш 189, 192, 198, 201
Довторович, Юня 147
Догми, Исаак 375-377, 548, 551, 553,
555-556
Долинский, Ярослав 612
Доманские 143
Доманский, Миша 143
Домна Арсентьевна (мать
А. С. Тимофеевой) 522
Дон (сын И. Фейгельсона) 222
«Дон-Жуан» 439
Дора (родственница И. Шпеера) 48
Дора (Маркуполь) 95
Дорошенко, С. П. 654, 661
Доха 273
Драгалина II2
Драгон, Шлема 615
Дразнин 640
Дралле 471, 492
Дрейзин, Мовша 223
Дрексель, Карл Иоганнес 697
Дрекслер 471, 474
Дривяцкий, Лейве 217
Дришер 336
Друскин, Л. М. 304
Друц 215

Дубнов, Семен Маркович 476-477, 495
Дубовицкая, Любовь Александровна 284
Дудзец, Ядзя 353
Дудин 284
Духорский, Илья 186
Думаржин 563
Думитреску, Петр 153-154
Дурмашкин, Вольт 341
«Думитель» 137
Дымовский 562
«Дядя Вася» 200

Егер 461
Егоричева 532
Елин (Острино) 640
Елин, Хани 418-421, 424, 427
Елин, Меер 401-416
Еккельн, Фридрих 44, 475, 478
Екельчик 204
Елена (дочь Х. Ямпольского) 33
Елена Ивановна 300
Ерушалми, А. 378-380, 387, 565
Ефрус 298
Ярков, Костя 552
Железняк-Горелих, Клара 195
Жемайтисек (Жемайтский), Гершон
397-398
«Женька» (Давид Герцих) 190, 192-193, 199
Животворский, Наум 314-315
Животинская 298
Жилинский, Х. 394
Житлязейф, Валлих 196, 204
Жоб 626
Жовта 296
Жоржик (сын Л. Бордо) 501
Жух, Валя 259
Жуковская 336

Загацкий 245
Зайдель, Мотл («Ингеле») 375, 548, 555
Зайнтрауб 561-564
Зах 476
Захс 462
Захс, Б. 493
Залкинд 339
Залкиндсон 348-349
Залкинды (семья) 339
Залман (сын И. Фейгельсона) 222
Залог 688-696
Замерзлий, Онисий II8
Зан, Томаш 344
Зарецкая, Миша Марковна 260-261
Заскин 192, 198
Заур 686-687
Заур 485
Зац 222
Зегельман 89
Зейгарник, А. 394
Зейс-Инкварт 12
Зейф 219
Зеленая 242, 446
Зеликман 509
Зеликман, Сролик 335-336
Зиберт, Иоган 476-477
Зибертас 404
Зибцикер 196
Зиверс 478
Зилберглейт 222

- Зигель (Зигель) 386
 Зиллер 123
 Зильбер, Рухна 359
 Зильбер, Сарра 359
 Зильберглейт 222
 Зильберфарб 242
 Зильберштейн (рабочий) 186
 Зильберштейн (сапожник) 205
 Зяман, Лео 414
 Зимелевич, Мойше 407, 411-413
 Зингер (Владимир-Волынский лагерь) 660
 Зингер (Кишинев) 153
 Зингер, Абрам 549-550, 554
 Зинин, Петя 549, 551, 555
 Зирченко, Павел Сергеевич 526, 527
 Зискис, Г. Ф. 152
 Зискис, Л. Ф. 152
 Зисман, Ошер Моисеевич 237-239, 242-244
 Зоммер 617, 629
 Зондерс, Нона 616
 Зорин, Шолом (Симон) 185, 206, 208
 Зоров 179, 198, 645
 Зоя 139
 Зудбрак, Вильгельм 702-703
 Зискин 158
 Зяма (брат С. Дерена) 146
- Иванов 186-187
 Иванов, Всеволод 253
 Иванова 242
 Ивановская, Мария 202
 Ивановский 245
 Изделис 386
 Изак 593
 Измайлова, Матрена 290
 Израилев, Гирш 221
 Изька (сын Фридмана) 494
 Ильченко, Ейна Лаврентьевна 306
 Ильчиков, В. 521-522
 Илшна (сын Н. Эльгорт) 29, 35
 Инбер, Вера 94-106
 Инбер, Н.-Г. 635
 Ингала 286
 Ингер, Мендель 88
 Ингуарт 130
 Индикт (супруги) 79-80, 81-82
 Индикт (Индиктченко, Ступка),
 Михаил Петрович 79-80
 Индикт, Надежда Ивановна 80-82
 Инсул 641
 Иоган, Федор 154
 Ионеску 154
 Иордан, Фридрих (Фриц) 405
 Иосиф 146
 Иостен 629
 Иоффе (Минск) 172, 178
 Иоффе (Брест) 237
 Иоффе (Шауляй) 400
 Иоффе, Цалел 418
 Иоффе (семья) 424
 Исехельман, Рувим 221
 Иозель (сын М. Цирульницкого) 639
 Ипп 436
 Ипполитов-Иванов 341
 Ира (дочь И. Минкиной-Егоричевой) 532
 Ирина (дочь В. И. Красовой) 513-514
 Исрозель (сын Мильштейн) 418
 Иська 132-133, 136
 Ита (сестра М. Селя) 514
- Итмина, Екатерина Леонтьевна 286
- Йонущайте-Зауене, В. 453
 Йосаде (Йокубас), Я. 425
- К. (хирург, Каунас) 442
 Кабачников 645
 Кабнелло 484
 Каверян, В. 597-611
 Каган (Брест) 242
 Каган (Минск) 196
 Каган (Блязер), Иосиф 551, 553-554
 Каганова, Хана Ицковна 33
 Кадис 323
 Казис 306
 Казлаускас, В. 367
 Каллимали 608-609
 Калинин, М. 307, 514
 Калининская 235
 Калихман (Калерман) 57
 Калманович, Зелиг Гирш 342, 345
 Калманович, Идл 78
 Кальварийский 242,
 Кальницкий, Мирон 549, 555
 Кальтенбруннер 12, 683
 Кальфеницкий, А. 394
 Камай 363
 Камбер (Комбер) 394
 Камермахер 320
 Каминский 242
 Каммонский, Иозель 645
 Каммонский, Мойше-Янкель 643
 Каммлер 629
 Камсорн, Шейма 78
 Канах, Израиль 663
 Канторович (Глубокое) 215
 Канторович (Минск) 176
 Канторович, Давид 544-545, 548, 551,
 553-555
 Канторович, Елена 105-106
 Канторович, Ольга 105-106
 Капит 536
 Капитовская, Дуся 61
 Каплан (семья) 163
 Каплан (Минск) 190, 201
 Каплан (Вильнюс, Клоога) 561
 Каплан (Варшава) 664
 Каплан, А. 403
 Каплан, Аня 209
 Каплан, Блума 224
 Каплан, Янкель (Яков) 370
 Каплинский, Самуил 352-353, 372
 Каплинский, Сани 196
 Капустина, Розалия Наумовна 32
 Карлис, Ной 490
 Кароль 562
 Карпилова, Нюся 91
 Картун 382, 399-400
 Касимов, Иван Осипович 264-265
 Катувчан 154
 Кауффер 473
 Кауфман 153
 Кауфман, Беда 270
 Кауфман, Хтара 484
 Кауэнланд 392
 Кац (Минск) 194
 Кац (Вильнюс) 384
 Кац, Арон 383, 390, 394-395, 399-400
 Кац, Сарра 114

- Кац, Соня (Минск) 208
 Кац, Соня (Одесса) 101
 Кац, Т. 350
 Кац, Хена 326-328
 Кац, Ш. 394
 Кацаф, Мария 238, 241-242, 244
 Кацаф, Сузанифъ 238, 241-242, 244
 Кацман 384
 Кацман, Фридерик (Фриц) 121, 125, 128, 130, 670
 Кацман, Яков 310
 Кацович 221
 Кацович, Сарра 224
 Качергинская, Злата 363
 Качергинский, Ш. 324
 Каштелин, Иван Павлович 239
 Кашуб, Эмиль 616, 618, 629
 Квйтко, Лев 303, 311
 Кеблицкий 242
 Кемпнер, Витка 357-358, 372
 Кенниг 617, 625, 629, 635-636
 Кенниг, Яков 622
 Кешпих, Анна 616, 620
 Кербель 388
 Керзон 196
 Керши, Носиф 10
 Керн 217, 219, 222
 Килов 466
 Кимар 626
 Кинцингер 682
 Кипервассер, Ганя 152
 Киркаешто, Яна 165, 189-191
 Киркель, Ицх 414
 Кирман, Взеф 673, 677
 Кирницкая, Ина 58
 Кирполянский, Павел 542
 Кирулеску, Эмиль 153
 Киселев 213
 Киселев, Залман Иселевич 246
 Кисенинская 536
 Кисляр 242
 Китман, Георг 620
 Китт 617, 629, 637
 Киттель, Бруно 332, 338-339, 347, 349, 367, 369-370, 373, 414
 Клауберг (Клаубер), Карл 617, 629
 Клаузен 629
 Клебанова, Циля 196
 Клейман 152
 Клейман (Клейнман) 674
 Клейн 617, 629
 Клейнер (Калуга) 661
 Клейнер (Глубокое) 221
 Клеонские 157
 Клепфиз, Михаил 666, 672
 Клер 616
 Клерман 629
 Клименко, Василий Карпович 300-303
 Клименко, Николай Васильевич (Бендион Вайнгертнер) 300-303
 Климова, Вера Платоновна 150
 Клунов 162
 Кляйн, Эдита 616
 Клячко, Абрам 274
 Кнелояз (Кнелгойз), Лева 57
 Кобус, Марьяна 576
 Ковалев 186
 Ковалевский 519
 Ковальский («Ринард») 672, 678
 Ковальский, Исаак 356, 360
 Ковнатгор, Р. А. 7, 59, 119, 131, 136, 226, 273, 427, 504, 535, 556
 Ковнер, Аба («Уриж») 350-351, 363-364, 367, 372, 556
 Коган, Борис 602
 Коган, Сусанна 462
 Кожец (братья) 269
 Козлинер 221
 Козловский 552
 Козловски, Вилли 404
 Козловский, Гирше-Дейб 78
 Козма, Ион 153
 Козниевич 298
 Колдобские, Р. и Л. 91
 Колегаева, Г. А. 612
 Кон 310
 Кон, Абрам 373
 Коничев 214
 Константинеску 154
 Концевая 164
 Кооль, С. 414
 Копелевич, Гилл 188, 196
 Копенберг 221
 Копенвальд 218-219
 Коцзон, Исаак 66
 Кошиц 472
 Кошп, Всеволод 393
 Кошмович 661
 Корда, Никола 107
 Коримский 152
 Король 684
 Корошки 43-44, 47
 Коропатонидий, А. И. 152
 Корчах, Ружна (Роза) 322, 328, 332, 373
 Костышко, Тадеуш 345
 Котляр, Шмулик 336
 Котшеба 646
 Кох, Эрих 12, 682
 Кохановский 242
 Коцбинский 293
 Кочкаров (Кочкарев) 294, 296
 Кошман 232
 Кравец, Мойше 384
 Кравцов 62
 Кравченко, П. И. 64
 Кравчинский, В. 201
 Крайнее, Шлема 222
 Кракиновский, Пинхос 406-407, 411
 Крамер 442
 Краминская 152
 Крацивин, В. 249-250
 Красова, Вера Исифовна 513
 Крастман 484
 Краузе 475-476, 483-484
 Краузе (Мстиславль) 281
 Краус 468, 629
 Краус (Вена) 626
 Краус 471, 474
 Краут, Н. 217
 Крафт 67-68
 Кременчужский, Илья 289
 Кремер 474
 Кренгель 563
 Кренгель 462
 Крессер, Г. М. 152
 Крессер, Е. Г. 152
 Кривошеяна, Эстер 205
 Крижевская, Голде 334-335

- Крижевский, Авраам 334-335
Кринский, Р. 345
Кринский, Мотл 643
Кристи, София Константиновна I5I
Кроль (Крел) 388, 392
Кром, Мотл 509
Кроповицкий 223
Крошнер I76, I99
Крубазни 690-69I, 695
Круг 66I
Крук, Герман 342
Крупп 62I, 646
Криггер I2I
Ксендзова, Екатерина Ефимовна 522-523
Ксендзовы (семья) 522-523
Кубе 200, 220
Кублина, Рохла 202
Кугель, Шмуэль-Довид 2I0-2I3
Кудравцев, Д. И. 6I2
Кузнецов I99
Кузнецова, Этя 282
Кузьмин, С. Т. 6I2
Кузьминов I86
Кулик I92-I93, I96, I99, 204
Кулик, Айзик 64
Кулик, Бася 69
Кулик, Иосиф 67, 69
Кулик, Хана 67
Кудьман, Вера 93
Кунде 69I
Курганов, Арсений 407
Курганов, Васильи 407
Курганов, Махар 407
Куринин, С. И. 662
Куропатенков 662
Кусковские 524
Кутник, Иосиф Яковлевич 242
Куторга, Виктор 453
Кухта, Яна 5I6-5I7
Купелевский 397
- Л. (Шауля) 390
Л. (Каунас) 437
Л. (Каунас) 438
Л. (Рига, мастер) 490
Лабковский, С. 658
Лаврушина, В. ф. 6I2
Лавослав 626
Ладеско I53
Лазар, Хаим 373
Ланге, Рудольф 48I, 484
Лангман, Любовь Михайловна 52
Ланд I53
Ландау, Г. С. I50-I53
Ландау, Липа 2I7
Ланский, Лева Шаевич 262-263
Ланд 594
Ландман, К. 5I, 375
Ланя (дочь М. Цирульницкого) 639
Лapidус, Исрoэль 202, 205
Лapidус, Яна I74, I96
Лaпин, Андрей Иванович IO5
Лaпина, Вaрвaра Андреевна IO5
Лaпчинский, Хаим 272
Лaтшин 407
Лауя 562
Лаун, А. I26
Лaхман 228
Лaхман 629
- Лaхницкий 407
Лебедева, Е. А. 6I2
Лебиг 626
Лев I84
Лев, Абрам
Лев, Айзик 225
Лев-Млинский I84
Лева (сын Гити Яковлевич) 60
Левартовский 664
Леви 562
Леви, Я. 42I
Левин (Вильямс) 56I
Левин (Минск) I69
Левин (Тельный) 462
Левин, Г. А. I52
Левин, Гирш (партизан) 355
Левин, Гирш 370
Левин, Зелик 336-337
Левин, Лева 373
Левин, Марек 337
Левин, Мойше 407
Левин, Мойше («Бер Сарин») I7I, I9I, 200
Левин, Рувим 27I
Левина, Р. А. I52
Левина, Соня 20I
Левит, Макс 569-570, 593, 595-596
Левит, Ян 626
Левитан 536
Левитан, И. И. 345
Левитанас, Владас 400
Левитская, Ляба 347-348
Левковец, Андрей Иванович 242
Левченко 5I3-5I4
Ледже 570, 594
Лензон, И. М. 99
Лейб 593-595
Лейбович, Мендель 382-383, 385, 390, 394-395, 400
Лейзер (брат Б. Темчина) 256-259
Лейзерович, Арон 643
Лейтхи 270
Лейтман, Шлейма 602, 604-608, 6I0
Лехс I2I
Ленард I30
Ленин, В. И. 29, 54, 57, 468
Леночка (дочь Бурцовой) 84
Лент 673
Лент, Шанан 673
Ленцен, А. 392
«Леон» (Исаак Виттенберг) 35I
Леонард I33
Лерер, Ехмель 677
Леринцмаков, Андраш 625
Лернер (Брайлов) 65
Лернер (Хмельник) 56
Лернер, Давид (Минск) 205
Лернер, Давид (Черновцы) II4
Лернер, Хана 87
Лесхаусас 33I
Либегеншель, Артур 623, 629
Либерман 44, 47
Либерман, В. 30-3I
Либерман, Давид 63
Либман, Белла Александровна 32-33
Либман, Янкель 566
Либо 363
Либо, Берта I95
Лившиц 298

- Лидин, Владимир 49-50
 Лидочка (дочь Э. Ривона) 497
 Лиечка 375
 Лик 276
 Лиля (дочь В. Курторгене) 429-460
 Лимузен, Г. Г. 612
 Лимузен, Анри 626
 Лина 291
 Линдвор, Роза 147-148
 Линденбаум, Г. К. 152
 Линдер 664
 Липенгольд 566
 Липец 277
 Липке, Хан (Янис Липке) 486
 Липнер 390
 Липовичи (семья) 363
 Липманович 486
 Липштат, Павел 673
 Лисаковская, Ада 270
 Лисс, Нина 170, 172, 195, 203
 Литоценко 36
 Литоценко, Евгения 30
 Литнауэр 407
 Лифдер 391
 Лифшиц 174
 Лифшиц 196
 Лифшиц, Л. Л. 382
 Лихтер 467
 Лихтер, Ури 131
 Лозе 220, 442
 Лозовский, С. А. 7-8
 Лопанский, Борух 421
 Лоренцен 470
 Лосик, Вольф (Велвл) 190, 203
 Лосман 622
 Лубоцкая, Нюся 373
 Лубоцкий, Дая 373
 Лубоцкий, Има 373
 Лубоцкий, В. 373
 Лубоцкий 373
 Лудмер, И. Ф. 151
 Лукинская, Ольга Евгеньевна 518-520
 Лукинские (семья) 518-520
 Лукинский, В. П. 520
 Луковис 336
 Лумер 65
 Лупеску 101
 Лурье 286
 Луфт, Н. 205
 Луческу 153
 Лусая 298
 Люберский 382, 384-385
 Любецкий, Фимель 644-645
 Луха (Лухка) 605
 Луся 133
 Лях 509
 Ляхс, Квета (Блума) 269
 Лярек 270
- М. (Каунас) 441
 Магаряк 497
 Магат, Регина Лазаревна 33
 Магид 506
 Магид, Хонон 373
 Магун, Лиза 359
 Мадейскер, Соня 361, 370
 Мазило, Иван 154
 Мазоведкий, Бедалел 249, 387-388
 Мазовская, Сима 58
- Мазуркевич, Семен 609
 Майгуарт, Петер 688
 Майер 333, 338
 Майзелис, Лена 190, 201, 205
 Майзель 176
 Майзелье, Симон 622
 Майзельс 169
 Майндл 116-119
 Майорова, Люба 254
 Майстер 407
 Махк 394
 Махс (Мотх) 545
 Максимов, С. (Сарра Максимовна Эвенсон) 33
 Максон 560
 Махамух, С. Г. 152
 Малер 272
 Малкин (Мозырь) 228
 Малкина 478
 Малмед, Ицхак 272
 Мальвина (внучка И. Л. Бабата) 33
 Мала 636
 Малавский 228
 Мандель (Мендель) 625
 Мандельблит (Мандельблат), Лейбуш 270, 272
 Мандль 126
 Манейский, Арон 406-407, 410
 Манзон 242
 Манке 486
 Манскайт, Ганс 469
 Манушин, К. И. (К. Я. Манушин) 659
 Маня (жена Кравцова) 62
 Маня (сестра В. Темчина) 257
 Марголин 170
 Марголина, Эсфирь 163
 Маргулис, Анна 97
 Маринеску (Черновцы) 111
 Маринеску (Кияниев) 154
 Мария Григорьевна 35
 Марк 108
 Марк, Б. 663-678
 Маркевич 273
 Маркевич, Фонка 193, 206
 Марко Поло 448
 Марков 153
 Марков 371
 Маркушевич 491
 Мартишев, Сергей Федорович 543
 Масялис (семья) 462
 Масялис, Галина 462
 Матильда (жена Я. Гордона) 619
 Матула 689
 Махоль 274, 276
 Мацкевич, Исаак 351, 356-358
 Мацкин 549, 553
 Мачиз, А. 188
 Маша 507
 Маяков 516-517
 Медведская, Поля 115-116, 118
 Медников 33
 Меерович 432
 Мех 422
 Меланья 490
 Мельников 656
 Менгеле 617, 621, 625, 629, 634-636
 Менделевич 414
 Менделеев 459
 Мендельсон, Ф. 232

- Менцель 174, 181, 185
 Меньшиков 58
 Меренес (Марнес) 295
 Мессер, Велля 269
 Мечик 242
 Мечик 242
 Мешкуп, Хоне 414
 Миге 482
 Мизор, Арон 41-42
 Михеланджело 452
 Михливанский, Ицхок (Ицик) 421
 Михайлович 138
 Мил, М. 394
 Миллиман 219
 Миллер (Берлин, Вильямс) 343
 Миллер (Острино) 640
 Миллер (Минск) 181
 Миллер (Белосток) 271
 Мильгром 153
 Милькин, Рахмиэль 221-222
 Мильмейстер 44
 Мильмейстер, Лева 48
 Мильнер, Исраэль 424
 Милтон, Ситэ (М. Хаузер) 618
 Мильман, Захман 221
 Мильштейн 418
 Мими 492
 Миндель, Иосиф 196, 201
 Миневич 154
 Минкин 196
 Минкина-Егоричева, Изабелла Наумовна
 530-531
 Минор, И. 394
 Минскер, Г. 489
 Миц М. (М. Ми) 473, 489
 Миркин 196
 Мирра (жена Гуревича) 214
 Михаил 608
 Михайличенко 542
 Михайлов, А. К. 31
 Михасева, Тамара 30, 35
 Михелевич, Лейб 640
 Михель 609
 Михельсон 181-185
 Михл (брат М. Цирульницкого) 643
 Михоелс, Соломон 7
 Михтом, Бенцион 324
 Мицкевич, Адам 320, 416, 436
 Мицехин 153
 Мицник 298
 Мицник-Ландау, С. И. 150, 152
 Миша 62
 Миша 594
 Миша (дядя Сони Дереша) 146
 Мойхер-Сфорим, Менделе 342
 Мойшеде 327
 Молев, А. Г. 653
 Молине 626
 Молль 629
 Молотов, В. М. 427
 Молтене, Розалия 393
 Мона 605-607
 Морарн 154
 Моргенштерн, Церна 331
 Мордель И. 394
 Морен, Меер 487
 Морхуняйте 434
 Мороз, Анна 145
 Морозов, А. 312-313
- Морозовы (семья) 520
 Мортковский, Шмуэль 420-421, 425
 Москаленко (Мария Федоровна
 Розенфельд) 49
 Мостеньчук, Лена 145
 Мостовлянский 238
 Мотех 563
 Мотл (Махс) 545
 Мотл «с вонсам» 549, 553
 Мотл маленький («Нигеле», Зайдель)
 548-549
 Мотилевский, Владек 273
 Мошкович, Даниэль 272
 Мошкович, Менди 421
 Муднанов, Самия 625
 Мулер 509
 Мунблит, Г. 82, 86, 525
 Мунтян 153
 Мурер, Франц 329-330, 332, 347-348, 357
 Муссолини, Б. 393
 Мушкин, Илья 162, 165, 170, 199
- Н. (Каунас) 420
 Нади 144
 Назаревская, Людмила 287-288
 Нанкин, А. 291-292
 Наполеон 325
 Нарусевич, Э. (Гарусевич) 201
 Настя (дочь К. Баранчука) 118
 Натанзон 215
 Наудянас, В. 406, 415
 Нахт, Нафтали 131
 Нейбург 108
 Нейман (Эвпатория) 305
 Нейман (Вильямс) 319
 Нейменов (Неманов) 407, 410, 412
 Немоловский, Николай Васильевич 43, 46
 Немоловские 46
 Немаха (родственница В. Темчина) 258
 Нехний, Вая 409
 Нехтич, Оксана 308
 «Николай» (Герасименко) 205
 Николай 43
 Нина (дочь К. Баранчука) 118
 Нина (дочь Е. В. Ксендзовой) 522
 Нисан, Анолик 564, 566
 Ницберг-Машенмессер 234
 Ницпоревич 170
 Нитт Муля («Володя») 271
 Нови 239
 Новис, Роман Станиславович 241
 Новогребельский, Иван Назарович
 307-308
 Новогрудская, Вадита 270
 Ной, Лина 182
 Нойгебауер, Рольф 320, 329, 333, 338,
 368-369
 Норвайша, Балис 321
 Норд 682
 Норейка 385
 Норман, Рива 198, 202
 Нося 508
 Нотерман 205
 Нуар, Ях (В. Я. Оксер) 152
 Нудельман, Исаак 313
 Нухний (инженер) 44, 46
 Нухний (фотограф) 46
 Нухимович 524
 Нусенька (Адуся, дочь Кравцова) 62

- Овсей (сын Л. Дрисвяцкого) 217
 Овсейчик, Лейзер Бер 549, 551, 553, 555
 Овчинский, Арон 673
 Оглоблин 531
 Огуз, Розалия 287
 Одицкая, Ида 221
 Ожинский 215
 Озеров, Лев 39
 Окснер, Я. В. (Жак Нуар) 152
 Окунь 287
 Окунь 287
 Окунь, Зима 169, 172, 190, 195
 Окунь, Лена 165
 Олейник, Анна Львовна 514
 Олм 509
 Олькин, Эля 421
 Ольмер 215
 Онищенко 311
 Опенгейм 170
 Опенгейм, Геда 190, 201
 Опескин, Лев 374
 Орел, Трофим 58
 Орлов, Архадий 602
 Орлова 286
 Осовец, В. 91
 Осовский 401
 Остапчук, Герасим Прокофьевич 46
 Остиега 677
 Островский, Иван (Сема Шпунгин) 505-509
 Оперович, Гирш 426-427, 536-537
- Павличенко 306
 Палевский 561
 Палич, Герхард 629
 Пальтин, Илья 66
 Пандик 616
 Пашен 387, 389, 390
 Параскивеску 152, 154
 Пасечный (Пасичный), Д. Л. 31, 37, 534, 535
 Пастернак, Гея 202
 Патин, В. В. 153
 Патурская, Хана 78
 Паулитис, Бронис 536-537
 Паулавичус, Вюнас 403
 Пауль (Белосток) 276
 Пауль 693
 Певэнер, Лена 205
 Пейсахович, С. 205
 Пехелис 44
 Пехелис, Вульф 44, 48
 Пехелис, Михель 44, 48
 Пекер, Ревекка 673
 Перельштейн, Михель 276
 Переседская 524
 Перец, М. 223
 Перец, И.-Л. 342, 344-345
 Перхель, Лиза 68-69
 Перле, Шя 677
 Перлин, Матвей Григорьевич 139
 Перцова, И. И. 612
 Песин 201
 Петраускас 461
 Петро 75
 Петрушкин 97
 Печерский, Александр Аронович 601-611
 Печурова 520
 Пикармер, Елизавета 94, 101-102, 104
 Пикман, Бася 227, 230
- Пикус, Ефим Борисович 32
 Пикус, Л. 32
 Пикэ 240
 Пилицкий, Рихард (Ришар) 273
 Пилоник, Эйра 425
 Пилоник, Тевье 411, 413
 Пилковский, И. 353
 Пинтов 215
 Пинхос (родственник Е. Темчина) 256-259
 Пинчевский 152
 Плискин (Минск) 194
 Плискин (Глубокое) 215
 Плискин, Давид 217
 Плоткин, Давид 200
 Плотницкая, Хана 677
 Плотницкая, Фрума 677
 Пляико, Фена 37
 Поврозник, Хам 610
 Погольдан 154
 Погорельский 50
 Погоца, Федор 153
 Подольский (Хайловский), Александр (Сашка-бригадир) 411
 Подпрыга, Андрей Иванович («цветная шапочка») 190
 Познанский 563
 Поляк 692
 Пожерман (братья) 509
 Пожно 154
 Полина (внучка И. Л. Бабата) 33
 Полина Осиповна 516-517
 Полиновский, Нохум 274-277
 Полис, Анна 486
 Полищук, Яков Иванович 105
 Полюк 343-344
 Поллячек 629
 Полтавченко, Елизавета 304
 Полунова, Л. 92
 Поль 629
 Полых 594
 Полякин, Мирон 33
 Поляков 95
 Понятовский 215
 Попеску, Лука 153
 Поповичи, Траян 109, 111
 Порт, Лея 425
 Портнова, Рахиль 58
 Портной 407
 Потанин, Костя 544, 555
 Потехин, Анатолий 256
 Прейзингер 245
 Прейфи, Фриц («старый») 570, 592-594
 Прессман 201
 Приклад 40
 Прилуцкий, Шнейко 64
 Приткин 158
 Прицман, Азриэл 87
 Прищепчи, Коля 196
 Прокофьев 415
 Проскурна, С. Д. 662
 Пруслин, Матвей 169, 193, 201
 Пруслина, Ася 202
 Прюфер 614, 629
 Пуревич, Григорий 309
 Путерман, С. В. 152
 Пухель 492
 Пушкин, А. С. 99, 443, 451-452, 458-459, 497, 658
 Пфейфер, Р. 298

- Пшевальский, Ян 361
 Пшеницки, В. А. 659
 Рабинович 95
 Рабинович (Белосток) 277
 Рабинович, В. Я. (Одесса) 94-96, 104
 Рабинович, Рувим 373
 Рабинович, Я. С. 366
 Радеску 684
 Радиф 407
 Радога 153
 Разин, Шмуэль 424
 Райз, Генех 393
 Райка-Горя 153
 Райман 606
 Райндл 693-694
 Райх 690-691, 694-696
 Райхельсон, И. 92
 Ракиф 242
 Рамсей 684
 Рапопорт 157
 Рапопорт 201
 Ратайзер, Симха (Казах) 672
 Ратнер, Давид (Гусаков) 199
 Ратнер, Исаак 354
 Ратушная 50
 Раука, Гельмут 405
 Рахиль (дочь Х. Патурской) 78
 Рахлева 214
 Раик 216
 Раик, М. и Г. 215-226
 Ревенская, И. А. 84-85
 Ревинская, Лея 202-203
 Редер 43-44, 47
 Редченко 310
 Редькин 662
 Редько, Кирилл Арсентьевич 74
 Резник, Дебора 296
 Резник, Изл 57
 Резниченко, Абрам (Аркадий Ильич
 Резенко) 557-560
 Рейдер 262
 Рейзис 91
 Рейхенбах 628
 Режочинская, Тая 101, 106
 Рентельн, Теодор Адриан фон 364, 442
 Репин, И. 345
 Рецкий, Ури 186
 Рябе 181-185, 188
 Ряббентроп 683
 Рывов, Элик 489-504
 Ридле 407
 Ринцевич, Вээф 338
 Риркельман 153
 Рис, Лиза 192
 Рита (дочь Л. Рис) 192
 Рихтер (Минск) 171, 173-174, 178-179,
 181, 185
 Рихтер («голошейка») 334-335
 Рихтер, Иоганн 689
 «Ришард» (Ковальский) 672
 Роберт 649
 Роде 617, 629
 Родова, Эмма 183, 196, 199
 Роде 245
 Роханский, Мойше 414
 Рожецкий, Анатолий 99
 Рожецкий, Лев 95, 99-100, 105-106
 Роза (сестра Н. Эльгорт) 29
 Роза (сестра В. Гехмана) 67-68
 Роза (сестра С. Шпунгина) 505-507
 Роза (родственница В. Темчина) 258
 Розанова, Нада 61
 Розанова, Тамара Архадьевна 61
 Розенберг (Минск) 198
 Розенберг (Львов) 132
 Розенберг, Альфред 12, 250, 343-345, 683
 Розенберг, Исаак 284-285
 Розенберг, Наталья Емельяновна 284-285
 Розенблат (Минск) 170
 Розенблат (Киев) 30
 Розенблат, М. 152
 Розенталя 563
 Розенталя, Абрам 476
 Розенталя, Луна 677
 Розентретер 217
 Розенфельд (Москаленко), Мария
 Федоровна (Филатовна) 49-50
 Розенфельд, Михаил 664
 Розенцвейг, Равель 536
 Розенштраух, Артур Израилевич 127
 Розовский 399
 Ройзенвальд, Дина 373
 Ройтман, Арон 152
 Ройтман, Хаим 46, 48
 Рокита, Рихард («музыкант») 126
 Рольбин 196
 Рольникайте, М. 368
 Ромм, Неама 222
 Ромм, Сарра 222
 Ромма (Ромми) 492
 Ромен, Роллан 344
 Ронис, Эльвира 486
 Роткин 356
 Ротштейн 563
 Рокнов 90-93
 Рубежин, Вилик 173
 Рубеник 169
 Рубинфельд, Герман 407, 409
 Рубинштейн (Бердичев) 47
 Рубинштейн (Одесса) 95
 Рубинштейн, М. 394, 400
 Рубинштейн, П. 394
 Руд, Аня 270
 Рудак, Анна 115
 Руденская, Пилька 335
 Рудерман 77
 Рудерман, Зальман-Вульф 216
 Рудерман, Яков 221
 Рухи 565
 Рудинский, Михл 193
 Рудицер 165
 Рудицер, Гирш 203
 Рудкаускене, Петронеле 393
 Рудник 400
 Рудницкий 349
 Рудницкий, Исаак 372
 Рудович, Витя 196
 Ружевская, Соня 269
 Ружинский 363
 Ружицкая, Марья 270
 Рузвельт, Ф. Д. 441
 Рухомовский 228
 Рученко 306
 Рыбах, Даниэль 414
 «Рыжик» 593-596
 Раде 178-179
 Рибарский 626

Савицкий, Бер 269
Савич I86
Савич, О. 259, 380, 400, 462, 509, 567
Савчик I84
Саган, Шахно Эфром 664
Сайхо, В. А. 653
Саладас, Петруня 470
Сальман 268-269
Самуэль 6I9
Сандомирский, Анатолий 33
Санду IOI
Санкин, В. 4I2
Сапожникова, Ляся 6I
Сарин, Бер (Мойше Левин) I7I, I9I, 200
Сарра 36
Сарра I46
Сатановский, С. У. 32
Саша (сын Айзенберга) 299
Свидерский 570, 592
Сегалович, Генах 4I4
Сегаль 330
Сегальчик I97
Седлис 340, 362
Сейфулина, Л. 529
Селл 6I7, 629
Сель, Михель 5I4
Семенов 372
Семенчук, Володя I43-I44
Семптицкий, Хам 339
Сенд 258
Сергеенко 3II
Серебрянский, Зяма I65, 203-204
Сибирях, Миша 270
Сигаловские 50
Сигальчик, Яков 226
Сикорский 239, 24I
Сима (дочь Гени) 208
Сима 77
Симкина Раиса 26I
Симкина, Фаня 28I-282
Симон (резник) 252
Симонович 228
Синицкас, Вацловас 4I6
Сироткина I76
Ситерман I63-I64
Ситих, Отто 626
Сиченко, Марко 58
Скаржинский, Казимир 57I, 576, 596
Скачков I75
Скобло, Гиря I70, 20I, 296
Скули IO5
Скурник, Яков 6I6
«Славек» I69, I92-I93
Славянский, Моше 4I8
Слашис, А. 4I6, 458
Сладник, Яков 644
Сладник, Лейб 644-645
Слезин, А. 394
Слипченко 96, IO6
Слонимский 2I5
Слоуц, Янкель I94
Слуцкий, В. М. I53
Смиг 384
Смоленский 527
Смоляков, Гиря 424
Смоляр (Смоляревич), Герш (Ефим) I64, I69, I72, I89, 207
Смоляр, Натан 673
Собстель 662

Сокох, Мария Марковна 72-76
Сокольский 298
Соловейчик, Симон 22I
Соловьев, Владимир 344
Сологуб 4I5
Соломони, Г. I98
Соломонов, В. Г. I52
Сонька I86
Соня 87
Соня (дочь А. Цигельмана) 66
Соня (дочь Я. Владимира) 69
Соня 636
Софья Осиповна 497
Спанденко, Константин IO5
Спиваков 89
Спорберг 244
Стакаукас 363
Сталин, И. I5, 5I, 60-6I, I39, I97, 269, 307, 43I, 468, 479, 570, 596, 6IO, 594
Станек, Францишек 6I9
Станке 492, 498
Станкевич, Адольф 225
Станкевич, Мария 225
Станкус, Антанас 38I-383, 385
Стасих 594
Стася 363
Стадевич 225
Стегман 667
Стендер, И. 403
Стойко I54
Стребень 590
Стрелецкий I28, 678
Стронгин 8
Стронгина, Мирра 205
Стругач, Симон 259
Струпкус 387
Ступка (М. Индикт) 79-80
Суворовский, Леонид IO4-I05
Сухеник 20I
Сухеник, Гитя 202
Сухеник, Р. 205
Сухонник, Иосиф 66
Сулковский 257, 259
Султан, Гени 202
Сурес, Давид 6I6, 6I8, 620
Суслов 308
Сутягин, М. В. 653
Сухачевский, Эли 27I
Сухомиль 579
Судкевер, Абрам 3I9-377
Судкевер, Р. 324
Счесно, А. Б. 4I5
Тайхерт 626
Талейсина, Гитя Яковлевна 60
Талмазская, Р. А. I52
Талмазские, А. И. и Р. П. I52
Талмазский, П. А. I52
Талмазский, М. А. I52
Тальпис 462
Тамара (дочь Д. Лернера) II4
Таневидный, Аръе 639
Таня 89-9I
Таня (дочь Х. Патурской) 78
Таня I46
Таран 242
Тарасевич, Архадий Иванович 239
Тартаковская, Б. И. 85-86
Таубер 63I

- Таубер, Генрик 615
 Таубкина, Розалия 163
 Тауски, Лео 626
 Тафт 536
 Творецкий, Хаим 414
 Теббенс 667
 Тейтль, Меер 418
 Тейшова, Соня 205
 Телл Осиповна 32
 Темчин, Ефим (Фима) 256-259
 Темчини (семья) 256-259
 Тененбаум, Исаак 666
 Тененбаум-Тамаров, Мордехай (Мордухай) 272
 Тешер, Давид 425
 Терехова, Анна Евсеевна 522
 Тетельман, И. Я. 152
 Тихтин (Ростов-на-Дону) 286-287
 Тихтин, Залман 346-347, 354
 Тилло 616-617
 Тимофеева, Александра Степановна 522
 Тимчук, Иван Матвеевич 225
 Тингер (Тиннер) 298
 Тифензон 276
 Тихоненко, Е. К. 660
 Тишльман, Исидор 205
 Ткач, Маня 94
 Тодт, Фриц 562
 «Толстая Клара» 195, 203
 Толстой, Алексей 445
 Толстой, Д. Н. 246, 344, 440, 443, 445, 459
 Томала 580
 Томшинский 89
 Тоненбойм (Танненбаум) 238
 Топчиков 296
 Траевский 89
 Трайберг 524
 Трайнин, И. П. 684
 Трөггер, Зельда 369, 373
 Трейчке 681
 Тромцкий 214
 Трускина, Сарра Борисовна 516
 Тудосе 149, 153
 Тульский 203
 Тумин 174
 Туних, Абрам 190, 197
 Турганев, И. 445
 Турецкая, Анна Исааковна (Юта) 187
 Турский, Петр 678

 Ульманис 477, 484
 Ульяна 91
 Унгер (Ингер), Альберт Израиль 482
 Унцицкий, Мойше 421
 «Уриш (Аба Ковнер) 351, 363, 367, 372, 556
 Уцвен, К. 394
 Ушкац 89

 Фабри, Э. С. 701
 Файн 89
 Файн 422
 Файнберг 295
 Файнберг, Бер (Дов) Моисеевич 598-599
 Файнгольд 420
 Файнштейн 384
 Файнштейн 384
 Файтельсон, Алтер 406-407, 411, 413, 425
 Фальк, Фенд 490

 Фанни (жена Григория Яковлевича) 498
 Фаниса (Фаня) Моисеевна (жена Киселева) 246-247
 Фаня 89-92
 Фарбер 271
 Фарбер, Христиан 698
 Фарбер, Д. (Юрий Дмитриевич Фирсов) 541-555
 Фарбер, Взеф 677
 Фарбер, Влий 376-377
 Фастль 702
 Федецкая, Мария 362
 «Федя» (Шедлецкий) 191
 Фейгаля, Моисей 221
 Фейгаля, Соня 221
 Фейгаля (Фейгель), Михаил 221
 Фейге-Соре (сестра Л. Михелевича) 640
 Фейгельман, Авнер 221
 Фейгельсон, Иосель 222
 Фейгин 508
 Фейгин, Л. 314-315
 Фейн фон (Пфейн фон) 584
 Фейхтвангер, Леон 33
 Фел, Фрида 269
 Феликс (Ф. Фальк) 490
 Фелициан Владиславович (муж сестры С. Б. Трускиной) 516
 Фельдер 277
 Фельдман 661
 Фельдман (Минск) 164
 Фельдман, Мейер 189, 201
 Фельдман, Витя 201
 Фельдман, Кива 146
 Фельдман, Наум 169-170, 172, 174-175, 195-197, 203-205
 Фельдманы 172
 Фесел 363
 Фетер, И. 8
 Фиделев, Б. Н. 312-313
 Фидлер 376
 Филлипо 626
 Филиппчук 242
 Филдберман, В. 151
 Филшкин, Д. С. 654, 660
 Фин 563
 Фингерут 296
 Финниберг, Маня 87
 Финкельштейн, Бася 337
 Финкельштейн, Лейбл 337
 Финкельштейн, С. 499
 Фирсов, Юрий Дмитриевич (Д. Фарбер) 544
 Фихтель 174
 Фил 409
 Фитгойт 305, 306
 Фитнер (врач) 616-617, 629
 Фитнер (губернатор) 664, 669-670
 Фитшинд, Розалия Соломоновна 288
 Фитшман, Фейга 515
 Флакс 191
 Флейшер, Залман 217
 Флейшнер 200
 Флексер 328
 Флексор-Хазан-Эрлик, С. Я. 153
 Флехнер, Альберт 616
 Флякс, Софья Исааковна 625
 Фогельман 462
 Фокки, В. В. 653
 Фондаминская, Аля 666-667
 Фондаминский, Эдвард 666-667

Фондаминский, В. 676
 Форстер 395, 398-399
 Фрадис-Мильнер, Рахиль I13-I19
 Фраерман, Р. I31, I36
 Франек 672
 Франк I2, I23, 664, 683
 Франц (Абрам Гамбург) 544-545,
 548-549, 551
 Франц, Курт Хуберт 580, 588-589
 Фрейда 258
 Фрейда 626
 Фрейдиана, Маня 2I9
 Фрид-Михельсон, Фрида 479
 Фридман (Рига) 494-495
 Фридман (Вильнюс) 355
 Фридман, С. I26, I29
 Фридман, Тэвье 407, 4II
 Фридман, Феликс 677
 Фридман, Яков 22I
 Фрих I6
 Фрухтгартен 238
 Фудин 95
 Фудри, Андрэ 626
 Фурман IOI
 Фурман 400
 Фуччо, Лиджи 664

Хавна (сын Л. Дрясвяцкого) 2I7
 Хайм 494
 Хайм (брат Маркевича) 203
 Хаймович I64-I65
 Хаймович, Борис I89
 Хандрос, Борис I37
 Харнах 65
 Хартвиц 629
 Хас (Яхас), Мендел 407
 Хаса (Дисна) 22I
 Хаузер, М. (Сяте Мильтон) 6I8
 Хаш 323
 Хавтин I96
 Хвойник, Абрам 370, 56I
 Хейль 240
 Хейниш I28
 Херсонские 50
 Хесс, Н. М. I52
 Хингст, Ганс 320, 329
 Хлебовский, Хайм 639
 Ходос, Хана Хаймовна (Анна Ефимовна)
 78, 522-523
 Ходож, Иосель 4I4
 Хозгребе 688
 Ховес, Кетти 6I0
 Хононович, Шмуэль 407
 Храпова, Ольга Васильевна (Полина
 Марковна Аускер-Лукинская) 5I8-52I
 Хургель I76

Цалехштейн, Вольф 4I5
 Цаннер 2I9
 Цвейг, Стефан 342
 Цейтлин, Гилел 666
 Цельник, В. Н. I50, I52
 Ценципер, Шолом 2I6
 Цешелевич, Гирш 224
 Цетинский, Борислав Михайлович 24I
 Цибел 245
 Цибульский, Борис 608-609
 Цигельман, Абрам 66, 7I
 Циперович 32

Циприс, Х. I52
 Цирульницкий, Мордехай 639-65I
 Цисар, Иван 58
 Цисар, Ярина 58
 Циля 93
 Цодиков, Лейзер 420
 Цухерман, Исаак 665
 Цухерман, Хацкель 4I5
 Цуков, Люциан 57I
 Цукурс 472
 Цэфф 579

Чапник, Лиза 270
 Чацкий 95
 Чацкий 295
 Чеховский 363
 Чешик 606-607, 609
 Чепуренко, Петр Лаврентьевич 77
 Червинский, А. И. I52
 Черемонный, Мотл 27I
 Чернис 200
 Черно I63
 Черный Осип 638
 Чернявский, Х. 394
 Чернях, Б. 377
 Черняхов, Б. 252-253
 Черняховская, Нюра 268
 Чесельницкий 70
 Чесикс, Федор 286
 Чесноков 5I3-5I4
 Чехов, А. П. 440
 Чижиков 3I2
 Чипчин, Фаня 205
 Чипчин, Миша I90, I97
 Чмир IO4
 Чубах 233-235
 Чудновский, Марк 32
 Чуперка, Н. I53
 Чурсанова, М. Г. 6I2

Шабанов IO3
 Шабис 524
 Шавель 462
 Шавельский, Янкель 409
 Шавчук, Емельян 58
 Шагал, Марк 345
 Шайм 56
 Шахит, Гирш 407
 Шамбадах, Михаил 7, 377, 537
 Шамес 2I6
 Шаширо, А. I5I
 Шаширо (Киев) 56
 Шаширо (Минск) 205
 Шаширо, Боря 22I
 Шаширо, П. (В. Шаширо) I88
 Шаширо, Шахно 64
 Шафир, Г. I50, I52
 Шафран, Лейбл I96
 Шахов, Р. 407, 4II
 Шац 298
 Шац, Самуил 375
 Швайнберггер, Хорст 320-330, 348, 350
 Шваидт 398
 Шварц 570, 596, 629
 Шварц, Генрих 642
 Шварц (Маркуполь) 90-9I
 Шварц, Иосиф 68
 Шварц, Зисель 387
 Шварц, Толя 457

- Шварц, Симма 202
 Шварцман 295
 Шварцман, А. М. 152
 Шварцбург 629
 Шварцы 90
 Шевелева 532
 Шевелева, Евгения Абрамовна (Акимовна)
 37
 Шевелева, Полина Давидовна (Даниловна)
 (жена Д. Д. Пасичного) 532
 Шедлецкий («Феда») 191
 Шейнбах 125, 130
 Шейнбойм, Исхмель (Илья) 368
 Шейндл, Соия 548
 Шейнман, М. 652-662
 Шеклаков, А. Д. 662
 Шекспир, В. 246, 445
 Шепселя, Шмит 407
 Шепсенвол, Эмма 208
 Шерешневский, Борис 351, 373
 Шерман, Эдель 421
 Шернер 181, 184, 187
 Пермьский, Изеф 663-664
 Пескин, Х. Л. 394
 «Шестиногий» 562
 Петер 629
 Пидлаускас, Юозас 321
 Пие 196
 Шикорский, Леонард 249
 Шлингер 649
 Шилковский, Шлойме-Гирш 643
 Шилькрот 660
 Шимайте, Она 345, 362, 366
 Шимон (муж М. Фрейджиной) 219
 Шиндер-Войсковская, Рива Яфимовна 266
 Ширмейстер 336
 Шиф 277
 Шифрина, Дора 251
 Шкапская, Мария 145, 208
 Шкловский, Виктор 293-297
 Шкуропадская 37
 Шлеф 398-399
 Шлезингер 142
 Шлетер 473
 Шлеф 565
 Шливнях 677
 Шлойме (Шлема) 146
 Шлямовский, Леонас 415
 Шляхтович, Авром 198
 Шнаевский 93
 Шмарьян, Оскар 68-69
 Шмерок 92
 Шмидт (Треблинка) 579-580, 583
 Шмидт (Минск) 171
 Шмидт (Брест) 240
 Шмидт, Анджей 664
 Шмидт, Антон (Изеф) 358
 Шмидт, Иозеф 698
 Шмит 629
 Шмоткина 184
 Шмуילו 281
 Шмухлер 91
 Шмухлер, Гермон 322
 Шнайдер (Рига) 485
 Шнейдер (Киев) 30
 Шнейдер, Тайбеле 384
 Шнитман 164-165
 Шнитман, Евсей (Шие) 189
 Шолом-Алейхем 342, 344, 420, 423
 Шор, Леопольд 131
 Шпахаускас 388
 Шпарбер, Израэль 221
 Шпеер, Исаак 48
 Шпер 219
 Шпетер, Зиска 620
 Шпоркет 343-345
 Шпунгин, Илья 505
 Шпунгин, Сема (Иван Островский) 505-509
 Шредер 384
 Шривер 387, 389, 390
 Штазман, Морис 622
 Штангль, Франц Пауль 580
 Штейн, Пейсах 424
 Штейн, Рахиль 677
 Штейнберг 616
 Штейнберг-Рабинович, Н. О. 152
 Штейнберггер 562
 Штейнгер, Фриц 484
 Штеккер 681
 Штер II7
 Штерн 701
 Штерн, Израиль 677
 Штерн, Самуил Абрамович 618
 Штерн, Урзула 610
 Штесель 617
 Штибид 629
 Штиглиц 472
 Штиц, Эрнст 404-404
 Штратман 646
 Штрейхер 12
 Штрейхер, Влиус 663
 Штрооп, Юрген 668-670, 674
 Штумпфе 570, 594-596
 Штюрмер 343, 683
 Шуберт, Франц 341
 Шух, Мойше-Лейб 224
 Шудрих, Я. 129-130
 Шур, А. М. 612
 Шульман, Р. 250
 Шульц (Рига) 470
 Шульц (Освенцим) 629, 650
 Шульц (Вильнюс) 333
 Шульц (Белосток) 276
 Шульц (Минск) 182
 Шульц (Глубокое) 219
 Шуман 616, 619, 629
 Шумахер 629
 Шумахер, Эмиль 608
 Шур 57
 Шура (Александр Бакаленко, сын
 Р. Фрадис-Мильнер) II3-II9
 Шура 104
 Шурек, Хеля 272
 Шуссер, Нада 169, 205
 Шустерман 407
 Шутая, Софья 33
 Шутуров, Д. В. 653
 Царейко, Витя 222
 Цасный, Николай Романович 194
 Цебеко 216
 Цербатов 404
 Эвенсон, Моисей Самойлович 293
 Эвенсон, Сарра Максимовна
 (С. Максимов) 33
 Эдельман, А. Л. 32
 Эдельман, И. Л. 32

Эдельман, Залман 274, 277
Эдельман, Марк 665, 672
Эйгер 672
Эйдельсон, Шимен 407
Эйнгорн, Арон 667
Эйнгорн, Зельда 331
Эйпен ван 570, 593-594
Эйхман 18
Эльгорт, Неся 29, 35
Эльгорт, Гитл 30
Эльзон 56
Эльхес 419
Элькишек 466
Эльшеш, Михаил 473
Эмерих 629
Эммануил (отец А. Э. Гринцвайга) 514
Энгельс 123, 130
Эндер, Альберт 701-702
Эндлин, Некемия 420
Эндохлян 626
Энтин 358
Энтрес 616
Энтрес 629
Эпельфельд 44, 48
Эпштейн 170, 182-184
Эпштейн, Абрам 467
Эпштейн, Бертольд В. 612, 620
Эрбер 89
Эрвин, Валентин 616-617
Эренбург, И. Г. 7-9, 48, 51-52, 59-62,
72, 76-78, 80, 88-89, 93, 106, 119,
138-139, 145-146, 148, 214, 227, 230,
246, 252, 254, 283, 285, 288-290, 92,
299, 378, 505, 513-515, 523-524
Эренбург, И. И. 7-9, 515
Эсфирь 174

Этл (сестра М. Селя) 514
Эфрон, Ш. 324
Эфрос 214

Едовина, Геня 205
Едовина, Сарра 205
Елин 49
Енита (J, Junita) 255
Ера (сын Н. Г. Гермайзе) 533
Ергатавичус 387, 389
Ергис (Эмманас) 372
Ерковский, Г. С. 152
Ефа, Миша 201

Еброва 336
Еда 143
Екобсон, Венкамин Ельевич 549
Еков (брат М. Селя) 514
Еков (сын М. Цирульницкого) 639, 641
Екубович, С. 198
Екубовский, Тадеуш 268
Екштас, Владас 415-416
Емпольский, Хаим 33
Енех 354
Енех 607
Енико, Вольфганг 701
Еницкий 70
Енкаускас, Длиан 371
Енковский, Длиян 349
Ерославский, М. Н. 149
Есинская, Мария Адамовна 194
Ехот, О. 60
Ецех 672
Ецкевич, Григорий Григорьевич 241
Еша (сын И. Вайнгертнера) 300, 302
Еша 593-594, 596

751

Именной
указатель

- Або 434
 Августдорф 656
 Августов 274-276
 Августовские леса 419-420
 Австралия 573
 Австрия 17, 124, 263, 329, 406, 484, 571, 573
 Азия 447-448
 Азовское море 314
 Айкаль 702
 Ахмечетна 94
 Ахмана 397
 Александровка 700
 Алексис-Шталаг VI С (Алексисдорф) 657
 Амстердам 127, 172, 414, 597-598, 619
 Англия (Великобритания) 439, 683
 Антонеску (Одесса) 106, 151-153
 Архадия 96
 Армянск 310
 Атабанину 415
 Аушвицварис 328
 Африка 234
- Бабий Яр 29-39
 Бабий Яр (поселок) 36
 Бабиновичи 246, 252
 Бабинцы 522
 Бабицы 623
 Бабтайские леса 412
 Баху 293
 Балта 152
 Барановичи 206, 573, 689
 Барановичская область 255, 262
 Барановичский штрафной лагерь («Остлагерь») 658, 661
 Бараны 141
 Батайск 287
 Бачунай (Вачунай) 387, 391
 Бахкани 107
 Бжезинка (Бирхенау, Аушвиц II) 631, 637
 Безверховичи 257
 Бездани 339, 355, 639
 Белашки 49
 Бельзец (лагерь) 122, 127, 137, 587, 597, 676
 Беловех 232
 Беловежская пуца (Пуца) 235
 Белоруссия (БССР) 156-277
 Белоруссия Западная 237-277
 Белосток 22-23, 164-165, 186, 189, 232, 235-236, 251, 266-277, 351, 358-359, 568, 571-574, 585, 592, 599, 647, 663, 665, 677
 Купеческая ул. 272, 274
- Белая ул. 272
 Старая крепость 276
 Фабричная ул. 274
 Ченстоховская ул. 274
 Шталаг 270
 Дровецкая ул. 274
 Белостокское воеводство 235
 Белостокское гетто 22-23, 268-276, 358-359, 572, 647
 Бельгия 17, 403, 613, 619, 628, 632, 649, 683
 Бельск 235
 Бендзинское гетто 677
 Бензинувка 355
 Бердичев 40-48
 Белопольская ул. 41, 42, 46, 48
 Большая Житомирская ул. 41, 44
 Большая Бридинка ул. 42
 Бродская ул. 43-44
 Греческая ул. 42
 Даниловская ул. 42
 Ильича завод им. 30
 Малая Житомирская ул. 41
 Малая Бридинка ул. 42
 Махновская ул. 42
 «Прогресс» (завод) 40, 43
 Пушминская ул. 42
 Семеновская ул. 42
 Старая синагога 41
 Старый город 42, 44
 Училищная ул. 42
 Шевченко ул. 48
 Штейновская ул. 41
 Ятки 42
- Береза (Березац) — Береза Картузская (Картуз-Береза) 232, 240, 245
 Березвеч (Бервеч) 221
 Березовка (Черновцы) 113, 116
 Березовка (Одесса) 94, 98-100, 116-117
 Березовский район (Брестская обл.) 239-240, 242, 245
 Березовский район (Одесса) 99
 Березовский район (Сталинградская обл.) 656
 Берлин 13, 24, 38, 168, 181, 315, 324, 338, 340, 343-344, 374, 376, 395, 400, 403, 405, 444, 453, 475, 482-483, 581, 611, 614, 616, 664, 703
 Берлинский университет 320
 Ловецов ул. 483
 Мариентрассе 400
 Ягова ул. 483
 Бессарабия 29, 149, 528, 571, 573, 585, 590

Бешенковичский район 516
 Бихернихский лес (Бихернский лес)
 468, 469, 473, 478-479, 481, 483
 Билефельд 653, 656
 Бильдвиг (Бильдичи) 219
 Бирзули 700
 Благодарное 53, 524-525
 Блехамер 613
 Блудень 232
 Бобрыйск 252, 654
 Бобрыйское шоссе 259
 Богаевка I4I, I44-I45
 Богдановка 94, 99
 Божунья (Богунья) 659
 Болгария 82, 57I, 573, 585, 629
 Борисов 21I, 518, 520, 69I, 682
 Борисовское гетто 519, 520
 Борки 217-218, 220, 222
 Борсучина 225
 Бразилия 580
 Браилов 63-7I
 Торговая площадь 68
 Браслав 219, 225, 677
 Браславский уезд 4I4
 Бремен I8I
 Бреслау 405, 699
 Брест — Брест-Литовск 237-245, 266, 592
 Кульбисева ул. 244
 Брест-Литовский лагерь 658
 Брестская крепость 237
 Брестская область 239-240, 255, 276
 Брестское гетто 239, 24I-242, 276
 Бржежани I27, I30
 Бродский лес I30, I4I
 Бродский район (Львовская обл.) I39
 Броды I29, I43
 Бронная Гора 239-242, 245
 Бршин I8I
 Бриссель I27, 403, 415
 Брховцы 702
 Брянск 454, 508
 Брянские леса 22
 Буби (Бубяй) 386
 Буг IO, 64, 94, IOO-I04, IO9, II3, II8,
 I5I, 236, 700
 Буг Западный 568
 Буг Южный 94
 Бугаков II5-II6
 Буда (лагерь) 647
 Будаи 700
 Будслав 222
 Буковина IO7-I09, II2, 690
 Буковина Северная IO7
 Буковина Южная IO9
 Бурбашки 346, 352, 354
 Бурбашские форты 323
 Бухарест 8, III, II6, I5I, 6I8
 Бучач 293
 Бумгоц I28
 Битень 255
 Вагила I47
 Вайвари 368, 376, 562, 564
 Вальдзее 647
 Ванзее 484
 Ванне-Айхель 702
 Варовичи 38
 Варшава IO, I28, 236, 239, 266, 269-270,
 272, 325, 338, 342, 35I, 366, 407,

549, 568-569, 57I, 574, 59I-593,
 626, 663-678
 Алле Шука ул. 667
 Варшавский университет 666
 Гданьский вокзал 669, 67I-672
 Жолитох (Жолитух) 669
 Красинских площадь 67I-672
 Лешно ул. 667
 Мила ул. 676
 Налевки ул. 672
 Повонзки 672
 Окоповая ул. 672-674
 Старый город 67I
 Umschlagplatz 665
 Цитадель 669
 Варшавское воеводство 6I5
 Варшавское гетто IO, I7-I8, 23, 353,
 358-359, 366, 57I-572, 580, 585,
 645, 649, 663-678
 Вевис (Възе) 548
 «Везув» 653, 657
 Великие Луки 65
 Вена 293, 490
 Венский университет 466
 Венгрия 625
 Верден 338
 Вертники 206
 Вестерборк 598, 6IO
 Вестфалия 702
 Вешеная 46I
 Видухле 362
 Вийвиконна 564, 566
 Вихейка 363
 Вилейская область 2II, 343
 Вилия 325
 Вилкомир 428
 Вилкомирское шоссе 423, 428
 Вильвифе 626
 Вильно — Варшава ж. д. 325
 Вильно — Гродно (Вильгродис) шоссе 425
 Вильно — Минск — Смоленск шоссе 206
 Вильянос (Вильно) 8, 20, 22, 3I9-4I7,
 420, 443, 54I, 544-545, 548, 55I,
 6I6, 619, 625
 Антоколь 364
 Бенедиктинский монастырь 33I, 363,
 409
 Бернардинский сад 325
 Бошто ул. 325
 Большая ул. (Широкая) 370
 Виленская колония 363
 Виленская реальная гимназия 330
 Виленская ул. 38I
 Виленский университет (Вильнюсский)
 344, 56I
 Вокзальная пл. 320
 Гаона ул. 322
 «Г.К.П.» (детский лагерь) 335, 338,
 4I4
 Госпитальная ул. 320, 350, 368
 Доминиканский переулок 322
 Еврейский музей 8, 4I3
 Еврейская ул. 322
 Завальная ул. 320
 Замковая ул. 36I
 Зареченская ул. 37I
 Зареченское кладбище 344, 369
 Зигмунда ул. 343
 Игнатъевский переулок 370

- «Кайлис» 333-335, 355, 371-372, 414
Кальварийская ул. 323
Кармелитская ул. 353-354, 358
Кафедральная площадь 320
Лицувка 353
Лукишская тюрьма 321-323, 326, 330, 348, 375, 544
Мархучай 369
Мицкевича ул. 320, 416
Мясницкая ул. 322
Немецкая ул. 322, 353
Новгородская ул. 330
Погулянка ул. 362
Полоцкая ул. 357
Поплавы (район) 365
Поспешки (район) 332
Рудницкая ул. 322, 324, 348, 350, 370
Росса ул. 332, 369
Слесарная ул. 320
Соборная площадь 362
Стекольная ул. 322
Стефановская ул. 330
Страшуна ул. 322, 330, 353, 368-369
Субоч ул. (Субачаус) 331, 339, 364-365, 370, 561
Университетская больница 343
Университетская ул. 343
Шавельская ул. 365
Вильнюс — Вилейка шоссе 363
Вильнюс — Игналина шоссе 355
Вильнюс — Каунас шоссе 548
Вильнюс — Оранж шоссе 372
Вильнюсское гетто (Виленское) 272, 319-416, 485, 552, 561, 566, 592, 665, 677
Винница II3
Винницкая область 53-71, I47
Винницкий лагерь 659
Висла 615
Вистерниген I51
Витебск 252
Витебская область 246, 252, 516
Витмаршен (Шталаг VI C) 657
Владимиро-Вольнский лагерь 659
Владимировка 305
Влодава 598, 600, 610
Влосенца 638
Волга 24, 65
Волковыск 272, 565, 573-574
Волока IO7
Волны 33, 293
Вороновица II4
Воропаево 219-220
Вулька — Вулька-Окронглих (Вулька Окронских) 596
Высокий Мазовецк 249
Вюрцбург 320
Вяземский лагерь 652
Вязьма 454
Гадяч 688
Гайдучинки 219
Гайновка 232, 235
Галиция I21, 670
Гамбург I68, 348, 405, 408
Ганновер 405
Гах 610
Гедрайчяй 415
Гейдельберг 476
Гейдельбергский университет 476
Гейхуни 418
Гелчино 276
Гельсингфорс 434
Германия I7-I8, IO3, II2, I57, I66, I86, I97, 219-220, 242, 263, 296, 308, 338, 343-344, 391, 405, 408, 434, 436, 482, 557, 636, 682
Германовичи 219
Гэудах IO7
Гидля I50
Гируляй 461
Глибочка 50
Глубокое 215-226
Красноармейская ул. 218
Маркса Карла ул. 219
Гнилопяты 41, 45
Голаши 250
Голешау 613
Голландия (Нидерланды) 597-598
Голубичи 219
Гомель 683
Гомельская область I69, 254
Гомельский лагерь 653
Городок 2II
Горы 214
Грабовка 277
Градовка IO3
Грац 329
Гребенковская дорога (Пирятин) 77
Гречия 618
Гродненская область 236, 639
Гродненский лагерь № 3 654, 660
Гродненский район 641
Гродненское гетто 572
Гродненское шоссе 375
Гродно 266, 271, 276, 571, 585, 592, 630, 640-641, 645
Гродненский инженерно-строительный техникум 639
Грушка 691
Гулявка IOI
Гуляй-Поле 524
Гута Верхобужская I39
Дайнава 372
Дальники 94
Далэм (кладбище) 653, 657
Дальний лагерь (Шталаг VI C) 657
Данциг 486, 630
Даргучей 372
Даугавпилское (Двинское) гетто 505, 509
Даугиляй 397, 400
Даугиляйский лагерь 396
Дахау I24, 345, 382, 405, 626
Двина 491
Двина Западная 487
Двинск (Даугавпилс) 505-509
Райниса ул. 505
Девятый форт (Каунас) (IX-й форт, Фернхтунгштелле-Кауен, «Форт смерти») 404-418, 421, 424
Демблин (Шталаг 307) 653
Дембров 640
Демидовка 513-514
Демидувский район 514
Десна I9
Джанкой 303, 309-311, 314-315
Дэержинск I71

- Дисна 219, 221
 Днепр I9, 2I, 30, 37-38, 65, 520, 534, 556, 603
 Днепропетровские Новоселки 534
 Днепропетровск 79-88, I38, 524, 653, 702
 Маркса ул. 83
 Проспект 8I
 Херсонская ул. 8I
 Брѣвская ул. 84
 Днепропетровская область 524
 Днестр IO, IO9, II2, I52, 700
 Долгиново 2II-2I2, 2I9, 223, 225-226
 Доманевка (лагерь) 94-95, 98-I02
 «Горки» (Доманевка) IO0
 Домбровицы 5I5
 Домброво 236
 Дон 222, 287
 Донбасс 294
 Донецкие степи 64
 Дранси 4I5
 Дрогоичин 240
 «Дрозды» I57-I58
 Дружск 2I9
 Друзь 225
 Дубно I42, I44, 476-477, 495, 5I3
 Духорское направление I70
 Дуниловичи 22I
 Дуссельдорф 408, 483, 625
- Евпатория 305-309, 3I3, 527
 Европа I3-I4, I7, 25, 338, 350, 360, 438, 456-457, 459, 483-484, 590, 592, 6II-6I3, 6I9, 635, 683
 Европа Западная 405, 468, 572-573, 597
 Европа Новая 454, 460
 Египет 233
 Едвабни 276
 Единицы I47
 Екатеринополь 87-88
 Егавский (Митавский) уезд 472
 Енакиево 525
 Еньковск 522
 Эссенуки 296-299
- Лагарине 372
 Лагоре 382
 Железноводск 298-299
 Жировни 6I5
 Жиритинский район 284
 Житомир 33, 43-44, 48, I44, 293
 Житомирский лагерь 653, 659-660
 Житомирское шоссе 4I
 Жмеринка 59
 Жмеринский участок ж. д. 57
 Жмеринское гетто 70
 Жудин 534
 Жуковская дорога (Яршево) 60
 Жуковск I30
- Заблудов 232
 Загаты 2I9
 Загреб 6I2
 Загребельный район (Бердичев) 42
 Замбров 249-250
 Красные казармы (лагерь) 249
 Замостье 653-654
 Замоще 697
 Запорожская область 308
 Запорожье 646
- Заруденец II7
 Заруденецкий лагерь смерти II6
 Зассенгоф 493, 499
 Звенигородка 87
 Звенигородский лагерь 87
 Зволле 597
 Зеленополь 78
 Зеленые Куриловцы 69I
 Зембин 2IO-2II
 Земгалия 472-473, 485
 Злодиевка (Украинка) 532
 Змиевская балка 288
 Золотоноша 559
 Золочевские леса I3I
 Золочевский район (Львовская область) I39
 Зибки 2I9
- Ибенские леса 4I2
 Ивацевичи 232
 Иерусалим 8, 270, 394
 Иехви (Еви) 565
 Израиль 8, I64, 253, 270, 479, 5I5, 635, 672
 Игяслав I46
 Иманна 307
 Индия 448
 Испания 434
 Италия 625
- Кавказ 233, 288, 293, 407, 4I8
 Казань 544
 Казатики 535
 Кайзервальд (Межапарх) 485, 505, 509
 Кайшедорис 422
 Калиновка I47
 Калуга 66I
 Кальвария 655, 66I-662
 Кальварийский лагерь 653, 655
 Каменец 232
 Каменец-Подольский 37, 5I, 689-696
 Зеленая ул. 695
 Свято-Врская ул. 695
 Каменец-Подольская область 5I
 Каменское 8I
 Канада 405, 499, 573, 657
 Карасубазар 3I3
 Карлсруэ 330
 Карпаты 65
 Картахаево IOI-I02
 Каспля 522
 Каспьянский район 522
 Каунас (Ковно) 20, 22-23, 256, 320, 330, 353, 359, 367, 370, 40I-460, 547-548, 552
 Алексотский мост 437
 Арегалос ул. 40I
 Бенедиктинск ул. 409
 Ботанический сад 445
 Вильямполе (Слободка) 40I
 Витауто (Витовта) проспект 40I
 «Дробе» 40I, 4I6
 Канто ул. 428, 43I-433, 435
 Каунасская гимназия 423
 Каунасская текстильная фабрика 4I6
 Каунасский вокзал 450
 Каунасский еврейский государственный театр 423
 Кестучно ул. 436, 439

- Ковенский университет 536
 Криштуайчио ул. 401
 Лайсвес аллея 430, 432
 Лухшио ул. 450
 Мицкевича ул. 320, 416, 436
 ОЗВ (больница) 426
 Панемуне 402
 Петрашнай 403
 Седьмой форт 401-402, 437-438,
 443-444
 Шанчяй 450
 Шестой форт 403-404
 Шолом-Алейхемская гимназия 423
 Четвертый форт 402-403
 Яновская ул. 393
 Каунас — Клайпеда шоссе 404
 Каунасский уезд 412
 Каунасское гетто 328, 332, 417-425, 536
 Каунашай 443
 Кедайняйский лагерь 423
 Кейданы (Кедайняй) 417-418, 422
 Кельн 439, 483-484
 Кельце 684
 Кенигсберг 264
 Кенигсгяте 617
 Керчь 302, 313, 656
 Кибартай 322
 Кивисоли 563, 565
 Киев 29-39, 48-49, 66, 70, 103, 107,
 116, 137, 293, 530-535, 683, 689
 Артема ул. 534
 Бессарабка 29
 Володарского ул. 32-34
 Галиций базар 32
 Горького ул. 33
 Дегтиревская ул. 530
 Дмитриевская ул. 34
 Дорогожицкая ул. 32
 Дорогомиловская ул. 531
 Жилинская ул. 30, 32
 Киевоподольская Покровская церковь 532
 Киевская духовная академия 531
 Киевский цирк 33
 Коммунальная ул. 158
 Короленко ул. 30
 Красноармейская ул. 29
 Крещатики 29-31, 530
 Ленина ул. 29
 Лухьяновка ул. (район) 32, 34, 532,
 534
 Львовская ул. 34, 37
 Мельника ул. 32
 Некрасовская ул. 43
 Николы Доброго церковь 531
 Овручская ул. 35
 Павловская ул. 34
 Подол 30, 35
 Покровская ул. 532
 Покровский женский монастырь 534
 Прорезная ул. 30
 Пушкинская ул. 32, 42
 Сахсаганского ул. 35
 Слобода 30
 Сталинская ул. 29
 Тарасовская ул. 33
 Толстого площадь 30
 Шевченко бульвар 48
 Киевская область 49
 Кизляр 662
 Кингисепп 446
 Кировоград 63, 703
 Кисловодск 293-299
 Китай 448
 Кишинев 8, 10, 149-154
 Армянская ул. 149
 Дровяная площадь 149
 Ильинская ул. 149
 Ильинский базар 149
 Ирнпольская ул. 149
 Кодинарская ул. 149
 Садовая ул. 153
 Павловская ул. 34
 Прункуловская ул. 149
 Старо-Армянская ул. 149
 Старый базар 149
 Тимирязева ул. 151
 Харламовская ул. 149
 Кишиневское гетто 149-154
 Клез 625
 Клермон-Ферран 612
 Клермон-Ферранский университет 626
 Клоога 561-565
 Клуз 620
 Кобрин 237, 686-687
 Ковахи 659
 Ковель 703
 Ковельский лагерь 703
 Ковенский округ (Каунасский) 392-393
 Кодыма 700
 Козенки 229-330
 Кояданово 208
 Коядановские леса 206
 Колбасино 640
 Колбасинский лагерь 640
 Колейская мельница 309
 Коломна 127
 Колосовка 103
 Кольцо-гора (Кисловодск) 297
 Компъен Жаан 626
 Конное 273
 Коньки 372
 Кори 307
 Коротыч 74
 Краков 338, 363, 612, 625, 638, 650, 684
 Краковский лагерь 594
 Красная Будка (Ялта) 304
 Красники 697
 Краснодон 702
 Красное Урочище 196, 203
 Краснополье (Украина) 84
 Краснополье (Могилевская обл.) 248
 Красный 282-283
 Красный Пахарь 307
 Кременец 23
 Кременное 273
 Кременчуг 65, 559-560, 601
 Кременчугский лагерь 659
 Креславка 508
 Кривичи 222-224
 Кривое село 516
 Кропоткин 264
 Крулевина 215, 220, 222
 Круты 700
 Крым 81, 294, 304-306, 313, 315, 526-527
 Крымки 252, 266
 Кубанская область 264
 Кужий 381, 383
 Кульбида лес (Тальное) 49

Куриловка 57
Курск 246

Лабуня 700

Лапы 236, 269

Лариндорфский район 527

Латвия IO, 465-5I7, 70I

Левинка 652

Левягин I44

Лейпциг 70I

Ленинград (Петербург) 64, 4II, 448-450,
452, 454, 549, 662

Ленинградский институт 552

Ленинградский пединститут 28I, 298

Ленинградский университет 253, 298

Лесничева 273

Лешник 375

Леззи 565

Лимбах 490

Линкайчяй 386, 396

Линово 23I-232, 234

Линозно 246, 252-253

Липканы II4

Литва IO, 22, 256, 3I9-462, 465, 472,
478, 482, 484, 537, 564, 66I

Литва Восточная 4I8

Литвичи 226

Литин 54, 57, 62

Литовская Советская Республика 366

Лович 236

Логойск 2IO

Лодзинское гетто I7, 648

Лодзь 643, 665

Лоди Гарон 626

Ломжа 276, 568, 57I

Ломжинская тюрьма 630

Лондон 440, 666

Лопавши 5I3

Лохвица 688

Лубны 73

Луцк 2I9, 225

Луцк 23

Лучай 22I

Лусая Гора (Бердичев) 43, 47-48

Львов I20-I38, 436, 467, 670, 683, 699

Замарстинювская ул. I22

Змбликевича ул. I30

Клепаров I22

Кресовая ул. I22, I3I

Кувевича ул. I22

Локетка ул. I22, I3I, I34, I36

Лонцкого ул. I23

Полчинская ул. I20-I2I

Стрелецкого площадь I28

Шарановича ул. I3I

Яновская ул. I24

Яховича ул. I29

Львовская область I39

Львовский округ I23

Львовское гетто I23, I26, I28-I29

Льбаньское гетто 208

Люблин 236, 497

Люблинские леса (Львов) I30

Люблинское гетто I7, 497

Люботино 74-75

Люботинская больница 75

Людвигстафен 698

Люксембург 683

Лянцкорунь 696

Магарац 304

Мадонское шоссе 467

Мадрид 664

Мажейки 44I

Маза-Дгла 467

Майданек 274, 497, 56I, 565, 569-570,
58I, 597, 600, 629, 647, 649, 683

Малая Азия 448

Малеч 23I-232

Малкини 568

Мангейм 698

Мариуполь 89-93

Ильича им. Завод 40

Пушкина ул. 93

Мариямполь 448

Массандра (Крым) 304

Мастис (озеро) 46I

Маутхаузен I24

Махорты 258

Межиров 70

Мехсика

Мемель (Клайпеда) 643

Мендзыжеч 57I

Мешпен 653

Мерчик 75

Мешкуйчай 565

Минеральные Воды 295

Минск I9, 22-23, I57-209, 227-228, 230,

260, 262, 264, 282, 354, 359, 436,

482, 5I6, 5I8-520, 60I-603, 654, 683

Абутковская (Обувная) ул. I92, I94, 204

Версона ул. I94

Глухой переулок I98

Долгобродская ул. I86

Завальная ул. I73

Заславский переулок I63

Заславская ул. I63, I84

Замковая ул. I68, 204

Зеленая ул. I94, I96, 203

Коллекторная ул. I63, I73, 203-204

Крымская ул. I63

Мясникова ул. I57

Мясницкая ул. 200

Минская филармония I85

Минская тюрьма 200

Немиги ул. I68, I90

Немигский переулок I62

Ново-Красная ул. I66

Ново-Мясницкая ул. I66, I89

Островского ул. I62, I64, I67-I68,

I97, 260

2-й Опанский переулок I63

Опанская ул. I63, I68, I74

Подзамковая ул. I68, 264

Ратомская ул. 200, 204

Республиканская ул. I68, I70, I90,

I96

Санитарная ул. I63, I68

Староржевское кладбище 227

Сторожковский рынок I99

Сухая ул. I68

Татарская ул. I90

Танговая ул. I63

Техническая ул. I63, I7I

Торговая ул. 204

Флакса ул. I9I

Фруктовая ул. I63

Хлебная ул. I62, I67

Шевченко ул. I63, I67

757

Географический
указатель

Широкая ул. (лагерь) 320
 Шорная ул. 163, 173, 194, 200
 Шпалерная ул. 171
 Близкая площадь 162, 164, 178-180
 Минская область 157, 206, 210
 Минский лагерь («Лесной») 661
 Минский район 194
 Минское гетто 157-209, 227-228, 264,
 282, 359, 516, 518-520, 601-602
 Минутка 293
 Миоры 219, 225
 Миргород 65
 Митава (Елгава) 472, 482
 Митавский лагерь 660
 Михайловка (Михайлики) 52
 Михалишки 359
 Могилев 614
 Могилев-Подольский 118, 147
 Могилевская область 248
 Могилевский лагерь 653
 Могилевское шоссе 196
 Мозырь 228
 Ленинская ул. 228
 Новостроенный ул. 228
 Пушкина ул. 228
 Пятницкая ул. 228
 Мойна 700
 Мохны 236
 Молдавия 149
 Молодечно 654, 655, 657, 661
 Молодечненский лагерь 653, 658, 661
 Монастырщина 284-285
 Моновице 642
 Морозовск 289-290
 Москва 197, 347, 439, 545, 661-662
 Московский университет 426
 Москва — Варшава шоссе 242
 Московское шоссе 227
 Мстиславль 281
 Мунус 307
 Мурава 415
 Мюнхен 124, 481
 Мюнхен (Одесская обл.) 103
 Мядель 225
 Налибокская пуца 206
 Нальчик 294, 308
 Нарва 446
 Нарофоминск 487
 Нарочь 371
 Нейдахо 613
 Нейса 650
 Неман 402, 428, 441, 458
 Немиров 113, 116-118, 143
 Немировка 143
 Несвиж 262
 Нижняя Дубечня 534
 Никитский сад (Крым) 304
 Николаев 85, 445, 670
 Николаевна 307
 Ницца 414-415
 Новая Басань 534
 Новгород 446
 Новорухадийская дорога (Одесса) 96
 Ново-Вилейка (Вауляон Вильня) 357, 541
 Ново-Вилейская бумажная фабрика 343
 Новоград-Волынский 144
 Новогрудок 334
 Новоселица 534

Новошиловка 276
 Новый Двор 232
 Новый Погост 225
 Норвегия 443, 619, 683
 Нью-Йорк 63, 342
 Нюрнберг 8, 16, 25, 324, 329, 483-484,
 681-682
 Одесса 94-106, 228, 407, 454, 549, 570,
 592, 700
 Марти им. Завод 97
 Пересыпь 99
 Слободка 95
 Одесская область 103
 Одесский район 94
 Олайн 472
 Олимпиадовский хутор 288
 Оленики 372
 Онущинск 328
 Оранж 255
 Ораниенбург 623
 Ораны 225, 375
 Оргеевский лес (Киминев) 151
 Орджоникидзе 524
 Орел 443, 454
 Орловская область 19
 Орша 230, 252
 Освенцим — Аушвиц 269, 405, 414, 597,
 612-651, 663, 676, 683
 Аушвиц I 631, 642
 Аушвиц II см. Бжезинка
 Аушвиц III — Моновице-Буна (Буне) 642
 Цыганский лагерь (лагерь «А») 625
 Освенцим (город) 612, 623
 «Остлагерь» (Барановичский штрафной
 лагерь) 658, 661
 Остланд 220, 472, 475, 482, 485-486
 Острино 639-640, 651
 Остров 258
 Оштики 534
 Ошмян 359, 549
 Ошмянское гетто 359
 Павенчи 400
 Павенчанский лагерь 396
 Падерборн 653, 656
 Памир 448
 Парафьяново (Парафьново) 219
 Париж 228, 345, 489, 616, 618, 688
 Сорбонна 485
 Пеняцкие леса 139
 Первомайск 138
 Перекоп 308, 312, 314-315
 Перемышль 130
 Пересыпь 196
 Петраше лес (Белосток) 267
 Печера (лагерь) 117, 147
 Печерск 37
 Пинск 228, 258-259, 686-689
 Пирогы 559
 Пироговская Левада (Пирятин) 77
 Пирятин 77, 557, 659
 Писки 534
 Плеценци 210
 Плисса 219, 221, 225
 Плуэне 443, 461
 Поводзь 557, 610, 659
 Похбродзи 219
 Познань 127-128, 484

Покут 225
Полесье 677
Полоцк 358
Полтава 65, 73, 77
Полтавская область 688
Польский район 663, 669, 676
Польша IO, I7-I8, 53, III, II5, I22, I28,
I37, I64, 235-236, 249, 272, 407, 4IO,
472, 482, 508, 549, 568-569, 572-573,
597-598, 6II, 6I3, 6I5, 6I9, 629, 632,
645, 653-656, 668, 670, 674, 683-684
Польша Восточная 569
Польша Западная I28, 597
Понари 320-332, 347-348, 350, 354, 359,
374-377, 54I-556
Порплице 2I9
Порубанек 325, 332, 355, 368
Починок 230
Прага 483, 6II
Пражский университет 6I2, 620
Пржемыслины I30
Прибалтика 434, 474, 485
Привороття 69I
Приднестровье I37
Прилуки 688
Припять 229
Прозорки 2I9
Пружаны 23I-232, 236, 645
Прут IO7
Псков 445
Пскова Гора (Львов) I22, I28, I30
Пятигорск 294, 296-299
Машук-гора 297

Рава-Русская 699
Радевильов (Красноармейск) I40-I45
Радам 57I
Радомское гетто I7, 572
Разуваевка 5I9
Райня 46I-462
Райня лес 46I-462
Ратомка I94
Раштадт (Одесская обл.) IO3
Резекне 70I
Рейчань 258
Резт (Килинев) I5I
Ржев 65
Рига 332, 338, 368, 396, 437, 465-504,
683
Б. Горная ул. 493, 499
Бривибас-иела 487
Вилдну ул. 499
Герсикас ул. (Врсикас) 493-494
Гертрудинская ул. 470, 487
Гоголевская ул. 466
Даугавпилская ул. 497, 50I
Влизуветинская ул. 47I
Католическая ул. I29, 500
Лаздонас ул. (Лаздонес) 493
Лачплеша ул. 470-47I, 489
Ликснас ул. 499
Лудзас ул. 475, 49I, 495, 499,
50I-502
Маза-Калну ул. 49I
Маринская ул. 469
Московский форштадт 468, 473-474,
48I, 483, 489, 49I
Плавучая ул. 486
Рижский университет 467, 469

Садовниковская ул. 49I, 495, 497-498,
500
Саркану ул. 495
Рижское гетто 474-504
Ров (Брайлов) 70
Ровенская область 5I3-5I5
Ровно 703
Рогачево 656
Рожа 625
Романовка 43, 46
Ромны 73
Рославльский лагерь 658
Рославский район 28I
Россия IO, I7, 227, 253, 288, 293, 434,
439, 444, 476
Россошь 686-687
Ростов-на-Дону 286-288, 294, 524, 60I
Буденновский проспект 286-287
Малый проспект 287
Пушкинская ул. 287
Сенная ул. 286
Ростовская область 525
РСФСР 5, 8, 278-3I5, 702
Рубановка 308
Рудки I30
Рудничные леса 373, 4I3, 420
Румбула 478, 483
Руминия 8, 82, IO3, I47, I5I, I54,
6I9-620, 629, 683-684
Рыбацкий поселок 445
Рымница 700
Рышкановка I5I

Саки 305
Саксония 699
Сахулино 47
Саласпилсский концентрационный лагерь
382, 476, 485-488
Салоники 6I8, 645
Салтов 74
Самарканд 40
Самбор I27, I30
Самот Дипуэн 626
Сарагташ 246
Свенцян 2I9, 328, 372, 548, 549
Свирь 328, 359
Свислочь I59, 227
Севастополь 3I5, 443, 455, 528
Севск 688
Седльце (Седлеца) 568, 57I
Семеновка 700
«Семлин» («Земляин») 399
Сент-Этьен 4I4
Серебрянка 520
Серет I47
Сестратин I42, I45
Сибирь 682
Сиваш 3I5
Силезия 6I2
Силезия Верхняя 6I2
Симеиз 526
Симферополь 305-306, 3II, 3I3, 455,
526-529, 659
Гоголя ул. 527
Кировская ул. 527
Кооперативная ул. 527
Ленинская ул. 527
Маркса Карла ул. 527
Почтовый переулок 527

759

Географический
указатель

- Пушкинская ул. 526, 527, 528
Салгирная ул. 527
Симферопольский механический завод 527
Татарский район (Субри) 527
Феодосийский мост 529
- Сиротское 99
Скидель (Кидл) 276
Скураты 227
Славутский лагерь 659, 702
Слободка (Кривичи) 225
Слоним 232, 397
Слуцк I75, I8I, I83, 256-259
Володарская ул. 258
Монахов сад 258
- Слуцкое гетто I8I
Смиловичи 224
Смолевичи 2II
Смоленск 22, 206, 230, 260, 284, 345, 437, 440, 443, 505, 520, 522, 60I, 652, 658, 689
Садки 520
Смоленский пединститут 522
Смоленский музей 345
Смоленское педагогическое училище 522
- Смоленская область 253, 28I-285
Смоленские леса 283, 285
Смоленское гетто 520
Смоленщина I9, 28I-285
Смолярка 242, 245
Сморгонь 223
Смородино 75, 76
Собор (лагерь) IO, 23, I27, 580, 58I, 597-6II
- Советский Союз (СССР) 7, 8, I3, I5, I8, I9, 20, 40, 62, 87, I20, I26, I69, 236, 244, 253, 264, 354, 377, 404, 4I6, 428, 445, 469, 473, 482, 485, 508, 5I4, 528, 557, 592, 6I2-6I3, 6I9, 629, 663, 669, 682, 683, 684, 690, 694, 695, 696
- Соединенные Штаты Америки (США, Америка) I5, 37, 63-64, 66, I68, 255, 392, 427, 439, 443, 453, 462, 472, 497, 558, 683
- Соколы 236
Сола 6I5
Солл 359
Соло 643
Сомосьера 664
Сорочинцы 52
Сортировочная станция (Одесса) 94, 98-99
Сосновец 665
- Средиземное море 3I2
Средняя Азия 40
«Ставки» (совхоз, Одесса) IOO
Ставрополь 29I, 292
Сталинград 65, I29, I43, 233, 272, 296, 406, 542-543, 603
Сталинградская область 656
Сталинка (Демеевка) 29, 532
Сталинская область 524
Станислав I2I
Станиславский округ (Львов) I23
Старая крепость 276
Старая Ушица 690, 692
Старо-Ушицкий район 692
Старое Село 209
Старосельский лес 20I
Старосельцы 269
Старше Журавли 254
- Старый Быхов 689
Столбцы 232
Сторожинец IO7
Страла 386
Страшенское шоссе (Страженское) (Кишинев) I53
Студеница 690-692
Субри 527
Сувалякский лагерь 653
Суми 86
Сухие балки 94
Сухожелобово 654
Сырец (Киев) 3I
Сырцкий лагерь 38
- Тальное 49-50
Тарасовичи 534
Тарнополь (Тернополь) I2I, I30
Тарнопольский округ I23, I27
Таурогский уезд 4I5
Ташкент 40
Тель-Авив 2I6, 378
Тельшай 46I-462
Хувес ул. 46I
Масчио ул. 46I
Тельшай — Плунге ж. д. 46I
Темкинский район 652
Терезиенштадт 646-647
Тирасполь IO2
Тихорецк 702
Торонто 405
Травники 667-668
Транснистрия IO, 64, 70, 94, IO2, IO6, IO9-III, IИ3, I47
Треблинка IO, I27, 269, 274, 35I, 568-596, 600, 663, 665, 666, 676
Обер-Майдан (станция) 572-573, 583
«Три столба» (Белосток) 273
Трохи 397
Троцкий район 38I
Троцкое гетто 387
Тростенец (Малый) I68, I73, I79, 262, 265
Тулга 602
Тулъчинский район (Могилев-Подольский) I47
Тулъчинский уезд (Черновцы) IИ3
Тунис 234
Тургалия 328
Турция 82
Тучинка I67-I69, I79, I8I
- Уаледзь 393
Уэда I93
Украина 8, 27-I54, 228, 295, 308, 472, 5I4, 532, 572, 598, 700, 702
Украина Западная I2I, I24-I25, I27, 690
Уланов 697
Улановская дорога (Хмельник) 54
Умань 49
Урал 682
Уральский хребет 557
Утрехт 598
- Фалькенберг 650
Феодосия 3I2-3I3, 455
Филипоки 563
Финляндия 443, 456, 480
Фикте 588, 6IO

Фрайдорф 306-307
 Фрайдорфский район 306, 527-528
 Франкония 683
 Франкфурт 168, 183, 338
 Франкфурт-на-Майне 405, 408
 Франция I7, I37, 325, 332, 4I4, 573, 597,
 6I2-6I3, 6I9-620, 628-629, 643, 645,
 649
 Франциска 700
 ФРГ I84, 320, 370, 536
 Фрейбург 698

Хажно 43
 Харьков 72-76, 78, 457, 683
 Старо-Московская ул. 72
 Тракторный завод 72-73
 Херсон 50
 Херсонесский мис 3I5, 446, 527
 Хмельник 53-59
 Барейская ул. 56
 Слобода 56
 Хмельницкая область I46
 Ханув (Кжанув) 6I5
 Холм I9, 697-698
 Хорол 557-559, 659
 Хорольский лагерь 557-559

Цитавиани (Титувеная) 384
 Цмбалево 6I

Чвартаков I26
 Чемеровецкий район 696
 Ченстохова I28, 57I, 655, 662
 Ченстоховский лагерь 653, 659-660
 Ченстоховское гетто I7, 572
 Червенское гетто 208
 Чернигов 256
 Черниг 534
 Черновцы IO7-II9
 Черное море 99, IO4, 3I2, 3I4
 Четвертинька II3
 Чехословакия I8, 263, 406, 545, 57I,
 6I3, 6I9, 628-629, 645, 683, 690
 Чкалов 5I6
 Чкаловская область 246
 Чухов II4, II7-II8

Шавельский округ 389
 Шавельский район 398
 Шавельское (Шауляйское) гетто 382,
 387, 565
 Шамово 28I
 Шарковина 2I9, 225
 «Шаулян» (колхоз) 306
 Шаховская станция 654
 Шахты 66I
 Швейцария III, 403
 Швеция 434
 Швэцинген 698
 Шевченко им. Хутор 93
 Шерешово 232
 Шипы 2I9
 Широков 23I

Шкиротава 48I, 483-484
 Шкунтяки 2I9
 Шлиссельбург 448
 Шпола 87
 Шталаг (Украина) 270, 653, 657, 702
 Штутгарт 483
 Штутгоф лагерь 382, 485-486, 630
 Шауляй (Шавли) 20, 353, 378-400, 565
 Жилвичский переулок 38I
 Варно ул. 382
 Виленская ул. (Вильняус) 38I, 383, 397
 Гельгауда ул. (Гельгуда) 389-390
 Гинкунский переулок 38I
 Кавказский район 38I-382, 387, 397
 Кавказское гетто 387, 389-390
 Кальнякас (Калнакас) 382
 Капу ул. 382
 Пахирсья ул. 384
 Пахирский переулок 38I
 Тагиму ул. 400
 Тилзэнтская ул. 38I
 Трокская ул. 383
 Шавельская древнееврейская
 гимназия 384
 Эжера ул. 397
 Эжерский переулок 38I

Щучин 640
 Щучинский район 639

Эбельсбах 655
 Эбро 664
 Эйшишкес 328
 Электросталь 55I
 Эльба 24
 «Эмес» (колхоз, Зеленополье) 78
 Эмс 653
 Эреда 563, 565
 Эрвилкская волость 4I5
 Эрфурт 6I4
 Эстония IO, 336, 337, 368, 369, 374, 420,
 422, 475, 56I-567

Югославия 6I2, 6I3, 6I6, 6I9, 622, 626,
 628, 629, 648, 649, 683

Явнишовиц 6I3
 Явожно 647
 Яворов I30
 Якушинцы 62
 Ялта 304, 3I5
 Ялтужково 62
 Янинагрубен 647, 648
 Яново 240,
 Яновский (лагерь, Львов) I23-I26, I30
 Япония 558
 Ярмолинцы (Ярмолицы) 5I
 Военный городок 5I
 Ярычув I30
 Ярышев 60
 Ясная Поляна 456
 Яффа 3I2
 Ямная 328

Вступление к вильнюсскому изданию “Черной книги” (1993). <i>Ирина Эренбург</i>	7
От редакции “Черной книги”	10
Предисловие. <i>Вас. Гроссман</i>	12

УКРАИНА

КИЕВ, БАБИЙ ЯР. Статья написана на основании документальных материалов и показаний киевлян. <i>Подготовил к печати Л. Озеров</i>	29
УБИЙСТВО ЕВРЕЕВ В БЕРДИЧЕВЕ. <i>Вас. Гроссман</i>	40
ТАЛЬНОВ. <i>В. Лидин</i>	49
СОПРОТИВЛЕНИЕ В ЯРМОЛИЦАХ (Каменец-Подольская область). <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	51
КАК ПОГИБЛА ЖЕНЩИНА-ВРАЧ ЛАНГМАН (Сорочинцы). <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	52
В ГОРОДКЕ ХМЬЛЬНИК (Винницкая область). <i>Подготовила к печати Р. Ковнатор</i>	53
В МЕСТЕЧКЕ ЯРЫШЕВ (Винницкая область). <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	60
В СЕЛЕ ЦЕБУЛЕВО. <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	61
В МЕСТЕЧКЕ ЯЛТУШКОВО. <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	62
НА РОДИНЕ (Браилов). <i>Е. Гехман</i>	63
ЧТО Я ПЕРЕЖИЛА В ХАРЬКОВЕ. <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	72
ПЕТР ЧЕПУРЕНКО — СВИДЕТЕЛЬ ПИРЯТИНСКОГО УБИЙСТВА. <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	77
ГИБЕЛЬ ЕВРЕЕВ-КОЛХОЗНИКОВ В ЗЕЛЕНОПОЛЕ. <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	78
ПИСЬМА ИЗ ДНЕПРОПЕТРОВСКА. Письма супругов Индикт. <i>Подготовил к печати Г. Мунблит</i>	79
ДЕНЬ 13 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА. <i>Подготовил к печати Г. Мунблит</i>	
РАССКАЗ А. М. БУРЦЕВОЙ	83
РАССКАЗ В. А. РЕВЕНСКОЙ	84
РАССКАЗ В. Я. ТАРТАКОВСКОЙ	85
ПИСЬМО ОФИЦЕРА ГРАВОВСКОГО (Екатеринополь). <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	87
ЗАПИСИ САРРЫ ГЛЕЙХ (Мариуполь). <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	89
ОДЕССА. <i>В. Инбер</i>	94
ЧЕРНОВИЦЫ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-РУМЫНСКОЙ ОККУПАЦИИ. <i>Подготовил к печати Л. Гольдберг</i>	107
РАССКАЗ РАХИЛИ ФРАДИС-МИЛЬНЕР (Черновицы). <i>Подготовили к печати Р. Ковнатор и И. Эренбург</i>	113
ИСТРЕБЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ В ЛЬВОВЕ. <i>Подготовили к печати Р. Фраерман и Р. Ковнатор</i>	120

ТРИНАДЦАТЬ ДНЕЙ В УБЕЖИЩЕ. Рассказ Лили Герц (Львов). <i>Подготовили к печати Р. Фраерман и Р. Ковнатор</i>	132
МОЙ ТОВАРИЩ ПАРТИЗАН ЯКОВ БАРЕР. Письмо Бориса Хандроса. <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	137
В ПЕВНЯЦКИХ ЛЕСАХ. ПИСЬМО РАЗВЕДЧИКА (Львовская область). <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	139
НЕМЦЫ В РАДЗИВИЛЛОВЕ (Красноармейске). <i>Подготовила к печати М. Шкапская</i>	140
ПИСЬМО СЫНИ ДЕРЕША (Изяслав). <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	146
ПИСЬМА СИРОТ. <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	147
НЕМЕЦКО-РУМЫНСКИЕ ЗВЕРСТВА В КИШИНЕВЕ (Молдавия). <i>Л. Базаров</i>	149

БЕЛОРУССИЯ

МИНСКОЕ ГЕТТО. <i>Подготовил к печати Вас. Гроссман</i>	157
ПОДПОЛЬНЫЙ БОЕВОЙ ЦЕНТР В МИНСКОМ ГЕТТО. <i>Г. Смоляр</i>	189
ДЕВУШКИ ИЗ МИНСКА. <i>Подготовил к печати Вас. Гроссман</i>	208
РАССКАЗ СТАРОГО ЧЕЛОВЕКА. <i>Подготовил к печати Вас. Гроссман</i>	210
В МЕСТЕЧКЕ ГОРЫ. <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	214
УБИЙСТВО ВЕРБЕВ В ГЛУБОКОМ И ДРУГИХ МЕСТЕЧКАХ. <i>Подготовила к печати Р. Ковнатор</i>	215
РАССКАЗ ИНЖЕНЕРА ПИКМАН ИЗ МОЗЫРЯ. <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	227
РАССКАЗ ДОКТОРА ОЛЬГИ ГОЛЬДФАЙН. <i>Подготовил к печати Вас. Гроссман</i>	231
БРЕСТ. Показания и документальные свидетельства жителей Бреста. <i>Подготовила к печати М. Алигер</i>	237
ТРАГЕДИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ. Письмо красноармейца Киселева. <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	246
ПИСЬМО КРАСНОАРМЕЙЦА ГОФМАНА (Краснополье, Могилевская область). <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	248
В ЯМЕ. <i>Подготовила к печати В. Герасимова</i>	249
РАССКАЗ ДЕВОЧКИ ИЗ БЕЛОСТОКА. <i>Подготовила к печати В. Герасимова</i>	251
ЛИОЗНО. <i>Подготовил к печати Вс. Иванов</i>	252
ПИСЬМА БЕЛОРУССКИХ ДЕТЕЙ (село Старые Журавли, Гомельская область). <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	254
ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО ЗЛАТЫ ВИШНЯТСКОЙ	255
СЕМЬЯ ТЕМЧИНЫХ ИЗ СЛУЦКА. Отрывки из писем, полученных летчиком Ефимом Темчинным. <i>Подготовил к печати О. Савич</i>	256
ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ. Показания советских граждан	260
В БЕЛОСТОКЕ. <i>Подготовила к печати Р. Ковнатор</i>	266
«БРЕННЕРЫ» ИЗ БЕЛОСТОКА. Рассказ рабочих города Белостока Шимона Амиэля и Залмана Эдельмана. <i>Подготовил к печати Вас. Гроссман</i>	274

РСФСР

СМОЛЕНЩИНА. <i>Подготовил к печати И. Эренбург</i>	
ШАМОВО	281
КРАСНЫЙ	282

СУДЬБА ИСААКА РОЗЕНБЕРГА. Подготовил к печати И. Эренбург	284
РОСТОВ-НА-ДОБУ. Подготовил к печати И. Эренбург	286
ДОКТОР КРЕМБЕНЧУЖСКИЙ. Подготовил к печати И. Эренбург	289
«КУДА НАС ВЕДУТ?» Подготовил к печати И. Эренбург	290
В СТАВРОПОЛЕ. Подготовил к печати И. Эренбург	291
НИМЦЫ В КИСЛОВОДСКЕ. Подготовил к печати В. Шкловский	293
ВССЕНТУКИ. Подготовил к печати И. Эренбург	298
РАССКАЗ РЫБОЛОВА ИОСИФА ВАЙНГЕРТНЕРА ИЗ КЕРЧИ. Подготовил к печати Л. Квитко	300
ЯЛТА. Подготовил к печати И. Эренбург	304
СООБЩЕНИЕ М. М. ФИШГОЙТ (Евпатория). Подготовил к печати А. Дерман	305
УБИЙСТВО В ДЖАНКОВ. Подготовил к печати Л. Квитко	309
КАК УБИЛИ ДОКТОРА ФИДЕЛЕВА. Подготовил к печати А. Дерман	312
МАЛЯР ЖИВОТВОРСКИЙ. Подготовил к печати А. Дерман	314

ЛИТВА

ВИЛЕНСКОЕ ГЕТТО. А. Суцкевер. Пер. с еврейского М. Шамбадал и Б. Черняк

Первые дни	319
«Ловцы»	321
В Лухишской тюрьме	322
Швайнберггер	324
Понари	325
Три рассказа спасшихся от смерти	
Рассказ Мотла Глуда	325
Рассказ Хиени Кац	327
Рассказ Соломона Гарбеля	328
Мурер	329
Мартин Вайс — приемник Швайнберггера	330
Судьба престарелых	332
Дегнер	332
Поводы для поимки евреев	333
Противотифозная прививка Вайса	333
Рассказ Фруми-Ривы Бурштейн из Новогрудка	334
Голде Крижевская	335
Истребление детей в лагере Г.К.П.	335
Шмулик Котляр	337
Лейб Финкельштейн	338
Судьба вывезенных детей	338
Одежда	338
Киттель	339
В штабе Альфреда Розенберга	343
Мученики гетто	
Тиктин	346
Левицкая	348
Математик	349

Объединенная партизанская организация Виленского гетто (ФПО)

Первое воззвание	350
Оружие	352
Борьба началась	355
Диверсия	357
Связь с другими городами	359
Подпольная типография	360
Братская дружба	362
Помощь военнопленным и семьям советских военнослужащих	365
Как мы отпраздновали 1 мая 1943 года	366
Исаак Витенберг	367
«Лиза зовет»	368
Погибшие герои	371
Борьба продолжается в лесу	372
Последний акт трагедии	375
Подкоп и побег	377

ДНЕВНИК А. ВРУШАЛМИ. Шауляй (Шавли). Подготовил к печати О. Савич

От редакции	379
Краткое изложение событий в период с 28 июня по 23 ноября 1941 года	382
Из дневника	387

ФОРТЫ СМЕРТИ ВОЗЛЕ КАУНАСА. М. Елин

Седьмой форт	402
Четвертый форт	403
Шестой форт	404
Девятый форт	
Массовые убийства жителей Каунаса осенью 1941 года	405
Массовые убийства людей, доставленных из Германии и других государств Западной Европы	406
Уничтожение массовых могил	407
Побег заключенных с Девятого форта	411
На Девятом фортуну после побега заключенных	414
Последние следы преступлений	415

БОРЦЫ КАУНАССКОГО ГЕТТО. Я. Йосаде

Сообщение Г. Ошеровича. Подготовила к печати Р. Ковнатор	418
--	-----

Из дневника В. Буйвидайте-Куторгене (июнь-декабрь 1941 года)	428
--	-----

СУДЬБА ЕВРЕЕВ ГОРОДА ТЕЛЬШЯЙ. Подготовил к печати О. Савич

.....	462
-------	-----

ЛАТВИЯ

РИГА. Е. Гехман

Немцы входят в город	467
Над Ригой — ночь	469
Первые дни оккупации	471
Гетто	476
«Акции»	477

«Депортирование» из гетто	483
Евреи из Германии	484
Саласпилский лагерь	487
ЗАПИСКИ СКУЛЬПТОРА РИВОША (Рига). Подготовили к печати Вас. Гроссман и Р. Ковнатор	491
РАССКАЗ СЕМЫ ШПУНГИНА (Двинск). Подготовил к печати О. Савич	507

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ЕДИНЫ

ПИСЬМО ОФИЦЕРОВ ЛЕВЧЕНКО, БОРИСОВА, ЧЕСНОКОВА (Лопавше, Ровенская область). Подготовил к печати И. Эренбург	515
КРЕСТЬЯНКА ЗИНАИДА ВАЩИШИНА (Домбровицы, Ровенская область). Подготовил к печати И. Эренбург	517
КОЛХОЗНИЦА ВЛИЯ КУХТА СПАСЛА ЕВРЕЙСКИХ ДЕТЕЙ. Подготовил к печати Вас. Гроссман	518
МЕНЯ УДОЧЕРИЛА СЕМЬЯ ЛУКИНСКИХ. Подготовил к печати В. Ильенков	520
УЧИТЕЛЬНИЦЫ ГОЛЬНЕВА, ТЕРХОВА, ТИМОФЕЕВА. Подготовил к печати И. Эренбург ...	524
БУХГАЛТЕР ЗИРЧЕНКО. Подготовил к печати И. Эренбург	526
РАССКАЗ Ф. М. ГОНТОВОЙ. Подготовил к печати Г. Мунблит	527
УЦЕДЕЛ ОДИН. Рассказ Евсея Ефимовича Гопштейна. Подготовила к печати Л. Сейфуллина	528
СВЯЩЕННИК ГЛАГОЛЕВ. Сообщение И. Минкиной-Егорычевой. Подготовила к печати Р. Ковнатор	532
КСЕНДЗ БРОНЮС ПАУКШТИС. Г. Ошерович. Пер. с еврейского — М.А. Шамбадал	538

ЛАГЕРЯ УНИЧТОЖЕНИЯ

ПОНАРЫ. Рассказ инженера Ю. Фарбера. Подготовила к печати Р. Ковнатор	543
В ХОРОЛЬСКОМ ЛАГЕРЕ. Сообщение А. Резниченко. Подготовил к печати Вас. Гроссман	559
ЛАГЕРЬ В КЛООГА (Эстония). Подготовил к печати О. Савич	
Зайнтрауб, студент Виленского университета	563
Анолик	566
А. Врушалми	567
Вацник	567
Анолик Бенъямин-младший	568
ТРЕБЛИНКА. Вас. Гроссман	570
ДЕТИ С ЧЕРНОЙ ДОРОГИ. В. Апресян	594
ВОССТАНИЕ В СОБИБОРЕ. П. Антокольский, В. Каверин	599
СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩИКОВ О ЧУДОВИЩНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОСВЕНЦИМЕ	614
Рейхсфюрер СС Гиммлер — организатор Освенцимского лагеря уничтожения людей	615
Немецко-фашистские профессора и врачи — убийцы пленников Освенцима	617
Немецкие палачи убивали в Освенцимском лагере граждан всех стран Европы	621

Лагерь Освенцима — конвейер смерти	523
Убийцы детей	626
Уничтожение интеллигенции	628
Гитлеровцы—грабители	629
Гитлеровские бандиты убили в Освенциме более четырех миллионов человек ..	630
К суровому ответу немецко-фашистских мерзавцев	631
ДЕВУШКА ИЗ ОСВЕНЦИМА (№74233). Подготовил к печати О. Черный	632
ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ В ОСВЕНЦИМЕ. Рассказ Мордехая Цирульницкого, бывш. заключенного №79414. <i>Подготовил к печати Л. Гольдберг</i>	
В местечке Острино	641
В Колбасинском лагере	642
Первые месяцы в Освенциме	643
На заводе	648
РАССКАЗ БЫВШЕГО ВОЕННОПЛЕННОГО М. ШЕЙМАНА	653
ВОССТАНИЕ В ВАРШАВСКОМ ГЕТТО. Б. Марк	664

ПАЛАЧИ

РАСОВАЯ ПОЛИТИКА ГИТЛЕРИЗМА И АНТИСЕМИТИЗМ. Академик И.П. Трайнин	683
ПРИКАЗ ГИММЛЕРА (газета “Свободная Германия”, №23 от 19 декабря 1943 года)	687
ТЕКСТ НЕМЦКОГО ДОНЕСЕНИЯ, НАЙДЕННОГО В РАЙОНЕ РОССОШИ СРЕДИ ШТАБНЫХ ДОКУМЕНТОВ 15-ГО НЕМЦКОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО ПОЛКА	688
ПАЛАЧИ	690
Из показаний командира штурманской роты капитана Залого	691
Из дневника захваченного в плен оберфрейтора Карла Иоганнеса Дрекселя ...	699
Из показаний ефрейтора Христиана Фарбера	700
Выписка из протокола опроса военнопленного оберфрейтора Эриха Гайбаума	700
Из показаний военнопленного ротенфюрера Генриха Михаэля Венкриха	701
Из показаний Вольфганга Янко	702
Из протокола опроса военнопленного ефрейтора Альберта Эндера	703
Протокол допроса Вильгельма Зудбраха	704
“Это крик человеческой души”. К истории “Черной книги”. <i>И. Альтман</i>	707
От издательства	718
Об авторах	721
Иллюстрации	728
Благодарности	729
Именной указатель	734
Географический указатель	752

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

CORPUS

**ЧЕРНАЯ КНИГА: О ЗЛОДЕЙСКОМ ПОВСЕМЕСТНОМ
УБИЙСТВЕ ЕВРЕЕВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ
ЗАХВАТЧИКАМИ ВО ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ
РАЙОНАХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И В ГИТЛЕРОВСКИХ
ЛАГЕРЯХ УНИЧТОЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛЬШИ
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.**

Под редакцией Василия Гроссмана,
Ильи Эренбурга

16+

Главный редактор ВАРВАРА ГОРНОСТАЕВА
Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО
Ведущие редакторы Илья КРИГЕР, Евгений КОГАН
Ответственный за выпуск Ольга ЭНРАЙТ
Технический редактор Наталья ГЕРАСИМОВА
Корректор Инна БЕЗРУКОВА
Верстка МАРАТ ЗИНУЛЛИН

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 16.02.2015. Формат 70 × 100 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура “Charter OSC”
Печать офсетная. Усл. печ. л. 62,4.
Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 1806.

ООО “Издательство АСТ”
129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

“Баспа Аста” деген ООО
129085 г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 кұрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі “РДЦ-Алматы” ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3”а”, литер Б, офис 1.
Тел.: +7 (727) 251 5989, 90, 91, 92, факс: +7 (727) 251 5812, доб. 107
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги
или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

По вопросам оптовой покупки книг обращаться по адресу:
123317, г. Москва, Пресненская наб., д. 6, стр. 2, БЦ “Империя”, а/я № 5
Тел.: (499) 951 6000, доб. 574

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в АО “Первая Образцовая типография”,
Филиал “УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ”
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

COR
PV